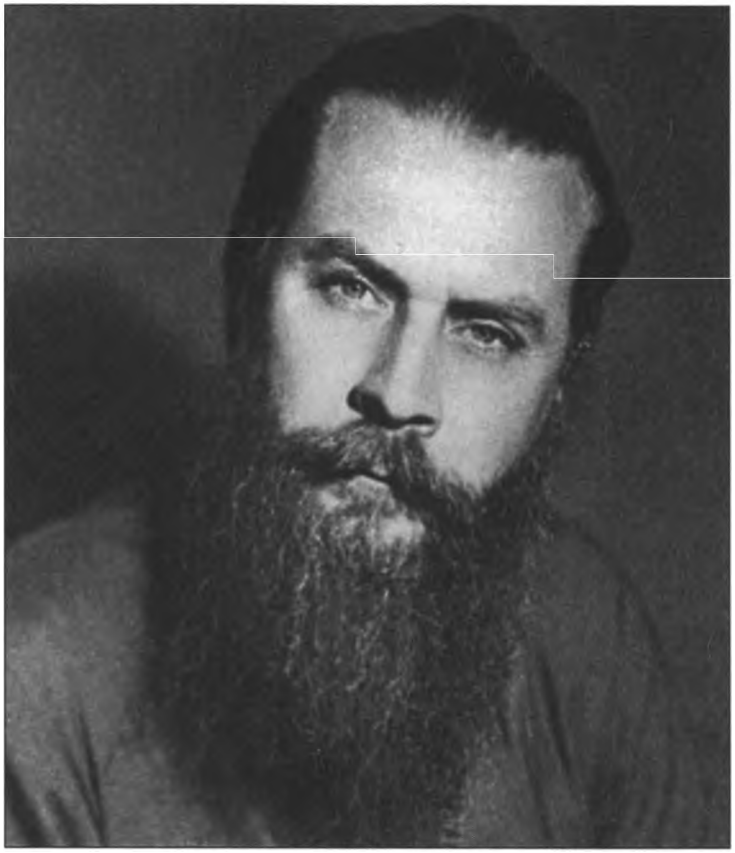
К 100-летию
протопресвитера Александра Киселева



Протоиерей Александр Киселев

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ

КНИГА I

Москва
Издательство ПСТГУ
2011

УДК 271.2
ББК 86.372
П72

П72 Преодоление разделения / сост.: свящ. А. Щелкачев, И. Е. Мельникова. — Кн. I. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2011. — 800 с.

ISBN 978-5-7429-0587-5

Книга посвящена событиям, связанным с преодолением разделения двух ветвей Русской Православной Церкви, завершившееся подписанием акта о каноническом общении 17 мая 2007 г., а также одной из ключевых фигур этого процесса — протопресвитеру Александру Киселеву, который был свидетелем и участником этого сложного времени, но, к сожалению, не дожил до важного исторического события († 02.10.2001).

В первой части книги I рассказывается о деятельности отца Александра в Германии в 1941–1949 гг., а во второй части представлены материалы основанного им журнала «Русское возрождение», которые позволяют проследить, как на основе личных контактов верующих, клириков и архиереев постепенно возникал диалог между представителями частей разделенной трагическими событиями России, происходило, казалось бы, невозможное — преодоление разделения, длившееся более полувека.

УДК 27-9
ББК 86.372

Научное издание

Художник *Н. Е. Ильенко*
Верстка *М. С. Ананко*

Подписано в печать 03.02.2011. Формат 60 x 90/16
Объем 50 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 2576.

Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
115184, Москва, Новокузнецкая ул., 23, корп. 5а
E-mail: verlag@pstbi.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7429-0587-5

© А. В. Щелкачев, И. Е. Мельникова, составление, 2011
© Оформление. Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2011

Содержание

От составителей 6
Вместо предисловия 8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Деятельность свящ. Александра Киселева в Германии

Деятельность свящ. Александра Киселева в Германии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 15
Эмиграция семьи Киселевых из Эстонии в Германию 15
Служение отца Александра в берлинских храмах 19
Окормление отцом Александром военнопленных и восточных рабочих 25
Богословско-пастырские курсы в Берлине в 1942–1943 гг. 33
Участие отца Александра во Власовском движении (ноябрь 1944 — апрель 1945 г.) 35
Деятельность отца Александра Киселева в послевоенный период (1945–1949 гг.) 51

Приложения
Воспоминания воспитанницы гимназии при Доме «Милосердный Самарянин» в Мюнхене М. Г. Маас-Кутше 63
Из воспоминаний секретаря Берлинско-Германской епархии РПЦЗ прот. Николая Артемова 67
Фонд наследия протопресвитера Александра Киселева в ПСТГУ 75
Письма 79
Именной словарь 84

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
«Русское возрождение»

По страницам журнала «Русское возрождение» 91
Подготовка к празднованию 1000-летия Крещения Руси 95
Единомышленники и соработники о. Александра Киселева 315
Вести с Родины и полемика с соотечественниками 400
Прославление Российских Святых и Новомучеников 640
Памяти ушедших 744
Произведения протопресвитера Александра Киселева 796
Библиография 798

От составителей

«Преодоление разделения» — издание, состоящее из двух книг, подготовлено на основе материалов Фонда наследия протопресвитера Александра Киселева и его окружения, почти 70-летнее священническое служение которого было тесно связано с процессом воссоединения двух ветвей Русской Православной Церкви, завершившееся подписанием акта о каноническом общении 17 мая 2007 г.

Фонд наследия протопресвитера Александра Киселева формируется в ПСТГУ под общим руководством профессора протоиерея Владимира Воробьева в Отделе Новейшей истории Русской Православной Церкви и на кафедре истории Русской Православной Церкви. Начало ему положили две дипломные работы, которые затем легли в основу книги «Да единомыслием исповемы», опубликованной в издательстве ПСТГУ в 2009 г. В ней нашли отражение пастырское и миссионерское служение протопресвитера Александра Киселева и деятельность о. Александра в контексте церковно-общественной жизни русской диаспоры в Прибалтике в 1918–1940 гг.

Книга I состоит из двух частей. В первую часть включены материалы, повествующие об обстоятельствах служения о. Александра в Германии в 1941–1949 гг., написанную с привлечением документов Архива Германской епархии РПЦЗ (АГЕ), Синодального архива РПЦЗ в Нью-Йорке (СА), других немецких и российских архивов (Архива института современной истории в Мюнхене (IFZ), Российского Государственного военного архива (РГВА), а также материалы личных архивов и аудиозаписи устных воспоминаний. Особую историографическую ценность представляют документы, повествующие о переписке о. Александра с владыкой Серафимом Ляде и архиепископом Иоанном Шаховским.

В сборе материалов оказали неоценимую помощь выпускники ПСТГУ — И. Л. Антонов и А. В. Кинстлер, автор раздела, посвященного служению о. Александра в Германии в 1941–1949 гг. Выражаем глубокую благодарность за помощь и широкое консультирование

прот. Николаю Артемову, клирику Русской Православной Церкви За рубежом.

Во вторую часть вошли статьи из журнала «Русское возрождение», инициатором и создателем которого был о. Александр Киселев. Материалы, публикуемые в журнале, позволяют проследить, как важное событие в жизни Русской Православной Церкви — воссоединение — прошло через все пастырское и миссионерское служение о. Александра, а также тех, кто был с ним рядом. На страницах журнала публиковались материалы подготовки к мероприятиям по празднованию 1000-летия Крещения Руси, в осуществлении которых отец Александр Киселев принимал самое деятельное участие вместе с другими представителями зарубежной общественности.

В книгу II войдут материалы, повествующие о событиях церковной жизни в Эстонии после вынужденного отъезда отца Александра Киселева, в частности материалы следственного дела И. Лаговского, по которому также проходили сподвижники о. Александра Т. Е. Дезен и Н. Н. Пенькин, арестованные в 1940 г., кроме того, сюда войдут материалы, посвященные диалогу двух ветвей Русской Православной Церкви, предшествующие подписанию акта об их каноническом общении, на котором свои подписи поставили два Предстоятеля: Святейший Патриарх Алексий II (Ридигер, † 05.12.2008) и митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр (Шкурла, † 16.03.2008).

Тексты приведены в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации. Документы не редактировались и не унифицировалось употребление прописных букв, если оно акцентировало какое-то событие. В оформлении библиографических ссылок встречается неполнота описания, что связано с ограниченностью имеющейся печатной информации по данному вопросу, вследствие чего широко привлекались интернет-ресурсы.

Вместо предисловия

7 октября 2009 г. исполнилось 100 лет со дня рождения протопресвитера Александра Киселева, пастырское и миссионерское служение которого на протяжении почти 70 лет в той или иной мере было посвящено делу восстановления церковного единства Русской Православной Церкви, прерванного трагическими событиями в начале XX в.

Отцу Александру пришлось служить и в Эстонской Апостольской Православной Церкви, и в Европейском Экзархате митрополита Евлогия (Георгиевского) в Германии. В сложное военное время (1941–1945) он пользовался поддержкой Зарубежной Церкви в Русской Православной митрополии в США, а после получения ею в 1970 г. автокефалии — в Русской Православной Церкви За рубежом. Позже, в 90-е гг. XX в., он открыто осудил политику Зарубежного Синода в России, где РПЦЗ стала создавать параллельную юрисдикцию. Его общение с ныне покойным Патриархом Алексием II и другими священнослужителями Московской Патриархии оказалось неприемлемо для священноначалия РПЦЗ, и отец Александр вернулся в Американскую Церковь. Но, живя в Москве и служа в московских храмах, воспринимался всеми как русский, а никак не американский священник[1].

Отец Александр был в числе тех, кто, как святитель Иоанн Максимович, болезненно переживал наши церковные разделения и горячо молился о воссоединении Русской Церкви. Юрисдикционные кофликты, которые пришлись на его пастырское служение, не умаляли слов Спасителя, которыми он руководствовался всю свою долгую жизнь: «Сыне даждь ми сердце» (Притч 23, 26). Где бы он ни находился во время вынужденной эмиграции: сначала в Германии, где окормлял русских военнопленных, оказавшихся в немецких концлагерях, затем

[1] О. Александр вернулся в Россию в начале 1990-х гг., осуществив, одним из немногих, заветную мечту первой волны русской эмиграции — вернуться на Родину и успеть послужить ей. Проживал в Москве, в Донском монастыре.

в Соединенных Штатах — все его мысли всегда и везде были связаны с Россией, куда он вернулся и где упокоен.

Следует подчеркнуть, что к духовному руководству отца Александра прибегали многие российские люди, приезжавшие в США. Немалое пастырское участие отец Александр проявил и в общении со мной, поддержав меня в период духовного становления.

В 1978 г. при участии отца Александра был создан подготовительный комитет к зарубежному празднованию 1000-летия Крещения Руси, и в рамках этого комитета началось издание журнала «Русское возрождение». В его задачи входило стать собирателем и глашатаем духовных чаяний русского народа, в которых присутствовали надежда народа на последующее воссоединение. «Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству» — декларировалось редакцией журнала. И далее следует: «С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ».

Материалы, публикуемые на страницах журнала «Русское возрождение», свидетельствуют о том, как трудно и сложно проходило преодоление разделения наших Церквей. И хотя подчас эти контакты Русской Православной Церкви находились под жестким государственным контролем и в первую очередь должны были опровергать сведения о тоталитарности политики Советского государства, Русская Православная Церковь Московского Патриархата (в лице ее иерархов), «выйдя из заточения», начала предпринимать осторожные попытки установления контактов со своей отпавшей ветвью — Русской Православной Церковью За границей.

Предысторию попыток установления этого общения до некоторой степени можно проследить на примере деятельности двух видных иерархов, неоднозначно воспринимаемых зарубежной общественностью и поныне, — митр. Н. Ярушевича и Н. Ротова. Их служение пришлось на время, связанное с выстраиванием международной деятельности Русской Православной Церкви в 50–70-е гг. XX в. И хотя свидетельства их явных контактов с представителями Русской Зарубежной Православной Церкви отсутствуют, молчаливое сочувствие неформальным отношениям, имевшим место в этот период, является косвенным подтверждением их участия в этом долгом и сложном деле, в результате чего робкие попытки установления контактов с Русской

Зарубежной Православной Церковью стали давать первые плоды, столь пышно расцветшие в начале XXI в.[1]

Эти первые контакты сводились к личным встречам верующих, клириков и архиереев двух частей Русской Православной Церкви. Именно они являются драгоценными крупицами той «закваски», тем «горчичным зерном», которые смогли сделать невозможное по человеческим понятиям — помогли затянуть ту трещину, которая по сложным историческим обстоятельствам развела ветви прежде единой Русской Православной Церкви.

Всего через несколько дней после похорон протопресвитера Александра Киселева († 02.10.2001) святейший Патриарх Алексий II († 05.12.2008) обратился к членам Русской Православной Церкви За границей с новым призывом воссоединиться с Церковью в России. Наверное, этому способствовало и то обстоятельство, что в воспоминаниях Святейшего Патриарха отец Александр являл образ достойного предстоятеля у Престола Божия –Представителя Русской Зарубежной Церкви[2].

Слова Святейшего Патриарха Алексия II, произнесенные у гроба отца Александра, что он «всегда оставался пастырем, всегда старался духовно окормлять тех, кто нуждался к его попечении», как нельзя полно и объемно раскрывают сущность образа и всесторонней деятельности отца Александра. Их знакомство со Святейшим Патриархом насчитывает более 70 лет — Святейший Патриарх Алексий II начинал свое церковное служение, прислуживая в алтаре отцу Александру в Таллиннском соборе свт. Николая в конце 1930-х гг.

Следует отметить, что именно личные контакты представителей обеих ветвей Русской Православной Церкви, а не выстраивание их канонических взаимоотношений, являются предметом рассмотрения данного издания. Эти контакты и персоналии, которые их осуществляли, очень разные и подчас неоднозначные, и их изложение носит фрагментарный характер. Но хочется выразить надежду, что собранные вместе они объемно и ярко воссоздадут ту атмосферу, в которой осуществлялось «преодоление разделения».

[1] В задачи данного исследования не входит полный обзор деятельности ОВЦС, которую последовательно возглавляли Н. Ярушевич, Н. Ротов. Аспекты этой деятельности будут рассматриваться только в той мере, в какой она позволит проиллюстрировать постепенно устанавливающиеся контакты между обеими ветвями Русской Православной Церкви.

[2] *Шумилов Игорь, свящ., Масанов С. Д.* Да единомыслием исповемы. М., 2009. С. 10.

Преодоление разделения, в осуществление которого внесли свой неоценимый вклад клирики, иерархи и миряне, закончилось подписанием «Акта о каноническом общении», когда обе стороны отказались от «исключительности», признали друг друга как части единой Русской Православной Церкви. На подарочных панагиях и крестах было выгравировано: «В память о восстановлении канонического общения внутри Поместной Русской Православной Церкви 4/17 мая 2007 года, г. Москва». И слово «внутри» выражает суть сложного длительного пути и большой кропотливой работы по преодолению этого разделения[1].

Одной из ключевых фигур этого процесса является личность протопресвитера Александра Киселева, свидетеля и участника этого сложного времени, много потрудившегося для преодоления разделения и, к сожалению, не дожившего до важного исторического события. 100-летию со дня его рождения и посвящена эта книга.

Епископ Архангельский и Холмогорский Тихон (Степанов)[2]

[1] Прот. Николай Артемов словом «внутри» выражает суть проходивших в Германии в 1993–1997 гг. собеседований, осознававшихся участниками как «внутрицерковное» (*Николай Артемов, прот.* Собеседования представителей клира двух Германских епархий (МП и РПЦЗ) 1933–1997 гг. как начало восстановления единства Русской Церкви // Материалы XVIII Ежегодной богословской конференции ПСТГУ. Т. I. М., 2008. С. 302).

[2] Епископ Архангельский и Холмогорский Тихон (Степанов) скончался 20.10.2010 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Деятельность свящ. Александра Киселева в Германии

Деятельность свящ. Александра Киселева в Германии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)[1]

Эмиграция семьи Киселевых из Эстонии в Германию

В 1941 г. отец Александр с семьей навсегда покинул Эстонию, куда его еще подростком привезли родители, спасаясь от революционных событий в России. Семья Киселевых не планировала переезжать в Германию даже после ввода советских войск в Эстонию в октябре 1939 г. Ввод советских войск был воспринят и русскими и эстонцами отрицательно — «эстонцы теряли свою свободу, русские попадали опять под власть, с которой сражались и от которой бежали»[2]. В Эстонии начал свою деятельность НКВД, проводивший обыски, аресты тысяч граждан. Были арестованы соратники отца Александра по РСХД: И. А. Лаговский, Н. Пенькин, Т. Дезен. Все они прошли годы тюрем, после чего были расстреляны.

На отъезд Киселевых в Германию повлияло несколько обстоятельств. Одно из них — переживание за судьбу детей, за их воспитание в атеистическом советском обществе. Но главным было другое — преследования и гонения Церкви в Советской России стали реальностью и для православия в Эстонии. Отец Александр считал необходимым противостоять советской системе, и возможность противостояния гонителям он видел в служении России на не оккупированной советской властью территории, т. к. «под прессом советской власти бороться с ней невозможно»[3]. Основной мотив отъезда Киселевых — желание быть полезными родине, бороться за ее освобождение.

В 1941 г. Киселевы решаются уехать. После подписания Германией и СССР договора о ненападении в 1939 г., известного как пакт Мо-

[1] В основу публикации положено дипломное исследование А. В. Кинтслера, выполненное на кафедре истории РПЦ ПСТГУ в 2009 г.

[2] Памяти протопресвитера Александра Киселева // Русское возрождение. 2002. № 81. С. 96.

[3] Там же. С. 99.

лотова–Риббентроппа, у части советских немцев появилась возможность выезда из СССР. Но ни отец Александр, ни матушка Каллиста не имели немецких корней. Киселевы направились в комиссию, которая занималась отправкой прибалтийских немцев в Германию, но комиссия уже заканчивала свою работу. У пристани стоял последний пароход, отправлявшийся в Германию. Единственное, что Киселевы могли предъявить комиссии, это письма отца матушки Каллисты, который работал когда-то врачом на Волге, где было много немецких поселений. Член комиссии, просмотрев предъявленные письма, неожиданно разрешил выезд. Пропустил Киселевых при посадке на пароход и советский офицер таможенного контроля, несмотря на обнаруженные им при досмотре чемодана отца Александра Евангелие, крест и епитрахиль. Отец Александр, вспоминая это событие, задавался вопросом, что это было: «Голос ли совести, христианское ли детство, которое отозвалось в сердце офицера, носившего красную звезду на фуражке, или прямое чудо Божие, которое сохранило святыни церковные от поругания, а самого его — для последующего священнического служения?»[1] Так произошла эмиграция Киселевых в Германию.

Надо отметить, что в то время, когда их пароход еще стоял в Ревельском порту, сотрудники НКВД арестовали папу отца Александра.

После прибытия в Германию отец Александр с семьей был направлен в лагерь для переселенцев в местечке Цур около г. Виттенбурга (Zuhr bei Wittenburg) в земле Мекленбург–Передняя Померания (Mecklenburg–Vorpommern). Пока длилось ожидание получения семьей Киселевых немецкого гражданства, решался вопрос и о месте служения о. Александра. Архиеп. Берлинский и Германский Серафим (Лядэ) вел переписку по этому поводу с РКМ (Рейхсминистерство церковных дел), сообщая чиновникам министерства, что с его согласия еп. Сергий Пражский определил отца Александра на приход в г. Данциг. РКМ, в ответе от 21.03.1941 г., не возражало против этого назначения, но напоминало порядок назначения, согласно которому прежде необходимо было получить немецкое гражданство[2]. Вероятно, отец Александр так и не служил в Данциге, так как архим. Иоанн (Шаховской), узнав о приезде Киселевых, пригласил отца Александра в Свято-Владимирский приход Берлина, который находился в подчинении викарного епископа митр. Евлогия (Георгиевского), владыки

[1] *Козлов Максим, прот.* Памяти протопресв. Александра Киселева. http://www.st–tatiana. ru/text/32734. html

[2] РГВА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 5. Л. 160–161.

Сергия Пражского (Русский Западно-Европейский Экзархат юрисдикции Константинопольского Патриарха), но входил по соглашению от 3.11.1939 г. в состав Берлинско-Германской епархии РПЦЗ. Штат священнослужителей собора был уже укомплектован, и о. Иоанн записал отца Александра в собор как диакона[1].

Такое внимание к семье Киселевых со стороны архим. Иоанна (Шаховского) было не случайным. И дело не в том, что их объединяли родственные узы. Отец Александр по маме тоже принадлежал к древнему княжескому роду Шаховских. Их объединяло еще духовное родство и дружеские отношения. О том, как начиналась и развивалась их дружба в первые годы их знакомства, рассказывают письма отца Александра отцу Иоанну (Шаховскому), хранящиеся в РГВА (Российском государственном военном архиве). Знакомство их состоялось в конце 1932 г., когда Александр Киселев, еще семинарист Рижской духовной семинарии, гостил на Рождество в Ревеле, у отца. Туда же приехал с лекцией молодой иеромонах Иоанн (Шаховской). Александру уже были знакомы книги, статьи отца Иоанна. Лекция отца Иоанна в Ревеле произвела на Александра неизгладимое впечатление: «Что и как он говорил, меня ошеломило. Это была не просто проповедь, а нечто большее, что можно выразить словами Пушкина „глаголом жги сердца людей"»[2]. В этот же день, по признанию отца Александра, в разговоре с отцом Иоанном решилась его судьба. Дело в том, что, готовясь стать священником, Александр чувствовал недостаточность семинарского образования для священства и поэтому решил после семинарии в 1933 г. поступать в Свято-Сергиевский богословский институт в Париже. Он сдал в институт документы, и был уже принят. Своими планами о поступлении в институт Александр и поделился с отцом Иоанном. Но отец Иоанн уверенно сказал, что поступать в институт Александру не следует, а искать священства нужно доверием Богу. На Александра эти слова произвели большое впечатление: «Я был так потрясен той абсолютной силой веры им сказанных слов, которая вошла в меня, бескомпромиссно наполнила меня вопросом, уже решенным, который оставалось только проводить в жизнь. Это было не насилием, но исполнением собственного моего хотения,

[1] Беседа протопресв. Александра Киселева с А. К. Никитиным, автором книги «Нацистский режим и Русская Православная община в Германии (1933–1945)», с участием прот. Николая Артемова и М. А. Холодной. Аудиозапись произведена 7.12.1996 г. в Донском монастыре Москвы. Архив прот. Николая Артемова.

[2] Памяти протопресвитера Александра Киселева. С. 19.

которое до времени хранилось в моих глубинах, не получая на то соизволения Свыше»[1]. После беседы с о. Иоанном Александр написал два письма — в Парижский институт с извещением о том, что он не будет поступать, и Гале Кельдер с просьбой стать его женой. От Гали Кельдер Александр сразу получил согласие. Но сомнения относительно поступления в институт, несмотря на отправленное письмо, не оставляли Александра некоторое время до окончания семинарии. В письме от 1.01.1933 г., вскоре после упомянутого выше разговора, Александр пишет отцу Иоанну о своей внутренней борьбе и внешних факторах, влияющих на принятие окончательного решение по поводу священства: «Одной рукой к Господу тянусь, а другой держусь судорожно за землю... А кругом почти все, кто так, кто иначе, осуждают мой поступок — отказ от академии и желание сразу по окончании семинарии стать священником... Я слаб и часть слов этих „доброделателей" достигают цели, т. е. нарушают мой внутренний покой»[2].

Ситуация разрешилась лишь через несколько месяцев, о чем Александр сообщил в письме о. Иоанну от 31.5.1933 г.: «Лишь после долгого перерыва опять пишу Вам. Молчал я потому, что считал себя глубоко виноватым; я не сдержал данного Вам обещания. Теперь, когда все сомнения забыты и я готов идти путем служения, считаю возможным снова написать Вам... Итак, еще раз прошу простить, что после обещания Вам не ехать в Париж, поддавшись уговорам друзей, колебался в этом. Теперь мое решение окончательно, и я очень прошу Вас наставить меня и подготовить к принятию этого великого таинства»[3]. Переписку с архим. Иоанном (Шаховским) продолжил Александр и после принятия священного сана. В письмах он просил совета, наставления, помощи в разрешении ситуаций из собственной пастырской практики. Их отношения, начинавшиеся в Эстонии, окрепнут в Германии в военные годы и продолжатся в Америке, куда отца Александра пригласил Иоанн (Шаховской), еп. Бруклинский.

[1] Памяти протопресвитера Александра Киселева. С. 19.
[2] РГВА. Ф. 500 к. Оп. 3. Д. 453. Л. 133, 133 об., 134.
[3] Там же. Л. 167, 167 об., 168, 168 об.

Служение отца Александра в берлинских храмах

Через несколько месяцев после приезда отца Александра в Германию началась Великая Отечественная война. В день нападения гитлеровской Германии на СССР, 22 июня 1941 г., Православная Церковь отмечала день Всех Святых в земле Российской просиявших. Узнав о начале войны, о том, что в России уже погибают люди, русские стекались в церкви. Отец Александр вспоминал тот день: «Какой необыкновенной силой упования и надежды звучали слова молитвы: „Вси святии земли Русской, молите Бога о нас"»[1]. После первых побед фашистов, появления первых советских военнопленных и остарбайтеров в Германии перед каждым приходом и в целом перед Берлинской епархией РПЦЗ встала задача духовного окормления, поддержки и оказания всяческой помощи людям из СССР: «Вопрос о помощи военнопленным стал в эмигрантской среде самым животрепещущим вопросом, священники с амвона призывали свои паствы к оказанию помощи братьям, погибающим в неволе, а общественные деятели создавали комитеты по сбору пожертвований и продолжали это дело до самого конца войны... »[2].

Активно в это время действовали прихожане и клирики Свято-Владимирского прихода. Для помощи нуждающимся в храме собирались вещи и съестные припасы, духовная литература. Службы собирали большое количество богомольцев. Берлинские храмы были полны. Люди молились не только за Литургией, но и оставались на крещения, венчания, молебны, панихиды. На отца Александра была возложена миссия окормления восточных рабочих и военнопленных.

29–31 января 1942 г. под председательством архиеп. Серафима (Лядэ) проводилось собрание Германской Православной епархии. Одним из товарищей председателя был назначен архим. Иоанн (Шаховской), а в число секретарей собрания вошел отец Александр Киселев. На собрании рассматривались такие важные для Германской епархии вопросы, как положение церковных дел в епархии, Церковь и государство по действующим германским законам, организация церковной жизни в приходах епархии в условиях военного времени. Было предложено организовать епархиальный миссионерский комитет. Архиеп. Серафим поддержал эту идею, но попросил собрание пере-

[1] Памяти протопресвитера Александра Киселева. С. 101.

[2] *Кромиади К.* За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980. С. 46.

дать дело организации комитета избираемому Епархиальному совету. Вскоре миссионерский комитет был организован. Возглавил комитет архим. Иоанн (Шаховской), а товарищем председателя комитета был назначен отец Александр Киселев.

10 февраля 1942 г. отец Александр был командирован в Бельгию. Еп. Сергий Пражский назначил его временно исполняющим обязанности настоятеля Свято-Николаевского прихода в Брюсселе. Месяцем позже, 14 марта 1942 г., отец Александр был назначен представителем и уполномоченным митр. Серафима (Лядэ) для русских православных приходов Бельгии, находившихся в юрисдикции еп. Сергия Пражского. Отец Александр в воспоминаниях раскрывает причину командировки. Прихожанка евлогианского прихода в Брюсселе нанесла ножевое ранение немецкому солдату. Этот случай пытались использовать для обвинение евлогиан в неблагонадежности. Митр. Серафим и еп. Сергий Пражский направили отца Александра «с временной миссией в Брюссель, чтобы с приездом священника ликвидировать это дело и отвести от прихода опасность быть закрытым»[1].

Владыка Сергий снабдил отца Александра письменными инструкциями, согласно которым отец Александр должен был распустить совет Свято-Николаевского прихода в Брюсселе и без промедления сформировать новый приходской совет. По прибытии в Брюссель отец Александр собрал совет Свято-Николаевского прихода и объявил о его роспуске. На этом отец Александр собрание официально закончил, но обратился к прихожанам со следующей просьбой: «Поймите, господа, я первый раз в Брюсселе. Я ни одного человека здесь не знаю. Из кого я должен составлять приходской совет? Пожалуйста, помогите мне в этом. Составьте мне список, кого мне нужно назначить»[2]. Этой искренностью, открытостью отец Александр снискал доброе отношение брюссельских прихожан.

Несколько месяцев провел отец Александр в Брюсселе. Его семья оставалась в Берлине. Для деятельной натуры отца Александра недостаточно было просто приходских дел. В Брюсселе он начал задумываться о служении в Псковской миссии, которая начинала разворачивать свою деятельность. Но, беспокоясь за семью, отец Александр решил вернуться в Берлин. За разрешением на отъезд из Брюсселя он направился в гестапо, где получил отказ. В словах отказа представителя гестапо есть оценка деятельности отца Александра на прихо-

[1] Беседа протопресв. Александра Киселева с А. К. Никитиным...

[2] Там же.

де в Брюсселе со стороны немецких властей: «Не думайте ни о каком Берлине. Сейчас у Вас все тихо, в порядке. А что же нам еще от Вашего прихода нужно. Выкиньте это из головы»[1]. Но отцу Александру удалось покинуть Брюссель. В его письме митр. Серафиму (Лядэ) от 17.10.1942 г. имеется позитивная характеристика результатов командировки в Брюссель: «Во время моей командировки в Бельгию... я имел полную свободу рук. Единственно, что от меня требовалось, — это быть вне политики, включая сюда и подбор, по моему усмотрению, приходских деятелей, что и дало хорошие результаты»[2].

По возвращении в Берлин отец Александр был назначен резолюцией митр. Серафима (Лядэ) от 12.08.1942 г. исполняющим должность ключаря кафедрального Воскресенского собора г. Берлина. Еп. Сергий Пражский в августе 1942 г. наградил отца Александра камилавкой «за ревностное пастырское служение в разных областях церковного служения» и ходатайствовал перед митр. Серафимом (Лядэ) о его награждении к празднику Воздвижения Креста золотым наперсным крестом[3], каковое и состоялось 21.09.1942 г. К этому времени относится и назначение отца Александра членом апелляционного суда по бракоразводным делам. Служение отца Александра в кафедральном соборе епархии совпало с открытием богословско-пастырских курсов для подготовки священников, в работе которых отец Александр принял участие и как преподаватель, и как координатор курсов.

В кафедральном соборе отец Александр столкнулся с проблемами, которые вынудили его вскоре покинуть это место служения. В письме к митр. Серафиму от 17.10.1942 г. он так описывает проблемы приходской жизни собора и свое видение их разрешения: «Вот прошло уже полтора месяца, как я нахожусь при Соборе, и имел достаточно времени и возможности, чтобы познакомиться с обстановкой. На основании этого ознакомления пришел к выводу, что при нынешней обстановке я не могу с надеждой на успех пытаться создать в Соборе нормальную приходскую жизнь, подобную той, которая имеет место в Позенском и Находштрасском приходах (насколько знаю, Вы, будучи в Позени, указывали на эти два прихода, как на образцовые). Для устройства прихода нужно быть в нем полным хозяином и иметь полную свободу действий. В Соборе же я имею над собой целый ряд начальников и ни одного подчиненного... Я убежден, что приход может раз-

[1] Беседа протопресв. Александра Киселева с А. К. Никитиным...
[2] РГВА. Ф. 500 к. Оп. 3. Д. 450. Л. 56–57.
[3] Там же. Д. 453. Л. 37–39.

виваться лишь тогда, когда к его жизни привлекаются все прихожане, а не единицы „приближенных" и когда духовная воля и внимание одного человека–настоятеля, ставить каждого на полезнейшее для его внутренней и приходской жизни место. Предполагаю, что настоятель должен интересоваться своим приходом. Соборный же приход не имеет этих основных предпосылок и при таких условиях, к сожалению, никогда не будет занимать должного положения и не сможет конкурировать (в добром смысле — „не против, а выше") с Находштрассе». Пишу Вам, Владыка, об этом, чтобы Вы не имели возможности потом, вполне справедливо, упрекать меня в бездействии... Да, Владыка, пока в Соборе есть вне досягаемости для меня лежащие вещи, я никакой ответственности за общее устройство соборного прихода нести не могу... Я совсем не хочу приобрести в Ваших глазах репутацию не умеющего добросовестно относиться к взятым на себя обязанностям. Итак, позвольте мне считать, что моя роль в Соборе будет заключаться в исполнении Ваших отдельных указаний по жизни Собора и обслуживанию лагерей, что между прочим и было Вами указано в бумаге о моем назначении в Собор как моя единственная обязанность»[1].

Нормализовать ситуацию в соборе отцу Александру не удалось. Как видно из письма, единственной обязанностью отца Александра во время пребывания в должности ключаря собора было обслуживание лагерей военнопленных и восточных рабочих. Нормализация приходской жизни в соборе была личным переживанием, личной инициативой отца Александра. Видя свою беспомощность в разрешении этой проблемы, отец Александр вынужден был подать прошение о возвращении в Свято-Владимирский приход на Находштрассе, настоятелем которого оставался отец Иоанн (Шаховской): «Очень скоро я убедился в том, что совершенно напрасно там нахожусь. Там были устоявшиеся формы, устоявшиеся порядки, и мой голос там, собственно, был не голосом, а писком, который ничего не мог изменить. Поэтому я попросил, чтобы меня отпустили. И меня тоже без всяких особых рыданий отпустили»[2].

Назначался ли отец Александр в кафедральный собор повторно — неизвестно. В № 81 журнала «Русское возрождение» приводится послужной список отца Александра, в котором есть указание, что он освобожден был от служения в Берлинском кафедральном соборе

[1] РГВА. Ф. 500 к. Оп. 3. Д. 450. Л. 56–57.

[2] Беседа протопресв. Александра Киселева с А. К. Никитиным...

с возвращением в причт Свято-Владимирского прихода 6 мая 1944 г.[1] Предположение о том, что отец Александр с августа 1942 по май 1944 г. служил в кафедральном соборе, вызывает сомнение, так как из вышеприведенных воспоминаний отца Александра видно, что его пребывание в соборе было кратковременным. К тому же настоятелем собора осенью 1943 г. стал отец Адриан Рымаренко, которого отец Александр очень уважал и который приходскую жизнь в соборе сумел направить в нужное русло. Отец Адриан был назначен в собор митр. Серафимом (Лядэ) в ноябре 1943 г., а официально его назначение было утверждено РКМ 25.02.1944 г. Жизнь кафедрального собора при отце Адриане отец Александр описывал так: «Берлинский кафедральный собор в то время из здания, открывающегося в определенные дни и часы для богослужений, превратился в денно и нощно живое место участия и помощи... Службы стали ежедневными и утром и вечером, а если прибавить молебны и панихиды, то без малого — непрерывными. Душой всего этого был молитвенный и мудрый батюшка отец Адриан, новый беженец с юга России, прибывший с большой группой верных Церкви и ему людей»[2]. Можно допустить, что отец Александр повторно служил в соборе при отце Адриане до 6 мая 1944 г., но дополнительных материалов, освещающих этот период служения отца Александра, пока не выявлено.

Служа в Свято-Владимирском приходе, отец Александр продолжал окормлять лагеря восточных рабочих, заведовал миссионерским издательством и епархиальным складом литературы. Вместе с отцом Иоанном (Шаховским) отец Александр занимался рассылкой духовной литературы, молитвословов, нательных крестиков по всей Германии. Во время бомбовых ударов по Берлину митр. Серафим (Лядэ) поручил отцу Александру вывезти миссионерский книжный склад за пределы города, в безопасное место. На складе хранилась изданная трудами миссионерского комитета епархии литература и присланные книги духовного содержания из монастыря прп. Иова Почаевского, который находился тогда в Ладомирово (Чехия). На складе хранились тысячи книг и транспортировка их предполагала наличие транспорта, который достать в Берлине было почти невозможно, так как техника работала на военные нужды. Но отцу Александру удалось вывезти склад из Берлина. В отчете митр. Серафима (Лядэ) на епархиальном

[1] Памяти протопресвитера Александра Киселева. С. 108.

[2] *Киселев Александр, прот.* Облик генерала Власова. Нью-Йорк: Путь жизни, 1978. С. 69.

собрании 16–17 июля 1946 г. в Мюнхене есть сведения о дальнейшей судьбе склада: «Очень печальное обстоятельство, которое затрудняет духовное окормление верующих, пастырскую и миссионерско-просветительную деятельность, это отсутствие богослужебных книг и религиозно-просветительной и духовно-нравственной литературы. Нет запаса церковной утвари, нет икон, нет крестиков. Наш епархиальный миссионерский книжный склад остался в советской зоне»[1].

С конца 1943 г., когда города Германии, в том числе и Берлин, стали подвергаться авиаударам, посещение богослужений, проведение служб было делом небезопасным. Первые авианалеты проводились в основном ночью, поэтому можно было не беспокоиться прихожанам и священникам во время утренних и дневных служб. Впоследствии ситуация изменилась, налеты стали совершаться беспорядочно, в любое время дня и ночи. Но церкви были полны молящимися, в основном «оставцами». Отец Александр вспоминал случай совершения Литургии во время авианалета. Узнав о налете, священники пришли в замешательство, но решили не прерывать Литургию. Отцу Александру поручили выйти на амвон, сказать молящимся о грозящей опасности и рекомендовать им поспешить в ближайшее бомбоубежище. Сообщил отец Александр и о том, что совершение Литургии будет продолжаться. Храм покинули единицы верующих. Служба продолжилась: «Под гул зенитной артиллерии и страшные разрывы совершалось таинство Божественной Любви...»[2].

Священники трудились самоотверженно. Об одном из священнослужителей прихода на Находштрассе, прот. М. Радзюке, отец Александр вспоминает: «Какой он жертвенный был человек. Никто этого не дерзал. Во время бомбежек он ходил причащать больных, пострадавших»[3].

10 апреля 1944 г. отец Александр был назначен еп. Сергием Пражским настоятелем Свято-Николаевской церкви в г. Осло, в Норвегии. Но немецкие власти воспрепятствовали поездке отца Александра. В берлинском Свято-Владимирском приходе отец Александр служил до назначения его военным священником Русской Освободительной армии ген. А. А. Власова.

---

[1] Распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митр. Берлинского и Германского и Средне-Европейского Митрополичьего округа. 16–17 июля 1946 г. С. 5 (АГЕ. Ф. 5. Д. 2).

[2] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 70.

[3] Беседа протопресв. Александра Киселева с А. К. Никитиным...

Окормление отцом Александром военнопленных и восточных рабочих

Появление военнопленных, остарбайтеров в Германии, необходимость оказать им помощь сплотили эмиграцию. Прибывающих военнопленных встретили, как «Пасху среди лета»: «Россия, молящаяся, верующая, добрая, жертвенная Россия, — к которой мы двадцать лет так стремились, встречи с которой так ждали,– сама пришла к нам. Вдруг великим потоком она заполнила наши беженские храмы»[1]. Первым вопросом для Православной Церкви в Германии стало душепопечение советских военнопленных. Остарбайтеров было в Германии в 1941 г. немного, их массовый ввоз начинается только в 1942 г. Свидетельства о количестве военнопленных и остарбайтеров в Германии за период с 1941 по 1945 г. в исторической науке противоречивы. М. В. Шкаровский в своей монографии «Нацистская Германия и Православная Церковь» приводит количественные данные, взятые из трудов немецких исследователей G. Reitlinger и H. Fink. Согласно их данным, «за весь период войны в плен попало 5 млн 754 тыс. советских военнопленных, из которых к 1 мая 1944 г. умерло 3 млн 222 тыс. Кроме того, в Третий рейх с территории СССР было завезено около 5 млн так называемых остарбайтеров (восточных рабочих), и таким образом к 1944 г. число граждан Советского Союза на немецкой земле составляло почти 7 млн»[2]. Учитывая эти данные, можно представить, какой труд взяла на себя эмиграция и Православная Церковь в Германии по окормлению соотечественников. Через месяц после начала войны глава Германской епархии архиеп. Серафим (Лядэ) обратился в отдел военнопленных Верховного командования вермахта с ходатайством о получении разрешения на организацию душепопечения советских военнопленных Православной Церковью. Просьбу архиеп. Серафима поддержало и Министерство церковных дел. Однако разрешения на душепопечение не последовало. Приказом РСХА от 16. 08. 1941 г., который был составлен на основании личных директив Гитлера, подобная деятельность практически запрещалась, опека военнопленных не приветствовалась. Разрешалось осуществление религиозной деятельности священникам, находящимся в рядах военнопленных, если на

[1] *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Установление единства. Изд. Сретенского монастыря, 2006. С. 202.

[2] *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Изд. Крутицкого Патриаршего подворья, 2002. С. 288.

то будет желание самих военнопленных, и совершенно запрещалась подобная деятельность для православных священников Германии: «Привлечение священников из Генерал-губернаторства или с территории Рейха для религиозной опеки советско-русских военнопленных исключается»[1]. Этот приказ действовал весь военный период, и Верховное командование вермахта следило за его соблюдением. Но в первые месяцы войны и в редких случаях впоследствии этот приказ выполнялся плохо. Священникам удавалось договариваться с руководством лагерей для военнопленных и проводить богослужения и беседы в лагерях. Нередко инициатива окормления военнопленных исходила от военнослужащих вермахта, комендантов лагерей. Среди священников, проводивших богослужение в лагерях в обход приказа РСХА, были о. Владимир Жиромский, о. Иоанн Малиженовский, о. Димитрий Трухманов, о. Иоанн (Шаховской) и др. Посещал лагеря с начала войны и отец Александр Киселев: «Моя священническая миссия в те тяжкие дни заключалась в посещении лагеря для военнопленных... Мне не пришлось побывать в самых страшных лагерях военнопленных, но и то довелось многое повидать»[2]. Между духовенством берлинского прихода на Находштрассе, где служил отец Александр, были разделены специальные функции, помимо совершений богослужений, треб. Специальная функция отца Александра заключалась в поиске возможностей посещения лагерей. Попасть в лагерь стоило огромного труда, к тому же это было небезопасно. Но несмотря на это настоятель о. Александра, архим. Иоанн (Шаховской), регулярно направлял его в лагеря к военнопленным, называя это служение «хождением в львиную пасть»[3]. Опасно было не просто посещение лагерей, но и передача вещей и питания заключенным. В одном из лагерей находился сокурсник отца Александра по семинарии о. Дионисий Ильин. Узнав об этом, отец Александр понес ему в лагерь передачу. Ее приняли, но заявили, что о. Дионисий ни в чем не нуждается. При втором посещении о. Дионисия с подобной целью отцу Александру дали понять, что это может грозить ему собственной свободой, в результате чего он отказался от посещений этого лагеря. В 1942 г. удалось провести богослужение в лагере военнопленных в Хаммельбурге (район Бад-Киссингена) совместно с отцом Иоанном (Шаховским) по приглашению комендатуры лагеря. В Хаммельбургском лагере XIII Д содержались пленные советс-

[1] РГВА. Ф. 500. Оп. 5. Д. 3. Л. 64.

[2] Памяти протопресвитера Александра Киселева. С. 101.

[3] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 65.

кие офицеры. В этом лагере в то время находился изолированно от всех сын И. В. Сталина Яков, переведенный впоследствии в лагерь Заксенхаузен. Из содержащихся в лагере двух тысяч офицеров почти половина выразила желание принять участие в богослужении, Причащении Святых Таин. Отец Иоанн (Шаховской) вспоминал: «Можно представить себе мое удивление, когда среди этих советских офицеров, родившихся после Октября, сразу же организовался церковный хор, спевший без нот всю литургию... Мы остались под огромным впечатлением от этой встречи с несчастными, раздавленными и войной, и лишениями, и унижениями русскими солдатами»[1]. Священники привезли в лагерь вещи, продукты, собранные прихожанами Свято-Владимирского храма. Литургию совершали в большом лагерном бараке. В жестких условиях лагеря исповедь совершали общую. Это посещение оставило неизгладимый след в душах тех, кто присутствовал на богослужении. Об этом говорят благодарственные письма заключенных офицеров Хаммельбурга отцу Иоанну (Шаховскому) и отцу Александру Киселеву. Регент сформированного в Хаммельбурге церковного хора И. Мукомеля писал отцу Александру 22.02.1942 г.: «Пишу под впечатлением живущих до сих пор в наших сердцах следов Вашего духовного присутствия между нами и под сенью той благодати и счастья, полученных нами и пережитых в церковных молениях с Вами, и в Ваших духовных назиданиях. Этими воспоминаниями живем и мечтаем о будущих подобных неизъяснимо торжественных минутах... Ваши заботы о нас заменяют нам заботы наших семей, родных и близких»[2]. После возвращения священников в Берлин отца Иоанна вызвали на допрос в гестапо, которое обеспокоилось подобным случаем. Несколько часов длился допрос отца Иоанна. В результате ему запретили посещение лагерей не только военнопленных, но и восточных рабочих. Осталась лишь возможность передачи в лагеря посылок, чем священники активно пользовались, передавая, в частности, духовную литературу.

Проникать в лагеря восточных рабочих было значительно проще. Если допуск священников не разрешался, то они действовали через доверенных людей в лагерях, оказывая помощь «остам». Отец Александр тоже завязывал знакомства с некоторыми остами, которые ему казались активными, глубокими и верующими православными людьми: «Постепенно у меня образовался ряд мест, где у меня были такие, связанные со мною люди и куда мы посылали литературу, иконки и

[1] *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Указ. соч. С. 212.
[2] РГВА. Ф. 500 к. Оп. 3. Д. 450. Л. 105–106.

все, что возможно»[1]. Одно из таких мест было у отца Александра в лагерях остов под Нюрнбергом. Помимо доверенных лиц в лагерях, у отца Александра завязались добрые отношения с офицером СС, заведующим районом. При его содействии удалось провести в остовских лагерях в Нюрнберге курсы для группы православных проповедников. Отец Александр выбрал людей из разных лагерей Нюрнберга и неделю занимался с ними. Но помешал продолжению курсов воздушный налет на Нюрнберг. В результате налета в одном из лагерей погибли люди. Отец Александр совершал отпевание, и всем желающим предоставлялась возможность проводить товарищей в последний путь. С молитвой и пением вышел весь лагерь, что встревожило власти. В результате офицера СС сняли с должности, а отец Александр был допрошен властями — не было ли злого умысла в совершенном.

Ситуация с окормлением военнопленных и восточных рабочих осложнилась весной 1942 г., после спровоцированного руководством ОКВ (Верховное командование вермахта) скандала вокруг Пасхального богослужения в Берлинском кафедральном соборе Воскресения Христова. Проникновение отдельных священников в лагеря с согласия комендантов вызывало тревогу в ОКВ, которое провокационным скандалом намекало Министерству занятых восточных территорий и РСХА, в ведении которых находилась часть военнопленных, на необходимость ужесточить контроль над лагерной администрацией[2].

Провокация заключалась в следующем. Подведомственная ОКВ газета «Черный корпус» поместила как бы ответ редакции на письмо возмущенных солдат с фронта, которым стало известно о проведенном в Берлине Пасхальном богослужении, на котором присутствовало большое количество советских военнопленных, якобы привезенных из лагерей на автобусах. Присутствовали ли в действительности военнопленные на том богослужении — неизвестно. Историк А. К. Никитин на основании служебной записки ОКВ в министерство церковных дел от 13.07.1942 г. пишет, что заметка «была специально написана с вымышленными героями и, видимо, вымышленными подробностями военными пропагандистами»[3]. После этого Пасхального богослужения митр. Серафим (Лядэ) получил приказ из центрального руководства НСДАП, чтобы впредь священники проверяли у входа в храм

[1] Беседа протопресв. Александра Киселева с А. К. Никитиным...

[2] *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 295.

[3] *Никитин А. К.* Нацистский режим и Русская Православная община в Германии (1933–1945). М., 1998. С. 326.

документы у незнакомых им лиц. Эта информация содержится в докладе митр. Серафима, который он зачитал на собрании Германской епархии, состоявшемся 16–17 июля 1942 г. Митрополит отказался выполнять данный приказ, заявив, что священники не полицейские[1].

Аналогичный случай произошел и с отцом Иоанном (Шаховским), которому гестапо предписало не допускать в храм восточных рабочих. Отец Иоанн ответил чиновнику гестапо отказом, но позже, беспокоясь за жизнь рабочих, он запрещал им убегать из лагеря на богослужение в праздничные дни Церкви, которые совпадали с рабочими днями. Вскоре стало достоверно известно о методическом, планомерном истреблении голодом и газовыми камерами русских людей в лагерях военнопленных. Отец Иоанн (Шаховской) обращался к главе протестантского учреждения „Außenamt" лютеранскому епископу Хекелю, который находился в постоянных сношениях с государственной властью и ведомство которого занималось попечением военнопленных, с просьбой предпринять все возможное, чтобы довести до сведения властей «о жестокой ошибочности подобных действий, не только античеловеческих, но и имеющих принести огромный вред самому германскому народу»[2]. Außenamt оказался не в силах помочь. Все вышеперечисленное свидетельствует о сложности в реализации помощи советским военнопленным и восточным рабочим. А помощь была крайне необходима людям, пребывающим в плену во враждебном государстве, к тому же при негативном и безответственном отношении руководства СССР к ним.

В связи с ситуацией вокруг Пасхального богослужения на несколько месяцев прекратилось посещение православным духовенством лагерей военнопленных. По просьбе РКМ митрополит Серафим издал циркуляр настоятелям и приходским советам 3 июня 1942 г.: «Всякое пастырское духовное окормление советских военнопленных разрешается исключительно на основании письменного разрешения Главного командования или уполномоченного им учреждения. В сомнительных случаях следует предварительно запрашивать Главное командование вооруженных сил, отделение для военнопленных»[3]. Так не удалось добиться разрешения на окормление тяжелобольных советских военно-

[1] Распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митр. Берлинского и Германского и Средне-Европейского Митрополичьего округа. 16–17 июля 1946 г. С. 2.

[2] *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Указ. соч. С. 240.

[3] АГЕ. Д. Книга протоколов заседаний приходского совета Св.-Николаевской церкви в г. Мюнхене с 12 апреля 1942 г. по 8 января 1944 г. Л. 9; *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 296.

пленных в лазарете Виттшток (Wittstock). Эту историю подробно рассматривает А. К. Никитин[1]. 6.06.1942 г. по просьбе больных пленных в министерство занятых восточных областей за разрешением направить кого-либо из православных священнослужителей в лазарет обратился чиновник РКМ Вернер Гаугг. Восточное министерство ответило на просьбу положительно, о чем свидетельствует служебная записка в РКМ от 25.06.1942 г.[2] Также оно информировало РКМ о предложении шефа полиции безопасности и СД направить в лазарет свящ. Александра Грипп-Киселева[3]. В. Гаугг, в свою очередь, обратился к митр. Серафиму (Лядэ), чтобы получить его согласие на направление священника в Виттшток и согласовать кандидатуру отца Александра. Митр. Серафим ответил положительно и обратился в ответном письме к Гауггу с просьбой дать разрешение на окормление[4]. Но провести эту акцию не удалось — воспрепятствовало Верховное командование армии (ОКВ), мотивируя свой отказ ссылкой на прежние указания руководства Рейха: «Советским военнопленным разрешено осуществлять богослужебные действия под руководством военнопленных священнослужителей из лагеря или мирян. Запрещено, однако, привлечение священнослужителей-невоеннопленных»[5] (Оперативный приказ № 10 Главного управления имперской безопасности от 16.08.1941 г.). Переговоры по этому вопросу между министерствами еще продолжались некоторое время, поскольку лишь в ноябре 1942 г. Гаугг известил окончательно министерство занятых восточных территорий об отказе на окормление больных священником Александром Грипп-Киселевым из–за возражений ОКВ. В данном случае ОКВ исполнило указанное выше предписание, не только не допустив к окормлению отца Александра, но и разрешив окормление больных в Виттштоке советскому военнопленному священнику Семенову. О других посещениях отцом Александром лагерей военнопленных не известно.

Указанная директива Главного управления имперской безопасности распространялась и на восточных рабочих. Окормление их зарубежными священниками было запрещено. Богослужение для остов разрешалось совершать по просьбе самих остов мирянами-проповед-

[1] *Никитин А. К.* Указ. соч. С. 331.

[2] РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

[3] В описываемый период времени отец Александр носил двойную фамилию — Грипп-Киселев.

[4] РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 19. Л. 11, 15.

[5] Там же. Л. 14.

никами (Laienprediger) в большие церковные праздники, а также совершать по их желанию и если имеется возможность богослужебные действия в случае болезни или смерти[1]. Это была уступка, с одной стороны, для восточных рабочих, массовое посещение богослужений которыми и вызвало подобную реакцию РМО. А с другой стороны, это была попытка справиться с удовлетворением религиозных потребностей верующих без священников, лишь силами мирян. В августе 1943 г. немецкие власти, в частности РМО (министерство занятых восточных территорий), предложили митр. Серафиму (Лядэ) план подготовки мирян-проповедников для их работы в лагерях остов и военнопленных. Не имея достаточного количества священников, не попадающих под этот запрет, т. е. беженцев или пленных, власти обратились к митрополиту Серафиму, с которым и заключили соответствующее соглашение. Руководителем службы НСДАП Хенингсеном 27.08.1943 г. была составлена директива относительно мирян-проповедников, в которой предписывается начать подготовку мирян незамедлительно[2].

Длительность курса для подготовки мирян — 14 дней. Преподавателями курсов назначались о. Александр Киселев и о. Пауль Гекке. Директивой предписывался анкетный опрос восточных рабочих с целью выяснить, где религиозная деятельность для них желанна. Подобные уступки базировались на понимании немцами роли использования восточной рабочей силы в экономике Рейха. Из восточных рабочих отбирались на курсы определенные люди, которые проходили тщательную проверку уполномоченными Хеннингсена. После проверки следовал курс. Курсы оплачивались восточным министерством. Наиболее достойные из слушателей курсов по представлению митрополита могли быть рукоположены во священники: «Вследствие этого число обучающих соответственно повысилось бы»[3].

Отец Александр и о. Пауль Гекке переходили минимум на 3 месяца в полное распоряжение РМО. Им предписывалось вести канцелярию, совершать богослужения, требы. Митрополитом Серафимом обещалась всяческая поддержка курсов. Он должен был заботиться о том, «чтобы образование проводилось в соответствии с каноническими правилами»[4]. По замечанию М. В. Шкаровского, соглашение о курсах было первой крупной победой митрополита Серафима, хотя историк и

[1] РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 18. Л. 175.
[2] IfZ. MA 541. Bl. 67.
[3] Там же. Bl. 73.
[4] Там же.

отмечает, что деятельность воспитанников курсов проблемы не решала[1]. Неизвестно, сколько курсов было проведено и сколько мирян-проповедников было подготовлено за этот период. Но уже в феврале 1944 г. политика в отношении окормления военнопленных и восточных рабочих мирянами-проповедниками была изменена. Об этом говорит письмо чиновника министерства занятых восточных территорий К. Розенфельдера от 2.02.1944 г.: «Душепопечение со стороны вышеназванных мирян-проповедников не желательно. Уже обученные для этой службы восточные рабочие не могут исполнять душепопечительскую работу»[2].

Весной 1944 г. власти пошли на уступки в вопросе окормления восточных рабочих священнослужителями. Было разрешено окормление восточных рабочих 15 священнослужителями. 1 июня 1944 г. приказом РСХА были отменены все прежние распоряжения о запретах на окормление. С началом деятельности 15 разъездных священнослужителей прекращалась деятельность мирян-проповедников. Немецкими властями предполагалось, что в число разъездных священников войдут священнослужители с занятых советских территорий, взятые в плен или добровольно оказавшиеся в Германии. Но, по свидетельству А. К. Никитина, в это число вошли священники, «давно служившие в епархии Берлинской и Германской, что подтверждают воспоминания о. Александра Киселева»[3]. Входил ли отец Александр в число этих 15 священнослужителей, пока не известно. В его послужном списке есть сведения, что он был освобожден от исполнения обязанностей разъездного священника епархии 6.05.1944 г. Хотя в мае 1944 г. только должна была начаться деятельность этих 15 разъездных священников. Митр. Серафим (Лядэ), как свидетельствуют вновь найденные материалы в архиве Мюнхенской епархии, в докладе на епархиальном собрании 16–17 июля 1946 г. тоже свидетельствует о выполнении отцом Александром обязанностей разъездного священника.

После войны образовались в Германии лагеря для пересыльных, которые находились в советской зоне или зоне союзников. В лагерях содержались бывшие восточные рабочие, беженцы, бывшие военнопленные, которых ожидала отправка в СССР. Окормлением этих лагерей занимался отец Александр Киселев. Посещение священнослужителями лагерей, находящихся в ведении советской администрации, было не менее опасно, чем окормление остовских лагерей в Германии военного времени.

[1] *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 312.

[2] IfZ. MA 541. Bl. 64.

[3] *Никитин А. К.* Указ. соч. С. 337.

Богословско-пастырские курсы в Берлине в 1942–1943 гг.

Деятельное участие принимал отец Александр в организации и проведении богословско-пастырских курсов в Берлине в 1942–1943 гг. К этому времени в гитлеровской Германии уже предпринимались попытки создания высшего православного учебного заведения — в Бреслау в 1935–1939 гг., в Берлине в 1939–1942 гг., — но они не увенчались успехом. Наконец в 1942 г. благодаря митр. Серафиму (Лядэ) удалось открыть богословско-пастырские курсы в Германской епархии. Их задачей была подготовка священнослужителей для епархии. Отец Александр Киселев в письме к митр. Серафиму (Лядэ) от 17. 10. 1942 г. писал: «Из этой группы церковь сможет через малое время почерпнуть ряд добрых молодых священников»[1]. Нехватка священнослужителей для епархии, учитывая и сложность военного времени, была остро ощутима. Из этого письма видна особая забота отца Александра о пополнении рядов священнослужителей. Для него это была не только временная необходимость, а задача по воспитанию священнослужителей, которую он пытался решать и в дальнейшем[2]. Курсы в Берлине открылись в сентябре 1942 г. и закончились в мае 1943 г. Государство не обеспечивало курсы денежными средствами, финансировались они из епархиальных средств. Пожертвования на курсы собирались на приходах епархии. В некоторых приходах устанавливались для сборов средств на проведение курсов дополнительно вторые тарелки. Преподаватели же трудились бесплатно. Известно, что курсы первоначально посещали 9 человек, затем количество слушателей увеличилось. Вы-

[1] РГВА. Ф. 500. Оп. 3. Д. 450. Л. 56–57.

[2] Об этом говорит составленная о. Александром в 1975 г. предварительная программа предстоящего празднования 1000-летия Крещения Руси, со специальным пунктом о подготовке священников. Прот. Николай Артемов, секретарь Берлинско-Германской епархии РПЦЗ, вспоминает об этом: «И вот он (о. Александр Киселев. — *Ред.*) среди прочего в этой программе написал, что нам для развития нашей церковной жизни нужно обязательно поставить себе целью вырастить сто священников. А то старое поколение уходит, а откуда брать новых. Вот он привез эту программу и говорит мне, вот почитай, может быть, у тебя какие-то соображения, может быть, я что-то лишнее написал или иначе как-то надо написать. В общем посмотри, помоги мне. Я думаю, ну что я могу такому маститому протоиерею, еще на церковные темы что-то советовать. Но вот он так делился. Но сто священников! Я так был впечатлен этим пунктом» (Воспоминания прот. Николая Артемова об отце Александре Киселеве. Аудиозапись произведена 5.07.2007 г. в Мюнхене. См. приложения).

пускной экзамен в начале мая 1943 г. сдавали 12 слушателей (из них два студента университета). Преподавателями на курсах были митр. Серафим (Лядэ), еп. Филипп (Гарднер), архим. Иоанн (Шаховской), архим. Гермоген, д-р Левицкий, Е. Лебедев, Н. Фабрициус, священники С. Положенский, П. Гекке, А. Киселев. Среди преподавателей находились как представители РПЦЗ, так и евлогианских общин. Это диктовалось необходимостью сплочения епархии для совместного окормления паствы, советских людей на территории Германии. И курсы явились важным фактором в деле единения священнослужителей для достижения общей цели. Отец Александр Киселев, если и не был самым маститым преподавателем курсов, то прилежностью и аккуратностью он отличался от своих коллег. Все преподаватели несли на себе помимо курсов и другие нагрузки, что влияло отрицательно на образовательный процесс — преподаватели пропускали лекции и опаздывали. Имея не меньшую, чем прочие преподаватели, нагрузку, отец Александр не позволял себе опозданий и пропусков. С обеспокоенностью отец Александр сообщает о проблемах курсов митр. Серафиму (Лядэ): «Беда в том, что не только никто из лекторов не уделяет этому делу должного внимания... но и даже не стремятся быть аккуратными в посещении своих лекций... Пропуски и опоздания лекторов выравнивались тем, что я живу рядом и заменяю отсутствующих, но поскольку я намерен переехать на другую квартиру, да и курсы должны же когда-либо найти себе постоянное пристанище, то что тогда получится? Кто будет заменять неаккуратных лекторов? А если будет больше пропусков, чем лекций, то мы сами разгоним слушателей»[1].

После завершения первого курса 10 мая 1943 г. в Берлине под председательством митр. Серафима состоялась конференция преподавателей курсов, на которой были представлены отчеты собравшихся. Участниками конференции было решено приступить к организации богословских курсов на 1943–1944 гг. В июле 1943 г. был объявлен набор на курсы при Епархиальном управлении в Берлине. Информация о курсах была размещена в газете «Русь Православная» (1943. № 7/8. С. 15). Слушателей вторых богословско-пастырских курсов в Берлине предполагалось готовить прежде всего для окормления советских военнопленных и восточных рабочих. Открытие планировалось на сентябрь 1943 г., но пока неизвестно, удалось ли осуществить их проведение.

[1] РГВА. Ф. 500. Оп. 3. Д. 450. Л. 56–57.

Участие отца Александра во власовском движении (ноябрь 1944 – апрель 1945 г.)

Знакомство отца Александра с А. А. Власовым. Начало служения в РОА. Период сотрудничества отца Александра с генералом А. А. Власовым, его служения и деятельности в КОНР и РОА был непродолжительным, как непродолжительной была и история данных организаций. Это был первый опыт служения отца Александра в качестве военного священника, хотя опыт служения в условиях военного времени для него начался с июня 1941 г.

Этот сложный, трагический период стал очень важным для отца Александра. К нему он часто обращался в своих воспоминаниях, посвятил этому книгу «Облик генерала Власова». Отца Александра нередко называют духовником Власова. Сам отец Александр говорил, что духовником Власова он никогда не был[1].

Генерал-лейтенант Власов, командующий 2-й ударной армией Волховского фронта, попал в плен к немцам 12 июля 1942 г. Армия Власова погибла в окружении в конце июня 1942 г. Первые несколько дней после пленения Власов находился в штабе 18-й армии вермахта на станции Сиверской. В этот период о начале его сотрудничества с немцами еще нет сведений. Отношение его к советской власти еще лояльное. Он начинает сотрудничать с немцами после его перевода 15 июля 1942 г. в лагерь военнопленных в Виннице. Уже к концу июля 1942 г. Власов соглашается возглавить антикоммунистическое движение, а 3 августа 1942 г. подписывает меморандум о создании Русской освободительной армии (РОА). На самом деле армия так и не была сформирована до конца войны, но в целях антисоветской пропаганды немцы применяли это название к военным частям, сформированным из представителей народов России и входившим в состав СС и вермахта. В реальности РОА начала формироваться за несколько месяцев до конца войны. Идею организации РОА поддержала и часть православного духовенства: «Некоторые из антикоммунистически настроенных священнослужителей различных юрисдикций положительно отнеслись к власовскому движению. Они увидели в будущей РОА „третью силу", альтернативную советской и германской армиям»[2]. В числе разделяющих эти идеи оказался и отец Александр Киселев.

[1] Беседа протопресв. Александра Киселева с А. К. Никитиным...

[2] *Шкаровский М. В.* Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия». 2006. № 4. С. 150–176.

Отец Александр встретился с Власовым впервые на крестинах младенца одного из видных офицеров только еще начинавшегося власовского дела. Встреча произошла в октябре–ноябре 1944 г. Власов был крестным младенца. Короткий рассказ об этом событии в книге «Облик генерала А. А. Власова» дополняет отец Александр в беседе с историком А. К. Никитиным. Молодой полковник власовской армии отказывался жениться на даме, от которой у него родился ребенок. Власов считал, что этот поступок компрометирует представителей РОА и, чтобы подчеркнуть свое отношение к недостойному действию своего офицера, показав пример разрешения этой ситуации, вызвался быть крестным младенца. Крестины проходили в доме бывшего офицера царской армии, а впоследствии немецкого офицера барона Делингсхаузена. Супруги Киселевы были в дружественных отношениях с супругой барона, баронессой Делингсхаузен Олимпиадой Ивановной, которая не без согласия барона пригласила отца Александра крестить младенца.

На крестинах отца Александра поразило то, что генерал Власов мог наизусть читать Символ Веры. Часто из-за незнания крестными этого текста отцу Александру приходилось не спрашивать крестных, а «из деликатности» самому начинать читать Символ Веры, слова которого вслед повторяли крестные. И в данном случае отец Александр готовился читать за крестных, учитывая, что крестный — советский военачальник, генерал Красной Армии. Но Власов, «стройный, красивый, большой, с баском генерал, вдруг начинает читать „Верую". И не только несколько первых фраз или слов. Знает. Я себе не верил. И вот он дочитал „Верую" до конца»[1]. Анализируя этот факт, отец Александр вспоминает семинарское прошлое генерала Власова. Но время, отделяющее семинарские годы Власова и его пребывание в Германии, наводит отца Александра на вопрос: «Мог ли он (Власов) помнить эти слова, если хоть изредка не повторял их?»[2]. После крестин был ужин. Вечер прошел в разговорах о России, о начинающемся власовском деле, о Церкви. Власов настоятельно приглашал отца Александра принять участие в общем деле и приглашал его чаще бывать у него, чем отец Александр воспользовался. Отец Александр так подвел итог своей первой встречи с Власовым: «Я ушел с крестин власовцем»[3]. Эту

[1] Беседа протопресв. Александра Киселева с А. К. Никитиным...

[2] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 71.

[3] Там же.

встречу и можно считать началом участия отца Александра во власовском движении.

С 1943 г. отец Александр обслуживал специальный лагерь Вустрау, вблизи Берлина. Лагерь был создан министерством Розенберга с целью подготовки гражданских помощников немецкой администрации в оккупированных областях СССР. Из числа советских военнопленных создавали особые группы — русские, украинские, белорусские, — и после определенной подготовки использовали их для агитационной работы в соответствующих регионах, а также в «восточных батальонах». Военнопленных лагеря Вустрау, отобранных для антикоммунистической деятельности, и окормлял отец Александр.

Возле лагеря Вустрау отец Александр создал православный приход. Помещение для совершения литургии по воскресным дням для верующих лагеря предоставил глава протестантской кирхи селения Вустрау. Община постепенно росла, образовался хор, совершались богослужения. Среди верующих лагеря нашлись художники, которые смастерили иконостас, написали на бумаге необходимые иконы. После литургии иконостас разбирался, иконы сворачивались и помещением вновь пользовалась протестантская община. Со временем появился второй хор — грузинский. Отец Александр вспоминает с иронией: «У меня два хора пело. Я это все, конечно, в Берлине своим батюшкам-друзьям рассказывал. Уж очень это было фантастично. И хотя у них не было оснований думать, что я такой лгун, но все же я подозреваю, что они хотели проверить это. И вот в один прекрасный день вдруг ко мне приезжают два гостя. Это архимандрит отец Иоанн (Шаховской) и протоиерей Адриан Рымаренко»[1]. Отец Александр с матушкой Каллистой устроили для них экскурсию по Вустрау, в результате которой гости убедились в действительности того, о чем им рассказывал отец Александр в Берлине. Священник РОА, прот. Димитрий Константинов, так характеризует деятельность отца Александра на этом этапе: «Его активная церковная деятельность в РОА наиболее ярко проявилась на первых предначинательных этапах формирования Освободительного Движения, в частности в лагере Вустрау»[2].

Манифест КОНР. Речь отца Александра по случаю провозглашения манифеста. А. А. Власов в 1943–1944 гг. находился под домашним

[1] Беседа протопресв. Александра Киселева с А. К. Никитиным...

[2] *Константинов Дмитрий, прот.* Записки военного священника. http://ricolor.org/history/roa/dk/

арестом в пригороде Берлина Далеме. Его освободили только в сентябре 1944 г. Возможно, освобождение Власова связано с критическим положением немцев на Восточном фронте. Фигура генерала Власова, которую немцы до этого времени использовали исключительно в целях пропаганды, в таком положении могла сплотить антикоммунистические организации и привлечь их на сторону нацистов.

На встрече с рейхсфюрером СС Г. Гимлером 16 сентября 1944 г. Власов получил согласие на создание антикоммунистического движения, известного впоследствии как Комитет освобождения народов России (КОНР). Уже 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось учредительное собрание КОНР под председательством Власова. На собрании был провозглашен Манифест Освободительного движения народов России (Пражский манифест), который являлся политической платформой КОНР. Руководящим органом КОНР стал возглавляемый Власовым Президиум КОНР в составе пяти генералов — Ф. И. Трухина, В. Ф. Малышкина, Д. Е. Закутного, Г. Н. Жиленкова, Е. И. Балабина и трех профессоров — Ф. П. Богатырчука, Н. Н. Будзиловича, С. М. Руднева. Священнослужителей в составе КОНР не было. Необходимо отметить тот факт, что в Манифесте не упоминается Русская Православная Церковь и другие конфессии, а лишь говорится о «Введении действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати» (п. 11). Отношение отца Александра к манифесту было положительным. Он назвал его явлением беспрецедентным. Удивителен манифест, по мнению отца Александра, тем, что «созданный в условиях полной зависимости от национал-социалистической диктатуры, он ни одним словом не восхваляет эту диктатуру, тем, что он более чем прозрачно ставит коммунизм и нацизм на одну ступень зла, тем, что он полнейшим молчанием обходит антисемитизм, совершенно обязательный в условиях тех дней»[1].

Мнение отца Александра о манифесте разделяли не все священнослужители РПЦЗ. Известный священник, прот. Владимир Востоков, участник собрания в Праге, откликнулся на манифест следующим образом: «Ничего хорошего из этого не будет. Ни слова не сказали о Боге»[2]. Таким же образом высказался в письме к главе РПЦЗ митр. Анастасию (Грибановскому) преподаватель эвакуированного

[1] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 159. По поводу сравнения нацизма с коммунизмом см.: *Нарочницкая Н. А.* За что и с кем мы воевали. М.: Изд–во «Минувшее», 2007.

[2] *Шкаровский М. В.* Православная Церковь и власовское движение. С. 156.

в г. Егер (Германия) из Белграда 1-го Русского кадетского корпуса Б. Н. Сергеевский. Интересен ответ митр. Анастасия Н. Б. Сергеевскому, характеризующий личное отношение митрополита к манифесту, власовскому движению в целом и выражающий позицию руководства РПЦЗ по данному вопросу: «На дело Вы смотрите слишком мрачно. Конечно, в идеологическом отношении многое, и в том числе отмеченное Вами, нехорошо, но это не столько по сознательно отрицательному отношению ко всему доброму, а по идеологической недозрелости. Наравне с тем, что в манифесте ничего не говорится о Боге, может быть, по непривычке бывших подсоветских упоминать Его в официальных актах, Комитет пожелал начать свою работу с молебна. Сам Власов, с которым я виделся, много говорил о значении церковной миссии и в разговоре неоднократно цитировал Св. Писание. Другие сотрудники его тоже с почтением относятся к Церкви. Поэтому есть надежда, что в новом движении Церковь сможет выполнять свою миссию. В политическом же отношении надо всем объединиться вокруг Власова, ибо никого другого, кто имел бы возможность собрать русские силы для борьбы с коммунизмом, сейчас налицо нет»[1].

Продолжение пражского торжественного акта было уже в Берлине 18 ноября 1944 г. В берлинском зале «Европа-хаус» состоялся торжественный вечер по случаю создания КОНР. Зал был переполнен гостями, в основном русскими. По распоряжению Власова, в первых рядах разместили духовенство и военнопленных, которых привезли на вечер из лагерей. Все остальные гости, независимо от звания и положения, были размещены позади. От духовенства на собрании присутствовали председатель Архиерейского Синода РПЦЗ митр. Анастасий (Грибановский), митр. Серафим (Лядэ), прот. Адриан Рымаренко, прот. Владимир Востоков, иер. Георгий Бенигсен, иер. Иоанн Легкий и другие священнослужители. С речью от лица РПЦЗ к собравшимся обратился отец Александр Киселев, что объясняется особым расположением генерала Власова к нему. Текст выступления отца Александра сохранился. Неоднократно текст печатался в приложении к различным изданиям, но это были сокращенные его варианты. Полный вариант текста хранится в Синодальном архиве РПЦЗ в Нью-Йорке. Перед выступлением отца Александра берлинский протоиерей Адриан Рымаренко надел на него ладанку с частицей мощей святого князя Александра Невского.

[1] *Шкаровский М. В.* Православная Церковь и власовское движение. С. 160.

Речь отца Александра явилась не политическим воззванием, в котором с церковными терминами переплетались бы воззвания к свержению советского строя в России. Напротив, ее можно охарактеризовать как духовное наставление, назидание, увещание представителям всего Русского освободительного движения. Речь отца Александра была о Боге: «В сегодняшний ответственнейший и светлый день объединения сил народных мое немощное слово будет о Том, в имени Которого мы, верующие люди, видим центр и источник всего светлого и лучшего, что только знаем... о Боге, о Боге Христианском»[1]. Говорил отец Александр о Церкви, о подвигах русских святых, о трудах на ниве Христовой таких представителей русского народа, как Суворов, Достоевский, Хомяков, Столыпин и другие, о тесной внутренней связи Церкви и жизни народа. Характеризуя сложную ситуацию в России, отец Александр видит возможность пресечь общее несчастье. Эта возможность заключена в словах декларации об отношении к своим противникам: «Много хороших слов и добрых намерений высказано в декларации, но нашлись в ней и слова золотые, небесные слова. Вот они: „Никакой мести и преследований... "(Манифест Комитета освобождения народов России, п. 12). Вот в этих словах, словах христианского милосердия заключено пресечение нынешнего нашего бедствия. Они — знамя нашей силы и мощи, ибо „все, что вечно, — человечно"»[2]. Интересна фраза отца Александра, оказавшаяся в числе неопубликованных фрагментов его речи и свидетельствующая о том, что речь отец Александр произнес от себя лично, высказывая собственные мысли, без нажима или заказа со стороны КОНР, РПЦЗ, представителей немецкого командования: «Обращаясь сегодня к вам по благословению Святителей местной Православной Церкви, я имею полную возможность говорить свободно то (не будучи вынужден петь кому-либо хвалебные гимны или кого-либо анафематствовать), что может послужить к вашему назиданию в этот ответственный момент»[3].

19 ноября 1944 г. в берлинском кафедральном соборе митрополитами Анастасием (Грибановским) и Серафимом (Лядэ) в сослужении многочисленного духовенства, в числе которых был и отец Александр Киселев, была совершена литургия, во время которой была совершена диаконская хиротония Димитрия Константинова. Митр. Анастасий произнес проповедь с призывом объединить силы вокруг Нацио-

[1] Синодальный архив РПЦЗ (СА). Д. 51/44.
[2] Там же.
[3] Там же.

нального освободительного движения и содействовать освобождению России от большевизма. После литургии был молебен о даровании победы вооруженным силам КОНР с провозглашением многолетия Власову и воинам РОА. Молебен вылился в «русскую патриотическую манифестацию; перед собором развивался русский трехцветный флаг, который был поднят на улицах Берлина, кажется, первый раз за последние тридцать лет»[1] . Торжественные богослужения, посвященные учреждению КОНР и провозглашению манифеста, еще несколько дней проходили во всех храмах Берлинско-Германской епархии. 20 ноября 1944 г. была совершена иерейская хиротония Димитрия Константинова, окормлявшего впоследствии части РОА.

По свидетельству отца Александра, той же осенью 1944 г. ему было поручено митр. Серафимом (Лядэ) возглавление дела духовного окормления РОА[2]. Отец Димитрий Константинов в частных письмах утверждал, что отец Александр Киселев фантазирует, что ему было дано подобное поручение[3]. Что касается отца Димитрия Константинова, то на него была возложена задача духовного окормления военнослужащих РОА, главным образом в Дабендорфе, центре подготовки власовских пропагандистов. Поручение духовно окормлять РОА было дано и отцу Александру. Но официальных назначений протопресвитерами вооруженных сил КОНР вышеупомянутые священники никогда не получали — «о. Александр, а затем о. Димитрий по указаниям митрополита Серафима (не утвержденным Архиерейским Синодом) руководили духовным окормлением возглавляемых Власовым частей»[4].

Церковно-организационная ситуация в РОА была сложной, неопределенной и запутанной. Несмотря на попытки организовать церковно-административное возглавление РОА, положительного результата эти попытки так и не дали. Не был оформлен окончательно и институт военных священников в вооруженных силах КОНР. Прот. Димитрий Константинов, характеризуя данную ситуацию, пишет: «Анализируя деятельность военного духовенства РОА, можно говорить лишь о начальном ее этапе, не получившем должного развития и носившем несколько беспорядочный характер, неизбежно определяемый тем хаосом, который царил тогда в Германии, предвещая скорое поражение Третьего рейха. Никаких твердых организационных основ

[1] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 121.
[2] См.: Там же. С. 145.
[3] См.: *Шкаровский М. В.* Православная Церковь и власовское движение. С. 163.
[4] Там же.

эта деятельность не имела и развивалась по инициативе каждого священника»[1].

Работа в организации «Народная помощь». Кроме того, что отец Александр служил военным священником, в конце декабря 1944 г. он был назначен вице-председателем Общества «Народная помощь» при КОНР. Председателем Общества был член КОНР Г. А. Алексеев. Общество взяло на себя заботу о тыле. В частности, вопросом первостепенной важности явилась забота о семьях военнослужащих РОА. Помогала организация восточным рабочим, военнопленным. Провозглашение манифеста в Праге и деятельность КОНР вызвали широкий отклик среди миллионов русских, проживавших на территории Германии. Многие военнослужащие, солдаты и офицеры РОА, восточные рабочие и даже военнопленные поддержали начинания КОНР финансово. На основе этих пожертвований и была создана «Народная помощь». Отец Александр так объясняет цель создания данной организации: «Сама принципиальная установка этой организации была глубоко правильной — помощь не откуда-то сверху, не „казенное" дело, а общее дело — народная помощь»[2]. Официальное открытие организации состоялось на Рождественской елке для детей, на которой присутствовали Власов, генералитет РОА, члены КОНР. Перед началом детского праздника отец Александр Киселев отслужил молебен с протодиаконом В. Мельниковым. Иерей Г. Бенигсен произнес Слово о значении праздника Рождества Христова, а руководитель организации Г. А. Алексеев рассказал о создаваемой организации. Детям были вручены подарки — сладости, игрушки, поделки, изготовленные в лагерях советскими военнопленными. Еще одна рождественская елка была проведена отцом Александром и священником И. Легким для детей русских рабочих Берлина, где также принял участие Власов. За время существования организации были собраны и распределены между нуждающимися огромные средства.

Мюнзинген. Последние месяцы служения отца Александра в РОА. Последние месяцы войны отец Александр провел в Мюнзингене, месте расположения 1-й дивизии РОА. Он приезжал туда для совершения богослужений и раньше. В частности, он отслужил там благодарственный молебен по случаю официального объявления Власова Глав-

[1] *Константинов Дмитрий, прот.* Указ. соч.

[2] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 87.

нокомандующим РОА, которое состоялось 28 января 1945 г. В виду приближающегося фронта отец Александр в начале марта 1945 г. перевез из Берлина в Мюнзинген свою семью. В одном поезде с отцом Александром приехали и другие священнослужители, окормлявшие власовскую армию, — иер. Димитрий Константинов, архим. Серафим (Иванов), иер. Георгий Бенигсен, прот. Адриан Рымаренко. В дни их прибытия в Мюнзинген оттуда выходили последние части 1-й дивизии РОА под командованием генерала Буняченко, но оставались небольшой гарнизон, запасная бригада и офицерская школа. Отцом Димитрием Константиновым был организован походный храм при армии, который стал гарнизонной церковью и церковью офицерской школы. Настоятелем этого храма стал отец Александр Киселев: «Я начал служить в тамошней гарнизонной церкви... Мы быстро вошли в общую дружную, хотя и полную тревог, жизнь»[1].

Но вскоре ситуация осложнилась ввиду все той же запутанной церковно-административной ситуации в РОА. В Мюнзингене собрались несколько священнослужителей, либо назначаемых возглавлять духовенство РОА, либо претендовавших на это. Положение отца Александра, не искавшего руководящего поста, но добросовестно исполнявшего возлагаемое на него церковным начальством послушание по окормлению военнослужащих РОА, оказалось странным. В конце февраля 1945 г. митр. Серафим (Лядэ) назначил отца Александра благочинным РОА. Этому предшествовали следующие события. В начале 1945 г. начальник Генерального штаба РОА ген. Ф. И. Трухин пригласил отца Александра посетить формирующиеся дивизии РОА и предложил ему взять на себя обязанности старшего священника при частях РОА. Митр. Серафим, к которому отец Александр обратился за советом по данному вопросу, одобрил и поездку, и принятие отцом Александром предполагаемого поста старшего священника РОА. Отец Александр направился в части РОА, расположенные в районе г. Ульм на юге Германии. Эту поездку он так описывает в письме митр. Серафиму: «Пребывание мое там было благоприятно — совершенные богослужения собрали множество богомольцев, собеседования в казармах с солдатами нашли отклик, привезенная литература отрывалась, как говорится, с руками»[2]. После поездки отец Александр встретился в Берлине с ген. Трухиным, который просил его поспе-

[1] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 145.

[2] АГЕ. Д. Священники. А–Я. Письмо прот. А. Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 03.1945 г.

шить с получением благословения от митр. Серафима на назначение благочинным. Ген. Трухин сообщил отцу Александру о своей беседе с Власовым на эту тему, который одобрил инициативу ген. Трухина и сказал, что с удовлетворением примет назначение отца Александра к его армии. Отец Александр обратился письменно за благословением к митр. Серафиму и, в случае согласия митрополита на назначение его в РОА, попросил выдать ему следующие документы: «1) Удостоверение на немецком языке о том, что я назначен Вашим представителем при РОА как благочинный возникающих при частях православных церквей. Что моей обязанностью является назначение священников в эти церкви и руководство их деятельностью. Что я являюсь единственным православным представителем Прав. Церкви в Германии при РОА и что исключительно подчинен Вам, как все священники РОА мне. Что Вы просите немецкие и русские учреждения оказывать мне помощь и т. д...»[1].

Это письмо было отправлено с секретарем отца Александра по «Народной помощи» Т. И. Якимович митр. Серафиму 21 февраля 1945 г. из г. Ейзенберга (Eisenberg), куда отец Александр временно перевез из Берлина семью и ближайших сотрудников. Отец Александр тяготился своей бездеятельностью в Ейзенберге, в котором он провел к тому времени две недели, оторванный от церковной и общерусской жизни. В случае несогласия митр. Серафима отец Александр просил Владыку командировать его в Мюнхен и поручить ему обслуживание православных беженцев, находящихся на юге Германии: «Отсюда я должен уехать, ибо не могу быть тут ничем полезен»[2]. Но уже через несколько дней отец Александр был назначен митр. Серафимом благочинным РОА, получив соответствующий документ, с которым он прибыл в Мюнзинген. Ранее, 2 января 1945 г., Синод РПЦЗ одобрил кандидатуру архим. Нафанаила (Львова) в качестве представителя Церкви при КОНР. Отец Александр Киселев, назначенный митр. Серафимом (Лядэ) благочинным РОА, узнав с опозданием об этом, отреагировал на назначение архим. Нафанаила положительно и в письме к митрополиту подчеркнул различие между назначениями «благочинным» и «церковным представителем при КОНР»: «Мне думается, что армейское благочиние есть только одна из частей дела Прав. Церкви при Освободительном Движении, при котором теперь о. арх. Нафа-

[1] АГЕ. Д. Священники. А–Я. Письмо прот. А. Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 03.1945 г.

[2] Там же.

наил представляет Прав. Церковь во всем объеме. Поэтому я не вижу противоречивости в Вашем назначении меня благочинным воинских частей и назначении о. арх. Нафанаила общим руководителем православного дела при Освободительном Движении»[1]. В этом же письме отец Александр подчеркивает, что назначение его благочинным, старшим священником РОА, распространяется только на Русскую освободительную армию, а не на Комитет или Русское освободительное движение в целом. Однако архим. Нафанаил (Львов) в составе КОНР почти не работал. До 30 апреля 1945 г. он находился в Берлине, между тем как КОНР переехал из столицы в Карлсбад в начале февраля 1945 г. По прибытии в Мюнзинген отец Александр узнал, что 15 февраля 1945 г. председателем Синода РПЦЗ митр. Анастасием был назначен и. о. протопресвитера РОА архим. Серафим (Иванов).

Прибывший в Мюнзинген отец Димитрий Константинов считал себя единственным уполномоченным на организацию духовного руководства РОА, называя действия других священнослужителей, имевших благословение на подобную деятельность в РОА, своеобразной узурпацией. Отцу Димитрию Константинову действительно было поручено митр. Серафимом (Лядэ) организовать богослужения в 1-й и 2-й дивизиях РОА. Упоминает отец Димитрий и о конфликте по поводу протопресвитерства между архим. Серафимом (Ивановым) и прот. Адрианом Рымаренко.

Попытки создать церковное управление предпринимались, но согласованности в принятии решений не было ни у церковных властей, ни у представителей духовенства РОА, ни у военных руководителей РОА. Например, архим. Серафим (Иванов), по свидетельству отца Димитрия Константинова, был назначен протопресвитером РОА лично Власовым, несмотря на то, что подобные назначения входили в компетенцию церковных властей[2]. Далее назначение архим. Серафима утвердил митр. Анастасий, при этом митр. Серафим (Лядэ) как правящий архиерей Берлинско-Германской епархии был поставлен в известность об этих действиях задним числом. Только по прошествии времени архим. Серафим письменно известил митр. Серафима о своем назначении, узнав, что Владыка недоволен им. Свои действия по стремлению принять на себя руководство духовного окормления РОА, не известив правящего архиерея, архим. Серафим объяснял митр. Серафиму следующим образом: «Так как и в старой России, и в Болга-

[1] АГЕ. Письмо свящ. А. Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 5. 03. 1945 г.

[2] *Константинов Дмитрий, прот.* Указ. соч.

рии, и в Сербии военный протопресвитер назначается и подчиняется Высшей Церковной власти, т. е. Синоду, я телеграфировал в Синод о положении дел и получил оттуда назначение протопресвитером, точнее и. д. протопресвитера. Одновременно я написал Вам открытку, излагая положение и прося как члена Синода благословения на новую работу. Мне кажется, что поступил канонически правильно. Я хорошо знаю, что в пределах данной Епархии церковная работа может проводиться только с благословения правящего архиерея, но армия всегда считалась вне епархиальных рамок и имела особое управление духовное, подчиняющееся непосредственно Синоду»[1].

Отец Александр Киселев, уже слышавший от архим. Серафима лично подобные объяснения, охарактеризовал их в письме митр. Серафиму странными и неприемлемыми[2]. Кроме этого, отец Александр от генерала Меандрова услышал неодобрительный отзыв об архим. Серафиме и его деятельности в РОА. Это обеспокоило отца Александра, т. к. он понимал, что действия архим. Серафима, который не пользовался авторитетом в РОА, могли не иметь успеха. Свою обеспокоенность отец Александр выразил в письме к митр. Серафиму, прося его разобраться в ситуации и разъяснить, в чем заключается его миссия в РОА. Ответ митр. Серафима на это письмо не известен. Отец Александр с архим. Серафимом договорились, что до выяснения обстоятельств обязанности протопресвитера будет исполнять последний. Документ Синодального архива РПЦЗ, напротив, говорит о доверии к архим. Серафиму со стороны Власова. На заседании Архиерейского Синода 26 февраля 1945 г. митрополит Анастасий зачитал доклад, в котором упомянул о своей беседе с генералом по поводу назначения протопресвитера РОА. Митрополит так передал слова Власова об архим. Серафиме: «Будучи сам на месте формирования воинских частей, он оценил по достоинству пастырско-миссионерскую работу среди воинских чинов архим. Серафима и его сотрудников и, считая его деятельность очень полезной для религиозного воспитания воинских чинов, просит о назначении архим. Серафима протопресвитером военного духовенства, с тем чтобы под его руководством развивалось дело дальнейшей организации духовного окормления Освободительной армии»[3]. Синод утвердил архим. Серафима (Иванова) протопресвитером.

---

[1] АГЕ. Письмо архим. Серафима (Иванова) митр. Серафиму (Лядэ) от 31.03.1945 г.

[2] АГЕ. Письмо свящ. Александра Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 3.04.1945 г.

[3] СА. Д. 53/44.

В итоге ситуация с духовным окормлением РОА сложилась следующая. Отец Димитрий Константинов, убедившись, что церковная жизнь в Мюнзингене налажена и есть на кого оставить дело духовного окормления, выехал в Дабендорф. 1-ю дивизию РОА духовно окормляла группа духовенства под руководством архим. Серафима (Иванова), а во 2-й дивизии в Хойберге — группа духовенства под руководством игумена Иова (Леонтьева). Отцом Серафимом (Ивановым) было выработано временное положение о военном духовенстве РОА, которое должен был утвердить Синод. По указанию Синода в марте составил подобный проект и игумен Никон (Рклицкий), но проект не был одобрен, несмотря на подробную, детальную разработку положений о военном духовенстве РОА. Президиум КОНР на своем последнем заседании 27 марта 1944 г. утвердил другой документ — «Положение о военном духовенстве Вооруженных сил КОНР», подготовленный Советом по делам вероисповеданий. «Главные пункты "Положения" основывались на принципах добровольности исполнения церковных обрядов, равноправия всех конфессий и осуществлении руководства военным духовенством светским органом — духовным отделом»[1]. Но ни назначения, ни меры по стабилизации ситуации с духовным окормлением в РОА уже не могли повлиять на исход грядущих событий. Война уже приближалась к завершению, что было очевидно уже и самим нацистам. Немцы, использовавшие Власова лишь в пропагандистских целях, остались верны этому до конца, не содействуя становлению русского антикоммунистического движения. Напротив, они мешали тому, чего уже удалось достичь в этом направлении. Основным виновником в этом деле отец Александр Киселев называет «фанатика» Розенберга, который до последнего стоял на той позиции, что «...цель восточной политики Рейха заключается в достижении расчленения территорий Востока и его народов»[2]. Не оказало реальной помощи Власову и главное управление СС. Было уже не до Власова, началась агония Германии. КОНР был эвакуирован в курортный город Карлсбад и оказался там впоследствии в изоляции. В конце марта 1945 г. в Карлсбаде состоялось последнее заседание КОНР, на котором члены Комитета выразили накопившиеся претензии представителям СС.

18 апреля 1945 г. гарнизон Мюнзингена вынужден был отступать вглубь Баварии. С гарнизоном шел и отец Александр с семьей. Дорога была опасная, продвигались медленно, в основном по ночам из-за

[1] *Шкаровский М. В.* Православная Церковь и власовское движение. С. 165.
[2] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 147.

боязни обстрелов. В районе Фюссена отец Александр получил от генерала Меандрова приказ оставаться вместе с группой больных, женщин и детей, а офицерская школа, отступая далее, сдалась 9 мая 1945 г. американцам. В Фюссене был представитель КОНР, с которым отец Александр должен был войти в контакт. Не медля, отец Александр направился в Фюссен, где к своему удивлению узнал о нахождении здесь Председателя Архиерейского Синода РПЦЗ митр. Анастасия. Митрополит, который уже находился в американской оккупационной зоне, просил отца Александра как можно скорее перебраться к нему. Отец Александр переселился через несколько дней в Фюссен с людьми, доверенными ему генералом Меандровым. Эти дни, недели, месяцы были тревожными. Царила общая паника. Неизвестность и надежда. «Первые столкновения с американцами... круг суживается... надежды вызывают тревогу... Идут планомерные выдачи власовцев, пленных, остовцев — всех советских граждан»[1]. Через несколько десятилетий после описываемых событий один из активных деятелей власовского движения полковник К. Г. Кромиади в слове после панихиды по выданным воинам РОА на кладбище в Платтлинге назвал выдачу крушением Русского освободительного движения: «...страшно было и то, что вместе с выдачей рухнула и вся идея освободительной борьбы»[2].

Деятельность отца Александра в первые послевоенные месяцы была сосредоточена на духовном окормлении тех, кого ожидала репатриация на родину. Он, как и множество других православных священнослужителей, посещал лагеря ДиПи[3]. Лагеря представляли собой сборные пункты, куда свозили восточных рабочих, бывших военнопленных, участников антисоветских вооруженных формирований, беженцев, эмигрантов первой, послереволюционной волны. Жили в этих лагерях вышеназванные категории не пассивным ожиданием репатриации, а активной русской жизнью, неофициальным центром которой являлась РПЦЗ. Действовали в лагерях и политические организации, в силу возможностей была организована культурная, творческая жизнь. Главная задача священнослужителей заключалась в

[1] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 155.

[2] Аудиозапись панихиды после установления памятного камня выданным воинам РОА в г. Платтлинг. Речь К. Г. Кромиади.

[3] ДиПи (DP (Displaced Persons) — перемещенные лица) — аббревиатура, которой пользовались в работе военно-административные органы западных союзников на последнем этапе войны и в первые послевоенные годы. Под ДиПи подразумевались выходцы из России и стран Восточной Европы — бывшие военнопленные, восточные рабочие, беженцы и т. д.

духовном окормлении ДиПи. Православному духовенству пришлось не просто совершать богослужения и вести миссионерско-просветительскую работу в лагерях, но и выступить в период насильственной репатриации 1945–1947 гг. в защиту бесправных обитателей лагерей. Во многих лагерях ДиПи создавались православные приходы, храмы. Люди отдавали свои скудные сбережения на организацию церковной жизни в лагерях.

В соответствии с подписанными 11 февраля 1945 г. в Ялте соглашениями, летом того же года началась массовая выдача власовцев из американской зоны в СССР. Священники, наряду с представителями различных организаций, групп, частных лиц, вели борьбу за невозвращение обитателей лагерей, в частности власовцев, в СССР. Значительную роль в этом играло руководство РПЦЗ. Глава РПЦЗ митр. Анастасий в августе 1945 г. выразил протест американскому генералу Д. Д. Эйзенхауэру по поводу репатриации, в результате чего удалось приостановить выдачу. С просьбой о вмешательстве накануне выдачи обитателей лагеря в Платтлинге в феврале 1946 г. руководство РПЦЗ обратилось за помощью к Католической Церкви, глава которой Пий XII выразил протест против насильственной репатриации людей и в отказе им в праве на убежище. Архиерейский Синод направлял в штаб-квартиру американских войск, располагавшуюся во Франкфурте-на-Майне, делегацию с целью предотвратить выдачу обитателей Платтлинга. Вопрос решало правительство США. Ответ на просьбу Синода пришел уже после выдачи советским властям 1793 человек из Платтлинга. Особо стоит отметить деятельность в этом направлении архим. Нафанаила (Львова), будущего архиеп. Венского и Австрийского, и иеромонаха Виталия (Устинова), будущего Первоиерарха РПЦЗ, которые спасли сотни ДиПи. Совершая подобные действия, священнослужители рисковали собственной свободой, а подчас и жизнью.

Опасно было проводить богослужения в лагерях ДиПи, не говоря о борьбе за освобождение людей из этих лагерей. Отец Александр Киселев, рассказывая об одном из посещений лагеря ДиПи, так описывает эту опасность: «...ушел служить в лагерь, из которого мог и не выйти — лагерь был уже советский... Что значит: из этого лагеря я мог и не выйти? Это был один из многочисленных сборных лагерей, куда свозили „остов"–„восточных рабочих", просто сказать русских, для отправки на родину. Он находился уже в руках советской администрации, и для привезенных туда свободного выхода уже не было»[1].

[1] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 65–66.

Деятельность отца Александра в этот период была самоотверженным служением, честным, бескорыстным исполнением своих пастырских обязанностей. Рискуя не возвратиться, отец Александр оставлял супругу, детей и шел в лагерь молиться с людьми, для которых эта молитва могла стать последней в жизни. В Фюссене в первые недели после конца войны произошел характерный для отца Александра случай, который говорит о его стремлении всегда поступать по совести, об умении отстоять свою позицию. Митр. Анастасий (Грибановский), проживавший в то время в Фюссене, на Духов день хотел служить литургию в эмигрантской церкви. А отец Александр, имевший единственный Св. Антиминс (без которого совершать литургию нельзя), собрался служить в этот день в пересыльном лагере. Вышло разногласие. Но отец Александр настоял на своем и провел богослужение в лагере: «Митрополит исходил из своего сознания главы церкви, молящегося „за всех и за вся", а я из необходимости дать увозимым последнюю молитву и последнее Причастие. Не послушался я, норовистый был, и ушел служить в лагерь»[1].

Запомнился отец Александр в лагерях и проповедническим даром. Один из слушателей проповедей отца Александра в лагере Ганакер вспоминал: «Отец Александр... всегда умел из прочитанного Евангелия вывести то, что нас касалось в данную минуту, подбадривая и закладывая в нас веру в Бога и надежду на лучшее будущее. Я всегда уходил из церкви с облегченным чувством — на душе становилось тихо, тепло и спокойно, что для состояния пленного необыкновенно важно. Его проповеди внушали надежду... Многие только сейчас впервые приобщались к вере. В Ганакере военнопленные часто выражали желание креститься»[2].

Летом 1945 г. отец Александр переселился в Мюнхен, где основал Дом «Милосердный Самарянин», но с лагерями ДиПи он был связан до своего отъезда в Америку. Поручая отцу Александру духовное окормление, воспитание и руководство русским юношеством, состоящим в РСХД и организациях YMCA, митрополит Серафим (Лядэ) пишет ему в 1949 г.: «Для исполнения сего поручения Вам надлежит посещать все ДП-лагеря и другие места в Западной Германии, где имеются члены этих организаций или необходимо создание новых групп YMCA и Русского христианского студенческого движения»[3].

---

[1] *Киселев Александр, прот.* Указ. соч. С. 65.

[2] *Александров К.* Армия генерала Власова. 1944–1945. М., 2006. С. 431.

[3] АГЕ. Письмо митр. Серафима (Лядэ) свящ. Александру Киселеву от 24.02.1949 г.

Деятельность отца Александра Киселева в послевоенный период (1945–1949 гг.)

Дом «Милосердный Самарянин» и возникновение РСХД в Германии в 1948 г. После окончания войны отец Александр с матушкой переезжают в Баварию, в Мюнхен, где ими организуется Дом «Милосердный Самарянин». Это был серьезный, продуманный проект, направленный на работу с детьми, с молодежью военного поколения. Дети как никто нуждались в помощи после войны. Необходимость создания подобного учреждения была очевидна на фоне послевоенной разрухи Германии, т. к. «школ не было, и подрастающее поколение было всецело предоставлено самому себе, а пережитое и перевиданное за время войны, многолетнее недостаточное питание, острая нужда, квартирный вопрос и всеобщее падение нравов способствовали скорому разложению тех, кто должен прийти... на смену»[1]. Дети оказались в этой ситуации самыми беззащитными существами. Государству еще только предстояло восстановить в числе прочего систему школьного образования, создать социальную базу для адаптации детей. Организация Дома «Милосердный Самарянин» явилась своевременным и важным делом в процессе воспитания молодежи послевоенного времени.

В августе 1945 г. отец Александр получил от городских властей Мюнхена полуразрушенный, заброшенный дом, принадлежавший во время войны молодежной нацистской организации „Hitler-Jugend". Необходимо было перед ремонтными работами произвести очистку здания. В первый же день очистительных работ были найдены в здании икона прп. Серафима Саровского и 200 немецких марок, что было воспринято организаторами Дома как Божие благословение на их деятельность. Первым делом устроили церковь на первом этаже во имя прп. Серафима Саровского. Церковь оборудовали для богослужений, как и все в Доме, своими силами.

Два месяца потребовалось на восстановление здания и подготовку к открытию в нем гимназии. 10 октября 1945 г. в здании начала работу двуклассная гимназия. Восстановительные работы в здании продолжались еще многие месяцы в процессе обучения. С трудом приобреталось для Дома самое необходимое. Проблемы были с размещением людей, питанием, одеждой, строительными материалами. Через полтора года гимназия насчитывала уже 4 класса, где обучались дети в воз-

[1] Памяти протопресвитера Александра Киселева. С. 121.

расте от 6 до 19 лет, и 7 классов гимназии. Существовал еще отдельный класс для отстающих детей. Всего в гимназии обучалось 250 русских детей. Выпускница гимназии «Милосердный Самарянин» М. Г. Маас-Кутше вспоминает: «Гимназия была построена так, что, с одной стороны, она должна была придерживаться системы образования немецких гимназий, с другой стороны она учитывала советскую десятилетку и царскую дореволюционную гимназию. У нас преподавали латынь, Закон Божий, чего не было в советских школах, из языков преподавали русский, немецкий, английский. Объем изучения математики соответствовал немецким гимназиям, кажется, был более широким, чем в советской школе...»[1].

Директором гимназии был Павел Дмитриевич Ильинский, отдававшийся работе целиком. Им был подобран замечательный педагогический состав гимназии, около 30 педагогов. Подбором педагогов занимался и отец Александр Киселев. Он, в частности, пригласил на должность законоучителя в старших классах известного православного педагога, впоследствии архиепископа Сиракузского и Троицкого, ректора Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле архим. Аверкия (Таушева).

Из воспоминаний М. Г. Маас-Кутше: «Педагоги многие были из старых эмигрантов, частично из сербской гимназии, многие были из советских школ. Некоторые были не педагоги даже, а, например, журналисты, но с большой любовью относились к своему делу и нам старались передать эту любовь. Большая заслуга отца Александра Киселева в том, что он преподавал нам Закон Божий именно верой, сердцем, а не книжкой...»[2]. Первый выпуск гимназии состоялся в 1948 г. На экзаменах присутствовал представитель баварского Министерства образования. Экзамены сдавались на русском и немецком языках. После успешной сдачи экзаменов гимназия была приравнена в правах к баварским государственным гимназиям. Выпускники гимназии имели право поступать в высшие учебные заведения страны. В этом отношении гимназия Дома «Милосердный Самарянин» была не единственной православной гимназией в Германии. Подобные права при поддержке митр. Серафима (Лядэ) были предоставлены православной гимназии в Штутгарте в 1946 г.[3]

---

[1] Воспоминания воспитанницы Дома «Милосердный Самарянин» М. Г. Маас-Кутше. Аудиозапись произведена 24. 06. 2008 г. в Мюнхене. См. Приложение.

[2] Там же.

[3] АГЕ. Письмо учредителей гимназии в Штуттгарте митр. Серафиму (Лядэ) от 28.08.1946 г.

В декабре 1945 г. был открыт при Доме детский сад. В нем насчитывалось 35 детей, с которыми занимались опытные педагоги. Параллельно открывается амбулатория. Заведующим амбулаторией был назначен Петр Николаевич Раевский. При скудном, нищем ее оборудовании в ней трудились высококвалифицированные врачи. Через год после открытия в ней насчитывалось 4 профессора и 10 врачей разных специальностей. О проводимой амбулаторией работе свидетельствует Отчет о возникновении и деятельности Дома «Милосердный Самарянин» за 1947 год: «За этот год зарегистрировано около 17 000 случаев оказания больным медицинской помощи, как приходящим больным, так и на дому. Медицинская помощь оказывается бесплатно, принимаются лишь добровольные пожертвования. Кроме того, нуждающимся больным также бесплатно выдаются необходимые лекарства»[1]. В амбулатории возрождались и крепли русские медицинские традиции. Старое поколение медиков делилось опытом с молодыми врачами. Работа врачей амбулатории была подлинно жертвенным служением.

В конце 1945 г. в Доме организовали школу сестер-самарянок. В ней, по мысли создателей, должны были воспитывать молодых девушек убежденными православными работниками милосердия. В этом проекте также происходило возрождение института сестер милосердия. В России этот институт имел глубокие традиции. Но в случае с мюнхенским Домом при возрождении традиций имело место и новаторство: «Новизна его в том, что сестра-самаритянка везде и всегда сестра. Она не только тогда сестра, когда находится у больного, но всякий случай в жизни — объект ее христианского служения»[2].

К 1947 г. сестринские курсы окончили 14 человек. Выпускницы получили звания медицинской, социальной сестры и детской воспитательницы. В устроении курсов медицинских сестер приняла деятельное участие матушка Каллиста Ивановна Киселева. Она была вдохновителем идеи создания курсов: «Ее роль в создании и работе этих курсов была основной — у нее был незаурядный талант педагога, но главная ее сила была в чутком отношении к людям и в щедрости личных контактов»[3]. Каллиста Ивановна по не оконченному образо-

[1] Отчет о возникновении и деятельности Дома «Милосердный Самарянин». Мюнхен, 1947. С. 11.

[2] Там же.

[3] *Раевская-Хьюз Ольга.* Что мне дал Дом «Милосердного Самарянина» (цит. по: Памяти протопресвитера Александра Киселева / Русское возрождение. 2002. № 81. С. 148).

ванию была врачом. Врачом, причем довольно известным в Эстонии, был и ее отец доктор Кельдер. Еще в бытность свою студенткой Тартуского института, Каллиста Ивановна помогала отцу на больничных приемах. Медицинское образование и человеческие качества матушки Каллисты способствовали работе сестринских курсов и начинаниям Дома в целом. В 90-е гг. XX в. в Москве, при 1-й Градской больнице, была открыта патронажная служба сестер милосердия, и отец Александр с матушкой Каллистой после своего возвращения в Россию стали первыми подопечными этой службы. Сестры общины вспоминают, что ухаживать за ними было радостно и утешительно, и именно тогда «были заложены основы медицинской и духовной помощи, на которые опирается служение патронажных сестер» в настоящее время[1]. Выпускница гимназии Дома «Милосердный Самарянин» Ольга Раевская-Хьюз при знакомстве с работой Сестричества при 1-й Градской больнице назвала его «живой памятью» о Доме[2].

При Доме существовало издательство, книжный склад, магазин. Выпускалась духовная, учебная литература. Печатали бюллетень Дома под названием «Путь жизни». После многолетнего перерыва в типографии вышел первый номер «Вестника РСХД». В магазине продавалась литература издательства, книги, взятые на комиссию, иконы. Неимущим книги высылались бесплатно.

Отцом Александром устраивались воскресные школы в лагерях беженцев. О нищих и нуждающихся имел попечение социальный отдел. Их обеспечивали одеждой, питанием. Бездомных людей устраивали в Доме на ночлег, располагая людей в классах гимназии. Из воспоминаний воспитанницы Дома М. Г. Маас-Кутше: «Когда ученики расходились, тогда туда стекались жильцы, которые в классах ночевали. Им не было места, их всех тянуло в этот русский «Милосердный Самарянин», в этот русский Дом. Так как им просто негде было устроиться, негде было ночевать. И так кстати я тоже иногда спала в классах... Раскладывали какие-то раскладушки, какие-то одеяла, как-то там спали. Вообще все это утром надо было срочно собирать. Куда прятали, я уже теперь не помню и классы снова из спален превращались в нормальные комнаты учения»[3].

---

[1] Материалы к истории общины при 1-й ГКБ им. Н. Пирогова. 22.11.05 / Милосердие.ru

[2] См.: *Раевская-Хьюз Ольга*. Указ. соч. С. 153.

[3] Воспоминания воспитанницы Дома «Милосердный Самарянин» М. Г. Маас-Кутше.

И, конечно, центром жизни Дома «Милосердный Самарянин» была домовая церковь гимназии во имя преподобного Серафима Саровского. Учащиеся посещали богослужения, участвовали в церковных таинствах, говели, исполняли церковные послушания. Со временем в помощь отцу Александру был назначен на приход священник Димитрий Гизетти. В 1948 г. отец Александр передал Дом «Милосердный Самарянин» в Германскую епархию, но должность настоятеля церкви прп. Серафима Саровского сохранилась за ним. До этого Дом находился в единоличном управлении и ведении отца Александра. Извещая письменно митр. Серафима (Лядэ) о передаче Дома в епархию, отец Александр не называет причин, побудивших его к этому, и обращает внимание Владыки на то, что, согласно требованиям Министерства финансов, «имущество Дома всегда и исключительно должно служить целям благотворительным»[1].

Епископский совет епархии в Германии 21 августа 1948 г. заслушал доклад митр. Серафима о передаче отцом Александром Дома «Милосердный Самарянин» в ведение Епархиального управления и постановил принять Дом «как учреждение полезное и зарекомендовавшее себя с положительной стороны»[2]. Для руководства Домом было организовано коллективное управление в составе: преосвященного епископа Димитрия, секретаря епархии игумена Георгия, прот. Александра Киселева, свящ. Ф. Михалюка и Н. Ф. Фабрициуса. Директором гимназии Дома был назначен Н. Ф. Фабрициус. Ему было поручено укомплектовать преподавательский состав гимназии профессиональными педагогами. Дом был принят епархией в 1948 г. со штатом 50 сотрудников, а учащихся в гимназии было 156 человек. После передачи Дома отец Александр Киселев и отец Димитрий Гизетти перешли в каноническое подчинение митр. Серафиму (Лядэ). После окончания войны отец Александр находился некоторое время в подчинении у председателя Архиерейского Синода митр. Анастасия (Грибановского). Из письма митр. Анастасия митр. Серафиму (Лядэ) от 30.09.1948 г.: «При принятом Вашим Высокопреосвященством в свое ведение „Доме Милосердия" числится духовенство — протоиерей Александр Киселев и священник Димитрий Гизетти, которые до сих пор оставались в непосредственной юрисдикции Председателя Синода... Я полагал бы, что с переходом „Дома Милосердия" в ведение Вашего Высокопре-

[1] АГЕ. Письмо свящ. А. Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 25.08.1948 г.

[2] Протокол № 10 Заседания Епископского Совета Православной епархии в Германии 21 августа 1948 г.

освященства, было бы целесообразно, чтобы и вышеозначенное духовенство перешло в каноническое подчинение Вам как Митрополиту Берлинскому и Германскому. Поэтому настоящим письмом я предоставляю им канонический отпуск... исключая их из списков духовенства, состоящего в непосредственной юрисдикции Председателя Синода»[1].

В это время в Германии трудами отца Александра возникает РСХД. Рассматривая деятельность отца Александра и матушки Каллисты в послевоенной Германии по созданию Дома «Милосердный Самарянин», можно сказать, что в идее создания Дома уже была заложена идея возрождения РСХД. Летом 1948 г. был проведен съезд молодежи, который положил основание Движению в Германии. Но этому предшествовала кропотливая, многолетняя работа: «Три года должны были пройти, прежде чем многократные попытки дать жизни Движения организованный характер увенчались успехом. Религиозно-педагогическая встреча летом 1946 года, многократные встречи, конференции и совещания действительных членов РСХД, налаживание связи с центром в Париже были этапами к большому летнему съезду православной молодёжи в 1948 году»[2].

Отец Александр приглашал из Франции видных деятелей РСХД, богословов, ученых, которые читали лекции в гимназическом зале Дома, участвовали в съездах молодежи. 3 октября 1948 г. состоялось собрание инициативной группы под председательством отца Александра Киселева, на котором был рассмотрен вопрос об организации существующей при Доме «Милосердный Самарянин» церкви в церковный приход Русского студенческого христианского движения с более широкими миссионерскими задачами. Уже имелось благословение митр. Серафима (Лядэ) на организацию прихода РСХД. Настоятелем прихода был утвержден отец Александр Киселев. В декабре 1948 г. к церкви прп. Серафима при Доме был определен священник Георгий Бенигсен. Дом «Милосердный Самарянин» стал центром РСХД в Германии. Еженедельно в Доме читались лекции, проводились конференции. С докладами от духовенства часто выступал сам отец Александр, а также отец Георгий Бенигсен. Отец Александр, будучи к этому вре-

[1] АГЕ. Письмо митр. Анастасия (Грибановского) митр. Серафиму (Лядэ) от 30.09.1948 г.

[2] *Полчанинов Р. В.* Возрождение ХСМЛ в Германии в 1948–1951 гг.: Доклад на конференции «Религиозная деятельность русской эмиграции». http://zarubezhje.narod.ru/texts/Polchaninov01.Htm

мени духовником YMCA/ XCMЛ в Западной Германии, был назначен духовником РСХД. Митр. Серафим (Лядэ), поручая отцу Александру духовное окормление, воспитание и руководство русского юношества в РСХД и YMCA/ XCMЛ, писал, что для выполнения этого поручения отцу Александру «надлежит посещать все ДП-лагеря и другие места в Западной Германии, где имеются члены этих организаций или необходимо создание новых групп YMCA и РСХД»[1].

На годовом общем собрании прихода РСХД при храме прп. Серафима Саровского 10 апреля 1949 г. выступил с докладом отец Александр, отметивший активное развитие жизни прихода и его расширение: «За истекший год были организованы кружки молодежи для изучения Св. Писания, работы с детьми и подростками, студенческие кружки в Пасинге, Шлесхайме и Мюнхене. Помимо регулярного церковного хора, организован хор любительский. Ведется апологетическая работа в Гамбурге и Фишбеке. Был организован летний съезд. По четвергам устраиваются лекции на религиозно-философские темы. Кружок для взрослых собирается по средам. Издается печатный орган „Вестник" и тем проводится в жизнь идея Движения — забота о духовных нуждах молодежи»[2]. На этом же собрании был поднят вопрос о новом настоятеле прихода в связи с отъездом отца Александра Киселева в США. 2 июня 1949 г. отец Александр с семьей покинул Германию и переселился в Америку, куда его вызвал епископ Иоанн Бруклинский (Шаховской). На прощальном вечере в Мюнхене, посвященном отъезду отца Александра и матушки Каллисты, помимо благодарностей, воспоминаний, пожеланий доброго пути отцу Александру, «говорилось и о будущей работе в Америке, а потом, даст Господь, и на родине»[3]. О том, что будет проводиться работа в Америке, никто не сомневался. Но о работе в России и мечтать было нельзя в те годы. Но вера отца Александра в возрождение России, в желание служить, трудиться для отечества была непоколебима. Ему удалось осуществить мечту о работе на родине в 1991 г. по возвращении в Россию после пятидесятилетнего пребывания за ее пределами.

Дальнейшая судьбы Дома, гимназии, Свято-Серафимовской церкви до 1975 г. подробно отображена в документах архива Берлинс-

[1] АГЕ. Письмо митр. Анастасия (Грибановского) митр. Серафиму (Лядэ) от 30.09.1948 г.

[2] АГЕ. Протокол Годового общего собрания прихода РСХД при храме прп. Серафима Саровского. 10. 04. 1948 г.

[3] Памяти протопресвитера Александра Киселева. С. 121.

ко-Германской епархии РПЦЗ[1]. Настоятелем Свято-Серафимовской церкви на место отца Александра был назначен отец Георгий Бенигсен. В 1950 г. указом Епархиального управления Свято-Серафимовская церковь и приход объявляются самостоятельным приходом в числе обычных приходов епархии. В том же году эмигрировал в Америку и отец Георгий Бенигсен. Настоятелем прихода был назначен священник Анатолий Древинг. Гимназия в виду эмиграции русских из Германии теряла свое значение. Русские дети, остававшиеся в Мюнхене, продолжали свое обучение в немецких школах. В 1953 г. на приходе было организовано преподавание Закона Божия для православных учащихся. Баварское министерство просвещения по инициативе прихода признало преподавание Закона Божия в качестве регулярного предмета с оплатой преподавателя. Оценки учащимся выставлялись на их свидетельствах в немецких школах. Был создан при приходе в 1956 г. интернат для учащихся из провинции, получающих специальность в Мюнхене. Помимо этого, отец Анатолий еженедельно объезжал четыре соседних города и проводил занятия с проживающими там учащимися. Из статьи отца Анатолия Древинга о жизни прихода в 1960-х гг.: «...приход, не являясь более домовой церковью учебного заведения, вел и ведет многостороннюю культурно-просветительную работу с молодежью. Число учащихся в настоящее время составляет около 60 человек»[2].

В 1964 г. приходу отказали в помещении на Мауэркирхештрассе, 5. Церковь временно ютилась в квартире настоятеля о. Анатолия Древинга. Для школьных занятий помещение предоставила Евангелическая Церковь. Позднее приходу предоставило помещение в Мюнхене Общество содействия образованию русских детей и молодежи. В 1969 г. скончался отец Анатолий Древинг. В 1975 г. приход отмечал свое 30-летие. В статье, посвященной этому событию, сообщается: «Забота прихода о молодежи и детях, начавшаяся 30 лет тому назад, не прекращается, и двери этой скромной церковки всегда для них открыты. Из их среды вышли в течение этих 30 лет священники, жены священников, регенты, церковные певчие, воспитатели подрастающего поколения. Дело служения, начатое приходом в 1945 году, продолжается»[3].

[1] АГЕ. Д. «Mauerkirchestrasse 5».

[2] Там же. Приход прп. Серафима Саровского в Мюнхене. Свящ. Анатолий Древинг.

[3] Там же. Тридцатилетие прихода прп. Серафима Саровского в Мюнхене.

Значение Дома «Милосердный Самарянин» для поколения послевоенного времени переоценить трудно. Пребывание в Доме стало для воспитанников замечательной школой жизни. Здесь они приобретали знания, опыт, православную веру, формировалось у них христианское мировоззрение и сами они складывались в Доме как личности. Дом стал для них символом России. Именно здесь они впитывали любовь к России. Для многих воспитанников Дом задал настрой жизни, определил направление их деятельности в дальнейшем. В видеообращении к бывшим гимназистам на встрече по поводу 50-летия Дома «Милосердный Самарянин» в 1995 г. отец Александр Киселев скромно упомянул о роли гимназии: «Пятьдесят лет тому назад все мы были людьми неопределенного будущего — Displaced Persons, т. е. люди лишенные войной определенного местожительства. И вот тут гимназия наша во главе с достойнейшим ее директором Павлом Дмитриевичем Ильинским и другими доблестными сотрудниками сыграла драгоценную роль, вырастив пару сот девушек и молодых людей православного и русского самосознания»[1].

Отец Александр никогда не ограничивался приходской жизнью, выходя с миссией за церковную ограду. Основным принципом его миссионерского служения был принцип уважения и евангельской любви к людям, к которым он шел с проповедью, признание их свободы. Он ценил людей и каждого человека. Он шел с проповедью к нищим, военнопленным, беженцам, восточным рабочим. Часто это было сопряжено для него с риском для жизни. Своей жертвенности по отношению к людям он не замечал, удивляясь жертвенному подвигу своих сослужителей. Жертвенность была следствием его любви к людям. Важным принципом была и миссия примером личной жизни. Отец Александр располагал к себе людей не своим положением, должностью, саном, но своими духовными, нравственными качествами. Этого невозможно было добиться без кропотливой работы над собой. По письмам отца Александра, в бытность его семинаристом Рижской духовной семинарии и молодым начинающим священником, своему духовному наставнику иером. Иоанну (Шаховскому) можно судить о его внутреннем «самообразовании» с советом опытных духовных наставников. Большое значение для этого имели и поездки в Валаамский монастырь, общение с Валаамскими монахами, старцами. Они подавали пример христианского делания, христианского отношения к людям. Прот. Николай Артемов в воспоминаниях передает рассказ

[1] Памяти протопресвитера Александра Киселева. С. 121.

отца Александра о посещении им Валаама с группой молодежи. Молодые люди гуляли на Валааме со старцем, рассуждали о Христианстве, о Боге, о любви. Никто из них, кроме старца, не заметил старушку, нуждающуюся в помощи. Лишь старец торопливо пришел ей на помощь. На отца Александра этот случай произвел впечатление: «Мы все устыдились, потому что мы говорим о любви, а он видит и любовь творит, а мы болтаем и не видим. Вот это в свое время меня кое-чему научило, вот такие встречи»[1].

Что касается методов миссионерской деятельности отца Александра, то им проводились катехизаторские курсы для прихожан на приходах, организовывались подобные курсы в лагерях остовских рабочих. Его привлекали для подготовки мирян-проповедников на краткосрочных курсах для их дальнейшей работы на оккупированной территории. Он преподавал и был куратором на богословско-пастырских курсах в Берлине. Но особая забота отца Александра была о подрастающем поколении. Воспитание молодежи было приоритетным направлением деятельности отца Александра. Одним из первых он занялся молодежью в трудное послевоенное время. Как уже было сказано, он сумел организовать молодежный центр в Мюнхене — Дом «Милосердный Самарянин». Дети получали в гимназии Дома образование на основе православного мировоззрения, но отец Александр заботился и о том, чтобы выпускники гимназии имели право поступать в высшие учебные заведения Германии. Для миссионерской деятельности нашего времени это очень актуально. Помимо получаемых знаний, дети были вовлечены в активную деятельность в скаутских отрядах, всевозможных кружках, детских лагерях и т. д. Другими важными методами миссии отца Александра были проповедь, широкое использование печатного слова — издание журналов, книг, их пересылка нуждающимся, организация приходской жизни, правильная ее постановка, привлечение к церковной, миссионерской деятельности прихожан.

К обязанностям священнослужителя отец Александр относился добросовестно, с полной самоотдачей. Прежде всего он пытался создать сплоченный, крепкий, деятельный приход. Для этого, по мнению отца Александра, священник должен быть на приходе полным хозяином и иметь полную свободу действий[2]. На священнике лежит обязанность подбора приходских деятелей. И сегодня особенно важны слова отца Александра о необходимости привлечения к жизни прихода всех

[1] Воспоминания прот. Николая Артемова об отце Александре Киселеве.
[2] РГВА. Ф. 500 к. Оп. 3. Д. 450. Л. 56–57.

прихожан, а не избранных, приближенных людей. Настоятель должен каждого человека поставить на полезное «для его внутренней и приходской жизни место». Со стороны настоятеля должен быть интерес к приходу, забота, попечение о нем. Отец Александр как раз умел организовать приходскую жизнь, направить деятельность каждого прихожанина в нужное русло.

Но самое главное в жизни священника — это посвящение своей жизни Богу. В одном из последних интервью отец Александр так передавал свои мысли о священниках, пытаясь донести их до молодых пастырей: «Я считаю, что для священника во всех случаях, в каком бы приходе он ни находился, в какой бы стране он ни жил, какой бы ангелоподобный староста у него ни был (или не ангелоподобный староста!), какие бы ни были прихожане, кто бы ни был кругом, священнику нужно, необходимо пропитаться словами Спасителя. И если верно, что для тебя Господь Иисус Христос стал не прописной моралью по учебникам, а необходимой частью твоей жизни, то ты сумеешь найти себя и в Японии, и в Китае, и в Португалии, где бы тебе ни пришлось жить. Если ты Богу посвятил свою жизнь как священник и если это есть основное звучание твоей жизни, то ты везде не пропадешь. А если будешь пропадать, то благодари Бога, потому что то положение, в котором ты пропадаешь, оно тебе полезно, все мы это знаем, на этом пути мы учимся»[1].

Деятельность отца Александра Киселева в описываемую эпоху оценивали уже современники. Митр. Серафим (Лядэ) в отчете на епархиальном собрании 16–17 июля 1946 г. говорил о деятельности священнослужителей Германской епархии и, в частности, отца Александра: «Благодаря неустанным трудам и энергии о. архимандрита Иоанна и о. прот. А. Киселева нам удалось наладить книжное издательство и устроить склад книг, икон и т. д... Налажена была и миссионерская деятельность; она осуществлялась главным образом «разъездными священниками», напр. о. Киселевым, о. прот. Форманчуком и другими священниками... Считаю себя обязанным выразить свою искреннюю благодарность усердным, самоотверженным труженикам о. Гаврилкову и Н. И. Перову, а также заведовавшему нашим миссионерским издательством и складом о. Киселеву. Ведь не забудьте! Все работали тогда бесплатно, безвозмездно жертвовали свое время и силы! А рабо-

[1] Свидетель минувшего века: Беседа с протопресвитером Александром Киселевым // Мир Божий. 2002. № 1 (8). С. 58.

тали хорошо и плодотворно, не доставляя мне никаких неприятностей и огорчений»[1].

Изучение жизни и деятельности таких тружеников на ниве Христовой, каким был отец Александр Киселев, востребовано, актуально сегодня и вселяет надежду на возрождение подлинных миссионерских традиций Русской Церкви, традиций православного пастырства, духовного руководства, носителем которых он являлся.

[1] Распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского. Август 1946 г.; Отчет митр. Серафима (Лядэ) на Епархиальном собрании Германской епархии, состоявшемся в г. Мюнхене 16–17 июля 1946 г.

Воспоминания воспитанницы гимназии при Доме «Милосердный Самарянин» в Мюнхене Маргариты Густавовны Маас-Кутше

Боясь фронта, в конце 1943 г. наша семья уехала из Житомира с немцами. Наша группа состояла из 20 человек. Мы ехали на Новоград-Волынский. Первый ночлег провели в женском Корецком монастыре. Нас там очень хорошо приняли, накормили, напоили, устроили на ночь. Там была чудотворная икона, перед которой служили напутственный молебен. Корецкий монастырь находился до войны под поляками. Их там поляки очень притесняли и поэтому они очень радовались, что вот придут русские, и даже моему отцу, когда мы просили благословения уезжая, матушка-настоятельница сказала: «Вы знаете с кем Вы едете, куда Вы едете. Придут свои». Но она потом очень раскаялась в этом. Мы ехали до Львова на машине. Во Львове мы должны были пересесть на поезд и ехать в Лодзь, иначе мы не могли вообще дальше проехать в Германию, мы должны были получить немецкое подданство. Там мы получили немецкое подданство. Из Лодзи мы поехали в Шельбрун. Это Судеттенланд. Там мы были сколько-то времени. Оттуда поехали, когда приближалась линия фронта, в Зальцбург. И уже в Зальцбурге, в Холляйне, мы дождались окончания Второй мировой войны, и к нам пришли американцы, мы попали в американскую зону. Из Холляйна в октябре месяце мы как немцы переехали в Баварию и в Баварии остановились в Гаутинге, это 20 км от Мюнхена. И уже 2 февраля 1946 г. я пошла в русскую гимназию . Узнали мы о ней чисто случайно. Уже мы знали, что на территории Германии открылось очень много лагерей для беженцев. Но русские все, вернее, те, кто из Советского Союза на 1 сентября 1939 г. находились на территории Советского Союза, подлежали выдаче. И таким образом нас предупредили — ни в коем случае не говорите, что вы русские или из России, иначе вас сразу выдадут. Мы ехали с моей подругой в трамвае и с нами разговорилась одна дама по-русски, и тогда моя подруга спросила ее, есть ли где-нибудь в Мюнхене русская гимназия. Она сказала, что есть на Mauerkirchestrasse. И мы так это запомнили и даже записали. Я сказала моей маме, и, конечно, мама сказала — тебя обязательно надо туда отдать. Это была Mauerkirchestrasse, и мы туда поехали с мамой. Для меня это был далекий путь, потому что мне надо было 20 км ехать поездом, а потом еще полгорода трамваем. Меня приняли во 2-й класс без экзамена, так как я училась в советской школе и окончила 3 класса и, кроме того, училась во время немецкой оккупации в немецкой школе, в Германии тоже ходила в школу. И мне предложили: или я сдам экзамен — и в 3-й класс, или без

экзамена меня берут во 2-й класс. Я, боясь экзамена, так как у нас не было Закона Божия в России, а тут был Закон Божий, испугалась, что я никогда экзамен не сдам, но я бы его так и так не сдала. Во всяком случае, я пошла во 2-й класс. Нетрудно было поначалу. Принимал меня директор Павел Дмитриевич Ильинский. Просто по разговору. Никаких не было вступительных экзаменов.

Это было послевоенное время. У нас не было никаких учебников, у нас вообще бумага была в очень ограниченном количестве, так что очень надо было относиться бережно к учебникам, что мы, к сожалению, не всегда делали.

Гимназия была построена так, что, с одной стороны, она должна была придерживаться системы образования немецких гимназий, с другой стороны, она учитывала советскую десятилетку и царскую дореволюционную гимназию. У нас преподавали латынь, Закон Божий, чего не было в советских школах, из языков преподавали русский, немецкий, английский. Объем изучения математики соответствовал немецким гимназиям, кажется, был более широким, чем в советской школе. Там я познакомилась со скаутским движением. Естественно, в него целиком и полностью вошла и буквально одушевилась. Вообще, я девочка была очень тихая, спокойная. Достаточно было, чтобы на меня посмотрела учительница, это для меня было уже очень большое предупреждение. Я уже сразу краснела и чувствовала, что я себя нехорошо веду. Но в русской гимназии я себя показала, я просто ожила. Я с таким счастьем восприняла русскую среду, русскую речь, русское окружение после немецкой школы, где я очень страдала. И не потому, что ко мне плохо относились, мне просто все было чужое, чужое и непонятное, неинтересное. Итак, я могу сказать, благодаря скаутскому движению, скаутским идеалам и стремлениям, у меня очень сильно развился такой именно патриотизм, любовь к православию и очень большое уважение к природе и человеку. И вот, кстати, когда был съезд нашей гимназии и меня попросили написать отзыв об этом съезде, я написала, что самая большая благодарность нашим педагогам, что нас воспитывали человеком, человеком с большой буквы. Может, это не каждый поймет, но для меня это самое главное было. Будучи православным, будучи русским, все равно с уважением относиться к другим религиям, культурам и к каждому человеку. Это заслуга отца Александра, конечно. И в таком духе, я бы сказала, работали все педагоги.

Педагоги многие были из старых эмигрантов, частично из сербской гимназии, многие были из советских школ. Некоторые были не педагоги даже, а, например, журналисты, но с большой любовью относились к своему делу и нам старались передать эту любовь. Большая заслуга отца Александра Киселева в том, что он преподавал нам Закон Божий именно верой, сердцем, а не книжкой. У нас одно время преподавал отец Алек-

сандр. Потом отец Александр по занятости, может быть, не все классы вел, естественно, на нем лежала очень большая ответственность. Как он сам уже при нашей последней встрече в Москве сказал, что ведь он не только о нас заботился, а он еще заботился о картошке, о морковке, чтобы как-то нас прокормить. Он организовывал в 1946 г. в Гаутинге скаутский лагерь. Он, конечно, получил на это лицензию или разрешение властей. Это было в лесу, раскинули много палаток. Это было все не как-нибудь, а официально и очень хорошо организовано.

Даже те, которые ходили в немецкую гимназию, узнавая потом, что существует «Милосердный Самарянин», приходили к нам. Кстати, это была не только гимназия. Это был русский Дом. Там был и детский садик, там были и подготовительные классы, там были всякие кружки, читались лекции, кстати, Ф. А. Степун читал часто доклады, выступали артисты в нашем небольшом коллективе. Туда стекались не только гимназисты, но и взрослые, ведь концерты были и для взрослых тоже. Была церковь, постоянные богослужения, как часто я сказать не могу, потому что на все богослужения мы не ходили, но очень часто нас водили тоже. Это входило в программу — и говение, и преподавание Закона Божия.

Занимались в две смены. Младшие классы в утреннюю смену, а старшие — в вечернюю смену. После оставались, то ли танцульки были, то ли играли в пин-понг. Когда ученики расходились, тогда в гимназические помещения стекались жильцы, которые в классах ночевали. Им не было места. Их всех тянуло в этот русский «Милосердный Самарянин», в этот русский Дом. Так как им просто негде было устроиться, негде было ночевать. И так, кстати, я тоже спала в классах, потому что я дружила с моей подругой с 1946 г. из скаутского лагеря в Гаутинге, и они, когда приехали не помню из какого города Германии (это была мама с двумя дочерьми), тоже первое время жили в классах. И так как я с ней дружила, то мы часто оставались вместе, тоже ночевали в классе. Раскладывали какие-то раскладушки, какие-то одеяла, как-то там спали. Все это утром надо было срочно собирать. Куда прятали, я уже теперь не помню, и классы снова из спален превращались в нормальные комнаты учения. Дети приходили, и незаметно было, что здесь был ночлег.

Многие гимназисты несколько километров ехали на велосипеде в гимназию. Добираться было трудно, потому что транспорт не функционировал, это же были первые послевоенные годы. Но все ходили с удовольствием в школу. Насчет учебы, конечно, старались где-то подсказать, где-то переписать, где-то не доучить, где-то обмануть, Потом все-таки где-то говорила совесть. Я страшно была наглая подсказчица, и вот как раз отец Аверкий, будущий владыка Аверкий, он плохо слышал, и мы проходили Катихизис, я так садилась на парте, ну он же не слышит, и я подсказываю, неинтересная тема, нудная, просто нагло подсказы-

ваю. И он мне в один прекрасный день говорит, я не помню, он «Вы» или «ты» говорил, но очень вежливый был, он говорит: не надо больше подсказывать, я все это совершенно слышу. Все. Мне так стыдно было, я, наверное, была более красной, чем бурак. Но после этого я перестала подсказывать. Он ставил себе аппараты слуховые, но мы не знали, он же такие волосы длинные имел. В общем, много разных историй было. Отец Аверкий был, отец Георгий Бенигсен был, потом у нас преподавал одно время Закон Божий не учитель Закона Божия, а мирянин. Но он очень много интересного рассказывал. Очень интересно он рассказывал о молитве. Он, собственно, научил меня молиться. Он говорил, когда «ты» или «Вы», он на Вы говорил всем, он старый эмигрант, очень воспитанный, щепетильный, он говорил, когда идете из дома обязательно помолитесь, Вы никогда не уверены, вернетесь ли Вы в дом, и всегда помните это. И это я действительно запомнила. Действительно, все может случиться по дороге. И когда вы в том возрасте, представить себе и почувствовать — действительно, как это важно.

К нам приходило очень много молодежи, собирались то ли на танцульки, то ли ходили играли в волейбол — целая волейбольная команда была. Потом мы устраивали состязания с гимназией в Шлейсхайме. Там тоже было очень много русских. Но преимущество той гимназии — она была в лагере, на месте. Это был довольно большой лагерь под Мюнхеном, самый большой лагерь, в бараках. Там все, что хотите, можно было и купить, и продать. Но и очень много было молодежи. И у нас встречи были, состязания, скаутские лагеря потом вместе проводили.

Некоторые дети пели в хоре в церкви. У нас и молодежные хоры были, помимо церковных. Но это кружки были. Был и фотокружок. Но они быстро распадались, потому что потом пошла массовая эмиграция, к 50-м годам уже почти все разъехались. Очень мало кто остался.

Матушка Каллиста занималась сестрами милосердия. Они были под ее, так сказать, крылышком. Но с ней можно было всегда поговорить. Конечно, мы с ней общались. Какие-нибудь такие вопросы, в особенности девочки, конечно, обращались к ней. Она очень ласковая была, отзывчивая, добрая.

Собственно, когда я подросла, тогда уже не было отца Александра Киселева, он уже в Америку уехал. Тогда пришел Фабрициус. Потом уехал и Д. П. Ильинский. Вера Александровна Лодыженская, химичка, была заместительница. С ней я очень даже дружила. Она ко мне очень хорошо относилась.

В 1951 г. я закончила гимназию. Я еще не успела закончить гимназию — мне предложили работать в УНРА сестрой милосердия. Это организация, которая занималась бесподданными, беженцами по устройству в других странах, заведовала лагерями. И мне через знакомых предложи-

ли. Нужна была такая сестра-помощница. Но так как я была молодая и знала более-менее языки, меня с удовольствием взяли.

Дом «Милосердный Самарянин» значит для меня очень много. Даже нельзя несколькими словами сказать. И не только для меня. Все выпускники гимназии при Доме «Милосердный Самарянин», с которыми мне приходилось встречаться позднее или хотя бы слышать друг о друге, говорили, что это было самое хорошее время.

Из воспоминаний секретаря Берлинско-Германской епархии РПЦЗ протоиерея Николая Артемова[1]

В конце войны мои родители ехали на юг Германии, в Альпы. Вокруг них по ходу похода собралась группа около 20 человек. В Альпах они нашли дом, где крестьяне баварские выгоняют коров на пастбища, в котором можно было жить, и в нем они пробыли до конца войны. Они знали дату Пасхи и ночью праздновали Пасху. 6 мая, на святого Георгия, они решили сходить на разведку. Мама и папа отправились в город Фюссен. Они не знали, что в Фюссене будет митрополит Анастасий и отец Александр, и много других русских людей. И вот они заходят в этот город, видят американцев, и едет на велосипеде мальчишка. А мальчишка этот жив, но тяжело болен сейчас. Это Алексей Александрович Киселев, Алеша, сын отца Александра. И тогда они поняли, что они уже пришли. Отец Александр венчал моих родителей после того, как владыка Анастасий благословил папе венчаться с мамой. 30 мая 1945 г., в церковке над рекой в Фюссене, отец Александр их венчал. Один из венцов держала матушка Каллиста. С этим событием связана другая история. НТС собирал своих людей. Приезжал такой закрытый грузовичок Красного Креста, на котором красной же краской было написано для пущей остраски «Typhus» (тиф). И так этот грузовичок называли среди НТСовцев: «Он на "Typhuse" приехал». «Typhus» гонял по всей Германии, собирал более важных НТСовцев, среди которых был мой отец, который был в руководящем круге. Организация тогда была законспирирована, была запрещена в Германии. Ни немцам, ни большевикам все это не нравилось. И вот приехал «Typhus» за родителями. Мама была уже одета, а папа где-то гулял, он очень любил гулять и думать, и писал статьи так: гулял, думал, а потом садился и писал статьи начисто. Мама попросила Алешку папу где-то поймать и тайно в церковь отвести отца Александра, чтобы никто ничего не видел, иначе отвезут на «Typhuse» и не будет венчания. И они быстро побежали в церковь. Алеша папу туда привел и отец Александр в тайне от НТСовцев, которые везде искали моих родителей, повенчал их в запертой церкви. И после

[1] Воспоминания записаны 5.07.2007 г. в Мюнхене.

венчания они уехали в лагерь Менхегоф. О Менхегофе можно прочесть в воспоминаниях отца тогда, а впоследствии владыки Митрофана (Зносско-Боровского). Там начали издавать «Посев» и т.д. В то время отец Александр поехал в Мюнхен, где тоже был потом Синод наш некоторое время, и на Мауэркирхештрассе открыл приход, нашел икону святого Серафима Саровского и открылся там поэтому Серафимовский приход, что с ним осталось и в Нью-Йорке и сейчас иконостас Серафимовского Нью-Йоркского прихода находится в Татьянинской университетской церкви у отца Максима Козлова.

Я не помню ранних приездов, но в 1963 г. отец Александр приехал в Германию, общался с нами, и этот приезд я помню. Мне уже было 13 лет. И это такой момент. Приехали эти американские знакомые — матушка такая странненькая в больших очках, очень динамичная, разговорчивая. Они очень дружили с мамой, переписывались. Отец Александр купил старенький такой, не знаю, может быть, за 300–500 марок фольксваген 1953 года. Он был густо покрыт таким коричневатым, сероватым лоском. Меня это так впечатлило, я уже немного разбирался в машинах. Ужасная машина, кляча такая страшная, ну, на одну поездку в Италию — он говорил мне. Я посмотрел на нее с возмущением мальчишки и говорю: «Что это такое?», а он говорит «Я ж, Коля, только туда и обратно, лишь бы до Италии доехать и назад». И вот мы выезжаем на автостраду, Галя (Каллиста Ивановна) с мамой в одной машине, отец Александр со мной, моей сестрой Леной. Отец Александр гонит по автостраде за мамой на третьей скорости, 100 км в час. Уже не тянет. Я жду, когда же он переключит на четвертую, а он не переключает. Я еду, мучаюсь, не знаю, что мне делать. Это наше первое знакомство, я сижу с ним в машине и в какой-то момент не выдержал, думаю, перегорит мотор, никуда не поедем. Я говорю: «Отец Александр, там еще четвертая скорость есть». Он так на меня посмотрел: «Ах да, действительно. Спасибо Коля», перевел на четвертую и машина так отдыхает. А он говорит: «Что ж ты мне раньше не сказал, ты должен мне сразу все говорить. Я же езжу на американских машинах, а там всего три передачи. Я отвык и не знал». Так наша дружба началась с такого учительства по отношению к нему, вернее, для меня было очень впечатляюще, сейчас-то меня это нисколько не удивляет, я бы точно так же мальчишкой бы реагировал, но у него борода была седая уже, вот как моя, он был в моем возрасте примерно, что он так мягко и так смиренно со мной разговаривал. И это было в общем всегда. Это качество отца Александра, что он был чрезвычайно бережен, утончен по своему, осторожен. Это было приятно с таким человеком иметь дело, который берет такими мягкими руками твою душу и как бы на руках ее носит. Это было его качество. Иногда оно могло казаться чрезмерной мягкостью, но я знаю про отца Александра, что он был в сущности очень динамичный и даже резкий, особенно в молодости.

но это сочеталось. Он знал старцев валаамских, которые его духовно окормляли, и я думаю, что эту свою резкость он каким-то образом преодолевал воспоминанием и о старцах, и молитвой. И это чуствовалось — молитвенность, мягкость, любвеобильность. Это все трудно описуемо, но это оставило неизгладимый след на душе такого очень резкого, как я.

Мы ехали и приехали в Швейцарию. Отец Александр с матушкой в отель, а мы в палатке. И в палаточке, в кемпинге так ночевали. Я помню было холодно, промозгло. Это Швейцария, кругом горы. И на следующий день был завтрак, и я, сладкоешка, там вижу лежит сахар. Я подошел и так, наверное, озирался, а потом взял два кусочка и в карман. А отец Александр это заметил и в какой-то момент, уже после завтрака, он подошел ко мне к этому месту и говорит мне: «Знаешь, Коля, ты вот если хочешь что-то взять, ты не смотри так по-воровски направо-налево, а просто, вот тут лежит, оно же лежит, чтобы брали, и бери. Красть нельзя,– добавил он, — а ты же не крадешь. Так что ты, это самое, спокойно бери». Это дало мне, скажем, такую некоторую простоту, спокойствие, уверенность в том... ну, скажем, такое высказывание изгоняет лукавство. Он почувствовал, что где-то у меня такое может быть лукавство, и попросил распрощаться с лукавством, чтобы оно меня не одолевало. Правда, сам он рассказывал, что когда-то должен был поклясться перед американцами что ли, и это тоже в «Русском возрождении» описаны эти его воспоминания, и он поднял пальцы вот так вот... по-моему три пальца поднимают и каким-то образом их держат, и говорит: «Ну что ж, понимаешь, надо было, а я знал, что это неправда. Но я, говорит, клялся с громоотводом. За спиной я держал три пальца вниз, тем же образом». Что это значило, я сейчас не могу сказать, но это, наверное, просто было шутка, с тем юмором колоссальным, который у него тоже был. Вот такие эпизоды я помню.

Потом мы переезжали паромом на Эльбе. Мы опять устроились в палаточке, а отец Александр немного дальше в домике и приезжал на машине к нам в этот лагерь. Мы часто сидели по вечерам. Мы там были не одни — семья Артемовых с семьями Русаков и Гуменюков. Это у нас русский уголок был. Днем, вечерами купались. Поскольку отец Александр с матушкой подальше жили, мы не так часто встречались, не каждый вечер. Отец Александр ходил по пляжу, так далеко ходил, что-то думал, переживал. Это оставалось, конечно, для меня тайной. Он даже, по-моему, и стихи писал, но нам не читал их и не оставил мне. В воскресенье, во время этого пребывания, он служил литургию в своей комнате в отеле. Там столик был поставлен для проскомидии и на столе служил. На этой литургии я первый раз читал Апостол. Он сказал: «Ты будешь читать Апостол». А я ничего не знаю, не умею. Из русского Евангелия маминого отчеркнутое место мне дал. Конечно, никто никогда не думал, что я буду священником. Может, отец Александр и думал, но не говорил, во всяком случае.

У меня есть фотографии поездки, я фотографировал матушку и батюшку. Я помню, мы катались на лодке, отец Александр нас катал. Но таких углубленных разговоров не было, был просто образ человека, мягкого, доброго, любящего человека.

Отец Александр был ненавязчивым, тихим человеком. Однажды мы сидели и разговаривали о чем-то. Наверное, политика была замешана или церковная политика. И мой отец что-то наседал, кипятился, что-то неправильно делают, с его точки зрения. И вот отец Александр так смотрит на папу, умиленно сложил руки и говорит: «Смотри Галя, вот он сейчас кричит, ругает кого-то, а ведь в глубине души он такой добрый человек, просто он сейчас резко высказывается». Это мне запомнилось. Отец Александр рассказал мне историю, которая известна из Житий святых, к тому, что не надо никого никогда осуждать. «Был церковный местный собор. И там шла с молодежью красавица плохого поведения. Свист, пляски. Священнослужители отворачивали свои глаза, осуждали ее в душе. Но один из епископов глядел на нее так, что даже на него обижались и осуждали его, что он так ее разглядывает. А он потом, когда все это прошло, собрал всех и говорит...» Это мне отец Александр так рассказывал, с таким каким-то умильным выражением лица, сложив руки перед грудью, и вот так мне в глаза заглядывает ласково-ласково, потом он уже был совсем маленький, когда я его в Донском встречал, борода у него была жиденькая, а то он был достаточно рослый, крепкий, с окладистой бородой. И он так смотрит на меня своими голубыми глазами, такими светлыми, и так живо говорит, так, что я в его лице смог представить себе этого не осуждающего епископа: «А он на нее смотрит и рассказывает им, как это она постаралась, чтобы быть красивой. Вот она украшала себя. А мы свою душу не вкладываем в молитву, а мы не украшаем свою душу так, как она украшает свое тело. Она устыдилась потом и стала святой». Этот епископ, который таким подходом к человеку совершенно видоизменял жизнь вокруг себя, для меня это было образом самого отца Александра, который таким подходом к жизни рождал что-то новое в твоей душе.

Вспомнилась еще одна история. Я помню ее несколько иначе, чем она описана в «Русском возрождении». Отец Александр рассказывал, что они, молодые люди, приехали на Валаам и вроде какой-то старец с ними вместе поехал куда-то. В общем, они гуляли и беседовали. Ну, несколько человек таких студентов, молодых людей, и что-то говорили о христианстве, о любви. Ведь отец Александр связан был с РСХД, с молодежным движением студенческим, и вот он говорит: «Мы идем там и рассуждаем о любви, о роли любви, о Боге Любви и так далее. Ну и старец как-то там тоже разговаривает, слушает». Старец Памва, вероятно, это был. «Вот мы так вот куда-то заехали в эти все рассуждения, а там была старушка, у которой были тяжелые сумки». И старец побежал от них прочь. Они говорят там о

любви, а он побежал к старушке и сумки понес, а потом перевел через дорогу. «И вот так мы все устыдились, потому что мы говорим о любви, а он видит и любовь творит, а мы болтаем, этакие, и не видим. Вот это, — говорит, — в свое время меня кое-чему научило, вот такие встречи».

Отец Александр приезжал в 1974 г. У меня были мучительные переживания, и мы разговаривали с ним. Было служение на Преображение Господне. Я стою в церкви, к тому времени я опять стал ходить в церковь. В промежутке я просто отчуждался и был в других исканиях. И отец Александр меня зовет прислуживать. Я ничего не знаю, я понятия не имею ни Литургии, ничего. Я уже ходил на Литургию, но прислуживать... на это существовал Виктор Анатольевич, но его не было в тот момент. Начинается Литургия. Я говорю отцу Александру: «Я ничего не знаю». А он говорит: «Ничего, ничего. Ты здесь постоишь, а я тебе потом скажу, что делать. Я стеснялся и не знал куда деваться. И вот я вошел сбоку в каморку и стою в дверях к алтарю с благоговением, но с неумением, стесняюсь. Сейчас я понимаю, как эту ситуацию видит священник. Я сам иногда вызываю таких на помощь. И вот была малая ектенья, он меня во время великой позвал, или во время первого антифона он меня позвал. Ну что делать, отец Александр зовет, а я стою. И он начинает: «Паки и паки...», вторая ектенья. И заступи, спаси, помилуй — это потрясающе, как он эту ектенью произносил. Я просто чувствовал, алтарь был чем-то таким насыщен. Вот это прошение мне запомнилось. Сейчас я эти прошения говорю, но, может быть, не так. А он уже много лет служил, и это было настолько просто и близко, ощущение присутствия Божия, какая-то полнота, которая наполняла алтарь. Я не хочу преувеличивать, но это факт. На втором антифоне, когда еще ничего не надо было делать, кадило, конечно, горело уже в этот момент, но ничего выносить еще не надо было, «Блаженства» еще не начались (я этого и не знал), пришел Виктор Арцихович и он меня спас. Пришел нормальный прислужник, и я тут же из алтаря убежал. Отец Александр тогда меня причастил. И вот на Преображение все мои проблемы снялись. Это было связано с его приездом. Все как-то изменилось в моей жизни. И этот прорыв в моей жизни сказался и в дальнейшем, в моем священстве, которое было еще впереди.

В 1975 г. о. Александр привез с собой как бы такую программу о предстоящем праздновании 1000-летия крещения Руси. Он задумался об этом, когда об этом еще никто и не думал, как мне кажется. И вот он среди прочего в этой программе, текст которой, наверное, где-то сохранился, написал, что нам для развития нашей церковной жизни нужно обязательно поставить себе целью вырастить 100 священников. А то старое поколение уходит, а откуда брать новых. И вот он привез эту программу. И говорит мне: «Вот почитай, может быть, у тебя какие-то соображения, может быть, я что-то лишнее написал или иначе как-то надо написать. В общем, пос-

мотри, помоги мне». Я думаю, ну что я могу такому маститому протоиерею, да еще на церковные темы что-то. Но вот он так делился. Но 100 священников. Я так был впечатлен этим пунктом. Ничего я, конечно, к его программе не дополнил и не сказал. Когда я стал священником, я написал ему тогда, что я на один процент выполнил его план, но он не понял, потому что это было давно с его планами. Пришлось это ему объяснять и даже стыдно немножко стало. И вообще, я бы так сказал, при всей свободе общения, присутствовала такая целомудренность, которая... ну как-то стыдно было что-нибудь лишнее сказать. Я помню, один раз распоясался, когда мальчишкой был тринадцатилетним, а потом мне стыдно стало перед ним, хотя он ничего и не говорил. И эта целомудренность соединяется с той бережностью, о которой я ранее говорил, — это важные вещи.

Ну и дальше мы так общались по душам и, в частности, в 1990 г. Вот он очень расстроился, что в 1988 г. получилось не то, совсем не то. Он там к празднованию 1000-летия Крещения Руси многое придумал, я уже не помню деталей. И он очень переживал, что все это свелось опять к американскому банкету. Он там активно участвовал. Но для меня это была Америка — далеко, и как они празднуют 1000-летие Крещения Руси... мы по-своему праздновали у себя, но он просто делился со мной своими переживаниями, когда приезжал. Он так долго готовился. Скорбел, что не получилось того, что можно было сделать. Россию любил он невероятно, об этом известно и рассказывать не надо.

И вот он приехал в 1991 г. Я уже знал, что он был тогда уже под запрещением. Я знал, что там сложное положение, а может быть, это конец 1990 г. Я написал тогда брошюру «Российские приходы. Путь к единению Церкви». Я стоял изначально на позиции небезблагодатности Патриархии, как мне некоторые приписывают. Я просто всегда бунтовал и защищал. Бунтовал я против утверждения, что наша Церковь — раскол. Это неоправданное было утверждение. Это советская пропаганда, которой может кто-то и верил. Но моя позиция была другая. Я основывался на митрополите Кирилле Казанском, что мы имеем право, отстранившись от сергианской линии, стоять на позиции Соборной Церкви. Там это нарушено было в какой-то момент, и пока не будет выяснения, мы имеем право на свое существование на основе указа № 362. Об этом я писал неоднократно, но это совершенно не значит, что я считал их безблагодатными, потому что митрополит Кирилл писал об этом, что благодать сергиан — это не вопрос. Это другая тема. Но фактически в какой-то момент, при дискуссии вокруг этих приходов, парижане что-то написали в так называемом СОБ (это у них такой бюллетень, он все еще существует). Я на это ответил и ответ этот оформил. В это время приезжал отец Александр, и у нас с ним был такой разговор во Франкфурте. И вот мы разговариваем, и он мне сказал такую вещь: «Представь себе, ты вот сейчас такой горячий, ты вот хочешь,

чтобы в Церкви все обновилось, ты понимаешь, что в Московской Патриархии многое осталось из прежнего». Мы же старались там, в общем... в сущности было задумано как помощь, но я недостаточно знал Россию, чтобы понять, что на самом деле это просто кончится грызней. Сейчас я это понимаю. А тогда думалось, что это сможет как-то сдвинуть все с мертвой точки, и, кроме того, мы всегда были вместе с теми, кто боролся за свободу веры, поддерживал верующих, будь то, когда выселяли монахов из Почаевской Лавры в 1960-х гг., будь то «Надежда» Зои Крахмальниковой, которая была посажена, будь то Дудко, Якунин, Эшлиман. Все это для нас... мы были в деятельности, а другую сторону мы не так сильно понимали, конечно. Это потом все выяснилось, кто диссидент и почему. Это совсем новая, другая тема. Но отец Александр мне такую именно капельку забросил. Он мне говорит: «Смотри, вот ты так сейчас горишь каким-то желанием в новых обстоятельствах улучшить жизнь Церкви. Это в принципе хорошо. Но ты представь себе, что вот такой, какой ты есть, ты стал Патриархом. А вокруг тебя остались все бывшие люди, какими они тоже есть, со своим опытом, со своей жизнью. И эта структура осталась. Подумай, много ли бы ты смог сделать, даже при самых лучших твоих намерениях». Вот и он мне дал возможность как-то посмотреть на ситуацию с другого конца. Потом я узнал от владыки Феогноста, это уже было в 2003 г., как в то самое время, в эти самые дни, пожалуй, новоизбранный патриарх Алексий самолично обзванивал не только епископов, но и архимандритов, что Церковь свободна, вы должны действовать, вы должны открывать школы, заботиться о больных и т.д. Вот он это все делал, но мы-то об этом не знали. Снаружи выглядело первоначально, как-будто там застой продолжается. Но открытие этих приходов отвечало на вопли некоторых, и они были не лишены основания. Это был ответ отчасти на реальные проблемы. Но новые проблемы это вызвало. А вот отец Александр опять-таки со своим церковным тонким восприятием капнул, и, конечно, то, что он переживал, он мне рассказывал, как ему тяжело и под запрещением. Потом он помирился с владыкой Виталием, потом опять попал под запрещение. Ну и уже позже я в Донском монастыре с ним общался несколько раз, потом и по телефону мы разговаривали несколько раз, но тут уже чего-то такого особенного не было. Как-то о семейном говорили. Приходили мои дети к нему.

Ну вот одна из таких встреч, чуть ли не последняя. Это после нескольких лет я приехал в Донской, спрашиваю, где он, а он ушел гулять, его нет. Я просто поднялся к нему в комнату. Я знал, где он живет, поскольку неоднократно бывал у него, и вот там где-то вдалеке ходил какой-то старикашка, совершенно маленький такой, сгорбленный. Мы потом долго смеялись. Я пошел дожидаться его. В какой-то момент он пришел и смотрит на меня, а я говорю: «Отец Александр, так это ты там ходил». Он гово-

рит: «Да, я, такой общипанный, как птенец». Я говорю: «Я издалека видел, что там кто-то ходит, но настолько не похоже на то, что ты еще недавно был». «Да, — говорит он, — действительно. Но я тоже присматриваюсь к тебе, вроде, у тебя борода уже седая». Мы так смеялись, как жизнь нас уже провела по этим этапам. И так мы с ним прощались. Потом он скончался. Я, конечно, не мог приехать на это отпевание. Но, конечно, он внес свой вклад в то, что мы делали по вопросу единения двух частей Русской Церкви, которую мы всегда считали единой. И я очень счастлив, что все это вел в правильном понимании, хотя некоторые люди, может быть, это не до конца поняли, как-то по своему воспринимают. Но то, что написано на этих дарованных крестах и панагиях и в разных печатных изданиях, что это восстановление канонического общения внутри единой Поместной Церкви, — это чрезвычайно важно. Нет, наша Церковь не была не против, не отдельной, и там были люди, которые выступали с этих позиций, они отчасти сейчас отошли или создают еще проблемы, но в сущности эта и была та точка зрения наша общая и с отцом Александром, что здесь нет преград, когда они стали не нужны, они должны быть окончательно устранены. Так что я свое дело в комиссии воспринимаю как завет его и, безусловно, когда все это начиналось, сразу после Собора в 2000 г., я был и у него в Донском, но он только всегда отмахивался и говорил: «Никаких разговоров. Все эти юрисдикции, все эти внешние церковные вещи для меня уже перестали существовать. Я уже вне этого». Ну и отец Николай с острова Залит в этом смысле утешал. Он говорил об этих наших разделениях: «Это пройдет. Это все пройдет». Уже люди из приходов зарубежных приезжали, спрашивали, как быть. Или из приходов так называемых в России тоже приезжали — куда идти. Он спрашивал: «У вас есть пастырь? Хорошо, ходите к своему священнику. Это все пройдет». Так оно и произошло.

Фонд наследия протопресвитера Александра Киселева в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете

Архив Германской епархии РПЦЗ (АГЕ)

1. Письмо свящ. Александра Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 21.02.1945 г.
2. Письмо свящ. Александра Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 5.03.1945 г.
3. Письмо свящ. Александра Киселева митр. Серафиму (Лядэ) март 1945 г.
4. Письмо архим. Серафима (Иванова) митр. Серафиму (Лядэ) от 31.03.1945 г.
5. Письмо свящ. Александра Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 3.04.1945 г.
6. Ф. 12. Д. 2. Письмо свящ. Александра Киселева еп. Бад-Киссингенскому Александру (Ловчему) от 27.12.1945 г.
7. Ф. 12. Д 2. Письмо свящ. Александра Киселева еп. Бад-Киссингенскому Александру (Ловчему) от 1.10.1946 г.
8. Ф. 12. Д. 2. Письмо еп. Бад-Киссингенского Александра (Ловчего) свящ. Александру Киселеву от 4.01.1946 г.
9. Распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, Митрополита Берлинского и Германского. Август 1946. Отчет митр. Серафима (Лядэ) на Епархиальном собрании Германской епархии, состоявшегося в г. Мюнхене 16–17 июля 1946 г.
10. Д. «Священники, диаконы, псаломщики» 1948–1949 гг. Анкеты прот. Александра Киселева от 14.02.1948 г. и от 5.10.1948 г.
11. Д. «Mauerkirchestr. 5». Протокол Годового общего собрания прихода РСХД при храме прп.Серафима Саровского. 10.04.1949 г.
12. Д. «Mauerkirchestr. 5». Протокол № 10 Заседания Епископского Совета Православной епархии в Германии. 21.08. 1948 г.
13. Письмо свящ. Александра Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 25.08.1948 г.
14. Письмо митр. Анастасия (Грибановского) митр. Серафиму (Лядэ) от 30.09.1948 г.
15. Д. «Mauerkirchestr. 5». Протокол Организационного собрания по созданию прихода во имя прп.Серафима Саровского Чудотворца в Мюнхене. 3.03.1948 г.
16. Д. «Mauerkirchestr. 5». Протокол № 10 Заседания Епископского Совета Православной епархии в Германии 16.09. 1948 года.
17. Д. «Mauerkirchestr. 5». Письмо членов инициативной группы РСХД митр. Серафиму (Лядэ) от 25.08.1948 г.

18. Д. «Mauerkirchestr. 5». Протокол собрания приходского совета прихода РСХД при храме прп.Серафима Саровского. 10.10.1948 г.
19. Письмо свящ. Александра Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 27.10.1948 г.
20. Определение митр.Серафима (Лядэ) № 1067 от 28.10.1948 г.
21. Д. «Mauerkirchestr. 5». Протокол собрания приходского совета прихода РСХД при храме прп.Серафима Саровского. 6.11.1948 г.
22. Указ Епархиального управления Берлинской епархии № 1238 от 13.12.1948 г.
23. Д. «Священники А–Щ». 1945–1949 гг. Письмо митр. Серафима (Лядэ) Йозефу Нойя от 24.02.1949 г.
24. Д. «Священники А–Щ», 1945–1949 гг. Письмо митр. Серафима (Лядэ) свящ.Александру Киселеву от 24.02.1949 г.
25. Д. «Mauerkirchestr. 5». Протокол собрания приходского совета прихода РСХД при храме прп.Серафима Саровского. 30.03.1949 г.
26. Рапорт митр.Серафима (Лядэ) Архиерейскому Синоду РПЦЗ 200/49 от 5.05.1949 г.
27. Д. «Mauerkirchestr. 5». Свящ. Анатолий Древинг. Приход прп. Серафима Саровского в Мюнхене. 1960-е гг.
28. Д. «Mauerkirchestr. 5». 30-летие прихода прп.Серафима Саровского в Мюнхене.
29. Протоколы III Всезарубежного Собора РПЦЗ. Сентябрь 1974 г.

Российский государственный военный архив (РГВА)

1. Ф. 500. Оп. 3. Д. 453. Л. 133–134. Письмо семинариста Рижской ДС Александра Киселева иером. Иоанну Шаховскому от 1.01.1933 г.
2. Ф. 500. Оп. 3. Д. 453. Л. 167–168. Письмо Александра Киселева иером. Иоанну Шаховскому от 31.05.1933 г.
3. Ф. 500. Оп. 3. Д. 453. Л. 173–174. Письмо свящ. Александра Киселева иером. Иоанну Шаховскому от 11.05.1934 г.
4. Ф. 500. Оп. 3. Д. 453. Л. 175–176. Письмо свящ. Александра Киселева иером. Иоанну Шаховскому от 21.03.1934 г.
5. Ф. 500. Оп. 3. Д. 453. Л. 172. Письмо свящ. Александра Киселева иером. Иоанну Шаховскому от 25.04.1934 г.
6. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 5. Л. 160. Письмо митр.Серафима (Лядэ) в РКМ от 15.03.1941 г.
7. Ф. 1470. оп. 2. Д. 5. Л. 161. Письмо чиновника РКМ В. Гаутта митр. Серафиму (Лядэ) от 21.03.1941 г.
8. Ф. 500. Оп. 3. Д. 450. Л. 104–106. Письма офицеров лагеря Хамельбург архим. Иоанну (Шаховскому) и свящ. Александру Киселеву от 22 и 28. 02.1942 г.

9. Ф. 500. Оп. 3. Д. 453. Л. 37. Письмо еп. Сергия (Королева) Пражского митр. Серафиму (Лядэ) от 31.08.1942 г.
10. Ф. 500. Оп. 3. Д. 453. Л. 38–39. Письмо еп. Сергия (Королева) Пражского митр. Серафиму (Лядэ) от 29.08.1942 г.
11. Ф. 500. Оп. 3. Д. 455. Л. 168–170. Доклад П. Садовского митр. Серафиму (Лядэ) от 27.09.1942 г.
12. Ф. 500. Оп. 3. Д. 450. Л. 56–57. Письмо свящ. Александра Киселева митр. Серафиму (Лядэ) от 17.10.1942 г.
13. Ф. 500. Оп. 3. Д. 455. Л. 212–213. Письмо протодиакона Мельникова митр. Серафиму (Лядэ) от 25.11.1942 г.
14. Ф. 500. Оп. 3. Д. 453. Л. 144. Обращение членов Миссионерского комитета Берлинско-Германской епархии к архим. Иоанну (Шаховскому) от 19.12.1942 г.

Синодальный архив РПЦЗ в Нью-Йорке (США)

1. Д. 24/42. Протоколы заседаний Епархиального собрания Православной епархии в Германии 29–31 января 1942 г. Отец Александр был избран одним из секретарей Собрания.
2. Д. 76/46. Протоколы Архиерейского Собора РПЦЗ 7–9 мая 1946 г.
3. Д. 51/44. Речь о. Александра Киселева, произнесенная от лица Церкви на обнародовании манифеста «Комитета Освобождения Народов России» в Europahaus. Берлин, 18.11.1944 г.
4. Д. 53/44. Доклад митр. Анастасия (Грибановского) на заседании Архиерейского Синода 26.02.1945 г.

IfZ (Institut fur Zeitgeschichte in Munchen / Архив института современной истории)

1. MA 541, folio 67. Директива полковнику Гребе (Graebe) (Немецкий трудовой фронт, Берлин) Гарри Хеннингсена (Henningsen, начальник партийного округа НСДАП) от 27.08.1943 г.
2. MA 541, folio 73. Соглашение между митр.Серафимом (Лядэ) и шефом внешней службы уполномоченного по рабочей силе из оккупированных восточных областей Миллером от 18.09.1943 г.
3. MA 541. Соглашение представителей министерства пропаганды с представителями РМО о Leienprediger-Aktion от 23.09.1943 г.
4. MA 541, folio 64. Письмо К. Розенфельдера (РМО) в РКМ от 2.02.1944 г.

Документы из личных архивов

1. Беседа протопресв. Александра Киселева с автором книги «Нацистский режим и Русская Православная община в Германии (1933–1945)»

А. К. Никитиным с участием прот. Николая Артемова и М. А. Холодной. Аудиозапись произведена 7.12. 1996 г. в Донском монастыре Москвы. Предоставлена прот. Николаем Артемовым.

2. Аудиозапись панихиды после установления памятного камня выданным воинам РОА г. Платтлинг. Речи протопресв. Александра Киселева и К. Г. Кромиади. 1980-е гг. Аудиозапись предоставлена прот. Николаем Артемовым.
3. Воспоминания прот. Николая Артемова об отце Александре Киселеве. Аудиозапись произведена 5.07.2007 г. в Мюнхене.
4. Воспоминания воспитанницы Дома «Милосердный Самарянин» М. Г. Маас-Кутше. Аудиозапись произведена 24.06.2008 г. в Мюнхене.
5. Письмо протопресв. Александра Киселева друзьям и знакомым от 20.12.1990 г., после первой его поездки в Россию. Из личного архива Е. А. Ждановой (Франкфурт-на-Майне).
6. Аудиозапись беседы свящ. Игоря Шумилова с М. А. Холодной.
7. Протокол № 17 заседания Совета прихода Ивангородской Успенской церкви 13.02.1938 г.

Письма

Seraphim
Orthodoxer Erzbischof von Berlin
Und Deutschland
№ 121/41

Berlin, den 15 März 1941

An das Reichministerium für die kirchlihen Angelegenheiten
in Berlin W. 8

Hiermit gestatte ich mir, dem Reichministcrium für die kirchlihen Angelegenheiten ergebest mitzuteilen, dass Bischof Sergius mit meinem Einverständnis den orthodoxen Priester A. Griess-Kisseljev z. Zt. Im Umsiedlungslager in Zuhr bei Wittenburg, Kreis Hagenau, zum Pfarrer der orthodoxen Gemeinde und Kirche in Danzig ernannt hat. Priester A. Griess-Kisseljev ist deutschstämming und es ist zu erwarte, das ser in den nächsten Tagen eingebürgert wird.

Heil Hitler!
Hochachtungsvollst Ezbischof Seraphim

Серафим
Архиепископ Берлинский и Германский
№ 121/41

Берлин

В Рейхсминистерство церковных дел в Берлине W. 8

Настоящим сообщаю Рейхсминистерству церковных дел, что епископ Сергий, с моего согласия, назначил православного священника А. Грисс-Киселева (Грипп-Киселева), в настоящее время в переселенческом лагере в Цуре при Виттенберге, округ Хагенау, на должность священника православной общины и церкви в Данциге. Священник Л. Грисс-Киселев немецкого происхождения и ожидается, что на днях он приобретёт права гражданства.

Heil Hitler!
С глубоким уважением
Архиепископ Серафим

РГВА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 5. Л. 160

Der Reichminister
für die kirchlihen Angelegenheiten.
№ 714/41

Berlin, Den 21 März 194[illegible]

An den orthodoxen Bischof
Von Berlin und Deutschland
Herrn Erzbischof Seraphim
Berlin-Scharlottenburg

Auf das Schreiben vom März 194[illegible]
№ 121/4[illegible]

Gemab § 10 der Diozesanverfassung kommt eine Ernennung des orthodoxen Priester A. Griess-Kisseljev z. Zt. Im Umsiedlungslager in Zuhr bei Wittenburg, Kreis Hagenau, zum Pfarrer der orthodoxen Gemeinde und Kirche in Danzig ohne vorherige Einholung der staatlichen Zustimmung erst nach erfolgter Einbürgerung vorgenommen warden. Nicht aber vorher. Was hatte beachtet warden müssen. Gleichwohl will ich aus der Angelegenheit Weiterunge nicht herleiten.

H. Haugg H. Grbm. I.A. 21.03

Рейхминистр по церковным делам
№ 714/41

Берлин, 21 марта 194[illegible]

Православному епископу Берлинскому и Германскому
Господину Архиепископу Серафиму

На письмо от 15 марта 1941 № 121/4[illegible]

Согласно § 10 Положения о епархии, происходит назначение православного священника А. Грисс-Киселева (Грипп-Киселева), в настоящее время в переселенческом лагере в Цуре при Виттенберге, округ Хагенау, на должность священника православной общины и церкви в Данциге, без предыдущего испрашивания государственного согласия, но назначение может быть предпринято только после успешного получения прав гражданства, но не ранее, на что должно быть обращено внимание.

H. Haugg H. Grbm. I.A. 21.03

РГВА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 5. Л. 161

Копия

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Серафиму, Митрополиту Берлинскому и Германскому и Германского Средне-Европейского Митрополичьего округа

Честь имею сообщить Вашему Высокопреосвященству, что откомандированный к кафедральному собору священник Александр Грипп-Киселев за ревностное пастырское служение в разных областях церковного служения награждается камилавкой каковую благословляется возложить на о. Александра в ближайшее архиерейское служение.

Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник,
собрат во Христе, Епископ Сергий

29 авг. – 11 сент.1942 г.

Посылаю просьбу о награждении о. Александра золотым наперсным крестом. Прошу святых молитв. С братской Христ. любовью, Епископ Сергий.

РГВА, Ф. 500, Оп. 3. Д. 453. Л. 37.

Мюнхен, 25.8.1948 г.

Его высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Серафиму, митрополиту Берлинскому и Германскому

Ваше высокопреосвященство

Вам известно, что летом 1945 года мною в Мюнхене был основан дом «Милосердный Самарянин». Этот дом, что явствует из прилагаемых документов, зарегистрирован как общественное имущество, находящееся в моем единоличном ведении и управлении.

Некоторые обстоятельства побудили меня считать нежелательным дальнейшее мое единоличное управление домом.

Настоящим я имею честь покорно просить Вас, Владыка, принять дом, как некий дар, в Православную Германскую епархию.

Считаю своим долгом обратить внимание Вашего Высокопреосвященства на то, что, согласно требованию министерства финансов, имущество дома всегда и исключительно должно служить целям благотворительным.

Остаюсь просящий Святых молитв Ваших
Протоиерей А. Киселев

RUSSIAN CHRISTIAN STUDENT MOVEMENT OUTSIDE RUSSIA
(Corresponding Member of the World Christian Federation)
President: The Very Rev. Prof. V. Zenkovsky
General Secretary: Prof. L. A. Zander, Paris. France
DEPARTMENT FOR THE WORK IN GERMANY

Chairmann: A. I. Nikitin
Vice Chairmann:
The Very Rev. A. Kisseleff
General Secretary:
The Very Rev. G. Benigsen

25.8.1948 г.

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Серафиму,
Митрополиту Берлинскому и Германскому
Ваше Высокопреосвященство

Русское Студенческое Христианское движение в лице нас, как членов инициативной группы, просит Вашего благословения на организацию в Мюнхене прихода во имя Преподобного Серафима, Саровского Чудотворца. Мы принимаем на себя обязательства по содержанию Храма и притча при нем. Наш приход примет как помещение для храма. Так и утварь от домовой Церкви Дома «Милосердный Самарянин». Просим о утверждении нашим настоятелем протоиерея А. Киселева и псаломщиком – священника Д. Гизетти.

Просящие Ваших Святых Молитв и благословения,
остаемся члены инициативной группы.

13 сентября 1948 г.

Его Высокопреподобию, протоиерею Александру Киселеву

Определением Высокопреосвященнейшего Митрополита Серафима от 10 сентября 1948 г. постановлено:

«Согласно прошения инициативной группы Русскаго Студенческаго Христианскаго Движения, благословить организацию в г. Мюнхене прихода во имя св. преподобнаго Серафима, Саровского Чудотворца с возложением на него обязательств по содержанию притча и храма, по принятии им помещения и утвари от домовой церкви Дома "Милосердного Самарянина"».

Митрополит Берлинский и Германский (Серафим)

13 сентября 1948 г.

Его Высокопреподобию
Протоиерею Александру Киселеву

Указ

Епархиального управления Православной Епархии в Германии

Определением Высокопреосвященнейшего Митрополита Серафима от 10 сентября 1948 г. постановлено:

«Протоиерея Александра Киселева назначить Настоятелем церкви Св. Преподобного Серафима Мюнхенского Православного прихода».

Митрополит Берлинский и Германский
(Серафим)
и. л. Секретаря Епарх. Управления
(Игумен Георгий)

Председатель Архиерейского Синода Русской
Православной Церкви заграницей
München 27
Donaustr. 5
№ 2594

17/30 сентября 1948 г.

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Серафиму,
Митрополиту Берлинскому и Германскому

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивый Архипастырь

При принятом Вашим Высокопреосвященством в свое ведение «Доме Милосердия» числится духовенство – протоиерей Александр Киселев и священник Димитрий Гизетти, которые до сих пор оставались в непосредственной юрисдикции Председателя Синода. Последний из них был мною же и рукоположен по ходатойству о. Александра. Я полагал бы, что с переходом «Дома Милосердия» в ведение Вашего Высокопреосвященства, было бы целесообразно, чтобы и назначенное духовенство перешло бы в каноническое подчинение Вам, как Митрополиту Берлинскому и Германскому. Поэтому настоящим письмом я предоставляю им канонический отпуск в ведение Вашего Высокопреосвященства, исключая их из списков духовенства, состоящаго в непосредственной юрисдикции Председателя Синода. Ни протоиерей Александр Киселев, ни священник Димитрий Гизетти не состоят под духовным судом, следствием или запрещением в священном служении.

Вашего Высокопреосвященства преданный
во Христе собрат, Митрополит Анастасий

Именной словарь

Аверкий, архиеп. (Таушев Александр Павлович) — родился в 1906 г. в Казани. В эмиграции с 1920 г. Окончил в 1930 г. богословский факультет Софийского ун-та. Пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха в 1931 г. С 1932 по 1940 г. служил в Подкарпатской Руси. С 1940 по 1944 г. был приходским священником в Белграде. С 1944 г. архим. Аверкий служил на приходах Мюнхена. Был законоучителем в старших классах гимназии «Милосердный Самарянин» и гимназии для бесподданных. С 1950 г. назначен председателем Миссионерско-просветительского комитета при Архиерейском Синоде. В 1951 г. архим. Аверкий переехал в США и вскоре был приглашен в новоорганизованную Свято-Троицкую ДС для преподавания Нового Завета, литургики и гомилетики. В 1952 г. утвержден в должности ректора Свято-Троицкой семинарии, в 1953 г. назначен правящим архиереем Сиракузско-Троицкой епархии. В 1960–1976 гг. архиеп. Аверкий являлся настоятелем Свято-Троицкой обители. В число написанных им книг входят учебники по гомилетике, литургике, толкованию Священного Писания Нового Завета, его «Слова и речи», жизнеописание и письма его духовного наставника — архиепископа Феофана. Скончался архиеп. Аверкий в 1976 г.

Адриан (Рымаренко Адриан Адрианович) — родился в 1893 г. в Полтавской губ. Окончил Политехнический институт (1917) в С.-Петербурге. Окормлялся у оптинских старцев Анатолия (Потапова) и Нектария (Тихонова). Священник (1921). Назначен священником Александро-Невской церкви г. Ромны. Во время Второй мировой войны духовник киевского духовенства и Покровского женского монастыря в Киеве. В 1945 г. эвакуировался с группой духовных детей в Южную Германию. Служил в церкви под Штутгартом. Был настоятелем Берлинского кафедрального собора. Участвовал в окормлении частей РОА. В 1949 г. вместе с церковной общиной переехал в США. Овдовел в 1963 г. В 1964 г. упомянут как протопресвитер. В феврале 1968 г. принял монашество с наречением имени Андрей и хиротонисан во епископа Роклендского, викария Нью-Йоркской епархии. Архиепископ (1973). Скончался в 1978 г.

Анастасий (Грибановский Александр Александрович) — родился в 1873 г. в Тамбовской губ. в семье священника. Выпускник Тамбовской ДС и Московской ДА (1897). Канд. богословия. Пострижен в монашество в 1898 г. Архимандрит и ректор Московской ДС (1901). Еп. Серпуховский, викарий Московской епархии (1906), Холмский и Люблинский (1914), Кишиневский (1915). Архиеп. Кишиневский и Хотинский (1916). Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Эмигрировал из России в 1919 г. Управлял рус. православными община-

ми в Константинополе. Около 1924 г. был выслан из Константинополя за «антитурецкую пропаганду». С 1924 по 1935 г. возглавлял рус. миссию в Палестине. Митрополит (1935). С 1936 по 1964 г. — глава РПЦЗ в сане митрополита. Осенью 1944 г. эвакуировался вместе с Архиерейским Синодом и канцелярией в Вену, в 1945 г. — в Мюнхен, а с 1950 г. — в США. С 1964 г. на покое. Умер в 1965 г. в Нью-Йорке.

Власов А. А. — сов. военачальник, генерал-лейтенант. Родился в 1901 г. Учился в Нижегородской ДС. В Красной Армии с 1920 г. В ВОВ Андрей Власов командовал корпусом и армией, заместитель командующего Волховским фронтом, командующий 2-й Ударной армией (Волховский фронт), оказавшейся весной 1942 г. в окружении. Попал в плен, возглавил Комитет освобождения народов России (КОНР) и РОА, составленную из военнопленных. В СССР офицеров и солдат РОА называли «власовцами». В мае 1945 г. захвачен советскими частями. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен в 1946 г. В 2001 г. Военная коллегия Верховного суда РФ отказала в реабилитации Власова А. А. и других, отменив приговор в части осуждения по ч. 2 ст. 58 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и прекратив в этой части дело за отсутствием состава преступления. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Дезен Т. Е. — родилась в 1901 г. в Санкт-Петербурге. В 1921 г. семья эмигрировала в Эстонию. Жила в Таллинне. В 1921–1926 гг. училась в Тартуском университете. Заведовала общежитием для детей из бедных семей в г. Печоры (1936). В 1938 г. училась в английской богословской школе в Лондоне. Накануне ареста в 1940 г. вышла замуж за Н. Н. Пенькина. Была активным членом РСХД в Прибалтике. После вступления советской армии в Прибалтику в 1940 г. была арестована, отправлена в Ленинград и в 1941 г. расстреляна. В 1990 г. посмертно реабилитирована.

Евлогий (Георгиевский), митр. — родился в 1868 г. в Тульской губернии в семье священника. Окончил Тульскую ДС (1888) и МДА (1892). Принял монашество в 1895 г. Рукоположен во иеромонаха в 1895 г. Еп. Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии (1903). Еп. Холмский и Люблинский (1905). Архиеп. (1912). Архиеп. Волынский и Житомирский (1914). В эмиграции с 1920 г. Управляющий русскими православными приходами в Зап. Европе (1921–1946). Митрополит (1922). В начале 1930 г. принял участие в молениях о «страждущей Русской Церкви», проведенных по инициативе архиеп. Кентерберийского в Лондоне. В ответ 10 июня 1930 г. был уволен митр. Сергием (Страгородским) от управления русскими церквами в Зап. Европе и запрещен в священнослужении. Митр. Евлогий этих решений не признал и в 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольского патриархата. Член Учредительного комитета Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Ректор института (1925–1946). Поддерживал РСХД. В последние годы жизни был

сторонником сближения с Московской Патриархией. В 1945 г. обратился к пастве с призывом вернуться в лоно Русской Церкви. 2 сентября 1945 г. воссоединился с Московским Патриархатом в должности Экзарха Западно-Европейских православных церквей. Скончался в Париже в 1946 г.

Иоанн (Шаховской), архиеп. — православный миссионер, проповедник, писатель, поэт. Родился в 1902 г. в Москве в аристократической семье. Князь. Учился в императорском Александровском лицее. Эмигрировал из России в 1920 г. Принял монашеский постриг на Афоне (1926). Рукоположен во иеромонаха в 1927 г. Настоятель Свято-Владимировского храма в Берлине (1932–1945). Во время войны вел миссионерскую работу среди русских военнопленных и восточных рабочих. С 1946 г. в США. Хиротонисан во епископа Бруклинского в юрисдикции Американской митрополии в 1947 г. В 1947–1950 гг. декан Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке (США). Епископ Сан-Францисский и Западно-Американский (1950). Архиепископ (1961). Активный участник экуменического движения, член ВСЦ. С 1979 г. на покое. Скончался в 1989 г.

Иов, архим (Леонтьев Владимир Михайлович) — родился в 1894 г. в Москве в аристократической семье. Участник Белого движения. Помощник настоятеля обители прп. Иова Почаевского в Ладомирово (Словакия). В 1945 г. с частью братии обители переехал в Германию и создал в мест. Оберменцинге, в пригороде Мюнхена, новую обитель, также во имя прп. Иова Почаевского. Первый настоятель обители. Скончался в 1959 г.

Константинов Димитрий, прот. (1908–2005) — историк новейшей истории Русской Церкви, писатель, журналист. С 1941 г. в действующей армии. В 1944 г. попал в плен. В том же году рукоположен в сан диакона митр. Анастасием (Грибановским). 20.11.1944 г. митр. Серафим (Лядэ) рукоположил его во священника. На о. Димитрия была возложена обязанность духовного окормления РОА. После войны служил в приходах Зап. Германии. В 1949 г. переехал в Аргентину, служил в кафедральном Свято-Троицком соборе в Буэнос-Айресе. С 1960 г. проживал в США. Автор более 10 монографий по истории РПЦ.

Лаговский И. А. — родился в 1889 г. в Костроме в семье священника. Учился в Кинешемском дух. училище. Окончил Костромскую дух. семинарию (1908) и КДА со степенью канд. богословия (1913). Эмигрировал из Севастополя в Константинополь (1919), затем на Корсику (Франция). В 1923 г. поступил в Русский педагогический институт в Праге и окончил его в 1926 г. Вступил в члены Русского студенческого христианского движения (РСХД). С 1926 г. ассистент кафедры психологии и педагогики Свято-Сергиевского богословского института в Париже. Преподавал с 1926 по 1928 г. Священное Писание Ветхого Завета. Член центрального секретариата (секретарь) РСХД в Париже (1929–1933). Совместно с Н. М. Зерновым был первым соредактором «Вестника РСХД». В 1933 г. переехал из Парижа

в Тарту (Эстония). Возглавлял РСХД в Эстонии (1934–1939). И. А. Лаговский был одним из учителей Патриарха Алексия II (*Даниленко Борис, прот.* Патриарший омофор над библейской наукой / Встреча. 2007. № 1(24)). После вступления советской армии в Прибалтику в 1940 г. был арестован и приговорен к расстрелу. Расстрелян в Ленинграде 3 июля 1941 г.

Михаил Шефирцы, прот. — родом из Бессарабии. В конце 1930-х гг. настоятель православного прихода в Баден-Бадене в юрисдикции митр. Евлогия. Из военнопленных. Был разъездным православным священником во Франции. Основатель православного прихода в г. Булонь-Бийянкур под Парижем.

Нафанаил, архиеп. (кн. Львов Василий Владимирович) — церковный деятель, духовный писатель. Родился в 1906 г. в Москве. После революции в эмиграции в Харбине. Окончил Харбинское реальное училище (1922). Работал рабочим на КВЖД в 1922–1929 гг. Учился на вечерних богословских курсах в 1928–1931 гг. Пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха в 1929 г. Законоучитель в детском приюте при Доме милосердия в Харбине. Архимандрит (1936). Вторую мировую войну провел в Словакии. Был помощником настоятеля монастыря прп. Иова Почаевского (Владимирово (Ладомирово). Словакия). Настоятель Воскресенского собора в Берлине в 1945 г. Еп. Брюссельский и Западно-Европейский в 1946–1951 гг. С 1966 по 1980 г. был настоятелем обители прп. Иова Почаевского в Мюнхене. Еп. Венский и Австрийский (1971). Архиепископ (1981). Скончался в 1986 г.

Пенькин Н. Н. — преподаватель (с. Шумилки, Эстония, начальная (шестиклассная) школа). Ведущий деятель РСХД в Прибалтике. Был женат на Т. Е. Дезен. Их обвенчал в Ревеле перед арестом в 1940 г. о. Александр Киселев. Пенькин был одним из редакторов газеты «Путь жизни», организатором различных кружков для школьников и молодежи. В Печерах им было создано общежитие для детей из бедных семей, чтобы дать возможность им учиться. При его содействии было организовано изд-во, которое выпускало книги религиозно-философского содержания. После вступления советской армии в Прибалтику Н. Н. Пенькин был арестован представителями НКВД и отправлен в Ленинград. Расстрелян в 1941 г. Посмертно реабилитирован в 1990 г.

Серафим, митр. (Лядэ Карл Георг Альберт) — родился в 1893 г. в протестантской семье. В 1904 г. перешел в православие. Выпускник СПбДС и МДА. Кандидат богословия. С 1907 г. в священном сане. После окончания МДА служил на приходах в Харьковской епархии. Преподавал немецкий язык в Харьковской ДС. В 1919–1920 гг. — полковой священник Белой армии. В 1923 г. после вдовства принял монашеский постриг и хиротонисан обновленцами во епископа Ахтырского. В 1930 г. переехал в Германию и был принят по личному разрешению митр. Анастасия (Гри-

бановского) в состав РПЦЗ в сущем сане. В 1938 г. возглавил Германскую епархию. В 1939 г. возведен в сан архиепископа, а в 1942 г. в сан митрополита. С 1942 г. возглавлял Средне-Европейский митрополичий округ РПЦЗ. Скончался в Мюнхене в 1950 г.

Серафим, архиеп. (Иванов Леонид Георгиевич) — родился в 1897 г. в Курске. Поступил на филологический факультет Московского ун-та (1914). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции с 1920 г. Окончил философский и богословский факультеты Белградского ун-та в 1925 г. Принял постриг на Афоне в 1926 г. и рукоположен во иеромонаха. С 1928 по 1946 г. подвизался в миссионерской обители прп. Иова Почаевского в Ладомирово (Словакия). Возглавлял обитель в сане архимандрита. С 1944 г. вместе с братией монастыря в Германии. Затем с братией эмигрировал в США, где поселился в Свято-Троицком монастыре в г. Джорданвилль (США). Принял на себя руководство монастырем. В 1948 г. основал в г. Магопак (США) Ново-Коренную пустынь и был ее настоятелем с 1951 по 1957 г. Постоянный член Архиерейского Синода РПЦЗ (1951–1957). С 1957 г. — еп. Чикагско-Детройтский. Архиепископ (1959). Архиеп. Чикагско-Детройтский и Средне-Американский (1976). С 1976 г. пожизненный член Синода и первый заместитель первоиерарха РПЦЗ. Скончался в 1987 г.

Сергий (Королев Аркадий Дмитриевич) — родился в Москве в 1881 г. Окончил Вифанскую дух. семинарию и МДА (1905). Пострижен в монашество в 1907 г. В 1908 г. рукоположен во иеромонаха. В 1914 г. назначен настоятелем Яблочинского монастыря на Волыни. Епископ Бельский, викарий Варшавско-Холмской епархии (1921–1922). Епископ Холмский, викарий Варшавско-Холмской епархии (1922). В 1922 г. арестован правительством Пилсудского и выслан из пределов Польской республики в Чехословакию. В 1922–1946 гг. епископ Пражский, викарий митрополита Евлогия (Георгиевского) в Центральной Европы и настоятель храма Св. Николая в Праге. Архиепископ (1946). Архиепископ Венский, викарий Западно-Европейского Экзархата в юрисдикции Московского Патриархата с местопребыванием в Вене (1946). Экзарх Средне-Европейских православных церквей Московской Патриархии на правах самостоятельного епархиального архиерея. Архиепископ Берлинский (1948). В 1950 г. вызван патриархом Алексием I в Россию. Архиеп. Казанский и Чистопольский (1950). Скончался в 1952 г. в Казани.

Сергий Положенский, митрофорный прот. — родился ок. 1897 г. После 1919 г. в эмиграции в Германии. Рукоположен во священника в 1934 г. В 1934–1936 гг. и после 1938 г. служил в Берлинском приходе св. кн. Владимира. Настоятель русской церкви в мест. Тегеле (пригород Берлина) в 1936–1938 гг. После 1945 г. служил в берлинских храмах Московской Патриархии. Умер после 1984 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Русское возрождение»

По страницам журнала «Русское возрождение»

Журнал «Русское возрождение» был основан в 1978 г. по благословению Русской Православной Церкви За рубежом протопресвитером отцом Александром и Каллистой Ивановной Киселевыми, Н. Ф., И. Э. и А. Н. Федоровыми. Журнал в 1978–1979 гг. печатался во Франции, затем, с 1980 по 1994 г., — в США. С 1994 г. журнал печатается в России по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в 2001 г. начинает выходить как альманах.

Главными редакторами журнала в разное время были: кн. С. С. Оболенский (1978–1979), Г. А. Хомяков (1980–1981), М. А. Холодная (с 1982 г.). Редакция: О. П. Ильинский, Н. Н. Озеров, И. П. Холодный, А. И. Феррейра.

Задачи, которые ставили перед собой учредители, были провозглашены в первом же номере журнала, и затем этот текст помещался в каждом номере. Приводим его полностью.

Наши задачи

Журнал «Русское возрождение» ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа.

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Все, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и все, что с ними связано и из них вытекает, — входит в круг интересов журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Редакция

На страницах журнала среди прочих публиковались материалы, посвященные подготовке предстоящего празднования 1000-летия Крещения Руси зарубежной общественностью, которая началась задолго до 1988 г. Она включала в себя проведение съездов православной общественности, тематика которых основывалась на разнообразных вопросах, связанных с историческим и культурным наследием Древней Руси; освещались события церковной жизни в современной России (Советском Союзе); рассказывалось о непростом положении верующих и так называемых инакомыслящих, чьи взгляды не соответствовали идейным установкам представителей государственной и партийной власти[1]. В статьях переосмысливалось положение эмиграции, характеризовался ее идейный стержень, сложившийся за многие десятилетия пребывания за рубежом: «Эмиграция всегда ощущала себя носительницей идеи. Эта идея не есть идея политическая

[1] В задачи данного издания не входит детальный анализ публикуемых материалов. По мнению составителей, они представляют собой один из малоизвестных источников новейшей истории Русской Православной Церкви, посвященной событиям, предшествующим объединению двух ветвей Русской Православной Церкви, и непосредственным их участникам, знакомство с которыми внесет посильный вклад в освещение этого исторического события, завершившегося подписанием акта о восстановлении канонического общения 17 мая 2007 г., скрепленного подписями выдающихся первоиерархов — Святейшего Патриарха всея Руси Алексия II (Ридигера) и митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского Лавра (Шкурла), скончавшихся в 2008 г.

В первую очередь она представляет собой результат тех размышлений о России, которые были характерны для русских мыслителей на протяжении веков. Идея эта, по сути своей, религиозная, воспринимается эмиграцией в качестве основы при решении проблем русской культуры в целом». И далее редакция журнала подчеркивает: «В современных условиях понятие «русская эмиграция» имеет для нас значение идеологическое и философское в первую очередь. Ни растворяться в иностранной среде, в которой мы жили, ни отказываться от России в любых обстоятельствах жизни мы не хотели. Мы никогда не отделяли себя от России и трагически переживали ее оторванность от тех морально религиозных и философских устоев, которые попали под удар Советской власти»[1].

Среди авторов статей общественные деятели, церковнослужители, писатели, ученые, деятели культуры. Вот имена некоторых из них: А. Н. Арсеньев, И. В. Морозов, О. Ильинский, А. И. Солженицын, свящ. Дмитрий Дудко, прот. Виктор Потапов, Г. Рар, Д. И. Лихачев, В. Г. Раушенбах и многие другие[2].

Как свидетельствуют материалы, публикуемые в журнале, постепенно возникает диалог между представителями частей разделенной трагическими событиям России, подобно имеющим один исток двум ручейкам, которые журчат вначале негромко, а затем, сливаясь, превращаются в полноводную реку, берущую единое начало в истоках культуры Древней Руси. Статьи позволяют проследить, как на примере единичных контактов отдельных личностей, в сердце которых всегда присутствовало осознание единой неделимой России, произошло по человеческим понятиям невозможное — было преодолено с Божьей помощью разделение, длившееся более полувека, и две ветви Русской Православной Церкви вновь воссоединяются.

И, безусловно, к числу этих необыкновенных личностей принадлежит отец Александр Киселев, 100-летие со дня рождения которого отмечалось 7 октября 2009 г. Родился о. Александр в Твери, похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве, а между этим 92 года, почти все — за границей России, деятельным, стойким, верным и любящим сыном которой он оставался всю жизнь.

[1] Русское возрождение. 1995. № 63. С. 7.

[2] Для более удобного восприятия публикуемые материалы разделены на несколько рубрик и помещены в хронологическом порядке.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

«12» сентября 1993.
№ 3194

119034 Москва, Чистый пер. 5

**ЧЛЕНАМ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА "РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ"
И ЕГО ИЗДАТЕЛЮ - СВЯТО-СЕРАФИМОВСКОМУ ОБЩЕСТВУ**

С удовлетворением приветствую всех вас с перенесением Журнала на русскую землю, где он будет отныни издаваться.

Православный русский народ высоко ценит ваш 15-летний труд свидетельства Православной веры, как творческую силу, направленную на духовное и нравственное обновление народов нашего Отечества.

Ваш Журнал и за пределами Родины служил "достижению великого русскаго церковно-земскаго примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли".

Помощь Божия да сопутствует вам в продолжении вашего труда на благо Церкви и Отечеству в пользу!

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Подготовка к празднованию 1000-летия Крещения Руси

Съезд, предваряющий 1000-летие Крещения русского народа (3–5 сентября 1977 г.)[1]

Обращение к православным русским людям

Мы, члены Съезда, созванного, по благословению Архиерейского Синода Православной Русской Церкви за рубежом, Комиссией по подготовке предстоящего празднования 1000-летия Крещения русского народа (988–1988), сочли своим долгом обратиться к тем русским людям, как в зарубежье, так и на родине находящимся, для которых событие Крещения нашего народа является священным.

Близкие и далекие, братья и сестры по вере и крови! Будем помнить о значении для нас принятия христианства как силы возрождающей и хранящей нас на протяжении всей нашей истории. От всех бедствий и грехопадений Россия спасалась силою помощи Божией. Так и теперь, в наше неизмеримо страшное лихолетье, призовем имя Божие и спасемся!

В се спасающее имя Божие призывается не только молитвой, но и каждым поступком, совершаемым в духе Божией правды.

Пусть же будет десятилетие, отделяющее нас от тысячелетия крещения нашего народа, десятилетием нашего духовного очищения, оздоровления и полного восстановления. Пусть же каждый из нас будет максимально содействовать и работать для этого святого дела, как в своем собственном внутреннем мире, молясь и живя по правде, так и в общественной, государственной и церковной жизни.

Закончим наше обращение словами из специального богослужения, принятого на последнем Всероссийском Церковном Соборе в 1917 году:

«Яко плод красный Твоего спасительного сеяния земля Русская приносит Ти, Господи, вся святыя в той просиявшия. Тех молитвами в мире глубоце Церковь и страну нашу Богородицею соблюди Многомилостиве».

Протоиерей Александр Киселев — председатель
Проф. В. И. Алексеев — вице-председатель
Проф. О. М. Роздянко — вице-председатель

[1] Русское возрождение. 1978. № 1. С. 5–8.

Вышеприведенное обращение к православным русским людям было принято на первой встрече православно-русской общественности, созванной в сентябре 1977 г. под Нью-Йорком в США.

Какую цель преследовала эта встреча или съезд? Ответ на этот вопрос так сформулирован в слове, произнесенном на открытии съезда: «Положить начало такому единению, создать круг людей не только единомышленных, но и направляющих свои действия, молитву и сердечное влечение к единственной цели: служить русскому православию и русскому народу — к этому делу и призвана наша нынешняя встреча».

Общей темой съезда была «Современная русская действительность и идеалы Св. Руси» или «Современность и вечные ценности». Съезд продолжался три дня, во время которых было заслушано 11 докладов[1]. Каждый день начинался с ранней литургии. В последний день почти все участвующие говели, причастились Св. Христовых тайн. Съезд был первым опытом духовного подготовления к 1000-летию Крещения нашего народа, укрепления нас в лице нашей интеллигенции[2], в сознании нераздельности православия и культуры, в навыке церковной одухотворяющей жизни, без чего никогда не будет построена ни государственная, ни общественная, ни личная.

Вступительное слово[3]

Нас собрало то великое событие, которое мы будем отмечать через 10 лет, но память о котором никогда не должна меркнуть в нашем сознании.

Не дай Господь нам относиться к крещению нашего народа как к религиозной формальности или как к акту, прикрывающему государственно-политические интересы.

---

[1] Перечень докладов и лекторов: В. И. Алексеев «Пути и судьбы России», В. А. Вагин «Пути религиозного возрождения в Советском Союзе», М. В. Ледковская «Культура и жизнь Церкви», А. Р. Небольсин «Храмы и сокровища русской старины», В. Н. Бутков «Прп. Сергий Радонежский и наши дни», И. И. Дэнлоп «Национально-религиозное возрождение в Сов. России», свящ. А. Лебедев «Русская Православная Церковь за рубежом», К. И. Киселева «Литература и нравственные проблемы в Сов. Союзе», свящ. В. Потапов «Пастырское служение как подвиг», Т. А. Родзянко «Служение мирян в Церкви Христовой», прот. А. Киселев «Литургическое понимание жизни».

[2] Съезд не был широко опубликован. Было разослано 50–60 личных приглашений, а съехалось свыше 120 человек, представителей русской интеллигенции, большинство из которых было в возрасте 30–50 лет.

[3] Русское возрождение. 1978. № 1. С. 9–14.

Для русского народа всегда было характерно идеалистическое отношение к жизни. Но это еще не значит, конечно, что он был идеальным народом. Равно как и наше самоопределение — Святая Русь — говорило не о достигнутой народом святости, а о том, в достижении чего видел он цель своего бытия, свою историческую «заданность». И это сознание определяло его историческое бытие.

И опять скажу: наш народ — не собрание святых людей и безгрешных дел. Нет, мы — народ грешный, имеющий за плечами многогрешную историю. Но в сознании народном правда не подменялась правом, и кривда правдой не звалась. Ценности фальшивые — у кого и когда в них был недостаток ? Но, однако, они в нашу народную жизнь не врастали.

Не в грехе дело. Кто не грешил?

Один Бог без греха.

Дело в принципиальном приятии или в принципиальном неприятии греха. Греха, неправды как допустимого фактора устроения жизни.

Устроения жизни на голой неправде никогда не принимал и не принимает наш народ. Зная это, русский пророк Ф. М. Достоевский и назвал наш народ богоносцем.

И да не покиваем главами осуждения на свой народ, вспоминая последние 60 лет нашей истории. И в этот период жуткого и кровавого грехопадения, предельного разгула бесовщины сохранился в народе нашем нравственный стержень: способность нравственных оценок и совестливой меры.

За 60 лет полной власти ада не уничтожена в России Церковь Христова.

Число людей, не знающих христианского закона, но, в силу нравственного закона, живущего в их сердцах, — мыслящих и поступающих нравственно (см. Рим 2. 14), — число таких людей растет и крепнет у нас на родине и по сей день.

О чем же это говорит? Чего тут больше: падения или возрождения?

Все это учитывая, еще с большим основанием, чем 60 лет тому назад, мы можем повторить слова из специальной службы, установленной на Всероссийском Церковном Соборе 1917 года:

Вот эти слова: «Яко плод красный Твоего спасительного сеяния, земля Русская приносит Ти, Господи, вся святыя в той просиявшия. Тех молитвами в мире глубоце Церковь и страну нашу Богородицею соблюди Многомилостиве».

Однако всегда нужно помнить, что жизнь христианская не есть перекладывание на Бога того, что сам человек должен делать. Христианская жизнь есть соработа человека с Богом своим в деле строительства Божьего дела. Так и пишет ап. Павел к Коринфянам: «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» (1 Кор 3. 6).

Не смеем мы с чистой совестью возложить все на Бога и сидеть сложа руки. Разве не нам, человекам, от начала была дана заповедь — «возделывать и хранить» землю? Разве не наш русский поэт Хомяков сказал, осознавая свой христианский долг в жизни:

Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу ивы,
Господь, для сева Твоего...

Вспахиваем ли мы землю для дела Божия в мире, или только устами говорим «да приидет Царствие Твое», ничего не делая, чтобы это царство Божие действительно стало царством, царствовало в нашей личной, семейной, общественной, государственной и церковной жизни?

Конечно, я знаю, сколько за эти 60 лет у нас в рассеянии создано церквей, монастырей, школ и т. д., сколько есть добрых семей и отдельных людей исключительно высокой христианской жизни. Но все же не будет ли это касаться только части всей массы нас — православных русских людей за рубежом?

Где другие?

Сделали ли мы все для того, чтобы привлечь их в наши ряды?

Я сказал так смело — «в наши ряды». А где эти ряды?

Куда направить человека, который встает и говорит: «Я хочу быть с вами и делать общее дело»? Где у нас та среда, в которой такой человек почувствует себя среди своих, среди людей, живущих общим делом церковного и национального служения Богу?

Где? В чем?

Если скажем, что таким местом может быть любой наш приход, то это не будет еще полным ответом. Да, обыкновенно в приходе идет молитвенная, литургическая жизнь. Да, это самое главное, но, однако, еще не все. Иные формы жизни и интересов в приходе обыкновенно не выходят за ограниченный круг некоего, так сказать, «самообслуживания» и зачастую не поднимаются до высоты общецерковных задач.

Если мы сошлемся на наших епископов или на самого Владыку Митрополита, в лице которого мы все объединены, — то и это не разрешает вопроса. На кого может опереться Владыка Митрополит, видящий с высоты своего положения все церковные нужды, если каждая первичная церковная ячейка, т. е. приход, живет только кругом своих приходских интересов? Кто просто-напросто поймет Митрополита, — говоря о тех, почти глобального охвата церковных и национальных проблемах, которые стоят перед нами как свободной частью гонимой Русской Церкви?

Этой-то инициативной, а не инертной церковной среды, людей, объединенных готовностью и жертвенностью, у нас и нет, господа.

Мы часто живем слишком спокойно, слишком благодушно, как будто все кругом обстоит как нельзя лучше, как будто и нет трагедии у нас на родине, и русское православие не переживает смертельных опасностей. Живем так, как будто бы жизнь нам дана для удовольствия — и только.

Но это самоубаюкивание, это самообман.

Наш долг — открыть свои глаза на действительность и другим помочь сделать это же.

Для начала такого дела мы и собрались сегодня.

Положить начало такому единению, создать круг не только людей единомысленных, но и направляющих свои действия, молитву и сердечное влечение к единственной цели: служению русскому православию и русскому народу — к этому делу и призвана наша нынешняя встреча.

Такое наше соборное дело, единодушное делание, но не новая организация, а единонаправленность усилий при разных формах действия и разных группах, действие, а не только благие намерения, восполнит недостающее звено в нашей церковной и патриотической борьбе за будущее нашего народа на пороге 1000-летия его крещения.

Господи благослови!

Постараемся, друзья мои, максимально использовать время, предоставленное нам этой встречей.

Слушая лекции и обмениваясь мнениями после них, будем стараться уловить то, что может укрепить и углубить наше соделание в будущем. Время перерывов, еды, вечернее время не будем тратить на пустые разговоры, как это часто у нас бывает.

Будем просить Господа, чтобы сердца наши приоткрылись подлинной воле послужить Господню делу и это дело почувствовать как радость, как привилегию сынов, а не обязанность рабов.

Будем, друзья, искать и с усердием стараться, чтобы завязалась дружба и теплые чувства между нами, желающими потрудиться в общем необходимом деле ради святой веры и дорогого отечества.

Благословясь, приступим же к намеченному.

Прот. Александр Киселев

Непримиримость[1]

Отмечать день, когда, отвергая происшедшее 60 лет тому назад на нашей родине событие, мы заявляем о нашей непримиримости с ним, стало традицией.

Традиция, обычай, завет, предание — это все необходимейшие факторы, дающие жизни устойчивость. Они более устойчивы, чем законы, которые отменяются и на их место учреждаются новые. Преданья старины, обычаи и традиции неотменимы. Они — корни народного бытия. Их подрывают только тогда, когда хотят падения могучего дуба государственности.

«История растет как дерево живое, и разум для нее топор, разумом вы ее не вырастите. Или, если хотите, история — река, у нее свои законы течений... Но реку, но струю прервать нельзя, ее только на вершок разорви — уже нет струи». Связь поколений, учреждений, традиций, обычаев — это и есть связь струи», — читаем мы в «Августе 14-го».

Однако есть и опасность в традиционных устоях нашей жизни — их вырождение в «пустое *благочестие*», как сказано у апостола Иакова. Смысл традиции, ее внутреннее содержание, может стираться в нашей памяти и превращаться как бы в вывеску всеми уважаемой фирмы над пустым магазином.

Возраст отмечаемой нами сегодня традиции Дня непримиримости не убелен еще сединами (слава Богу!), однако уже перешагнул за два поколения, и напоминание о его замысле было бы своевременным.

Движение по наклонной плоскости упрощения может способствовать пониманию этого дня лишь как неприятия, отрицания, враждебности к революции, стоившей России десятки миллионов человеческих жизней.

Еще шаг по линии упрощения, и мы услышим голоса тех, кто День непримиримости будет называть днем культивирования ненависти, считая, что давно пора забыть то, что происходило 60 лет тому назад.

[1] Речь протоиерея А. Киселева осенью 1977 г. на Акте Дня непримиримости в Лос-Анджелесе (Калифорния) (Русское возрождение. 1978. № 1. С. 138–149).

Нечего-де после драки кулаками махать. России нет и не будет, а есть Советский Союз.

И иные голоса услышим мы. Они тоже отвергают существование России, но совершенно по другим причинам: с Россией навсегда кончено! — утверждают они, — есть только Совдепия. И Церковь там советская, и литература, и наука, и искусство, и люди — все только Советчина.

Как восклицания огульного восторга, так и восклицания огульного поношения — это все упрощение. Выстраданная, продуманная, в свете Божией правды понятая любовь к родине не может ни отдать ее, родину, ни согласиться на половинчатость. Любовь, как и правда, может быть только всецелой и верной до конца. «Родину свою люби», читаем мы в журнале «Вече», «но не делай из нее идола, ни явно, ни прикровенно. Люби ее настолько, насколько Богу не противно будет» (Вече. № 4). Любовь — это не вздохи и восклицания, она определенна и конкретна, как истина, как догмат.

«Россия наша, прошлое России наше и будущее России тоже наше», — сказал генерал Власов.

Если Россия наша, то мы ее. Права поэтесса Марина Цветаева, сказавшая: «Не быть в России, забыть Россию может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри — тот потеряет ее вместе с жизнью». Если это так, тогда непримеримость наша должна иметь не только знак отрицания, но и утверждения. День непримиримости должен не только отвергать коммунизм, но и указывать, провозглашать то положительное начало, за которое мы боремся.

Нельзя быть антикоммунистом вообще. Если ты действительно против чего-то, то ты должен знать и то положительное, которое ты хочешь видеть на месте отрицаемого.

Изумительную мысль некогда высказал проф. Г. П. Федотов. Он сказал: «У всякого народа есть родина, но только у нас — Россия». Тем, кому надо объяснять эту фразу, мы этого делать не будем. Любовь или есть, или ее нет. Объяснять любовь нельзя.

Вот еще один луч света, брошенный на предмет нашей любви — Россию. Это слова Тютчева, сказавшего: «...в Россию можно только верить».

Как выразить, какими словами определить ту Россию — вечную, непреходящую Россию, которую мы любим, в которую верим? Я не знаю лучшего ответа на этот вопрос, чем слова проф. И. А. Ильина. Вот они: «Мы должны увидеть идеальную Россию, нашу родину, в

ее возможном и грядущем совершенстве, увидеть священною мечтою нашего сердца и огнем нашей живой воли. И увидев ее так, и увидев ее такою, создать те силы, которые осуществят ее, — Россию природных и национальных дарований, Россию великих залогов и заветов, Россию святителей, героев и поэтов, — Россию перед лицом Божиим».

Вот оно — положительное, что выдвигаем мы, говоря о нашей непримиримости с коммунизмом. Вот то, *за что* мы боремся против коммунизма.

Это определение положительного идеала ставит нас перед необходимостью действия. Слова проф. И. А. Ильина должны стать нашими *собственными* словами, нашим *собственным* убеждением. Не только пройти через наше сознание, но и укрепиться в нем, как осознанные нами самими задачи наши.

Собирание ценностей и сил духа и их противопоставление тому, где они отвергаются, — вот положительное утверждение Дня непримиримости.

Но не будем лукавы, не будем обманывать самих себя, не ограничимся громогласной декларацией, за которой, кроме слов, не последует ни наималейшего действия.

А если этих духовных сил и ценностей, проявленных через конкретное дело, не окажется во мне самом? Найдется ли во мне столько мужества, чтобы объявить тогда непримиримость с самим собой?

В пасхальную ликующую ночь мы поем: «Тако да погибнут грешницы от Лица Божия, а праведницы да возвеселятся...». Что же это, мы о своей собственной погибели ликуем? Ибо ведь мы грешники? Или сами себя к праведникам причислили? Конечно, ни того, ни другого безумия мы не мыслим, но этими словами исповедуем готовность принять, согласиться на потерю неисправимо грешной части нашей. Части дел, убеждений, навыков, самости, гордыни. Греховной части всей — сознательной и несознательной — жизни. Я принимаю, чтобы эту греховную часть мою, как гангренозную ногу, отрубили от меня, но я бы уцелел. По милости Господней спасен бы был и разделил бы судьбу праведных, о которых сказано: «...а праведницы да возвеселятся». Не то ли самое говорит нам и Евангелие:

«Если правая твоя рука соблазняет тебя, — читаем мы у св. евангелиста Матфея, — отсеки ее и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мтф 5. 30). Пусть же этот образ будет для нас образом подлинной

непримиримости, непримиримости со злом, где бы и в чем бы оно ни находилось, не исключая зла и в нас самих.

То собирание ценностей и сил духа, о котором, как о положительном идеале, мы говорили выше, должно из мысленного идеала претворяться в практический проект действия. Не проект — чертеж, замысел, а проект — стройка, осуществление.

Ценности и силы духа часто воспринимаются ни как конкретные и реальные силы, ни как силы действительные. Это, думают, мол, только так — видимость, благочестивые разговоры. Это, мол, не насыщающая пища, а так — «гарнирчик», без которого, говоря серьезно, спокойно можно обойтись

Не так это! Это заблуждение! Это клевета на силу духа! Это одна из тех фальшивок, которые широко распространены между людьми и как бы мешают карты: черное называют белым и наоборот. Мы эту отраву обмана ежедневно глотаем и от года к году не крепнем, а расслабляемся.

«Не плоть, а дух растлился в наши дни...» — вот уже почти 100 лет тому назад написал Тютчев. Не будь в отцах наших этого растления духа — не бывать бы русской эмиграции. Не будь в нас, сынах отцов своих, того же растления, не просидели бы мы в эмиграции 60 лет.

Растление духа — это потеря главного и целостного сознания, это слабоволие, это незнание, что и как делать. Это отсутствие или недостаточность в нас тех ценностей и сил духа, о собирании которых мы говорили. Дух лежит в основе всего — всякого подлинного слова, всякого решительного действия..

Помните слова Гумилева о тех временах, когда «солнце останавливали словом, словом разрушали города».

Реальность силы духа не есть нечто, лишь некогда проявившееся, она вечна. Ее неисчислимые и потрясающие примеры были явлены на протяжении этих 60-ти лет. Но мы с вами, к нашему стыду, так часто не видим этих ярко горящих звезд духа, ибо часто вообще не смотрим на небо; днем потому, что заняты не небом, а своими делами, а ночью потому, что спим. А каскады звезд горят на небе, а сонмы мучеников мучаются на земле, побеждая тьму кровью и потом трудов своих, спасая Россию и нас — спящих и ночью, и днем.

Недавно я получил письмо и сведения от неизвестных мне людей из Сов. Союза, о женщинах — узницах, принадлежащих к ИПХ (истинно православные христиане), т. е. принадлежащих не к официальной, а к катакомбной православной Церкви в России. Они отказыва-

ются от всякого контакта с советской властью как властью сатанинской. Не только отказываются работать на эту власть, но и подписать любую бумаженку — дать власти свое имя. Паспорт или справку об освобождении из тюрьмы тут же рвут.

Полученное письмо начинается словами: «Дорогой отец Александр!

Нижеследующие сведения исходят от людей, далеких от Церкви, и поэтому здесь на первом плане "политический" аспект деятельности и мировоззрения ИПХ. Но и по этим записям можно почувствовать тот огонь веры, который невидимо согревает всю нашу страну»... — и дальше отрывок из того же письма: «...они категорически отказываются работать, за что регулярно наказываются помещением в лагерную тюрьму».

Далее поясняется, что таких тюрем две: ПКТ — помещение камерного типа и ШИЗО — штрафной изолятор. Там кормят по самой низкой норме — кипяток и 400 гр. хлеба в день.

Продолжаю выдержку из письма: «...каждая из них строжайше соблюдает пост в среду и пятницу, многие и в понедельник. Каждый день после общего подъема в 6:00, умывшись, они становятся на молитву и молятся до 8:00. Только после совершения полного цикла молитв приступают к еде. Аналогично вечером. При получении наказания (ШИЗО — до 15 суток или ПКТ — до полугода) прощаются с другими узницами, целуют всех и всем кланяются в пояс, прося у всех прощения и потом с *радостью* идут в застенок. После наказания некоторые выходят, качаясь от слабости, но снова отказываются работать и снова подвергаются жестокому наказанию. Так продолжается до того времени, когда в результате перенесенных мук они теряют здоровье и признаются нетрудоспособными инвалидами... В лагере все ИПХ... всегда помогают всем заключенным... ведут себя с большим достоинством, отличаются добрым и кротким характером, любимы и уважаемы всеми другими узницами...»

Вот один из многих примеров силы духа. Что может устоять перед такой силой? Вот она Россия! Потому-то великая правда в словах – «у всякого народа есть родина, но только у нас — Россия».

Как постичь эту непостижимую Россию? !

Только одной *любовью* возможно постичь эту «вырастающую из кровавого хаоса, удивительную страну — пусть еще в единичных судьбах она, но она — *Россия,* пусть все еще кажется беспомощно-безоружным ее религиозный гений в борьбе с дьявольщиной, залившей

ее морем крови, пусть для стороннего взгляда убогой и жалкой стоит она сегодня в своих чудом сохранившихся храмах. Но — стоит» (Вестник. № 121. Ст. 2001). И больше того знаем мы сегодня: стояние ее — в Церкви!

Наша непримиримость на шестидесятом году революции состоит не в перечислении зла коммунизма. Его смертные грехи теперь, кажется, уже каждый ребенок знает. А кто и до сих пор не познал этого, о том остается сказать словами поговорки, что горбатого могила исправит.

В наши дни дело непримиримости заключается в поисках по ту сторону границы наших союзников. Их там больше, чем мы можем себе представить.

Позвольте прочесть вам отрывок из рассказа «На кладбище» Василия Шукшина (Изд-во «Совет. Россия», Москва, 1974 год). Там рассказывается о том, как некий человек зашел на кладбище посидеть — подумать. Разговорился там со старушкой, которая рассказала ему следующее:

«У нас тут, на окраинке... военный городок, военные стоят. Там тоже есть кладбище, но оно старое, там теперь не хоронят. Раньше хоронили. И вот стоял один солдат на посту... А дело ночное, темное. Ну, стоит и стоит, его дело такое. Только вдруг слышит, кто-то на кладбище плачет. По голосу — женщина плачет. Да так горько плачет, так жалко. Он подождал другого, кто его сменяет-то, другого солдата. Нука, говорит, послушай: может мне кажется? Тот послушал — плачет. Ну, тогда пошел тот, который сменился-то, разбудил командира. Так мол и так, плачет какая-то женщина на кладбище. Командир сам пришел на пост, сам послушал: плачет. То затихнет, а то опять примется плакать. Тогда командир пошел в казарму, разбудил солдат и говорит: так, мол, и так, на кладбище плачет какая-то женщина, надо узнать в чем дело — чего она там плачет. На кладбище давно никого не хоронят, подозрительно, мол... Кто хочет? Один выискался: пойду, говорит. Дали ему оружию, на случай чего, и он пошел. Приходит он на кладбище, плач затих... А темень, глаз коли. Он спрашивает: есть тут кто-нибудь живой? Ему откликнулись из темноты: есть, мол. Подходит женщина... Он ее, солдат-то, фонариком было осветил — хотел разглядеть получше. А она говорит: убери фонарик-то, убери. И оружию, говорит, зря с собой взял. Солдатик оробел... «Ты плакала-то?» — «Я плакала». — «А чего ты плачешь?» — «А об вас, говорит, плачу, об молодом поколении. Я есть земная Божия Мать, и плачу об ва-

шей непутевой жизни. Мне жалко вас. Вот иди и скажи так, как я тебе сказала». — «Да я же комсомолец! — это солдатик-то ей. — Кто же мне поверит, что я тебя видел? Да и я-то, говорит, не верю тебе». А она вот так вот прикоснулась ладошкой моей спины и говорит: « Пове-ерите ». И пропала, нету ее. Солдатик вернулся к своим и рассказывает, как было дело — кого он видел. Там его, знамо дело, обсмеяли. Как же !.. — старушка сказала последние слова с горечью. И помолчала обиженно. И еще сказала тихо и горестно: — Как же не обсмеют ! Обсмею-ут. Вот. А когда солдатик зашел в казарму-то — на свет-то — на гимнастерке-то образ Божией Матери. Вот такой вот. — Старушка показала свою ладонь, ладошку. — Да такой ясный, такой ясный !..

Так это было неожиданно — с образом-то — и так она сильно зримо завершила свою историю, что встань она сейчас и уйди, я бы снял пиджак и посмотрел — нет ли там чего. Но старушка сидела рядом и тихонько кивала головой...»

Вы не забыли, господа, что этот рассказ написал советский писатель, что он напечатан в советском издательстве, что он прошел советскую цензуру... Как это могло бы быть, если бы там нигде не было людей, как и мы с вами, жаждущих России православной, России на ее исконных исторических путях? И среди людей, так или иначе причастных к литературе, и солдат, и комсомольцев, и старушек, — среди всех слоев населения современной России много тех, кто или прямо и сознательно наш друг, или, по крайней мере, наш потенциальный друг.

Они нуждаются в нас, как и мы в них. Мы, русские, живущие как там, так и тут, неотделимы друг от друга в нашей общей любви к России. Но не к России вообще и не к кровавой советской, конечно, а к той, которую мы знали в лучшие периоды ее 1000-летней истории, в формах ее традиционного государственного устройства... «России святителей, героев и поэтов — России перед лицом Божиим».

Девиз сегодняшнего Дня непримиримости должен говорить, что мы непримиримы со злом коммунизма и неразделимы с добром нашего народа.

Мы со своим страждущим народом единое и неделимое целое. Повторим слова ген. Власова: «Россия наша, прошлое России наше и будущее России тоже наше».

Разрешите мне закончить выдержкой из книги Владимира Солоухина «Слово живое и мертвое» (Москва, 1976. С. 235): «Взрывали Симонов монастырь. В монастыре было фамильное захоронение Аксаковых и, кроме того, могила поэта Веневитинова. Священная память

перед замечательными русскими людьми, и даже перед Аксаковым, конечно, не остановила взрывателей. Однако нашлись энтузиасты, решившие прах Аксакова и Веневитинова перенести на Новодевичье кладбище. Так вот сохранился протокол. Ну, сначала идут обыкновенные подробности, например:

"7 часов. Приступили к разрытию могил...". Ну так далее и так далее. Протокол как протокол, хотя и это ужасно, конечно. Потрясло же меня другое место этого протокола. Вот оно: "При извлечении останков некоторую трудность представляло взятие костей грудной части, так как корень березы, покрывавшей всю могилу Аксаковых, пророс через левую часть груди в области сердца".

Вот я и спрашиваю: можно ли было перерубить такой корень, ронять такую березу и взрывать само место вокруг нее?»

Да будет же благословен меч непримиримости к тому, что взрывает наши святыни, и меч, ограждающий тех, для кого родная земля есть земля, которую «в рабском виде Царь Небесный исходил благословляя» (Тютчев).

Прот. А. Киселев

К первым итогам[1]

Уже и на Западе люди духовно наиболее зоркие все больше сознают чрезвычайную, всемирную значительность того, что назревает в России. Ценой неописуемых страданий наш народ не только изжил лжеучение марксизма-ленинизма, от которого в России остались почти уже только по инерции держащиеся внешние формы, но в лице лучших представителей современной русской мысли все отчетливее преодолеваются и отвергаются также и далеко вглубь истории уходящие духовные и умственные корни этого зла — корни, продолжающие губительно влиять на действительность той части мира, которая до сих пор избегла коммунистической деспотии. Отсюда и надежда на то, что именно русское возрождение может повести к оздоровлению всего человечества, явно растерявшего внутренние силы, необходимые для выхода из исторических тупиков.

«Может повести» — это еще не значит, однако, что поведет действительно. Как христиане мы, вопреки марксистскому и всякому иному детерминизму, верим в свободную волю человека, а следовательно, и в то, что в каждый момент «все отвечают за все». Почти осуществив

[1] Русское возрождение. 1978. № 1. С. 230.

сначала страшное предвидение Константина Леонтьева о том, что ей предстоит родить Антихриста, Россия теперь имеет возможность выполнить прямо противоположное, светоносное призвание, но имеет и возможность это призвание упустить. И ответственность за то или другое решение ложится в большей или меньшей степени на каждого из нас и на всю совокупность нашей нации, она требует напряженнейших усилий — и личных, и общих, соборных.

Факт огромного значения заключается в том, что за последнее время, вопреки всем стараниям тоталитарной диктатуры, слияние индивидуальных усилий в усилие общее начало осуществляться. Одно из наиболее отрадных проявлений этого факта — распределение редакции и сотрудников нашего журнала одновременно на родине и в зарубежье. Необходимое дальнейшее углубление мысли, разработка пока еще неясных вопросов облегчаются взаимодействием выстраданных выводов, к которым приходят в России, и тех возможностей, которые имеются на свободе за рубежом.

Нет ничего удивительного в том, что ни здесь, ни там не все еще продумано до конца и нет полного единомыслия по всем вопросам. Такого полного единомыслия и не должно быть: мы не тоталитаристы, и отвергаем самую мысль стричь все под одну гребенку. Совершенно правомерно, различие взглядов останется всегда. Но для выхода из современного кризиса и для здорового развития в будущем нужно стремиться к согласию насколько оно только возможно. А для этого есть один единственный способ: не замазывать те расхождения, которые как за рубежом, так и на Родине существуют даже среди наших ближайших друзей, и напротив, честно их обсуждать, при полнейшем взаимном уважении и благожелательстве.

Уже в этом нашем первом номере внимательный читатель заметит некоторую разноголосицу. О ней и следует сказать несколько слов. Издаваясь за рубежом, наш журнал — само собой разумеется — старается предоставить место в первую очередь тем голосам, которые не без труда доходят сюда из России. Среди них один из самых веских — голос о. Глеба Якунина, своим героическим мужеством стяжавшего глубочайшее уважение даже и не только в русской среде. Тем не менее, его статья, помещаемая на наших страницах, содержит утверждения, которые не могут быть приняты безоговорочно и сами собой вызывают возражения. Таких утверждений у него два.

Во-первых, отметив крушение в революции той «симфонии», которая, несмотря на ряд извращений, все же сохранялась между Цер-

ковью и христианским государством, о. Глеб явно соглашается с теми «немногими в Церкви», которые с самого установления коммунистической власти «осознали, что человечество уже вошло в полосу *"Великого отступления"*, что мир, по-видимому, *окончательно* дехристианизировался, а "симфоническая" эпоха *безвозвратно* миновала» (подчеркнуто всюду мною.– *С. О.*).

Нет сомнения в том, что эти апокалиптические настроения свойственны не одному только о. Глебу Якунину: они вообще имеют некоторое распространение в современной России — как почти всегда и везде в эпохи великих бедствий. И никто не бросит камня в тех, кто им поддается, после всего, что Россия пережила за последние 60 лет. Но остается тот факт, что такие настроения, столько раз появлявшиеся начиная с самых первых времен христианства, до сих пор не оправдались никогда. И само Евангелие свидетельствует о том, что срок конца истории — имеющего неизбежно наступить после «окончательного» «Великого отступления» — неизвестен никому кроме Бога Отца. Это значит, что конец истории и Второе Пришествие могут наступить сейчас, когда я пишу эти строки, но так же точно история может еще продолжаться необозримое время, и каждому из нас нужно быть готовым к обеим возможностям. Вторая же возможность требует от нас напряженнейшего усилия для преодоления зла и победы добра в крайнюю меру исторически возможного, за «рехристианизацию» России и мира, за восстановление идеала Святой Руси, а следовательно, и за восстановление — конечно, в совершенно новых условиях и формах — «симфонии» между Церковью и государством, снова признающим Всевышнего Царя Христа. Трудно? Конечно, но для Бога нет ничего невозможного, а проблески видны уже и теперь, дело нас всех их усиливать, об этих проблесках очень много говорится в нашем журнале, и сам он оттого и назван «Русским Возрождением». А сам о. Глеб Якунин — разве не будет он счастлив, если окажется, что он сейчас ошибается, и Россия вернется к своему призванию — стараться быть Святорусской Землей?

Второе спорное утверждение о. Глеба связано с первым. Решительно — и совершенно справедливо — отталкиваясь от подмены «симфонии» капитуляцией церковной иерархии перед противобожеской властью, он резко отвергает «полный переход» Сталина «от политики интернациональной к политике национально-шовинистической» (это высказано еще сильнее во второй половине его статьи, которая будет напечатана в нашем следующем номере). Бесспорно здесь то, что ни

под каким видом нельзя поддаваться попыткам коммунистической диктатуры «прикарманить» русский национализм, и самое верное средство против этого в том, чтобы всемерно укоренять русское национальное сознание в его подлинной православно-христианской основе. В. Осипов, например, за то и репрессирован, что он именно на этом стоял, твердо стоим на этом и мы, и опасность национал-большевистского извращения необходимо все время иметь в виду. Однако весь этот процесс сложнее, чем можно подумать, читая о. Глеба. Прежде всего «полного» перехода от интернационализма к национализму какого бы то ни было толка не было никогда. Только некоторая видимость этого, очень многих обманувшая, была во время войны, сразу же после ее окончания Сталин повел политику, снова не имевшую ничего общего ни с какими национально-русскими интересами. Достаточно напомнить, какой опасностью для России обернулась величайшая победа интернационального коммунизма, одержанная в Китае. И по сей день диву даешься, когда узнаешь, например, из новейших американских подсчетов, что против этой реальной китайской опасности направлена всего только одна пятая военного усилия СССР, тогда как русские деньги, а теперь, кажется, уже и русские жизни тратятся еще и на новое предприятие в Восточной Африке, с русской точки зрения не только совершенно бессмысленное, но и угрожающее еще больше изолировать русский народ в случае столкновения с Китаем.

По сути дела, предпринятая Сталиным и по сей день продолжающаяся вынужденная игра на русском национальном сознании пыталась и пытается совместить несовместимое: эксплуатируя природный русский патриотизм, добиваться планетарного господства своей партии, антирусской по самому своему существу. Но этим и вносится внутрь самого режима неустранимое противоречие, которое будет обостряться тем больше, чем яснее будет выявлена неотделимость русскости от ее православно-христианских корней. И можно серьезно надеяться, что в пределе обострение этого противоречия скорее всего другого расколет, разорвет весь режим. Уже и теперь — о чем также говорится в нашем журнале — прорывы подлинной русскости все чаще и определеннее наблюдаются внутри самого официального советского мирка. Дальше их, по всей вероятности, будет становиться все больше. И если с Божией помощью станет окончательно ясно, что только подлинная русскость, а не уродливый национал-большевизм, может дать выход из нынешних очевидных тупиков, то и из самого «аппарата» великое множество сегодняшних оппортунистов мгновенно пере-

бегут в лагерь русского возрождения, тем самым облегчая спасительный исторический поворот.

Такова возможность — при непременном условии все крепче утверждаться на наших духовных устоях. Речь идет, таким образом, о внутреннем, духовном обращении нации, на первых порах, очевидно, не всей, но ее живых элементов, которые естественно поведут за собой ту часть народной массы, которая ныне растеряна, разверившись во всем и во всех. И так как это будет духовным обращением нации, то вопреки пессимизму о. Глеба Якунина станет снова возможной и «симфония» Церкви и государства.

Государства — в какой именно форме? Уже со времени основания Социал-христианского союза должно быть ясно, что пора этот вопрос выяснять. И тут опять есть в нашей собственной среде расхождение, которое не нужно замалчивать. В своем, в целом прекрасном, докладе, помещаемом на наших страницах, проф. В. И. Алексеев выдвинул категорически одно утверждение, которое не может не вызвать возражений со многих сторон, в том числе и лично с моей. Он совершенно прав, отвергая тот «вывод, что Православная Церковь может существовать только при монархии». Конечно, *«существовать»* она может при любой государственной форме, хотя бы и в катакомбах, *но* быть с государством в «симфонии»? «Православная Церковь, — пишет далее В. И. Алексеев, — должна поддерживать идею православного государства, которое может быть монархическим или демократическим». И вот это уже спорно весьма. Точнее: *в теории* это, по всей вероятности, верно, но *практически* — вряд ли. Не случайно по очень многим свидетельствам, нашедшим отражение и в этом выпуске нашего журнала, национальное русское движение на родине все больше принимает монархическую окраску. Тому есть много причин, из которых отмечу две, пожалуй, важнейшие. Перефразируя известные слова Милюкова, в слишком поздно пришедший момент просветления сказанные им Вел. князю Михаилу Александровичу, представляется весьма вероятным, что «без монархии нам море послекоммунистической разрухи не переплыть». Далее — опыт и моральный уровень западных демократий не столь уж блестящ, чтоб России принимать его за образец; да в русском национальном движении, именно в нем, нет, как будто, желающих просто-напросто перенимать какие бы то ни было западные образцы и ради них отказываться от того, что за много веков стало нашим, своим. К тому же и на Западе демократия чаще всего удается там, где она имеет опору в монархическом стержне.

В силу этого ошибочна сама альтернатива государства «монархического *или* демократического». В той или другой степени демократический элемент всегда был и есть во всякой здраво построенной монархии, не иначе мыслится это и в современной России. Впрочем, не сомневаюсь, что если будет в России не язычник Диоклетиан, конечно, и не Сталин, а православный царь, то проф. В. И. Алексеев будет надежным его верноподданным.

Итак, согласные в самом основном, будем и впредь честно обсуждать все, что еще может казаться неясным. Православно-национальной русской мысли кроме пользы от этого не будет ничего.

Кн. С. Оболенский

Члены Христианского комитета в СССР Председателю американского Комитета защиты гонимых православных христиан протоиерею Александру Киселеву[1]

Дорогой о. Александр! Дорогие наши братья, члены американского Комитета защиты гонимых православных христиан!

Огромной радостью было для нас получение вашего письма. Благодаря ему мы смогли явственно ощутить вашу подлинно христианскую любовь, вашу верность завету Господа: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. Потому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13. 34–35).

Особую радость вызывает также ваше свидетельство о том, что не только православные, не только русские, но и тысячи американских христиан принимают близко к сердцу положение верующих в СССР. Мы просим вас, по возможности, передать им нашу самую горячую благодарность и признательность от имени всех гонимых за веру в нашей стране.

Замечательно также и то, что ваш Комитет объединил православных различных юрисдикций, между которыми существуют серьезные противоречия. Наличие этих противоречий не может не отзываться болью в сердцах православных в России, и то сближение, о котором вы пишете, радует и вселяет надежду на возможность скорого достижения полноты единения православного зарубежья. Мы убеждены, что именно верность Кресту Христову, проявляющаяся, в частности,

[1] Русское возрождение. 1978. № 2. С. 3–9.

в солидарности с гонимыми христианами, есть основа единства всего Православия; залог благодатного единства всех учеников Христовых, сущих в разделении. Убеждает нас в этом и непосредственный опыт работы нашего Комитета. Наш Комитет ставит своей целью защиту прав всех верующих в Единого Бога — Творца и Вседержителя, независимо от исповедания. Практически нам приходилось до сих пор иметь дело с фактами нарушения религиозной свободы христиан, православных и протестантов различных направлений. Воочию мы могли убедиться, как в общении, построенном на защите христианской веры, тает лед недоверия между христианами различных исповеданий, просыпается взаимный интерес, крепнет чувство братской любви. Это не означает, конечно, охлаждения ревности о чистоте Православия, но еще раз подтверждает ту истину, что христианское единство недостижимо без взаимного доверия и любви, это — основа всякого диалога. Братская любовь между разделенными христианами — вернейший залог того, что они соберутся некогда за единой Трапезой Господней в Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Ваш Комитет создан в защиту гонимых православных христиан. И мы свидетельствуем вам, что борьба государства против Православной Церкви в нашей стране не ослабевает, но меняются ее формы. Как и было это предвидено богопросвещенными очами святых, гонения приобрели более утонченный, более изощренный характер.

В период кровавых репрессий была физически уничтожена лучшая, вернейшая Христу часть Русской Православной Церкви. Церковь Торжествующая украсилась сонмом новых мучеников, но в то же время изменился лик и характер пастырства Русской Церкви. На смену твердости исповедания пришла склонность к уступчивости, принятию недопустимых для Церкви компромиссов. Управление церковной жизнью фактически было отдано в руки атеистов, ставящих своей задачей полное уничтожение религии. Истребив лучшую часть Церкви путем внешнего насилия, оставшуюся Церковь продолжают уничтожать, разлагая Ее изнутри и препятствуя вливаться в Нее новым, чистым и свежим силам.

Строжайший отбор кандидатов на архипастырское служение по признаку достаточной человекоугодливости, постоянно усиливающийся контроль над духовными учебными заведениями, над подготовкой и отбором будущих клириков, постоянное вмешательство в жизнь приходов, возглавляемых с 1961 года не духовенством, но специально подбираемым руководством «двадцаток», искусственное

уменьшение численности клира, недопущение открытия новых приходов, препятствование распространению религиозной литературы, запрещение миссионерской деятельности, запрет преподавания духовенством основ вероучения детям, фактическое запрещение какого бы то ни было богослужения вне храмов, наконец, усиливающееся экономическое давление на Церковь — таковы в наше время формы гонения на православную веру. Эти новые формы позволяют одновременно и душить Церковь, и, используя лжесвидетельства высшего духовенства, демонстрировать перед всем миром «свободу религии».

Враги Церкви понимают: там, где нет твердости исповедничества, прямые репрессии нецелесообразны и даже опасны. Они не только поставили бы под сомнение демократизм «самого демократического общества», но и могли бы воспламенить исповеднический энтузиазм среди тех, кто предпочитает молчать в мутной атмосфере компромиссов. Если прямые репрессии против христиан обернулись духовной победой Церкви, явившей новых мучеников и исповедников, то современные, более изощренные методы борьбы с Православием, рассчитанные на разложение фактически обезглавленного, порабощенного безбожниками церковного организма, уже не способного исторгать из себя все чужеродное, чреваты для Церкви гораздо большими опасностями духовного характера. В этих условиях уголовным преследованиям за религиозную деятельность подвергаются лишь очень малочисленные группы православных, именующих себя «Истинно Православной Церковью» и «Истинно Православными Христианами», отделившиеся от Московской Патриархии. В гонениях на них, как и в преследованиях верующих других направлений и исповеданий, все чаще используется психиатрический террор.

Специальные лагерные зоны «для религиозников» переполнены, в основном сектантами протестантского исповедания. Приходится признать, что в последние годы именно они, а не православные явили образцы исповеднического мужества.

Таким образом, причины бедственного положения Русской Церкви во многом заключены в Ней самой, поэтому прежде всего необходимо стремиться к оздоровлению атмосферы внутри самой Церкви. Первым и важнейшим шагом на пути к этому, как нам думается, должно быть возрождение памяти о русских мучениках и исповедниках — верных свидетелях Христовой Истины, стойких борцах за свободу Церкви. С уходом из этой жизни их самих и их современников, память о них в России все более и более угасает, и одновременно с этим

притупляется чувство того, что Русская Церковь больна, что лжесвидетельства и предательские компромиссы не есть норма церковной жизни. Памятуя о мучениках и исповедниках, молясь об их упокоении, делая все возможное для подготовки прославления их подвига, мы тем самым устанавливаем живую духовную связь с ними самими, и, верим, своим святым ходатайством ко Господу они помогут нам на *нелегком* земном пути.

В 1975 году мы обратились к главам русских православных юрисдикций с прошением об установлении памяти русских мучеников и начале совместной работы по подготовке их канонизации (опубликовано в «Вестнике РХД»). Насколько нам известно, наше прошение осталось без ответа. Более того, как нам сообщили, имел место удивительный случай обращения одного из зарубежных иерархов за советом, как поступить в данном случае, — обращения к... Московской Патриархии! Неужели до такой степени не понимают на Западе, в каком положении находится Московская Патриархия?

Нам кажется, что ваш Комитет многое мог бы сделать для возрождения памяти о подвиге русских мучеников и исповедников.

Другое, не менее важное дело — открыть мировой общественности, о действенной роли которой в современном мире вы так справедливо пишете, истинное положение верующих в СССР. В этом отношении ваш Комитет также мог бы сделать очень многое, в частности, способствовать широкой гласности тех документов о фактах гонения на верующих и вмешательства во внутрицерковную жизнь, которые станут вам известны. Мы, со своей стороны, постараемся доводить до вашего сведения известные нам факты. Однако, к сожалению, сил для сбора, проверки и систематизации этих фактов у нас слишком мало. Дело осложняется еще и тем, что если в первое время мы получали значительное количество корреспонденции по почте, то в последние месяцы почтовые ящики пусты. Все, что мы узнаем, исходит от людей, которым приходится специально для этого приезжать в Москву.

Есть, однако, один факт, достаточно хорошо известный, — это советское законодательство о религии. Конечно, оно далеко не отражает всю тяжесть положения верующих в СССР, но дискриминационный характер этого законодательства очевиден. Разоблачению характера советского законодательства о культах был посвящен ряд документов, в составлении которых принимали участие и члены нашего Комитета. Все эти документы были опубликованы на Западе. Нетрудно видеть, что действующее в СССР законодательство о культах находится в яв-

ном противоречии с международными обязательствами, принятыми советским правительством: «Всеобщей Декларацией Прав Человека», «Декларацией прав ребенка», «Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования», международными пактами о правах человека, «Заключительным актом общеевропейского совещания в Хельсинки». Ваш Комитет может обратиться к Конгрессу и правительству США, к другим правительствам, озабоченным соблюдением прав человека во всем мире, с призывом потребовать от правительства СССР приведения советского законодательства в соответствие с международными обязательствами.

Уповая на милость Божию, мы надеемся на возможность плодотворного сотрудничества с вашим Комитетом в будущем. От всего сердца желаем вам помощи Божией и успеха в вашем служении. Члены Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР

священник Глеб Якунин,
иеродиакон Варсонофий (Хайбулин),
Виктор Капитанчук

Москва, 8 августа 1977 г.

К статье о. Глеба Якунина[1]

Русский народ, как всякий народ, есть своего рода организм. Поэтому переживания Русской Церкви на Родине так или иначе получали свой отклик и за рубежом. Нам, за границей, тоже приходилось бороться с обновленчеством, когда оно выступило против Патриарха Тихона. Конечно, не достигая таких размеров, как в России, оно все-таки пыталось перебросится к нам, особенно в Америке. Его успех был минимальный. Сергианство же оказалось проблемой не только отечественной, но и заграничной.

Митрополит Сергий, впоследствии названный Патриархом, вернувшийся от обновленцев к Патриарху после своего покаяния и ставший Заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола, сначала попытался установить отношения с гражданской властью, которые не противоречили бы основным требованиям христианских начал. О. Глеб Якунин не упоминает о том, что первый текст обращения, выработанный Митрополитом Сергием и разосланный епископам, — был вполне приемлемым. Помню, что копия его была полу-

[1] Русское возрождение. 1978. № 2. С. 151–154.

чена митрополитом Антонием. Он мне ее показал, кажется, в 1926 г. и отзывался о ней, как о хорошем документе... Основной мыслью там было настоящее разделение между Церковью и коммунистическим государством. Митроп. Сергий также отмежевывался там от Церкви вне границ Советского Союза, он явно хотел быть свободным от этой проблемы, указывая, между прочим, на то, что всякие акты против зарубежных епископов по политическим основаниям были бы ни с чем не сообразны. Однако представители советского правительства с этим не согласились, и он переменил свою точку зрения. Постепенно он перешел к прямому давлению с мерами прещения против тех, кто не принимал его политики.

Думаю, что в этом отчасти была вина и тех русских заграничных деятелей в Зап. Европе, которые обрадовались было новой опоре в борьбе с «карловчанами», т. е. митрополитом Антонием и возглавляемым им Синодом, не учитывая той опасности, которую это таило и для самого митрополита Евлогия. Согласие его в какой-то форме дать от лица своего епископата хотя бы частично обязательства, требуемые из Москвы, вовлекали митрополита Сергия и советскую власть непосредственно в зарубежные церковные дела. Парижская борьба против «карловцев» не пожелала понять указание, заключавшееся в первоначальной явной попытке митр. Сергия отмежеваться от заграничных церковников (вспомним известное его письмо с обращением «Дорогие Святители»). Это в большой мере вызывалось у него простым чувством самосохранения, в то время как его зарубежные сторонники, ни с чем не считаясь, действовали в надежде опереться на авторитет «Матери Церкви» в России. Тем самым они и митр. Сергия ставили в затруднение, и перенесли на западную почву всю полемику о сергианстве, делая эту проблему Москвы своей проблемой. Напрасно мы удивлялись, что находятся люди, которые, будучи на свободе, готовы были брать на себя бремя лояльности к советской власти.

Но хотя мы обличали сергианство при первом же его появлении, являлось у нас и опасение, как бы нам невольно не повредить «тихоновцам» и не оказать какой-либо помощи обновленцам, которые для Православия казались «врагом № 1». У нас поэтому многие старались как бы не замечать некоторых опасных сторон в заявлениях Патриарха Тихона, которые в статье о. Г. Якунина подчеркнуты так ясно и верно.

Впрочем, мы чувствовали большую разницу между навязанными Патр. Тихону уступками и принципиальным принятием их после кон-

чины Патриарха и заключения митрополита Петра. В частности, я и сейчас не склонен согласиться с мнением о. Глеба, что т. наз. «Завещание» Патриарха Тихона было подлинным. Я посвятил немало страниц обоснованию своего сомнения, в большой мере пользуясь соображениями находившегося в 1925 г. в Москве б. члена Московского Епархиального Совета протопресвитера Василия Виноградова (*Граббе Г., протопресв.* Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом. Джорданвилль, 1961. С. 40–59).

Авторитет Патриарха Тихона и вера в его верность Христу, несмотря на его ошибки, не допустили при его жизни создания против него оппозиции даже из таких несогласных на компромиссиерархов, как митрополит Кирилл или архиеп. Феодор. Они, очевидно, еще не видели тогда оснований для решительного протеста, который с опасностью для своей свободы и жизни они позднее заявили митрополиту Сергию.

Теперь все эти иерархи, начиная с Патриарха Тихона, стали достоянием истории, а проступки иерархии, как преступные, так равно и ошибочные, обнаруживают свой характер в последующей истории Церкви. Поэтому строго принципиальное суждение о. Глеба Якунина, написанное на основании твердых данных, имеет несомненно большое значение и не может не привлечь к себе внимания наших читателей.

Протопресвитер Георгий Граббе

Вопрос о т. наз. «завещании» Патр. Тихона, затронутый о. Георгием Граббе, будет подробно разобран в нашем следующем номере.

Ред.

Приветствие журналу «Русское возрождение»[1]

Мне трудно писать как священнику по поводу этого, так как дело священника не только вопрос одной национальности, но как русский священник я все-таки обязан написать, потому что и русский вопрос, тем более в такое трудное время, как наше, тоже священническое дело.

Я очень приветствую выход русского журнала «Русское возрождение», тем более с таким подзаголовком — независимый русский голос.

[1] Русское возрождение. 1978. № 3. С. 3.

И сразу же: «Русское возрождение» — значит то возрождать, что было, со всеми его особенностями. Но как возрождать? Прежде всего нас не поймут — как бы не обвинили в узком национализме и шовинизме — ведь это так теперь модно!

Но как начали, в этом и стойте. Проявить полную самостоятельность! Даже если силы будут слабые, и тогда стойте. Помните, что христианство не в физической силе, оно может быть даже в бессилии, вернее — истощении. Истощать — это значит созидать, по Христу. А Россия создана христианством, православием.

Уже по одному этому нам, русским, нужно жить в контакте с другими народами. Возрождая все русское, с этим надо считаться. Да и это, наверное, легко пойдет, не случайно Достоевский сказал: русский человек — всечеловек.

А в остальном — с Богом! С Богом за Россию! Россия с ее трудной и неповторимой историей, с ее богатейшим современным опытом должна сказать свое слово. Новое слово, она это обязана, от нее этого ждут.

Священник Дм. Дудко

С 15 на 16/8-78 г. Нахабино. 3-й час ночи

Съезды православной русской общественности в США[1]

Этим летом состоялись два таких съезда: на Восточном побережье в районе Нью-Йорка и на Западном — в Сан-Франциско.

Значение этих съездов не только в пробуждении интеллектуального интереса. Такой интерес, без молитвы и труда, ради претворения в жизнь того, о чем говорится, был бы явлением только умственным, отвлеченным, мало что означающим в жизни христианской. Задача таких съездов заключается в том, чтобы через слово, через мысль подвинуть сознание нашей общественности к центру церковной жизни — к молитве, т. е. воцерковить наше сознание. То и другое — мысль и молитва — должны пробудить в нас потребность общего дела, действия. Ибо мысль без общего дела — мечта; дело без общей мысли — слепота, тьма.

Общей темой съезда под Нью-Йорком было: «Национализм христианский и национализм языческий». Тема в Калифорнии — «Современная русская действительность и идеалы Святой Руси». В течение

[1] Русское возрождение. 1978. № 3. С. 234–235.

двух-трех дней около 300 участников слушали и обсуждали доклады и участвовали в богослужениях. Особенно ценно то сближение, которое создается между участниками таких съездов. Начинает определенно ощущаться то общее дело, которое стоит перед нами как православными и русскими людьми. Такие съезды — это хорошая подготовка нашего общественного сознания к предстоящему тысячелетию крещения нашего народа.

Самой горячей темой были страдания народа и Русской Православной Церкви у нас на родине. Посылались телеграммы Президенту США и другим официальным лицам. Съезд на Западном побережье послал А. И. Солженицыну нижеследующее письмо.

28 августа 1978 г.
Успение Пресвятой Богородицы

Дорогой Александр Исаевич!

Кто, как не Вы, досконально знает о всех тех страданиях, которые переживают в СССР наши братья, православные христиане. Не нам, тепло-хладным, просить Вас — героического человека — предпринять что-то сверхособенное для спасения жизни (Вы знаете, что это не преувеличение!) Игоря Огурцова и Владимира Осипова. Если не спасти их в самое ближайшее время, то нам всем, в недалеком будущем, придется служить панихиду, за которой молиться будет невыносимо.

Кроме Вас, нет другого русского человека, голос которого может услышать мир! Мы умоляем Вас, глубокочтимый Александр Исаевич, сделать что-то необычайное, что мы не можем назвать, ибо не знаем, что именно это могло бы быть. Но сделать ради правды, ради России, ради Бога.

От лица участников второго съезда русской
православной общественности
протоиерей Александр Киселев, председатель съезда

О русском возрождении
(Доклад на открытом собрании в Париже 9.02.1979)[1]

Что может быть опаснее, чем, живя среди врагов России, говорить о ее возрождении? Но, не будучи готовым стать Иваном Сусаниным, можно ли в наше время быть русским?

И не потому нельзя, что в представлении, к сожалению, многих каждый, кто сознает себя русским, — обязательно шовинист, мракобес, враг всех и вся. Не потому. А потому, что мировой гений Шекспира высказал непреложную истину, относящуюся к каждому человеку, а следовательно, и к русскому, сказав: «Кто не любит родины, пусть выйдет. Я оскорбил его».

Темы русского возрождения мы касаемся сегодня благодаря тому, что приближаемся к Тысячелетию Крещения Руси. Это в свою очередь ставит нас перед необходимостью вспомнить, что 1000 лет тому назад все мы — русские, украинцы, белорусы, карпаторосы... — были одним народом. Что и как бы мы не мыслили о себе сегодня, тогда в лице наших общих предков мы все произошли от одного корня. Так было. А как сейчас?

Сейчас национальная ненависть легко может, по выражению акад. Игоря Ростиславовича Шафаревича, «стать той спичкой, которая подожжет наш дом». В этом одна из наибольших опасностей на нашем пути.

Второй камень преткновения на пути русского возрождения — это все кривотолки, связанные с непониманием того, что такое в своей основе это возрождение. Я не буду их всех рассматривать. Мы знаем, что это целый спектр. Однако мы должны, устраняя превратности, заявить, что подлинное русское возрождение есть возрождение религиозное, ибо только в Боге лежит оправдание национального бытия; заявить, что оно не есть национал-коммунизм, ибо прежде всего эти противоречивые понятия несовместимы; заявить, что оно не есть расизм, ибо основано не на «плоти и крови», а на духе. Таково наше отрицание той клеветы, которая обильно возводится на русское возрождение.

Третий камень преткновения. Он особо показателен в наших условиях. Это взаимоотношения между русской эмиграцией и т. н. диссидентами.

---

[1] Предстоящее Тысячелетие Крещения Руси. Журнал «Русское возрождение». Съезды православной русской общественности. — *Примеч. редакции.* (Русское возрождение. 1978. № 5. С. 50–60).

Многие из диссидентов мужественно отдавали свое благополучие за свободу, за права человека, улучшение жизни и прочее, но они вкладали в них современное западное их истолкование. Мы же, по выражению Р. Б. Гуля, «унесшие Россию с собою», мы воспитали своих детей и внуков русскими, любящими родину своих отцов. Если для многих диссидентов любая Россия — враг, то для нас — в любой России живет наш родной народ. Если для них, например, академик Лихачев — ретроград, то для нас он патриот и гордость русской науки.

Итак. Для нас русское возрождение немыслимо без этической основы. Это краеугольный камень. И подобный ему — это утверждение, что у нашего народа, как и у каждого другого народа, есть свои задачи в жизни, есть своя особая историческая миссия.

«Раскаяние, — писал А. И. Солженицын, — есть первая верная пядь под ногой, от которой только и можно двинуться вперед не к новой ненависти, а к согласию. Лишь с раскаяния может начаться и духовный рост» (Из-под глыб. С. 118). Да, покаяние наше должно быть и есть основной элемент нашего возрождения. Но покаяние наше перед Богом — «Тебе Единому согреших»... Покаяние в грехах и неправдах наших есть покаяние перед Богом, а не перед клеветниками России во всей той лжи и напраслине, которую возводят они на наше прошлое и на предков наших. Ибо отцами своими надлежит нам гордиться и духу их дел надлежит подражать.

Нужно отчетливо сознавать, что возрождение, происходящее у нас на родине, не есть процесс перерождения советской власти, а народная тяга к возвращению на ее исторические пути.

Нам нужно обратить внимание еще и на то, что не только у нас, но и во всем мире образуется тяга к простому, естественному образу жизни, что тоской об его утрате повеяло по всему миру. Прогресс, понимаемый в горизонтальном направлении — все дальше, вперед, новей, — начинает сейчас в искусстве пониматься в направлении вертикальном. Это означает утверждение, что прогресс заключается не в новом, а в подлинном. В такой культуре, которая есть слагаемое от духовных достижений прежних поколений, если они жили в сознании нерасторжимости троичного начала — этики, эстетики и знания.

Трудно ответить на вопрос, где зарождаются новые вляния. Возможно, что в данном случае это влияние новой науки — экологии, изучающей вопросы жизни и окружающей нас среды и доказывающей, что в XXI столетии мы задохнемся от собственных отбросов на нашей планете. Изменить этот страшный приговор может только коренное

радикальное преодоление хищнической, эгоцентричной, бряцающей оружием и политическими утопиями жизни. Это значит, что только нравственное отношение к жизни и друг к другу может спасти человечество. Это и только это!

Однако я не думаю, что экология породила у нас в современной России тягу к прошлому. У нас, думаю, к этому другие причины. Есть что-то в народе нашем от первозданной нетронутости, что живет под корой грубости и даже пороков. Некогда восточные православные патриархи сказали, что «хранителем православия является народ». Это подтверждает нашу мысль о народе русском. И не потому, что мы думаем о нем, как о каком-то великом народе-богослове, а просто потому, что закваска православия живет в русском сердце и подсознательно, и даже безымянно.

О людях, чуждых пониманию русской жизни, но хотящих постигнуть там, в России, происходящее, хорошо сказал А. Удодов: «...они (эти люди чуждого духа) показывают нам сопротивление как явление ограниченное, представляемое небольшой группой красноречивых диссидентов, но не крупными массами народа с широко распространенными убеждениями» (РВ. № 2. С. 157).

Вот эти-то массы народа, в которых, несмотря ни на что, живут их собственные убеждения, и есть носители той закваски православия, о которой я сказал выше. Как подтверждение этой мысли советую прочесть в журнале «Надежда» статью «Из переписки двух священников» о поездке одного из них в район Дивеева и о той вере, которую он там, и в наши дни, в простом грубом деревенском народе встретил.

Если в глубинах нашего народа всегда жило то, расцвет чего означает русское возрождение, то в чем же тогда новизна этого возрождения, в чем его нынешнее дуновение? В том, что нечленораздельное в народе, немогущее быть им высказано или формулировано, начинает высказываться национально настроенной интеллигенцией. Той интеллигенцией — не в личном, конечно, а в преемственном плане, — которая о своих старых дореволюционных заблуждениях может сказать: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Но раньше, чем сослаться на эту интеллигенцию, главным образом на определенные голоса в современной русской литературе, нужно подчеркнуть, что они так сказать не в капусте родились, а имеют свое непрерывное преемственное прошлое, идущее в нашем веке от Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, А. П. Платонова и им подобных.

Возьмем хотя бы современного нам исключительного писателя-сибиряка Валентина Распутина, автора «Живи и помни», «Гибель Матеры» и др. Герои Распутина — это простые люди. Они живут как бы сами по себе, думают ограниченно, не касаясь проблем общечеловеческих, а в то же самое время они как бы даже исключительно общечеловечны. Однако в «Прощании с Матерой» Распутину уже и этого недостаточно, и он ставит вопрос: «Что должен чувствовать человек, ради которого жили поколения?»

Сергей Залыгин в предисловии к сборнику сочинений Валентина Распутина пишет: «Когда-то ведь были объяснения всему на свете, было хорошо известно, откуда взялся мир, откуда — люди, о душах умерших человек тоже знал, что они не спускают с него глаз, витая где-то в небесах. Была и обратная связь — живой мог через эти небесные души пообщаться с мертвыми...».

Распутин не один. А Василий Шукшин, сказавший, что в основе жизни лежит старомодное слово «подвижничество» и на 45-м году жизни умерший от разрыва сердца, семья которого получила свыше 200 тысяч письменных соболезнований.

А Владимир Личутин, родившийся только в 1940 году, с повестями «Долгий отдых» или «Крылатая Серафима»... А Дмитрий Балашев, еще более молодой, с его историческими повестями... Им всем характерно ставить свои персонажи в такие положения, когда от них требуется полное и точное проявление моральных качеств человека.

А плеяда писателей т. н. крестьянской литературы, с Федором Абрамовым и Ефимом Дорошем во главе. Вот хотя бы одна цитата из последнего:

«Я понял и то, что чувство истории вмещает в себе нечто большее, нежели просто любовь к стране, что оно является категорией нравственной, так как позволяет человеку ощутить себя наследником прошлого и сознавать свою ответственность перед будущим» (Новый мир. 1975. № 7. С. 176).

А академики Вернадский, Шафаревич, Лихачев, а рядом с ним и Бахтин, труды которых — не только слава русской науки, но и источники для осознания (а не только чувства) нашей веры и надежды.

А знатоки Византии и богословия, как Аверинцев? А медики, как архиепископ Лука? А пастыри, как о. Димитрий Дудко?

А разве не достойны высокой похвалы за горячую любовь к России такие, как писатель Владимир Солоухин или художник Илья Глазунов и др.?

А Огурцов и Осипов, чьи имена — это гордость России наших дней? А люди, подобные духу Авеля, как Александр Гинзбург?

Больше всего нужно было бы говорить о А. И. Солженицыне — большом писателе и героическом человеке, голос которого, по милости Божией, прозвучал на весь мир. Но он уже давно среди нас и доступен каждому.

Можно было бы еще и еще приводить имена, но не всех следует называть и, конечно, очень многих мы просто не знаем.

Я не коснусь мучеников всех видов и степеней, ибо это особый и необозримый вопрос, хотя никто, как они, так мощно не способствовал русскому возрождению.

Труду, поту, мукам и крови всех этих русских людей мы земно кланяемся, ибо они дрожжи нашего подлинного возрождения.

Мы радуемся тому, что в России растет стремление сбросить «обветшавшие интернационалистические, марксистские лохмотья», как свидетельствует журнал «Двадцать два», издаваемый в Иерусалиме (№ 3. С. 147), но не для горделивого национального превозношения, как думают его авторы, а национального возрождения, которое стоит не на ненависти, а на Божией правде.

Исходя из желания, чтобы празднование 1000-летия Крещения Руси было не празднованием — ибо какое празднование может быть в самый разгар боя, — а укреплением наших сил, Комиссия по подготовке к 1000-летию уже сейчас, за девять лет до юбилейного 1988 года, зовет нас к действию.

В чем заключается или может заключаться такое действие?

Мы, т. е. Комиссия по подготовке к 1000-летию Крещения, начали со съездов православной общественности, которые собирались под Нью-Йорком и в Калифорнии в прошлом и позапрошлом годах. Они будут устраиваться там ежегодно и дальше. Такой съезд через 2—3 месяца будет у вас, в Париже, по инициативе Нац. Орган. Русск. Витязей. Съезд готовится в Австралии, и т.д. задача съездов заключается в том, чтобы через слово, через мысль подвинуть сознание нашей общественности к центру жизни, т. е. воцерковить наше сознание и пробудить в нас потребность общего дела, действия. Ибо мысль без общего дела — мечта; дело без общей мысли — слепота, тьма.

Если не укрепимся в сознании, что Христос не есть только Истина, но и Путь к Ее осуществлению, что православный догмат не только нравственная мысль, святая идея, но и заповедь, т. е. дело, которое нам заповедано осуществить, то что нам праздновать-то через девять лет?

Комиссией положено начало подкомиссиям:

I. По вопросу создания храма-памятника или просто памятника или многих памятников во многих местах.

II. По вопросу издания соответствующего сборника или академических трудов в связи с 1000-летием.

III. По вопросу устройства певческих праздников.

Таких подкомиссий может быть, конечно, не три, а хотя бы и 33, если найдутся горячие сердца. Названные подкомиссии — это тоже только самое начало работы. Требуются идеи, люди, творческий огонь... Не ждите особых приглашений. Дело предстоящего 1000-летия столь же дело Комиссии, сколь и каждого из нас.

Разрешите перейти к последней части моего сообщения, к журналу «Русское возрождение», который издается той же Комиссией по подготовке к 1000-летию Крещения Руси.

Мы, вслед за проф. А. В. Карташевым, с полной верой в правоту его слов, скажем: «Вера в Святую Русь, убеждение, что вне ее нет спасительных путей для России, — вот основной капитал, без которого мы ничто». Но воспоминание наше о дне своего крещения, о дне озарения тем светом, который и доныне озаряет наше сознание, не есть только историческое воспоминание. Это одновременно и воспоминание события, и торжествование его продолжающейся действенности в наши дни, и непоколебимая вера в его полное раскрытие в дни российского исторического завтра.

Журнал «Русское возрождение» заявляет себя как независимый русский православный и национальный журнал, основывающийся на «православном и национальном самосознании» и исповедующий «Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории».

В журнале мы публикуем имена около тридцати русских церковных и общественных организаций, благодаря поддержке которых журнал остается независимым. Независимость в наше время — это большая и дорогостоящая роскошь, за которую нужно платить, и платить иногда дорого, как на Востоке, так и на Западе. Не забудьте этого, друзья, и реально поддерживайте журнал. Он в этом очень нуждается. Больше того. Будьте готовы защитить его, если к нему потянется вражеская рука.

Да не коснется нас робость — с нами вся здоровая часть нашего народа. Их голоса еще «из-под глыб», но они ясные и могучие.

В заключение я приведу из журнала «Земля» определение задач русского возрождения:

1. «Национализм немыслим в отрыве от христианства. Любая форма языческого либо атеистического национализма есть бесовщина. Для русских такой «национализм» — новая бездна и окончательная гибель. Люди без милосердия, великодушия и любви к Богу и человеку — не русские.

2. Главная задача русского национализма на сегодняшний день — возрождение народной нравственности и национальной культуры.

3. Отсутствие гласности и конституционных гарантий прав человека препятствует реализации национальных задач».

Журнал «Земля» просуществовал весьма недолго. Редактор его В. Н. Осипов томится в тюрьме и по сей день. Такова судьба многих и многого в Советском Союзе.

Это определяет нашу задачу: тут, где мы живем, делать то, чего они там делать не могут.

Будем же единодушно служить нашему общему делу — русскому возрождению. Каждому, всей своей силой содействующему святому делу русского возрождения, в свое время спасибо скажет сама Россия.

Прот. Александр Киселев

От Комиссии по подготовке к 1000-летию Крещения Руси[1]

Дорогие соотечественники!

Проведя в течение двух лет первоначальную подготовительную работу, Комиссия сочла своевременным широко объявить о своем существовании и о высокой задаче, стоящей перед ней. Комиссия призывает всех, кому дорого и свято принятие православного христианства предками нашими, кто чувствует и осознает себя их потомками и наследниками, всем желанием сердца и разума, воли и действия включиться в священное и общее дело.

Не в радостную годину приближаемся мы к столь знаменательному дню нашей истории. Пройдя без малого 1000 лет под благодатью нашей святой православной веры, народ наш оказался под игом богоборческой власти. Миллионы нас, находящихся вне границ Отечества, столь разделены, что забыли и о своем кровном братстве, и о единой святой вере.

Однако с надеждой на то, что невозможное вчера может оказаться возможным завтра, что если не было успеха в общем деле до сих пор,

[1] Русское возрождение. 1978. № 6. С. 4–9.

то это еще не доказывает, что его не будет перед лицом наступающего 1000-летия, с верой не только в благодатную силу, излившуюся на народ наш 1000 лет назад, но и в силу, даруемую свыше в год 1000-летний, — Архиерейский Синод Русской Православной Церкви заграницей благословил создание нашей Комиссии и поручил ей вести подготовку к юбилейному году и в должное время собрать сам юбилейный Комитет.

Братья и сестры великой славянской семьи — русские и украинцы, белорусы и карпатороссы — все те, для кого святой равноапостольный князь Владимир — крестный отец, те, кто хранит дарованное отцам нашим святое Православие, — вспомним о нашем родстве! О том родстве, духовном и кровном, которое вырвать из себя нельзя, даже при безумном желании сделать это, как невозможно вырвать сердце и остаться живым. Вспомним о нашем едином прошлом, вспомним с тем теплом, с каким человек вспоминает родительский дом, — и это может помочь нам не только встать рядом в юбилейный год, но и облегчить многое в наших застарелых грехах.

И нам, русским, разделений не занимать стать. Даже в деле хранения Истины Христовой у нас царят разногласия. Да вспомним же мы все — и «правые», и «неправые», что перед Богом, по слову пророка Исаии, «...вся праведность наша как запачканные одежды» (Ис 64. 6), и да омоет всех нас — детей от единого святого древнего корня православия — чистая слеза покаяния!

Не будем касаться многих других, хотя и более поверхностных, но достаточно жгучих ран разделений политических, мировоззренческих, культурных, социальных и т. п. Мы призваны не к перечислению болезней, существующих на нашем теле, а к тому, чтобы напомнить, что больная рука или нога, сердце или голова — это все не отдельные величины, а члены одного единого целого. Заботясь только об одной части и забывая о единстве всего тела, мы губим и ту часть, любовь и боль которой нам особо близка и ощутима.

Но мы не можем мыслить это предстоящее торжество, как только торжество русских православных христиан, находящихся за рубежом родной земли. Все мы — и дома, и среди многих гостеприимных народов живущие — дети одной Православной Церкви и одного народа. Если и не дарует Господь всем нам в юбилейном 1988 году быть на освобожденной от богомерзкого безбожия и его дел земле нашей, то и тогда никто не разъединит нашего духовного единства, чтобы торжествовать истоки нашего бытия. Той подлинной, а не призрачной,

созидательной, а не губительной жизни, которая выражается в том, чтобы каждый «познал Бога» как единственный путь жизни личной, общественной, культурной или государственной. «Для Себя Ты создал меня, Боже,– говорит прозревшая душа человека, — и я не успокоюсь, пока не найду Тебя».

Готовить себя к юбилейному году мы будем по обе стороны не нами воздвигнутого рубежа.

Мы призваны звать, звать и молить вас, потомков святой Руси, вспомнить и укрепить свое сознание в едином для всех нас прошлом нашем, утвержденность в котором поможет избежать многих ошибок в настоящем.

Однако, братья и сестры, как ни велик грядущий Праздник сознание скорби о томящихся под игом сатанинского богоборчества братьях наших, о грехе наших разделений и неверности– не может оставлять нас даже в часы этого праздника. Путь к возрождению лежит через подвиг покаяния, молитвы и труда. Подготовка к 1000-летию должна быть проникнута этим сознанием, ибо оно и есть наисовершенная подготовка к юбилейному году.

Покаяние не есть уныние. Оно есть рождение подлинной свободы и совершенной радости. Свет утренней зари духовного возрождения в народе нашем мы видим, и ликования этого никто не отнимет от нас!

Итак, начнем наше общее дело воскрешения в нашем сознании памяти о своих предках и о своем родстве. Начнем это великое дело с покаяния перед Богом и брата перед братом.

Комиссия извещает, что по ее инициативе:

1) устраиваются съезды православной общественности, задачей которых является пробуждение церковной и общественной ответственности, сознания и активности;

2) издается журнал «Русское возрождение» — независимый русский православный орган, призванный «быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предваряющие 1000-летие его Крещения (988–1988)»;

3) составлена подкомиссия по изданию сборника и собрания научных трудов, относящихся к 1000-летию Крещения Руси;

4) создана подкомиссия по вопросу создания храма-памятника или просто памятника или многих памятников;

5) составляется подкомиссия по устройству певческих праздников, благодаря которым мы можем достигать народного единения и культуры как церковного пения, так и народной песни, и т. п.

Вышеназванные и им подобные начинания — это только первые шаги в развитии подготовки к юбилейному году.

Комиссия просит:

1) подавать новые идеи и советы, которые могут быть полезны в этом деле;

2) предлагать свои силы и средства для осуществления наших задач;

3) участвовать в журнале «Русское возрождение», в привлечении новых подписчиков, равно как и сотрудничать в других проектируемых изданиях;

4) создавать группы или организационные комитеты в городах и странах, где есть русские люди;

5) входить в связь с нашей центральной Комиссией для координации действий и взаимной информации;

6) принять к сведению, что Центральная Комиссия не посягает ни на чью инициативу. Наоборот, приветствует таковую и просит о всякой доброй активности.

В заключение мы призываем всех сообща, всенародно, по обе стороны рубежа готовиться встретить наш юбилейный год и почерпнуть в этом свое обновление и очищение. Это великое дело не может быть достигнуто работой одной или многих комиссий. Только при инициативном и деятельном участии всех и каждого это наше общее дело откроется нам в своей сущности как радость, бодрость и Божий дар нашему народу.

К 1000-летию Крещения Руси

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ:

Прот. А. Киселев (Председатель), В. И. Алексеев, кн. Т. К. Багратион-Мухранский, Н. С. Боголюбов, К. И. Киселева, П. Н. Колтыпин, Н. В. Козякин, А. Д. Кулеша, И. Б. Кулеша, Н. Б. Лупинин, Г. А. Молчанова, М. Л. Михеев, Н. А. Мицкевич, Д. Н. Мицкевич, А. А. Нератов, Кн. А. П. Оболенский, Свящ. В. Потапов, М. Л. Ростропович, О. М. Родзянко, Т. А. Родзянко, И. П. Холодный, М. А. Холодная, Кн. А. П. Щербатов, М. Щербинин.

По всем вопросам просим обращаться по адресу Комиссии:

«1000 Anniversaru Committee», 332 West 108 Street New York, N. Y. 10025. USA

При открытии Третьего съезда православной русской общественности на Восточном побережье США[1]

Имея честь открыть наш Третий съезд, я позволяю себе сказать несколько слов.

Нам нужно раз навсегда проникнуться сознанием, что наша любовь к Св. Православию и родине — России должна, кроме наших святых и горячих чувств, свидетельствоваться делами. И не просто делами — порывом, взлетом, даже подвигами, а постоянным, ежедневным, ежечасным трудом. Если хотите, *подвижничеством.*

«И вечный бой, покой нам только снится сквозь кровь и пыль...» — если это выразить словами поэта. Или совершенными словами иже во святых отца нашего Ефрема Сирина, сказавшего: «Нет отдыха на земле желающим спасения».

Еще в Ветхом Завете прозвучало слово Господне: «Сын мой! Отдай сердце твое Мне!»

Такой призыв — призыв суровый! И не в этом ли причина того, что съезды наши численно почти не растут, как не растет и число подписчиков нашего журнала «Русское возрождение»?

Но от этого не только нельзя унывать, этому не следует даже удивляться. Это закономерно нынешнему времени.

Мало этого. В современном мире нет недостатка в этих темно-духовных, лжемистических и политических силах, у которых как у собаки шерсть встает дыбом от одного только имени: «Русское возрождение». Как для первых нужен не *Христос,* а антихрист, как для вторых — мировое господство, а не *возрожденная* Россия, так и для третьих не нужна *единая* Россия, 1/6 земного шара. Каждая из этих сил не гнушается ни травлей, ни шантажом. Первой жертвой травли стал глав. редактор нашего журнала кн. С. С. Оболенский. Но этим журнал не сломится. «Не запугаете» — повторим мы слова выдающегося сына России А. П. Столыпина.

На издание журнала нужны большие деньги. Но деньги еще не все. Нужно большее: нужно сердце человеческое.

Если не будет отдаваться сердце, то не будет и возрождения.

Теперь хочу просить вас о том, что имеет непосредственное отношение к открываемому съезду.

Не отнесемся к съезду, как к приятному времяпрепровождению... даже как к удовлетворению интеллектуальных запросов... но как к

[1] Русское возрождение. 1978. № 7/8. С. 302–304.

тому, что может вооружить, обогатить нас, подготовить, сосредоточить для служения делу Божию, служению России и всему тому доброму, что было в нашем историческом прошлом. Нам нужно стать воинами дела Божия, не в запасных частях где-то в спокойном тылу, а в рядах действующей армии!

Это не просто слова моей разгоряченности. Это слова в духе того св. Исаака Сириянина, который сказал: «Никто не восходит на небо, живя прохладно».

Будем Бога молить, чтобы кто делал — стал делать больше; кто не делал — начал бы делать. Воздыхать мало. Нужно делать!

Ибо «не слушатели закона праведны перед Богом, но исполнители закона оправданы будут» (Рим 2.13).

Разрешите объявить съезд открытым.

Прот. А. Киселев

Четвертый съезд православной русской общественности[1]

Идея этих съездов принадлежит Комиссии по подготовке к предстоящему в 1988 году 1000-летию Крещения Руси. Точнее, отцу Александру Киселеву, по предложению которого Синод Православной Русской Церкви За границей благословил создание такой комиссии. В конце лета неподалеку от Нью-Йорка состоялся четвертый съезд. За последние четыре года подобные же съезды были в Калифорнии (три), в Европе (один), в Австралии (три) — все они имели ту же цель: собирать людей православного и русского сознания или хотя бы тяготеющих к этому сознанию, чтобы содействовать углублению нашего понимания и претворения в повседневной жизни того, без чего не может быть у нас основания и потребности праздновать 1000-летие нашего Крещения. Съезды содействуют нашему воцерковлению, понимаемому широко, как ответственность не только за Церковь, но и за культуру и историю нашего отечества.

Четвертый съезд состоялся хоть и в зарубежье, но, можно сказать, на русской земле: мы жили и проводили свои занятия в поместье русского Общества «Отрада», а молились и в заключение трехдневного съезда причащались Святых Христовых Тайн в женском Ново-Дивеевском монастыре. «Отрада» находится всего в двух-трех милях от монастыря. Необходимо хотя бы кратко сказать об этих примечательных местах. Оба они возникли после Второй мировой войны, когда в Аме-

[1] Русское возрождение. 1980. № 11. С. 146–150.

рику переселилось множество русских людей. Вдохновителем и основателем был архиепископ Андрей (его, как протоиерея о. Адриана Рымаренко, еще хорошо помнят на юге России — в Киеве, в Ромнах). Владыка Андрей, будучи в эмиграции продолжателем духовных традиций Оптинских старцев, умер два года тому назад.

Во время съезда мы, как неизбежно в Америке, спешили и, «проскочив» две-три мили между «Отрадой» и монастырем на автомобилях, сразу входили в храм. Если бы у нас было время походить по кладбищу, увидеть памятники русским воинам Первой и Второй мировых войн, почитать надписи на могильных крестах— мы бы прикоснулись к нашей истории...

Время течет неудержимо. Те, кто приехал сюда после Второй мировой войны молодыми, теперь — родители взрослых детей, а то и деды. Для детей и молодежи, чтобы они были нашей отрадой, было создано Общество «Отрада» (в честь иконы Божией Матери Отрада и Утешение). Нелегко в условиях эмиграции вырастить «отраду», наших детей. Этому делу старается способствовать данное Общество, недавно приобретшее запущенное поместье и превратившее его в уютный русский уголок с вместительным домом, бассейном для плаванья и т.п. Много было там положено трудов. Участники нашего съезда встретили исключительное гостеприимство. Мы не можем не благодарить деятелей общества «Отрада» (в правлении Общества состоит сын покойного владыки Андрея, Сергей Адрианович) и желать успеха их трудам.

Съезд на клочке русской земли в далекой Америке после 60 лет эмиграции — чему же он был посвящен? Темой съезда было: «Православная Россия». Эпиграфом взяты слова современного подвижника отца Димитрия Дудко: «Православие и Россия — вот то, на чем я стою. Россия не как государство просто, а Россия как почва для Православия. Сказать "Православие", это все равно для меня, что сказать "Россия"».

Как бы раскрывая эту общую тему съезда, читались и обсуждались следующие доклады:

«Истоки русской революции» — Е. Р. Миркович,

«Всероссийский церковный Собор 1917 года» — прот. А. Лебедев,

«Нравственное осмысление 60 лет эмиграции» — В. Д. Самарин,

«Эмиграция в наши дни — подвиг верности» — Ю. А. Иванов,

«Осмысление верности идеалам Руси» — прот. А. Киселев,

«Крестьянская литература (Распутин, Абрамов, Шукшин)» — Т. А. Родзянко,

«Подвижничество наших дней — отец Димитрий Дудко и иже с ним» — свящ. В. Потапов.

Ежедневно проводились занятия семинаров на следующие темы:

«Вопрос прославления Новомучеников Российских» — прот. Р. Лукьянов,

«Клевета на русское самосознание и наша самозащита» — Н. Б. Киценко,

«Древнее церковное пение» — Н. Г. Шидловский.

Слушая доклады, занимаясь на семинарах, мы входили в круг тех важнейших вопросов, которыми так бедна повседневная наша жизнь. Живя в окружении, по меньшей мере чуждом тому, о чем мы говорили на собраниях и о чем молились за ежедневными утренними и вечерними богослужениями на съезде, мы приобрели то, что, за редким исключением, негде получить в течение целого года. Съезд дал нам ту духовную зарядку, пользуясь которой мы можем (если только захотим!) двигаться в собственной жизни тем путем, дух которого равно приложим ко всем векам и всем условиям жизни — дух предков наших, которым жили они в лучшие периоды нашей истории.

Когда, закрывая съезд, мы служили благодарственный молебен, мы молились не только о себе и наших, так сказать, «местных» нуждах, но молились мы и о братьях и сестрах наших за Христа «в темницах и заточении сущих». Православие ни в коем случае не ограничивается лишь святыми словами, но требует от всех нас еще и святых дел. Страдания и скорби наших братьев по вере и крови должны отзываться в нас как свои собственные. Участие в съездах шире открывает наши глаза и способности нашего сердца, в чем и заключается, наверное, главная наша подготовка к 1000-летию Крещения нашего народа.

Участница съезда Милица Холодная

Поле Куликово[1]

1380–1980
Историософский опыт

Что же в свете историческом представляет собой «Поле Куликово» или «Мамаево побоище»? Что оно — только ли крупнейшее сражение XIV века? Или это историческое событие — только поворотный момент в развитии Русского государства? Или это событие, кроме его

[1] Русское возрождение. 1980. IV. № 12. С. 135–155.

военного и исторического значения, еще и крупнейший знак, веха на пути нашего народа к решению задач, заданных ему свыше?

«Духовное всегда присутствует в материальном, и настоящий реализм — это такой, который ощущает жизнь, явления и вещи так, что наличие другого мира ощущается столь же явственно, как и этого», — пишет современный нам писатель К. Померанцев.

Способность видеть за видимыми вещами их невидимую сущность, как бы оборотную, судьбоносную их сторону, — это величайший дар человеку. Возьмите как литературный пример раненого князя Андрея Болконского, лежащего на поле сражения, когда он увидел над собой «это высокое небо, которое он не знал до сих пор» и почувствовал, что ничего нет важнее этого неба.

Какой же вехой на нашем историческом пути было Поле Куликово, какое небо открылось тогда народному сознанию?

Историк Ключевский писал: «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу» («Церковь и Россия». С. 45).

Именно таким событием, определяющим на долгие века наш исторический путь, была битва на Поле Куликовом в день Рождества Пресв. Богородицы, 8 сентября 1380 года.

Этот наш путь, как некая заданность, продолжается и через нашу эпоху ведет в историческое завтра. Об этом пророчествовал Александр Блок: «Я не первый воин, не последний, Долго будет родина больна. Помяни ж за раннею обедней Мила друга, светлая жена!»

Сначала я позволю себе остановиться на чисто фактических особенностях события. Хотя оно всем нам более или менее известно, в нем так много интересных и важных подробностей, что умолчать о них просто невозможно.

Нужно помнить, что Куликову Полю, т.е. сражению, давшему победу русским над татарами, предшествовало завоевание почти всей России ханом Батыем, совершившееся примерно за 140 лет до Поля Куликова.

За эти 140 лет, не считая набегов, носивших местный характер, Россия подвергалась четырем нашествиям порядка опустошительных завоеваний всероссийского охвата. Мамаево же нашествие в 1380 году,

встретившее отпор Великого Князя Димитрия, грозило стать самым большим. Пришедшее с Мамаем войско было огромным. Данные о числе войска расходятся и колеблются между 250 тыс. и 400 тыс. человек у татар. С нашей стороны было от 150 до 300 тыс. Следовательно, в побоище участвовало от 400 до 700 тыс. человек. Сравним: Наполеон в 1812 г. пришел на Неман с армией в 420 тысяч. В Бородинском бою участвовало 250 тыс. человек русских и французов, т.е. на половину меньше, чем в сражении на Поле Куликовом. Это было самым многолюдным сражением не только в Европе XIV века, но и за всю эпоху Средних веков.

Сколь страшным событием для русского народа было татарское иго, эти 140 лет, от первого нашествия до Поля Куликова, нам рассказывает историк Ключевский: «Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала ребенка лихим татарином; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Беда грозила превратиться во внутренний недуг; панический ужас мог развиться в народную робость, в черту национального характера» (Там же. С. 44).

Однако уже вскоре после первого татарского разгрома начинает создаваться и крепнуть спокойный уголок между Окой и верхним течением Волги — молодое Московское княжество. Начинает собираться, главным образом трудами князя Ивана Калиты, Русь.

О том, что представляли собой эти огромные лесные пространства междуречья, можно судить по словам летописи о построении прп. Сергием монастыря во имя Святыя и Живоначальныя Троицы. Как известно, Троице-Сергиевская Лавра находится в 70 верстах от Москвы. Вот что говорит летопись: «Было место сие лес, чаща, пустыня, идеже живаху зайцы, лисицы, волцы, медведи...»

Вот в этих-то глухих, а потому и спасающих, необъятных лесных просторах не только происходило физическое собирание народов новой Руси, но и его духовное исцеление. Там-то и произошло чудо, как говорил Ключевский: «...народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ

в открытой степи и там навалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями» (Там же. С. 54).

Как же произошло это историческое чудо?

Тот же Ключевский приписывает его заслугу, главным образом, трем историческим личностям: св. митрополиту Алексию, великому церковному и государственному мужу, св. Стефану Пермскому — просветителю северных необъятных пространств и больше всего — прп. Сергию Радонежскому, говоря что «делу нравственного воспитания народа и посвятил свою жизнь прп. Сергий» (Там же. С. 49).

Живя в дремучем лесу, прп. Сергий жил в нем *так,* что жизнь его не могла не производить впечатление на современников. Ключевский пишет в том же труде: «Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения — вот в чем состояло это впечатление». «Примером своей жизни, высотой своего духа прп. Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к .своим силам, вдохнул веру в свое будущее».

При имени прп. Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и задерживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады прп. Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание».

«Виновник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности... а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его» (Там же. С. 57–59).

Было бы ошибкой думать, что эти слова Ключевского не оправдались в свете событий XX столетия. Это было бы поспешным заключением. Мы имеем много оснований думать, что события наших дней скорее подтверждают мнение Ключевского, чем позволяют сомневаться в его правоте.

Вернемся к междуречью, где между Окой и Волгой, как сердце между ребрами, росла и собиралась Русь. Этот отдаленный, с позволения сказать, «медвежий угол» чрезвычайно быстро растет в духовном, культурном, экономическом и политическом смысле, превращаясь в великое княжество Московское: строятся села и города, скупаются земли, присоединяются измельчавшие княжеские уделы... Растет Русь.

Именно здесь в годы перед Полем Куликовым закладывались основы того замечательного русского искусства, которое в XV веке найдет свое выражение в творениях знаменитого иконописца Андрея Рублева.

Именно в эти годы у нас опять возникает повышенный интерес к умозрительным проблемам: к философии, к нравственной глубине в нас самих, к смыслу жизни человека и его месту во вселенной... Восстанавливаются и крепнут связи с центром культурного мира — с Византией.

Сюда, в молодую Москву, задолго до того, как она стала государственно-политическим центром, мудростью святого митрополита Петра переносится церковный центр, как бы сердце России. Тут крепнет то самосознание, которое определилось еще при св. Александре Невском: наше направление на восток, а не на запад, подобно Галицкому княжеству.

Сознание нашей преемственности от павшего византийского православного царства, сознание, которое обрели наши предки в середине XV века (Флорентийская уния), выращивалось именно тут, в предкуликовскую пору.

К 1380 г. Москва — крупнейший центр, оплот новой русской государственности, самый большой город России, не считая Великого Новгорода. Но не нужно забывать, что на Поле Куликово вышла и победила не вся Россия, а только несколько больше ее половины. Это говорит о силе тогдашней Москвы, но и о незаконченности собирания Российского государства. Что особенно важно: важно психологически, что победу как свою общерусскую победу ощущал *весь* русский народ, бывший и не бывший на Поле Куликовом.

Итак, события начались. В поэтизированной форме это выражено так: «На Москве кони ржут, звенит слава русская по всей земле русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют на Серпухове, стоят стязи у Дону у великого на брези» («Слово Сафрония рязанца». С. 379).

Войско великого князя Димитрия Ивановича пошло навстречу татарам, стоявшим у Дона на реке Красивая Меча. Дойдя до верховий Дона, русские остановились, не зная переходить ли Дон.

Может, и нам здесь остановиться и откровенно спросить себя: да знаем ли, помним ли мы, где находятся эти верховья Дона, да Непрядва, да Красивая Меча?

Может быть, был прав Шмелев, когда писал: «Куликово Поле... кто же о нем не слышал! А многие ли знают, где это Куликово Поле? Где-то в верховьях Днепра? в Тульской губернии, кажется?

Да: на стыке ее с Рязанской, от Москвы 300 с небольшим верст, недалеко от станции Астапово, где трагически умер Толстой, в тургеневских местах, знаемых по «Запискам охотника».

А кто удосужился побывать, ощупать, где по урочинам между верховьями Дона и Непрядвы совершилось великое событие? Из тысячи не наберется и десятка... я сам, прожив 5 лет по той же Рязанско-Уральской линии, в 117 верстах от станции «Куликово Поле»... так и не удосужился побывать, воздухом давним подышать, к священной земле припасть, напитанной русской кровью, душу собрать в тиши, под кустиком полежать — подумать... как я корю себя... что мало знал свою родину, не изъездил, не исходил!»...

Итак: дошли наши до Дона и не знали, переходить его или не переходить. Почему?

С одной стороны, это, наверное, последняя капля робости: ведь река — прекрасная защитительная позиция. С другой стороны, перейти реку значило создать себе защиту с тыла. Это очень важное соображение, учитывая соседство с рязанским Олегом, перекинувшимся на татарскую сторону. «Для того и перешли русские Дон, чтобы Доном ощитить свою спину от своих же, от рязанцев: не ударили бы православные»,— пишет Солженицын («Захар Калита»).

Теперь мы с вами подошли к моменту, когда должно сказать о провиденциальности события. Должно напомнить о том подлинном реализме, о котором мы упомянули в начале, том, который заключается в умении ощущать присутствие *другого мира* столь же явственно, как и этого. Этим даром, этой святостью обладал прп. Сергий, который *именно в этот момент* прислал вел. князю вторичное свое благословение, просфору и грамоту: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь» (*Ключевский*. С. 54).

В это же время подошло ополчение «донских казаков» с образом Божьей Матери, впоследствии вошедшем в нашу историю как чудотворный образ Донской Божьей Матери. Этот образ в виде хоругви войско несло с собою в битву.

В канун Рождества Пресвятой Богородицы, 7 сентября, повелел вел. князь Димитрий Иванович броды искать и мосты ставить для переправы через Дон.

«С полуночи тучей возносилась Княжеская рать...» — пишет об этой переправе Блок и продолжает, передавая скорбь Матери-Родины за сынов своих, которым девяти из десяти суждено было сложить свои головы на Поле Куликовом:

И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать...

Под прикрытием густого тумана наши перешли Дон. И еще Блок:

Орлий клекот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой...

Поутру, когда рассеялся туман, русская рать предстала перед татарами и вынудила их принять бой. Татары уже три недели простояли тут в ожидании своего союзника кн. Ягайла Литовского с его многочисленным войском.

Кто из русских тогда об этом знал, кроме прп. Сергия, сказавшего: «Иди без промедления». Кто знал, что литовцы в тот день находились на расстоянии односуточного перехода от Куликового Поля?

Еще в Коломне, где в успенский пост собрались все ополчения, т.е. на полпути до Дона, были сделаны все назначения на главные командные посты. Войска для сражения были распределены так: передовой полк, «большой полк», т.е. главная сила, занимающая центральное положение; полк «правой руки» — правый фланг, полк «левой руки» — левый фланг. Не могу здесь не упомянуть, что мои далекие предки — князья Ярославские, Василий, Глеб и Роман, — были поставлены вместе с некоторыми другими князьями и воеводами во главе «полка левой руки», где двое из них, Глеб и Роман, и сложили свои головы. Наконец резерв и засадный полк, спрятанный, что было очень важной стратегической удачей великого князя.

Когда в ночь с 7 на 8 сентября войска перешли Дон, ими и были заняты позиции, согласно изложенному распорядку, фронт которого растянулся на 13 верст.

«Великий же князь (читаем мы в летописи) сел на своего любимого коня и ездил по полкам и говорил в великой горести сердца своего, а слезы, как река, текли из его очей: "Отцы и братья мои, сражайтесь ради Господа и ради Святой Церкви и ради веры христианской; ведь такая смерть для нас не смерть, но жизнь вечная". Укрепив полки, великий князь возвратился к своему знамени. Он сменил свою одежду на одежду простого воина, а свою возложил на любимого воеводу Бренка. Оставив его на своем месте под знаменем, он поехал в передовой полк. Возбоpонявшим ему идти в самое опасное место сказал: "Если умру, то с вами, если спасусь, то с вами же"».

Грозно сошлись два великих войска. Был велик треск и шум от ломающихся копий и от ударов мечей. «В один час, в одно мгновение, сколько погибло душ человеческих — созданий Божьих!» — восклицает летопись и продолжает: «И третий, и четвертый, и пятый, и шестой час крепко, неослабно бьются христиане с погаными татарами... когда же наступил седьмой час дня, Божиим попущением, наших ради грехов, начали поганые одолевать» («Повесть о Куликовской битве». С. 270).

Как полк левой руки теснится татарами к реке, и мы ложимся, как скошенный хлеб, и гибнем под копытами коней и под ударами татарских сабель — невыносимо смотреть на это, на их гибель тем, кто в засадном полку... и наконец: словами летописи — «В час девятый посмотрел Господь милостивым взором на род христианский» (Там же. С. 369) — засадный полк вступает в дело и решает сражение в нашу пользу!

Татары, теперь в свою очередь, бегут и гибнут под русскими мечами. Татар преследуют на десятки верст. «Так закончилось,— говорит историк М. Н. Тихомиров,— крупнейшее военное предприятие».

О тех девяти (из десяти) наших предках, которые не вернулись с Поля Куликова, Русь сохранила вечную память. Вспомним хотя бы только Димитриевскую поминальную субботу, сохранившуюся в церковной практике и народной памяти доныне,— и можно понять, каким великим событием было для русского народа сражение на Поле Куликовом. Народ пережил не только победу на бранном поле, не только начало полного освобождения от татарского ига, но и явление близости Божией и милости Его к нам.

Было видение двух юношей с обнаженными мечами, одетых в светлые одежды, лица которых сияли подобно солнцу. Они сказали начальникам татарским: «Кто вам позволил уничтожать отечество наше, которое нам даровал Господь»? И начали они посекать татар мечами... (Там же. С. 266).

Это ощущение потусторонней помощи, сознание себя в общем деле с предками, которые не только *когда-то* жили тем же, чем живут теперь их потомки, ощущение, что это правое дело есть общее дело как предков, так и потомков,— это сознание есть сознание величайшей важности для будущего, для христианского уразумения жизни.

Последняя молитва великого князя в Москве, когда войска уже выходили из города в поход, была обращена к прародителям. Об этом мы читаем в летописи следующее:

«Князь же вел. Димитрий Иванович с братом своим с кн. Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила и преклоняется пред Св. Образом его. И потом пришел к гробам православных князей, прародителей своих, и так говорил со слезами: "Истинные хранители, русские князья, поборники православной веры христианской, прародители наши!

Если имеете смелость просить Христа, то ныне помолитесь о нашем унынии, потому что ныне приключилось великое нашествие на нас, детей ваших. И ныне сражайтесь вместе с нами". И так сказав, вышел из Церкви» (Там же.С. 254).

Результатом этой молитвы и было явление двух светозарных юношей, св. страстотерпцев Бориса и Глеба, сказавших татарам «Кто вам позволил уничтожать отечество наше»?

II

Рассмотрев по преимуществу историческую сторону события, теперь постараемся понять его историческое значение. Постараемся усмотреть *смысл* нашей отечественной истории, в частности Поля Куликова. Каково его провиденциальное, т.е. Богом заданное значение? Каков тот подлинный реализм, которым мы должны обладать, чтобы за исторической реальностью не просмотреть реальность того, *«другого мира»*? Того, в котором *раскрывается* смысл событий внешних и познается их истинное значение.

Это прекрасно выражено Вл. Соловьевым:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами.

У Бердяева (в его книге «Смысл истории», с. 22) читаем, что «философия — это один из путей к познанию духовной действительности. Это есть наука о духе, приобщающая нас к тайнам духовной жизни».

Но, может быть, никто так глубоко не усмотрел сокровенный смысл Поля Куликова, как это сделал наш гениальный поэт Александр Блок. Как известно, он написал семь отдельных стихотворений под общим названием «На Поле Куликовом».

Прежде всего: «Кто такие "мы"?» «Наш путь»... «Нам только снится».

Согласно «Повести временных лет», мы — потомки Иафета, сына Ноя. «От него же родилась Русь православная».

Вот где наши корни, вот куда восходит наше Отечество! К сыну, не превозносящемуся над отцом, а покрывающему отеческий грех, восстанавливающему отеческий авторитет.

Наш путь есть служение *такому* делу отцов, каким было дело Иафета. Пусть это есть борьба с делами Хамовыми (помните: брат Иафета, Хам, посмеявшийся над обнаженным отцом).

В этой борьбе, на этом пути тот нам друг и брат, кто словами Блока говорит:

И к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: "Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!

Вот кто «мы». Вот каков «наш» путь!
А кто «Ты»?

«Слышал я твой голос сердцем вещим
В криках лебедей».

Или:

«В темном поле были мы с Тобою»...
«Был в щите Твой лик нерукотворный...»

«Ты» — Светлое начало, заповедь-заданность, замысел Божий о России, ее, России, просветленный, идеальный облик, который должен быть *достигнут* в результате исторического пути.

События на Поле Куликовом воспринимаются Блоком как борьба двух начал: светлого (православного) и темного, татарского:

В степном дыму
блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

Между светлым и темным началом вечная борьба — «вечный бой». Процесс этой борьбы — «долгий путь»... Хотя история не медлит и как «степная кобылица, несется вскачь», но все же туда, к завершительной победе добра, нужно «домчаться»... «Домчимся, озарим кострами степную даль». Это связано с долгой борьбой: «И вечный бой» или: «Покой нам только снится»...

Нам не дается успокоительных прогнозов на будущее. Наоборот, говорится, что «долго будет родина больна»...

Каждый должен быть бойцом за святое дело ее оздоровления. — «Я не первый воин, не последний», — и *каждый* такой воин не забыт просветленным обликом России, и память о нем возносится к престолу Божию.

...помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена...

Об этой светлой жене –Ты, Тобою, Твой — Блок пишет с большой буквы, что позволяет связывать то светлое начало, за господство которого в русской душе, в русской жизни против начала темного мы боремся, непосредственно с обликом Божией Матери, чья Св. Икона сопутствовала нашей борьбе на поле Куликовом.

Блок предельно реализирует присутствие этого светлого, этого божественного начала с русскими, с вел. кн. Димитрием Ивановичем на бранном Куликовом поле:

...И с туманом над Непрядвой спящей
Прямо на меня
Ты сошла в одежде, свет струящей,
Не спугнув коня...

«Близость милости Божией к нам перед битвой ощущалась во всем,– пишет Блок,– в тумане, зарницах, в блеске волны; птицы, сердце человеческое — все вещало о присутствии Его милости. И это присутствие было реальным: «...освежила пыльную кольчугу на моем плече». Оно, это Присутствие, через Куликово поле, сделало и нас с Вами воинами за осуществление замысла Божия о России, *«на всегда!»*

...Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел на всегда.

В стихотворениях цикла «На Поле Куликовом» Блок рассказывает вечную борьбу зла с добром. Это борьба не только двух народов, не только историческое сражение, но борьба двух природ, живущих в нашей душе.

Эта борьба за замысел Божий о душе русского человека продолжается столетиями. Зло деятельно, неустанно. Лик зла принимает разные бытовые и политические и общественные обличия и соблазны, но по существу это всегда все то же темное начало.

Мы с вами, пережившие страшные за всю историю России 60 лет, являемся свидетелями правды пророческого Блока, рассказавшего о будущем торжестве «темного начала», которое мы пережили в новом обличьи, в обличьи «партии Ленина–Сталина».

Это злое, кровожадное, насильническое начало, в форме «татарского» обличия с изумительной силой изображено в седьмом стихотворении Блока из цикла «На Поле Куликовом»...

После нашего 60-летнего опыта многим казалось, что, говоря словами М. Волошина, «с Россией кончено». Или словами Блока: «пусты поля» и «дрожит земля», и не будет конца ни опустошению, ни дрожи.

Но не все приходили в такое уныние. Были и те, которые не только верили в ее восстание, но и чувствовали, параллельно с внешней, скрытую, подспудную жизнь России. К таким нужно отнести, например, поэта Георгия Иванова, который написал:

Россия тридцать лет живет в тюрьме,
На Соловках или на Колыме.
И лишь на Колыме и Соловках
Россия та, что будет жить в веках.

«Сибирские лагеря — родина солженицынских романов и повестей,– пишет К. Померанцев. — Там зарождались они среди страданий и унижений. Там жила и продолжалась великая русская литература, которая на сталинской (и на послесталинской!) воле жить не могла. Там в лагерях хранилось великое и вечное России».

В предпоследнем стихотворении Блока из цикла «На Поле Куликовом» поэт изображает (как я себе представляю) идеальный облик России. Можно воскликнуть: о, когда же *этот* облик восторжествует! Когда Россия с окольных и обманных дорог встанет на путь прямой, на *путь своего* предназначения? Когда же это будет?

Ах, когда на призывы мои
Он вернется из дальней дали?

Когда мы, блудные сыны своей собственной истории, услышим, наконец, призыв и придем к богоданному, просветленному своему облику? Когда?

А пока:

...мелькают версты, кручи...
Останови! Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Не это ли завтрашний день, уже не в переносном, а в прямом смысле? Не Китай ли это? Не Третья ли мировая война, гибель всего человечества!

Покоя нет! степная кобылица несется вскачь!

Но что такое покой? В плане исторических свершений, в плане заданности человеку творчества — покой есть отступление, если хотите — измена и предательство.

Покой только «по ту сторону» исторической действительности становится совершенным достижением.

Сейчас же даже Божество — совершеннейший и вечный Покой — повернут к нашей исторической действительности, как «Отец Мой доныне *делает,* и Аз *делаю*».

Покоя нет. И не надо! Ибо покой губителен для души, не выполнившей еще своего светлого предназначения.

«Не может сердце жить покоем» — ибо это смерть для сердца! Это бескрылость! Это мещанство, довольное собой, «своим обедом и женой». Скажем словами А. К. Толстого:

И выжги ржавчину покоя,
и прах бездействия смети.

Сколько бы ни отступали мы от своего прямого пути и сколько бы каждый из нас и народ наш в целом ни погружался в тину безрадостных будней, жизни серой и унылой, не знающей *Кем* и для чего дана жизнь, — пока есть животворящая идея жизни, сохраняющаяся хотя бы в нескольких людях, до той поры не оскудела до конца к нам милость Божия!

В XIV столетии такой «закваской» были святой Алексий-митрополит, святые Стефан Пермский и Сергий Радонежский. Но вряд ли были *только* они одни!

А в XX столетии — в наши дни — какое небывалое великое множество праведников и мучеников — как Солженицын, как Осипов, Огурцов, как батюшки о. Дмитрий и о. Глеб. И сколько таких стойких и верных, как те, о ком сказано:

Мы шли этапом. И не раз
Колонне крикнув «Стой!»
Садиться наземь, в снег и грязь
Приказывал конвой.
И равнодушны и немы,

Как бессловесный скот,
На корточках сидели мы
До окрика «вперед!»
Что пересылок нам пройти
Пришлось за этот срок!
И люди новые в пути
Вливались в наш поток.
И раз случился среди нас,
Пригнувшихся опять,
Один, кто выслушал приказ
И продолжал стоять.
И хоть он тоже знал устав,
В пути зачтенный нам,—
Стоял он, будто не слыхав,
Все так же прост и прям.
Спокоен, прям и очень прост
Среди склоненных всех
Стоял мужчина в полный рост,
Над нами глядя вверх.
Минуя нижние ряды,
конвойный взял прицел.
«Садись!» — он крикнул. — Слышишь, ты?
Садись!» Но тот не сел.
Так тихо было, что слыхать
Могли мы сердца ход.
И вдруг конвойный крикнул: «Встать!
Колонна! Марш! Вперед!»
И мы опять месили грязь,
Не ведая куда.
Кто с облегчением смеясь.
Кто — бледный от стыда.
По лагерям,— куда кого
Нас растолкали врозь.
И даже имени его
Узнать мне не пришлось.
Но мне высокий и прямой
Запомнился навек
Над нашей согнутой толпой
Стоящий человек.

Один Господь знает, каким созвездием новомучеников Он украсил землю нашу!

Но даже если бы их, этих стойких, были только единицы, то ведь опять вспомним Ключевского: «...и в тесто не нужно много вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал Сам Христос, сказав: "Царство Божие подобно закваске". Украдкой западая в массы, это влияние вызывает брожение и незаметно изменяет направление умов, перестраивает весь нравственный строй души» (*Ключевский.* Церковь и Россия).

Итак, к каким же выводам, рассмотрев исторические события, можно прийти? Прежде всего к тому, что в народе нашем неистребим тот идеальный образ, которым Бог почтил нашу землю, который зреет, который в великих муках прорастает в России.

Не за Россию бояться надо, а за себя: чтобы не оказаться нам с князем Олегом Рязанским в стане изменников, боязливых и ленивых, но в стане бойцов вместе с великим князем Димитрием Донским.

В заключение вернусь к рассказу Шмелева о том, как найденный на поле Куликовом нательный крест (событие это происходит в 20-х годах нашего столетия) был вручен отцу и дочери *собственноручно* прп. Сергием Радонежским. Это глубочайшая проблема о вечной, продолжающейся и всеобъемлющей жизни. Проблема того подлинного реализма, «который ощущает жизнь, явления и вещи так, что наличие *другого мира* ощущается столь *же* явственно, как и этого». Вот переживания девушки после такого *реального* явления прп. Сергия в их семье:

«Она лежала и плакала неслышно. Эти слезы были для нее — радостными и светлыми. Ей открылось, что все живое, все есть: будто пропало время, не стало прошлого, а все — есть! Для нее стало явным, что покойная мама — с нею, и Шура, мичман, утопленный в море в Гельсингфорсе, единственный брат у ней — жив, и — с нею; и все, что было в ее жизни, и все, что она помнила из книг, из прошлого, далекого — все родное наше — есть, и с нею, и Куликово Поле, откуда явился Крест — здесь, и в — ней! Не отсвет его истории, а сама его живая сущность, живая явь. Она страшилась, что сейчас забудет это чудесное чувство, что это "дано на миг", боялась шевелиться, испугать мысли... но все это становилось ярче... светилось, жило» (*Шмелев И.* Куликово Поле. С. 61).

Поле Куликово — не только историческое прошлое, а столь же событие настоящего времени. Оно и *сейчас* происходит:

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

А ты? Ты –участник этой сечи?. Этого *продолжительного* исторического дела? Для русского человека, воспринявшего Поле Куликово на его историософской глубине, ответ может быть дан только словами А. Толстого, воспринятыми как молитва, как покаяние, как обет:

...и вняв карающим словам,
как камень под ударом плота,
огонь таинственный издали!

И Блок:

Не может сердце жить покоем.
Недаром тучи собрались.
Доспех, твой час настал. — Молись!

И заключаем строкой Блока:

На пути — горючий белый камень,
За рекой — поганая орда.

О белом камне читаем в Священном Писании:
«Побеждающему дам... белый камень, и на камне написано новое имя, которое никто не знает».

Прот. А. Киселев

Осмысление верности идеалам Православной Руси[1]

Опасаюсь, господа, что моя нынешняя тема некоторым может показаться ретроградством, отступлением. Как же де можно звать идти назад, к прошлому, скажут нам, когда нужно звать вперед, к развитию великих завоеваний современности.

Может быть, и впрямь так? Ведь если представить себе Русь XIV века, когда она была наиболее ярко выраженной носительницей идеала Святой Руси, представить себе Русь с ее стрельцами и бердышами, со-

[1] Запись доклада протоиерея А.Киселева на Четвертом съезде православной русской общественности в США. — *Примеч. редакции журнала.* (Русское возрождение. 1980. № 12. С. 98.)

хой да лаптями, то ведь ее сразу можно отнести к числу т. н. отсталых стран. К числу тех стран, представителям которых теперь хоть и пожимают руки на всевозможных ассамблеях ООН, но которых представители наций передовых, вроде нашей Америки, глядя на их фески, балахоны, чалмы и сари, откровенно сказать, все же считают чем-то вроде полудикарей.

Однако такой поверхностный взгляд на данный вопрос вряд ли может способствовать его осмыслению. Галстуки и пиджаки т. н. цивилизованных людей столь же мало способствуют уяснению основных вопросов бытия, как и их полеты на Луну и все т.н. великие технические достижения современности.

И еще сомнение: не стоим ли мы, т. е. люди нашего времени, как загипнотизированные перед хваленными нашими демократиями, или иначе — народоправством, или иначе — самоуправством или плутоправством, не стоим ли мы со всеми нашими демократиями как набедокурившие дети перед приходом отца — теократии? Не прав ли академик Игорь Ростиславович Шафаревич (автор капитального труда о социализме), доказывающий, что все виды, оттенки и порции социализма ведут к одному: к вымиранию человечества. И чем полнее осуществляется это учение, тем скорее люди приближаются к столь радикальному своему завершению.

Доказывает Игорь Ростиславович свое утверждение очень просто. Он говорит, что все народы земли от диких до цивилизованных, если их отрывают от привычных вековых традиций быта, представлений, верований, даже если при этом улучшается экономический и бытовой уровень их жизни, приходят к одряхлению и апатии. Утрата исконного смысла жизни вызывает апатию, преждевременную старость, ведет к росту алкоголизма, снижению рождаемости и выводит на прямую дорогу к вымиранию.

Если академик Шафаревич и ему подобные умы правы, то правы и мы, ставящие вопрос верности нашему прошлому, корням и истокам, т.е. вопрос об осмыслении верности идеалам Православной Руси. В чем же заключается идеал Св. Руси? Вряд ли было бы правильно ответить на этот вопрос односложно. Мы постараемся заглянуть в те истоки, откуда вытекает ответ на поставленный вопрос.

В сознании нашего народа всегда жила тяга к пониманию жизни как того, чего от нас хочет Бог, и самой жизни как выполнения Его Божественной воли. Это нечто изначально в нас заложенное. Это дар, полученный нами при св. Крещении 1000 лет тому назад.

Первые пять веков этого тысячелетия мы жили под благотворным воздействием идеи т.н. симфонии, т.е. такого соотношения церковных и гражданских начал, когда одно и другое не к подчинению себе другой стремилось, но оба стремились быть покорными Богу.

Когда это было? Было это во время великокняжеского и царского государственного строя. Однако, думаю, это был не совсем тот монархический строй, который мы знали после его 500-летнего развития. Да, конечно, идея Государя *самодержца* возникла не в конце этих пятисот лет, а в их начале. Но понимание этого термина и его приложения к жизни, мне кажется, претерпело значительное изменение.

Что я хочу показать моим экскурсом в область политического строя нашего прошлого? Этим я хочу подчеркнуть, что изначальное понимание себя как *Святой* Руси означало не столько силу власти, сколько ее благодать, богоданность, теократичность или боговластие. Не самоутверждение власти церковной или гражданской, а понимание себя как слуг Божиих, делающих одно дело Божие, хотя и в разных областях жизни. Вот то, из чего исходило наше исконное жизнеустройство. То, из чего слагалось понимание идеала *Святой* Руси.

«Чем ближе мы возвращаемся к древней Руси, — читаем у литературоведа и мыслителя наших дней академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, — и чем пристальнее начинаем смотреть на нее (и не через окно, прорубленное Петром в Европу, а теперь, когда мы восприняли Европу как свою, оказавшуюся для нас «окном в древнюю Русь», на которую мы глядим уже как чужие, извне), тем яснее для нас, что в древней Руси существовала своеобразная и великая культура — культура глубокого озера Светлый Яр, как бы незримая, плохо понятая и плохо изученная, не поддающаяся нашим шаблонным представлениям о том, какой должна быть настоящая культура».

В прошлом мы привыкли думать о культуре древней Руси как об отсталой и «китайски замкнутой» в себе. Шутка ли: приходилось «прорубать окно в Европу», чтобы мало-мальски придать русской культуре «приличный» вид, избавить русский народ от его «отсталости», «серости» и «невежества».

Если исходить из современных представлений о высоте культуры, признаки отсталости древней Руси действительно были, но, как неожиданно обнаружилось в XX веке, они сочетались в древней Руси с ценностями самого высокого порядка — в зодчестве, иконописи и стенописи, в декоративном искусстве, в шитье, а теперь стало еще яснее: и в древнерусской хоровой музыке и в древнерусской литературе.

Не вернее ли думать, что те области, где эта отсталость замечается, просто менее характерны для культуры древней Руси и не по ним следует о ней судить?

Я думаю вообще, что исследование нравственных идеалов древней Руси должно было бы быть сделано неотлагательно. Это работа не для одного поколения ученых. Но предваряя выводы будущих исследований, отмечу только, что огромная роль в создании этих идеалов принадлежит литературе исихастов, идеям ухода от мира, самоотречения, удаления от житейских забот, помогавшим русскому народу переносить его лишения, смотреть на мир и действовать с любовью и добротой к людям, отвращаясь от всякого насилия. Именно эти идеи в сильно трансформированном виде заставили Аввакума сопротивляться насилию только словом и убеждением, а не вооруженной силой, идти на неслыханное мученичество, проявляя одновременно и удивительную твердость и незлобивость. В Аввакуме и его писаниях поражает не только нравственная стойкость, но и способность подняться над самим собой, взглянуть с доброй и всепрощающей усмешкой на своих мучителей, которых он, отвлекаясь от ненавистных ему взглядов и действий, готов даже пожалеть, зовет их «горюнами», «бедненькими», «дурачинами». Аввакума иногда изображают мрачным фанатиком. Это глубоко неверно, он умел смеяться, с улыбкой смотреть на тщетные усилия своих мучителей. Он мягок и одновременно поразительно силен духовно.

В этих условиях, «в условиях» таких идеалов, у людей древней Руси была удивительная любовь к миру при одновременном признании этого мира греховным, суетным, «мимотекущим» и злым»[1].

Вот куда, оказывается, уходят глубокие корни нашего прошлого, того, на основе чего строилось наше миропонимание. Это не просто «идеи» или «философия», которые приходят и уходят; одним известны, а другим нет, а то изначальное, чем пронизана плоть и кровь народа, что из поколения в поколение веками живет в нас, в нашей вере, что отразилось в наших обычаях, песнях, быту и всем том, что оберегается народной совестью... Совестью!? Не будет ли это что-то очень расплывчатое... Нет. Даже наоборот. Совесть — это тот инструмент, клетка такая особая в организме или способность человека, которая реагирует и судит точнее, чем любая совершенная законность, право юридическое или логика, ибо, как очень хорошо сказал Василий Макарович Шукшин: «Человек, начиненный всякими “правилами”, но лишенный совести,— пустой человек, если не хуже»[1]. Вот при жи-

[1] *Шукшин В. М.* Нравственность есть правда. М., 1979.

вучести, при неистребимости в нас совести — несмотря на то, что мы часто бываем совсем бессовестными — попробуй-ка ты переделать русского человека!

Сравните описание смерти у Льва Толстого, писателя царского времени, и у Валентина Распутина — исключительно писателя советского времени — и вы увидите, что умирает русский человек одинаково как при царе, так и при Хрущеве. Это значит, что Хрущев и предшествующая ему разбойная компания не смогли повредить основного хребта, хотя и изрядно искалеченного ими русского народа. А старались ведь, старались с усердием служить революции, которая, по словам Н. А Бердяева, «разрывает связь времен, уничтожает память о прошлом, о предках, ибо она глубоко антинациональна и антирелигиозна»[1].

Почему же все-таки не преуспели? Потому, как писал тот же Бердяев, что «в нацию входят не только человеческие поколения, но и камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы услышать волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы»[2]. Как это правильно сказано! А разве разгромившие Дом нашей Родины интернационалисты — и свои «Иваны», и многочисленные чужекровные нам «строители» русской революции — разве они способны были «услышать» камни нашей старины и прочесть истлевшие страницы чуждого им нашего прошлого? Потому-то и доныне, как и до их конца «воля нации» и их воля останутся чужими друг другу, противоборствующими началами.

За кем же останется победа? Это смехотворный вопрос! Кто это сказал: «Гони природу в двери, она влезет в окно».

Возможно, вы справедливо захотите упрекнуть меня в несерьезном ответе на серьезный вопрос? Пускай же тогда за меня вам ответит журнал «Вопросы литературы» (1980. № 4), посвященный 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, где многие страницы отведены воплю критики о том «страшном пристрастии» к К. Леонтьеву, Л. Шестову, Н. Бердяеву, которое захватывает умы в СССР. Растут массовые требования переиздавать старых авторов по вопросам истории. «Разумеется, — читаем там же, — Карамзин и Соловьев заслуживают особого разговора. Но Иловайский?! — в испуге восклицает критик, — он же был историком дворянско-монархического направления, автором официальных учебников истории для средней школы в царской Рос-

[1] *Бердяев Н.* Философия неравенства.

[2] Там же.

сии, как в свою очередь и Флоренский в общественных науках стоял на идеалистических и религиозных позициях, был редактором «Богословского вестника» (С. 122).

Оказывается (см. «Литературную газету» за 25 октября 1978 г.) «Аввакум — славянофилы — Достоевский — Тютчев — Бунин оставили потомкам непреходящие ценности»! Вот как! «Поэзия Клюева, Клычкова, Орешина, а не Маяковского, Бедного, Багрицкого уже становятся предтечей современной советской поэзии...», — восклицает автор.

Но, наверное, самой досадной необходимостью в журнале, отмечающем 110-ю годовщину рождения Ленина, была необходимость откликнуться на публикации о... воскрешении мертвых! Ссылаются на сборник «Вечное Солнце», где излагаются идеи Н. Ф. Федорова и прямо говорится: «...жизнь... сделается способной достигнуть совершенства только тогда, когда горожане возвратятся к праху отцов... когда кладбища сделаются центрами собирания сынов... Рай, или Царство Божие, не внутри лишь нас, не мысленное только, не духовное лишь, но и видимое, осязаемое, всеощущаемое органами...»

«И все это печатается без каких-либо комментариев!» Это не я говорю, а восклицает возмущенный автор и спрашивает: но во имя чего? С *какой* целью?»

Милый автор, неужели вы действительно не знаете, почему все это, несмотря на пресловутую 110-ю годовщину, возвращается на круги своя? Не знаете, что человеческая душа по своей *природе* христианка и до конца вытравить ее нельзя? Не знаете, что религиозность есть нечто *врожденное* у человека и столь же необходимое ему, как любая часть его организма? Не знаете? Так вот это и рассказал нам журнал, когда мы задали вопрос, за кем будет последняя победа.

Однако даже и после блистательного ответа журнала «Вопросы литературы» вопрос о конечной победе все же не смехотворный вопрос, как я с известной долей вольности его назвал.

Не забудем, что самое изящное, совершеннейшее и прекрасное, как роза, не выдерживает и первого заморозка, а хеопсовы пирамиды, грубейший камень, стоят тысячи лет.

Идеалу стремления к святости, начиная с императора Петра I, у нас был противопоставлен западный идеал «всеобщего блага», который при Ленине нашел свою окончательную реализацию в лозунге «грабь награбленное»... Разграбили, и не только нечем стало питаться, но и нечем стало жить... не для чего... скучно... для чего продолжать свое «рас-

тительное существование»? И ощутили, и продолжают ощущать эту пустоту, бессмыслицу не единицы, а миллионы. И это вот страшно!

Вы помните стихотворение Алексея Толстого?

В лесную чащу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне,
И свистнул беспечно, бочась на коне:
«Какое мне деется горе!»
Идет он рысью, гремя и звеня.
Стучат лишь о корни копыта.
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня
«Эй, кто за плечами там сел у меня?
Со мной берегись, не шути ты!»
И щупает он у себя за спиной,
И шарит с досадой во взоре;
И внемлет ответ: «Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везешь Ярослава ты горе»!
Чрез малое время — новый седок:
И на ухо шепчет: «Вези ж и меня,
Я, витязь, татарское горе»!
Тут кто-то сызнова прыг на седло –
«Какого там черта еще принесло»?
«Ивана Васильича горе»!
И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.

Вот наследие нашей истории, от которого уйти нельзя, а названные седоки — горести наши — только умножаются и в численности, и в качественности.

Где же, в чем же единственно спасающие пути нашей верности Святой Руси?

Мы ли строим историю, история ли строит нас, но ни в том, ни в другом случае мы не можем быть пассивны. И первый вопрос, который ставится перед нами как в великих, так и в малых обстоятельствах, в формулировке Андрея Платонова, так вот просто и выговаривается: «Если не я, то кто же?» Не в бровь, а в глаз всем нам, увиливающим, уклоняющимся, прячущимся от работы, от ответственности, от долга: «Если не ты, то кто же?»

Мало, так сказать, подписаться, утверждая правоту слов А. В. Карташева, сказавшего, что «Вера в Святую Русь, убеждение, что вне ее нет спасительных путей для России, — вот основной духовный капитал, без которого мы ничто». Мало разделять или одобрять эти слова. Их нужно претворять в жизнь. Об этом претворении желаемого в реальное, что именно претворять и как это делать, говорил другой большой русский человек — И. А. Ильин. «Мы должны, — говорил он, — увидеть идеальную Россию, нашу родину, в ее возможном и грядущем совершенстве, увидеть священною мечтою нашего сердца и огнем нашей живой воли. И увидев ее так, увидев ее такою, создать те силы, ко-торые осуществят ее — Россию природных и национальных дарований, Россию святителей, героев и поэтов, — Россию перед лицом Божиим».

Да, именно так — «огнем воли... создавать... силы, которые *осуществят* нашу верность идеалам Святой Руси» или «России перед лицом Божиим», как сказал Ильин. Но помните: не вздыхать, а осуществлять. Делать! Не на других перекладывать, а самих себя заставлять. Делать неустанно хотя бы самое маленькое дело, но делать!

Но нет, нет, мы не любим Россию!

А дальше уже скажу не моими словами, а словами Николая Васильевича Гоголя: «Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, а в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупицу деятельности всей нашей нынешней бездеятельности и праздной жизни. Нет, вы еще не любите России. А не полюбивши России, не полюбить вам и своих братьев...» Так писал Гоголь; сотню лет эти слова звучат, а сколько миллионов из нас еще не способны их услышать?

Однако Россия не есть еще самоцель. Мы ведь не расизм или шовинизм проповедуем.

Чтобы все встало на место, вспомним слова мученика наших дней отца Дмитрия Дудко, взятые эпиграфом для этого нашего съезда:

«Православие в России — вот то, на чем я стою. Россия не как государство просто, а Россия как почва для Православия. Сказать "Православие" — это все равно для меня, что сказать "Россия"».

Эти пронизанные духом Святой Руси слова, сказанные одним из выдающихся православных русских людей нашего времени, пусть будут восприняты нами как выражение верности идеалам Святой Руси, на которых мы стоим.

Именно *стоим. Стоим,* а не колеблемся, ибо сказал нам св. апостол Иаков, что «человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» (Гл. 1, ст. 8).

Прот. А. Киселев

Пятый съезд православной общественности[1] (4–7 сентября 1981 г.)

Уже второй год, как съезд православной общественности на Востоке США проводится вблизи Нью-Йорка, на территории русского Общества «Отрада». На съезде, как и в прошлый раз, участвовало от 100 до 150 человек. Темой съезда в этом году был вопрос: «Возможно ли в наше время жить на моральном уровне наших предков?» В свете этого вопроса рассматривались важнейшие события ближайшего будущего для православия и России: прославление новомучеников и тысячелетие со дня Крещения Руси. Также касались положения Церкви в России — какие масштабы и какое направление принимает духовное возрождение в России?

Этим вопросам был посвящен ряд докладов и обсуждений. Перечень докладов дает представление о том, как развивались названные темы:

Суббота: «Возможна ли христианская мораль в государственной жизни?» — свящ. С. Женук; «Современное состояние православия у нас на родине» — прот. А. Лебедев; «О прославлении новомучеников российских» — прот. А. Киселев.

Воскресенье: «Особенности русской философии» — проф. С. А. Левицкий; «Святые в жизни Православной Церкви» — проф. С. С. Верховской;

«От неверия к вере — поэтическое творчество Солоухина» — проф. Н. Г. Косачева.

Понедельник: «Достижимо ли преодоление вражды потомков в год 1000-летия Крещения праотцев?» — М. Н. Беляева; «В чем может и должно выразиться торжество юбилейного года?» — прот. В. Шишков, проф. Е. Л. Магеровский.

Неотъемлемой частью съезда также были ежедневные богослужения, всенощные и литургии. В понедельник на литургии причастились почти все участники съезда.

[1] Русское возрождение. 1981. № 17. С. 234.

Прославление новомучеников

Уже второй год на съезде обсуждался вопрос о предстоящем прославлении новомучеников. Выявилось общее согласие в том, что прославление провести необходимо. Единственное опасение было высказано в связи с тем, что, по некоторым сведениям, не все члены царской семьи были убиты. В ответ на это было указано, что данные расследования Соколова не оставляют никакого сомнения, что все члены царской семьи были убиты большевиками.

Если сравнить обсуждение данного вопроса в этом году с прошлогодними прениями, то можно сказать, что:

– многие, которые в прошлом выступали против прославления, считая, что еще не настало для этого время, теперь высказывались за прославление;

– было более ясное понимание среди участников съезда о разнице между святыми мучениками и святыми праведниками. Большой вклад в раскрытие этого вопроса был сделан о. Александром Киселевым и проф. Верховским, которые разъяснили место, занимаемое святыми в Православной Церкви. Праведников прославляют за их благочестивую жизнь и за те чудеса, которые творятся ими. Часто проходит много времени между кончиной праведника и его прославлением. Мученики же прославляются за свою смерть, ибо причина их смерти ясна.

Общее впечатление

Постараюсь передать мои впечатления путем сравнения. Будучи переводчиком, я имел возможность побывать в России и там присутствовать на церковных службах и на официальных коммунистических праздниках. Как же можно наш съезд сравнить со столь разными и далекими по духу явлениями, как эти праздники?

Во-первых, меня поразило сходство участников съезда с молящимися в московском храме. Преобладали пожилые, однако, как и в Москве, были и молодые лица, с живым интересом участвовавшие в работе съезда. Следует отметить, что и среди лекторов на съезде были молодой о. Александр Лебедев и Мария Николаевна Беляева — оба выпускники лучших американских университетов, Йельского и Гарвардского. Доклады их были проникнуты глубоким пониманием России и ее состояния в настоящее время.

В отличие от участников советских официальных торжеств (чаще всего спящих), участники съезда с живым интересом слушали и обсуждали темы, предлагаемые докладчиками.

Слушая с волнением доклады и переживая затронутые вопросы, которые, без сомнения, важны сейчас для России, я не чувствовал разрыва между собой и родиной моих предков. Хотя некоторые и считают, что та Россия, которую хранит и любит русская православная эмиграция, уже не существует, я с этим не согласен — она живет! И, благодаря таким съездам, она продолжает жить. Русский эмигрант, воспитанный в духе православия, не чувствует себя в России инородным — даже через три поколения. Я сам это чувство испытал и считаю, что это благодаря православному воспитанию. А съезд является объединением этого духа. На съезде участники живут и дышат Россией.

Участник съезда Алексей Родзянко

Интервью со свящ. Майклом Бурдо[1]

Недавно я имел случай побеседовать с англиканским священником Майклом Бурдо, основателем и директором Кестон колледжа в Англии. Кестон колледж является центром по изучению религии и коммунизма. Его сотрудники уже много лет занимаются проблемой преследования верующих в странах с коммунистическими режимами, разъезжают по разным странам с лекциями, издают квартальный журнал «Религия в коммунистических странах», ежемесячный бюллетень «Кестон ньюс сервис» и ряд других изданий.

Священник М. Бурдо — давнишний друг Русской Зарубежной Церкви. Во время празднования ее пятидесятилетия он был одним из главных ораторов на торжественном собрании, организованном по этому случаю. В прошлом году он выступил с докладом на четвертом Всезарубежном съезде православной русской молодежи в Сан Франциско. В последнее время М. Бурдо прочел в Уэлзли колледже, в штате Массачусетс, курс лекций о религии в Советском Союзе.

В начале нашей беседы я попросил свящ. М. Бурдо рассказать, как его слушатели в Уэлзли колледже отнеслись к его лекциям о религии в СССР.

О.: Мне кажется, что студенты слушали мои лекции с большим вниманием. Жаль только, что мне не дали больше времени продолжить этот курс, т. к. интерес к этому вопросу большой. Я выступал не только на уроках в вузе, но и для общественности. В последнее время я много занимаюсь вопросом взаимоотношений Церкви и государства в Советском Союзе. Об этом я и говорил на своих лекциях. В послед-

[1] Русское возрождение. 1982. № 18. С. 175–179.

ней лекции я говорил о духовной жизни и о разных течениях в современной Русской Православной Церкви. Я старался показать непрерывность этой духовной жизни, которая, несмотря на притеснения со стороны властей, продолжается с дореволюционных времен и уходит корнями в русское средневековье. В этом контексте я уделял много внимания растущему интересу православных верующих в Советском Союзе к монашеству, в частности к старцам, которых и теперь можно найти там. Старцы представляют весьма живую духовную силу. Я познакомил своих слушателей с биографиями нескольких таких старцев, оставивших суету мирской жизни в поисках покоя, необходимого для созерцательной жизни. Верующие тянутся к этим старцам, некоторые даже поселяются около них, создавая таким образом небольшие общины. В каком-то смысле это явление напоминает деятельность прп. Сергия Радонежского в XIV веке.

Один из таких старцев, о которых я говорил, — это архимандрит Таврион, умерший два или три года назад. Он получил богословское образование еще в Царской России. После прихода к власти большевиков он был арестован и провел 28 лет в заключении и ссылке. В начале 50-х годов о. Таврион был освобожден и возобновил в миру свою монашескую жизнь. Но и на свободе власти продолжали преследовать старца, что вынудило его скитаться по стране. Наконец, в 1969 году он нашел постоянное убежище в Латвии, где стал духовником в Преображенском женском монастыре под Ригой. Благодаря его трудам, жизнь этой монашеской общины испытала настоящее возрождение. Им были построены дома для многочисленных паломников, приезжавших в обитель за наставлениями и советами в духовной жизни. До нас дошли сведения о его духовнической и проповеднической деятельности. Настолько возросла слава о нем, что к нему стекались люди не только из окрестных селений, но также и из Москвы и других отдаленных городов Советского Союза.

В.: Читался ли когда-нибудь ранее в американском высшем учебном заведении курс лекций о религии в Советском Союзе?

О.: Насколько мне известно — нет. Правда, лет 12 тому назад я прочел ряд лекций на эту тему в американской духовной семинарии. В Канаде такой курс читается в университете имени Карлтон проф. Богданом Бичкириевым. В следующем академическом году в Англии наш Кестон колледж намеревается начать такой курс. Изучение этого предмета необходимо и крайне важно, т. к. я глубоко убежден в том, что будущее не только Советского Союза, но и в какой-то степени все-

го мира связано с тем, что произойдет в СССР в духовно-религиозном плане. На Западе много внимания уделяется изучению состояния советской экономики, политики и всевозможных других социальных вопросов, но, к сожалению, религии и духовным вопросам этой сверхдержавы уделяется недостаточно внимания.

В.: Как вы оцениваете нынешнее положение Русской Православной Церкви в СССР после отречения от их прежней деятельности ряда церковных деятелей, таких как о. Д. Дудко, Л. Регельсон и Виктор Капитанчук?

О.: Конечно, это большой удар для движения сопротивления, но мне кажется, он не оставит неизгладимого следа. Я верю, вернее, знаю, что семена, посеянные такими людьми, как о. Д. Дудко, попали не только на каменистую почву, но и на плодородную. Найдутся молодые люди, которые продолжат его работу, может быть, не точно так же, как он ее проводил, но во всяком случае они будут стремиться к той же цели, а именно к возрождению религии в России. Как, когда и кем это осуществится — я не могу сказать, но что оно будет иметь место — это несомненно.

В.: Недавно Комитет защиты гонимых православных христиан получил и опубликовал интересный самиздатовский документ, названный «Несколько слов по поводу сегодняшней церковной ситуации». Автор этого эссе считает, что в отречениях таких деятелей, как о. Д. Дудко, есть даже некоторый положительный аспект, в том смысле, что оно показало, что в тоталитарной системе нельзя безнаказанно занимать столь оппозиционную позицию, какую занимал о. Дмитрий и другие. Автор этого документа считает, что люди, встревоженные судьбой Русской Церкви, теперь займутся более интенсивной — внутренней духовной работой, что в конце концов приведет к внутренней свободе. Что вы думаете о гипотезе самиздатовского автора?

О.: Конечно, самое главное — это, чтобы люди освободились от внутреннего страха и были бы духовно свободными. Это теперь сознается многими верующими в СССР. Я это наблюдал во время моих многочисленных поездок в Советский Союз. 20 лет назад этой свободы еще не было, по крайней мере я ее не замечал. Теперь же большее число людей ищет смысл жизни, обнаруживает для себя духовные ценности, которыми жили их предки и интересуется своей родной историей. Это особенно заметно среди молодой интеллигенции.

В.: Расскажите, пожалуйста, о намечающейся издательской деятельности Кестон колледжа.

О.: Наиболее значительные из изданий, которые скоро выйдут в свет, — это книга нашей сотрудницы Джайн Эллис о Русской Православной Церкви последних 20–25 лет, начиная с власти Хрущева. Эта книга уникальна и важна уже потому, что, как ни странно, до сих пор такой книги не было. Правда, в свое время я выпустил сборник переводов на английский язык церковных документов, относящихся к преследованию Русской Церкви хрущевского периода. Но сборник этот вышел 12 лет назад. С тех пор многое произошло в жизни Русской Церкви. Книга Джайн Эллис посвящена анализу этих событий.

Другая книга, которую скоро опубликует Кестон колледж, моя и касается вопроса духовной преемственности в современной Русской Православной Церкви и, в частности, некоторых других христианских исповеданий в Советском Союзе.

Благодарю вас.

Прот. Виктор Потапов

От редакции[1]

Старая казачья мудрость учит: если не хочешь сбиться с дороги, чаще оборачивайся назад.

Не пора ли и нам, и редакции, и читателю, в свете пройденного внимательно вглядеться в вехи выбранного нами дальнейшего пути.

Четыре года существования журнала не такой уж длительный срок, но сколько событий, сдвигов, перемен произошло за это время. Сколько неизвестного стало известным, непонятного тогда — теперь понятным. Мы не намерены пересматривать задачи журнала, которые печатаем в каждом номере, — они остаются в полной силе, ибо наш четырехлетний опыт только подтвердил их правоту. Мы хотим лишь глубже рассмотреть некоторые выдвинутые в них положения, особенно актуальные для сегодняшнего дня.

Говорить о русском возрождении нужно не потому, что Православная Россия в какой-то момент перестала существовать и ее нужно вернуть к жизни. Россия жива, и пройдя через свое огненное испытание станет лишь чище и возвышеннее. Но одно дело Россия и ее неизменные ценности, а другое — русские, которые могут, сохраняя свое имя, не соответствовать его духовному содержанию. Таких в Смутное время называли «измалодушествовавшимися». В наши дни, когда на нашей родине ширится тоска по подлинному, когда растет жажда най-

[1] Русское возрождение. 1982. № 19. С. 5–8.

ти основу для достойной человека жизни, необходимо, чтобы звучало слово о подлинном русском возрождении.

Хорошо человеку искать высоты, возвышенного, желать вдохнуть чистого горного воздуха, но с каждым шагом вверх увеличивается опасность подъема, каждый ложный шаг грозит обвалом, новым падением. В такое время журнал наш должен служить трем ответственным моментам нашего отечественного бытия. Трем, но не обособленным, не противополагающимся друг другу, а соединенным в целое, подобно тому, как отдельные части тела составляют единый человеческий организм. Таковыми являются: Православная Церковь, патриотическое самосознание и целостная культура. Сознавая всю ответственность поставленной задачи, видим особую трудность ее в том, что в наше время почти невозможно сыскать ни одну из этих бесспорных ценностей в ее чистом виде, без примеси, искажающей подлинное ее содержание.

Как предостеречь чистосердечных искателей от опасности? Как дать им умение заметить тонкую подмену? Где те, кто способны выразить подлинное и заверить правдой своей жизни правоту своих слов? И даже имея то подлинное, способное нас возрождать слово, как донести его до слуха миллионов нуждающихся в нем людей?

По временам кажется, что мы стоим перед непреодолимой стеной. Но это только кажется, это только бесовское устрашение, ибо мы знаем и верим словам Спасителя, сказавшего, что «невозможное человекам, возможно Богу». Такова наша вера, которая дает нам дерзновение говорить о православии отеческом и святоотеческом, о том, что с первых веков христианства, как Символ Веры нашей — «Верую во единого Бога Отца...» — дошло до наших дней.

Нам могут сказать, что это значит ломиться в открытые двери: ведь есть Катехизис, в котором все сказано. Да, Катехизис есть. Он излагает основы нашей веры. Но он писался во времена, которые отстоят от наших, как небо от земли. Поэтому о вопросах веры и всего, что с ней связано, нужно говорить то же самое, что в Катехизисе (т. е. о глубоко нравственном восприятии всей жизни), но говорить другими словами, языком нашего времени, обращаясь к читателю, который с первого дня школы, если не сказать с молоком матери, впитывал отравленные представления о вере, нации и культуре.

И опять мы подходим к непреодолимой стене: кто обладает таким умом, чей язык способен один опровергнуть мрачное наследие и повернуть жизнь со слепых путей современности на путь правды? Вряд ли есть, вряд ли может быть такой человек...

Выше мы упоминали начальные слова Символа Веры, теперь же вспомним заключительные: «...верую... во Единую, Святую, СОБОРНУЮ и Апостольскую Церковь...». То, что невозможно одному человеку, возможно соборности.

Редакция нашего журнала состоит из рядовых людей, желающих предоставить себя как орудие служения православному соборному началу. Она зовет всякого сочувствующего вышесказанному присоединить свои силы к тому святому делу русского возрождения, глашатаем которого должен быть журнал «Русское возрождение».

«Россия наша, прошлое России — наше и будущее России тоже наше!» Добавим: но лишь только если русские люди будут строить свое будущее на основе Божьей правды.

Надеяться на помощь и сочувствие, кроме Бога и самих себя, нам не на кого. Сколь слабы ни были бы наши силы, в нас не должно быть места малодушию. Мы принадлежим к великому христианскому народу, который за полстолетия дал миллионы исповедников и мучеников за Христа. Какой другой народ, несмотря на все свои грехи, имел силу, дарованную ему от Бога, устоять в этой неравной шестидесятилетней борьбе?

Русское возрождение питается своими корнями из глубины давно прошедших веков. Прошлое наше с X века было православным, на православии же были основаны и наше национальное самосознание и наша государственность, хранимые и пестуемые Православной Русской Церковью в лице ее святых и славных выразителей.

Так было, есть и будет!

Шестой съезд русской православной общественности[1]

Шестой съезд православной русской общественности Восточного побережья, организованный Комитетом по подготовке к празднованию тысячелетия Крещения Руси и посвященный теме «Православие и идеалы русской культуры», состоялся с 3 по 6 сентября на территории Общества «Отрада». Общество «Отрада» возникло несколько лет тому назад по благословению всеми глубоко чтимого архиепископа Андрея Рокландского (отца Адриана Рымаренко). Члены этого общества оказали нам радушный прием и сделали все, что возможно, чтобы наш съезд прошел в благоприятной обстановке. Находящийся вблизи «Отрады» монастырь Ново-Дивеево был местом, куда

[1] Русское возрождение. 1982. № 20. С. 190–193.

собирались члены съезда на ежедневные утренние и вечерние богослужения и где по давно установившейся традиции в последний день съезда все причастились Святых Христовых Тайн. Это было главным источником Божией благодати, проявленной участникам съезда. И, конечно, помощь съезду оказали и священнослужители монастыря и монахини, которые всячески проявляли нам знаки своей любви и внимания.

Съезд, на котором были представители не только многих городов США и Канады, но и гости из Аргентины, Венесуэлы и Бразилии, стал уже традиционным, и, как и в предыдущие годы, прошел с воодушевлением и радостью. Можно и должно радоваться тому, что, несмотря на все жизненные препятствия, у нас есть люди, не только бережно сохраняющие традиции русского православия и культуры, но и люди, которые с воодушевлением расширяют свои познания и углубляют любовь к истокам нашего отечественного бытия.

После молебна съезд был открыт председателем Комитета по подготовке празднования тысячелетия Крещения Руси князем Т. К. Багратионом-Мухранским. С приветственным словом от имени Общества «Отрада» выступил Н. Никольский. На съезде, как и в прошлые годы, присутствовал владыка Григорий. Его внимание к происходящему, его мирные и исчерпывающие ответы на возникающие у людей вопросы, давали участникам съезда радостное чувство того, что при участии в работе съезда мирян, священников и епископа, мы подлинно находились в лоне Церкви. В этом году на съезде было до 200 участников, не считая гостей, приезжающих лишь на какую-то его часть.

Президиум на съезде был тот же, что и в прошлые годы: те же неутомимые отец Александр Киселев, О. М. Родзянко; лишь В. И. Алексеев отсутствовал по нездоровью.

Трудно сказать, какой доклад был лучшим. Все доклады были детально разработаны и прекрасно подготовлены, и все они отражали глубокую любовь к нашему прошлому, борьбу за настоящее и заботу о будущем. О быте и культуре давно ушедших дней съезд выслушал два доклада. Первый, прочитанный профессором Коннектикутского университета В. В. Поповым, коснулся «Свадебных обрядов в древней Руси», которые, как было замечено во время дискуссии, живут и по сей день среди русского народа.

Профессор Браунского университета А. Н. Левицкий коснулся поэтических начал русского языка, проследя их историю в докладе о «Псалмах и стихах духовных в русской культуре».

Маститый профессор С. С. Верховцев в лекции на тему о «Добре в Боге и людях» ввел своих слушателей в область глубокой богословской мысли. Он затронул столько важного, что дискуссии продолжались еще долго, уже и за пределами зала.

Изумительным по форме и существу было описание эпохи Андрея Рублева, данное художником и искусствоведом Е. Е. Климовым.

Первый вечер был посвящен дискуссионному собранию на тему «Православная семья». Организаторы съезда очень удачно отдали этот вечер молодежи, которая в своих выступлениях затронула и стоящие перед ней жизненные и моральные проблемы, и трудность ее пути среди духовно чуждой среды, и желание, чтобы их пастыри и родители оказали им и больше понимания, и больше духовной поддержки.

Доклады второго дня касались уже более современного периода нашей духовной и литературной жизни. Профессор Оберлинского колледжа И. И. Донлоп говорил об истоках и эволюции «Христианского национализма», и, как бы продолжая его тему, профессор Вассар колледжа А. Е. Климов дал картину наших «нравственных исканий в русской литературе XIX века», и очень хорошо заметил особую роль русских поэтов и писателей, которые, в силу судеб, приняли на себя звание носителей «гражданского долга» и стали совестью русского общества.

«О значении слова "русский"» сделала доклад Г. С. Роснянская, которая не только проследила истоки этого слова, но и облекла его в реальность, указав, что слово есть проявление духовной жизни людей, что по слову, речи можно определять действительность. Когда лектор делилась своим личным опытом частых встреч с русскими людьми на нашей родине, слушатели с напряженным вниманием вникали в ее рассказы.

Т. А. Родзянко познакомила съезд с современным русским писателем Димитрием Балашевым, который является не только историком и прекрасным художником слова, но и умеет воссоздать древность так, что прошлое начинает давать ответы на духовные искания современности.

Все доклады сопровождались оживленными дискуссиями, и всегда было жаль, что время столь ограничено.

Второй вечер был уделен беседе приехавшего из Южной Америки С. Л. Лукина, который ознакомил участников съезда с общественной жизнью русской колонии в Аргентине. В этот же день съезд был ознакомлен с проектами организации «Конгресса русских американцев» по постройке звонницы-памятника и медали 1000-летия.

После ранней Литургии третий день съезда был открыт исторической справкой о праздновании в России 900-летия Крещения Руси, которую хорошо составил В. Т. Комаров, пользуясь материалами того времени. Оставшаяся часть дня была посвящена организационным и информационным вопросам. Эта часть съезда невольно вызвала думы о том, что такие замечательные начинания, как съезды и журнал «Русское Возрождение», для того чтобы достойно подготовлять нас к празднованию тысячелетия стояния народа нашего в вере православной, требуют и заслуживают большего, жертвенного участия в этом общем деле всей русской общественности. Только все вместе, соборно и с помощью Божией и можем мы надеяться «поднять» взятое на себя столь ответственное дело.

При закрытии съезда все присутствующие выразили глубокую благодарность нашим хозяевам членам общества «Отрада», забота которых по устройству съезда была просто самоотверженной. Также благодарили и Юбилейный комитет, и редакцию журнала «Русское Возрождение» за их бескорыстный душевный и физический труд в деле организации и подготовки шестого съезда.

Нужно упомянуть и о том, как щедро откликнулись участники съезда на призыв о материальной поддержке семьям заключенных в Советском Союзе.

Николай Г. Покровский

Съезд русско-американских организаций[1]

С 29 по 31 мая 1982 г. состоялся съезд русско-американских организаций в г. Сиракузы, штат Нью-Йорк. Официально съезд был назван «Всеамериканским совещанием российских организаций США». Собранное по почину Конгресса русских американцев совещание прошло с большим успехом и в атмосфере дружеского сотрудничества между 19 русско-американскими организациями, представленными на совещании. Кроме 19 организаций, приславших делегатов, были получены письменные заявления о поддержке идеи совещания. На совещании также присутствовало 12 наблюдателей от различных организаций и ряд членов Конгресса русских американцев, представлявших отделы

[1] Сведения взяты из информационного бюллетеня Конгресса русских американцев. — *Примеч. ред. журнала.* (Русское возрождение. 1982. № 20. С. 204.)

Конгресса и Главное правление (официально Конгресс представлял Э. Прибыткин, председатель Главного правления).

Совещание было открыто в 2 ч. 29 мая молитвой и кратким пожеланием Э. Прибыткина плодотворной работы и успеха. К моменту закрытия совещания в 12 ч. 31 мая в результате искреннего обмена мнениями и обсуждений различных вопросов были разработаны и приняты к исполнению резолюция и план ее проведения в жизнь.

От редакции[1]

Каждому благонамеренному журналу желательна как критика, так и те пожелания, которыми читатель делится с редакцией. Однако это не значит, что всякий совет и любое порицание должно быть принято и отражено в направлении журнала.

Нам не раз приходилось слышать, что журнал наш слишком миролюбивый, что в нем не чувствуются те зубы, без которых в наше время, мол, себе дорогу не пробьешь. «Противника нужно бить, а читая ваш журнал, я не понимаю, кто же ваш противник».

Журнал не случайно назван возрождением и при этом возрождением русским.

Почему возрождение нам необходимо при всех поворотах истории, при всех политических ситуациях? Почему военная мощь нашей страны, могущая крепнуть и при большевиках, не может спасти народ от гибели? Потому что, как это хорошо определено у Даля: «Возрождение человека совершается покорением чувственности и преобладанием духа». Правильное по отношению к одному человеку, в данном случае приложимо и к целому народу.

Если история наша — это вереница верности и измен Правде, то возрождение заключается в умножении первого и уменьшении второго. Первейшим делом «Русского возрождения» является выявление этой Правды, раскрытие Ее как в великих, так и в малых делах — примерах, начиная от истоков нашего бытия и до наших дней. Правда привлекательна, ее пример вдохновляет... Так из лихого гусара А. И. Хомякова вырастает один из глубочайших выразителей православия... так в молодые годы самоуверенный западник И. В. Киреевский становится строителем православного мышления, и на могиле его читаем надпись: «Премудрость возлюбих и поисках от юности моей. Увидев же, яко инако не обрящу, приидох ко Господу».

[1] Русское возрождение. 1982. № 22. С. 5–7.

«Русская интеллигенция протоптала дорожку к старческим келиям»[1], ибо в Оптиной пустыни не по разу побывали, и в своем творчестве отразили впитанное там «единое на потребу» осмысление жизни, и Гоголь, и Достоевский, и Леонтьев и многие другие. От этих чистых источников — не только от Оптиной, но и от других монастырей, и от соответствующих книг, встреч, озарений, горестей жизни, нажитого опыта — во все времена и при всех обстоятельствах духовно питалась Россия, от самого просвещенного своего слоя до народа «от сохи». «К этой-то именно духовной связи, может быть, и относится пророчество Ф. М. Достоевского, что из иноческой кельи придет спасение России».

Наше духовное наследие настолько прекрасно, настолько в своем совершенстве неотразимо, что не плениться им может только тот, кто его не знает, кому внушено извращенное представление о нем. Благодаря этому нашему журналу нет надобности вступать с мыслящим иначе в пререкания, а тем паче «бить» кого-то, несмотря на то что мы более чем далеки от идеи непротивления злу. Нам необходимо возродить забытое и утраченное, которое так высоко и чисто, что одно соприкосновение с ним нас возвышает и облагораживает. Об этом говорить, следы его находить даже в нашей современной жизни, на них указывать и тем «возгревать» наш дух — вот задача нашего журнала.

Духовное возрождение народа есть то основание, без которого немыслимо устроение государственной жизни, как немыслимо здание без фундамента. Пререкаться о политическом устроении государства без духовного возрождения народа — напрасный труд. Искать пороки вовне, не изживая их в самих себе, — близорукость. «Слишком миролюбивым» быть нельзя, как нельзя быть «слишком верующим». Миролюбие, включая в себя и предел, и твердость, отвращается пустословия и озлобленности.

«Журнал "Русское возрождение" ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его Крещения (988–1988)...»[2]

---

[1] См.: *Сергий Четвериков, прот.* Из истории русского старчества // Русское возрождение. 1982. № 20.

[2] См. «Задачи журнала» в каждом выходящем номере на первой его странице.

Св. Русь и ее отображение в современной русской литературе[1]

(Запись лекции)

> Мы должны увидеть идеальную Россию, нашу родину, в ее возможном и грядущем совершенстве, увидеть священною мечтою нашего сердца и огнем нашей живой воли. И увидев ее так, и увидев ее такою, создать те силы, которые осуществят ее, — Россию природных и национальных дарований, Россию великих залогов и заветов, Россию святителей, героев и поэтов, — Россию перед лицом Божиим.
>
> *И. А. Ильин*

Тема духовных процессов, происходящих в жизни народа, а тем паче нашего народа в советский период его жизни, тема крайне сложная и почти необозримая.

Поскольку известно, что необъятное объять нельзя, мы будем стараться не распылять внимание на явления, возникающие и уходящие, на явления, не имеющие глубоких корней. Нам сегодня важно ухватить основной стержень историософского понимания поставленного вопроса.

Для пояснения того, что я хочу сказать, можно взять известное стихотворение Ахматовой:

> Мы знаем, что ныне лежит на весах
> и что совершается ныне...

Хотя стихотворение это, написанное в 1942 году, было связано с угрозами Второй мировой войны, однако для самобытности русского народа слова:

> И мы сохраним тебя, русская речь,
> Великое русское слово
> Свободным и чистым тебя пронесем,
> И внукам дадим, и от плена спасем
> Навеки!

имеют непреходящее значение.

[1] Русское возрождение. 1982. № 22. С. 26–58.

Не о том, что крикливо, не о том, что, как водяные пузырьки во время дождя — многочисленные и кратковременные, — а о том, что тихо и постоянно, как рост травы, зреет в народных недрах, говорит поставленная сегодня тема.

Примером этому может служить поразившая меня статья в комсомольском журнале «Молодая гвардия» № 9 за 1976 г. Там помещена небольшая статья-отчет под названием «Живое древо языка», о «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

Статья заканчивается словами: «У живого древа русского языка веками испытанные корни. Настолько крепкие, что слово это — "корень" — даже в грамматику перешло, обозначив самую живую, самую прочную часть слова. Будем же в первую очередь внимательны к этим корням, к их изначальному смыслу, к их настоящей правде и красоте».

В том, что там, на нашей родной земле, одни преемственно, десятилетиями трудятся над такими вещами, как упомянутый Словарь, а другие, многочисленные потребители живого слова, жадно ждут выхода его в свет, мы видим тот корень, тот стержень духовных процессов, происходящих в подсоветской России, рассмотрению которого и посвящено наше сегодняшнее сообщение.

Разрешите вышесказанное считать вступлением и к 1-й части моей лекции, касающейся, главным образом, *идеи* Св. Руси, и ко 2-й ее половине, касающейся той части современной советской литературы, которую мы воспринимаем как отображение идеи, высказанной в первой части лекции.

Часть 1

Мы все выросли из прошлого. Прошлое живет в настоящем, и нет такого настоящего, которое не было бы связано, укоренено, не находилось бы под влиянием прошлого. Как нельзя родиться без отца и матери, так только в больном мозгу Ленина могла родиться дикая идея, что «история началась с октября».

В детстве мы нередко даем сами себе имена и начинаем называть себя как-нибудь особенно, наверное, соответственно чему-то в нашем внутреннем мире. Так бывает и с народами. Наш русский народ «с пеленок» стал называть себя «Св. Русью», как итальянцы свою страну — «Прекрасной», испанцы свою — «Благородной», англичане — «Старой»...

Говоря «Св. Русь», мы никогда, конечно, не имели в виду утверждать уже достигнутую нами святость. Это имя, выбранное себе народом от начала нашей истории, говорило о том идеале, той задаче, которую себе народ наш ставил.

Идея Св. Руси восходит к св. князю Владимиру. В первой половине своей жизни этот человек был ярко выраженным носителем язычества, со всем произволом разнузданных страстей. И он же, приняв христианство, становится, через *коренное изменение* своей жизни, идеальным выразителем новой жизни во Христе.

Отцу следуют двое из его сыновей: свв. страстотерпцы Борис и Глеб. Какая невероятная высота духа у этих юношей! Они отдают свои молодые жизни — соглашаются на пролитие своей собственной крови, чтобы не пролилась невинная кровь других людей. И это вчерашние язычники! Реальность жизни «там» для них ценнее, реальнее жизни земной.

Не на примере ли этих людей сложились идеалы и стремления нашего народа? Не их ли святые поступки были тем впечатлением, тем высоким потрясением, которое оставило свой след на всю последующую жизнь народа? Не из этих ли святых примеров складывалось то, что живет в народе и доныне, и что мы называем «русской душой»?

«Самая вера в Св. Русь, убеждение, что вне ее нет спасительных путей для России — вот основной духовный капитал, без которого мы — ничто»[1].

Чем следует объяснить столь поразительное явление, что с первых шагов христианство у нас украсилось такими поразительными подвигами, как жизненное дело св. кн. Владимира и его свв. сыновей? Нам, сынам своего безвременья, вскормленным относительностью и компромиссом, трудно понять всю ту безоговорочность, всю ту почти непостижимость *абсолютной перемены,* которая тогда происходила с этими людьми. В наше время скорей всего происходят перемены умственные, перемены в мировоззрении, как мы теперь говорим. Говоря, например, о хранении чистоты православия, мы теперь обыкновенно имеем в виду хранение умственной истины — догмата или канона веры. Почитая истину или догмат, или принцип, или правду, мы ее обыкновенно воспринимаем только как некую умственную величину. Но тот факт, что истина есть в то же время и заповедь, задача, требующая претворения этой истины в жизнь, в практику, это нередко теперь чуждо не только широким кругам, но даже иногда и высоким

[1] *Карташев А. В.* Воссоздание Св. Руси. Париж, 1956. С. 19.

лицам Церкви. «Необходимость того, чтобы догмат стал заповедью, правилом жизни, чтобы мысль, содержащаяся в догмате, не осталась бы только мыслью, а была бы проектом, планом нашего общего дела...»[1] — это нам теперь далеко не всем даже понятно.

Не таковы были русские первохристиане, наши отцы. Приняв Христову веру, они *тотчас претворяли* ее в своей жизни. Этим-то они от нас и отличаются, как небо от земли.

Потрясенные такими примерами, наши далекие предки и избрали мечтой, целью своего народа — святость, Святую Русь.

Просмотрим бегло несколько великокняжений и царствований интересующего нас периода.

Великий князь Московский Иван Васильевич III (1462–1505 гг., правнук Димитрия Донского и дед Ивана Грозного), унаследовал от отца «область, в 30 раз большую той, которую завещал своим детям первый собиратель Москвы, его прапрадед Иоанн Калита (1328–1340 гг. — *А. К.)*. Такое огромное увеличение московских владений было плодом преемственной деятельности целого ряда умных, настойчивых и бережливых предков Иоанна III; однако размеры этих владений все же составляли лишь незначительную часть всей Русской Земли, бывшей под властью Владимира Святого и Ярослава Мудрого»[2].

Это унаследованное вел. кн. Иваном III Московское княжество было очень мало: от самого стольного града Москвы в 80-ти верстах на север — Тверское княжество; на юг в 100 верстах шла по берегу средней Оки сторожевая линия против татар; а на запад, в тех же 100 верстах за Можайском, в Смоленской области, была уже Литва.

Вот что представляло собой Московское Великое княжество, когда произошло потрясающее мировое событие — падение византийского царства.

«Потрясшее православный Восток падение Цареграда в 1453 году, — читаем мы у профессора Карташева, — представилось для русских знамением суда Божия над Вторым Римом. Когда... Св. София превратилась в мечеть, а вселенский патриарх — в раба султана,

[1] *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. Верный: Типография Семиреченского обл. правления, 1906. Т. I. С. 376.

[2] *Нечволодов А.* Сказание о русской земле. СПб., 1913. Т. III. С. 105 и 106.

тогда мистическим центром мира стала Москва — Третий и последний Рим...»[1]

Брак великого князя с византийской царевной Софией Палеолог после покорения турками Православного Византийского Царства приносит Москве преемственность павшего Константинополя — второго Рима. Это событие оказало огромное психологическое влияние, как на русские земли, не вошедшие еще в Московское великокняжество, так и на самого великого князя.

Происходит рост сознания неограниченного самодержавного государя — «Божией милостью».

Первый видимый знак этого нового положения России — государственный герб, двуглавый орел, бывший герб греческих царей.

Оставим теперь внешние события и посмотрим, что происходило в это же время у нас в сознании людей, в их душах, в их чувствах.

Вот, старая деревянная Москва становится белокаменной, кремлевские церкви времен Ивана Калиты сменяются великолепными кремлевскими соборами, великокняжеский двор приобретает некое уподобление византийскому прошлому. Чем все это внутренне оправдывалось, какой целью вдохновлялось?

Тут надо со всею определенностью сказать, что русское самосознание не менялось под влиянием внешнего расцвета, но что этот расцвет рассматривался как служебное начало той высшей цели, которая загорелась в нашем сознании со времен крещальной купели нашей. И деревянной, и белокаменной она была та же Св. Русь, вдохновленная светом правды Христовой, не для себя, а для этой правды живущая.

Западное умонастроение, жизнь ради наслаждений и удобств, было чуждо русскому человеку, и не им были движимы наши предки того периода.

По мере построения Кремля росло в народе к нему почти религиозное отношение. Не то важно, что он был крепостью для самозащиты, а важен тот духовный замысел, который он олицетворял. Вот почему стало неписанным законом только с обнаженной головой входить в Кремль св. Спасскими воротами.

Каков же был этот духовный замысел, всемерно осмысленный или хотя бы только инстинктивно, душевно ощущаемый у людей той эпохи?

[1] *Карташев А. В.* Воссоздание Св. Руси. С. 37.

«Самодержавие, — читаем мы у Н. Ф. Федорова, — есть всемирно-историческое и всемирно-географическое начало...»[1] «Самодержавие есть хранитель нашего единства, не русского только или славянского, а вообще единства человеческого рода», ибо оно, т. е. самодержавие, т. е. царь-отец, стоит на месте первоотца, праотца[2].

Самодержавию отводилось место почти достигнутого морального идеала. В нем предполагается человек такой нравственной чистоты, который, «"будучи ответствен только перед Богом и своею совестью", не нуждается для выполнения лежащего на нем долга в каком бы то ни было надзоре». Мало того, «...обязанность самодержца состоит в том, чтобы всех, наконец, сделать подобными себе, т. е. ответственными лишь перед Богом и своею совестью»[3].

Такое моральное совершеннолетие, когда мы способны жить без надзора и неспособны к нарушению долга или оставления его без исполнения, представлялось достижимым на путях самодержавия — отца своего народа, отца вселенной.

Вот в таких идеальных формах виделось нашим предкам достижение идеала Св. Руси.

Подумать только! Какой высоты нравственного перерождения ждали наши предки от концепции: царь — вместо праотца, царь-отец, восстанавливающий утраченное сознание братства, восстанавливающий единство человеческого рода.

Но не упрощайте проблему. Тут дело не в политической доктрине, а в моральной перестройке жизни.

Нет и не может быть такой политической системы, которая без морального перерождения, а автоматически, вот так, сама по себе, могла бы устроить добрую человеческую жизнь.

Сейчас мы привыкли с опаской говорить об авторитарной власти. Но авторитарная власть не есть деспотизм. В подлинной — поскольку подлинное вообще бывает в нашей грешной жизни — авторитарной власти наличествуют все необходимые для государственной жизни элементы. А именно:

власть законодательная — царь,
власть судебная — Церковь,
власть исполнительная — народ.

Тут, на Западе, в основе лежит — конституция и хартия свобод.

[1] *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. Т. I. С. 376.
[2] Там же. С. 378.
[3] Там же. С. 376.

Там, где Св. Русь, — Божий Закон.

Основное и коренное различие этих двух систем в том, что в одном случае в основу всего кладется легальное, юридическое начало, а в другом случае — нравственное.

Но все это из кабинетных рассуждений превращается в реальность только тогда, когда каждый живет и действует перед лицом Божиим, и не царя боится, а Бога, как и царь ходит в страхе Божием, ибо все и каждый устремлены к деланию Божьего дела.

Эта мысль прекрасно выражена словами православного чина погребения, где говорится: «...царь и воин, богатый и убогий в равном достоинстве. (Вот где оно, подлинное равенство! — в равном достоинстве. — *А. К.)* Каждый бо от своих *дел* или прославится или постыдится...».

Не будет этих *дел* — стояния перед Богом, ни монархия, ни демократия не помогут.

Подчеркиваю! Моя задача — отнюдь не пропагандировать политические воззрения, а лишь пытаться передать, как в тот или другой исторический момент относились у нас к исконной русской идее — Св. Руси.

После 43-летнего великокняжения Иван Васильевич III отошел в вечность.

Сын его, Василий Иванович III, был достойным продолжателем дела своего отца. Присоединяются к Москве Псков, Смоленск, Рязань.

При великом князе наша сегодняшняя тема нашла свое классическое выражение в словах старца Елизарова Трехсвятительского монастыря Филофея: «По пророческим книгам то есть Россейское Царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бытии»[1]. «Признание Москвы третьим Римом, не допускающее четвертого, есть также факт истории деловой, народной, священной, малопонятый славянофилами и ненавистный западникам... Провозглашение Москвы третьим Римом определяет» наше назначенье во всемирной истории, наш долг, наше мировое, всемирное дело[2].

Вот как далеко идет Федоров: Москва — третий Рим — факт истории... малопонятый славянофилами!

Но достаточно ли ясна нам, господа, вся концепция этого рода мышления? Вспомним, что Византийское православное царство,

[1] *Нечволодов А.* Сказание о русской земле. Т. 3. С. 260.

[2] *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. С. 378.

приобщившее нас к вере Христовой, верило в свою великую миссию; миссию вселенскую, вождем которой является «*единый* на всю вселенную *василевс, протектор всего православия*»[1].

Но не Византия пленила наших предков. Не Византии поклонились они, а той правде, которой поклонялась Византия. Этой правдой была Правда Христова.

«В истории открылся новый век, — читаем мы у Флоренского, — ...и культурная миссия переходит к новому народу, уже усвоившему добродетель восприимчивости, а потому — и способность воплощать в себе горний первообраз»[2].

Русский народ воспринял это наследство как задачу, как дело и проектировал его в свою жизнь как Богочеловеческое дело, как православие.

Таково было то мировоззрение, которое перешло от Византии к нам, к России.

Но все мы люди, все мы человеки.

Возникает проблема государства и Церкви, светской и духовной власти.

Православное царство знало идею «симфонии», т. е. согласие властей — царской и священнической[3]. Церковная власть в лице Митрополита имеет власть «печалования» перед властью государственной, перед царем. Это есть заступничество, утверждение правды, обличение неправды... По своей идее Церковь должна быть совестью государства, быть тем, кто наставит, своевременно предостережет или бескомпромиссно обличит...

Но как это все сложно, когда все эти вещи проходят через призму живых, а следовательно, немощных и даже грешных людей.

Своего апогея проблемы эти достигли в царствование Ивана Васильевича IV, Грозного.

Обратим внимание, что идея «симфонии» заключалась не только в чисто человеческом балансе двух властей — церковной и государственной. Она содержала в себе идею боговластия, осуществляемую через хотящих быть покорными не друг другу, но Богу, носителей власти[4].

---

[1] *Карташев А. В.* Воссоздание Св. Руси. С. 33.

[2] о. П. Флоренский // Континент. № 7. С. 267.

[3] *Федотов Г. П.* Св. Филипп митрополит Московский. Paris: YMCA-Press, 1928. С. 184.

[4] См.: Там же.

Широко известен конфликт между царем Иваном Грозным и митрополитом Филиппом. Нам важно заглянуть в основную причину этого конфликта.

Митрополит Филипп в беседах с царем многократно пытался внушить ему исправление тех ошибочных заключений и даже страшных выводов, которые царь делал из преувеличенного представления о своей богодарованной, неограниченной власти. «Правда, о которой учит святитель, не только право и справедливость, но и любовь... Даже злым, вместо ярости, царь должен показать лик любви... Не менее решительно отрицает святитель и мнимую неподсудность царя наказующему голосу Церкви. В этом весь смысл его исповедничества. Об этом он говорит с потрясающей силой. "Наше молчание налагает грех на твою душу и всенародную наносит смерть" (говорит Митрополит царю. — *А. К.)*. На требование царя быть единомышленным с ним, отказавшись от обличения, святой восклицает: "Тогда, о, государь, тщетна будет для нас вера наша, — и самое вочеловечение Господа... Я имею попечение о твоем спасении... Если умолчу о истине, да не почтуся в чине епископа"... В государстве, как и в Церкви, осуществляется правда Христова, и на страже ее поставлен он, епископ, который не смеет "молчать об истине"»[1].

Одно из величайших государственных дел царя Иоанна — это взятие Казани. Оно не напрасно названо «Россиадою»[15], т. е. всероссийскою поэмою. И не потому, что навсегда снимало татарскую опасность, и не потому, что открывало пути к Каспию, Кавказу, Сибири, а потому, что было приближением к заветной цели, к делу Св. Руси, к восстановлению единства всего мира.

Чем же взятие Казани связано с такой глобальной задачей, как восстановление единства, сознания братства человеческого рода? Тем, что через Казань мы приближались к Туркестану, где Памир, где Эдем, где могила праотца, где колыбель человечества. Как православный царь-отец вместо пра-отца, так Кремль вместо Памира, в том историческом деле, которое возложено на третий и последний Рим.

Эта задача как бы сверхчеловеческая по своей грандиозности. Но «невозможное человекам возможно Богу». Господь может Помазаннику Своему дать все нужное для такого дела. Народ, взявший своим идеалом святость, — поскольку святость эта в его жизни не будет вечно только идеалом — мечтой, а станет реально осуществляемым

[1] Херасков.

проектом, т. е. всенародным делом, — такой народ может сподобиться особой Божией помощи, как сподобился ее в свое время Израиль, когда служил орудием хотения Божия, а не своей гордыни.

Но все это так высоко, так головокружительно высоко, что дух захватывает!

В середине XIX века Послание православных восточных патриархов определяет, что хранителем православной веры является народ.

Наш русский народ за последнее 60-летие совершенно оправдал это утверждение. Когда епископат, взятый как отдельные личности, оказался часто уязвимым, народ в своей массе, даже по советским источникам, на 40% заявляет открыто о своей вере в Бога.

О катакомбной церкви, о которой, естественно, мы можем знать меньше, чем о какой-либо другой, мы, однако, знаем, что таковая существует. И не важно, что она «хилая», по выражению Солженицына. Тут численность не играет роли.

Наличие в Советском Союзе хотя бы одного непоколебимого епископа Луки (Войно-Ясенецкого) говорит больше, чем все соборы неустойчивых архиереев. Это точно так же, как было в эпоху вселенских Соборов, когда св. Афанасий Александрийский или св. Марк Эфесский один превышал вес целых соборов.

«Каменный дом строится из камня, деревянный из дарена. *Христианское государство можно построить только из христиан*»[1].

В нынешнем году[2] мы без колебаний можем сказать: у России были и есть те, из кого строить Св. Русь!

Часть 2

Теперь обратимся к советским источникам и рассмотрим, к сожалению, за недостатком времени лишь один интереснейший рассказ — сказку Василия Шукшина, названную «До третьих петухов», напечатанную в журнале «Наш современник»[3].

Позвольте напомнить, что недавно скончавшийся на 42 году жизни, писатель Шукшин не только талантливый писатель, но и глубоко мыслящий человек. За фабулой его литературного творчества, в ее глубине мы находим драгоценнейшие сокровища, ставящие Шук-

[1] *Карташев А. В.* Воссоздание Св. Руси. С. 67.

[2] Лекция читалась в год прославления Новомучеников и Исповедников Российских. — *Примеч. ред.*

[3] Все цитаты даются по: *Шукшин В.* До третьих петухов // Наш современник. 1975. № 1.

шина, сокровища эти в жизни разглядывающего, в число своего рода учителей жизни.

Подзаголовок рассказа «До третьих петухов» гласит: «Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума».

Рассказ этот начинается фразой: «Как-то в одной библиотеке, вечером, часов этак в шесть, заспорили персонажи русской классической литературы».

Среди этих персонажей и Онегин, и Чацкий, и Обломов, и Акакий Акакиевич, и Бедная Лиза, и какой-то Лишний человек, и Илья Муромец, и казачий Атаман...

Спор происходит из-за Ивана-дурака. «Мне стыдно, — горячо продолжала Бедная Лиза, — что Иван-дурак находится вместе с нами. Сколько можно?! До каких пор он будет позорить наши ряды?» (С. 29). По общему решению, Ивана посылают к какому-то Мудрецу (но не сказано, что это за Мудрец), за справкой, что Иван — умный.

Ивану сочувствуют только Илья и Атаман.

«Иди, Ванька, — тихо сказал Илья. — Ничего не сделаешь. Надо идти. Вишь, какие они все... ученые. Иди и помни: в огне тебе не гореть, в воде не тонуть...

за остальное не ручаюсь. ...иди смело — я буду про Тебя думать. Где тебя постигнет беда... Где тебя задумают погубить, я крикну: «Ванька, смотри!»

– Как ты узнаешь, шо ехо пристихла беда? — спросил Атаман.

– Я узнаю. Сердцем учую. А ты мой голос услышишь» (С. 31).

Былинного богатыря Илью Муромца мы знаем как защитника русской земли. Это излюбленный народный богатырь — крестьянский сын, получающий от отца благословение: «...на добрые дела благословение дам, на худые дела благословения нет». Он никогда не был, пишется, причислен к лику святых, но для народного он «святой и чудотворец», получивший свою силу от Христа и двух апостолов. Поэтому, когда читаем у Шукшина: «я буду о тебе думать», кажется, что при свободных условиях автор, вероятно, сказал бы: «я буду о тебе молиться». Это больше вяжется и с дальнейшими словами: «Я узнаю. Сердцем учую. А ты мой голос услышишь».

С таким напутствием уходит Иван из библиотеки.

«И пошел он куда глаза глядят. Темно было. Шел он, шел и пришел к лесу. А куда дальше идти вовсе не знает. Сел на пенек и закручи-

нился. — Бедная моя головушка, — сказал, — пропадешь ты. Где этот Мудрец? Хоть бы помог кто» (С. 31).

Пошел он дальше. Увидел в домике огонек. Вышла Баба-Яга. Разговорились (С. 32).

Обратите внимание на характерное замечание Бабы-Яги; «...а ты как дурак-то — совсем, что ли, дурак? — Как это? — не понял Иван. — Ну, полный дурак, или это тебя сгоряча так окрестили?.. привыкли люди: дурак и дурак, а ты вовсе не дурак, а только... бесхитростный. А? Да я же по глазам вижу: никакой ты не дурак, ты просто бесхитростный. Я, как только тебя увидела, сразу подумала: Ох, и талантливый парень!... Ты хоть сам-то догадываешься про свои таланты? Или ты полностью поверил, что ты дурак?» (С. 32).

Дальше. Баба-Яга хочет эксплуатировать Ивана. Иван догадывается. Баба-Яга велит его зажарить в печи, а Ивана огонь не жжет.

Появляется дочь Бабы-Яги, которая живет со Змеем Горынычем — трехголовым, всезнающим, страховидным. Иван мужественно выдерживает все страхи, которыми его там стращают. Но в конце концов все же его сумели заставить плясать перед всей этой нечистью. После плясанья его отпускают — вышвыривают так, что он летит со скоростью звука.

И вот Иван опять идет темным лесом. Тут он повстречался с Медведем. У них завязался разговор.

«– А куда идешь-то?

– К Мудрецу.

– Во-он куда! — удивился Медведь. — Далеко.

– Не знаешь ли, как к нему идти?

– Нет. Слыхать слыхал про такого, а как идти, не знаю. Я сам, брат, с насиженного места поднялся... Иду вот тоже, а куда иду — не знаю.

– Прогнали, что ль?

– Да и прогнать не прогнали, и... Сам уйдешь. Эт-то вот — недалеко — монастырь; ну, жили себе... И я возле питался — там пасек много. И облюбовали же этот монастырь черти. Откуда только их нашугало! Обложили весь монастырь, — их внутрь-то не пускают, — с утра до ночи музыку заводют, пьют, безобразничают...

– А чего хотят-то?

– Хотят внутрь пройти, а там стража. Вот они и оглушают их, стражников-то, бабенок всяких ряженых подпускают, вино навязывают — сбивают с толку. Такой тарарам навели на округу — завязывай глаза и беги. Страсть что творится, пропадает живая душа. Я вот курить

возле их научился... — Медведь достал пачку сигарет и закурил. — Нет житья никакого... Подумал-подумал — нет, думаю, надо уходить, а то вино научусь пить. Или в цирк пойду. Раза два напивался уж...

— Это скверно.

— Уж куда как скверно! Медведицу избил... Льва по лесу искал... Стыд головушке! Нет, думаю, надо уходить. Вот — иду.

— Не знают ли они про Мудреца? — спросил Иван.

— Кто? Черти? Чего они не знают-то? Они все знают. Только не связывайся ты с имя, пропадешь. Пропадешь, парень.

— Да ну... чего, поди?

— Пропадешь. Попытай, конечно, но... Гляди. Злые они.

— Я сам злой счас... Хуже черта. Вот же как он меня исковеркал! Всего изломал.

— Кто?

— Змей-Горыныч.

— Бил, что ли?

— Да и не бил, а... хуже битья. И пел перед ним, и плясал... Тьфу! Лучше бы уж избил.

— Унизил?

— Унизил. Да как унизил! Не переживу я, однако, эти дела. Вернусь и подожгу их. А?

— Брось, — сказал Медведь, — не связывайся. Он такой, этот Горыныч... Гад, одно слово. Брось. Уйди лучше. Живой ушел, и то слава Богу. Эту шайку не одолеешь: везде достанут.

Они посидели молча, Медведь затянулся последний раз сигаретой, бросил, затоптал окурок лапой и встал.

— Прощай.

— Прощай, — откликнулся Иван. И тоже поднялся.

— Аккуратней с чертями-то, — еще раз посоветовал Медведь. — Эти похуже Горыныча будут... Забудешь, куда идешь. Все на свете забудешь. Ну и охальное же племя! На ходу подметки рвут. Оглянуться не успеешь, а уж ты на поводке у их — захомутали.

— Ничего, — сказал Иван. — Бог не выдаст, свинья не съест. Как-нибудь вывернусь. Надо же где-то Мудреца искать... Леший-то навязался на мою голову! А время — до третьих петухов только.

— Ну, поспешай, коли так. Прощай.

— Прощай.

И они разошлись».

Вот Иван подходит к монастырю. Что же он видит?

«...ворота и высокий забор. На воротах написано: "Чертям вход воспрещен".

В воротах стоял большой стражник с пикой в руках и зорко поглядывал кругом.

Кругом же творился некий вялый бедлам — пауза такая после бурного шабаша. Кто из чертей, засунув руки в карманы узеньких брюк, легонько бил копытцами ленивую чечетку, кто листал журналы с картинками, кто тасовал карты... Один жонглировал черепами. Двое в углу учились стоять на голове. Группа чертей, расстелив на земле газеты, сидела вокруг коньяка и закуски — выпивали. А четверо — три музыканта с гитарами и девица — стояли прямо перед стражником; девица красиво пела "Очи черные". Гитаристы не менее красиво аккомпанировали ей. И сама-то девица очень даже красивая, на красивых копытцах, в красивых штанах... Однако стражник спокойно смотрел на нее — почему-то не волновался. Он даже снисходительно улыбался в усы.

– Хлеб да соль! — сказал Иван, подходя к тем, которые выпивали.

Его оглядели с ног до головы... И отвернулись.

– Что же с собой не приглашаете? — жестко спросил Иван.

Его опять оглядели.

– А что ты за князь такой? — спросил один, тучный, с большими рогами.

– Я князь такой, что если счас понесу вас по кочкам, то от вас клочья полетят. Стать!

– Черти изумились... Смотрели на Ивана.

– Я кому сказал?! — Иван дал ногой по бутылкам. — Стать!!

Тучный вскочил и полез было на Ивана, но его подхватили свои и оттащили в сторону. Перед Иваном появился некто изящный, среднего возраста, в очках.

– В чем дело, дружок? — заговорил он, беря Ивана под руку. — Чего мы шумим? Мм? У нас где-нибудь бо-бо? Или что? Или настроение испорчено? Что надо?

– Надо справку, — зло сказал Иван».

Дальше черти предлагают ему множество вариантов возможных справок, что раздражает Ивана.

«— Понесу ведь по кочкам, — сказал Иван с угрозой. — Тошно будет. Или спою "Отче наш".

– Спокойно, Ваня, спокойно, — занервничал Изящный черт. – Зачем подымать волну? Мы можем сделать любую справку, надо только понять — какую? Мы тебе сделаем...

– Мне липовая справка не нужна, — твердо сказал Иван, — мне нужна такая, какие выдает Мудрец.

Тут черти загалдели все разом.

– Ему нужна только такая, какие выдает Мудрец.

– О-о!..

– Липовая его не устраивает... Ах, какая неподкупная душа! Какой Анжелико!

– Какой митрополит! Он нам споет "Отче наш". А "Сухой бы я корочкой питалась" ты нам споешь?

– Ша, черти! Ша... Я хочу знать: как это он понесет нас по кочкам? Он же берет нас на арапа! То ж элементарный арапинизм! Что значит, что этот пошехонец понесет нас?»

Дело начинает приобретать угрожающий для Ивана характер. Но вскоре картина меняется.

Чем же снискал Иван расположение чертей и обещание доставить его к Мудрецу? Иван «продает» им идею, каким путем они могут проникнуть в монастырь.

Монастырский страж, устоявший перед всеми соблазнами, оказался обезоруженным перед теплыми чувствами к родному краю.

Стражник был сибиряк, крестьянский сын, и ему черти запели про Байкал. Сделать так научил их Иван.

«Ах, как они пели! Как они, собаки, пели! Стражник прислонил копье к воротам и замер, слушая песню. Глаза его наполнились слезами, он как-то даже ошалел. Может быть, даже перестал понимать, где он и зачем.

Бродяга Байкал переехал, –
Навстречу родимая мать.
Ой, здравствуй, ой, здравствуй родная,
Здоров ли отец мой и брат?

Стражник подошел к поющим, сел, склонил голову на руки и стал покачиваться взад-вперед... а в пустые ворота пошли черти.

А песня лилась, рвала душу, губила суету и мелочь жизни — звала на простор, на вольную волю. А черти шли и шли в пустые ворота» (С. 44).

Дальше говорится, как стражника напоили. Как он, с пьяных глаз, Изящного черта (главенствующего) считать начинает своим другом и вместе с чертями ополчается на Ивана.

Бесы, конечно, нарушают обещание и отказываются доставить Ивана к Мудрецу до той поры, пока он не спляшет перед ними.

«Ах, ты, харя ты некрещенная! — задохнулся от возмущения Иван. — Да как же это? Да нечто так можно? Где же стыд-то у тебя? Мы же договорились. Я же такой грех на душу взял — научил вас, как за ворота пройти.

– Последний раз спрашиваю: будешь плясать?

– О, проклятые! — застонал Иван. — Да что же это такое? Да за что же мне муки такие?

– "Камаринскую"! — велел Изящный черт. –Пошехонские страданья».

Черти-музыканты заиграли «Камаринскую». «И Иван пошел, опустив руки, пошел себе кругом, пошел, пристукивая лапоточками. Он плясал и плакал. Плакал и плясал.

– Эх, справочка!... — воскликнул он зло и горько. — Дорого же ты мне достаешься. Уж так дорого, что и не скажешь, как дорого!..»

Надеюсь, господа, что фабула повествования не увлекла вас настолько, что вы забыли следить за тем *внутренним* смыслом, который скрыт за этой фабулой? Надеюсь, что вы обращаете внимание на такие вещи, как, например, требование всех видов нечисти, чтобы Иван плясал перед ними, под их дудку-музыку: «Он плясал и плакал, плакал и плясал».

Забегая вперед, посмотрим, что же увидел Иван в монастыре, когда на обратном пути, уже побывав у Мудреца, он опять там проходил.

Вот картина, которую он увидел:

Монахи сидели вне монастыря, у монастырских стен.

«Што же это, братцы, случилось-то с вами? — спросил Иван, подсаживаясь к монахам. — Выгнали?

– Выгнали, — вздохнул один седобородый. — Да как выгнали... взашей попросили...

– Эх-х, — сокрушался Иван. И даже заплакал. — Сколько же я на душу взял... Как же мне тяжко!

– Ну, ну... Не казнись, не надо. Что теперь сделаешь? Надо терпеть, милок.

Тут вышел из ворот Изящный черт и обратился ко всем.

– Мужички, — сказал он, — есть халтура! Кто хочет заработать?

– Ну? А что такое? — зашевелились монахи.

– Что надо-то?

– У вас там портреты висят... в несколько рядов...

– Иконы.

– А?

– Святые наши, какие портреты?

– Их надо переписать: они устарели.

Монахи опешили.

– И кого же заместо их писать? — тихо спросил самый старый монах.

– Нас.

Теперь уж все смолкли. И долго молчали.

– Гром небесный, — сказал старик монах, — вот она, кара-то.

– Ну, — торопил Изящный черт, — есть мастера? Заплатим прилично... Все равно ведь без дела сидите.

– Бей их! — закричал вдруг один монах. И несколько человек вскочило... Изящный черт быстро вбежал в ворота за стражу.

– Какие вы все же... грубые, — сказал он. — Невоспитанные... дикари. Пошехонь. Ничего, мы за вас теперь возьмемся» (С. 55).

Иван уходит. В лесу опять встречается с Медведем. Тот приходит в отчаяние, узнав, что черти проникли в монастырь. Медведь рычит, что напьется водки, возьмет оглоблю и пойдет крушить монастырь.

«– Зачем же монастырь-то? — говорит Иван.

– Они же там! — рычит Медведь» (С. 56).

Медведь хочет бежать из родного леса. Расспрашивает об условиях работы в цирке. Ужасается, узнав, что «...там надо на задних лапах ходить». «Тех и кормят, — говорит Иван, — кто на задних лапах умеет».

Дальше рассказывается, как Иван опять попадает в дом Бабы-Яги, где у него назревает роман с усатой дочерью хозяйки. Дочь эта, его предательски спеленав, предоставляет на съедение Змею Горынычу. В последнюю минуту его спасает вихрем влетевший донской Атаман из библиотеки.

«– Доигрался, сукин сын?! — закричал он на Ивана. — Допрыгался?! Спеленали!

– Маху дал, — говорит Иван, — выручи, Атаман, ради Христа» (С. 59).

Происходит жестокая битва между Змеем Горынычем и донским Атаманом. Такая жестокая, что «земля дрожала» (С. 59). Атаман выходит победителем и убивает Змея Горыныча.

Но мы пропустили главу, рассказывающую о свидании Ивана с Мудрецом. Эта глава особенно ценна для понимания всего повествования и особенно по трем пунктам:

1. Почему бесы стремились в монастырь, и как это связано с Мудрецом.

2. Данные, на основании которых можно сложить представление о том, что такое Мудрец и, наконец,

3. Что такое Иван.

Черт доставил Ивана в приемную Мудреца. «Мудрец остановился перед посетителями, Иваном и чертом.

– Ну? — спросил он сурово и непонятно. — Облапошили Ивана?

– Почему вы так сразу ставите вопрос? — увертливо заговорил черт. — Мы, собственно, давно хотели...

– Что вы? Что вам надо в монастыре? Ваша цель?

– Разрушение примитива, — твердо сказал черт. Мудрец погрозил ему пальцем.

– Озоруете! А теоретически не готовы.

– Нет, ну серьезно... — заулыбался черт на стариковскую нестрашную угрозу. — Ну тошно же смотреть. Одни рясы чего стоят! <...> положа руку на сердце: неужели не ясно, что они безнадежно отстали? Вы скажете — мода. А я скажу: да, мода! Ведь если мировые тела совершают свой круг по орбите, то они, строго говоря, не совсем его совершают...

– Тут, очевидно, следует говорить не о моде, — заговорил старик важно и взволнованно, — а о возможном положительном влиянии крайне бесовских тенденций на некоторыеустоявшиеся нормы морали...

– Конечно! — воскликнул черт, глядя на Мудреца влюбленными глазами. — Конечно, о возможном положительном влиянии».

Вот в этих словах и дан полный и точный ответ на наш 1-й вопрос: почему бесы стремятся войти в монастырь как Символ Церкви.

Их бесовская задача: «...разрушение... устоявшихся норм морали (что является, в их представлении) — положительным влиянием»... на жизнь.

Вот почему бесы, закамуфлированные человеческим обликом, стремятся проникнуть в монастырь — Церковь. Снаружи Она непреодолимая крепость. Они стремятся войти в Нее и изнутри Ее разложить. Взамен икон — образов, т. е. изображений св. людей, отобра-

жающих своей жизнью Образ Божий, поместить свой портрет, отображающий лжепуть, чтобы люди «падше, поклонились» ему, этому лжеобразу, и он поведет их его путями в сторону, противоположную от пути Господня, от тех идеалов, к которым стремилась Св. Русь.

Наш второй вопрос: что такое Мудрец?

Прямого объяснения — кто он, нет, но есть много данных, для того чтобы нам самим сделать соответствующий вывод. Первое, что мы о нем слышим, это: «...в приемную вихрем ворвался некто маленький, беленький — сам Мудрец, как понял Иван» (С. 46).

Впоследствии Мудрец проявляет к Ивану известную симпатию. Мы читаем:

«— Устаю, Ваня, дружок, — продолжал старик свою тему, как если бы он ее и не прерывал (разговор прервался приходом секретарши, и Мудрец накладывал свои резолюции, внешне гладкие, но по существу бессмысленные. — *А. К.).* — Так, что иногда кажется: все, больше не смогу положить ни одной резолюции. Нет, наступает момент и опять накладываю. По семьсот, по восемьсот резолюций в сутки. Вот и захочется иной раз... Старичок тонко, блудливо засмеялся»... (С. 48).

Мудрец везет Ивана в дом к некой «царевне Несмеяне», где они оказываются среди всем пресыщенной и отчаянно скучающей молодежи. Мудрец пытается использовать Ивана как посмешище для «этих скучающих баранов» (С. 51), но дело оборачивается так, что вместо Ивана Мудрец сам становится объектом злых шуток, вплоть до того, что его под гомерический хохот раздевают до нижнего белья в поисках «лишнего ребра». Этим воспользовался Иван: «...он поднял брюки старика, порылся в кармане... и нашел. Печать. И взял ее.

—Вы покуда тут занимайтесь, — сказал он, а мне пора отправляться.

—Зачем же ты всю-то... печать-то? — жалко спросил Мудрец. – Давай, я тебе справку выдам.

—Я сам теперь буду выдавать справки. Всем подряд. — Иван пошел к двери. — Прощайте».

Теперь — об Иване.

Уже в начале мы слышали, что Ивану было сказано: — «начитался предисловий»...

Далее. Перед тем, как войти в кабинет к Мудрецу, было сказано: «Пошли, — подтолкнул черт Ивана. — Не вздумай только вылететь со своими предисловиями... Поддакивай и все» (С. 46).

Что это за предисловия?

Ниже, у «царевны Несмеяны», Мудрец требует от Ивана разгадать три загадки и тем доказать, что он не дурак. «Давай, — с неохотой сказал Иван. — Во всех предисловиях писано, что я вовсе не дурак».

Но самое главное Иван сказал о себе, когда говорил в приемной Мудреца с его секретаршей, типичной выразительницей современной пошлости.

«– А-а, — догадался Иван, — ты решила, что я шут гороховый. Что я — так себе, Ванек в лапоточках... Тупой, как ты говоришь. Так вот, знай: я мудрее всех вас... глубже, народнее. Я выражаю чаяния, а вы что выражаете? Ни хрена не выражаете. Сороки. Вы пустые, как... Во мне суть есть, а в вас и этого нету. Одни танцы-шманцы на уме. А ты даже говорить толком со мной не желаешь. Я вот как осержусь, как возьму дубину!..» (С. 46).

Вот и вся сказка, за исключением одной странички, рассказывающей как Иван и Атаман вернулись в библиотеку.

Что же это за сказка?

Что иносказательно она хочет нам поведать? Не будут ли персонажи в библиотеке, требующие «справки» для Ивана, той частью русских людей, которые боготворили авторитет какой-то далекой, чужой мудрости, без законодательной печати которой своего собственного суждения иметь нельзя?

Не будут ли Илья Муромец, Атаман, Иван и, наконец, Медведь представлять черты русского Народа, который хранит исконные чаяния, надежды и стремления свои?

Кем оказался этот Мудрец, одной «справки», т. е. авторитетного заявления, которого достаточно, чтобы весь наш просвещенный век моментально был готов того, кого считал дураком, признать умным?

Мудрец оказывается похотливым старикашкой — имея в виду и похоть половую и похоть власти. Раздетый до белья и обнаруживающий свои тонкие ножки и круглый животик, он разоблачен в своем ничтожестве.

Мудрец — это даже не голый король, он вообще не власть, а только носитель ореола несуществующей по существу власти. Он — ничтожество с мировым апломбом. Он — переливающийся всеми красками мыльный пузырь. И ему поклоняются?! Ему послушны?!

Вряд ли автор (Шукшин) в своей сказке имеет в виду только современную советскую бюрократию или чужую нам, западную идею марксизма. Нет, прежде всего он, конечно, говорит о том первоосновном

обмане (бес), фальши и фикции (Мудрец), и убийственной пустоте – скуке (у "Несмеяны"), говорит о том зле, от которого современный коммунизм и марксизм только производное зло. Основное зло — дьявол, коверкающий мир и людей. О нем давно сказано: «В поле бес нас водит, видно, да крутит по сторонам».

А что такое печать, которую Иван взял из кармана снятых с Мудреца штанов? Что она без магического ореола, который, вокруг мертвой ее буквы, создают бесы и прочая нечисть? Ничто!

«Я говорю, — перебил Лизу Илья Муромец, — зачем надо было посылать человека в такую даль? Вот печать... Что дальше?» И никто ему не ответил!

Это, собственно, и конец: «...раздался трубный глас петуха: то ударили третьи.

Все вскочили на свои полки и замерли».

Поскольку это произведение Василия Макаровича Шукшина было напечатано после его смерти, редакция дает некое послесловие. И там мы находим драгоценные, единодушные Шукшину замечания. Хотя бы вот такое:

«Он (т. е. Шукшин. — *А. К.*) свято верил в свой народ, в силу разума и сердца. Верил, что накипь человеческую обязательно смоют чистые, могучие потоки, что текут в глубине народной жизни».

В это верим и мы!

Верим, что в глубине народной жизни и доныне живут его святые заветы! Они-то и смоют историческую накипь!

Там же, в послесловии, приводятся слова и самого Шукшина. Вот они: «Жизнь, как известно, один раз дается и летит чудовищно скоро — не успеешь оглянуться, уже срок... Вернуться бы! Но... хорошо сказано: близок локоть, да не укусишь.

Вернуться нельзя. Можно — не пропустить. Можно, пока есть силы, здоровье, молодая душа и совесть, как-нибудь включиться в народную жизнь... и приходит на память одно... старомодное слово – "подвижничество"».

Вы слышите? По Шукшину, нужно влиться в народную жизнь. Зачем? Затем, чтобы перевыполнить план соцсоревнования? Оказывается, нет, не для того, а для того, чтобы найти там живым старомодное слово — «подвижничество», «подвиг». Какой? Тот, который искони начертал себе наш народ — подвиг дела Св. Руси!

И это-то слово — «подвижничество»! — сказано было всего несколько лет назад... сказано выдающимся писателем... напечатано в

советском журнале... оно живо в русском народе, несмотря на все старания безбожного коммунизма!

И после этого кто-то там будет нас уверять, что русского народа больше нет, что он весь спился и ни о каком своем прошлом не помнит и никаких идеалов на будущее не хранит!

Нет! Живут в нашем народе его исторические идеалы, но надо быть родным и любящим сыном, чтобы их разглядеть и услышать.

В послесловии этом хорошо сказано, что у Шукшина повсюду «просвечивание идеала... сквозь кажущуюся суету анекдотических пустяков» (С. 62).

И опять спросим, какого идеала?

Может быть, марксизма? Как видно, Шукшин не о марксизма думал, когда устами Ивана сказал, что именно он, Иван, выражает глубокие народные чаяния в противовес девчонке-секретарше Мудреца, которая и говорит-то на советском жаргоне, а не на русском языке.

Да, наш древнерусский идеал светится сквозь официальную советскую доктрину, сквозь толщу негодной и бездарной литературы, светится, просвечивает, несмотря на все ухищрения советской власти.

Дух той «письменности», без которой, по словам академика Д. С. Лихачева,«христианство не могло быть введено на Руси»[1], стоит на страже и по сей день, стоит наперекор всем злым ветрам, откуда бы они ни дули.

Позвольте подтвердить это стихотворением, взятым из «Нового мира» (1974. № 3).

Октябрь, октябрь, а трава-то, трава,
И белым по зелени храм Покрова.
Свечей на ладони — на голом лугу –
Прямой на ветру, гнущим реку в дугу.
Мерцает в излучине, будто из туч
Сквозит к нему некий, единственный луч.
Пропорций бесспорность и магия лет?
Струящийся в небо естественный свет!
И сколько ни шел ты назад, допоздна
Идет за тобою его белизна.
Как жизнь, что отстав, и в последней дали
Все светит нам вслед, как Покров на Нерли.

[1] *Лихачев Д. С.* Великое наследие. М., 1975.

Позвольте мне закончить еще одной цитатой из «Знание — сила» (еженедельник, научно-политический и научно-художественный журнал для молодежи. Орган Ордена Ленина всесоюзного Общества «Знание»), июнь 1975, с. 31:

«В "Истории Государства Российского" Карамзина, в "Полном собрании русских летописей" есть любопытная запись об огромном Московском пожаре 1547 года: задыхаясь от дыма, митрополит Макарий и Протопоп Гурий, рискуя жизнью, выносят из Успенского собора Икону Богоматери и "Кормчую Книгу". "Кормчая" — законодательный сборник XII–XIII веков, более того, она — своеобразное "руководство" в жизни. Без нее не обходилась ни одна церковь, ни одна библиотека, и знали о ней в каждой семье. Книга рассказывала о жизни, давала мудрые советы, была реликвией и первой необходимостью...»

Мы приведем только две из многих цитат из «Кормчей», приведенных в читаемой нами статье из журнала «Знание — сила»:

«Нельзя законы, обычаи, давно сложившиеся, топтать». И:

«Прежде, чем начинать строить новое, хорошенько изучи старое».

Статья заканчивается словами: «Читая "Кормчую", словно еще раз слышишь живые голоса древних мастеров, проникаешь в их мир и мироощущение, узнаешь о том, что для них было важно и свято. А это необходимо нам, жителям двадцатого века, потому что классика, старина, — не застывшие, окаменевшие понятия, а художественная и жизненная идея, к которой человечество постоянно возвращается, потому что это язык древних, до сих пор еще непревзойденный».

Позвольте подчеркнуть и этим закончить, что к до сих пор непревзойденному языку древних — наших предков — прежде всего относится идея их самоопределения — идея Святой Руси.

Прот. Александр Киселев

Съезд русской православной общественности[1]

2–5 сентября 1983 г. в имении «Отрада», в штате Нью-Йорк, по инициативе о. Александра Киселева состоялся седьмой съезд русской православной общественности. Общая тема съезда — «Поиски подлинного бытия русского народа» — не только выразила основную идею съезда, но и дала возможность плодотворного общения между русскими людьми, стремящимися отметить и осмыслить современ-

[1] Русское возрождение. 1983. № 23. С. 196.

ный момент в жизни русского православия и русского народа в целом. Седьмой съезд, как и предыдущие, организован в рамках подготовки к 1000-летию Крещения Руси. Этим, до известной степени, определяется характер его докладов и дискуссий. В этом году съезд прошел исключительно плодотворно, подбор докладов следует признать очень удачным, их проблематику — актуальной, живой и интересной. Очень ярки были также дискуссии — как по докладам, так и вне их, на заранее намеченные темы. Все освящалось молитвой, которой начинался и кончался каждый день съезда. Ежедневные богослужения и особенно, в последний день, причащение Святых Даров участников съезда создали атмосферу, которая очень благоприятствовала раскрытию того лучшего, что всех объединяло, — православные русские люди говорили о судьбах России.

Съезд открылся после молебна дискуссией на тему «Крестьянство в становлении государственности и духовной самобытности России». Вступительные доклады к теме дискуссии были прочитаны В. М. Ткачевским («Крестьянство в русской истории») и Н. А. Троицким («Крестьянство как хранитель русской самобытности»). Актуальность затронутых проблем придала обсуждению очень оживленный характер. Тема о судьбах крестьянства и его роли в сохранении православной традиции, а также вопрос о его участии в становлении русской государственности, о кризисном положении крестьянства в эпоху революционного безвременья сразу была осознана как одна из центральных тем русской истории.

Доклад доктора Н. М. Заруцкого («Внутренний мир человека и современная техническая цивилизация») касался проблематики столь обширной и новой, что явился лишь очень интересным введением в тему. Основной тезис: жизнь человеческой души определяется стремлением к вечности, религиозные стремления человека есть область его свободы и не могут быть объяснены материалистическим детерминизмом. Тема доктора Заруцкого очень актуальна, докладчик привлек большой материал, особенно подчеркнув религиозные предпосылки душевной жизни человека. К сожалению, доктор Заруцкий не успел развернуть свою тему во всей возможной полноте и многогранности.

Исключительно ярко и талантливо прозвучал доклад Н. Ю. Шидловского («Пути развития современной эстетики православного богослужебного пения»). Докладчик — специалист-музыковед, недавно защитивший докторскую диссертацию о русской церковной музыке. Доклад иллюстрировался церковным пением в звукозаписи. Русская

церковная музыка, по словам Шидловского, должна освободиться от внутренне чуждых ей наслоений итальянского и вообще неправославного, светского происхождения XVIII, XIX веков. Церковное пение, по словам докладчика, может развиваться исходя из строго православной традиции, в которой смысл слова не приносится в жертву светской напевности, а наоборот, раскрывается, подчеркивается строгостью напева. Одновременно Шидловский отметил, что, возвращаясь к истокам, не следует впадать в излишнюю архаизацию.

Доклад проф. А. Е. Климова («Славянофилы. Какое изменение они внесли в русское самосознание») следует считать введением к чрезвычайно важной и актуальной проблеме русского славянофильства. Докладчик сосредоточился главным образом на термине «славянофильство», чрезвычайно обстоятельно и интересно проследив историю его развития. Самого явления славянофильства в его религиозно-философском и историко-культурном значении проф. Климов не анализировал. Надо очень надеяться, что многие важные проблемы, связанные со славянофильством, которые остались за рамками данного доклада, будут с такой же эрудицией раскрыты лектором в будущем.

Евгений Евгеньевич Климов, иллюстрируя тему своего доклада («От Иванова к Васнецову и Нестерову»), показал в диапозитивах ряд произведений русской живописи той эпохи и, как всегда, мастерски увлек в нее за собой своих завороженных слушателей. Лектор подчеркнул религиозную направленность творчества этих художников, а также известную связь их с традицией русской иконописи.

Владыка Григорий сделал сообщение о недавно закончившемся соборе епископов Русской Православной Церкви За границей. Собор был посвящен вопросам религиозного воспитания, а также проблеме конкретной религиозно-просветительной работы в приходах. По словам владыки, важное место на соборе занимал вопрос работы с молодежью. Съезд с особым интересом выслушал сообщение о соборе; тем более что необходимость обсуждения этих вопросов и их актуальность особенно почувствовалась присутствующими.

Очень оживленно прошла дискуссия на тему «Впечатления от поездки в Россию» (вступительное слово Я. С. Роснянской и А. В. Боголюбова). Живой характер, непосредственность, яркость в передаче впечатлений от пребывания в России («на прошлой неделе у Троице-Сергия...») создало ощущение близости России, религиозной общности с ней.

Доклад Г. С. Роснянской («Женское движение в России — самоутверждение или искание Божией правды») прозвучал очень ярко. Докладчица высказала свежую и остроумно сформулированную мысль, что в сегодняшней России женщина, поскольку это возможно, стремиться заявить права на религиозную свободу. Сейчас роль женщины в церковной жизни России особенно велика. Русская женщина сегодня во многих случаях героически выносит на себе непомерную тягость служения при Церкви в условиях систематического притеснения религиозной жизни. Часто вера является для женщины в СССР единственно доступной формой самоутверждения.

Насыщенным и актуальным был доклад о. Виктора Потапова о формах активности и протеста внутри Церкви в сегодняшней России («Церковь не молчит и в наши дни»). В своем докладе о. Виктор привел много примеров потрясающей крепости стояния в верности Богу.

Доклад проф. С. С. Верховского («Св. Иоанн Златоуст о христианской семье») был исключительно интересен и поучителен. Слушаешь о том, чему и как учил св. Иоанн Златоуст, и поражаешься, до чего исчерпывающе он дает ответы на любые, самые «неразрешимые» и злободневные наши вопросы. Лекция вызвала чрезвычайно оживленную дискуссию.

Доклад о. Александра Киселева («В чем правда национального чувства») с исключительным мастерством был прочитан его внуком А. Холодным, так как о. Александр, выздоравливающий после болезни, еще не чувствовал себя в силах сам его прочесть. Огненно-живой, вдохновенный доклад о. Александра имел особенный успех. Подлинное русское национальное чувство, по словам о. Александра, освящается верностью Христу и этим оправдывается.

Большой интерес вызвала дискуссия на тему «Что такое чудо?» (участники И. А. Якимович, доктор Л. А. Ткачевская, Н. А. Охотин, А. И. Холодный, вступительное слово — матушка Е. А. Слободская).

Доклад М. М. Заречняка («Стояние в верности»), исключительно содержательный и интересный, показал на исторических примерах влияние, которое имело принятие христианства на наших предков, и подчеркнул значение нравственно-религиозного принципа и верности долгу в деятельности Владимира Мономаха и Ярослава Мудрого.

М. А. Холодная сделала информационный доклад о целях и положении журнала «Русское возрождение».

Особо выделяем блестящий заключительный доклад о. диакона Ф. И. Шевцова («Старообрядчество и его значение в наши дни»).

С привлечением огромного исторического материала о. Федор говорил об исключительной ценности явления старообрядчества и о борьбе старообрядцев за то, что было для них религиозной правдой. Докладчик проследил историю взаимоотношений между Православной Церковью и старообрядцами. Он подробно остановился также и на истории единоверия. В XIX веке старообрядцам, сохранившим священство, было разрешено соединиться с православием, сохранив неприкосновенность древнего обряда и старых богослужебных книг, при условии принятия православной иерархии. Строгий по научному методу, доклад о. Федора оставил очень сильное впечатление.

После благодарственного молебна съезд закончился.

Съезд прошел очень удачно, в частности, благодаря самоотверженной работе его организаторов. Большое им спасибо.

Олег Ильинский

Национальный вопрос[1]

Не есть ли национальная сила самая могущественная и самая опасная из мировых сил? Не ею ли, как рычагом, легко поднимались народы на самые невероятные свершения.

Нас этот вопрос прежде всего интересует в его приложении к России. Нужен он нам, полезен ли, выводит ли на правильную дорогу, или отводит в сторону, вредит, от нужного отвлекает нас с нашей национальной приверженностью?

О национальном вопросе мы обыкновенно говорим запальчиво, что мешает не только его правильно понять, но и заметить, что в этих спорах мы часто говорим о разном, несоизмеримом, что только еще больше запутывает этот важный вопрос. Потому я хотел бы говорить о национальном вопросе не со всеми, кто желал бы говорить на эту тему, но исключительно с христианами, притом православными, и не с русскими «в прошлом», а с теми, кто любит Россию и, несмотря ни на что, духовно принадлежит ей.

Теперь обратимся к этому избранному кругу людей. Избранному не в смысле возвеличения одних и унижения других, а в смысле отбора по принадлежности к определенным верованиям и взглядам. Но и это еще не все. Мы должны условиться и положить один краеугольный камень или принцип, без единомыслия в котором мы опять были бы

[1] Лекция, прочитанная на съезде Русской православной общественности в 1983 г. (Русское возрождение. 1984. № 25. С. 57–62).

лишены надежды на успешный подход к рассмотрению национального вопроса. Это, вероятно, еще сузит наш круг.

Необходима иерархическая шкала ценностей: Бог, Родина. И не только их таковая последовательность, но и обязательное наличие того и другого. Исповедание Бога не умаляет ценности Родины. Наоборот. *Только* через Бога может осмысляться непреходящая ценность Родины. Неверующий патриот такая же нелепица, недодуманность, как и патриотически настроенный космополит.

«Христос требует жертвы, — писал Г. П. Федотов, — самым дорогим и священным, что есть у человека: отцом и матерью, следовательно, и родиной. Так как Он есть вечная жизнь, то ничто живое в Нем не погибает. Он вернет человеку мать и отца, вернет и родину, но вернет иными для иной, более чистой любви. Любовь во Христе есть любовь к идеальному образу любимого лица. Она не исключает и плотской теплоты, и служения целостному душевно-телесному существу, но она подчиняет все низшее, хотя бы и оправданное, хотя бы и прекрасное, духовному образу» (проф. Г. П. Федотов // Новый Град. 1933. № 6. С. 7).

Потому так любима и драгоценна Родина, потому что она — как алтарь, на котором происходит священнодействие. Место, где мой народ христианизируется, воцерковляется, достигает полноты того, чем он может быть, полноты своего идеального «духовного образа».

Всякое иное распределение этой шкалы ценностей ведет к ошибкам, искажениям и катастрофам. От правильного взаимоотношения двух слагаемых — Бог и Родина — происходит священное чувство, именуемое патриотизмом, на котором произрастает все, что есть в мире прочного, ибо оно укоренено в вечном. Но это не есть самозамкнутость, эгоцентричность, самопревозношение.

По убеждению Достоевского, всечеловечность есть глубоко народное свойство, уходящее в самые недра народного мироощущения, свойство нам органическое.

Русская литература *осознала,* а не *сочинила* это свойство.

«Мы не считаем национальность последним словом и последнею целью человечества, — утверждала русская литература устами Достоевского. — Только общечеловечность может жить полною жизнью. Но общечеловечность не иначе достигается, *как упором в свою национальность* каждого народа».

Где же черпает свою силу наша русская национальность? (Русская — в смысле общерусская, которая шире понятий «великорус-

ский», «малорусский» («украинский» и «белорусский».) Источником ее силы является православие, конкретно олицетворяемое Православной Церковью Христовой. Еще так недавно русский человек на вопрос о его национальности отвечал: «Православный».

Откуда это у нас? От тех времен, когда люди жили «по старине». Когда понимали прогресс не как погоню за новым, небывалым, так сказать по горизонтальной линии, а понимали по линии вертикальной, все глубже, все подлиннее. Говоря о росте древней Москвы, акад. Д. С. Лихачев пишет, что «...подъем всех духовных сил русского общества идет под знаком возрождения традиций времени национальной независимости — Владимирской и Киевской Руси XI–XIII веков... Мысль обращается к независимому прошлому с желанием увидеть в нем будущее» (*Лихачев Д. С.* // Памятники литературы древней Руси. С. 11). Вот где истоки силы подлинного и чистого национального чувства!

В одном из замечательных шедевров письменности Киевской Руси «Слове о погибели Русьския Земли» говорится: «Всего еси исполнена Земля Русьская — о православная вера христианская!..»

Вот к таким истокам возвращается Русь конца XIV и начала XV в., пережив страшное лихолетие татарского ига.

Проф. кн. Н. С. Трубецкой, говоря о будущем России, пишет: «Будущая русская культура должна стать в идеале *оцерковленной* сверху донизу. Православие должно проникнуть не только в народный быт, но и во все части здания русской культуры, вплоть до высших вершин этого здания. Только тогда отдельный русский человек будет находить в русской культуре полное успокоение и удовлетворение для всех самых глубинных потребностей своего духа, и только тогда русская культура будет сверху донизу *единой* системой, несмотря на внешнюю свою краевую и племенную дифференцированность». Это может произойти (и это произойдет!) силою Церкви, единственной, которая способна вернуть России лик *Св. Руси*.

Почему именно Церковь? Потому что нет более древнего источника регуляции жизни, указывающего, что назвать черным, что белым, установившего заветы, заповеди, законы. Только Она имеет несравненный опыт овладения тем, что врождено в человеке, что в нем неискоренимо.

К таким неискоренимым реальностям относится и национальный вопрос. Вопрос этот — универсальный факт, ибо просто напросто в природе нет людей вне национальности; мы с этим чувством и в этой

реальности рождаемся. «Христианство зовет к братству народов, как и к братству людей. Но братство народов предполагает существование народов, национальных личностей, как братство людей предполагает существование людей...» (*Бердяев Н.* Философия неравенства).

Есть некоторая аналогия между национальным и половым чувством. Если о последнем в классических рассуждениях говорится, что оно дано для того, чтобы не прекратился человеческий род, то, несмотря на законность такого определения, я, однако, сомневаюсь, что кто-либо зачинал дитя из боязни за судьбу человеческого рода. Как в половом чувстве нас влечет половой инстинкт вообще и в частности любовь к одному единственному человеку, так подобное же происходит и с чувством национальным. «В национальности жизнь противится смерти, которой интернационализм угрожает всем народам... Революционный интернационализм истребляет прошлое наций и не хочет допустить их до собственного их будущего» (Там же).

Однако чувство национальное, патриотизм основан не только на чувстве необходимости защиты своего родного мирка-родины, но на любви, на том горячем, огненном чувстве, которое заливает всего тебя, и нет жертвы, какую бы ты не принес за край родной, за землю отцов...

И умер он ... как умирают,
молодым
лицом вперед, обнявши землю,
которой мы не отдадим.

Как же нам определить понятие того, той земли, за которую умираем, ее обняв, нации нашей, лик России? «Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков. Падение, оскудение одной эпохи — пусть нашей эпохи — только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее (вновь) сомкнется с прошлым в живую цепь... В годину величайших всенародных унижений мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы: лицо России» (*Г. Федотов*).

«Русская нация есть мощный, многонародный организм, носящий в себе благородное и святое призвание — явить собой лик христианского по духу и православного по стилю государства, т. е. максимально воплотить в человеческом общежитии правду Христову...» (*А. В. Карташев*).

Выражаясь реальным языком, «...*кровное* родство является ядром нации» (*Ю. Марголин*), которое связывает «единство исторической судьбы» (*Бердяев*) и, хотя, как пишет кн. Трубецкой, «Христианство выше рас и культур, но не упраздняет ни их многообразия, ни своеобразия». «Родина — это не очертание на карте... географическую карту любить нельзя, но можно любить родник и тропинку, тихое озеро и родной дом, друзей и родных, учителей и наставников... паровоз, подъемный кран, безусловно, полезны, но любить их нельзя. А Покров на Нерли любить можно, а «Василия Блаженного», Московский кремль, песни, стихи Пушкина, романы Толстого любить можно. Будем же собирать по крохам, по камешку все, что можно любить и что в целом будет составлять нашу любовь к Родине (*Солоухин В.* Время собирать камни).

К сожалению, немало таких, которые не хотят признать за нами прав на это. Н. А. Бердяев писал: «Вы готовы были признать национальное бытие и права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать».

В заключение этих определений нашей русской нации приведем еще слова Г. П. Федотова: «Язык не есть просто орудие, средство обмена мыслей... язык есть имя нации, как особое духовно-кровное единство, создающее свою культуру, т. е. царство идеальных ценностей...». Повторим: национальное чувство неискоренимо!

Но, однако, оно должно быть контролируемо. Так же, как любой злак, цветок, плодовое дерево, если за ним нет соответственного ухода, то оно дичает. Одичавшее национальное чувство может перерождаться в шовинизм, болезнь скверную и даже омерзительную. Еще раз вернемся к уже упомянутой аналогии. От половой распущенности и извращенности гибли древние культуры. Не зря строгая регуляция полового поведения характерна не только для христианства, но и для всех развитых религий древности.

Недавно я где-то прочитал: «Это только снаружи кажется СССР, а копнешь глубже — Россия». Очень правильное наблюдение, если его приложить к нашему рассуждению. Ну, а если Россию копнуть глубже? Там будет Мать — сыра земля. Кто-нибудь испугается и скажет — ведь это язычество! Ничуть. Апостолом Павлом сказано, что «не знающие закона, естеством законное творят». Не знающие какого закона? Закона христианского, в Новом Завете данного. Вот наши предки-язычники не знали этого закона, а действовали, прислушиваясь к голосу

«естества». А что такое «естество», нам станет понятно, если вспомним слова блж. Августина, сказавшего, что «душа человека по природе своей — христианка». Вот эта христианка-душа, живущая в некрещенном теле и непросвещенном сознании нашего предка-славянина, и учила его почитать Мать — сыру землю, в которую хоронил он своих предков и в которую ложился сам. Они не знали того, что открылось их потомкам в Евангельском Законе, не знали о жизни вечной, но «естество» подсказывало им беречь останки, беречь память предков. Как это перекликается с фразой, сказанной одним современным нашим писателем: «Любовь к родине — это есть любовь сына к камню, положенному отцом».

Мы обманываемся, когда думаем, что то, что составляет ядро, первооснову человека, лежащую где-то в глубинах человеческой личности, можно так вот, играючи, путем рассуждения перевоспитать, «коршунов» в «голубей» превратить.

Патриотизм, любовь к корням своей нации не уничтожать (прежде всего потому, что подобная попытка — напрасный труд), а сублимировать надо, — из низших форм его понимания поднимать к высшим, одухотворенным.

Нам необходимо понять и принять, что то, о чем мы сейчас говорим — национальный вопрос, родина, патриотизм — это путь нашей жизни, форма нашего творчества, выполнение первой, самой ранней заповеди, данной Богом на заре человеческого бытия: возделывать и хранить землю. Не искание счастья и удовлетворений в жизни есть подлинный путь человека, а уразумение христианского патриотизма, как пути. Только он в конечном счете приведет к братству всего человечества, к единству разделенной христианской Церкви. Патриотизм, как и св. вода, может быть «на всякую пользу изряден».

Но это возможно, если дело начинать не с конца, а с начала. Не с экуменизма, в сегодняшнем его понимании, когда в разъединенных частях Церкви немало собралось трухи, подмешанной к истине. Когда там будут только частицы чистого металла без примеси, тогда для соединения с магнитом — Церковью не окажется никаких препятствий. Нации объединять надо не с мирового правительства, которому ни одно из соправительств и национальностей ни на грош не верит. Пока в силе действительность, говорящая, что «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли», объединение человечества останется мечтой.

Вернемся к словам русского пророка Ф. М. Достоевского: «...общечеловечность не иначе достигается, как упором в свою националь-

ность». «В малом был еси верен, над многим тя поставлю. Вниди в радость Господа своего». Другого пути нет. Путь к великому лежит через малое, ко всечеловеческому через национальное.

В заключительной части своего сообщения я хочу хотя бы совсем бегло коснуться некоторых высказываний выдающихся и, даже больше, исключительных трех русских людей: Хомякова, Федорова, Лихачева.

У нас только что была издана книга «Православие, самодержавие, народность». Автор этой книги Хомяков, но не знаменитый Алексей Степанович, а его сын, Димитрий Алексеевич. Книга эта показывает, что XIX век — это не только время подготовки и начала нашей отечественной катастрофы, но и время нашего национального пробуждения. Представление «птенцов гнезда Петрова» о том, что, по выражению одного из наших императоров, «русский народ — это масса, из которой можно что угодно сделать беспрепятственно», оздоровлялось пробуждающимся национальным самосознанием.

«Никогда не был так обострен спрос на народность, — читаем мы в книге Хомякова, — как теперь, и это после того, что память о народности почти испарилась в XVIII веке». «Одним из самых крупных примеров устойчивости народности, — читаем мы дальше, — является народ еврейский: он живет рассеянным по всему лицу земного шара и, кажется, он более других народов должен бы быть наклонным утрачивать свою национальность. Однако наоборот сему. Евреи не только остаются таковыми везде, но восприятие инородцами хотя малейшей примеси еврейства вносит во все нисходящий поколения еврейские черты, хорошие или худые, но почти неизгладимые».

«Наш современный социализм... отвергает народность. Но основатели социализма, конечно, были националисты, ибо были евреи; а таковые, говоря против национализма, всегда работают в пользу господства единого ими признаваемого народа — Израеля».

Да, народность, национальное чувство, любовь к родине неискоренимы. Это потому, что, как пишет Хомяков, «хранительницами народности всегда были и будут народные массы». Автор считает, что наше понимание своей народности переходит рациональные границы и постигается скорее нашим чувством. Он считает, что сопоставлением трех начал — Православие, Самодержавие, Народность — мы постигаем то глубинное и самобытное, чем крепки наш народ и его государственность.

Однако не все так думали. Был в те годы человек, значение которого растет с годами и имеет большое влияние на происходящее в

наши дни. Звали его Н. Ф. Федоров. В журнале «Русское обозрение» за 1895 г. в статье «О русском самодержавии» приводятся слова известного славянофила А. С. Хомякова (отца): «Когда... русский народ общим советом избрал Михаила Романова своим наследственным государем, народ вручил своему избраннику всю власть, коею был облечен сам во всех ее видах».

«Таково высокое происхождение Императорской власти! — восклицает Федоров, — происхождение власти от народа, по Хомякову, выше происхождения ее от Бога! Кто узнает в этих словах славянофила, признающего Православие, Самодержавие и Народность, — в этих словах так ясна радость нашедшего в своей истории что-то подобное Западу; а между тем такое (его) понятие призвания Михаила Феодоровича противоречит и православию и самодержавию, несогласно и с понятием русского народа, который не признает за собой права давать власть, а Богу приписывает это право... Народ не выбрал, а принудил Михаила Феодоровича, несовершеннолетнего сына страдальца за русскую землю, бывшего во время избрания сына у поляков, — народ принудил Михаила Феодоровича вступить на царство угрозою гнева Божия...»

По представлению людей славянофильского мышления, православие и самодержавие вскармливают то высокое народное самосознание, которое подымается до возможности быть источником власти. По мнению же других, сила монархического принципа именно в понимании источника власти находит свое наиболее яркое выражение: Бог дарует, а не народ избирает царя. Но из этого вытекает самый трудный момент для принятия монархии: этому богодарованному царю, какой бы он ни был, нужно оказывать абсолютное повиновение, ибо «сердце царя в руке Господа» (Пр. 21).

Как бы ни разрешался этот большой и сложный вопрос, который имеет лишь косвенное отношение к сегодняшней теме, но в нашем вековом опыте народ всегда являлся активной и обязательной составной частью того, что относится к его судьбам.

В начале XIX века настоящей русской стариной почитали век Екатерины. В XV веке, освободившись от татар, мы свои подлинные истоки видели в XI–XIII веках. А теперь?

Теперь устами современного нам великого русского патриота, академика Д. С. Лихачева, проникновенного знатока нашего прошлого, мы говорим о былом понимании культуры нашей нации, как о сокрытом на дне озера Светлый Яр, недосягаемом для нас сегодня «грех ради

наших». «Это сокровище, — пишет Лихачев, — как бы незримое, плохо понятое и плохо изученное, не поддающееся измерению нашими европейскими мерами высоты культуры и не подчиняющееся нашим шаблонным представлениям о том, какой должна быть настоящая культура» (Новый мир. 1980. № 3. С. 33).

Откуда у нас эти легендарные, граничащие с мистическими откровениями, истоки? Они в том даре Неба, которым обогатил наш народ, нашу землю, родину нашу Царь Небесный. Тот дар, который мы теряем, которому неверны, о котором забываем, но который неисторгаем из нашего существа, несмотря на все грехи наши.

В лице предков наших мы некогда услышали «звуки небес», и в скольких бы поколениях ни продолжался наш народ, через что бы он только ни прошел, отголосок этой святой песни остался в нас, «без слов, но живой». Тот, кому это знакомо, кто тоскует об этом — тот русский патриот.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать
В Россию можно только верить.

Прот. Александр Киселев

Наш путь[1]

Свет, ниспосылаемый с небес, дает нам возможность видеть вещи, понятия, людей такими, каковы они есть на самом деле, а не какими они могут представляться нам во тьме...

– меч, который отделяет правду от неправды, который вносит разделение тем, что дает возможность увидеть черное черным и белое белым...

– жажда правды, которая одаряет нас познанием, что все надлежащие представления, оценки и выводы суть то магнитное поле, которое моментально и абсолютно точно ставит компасную стрелку нашего пути в нужном направлении...

Современный мир подобен Понтийскому Пилату, который с улыбкой скептика сказал: а что такое истина?! Не то же ли самое представляет собой распространенное современное мнение, что все относительно?

[1] Русское возрождение. 1984. № 26. С. 5–6.

Про человека, пребывающего в такой неопределенности, в старину у нас говорили, что он «ни рыба, ни мясо», или что такой «ни Богу свечка, ни черту кочерга».

Нас, и в третьем поколении и за семь десятилетий жизни вне России оставшихся русскими, пытаются убеждать, что той России, о которой мы говорим, давным-давно нет (да и была ли вообще-то?!) — России «вечной», России «непроходящей», России — «Святой Руси». Все это-де — мифология. Одно реально — брать от жизни все, что можно брать.

Но разве это ново? Разве Золотой Телец, созданный при Моисее, не остается магнитом притяжения и для евреев, и для неевреев на протяжении веков? Но чем кончались эпохи и культуры, особенно подверженные этому притяжению?

Вот один из примеров такого конца: «...земля растлилась перед лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями... и вошел Ной, и сыновья его, и жена его и жены сынов его с ним в ковчег от вод потопа.... остался (в живых) только Ной, и что было с ним в ковчеге...» (книга Бытия, гл. 7).

Как бы ни было сильно современное растление, мы идем своим путем, мы вслед за поэтом зовем грести «против течения»!

Журнал наш назван «Русское возрождение», ибо он зовет нас к пересмотру того, чем мы теперь живем, и возвращению к той правде, которую знали и которой жили лучшие из наших отцов.

В чем же эта правда?

В том, как об этом поется в день Святой Пасхи: «...от смерти к жизни, и от земли на небо Христос Бог привел нас поющих (песнь) победную».

Это путь нашего журнала, который зовет эту истину, этот путь прилагать к ежедневной жизни нашей. Журнала, который с первого выпуска начертал в своих задачах: «Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории».

Редакция

Создание комитета по проведению празднования 1000-летия Крещения Руси в Сиднее, Австралия[1]

Состоялось первое организационное собрание Комитета по проведению празднования 1000-летия Крещения Руси. Собрание было созвано самим Преосвященным Павлом, архиепископом Сиднейским и Австралийско-Новозеландским. На заседании присутствовало духовенство, миряне и среди них молодежь.

В своем вступительном слове владыка Павел сказал об огромном значении 1000-летия Крещения Руси и о том, что нам надлежит глубоко осознать этот момент и запечатлеть его.

Была выработана программа, которая делится на следующие положения:

а) усиление общего молитвенного обращения о спасении России, общее зарубежное объединение вокруг наших храмов и полная поддержка во всем духовенства;

б) духовная подготовка всех верующих православных людей. Введение в каждую проповедь мыслей о православии и его значении в становлении человеческой жизни в отражении события Крещения Руси;

в) организация группы молодежи с 18–30 лет для ознакомления с жизнью Русской Православной Церкви на Родине и за рубежом за последние 65 лет;

г) изучение роли Русской Православной Церкви в жизни русского народа и государства (русские монастыри, святые подвижники, их значение и роль). Эта часть программы может быть организована молодежью под руководством правящего архиерея. Доклады-концерты, дискуссии, слеты молодежи при участии членов Комитета или приглашенных докладчиков. Кроме того, желательно изучение русской истории в регулярном порядке. Прочтение лекции и затем выступление члена Комитета с небольшим сообщением о житии святого или событии изучаемого периода;

д) русские приходские школы автоматически входят в состав поместных комитетов. Преподаватели Закона Божия, истории и русской литературы еженедельно уделяют несколько минут значению грядущего события 1000-летия Крещения Руси;

е) организация особых хоров и концертных групп с целью изучения произведений русских духовных композиторов и древних песно-

[1] Русское возрождение. 1985. № 26. С. 188–190.

пений. Подготовка к духовному концерту в день празднования 1000-летия;

ж) введение в Австралии в программу этнического радио 2EA по субботам сегмента о предстоящем событии 1000-летия Крещения Руси. Ознакомление слушателей с русской святоотеческой литературой;

з) организация путешествий для молодежи и других лиц по Европе, Америке и Австралии с целью посещения и ознакомления с жизнью русского православного зарубежья;

и) организовать «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД СЛОВА» среди молодежи, который будет состоять в регулярной посылке открыток с определенным текстом, иконок и крестиков узникам за веру на Родине. Ознакомление молодежи с положением верующих и с духовным возрождением на Родине.

Программа должна быть определена сроками и разбита по годам. Кроме того, были созданы: издательская комиссия, комиссия административная, комиссия по устройству периодических концертов-докладов и выставок, сопровождающих эти концерты, комиссия по устройству концерта в 1988 г. Предполагается также ознакомить, вернее, напомнить многим о положении русской Православной Церкви с 1917 г., для чего тоже организована комиссия и предполагается регулярное издание статей, знакомящих с гонениями на религию и, в связи с этими событиями, с общей трагедией Церкви.

Комитет также намечает издать «Белую книгу» на русском и английском языках, которая будет содержать в себе историю всех русских православных храмов в Австралии и их снимки.

Комитет в Сиднее полон сил и надежд, и можно надеяться, что эта подготовка найдет отклик среди русских православных людей.

В намечаемом цикле периодических концертов-докладов первый состоится 26 мая с.г. Намечены два доклада на темы: «Жизнь святого апостола Андрея Первозванного» и «Преподобный Сергий Радонежский», а затем программа духовной и светской музыки. Вот, в основном, ближайшие планы Комитета в Сиднее.

Сидней полон талантов, и есть все основания предполагать, что задачи свои Комитет сумеет выполнить, подготовиться ко дню празднования 1000-летия Крещения Руси и должно отметить его.

Е. Ширинская

Обращение к русскому зарубежью[1]

Боголюбивые Православные Русские люди
и дорогие соотечественники!

Приближается знаменательная дата — 1000-летие Крещения Руси. Русская общественность готовится торжественно встретить этот праздник: устраиваются съезды, издаются журналы и т.д.

Свято-Троицкий монастырь и семинария, в свою очередь готовясь к празднованию этого дня, призывают православный народ осознать духовно все ныне происходящия в мире события и напоминают о том, о чем уже давно говорили наши духовные наставники. А именно, что в бедствия, постигшия Россию и ея народ, являются по Божию попущению наказанием нам за грехи богоотступничества и цареубийства, которые тяготеют над всеми нами и по сей день. Веруя в то, что настоящее, а также и будущее в Руце Божией, и в Его власти избавить русский народ от обышедших его зол, — браться Св. Троицкаго монастыря и семинария призывают русских людей к ВСЕНАРОДНОМУ ПОКАЯН1Ю — как к единственному духовно-действенному и очистительному средству, которое также явится достойной подготовкой к празднованию 1000-летняго юбилея.

Полагая почин в этом деле, Св. Троицкий монастырь и семинария решили построить колокольню, звон с которой призывал бы русский народ и символически, и в прямом смысле к покаянной молитве. В связи с этим, по благословенью Архиерейского Собора Русской Православной Церкви За границей, состоявшегося в 1983 г., Св. Троицкий монастырь и семинария приступают к сбору средств для постройки колокольни и приобретения набора колоколов.

Русские люди! Сотворите плод, достойный покаянья, присоединитесь к нашему общему делу и по вашим возможностям помогите собрать средства для осуществленья благого дела — постройки колокольни ко времени празднованья 1000-летия Крещенья Руси.

Архиепископ Лавр
с братьей

Январь 1985 г.

[1] Русское возрождение. 1985. № 31. С. 169–171.

От редакции[1]

В четверг 21 ноября, в 8 часов утра скончался митрополит Филарет, первоиерарх Русской Православной Церкви За границей. Последние годы покойный митрополит был болезненным и физически слабым, однако продолжал совершать богослужения, и потому кончина его была неожиданной.

При покойном Владыке были прославлены св. праведный отец Иоанн Кронштадтский, блаженная Ксения Петербургская и Новомученики Русской Церкви.

Будучи по натуре своей человеком добрым и уступчивым, покойный пользовался общей любовью особенно среди детей и молодежи, которым он уделял много любви и внимания.

Да упокоит Господь с праведными душу его.

Поздравляем
наших читателей
в отечестве и в рассеянии
сущих
Праздником
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Слово как явление православной культуры[2]

Раньше, чем утверждать тождественность «Слова о полку Игореве» и православной культуры, нам следует вдуматься в первоосновное понятие того и другого, то есть и православия, и культуры.

«Словом» мы называем разные вещи. «Словом» называем единицу нашей речи, но также могут называться и торжественные речи: церковная проповедь — это тоже «слово», и даже целое литературное произведение, как, например, то, перед которым мы с благоговением стоим сегодня, тоже «Слово о полку Игореве».

Однако это только еще описание того, как мы словом пользуемся применительно к нашим нуждам, но еще не ответ на вопрос, что такое слово, по существу, откуда оно?

[1] Русское возрождение. 1985. № 32. С. 6.

[2] Доклад, прочитанный на девятом съезде православной русской общественности (Русское возрождение. 1985. № 32. С. 132–142).

Оставляя в стороне целую научную дисциплину — филологию, которая есть совокупность научных знаний о языке и литературе, обратимся к самому истоку бытия слова.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. ...Все через Него начало быть, и без Него ни что не начало быть, что начало быть» (Иоанн I. 1–3).

Слово, по мнению Н. В. Гоголя, идеально по своим возможностям, слово «есть подарок Бога человеку».

Теперь обратимся ко второму сопоставляемому в названии нашей темы — православная культура.

Слово «культура» происходит от слова «культ» — служение божеству. Все то лучшее, на что оказывался способен человек, — его сердце, его руки, его разум, он посвящал Богу, Высшему, даже тому, что в язычестве принимал за Бога.

Культ стал средоточием культуры. Так было от начала — и у древних, и даже у первобытных, вплоть до нашего времени.

От начала бытия мы отделены неисчислимым количеством лет. Между тем временем и нами лежит история, которую можно понять, как удаление от исходного пункта бытия, от первоосновной схемы этого бытия, то есть иерархии ценностей или ступеней послушания, как это было от начала: Бог — человек — тварь.

Когда человек был послушен Богу, тогда человеку была послушна и тварь, которая в человеке видела своего бога, бога с малой буквы, «бога по благодати», как учит Церковь. Когда же человек выпал из послушания Богу, тогда в нем померк божественный отсвет, тогда и тварь, не чувствуя в нем богоподобия, восстала на человека.

Вот почему чем дальше вглубь веков, тем культура, мораль, весь человек целостнее, ближе к истокам еще неповрежденного бытия. Чем дальше, глубже заглядываем в прошлое, по удачному выражению проф. Федотова, как бы с луковицы снимая слой за слоем и приближаемся к основному ядру, тем сильнее ощущаем аромат жизни целостной, не раздробленной и не противоречивой. Ощущаем изначальное всеединство: Бог, человек, тварь в их иерархической сопричастности друг другу.

Из вышесказанного сделаем вывод: наше распространенное теперь словоупотребление «православие» и «культура» по существу своему порочно, ибо это маленькое «и» говорит об огромном, о катастрофе — о раздвоении целого. Должно было бы нами мыслиться и произноситься — «православная культура». Без «и», как единое целое.

Ибо без культа, без посвящения моего творчества Высшему Началу — Богу нет и культуры.

Если от слова «культура» отнимем первую часть «культ», то останется «ура». Когда только на этой приставке «ура» или, как некоторые думают, на древне-языческом «ура» строится человеческое творчество, без культа Бога Истинного, то получается, хотя и могучее в своих проявлениях, но, будучи лишенным связи с изначальным, нечто кратковременное:

ура-патриотизм,
ура-национал-социализм,
ура-юдаизм, ура-коммунизм и прочие «измы».

Ура! — взлет, вспышка без связи с Вечным и Неизменным, отъединенность от целого — это и есть секуляризм, то есть расщепление целого. Отсюда и современная секуляризованная культура — вот это самое «и»: православие и культура, религия и наука, это хотя и цветы, но цветы с обрезанными корнями, поставленные в вазу кратковременной жизни, разъединенные с началом вечного бытия. Это и произошло у нас в России с наступлением революции: Церковь отделена от государства, школа от Церкви — корней-то и нет.

Нам всем известно, что раздвоение целостной человеческой личности, называемое шизофренией, есть одна из страшнейших форм сумасшествия. Шизофрения — греческое слово, в переводе значит раскалывание ума.

Кумирня современности, теория Фрейда, раскрывает наши внутренние потаенные гадости и оправдывает их тем, что раз они есть, существуют, то, следовательно, имеют право на существование и вполне законны. Согласно этой теории, ими не мучиться и не стыдиться ими должно, а обосновывать «правом свободной личности». Но свобода личности не есть свобода на бесчинство. Эта утверждающая теория сама есть ничто иное, как форма душевного заболевания.

Культура как культ — от греческого слова почитание — как служение, как преклонение перед Высшим, чтобы не стать служанкой одного из «ура-измов», должна быть культом православным — православным, правильно славящим Бога, Бога истинного — «...слава в вышних Богу...» — и в том почерпать свое вдохновение.

Мало того. Скажем больше: аскетизм и культура не противоположны.

Но спешу оговориться: прошу вас, не поймите меня превратно и упрощенно.

Сказав о правой славе Бога как вдохновении культурного творчества, я отнюдь не думал, что поэтому, например, все картины должны рисоваться только на религиозные темы, литературные произведения обязательно заканчиваться — «мораль сей басни такова». То и другое есть единое духовное начало в человеке.

Вдумаемся. Какая последняя, конечная задача подлинной культуры?

Задача культуры — дело богочеловечества, т.е. очеловечение мира и обожение человека. Возврат к тому, что было от начала к уже нами упомянутой схеме ценностей: Бог, человек, тварь. Мыслимо ли это величайшее из дел без аскетизма, т.е. без самоограничения, без внутреннего устроения человека? Не аскетизм ли был положен в основу жизни первых людей? Не есть плодов от древа познания. Заповедь «не есть» — это и есть аскетизм, воздержание. Но это лишь часть заповеди. Ибо, с другой стороны, была дана задача творческая, задача для культуры — «возделывать и хранить» рай, т.е. тот идеальный мир, в котором началась жизнь человека на земле.

Соединенность этого внутреннего и внешнего делания есть вдохновение — особый благодатный дар, необходимый для творчества, т.е. как для внутреннего, так и для внешнего делания человека.

Но сознание всего этого нередко приходит поздно. У Шукшина есть рассказ «Осенью». Писатель показывает, как человек, оглядываясь на свою прожитую жизнь, видит, что истратил ее на суету, на разговоры, на бестолковщину, «заложив за нее любовь и сердечное чувство». Можно сказать, «просуществовал» человек жизнь свою, не познав радости творческого вдохновения.

Итак, мы хотим увидеть сродство, найти отголосок в 800-летнем литературном произведении «Слово о полку Игореве», того Слова (с большой буквы), которое прозвучало на заре человеческого бытия: «В начале было Слово». Как Слово, Извечное Слово Божие, прозвучало в начале человеческого бытия, так наше человеческое слово — 800-летнее произведение прозвучало в начале осознания нами нашего русского бытия.

Но какое же это начало, если это конец XII века, эпоха распада единой Руси на удельные княжества?

Это не должно смущать. «Слово о полку Игореве» обращено в будущее, которое закаляется в нынешнем, описываемом в «Слове» поражении.

Единство русской культуры, несмотря на раздробленность Руси на удельные княжества, вырастало на почве единого языка и на единой

православной вере. Описание происходившего в походе князя Игоря, хотя и выраженное на самом высоком литературном уровне, все же только фабула произведения, через которую просвечивает православная культура, несмотря на то, что о православной вере, а тем паче прямо о культуре, в «Слове» сказано мало.

Сказано мало, но пронизано, как воздухом, все. Ведь православие это не только предмет изучения или преподавания — богословие, закон Божий или теология, — а результат претворения в жизнь того, что в начале начал прозвучало в мире: Слово с большой буквы.

Служить этой правде призывает нас «Слово о полку Игореве». Знание, или, может быть, правильнее сказать, ощущение ее, этой правды, всей глубиной своего существа, позволяет этому произведению заканчиваться на оптимистической ноте, несмотря на то, что оно рассказывает о страшном поражении. Говоря о трагических последствиях похода, оно зовет к действию, а не к пассивной скорби. «Слово о полку Игореве» обращено в будущее, это призыв к бою:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

— как написал Александр Блок.

Это бой за целостность, за нераздробленную человеческую личность, за чувство православной культуры, которая вырастает не на головокружении от побед, а на умудренности от поражений. Князь Игорь, а с ним вся наша история, проходят этим тяжелым путем «вразумления».

Не может не изумлять такая вот запись киевского летописца: «И тако поможеть Бог Руси и возвратишася во свояси. и пріемше от Бога на поганыя победу» (Ипатьевская летопись под 1180 г.)[1]. Как о явном поражении можно писать, как о победе? Не потому ли это, что на поле битвы, когда потерпевшего поражение князя Игоря уже пленили и связали половцы, он вспоминает свою прежнюю жизнь и, умудренный, омывает ее слезами покаяния. «Помянухъ азъ грехи своя передъ Господомъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитіе створихъ на земле крестьянстей, яко же бо азъ не пощадехъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ (т.е. приступом) городъ Глебовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии хрестьани, отлучаеми отецъ отъ роженій своихъ, и дщири отъ матерей своихъ, и подруга отъ погдругы своея, и все смятено пленомъ и скорбью тогда бывшею, живіи мерт-

[1] *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве. М.: Просвещение, 1982. С. 43.

вымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святей огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши... и та вся сотворивъ азъ, рече Игорь» (Ипатьевская летопись под 1185 г.)[1]. Что это, как не духовный рост народа, отображенный летописцем в покаянных словах князя?

Я хочу привести слова Д. С. Лихачева, сказавшего, что «лучшее же в человеке бессмертно. Еще больше это относится к жизни памятников искусства. Произведения искусства воплощают в себе длительные народные традиции. Они продолжают жить и за пределами своей эпохи. В лучших своих произведениях — произведениях гуманистических, человечных в высшем смысле слова — искусство не знает старения. Наиболее высокие произведения искусства продолжают быть современными столетия и тысячелетия. Современность искусства — это все то, что сохраняет свою идейную и эстетическую действенность, все то, что читает, смотрит и слушает народ в данный момент, независимо от того, в какое время были созданы эти произведения искусства». Вот почему «Слово о полку Игореве», продолжающее жить в сотнях произведений русской литературы XIX и XX веков, мы вправе считать произведением не только древней, но в известной мере и современной литературы. Оно живо и действенно, заражает своей поэтической энергией и воспитывает идейно, учит литературному мастерству и любви к родине.

Более чем семь с половиной веков живет «Слово о полку Игореве» полнокровной жизнью, и сила его воздействия не только не ослабевает, но все возрастает и расширяется. Такова власть над временем «Слова», его живой связи с мировоззрением и творчеством всего народа[2].

И добавим от себя: что и делает «Слово о полку Игореве» явлением православной культуры.

Позволю себе к высказанному мною добавить еще небольшое послесловие.

Мы уже цитировали Александра Блока. Он писал: «...степная кобылица несется вскачь». Это не просто поэтический образ. Это много больше. Это пророчество. Вскачь мчащаяся кобылица — это поступь нашей истории. Вот этот отрывок:

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.

[1] *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве. С. 43.

[2] См.: Там же. С. 122.

В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови! ...

Неудержимый бег степной кобылицы — это наша судьба, точнее — наша историческая заданность.

В жизнь каждого отдельного человека вписана его жизненная заданность и вложена вся необходимая данность для свершения заданности.

Обратимся опять к помощи поэзии. Вот Лермонтов «По небу полуночи ангел летел...»:

И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой...

Вот оно заложенное в нас! Так вписывается Божия заповедь в жизнь каждого человека. Так вписана она и в жизнь каждого народа.

Вслушаемся: народ. Род — дети своих отцов и праотцов, наследие ген, переливающихся из поколения в поколение...

Возьмем, как пример, оркестр. В оркестре каждый инструмент издает свой особый звук, свою ноту, только ему заданную. Из этого рождается музыкальная фраза, создается гармония, услаждающая слух.

Так и каждый народ имеет свое задание, должен выполнить свою миссию, сказать свое слово. С него это спросится.

Но в чем же состоит эта наша заданность, что же надлежит нам сделать?

Нам нужно осознать, что та жизнь, которой живем каждый день от утра до вечера еще только часть жизненной полноты. Человек может, пишет И. Золотусский, «прожить лишь одной этой жизнью и о другой не догадаться. На рентгеновском снимке другой жизни не видно, на нем видна только эта жизнь. Но она, эта другая жизнь, дана ему изначала (с рождением), как дана и способность прозреть» (Очная ставка с память. М., 1983. С. 8).

Наша миссия, задача русского народа, Святой Руси — это осознание и несение не раздробленного, а целостного понимания глубины

жизни и вытекающей из этого православной культуры, как творчества, как заданности. Мчащаяся кобылица — это бег нашей истории, знающей цель своего устремления.

Но горе попадающему под ее копыта.

И прежде всего горе нам самим, если мы оказываемся неверными своему высокому призванию быть укорененными в православии, т.е. в правильной, истинной славе. Но слава совершается не только через славо-словие, которое, согласно св. апостолу, бывает «пустым благочестием», но и через воз-делание, т.е. претворение слова в дело. Ведь неложная слава воздается только тройственно: «Словом, делом и помышлением». Только такая слава есть слава подлинная, не показная, не фальшивая, не самообман.

Когда же мы не верны этому своему призванию «возделывать и хранить» землю жизни своей, а поступаем с ней, как князь Игорь при взятии «города Глебова у Переяславля», тогда, как было сказано в летописи, живые мертвым завидуют. Тогда мы лютейшему подвергаемся наказанию. Примерами этому испещрена вся наша история. Вспомним, как, начиная от трехсотлетнего татарского ига, через «смутное время» с поляками в Московском кремле, через французов в 1812 году, коммунистов в 1917-м и немцев в 1941-м, шли мы сквозь это лютое «вразумление».

Все они, эти наши наказатели — татары, поляки, французы, марксисты и немцы, — с чувством своей мнимой праведности и превосходства не без удовольствия выполняли миссию бича Божия о наши спины. Тем неожиданнее для них оказалась необходимость занять вдруг наше место, место наказуемых.

Мало того, что они оказались повинными перед лицом правды Божией в том же, в чем и мы, т. е. в невыполнении Божия о них замысла. Вина их оказалась еще большей. Все они, каждый в свое время, поднимал меч на тех, в чьих грешных сердцах хранилась новозаветная скрижаль завета жизни по Богу. Вот потому и возвращаются они все восвояси обмороженными полутрупами — как французы и немцы, утратившими свои государственные границы — как поляки и как татары в свою золотую империю.

Так было, так есть сейчас (и об этом следует помнить всегда и всем народам), так будет тогда, когда наши потомки будут праздновать не 800-летие, а 1000-летие «Слова о полку Игореве», освобожденные от поносного слова, слова марксистского, слова богохульного.

Недаром в особенно торжественные дни в храмах наших громогласно поется: «С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся (не нам покоряйтесь, а Богу) яко с нами Бог».

Прот. Александр Киселев

Девятый съезд православной русской общественности[1]

С 30 августа по 2 сентября текущего года в имении «Отрада» под Нью-Йорком проходил девятый съезд православной русской общественности. За последние девять лет такие съезды стали уже традиционными. Они посвящены подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси. С приближением этой даты естественно увеличивается интенсивность и насыщенность работы съездов. Появляется опыт в их проведении. Девятый съезд был приурочен к 800-летнему юбилею «Слова о полку Игореве». Общей темой стал «Надвременный смысл "Слова о полку Игореве". 1185– 1985». В связи с этим одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на съезде, стал вопрос о сущности православной культуры. Все затронутые проблемы рассматривались именно под этим углом зрения. Православная культура — понятие сложное, глубокое и многозначное. Чисто религиозные аспекты органически сливаются в нем с проблемами исторического, философского и художественного плана. Можно сказать, что определению понятия «православная культура», а также рассмотрению условий ее возникновения и развития на русской почве и была в основном посвящена работа съезда.

Девятый съезд, как и предыдущие, был открыт молебном. Историческому фону «Слова» был посвящен первый доклад. Его прочитал В. К. Завалишин, заменивший профессора С. А. Зеньковского, который по состоянию здоровья не мог приехать на съезд.

В мелком историческом эпизоде (поход князя Игоря Новгород-Северского на половцев) выразилось и закрепилось в художественном произведении огромного масштаба бытие и нравственное сознание древнерусского человека. Автор «Слова», по мысли докладчика, уже не только обладает значительной исторической перспективой, но является носителем ярко выраженной этнической нормы. Эта норма дает ему возможность здраво оценивать и как бы судить своих современников, давая многим из них развернутую нравственно-психологическую характеристику. Изучение исторических условий, использо-

[1] Русское возрождение. 1985. № 32. С. 187.

ванных автором «Слова» дает нам возможность как бы воочию увидеть древнерусского человека в процессе борьбы за свое историческое бытие.

В пятницу вечером, за чашкой чая, обсуждались вопросы, непосредственно связанные с предстоящим празднованием 1000-летия Крещения Руси. Тема эта, в частности в ее приложении к нашей современности, захватила и объединила участников съезда. Дискуссии на эту тему, а также дискуссии по докладам и вопросы докладчикам показали, насколько важно нам сегодня отдать себе отчет в самом явлении православной культуры, в ее конкретном содержании. Ведь именно спецификой православной культуры определяется лицо православной русской общественности в современном нам мире.

На другой день, в субботу, проф. М. М. Заречняк сделал доклад на тему: «"Слово" как непревзойденный шедевр литературы». Докладчик, между прочим, подчеркнул, что благодаря работе ряда крупнейших исследователей (среди них одно из почетных мест принадлежит академику Д. С. Лихачеву), подлинность «Слова о полку Игореве» в настоящее время в серьезных научных кругах сомнений не вызывает. Гарантией подлинности служат не только результаты кропотливого филологического анализа, например исследования влияния языка половцев на поэтику и образность «Слова», но и весь строй художественного мышления. Сомнения в подлинности «Слова» возникли в ту эпоху, когда изучение тюркских языков и, в частности, половецких диалектов, было недостаточно развито. Тем более ранний фальсификатор не смог бы располагать филологическими знаниями, необходимыми для создания такого сложного языково-художественного организма.

«Слову о полку Игореве» как явлению православной культуры посвятил свой доклад протоиерей о. Александр Киселев. О. Александр подчеркнул, что, хотя православие как таковое и не находилось в центре внимания автора «Слова», однако в этом значительнейшем произведении древнерусской литературы получили выражение именно те черты русского человека и те элементы его этического миросозерцания, которые были близки христианству и частично были именно христианством вскормлены. Эти же элементы легли в основу именно христианской русской культуры.

Чрезвычайно свежо и актуально прозвучал доклад В. К. Завалишина на тему: «Система поэтических образов "Слова" и ее значение для современности».

В докладе «Церковь как объединяющее начало — XII век и наше время» прот. о. М. Тарасевич подробно анализировал роль Церкви как выразительницы религиозного и национального единства в эпоху междоусобий и смут. Докладчик особенно подчеркнул воспитательную роль Церкви, не только в чисто религиозной области, но и в области организации школьного дела (открытие церковных школ, собирание и хранение книг и т.д.).

Вечером, после всенощной, состоялось собеседование на тему: «Терпимое отношение к современной нравственности — порок или добродетель?» Было сказано три кратких, вводящих в тему слова: д-р Л. А. Ткачевская — с точки зрения биологической; молодой инженер И. А. Семянко — с точки зрения мировоззренческой; семинарист Ярослав Беликов — с точки зрения религиозной. Дискуссия, в которой активное участие принимали представители православной молодежи, была очень живой и содержательной. В процессе дискуссии выяснилось, что молодежь прекрасно отдает себе отчет в том, насколько сложна и трудна современная ситуация — кризис нравственности, кризис целей воспитания, а иногда пассивность даже в среде воспитателей. Была отмечена также известная растерянность некоторой части воспитателей в общей атмосфере нравственного колебания, характерного для нашей эпохи. Многие представители молодежи не только подчеркивали необходимость целеустремленного и ответственного стремления к сохранению нравственных ценностей и осуществления их в жизни, но и необходимость постоянной связи с Церковью и сохранения православного самосознания. Одновременно представители молодежи указывали на то, что сегодня во всех христианских вероисповеданиях есть силы, активно стремящиеся к нравственному обновлению. Общий вывод из дискуссии был скорее оптимистическим.

В воскресенье, после литургии, А. Б. Боголюбов рассказал о том, что пишут о журнале «Русское возрождение» в официальной советской прессе. Как следовало из доклада, официальных откликов советской прессы на журнал более, чем достаточно. Тиражи антирелигиозных изданий, в которых так или иначе затрагивается вопрос о журнале или о подготовке к 1000-летию Крещения Руси, конечно, ограничены. Эти издания предназначаются только для работников антирелигиозного сектора. Но и массовый читатель имеет возможность познакомиться с этой темой, предлагаемой в сжатом и исключительно тенденциозном освещении на страницах общедоступных газет и журналов. Вполне естественно, что в откликах советской прессы вся деятель-

ность Церкви представлена в кривом зеркале. И, однако, читатель, умеющий читать между строк, может составить себе представление о деятельности Православной Церкви на Западе, о целях и методах подготовки празднования 1000-летия Крещения Руси.

Проф. Н. П. Полторацкий прочитал глубоко продуманный и методически завершенный доклад на тему: «"Слово" и противление злу силой: от XII века к XX веку». Докладчик анализировал несостоятельность основных теорий о непротивлении злу. В своем докладе проф. Полторацкий базировался на трудах таких выдающихся противников «непротивления», как Вл. Соловьев, митрополит Антоний (Храповицкий) и проф. И. А. Ильин.

Доклад д-ра И. Ф. Никишина «Осмысление через "Слово" вопросов жизни и умирания» (его прочитала З. В. Трифунович, т.к. докладчик, в данное время заведующий госпиталем на острове Фиджи, Американская Самоа, не смог приехать на съезд) поставил ряд чрезвычайно актуальных для нашей эпохи проблем, особенно проблему о конечном смысле жизни. В докладе была подчеркнута трудность этого основного для нас вопроса, а также разобраны и классифицированы пути, которыми русский дружинник эпохи «Слова» шел к его разрешению. Последнего ответа на вопрос о смысле жизни в докладе д-ра Никишина не содержалось. Слушатели, однако, могли сделать вывод, что дружина вольно или невольно выполняла завет Христа «Больше той любви никто же не имет, иже положит душу свою за други своя». В интересном докладе д-ра Никишина был скорее поставлен вопрос, чем найден ответ.

М. А. Холодная в своем докладе «Облик Ярославны и современная женщина», пользуясь примерами летописной, житийной и святоотеческой литературы, составила как бы мозаику образа Ярославны — идеального образа русской женщины. Ярославна предстала как обобщенный образ огромной художественной убедительности, воплощающий лучшие черты древнерусской женщины — «доброй» (т.е. хорошей), целомудренной и мудрой. Именно благодаря этому облик Ярославны получил в русской культуре особое место и особый символический смысл, достойный подражания.

Во время всенощной и литургии на другой день по установившейся традиции все участники съезда исповедовались и причащались. Это особенно сблизило всех нас. Достигнутое таким образом единство как бы закрепило тот внутренний опыт общения, подвело итог тем ценностям, которые наряду с докладами стояли в центре внимания съезда.

Намеченные на понедельник доклады проф. Е. Е. Климова и проф. В. П. Морозана состояться не могли. Е. Е. Климов не мог приехать по состоянию здоровья, а В. П. Морозан только что перенес трагическую автомобильную катастрофу, которая стоила жизни трем членам его семьи — погибли его мать, жена и крестная мать. Вместо их докладов прот. о. Виктор Потапов сделал сообщение о своей поездке в Россию. Беседа о. Виктора была не только очень содержательной — она, кроме того, поддержала веру в русский народ и его готовность в трагических обстоятельствах бороться за свои убеждения и отстаивать свое право на религиозную жизнь.

Помимо содержательных докладов и оживленных дискуссий, следует особо отметить атмосферу подъема и внутренней собранности, которая характеризовала работу съезда и объединяла его участников. За это нельзя не поблагодарить отца Александра Киселева — главного вдохновителя и устроителя наших съездов, неуклонно ведущего их по принципу: «В главном — единство, в спорном — свобода, и во всем — любовь». Приближающееся 1000-летие Крещения Руси являлось тем постоянно присутствующим организующим моментом, к которому тянулись, из которого исходили все проблемы, затронутые на съезде. А центральная проблема — православная культура как явление, объединяющее в себе религиозную правду, историческую традицию и творческое напряжение, — ощущалась всеми участниками как главная ценность нашего прошлого и нашего будущего. Съезд почтили своим присутствием Их Преосвященства епископ Григорий и епископ Иларион и Ее Высочество Великая княжна Вера Константиновна.

Устроителей съезда, участников и гостей можно поздравить с удачей и выразить всем глубокую благодарность.

Олег Ильинский

Десятый съезд православной русской общественности[1]

С 29 августа по 1 сентября 1986 года в имении «Отрада» под Нью-Йорком проходил ставший за последние годы традиционным десятый по счету съезд православной русской общественности. Эти съезды связаны с подготовкой к 1000-летнему юбилею Крещения Руси. Десятый съезд был посвящен теме и проблеме оцерковления жизни. Эта сложная, многогранная и для нашего времени черзвычайно актуаль-

[1] Русское возрождение. 1986. № 35. С. 190.

ная тема, как и следовало ожидать, привлекла многочисленных слушателей — в этом году съезд был еще более многолюдным, чем в предшествующие годы.

Тема оцерковления жизни очень широка. Она касается как каждого человека в отдельности, определяя его жизненный путь в лоне церковного сознания, так и сложных комплексов культуры. Человек живет в обществе, и его созидательная деятельность может быть направлена на самые разнообразные области, где создание ценностей культуры занимает значительное место. Тема оцерковления, таким образом, неминуемо затрагивает не только проблемы христианской культуры, но и вопросы отношения православных людей к тем кризисным явлениям нашей современности, среди которых мы живем. Содержание докладов и вопросы, затронутые в дискуссиях, были очень разнообразны, и обсуждения их носили подчас горячий характер. Можно отметить, что общий тон съезда был очень оживленный. Актуальность затронутых проблем ощущалась всеми участниками съезда. Этому немало способствовали высказывания многочисленных очевидцев о крепнущей религиозной жизни в России. С радостью должно отметить, что в дискуссиях по этому поводу и по докладам чрезвычайно активное участие принимала молодежь.

Вечером в пятницу съезд начался молебном, после чего состоялся доклад молодого художника Н. А. Охотина на тему «Русско-православное восприятие красоты». Докладчик отметил глубокое различие восприятия красоты в русском и западном сознании. Он указал, что цели православного иконописца совершенно иные, чем у художников Запада. Православный иконописец выражает внутренний религиозный смысл изображаемого лица или священного события, в то время как западный художник рано прошел процесс секуляризации своего искусства и в связи с этим вносит в трактовку религиозных сюжетов элементы, совершенно чуждые религиозному сознанию.

Вечером, после чая, состоялось оживленное и содержательное собеседование на тему о современной жизни Православной Церкви в России (вступительное слово д-ра Г. С. Роснянской). Присутствующие делились впечатлениями от поездок в Россию. Общие выводы из дискуссий в достаточной мере оптимистичны — несмотря на огромные трудности, русские церковные люди крепко держатся за Церковь, а количество людей, связанных с Церковью, все время растет. Несмотря на то что процесс оцерковления идет медленно, возрождение религиозной жизни в России есть несомненный факт.

На другой день, после Литургии, о. Владимир Дерюгин, молодой священник из Калифорнии, прочел доклад на тему «Святители земли русской и их влияние на ход русской истории». Основное внимание докладчик сосредоточил на деятельности св. Алексия, митрополита Московского. Докладчик отметил, что облик митрополита Алексия живет в нашей истории главным образом силой и правдой его жизненного дела. История хранит память его подвига, как предстоятеля за Землю Русскую перед татарами. Исключительная духовная сила, свойственная митрополиту Алексию, сосредоточилась для нас в совершенном им чуде — исцелении татарской ханши Тайдулы. Это чудо, как известно, расположило в его сторону татар, что было в тот исторический момент чрезвычайно важно для судеб Русской Церкви. Это чудо стало символом личности святителя Алексия. Он остался в истории как бы озаренный светом этого чуда. Особый интерес и красочность докладу о. Владимира придавали обширные цитаты из повествования архидиакона Антиохийской Церкви Павла Алепского, посетившего Россию в царствование Алексея Михайловича. Слушатели как бы своими глазами заглянули в ежедневную жизнь русской Церкви этого периода. Эта эпоха не только стремилась к оцерковлению жизни, но в значительной степени и достигла этого.

В своем докладе «Право и правда в русской истории» молодая юристка Е. С. Зезюлина отметила, что, хотя основной задачей юриспруденции является выяснение и юридическое оформление принципа правды, т.е. идеальной справедливости, явления эти в юридической практике далеко не всегда совпадают. В русском народе, по словам докладчицы, исконно жило именно ощущение правды, а также чувство, что эта правда значительно шире юридических норм. На ряде периодов русской истории докладчица проследила пути осуществления этой правды в русском судопроизводстве. Особенное внимание она уделила юридической реформе императора Александра II и реформам Столыпина. Докладчица нарисовала исключительно яркую картину этих двух важнейших исторических эпох. Дискуссии по ее докладу носили очень оживленный характер. Наметилась некоторая двойственность в оценке того влияния, которое столыпинская реформа могла иметь на религиозно-нравственное состояние русского крестьянства. В ходе дискуссии было указано на то, что в ряде случаев среди крестьян, выделенных по столыпинской реформе на хутора и таким образом оказавшихся вне влияния сельской общины и Церкви, замечались явления нравственного упадка и разложения. Таким

образом подъем экономического благосостояния крестьян имел и свою теневую сторону.

Профессор В. П. Петров сделал обзорный доклад «Женщина в истории русского государственного строительства», остановившись, главным образом, на деятельности президента Российской академии наук княгине Е. Р. Воронцовой-Дашковой и развитии научных контактов с учеными других стран. Докладчик отметил также роль русской женщины в деле освоения «Русской Америки».

Профессор Л. Келер в своем докладе «Христианская суть русской классической литературы» кратко коснулась целого ряда явлений русской литературной культуры, так или иначе связанных с религиозной проблематикой.

Вечером, после всенощной, состоялся доклад на тему «Попытка понимания философии русской самобытности — русская изба», докладчик С. И. Беликова. На огромном фактическом материале (архитектура, этнография, история, быт) были показаны основные характерные и идеологические особенности строительства избы. Докладчица подчеркнула, что в архитектуре избы ярко и целостно отразилось мировосприятие русского крестьянина, его сложившиеся веками представления о семье, дисциплине и нормах отношений между людьми. Чрезвычайно живой и содержательный доклад сопровождался демонстрацией макета русской избы (работы супругов Беликовых) и диапозитивами.

Следующий день, после Литургии, начался докладом профессора В. И. Алексеева «Социальный вопрос в русском государстве», посвященный главным образом вопросу крепостного права, его происхождению, развитию и, наконец, освобождению крестьян в эпоху Великих реформ императора Александра II. Построенный на глубоком изучении исторического материала, доклад профессора Алексеева затронул много важных и трудных проблем русского исторического развития.

Профессор Н. П. Полторацкий в своем докладе «Образ идеального правителя у И. А. Ильина» подчеркнул, что непременным качеством идеального правителя России должно быть чувство высокой моральной ответственности за свое служение. Докладчик выделил две основные концепции, на которых может строиться отношение между государством и подданными: согласно концепции, на которой строилась Россия, и государь, и подданный на разных уровнях служат государству. Другая возможная концепция, имеющая распространение на Западе, сводится к тому, что государство есть лишь административное учреждение, выполняющее функцию «ночного сторожа». И. А. Иль-

ин был сторонником крепкой власти (монархии) и подчеркивал необходимость именно нравственной и религиозной основы государственного строительства и общественного бытия. Профессор Полторацкий, многолетний участник, чрезвычайно ценимый и любимый лектор на наших съездах, является ведущим специалистом по творчеству И. А. Ильина.

В послеобеденном докладе «М. М. Бахтин и проблема оцерковления жизни» д-р О. П. Ильинский стремился дать развернутое определение самого понятия «оцерковление». Некоторые аспекты научной деятельности и личности Бахтина служили ему примером того, чем и как деятельность большого специалиста-литературоведа может быть связана с глубокими религиозными проблемами.

Протопресвитер о. Александр Киселев в обобщающем докладе «Так что же такое "оцерковление жизни"» как бы подвел итоги этой центральной теме съезда. Отец Александр раскрыл духовный и насущный смысл понятия оцерковления — т.е. жизни с Богом, в Боге. «Стремясь к подлинному оцерковлению своей жизни, — сказал о. Александр, — каждый отдельный человек вносит мир и свет Божий в общественную и государственную жизнь». Помимо своего выступления, о. Александр был председателем всего съезда и провел его с огромным подъемом, участвуя в дискуссиях по докладам, зачастую одним словом дополняя и поясняя сложные проблемы и разрешая спорные положения.

В понедельник, после Литургии, состоялся доклад протоиерея Романа Лукьянова «Колокольный звон на Руси». Доклад сопровождался иллюстрациями на звуколенте. Отец Роман поднял глубокую и новую тему, осветив ее интересно и многогранно. Его доклад имел большой успех у слушателей.

Последней лекцией съезда был доклад профессора В. П. Морозана «Церковное пение древней Руси и его применение в наше время». Лектор, специалист-музыковед, не только всесторонне осветил свою тему, но и выразил ряд пожеланий, касающихся улучшения практики церковного пения. Докладчик считает, что церковное пение должно звучать так, чтобы слова песнопений ни в коем случае не приносились в жертву мелодии. Во всех случаях мелодия должна служить слову, а не наоборот. Примеров правильного соотношения между словом и мелодией следует искать в древних церковных напевах.

По традиции в последний день все участники съезда причащались. На съезде присутствовали митрополит Виталий и владыки Григорий и Иларион. Благодаря их участию, многие спорные вопросы обрета-

ли ясность в четких и точных формах. Проблема оцерковления жизни получила на съезде богатое и многогранное освещение. Можно с удовлетворением отметить, что проблема эта присутствовала не столько в формулировках, сколько в живом факте общения людей между собой. Люди принесли на съезд свои интересы, проблемы и чаяния. Они имели возможность поделиться всем этим с близкими по духу. В этом и состояло главное значение съезда.

О. Ильинский

Данилов монастырь[1]

«...зазвонили колокола Данилова монастыря — впервые после почти шестидесятилетнего молчания. Торжественные, праздничные, ликующие звуки перекрывали и тяжелый грохот пробегавших по Даниловскому валу трамваев, и гул машин, сплошным потоком двигавшихся по Варшавскому шоссе.

В монастырских стенах шла своя жизнь; совершались богослужения, в храмы стекались верующие, двадцать монахов и послушников с утра до вечера были заняты трудом и молитвой...»

Умилительный до слез этот отрывок взят не откуда-либо, а из советской газеты. Потрясает, что в центре современной Москвы восстанавливается наидревнейший, основа которому была положена сыном св. князя Александра Невского св. князем Даниилом Московским в 1282 году, наш православный монастырь. До чего же мы дожили! Свидетелями чего Он нас поставил! Да, слеза наша, читая эти строки, вполне понятна и уместна, но она не должна смыть вопроса: а как же Киев с его Лаврой (где сейчас атеистический музей), а Валаам, а Саров, а Оптина (где сейчас мерзость запустения)? Значит ли восстановление Данилова монастыря, что прекращено разрушение церквей, что их можно реставрировать, что верующим православным людям их отдают, что там, где уже нечего реставрировать, свободно можно строить новые храмы? Пока что таких сведений у нас нет! Будут? Когда? Нам, всему русскому народу, должно уразуметь, что это не только дано, даровано, но что в этом даре сокрыта и заданность, которую надлежит выполнить, осуществить силою хотения, силою борьбы за свои права.

[1] Русское возрождение. 1987. I. № 37. С. 142–147.

Но раньше посмотрим, что же там, в Даниловом монастыре, делается. Монастырь реставрируют, вернее сказать, что на месте, где был монастырь, его восстанавливают из развалин.

Вот что в той же газете об этом сказано:

Организация, с 1928 года занимавшая Данилов монастырь, проделала в нем немалую разрушительную работу. Снесена сорокапятиметровой высоты колокольня над надвратной церковью во имя Симеона Столпника. Изуродован огромный Троицкий собор, сооруженный в первой половине минувшего столетия. Ликвидирован находившийся в монастырских стенах некрополь, где были похоронены люди, чьи имена всегда будет помнить Россия: философы и публицисты Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, основатель Московской консерватории Н. Г. Рубинштейн, художник В. Г. Перов, собиратель западноевропейской живописи С. М. Третьяков, передавший свою коллекцию в дар Москве...

Жестокой перестройке подвергся и храм Святых Отцов Семи Вселенских Соборов. Он был словно бы обрублен сверху, стесан снаружи и перерожден изнутри. Сохранились фотографии, но, помогая уяснить общую так сказать цель, они не могли дать ни точных указаний, ни тех драгоценных подробностей, которые вносили в облик этого памятника русского зодчества различные эпохи.... Надо было по крупицам, по частям, по промелькнувшим в архивных документах сведениям восстановить целостный образ. Работа кропотливейшая! Две сотни зондажей, снятая штукатурка, вскрытые полы — и все для того, чтобы отыскать хотя бы проблеск подлинного, чтобы по сохранившимся кускам наличников ли, лепнины, решеток попытаться сначала представить, а затем воссоздать истинный облик храма. Реставрация — это и есть поиск истины, это поиск правды былого в ее материальном выражении, и, как всякая правда, она дается непросто. В Центральном архиве древних актов заведующая проектом вчитывалась в "писцовые книги", в документы "монастырского фонда", и в скупых хозяйственных записях — куплены гвозди, привезен тес, доставлен кирпич — находила ответы на многие возникавшие в ходе реставрации вопросы, в том числе и на главный — восстановить достоверно.

Сейчас собор блистает праздничной белизной, золотыми крестами увенчаны его купола. На первом этаже уже приведена в порядок, освящена и действует Покровская церковь с иконостасом, выполненным в русских традициях XV– начала XVI века одареннейшим церковным иконописцем игуменом Зеноном, монахом Псковско-Печерско-

го монастыря. В верхнем этаже, реставрация которого заканчивается, разместится главный престол храма — во имя Святых Отцов Семи Вселенских Соборов...

Но, пожалуй, самое замечательное достижение реставраторов — звонница над надвратной церковью Симеона Столпника. Все дело в том, что она возникла как бы из ничего: не осталось ни чертежей, ни обмеров, по которым можно было бы теперь, две сотни лет спустя, построить ее заново. Удалось, правда, разыскать фотографии, сделанные в конце прошлого — начале этого века, что помогло реставраторам определить размеры венчавшей надвратную церковь монастыря колокольни...

В августе 1984 года стала расти трехъярусная барочная звонница Данилова монастыря, к ноябрю выросла и в полную свою высоту встала над шумной московской улицей. На колокольне восстановлены часы, и на второй ее ярус подняты десять колоколов.

Все эти работы производятся на церковные деньги, пожертвования верующих, т. е. так же, как и во все прошлые века:

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной.
(*Некрасов Н. А.* «Влас»)

Какую же заданность нужно усмотреть в том, что семь веков тому назад основанный Данилов монастырь, прошедший вместе со всем народом семьдесят лет разорения, вновь, волею Божией, даруется нам, православным людям?

Постараемся поискать ответ на этот тонкий и ответственный вопрос в поэтических прозрениях нашей современности. Это не должно быть зазорным для уха православного человека. Вспомним, что львиная доля и лучшая часть нашего литургического творчества, т. е. тех слов, которые читаем и поем в храмах наших, которыми молимся, принадлежит перу поэтов — инокини Кассии, св. Иоанну Дамаскину и др. Посмотрим, как же наша историческая заданность понимается поэтами, которых жизнь выдвинула в нынешнее время.

...древний бог языческой любви —
косматый светоч дикого пространства—
схватился —

словно ярый тур —
в крови
с тысячелетним долгом христианства.

(*В. Устинов*)[1]

Что говорят эти строки? Говорят, что происходящее в современности это схватка непреображенного хаоса («ярый тур») с озаряющим смысл бытия христианством и что место этой схватки в нашей крови, в которой слагается все наследие прошлого.

При такой ситуации современности (так и напрашиваются слова Достоевского: «...дьявол с Богом борется и место борьбы сердца людей») может ли быть, что Данилов монастырь так вот, за здорово живешь — а некоторые думают, что это просто подачка, — дан Церкви?!

Так или иначе, но он опять православный монастырь. Это радость, это утешение, это воскрешение семивековой святости в нашем сознании. Да, конечно. Это велико и судьбоносно. И все же: это и все?

Нет, не все. Наш быт рожден из восприятия предками нашими глубочайшего значения бытия как смысла жизни. «Жизнь жительствует» — живет вечно, и в своем круговороте из быта должно вновь и вновь рождаться понимание его вечного значения — православного бытия.

В данном случае об этом говорит не Церковь, не философия, не даже наше великое прошлое, а что особенно драгоценно, говорит молодой побег, всем этим выше названным рожденный, говорит молодой голос современной поэзии: «...назначение поэта в том и состоит, чтобы за поверхностным слоем быта узреть само бытие» (*Ю. Кузнецов*).

Ему же принадлежат слова: «Мир распахнут в оба конца». О, какие это слова! К наличию и необходимости одного конца — пройденного пути — мы уже привыкли и осознали, что без прошлого нету будущего. Но тут сказано еще и о втором конце. Что же это должно означать? Принятое нами из прошлого должно претвориться через час в наше национальное будущее. И это не только умиление от звона монастырских колоколов, не только радость видеть восстановление древней нашей святыни, даже не только и то, что там будет возноситься молитва. Разве это и все, что мы унаследовали от прошлого? Понять больше, понять еще глубже, сделать унаследованное не достоянием единиц, а широких народных кругов, воцерковить наше сознание и на его осно-

[1] Здесь и далее цитирую по журналу «Москва» (1986. № 6). — *Примеч. авт.*

ве конструировать жизнь — вот в чем наша задача, заданность — ворота в новое, второе 1000-летие нашего бытия.

Кто нищ, бездомен и гоним,
Он, прах, гребущий по дорогам,
Как Иов, не оставлен Богом,
Но ревностно возлюблен Им.

(*О. Чухонцев*)

Люди такого сознания, у которых совесть определяет подлинность бытия, — это делатели подлинного завтра нашего отечества, строители непроходящего, возвращающие в будущее растерянное нами вчера. Такими людьми созидается православие русской культуры, осуществляется заданность.

Протопр. А. Киселев

Чудо нашего бытия[1]

Милые и дорогие братья и сестры, во главе с дорогими нашими архипастырями, почитаемые наши приходские батюшки, все постоянные участники наших съездов! Возблагодарим Господа Бога, даровавшего нам возможность двенадцать лет тому назад начать эти наши съезды как подготовку к нынешнему 1988 году, великому торжеству народа русского. «Ими же веси судьбами» спасал и спасает нас Господь это тысячелетие. «Наказуя наказа» нас Господь страшным 70-летием, но окончательной погибели — «смерти же не предаде» нас.

Встанем, други и братья, и восхвалим Имя Господне, скажем от всей души: Слава Тебе, Благодателю нашему, слава Тебе.

(Все присутствующие встали и пропели молитву «Благодарни суще недостойнии раби Твои».)

Всякий благоразумный человек поступил бы так же, как и мы с вами сейчас поступили, благодаря Бога, подателя жизни, подателя благобытия.

Вот он — 1988 год! Судьбоносный год! Веруем и надеемся — год начала спасения отечества нашего!

Заглядывая в далекое прошлое, мы узнаем, что уже в XI веке предки наши размышляли над вопросами истории и оставили нам памятник исследования «Откуда есть пошла Русская земля». Однако, как ни

[1] Русское возрождение. 1988. № 44. С. 100–111.

важно знание своего прошлого в плане исторических событий, еще более важным является знание своего духовного прошлого.

Спросим, каким было то чувство, которое, еще на утренней заре бытия, впервые коснулось углубленного самосознания нашего далекого предка; на что впервые горячо отозвалось его сердце; на какое дело он откликнулся с радостью или что он отверг как чуждое? Но кто же может все это исследовать?! Если даже многое из простейших форм жизни нашего прошлого еще покрыто туманом неясности, то откуда же узнать об эмоциональных тонкостях души наших прародителей?

Однако такая возможность все же есть. Не все люди одинаково одарены, не все одинаково ищут углубить свои познавательные способности. Тех, которые выделяются из общей массы, мы называем пророками, прозорливцами, поэтами. Этим людям свойственно тайнозрение, т.е. способность видеть дальше и глубже рядового человека, тайнослышание, т.е. дар услышать «непостижимое уму». Проникнуться глубочайшим пониманием смысла человеческой жизни и говорить людям о том, что только ему одному дано слышать, это величайший дар!

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Таким, как вот эти слова Пушкина, было поэтическое прозрение Лермонтова. Он стал способен ответить на наш вопрос о духовном состоянии наших предков. Ему ясна стала первооснова нашего изначального духовного бытия, те иррациональные пути познания, которыми не только предугадывается будущее, но которыми раздвигается тьма прошлого. Исходные позиции минувшего поддаются нашему внутреннему взору. Процесс исследования прошлого развеивает туман и открывает нам всю красоту «дней былых».

Таким выразителем нашего первоначала, подобно тому, как летописец Нестор сказал о возникновении земли нашей, поэт Лермонтов сказал о душе нашей земли:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;

Вот где наша предыстория, вот начало нашей жизни еще до рождения, еще в лоне, в объятиях ангела — небесного гонца. Как в материнскую утробу принимает плоть нашей жизни — земля наша — «душу младую» от Бога ей ниспосылаемую.

Что же это за «тихая песня», которую пел ангел? Почему «душа младая» так ею пленилась, что, несмотря на то что «долго на свете томилась она» в этом нашем «мире печали и слез», «звуки небес» этой ангельской песни «заменить не могли ей скучные песни земли»?

О чем же пел небесный посланец?

«О Боге великом он пел»! говорит поэт. Но почему «звук его песни в душе молодой остался без слов, но живой»? Почему без слов? Потому что пел он слова неизглаголанные на человеческом языке. Они могли восприниматься сердцем, а не пониманием нашего человеческого ума. Все мы знаем, что прочувствованное, пережитое далеко не всегда может быть высказано на языке человеческом. Поэт Тютчев идет еще дальше и вообще отрицает возможность передачи даже мысли на бедном человеческом языке. Ему принадлежат слова «мысль изреченная есть ложь». Добавим еще святоотеческое утверждение того, что молчание есть «глагол будущего века».

Однако, как ни изумительно прекрасно это стихотворение, какая глубина ни дышит в нем, не разбор его является нашей задачей. Мы в него вчитываемся, молитвенно вслушиваемся в него, потому что ему дана сила откровения, путь к познанию того, в чем и где лежат святые истоки нашего народа, его души, его исторического пути.

Богодарованная душа нашего народа не могла забыть и не забыла, откуда она пришла на землю нашего отечества. Не забыла о тех «райских садах», которые были местом ее рождения. Память о своем прошлом, о происхождении своем сохранила она навеки.

В этом заключается вся сила нашего народа, несокрушимость его духа, неисторгаемость его корней, несмотря на то что они растут и цветут в соседстве со всеми сорняками дьявольских ухищрений во грехе лежащего мира.

«Чтобы сделать человека рабом, надо прежде всего лишить его памяти» — читаем мы у замечательного современного нашего писателя Чингиза Айтматова в романе "И дольше века длится день..." — лишить памяти о родителях, о родине, об отечестве, обо всем, что было с ним и его предками...»

В свое время какие-то азиатские племена практиковали над пленными жесточайший способ, полностью лишавший человека памяти

и превращавший его в замечательно удобного раба. Было бы наивно думать, что обеспамятствование человека отошло в дикое прошлое. Меняется техника и масштабы применения, но задача остается в полной силе и до наших дней. «Утрачивая историческую память, а с нею завещанное нам наследие, мы освобождаем наши души от возвышающей работы над разгадыванием смысла исторического движения, над разыскиванием смысла жизни», — пишет Айтматов. Это продолжает происходить и в наши дни, несмотря на то что мы стали богаты замечательной современной литературой, поднимающей эти вопросы и помогающей нам разобраться в них. Упомяну хотя бы Димитрия Балашова и ряд его исторических романов, заставляющих нас вспомнить, что все мы наследники тысячелетней России, ее трудной, но великой судьбы.

Можно ли не сказать: О, великая наша литература! В тебе всегда, на протяжении всего тысячелетия и до наших дней звучат песни о «райских садах», понимая под этим все формы искания правды, любви к человеку, импульса к созданию культуры, т. е. того предельно совершенного, на что способен человеческий дух. Однако, как ни велика наша литература, но и к ней самой относится вопрос об ее происхождении.

Сын может не знать матери, забыть ее, но то, что в нем (склонности, духовный склад, тяготения), — это и есть она, как в ней самой, в свою очередь. Какое человеческое творчество, какая книга, картина, философия впервые открыла нам, что такое добро? Они способны лишь развивать, объяснять, но быть матерью, дающей основу бытия, они не могут.

О понимании этой «основы основ», о материнском лоне добра мы почерпаем правильные слова из «советского» журнала (вот какие наступили-то времена!) — «Литературного обозрения» (1986. № 3. С. 6): «Религиозные учения, — читаем мы там, — выработали большой нравственный потенциал, те этические нормы, которые и до сего дня остаются общечеловеческими моральными ценностями».

Нужно, конечно, благодарить за это объективное утверждение, но в то же время сожалеть, что подобных высказываний и в наши дни т.н. «перестройки» бывает еще мало. Дело тут не в признательности. Подлинное, истинное проживет и без признательности. Вот как без истинного устоит перестраиваемое-то? Ведь если перестройка вызвана перекосом нашей жизни на один бок, то при перестройках-поправках не перейдет ли перекос на другой бок? Потому, когда сейчас перестраивают все, за исключением фундамента, когда говорят — и правильно

говорят — о многом, но за исключением одного и главного, основы всего, — Бога, то говорят не полную правду, а полуправду. Полуправда же бывает хуже лжи.

Многих прельщает Запад с его одурманивающей свободой — море по колено! Как бы только не захлебнуться в этой свободе личности, которая к 2000-му году готовит в одних только Соединенных Штатах не миллион, а миллионы больных СПИДом (ЭЙДСом).

Этот-то самый Запад и норовит задать нам каверзный вопрос, который акад. Д. С. Лихачев формулировал так: «А как все-таки быть с братьями Карамазовыми? Пушкин один, а их все же трое, и стоят они перед нами сплоченным рядом. Идеал должен быть один, а Карамазовы — характеры. Типичные для русских людей? — да, типичные. Это "законные" братья, но есть у них еще и четвертый братец, "незаконный": Смердяков.

В "законных" Карамазовых смешаны разные черты: хорошие и плохие. А вот в Смердякове нет хороших черт. Есть только одна черта — черта черта. Он сливается с чертом. Они друг друга подменяют в кошмарах Ивана. А черт у каждого народа не то, что для народа характерно или типично, а как раз то, от чего народ отталкивается, открещивается, не признает. Смердяков не тип, а антипод русского».

«Следует различать национальный идеал и национальный характер, — пишет далее акад. Лихачев. — Идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает. Но национальный идеал тем не менее очень важен. Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры». Так прекрасно сказал о подлинном понимании православной русской культуры акад. Дмитрий Сергеевич Лихачев!

Горные вершины... Эти вершины поднимаются высоко в небо, в то самое небо, по которому «полуночи ангел летел». Вершины гор почти небожители. Мы чувствуем, что их место с теми, о ком Лермонтов написал: «И месяц, и звезды, и тучи толпой, внимали той песне святой». Весь космос, и горняя, и дольняя, и наша маленькая планета земля внимают святой песне. Эта ангельская песня стала душой души нашего народа: стала непреодолимой и неотъемлемой силой нашей.

Но даже и небесный дар не насилует свободную волю человека: его можно принять и его можно отвергнуть. Это и есть то, о чем великий Достоевский сказал: «Дьявол с Богом борется и место борьбы — сер-

дца людей». Когда-то Юрий Олеша писал, что самое трудное для человека — это обрести понимание того, как связан он с миром — его прошлым, настоящим и будущим. Понимание этого можно назвать смыслом истории. Его можно назвать выражением глубины тех запросов народа, в которых он видит свою миссию в истории.

В дни торжествования тысячелетия нашего Крещения мы должны расширить свое русское сердце, чтобы оно способным стало увидеть, понять, а тем паче выполнить свою миссию в истории. Это окажется возможным в меру того, как она будет выполнена в собственной жизни каждого из нас. Когда от осознания своей любви к России у тебя захватит дыхание, когда ты без размышления, как бы инстинктивно сделаешь шаг, равнозначный отдаче своей жизни ради ее спасения, тогда ты подлинно ее сын, ее наследник. Тогда приобретешь право повторить слова Алексея Толстого: «Мою любовь, широкую как море, вместить не могут жизни берега». Как это хорошо сказано у поэта! Но у Церкви об этом же самом сказано еще величественнее или, как теперь принято говорить, глобальнее: широта любви не только подобна широте моря, но она «ширше облака», т.е. широта любви, если любовь вообще имеет границы, космична.

Наше великое наследие нам надлежит не только унаследовать, но и умножать. А чтобы умножать надо уяснить, что именно ты наследуешь. В этом основа самосознания.

Но везде опасность. «Подмена, — пишет Валентин Распутин, — самых высоких оснований, поддерживающих наш дух и совесть, произошла и продолжает происходить в глобальном масштабе». Поэтому, добавим мы, задача Православия, искусства, науки, этих великих даров Божиих, «вернуть подлинное и единственное значение тем вещам и понятиям, без которых ни человек, ни общность людей не могут стоять на твердых ногах...», как писал Распутин. Название этому — совесть... Корень слова «совесть» — «весть», та весть, тот голос, который прозвучал над миром, когда ангел пел и нес нам Божий дар — «душу младую» — душу нашего народа, которая живет в каждом, в ком русская кровь, в ком православное русское самосознание.

Но мы можем спать и не слышать голоса — той вести, той совести, по отношению к которой мы можем быть сами себе тюремщиками, препятствующими ее деятельному самораскрытию.

Да не будет!

Да проснемся!

Да укрепятся «колена разслабленная» ног наших!

Нам нечего бояться. Семьдесят лет тому назад любили говорить, что «пролетарию нечего терять, кроме цепей». Не следует ли христианам сказать, что им материальная потеря не страшна, ибо Учитель сказал: «И кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду».

Больше того, больше рубашки, за это 70-летие миллионы отдали не имущество, а самую жизнь за Бога, за Христа, за правду жизни. Их подвиг — наша сила. Мы не одни.

«Радуйся держава Российская верная, — читаем мы в службе всем святым в земле русской просиявшим, — радуйся, князю благоверный Владимире. Радуйся, Ольга избранная: вы бо есте первейшие ко Владыце наши ходатаи, и начальницы Православия, и наставницы ко истинной вере. Радуйся, всяко место и страна, и град, граждане воспитавший небесного царства». Вот она, духовная сила Церкви православной! Ее можно сравнить с айсбергом, у которого только малая часть видна на поверхности моря. На ней, на этой поверхности, может оседать, собираться всякая грязь. Но вся большая часть айсберга не видна. Она не только покрыта водой, но и омыта ею до абсолютной чистоты. Одна только у нас боязнь, одно опасение: оказаться жизнью своей не с подводной, чистой частью айсберга, несозвучными сонму праведников, дисгармонировать им в наших мыслях, убеждениях, поступка. Но не смутимся, вспомним возглас за воскресной всенощной: «Над всеми людьми Бог наш» и ободримся!

Заключим же слова радости нынешнего года, когда, по слову преподобного Серафима Саровского, нам даруется Пасха среди лета, словами милости Божией, которые, как столп огненный, светят нам в темной ночи. Они свидетельствуют, что нет такой ночи, в которой бы «по небу полуночи» не летал ангел и не звучала в мире весть, пробуждающая совесть евангельским словом, читаемым в храмах наших в ночь Св. Пасхи: вот они эти слова:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ни что не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоанн I. 1–5).

Вдумаемся в эти священные, предопределяющие жизнь, слова: «...и тьма не объяла его»... Почему?

Она, тьма, не может «объять». Почему не может? Потому что «Любящим Бога все содействует ко благу». Нет такого, что не содействует.

Как, спросят, все? Даже зло? Да, даже зло, если через него человек научился понимать причину существования в мире зла, научил-

ся через призму христианского его понимания. Святоотеческое слово говорит, что «Бог строит и тогда, когда разрушает». Мыслимо ли это? — значит, Бог творец зла!? Нет, Бог зла не творит, но попускает злу быть ради нашей пользы, нашей выучки, вразумления. Источник зла, творец зла — дьявол. С каждым своим успехом он торжествует окончательную победу, но... каждый раз ошибается.

У Гете в его Фаусте это замечательно показывается. Мефистофель, аттестуя себя силой, всему желающей зла, должен признать, что творимое им зло оборачивается добром.

(Я)... часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

Вопреки желанию «отца лжи» и от стараний зла произрастает добро.

Да, жизнь в мире тяжела, во зле лежащий мир страшен. Как тут не повторить слова Александра Блока:

И вечный бой! Покой нам только снится.
Сквозь кровь и пыль...
О, если бы только открытый бой!

Но страшнее всего оставленность: великий Пушкин сказал словами казака Кочубея: «О, Боже правый... Царем быть отдану во власть врагу Царя на поругание...».

Оставленность и есть самое страшнейшее из всего, что только может быть у человека. И если бы не знала душа, если бы не наполнялась чудным желанием, не знала «о блаженстве безгрешных духов, под кущами райских садов», то не спаслась бы никакая плоть.

Поэтому в заключительной части своего пророческого стихотворения Лермонтов написал:

...И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна...

Сколь не будь страшен наш, полный «печали и слез» мир, в нем всегда будет, по пророческому слову преподобного Серафима, «Пасха среди лета», Пасха в неурочное время, Пасха в любое время года, Пасха при любых обстоятельствах, Пасха в любой человеческой душе, принявшей весть о совести, о реальности «райских садов», которая 1000 лет тому назад запала в душу нашего народа навсегда!

Воспоим же, отцы, братия и сестры, Воспоим хвалу Пасхе Господней и нашей Пасхе!

«Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обымем, рцем: братие, и ненавидящим нас, простим вся воскресением, и тако возопием: Христос Воскресе из мертвых» Богу нашему слава!

Протопр. А. Киселев

Юбилей тысячелетия Крещения Руси[1]

Если б когда-то мне сказали, что я буду выступать перед заграничной аудиторией, хотя и русской, я бы этому не поверил. Если б мне еще сказали, что перед этим я выступлю с лекциями перед советской аудиторией и меня бы приняли благожелательно, я бы этому не поверил. Хотя и удалось прочесть только две лекции.

В настоящее время я выступаю здесь, перед заграничной аудиторией.

Прежде всего, хочу вам передать доброе слово с Русской земли. Мы вас помним, как вижу, и вы нас помните.

Все, что делается сейчас у нас, это, конечно, прежде всего промысл Божий и, конечно, благодаря тысячелетнему юбилею. Вот он пришел, и препоны как-то сами собой пали.

Конечно, препон еще достаточно, не сразу все делается. Может быть, случится еще и так, что пройдет юбилей и все начнется по-прежнему.

Пусть даже так, пусть по-прежнему, но не прежняя реакция ко всему будет. И мы уже не прежние! Так что время идет вперед, и кто скажет: не осуществляется ли сейчас предсказание преподобного Серафима: на Русской земле запоют Пасху в неурочное время? И еще: не осуществляется ли пророчество Достоевского, что Россия должна сказать новое слово всему миру?

Но пока я хотел бы подчеркнуть печальную мысль.

Мне бы хотелось быть на торжествах Крещения Руси на своей Родине, а там обо мне не вспоминают. Это не в качестве жалобы, а в качестве констатации факта.

И вот я оказался за границей. Как будто судьбе нужно было то, чтоб моя судьба соединилась с вашей — изгнанниками из своей Родины. Я вас расцениваю как изгнанников, хотя многие из вас родились уже здесь, за границей. То, как вы тоскуете по Большой России, как вы

[1] Доклад для зарубежной Церкви. — *Примеч. редакции журнала* (Русское возрождение. 1988. № 44. С. 112–129).

ее любите и как бережно храните все традиции и предания, это меня трогает до слез и объединяет с вами. Так могут поступать в самом деле только изгнанники, и потому я, постоянно гонимый, и оказался на торжествах не у себя, а у вас, в этом я вижу промысл Божий не только в моей судьбе, а и в судьбе вашей. И это меня ко многому обязывает. Обязывает сказать прямо, открыто, от всей души. Я чувствую на себе великую ответственность.

Простите меня, если я буду говорить немного сбивчиво и, может быть, не для всех приемлемо. Но я должен сказать так, как мне Бог положил на душу.

Тысячелетие Крещения Руси, особенно в такое время, когда, казалось бы, должно восторжествовать то, что против крещения, — это чудо. Чудо и вообще все то, как в Россию пришло Христианство.

Нам кажется все просто: Владимир и его приближенные выбрали себе Христианство, как в советской литературе пытались объяснить: Христианство было выгодно России.

А нельзя ли сказать так: не Владимир и его приближенные выбрали Христианство, а Бог избрал Россию для Христианства. Бог выбрал Россию!

Не только в религиозной, а и в нерелигиозной, светской литературе заговорили, что язычество в России было близко Христианству, язычество как бы готовило почву для Христианства. Об этом говорит и всеми нами уважаемый академик Д. С. Лихачев.

Если с этой стороны посмотреть, то станет понятным и пророчество преподобного Серафима о небывалой Пасхе на Русской земле и пророчество Достоевского сказать новое слово. Понятно и то, что вдруг пали препоны, и вот мы, разделенные границами, общаемся между собой. Потому и я говорю и писал (напечатаны мои статьи на эту тему в «Русском возрождении») — сейчас торжество Христианства на Руси! Я даже говорил, почему это узнается. Узнается по той жажде Христа, которая есть в русской душе, и по такому, может быть, незначительному примеру. Вот выбросить на прилавок советского книжного магазина антирелигиозную и религиозную литературу и посмотреть, какую быстро раскупят.

Если б жил в наше время философ Леонтьев, он, наверно, сказал бы нам: розовое у вас Христианство, в розовом, мол, свете мы все представляем.

Как известно: в этом он обвинял и Достоевского, в розовом Христианстве. Но я скажу — это не розовое Христианство, а трезвое, хотя

я это слово — трезвое! — в светском понимании и не люблю. Потому что трезвое переводится как здравый смысл, а это ничего не значащий термин, ибо ходит только по поверхности.

Ну вот давайте окинем все беглым взглядом, что произошло на нашей земле.

Вдруг русскими умами завладел атеизм, да такой невежественный, глупый, фанатичный, что диву даешься. 900 лет жили христианством, а тут вдруг — массовый атеизм. Еще и до сих пор, когда об атеизме и у нас серьезно уже говорят, встречаются атеисты «убежденные», я это слово ставлю в кавычках, которые с христианским мужеством готовы пойти на все. На все — не значит, что на все доброе. Но попробуйте их переубедить. Правда, это больше среди простонародья, но есть и среди интеллигенции. 900 лет в их сознании вдруг опровергнуто десятью годами. Значит, трезво рассуждая, здраво смотря, у нас, мягко говоря, не все было в порядке насчет веры, потому и такая метаморфоза произошла. А если сюда добавить разрушенные храмы по всей нашей земле, разрушенная наша традиция: нет ни истории, ни святыни, потому нет и семьи, а без семьи вот и получилось такое общество, которое есть у нас, и понадобилась коренная перестройка.

О каком торжестве Христианства может быть речь?!

Да, о торжестве Христианства со здравым смыслом не может быть речи. Более того, чтоб нарисовать еще мрачнее картину, скажу: и так называемое христианское возрождение, что это? Здесь больше игры в героичность, в жертвенность, чем настоящего возрождения. Ведь в грехах мы еще не привыкли каяться как следует. Считаем себя христианами, а живем так, как и атеисты, торжество ли это?

Я говорю: торжество Христианства в России понимается через сопоставление с торжеством атеизма: раз дошло до предела, раз, как говорил князь Евгений Трубецкой, чаша выпита до дна — значит восторжествует Церковь, а с ней восторжествует и Россия.

Но и опять мне скажут: здесь больше рассуждения, пусть и интересного, оптимистичного, но вы покажите на примерах торжество Христианства на Руси. И я сразу скажу: отказываюсь показывать на примерах. Ну вот видите, захохочут мне в лицо: отказываетесь. Добавлю: отказываюсь, потому что к Христианству нужно подходить не с той меркой, с которой сейчас привыкли подходить: вот вам цифры, факты, вот вам показатели! Да, все есть, показатели хорошие, а в результате ничего нет. Жить нечем. Все это мы, живущие в советской стране,

хорошо знаем. Христианская жизнь проходит не из вне. Чем больше разрушается земная храмина, тем больше созидается небесная, как говорит Апостол. И вот за этим разрушением заметить созидание — это и будет торжество. В Божьем промысле ничего случайного нет, и Бог всегда ведет нас к торжеству. Вот к торжеству христианскому на Русской земле и привел нас Бог в 1988 году.

Разве это не торжество, что вдруг к юбилею заговорили о Христианстве как о единственной силе. Это очень хорошо понимают там у нас. Если есть что живое, говорят, то это Церковь.

Но, конечно, Московская Патриархия не всех устраивает.

Христианство торжествует на Русской земле, во-первых, потому, что торжествует атеизм, и даже более, торжествует разлившийся грех; во-вторых, Христианство торжествует потому, что больше ничто не торжествует. Никакие организации, никакие учения! Ничем нельзя поправить наше гибельное положение.

Я не скажу, что это уже стало так всем понятно. Может быть, понятно это еще немногим, но если перейти на факты, то это есть единственный факт, никуда от него не денешься. Но в этом, понимаю, больше нашей веры, чем действительности.

Не только Россия, а весь мир приходит к такому сознанию, что все разочаровало, все стало зыбким. Оттого появилось много разных направлений, разных спасителей. Начинается размывание и жизни, и верований.

Вот к нам пришло сейчас много всяких обольстительных направлений, особенно буддийские увлекают. И каких только сект не появляется. Все это говорит о неуверенности всего, что не от Христианства. И потому еще раз подчеркну: торжествует сейчас только Христианство на Руси, и именно в православном преломлении. Торжествует потому, что торжество другого нас не спасает. Хотя и не скажу, что все так к Христианству и обращаются, как к спасению.

Христианство — это единственная религия спасения. Христос — это единственный Бог, Который спасает, а все боги иные — это идолы, которые, торжествуя, и разрушаются. Христос избрал Россию для Христианства. Потому на примере России нам сейчас хорошо и видна вся мировая катастрофа, в этом и новое слово, в этом и необычная Пасха в России.

Вообще, часто Христианство обвиняют, что оно не справилось со своим делом, потому неудивительно, что обвиняют и Россию.

Но Христианство справилось, справится и Россия.

Ну вот сказать: Христос воскрес из мертвых, а где Он, воскресший Христос, спросят? Ведь Фома, утвердивший некогда, что Христос Господь и Бог, тем самым подчеркнувший Его воскресение, сейчас стал символом неверного Фомы. Неверный Фома, говорят, когда хотят подчеркнуть атеизм и скептицизм. Смерть ведь торжествует на земле?

Да, это трезвость, это здравый рассудок. Но когда на празднование Пасхи в России стекаются все, и верующие и атеисты, у всех светятся лица при восклицании: «Христос Воскрес!» — это о чем-то говорит? Неужели только восторг это? Ни на чем не основанный? А вот когда при разрухе всего вдруг пронзает мысль: так что же такое жизнь, неужели только бессмысленный круговорот? Неужели это смерть всего? Нужно вглядеться в свое сердце как следует, чтоб понять и воскресение Христово, и торжество Христианства на Руси.

Мудрость христианская — это не мудрость мира сего.

Мудрость мира сего — юродство есть, мудрость Божия проповедуется среди совершенных. Я бы сказал: мудрость Божия проповедуется, когда все совершилось.

Тысячелетие Христианства на Руси, это совершение всего, это возраст совершенства.

А теперь я должен заговорить совсем о другом. Заговорить трезво, с здравым рассудком. Не случайно Христос сказал: «Люди века сего бывают мудрее сынов света». И «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби».

Заговорить хочу о наших христианских проблемах, о нашей боли, о нашей неустроенности. Заговорить не для того, чтоб покритиковать, а чтоб покаяться. Покаяние, может быть, и есть самое главное христианское торжество.

Первая наша проблема та, что мы разделились.

Причину всегда можно найти, а вот как заделать дыру разделения — это величайшая проблема. Сказано ведь: «Дом, разделившийся в себе, опустеет».

Разделились ли мы в себе? О как это страшно — опустеет!

Наверно, причина нашего русского деления — это овладение нашей страной безбожием. Безбожие овладело, создало безбожное государство, и это разделило нас. Мы друг друга обвиняем, стали на своем и — ни с места!

Апостол говорит: «Должны быть и деления среди вас, дабы выявились искусные». Искусные, как я понимаю, значит утвердившиеся.

Однако это не снимает с наших сердец боль. Болеет русская душа, Церковь разорвана на части, мы обвиняем друг друга. Московская патриархия, грубо выражаясь, говорим, продалась Советской власти, пошла на поводу у безбожников. Зарубежная Церковь, говорим, занялась политикой, не может забыть тех обид, которые нанесены ей во время революции. Не принимает патриаршей Церкви. Ну а другие, естественно, куда-то должны прибиться: одни к Греции, другие к Америке... Неужели больше у Русской Церкви не может быть целостности? Нельзя сказать, что отделившиеся половины не жалеют о своем разделении? Что может быть лучше, как быть братьям вместе? Но тут же вспоминаются слова святого отца: лучше добрая ссора, чем худой мир. Мир, основанный на лжи. Как можно примириться с таким положением, когда Московская патриархия все, что угодно подтвердит, лишь бы на нее посмотрели благосклонно?

И все-таки такие обвинения поверхностные, они не вскрывают причины нашего деления. Деления пошли где-то глубже, и может, оттого опаснее, особенно между Московской патриархией и Зарубежной Церковью, уже со всеми, можно сказать, произошли примирения, а здесь нет.

Если помните, я несколько лет тому назад писал письмо покойному митрополиту Филарету, главе Зарубежной Церкви.

Мягко говоря, я был не понят, меня даже обвинили в провокации, мол, я сманиваю из-за границы в Россию, чтоб их здесь посадили.

Я писал о том, что у нас осталось теперь мало честных иерархов, чтобы вот приехали из-за границы нелегально, что ли, помочь нам оживить изнутри. По сути дела испугались. Я, конечно, вижу теперь, что это был мой нереальный шаг, но я и сейчас говорю: нам опасно разделяться, надо как-то оживлять друг друга. Исправляется положение изнутри. Отделяться от епископов — есть раскол, и когда епископы разделяются — есть раскол. Так что вопреки тому, что я сказал выше, лучше худой мир, чем добрая ссора. Но это не совсем так. Не о худом мире я говорю, но всякое разделение быстро выливается в секту. К слову сказать, секты сейчас овладевают нашей страной и вытесняют Православную Церковь. Об этом надо задуматься и здесь живущим, и у нас. Я думаю, что все-таки нам нужно приглядеться друг к другу.

Вот у нас сейчас происходит перестройка, она касается и Церкви. Перестройка показывает, какие силы у нас на лицо, кто может вести народ. Не будоражить, а вести. Если так объективно посмотреть, то в России православный народ ведет Патриархия, она нет-нет да и Мо-

литвословы выпустит, Библию издаст, какие-то школы имеет и, самое главное, сохраняет пусть немногие храмы, но в них идет служба, через службу сохраняется церковная традиция, а те, кто будоражит, что делает? Да, они за правду, есть герои среди них, они честны, но они все-таки больше реформаторы, да и под ногами у них — зыбкая почва. Кое-кого они могут зажечь, но повести не могут, и как не говори, но нам надо считаться с Московской Патриархией. Как? — совета не могу дать. Думаю, что нам все-таки стоит подумать о том, кто где живет и какие у него условия. Со стороны ведь не все видно. Чтоб понять, нужно изнутри заглянуть, повариться в кипящем котле. Легко ведь судить, трудно делать. И как не говори, но нам нужно находиться делать в тех условиях, которые нам предоставлены. Ведь они помимо нас. Еще в начале советского периода, когда можно было думать, что мы выбираем, тогда уместны были и споры, и деления, теперь же мы, ныне живущее поколение, оказались в тех условиях, в каких мы есть. И нужно определенно сказать: значит так Бог решил. Это, конечно, не значит фаталистически покориться всему, но в каких условиях мы должны делать, невольно зависит от Бога. Продолжать деления и споры — не будет ли это означать окончательно разорвать ризу церковную? И вот мне хотелось бы выяснить, как нам делать церковное дело в тех условиях, в которых мы оказались?

Прежде всего, наверное, нужно отбросить политику, то есть борьбу с властью. Всякая власть от Бога, в том числе и безбожная. Как сказала мне однажды при встрече княгиня Оболенская, оставшаяся в России: за грехи наши нам дана такая власть. Вот я и хочу схватиться за это слово — за грехи. Какие же грехи есть у нас, покаявшись в которых, мы можем поправить свое положение? А грехи такие, что мы не как следует христиане.

Что значит быть настоящим христианином?

1. Не привязываться к земле. 2. Любить врагов своих. 3. Научиться понимать друг друга.

«Прежде всего, Царство Мое не от мира сего», — сказал Христос. Значит, мы здесь странники и пришельцы, и только там мы можем жить. А не здесь. А мы, если быть к себе строгими и беспристрастными, и Христианство желаем приспособить только здесь. Потому у нас в основном идет речь о правах человека, и Христианство наше часто скатывается к политике. Мы забываем хотя бы предупреждение апостола Петра: «Не лучше ли вам оставаться обиженными»? Поэтому у нас происходит борьба с властью, до нашего сознания как-то не дохо-

дит, что всякая власть от Бога, что противящийся власти, противится Божьему установлению. Нам кажется даже странным, как советская безбожная власть от Бога? Поэтому любить врагов наших, благословлять, а не проклинать гонящих нас, хотя мы этого и не отвергаем, но как будто думаем, что это не к нам относится.

Тут могут мне поставить резонный вопрос. Так что, получается, когда обижают другого, нельзя и вступаться за него, пусть, мол, обижают?

Вступаться надо, но не надо из этого делать политику. Политика основана на вражде, а дело милосердия (вступаться!) основано на любви. Когда из защиты другого делают политику, очень многое упускают из виду. Во-первых, думают, что если добьемся прав, то и будет все в порядке. А не будет ли хуже? Известно, что благоприятные времена для Христианства всегда были худшими, мы становились плохими христианами. Права, нормальные условия не избавляют нас от греха, который есть в нас. Во-вторых, позволяют нам применять недозволенные средства: осуждение, даже клевету. В-третьих, забывают, что и враги наши это тоже люди, по образу и подобию Божию. И самое главное, что борьба за права человека привязывает нас к земле, мы желаем здесь устроиться. Оттого и комфорт в жизни, всякие удовольствия, оттого и извращение во всем. О том, что надо воздерживаться и даже быть аскетами — это как-то не вкладывается в наше сознание. Мы христианами хотим быть с комфортом. Уже раздаются даже такие требования, что надо, мол, отменить исповеди, как это было в древней Церкви. Почаще, мол, надо причащаться. Мы забываем о том, что древние христиане исповедывались своими смертями, а мы, чуть нас прижмут, уже считаем себя величайшими мучениками. Потому мы и ненавидим врагов своих, желая их причислить к врагам Божьим, а врагов Божьих любить, мол, не надо.

Я понимаю, что говорю как бы не то. Мол, я хочу оправдать те беззакония, которые были на нашей земле, примириться с безбожной советской властью. Я ничего не оправдываю, только делаю ударение: «Кесарево — Кесарю, Божие — Богу».

И самое главное, нам надо научиться не судить — критиковать, а понимать друг друга. Непримиримыми мы можем быть только с духами злобы, с людьми мы должны примиряться.

Вот сейчас на нашей земле идет перестройка. Можно, конечно, сказать, что перестройка эта как бы отвлечь внимание от того тупика, в который мы зашли. От которого без Бога не избавиться. А Бога на

помощь пока не хотят призвать. А посмотрим на это несколько иначе. Перестройка — это покаяние, что ничего не получилось без Бога. Но, не веруя еще в Бога, как-то сознаться в этом трудно. Но то, что хотят что-то поправить, мы как христиане должны к этому присмотреться и помочь им. Но чтоб помочь, надо найти язык. Безбожный, что ли? — сразу возникает вопрос. Нет, безбожие, если где и умерло, то это только на нашей земле, о безбожии уже не идет речь. Но заговорить не так просто — это верно. Я думаю, что заговорить можно будет тогда, когда не будем упрекать друг друга и будем чувствовать и свою ответственность за все соделанное.

Но говори, не говори, а они все-таки делают, что делали. Да, я не спорю. До тех пор, пока они всенародно не признают Бога с большой буквы (печатая же даже религиозные книги, они печатают слово Бог с малой буквы), они делают антихристианское дело.

Да, антихристианское, а мы должны делать христианское. Делать и не спорить. Создавать семью, оберегать традицию, бороться с преступностью, проявлять ко всем любовь и снисхождение.

Об этом нам надо особенно вспомнить в дни юбилея.

А, конечно, Христианство вопреки всему торжествует на нашей земле, все, что сделалось на ней, это для нашего спасения, для того чтоб мы раскаялись, покаяние — это и есть торжество Христианства.

Каямся ли мы? — спросят у меня.

А кто не кается на Русской земле? — спрошу и я в свою очередь. Мы поставлены в такое положение, когда должны только каяться, от того и перестройка — это ведь тоже своего рода покаяние.

И вот то, что мы разделены, — это тоже для покаяния.

«Должно быть и разногласие среди вас, чтобы выявились искусные». То есть разногласия, разделения для того, чтоб утвердиться. И то, что нам нужно утвердиться, — это тоже для всех понятно, и это понимание тоже есть торжество Христианства.

Приветствую Вас, дорогие русские люди. Я рад, что Вы вопреки всему и всем храните самостоятельность, не утеряли понятие Родины и русского Православия.

Будьте же сами собой всегда!

P.S. Нижеследующие строки я уже дописываю после торжеств в Москве.

И все-таки я против того, чтоб Зарубежная Церковь в настоящее время объединилась с Московской Патриархией. Еще пока рано.

Многое уже сделано, чтоб объединиться: принято новое положение Церкви, но еще рано. Пробный камень тот, что Московская Патриархия не канонизировала последних мучеников, а мученики — это тот камень, который кладется во главу угла.

Попробую даже разобраться, почему Московская Патриархия не канонизировала последних мучеников. У меня брали по поводу этого интервью, и я сказал, чтоб канонизировать мучеников, надо к этому подготовиться своей жизнью. Не канонизировали не потому, что не хотели, а потому что не готовы. Иначе это был бы не органический акт, а политический. И вот потому еще рано объединяться с Московской Патриархией, но это не значит, что надо отвернуться от нее. Более того скажу, что к опыту Московской Патриархии надо приглядеться. Мне скажут: к какому опыту? Чтоб научиться приспосабливаться, продаться безбожникам? Ведь не секрет, тогда и храмы закрывались с ведома епископов. Не надо забывать, что в Церкви существуют не только церковные власти. За Истину, как говорит Окружное послание Восточных патриархов, отвечает весь народ. Народ у нас, слава Богу, живой. Конечно, я не пытаюсь идеализировать и народ. Народ, как еще говорил Достоевский, у нас не просвещен, темен, но в народе нашем есть жажда Бога, и эта жажда его и учит, и помогает ему находить верный путь. Да и не скажу, что и среди епископата так все и приспособленцы. Более того, и приспособленцы это еще не значит предатели. Да и сами предатели не все предатели, бывает, и они раскаиваются. И еще: иногда, бывает, устраиваются по шкурным интересам, на ответственные посты ставят безбожники, и вдруг тоже поворачиваются к Церкви, потому что Церковь — лечебница, этого нельзя забывать.

Как почти всем известно, без ведома безбожников мало кто принимает сан, и здесь, скажут, должна быть перестройка. А я скажу, что перестройка должна быть, но на основании собственного покаяния, а не так, чтоб кто-то выгонял кого-то, уличал. Дело все в том, что благодать Божия, живущая в Церкви, способна переделать каждого.

Но, конечно, сейчас еще все есть, и не канонизировали последних мучеников потому еще, что живут с оглядкой: а что скажут власть имущие? Казалось бы, что скажут, когда в государственном масштабе идет реабилитация? И все-таки мы еще не уверены: авось еще нажмут, достаточно ли у нас сил, чтоб противостать?

Можно по-разному смотреть на патриарха Сергия, но все-таки что-то есть правильное в его решении. Легко судить со стороны, но

повариться в том котле, в котором мы варились 70 лет, можно принять и такое решение, которое противоречит здравой логике. Это еще ждет своего объективного исследователя.

Наверное, мы стоим на подступах к объединению, и вот почему (что меня до глубины души встряхнуло и потрясло) — что есть празднование тысячелетия Крещения Руси на нашей земле.

Юбилей тысячелетия Крещения Руси — это особый момент русской жизни и русской истории.

Вдруг все совершилось!

Кто следит за современной прессой и действиями людей, тот замечал, как скептически, отрицательно смотрели на Христианство, пытались показать его историческую несостоятельность, хотя что-то вынуждены были признать и за Христианством. Вот эта их вынужденность и показывает, во-первых, что они боятся Христианства, во-вторых, что они чуждая сила не только Христианству, а и России. Казалось бы, еще все было за то, чтоб показать, что Христианство в России случайно, и оно мало ей что дало. Также, может быть, думал по инерции и народ, хотя в то же время считал, что такое понимание — наша русская трагедия. А думать о том, что празднование юбилея примет государственный размах и перевернет сознание, — об этом не мечтали.

И вот оставались почти считанные дни, наконец, пришел этот юбилей. И вдруг все голоса смолкли, говорило только Христианство. Вдруг заговорили по-христиански ученые, государственные деятели. Литература, театр. Сказали в полный голос, что Христианство — начало нашей культуры. Что Христианство — единственная сила, которая может поднять нас. Этого еще не бывало, но это было, хотя в это еще и не верится. Я слышал от одной простой женщины такое высказывание. Что это, Горбачев сошел с ума, все собирает только одних попов. Вы видели, наверное, по телевидению, как шло духовенство во всем своем благолепии. Я не люблю пышности, но тут и пышность говорила своим христианским языком.

Вдруг все смолкло и говорит только Христианство!

Этот момент надолго запомнится!

Осветился воздух прессы, театра, улиц, проветрились человеческие души.

Но чего не хватает еще во всем этом? Кажется, маленького: написать слово Бог с большой буквы и принести общенародное покаяние. Но думаю, что тут действует неосознанная инерция, еще чего-

то страшно. Иначе, выходит, все строили впустую, неужели напрасно было принято столько жертв?

Психологию всегда надо учитывать и не судить строго. Я же видел во всем этом прежде всего жажду русского народа. Небывалую жажду. И второе, что русский народ верующий и ни в чем он не изменился. Юбилей меня в этом окончательно утвердил.

Сразу же встает вопрос: а что вы думаете, Христианство в России получит теперь полные права, в школах начнут преподавание Закона Божия?

Сказать откровенно, этого я прежде всего боюсь.

Как известно, моменты гонения и неблагополучия всегда были благоприятны Христианству. Так что пусть продолжается гонение? — скажете. Нет, того, что было, больше не будет, уже повернуть на такой путь, какой был, еще тем более устроить такие гонения невозможно. Не хватит у них сил. Да и еще раз повторить свое бессмыслие, как ни говори, а человеку этого невозможно. Он все-таки хотя бы чему-то научается и делает выводы.

Тогда почему, вы спросите у меня, я против полных прав и преподавания Закона Божьего? Потому что я боюсь казенщины. Казенное Христианство — это страшнее всего, страшнее, может быть, и атеизма. Тогда ничего и нельзя делать? Нельзя обучать детей истинам веры? — еще вопрос.

Нет, нужно все делать не потому, что дали права, а потому, что нужно делать. Закон Божий нужно знать не потому, чтоб знать, а потому, чтоб им жить. И преподавание должно быть не на отметку, даже не для того, чтоб научить, а чтоб пробудить. И преподавателем может быть не всякий, кто знает религиозную литературу, а тот, кто горит на дело Божье. А самое главное, что мы должны осмыслить свой страшный и спасительный опыт и сделать вывод, чтоб сказать новое слово всему миру и явиться на Страшный Суд за оправданием, то есть чтоб быть спасенными. А как будут в дальнейшем разворачиваться события, Богу судить, а нам нужно всегда и во всем видеть промысл Божий, ведущий нас к спасению.

Остается еще без ответа вопрос: соединение Русской Церкви, тем более, что я сказал рано соединяться, будет ли? Нужно ли к этому стремиться? Сказано: «Дом, разделившийся в себе, опустеет».

Христианство часто понимается антиномично: разделившийся дом опустеет, и разделение нужно для того, чтоб выявились искусные? Под искусными я понимаю утвердившихся. Чтоб никогда не наступило разделение.

Для того, чтоб соединиться, нам нужно осмыслить опыт разделения, ибо соединение наше будет в таком случае или политическим актом, или просто формальным событием.

Мы к соединению, еще раз повторяю, не готовы, и спешить не за чем. Но и не надо так жить, как жили до этого, обвинять друг друга. Нужно учиться пониманию. Нужно сближаться, как братьям после тяжелой и долгой разлуки. К этому призывает нас тысячелетний юбилей Крещения Руси, и задача наша в том, чтоб дом русский наш не опустел. Чтоб Россия была святой Русью, тем Отечеством, которое напоминает нам об общем Отечестве — Царстве Небесном. А что наш дом, Россия, Русская Церковь, не опустеет, в этом убедил меня окончательно юбилей тысячелетия Крещения Руси.

Отец Дмитрий Дудко

Май–июнь 1988 г. Москва

Хроника-библиография празднования 1000-летия Крещения Руси[1]

Хроника-библиография юбилейных торжеств русского зарубежья, охватившая 156 событий юбилейного 1988 года, составлена исключительно на основании сообщений в газетах, журналах, брошюрах и листовках.

В хронике-библиографии даются только элементарные данные. Подробную же информацию желающие найдут в указанных периодических и непериодических изданиях. Только о событиях, взятых из листовки «Тысячелетие Крещения Руси», выпущенной Юбилейным комитетом в Лондоне, Канаде, дополнительные данные не были найдены. Информация из упомянутой листовки обозначена «Л». Все листовки, упомянутые в хронике-библиографии, высланы в архив Св.-Троицкого монастыря в Джорданвилле, США.

В некоторых сообщениях в печати даты событий не были указаны, и мне пришлось в таких случаях ограничиваться приблизительным указанием одного или двух месяцев.

Возможно, что не все сообщения о торжествах попали мне в руки, и поэтому возможны некоторые пропуски. Поэтому просьба к читателям сообщить о пропущенных событиях в 1988 году с указанием названия издания и даты публикации. Описания празднований, не по-

[1] Русское возрождение. 1989. № 46. С. 150–169.

павших в печать, могут быть также присланы в редакцию «Русского возрождения».

Празднования, организованные Московской Патриархией или нерусскими зарубежными организациями, не вошли в хронику-библиографию, за исключением тех случаев, когда последние были устроены по почину русских сотрудников.

В хронику торжеств также не вошли издания всевозможных сувениров, о чем довольно подробно писалось уже в «Уголке коллекционера» в «Новом русском слове» (США).

Список сокращений

БОО — Бюллетень общества «Отрада» — без номера и даты.

ВеРу — «Вестник руководителя» (Нью-Йорк, США), ежемесячное издание Главной квартиры Организации российских юных разведчиков.

Е — «Единение» (Сидней, Австралия), еженедельная газета.

ЖП — «Жизнь прихода» (Лондон, Канада), бюллетень храма Нерукотворного Образа Христа Спасителя.

КВ — «Калифорнийский вестник» (Лос-Анджелес, США), ежемесячный журнал.

Л—Листовка Юбилейного комитета храма Нерукотворного Образа Христа Спасителя.

НРС—«Новое русское слово» (Нью-Йорк, США), ежедневная газета.

НС — «Наша страна» (Буэнос-Айрес), еженедельная газета.

П. — «Посев» (Франкфурт, ФРГ), ежемесячный журнал.

ПВ — «Православный вестник» (Нью-Йорк, США), ежемесячный журнал Нью-Йоркской и Канадской епархии РПЭГ.

ПЛ — «Приходской листок» (Нью-Йорк, США), бюллетень храма преподобного Серафима Саровского.

ПР — «Православная Русь» (Джорданвилль, США), ежемесячный журнал.

РВ — «Русское возрождение» (Нью-Йорк — Москва — Париж), ежеквартальный журнал.

РЖ — «Русская жизнь» (Сан-Франциско, США), еженедельная газета.

РМ — «Русская мысль» (Париж, Франция), еженедельная газета.

1 января. Нуджи, Виктория, Австралия. Первая в мире литургия юбилейного года в лагере Австралийского отдела ОРЮР — «Русь св. Владимира», в полночь, перед чудотворной иконой Курской-Коренной Божией Матери (ПР. 14.VII.88).

3 января. Нью-Йорк, США. В церкви прп. Серафима Саровского отслужен первый молебен в Нью-Йорке по случаю наступившего юбилейного года (ПЛ. I.88).

7 января. Ситка, США. Приветствие Матери-Церкви Российской от дочери Аляскинской епископа Григория Аляскинского (НРС. 7.I.88).

10 января. Буэнос-Айрес, Аргентина. Показ видеофильма «1000-летие Крещения Руси», сделанного аргентинским отделом ОРЮР по тексту скм. Г. Л. Лукина (НС. 23.I.88).

13 января. Монреаль, Канада. Молебен в соборе с участием митрополита Виталия. После молебна владыка Виталий провел беседу на тему «Духовный лик русской эмиграции» (70 лет Русского Зарубежья и 1000-летие Крещения Руси) (НРС. 15.XI.88).

16–28 января. Сантьяго, Чили. Начало юбилейного года. Паломничество — лагерь Аргентинского отдела ОРЮР в Успенском монастыре. Постановка «Сказания о граде Китеже» (НС. 23.I.88).

20–23 января. В предместье Парижа Нантере коллоквиум, организованный силами сотрудников Русского отделения университета Париж-X (Нантер). По окончании коллоквиума — концерт духовной музыки хора Сергиевского подворья. Регент Н. Осоргин (РН. 15.I.88, 29.I.88, 4.III.88).

30–31 января. Стратфорд, США. Богослужение, возглавленное еп. Иларионом Манхеттенским. Банкет и концерт, детская программа. Среди гостей два американца-конгрессмена (ПР. 14.IV.88).

31 января. Париж, Франция. Спектакль, посвященный юбилею школы при Союзе православных приходов (РМ. 29.I.88).

31 января. Монреаль, Канада. В Св.-Николаевском кафедральном соборе доклады: И. А. Автамонова «Заслуги равноапостольного великого князя Владимира» (Лос-Анджелес, США); Е. Е. Климова «Десять веков храмостроительства» (ЖП. I.88).

Январь. Лондон, Канада. Освящение новой иконы Крещения Руси, храм Нерукотворного Образа Христа Спасителя. В течение юбилейного года икона будет находиться на аналое, у правого клироса (Л.).

Январь. Декларация Совета ОРЮР (Организации российских юных разведчиков) к тысячелетию Крещения Руси (ВеРу. I. 88).

3 февраля. Сидней, Австралия. Юбилейное богослужение в Петро-Павловском соборе. Затем следуют юбилейные торжества в двенадцати городах Австралии (Л.).

Февраль (?). Аделаида, Австралия. Молебен, отслуженный архиеп. Павлом Сиднейским и Австралийско-Новозеландским и банкет в Русском доме (Е. 4.III.88).

3–26 марта. Париж, Франция. Передвижная выставка, организованная приходом в Труа (Франция, Бельгия, Швейцария, Швеция, Голландия) (РМ. 11.III.88).

6 марта. Монреаль, Канада. МкГилльский университет. Духовный концерт: хор св. Николаевского кафедрального собора (управляет Г. М. Сайг); хор Св. Троицкой семинарии (управляет о. Андрей Папков); русский Монреальский мужской хор (управляет К. А. Матузов) (Л.).

10 марта. Париж, Франция. Духовный концерт пяти хоров. Регенты: Е. Евец, А. Кирианенко, Л. Ленц, Н. Осоргин, Н. Спасский. К этому дню была выпущена кассета с записью песнопений (РИ. 25.III.88).

13 марта. Лейквуд, США. Доклад прот. В. Лукьянова «1000 лет исторического пути Православной Руси» (ПР. 14.XII.88).

20 марта. Грац, Австрия. Молебен, доклады, концертная программаа (ПР. 14.III.89).

20 марта. Спринг-Валли, Нью-Йорк, США. «Отрада». Симпозиум НТС (Народно-трудового союза) и Русского исследовательского фонда, посвященный 1000-летию Крещения Руси (П. VI, VII.88).

27 марта. Нью-Йорк, США. Доклад в св. Серафимовском фонде художника и искусствоведа Е. Е. Климова «Искусство первых веков христианства на Руси». Лекция сопровождалась показом диапозитивов (НРС. 26.III.88).

27 марта. Сан-Франциско, США. Духовный концерт архиерейского хора кафедрального собора Всех Скорбящих Радости. Регент — Владимир Красовский (РЖ. 28.IV.88).

27 марта. Монреаль, Канада. МкГилльский университет. Доклад проф. Н. П. Полторацкого «Русская религиозная философия» (Питтсбург, США) (Л.).

14 апреля. Ст. Петербург, Флорида, США. Торжества, организованные приходом св. Андрея Стратилата, отделением Конгресса русских американцев и русско-американским клубом: общая трапеза, на которой присутствовал епископ Манхеттенский Иларион; доклады, концерты, выставка картин Веры Раковской-Экзарковой (120 картин). Выставка демонстрировалась и в других городах США (НРС. 24.IV.88).

17 апреля. Брюссель, Бельгия. Освящение храма Воскресенья Христова архиепископом Антонием Женевским и Западно-Европейским (ПР. 14.VIII.88).

19 апреля. Вашингтон, ДК, США, Смитсониевский институт. «Христианская Церковь в России: 988–1918», читает профессор русской истории университета им. Джорджа Вашингтона Никита Моравский (НРС. 19.IV.88).

20 апреля. Плеель, Франция. Концерт Русского музыкального общества во Франции и консерватории им. Рахманинова (РМ.8.IV.88).

24 апреля. Наяк, Нью-Йорк, США. Освящение новой колокольни Покровского храма (Л.).

26 апреля. Вашингтон, ДК, США, Смитсониевский институт. «Церковь в Советском Союзе: преследования и возрождение», читает прот. Виктор Потапов (русская православная церковь Иоанна Крестителя) (НРС. 14.IV.88).

2–7 мая. Вашингтон, США. Выставка картин православных храмов в США В. Экзарховой-Ранковской в ротонде здания им. Рассела Сената США, концерт. Организатор — Конгресс русских американцев (НС. 9.VII.88).

3 мая. Вашингтон, США, Смитсониевский институт. «Религизные темы в русской литературе: ритуальная символика и образ Христа», читает Надин Натова, профессор русской литературы университета Джорджа Вашингтона (НРС. 19.IV.88).

6–8 мая. Буэнос-Айрес, Аргентина. Посещение архиеп. Лавра Сиракузского и Троицкого с чудотворной иконой Курской-Коренной Божией Матери (ПР. 28.V.88).

7–8 мая. Париж, Франция. Юбилейные богослужения с участием архиеп. Антония Женевского и Западно-Европейского и еп. Илариона Манхеттенского перед иконами «Лесненской» и «Иверской» мироточивой. Трапеза и торжественное заседание (ПР. 14.VII.88).

8 мая. Сидней, Австралия. Прибытие митрополита Виталия. Банкет, доклад архиеп. Павла Сиднейского и Австралийско-Новозеландского. Концерт юбилейного хора, выставка (ПР. 14.VII.88).

8 мая. Париж, Франция. Торжественное празднование Юбилея Западно-Европейской епархией. Богослужения, возглавленные архиепископом Антонием Женев-ским, в сослужении клира всей епархии. Общая трапеза, академическая часть, концерт. Последующие торжества в других городах епархии (ПР. 14.VII.88).

8 мая. Монреаль, Канада, МкГилльский университет. Духовный концерт: русский камерный хор (Нью-Йорк) под управлением Н. П. Качанова «Десять веков русского православного песнопения» (Л.).

10 мая. Вашингтон, ДК, США, Смитсониевский институт. «Есть ли там российский дух? Возрождение духовности в СССР», читает Сюзан Масси, автор книги «Страна Жар-птицы» (НРС. 8.V.88).

12–15 мая. Натуа, Бельгия. Юбилейный съезд молодежи (витязей, скаутов, РСХД) (ПР. 14.VII.88).

15 мая. Буэнос-Айрес, Аргентина. Постановка монтажа «1000-летие Крещения Руси». ОРЮР совместно с Совещанием русских белых организаций в Аргентине (НС. 23.I.88).

15 мая. Нью-Йорк, США. Доклад в св. Серафимовском фонде художника и искусствоведа Е. Е. Климова «Искусство первых веков христианства на Руси». Лекция сопровождается показом диапозитивов (НРС. 3.IV.88).

15 мая. Сан-Пауло, Бразилия. Торжественное богослужение в св. Троицком храме (ПР. 14. VII.88).

17 мая. Вашингтон, ДК, США, Смитсониевский институт. «Иконы и религиозное искусство: от Византии к отечественной иконографии», читает Наталья Тетерятникова, куратор Византийского изобразительного фонда (Думбартон Оке, Англия) (НРС. 8.V.88).

22 мая. Хьюстон, Техас, США. Освящение св. Владимирского храма (Л.)

26 мая. Плеель, Франция. Концерт Русского музыкального общества во Франции и консерватории им. Рахманинова (РМ. 8.IV.88).

29 мая. Форт-Росс, США. Паломничества из Сан-Франциско во главе с духовенством Русской Православной Церкви за границей (РЖ. 18.VI.88).

30 мая. Монреаль, Канада. Доклад проф. В. Н. Буткова (Вашингтон) «Одиннадцать веков русской истории и культуры». Св. Николаевский кафедральный собор (Л.).

31 мая. Мюнхен, Германия. Торжественное богослужение Германской епархии с последующей юбилейной программой (Л.).

31 мая–1 июня. Мельбурн, Австралия. Посещение митрополитом Виталием и архиеп. Павлом Сиднейским и Австралийско-Новозеландским Покровского собора и ночное моление перед чудотворными иконами Курской-Коренной и «Иверской» мироточивой (ПР. 28. VII. 88).

Июнь. Лиенц, Австрия. Память о Крещении Руси была отмечена вместе с поминовением жертв выдачи казаков в 1945 г. (ПР. 14.III.89).

5 июня. Джорданвилль, Нью-Йорк, США. Выпускной акт св. Троицкой семинарии (ПР. 28.VI.88).

5 июня. Лондон, Англия. Празднование в обители Благовещения. Детский спектакль (ПР. 28.VII.88).

5 июня. Лейквуд, Нью-Джерси, США. Приход храма им. Св. Благоверного Великого князя Александра Невского. Культурно-национальное собрание, состоящее из официальной и художественной частей (ПР. 14.XII.88).

5 июня. Нью-Йорк, США. Концерт в Св. Серафимовском фонде, посвященный 1000-летию Крещения Руси (НРС. 23.X.88).

5 июня. Монморанси, Франция. Празднование в Доме союза военных инвалидов. После богослужения в храме при Доме молебен в парке Дома, выставка, концерт (РМ. 8.VII.88).

5 июня. Калгари, Канада. Богослужение, юбилейный концерт, доклад, трапеза (ПР. 14.VIII.88).

10–12 июня. Глен-Ков, Нью-Йорк, США. Семинар «Искусство церковного пения Русской Православной Церкви». Вознесенский собор (НРС. 29.VI.88).

11 июня. Нью-Йорк, США. Концерт «Русская духовная музыка» ансамбля русской древней духовной музыки (регент Н. Качанов) в церкви св. Винсент де Паул (НРС. 5.VI.88).

11–12 июня. Патерсон, Нью-Джерси, США. Юбилейное богослужение в Архангело-Михайловском соборе, возглавленное епископом Иларионом Манхеттенским (ПР. 28.IX.88).

12 июня. Сиракузы, Нью-Йорк, США. Богослужение и торжественное собрание, лекция отца Александра Киселева, концерт (ПР. 14.VII.88).

12 июня. Париж, Франция. Молебен, торжественное собрание и концерт Западно-европейского комитета в ознаменование 1000-летия Крещения Руси (РМ. 12.VIII.88).

19 июня. Спринг-Валли, Нью-Йорк, США, «Отрада». Доклады и телефильм о духовном состоянии русского народа в СССР (БОО).

23 июня. Плеел, Франция. Концерт русского музыкального общества во Франции и консерватории им. Рахманинова (РМ. 8.IV.88).

24–26 июня. Монсонвиль, Канада. Выезд старшей молодежи в св. Преображенский скит в сопровождении о. Петра Перекресто-

ва, о. Григория Котлярова и о. Георгия Каллаур. Тема бесед: «Воцерковление жизни и XI век» (Л.).

25 июня–9 июля. Крайдерс, США, лагерь Вашингтонской дружины ОРЮР «Русь крещенная». Богослужение, крестный ход, освящение воды, беседы (ВеРу. X.88).

31 июня. Джилонг, Австралия. Водосвятный молебен на берегу моря, доклады (ПР. 14.IX.88 и Е.14.X.88).

Июнь (?). Аделаида, Австралия. Духовный концерт (Е. 23.VI.88).

Июнь–июль (?). Норвич, США. Симпозиум в Норвичском университете, посвященный 1000-летию Крещения Руси (НРС. 15.VII.88).

4 июля. Форт-Росс, США. Паломничество, возглавленное митрополитом Феодосием, главой Православной Церкви в Америке (РЖ. 3. VIII.88).

5 июля–26 августа. Мельбурн, Австралия. Выставка икон в галерее Мельбурнского университета, организованная дирекцией галереи совместно с комитетом по организации празднования 1000-летия Крещения Руси (Е. 23.VI.88 и 12.VIII.88).

6 июля. Франкфурт, Германия. Торжественный молебен в старом городском готическом соборе, который отслужил епископ Марк Берлинский и Германский, прием у бургомистра, открытие выставки в Историческом музее (Е. 7.X.88).

10 июля. Франкфурт, Германия. Торжественное богослужение в храме св. Николая (Е. 7.X.88).

11–13 июля. Франкфурт, Германия. Доклады: Г. Рар (Мюнхен) «Русская Православная Церковь и советское государство» (И.VII); проф. И. Панагопулос (Афины) «Благовест православия сегодня» (12. VII); проф. А. Поппэ (Варшава) «Князь Владимир—христианин» (13.VII) (Е. 7.X.88).

17 июля. Новый Павловск, США. Постановка монтажа «Крещение Руси» в лагере ОРЮР (ВеРу. XII.88).

17 июля. Валлей Коттедж, Нью-Йорк, США. Торжество на Толстовской ферме (ПР. 14.VIII.88).

17 июля. Виндзор, Онтарио, Канада. Первое празднование (ПР. 14.VIII.88).

17 июля. Лондон, Англия. Торжественное богослужение, возглавленное епископом Марком Берлинским и Германским (Л.).

24 июля. Джексон, Нью-Джерси, США. Освящение св. Владимирского храма-памятника (ПР. 14.IX.88).

24 июля. Каракас, Венесуэла. Богослужение, доклады, концерт, выступление учеников церковной школы (ПР. 28.XII.88).

24 июля. Мельбурн, Австралия. Концерт, выставка и трапеза (Е. 2.IX.88).

24 июля. Сидней, Австралия. Концерт св. Николаевской школы (Е. 2.IX.88).

24 июля. Сидней, Австралия. Духовный концерт женского ансамбля св. Владимирского хора в Русском клубе в Стратфилде (Е. 25.VIII.88).

24 июля. Буэнос-Айрес, Аргентина. Освящение бронзовой памятной доски—дар Совещания русских белых организаций в Аргентине. Юбилейный акт (ПР. 28.IX.88).

24 июля. Лондон, Канада. Празднование в храме Нерукотворного Образа Христа Спасителя (Л.).

28–30 июля. Лейквуд, Нью-Джерси, США. Свято-Владимирский съезд молодежи (ПР. 14.XII.88).

28 июля. Паломничество в монастырь, основанный Анной Ярославской (РМ. 8.IV.88).

28 июля. Джексон, Нью-Джерси. Торжественное богослужение в св. Владимирском храме-памятнике и крестный ход (ПР. 14.IX.88).

30 июля. Джексон, Нью-Джерси, США. Бал на Ферма РООВА (НРС. 23.VII.88).

30 июля. Глен-Ков, Нью-Йорк, США. Фестиваль Славяно-американского общества культурного наследия (НРС. 4. VIII.88).

31 июля. Джексон, Нью-Джерси, США. Всенародное празднование. После литургии крестный ход и водосвятие на озере. Трапеза и торжественное собрание (ПР. 29.11.88).

31 июля. Лос-Анджелес, США. Богослужение, молебен. День русской культуры, совместно КРА (Конгресс русских американцев) и Покровский приход (РЖ. 19.VIII.88).

31 июля. Буэнос-Айрес, Аргентина. Повторение торжественного акта по-испански для аргентинской общественности (НС. 13.VII и 27.VIII.88).

31 июля. Сидней, Австралия. Молебен, крестный ход, собрание в Бэнкстауне приходов Американской автокефальной Православной Церкви (Е. 29.VII.88).

31 июля–6 августа. Нью-Йорк, США. Первый фестиваль русской хоровой музыки (лекции, репертуарные сессии, концерт под управлением В. Н. Минина) (РВ. № 44. 88).

Июль. Нью-Йорк, США. Юбилейное послание Первоиерарха русской Православной Церкви Зарубежом (ПВ. VI, VII.88).

1 августа. Спринг-Валли, Нью-Йорк, США. Празднование в женской обители Ново-Дивеево (ПР. 28.IV.88).

2–9 августа. Нью-Йорк, США. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви заграницей (ПР. 14.IX.88).

5–7 августа. Нью-Йорк, США. Выставка картин художницы Ирины Пейсиковой в зале Синодального дома. Тематика экспозиции– изображение российских храмов (НРС. 5.VIII.88).

7 августа. Нью-Йорк, США. Банкет в отеле «Хилтон» (НРС. 11.VIII.88).

7 августа. Виндзор, Онтарио, Канада. Совместное празднование с тремя соседними приходами в Детройте, США (ПР. 14.VIII.88).

7 августа. Джексон-Пойнт, озеро Симко, Онтарио, Канада. Престольный праздник и празднование Юбилея, церковь Смоленской иконы Божией Матери (Л.).

7 августа. Брисбен, Австралия. Собрание с докладом, концертом духовной музыки и трапезой (Е. 30.IX.88).

7 августа. Мельбурн, Австралия. «День русской культуры», посвященный 1000-летию Крещения Руси (Е. 16.IX.88).

7 августа. Сидней, Австралия. «День русской культуры», посвященный 1000-летию Крещения Руси в Русском клубе в Стратфилде (Е. 29. VII. и 9.IX.88).

11–14 августа. Озеро Хантингтон, Калифорния, США. Слет Западно-Американского отдела ОРЮР по случаю 1000-летия Крещения Руси (ВеРу. IX.88).

14 августа. Оттава, Канада. Освящение Покровского храма-памятника.

14 августа. Лос-Анджелес, США. Торжественное юбилейное богослужение Лос-Анджелесской и Южно-Калифорнийской епархии в Преображенском соборе (Л.).

14 августа. Нью-Йорк, США. Юбилейное послание Архиерейского Собора к пастве Русской Православной Церкви (ПР. 14.VIII.88).

19–21 августа. Мельбурн, Австралия. Выставка Комитета по организации празднования 1000-летия Крещения Руси (Е. 21.X.88).

21 августа. Мансонвиль, Квебек, Канада. Торжественное юбилейное богослужение в Преображенском скиту (ЛР. 23.XII.88).

21 августа. Буэнос-Айрес, Аргентина. Повторение торжественного акта по-испански для аргентинской общественности (НС. 23.VII.88).

1–5 сентября. Джорданвилль, Нью-Йорк, США. Двенадцатый съезд православной русской общественности. Общая тема съезда «Тысячелетие христианства в России — итоги и перспективы». Участников съезда приветствовали митрополит Виталий и архиепис-

коп Лавр. Лекции прочли: иеродиакон Петр Лукьянов — «История возникновения Свято-Троицкого монастыря»; проф. М. М. Заречняк — «Похвальба св. кн. Владимиру, по тексту "Слова о законе и благодати митрополита Иллариона"»; В. Н. Тростников — «Роль и место Крещения Руси в общеевропейском духовном процессе второго тысячелетия христианской эры»; отец Дмитрий Дудко — «Юбилей тысячелетия Крещения Руси» (звукозапись обращения к съезду); отец Александр Киселев — «Душа и устои нашего народа — откуда они?». Были показаны видеофильмы «Под благодатным покровом» и «Храм» (РВ. № 44.88).

3–4 сентября. Чикаго, США. Симпозиум, богослужение, водосвятие, банкет, концерт, бал (Л.).

4 сентября. Сидней, Австралия. Концерт приходской школы св. Александра Невского, посвященный 1000-летию Кещения Руси (Е. 28.X.88).

4 сентября. Джорданвилль, Нью-Йорк, США. Освящение колокольни (брошюра).

4 сентября 1988 г.–1 сентября 1989 г. Джорданвилль, Нью-Йорк, США. Выставка картин архимандрита Киприана «Драгоценное наследство» (Каталог выставки).

9–11 сентября. Вашингтон, ДК, США. Освящение собора св. Иоанна Предтечи, банкет, доклады (РЖ. 16.VIII.88).

10 сентября. Сан-Франциско, США. Концерт «Киевская Русь» в Русском центре (РЖ. 27. VIII.88).

18 сентября. Спринг-Валли, Нью-Йорк, США. Юбилейный пикник. Телепередачи из Сов. Союза под ред. проф. А. Климова; выставка картин В. Ранковской (БОО).

18 сентября. Кливленд, США. День русской культуры, организованный Русско-Американским культурно-просветительным обществом, литературным кружком «Маяк» и приходом св. Сергия Радонежского. Доклады, концерт, выставка картин В. Раевского и Ж. Шкап (НРС. 4.X.88).

18 сентября. Лейквуд, Нью-Джерси, США. Фестиваль русского искусства (НРС. 1.VI.88).

23,25,30 сентября и 2 октября. Сан-Франциско, США. Опера А. Бородина «Князь Игорь» в Русском центре в честь 1000-летия Крещения Руси (РЖ. 22.X.88).

24–25 сентября. Миннеаполис, США. Торжественное богослужение еп. Алипия Чикагско-Детройтского. Банкет, выставка (ВеРу. XI.88).

25 сентября. Махопак, Нью-Йорк, США. Торжественное богослужение в Новой Коренной Пустыне (Л.).

29 сентября. Франкфурт, Германия. Доклад о. Дмитрия Игнатьева «Литургия и Церковь» (Е. 7.X.88).

Октябрь. Зальцбург, Австрия. Духовный концерт, организованный Е. Н. Майндорфом (ПР. 14.III.89).

Октябрь. Инсбрук, Австрия. Духовный концерт с участием тенора Николая Гедда и его вокального ансамбля (ПР. 14.III.89).

8 и 9 октября. Вена, Австрия. Богослужение, возглавленное архиепископом Антонием Женевским и епископом Марком Германским, с участием хора из Штутгарта под управлением К. Б. Хофмана. Доклады (ПР. 14.III.89).

8–9 октября. Монреаль, Канада. Торжественное богослужение Канадской епархии, возглавляемое Митрополитом Виталием, с сонмом духовенства. Банкет и юбилейная программа (ПР. 28.XII.88).

16 октября. Сидней, Австралия. Концерт в Сиднейской опере (Е. 23.IX.88).

16 октября. Торонто, Канада. Концерт, посвященный 1000-летию Крещения Руси. Русский камерный хор (Нью-Йорк) под управлением Н. П. Качанова (Л.).

18 октября. Канны, Франция. Торжественное архиерейское богослужение, трапеза, концерт (РЖ. 17.XII.88).

23 октября. Чикаго, США. Торжественное юбилейное богослужение в Чикагско-Детройтской епархии епископом Алипием (Л.).

23 октября. Сан-Франциско, США. День русской культуры в честь 1000-летия Крещения Руси (РЖ. 9.VI.88).

23 октября. Рочестер, Нью-Йорк, США. Богослужение, доклад протопресвитера Александра Киселева «Православие, культура, тысячелетие», духовный концерт (НРС. 2.XI.88).

23 октября. Нью-Йорк, США. Богослужение и трапеза в Свято-Отеческой церкви (НРС. 22.X.88).

23 октября. Чикаго, США. Торжественное юбилейное богослужение Чикагско-Детройтской епархии, возглавленное епископом Алипием (Л.).

23 октября. Нью-Йорк, США. «День непримиримости» с докладом др. Л. Ткачевской «1000-летие христианства и 70 лет коммунистического плена России» (ПР. 28.XI.88).

23 октября. Брюссель, Бельгия. Богослужение, молебен, доклад, концерт (ПР. 28.XII.88).

23 октября. Мельбурн, Австралия. Концерт в национальном театре (Е. 21.X.88).

30 октября. Монреаль, Канада. Доклад А. Н. Мирошниченко (Сан-Франциско) «Православие и наша жизнь», доклад В. В. Красовского (Сан-Франциско) «Десять веков русской православной иконописи». Св. Николаевский собор (Л.).

2–30 ноября. Париж, Франция. Выставка икон, организованная обществом «Икона» (РМ. 18.XI.88).

3–6 ноября. Сан-Франциско, США. Съезд молодежи (РЖ. 15.IX.88).

6 ноября. Валлей-Коттедж, Нью-Йорк, США. Юбилейный концерт в Толстовском доме (Л.).

6 ноября. Сан-Франциско, США. Торжественное юбилейное богослужение Западно-Американской епархии; архиепископ Антоний в сослужении с архиереями и духовенством епархии; Собор Всех Скорбящих Радости. Банкет в отеле Сан-Франциско (РЖ. 30.XI.88).

27 ноября. Нью-Йорк, США. «Тысячелетие» — эпическая поэма в музыкальном оформлении. Устроители — Конгресс русских американцев и Объединенный Комитет празднования 1000-летия. «Колден Перформинг Артс Сентер», Квинс Колледж (НРС. 24.XII.88).

27 ноября. Буэнос-Айрес, Аргентина. Акт епархиальной субботней школы св. Сергиевского прихода и школьная постановка, посвященная 1000-летию Крещения Руси (НС. 24.XII.88).

Ноябрь (?). Барилоча, Аргентина. Акт на площади города в присутствии гражданских и военных властей (НС. 26.XI.88).

3 декабря. Стокгольм, Швеция. Молебен. Доклады и видеофильм. Устроитель — Фонд прп. Сергия Радонежского (Л.).

3–4 декабря. Вашингтон, США. Всенощная в Св.-Николаевском соборе (Православная церковь в Америке). Служил митрополит Феодосий с епископами и сонмом духовенства. 4.XII — Освящение звоницы с 5 колоколами, сооруженной в честь 1000-летия Крещения Руси. Банкет и концерт (НРС. 17.XII.88).

4 декабря. Филлах, Австрия. Богослужение и соответствующая проповедь, молебен, чай (ПР. 14.III.89).

11 декабря. Джексон, Нью-Джерси, США. Божественная Литургия и всенощное бдение (накануне) с исполнением песнопений древним Знаменным распевом. Св. Владимирский храм-памятник (Л.).

16–18 декабря. Санта Крус, США. Концерты хора Кабрильского колледжа, произведения русского композитора А. Ткачевского «Сцены тысячелетия» (НРС. 20.III.89).

24–26 декабря. Джорданвилль, Нью-Йорк, США. Завершение юбилейного года — Св. Германовский съезд молодежи в Св. Троицком монастыре (ПР. 28.IX.88).

25 декабря. Монреаль, Канада. Престольный праздник Св. Николаевского кафедрального собора. Праздничная трапеза и доклад о. Виктора Потапова (Вашингтон) (Л.).

Декабрь. Ле-Ман, Франция. Выставка русских икон в музее Тессе, организованная хранителями музея Михаилом и Сергеем Никитиными (РМ. 6.1.89).

Декабрь (?). Сан-Пауло, Бразилия. Молебен в освящение бронзовой доски в память 1000-летия Крещения Руси (ПР. 14.11.89).

Р. Полчанинов

Годовой съезд[1]
(1–4 сентября 1989 г.)

Очередной съезд православной русской общественности (тринадцатый по счету) состоялся в Свято-Троицком монастыре, Джорданвилль, штат Нью-Йорк. Стоит отметить, что от первых съездов и до сегодняшнего дня (а в последнее время — с каждым новым месяцем) ощущалось как бы нарастание и ускорение сроков. На сегодняшний день в России все словно сдвинулось со своих мест, все находится в движении, никто не может учесть, что принесет нам следующий месяц, не говоря уже о полугодии. Чувство сдвига ощущалось уже на предшествовавших съездах, но тринадцатый съезд проходил в атмосфере особо напряженного ожидания, под знаком развертывающихся в России событий.

Общая тема съезда — «В чем та сила, которая может спасти Россию» — звучала как остро актуальная, мало того — требующая от всех участников активного и сосредоточенного внимания. Тема съезда как бы лично обращалась к каждому из участников, и одновременно она была обращена к России, во всем многообразии происходящего. Тема съезда была стремлением как-то мысленно заглянуть в будущее. Вопрос, поставленный на съезде, одновременно личный и общественный. Но общественным он становится лишь после того, когда каждый из участников внутренне переживет его для себя и как-то на него ответит. Ведь и смысл, и сила, и облик нашего будущего прежде всего

[1] Русское возрождение. 1989. III–IV. № 47/48. С. 202–208.

зависит от обновления нашего внутреннего бытия, от осознания своего места в тех процессах, которые происходят сейчас в религиозной жизни России. Он состоит в желании и умении осознать их на фоне общемировой ситуации сегодняшнего дня. Неважно ведь, что мы физически отделены от России, — смысл съезда состоял в остром переживании духовного с ней единства. Сегодняшний исторический момент требует от нас как бы внутреннего расширения, выхода за пределы сложившихся представлений и устоявшихся годами привычек. На съезде остро ощущалось желание преодолеть свою обособленность, ощутить общность с другими православными людьми, вместе с ними стать частью процесса обновления. Сила, которая может спасти Россию, есть не только помощь Божия, но и ответное, целеустремленное движение людей к преодолению духовной спячки. Воля к преображению должна стать личной волей каждого из нас — как в России, так и в нашем зарубежье. Чувстве плеча и чувство ответ-ственности за себя и за других есть уже колоссальная сила. Сила внутренней работы, сосредоточенное внутреннее делание и может способствовать тому обновлению, которое так необходимо России и всему миру. Если надеемся и верим, что сейчас в России начался процесс религиозного обновления, то должны и в себе пережить соответствующие процессы.

Это переживалось всеми, и поэтому на съезде было так сильно ощущение непосредственной близости к России — участники съезда имели возможность как бы заглянуть в нее. Этому, между прочим, способствовали видеофильмы. Были показаны: «Спаси и сохрани» — фильм о жертвенном служении молодого священника в одной из вымирающих сейчас деревень Севера России; «Сон совести» — о преследовании Церкви и о нравственных проблемах сегодняшнего дня, являющихся результатом этого; «Достойны ли мы своих наследий?» — о празднике в Новгороде, посвященном тысячелетнему пути великого русского народа по дорогам истории (закончился фильм выступлением В. Г. Распутина, который сказал: «Сейчас мы ищем только способы жизни и отказываемся от поисков смысла жизни... Где наши идеалы? И где искать эти идеалы? Вот это, наверное, важно... Будем искать не только земности, но и небесности своей... Память наша может подхватиться мыслью, а мысль может подхватиться действием — значит, мы живы»); интервью Д. Васильева, представителя общества «Память», польскому телевидению (17.03.89) и «Я вспоминаю» — мемуарно-биографический фильм, посвященный академику Д. С. Лихачеву с его участием.

Работа съезда проходила по ставшей уже традиционной программе, в которой одно из центральных мест занимало участие в монастырских богослужениях. В восемь часов вечера, в пятницу, съезд открылся молебном. После этого был просмотрен первый фильм. В субботу, после литургии, настоятель Свято-Троицкой обители, архиепископ Лавр, обратился к съезду с приветственным словом.

Субботняя программа началась интересным докладом д-ра медицины А. И. Холодного о современных научных теориях относительно возникновения и строения космоса. Д-р Холодный затронул вопрос об осмыслении современных научных открытий с точки зрения православного миропонимания. Вопрос этот очень интересен и важен, его постановка — крайне своевременна. Можно надеяться, что проблемы, связанные с темой д-ра Холодного получат и дальнейшую разработку.

Музыковед Н. Ю. Шидловский в своем докладе «Русское богослужебное пение на распутьях XX века», подвел итоги изучения русской церковной музыки и говорил о необходимости возвращения в этой области к русской церковной старине—строго каноническим формам церковного пения и отходу от позднейших наслоений XVIII–XIX веков. В наше время возрождается интерес к русскому церковному пению, как в России, так и за ее пределами. Этот факт важен не только в чисто духовном отношении, но и как неотъемлемая часть русского музыковедения и русской культуры в целом. Возвращение к строго каноническим формам — часть общего одухотворения жизни, преодоления бытовых привычек и рутин.

Проф. Н. П. Полторацкий прочитал доклад на тему «И. А. Ильин об условиях возрождения России». Проф. Полторацкий, выдающийся специалист в области русской духовной культуры, много времени отдающий изучению наследия И. А. Ильина. В своем докладе он, между прочим, выделил необходимость выработки русского правосознания и четких юридических норм в государственной и общественной жизни. Правосознание и юриспруденция всякого государства естественно связаны с духовными, религиозными основами народной жизни. Возрождение России должно строиться в соответствии с исконными духовными ценностями русского народа.

Большой интерес присутствовавших вызвало прослушивание звуколенты с записью кантаты молодого композитора А. В. Ткачевского, посвященной тысячелетию Крещения Руси. В кантате достигнуто оригинальное сочетание традиционных и новаторских музыкальных

элементов. Музыка Ткачевского составляет впечатление глубины, силы и свежести.

Л. В. Томан в докладе «Опыт служения через пение» рассказала о своих поездках в Россию с хором американской молодежи, исполнявшем духовные и светские произведения русской хоровой музыки. Повсеместно в России хор неизменно пользовался большим успехом и везде встречал радушный прием. Докладчица показала много интересных фотографий, аудитория реагировала очень оживленно.

Проф. Джон Данлоп, известный специалист по современной России, прочел информационный доклад о русском национальном движении и о положении Православной Церкви в России на сегодняшний день. Он поделился также воспоминаниями о своей последней поездке в Россию летом этого года.

Прот. о. Александр Киселев в своем выступлении («Мысли по поводу темы съезда») как бы суммировал впечатления от съезда, подчеркнув не только общую идею, всех нас объединяющую, но также и то, что значительнее всяких идей и программ, а именно общение людей, близких друг другу по духу и трепетно объединенных интересом к России и ее будущим судьбам.

Епископ Алипий прочитал очень интересный доклад о восстановлении храмов в России. Владыка особенно подробно остановился на чудодейственной силе любви и целеустремленности реставратора Александра Петровича Грекова, его жены Валентины Петровны и их сотрудников, которые в чрезвычайно трудных условиях, буквально из руин восстановили церковь Спаса Преображения на Ковалева под Новгородом.

В воскресенье участники съезда причащались. На богослужениях при участии многочисленного епископата и монастырского духовенства, народу, как обычно в такие дни, было очень много.

Председатель съезда, о. Александр Киселев, предоставил возможность приехавшим из очень далеких мест обратиться к участникам съезда со словом приветствия. Особенно пламенно и интересно говорил о судьбах России И. В. Огурцов, приехавший из Германии и привезший привет от Христианского патриотического союза в России. Также выступил К. И. Ренненкампф, прибывший из Парижа и передавший привет от юношеской организации «Витязи». Прилетевший из Аргентины С. В. Беликов сообщил о планах в 1991 году устроить там съезд русской православной молодежи. Были на съезде приехавшие из Канады, Югославии, Калифорнии и других далеких штатов Америки.

Хочется особенно отметить присутствие на съезде наших преосвященных епископов. Их присутствие и интерес, оказываемый съезду, нас всегда очень воодушевляет и радует. ВСЕХ, как приехавших на съезд издалека, так и приходящих на лекции и фильмы здесь же живущую братию и насельников монастыря, благодарим за поддержку нашего общего дела. Что уж и говорить о тех, которые приехали не только насладиться всем происходящим, но, «засучив рукава», работали и помогали, и тех, которые заранее об этом договорились, и тех, которые прямо на месте, видя в этом нужду, не заставляли себя просить помочь. Особенно благодарим владыку архиепископа Лавра за оказанное нам гостеприимство в столь всеми нами почитаемом и любимом Свято-Троицком монастыре.

2 сентября на имя о. Александра была получена приветственная телеграмма из России следующего содержания:

«Сердечно приветствуем Съезд Православной Общественности. Желаем плодотворной работы на благо России.

Христианский Патриотический Союз — Осипов, Лызлов, Залесский, Андреев, Садовников, Филюшкина, Конкин, Платонов, Ильяков, Калиничев, Лебедев».

Все годы своей жизни в США молодой семинарист Ярослав Беликов принимал деятельное участие в наших съездах — помогал по устройству их, выступал в прениях, в 1987 году прочел доклад на тему «Покаяние в ветхозаветной древности как прообраз нашего возрождения», а в прошлом году взял на себя ответственное и очень нелегкое дело заведовать прокормлением участников съезда. В этом году он уже прилетел из Калифорнии, опять взял на себя хозяйственную ответственность, но, будучи теперь уже отцом Ярославом, служил и молебен по окончании съезда. Молодого батюшку поздравляем с принятием священного сана, желаем ему и матушке Лариссе доброй жизни, благодарим за участие в деле съездов и надеемся, что в будущем году увидим их опять.

Нам кажется, что, помимо интересных докладов, фильмов и дискуссий, тринадцатый съезд был интересен прежде всего тем, что он был тем, что уже в течение тринадцати лет русские православные люди собираются, чтобы поговорить о Православии и России. И, как и в прошлом году, собираются они в монастыре, как бы отрешаясь на эти дни от быта, выбывая из обычной колеи и сутолоки. Съезд оставил впечатление остроты, горения и целеустремленной сосредоточенности. Большое спасибо всем организаторам съезда!

Олег Ильинский

Слово на съезде[1]

Мы собрались сегодня, чтобы утвердить себя в ответе на вопрос: «В чем та сила, которая может спасти Россию?»

Может показаться странным, что съезд ПРАВОСЛАВНОЙ общественности ставит такой вопрос. Ведь ответ совершенно ясен — конечно, только Бог!

Но позвольте отступить немного «в глубину веков» и рассказать вам некий поучительный случай. В прошлом жил на Аляске преподобный валаамский старец Герман. Однажды туда пришел русский корабль. Несколько молодых офицеров с корабля посетили старца. В разговоре с ними он спросил, кого они больше всего любят. Они ответили, что, конечно, Господа Бога. «А я, грешный, — сказал святой старец, — всю жизнь стараюсь полюбить Господа больше всего и не могу».

Теперь обратимся к более близким временам. В предреволюционную эпоху лучшие из наших дедов внимательно всматривались в жизнь России, в ее будущее. В специально изданном журнале «Вехи» (1909 г.) они выразили свою крайнюю тревогу, которую можно передать таким отрывком фразы: *«Если* русское общество *еще живо* (выделено мной. — *о. А. К.*) и жизнеспособно...». Подумайте: если еще живо!! Когда подобное сомнение может возникнуть в сознании выдающихся людей нации, то положение в стране нельзя не считать аварийным...

С тех пор прошло 70 страшных лет и в 1974 году под редакцией Солженицына издается новый сборник статей, написанных в Советском Союзе и изданный в Париже. И там тот же вопрос: «Возникает сомнение, которое жутко высказать: *жива ли* (выделено мной. — *о. А. К.*) еще Россия?»

Понимаем ли мы весь ужас таких сомнений?! Понимаем ли, что это сигналы бедствия, катастрофы, грозящей уничтожением нации?! А мы? Мы выжидаем...Не верьте, говорят, может быть, это все обман? Может, говорят, не Россия гибнет, а русский коммунизм, тогда туда ему и дорога! Не надо, говорят, торопиться, подождем, посмотрим, кто выживет, тогда и узнаем.

Такова эта наша бездумность, безответственность, безынициативность, несмотря на то что уже с начала нашего века гудит набат, что Россия нужна, как воздух нужна «...церковная интеллигенция, кото-

[1] Текст звукозаписи (Русское возрождение. 1989. (III–IV). № 47/48. С. 202–208).

рая подлинное Христианство соединила бы с подлинно просвещенным и ясным пониманием культурных и исторических задач, и что, если бы такая народилась...» Вот мы целый век и прождали, что народится. Где она, народившаяся?

Мне скажут — а миллионы мучеников за Христа?!

Тогда придется спросить — а миллионы и миллионы безверных, бесхребетных, звероподобных, малодушных, безыдейных, развратников, пьяниц и т.п.?!

Солженицын писал: «*Даль определял интеллигенцию как "образованную, умственно развитую часть жителей"*», но тут же вдумчиво отмечал, что «*...для нравственного образования у нас нет слова. Нет для такого просвещения, которое образует и ум и сердце* (выделено мной. — *о. А. К.*). Почему же нет?

Не потому ли, что мало было в нем заинтересованных?

Однако считать, что такого слова, такого понятия у нас вообще нет, не совсем верно. Об этом много говорил наш выдающийся мыслитель Н. Ф. Федоров, назвав недостающее слово «супра-моризмом». «Супра-моризм» — это единство трех начал: этика (т.е. мораль), эстетика (та красота, о которой говорил Достоевский) и разум (о котором в молитве на Рождество Христово сказано: воссиял миру свет разума). Это и есть то «просвещение, которое образует и ум, и сердце». Другими словами можно сказать, что *полнота* понимания православия неотделима от ясного понимания моральных и культурных ценностей.

Чтобы еще понятнее выразить выше сказанное, просто зададим себе вопрос: Может ли священник быть бесчестным, идущим на компромисс с совестью? А мирянин? А может быть морально шаткой христианка? А христианин? А девушка?

Итак, все вышесказанное говорит, что дорога к спасению России лежит через правильно понятое и осуществляемое нами православие. Такое православие, которое объемлет все формы жизни и все человеческое поведение сублимирует — поднимает на предельную высоту возможного.

Ответ на вопрос, которому посвящен наш настоящий съезд, действительно может быть только один:

Да, Господь, и только Господь, спасет Россию!

Но Господь спасет ее для сынов, для делателей правды, а не для человеконенавистников. Для тех, которые борются за, во Христе, моральные начала жизни. Для тех, для кого огненные слова стихотворе-

ния Максимилиана Волошина «Заклятие» не только поэзия, но и реальность. Вот это стихотворение:

Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгущих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

Наше отношение к прочитанному, наш ответ на него должен быть выражен словами того же Волошина:

Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи, — вот плоть моя!

Митрополит Анастасий, выдающийся иерарх, бывший глава русской Церкви Зарубежом, выросший в эпоху предреволюционного разложения, по окончании Второй мировой войны сказал: «Народ, который среди своих страданий не угосил своего светильника и сохранил свои лучшие чаяния, обращенные в вечность, не погиб. Он жив и достоин того, чтобы жить».

В сборнике «Из-под глыб» есть слова, исполненные великой радости, надежды и утешения. Но в них же звучит и обращенный к каждому из нас вопрос:

«Когда Родимую распяли, что делал ты, где был?» Слова, которые сейчас услышим, это слова нашей надежды и веры, звучавшие и из-под глыб нашего великого разорения. Вот они: «...бояться за Россию в последнем и единственно важном, окончательном смысле нам не следует, ибо Россия спасена Богородичною силою»!

Протопр. Александр Киселев

Сороколетие Свято-Серафимовского фонда[1]

...Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри — тот потеряет ее вместе с жизнью.

Марина Цветаева

Сороколетие Св. Серафимовского фонда мы считаем от его возникновения в Нью-Йорке в 1950 году, хотя следовало бы считать год обретения (нахождения) иконы преподобного Серафима в 1945 году в Мюнхене (Германия) в доме «Милосердный Самарянин».

Почему эти две организации, возникшие в разных частях света и носящие разные названия, могут иметь общее начало в 1945 году? Общим их корнем является небольшая икона прп. Серафима Саровского Чудотворца, найденная нами в Мюнхене в бывшем партийном гитлеровском доме. Нахождение ее было воспринято нами как знак, как чудо, как благословение преподобного Серафима на то, что мы намеревались делать.

Вот описание этого события, взятое из брошюры, посвященной десятилетию храма прп. Серафима в Нью-Йорке.

Из моих воспоминаний[2]

Был 1945 год. Бавария-Мюнхен был центром, куда сбежались русские люди, спасаясь от советских репатриационных комиссий. В то время мы, бывшие советские граждане, были в положении негров во времена «дяди Тома». Нам трудно было найти защиту даже у американских властей, недоумевавших, почему русские, особенно власовцы, не хотят ехать домой, предпочитая лучше умереть в чужом краю.

Все мы были бездомные, несчастные и искали утешения в слове Божьем. На помощь нам в деле утешения от всех невзгод и лишений стала выделяться личность о. Александра Киселева. Он бегал по всем американским учреждениям. Иногда он ставил меня в очередь перед одним учреждением, а сам бежал и становился в очередь перед дру-

[1] Статья подготовлена М. А. Холодной, дочерью о. Александра Киселева, по материалам воспоминаний Софии Стрельниковой, из брошюры, посвященной десятилетию храма прп. Серафима Саровского в Нью-Йорке, освященного 11 апреля 1965 г., и более позднего воспоминания автора статьи (Русское возрождение. 1990. № 50. С. 74–105).

[2] Воспоминания Софии Стрельниковой (см. ссылку 1).

гим. Так ему удалось выхлопотать разрешение на получение в свое распоряжение одного полуразбитого бомбами здания, в котором недавно помещался штаб эсэсовцев. В этом здании о. Александр решил основать церковь, гимназию, общежитие и дешевую столовую. Нужно было найти наших людей, которые бы согласились вычистить это здание и помочь его исправить и сделать годным для вышеозначенных целей.

В числе чистильщиц нижнего этажа была я и еще одна молодая женщина, по имени Валя. Мы с ней работали рядом, очищая пол от массы разбросанных бумаг, обильно политых дождевой водой, так как крыша, потолки и окна были разбиты, и дождь свободно проникал во все этажи.

Однажды, поворачивая лопатами липкую массу мокрых бумаг, мы с Валей заметили между этими бумагами образок Св. Серафима Саровского. Он тоже был покрыт грязной влагой и к нему прилипли куски бумаги. Мы были очень удивлены этой находкой в таком месте. Побежали с этим образком разыскивать о. Александра. Нашли его наверху, где он с другими мужчинами прилаживал бревна для крыши. Отец Александр увидел в этом предзнаменование. Он взял иконку, вымыл ее и послал собрать всех остальных ра-ботающих в доме. Отслужили молебен пред этой иконкой и решили основать церковь имени этого святого.

Скоро здание было приведено в порядок и в нем основана церковь. На литургии, когда о. Александр поминал о здравии, он поминал и наши с Валей имена. Мы были благодарны Богу и радовались, чувствуя себя виновницами вышеописанного случая.

Из Мюнхена икону перевезли в эту церковь, в Америку, где она сейчас и находится.

Пусть же Бог благословит это дело и его основателя на многая лета!

* * *

Св. Серафимовский фонд был основан в 1950 году[1]. Его название связано с событием, происшедшим в 1945 г. в Германии. На пожарищах Второй мировой войны в Мюнхене был создан дом «Милосердный Самарянин». В этом полуразрушенном здании, где началась наша деятельность, был найден образок Преподобного Серафима Саровского. Икона впоследствии была перевезена в Нью-Йорк. В память

[1] Воспоминания М. А. Холодной.

этого события и в знак как бы продолжения той же помощи русским на чужбине и был основан Свято-Серафимовский фонд.

«Как-то на одном русском общественном собрании, — сказал отец Александр Киселев, — я познакомился с д-ром Валентиной Павловной Вассон; она показалась мне глубоким и внимательным человеком, и я решил привлечь именно ее к осуществлению моей идеи — созданию общества духовной помощи тем русским людям, которые в эти годы в очень большом количестве эмигрировали в Америку». Впечатление не обмануло о. Александра. Д-р Вассон не только оказалась способной загореться желанием послужить делу помощи, но и сумела из обширного круга своих знакомых привлечь нужных людей.

Осенью 1950 г. фонд был заинкорпорирован и получил все права для ведения общественной работы. Первые шаги были направлены на религиозно-просветительную деятельность среди студенческой молодежи. Собирались в маленькой квартирке Киселевых, слушали доклады, горячо дискутировали. Начатое дело ширилось, захватывало новых людей. Были проведены первые встречи молодежи в гор. Наяке у Лопухиных и в Сиклифе у о. Алексея Ионова. Потом были устроены первые летние съезды Русского студенческого христианского движения (в Вайтстоне, Сиклифе и на Френч Фарме) под Нью-Йорком.

Сейчас даже не верится, что 40 лет тому назад можно было собрать на подобные встречи до 200 русских студентов. Работа развивалась. Встречи-съезды устраивались в Бостоне, Вашингтоне, Чикаго и впоследствии даже в Калифорнии. Издавался свой постоянный бюллетень. Из Европы приезжали гости-лекторы.

В 1951 году удается получить постоянное помещение для нашей деятельности в Епископальном церковном доме на 99-й улице, около Бродвея. Там нам суждено было прожить 14 лет. Постоянное помещение раздвигает рамки нашей работы: создается русская школа, в которой число учащихся впоследствии достигло 90 человек, курсы Закона Божьего, русского языка, литературы и истории для молодежи гимназического возраста (они даже издавали на ротаторе свой журнал «Рассвет»), оркестр струнных инструментов (под руководством Максима Максимовича), театральные группы (которыми руководили Л. И. Габовский и Т. А. Ливицкая) и многое другое.

Летом 1950 и 1951 гг. на берегу моря в Сиклифе арендуется дачка, которая вмещает больше молодежи, чем это возможно по законам человеческого естества. Бедно там было, набиты были, как сельди в боч-

ке, но было полезно и хорошо для души. Летом 1952 г. нанимается уже большая дача, недалеко от Толстовской фермы, где впервые создается подобие детского лагеря.

В 1953 г. происходит долгожданное событие — нам удается приобрести собственное поместье «Аккорд». Тут необходимо упомянуть, кому мы обязаны такой возможностью. Ныне покойный Р. Р. Банг из скудных своих средств и несмотря на то что сам уже был болен, дает нам заимообразно пятнадцать тысяч долларов на эту покупку. С этого момента начинается 17-летний период очень интенсивной деятельности, связанной с освоением и приспособлением для наших целей этого чудного места, лежащего в 90 милях на север от Нью-Йорка, и лагерной работы в нем. «Аккорд» — это целое поместье (50 акров земли) с церковью, лесом, полями, большим бассейном для плавания, спортивными площадками, сараем, превращенным в настоящий театр, библиотекой... словом, когда это место летом наполнялось людьми, то оно превращалось в целый городок. Но не так выглядело это место, когда мы его купили. Туда много вложено денег и еще больше труда и жертвенной любви. Работали мы все, «осваивая» «Аккорд», особенно молодежь, с восторгом. Сколько было вложено труда — перечесть нельзя. Сколько удовлетворения дал нам этот труд — тоже не поддается учету. Чистили, вырубали, выжигали. Сколько камня перевозили, чтобы создать цементный пол в огромном сарае, ставшем театром, сколько вырыли канав и построили спортивных площадок! На этих площадках и спортивном поле не только играли сами, но там устраивали волейбольные состязания, на которые приезжали команды и зрители из разных городов. Душой этих состязаний были: Алеша Киселев, Миша Лопухин, Олег Шаповалов.

Было много труда, дававшего радость. Были трудности, но и большие радости. Достаточно вспомнить ликование всех от мала до велика, когда «Аккорд» обогатился большим бассейном, пригодным даже для состязания в плавании.

Таким было это место, служившее русскому делу 17 лет, в течение которых родились и пришли в лагерь дети тех, кто его строил. Этому времени посвящено стихотворение поэтессы Ольги Николаевны Анстей.

Строительство серафимовскои веси[1]

Когда чужбинную возделывает новь
Не честолюбье, не самоуслада,
А к юной поросли людского сада
Суровая и зоркая любовь,
Когда строитель воздвигает град
Не ради славы и не для покою –
То явственно нам камни говорят,
Что водит Бог сей строящей рукою.

Своего расцвета лагерь достигает к 1962 г., когда число детей, перебывавших за лето в лагере достигло 282 человек. Но, конечно, не количество определяет качество лагерной жизни, а то духовное обогащение, которое дети выносят из лагеря. Особенно много сделал для педагогической работы в лагере Володя Одайник, самый вдумчивый из лагерных руководителей. В лагерной жизни очень многое зависит от состава руководителей. Именно в этой области работа в американских условиях очень затрудняется тем, что все, не исключая и гимназической молодежи, устремляются на летние заработки. Это положение явилось главным препятствием в подготовке новых кадров молодых руководителей. Несмотря на то что мы годами работали, мы не смогли, за очень малым исключением, вырастить и обучить себе смену. Однако мы бились и не без успеха: воздействие доброй среды более старших хорошо влияло на младших. Создавалась тяга к добру и совести, к сохранению своей веры, родного языка. Наблюдая жизнь детей в лагере, поэтесса Лидия Алексеева написала стихотворение:

Облака плывут спокойно,
Свежий ветер стих в кустах,
Высоко на мачте стройной
Чуть струится русский флаг.
И его ручей трехцветный
Стянут накрепко крестом
И растет под ним заветный
Нашей смены новый дом.

В те годы, первые годы эмиграции в Америке, почти для всех был труден материальный вопрос. Возможность получить стипендию для

[1] Воспоминания М. А. Холодной.

детей, т. е. быть принятым в лагерь со скидкой уже дешевой платы или быть принятым совсем даром, был очень важный вопрос для многих.

За первые десять лет работы лагеря более 400 детей получили стипендию, на что было потрачено фондом приблизительно 40 тыс. долл.

Чтобы иметь возможность оказывать такую помощь, мы обращались к русской и американской общественности, от которой встречали неизменно теплый отклик. Особо большая денежная поддержка исходила от благотворительных начинаний, для успеха которых многие и много трудились; главным образом, это были: В. П. Вассон, Б. В. и Г. Б. Сергиевские, князь А. П. и княгиня Е. Г. Оболенские, А. Б. Миллер, Т. В. Хеккер, А. Л. Паркинсон. Но какой статистикой можно передать то горячее биение человеческого сердца, движимого любовью, желанием делать общее дело для общей пользы! Много такой любви проливалось в «Аккорде», потому и много добрых дней знало это место. Разве можно упомнить всех потрудившихся на протяжении семнадцати лет! А если и можно, то не хватит места. Каждый, кто что-то сделал в «Аккорде», уже получил награду свою от того внутреннего удовлетворения, которое в связи с этим пережил. Вспомнить всех, кого сможем, хотим не ради награды или похвалы, а ради того, чтобы подтвердить, что многие тогда в «Аккорде» вкусили радость служения, созидания, отдачи своего ради общего. Как не вспомнить добром Антонину Владимировну, годы кормившую нас, большую труженицу, а К. Л. Батаровича, мужа ее, который последние годы целиком отдал «благоукрашению» «Аккорда». Но «Аккорд» был и до них. Матушка Тамара Лукканен одна из первых налаживала там хозяйство. Сколько сделали Черноморские, а Струков с женой и тещей, а Варвара Евлампиевна — талантливый администратор, а матушка Киселева — что обходилось без ее жертвенного участия? Л. И. Козякина, а супруги Жибер, приезжавшие из Калифорнии, чтобы «поработать» в «Аккорде». Безотказная А. И. Шмигельская, Наумовы, Пругло, Анстей, Нозарец, Обе, супруги Б. М. и М. В. Ледковские, супруги М. К. и Г. Н. Клуге, а старые друзья — «матушка Марита» Гизетти, или Оля Раевская, приезжавшие из Калифорнии, и еще, и еще, все те, кто жили большой жертвенной семьей, чтобы согреть и согреться у живого огня общей творческой жизни. Об этом ощущении хорошо написали супруги Жибер: «Каждый раз, уезжая отсюда, увозишь запас душевного тепла и добра».

При лагере сдавались комнаты, был пансион для отдыхающих, которые в той или иной мере тоже постепенно входили в круг общих ин-

тересов и жили общей жизнью. Для отдыхающих взрослых приезжали артисты из Нью-Йорка, были спектакли и хорошие концерты.

Годы 1955 и 1956 ознаменовались постройкой церкви по проекту архитектора А. А. Нератова.

До того богослужения совершались по-походному. Красиво поставленная церковь стала украшением «Аккорда». Строила церковь исключительно молодежь — как наша, так и гости-студенты из студенческой христианской федерации. Когда храм был построен и епископ Андрей приехал его освятить, это событие выросло в большое торжество, в котором приняли участие не только свои, но и широкая местная публика округа. Это событие хорошо описала А. В. Тыркова-Вилльямс: «Еще одной русской церковью стало больше в США... из темной палатки, где пока помещалась церковь Св. Серафимовского лагеря, вышли три девочки в синих юбках и белых блузах. Прижимаясь друг к другу, сбиваясь с шага, волнуясь, смущаясь важностью своих обязанностей, открыли они крестный ход, держа в руках маленькие иконки, обвитые зеленью. Они старались не отстать от подростка, который нес впереди них крест из жердей, тоже увитый зелеными ветками. Вслед за ними шел детский хор, шло духовенство во главе с епископом Андреем Болгарским — православное, старокатолическое, епископальное, протестантское... Двигались они вдоль опушки леса к площадке, уже подготовленной для постройки церкви. Она строится на верху пригорка, откуда открывается красота Божьего Мира...»

Но вот церковь построена, и поэтесса Лидия Алексеева делится своими переживаниями около нее.

На холме у церкви, на рассвете
Просидеть блаженных полчаса...
Иногда чудесно жить на свете —
Этот щебет, холодок, роса...
За горою рденье огневое,
Миг — и солнца золотой поток,
И тепло, прозрачное, живое,
Божьей лаской — греющее лоб;
И дымок от сохнущей скамейки,
И росой тяжелая трава,
И со сна, и трепетны, и клейки,
Молодых березок кружева...
В лагере в лесу проснулись дети —

Утренние звонки голоса,
На холме у церкви на рассвете,
Как молитва эти полчаса.

Исключительно напряженная работа, которой только и можно было добиться успехов в «Аккорде», подорвала силы отца Александра, главного вдохновителя и работника. Он заболел и по выздоровлении уже не возвращался к непосредственной работе директора лагеря.

Вернемся к тому, что происходило в Нью-Йорке во время так называемой «зимней работы».

Наряду с той бурной деятельностью молодежи, которой ознаменовалось наше водворение в епископальном доме на 99-й улице, там же стал создаваться наш молитвенный центр — устраиваться домовый храм во имя Преподобного Серафима. Иконка, которая в свое время была найдена нами в Мюнхене, стала естественным центром нового храма. Фонд оплачивал расходы, связанные с устройством храма. Отец Александр дал много икон, сосуды, облачения. У нас получилось не совсем обычно. Не образовавшийся приход строил себе церковь, а возле строящейся церкви стал образовываться приход. Самым ценным вкладом нужно считать создание исключительного иконостаса группой иконописцев во главе с А. А. Нератовым. В эту группу входили и безвозмездно работали: Р. И. Нератова, Н. С. Николенко, К. А. Булит, М. Булеев и А. Никитин.

В этом же епископальном доме был большой театральный зал, вмещавший до 400 человек. Все больше и больше пользуясь этим залом, мы постепенно «овладели» им, превратив его в зал имени А. С. Пушкина.

В этом зале было посвящено много вечеров славным событиям из русского прошлого. Делалось это так хорошо, что служило к чести современного русского имени в Америке. Отмечалось 600-летие Андрея Рублева — гения русской иконописи, творчество Ф. И. Шаляпина, Анны Павловой, тут впервые читалась поэма Максимилиана Волошина «Св. Серафим»...

Сцена украшалась декорациями работ Добужинского, Дункеля, Одинокого... Тут ставились: «Синяя птица», «Конец Горбунок», «Барышня-крестьянка», «Капитанская дочка» и т.д. многими режиссерами, но главным образом талантливой И. С. Федотовой... Вечера русского народного творчества. Старинные кадрили, хороводы, русская народная песня в исполнении молодежи, выученной В. М. Королевой. Перечисленное является только частью обширной деятельности тех лет.

Нужно вспомнить добрым словом и те наши «вечера», которые совмещали концертную программу, буфет и танцы с духом семейности и уюта. Они не были «бескорыстными», но стремились денежно поддерживать и новый храм и вышеизложенную деятельность. Начала устраивать «вечера» А. В. Тыркова-Вилльямс, а с ее отъездом продолжала их княгиня М. Н. Трубецкая.

На всевозможных концертах, вечерах, спектаклях, фестивалях, как в зале имени Пушкина, так и позднее в зале имени Рахманинова, сколько у нас перебывало артистов, музыкантов, певцов, начиная с всемирно известного Николая Гедда.

В 1955 г. по болезни ушел со своего поста первый председатель Фонда проф. М. М. Карпович, который своим авторитетом много сделал для начинающейся работы Фонда. Был избран новый председатель капитан Б. В. Сергиевский. В прошлом герой — военный летчик, известный общественный деятель и русский патриот, Б. В. Сергиевский оказал огромную помощь нашему Фонду.

В конце 50-х годов приютившие нас епископалы все чаще стали напоминать, что гостеприимство не может продолжаться бесконечно, и, наконец, в 1963 году нам предложили освободить помещение. Хотя мы этого ожидали, но все же это было для нас страшным событием. Где в переполненном Нью-Йорке найти обширное и дешевое помещение? Где найти подходящий для покупки дом, а если и найти, то как его купить, если у нас имеется не более чем 10-я часть того, что он может стоить? События начали развиваться стремительно. Очень многие проявили трогательную заботливость и большую жертвенность. Результат трудов сказывался, необходимые средства росли. Но как бы мы, рядовые люди, не напрягали свои силы, нам никогда не удалось бы собрать нужную сумму. Дело решила помощь супругов Сергиевских. Дом, находящийся в нескольких кварталах от Колумбийского университета, был куплен! Началась его капитальная перестройка. Когда работа была в своем разгаре, выяснилось, что ее стоимость превышает смету на десять тысяч долларов. Положение стало катастрофическим. Все наши источники помощи были исчерпаны до конца. Мы оказались в безвыходном положении. Встали перед объявлением банкротства начатого большого общественного дела. Эту надвигающуюся катастрофу горестно переживал о. Александр и ближайшие его помощники, знавшие положение дела. И здесь вновь пришла помощь от Сергиевских — дело было спасено и доведено до конца.

В ознаменование этого при входе в дом укреплена мраморная доска, на которой золотыми буквами написано:

1965 ЭТОТ ДОМ СОЗДАН ПОПЕЧЕНИЕМ,
Б. Б. и Г Б. СЕРГИЕВСКИХ,
МНОГИХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ
И ИХ ДРУЗЕЙ

Хочется особенно подчеркнуть трогательную помощь самых наилучших из нас. Не только тех, которые приносили свои доллары буквально из последнего, но и тех, которые, как муравьи, несли в дом все, что только могли достать для убранства храма и дома, их имена знает Тот, Кто вдохновляет сердца людей.

Дом, купленный в 1964 году, в 1965 г. уже полностью был закончен! 11-го апреля — полное освящение храма, 5-го декабря — торжественное открытие дома, 11-го декабря — открытие зала имени С. В. Рахманинова.

Правильно будет сказать, что это было совершеннолетие нашего Фонда, он вырос в прочную русскую общественную организацию. Здесь уместно вспомнить, как Фонд определял свои задачи. «Наша задача, как свободной части русского народа, заключается в том, чтобы действительно, по удачной формулировке проф. Н. А. Ульянова, быть Россией за пределами

России! Пусть же этот наш дом будет подворием гонимых на родине верующих людей, пусть будет он посольством, порабощенного русского народа!» (из речи о. Александра Киселева на открытии дома).

Нужно сказать несколько слов специально о зале имени Рахманинова. Этот небольшой (100 кресел), но с большим вкусом, по проекту архитектора Нератова отделанный зал стал центром русской культурной жизни в Нью-Йорке. В нем ежевоскресно и чаще происходят лекции, концерты, разные собрания. Зал не только заполняется деятельностью самого Фонда, в нем проводятся собрания и другими русскими организациями, как например: русская академическая группа, литературный Фонд, Общество друзей русской культуры и др.

Наряду с публичными лекциями у нас происходят иногда встречи различных групп русской интеллигенции по признаку объединяющего их интереса. Такие встречи бывают иногда очень удачными и много дающими для осознания единства целей русских людей, живущих, к сожалению, часто разобщенной жизнью. Бывают встречи специально

для студентов. Устраиваются циклы лекций или семинары, посвященные одной теме.

В течение двух с половиной лет из церкви Преподобного Серафима передавалась по радио в Советскую Россию воскресная Литургия. Передавались не песнопения, записанные в студии, а передавалась сама молитва людей, облеченная в слова литургического текста, молитва собравшихся на эту специально совершаемую Литургию, чтобы молиться за страждущую родину, чтобы передать эту молитву «туда».

Эту особо важную деятельность осуществлял специальный комитет радиопередач Божественной Литургии в Россию. Членами комитета были: А. С. Кочубей, И. Г. Кононенко, А. А. Киселев, А. Б. Ледковский, Р. В. Сорокин, Т. С. Сорокина, Е. С. Трубецкой, Е. С. Трубецкая, М. А. Холодная.

В доме была библиотека-читальня и начато собственное, пускай скромное по объему, но нужное дело — книгоиздательство. Оно было названо «Путь жизни» в память существовавшего до 1935 года в городе Печеры (Эстония) издательства крестьянской православной молодежи, эмблемой которого была раскрытая книга с поставленной на ней маленькой псковской церквушкой[1].

В каталоге издательства сказано:

«Своей задачей Издательство ставит говорить о высоких вещах на доступном широкому читателю языке.

Издательство не преследует коммерческих целей и заинтересовано в продаже лишь такого количества книг, которого достаточно для покрытия расходов по изданию. Остальную часть книг мы отдаем для бесплатной передачи людям в России.

Мы абсолютно независимы, как в моральном, так и в материальном смысле и работаем ради славы Православия и русской культуры, во благо духовного обновления русских людей.

СОДЕЙСТВУЙТЕ ПЕЧАТНОМУ ПРАВОСЛАВНОМУ РУССКОМУ СЛОВУ!
СПОСОБСТВУЙТЕ ТОМУ, ЧТОБЫ ЭТИ КНИГИ ПОПАДАЛИ В РУКИ РУССКИХ ЛЮДЕЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ!

[1] Подробнее об этом см.: *Александр Киселев, прот.* Завершительный шаг. Из истории русского христианского крестьянского движения (1932–1939) (Русское возрождение. 1984. № 26).

Чеки просим адресовать:

Put'zhizni
St. Seraphim Foundation, Inc.
322 W 108 St. New York, N.Y.
10025 USA»

Последние годы главным делом Свято-Серафимовского фонда следует считать:

1. Журнал «Русское возрождение», основанный в 1978 году. Издание журнала — дело сложное, а браться за него приходилось людям, не имеющим соответственного опыта. Мы не рисковали обойтись без опытного редактора и приглашали людей, знающих дело, но не полностью отвечающих тому духу, в котором, по нашему убеждению, должен был развиваться журнал. Только спустя несколько лет мы смогли стать на свои ноги, имея редактором М. А. К.-Холодную и редакционную коллегию в лице К. И. Киселевой, О. П. Ильинского, З. В. Трифунович (секретарь редакции), Ю. В. Изместьева и Н. Н. Озерова.

Все двенадцать лет своего существования журнал в каждом номере публикует одно и то же изложение своих задач:

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа.

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Все, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры

и Церкви, вопросы национального бытия и все, что с ними связано и из них вытекает — входит в круг интересов журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Всю переписку, рукописи и подписную плату просим посылать по адресу издательства:

V. Rev. A. Kiselev Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.
322 West 108th Street
New York, N.Y. 10025 USA
Tel.: (212) 663-9093

2. Съезды православной русской общественности, начавшие собираться с осени 1977 года.

С тех пор каждый год, в разных местах, но всегда на первой неделе сентября, мы собираемся на съезды.

В этом году он состоялся с 31 августа по 3 сентября в Свято-Троицком монастыре. В сущности своей — и цель, которую преследуют Съезды, и общий порядок их проведения не изменились за эти годы. Они стремятся «положить начало такому единению, создать круг людей не только единомышленных, но и направляющих свои действия, молитву и сердечное влечение к единственной цели: служить русскому православию и русскому народу — к этому делу и призвана наша нынешняя встреча».

Общей темой первого съезда была: «Современная русская действительность и идеалы Св. Руси, или Современность и вечные ценности». Съезд продолжался три дня, во время которых было заслушано 11 докладов. Каждый день начинался с ранней литургии. В последний день почти все участвующие говели и причастились Св. Христовых тайн. Съезд был первым опытом духовного подготовления к 1000-летию Крещения нашего народа, укрепления нас в лице нашей интеллигенции, в сознании нераздельности православия и культуры, в навыке церковной одухотворяющей жизни, без чего никогда не будет постро-

ена ни государственная, ни общественная, ни личная жизнь. — «Если не Господь созиждет дом, всуе трудится зиждущий» (Пс 126.1)[1]

Таковы были задачи и так к их осуществлению шел Свято-Серафимовский фонд.

Мы отмечаем сорокалетний юбилей в годы, когда наше Отечество переживает самый ответственный, самый опасный, самый тяжелый из всех бывших в его истории кризисных периодов. Все, что было раньше, то угрожало жизни, территории, имуществу — в нынешнее же время опасность грозит, вернее, не грозит, а уже находится не во вне, а внутри. Внутри не только государственной жизни, но, в той или иной мере, в жизни каждого русского человека. Никто этого сам в себе не видит, но убежден, что видит в других. Это порождает войну всех против всех — всенародное побоище.

Если 400 лет тому назад, в Смутное Время, люди говорили, что человек «измалодушествовался», то что следует сказать о русском человеке нашего времени?

Нам мало теперь только повторить словом и делом сказанное предками: «Заложим жен и детей, но спасем Отечество». Теперь надо заложить самих себя, чтобы возыметь силу противостоять злу: «Наша брань не против плоти и крови, но против... духов злобы...» (Ефес 6.12).

Мы не хотим закончить сказанным о пройденном нами пути, но и начать его продолжение словами, пришедшими к нам из России, словами, вдохновляющими наше общее будущее:

...Как попутал нас этот бес,
Что кричал о свободе, воле?
Вот и пили мы чашу слез,
Чашу горечи, чашу крови,

Да и то ли еще впереди?
Только нету сил убиваться.
Как ни трудно, а надо жить.
Так давайте сплотимся, братцы.

Песню русскую запоем,
Или Богу помолимся миром.
Это ж чудо, что мы живем,
И не молимся их кумирам.

[1] Обращение к православным русским людям (Р.В.2 1978. № 1. С. 6–8).

В здравой памяти и уме,
Мы по-прежнему русские люди.
Мы стоим на своей земле.
Наше слово — последним будет![1]

М. А. Холодная

О трехмесячном пребывании в России[2]

Вернувшись в Нью-Йорк, я узнал о распространенном пустословии в связи с моей поездкой в Россию. Это вынуждает меня сделать нижеследующее заявление:

I. Мы с женой путешествовали по России как абсолютно частные лица. Я никого и ничто там своей персоной не представлял. Несмотря на это, по прибытии в Москву, я имел честь быть приглашенным на Всероссийский Церковный Собор в качестве гостя Мо-сковской Патриархии.

Патриархия всецело заботилась в получении для нас нужного транспорта, гостиниц и всего тому подобного. В тамошних условиях и при полном отсутствии у нас опыта и знания местных условий это очень большая помощь, за которую я весьма благодарен Патриархии. Однако билеты на самолет и все наши расходы по пребыванию в России оплатил я лично сам.

II. Дом, принадлежащий Свято-Серафимовскому фонду на 108-й улице в Нью-Йорке, еще не продан. Следовательно, денег от его продажи в природе не существует. Несуществующих денег Святейшему Патриарху Московскому Алексею я не мог возить и не возил. Однако я считаю, что нам, так называемым белоэмигрантам, должно все, что можно, отдавать, собирать, посылать, продавать и на эти деньги печатать книги и всеми силами помогать восстанавливать жизнь бедствующего родного нашего народа.

III. Поручения «агитировать» переходы приходов из Русской Церкви в нашу временную ее часть, то есть зарубежную, в находящийся в эмиграции наш архиерейский Синод Владыка-Митрополит Виталий мне не давал. Повторю: такого дела — к тому же дела, не приемлемого моей совести, — Владыка-Митрополит мне не поручал.

---

[1] *Кондрашкова Галина.* Земля.

[2] Вступительные замечания, прочитанные отцом Александром перед тем, как он приступил к описанию своего путешествия (Русское возрождение. 1990. № 51. С. 5–80).

IV. Ряд последних лет я был и остаюсь клириком Русской Православной Церкви За рубежом, так же как и лояльным гражданином приютившей меня Америки.

Посчитав своим долгом сделать вышеизложенное заявление, я перейду к тому живому и радостному, что мы с женой вынесли из путешествия по родной земле. Несмотря на множество бед и скорбей, развала, разрухи и обмана, в которых еще так сильно продолжает пребывать отечество наше, несмотря на все это, мы верим, что оно восстанет, ибо жив русский человек в своей драгоценнейшей духовной сущности.

Много существует препятствий к достижению чаямого: двоевластие — столица и власть на местах, экономический тупик, сторонние влияния, беспокойное ожидание дня завтрашнего... Несмотря на все это и многое другое, мы вернулись с твердой уверенностью, что наш народ жив. Что это не какая-то там площадь на географической карте, а мой народ, моя земля, мое прошлое, настоящее и будущее. И неотступно звучат во мне слова известного героя-генерала времен Второй мировой войны, сказавшего: «Россия наша, прошлое России наше и будущее России тоже наше».

Я не сирота, и у меня есть отечество!

В русском человеке сохранилась — осознанно или столь часто неосознанно — та его исключительная духовная одаренность, особенность души, которая незнакома и даже чужда другим народам.

Сейчас в России происходит процесс раскрепощения от 70-летнего злейшего духовного крепостничества. Этот процесс требует времени и терпения. Происходит чудо: там заканчивается период советского народа, там вступает в силу осознание себя народом исконно *русский*[1].

Я хотел бы закончить это мое краткое изложение впечатлений от нашего пребывания в России словами покойного первоиерарха Русской Церкви За рубежом митрополита Анастасия, который много лет тому назад (1938 год) сказал такие пророческие слова: «Народ, который среди своих страданий не угасил своего светильника и сохранил свои лучшие чаяния, обращенные к вечности, не погиб. Он жив и достоин того, чтобы жить».

Протопр. Александр Киселев

[1] Нам в эмиграции, если мы не содействуем такому «воскресению из мертвых» нашего народа, понять происходящее просто невозможно, но не поняв его, мы теряем силу быть русскими.

Четырнадцатый съезд[1]

«Россия и мы» — под таким общим заглавием в Свято-Троицком монастыре (Джорданвилль, штат Нью-Йорк) 31 августа — 3 сентября 1990 года проходил четырнадцатый съезд православной русской общественности. Тема съезда не только давала возможность широко и свободно раскрыть проблемы, на сегодняшний день непосредственно касающиеся каждого участника. На этот раз она, кроме того, заключала в себе сильный эмоциональный заряд и влекла к осмыслению данного момента, который можно определить, как непосредственную встречу с Россией, так сказать, лицом к лицу. Этой встречи русские люди, жившие за рубежом, ждали 70 лет, и вот сегодня она совершилась, вернее, совершается, так как это — сложный процесс, который каждым из участников съезда переживается по своему. Сегодняшний исторический момент словно объединяет русских людей во всем мире. Сегодня мы ощущаем необходимость внутренне подтянуться, возможно, даже пересмотреть свою жизнь чуть ли не с самого начала и дать самим себе ответ на вопрос: «Готовы ли мы к встрече с Россией, какое содержание мы в эту встречу вкладываем?» Дело не только в том, что многие (часто впервые в жизни!) в России побывали. Те, кто в России не бывал, призван к ответу на этот вопрос, возможно, даже в большей мере. Каждый из нас сегодня внутренне — как бы на пороге России, это объединяет людей разных поколений, судеб, разного жизненного опыта. Съезд как бы придал форму этому единству — в докладах, в дискуссиях по докладам, в частных разговорах, в слайдах, фотографиях и видео физически ощущалась встреча с Россией, звучала тема «Россия и мы». За последние 70 лет, и особенно в последние годы, эта тема так или иначе все время присутствовала в нашей жизни, однако именно сейчас она приобрела новое звучание — она стала даже больше, чем окном в Россию, сама Россия как бы предстала для нас во всей своей непосредственной реальности постольку, поскольку мы в состоянии все это как-то охватить во всей сложности и глубине. Сложность сегодняшнего исторического момента и необходимость как-то эту сложность понять естественно приводили к особо оживленному обмену мнений, как по докладам, так и на общие темы, так или иначе связанные с бурными процессами, происходящими сейчас в России.

[1] Орфография текста сохранена. — *Примеч. редакции журнала* (Русское возрождение. 1990. № 51. С. 137–142).

В пятницу 31 августа, после молебна съезд открылся докладом А. Ф. Захарьина «Костер в Павловском парке» — о пребывании членов Организации российских юных разведчиков в России летом этого года.

Давно еще в Павловском парке
Ребята в разведку пошли.
Костер разожгли они яркий
Разведчиков Русской земли.

Все время пребывания за рубежом звучала эта песня среди членов ОРЮР, жила память о прошлом, о начале русского скаутизма, за все эти годы эти слова приобрели символическое значение и смотрели в будущее. И вот, наконец, символ превратился в реальность — в Павловском парке вспыхнул разведческий костер, молодежь России устроила русским разведчикам теплый прием, а цветные снимки донесли до нас непосредственное ощущение этого беспрецедентного по значению исторического момента. Вот он один из аспектов нашей встречи с Россией — единственное в своем роде переживание, ни с чем, пожалуй, в нашей жизни не сравнимое.

В субботу, после литургии участников съезда приветствовал архиепископ Лавр, настоятель Свято-Троицкого монастыря. Владыка Лавр коснулся вопроса о духовном голоде в России. В настоящее время, по его словам, издательский отдел Свято-Троицкого монастыря делает все возможное, чтобы как-то ответить на постоянные требования богослужебных книг, молитвенников и другой духовной литературы. Но возможности монастыря, естественно, ограничены. Владыка призвал всех включиться в эту необходимую акцию.

Иеродиакон о. Ефрем прочитал яркий доклад об истории Валаамского монастыря, об огромной роли, которую эта обитель сыграла не только для Русской Церкви, но и для всего православия в целом. Доклад сопровождался демонстрацией фильма.

М. Д. Дудко, студент Московской духовной академии, деятель церковной печати, сын священника о. Дмитрия Дудко, сделал очень содержательный доклад о положении церковной прессы в современной России. Докладчик является сотрудником московской газеты «Церковный вестник». Доклад М. Д. Дудко был интересен не только в информационном отношении, но и в связи с тем, что докладчик высказал ряд принципиально важных соображений, касающихся современного положения Церкви в России. Он указал, между прочим, на то

обстоятельство, что, наряду с постоянным потоком материалов, касающихся жизни Церкви и вызывающих огромный интерес читателей, современная пресса в России, действующая в совершенно новых условиях (без цензуры), публикует огромное количество низкопробного материала, рассчитанного на сенсацию и удовлетворяющего поверхностное любопытство нетребовательного читателя. Таким образом, ценные материалы церковного характера появляются, зачастую, в неподобающем контексте. Такого рода мешанина, по словам докладчика, может причинять вред делу Церкви. Такой порядок публикаций является, возможно, следствием злого умысла.

В своем докладе «К вопросу о православной традиции на фоне современного нам религиозного и культурного кризиса в Западном мире» О. П. Ильинский анализировал некоторые аспекты современного нам безрелигиозного сознания. По словам докладчика, целые области внутренней жизни человека зачастую выпадают из поля зрения современного массового интеллектуала. Однобокость и, следовательно, ущербность душевной жизни современных людей является, по словам докладчика, одной из причин опустошенности и атеизма. Помочь современному бездуховному интеллектуализму крайне трудно. Единственное, что в этой области доступно каждому из нас, православных, это преодоление кризиса изнутри, путем вдумчивой постоянной работы над собой. Частью этой работы должно быть возвращение к религиозному созерцанию. Докладчик подчеркнул важность волевого акта, решения, для религиозной жизни человека.

Г. М. Моисеев, недавно вернувшийся из поездки по России, прочитал очень интересный доклад о казачестве и о перспективах его возрождения на исконных казачьих землях. Из своей поездки докладчик вынес яркие впечатления, в частности от своих встреч с казаками. Бодрое настроение доклада передалось всем слушателям. Насыщенный ценным материалом доклад Моисеева имел большой успех.

Отец Александр Киселев, только что вернувшийся из России, где он провел три месяца, в докладе «Встреча с Россией» поделился со слушателями своими исключительными по яркости впечатлениями от поездки. О. Александр вынес из поездки чувство огромного внутреннего удовлетворения и духовной радости — Православие живет и дышит на нашей родине, несмотря на 70 лет страшных испытаний. Россия жива. О. Александру удалось донести до слушателя непосредственное, трепетное и предельно яркое чувство встречи с тем, что является основной и центральной темой нашего внутреннего бытия, —

с русским православием, в его истовой, органической и вечно живой реальности.

По дороге из Москвы на Кадетский съезд в Калифорнии нас посетил В. Н. Тростников и показал слайды, касающиеся восстановления церквей в России и религиозной жизни страны.

В последний день съезда были показаны два полученные из России очень интересные видеофильма: 1) «Сказы о Дивеевском монастыре» — воспоминание (сопровождаемые документальными фильмами тех времен) матушки Ефросинии, которой теперь за 90 лет, о разгроме Дивеевской обители в начале 20-х годов; 2) «День поминовения» — фильм о происходящем восстановлении Валаамского монастыря и раскрытии его былого духовного, культурного и исторического значения. В течение 70 лет верующий народ героически отстаивал свое право верить и жить по вере. На сегодняшний день, восстанавливая храмы и в новых условиях борясь за свободу религиозной совести, русский народ перед всем миром демонстрирует свою верность Христу и Его правде.

По установившейся традиции съездов, участники его вместе приступили к принятию Святых Христовых Тайн.

На съезде присутствовали архиепископ Лавр, епископ Иларион, епископ Константин и епископ Григорий. Все они активно участвовали в оживленных дискуссиях по докладам. Во всех случаях, когда в ходе дискуссий возникали острые проблемы, касавшиеся важных аспектов церковной жизни, архипастыри помогали верному разрешению возникавших вопросов.

Съезд закончился благодарственным молебном, после которого тут же в храме о. Александр от лица всех участников съезда глубоко благодарил Настоятеля монастыря архиепископа Лавра за оказанное нам гостеприимство. Именно благодаря пребыванию в монастыре могло быть с надлежащей полнотой выполнено мотто съезда — «Россия и мы». Россия была вокруг нас — и в нас. Это всех объединяло.

Олег Ильинский

VI Всезарубежный съезд русской православной молодежи[1]

С 4 по 11 августа 1990 г. в Монреале по инициативе Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви проходил VI Всезарубежный съезд русской православной молодежи. В работе съезда приняли участие 250 делегатов из всех стран русского рассеяния. В отличие от

[1] Русское возрождение. 1990. № 51. С. 181–182.

предыдущих съездов в этом году было много гостей из самых разных уголков России: из Москвы, Петербурга, Новосибирска, Донецка, Симферополя и др.

Общая тема съезда — «Путь к истине» — нашла отражение в следующих докладах: «Воцерковление жизни» (прот. Валерий Лукьянов, США); «Русская идея и современность» (М. В. Назаров, Германия); «Белая Россия — идеология религиозного и национального возрождения» (А. Казаков, Россия); «И. А. Ильин об основах русской христианской культуры» (проф. Н. П. Полторацкий, США); «Лития: Православие в миру» (прот. Виктор Потапов, США); «Духовный облик русского крестьянства» (В. А. Солоухин, Россия).

По каждой теме были проведены дискуссии под архипастырским руководством первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Виталия.

Каждый день совершались богослужения в Св. Николаевском кафедральном соборе, на которых присутствовала Чудотворная Иверская Мироточивая икона Божией Матери.

Съезд принял обращение к Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему митрополиту Виталию, Первоиерарху Русской Православной Церкви За рубежом, а также к общественности России, русского зарубежья и Запада. Следующий съезд русской православной молодежи зарубежья и России намечен на август 1991 г. в Аргентине.

От редакции[1]

Журнал «Русское возрождение» был создан, так сказать, накануне тысячелетнего юбилея Крещения Руси. Подготовкой к этому юбилею в первые годы определялась его программа, его общие задачи и тематика. Но случилось так, что канун юбилея Крещения явился одновременно кануном огромных исторических сдвигов не только в России, но и во всей Европе. В связи с этим сегодня нам невольно приходит на ум, что издателями журнала с первых же выпусков руководило как бы подспудное предчувствие этих сдвигов. В плане тех общих идей и чаяний, которыми жило русское зарубежье в течение 70 лет, такого рода предчувствие совершенно естественно. Более того. Переживание крупнейшего исторического события прошлого, каким было Крещение Руси, и надежды на будущее возрождение России, всегда составляли для нас единый комплекс, в котором даже как бы уничтожались временные кате-

[1] Русское возрождение. 1991. № 54. С. 5–7.

гории, заменяясь раздумьями о надвременной идее России и о том, как эта идея определит лицо России в будущем. В связи с этим после юбилея Крещения Руси издатели журнала «Русское возрождение» с особой остротой почувствовали наступление новой фазы истории. Исконные чаяния русского зарубежья на сегодняшний день находят себе подтверждение в исторической действительности. Эта действительность требует от нас как-то заново сформулировать наши задачи на будущее.

Пройден огромный исторический путь. Для России эта эпоха была страшной, а для русского зарубежья этот период был временем напряженного творческого поиска, в конечном счете поиска выхода из того, ни с чем не сравнимого кризиса, в который ввергла Россию диктатура коммунистов. Русское зарубежье во всей остроте и сложности ставило перед собой вопрос: «Что будет с Россией после конца коммунистической власти?» В том, что этот конец наступит, никто не сомневался. Внутри самой России идейно-творческий поиск тоже никогда не прерывался. Но пути и формы исканий по обеим сторонам рубежа, естественно, были различны. Русское зарубежье, живя в условиях свободы, имело возможность пристально следить за процессами, происходящими в России. Россия же, будучи отрезанной от всего мира, только в последнее время получила некоторую возможность заглянуть в русское зарубежье с его богатым идейным прошлым и крепкой русской культурной традицией. Идя навстречу огромному интересу в России к жизни русского зарубежья, наш журнал на сегодняшний день в качестве одной из своих главных задач на будущее, осознает необходимость по мере наших скромных сил, способствовать культурно-идейному взаимопониманию между людьми, близкими нам по духу в самой России, которая сегодня в новых формах борется за осуществление своей религиозной правды и культурной традиции — и русскими людьми, временно живущими за рубежом.

Русское зарубежье на протяжении 70 лет располагало возможностями, которые и оправдывали его существование — одной из таких возможностей было сохранение непрерывности традиций. Другим важнейшим фактором была не только свобода поиска, но и свобода общения между людьми, близкими друг другу по идейной направленности. Зарубежье не только искало — оно умело и точно формулировать результаты своих исканий. Возникала богатая публицистика, развивалась религиозная и философская мысль, не прекращались поиски художественных форм, жили семейные традиции. Несмотря на очень серьезные трудности внешнего порядка (войны, эвакуация, голод),

русское зарубежье умело сохранить свое лицо. В его среде постоянно жила идея ответственности — за себя и за Россию. Русское зарубежье неуклонно разъясняло Западу сущность и природу коммунистического зла. Свобода давала возможность бескомпромиссного нравственного самоопределения и соответствующего поведения. Русское зарубежье не только постулировало высоту исконных ценностей, но свободно переживало их в своем опыте. А служение России постоянно подразумевалось. Свою собственную миссию зарубежье понимало как вспомогательную — сохранить и преумножить для России лучшее, что удалось пронести через годы изгнания и при первой возможности поделиться этим достоянием с соотечественниками. За те же годы сама Россия в труднейших условиях шла почти тем же путем. Именно сейчас пришло время взаимно поделиться накопленным опытом, заново осознать нашу общность в главном. Журнал «Русское возрождение» надеется всемерно содействовать обмену мыслями и взаимопониманию между русскими людьми по обеим сторонам рубежа. 70 лет не прошли даром. Религиозно-нравственный опыт, философская традиция, государственная мысль, созидание культурных ценностей являются нашим общим достоянием. Да поможет нам Бог.

Не пора ли одуматься?[1]

(О происходящем у нас в Русской Православной Церкви)

Стяжи мирный дух и тысячи вокруг тебя спасутся.

Преподобный Серафим Саровский

Голод, мор, война, революция... В ряду этих веющих могильным холодом слов первое место по праву занимает леденящее русскую душу слово «раскол».

«Наш современник». Журнал писателей России. 1990. № 12.

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама...

А. С. Пушкин. «Пир во время чумы»

Не являясь ни богословом, ни историком, ни канонистом, ни филологом, а лишь старым рядовым священником, я, как и каждый православный русский человек, не могу быть равнодушен, не смею оста-

[1] Русское возрождение. 1991. № 54. № 69–72.

ваться в стороне от того, что происходит в моей Русской Православной Церкви.

Не собираясь оспаривать то или другое утверждение, выдвигаемое или Московской Патриархией или нашим Зарубежным Синодом, предлагаю прежде всего сосредоточить наше внимание не на том, что может нас разъединить, но на том, что нас соединяет. Обратимся сразу не к тем сложностям, которые образовались за тысячелетия, в дебрях которых разбираются только немногие «специалисты», часто используя букву закона на то, чтобы ею, как палкой, сбивать своего оппонента. Обратимся прежде всего к исходному положению христианства, о котором каждую пасхальную ночь слышим мы в своих храмах: «...ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Иоанн 1.17). Что же это за истина? Вот она: «Бог есть любовь» (1 Иоан 4.8), «...любите врагов ваших...» (Мф 5.44), «...да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Иоан 13.34). Любовь всегда и во всех случаях, при разборе всех спорных вопросов, но любовь нелицемерная, любовь не на словах только, но в сердце и от сердца должна быть, должна присутствовать при всех церковных делах. Любовью — а не только словами о любви — должно окрашиваться всякое церковное дело, иначе оно ничем не отличается от всех мирских дел. Дело не в названии: православный, патриарший, синодальный, истинный... все они, если без любви, а следовательно и без Любви (с большой буквы), то не больше как «вывеска всем известной фирмы над пустым магазином».

Итак, исходя из этого первоосновного для христиан положения, посмотрим на все разгорающиеся пререкания между Москвой и Нью-Йорком.

Но «чем дальше в лес, тем больше дров», и сегодня мы уже слышим, что наши архиереи хиротанисали во епископа суздальского архимандрита Валентина. А что, если архиереи нашей Синодальной юрисдикции, проживающие в Советском Союзе (теперь таких уже, кажется, трое) и не признающие Святейшего Московского Патриарха Алексия, возьмут и выберут себе нового, им угодного московского патриарха? А что, если в зарубежье найдутся инициаторы создать «истинную» Зарубежную Церковь, и в русской эмиграции окажутся два Синода? И т. д., и т. д.

Зажечь пожар просто, но направить его течение невозможно.

К чему я все это пишу, зачем рискую на старости лет крупными для себя неприятностями?

Когда в деревне пожар, то каждый мужик должен его тушить, рискуя увечьем и даже смертью. Иначе сгорит все. У нас в Русской Церкви пожар, и если его немедленно не одолеть, не тушить, невзирая на кто-есть-кто или чье-есть-чье, *ВСЕ* сгорит!

Раскол в Церкви — духовный пожар. Раскол поедает души, как пожар дрова. Как чуму, его тлетворное дыхание нельзя остановить. Раскол — это открытые ворота всем врагам Православия. Не говорите о другом — это именно он-то и делает, а скажем — в этом моя вина. Это страшное бедствие попускается за нашу упорную, злую нераскаянность, и прекратит его только милосердие Божие в ответ на наше покаяние... «...если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк 13.3).

Если мы начнем побуждать себя на подвиг смирения, хотя бы на маленькую его частицу, т. е. когда каждый уверенный в своей правоте доведет себя до сознания того, что хотя он и прав, но не абсолютно, что есть и у него темные места, — это было бы уже много. Это значило бы, что дело сдвинулось с мертвой точки. Ты и я, хотя и грешные, но все же братья, дети своего Единого Безгрешного Отца Небесного.

В Отечнике епископа Игнатия (Брянчанинова) я как-то читал повествование о том, что у двух епископов была пря — спор о каком-то важном деле, который все крепчал. Наконец, один из них собрал свой клир и сказал: «Доколе мы будем враждовать, пойдем и поклонимся ему». Они пошли, поклонились земно и сказали: «Владыка, мы рабы твои». Тот епископ заплакал, ответил земным поклоном, и они в любви и мире разрешили спорный вопрос.

Думаю, что пример этой седой древности — хорошая модель для подражания и в нашей нынешней церковной ситуации. Не станем думать, что такие наивные примеры уже не пригодны для нашего сложного времени. Нет, «Любовь никогда не перестает...» (Первое Послание к Коринфянам. 13-я глава).

Да поможет Господь Святейшему Патриарху Московскому и Высокопреосвященнейшему Первоиерарху Церкви За рубежом возыметь величайшую высоту смирения и, забыв все иное, идти дорогой любви, помня, что «Любовь долготерпит...» (Там же).

Будем, други и братья, крепко, горячо молиться Господу о святителях наших, да почиет на них вновь и вновь сила Духа Святого, «немощная врачующая и оскудевающая восполняющая», и да ищет каждый из них не своей победы, но чтобы во всех и во всем победил Бог.

Протопр. Александр Киселев

Обращение к нашим читателям[1]

Основатель нашего журнала отец Александр Киселев, прослуживший Православной Церкви 58 лет, был потрясен, получив 2 сентября 1991 года из синодальной канцелярии Русской Православной Церкви За рубежом *открытое письмо* нижеследующего содержания:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Протопресвитеру Александру Киселеву

Батюшка о. Александр!

Я всегда наблюдал, как Ваш духовный лик пастыря совмещал в себе трогательную любовь к своей Родине.

Однако эта положительная добродетель часто была и причиной нарушения Вами иерархии духовных ценностей.

Вы невольно, инстинктивно, — то ставили патриотизм на несвойственное ему первенство, что и послужило, как Вы знаете, официальной причиной распятию нашего Спасителя, то Вы не отделяли любовь свою к Родине от Истины.

Вы все эти годы часто как-то духовно отсутствовали.

Вы были с нами, — но не всегда нашим. Тайна Церкви Христовой болезненно Вами не ощущалась.

И теперь, после такого длительного стояния в этом неправом мироощущении, — неизбежно выявилась его уродливая духовная нравственная сила.

Вы вышли из духовного чина и позволили себе бесчинствовать в этимологическом смысле этого слова — по Павловому богословию: «любовь не бесчинствует».

Вы не только взялись поучать весь наш Собор епископов, но дерзнули осудить и всех приснопамятных ее первоиерархов, вселенской православной славы и известности, никогда не признавших ни одного «Собора» Московской советской патриархии и избранных ими патриархов* Вы забыли, что между Московской советской патриархией и нами лежит кровь многих священномучеников российских. А все Ваше обращение к нам Вы предали гласности через прессу, что и мне позволяет Вам ответить тем же способом.

Отныне, Вы запрещаетесь в священнослужении, до полного Вашего раскаяния.

---

[1] Русское возрождение. 1991. III–IV. № 55/56. С. 5–7.

Если же Вы дерзнете совершать богослужение, то Хлеб не преложится в Пречистое Тело Христово и Вино не преложится в Честную Кровь Христову.

«Блюдите как опасно ходите»

Я прибегаю к такому крайнему мероприятию, дабы огненная благодать Святого Духа Вас окончательно не сожгла.

Ваш искренний доброжелатель в деле Вашего вечного, через покаяние, спасения.

Митрополит Виталий

Поскольку Его Высокопреосвященство митрополит Виталий в тот же день отбыл из Нью-Йорка, отец Александр полтора месяца был лишен права совершать богослужения. На следующий день по возвращении митрополита (11 октября) о. Александр по своей просьбе был принят владыкой и вручил ему свое личное объяснительное письмо. По прочтении этого письма Е. В. П. митрополит Виталий в тот же день лично передал о. Александру свой ответ, в котором сообщил о снятии запрещения в священнослужении.

Мы считаем необходимым отметить, что письмо о. Александра, как и ответ митрополита Виталия, могут служить образцом достойной переписки между не просто благовоспитанными людьми, но и людьми, которые могут глубоко этично, по-христиански относиться друг к другу. А это, к сожалению, не всегда имеет место в наше время.

Однако нельзя забывать, что чрезвычайные потрясения опасны для людей, особенно в преклонном возрасте, и это вызывает у нас тревогу за завтрашний день о. Александра.

Думающий человек не может быть принуждаем к молчанию, ибо у него всегда будет потребность так или иначе выражать свои мысли. Однако каждое высказанное слово при желании может трактоваться любым образом. Всегда можно в самых незлобливых словах «вычитать» любые ужасы и бросить любое голословное обвинение. Недаром во времена нашего злосчастного семидесятилетия сложилась поговорка: «Был бы человек, а статья найдется».

Вот этого-то мы и опасаемся.

Редакция

Когда журнал уже был сдан в типографию, то, что счел нужным предпринять Е. В. П. митрополит Виталий по отношению к о. Александру Киселеву нашло нижеследующую развязку: о. Александр оказался вынужденным возвратиться в поместную Православную Церковь Америки, из которой 20 лет тому назад он пришел в Синод, чтобы служить русскому православию. Нижеследующий текст мы приводим полностью.

Письмо Е. В. П. митрополиту Виталию, Первоиерарху Русской Православной Церкви За границей от протопресвитера о. Александра Киселева[1]

Ваше Высокопреосвященство, глубокочтимый Владыко Митрополит Виталий!

Надеялся я, что «инцидент» положенного Вами на меня запрещения совершать богослужения окончательно был изжит Вашим теплым письмом, в котором Вы писали: «...благодарю Господа, вернувшего Вам силу духовную и мужество». О Вас я думал: мало ли что бывает, можно под горячую руку не только сказать, но и написать нечто без всякого к тому основания. Бог простит.

По возвращении Вашем из Австралии, Вы сняли с меня положенное Вами запрещение в священнослужении. Спасибо. Но остается вопрос, кто гарантирует мне, что я вновь столь же случайно не попаду под подобную же напасть, могущую помешать мне умереть тем, кем я был всю мою долгую жизнь — православным русским священником?

Однако дальнейшее, к сожалению, показало, что я оказался просто наивным человеком.

В понедельник 9 декабря с.г. во время всенощной престольного праздника синодального собора Вы через протодиакона сообщили мне, чтобы я не облачался и не участвовал в богослужении. Пораженный этим, я тут же в алтаре подошел к Вам и спросил, чем вызвано такое Ваше распоряжение.

– Мне сообщили, что Вы причащались с Патриархом, — сказали Вы.

Я заверил Вас, что это неправда, что я строго соблюдал Ваше распоряжение и ни в России, ни во время пребывания Святейшего Патриарха в Америке совместно с его Святейшеством не причащался.

– Да, — сказали Вы мне, — но Вы всю службу стояли в алтаре.

[1] Русское возрождение. 1991. III– IV. № 55/56. С. 8–14.

Я ответил, что мне, священнику, и положено стоять именно там, т. е. в алтаре.

– Однако через это Вы многих ввели в соблазн, ...но я допущу Вас участвовать в этом торжественном богослужении, если Вы дадите мне обещание, что больше не будете принимать благословения от Патриарха. Но *только* при этом условии.

– Нет, Владыко, такого обещания я дать не могу.

– Хорошенько подумайте, отец Александр, — посоветовали Вы мне...

Такого обещания я дать не мог. Оно противоречило бы всему православно-русскому пониманию уклада церковной жизни, на котором я с детства воспитывался и носителей которого я застал еще в бытность мою в Рижской духовной семинарии и в ранние годы моего священства.

Назову лишь несколько из них:

...архиепископ Иоанн (Поммер), прославленный Синодом как священномученик (был сожжен живым), бывший моим ректором в семинарии; ...и преосвященный Евсевий, старый псковский епископ, живший после революции в Ревеле (Таллине), многим восполнивший багаж моих семинарских знаний;

...и дух одного из светильников русского Православия — знаменитого Валаамского монастыря, где я прожил два последних летних периода перед Второй мировой войной, при игумене Харитоне и помощниках его по работе над книгой о молитве Иисусовой, известным протоиереем о. Сергием Четвериковым и проф. М. А. Янсоном;

...и приснопамятный отец Адриан Риморенко (впоследствии архиепископ Андрей Рокландский), его незабываемое духовное руководство, передающее дух оптинского старчества, что и доныне ощущается в Ново-Дивеево;

...и протоиерей о. Кирилл Зайц, мой профессор в семинарии, возглавивший во время Второй мировой войны православную духовную миссию в северных областях России, находящихся под немецкой оккупацией, и там расстрелянный...

Весь этот сонм выдающихся епископов и священников, носителей лучших дореволюционных традиций, мышления и самосознания русского Православия, отвернулся бы от меня, если бы я дерзнул забыть их заветы и исполнить Ваше требование не принимать благословения от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси... А что же тогда следует делать? Протянуть Святейшему Патриарху руку для рукопожатия?!

Для меня православный епископ есть всегда епископ и не мне (как и каждому другому) судить, достойный он или не достойный. Иначе дойдет, пожалуй, до того, что и благословиться-то не у кого будет.

Этим, собственно, и все сказано. Я не беру на себя дерзость быть кому-либо судьей, тем паче православным епископам, но это не значит, что я лишаюсь права иметь собственное мнение по вопросам церковной жизни, за которую несет ответственность не только *каждый* епископ, но и *каждый* священник, и *каждый* мирянин. По совести не могу признать «юрисдикции» явлением богоугодным. Я «верую во *едину* Святую, Соборную и Апостольскую Церковь», верую в святость Православия, а не в ту или другую юрисдикцию.

Юрисдикционная борьба среди православных русских людей особенно преступна сейчас. Сейчас время подражать нашим предкам, жившим в Смутное время (XVII век — патриарх Гермоген), когда весь народ, от именитых до простых, со своими священниками и епископами, встал на спасение Отечества. Дело Церкви в такие ответственные дни — вдохновлять и объединять народ ради спасения родной страны, верой и правдой служа единству под духовным главенством Святейшего Патриарха Московского и *всея Руси*.

Все это побудило меня к нижеследующему.

Я не «перехожу» в другую юрисдикцию, не «порываю» с Синодом, ибо считаю разделения — все наши русские юрисдикции — горем, которое побуждает к вражде и удаляет всех нас от духа Православия, оставляя часто лишь его символы. Я не «перехожу», не «ухожу», продолжаю ценить в Синоде все, за исключением враждебности к другим, уверенности, что только Синод один на всем белом свете истинно православен. Такое страшное мышление я воспринимаю как прямой путь к сектантству. Упаси Боже этот путь продолжать! Если мне скажут, что я преувеличиваю, то пусть мне укажут, с кем я, находясь в Синоде, могу совместно причащаться Святых Христовых Тайн. С православным греком? С православным москвичом? С кем? Почему я, находясь в России, не могу там причащаться, хотя мы — Русская Православная Церковь За рубежом — называем себя частью русской отечественной Церкви?! На это мне ответят ссылкой на постановления, запрещения, на грехи, сделанные всеми, кроме нас самих... Как будто ворох бумаги может отменить заповедь Господа Иисуса Христа о любви, любви даже к врагам.

Повторю. Я не перехожу и не ухожу, я просто отхожу в сторону, не желая ни с кем воевать. Я просто временно *возвращаюсь* в Православ-

ную Церковь Америки, оказавшись вынужденным сделать этот шаг ради защиты моего священства, несмотря на то, что лично к Вам, Владыко, да и ко многим нашим архиереям я испытываю глубокое уважение как к строгим монахам и подвижникам в миру.

Я и не обратился бы к Американской Церкви и, выйдя на старости лет на покой, служил бы дальше в Синоде, как служил в нем эти 20 лет, но столь неожиданно и столь ярко выявленная Вами уязвимость моего священства (имею в виду безосновательно наложенное на меня запрещение в священнослужении, ибо я никогда не писал и не мыслил ничего, идущего против вероучения Святого Православия, не совершил ничего, нарушающего нравственность, а лишь призывал *всех,* а не одних наших архиереев, к церковному миру для спасения нашего бедствующего Отечества) вынудила меня искать защиту, ибо я хочу умереть тем, кем был всю мою жизнь — священником.

Мое возвращение в Православную Церковь Америки не является только моим личным делом, основанном якобы на моей обиде на Ваше Высокопреосвященство. Я сам удивляюсь и радуюсь, что не чувствую во всем этом даже малой тени обиды, а напротив, многую благодарность Богу за полученный опыт и за помощь Его правильно воспринять случившееся.

Это мое «дело» — только маленький показатель того, что ощущается и переживается очень многими. Вы дважды наказали меня на основании лишь того, что, как Вы сами говорите, «мне сказали», якобы для того, «чтобы другим повадно не было» ...не напоминает ли все это некое своеволие? Это ли та чистота, которой мы гордимся и которую хотим принести в Россию? Такой «чистоты» там и без нас достаточно. То, что подлинно церковные мышления и поступки у нас теперь часто подменяются только их видимостью, очень хорошо замечается способными думать людьми и не служит престижу Синода. Случай со мной прошел бы незамеченным, но стрельба из пушки по воробьям пробудила многих, заставив думать и делать выводы.

В одном Вашем письме ко мне Вы, Владыко, пишите: «Вы были с нами, но не всегда нашим». Это правда. За примером не далеко ходить. То, что делаете Вы сейчас в России, это, в моем понимании, весьма прискорбное и несмываемое пятно истории Русской Церкви. Если бы Вы допустили существование в нашей церковной жизни разных мнений — «искуснейший да обрящутся», как писал апостол Павел, — то не было бы у нас застоя мысли и отупляющей нетерпимости.

В моем же случае я понимаю Ваши действия, как «выживания» меня из Синода. Что же делать, «насильно мил не будешь». Я ухожу. Однако я думаю, Владыко, что это «пиррова победа». Она умножает число тех, которые пересматривают свое отношение к Синоду. С моим уходом из Синода, от нынешней его *политики,* ухожу я не один.

Все это побуждает меня отойти в сторону — на покой и временно вернуться в Православную Церковь Америки, где я служил до 1970 года... Я подал соответствующее прошение митрополиту Феодосию и получил его ответ о принятии меня обратно в поместную Церковь Америки. О чем я должен поставить Ваше Высокопреосвященство в известность.

В заключение хочу сказать, что я всегда хотел и старался быть верным восприятию священства как «возможности говорить полным голосом» (слова о. Александра Ельчанинова). Правоту этих слов я хочу сохранить до конца моей жизни и пожелать Синоду с Божией помощью пересмотреть свою политику в России, стать на путь укрепления родного русского народа, а не его разъединения даже в Церкви.

Прошу простить меня за все, в чем виноват перед Вами. Я уверен, что мы с Вами, Владыко, оба любим Россию, но, к сожалению, поразному видим пути служения ей.

Остаюсь просящий святых молитв Вашего Высокопреосвященства

Протопресвитер Александр Киселев

Не пора ли одуматься?[1]

До недавнего времени мы полагали, что никакого *раскола* в нашей Русской Церкви нет, а есть только возникшее в силу внешних обстоятельств *разделение* на три потока, которое с восстановлением относительно нормальных условий для жизни Церкви в России само собой прекратится. Почти 40 лет назад вышла моя небольшая книжка «Пленная Церковь». Она кончалась словами: «Церковь, *открыто* существующая в Советском Союзе, борется за сохранение возможности от-

[1] 11–12 октября 1991 г. на радиостанции «Свобода» в еженедельной программе «Россия христианская, тысячелетие второе» вышли передачи Глеба Рара «Не пора ли одуматься?» и «Восстановление единства, задача, поставленная святителем Тихоном». Мы предлагаем вашему вниманию полный текст этих передач в переложении для печати. — *Примеч. редакции журнала* (Русское возрождение. 1991. III–IV. № 55/56. С. 138–150).

крытой и широкой проповеди Слова Божия на нашей родине; Церковь *тайная* блюдет малые очаги святости и молитвенного благочестия по всем необъятным ее просторам; Церковь *свободная,* зарубежная должна словом и делом служить Русской Церкви *в целом* и бороться за ее освобождение. Придет час, когда эти три струи вновь сольются в единый поток Святой Церкви освобожденной родины, и этот поток, как и в прежние века нашей истории, будет главной движущей силой нашего духовного возрождения». Повторяю: такими были заключительные слова моей книжки «Плененная Церковь», написанной в 1953 году и опубликованной год спустя. Думаю, что представление о трех потоках или струях Русской Церкви, которые сольются воедино, как только падут внешние преграды, которые этому единству препятствуют, все эти годы разделялись многими. Едва ли не большинством православных русских людей. Средством для слияния трех потоков всем нам представлялся свободный Всероссийский собор. Мудрый кормчий Церкви За границей, митрополит Анастасий, отвечая на послание новоизбранного тогда Московского патриарха Алексия Первого (Симанского), осенью 1945 года писал:

«Бог судил нам оставаться свободной частью Русской Церкви. Наш долг хранить эту свободу до тех пор, пока не возвратим Матери-Церкви врученный нам Ею драгоценный залог... Вполне правомочным судиею между зарубежными епископами и нынешним главою Русской Церкви мог бы быть только свободно и законно созванный и вполне независимый в своих решениях Всероссийский церковный собор с участием, по возможности, всех зарубежных епископов и особенно заточенных ныне в России епископов. Перед таким собором мы готовы дать отчет во всех своих деяниях за время нашего пребывания за рубежом... Наша молитва столь же искренна, как и наша любовь к своей родине. Она выражается в следующих словах: "Боже! Просвети, вразуми, примири и соедини нас всех Твоею благодатию и неищущим Тебя явлен буди, дабы и они обратились к Тебе всем сердцем и исповедали Твое величие, силу и славу, которые Ты искони являл в судьбах нашего великого отечества"».

Нельзя не обратить внимания на то, что сам Первоиерарх Русской Православной Церкви За границей в течение 28 лет, с 1936 по 1964 г., ведший наш зарубежный церковный корабль и успешно проведший его и между Сциллой и Харибдой Сталина и Гитлера, и вообще через бурю Второй мировой войны; иерарх, который вынужден был решать вопросы жизни и смерти Церкви и российского зарубежья и как от-

ветственный *политический* деятель, и как мудрый и осторожный *дипломат,* привыкший взвешивать каждое произносимое им, а тем более каждое слово, которое ему приходилось писать, что сам митрополит Анастасий говорит в этом официальном церковном документе не от имени некой «Зарубежной *Церкви»,* ибо никакой самостоятельной Русской Зарубежной Церкви нет и быть не может, а от имени «зарубежных епископов» *Русской* Церкви, которых он возглавляет; а патриарха Алексия Первого, не признавая полной правомочности избравшего его подконтрольного властям Собора, все же без обиняков называет «Главой Русской Церкви». Нет, не главой Церкви на *родине,* не *«фактическим* главой» «советской» Московской патриархии, а просто и ясно: «нынешним *Главой Русской Церкви»*. Это вполне четкая церковно-каноническая позиция. Митрополит Анастасий по-настоящему жил сознанием единства Русской Поместной Церкви при всей нашей вынужденной политической и физической разобщенности и, конечно, отдавал себе отчет в том, что свободная часть Русской Церкви Зарубежом получила от Матери-Церкви лишь *временное* право на административную автономию. Это право она почерпнула из известного Постановления Святейшего патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви от 20 ноября 1920 года (по гражданскому календарю). Вот основное содержание этого документа:

«По благословению Святейшего патриарха, Священный Синод и Высший Церковный совет в соединенном присутствии имели суждение о необходимости преподать епархиальным архиереям указания на случай разобщения епархии с Высшим Церковным Управлением или прекращения деятельности Высшего Церковного Управления и, на основании бывших суждений, постановили:

В случае, если епархия вследствие продвижения фронта или изменения государственной границы окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление во главе со Святейшим Патриархом прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для епархий, находящихся в одинаковом положении.

Попечение об организации высшей церковной власти для группы епархий, оказавшихся в указанном положении, составляет непременный долг старейшего в означенной группе по сану архиерея.

В случае крайней дезорганизации церковной жизни, когда некоторые лица и приходы перестанут признавать власть епархиального архиерея, архиерей организует из лиц, оставшихся верными, приходы и из приходов — благочиния и епархии, предоставляя, где нужно, совершать богослужения даже в частных домах и других приспособленных к тому помещениях.

Все принятые, согласно настоящим указаниям, мероприятия, в случае восстановления центральной церковной власти, должны быть представляемы на ее утверждение»[1].

Документ этот был принят «в соединенном присутствии» Святейшим патриархом Тихоном, Священным Синодом и избранным также на Всероссийском соборе 1917–1918 годов Высшим Церковным Советом, в состав которого входили также представители клира и мирян. Прошел почти 71 год. В прошлом году был принят Закон о свободе совести и религиозных организациях, Русская Церковь получила признание в качестве юридического лица, живет по своему Уставу, почти во всем соответствующему Уставу, выработанному Собором 1917–1918 гг. Внешние узы, политические стеснения пали. Осталась сидящая во многих *внутренняя* несбовода, которую изживать надо вместе, а не порознь. Во всяком случае Святейший патриарх Алексий Второй ныне более свободен в своих решениях и действиях, чем святитель-исповедник патриарх Тихон в последние годы своей жизни. И в недавние дни попытки переворота в августе патриарх Алексий делом и словом проявил себя как поистине ответственный перед Богом и перед людьми глава Русской Церкви, а потому вступает в силу постановление патриарха Тихона:

Все принятые, согласно настоящим указаниям, мероприятия в случае восстановления центральной церковной власти должны быть представляемы на ее утверждение.

[1] Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви от 7/20 ноября 1920 года № 362 (см.: *Архиепископ Никон (Рклицкий).* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Т. VII. Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1961).

Восстановление единства — задача, поставленная Святителем Тихоном[1]

«Зарубежные епископы *должны* восстановить общение с нынешним Главой Русской Церкви патриархом Алексием». «Должны». Так думаю я, так думают, на мое ощущение, большинство деятельных мирян зарубежной части Русской Церкви, так думают наиболее ответственно мыслящие ее священнослужители. Один из самых выдающихся и известных из них — протопресвитер Александр Киселев. Вырос в Прибалтике, стал священником незадолго до Второй мировой войны. Тогда ему в алтаре прислуживал, подавал кадило, выносил свечу мальчик Алексей Ридигер. Прошло полвека, и в прошлом году тогдашний мальчик-прислужник, ныне патриарх Московский и всея Руси, принял молодого некогда, а ныне убеленного сединами, но все еще необычайно статного старца — протопресвитера Александра. Как-будто прошлогодняя встреча у обоих ее участников усилила стремление к восстановлению полного церковного общения между Русской Православной Церковью на родине и ее зарубежной частью. И когда в мае прошлого года зарубежные архиереи, вместо того чтобы заявить о своей готовности хотя бы к диалогу и обмену мнениями, объявили, что считают себя вправе и «даже должны» создавать на территории России собственные церковные приходы и свою церковную иерархию, отец Александр Киселев опубликовал в основанном по его инициативе 12 лет назад журнале «Русское возрождение» такое заявление:

«Вернувшись в Нью-Йорк, я узнал о распространенном пустословии в связи с моей поездкой в Россию. Это вынуждает меня заявить: «Мы с женой путешествовали по России как абсолютно частные лица. Я никого и ничего там своей персоной не представлял. Патриархия заботилась о получении для нас транспорта, гостиниц. Это очень большая помощь, за которую я весьма благодарен. Однако билеты на самолет и все наши расходы по пребыванию в России оплатил я лично сам. Дом, принадлежащий Свято-Серафимовскому фонду в Нью-Йорке, еще не продан. Следовательно, денег от его продажи в природе не существует. Несуществующих денег Святейшему Патриарху я не мог возить и не возил. Поручения «агитировать» за переход приходов из Русской Церкви в нашу временную ее часть, то есть зарубежную, в находящийся в эмиграции наш архиерейский Синод, владыка-митрополит Виталий мне не давал. Повторяю: такого дела — к тому же

[1] Русское возрождение. 1991. № 55/56. С. 138.

дела, не приемлемого для моей совести, — владыка-митрополит мне не поручал...»[1]

В этом году отец Александр с верной своей матушкой Каллистой Ивановной вновь поехал в Россию. В его жизни всегда особое место занимал облик преподобного Серафима Саровского. Созданное отцом Александром еще в довоенной Эстонии книгоиздательство «Путь жизни» начало свою деятельность с выпуска книги профессора Владимира Николаевича Ильина о преподобном Серафиме. В 1945 году отец Александр в полуразрушенном Мюнхене получил от американских оккупационных властей в свое распоряжение развалину, чтобы ее своими силами отремонтировать и устроить в ней церковь, русскую гимназию, школу медсестер и издательство. И вот, начиная разгребать битые кирпичи, обнаружили в развалинах немецкого дома в разбитом бомбами союзников Мюнхене, извлекли из-под камней каким-то чудом оказавшуюся там иконку преподобного Серафима. Понятно, что и мюнхенскую свою церковь отец Александр посвятил преподобному Серафиму, и, через несколько лет нью-йоркскую, на 108-й улице, и церковь в созданном все тем же неутомимым отцом Александром под Нью-Йорком центре встреч русской молодежи и русской интеллигенции в имении «Аккорд». И вот в этом году Господь сподобил отца Александра принять участие в перенесении мощей преподобного Серафима из Москвы в Дивеево. Он проделал весь этот путь на машине и пешком, молился на всех богослужениях. Но в священнические одежды не облачался и сослужить не сослужил. Тоже не было на то благословения митрополита Виталия, не восстановлено еще полное общение между русскими батюшками на родине и русскими же священниками за границей. И вот во время пребывания отца Александра в Москве, где он оказался в дни попытки государственного переворота, вышел в Нью-Йорке 54-й номер журнала «Русское возрождение» со статьей отца Александра «Не пора ли одуматься?».

«Не будучи ни богословом, ни историком, ни канонистом, ни филологом, а всего лишь старым рядовым священником, я, как и каждый православный русский человек, не могу быть равнодушным, не смею оставаться в стороне от того, что происходит в моей Русской Православной Церкви. Не собираясь оспаривать то или другое утверждение, выдвигаемое то ли Московской патриархией, то ли нашим Зарубежным Синодом, предлагаю сосредоточить наше внимание не на том, что может нас разъединить, но на том, что нас соединяет. Но обра-

[1] Русское возрождение. 1990. № 51. С. 5.

тимся не к тем сложностям, которые образовались за тысячелетия, в дебрях которых разбираются только немногие специалисты, часто используя букву закона, чтобы ею, как палкой, сбивать своего оппонента. Обратимся к исходному положению Христианства, о котором в каждую пасхальную ночь слышим мы в своих храмах: «...ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа». Что же это за истина? Вот она: «Бог есть Любовь»... «любите врагов ваших»... «да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга». Любовь всегда и во всех случаях, при разборе любых спорных вопросов, но любовь не лицемерная, но любовь не на словах только, но в сердце и от сердца должна быть, должна присутствовать при всех церковных делах. Любовью, а не только словами о любви, должно украшаться всякое церковное дело, иначе оно ничем не будет отличаться от каких-нибудь мирских дел. Дело не в названии: православный, патриарший, синодальный, истинный. ...все они, *если без* любви, а следовательно, и без Любви с большой буквы, то не больше как вывеска всем известной фирмы над пустым магазином. Исходя из этого первоосновного для христиан положения, посмотрим на все разгорающиеся пререкания между Москвой и Нью-Йорком. Но «чем дальше в лес, тем больше дров». Сегодня мы уже слышим, что наши архиереи хиротонисали (рукоположили) во епископа суздальского архимандрита Валентина. А что, если проживающие в Советском Союзе архиереи нашей Синодальной юрисдикции, не признающие Святейшего Московского патриарха Алексия (теперь их, кажется, уже трое), возьмут и выберут себе нового, им угодного московского патриарха? А что, если в зарубежье найдутся охотники создать «истинную» Зарубежную Церковь, и в русской эмиграции окажутся два синода? Зажечь пожар просто, но направить его в течение невозможно. К чему я все это пишу, зачем рискую на старости лет крупными для себя неприятностями? Когда в деревне пожар, то каждый мужик должен его тушить, рискуя увечьем и даже смертью. Иначе сгорят все. У нас в Русской Церкви пожар. И если его сразу не одолеть, не тушить, невзирая на кто-есть-кто или чье-есть-чье, — все сгорит! Раскол в Церкви — духовный пожар. Раскол поедает души, как пожар дрова. Как чуму, его тлетворное дыхание нельзя остановить. Раскол, это — открытые ворота всем врагам Православия. Не говорите о другом, что именно он-то и создает раскол, а скажем, — в этом и моя вина. Это страшное бедствие попускается за нашу упорную, злую нераскаянность, и прекратит его только милосердие Божие как ответ на наше покаяние, «...если не покаетесь, все

так же погибнете» (Евангелие от Луки). Если мы начнем побуждать себя на подвиг смирения, хотя бы на малую его частицу, то есть когда каждый уверенный в своей правоте доведет себя до сознания того, что хотя он и прав, но не абсолютно, что есть и у него темные места, — это было бы уже много. Это значило бы, что дело сдвинулось с мертвой точки. Ты и я, хоть и грешные, но все же братья, дети Единого Безгрешного Отца Небесного. В Отечнике святителя Игнатия Брянчанинова я как-то читал повествование о том, что у двух епископов была «пря» — спор о каком-то важном деле, который все крепчал. Наконец, один из них собрал свой клир и сказал: «Доколе мы будем враждовать? Пойдем и поклонимся ему». Они пошли, поклонились земно и сказали: «Владыка, мы рабы твои!» Тот епископ заплакал, ответил земным поклоном, и они в любви и мире разрешили спорный вопрос. Думаю, что пример седой древности — хороший образец для подражания и в нашей нынешней церковной ситуации. Не станем думать, что такие наивные примеры уже непригодны для нашего сложного времени. Нет. «Любовь никогда не перестает» (Первое послание к Коринфянам). Да поможет Господь святейшему Патриарху Московскому и высокопреосвященнейшему Первоиерарху Церкви за рубежом возыметь величайшую высоту смирения и, забыв все иное, идти дорогой любви, помня, что «Любовь долготерпит» (Там же). Будем, други и братья, крепко, горячо молиться Господу о святителях наших. Да почиет на них вновь и вновь сила Духа Святого, «немощная врачующая и оскудевающая восполняющая», и да ищет каждый из них не своей победы, но чтобы во всех и во всем победил Бог».

Это обращение протопресвитера Александра Киселева с призывом «опомниться», не адресованное никому персонально, а имеющее в виду всех нас, церковных русских людей на родине и за рубежом, было опубликовано в журнале «Русское Возрождение» и перепечатано в № 13 «Московского церковного вестника». В дни проходившего в Москве Конгресса сооте-чественников в 20-х числах августа, сразу после путча, православные участники Конгресса направили аналогичный по содержанию и по духу призыв к взаимопониманию и любви уже непосредственно святейшему патриарху Алексию и высокопреосвященнейшему митрополиту Виталию. Но вот отец Александр Киселев, тоже подписавший и это обращение соотече-ственников, 3 сентября вернулся из Москвы в свой маленький домик в Спринг Валлей близ Нью-Йорка. На следующее утро почта доставила ему заказное письмо Председателя Архиерейского синода Русской Православной

Церкви Заграницей митрополита Виталия (текст письма см. на странице 5 этого номера журнала).

Получив письмо, отец Александр попытался сразу же по телефону связаться с митрополитом Виталием как своим епархиальным архиереем, чтобы добиться личной встречи и объяснения. Однако непосредственный разговор не состоялся даже по телефону. Отцу Александру было сказано, что владыка митрополит улетел в Австралию.

(11 октября после личной встречи с митрополитом Виталием запрещение с отца Александра было владыкой снято. — *Ред.)*.

Должен признаться, что сам я в прошлом году, в ноябре, тоже написал пространное письмо владыке Виталию, выражая опасения, что путь, на который встала в мае прошлого года зарубежная часть Русской Церкви — путь создания своей параллельной иерархии в России — «не может привести к единению и любви, а приведет к разделениям». На это свое письмо я до сего дня не получил никакого ответа, хотя я и старался не быть чрезмерно «дерзновенным», в то же самое время не считая себя вправе молчать и вводить в заблуждение своего архипастыря относительно того, как по совести вижу и оцениваю то, что у всех нас пред глазами. К владыке Виталию я привык относиться с полным доверием и глубоким уважением. В годы, когда отец Александр начинал свой пастырский путь в Эстонии, владыка митрополит принял монашеский постриг и поступил в монастырь преподобного Иова Почаевского во Владимировой в Пряшевской Руси, в Чехословакии. В конце войны братия вынуждена была бежать на Запад. Помню строгого монаха, игумена Виталия, как деятельного борца против насильственной выдачи русских беженцев и вывезенных немцами рабочих Сталину. Далеко не последнее, что для меня важно, то, что именно владыка Виталий, тогда еще архимандрит, отпевал и хоронил моего отца. Я не дерзну ничего сказать о нашем Первоиерархе, что содержало бы хоть оттенок суда или суждения. Но вместе с тем я, по совести, никак не могу принять осуждения им отца Александра Киселева, не могу понять, почему наш Первоиерарх и возглавляемый им Архиерейский Синод уклоняется от встречи, диалога, от пути воссоединения, завещанного и даже предписанного нам Постановлением святителя Тихона-Исповедника Российского. Камни преткновения, аргументы, будто бы говорящие против братского диалога, предостережения все мне хорошо известны. Занимаюсь вопросами Церкви у нас на родине не первый десяток лет. Выступал докладчиком и перед Архиерейским собором, и на Третьем Всезарубежном соборе Русской Православной

Церкви в 1974 году. И зная обо всем горьком и тяжком, что *было,* верую и исповедую, что сроки наступили, чтобы пусть даже с некоторой не только осторожностью, но, может быть, даже и настороженностью, но при всех обстоятельствах *с любовью* вступить на путь сближения друг с другом. Да поможет Господь чтимому и любимому мною протопресвитеру Александру. Да поможет Господь не менее мною чтимому зарубежному Первоиерарху, нашему митрополиту Виталию. Да обратимся мы все на пути примирения и единения.

Глеб Рар

Идейный стержень эмиграции[1]

Эмиграция всегда ощущала себя носительницей русской идеи. Эта идея не есть идея политическая. В первую очередь она представляет собой результат тех размышлений о России, которые были характерны для русских мыслителей на протяжении веков. Идея эта, по сути своей религиозная, воспринимается эмиграцией в качестве основы при решении проблем русской культуры в целом.

В связи с этим естественно, что эта идея имеет совершенно определенную нравственную направленность. В наших размышлениях о России вопрос о нравственном самоопределении всегда занимал одно из центральных мест. Русская духовная культура вне проблемы нравственности и ответственности немыслима. Русская духовная культура всегда была для нас своеобразным категорическим императивом и способствовала нашему самоопределению и религиозно-нравственному самораскрытию. Когда из этого комплекса делались политические выводы, они всегда развивались совершенно неотделимо от этой общей программы и по отношению к ней они, при всей своей остроте и важности, имели второстепенное значение. Понять их можно только в этом контексте. Мы совершенно неотделимы от нашего прошлого – более того, оно в нас длится сегодня.

Мы вовсе не консерваторы, мы постоянно учитываем проблемы и трудности нашей современности, но на поводу у современности не идем, т. к. понимаем традицию как метод. Именно это обладание методом является огромной исторической заслугой эмиграции и дает ей возможность говорить полным голосом.

На пути нравственного самоопределения и соответственной активной деятельности, безусловно, могут быть и бывали ошибки имен-

[1] Русское возрождение. 1995. № 63. С. 5–7.

но потому, что трудности, которые ставит перед нами наша современность, огромны.

Идеологический комплекс эмиграции развивался как организм, как цельность. Эта цельность нас воспитала. Таким образом, представить себе нашу жизнь в эмиграции вне корней, с которыми мы связаны, совершенно невозможно. Эти корни не только религиозные. Они развивались в международном контексте. Наша православная идея была для нас методом подхода к тому иностранному контексту, в котором мы жили. Это давало нам возможность подойти к нему критически, но в каком-то смысле нас с ним объединяла. Таким образом, мы оказались в той самой ситуации, которая вообще была характерна для основной линии развития русской культуры. Ведь русская культура всегда оценивала тот международный контекст, в котором себя ощущала. В этом отношении мы считаем своими непосредственными вдохновителями таких исключительных людей, как Пушкин, Хомяков, Киреевский. Именно в них мы ощущали и свою совесть, и свое призвание. И возможно, именно существование в иностранной среде, и контакты, которые мы в этой среде имели, особенно обострили наше ощущение России и нашей ответственности перед Россией.

Эмиграция всегда видела свою заслугу в том, что она, будучи носительницей русской традиции, жила в международном контексте, тем самым осуществляя органическую связь этих двух факторов, характерных для исторического развития России. Из этого единства мы и явились.

В современных условиях понятие «русская эмиграция» имеет для нас значение идеологическое и философское в первую очередь. Ни растворяться в иностранной среде, ни ставить свои идеи в зависимость от иностранной среды, в которой мы жили, ни отказываться от России в любых обстоятельствах жизни мы не хотели. Мы никогда не отделяли себя от России и трагически переживали ее оторванность от тех морально-религиозных и философских устоев, которые попали под удар Советской власти.

Журнал «Русское возрождение» возник из необходимости для нас с возможной ответственностью закрепить, сформулировать и развить то, что мы получили от нашей русской традиции.

Этим мы надеемся внести свою посильную лепту в дело возрождения России, которое уже началось.

Пассивными мы оставаться не хотим.

Задача, которую мы на себя взяли, очень ответственна, но приближение к ней было прямым требованием нашей русской совести.

Мы посвящаем этот номер журнала всем оказавшимся за пределами отечества, но на протяжении более чем 70 лет стоявшим и стоящим лицом к России, хранящим ее духовные и культурные ценности, ее заветы и традиции — подлинным и достойным представителям русской эмиграции.

Редакция

От редакции[1]

Дорогие наши соотечественники — друзья нашего журнала и его читатели!

Мы приближаемся к 20-летнему юбилею русского православного национального журнала «Русское возрождение», который назвал себя беспартийным и независимым. Этот журнал — бездомное детище русской эмиграции, печатался в Париже, потом в Нью-Йорке и, наконец, с благословения Святейшего Патриарха Алексия II, дома в Москве.

Задачи журнала — все те же на протяжении 20 лет. Как тогда, так и сегодня они печатаются на первой странице журнала.

С вами, нашими читателями, мы хотели бы завязать более тесный контакт, ибо журнал не может не нуждаться в советах, помощи и живом собеседовании с теми, к кому он обращается. Ниже мы предлагаем вашему вниманию подборку статей из числа тех, которые за эти годы были опубликованы у нас в журнале. Статьи отобраны по принципу их идейного соответствия конкретным вопросам, стоящим перед нами сегодня. Какова ваша оценка и что именно, и почему, в затронутых темах встречает ваше одобрение или порицание.

На протяжении лет издания журнала мы в США устраивали ежегодные «Встречи православной русской общественности», которые и являлись откликом русских людей на предлагаемые темы, в котором так нуждается не только журнал, но и все люди русского православного сознания. А сегодня мы обращаемся к вам: насколько, по вашему мнению, такие темы могут быть интересны, полезны и желательны для нашей мыслящей общественности?

Культура не ограничивается ни традиционными определениями ценностей, ни постижением новейших открытий науки, ни владением

[1] Орфография текста сохранена. — *Примеч. редакции журнала* (Русское возрождение. 1996. II–III. № 67/68. С. 5–6).

языком чисел. Всем этим люди владели, когда, по слову поэта, «солнце останавливали словом, словом разрушали города», когда человек, из сознания своего сыновства, творил непостижимое для сынов наших дней. Но была и другая плоскость — совершенная полнота отдачи:

Как будто вышел человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И все до нитки роздал.

(*Пастернак*)

Совокупность знания, творчества и сыновней любви есть полнота православной культуры.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово — это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

(*Гумилев*)

В течение 20 лет мы издавали наш журнал, стремясь блюсти чистоту великого русского языка, ограждать страницы журнала от «сквернословия» идейного и безыдейного, от всего того, что принижает дух русского человека. Мы хотим быть меж тех, кто крепит русские души надеждой, стойкостью, верой в свои неиссякаемые силы. Да поможет нам Бог!

Протопресвитер Александр Киселев

Путь подвижничества
(памяти архиепископа Андрея)[1]

1.

Жизнь покойного ныне архиепископа Русской Православной Церкви За рубежом Андрея Роклендского была и подвижнической, и полной истинно чудесных событий.

Чудеса совершаются и в наше окаянное время. Именно в наше время чудеса свершаются, может быть, чаще, чем во времена относительно светлые — только не всегда мы замечаем их.

И чем пристальнее всматриваюсь я в то, что известно мне о покойном Владыке, тем явственнее очерчивается необычность его жизненного пути.

В 1971 году русское зарубежье отмечало 50-летие служения Церкви владыки Андрея, тогда епископа.

В 1972 году в русском зарубежном журнале «Возрождение» (№ 238), прекратившем, к сожалению, свое существование, был опубликован мой очерк, посвященный владыке Андрею.

Теперь, после кончины, решил я собрать больше материалов и свидетельств о жизни его. Обратился к князю Д. В. Мышецкому, который 55 лет шел рядом с владыкой, ставшим и другом его, и духовным сыном.

В письме за 27 декабря 1979 года, через полгода после кончины духовного отца и наставника, князь Дмитрий Владимирович писал мне:

«Мой родной отец Владимир Дмитриевич умер за несколько месяцев до моего рождения, и я никогда его не знал. Когда мне было 21 год, я встретил владыку, тогда батюшку отца Адриана, и он заменил мне отца. Так продолжалось 55 лет. Владыка был центром моей жизни».

Потрясенный смертью владыки, Дмитрий Владимирович почувствовал такую внутреннюю опустошенность, что долго не мог ни за что взяться, даже просто письма, как пишет, написать не в состоянии был.

Я понимаю его: кончина архиепископа Андрея — невозместимая утрата для многих, кто знал владыку, глубоко почитал и любил. Побеседовавши с ним хоть раз, его нельзя было не чтить, не любить.

---

[1] Русское возрождение. 1979. III–IV. № 7/8. С. 262–277.

Князь Дмитрий Владимирович и дал мне не только биографические сведения, нужные для посмертного очерка о владыке, но и обрисовал, что особенно важно, его духовный облик, свелый и немеркнущий, за что приношу Дмитрию Владимировичу великую благодарность.

2.

Архиепископ Андрей, в миру Адриан Адрианович Рымаренко, родился 28 марта (по новому стилю) 1893 года в г. Ромны Полтавской губернии, в семье промышленника, когда-то богатой, но разорившейся.

После окончания Роменского реального училища поступил в знаменитый в России Политехнический институт, с отличием окончил курс наук как раз к тому времени, когда началось крушение России, когда захватывали и захватили в России власть бесы Достоевского во главе с Лениным-Троцким.

Россия превратилась в аббревиатуру — сначала в РСФСР, а затем в СССР. Но и в этой «аббревиатуре», в стране, что, по слову Гумилева, могла быть раем, а стала «логовищем огня», молодой талантливый инженер мог жить относительно спокойно и безбедно. Если бы решил приспособиться к новому строю.

Но Адриан Рымаренко выбрал иной путь — тяжелый, но честный. Материального обеспечения и впомине не было, но зато совесть оставалась чистой. Это был путь подлинного торжества духа над косной материей.

Он увлекался Достоевским, изучал его, все глубже проникал в тайны христианского учения, очищающие душу; встречался и беседовал с истинными пастырями. Решающую роль в выборе направления жизненного пути сыграло посещение Оптиной пустыни, знакомство со старцем Нектарием, учеником великого старца Амвросия.

О старце Нектарии рассказывает прот. Сергий Щукин, тоже инженер по образованию, тоже принявший священство после революции, принадлежавший, как и владыка Андрей, к Русской Зарубежной Церкви, ныне покойный (умер в 1977 году в Канаде).

В очерке «Мое посещение старца о. Нектария в 1918 году», опубликованном в № 6 «Русского возрождения», отец Сергий нарисовал облик необыкновенный.

Рассказывая о старце Нектарии, последнем русском старце, умершем в 1928 г., отец Сергий писал, что, слушая собеседника «...отец Нектарий смотрел куда-то вниз, но создавалось впечатление, что он

слушает вас не ухом, а каким-то другим, внутренним органом восприятия, что ему, собственно, валены были не сами слова, а нечто другое, что старец старался уловить».

Всего несколько слов, сказанных старцем молодому человеку Сергею Щукину, и определили его дальнейший путь служения Церкви.

Было и некое предзнаменование, нечто необычное в жизни владыки Андрея, о чем владыка рассказывал кн. Дмитрию Владимировичу. Будучи еще молодым человеком, работал Адриан Рымаренко статистиком в Полтавской губернии, объезжал с другими статистиками села и деревни. Он уже тогда решил принять священство, но никто из его попутчиков этого не знал. И вот во время поездки происходило что-то странное. Всякий раз, когда подъезжала подвода к очередному селу, раздавался колокольный звон. Мог быть в одном селе (не во всех же!) престольный праздник. Мог архиерей объезжать свою епархию, но архиерея нигде не встречали. Между тем, как только подъезжали к селу, — колокольный звон. Один из спутников сказал: «Это неспроста: быть кому-нибудь из нас архиереем».

Засмеялись молодые люди, не подозревая, что слова эти были пророческими.

3.

Молодой человек, инженер Рымаренко, не раз беседовал сначала со старцем Анатолием, затем с его преемником Нектарием. Оба старца дали один и тот же совет: идти по пути служения Церкви.

Еще в Политехническом институте вступил в христианский кружок. Членом такого же кружка был и отец Сергий Щукин. Кружки эти были популярны в Петербурге того времени. В них занимались изучением разных религий. Изучали и Священное Писание, но не касались Церкви. Адриан Рымаренко, как и другие участники кружка, скоро почувствовали неполноту таких занятий и обратились к православному священнику профессору богословия отцу Иоанну Егорову, который и создал Православный христианский кружок.

Таким образом, в Оптину пустынь будущий архиепископ Русской Церкви попал уже церковно подготовленным.

После бесед со старцами Анатолием и Нектарием решение было принято окончательное. Никаких колебаний не было, как не было колебаний и на том пути, которым шел пятьдесят с лишним лет священник Адриан, а затем епископ и архиепископ Андрей.

Чтобы стать священником, нужно жениться, и Адриан Рымаренко женился.

14 октября 1921 года его рукоположили во диакона, а через три дня — во священники. В том же году получил назначение в родной город Ромны.

Пастырская деятельность молодого священника развивалась под руководством старца Нектария. Общение было и письменное, и личное. Несмотря на трудности железнодорожного сообщения в те времена, отец Адриан неоднократно ездил в Оптину пустынь, а затем в Холмщину, куда старца Нектария сослали. И умер старец под епитрахилью отца Адриана. Скоро власти поняли, какую опасность представляет для них пастырская деятельность молодого священника. Его лишили паствы и выслали в Киев, под надзор ГПУ.

Тяжело было в Киеве первое время, но скоро отец Адриан сблизился с группой выдающихся киевских пастырей-подвижников. В числе их были: отец Евгений Капралов, отец Александр Глаголев, отец Константин Сташенко, отец Михаил Едлинский. Все они отдали свои жизни за Церковь, за веру — все погибли в застенках сатанинской власти.

Об этом рассказывал в 1971 г. в своем очерке, посвященном владыке Андрею, сын священника Евгения Капралова, зарубежный публицист А. Сергеев, ныне покойный.

Отец Адриан тоже был арестован, тоже попал в известную в Киеве Лукьяновскую тюрьму.

Гонения на Церковь, начатые сразу же после прихода к власти большевиков, все нарастали и нарастали. Союз воинствующих безбожников ряд лет возглавляет некто Емельян Ярославский. Православная Церковь подвергается особенно ожесточенным гонениям. Власть «изымает» церковные ценности, иначе говоря просто грабит церкви и монастыри.

Власть истребляет духовенство, расправляется и с мирянами, верными Церкви. Тысячи погибших, тысячи и тысячи в тюрьмах и концлагерях.

Сонм Новомучеников Российских...

То были гонения, которые можно сравнить только с гонениями язычников на первых христиан. Бесноватый Ленин, «апостол» неоязычества, люто ненавидел Церковь, не раз, как пьяный хулиган, поносил и Церковь, и духовенство в печати. И во главе Союза безбожников поставил заклятого врага Веры Христовой.

Но все это не устрашало будущего архиепископа Андрея. Раз ставши на путь истины, он шел по этому пути.

4.

До 1926 года отец Адриан — настоятель Александро-Невской церкви в Ромнах. В 1926 году церковь закрывают, а его высылают в Киев.

В 1930 году в Киеве его арестовали. Вырвался из тюрьмы буквально чудом. Его освободили только потому, что тяжело заболел. Удалось уйти и из Ссылки. Шли годы скитаний, переезды из города в город. Совершая тайные богослужения и требы, постоянно рисковал и свободой, и самой жизнью. То была жизнь священника Катакомбной Церкви.

Так продолжалось до самой войны.

Когда началась война, когда выяснилось, что несли немцы России, надежды на освобождение сменились горьким разочарованием. В глубоком тылу армии, где хозяйничали «золотые фазаны» Восточного министерства, угроза иноземного порабощения становилась особенно явственной.

Между тем, по всей территории занятой немцами, особенно в областях, находившихся в ведении военного командования, начали одна за другой открываться церкви. Открывались уцелевшие, ремонтировались полуразрушенные, превращенные большевиками в склады, в помещения для сельскохозяйственного инвентаря.

В храмы устремились верующие и неверующие. На Рождество, а особенно на Пасху храмы не вмещали молящихся. Площади и прилегающие к храмам улицы бывали запруженными празднично одетым народом.

Чтобы понять, какой религиозный подъем был в занятых немцами областях, нужно было побывать тогда в храмах, нужно было видеть тысячные толпы около храмов. Мне довелось видеть. Это были счастливейшие дни моей жизни.

В 1941 году, после занятия Киева немцами, отец Адриан стал духовником вновь открытого Покровского женского монастыря, одновременно организовал дело помощи нуждающимся. Создал дом для престарелых и увечных, больницу. Помогал всем, кто шел к нему.

В 1943 году отец Адриан вместе с семьей и общиной своей эвакуировался из Киева на Запад.

5.

В том же году отец Адриан был назначен настоятелем Св. Владимирского православного собора в Берлине, что и теперь стоит на обширной площади Гогенцоллерндам, видный издалека.

Прот. Александр Киселев вспоминает, что по воскресеньям в собор собиралось до тысячи и больше молящихся. Приезжали в метро, приходили пешком из разных концов Берлина и эмигранты, и «остовцы», «восточные рабочие», вывезенные немцами на работу в Германию.

В то время и я бывал в соборе, и я помню те службы. Как молились тогда, как молились!

В сохранившихся дневниковых записях есть и такая запись, за 18 марта 1945 года: «Почти каждую субботу и воскресенье бываю в соборе. На прошлой неделе был и в будние дни. Как хорошо служат здесь!»

Служил и отец Адриан, и отец Александр, духовник Русской Освободительной Армии. По праздникам служил сам Глава нашей Зарубежной Церкви, скончавшийся уже в США, митрополит Берлинский и Германский Серафим (Лядэ).

Были службы особые, когда во время службы начинались бомбежки. Берлин бомбили и одиночные английские самолеты, и стаи американских «летающих крепостей». Бомбили не военные объекты, а жилые районы.

Отец Александр Киселев вспоминает службу во время одной из бомбежек, когда служил митрополит Серафим: «Митрополит пошептался с отцом Адрианом, и меня послали объявить молящимся, что служба не будет прервана, но что все желающие могут поспешить в ближайшие бомбоубежища. Из храма вышли единицы, а остальные еще ближе подвинулись к алтарю, еще плотнее стали друг к другу. Что это была за молитва под грохот близких и дальних разрывов, под канонаду зенитной артиллерии!»

Берлинский Св. Владимирский кафедральный собор был в то время местом, где бесправные люди — русские, украинцы, белорусы, мобилизованные на работу в Германию, — находили не только духовную поддержку. В подвальном помещении собора была столовая, куда люди приходили со всего Берлина. В собор приходили в любое время суток, получали помощь, находили пристанище.

Когда требовалось, мягкий и ласковый в обращении с людьми, отец Адриан проявлял и силу воли, и мужество.

Так, был приказ Гестапо: запретить «остовцам» посещение собора.

Поддержанный митрополитом Серафимом, отец Адриан ответил категорическим отказом, и собор по-прежнему был переполнен, главным образом молодежью, потому что в Германию вывозили преимущественно молодежь.

Во время одного из воздушных налетов в Берлине погиб старший сын отца Адриана — Серафим. Вера, одна вера помогает пережить такое горе, и отец Адриан стоически перенес вместе с матушкой Евгенией Григорьевной свалившееся на них тяжкое горе, продолжал служить людям и Церкви.

В 1945 году отец Адриан вместе с семьей — матушкой и вторым сыном Сергеем, со всею духовной семьей, окружавшей его, эвакуировался в Южную Германию, под Штуттгарт, служил Церкви, продолжал служить людям, над которыми висела теперь смертельная угроза насильственной репатриации.

Чудесное сопутствовало отцу Адриану всю жизнь. Вот что произошло, например, во время эвакуации из Берлина. В селении Вестерхайм, в Вюртемберге, где в гостинице остановился отец Адриан со своими спутниками, начался встречный танковый бой. Загорелась гостиница. Казалось, гибель неминуема. И вот отец Адриан в облачении, с высоко поднятой в руках иконой, вышел на улицу. Вслед за ним его спутники. С одной стороны немецкие танки, с другой — американские.

Священник в облачении с иконой в руках, за ним — мужчины, женщины, дети... Сначала немецкие танкисты, потом и американские, пораженные невиданным зрелищем, прекратили огонь. Наступила тишина, и отец Адриан вывел всех своих из зоны огня.

В городке Вендингине отец Адриан создал церковь, служил ежедневно.

К нему потянулись те, кто скрывался от репатриации. Люди, доходившие до полного отчаяния, стоявшие на грани самоубийства, находили у отца Адриана утешение, уезжали, уходили просветленными и успокоенными.

В 1949 году со всею своей церковной общиной отец Адриан переселился в США.

6.

На северо-восток от Нью-Йорка, на правом берегу Гудзона, есть тихий провинциальный город Спринг-Валли, а рядом Ново-Дивеевский монастырь, принадлежащий Русской Зарубежной Церкви.

Здесь храм, построенный в стиле древнерусских псковских храмов.

Здесь монастырские службы.

Здесь и Русский Пантеон — наше православное кладбище.

На главной аллее памятник руководителям и участникам Освободительного движения периода Второй мировой войны, погибшим в борьбе против коммунизма, за свободу России.

На главной аллее часовня в память погибших чинов Русского корпуса, сражавшегося против коммунистов в Югославии.

Участок кладбища, где покоятся белые воины, солдаты и офицеры Добровольческой армии ген. Деникина и Русской армии ген. Врангеля.

Рядом участок кладбища, где похоронены солдаты и офицеры РОА.

Я не раз обходил кладбище, останавливался у памятников, на которых знакомые по печати, по истории эмиграции, по встречам и личной дружбе — имена российских эмигрантов. Здесь и воздух наш, российский.

История Ново-Дивеевского монастыря неразрывно связана с именем архиепископа Андрея Роклендского. Роклендский — это по названию района или графства, как здесь называется район, Рокленд-ского, части штата Нью-Йорк.

Осенью 1949 года Синод Зарубежной Церкви поручил отцу Адриану основать в США русский женский монастырь, собрать из разных стран нашего рассеяния монахинь.

Мужской монастырь был основан еще до войны — это Св. Троицкий монастырь на севере штата Нью-Йорк, около городка Джорданвилль. Теперь основывался женский монастырь.

Отец Адриан, его многолетний друг и помощник князь Д. В. Мышецкий, вся община начинали буквально с ничего: не было ни цента денег, но была вера и желание создать монастырь.

Для стороннего наблюдателя случайно, а для верующего вовсе не случайно, а по Промыслу Господню, был получен бесплатно пустующий особняк. Через полгода приобрели землю с большим домом и с другими постройками.

Здесь был католический монастырь. Католическим организациям вообще запрещено продавать недвижимое имущество и землю православным. Долго беседовавший с игуменьей монастыря, отец Адриан произвел на нее такое впечатление, что она лично поехала в Нью-

Йорк к кардиналу Спельману и получила от него разрешение на продажу монастыря русским эмигрантам.

Штатные власти не дают разрешений на устройство новых кладбищ — отец Адриан добился разрешения, и кладбище при монастыре было основано.

Обратившись к эмиграции, тогда еще не устроенной, только начинавшей новую жизнь в незнакомой стране, отец Адриан собрал средства на постройку храма, и храм стоит и радует глаз каждого, кто подъезжает к монастырю.

Еще одно испытание постигло отца Адриана: умерла матушка Евгения Григорьевна.

В феврале 1968 года отец Адриан принимает монашество. В том же году хиротонисан во епископы, становится викарным епископом Нью-Йоркской епархии — Андреем Роклендским.

В 1973 году, в день его 80-летия, возводится в сан архиепископа.

В этот день, как нежданный подарок, пришло письмо от покойного Нельсона Рокфеллера, бывшего в то время губернатором штата Нью-Йорк.

Рокфеллер поздравлял владыку с 80-летием, с архиепископством и сообщал, что монастырь, основанный владыкой, ко дню его рождения объявлен правительством США Национальной Святыней.

Таким образом закончилась длительная тяжба монастыря со штатными властями, пытавшимися осуществить черное дело отчуждения монастырской земли под аэродром. По соседству с монастырем есть небольшой аэродром. Некоторые деловые круги решили этот аэродром расширить, построить крупный, готовились уже к захвату монастырской земли. Конечно, не даром, а за соответствующую плату — по штатным законам. Если бы эти круги дело выиграли, и кладбище, и все монастырские постройки, и церковь — все было бы сравнено с землею, и вместо умиротворяющего звона церковного колокола окрестные жители слушали бы вой реактивных самолетов.

Уже с надорванным нелегкой жизнью здоровьем, больной, владыка Андрей, поддержанный Синодом, всею Церковью нашей, всей эмиграцией, отстоял и монастырь, и наш Пантеон.

Для этого владыке пришлось ехать в столицу штата Олбани, где он выступил на объединенном заседании Сената и Ассамблеи штата. Выступали и адвокаты монастыря, но выступление самого владыки произвело на штатных законодателей такое впечатление, что было выне-

сено единогласное решение об отмене решения о расширении аэродрома, и таким образом монастырь остался невредимым.

7.

Архиепископ Андрей скончался после продолжительной и тяжкой болезни 12 июля 1978 года, в день св. апостолов Петра и Павла.

Ровно в 11 часов вечера, через 15 минут после кончины, раздался колокольный звон. Двенадцать ударов колокола известили насельников монастыря, что архиепископ Андрей, почитаемый и любимый всеми, кто жил в монастыре, всеми, кто знал его, отошел в вечность.

Князь Д. В. Мышецкий вспоминает: «Звонила монахиня Елена, которая знала владыку еще на родине. Весь наш домик осветился электричеством. Все живущие в монастыре, услышавши звон, увидевши свет, поняли: владыки не стало. Со всех сторон потянулись они вереницами к домику, на первую панихиду».

В последний путь провожали архиепископа Андрея сотни людей, съехавшихся из разных штатов. Провожали российские эмигранты, чтущие его память.

Память о нем останется навсегда в душах тех, кто знал его, кто видел хоть раз в жизни.

Пусть знают о владыке Андрее и верующие в самой России.

Церкви Православной служил он всю жизнь, до конца дней своих, а служа Церкви, служил и Родине нашей, встающей из духовного пепла, вырывающейся из духовного плена.

США,
Владимир Самарин

Столетие учреждения Императорского Православного Палестинского общества[1]

В 1982 году исполнилось 100 лет, как в Санкт-Петербурге в торжественной обстановке волей императора Александра III было учреждено Православное Палестинское Общество.

Россия, приняв христианство, свои взоры направляет к Святым местам Востока, к Святому Граду Иерусалиму и к Святой Земле. История сохранила для нас некоторые указания о посещении Святой Земли русскими. Одно из древнейших повествований — это «Хождение

[1] Русское возрождение. 1983. № 22. С. 59–72.

Игумена Даниила» по Святым местам. Прот. Александр Трубников в своем труде «Ближний Восток — колыбель Православия» указывает и на другие подобные паломничества последующего времени[1].

Святая Земля с ее святынями с давних пор привлекала взоры русских православных людей, но тогда не так легко было осуществлять паломничества, как в наше время. Трудности тогда заключались и в дальности расстояния, и в средствах передвижения, и в том, что мусульманское государство было чужой неизвестной страной, и во многом другом.

Но вот в XIX веке исследование Палестины сделало значительные успехи, и это дало возможность и русским православным людям ближе познакомиться со Святыми местами, и в дальнейшем это послужило толчком к организации паломничеств в Святую Землю.

В исследовании и описании Святой Земли приняли участие и русские ученые — архимандрит Порфирий (Успенский, впоследствии епископ), прот. Разумовский, проф. Хвольсон, Сибирцев, Соловейчик, Олесницкий, Мансуров и др.

В 40-х годах прошлого века в Святой Земле усилилась деятельность инославных: католиков, протестантов и англикан. В это время и Россия, став великой православной империей, продолжала свои заботы о Святой Земле и, чтобы противодействовать инославным, для начала учредила в Палестине свое консульство.

В 1847 году Россия, по инициативе Святейшего Синода, учредила в Иерусалиме Русскую духовную миссию, задачи которой были: представительство Русской Православной Церкви при Иерусалимском патриархате, содействие делу православия и оказание помощи паломникам из России. В это время уже были паломничества из России, хотя еще не очень организованные и не такие многочисленные, как это было позднее и к концу столетия.

Первым начальником Русской духовной миссии был назначен архимандрит Порфирий Успенский, известный своими исследованиями христианского Востока. В числе членов миссии был иеромонах Феофан (Говоров), ставший впоследствии епископом Владимирским, и известный как затворник Вышенский. Эта первая миссия просуществовала до начала Крымской Восточной войны, возникшей в 1854 г. из-за стараний императора Николая I отстоять права православных в Святой Земле.

[1] *Трубников А., прот.* Ближний Восток — колыбель Православия. С. 42—43.

После Крымской войны, в 1856 г. прибыла в Иерусалим новая миссия, которую возглавил Преосвященный Кирилл (Наумов).

В это время, в 1858 г., в С.-Петербурге возник Палестинский комитет, который в будущем и будет переустроен в Императорское Палестинское общество. Комитет этот занялся сбором пожертвований на Святую Землю по всей России. Сравнительно за короткий срок, с 1858 по 1864 г., было собрано около миллиона рублей. На эти средства Русская духовная миссия, в лице своих начальников, начала приобретать земельные участки, которые были освящены теми или иными священными событиями и не были заняты ни католиками, ни протестантами.

На этих участках начали воздвигать странноприимные дома, устраивались школы для арабских детей, амбулатории и другие учреждения. В странноприимных домах устраивали паломников из России (паломничества к этому времени начали возрастать), а в амбулаториях оказывали помощь, как паломникам, так и местному арабскому населению.

В 1864 г. епископ Кирилл был отозван в Россию, а его заменил иеромонах Леонид (Кавелин), который пробыл начальником миссии около года. На его место был назначен архимандрит Антонин (Капустин), который очень много потрудился не только в области хозяйственного благоустройства миссии и ее учреждений, но также и в области научно-археологических изысканий.

Паломничества из России к Святым местам Палестины с каждым годом возрастали. Несмотря на то, что Русской духовной миссией многое было сделано, чтобы оказывать помощь паломникам, последние много страдали и от турецких властей, и от арабских проводников. Особое внимание на это обратил Василий Николаевич Хитрово, который посетил Святую Землю в 1871 и 1880 годах и затем описал свои путешествия и указал на то, что приходится переносить русским паломникам во время их посещения Святой Земли.

В 1881 году Святую Землю посетили великие князья Сергей и Павел Александровичи. Последствием этого посещения явилось основание волей императора Александра III Православного Палестинского общества, заменившего Палестинский комитет.

Православное Палестинское общество было организовано с целью поддержания православия в Святой Земле и защиты его от иноверцев, а также для облегчения православным паломникам путешествия в Святую Землю, для заботы о самих паломниках на месте и для ознакомления русских православных людей с прошлым Святой Земли.

Первым председателем Православного Палестинского общества был Великий князь Сергей Александрович, который принял деятельное участие в организации общества. Устав общества был утвержден 8 мая 1882 года. В общество вошли 42 члена-учредителя, а также почетные члены, избираемые за ученые труды по палестиноведению. Можно было записываться и стать действительным членом со взносом 25 рублей в год или членом-сотрудником со взносом 10 рублей в год.

В 1889 году обществу было присвоено именование ИМПЕРАТОРСКОГО и было передано управление всеми земельными участками и всеми учреждениями, которые до тех пор были в ведении азиатского департамента Министерства иностранных дел.

За последнее десятилетие прошлого столетия и в начале XX века Императорское Палестинское Православное общество развило большую деятельность. Обществом были открыты в России епархиальные отделы, которые занимались сбором пожертвований по всей России на нужды Святой Земли. Православные русские люди, ревновавшие о благе Святых мест, давали свои лепты на святое дело. Общество на эти средства приобретало земли в Палестине, создавало храмы, поддерживало сельские церкви местного православного арабского населения, открывало пансионы, школы, амбулатории и лечебницы. Для паломников строились странноприимные дома, подворья — Сергиевское, Елизаветинское и Николаевское, а также открывали обители с благословения Святейшего Синода и строили храмы.

В 1905 году, 4 февраля, был убит председатель общества Великий князь Сергей Александрович. После него председательницей стала его супруга Великая княгиня Елизавета Феодоровна. Она была в Святой Земле в 1888 году, когда было освящение храма в Гефсимании, в честь Св. Равноапостольной Марии Магдалины. Храм этот был построен императором Александром III в память его матери императрицы Марии Александровны. Вел. кн. Елизавета была внучкой импер. Марии Александровны. Когда она была на освящении храма, то высказала свое пожелание: она хотела бы быть похороненной в Гефсимании. И, как мы знаем, ее останки были перевезены сюда и теперь почивают в храме.

Императорское Палестинское Православное общество помогало паломникам, распространяло литературу о Святой Земле, устраивало лекции о Святых местах. Кроме всего этого, общество заботилось о проведении археологических работ, которые описаны в 63 томах научных исследований, изданных обществом.

Протоиерей Александр Трубников в своем труде «Ближний Восток — колыбель Православия» дает следующий краткий очерк деятельности и достижений Императорского Палестинского Православного общества (С. 48–52):

«Деятельность и достижения Императорского Палестинского Православного Общества.

а) Культурно-просветительная:

в 1907-м году насчитывалось до 347-ми сочинений по палестиноведению.

Школы для арабов:

в 1900-м году их насчитывалось 70;

в 1904-м году 87 с 10 000 учениками;

в 1907-м году 101 с 10 594 учениками, из коих 5526 мальчиков и 5068 девочек.

Для обслуживания школ Палестинское Общество располагало мужским интернатом (по образцу русских учительских семинарий) в Назарете (основанным в 1886-м году) и женской семинарией в Бетт-Джат (основанной в 1890-м году). Кроме учителей арабов, часть преподавательского персонала приезжала из России.

Первоначально школы открывались лишь в Палестине, в пределах юрисдикции Патриарха Иерусалимского. Но вскоре иерархия Антиохийского Патриархата, учитывая значение русских начальных школ, обратилась к Палестинскому Обществу с просьбой взять под свою опеку школы в Сирии и Ливане. Таким образом к школам Иудеи и Галилеи добавились:

Бейрутский округ с 5-ю школами (в 1900-м году) с 151 мальчиками и 864 девочками.

Южно-Сирийская Инспекция с 7-ю мужскими, 12-ю смешанными и 1-ой женской школами, в которых обучалось 2111 мальчиков и 1333 девочки, и Северо-Сирийская Инспекция с 4-мя мужскими, 9-ю смешанными и 1-ой женской школами, в которых обучалось 2518 мальчиков и 1446 девочек.

б) Санитарная помощь: Из отчета Императорского Общества, представленного 28.4.1913 г., выявляется, что через 1 больницу и 6 амбулаторий прошло паломников, учащихся в русских школах и местного арабского населения 115 093 нуждающихся в медицинской помощи.

в) Помощь паломникам: Во второй половине XX века, когда мы привыкли к ежегодным массовым движениям туристов в связи с кани-

кулярным периодом и когда мы читаем о массовых паломничествах в Рим, Лурд и другие места, при наличии многочисленных туристических обществ с представителями во всем мире и при содействии всех правительств мира (для которых туризм является доходной статьей), трудно себе представить, что означала в начале века поездка русского крестьянина из России в Иерусалим. Незнание языков, доверчивость к местному населению являлись большими препятствиями для успешного паломничества. Поэтому цифру в 9178 паломников за год, из коих 4159 на Пасху, в 1912-м году надо считать весьма большой. Что делалось для паломников Палестинским Обществом?

Благодаря "паломническим книжкам", паломник через Одессу (главным образом), Новороссийск или Батум спокойно ехал до Св. Земли. Стоимость проезда до Иерусалима и обратно в 3-м классе без продовольствия обходилась из Москвы через Курск, Киев и Одессу в 54 рубля. Тот же проезд в 3-м классе поездом и 2-м классом на пароходе с продовольствием на пароходе обходился в 174 рубля.

В Одессе (и других портах) паломника встречали на станции монахи или послушники, которые провожали его в одно из 3-х подворий (в Одессе), где паломникам предоставляли кров, ночлег и довольствие бесплатно. Кроме того, подворья брали на себя хлопоты с паспортами и билетами. (На паспортах должны были быть турецкие визы.)

В Яффе паломника встречал служащий Палестинского Общества, который сопровождал его во все время его пребывания в Св. Земле и оказывал ему всякую помощь и содействие. В Иерусалиме паломники, желающие остановиться в общих палатах русских странноприимных домов, ничего не платили за помещение в течение первых 14-ти дней. Квартирование в отдельной комнате, с бельем, освещением, отоплением и прислугой стоило от 30 коп. до 1 рубля. В общей палате кровать в сутки стоила 3 коп. (после 14 дней бесплатных). Довольствие для живущих в отдельных комнатах обходилось в день 1 р. 50 коп., а остановившиеся в общих палатах могли получить порцию чая или супа (с хлебом) за 5 коп. и порцию каши за 3 коп. (Данные на 1906–1907 гг. взяты из "Путеводителя по Св. Местам града Иерусалима". Изд. Фесенко. Одесса, 1908 г. 229 стр. с иллюстр. и картой).

В 1907-ом году в Св. Земле насчитывалось 8 подворий для приема паломников. Мы видели, что на Пасху до 5.000 человек смогли в них расположиться.

г) Имущество: Имущество Императорского Палестинского Православного Общества к 1914-му году заключалось: в Иерусалиме:

Дом у Судных Ворот, Троицкий Собор и домовая церковь Св. Царицы Александры, 4 подворья, больница, 2 больших здания.

В Гефсимании: храм Св. Марии Магдалины;

в Кане Галилейской — храм;

на горе Елеонской — храм Вознесению;

в Назарете: подворье, учительская семинария, женская школа, амбулатория и детский сад;

в Яффе: 2 гостиницы для паломников и храм Св. Петру и Павлу; в Хевроне — храм;

на горе Кармиль — храм Св. Пророку Илье;

в Айн Карем — женский монастырь».

Приведенный о. прот. А. Трубниковым перечень достижений Импер. П. П. Общества дает нам некоторое представление о той многополезной и обширной работе, которую Общество проводило.

Мы хотим здесь привести еще одну зарисовку, которая даст нам более полную картину деятельности Общества. Это выдержка, озаглавленная «Русские школы в Сирии и Палестине», из книги И. П. Ювачева «Паломничество в Палестину к Гробу Господню» (Очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Египет и Грецию. 1904 г.).

«Пароход снялся ночью. Яркие звезды на небе вызвали меня любоваться ими на верхнюю площадку. Но у меня еще не вытеснились из головы образы виденного сегодня днем, и я искал, с кем бы поделиться своими впечатлениями. Среди пассажиров находился один из служащих в Православном Палестинском обществе. Мне интересно было слышать о школах общества вообще, об их возникновении и цели, об условиях жизни учителей и многое другое, и потому я обратился к нему со своими вопросами. Мне казалось, что он сообщает сведения о школах очень охотно и откровенно, и я позволил себе затронуть некоторые щекотливые вопросы, о которых писалось в последнее время в русских газетах.

– О, это пишут люди, имеющие личные счеты с обществом. Таким писаниям нельзя доверять, — ответил мой собеседник.

– Но скажите, пожалуйста, — спрашиваю его, — насколько необходим для арабских детей русский язык? Я читал, да мне и говорили, что все то немногое по русскому языку, что изучат дети в сельской школе за три года, скоро ими забывается. Даже учители и учительницы, окончившие Назаретский или Бет-Джальский пансион, где преподавание предметов ведется на русском языке и где они усваивают

его настолько хорошо, что свободно объясняются и читают с пониманием образцовые произведения русских писателей, даже и эти арабы, если попадут в отдаленные школы среди арабского населения, в значительной степени утрачивают понимание русской речи[1].

К чему им такое нетвердое знание русского языка, когда здесь пришлые иностранцы, или франки, преимущественно говорят на французском языке?

Мой собеседник, до сих пор так мирно настроенный, вдруг заволновался, потерял свой спокойный тон и, как будто с кем полемизируя, стал крайне возбужденно доказывать необходимость русского языка в сирийских школах. Мне неприятно было, что я вызвал у человека нежелательное огорчение, затронув, как видно, больной вопрос, а потому я скоро замолк, и мы расстались. Впоследствии, объехав всю Палестину и присмотревшись к положению дел Православного Палестинского общества, я сам пришел к тому убеждению, что русский язык действительно необходим в здешних православных школах.

В Сирии и Палестине, как известно, идет сильная конкуренция между различными исповедниками Христа. Каждый из них хочет привлечь православного араба на свою сторону и чаще всего увлекают его не будущими небесными, а настоящими земными благами. Нельзя сказать, чтобы араба легко можно было соблазнить. Но миссионеры отлично поняли, что есть тонкий и верный способ обращения арабов в католичество или протестантство. Это провести детей их через миссионерские школы. Толпы инославных мужчин и женщин, всецело отдавшие себя как монахи на служение идее, наводнили здешний край и настроили множество блестящих школ, и низших и высших. Ну, как не соблазниться арабу даровым обучением! И он отдает своего сына или дочь в прекрасно обставленный пансион, где дети скоро усваивают французский, немецкий или английский язык, смотря по тому, в чьих руках они находятся, и вместе с тем незаметно подпадают влиянию своих наставников. Если бы не пришли сюда на помощь русские, то скоро не было бы араба-сирийца, а были бы арабы-французы, арабы-немцы, арабы-англичане.

Для удержания местного населения в православии, очевидно, надо создать для него школы в православном духе, и притом такого устройства, чтобы они могли выдержать конкуренцию с инославными. Но как это сделать? Сами арабы как малокультурный народ, да еще под турецким гражданским и под греческим духовным режимом не в

[1] См.: Сообщения Православного Палестинского общества за 1899 год.

состоянии открыть не только высшей или средней, но и порядочной сельской школы.

Вот тут-то наше Палестинское общество и пришло на помощь арабам со своими русскими учителями. Но как скромно и деликатно это было сделано в Сирии!

Осенью 1895 г. иерархи Антиохийской Церкви, видя успех русских учебных заведений в Палестине, стали горячо просить наше Палестинское общество, чтобы оно взяло на свое попечение и сирийские школы. Несмотря на свои небольшие средства, общество почло себя нравственно обязанным не отказывать в таком святом деле, а потому распространило свою учебную деятельность и на Сирию.

В короткое время общество взяло под свою опеку 42 школы и разделило их на две инспекции: Южно-Сирийскую с Дамаском во главе и Северо-Сирийскую, к которой принадлежит Ель-Мина, Триполи и Хомс. Бейрутские школы выделены пока в отдельный округ, под непосредственным заведыванием М. А. Черкасовой.

В Южно-Сирийской инспекции представителя общества, Димитрия Федоровича Богданова (из Казанской духовной академии), было семь мужских школ, двадцать смешанных и одна исключительно женская. В них насчитывается 2111 учеников и 1333 ученицы. Северо-Сирийские учебные заведения были в ведении инспектора Ефима Ивановича Тарасова (из Петербургского историко-филологического института). В мое время здесь насчитывалось четыре мужских школы, девять смешанных и одна женская. Всех учащихся в них 2519 мальчиков и 1446 девочек.

Успех наших школ больше всего очевиден в селах. Например, в Рахбэ и Джиброиле дети покинули протестантские школы с открытием русских. В других же селах жители упорно отказываются от назойливых предложений латинян и терпеливо ждут православных школ.

Палестинское общество, как я говорил, радо исполнить их просьбы; но, помимо того, что для этого нужны большие деньги, надо еще создать контингент надежных учителей, которые, взявшись за орало на арабской почве, не оглядывались бы назад в Россию. Как бы то ни было, общество дало арабам 70 школ, где обучаются до 10 тыс. человек[1].

[1] К 1 мая 1900 г. В настоящее время общество насчитывает 87 русских школ, которые 1-го марта 1902 г. турецким правительством признаны законно существующими.

Кроме двух учительских пансионов в Назарете и Бет-Джале, созданных по типу российских учительских семинарий, все остальные школы общества делятся на одноклассные и двухклассные. В первых, с тремя последовательными группами и тремя годами обучения, преподаются: Закон Божий, арифметика, арабский и русский языки и пение. В двухклассных же училищах с тремя последовательными группами в 1-м классе, т. е. с пятью годами обучения, преподается то же самое, что и в одноклассных, конечно, в расширенной программе и, кроме того, еще турецкий язык и география.

Кстати сказать, число русских паломников в Палестине с годами все увеличивается и увеличивается. Иные проводят в ней несколько месяцев, а есть, которые живут в Палестине и годы. Весь этот русский люд находится здесь в постоянном движении, а следовательно, и в общении с местными жителями во всех городах и селах. Теперь неудивительно встретить араба, знающего несколько слов и даже несколько фраз по-русски. Мне попадались мукари (проводники), которые очень развязно объяснялись по-русски с паломниками, научившись языку только от них в караванных шествиях по Святым местам. В этих видах для нас, конечно, выгодно распространение русского языка среди арабов.

Замечу, кстати, что теперь, кроме Православного Палестинского общества, заботится еще другое — Общество востоковедения — о распространении русского языка вообще в Азии, чтобы тем содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народностей.

Некоторые дальновидные экономисты предвидят сближение этого края с Россией через соединение железною дорогою порта Александретты с Закавказьем, но об этом здесь не место говорить».

Вот такова была многополезная деятельность России на Ближнем Востоке, в Святой Земле. Таковы были достижения Императорского Палестинского Православного общества.

К сожалению, эти достижения потерпели большой урон, когда не стало Православной России. Мы это и сейчас наблюдаем.

Архиепископ Лавр Сиракузский и Троицкий

Завершительный шаг из истории русского христианского крестьянского движения (1932–1939)[1]

От автора

То, что происходит сейчас на порабощенной нашей родине, можно назвать «началом конца». Духовные искания, от самого широкого их понимания до чисто религиозного включительно, за последние годы из ощутимых стали осязаемыми. Можно иметь разное мнение о степени их распространенности, но не о самом факте их существования.

То, свидетелями чего мы сейчас являемся, следует считать наиболее крупной вехой, говорящей о приближающемся дне духовного возрождения России.

В связи с этим важно учесть и опыт, приобретенный в эмиграции. Это и побудило меня рассказать о работе Русского Христианского Крестьянского Движения 30-х годов в Прибалтике, сопоставив ее с задачами Русского Студенческого Христианского Движения.

Движение с самого своего начала осознавало себя русским, служащим России и работающим для будущего православной России. Нам нужно всегда помнить, как отцы Движения — отец Сергий Четвериков, отец Сергий Булгаков, отец Василий Зеньковский, отец Виктор Юрьев и другие — заповедали нам молиться об этом чаемом и грядущем дне. «Яко же Израилю в пустыни странствующу благоволил еси вступити в Землю обетованную, юже клялся еси дати отцам его, тако и ныне сыном разсеяния сего ниспосли возвратитися в землю свою и к народу своему и тамо Тебе послужити предивный Господи, услыши ны с небесе святого Твоего и милостивно помилуй» (прошение на сугубой ектении).

В этих молитвенных словах раскрыта не только исходная и завершительная стадия исторического пути Русского Студенческого Христианского Движения, но и та харизма, к которой оно призвано.

Возникновение и жизнь *Крестьянского* Движения было бы трудно понять, не зная предшествовавшего ему *Студенческого* Движения.

Поэтому первую главу мы посвящаем Движению вообще, а последнюю — специально Крестьянскому Движению.

[1] Русское возрождение. 1984. II. № 26. С. 35–69.

Давая в печать эту мою работу, написанную много лет тому назад, я не вношу в нее тех поправок, которые я сделал бы, если бы писал эти воспоминания сейчас. Считаю, что не только вся правда и драгоценный опыт работы Движения, но и все ошибки назидательны, и о них нужно знать.

Возникновение Русского Студенческого Христианского Движения

Русское Студенческое Христианское Движение возникло за рубежом в 1923 году, объединив отдельные религиозные кружки студенческой молодежи. Такие кружки более или менее одновременно в 22–23 годах образовались во всех наиболее крупных центрах скопления русской эмиграции: Париж, Белград, София, Берлин, Прага. Возможно, что кружок в Белграде возник несколько ранее, чем в других местах. Главной организующей силой кружка в Белграде были хорошо известная в эмиграции семья Зерновых, а также будущий архимандрит и доктор богословия Киприан и граф Г. П. Граббе, ныне Преосвященный Григорий, епископ Вашингтонский.

Кружок в София был создан Александром Ивановичем Никитиным, участником подобных кружков в дореволюционной России совместно с такими выдающимися представителями Православной Церкви За рубежом, как архиепископ Рокландский Андрей и протоиерей Сергий Щукин.

Пережитая трагедия крушения России и первые удары, полученные в условиях эмигрантской жизни, способствовали желанию религиозно осмыслить случившееся и происходящее. Можно предположить, что эти искания остались бы разрозненными и неспособными породить большое православное молодежное движение, не случись в эмиграции нескольких деятельных людей, в которых инициатива соединялась с глубоким православным сознанием и высокой культурой. При содействии выдающихся священников и профессоров Движение стало значительной силой, оставившей след в истории русской эмиграции. Мы верим, что пройденный путь был периодом накопления опыта, который в свое время Движение передаст своему родному народу на благо его духовного возрастания.

Забегая вперед, необходимо отметить, что вскоре наступившее в эмиграции церковное разделение сосредоточило столь важное дело, как воспитание нашей молодежи, в рамках образовавшихся «юрисдикций», лишив его единства.

Какие же задачи ставило себе Движение? И какой им пройденный путь?

С самого своего начала — первый съезд Движения в Пшерове (Чехословакия) в 1923 году[1] — Движение определило себя как движение православное. Н. А. Бердяев в своем первом докладе на этом съезде показал всю непригодность «интерконфессионального» метода в предстоящей деятельности Движения. В последующих докладах А. В. Карташев и о. С. Булгаков раскрывали глубину служения Церкви в начинающейся работе Движения, как «несение всему миру иконы православия». Так осознало себя Движение с первых дней своего существования. Оно поняло свою задачу как задачу миссионерскую, а себя как объединение, призванное к выполнению этой задачи. Это не было проявлением гордости, но актом дерзновения. Отец С. Булгаков тогда сказал: «Кто мы, что мы, чтобы нам начинать великое? Но искать великого — еще не значит быть великим. Однако величие определяется и тем, чего мы ищем, чему мы служим»[2].

Эту свою задачу Движение восприняло не как нечто внешнее, но как внутреннюю органическую потребность. «Как в акте венчания душевная связь двух людей в любви не только свидетельствуется перед Церковью и благославляется, но объективно сама становится малой Церковью — так и в Пшерове исчезла тема "мы и Церковь" и взамен родилось сознание радостное и ответственное: "мы в Церкви", мы прикоснулись к Ее тайне, мы вобрали в себя эту тайну, мы обещались, мы хотим нести миру эту тайну о Церкви, это благовестие о ее силе и полноте, о ее жизни и радости»[3]. Родившееся Движение ощущало себя церковной силой. Это определило его дальнейшее развитие.

Оторванность жизни от культуры, а культуры от источника своего осмысления и вдохновения — от Церкви воспринималась Движением как основной грех современности. Поэтому силы направлялись, прежде всего, к оцерковлению жизни. Под знаком оцерковления жизни, которое духовно оздоровляет человеческую личность, призванную творить христианскую культуру и служить своему народу, Движение вступило в жизнь. Конечно, не Движение впервые заговорило об

[1] Среди участников этого съезда Движения, который был задуман А. И. Никитиным, были такие исключительные люди, как о. С. Булгаков, П. И. Новгородцев, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, кн. Г. Трубецкой, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Г. П. Флоровский, Г. В. Вернадский, П. А. Остроухова, П. Б. Струве, Л. А. Зандер, В. В. Зеньковский и другие.

[2] Прот. В. Зеньковский // Русская мысль. 1963. № 2085.

[3] Там же.

опасностях секуляризированной культуры. Этим была преисполнена русская религиозная мысль XIX и XX веков. Федоров, Гоголь, славянофилы — вот те, кто в свое время подняли голос и стали учить, что путь, по которому идем, приведет к катастрофе. Но у Движения была своя, особая и большая заслуга — стремление всей своей массой слиться с теми, кто до него воспринял идею воцерковления не только как теоретическую установку, с теми, кто учил, как проводить эту идею в жизнь. Искали и находили тропу к забытому «роднику»! Потомки брались за воскрешение заветов предков! Молодежь восприняла не только правду идей, не только интеллектуально вдохновилась их идейным построением, но сумела взять их как «содержание» своего начинаемого дела. Все это наблюдавший Лев Александрович Зандер имел основание сказать, что «то было время идейных исканий и героической жертвенности».

Оцерковление жизни понималось как, прежде всего, личное вхождение в стихию Церкви, как личное оцерковление. Это стремление от личного — от «я» расширялось до «мы», без которого немыслимо подлинное оцерковление «я». Сознавая себя в единстве с другими, с «мы», Движение строило свое дело не как обособленное, но как «общее дело». Наше личное церковное благополучие (или хотя бы лишь стремление к нему!) только подчеркивало, что за пределом «я» начинаются «они». Пока есть «я» и «они», пока в деле спасения нет общего сознания — «мы», до той поры спасение будет только мечтой. Другими словами, Движение ощутило свою ответственность за внешний себе мир, но воспринимало его не как объект своей просветительной опеки, а как часть самих себя, и в единстве с ним искало *целостную* жизнь. На этих-то путях и достигалось сознание — «мы». Можно говорить о «чуде Движения», когда оно, в лучшие моменты своей жизни, перерастало себя как носителя своих идей, как организацию, ведущую работу с «объектом», и становилось общим делом «учащих и учащихся», преображая жизнь тех и других.

Поскольку нашему сознанию Движение раскрывало то вечное, что несет в себе Церковь, постольку жизнь наша приобретала новое освещение, и мы укреплялись для преодоления препятствий на своем жизненном пути. Требовались огромные силы, чтобы прикоснуться к огромным задачам. «Оцерковление жизни, ...означает оцерковление культуры, возврат к теократической идее, но не в ее средневековом (клерикальном) смысле, при котором дело шло вовсе не о владычестве Божием, а о власти клира. После Вл. Соловьева с его пламенной про-

поведью теократической идеи, *понятой в духе свободы,* тема оцерковления культуры означала для всех нас призыв к тому, чтобы искать выхода из тупиков внерелигиозной, омирщенной культуры, искать новых ценностей культуры, благодатно освященной силами Церкви»[1].

Движение к 1929 году постепенно вырабатывает свою идеологию, формулируя ее как «систему православной культуры». Это новое определение не есть замена первоначального чем-то новым. Оно есть как бы только расширение идеи оцерковления жизни до включения в него всех без исключения сторон человеческого творчества. Движение открывало путь к источнику внутреннего вдохновения. Жизнь может обновляться только изнутри, только через прозревание сути вещей. Эта суть, этот смысл должен быть нетолько найден, понят и принят, но и реально положен в Основу человеческого творчества, культуры. «Мы веятели семян будущего», — сказал о. С. Булгаков о деле Движения.

«Не менее важен другой момент, молчаливо включенный в программу "оцерковления жизни", но выдвинутый и подчеркнутый в идее "православной культуры" с особой силой. Я имею в виду то, что в идее "православной культуры" с полной определенностью ставится *тема культуры.* По существу, Церковь всегда была источником культурного творчества и вдохновения, но в истории Церкви не раз были эпохи, когда тема культуры отодвигалась в тень или даже отбрасывалась»[2]. Этим Движение ставило перед собой необозримую задачу. Оно призывало нейтральную и безбожную культуру заменить культурой, черпающей свое вдохновение и находящей свою опору в Церкви. Дело отнюдь не во внешних «знаках» оцерковленности, а во внутреннем соединении с духовно-питательной почвой человеческого бытия, разультат чего благотворно отражается на любой сфере человеческого творчества.

Свою деятельность Движение стремилось осуществлять по трем главным направлениям. Первым было создание церковной интеллигенции как носителей и проводников идей, вдохновивших Движение. Это было отражено в словах о. С. Булгакова, который писал, что «помимо верных форм государственности, помимо канонических организаций, для восстановления России как воздух необходима церковная общественность»[3].

[1] Прот. В. В. Зеньковский // Вестник. 1935. № 8–11.
[2] Там же. 1936. № 2.
[3] Русская мысль. 1963. № 2085.

Вторым были отношения с западным христианством. Отец Василий Зеньковский писал: «... то, что от славянофилов вошло в традицию русского религиозного сознания, — утверждение синтетической ценности Православия, — выступало с особой яркостью на фоне западного христианства... опыт общения с которым для нас — православных — есть постоянное и незаменимое свидетельство правоты и полноты, красоты и целостности Православия»[1].

Третьим было служение своему отечеству. «Движение полагает, — писал духовный руководитель Движения прот. С. Четвериков, — что в его исключительно религиозной работе заключается и национальный смысл его существования, ибо каждый народ черпает силу и крепость своего существования прежде всего из своего религиозного самосознания... это убеждение всегда было присуще РСХД и делало его Движением не только религиозным, но и национальным»[2].

Одновременно с идеологическим самоопределением развивались и формы деятельности Движения. Наряду с работой среди студентов — кружки, лекции, съезды — возникает новая деятельность: 1) работа среди подростков — организация Витязей и Дружинниц (начиная с 1926–27 гг.); 2) среди детей — воскресные и субботние школы (с 1927–28 г.); 3) встречи с инославными (с 1927 г.); 4) социальная работа (с 1931 г.); 5) работа среди крестьянской молодежи (с 1932 г.), завершившаяся возникновением Русского Христианского Движения Крестьянской Молодежи.

Таким было возникновение и развитие РСХД до Второй мировой войны. Оно выгодно отличалось от многих организаций русского зарубежья не только широтой своей деятельности, но и возможностью накопить очень ценный, по-преимуществу педагогический опыт. Достаточно вспомнить хотя бы труды «религиозно-педагогического кабинета», занимавшегося исключительно вопросами педагогики и много лет возглавлявшегося проф. В. В. Зеньковским. У Движения оказался ряд ценных предпосылок для такого успеха. Прежде всего Движение было движением студенческим, т. е. состоящим по преимуществу из людей молодых, легко отзывающихся на доброе и идейное. С другой стороны, студенчество было той культурной средой, которая была интеллектуально способна воспринимать идеи Движения. В то же время эта восприимчивая молодежь не оказалась предоставленной самой себе или собственным фантазиям. С самого основания в Дви-

[1] Вестник. П, 1936 г., «Новый этап».

[2] Русская мысль. 1963. № 2085.

жении собрался цвет профессуры и ряд выдающихся православных пастырей. Это были люди, не только симпатизирующие Движению как друзья или богословские и научные авторитеты, но люди, отдававшие Движению всю душу, видя в нем образ своего служения и пути к Богу.

В середине 30-х годов о. Василий Зеньковский написал о пройденном Движением пути[1]. Он писал и о зарождении Крестьянского Движения в Прибалтике, и о свидетельствовании Движением среди западных народов православия, как истины. На этой «развилке» исторического пути Движения он остановился в своем обзоре. Это было на пороге Второй мировой войны. Через несколько лет все было сломлено и смыто гигантскими волнами стихийных бедствий... Потеряв на долгие годы связь между собой, разобщенные части Движения жили по-разному, в зависимости от того, где и в каких условиях они находились. Совсем разные условия жизни, при полной невозможности общения, создавали разные умонастроения.

Ведь только подумать. В Германии, среди пленных и так называемых «рабочих с Востока», которые исчислялись многими миллионами, мы встречали движенцев, так сказать, «дореволюционного призыва». И наоборот. В Россию попадали те из членов Движения, которые там никогда до того не были. Сколько переживаний, сколько нового опыта это дало! Насколько все это приближало к России, превращая ее из почти отвлеченного понятия, какой она была для некоторых, в реальную и живую плоть Родины.

Столь же обособленной, но совсем иной жизнью жили те, кто оказались в Западной Европе. Туда почти не проникали не только люди с Востока, но даже сведения о их жизни. Это были два изолированных мира. За годы разобщенности те, кто до войны были подростками, стали взрослыми людьми, получившими западное образование. Полное отсутствие возможности подышать воздухом России обостряло для них дилемму: стареющая русская эмиграция или молодые силы Запада. Это толкало молодое сознание на идеи о якобы вненациональности православия, на созидание православия в тех странах, где приходилось жить, на деятельное общение с западными христианами.

Первым из деятелей Движения, попавшим по окончании войны из Франции в Германию, был Л. А. Зандер. После участия в летнем съезде (1948 г.), которым восстанавливалась деятельность Движения в Германии, он вынес впечатление, что «...участники съезда — это не наша

[1] «Новый путь», «Вестник», 8–9, 1935 г.

парижская молодежь. Совсем иные настроения у новой эмиграции. Большая духовная подвижность и готовность, большая страстность; страшная непримиримость в отношении всего, что хотя как-нибудь напоминает Советскую Россию; политические страсти; и большая открытость для духовной работы. Все это очень напоминает наши настроения 25 лет тому назад, и по сравнению с людьми, только недавно вырвавшимися из России, видно, как на нас повлияла жизнь на Западе...»[1]

Таковы были различия психологии и настроенности, которые мы обнаружили в среде Движения после окончания Второй мировой войны.

Движение сохранило единство в своей основе, в желании служить Церкви и воцерковлению жизни. Но пути для этих идей, место их приложения воспринимались по-разному. Для одних это было насаждение православия «вообще», в любой той стране, где приходилось жить. Для других определяющим моментом было русское православие и судьбы России. Где бы не жил человек, как бы много он не дал той стране, где жил, или не получил от нее, он психологически всегда оставался русским. Такие люди деятельно участвуют в духовной помощи процессам возрождения, происходящим в России, и все то, чем обогатилось Движение за годы зарубежных странствий, считают русским духовным достоянием, подлежащим возвращению своему родному народу.

Таковыми, по моему представлению, были те течения, которые определились в Движении за годы Второй мировой войны.

Последние годы не принесли ничего *принципиально* нового. Только крепли и ширились вышеупомянутые процессы.

Движение , в лице своих основателей, в силу обстоятельств покинувших пределы России, за годы зарубежной жизни приобрело богатейший опыт. Одним из видов выражения этого опыта и духовного богатства являются книги. Многие из авторов духовной, педагогической и религиозно-философской литературы, написанной или перепечатанной в эмиграции, были членами или друзьями Движения. По преимуществу именно эти книги стали после войны в довольно большом количестве проникать в Советский Союз и оказывать там свое влияние. В этом я вижу нечто промыслительное, как бы некое «возвращение» на родину христианско-культурной элиты. Не является ли это, до известной степени, завершением дела, которое вынесло свои идеи в

[1] Вестник. 1949. № 1.

свободный мир, там их развило, проверило на практике и теперь передает в Россию? Такое восприятие происходящего и побудило меня наименованием для этих воспоминаний взять слова Ивана Аркадиевича Логовского, которыми он назвал свой отчет о первом Крестьянском сьезде Движения — «Завершительный шаг».

Среди русского народа

К Прибалтике, главным образом к Эстонии, после революции 1917 года отошли такие исконно русские земли, как Печерский край с историческим Псково-Печерским монастырем в городе Печеры, Принаровье с городом Нарва, побережье Псковского и Чудского озер с их русским населением. Там люди жили вековым укладом жизни и русским самосознанием. Новое местонахождение на политической карте их мало трогало.

Все русское население Эстонии пользовалось широкой культурной автономией. В таких городах, как Ревель, Юрьев, Нарва, Печеры, были русские гимназии, которые содержались государством. Правильно считать, что жизнь русских людей в Прибалтике была ближе к старой, дореволюционной русской жизни, чем к эмигрантской.

Со второй половины 20-х годов этот уголок русской земли, оказавшийся на Западе, был «открыт» Движением.

Звонница древнего Псково-Печерского монастыря — фотография Л.А.Зандера — стала как бы символом работы Движения, окрыленного новой народной силой, «найденной» на этих русских окраинах.

«Немного поодаль стоит другой храм — Преображения Господня, маленькая, светлая, каменная церковь. Ее сквозная колокольня, ее легкий воздушный контур как бы поднимает нас над землей и явственно говорит, что скорбный путь Лествицы («Синай») — весь подвиг труда и поста — только путь к Преображению («Фавор») плоти, к святости, к Богу. И вот здесь, «между Синаем и Фавором» — на лоне родной северной природы и в храме, переносящим в древнюю Русь, — имел место наш первый съезд — съезд РСХД в Прибалтике»[1]. Так писал Л. А. Зандер, который первый начал работу Движения в этих краях.

Руководители Движения, главным образом профессора из Франции, все больше начинают посещать Прибалтику.

Но это не было «хождением в народ», подобно прошлому столетию, когда зачастую у интеллигенции не находилось общего языка с

[1] Л. А. Зандер // Вестник. 1929. № 1–2.

народом. Тут был общий язык. И этим общим языком оказалось православие. Сложные темы, благодаря этому языку — тысячелетней православной вере, — находили свое «уразумение». Не было поучения одних другими: «авторитеты» сами питались тем, что, часто даже бессознательно, хранил народ в своем вековом быту. А лучшие представители деревенской молодежи с изумительной быстротой усваивали даже самое сложное в православной мысли и культуре и несли его дальше, в свою среду, народу России. Это было подлинно общее дело!

Так началось для Движения завершение круга эмигрантского странствования. Ушедшее из России в начале 20-х годов Движение уже в конце 30-х начинает свое возвращение из эмиграции в толщу русского народа, а через него и в Россию.

После своего первого посещения Прибалтики София Михайловна Зернова писала: «Поздно вечером уезжала обратно в Париж, и казалось, что от соприкосновения с этой русской молодежью рождались новые силы и надежды на наше русское будущее».

Две последующие цитаты взяты из статьи Ивана Аркадьевича Лаговского «Почти на родине»[1]. Этот изумительно целостный человек был основоположником Крестьянского Движения, которому посвящаются эти воспоминания. Мысль о Крестьянском Движении начала в нем зреть во время его лекционных поездок по Прибалтике. «Эти поездки, — пишет он, — так много дали мне лично, наметили такие возможности духовного единства с народом, пути возникновения народного православного движения, что мысль и воспоминания все вновь и вновь возвращаются к этим дням, проведенным в глухих уголках Латгалии (русская часть Латвии) и Печерского края». «Доклад состоялся в зале Народного дома, рассчитанном на 400 человек. Зал был набит так, что даже и проходы были заполнены. Народный дом еще не отделан, электричество еще не проведено. В зале было почти совсем темно. Говорить пришлось со сцены, освещенной двумя маленькими лампочками — коптилками. Аудитория была непривычная: бородатые лица, женщины в платочках, в шалях, нагольные полушубки — настоящая деревенская, крестьянская Русь... Редко дается счастье иметь такую внимательную, внутренне сосредоточенную и отзывчивую аудиторию. Шелест невидимых рук, творящих крестное знамение, когда рассказывал об убиенных в Советской России за веру... Отмечу еще одну, поразившую меня черту: почти во всей еще неприкосновенности здесь сохраняется какая-то метафизическая грань, отделяющая ин-

[1] *Лаговский И. А.* Почти на родине // Вестник. 1930. № 10.

теллигенцию от народа... и тем удивительнее и отраднее было для меня чувство *отсутствия* этой разделяющей грани между тем строем идей и мыслей, которые я излагал, и между содержанием духовных исканий народа. Мы понимали друг друга и встретились как братья...».

К описанию того, как удалось И. А. Лаговскому осуществить свои мечты, мы скоро вернемся. Сейчас же, забегая вперед, мы спросим, удалось ли ему видеть свою горячо любимую родину? И с горькой печалью, как о нем, так и о самой родине нашей, ответим: да, он родину увидел, но только как арестант, вывезенный из Эстонии в Ленинград.

Но вернемся к нашей теме, к статье «Почти на родине», где Иван Аркадьевич описывает свой доклад в большой Сретенской церкви Печерского монастыря.

«От амвона до задней стены колыхалось море русых, черных, седых голов, испещренное синими, темно-алыми, серыми точками ковровых женских платков. Сначала было так тихо, что если бы закрыть глаза, то показалось бы, что кругом и нет никого. Потом создалось такое своеобразное отношение слушателей к содержанию доклада, что у меня невольно мелькнула мысль: точно в античной трагедии: я — вестник, они — хор. "Господи, спаси и сохрани" — молитвенно вздыхала толпа, "упокой, Господи"... Доклада в обычном смысле слова не было... была огромная соболезнующая скорбь и стоустая молитва о страждущей Церкви, о братьях наших, за имя Христово "во узах, в темницах, в горьких работах сущих"...»

Вот еще одна картина из жизни тех мест, где зарождалось Крестьянское Движение:

Знойный летний день. Полное безветрие. Поднятая над немощеной дорогой пыль долго неподвижно стоит в воздухе. Но вот раздался звон церковных колоколов. Почему? Это возвращается крестный ход, ходивший к Советской границе по дороге, ведущей в Елеазаровский монастырь. Туда, по старой традиции, продолжают ежегодно ходить, хотя Елеазаровский монастырь за чертой границы, остался на советской стороне. Доходят до границы, служат молебен и идут десятки верст обратно. Идут усталые, сизые от дорожной пыли... В толпе встречающих стоит высокий, худощавый священник; это о. Сергий Четвериков, духовный руководитель Движения. Он только что приехал в Печеры и вышел с другими встречать крестный ход. В возвращающейся толпе крестного хода он узнает своих молодых друзей — студентов и гимназистов из Движения. Как он гладит их запыленные головы, как

текут слезы по его старым щекам... В этой атмосфере, в условиях этого быта возникло и росло Движение в Прибалтике.

Прошли большие прибалтийские съезды Движения — в Псково-Печерском монастыре, в Пюхтицком женском монастыре близ Нарвы, в Лоберже (Латвия), на которых созрела и окрепла идея специальной работы Движения среди крестьянской молодежи. И вот эта новая работа началась.

Я привожу целиком статью-отчет И. А. Лаговского «Завершительный шаг», о первом съезде русской крестьянской молодежи.

Завершительный шаг[1]

(Первый религиозный Съезд русской крестьянской молодежи)

Съезд в местечке Ряпина (Эстония). В Ряпина есть православный эстонский приход, приход старый. Православная церковь в Ряпина была построена еще при императрице Елизавете Петровне. Первая, Елизаветинская, церковь сгорела. Та, в которой мы молились, построена только в 1833 году. Церковь — деревянная, похожая на домашнюю. Кругом зелень берез, кленов, поля созревающей ржи. Православная церковь вместе с церковными пристройками — совсем отдельный уголок — в стороне от большого местечка. Церковь стоит почти на обрыве — внизу довольно большая речка. Каждое утро участники съезда прямо с соломы, служившей постелью, отправлялись туда, вниз на берег мыться, купаться. Погода все время стояла изумительная. Батюшка и матушка — эстонцы, хорошо владеющие русским языком. Матушка согласилась быть хозяйкой съезда, сама бегала в лавки, с раннего утра была на кухне, готовила и, несмотря на страшно-напряженный труд, всегда и со всеми была ласкова, внимательна, приветлива. Батюшка входил во все мелочи нашей жизни, работы, всем горячо интересовался, заботливо спрашивал — все ли есть, все ли хорошо. Ряпинский эстонский приход отнесся к съезду с удивительным радушием и любовью. Приходской совет предоставил бесплатно помещение, эстонская школа бесплатно дала солому — для устройства постелей, прихожане окружили наш съезд такой любовью и вниманием, что трудно и передать. Например, чтоб обеспечить нам место для купания, заранее скосили по берегу речки траву. Съезд был в подлинном и глубоком смысле «вселенским» — «экуменическим». Православные эстонцы приезжали на наши службы (несмотря на ранний час — литургия на-

[1] Вестник. 1934. № 7 и 8.

чиналась в 6 часов утра) за 5–10 километров, высиживали всю службу — (остаток лютеранской практики — вдоль стен церкви стоят специальные скамейки); вечером — приезжали снова. И это — в разгар сенокоса...

На съезде было около 70 человек — человек 50 крестьянской молодежи и человек 20 движенцев и лекторов. Были представители Печерского края, Причудья, Принаровья.

Первые дни была тревога — сольются ли в едино эти случайно собранные, друг друга не знающие люди. «Деревенские» держатся как-то настороженно — каждая деревня сама по себе: Нарвские жмутся к нарвским, печерские разбились по «обществам». «Городские» — в стороне. В столовой в первый день стояла такая тишина, что жутко становилось. Движенцы, подготовлявшие помещение, постарались — столовая, она же и зала собраний — убрана красиво — на столах белая бумага, цветы. Первый день съезда показался участникам съезда неимоверно длинным и трудным. Многие из деревенских готовы были отнестись к съезду, как «к барской затейке» — «это — не для нас». Кроме того, сказывалась и вековечная подозрительность к «городу» — «городские нами гнушаются». Кое-кто собирался даже уезжать. Между тем крестьянская молодежь съезда ждала, сделала, действительно, героические усилия, чтобы попасть на него. Отцы и матери были против «затейки» — время горячее, сенокос на носу, а тут уезжают не знамо куда, неведомо зачем. Много попреков пришлось вынести участникам съезда прежде, чем удалось получить согласие на поездку. Многие из девиц и парней за месяц–за полтора до съезда перестали бывать на деревенских гулянках, работали дома, чтобы только умилостивить «стариков» — получить позволение поехать на съезд.

Как на первом Пшерове, богослужение было «вне распорядка дня» — литургия начиналась в 6 часов утра «для желающих помолиться». И почти с первого же дня вся молодежь стала подниматься к литургии. Службы вели «общим пением». Из нас, случайно съехавшихся с разных концов эстонского государства, почти тотчас же после первой службы создалась сильная и гибкая «певческая масса». Напевы усваивались с полунамека, текст служб был роздан в печатном виде, и на третий день пели уже все, пели дружно, бодро, «стихийно». Верится, что как ни силен натиск безбожия, как ни велико опустошающее влияние равнодушия к Церкви, к вере, а церковная культура так впита-

лась в плоть и кровь русского народа, что при благоприятных данных оживет все накопленное тысячелетием жизни в церковной стихиии.

Темы докладов на съезде — «Радость духовной жизни», «Душа русского народа», «Религия и культурная работа», «Чем живет и во что верит сов. Молодежь», «Как устроить себя и жизнь», «Что значит жить со Христом и в Церкви». Кроме того, были три семинара — «Смысл жизни», «Наука и религия» и «Семинар по гигиене».

Трудно сказать, где создавалось и крепло то большое и важное, что обозначилось к концу съезда. Везде и в частности нигде. Что-то менялось, зарождалась новая жизнь, но все это глубоко, тихо, подспудно: «милостью Божией». Все начиналось в церкви за бого-служениями, развивалось в беседах, разговорах, в «случайных», как будто бы привходящих обстоятельствах — совершалась подлинно соборная работа.

Впрочем, несомненно, одна из основных линий работы и внутреннего самоопределения съезда шла через семинар о смысле жизни. Он, как и съезд, был откровением того, какими глубокими запросами живет русская деревня, как она культурно созрела — в лице ее передовой молодежи. Надо отметить, что на съезд в большинстве случаев попали «сливки» деревенской молодежи, «культурные ударники» деревни, что деревня в целом часто враждебно-насмешливо относится к ним. О том, как тяжело «с культурою» жить в деревне, много и подробно говорилось на съезде. На съезде была «новая деревня», та деревня, что создалась после всех потрясений, после всех сдвигов и революций. Съезд показал, что деревня — в лице ее передовиков — живет всем тем, чем живет и современный культурный человек.

И еще — деревня ищет подлинной, «большой» культуры, а не «просвещенчества», «популяризации и упрощения», ищет подлинности и цельности. Существующая «культурно-просветительная» работа не удовлетворяет ее, она не дает ответа — полного, ясного — о «смысле жизни». Семинар приобрел характер «выкладывания» всего наболевшего, мучающего, жадного и цепкого порыва — искания настоящей, цельной правды, правды живой, творческой.

Вопросы на семинаре ставили самые сложные, начиная с вопроса о происхождении мира и человека, о происхождении зла и кончая вопросом об отношении к войне, к науке, к искусству.

Много боли и муки было высказано в связи с указанием на «дуализм» — на частое расхождение у «религиозников» слова с делом.

Ставили вопрос — почему безбожники часто добрее и отзывчивее, «человечнее», чем религиозники. Пришлось говорить и о «подделках добра», об «антихристовом добре», о том, что можно страстно любя «дальних», уничтожать «ближних» («доброта» Ленина, Дзержинского и т. д.). Коснулись и вопросов о происхождении религии, начиная с теории Лукреция — «страх создал богов», и кончая утверждением, что «религия возникла из чувства слабости и навязана господствующими классами». Особенно показательны были два вечера «вопросов и ответов», когда всякий желающий подавал председателю заранее формулированные и написанные вопросы, на которые потом общими силами искали и ответов. Аудитория была очень требовательная — если ответ не удовлетворял, заявляли: «Нет, что-то не ясно, не довольны». Вопросы были все религиозные или религиозно-философские. Бумажек с вопросами было свыше сотни. И нужно было присутствовать при этом серьезном, подлинно *философском* — любомудренном искании деревенской молодежи, пережить с нею радость нахождений, чтобы понять всю исключительную прелесть и радость такого философствования. Самое поразительное во всем этом было то, что деревенская молодежь, живя теми же запросами, что и так называемые культурные люди, относится к ним совершенно иначе, чем многие из нас, — для нее все эти вопросы были вопросами не теоретического любопытства, а именно вопросами жизнеустроения, жизнеделания.

Трудно было с языком — приходилось касаться самых отвлеченных, основных философских вопросов, включительно до вопроса о бессилии времени и пространства над духовной жизнью и т. д. Но, слава Богу, удалось справиться и с этой трудностью.

Тема другого семинара — «Религия и наука», тоже оказалась животрепещущей. В деревне у многих под влиянием устной пропаганды, под влиянием литературы (в деревню в большом количестве кем-то направлены издания «Вестника знания» Битнера), где повсюду проповедуется, что «наука доказала, что религия выдумка», господствует убеждение, что надо обязательно сделать выбор между «верой» и «знанием» — совместить их нельзя. И большинство, хотя и с огорчением, но убеждено, что надо пожертвовать религией во имя науки. О том, что произошло в «науке» в последние годы, в деревне «ничего не известно» — соответствующей «литературы» нет. Нужда в таких книжках, которые просто, но *не упрощая и не снижая* вопросов, ознакомили бы деревню с теми переворотами, что пережила за последние десятилетия научная мысль, огромная. Деревня в этом отношении пока це-

ликом отдана во власть предреволюционной популяризаторской литературы или «научно»-советской.

В первый же день съезда к нам пришла делегация из села Выбс, на берегу Псковского озера. Село большое, население смешано — эстонцы, сеты, русские. «Придите к нам, помогите... У нас на селе развивается баптизм, пропойте нам службу»... Двинулись под вечер. Мужская молодежь — вся в вышитых русских рубахах, девицы в цветных сарафанах, в ярких платках. Идти нужно было 6 километров. Кругом — ржаные поля, березовые и сосновые перелески. Чем ближе к вечеру, тем лучше. Вдали заблестело Псковское озеро, сильнее запахло березками, тонким ароматом цветущей ржи... Шли крепкой массой, с русскими песнями. Городские перемешались с деревенскими, наши гимназистки шли «в обнимку» с крестьянскими девушками. В Выбс пришли около 7 часов вечера. На площади, подле молитвенного дома — часовни нас встретила толпа человек в 500. Часовенька маленькая, узенькая. Нас пропустили вперед. Отец Николай Хиндов, настоятель Ряпинского прихода, к которому принадлежит и Выбс, сказал, что специального хора нет, и просил всех, могущих петь, помочь нам. В часовенке все окна и двери настежь, народу набилось так много, что казалось свечи таяли от жаркого дыхания. Служба шла частью на эстонском, частью на славянском языке. Чем дальше, тем шире и вдохновеннее становилось общее пение. Пели не только те, что были в часовне, а и те, что стояли на дворе. Во время «Хвалите имя Господне» и Великого славословия, когда все опустились на колени, казалось, запели самые стены часовни. Отец А. Киселев, проведший с нами весь съезд, в прошлом скаут-мастер, окончивший Рижскую семинарию, молодой, убежденный, горячий, сказал за всенощной проповедь, в которой просил всех беречь то великое сокровище, какое дал нам Господь в православии, беречь как от натиска со стороны безбожников, так и от покушений со стороны тех, кто восстает против этого сокровища, прикрываясь именем Христа. По окончании службы нас окружили живой, ласковой стеной, благодарили за радость. Многие плакали, совали в прорези наших рубах розы. Народный подъем, ласковая признательность молящихся как-то всколыхнули, захватили всех наших. Все почувствовали, что делается какое-то большое, нужнейшее дело, и что это большое делает не кто-то другой, а мы сами.

После похода в Выбс каждый почувствовал себя «хозяином» съезда — съезд нашел свое единство и дорогу.

В Пятницу, после обеда, сделали прогулку на Псковское озеро. Озеро здесь шириной в два с половиной–три километра. Противоположный — советский — берег, как на ладони. Пришли. За водной гладью крутой, песчаный берег, легкие очертания белой, в русском стиле — с многочисленными главками церкви. В бинокль, что был с нами, видно, что на том берегу кто-то купается... Как-то все примолкли, пристально глядели на ту сторону, не могли оторваться от бинокля, передавали его из рук в руки... «Да, церковь, — сказал кто-то из парней, — а что в ней»... Назад шли небольшими группами, каждому что-то хотелось сказать другому.

В субботу на послеобеденном собрании родилось убеждение, что надо закрепить то, что было достигнуто на съезде, надо организоваться. Воля к действию рождалась с трудом. На вопрос: «Надо организовываться или нет» — молчание. Никто не хочет сказать первого решающего слова... Наконец, один из деревенских делегатов, обращаясь к председателю сказал: «Да что же, ты, Николай, думаешь? Даром, что ли, приехали сюда, сенокос бросили, столько насмешек приняли? Надо организоваться»... За ним высказались все: «Надо». Поручили небольшой группе набросать к утру основы нового объединения.

Собрание закончилось словом-призывом отца Александра: начиная новое, огромное дело, надо подойти к нему с обновленной душой, приготовиться к подвигу через исповедь и причастие. К исповеди пошли почти все, многие впервые после 8–10-летнего перерыва.

Всенощная кончилась поздно — по деревенским условиям начали ее в половине девятого. Служили оба батюшки, нас сменял эстонский хор, мы его. Исповедь началась в 11 часов ночи, а закончилась в половине пятого. Из церкви почти никто не уходил. Правило перед причащением соединили с общим пением — пели припевы акафистов, запевы перед тропарями канона перед причащением... Чтение прерывалось пением «Воскресение Христово видевшее», «Величит душа моя Господа». С каким-то особенным чувством пропели «Кресту Твоему покланяемся Владыко». Батюшка исповедывал долго, внимательно, ласково... Изумительная ночь была — задумчивая, тихая, умиротворяющая. Где-то шумит водопад плотины, перехватившей нашу речку. Росяные поля, освеженные березы, клены и вдали чуть желтеющая полоска зарождающегося утра...

Утро встало ясное, тихое, солнечное. Церковь битком набита. Когда кончилась обедня, такая ясная тишина была у всех на душе, что точно все вновь родились — улыбавшиеся глаза безмолвно говорили: «Хорошо».

Редко приходится переживать такие заключительные собрания, каким было заключительное собрание первого религиозного Съезда крестьянской молодежи. «Мы переживаем самое лучшее, что когда либо нам пришлось пережить, — сказал один из деревенских парней. — Мы были как бы в темной долине, а сейчас поднялись на самую вершину и видим, что дает душе, что делает с ней Свет Христов... Никогда в жизни я не испытывал того, что есть у меня в душе сейчас»... Можно сказать, что с помощью Божью Съезд подлинно был для всех участников великим откровением Церкви, опытом жизни во Христе и в Церкви. В этом его исключительное значение и сила.

«Рус. Христ. Движение Крестьянской Молодежи объединяет молодых людей, решивших посвятить себя переустройству и своей личной жизни, и всей жизни русского народа на основе Христовой правды», — в торжественной, сосредоточенной тишине медленно читает председатель §(параграф) первый нового положения... Как ветер прошел... Замерли... Повтори еще раз... Принято единогласно... Так же принимаются и следующие параграфы: «РХДКМ ставит своей задачей: 1) объединение всех, принимающих цель, указанную в первом параграфе, 2) привлечение к вере во Христа и к Его Православной Церкви неверующих и сомневающихся, 3) развитие между своими членами дружеских отношений и взаимной помощи, 4) совместную работу над переустройством своей и общей жизни в соответствии с учением Христовым, 5) совместный труд над повышением духовного развития и материального благополучия своих сочленов»...

Избрано временное правление, которому дан наказ — подготовить материал для дальнейшей работы, разработать устав для регистрации, созвать осенью делегатский съезд... По настоянию молодежи было отмечено, что РХДКМ является завершительным звеном работы РСХ Движения, едино с ним. В качестве евангельского чтения на последнем благодарственном молебне о. Александр взял Евангелие от Иоанна: «Без Меня не можете творить ничего... Не вы Меня избрали, а Я вас... В мире будете скорбны... но дам вам радость совершенную»...

Съезд закончился. Над всем, все покрывая, стояли слова песнопения «Царица моя Преблагая»...

Не было ни «учителей», ни «учеников», не было ни «интеллигенции», ни «простого народа», а были сотрудники и соработники на ниве Христовой, дети единого народа, единой культуры и — еще глубже — что выше уже и культуры и народа — дети Единой Православной Церкви, превышающей все национальные разделения и дающей им последнее обоснование и подлинный смысл...

Возникновение Русского Крестьянского Христианского Движения

Съезд произвел большое впечатление не только на его участников, но, по их рассказам, и на широкие слои молодежи: возникали новые кружки, строились планы. Весной 1935 года мы приступили к изданию собственной газеты. Она должна была быть не только газетой, дающей информацию, но на примерах жизни учить правде жизни. Углубленное понимание сути происходящего в мире должно было служить помощью для работы наших деревенских кружков. Газета должна была быть опорой кружковой работе, давая соответствующий религиозный и литературно-философский материал. Помню, как долго мы не могли решить, печатать ли нам вкладной лист в одной из существующих русских газет, или издавать целиком свою газету. Первое проще и дешевле, но не дает целостности единого направления. Остановились на более тяжелом, но более целеустремленном. Газету назвали «Путь жизни». Мы не ограничились газетой. Постепенно у нас создалось целое небольшое книгоиздательство, которое носило то же название — «Путь жизни». Действительного удивления достойно то, какого содержания книги печатались Крестьянским Движением. Это отнюдь не была упрощенная духовная литература для так называемого народного чтения. Нет. Но судите сами — я привожу список книг издания «Пути жизни», опубликованный в «Вестнике Движения» № 2 за 1939 год:

Издания «Путь жизни»

В. Вейдле. Умирание искусства. 0,75 ам. доллара

Прот. С. Четвериков. Молдавский старец схиарх. Паисий Величковский. Вып. 1. 0,75 ам. доллара

Молдавский старец схиарх. Паисий Величковский. Вып. II. 0,65 ам. доллара

Лик Пушкина: Сб. 0,25 ам. доллара

Прив. доц. В. В. Преображенский. Из жития святых. 0,30 ам. доллара

С. Белоцветов. Всенощное бдение. 0,15 ам. доллара
О благобытии: Из бесед епископа Сергия Пражского. 0,10 ам. доллара
О подвиге общения: Из бесед епископа Сергия Пражского. 0,07 ам. доллара
Кн. С. Н. Трубецкой: Сб. 0,10 ам. доллара

Возникает вопрос, могли ли такие книги быть доступны для чтения в крестьянской среде? Мы уже говорили о тех глубоких темах, которыми интересовалась крестьянская молодежь. Я далек от мысли утверждать всеобщность таких интересов, равно как и думать, что они были доступны только избранным. К таким книгам тянулись и были способны читать пусть лучшие, но не единицы, а целые слои нашей крестьянской молодежи.

Где же брались средства на такие издания? *Я* открою вам этот секрет. Среди наборщиков типографии было несколько движенцев, которым удалось упросить хозяина типографии разрешить даром пользоваться набором и машинами в вечерние, нерабочие часы. Так печатались эти книги, имея один расход — покупку бумаги. В наше время трудно этому поверить. Но оно так было.

Конечно, не следует думать, что все в жизни нового Движения шло без трудностей, как по мановению волшебного жезла. Нет, трудности были, как были и недоброжелатели, бедность, косность привычной жизни. Кружки в деревнях возникали и работали в трудных условиях. Вот, как пример, отрывок из письма: «В конце сентября сторож почему-то не захотел пустить участников кружка в школу (школа была местом, где постоянно собирался этот кружок). Ночь лунная, холодная. По-деревенски время уже позднее. (Как правило, кружки собираются тогда, когда все "по домашности" уже сделано и можно уйти, не возбуждая особых нареканий.) Все спят. Решили провести собрание на открытом воздухе... Отошли от деревни на километр в сторону, набрали валежнику, разожгли костер и уселись кругом. Из журнала "Русский Паломник прочитали рассказ "Светоч веры". Потом прочитали и разобрали послание Апостола Петра. Поднялся вопрос, что такое "помощь"? Можно ли помогать, когда знаешь, что помощь используют не для добра. Несмотря на холодную ночь, было так хорошо, что на всех лицах была радость»[1].

Несмотря на большие трудности, работа молодежи в деревне удивляла своей энергичностью. Было как бы подсознательное желание

[1] Вестник. 1935. № 1–2.

успеть как можно больше узнать в возможно короткий срок. Съезды общие, съезды делегатские происходили не только летом, но и зимой. Были созданы специальные курсы для подготовки руководителей религиозно-культурной работой из среды самой деревенской молодежи. В ряде больших сел Принаровья были открыты детские сады. Ими заведовали глубоко идейные и образованные девушки, влияние которых на окружающую среду выходило далеко за рамки детских садов. Много и другого хорошего делалось с радостью и горячностью в те годы.

Молодежь была удивительно самоотверженна. Она преодолевала препятствия, их почти не замечая, из-за той радости новой и просветленной жизни, тех горизонтов жизни, которые ей открывались через Движение. Приведу отрывок из воспоминаний о съезде в Нарве: «Большинству, прежде чем попасть на съезд, пришлось пройти через насмешки и даже угрозы, но молодежь переносила все очень стойко... Часть мужской молодежи в спешке даже одеял с собой не захватили, и первую ночь ночевали просто на голой соломе, разбросанной на полу... Следующий день начался литургией в 7 часов утра. Пели всей церковью. Хотя пели без всяких спевок, но служба прошла стройно. Погода установилась «Никольская». Когда 27 ноября утром шли в церковь, была такая метель, что все приходили в церковь в виде снежных кукол. Это заставило ускорить окончание съезда, чтобы дать возможность «дальним» (за 40–50 километров) добраться домой на пароходе. Было опасение, что сегодня идет уже последний пароход...»[1].

Нельзя не рассказать еще о некоторых событиях из жизни тех лет, которые, как и книгоиздательство, можно считать почти чудесным, учитывая обстановку и возможности, при которых они возникали. Действительно, что вера в правоту своего дела есть та сила, которая может воспламенить огромную энергию, скрытую в каждом человеке. Мы ошибаемся, если думаем, что счастье измеряется количеством полученных в жизни благ. Нет. Оно измеряется совсем иначе. Чем больше вдохновения пережил человек, чем на большую отдачу он был способен, ничем иным не побуждаясь кроме вольного хотения, тем счастливее и полнее его жизнь.

Я хочу рассказать, как крестьянская молодежь построила в Печерах собственный дом.

Печеры — это небольшой уездный городок, едва имевший 3–4 тысячи жителей. Но в то же время он — драгоценное историческое место. В городе древний Псково-Печерский монастырь во имя Успения

[1] Вестник. 1935. № 1–2.

Божией Матери. С 16-го века он приобретает большую известность, когда обносится каменными стенами и превращается в своеобразную монастырскую крепость на северных рубежах России. Там покоятся мощи преподобного игумена Корнилия. Там — чудотворные образа, там овеянность праведностью неизвестных иноков, там молитвы и слезы народа, накопленные веками... Около этих духоносных стен зарождалось Крестьянское Движение.

Я в Печерах никогда постоянно не жил, но бывал там многократно. Однажды, придя к ранней обедне[1], я был удивлен, увидав там большую группу детей и подростков. Их русые головки вместе с горящими свечами, казалось, освещают полумрак подземного храма. Позже я узнал, что это были «витязи и дружинницы» сельского учителя Николая Пенькина, пришедшие из пригородной деревни, где он учительствовал. Когда после конца службы они на монастырском дворе завтракали, я видел на них отличительные знаки витязей — вышитый белый крестик на синем фоне с красной каймой и что-то еще. Не помню, что именно, но запомнил, что оно не гармонировало с деревенской одеждой ребят — полосатыми холщевыми штанами мальчиков и до полу, как у взрослых, юбками у девочек. Но как они гордились этими простенькими знаками отличия! В этих видимых значках была заключена для них психологическая сила — вера, которая двигает горы!

Много было таких деревень и сел, где получалось образование в 4-х или 6-тиклассной школе. Учиться дальше, т. е. попасть в Печерскую гимназию, из-за бедности родителей могли только единицы. Чтобы помочь наиболее талантливым детям, в Крестьянском Движении рождается грандиозный план: решают строить дом-общежитие для гимназистов! Образование в государственной гимназии было бесплатное; еду «натурой» может дать почти каждый того желающий отец. Если создать даровую квартиру, то и без денег крестьянскому подростку становится доступным среднее образование.

Хороша идея, да как ее осуществить? Где земля, на которой строить? О покупке земли не могло быть и речи из-за отсутствия денег.

Вспоминаю рассказ, дошедший до меня через третьи руки. Это был рассказ женщины, квартировавшей у Пенькиных, родителей Николая — школьного учителя и деятеля Движения. Невольно подслу-

[1] Ранние обедни обыкновенно совершаются в древнем подземном храме — пещере, вырытой в горе, — выходящем на свет Божий только одной стеной. Это одно из древнейших мест монастыря, как и прилегающая к нему пещера — усыпальница братии.

шанный рассказ о том, как Николай уговаривает родителей подарить Движению кусок их земли на окраине города, который предназначался Николаю по смерти родителей. Эта женщина не могла без слез передавать содержание разговора и говорила, что она никогда в жизни не слыхала ничего более светлого и чистого, чем эти слова сына к родителям.

Став обладателями земли, зимой из окрестных деревень парни-движенцы стали свозить бревна. По весне застучали топоры в молодых руках, и стало расти вместительное, двухэтажное бревенчатое здание — общежитие для учащихся. Стала устраиваться жизнь на новом месте. Во главе общежития стояла Татьяна Евгеньевна Дезен, талантливый и глубоко идейный человек. Она организовала пошивочную и сапожную мастерские для пополнения средств на питание живущих в доме. Но это уже были тяжелые времена перед полным разгромом маленькой Эстонии грубой оккупационной силой. Пропаганда политической и атеистической демагогии уже не чувствовала себя стесненной. Это отражалось и на общежитии, попервоначалу жившем братством. Но недолго суждено было существовать братской жизни. В дом внедрялись люди иного духа, изнутри старавшиеся разложить дело. Движение прилагало силы переделать этих людей и не удаляло их из своей среды. Не знаю, было ли это правильно, но благородно это было бесспорно.

Наступило лето 1940 года. Рухнула последняя видимость эстонской самостоятельности и все погрузилось во власть советских органов безопасности.

Возможности какой-либо христианской работы были уничтожены. Татьяна Евгеньевна Дезен не могла более оставаться в Печерах. Как бывает в таких случаях, большинство друзей растерялись, а дотоле неизвестные враги показали себя.

Эти двое молодых людей — Н. Пенькин и Т. Дезен — давно любили друг друга, но занятость движенческими делами все мешала им найти время для брака. Они приехали к нам в Ревель, чтобы вместе с моей женой и со мной искать какой-нибудь выход. Но было поздно. Через несколько дней мы узнали, что дан приказ об их аресте. Их жизнь, добровольно отданная служению, кончилась. В этот день я совершил над ними таинство брака, после чего они прямо из храма отдали себя в руки НКВД.

Пенькиных, как и всех арестованных в Эстонии русских, держали в Ленинграде в тюрьме на Шпалерной. К нам на волю от Татьяны Ев-

генъевны дошла только одна маленькая записочка, содержавшая больше забот о нас, чем слов о себе. Об их конечной судьбе мы ничего не знаем. Надо думать, что они погибли во время осады Ленинграда.

«Кровь мучеников — семя Церкви». Эти великие слова поучают нас земно кланяться перед сонмом новомучеников российских, числа и имен которых мы не знаем. Но всходы от их кровей, хотя бы частично, нам известны. К ним относятся те, кто из Советской России пишут нам, называя наше дело *своим* делом; это те, кто «там» представляют собой растущие новые силы православия. Всходы их — это те, кто опустошает книжные склады Движения в Париже, переправляя их в руки русских людей под коммунистическим игом. Это те, кто вновь переиздают нужные книги, те, кто духовно помогают своему народу, те, кто молятся за свой «люто страждущий» народ, те, кто хоть что-то сделали для помощи гонимым братьям своим.

Каждый из нас много может сделать для духовной помощи своему народу. Беда наша не в отсутствии возможностей, но в отсутствии желания. Потому бодрствуйте, дети и внуки тех, о ком я рассказал в этих воспоминаниях. Не смущайтесь своей малочисленно-стью, не соблазняйтесь легким путем. Не страшитесь даже одиночества. Помните: *и один* в поле воин!

Лучшие из нас жизнью своей заплатили за начало конца тьмы над порабощенной Россией. Будем продолжателями их дела, будем молиться: «...Господи... тако и ныне сыном рассеяния сего ниспосли возвратиться в землю свою и к народу своему и тамо Тебе послужити...»

«Сторож! Сколько ночи?» Сторож отвечает: «Приближается утро, но еще ночь» (Исайя 21. 11).

Александр Киселев

«Записки художника» Сергея Голлербаха[1]

Это небольшая (103 страницы) изящно изданная книга. В предисловии Борис Филлипов говорит о ее авторе: «Живописец и график — с 1949 года американский художник, преподающий в Нью-Йоркской академии, завоевавший известность и прочное место в американских музеях искусства и разнообразнейших союзах художников, участник многочисленных выставок, награжденный неоднократно медалями (в том числе и золотыми), Сергей Голлербах (родился в 1923 году в Пушкине, бывшем Царском Селе) остается и художником русским».

[1] Русское возрождение. 1984. № 27/28. С. 284.

В своей книге Голлербах пишет о заданном ему вопросе: «Почему это у вас, Сергей Львович, все такие... ну, знаете, странные люди! (Кхи!) Вроде как бы (кхи!) уроды! — Простой вопрос: почему я рисую гротески?»

Несколькими страницами ниже мы находим *его* ответ:

«...всякие мысли в голову приходят — о назначении человека, о наказании Божием, об инкарнациях, о какой-то системе и логике, назначающей человеку определенное тело, о греческом понятии этоса, соединявшего красоту и мораль воедино.

Смотрю на людей, идущих по улице. Все наказания Божий идут, в физических своих искажениях и уродствах. Физические и эстетические неоправданности».

В одной из глав, названной «Смерть живописи», говорится, что «слово "культура" имеет двоякое значение: это не только художественное творчество и проч. и проч., но и тот состав, в котором выращиваются бациллы». Как известно, бациллы бывают разные, и смертоносные, и борящиеся за жизнь. Культуру строит человек, он создает ту среду, в которой множатся живительные или губительные начала. Об этом, в главе «Голые люди», автор говорит: «Поскольку искусство есть не что иное, как претворение целостного религиозного мировозрения в образы, отсутствие образов свидетельствует об отсутствии мировоззрения...

Стройная система мировоззрения, с Богом как центром бытия и человеком как частью целого, уступила место системе, совершенно обратной...

Оставшись наедине с самим собой, человек не смог создать маломальски цельной и духовно уравновешенной системы *своего* мира. Материализм, атеизм и все социальные учения, на них опирающиеся, при всей своей внешней логике, показали свою несостоятельность именно в искусстве. Как сугубый реализм, так и деформация в модернизме в одинаковой степени признаки отсутствия воображения.

Без этического идеала тела, с одной стороны, и без христианского обоснования греховности тела (обоснования, покоящегося на высшей реальности Духа), с другой, человек стал "голым"...»

Как же и во что одеться современному голому человеку?

При крещении младенца говорится, что во Христа крестившийся должен во Христа облечься — одеться.

Одна из наиболее ценных глав книги Голлербаха, которую мы приводим полностью, названа «Лепота». Она заканчивается мыслью, что возвращение к утраченному возможно только через духовные сдвиги.

Став голым, человек остался при трех измерениях как себя, так и окружающей жизни. Чтобы вернуться к своей сущности, голому человеческому трехмерному сознанию нужно вернуть четвертое — *глубину* себя и своих дел.

Мы рекомендуем нашим читателям прочесть книгу «Записки художника» и порадоваться тому, что говорит в ней наш соотечественник, выдающийся *современный* художник Сергей Голлербах.

Протопр. А. Киселев

Старец Нектарий Оптинский[1]

Приехав в Оптину, мы отслужили панихиду по Старцу, поплакали, погоревали, и спрашиваем служившего иеромонаха: кто теперь старчествует? «О. Нектарий», — ответил тот. Тут-то я и понял, почему о. Варсонофий, покидая скит, послал меня к отцу Нектарию: чтобы я с ним познакомился поближе; он уже заранее указал мне, кто должен мною руководить после его смерти. Мы решили после обеда пойти к нему. Итак, в три часа мы пошли по знакомой дорожке в скит. О. Нектарий занимал помещение отца Иосифа, с правой стороны от ворот. Я с женой разделился. Она пошла к крылечку снаружи скитских стен, а я прошел внутрь скита. Келейник, увидав меня, узнал. Он был раньше келейником у старца Иосифа. Он тотчас же доложил батюшке. Батюшка вышел минут через 10, с веселой улыбкой.

Отец Нектарий в противоположность отцу Варсонофию был небольшого роста, согбенный, с небольшой клинообразной бородой, худой с постоянно плачущими глазами. Поэтому у него всегда в руках был платок, который он, свернув уголком, прикладывал к глазам. Батюшка благословил меня и пригласил за собой. Провел он меня в исповедальную комнату, а там я уже увидел мою супругу, она встала и подошла ко мне, а батюшка поклонился нам в пояс и сказал: «Вот радость, вот радость. Я был скорбен и уныл, а теперь радостен (и его лицо сияло детской улыбкой). Ну как же теперь мне вас принимать. Вот садитесь рядышком на диванчик, — и батюшка сел напротив... Ведь вас благословил великий старец... Старец Варсонофий настолько великий, что я его и кончика ноготка на мизинце не стою. Из блес-

[1] С некоторыми сокращениями перепечатываем из журнала «Вечное», 1966.

Ввиду ценности и особенности текста, не имея оригинала, воспроизводим без каких-либо стилистических и синтаксических правок.

Русское возрождение. 1989. III–IV. № 47/48. С. 187–196.

тящего военного в одну ночь по благословению Божию сделался он великим старцем. Теперь только, после его смерти, я могу рассказать это дивное его обращение, которое он держал в тайне». И о. Нектарий рассказал историю обращения о. Варсонофия. «Вот как велик был старец Варсонофий! И удивительно был батюшка смиренный и послушный. Как-то он, будучи послушником, шел мимо моего крылечка, я ему и говорю в шуточку: "...жить тебе осталось ровно двадцать лет". Я ему говорил в шуточку, а он и послушался, и ровно через двадцать лет в тот же день 4 апреля и скончался. Вот какого великого послушания он был». Перед такой силой о. Нектария меня невольно передернула дрожь. А он продолжал: «И в своих молитвах поминайте "блаженного схиархимандрита Варсонофия". Но только три года поминайте его блаженным, а потом прямо "схиархимандрита Варсонофия". Сейчас он среди блаженных... Ищите во всем великого смысла. Все события, которые происходят вокруг нас и с нами, имеют свой смысл. Ничего без причины не бывает... Вот для меня великая радость — это ваше посещение. Я был скорбен и уныл. Все приходят люди с горестями и страданиями, а вы имеете только радости. Это посещение ангела... Сейчас у меня много посетителей, я не могу вас как следует принять. Идите сейчас домой, и приходите к шести часам...»

Батюшка опять пригласил нас вместе в исповедальню, посадил, и стал давать моей жене на память различные искусственные цветочки, и говорит при этом: «Когда будешь идти по жизненному полю, то собирай цветочки и соберешь целый букет, а плоды получишь потом». Мы не поняли, на что батюшка здесь намекает, ибо он ничего праздного не делал и не говорил. Потом он мне объяснил. Цветочки, это печали и горести. И вот их нужно собирать и получится чудный букет, с которым предстанешь в день судный, и тогда получишь плоды — радости. В супружеской жизни, далее говорил он, всегда имеются два периода: один счастливый, а другой печальный, горький. И лучше всегда, когда горький период бывает раньше, в начале супружеской жизни, но потом будет счастье.

Потом батюшка обратился ко мне и говорит: «А теперь пойдем, я тебя научу самовар ставить. Придет время, у тебя прислуги не будет, и ты будешь испытывать нужду, так что самовар придется самому тебе ставить». Я с удивлением посмотрел на батюшку и думаю: «Что он говорит? Куда же наше состояние исчезнет?» А он взял меня за руку и провел в кладовую. Там были сложены дрова и разные вещи. Тут же стоял самовар около вытяжной трубы. Батюшка говорит мне: «Вытря-

си прежде самовар, затем налей воды; а ведь часто воду забывают налить и начинают разжигать самовар, а в результате самовар испортят, и без чаю остаются. Вода стоит вот там, в углу, в медном кувшине, возьми его и налей». Я подошел к кувшину, а тот был очень большой, ведра на два, и сам по себе массивный медный. Попробовал его подвинуть, нет, — нету силы, — тогда я хотел поднести к нему самовар и начерпать воды. Батюшка заметил мое намерение и опять мне повторяет: «Ты возьми кувшин и налей воду в самовар». — «Да ведь, батюшка, он слишком тяжелый для меня, я его с места не могу сдвинуть». Тогда батюшка подошел к кувшину, перекрестил его и говорит: «Возьми», — и я поднял, и с удивлением смотрел на батюшку: кувшин мне почувствовался совершенно легким, как бы ничего не весящим. Я налил воду в самовар и поставил кувшин обратно с выражением изумления на лице. А батюшка меня спрашивает: «Ну что, тяжелый кувшин?» Нет, батюшка, я удивляюсь, он совсем легкий. «Так вот и возьми урок, что так всякое послушание, которое нам кажется тяжелым, при исполнении бывает очень легко, потому что это делается как послушание». Но я был прямо поражен: как он уничтожил силу тяжести одним крестным знамением! А батюшка дальше, как будто ничего не случилось, велит мне наколоть лучинок, разжечь их и потом положить уголья. Пока самовар грелся и я сидел возле него, батюшка зажег керосинку и стал варить в котелочке кожуру от яблок. Указывая на нее, батюшка мне сказал: «Вот это мое кушание, я только этим и питаюсь. Когда мне приносят добролюбцы фрукты, то я прошу их съесть эти фрукты, а кожицы счистить, и вот я их варю для себя...». Чай батюшка заварил сам, причем чай был удивительно ароматный с сильным медовым запахом. Сам он налил нам чай в чашки и ушел. В это время к нему пришла после вечерней молитвы скитская братия, чтобы принять благословение перед сном. Это совершалось каждый день, утром и вечером. Монахи все подходили под благословение, кланялись, и при этом, некоторые из монахов открыто исповедовали свои помыслы, сомнения. Батюшка как старец, руководитель душ одних утешал, подбодрял, другим вслед за исповеданием отпускал их прегрешения, разрешал сомнения, и всех, умиротворенных, любовно отпускал. Это было умилительное зрелище, и батюшка во время благословения имел вид чрезвычайно серьезный и сосредоточенный, и во всяком его слове, сквозила забота и любовь, к каждой мятущейся душе. После благословения, батюшка удалился в свою келью и молился около часу. После долгого отсутствия батюшка вернулся к нам и молча убрал все со стола.

В один из моих приездов в Оптину Пустынь я видел, как о. Нектарий читал запечатанные письма. Он вышел ко мне с полученными письмами, которых было штук 50, и, не распечатывая, стал их разбирать. Одни письма он откладывал со словами: «Сюда надо ответ дать, а эти письма, благодарственные, можно без ответа оставить». Он их не читал, но видел их содержание. Некоторые из них он благословлял, а некоторые целовал, а два письма, как бы случайно, дал моей жене и говорит: «Вот, прочти их вслух. Это будет полезно». Содержание одного письма забылось мною, а другое письмо было от одной курсистки Высших женских курсов. Она просила батюшку помолиться, так как мучается и никак не может совладать с собой. Полюбила она одного священника, который увлек ее зажигательными своими проповедями, и вот бросила она свои занятия, и бегает к нему за всякими пустяками, нарочно часто говеет, только для того, чтобы прикоснуться к нему. Ночи не спит. Батюшка на это письмо и говорит: «Вы этого священника знаете, и имели с ним дело. Он впоследствии будет занимать очень большой пост, о котором ему и в голову не приходило. Он еще ничего не знает об этом, но получит он эту власть вследствие того, что уклонится от истины». «Какой же это священник, думаю я, хорошо известный мне?» Тогда батюшка сказал, что это тот студент Духовной Академии, который приезжал со мною в Оптину, в первый раз, и который сватался за мою сестру. Но Господь сохранил мою сестру, через старца Варсонофия, ибо он расстроил этот брак... (Он может быть действительно находился в обновленческой церкви и властвовал там.) Перебирая письма, о. Нектарий говорит: вот называют меня старцем. Какой я старец, когда буду получать каждый день больше 100 писем, как о. Варсонофий, тогда и можно называть старцем, имеющего столько духовных детей... Отобрав письма, батюшка отнес их секретарю.

О. Нектарий советовал моему отцу продать дом в Петербурге и дачу в Финляндии, а то, говорил он, это все пропадет. Но мой отец не поверил, и ничего не продал. Это было в начале великой войны.

В 1914 году мой старший брат поступил послушником в Оптинский скит и исполнял иногда должность келейника у о. Нектария. Он часто присылал отцу письма с просьбой выслать ему деньги, т.к. он покупал различные книги духовного содержания и составлял там собственную библиотеку. Я всегда возмущался этим и говорил, что раз ушел из мира, по призванию, то уже порви со своими страстями. А у моего брата была такая страсть: покупать книги. Я написал батюшке о. Нектарию письмо, и довольно резкое письмо, выражающее мое

возмущение и удивление. Батюшка не ответил. Брат продолжал присылать свои просьбы, и иногда прямо требования. Тогда я написал батюшке еще более резкое письмо, обвиняя его, что он не сдерживает страсти брата, а потакает ей. Батюшка опять ничего не ответил. Но вот мне удалось с фронта, во время отпуска, съездить с женой в Оптину. Это было уже в 1917 году, при Временном Правительстве. Приезжаем в обитель, батюшка встречает нас низким поклоном и говорит: «Спасибо за искренность. Ты писал без всяких прикрас, а то, что у тебя есть на душе, что волнует тебя. Я знал, что вслед за этими письмами ты и сам пожалуешь, а я всегда рад видеть тебя. Пиши и впредь такие письма, а после них являйся сам сюда за ответом. Вот, теперь, я скажу, что скоро будет духовный книжный голод. Не достанешь духовной книги. Хорошо, что он собирает эту духовную библиотеку — духовное сокровище. Она очень и очень пригодится. Тяжелое время наступает теперь. В мире, теперь, прошло число шесть, и наступает число семь. Наступает век молчания. Молчи, молчи», — говорит батюшка, и слезы у него текут из глаз... «И вот Государь теперь сам не свой, сколько унижений он терпит за свои ошибки. 1918 год будет еще тяжелее, Государь и вся семья будут убиты, замучены. Одна благочестивая девушка видела сон: сидит Иисус Христос на Престоле, а около Него двенадцать апостолов и раздаются с земли ужасные муки и стоны. И апостол Петр спрашивает Христа: когда же, Господи, прекратятся эти муки, и отвечает ему Иисус Христос, даю я сроку до 22 года, если люди не покаются, не образумятся, то все так погибнут. Тут же пред Престолом Божьим предстоит и наш Государь в венце великомученика. Да, этот Государь будет великомученик. В последнее время, он искупил свою жизнь, и если люди не обратятся к Богу, то не только Россия, вся Европа провалится... Наступает время молитв. Во время работы говори Иисусову молитву. Сначала губами, потом умом, а наконец она сама перейдет в сердце» ...Батюшка удалился к себе в келью и часа полтора молился там. После молитвы он, сосредоточенный, вышел к нам, сел, взял за руку меня и говорит: «Очень многое я знаю о тебе, но не всякое знание будет тебе на пользу. Придет время голодное, будешь голодать... Наступит время, когда и монастырь наш уничтожат. И я может быть приду к вам на хутор. Тогда примите меня, Христа ради, не откажите. Некуда будет мне деться»...

Это было мое последнее свидание со старцем.

Вспоминается мне еще один случай с о. Нектарием. Моя жена в один из наших приездов в Оптину написала картину: вид из монас-

тыря на реку, и на ее низменный берег, во время заката солнца, при совершенно ясном небе и яркой игре красок. Поставила она свой рисунок на открытом балконе и пошла со мной прогуляться по лесу. Дорогой мы поспорили, и серьезно, так что совершенно расстроились и не хотели друг на друга смотреть. Возвращаемся домой: нам сразу бросилась в глаза картина: вместо ясного неба на ней нарисованы грозовые тучи и молнии. Мы были ошеломлены. Подошли поближе, стали рассматривать. Краски — совершенно свежие, только что наложенные. Мы позвали девушку, которая у нас жила, и спросили, кто к нам приходил. Она отвечает, что какой-то небольшого роста монах что-то здесь делал на балконе. Мы думали, думали, кто бы это мог быть и из более подробного описания монаха и опросов других догадались, что это был о. Нектарий. Это он, владевший кистью, символически изобразил наше душевное состояние с женой. И эта гроза с молниями произвела на нас такое впечатление, что мы забыли свой спор и помирились, ибо захотели, чтобы небо нашей жизни опять прояснилось и стало вновь совершенно чистым и ясным.

В 1928 году, 29-го апреля, батюшка о. Нектарий скончался. При кончине был только прот. Адриан Рымаренко, который прочитал отходную.

«О. Адриан, идите скорее». О. Адриан бросился к Батюшке. Уже обстановка у Батюшки была иная: Батюшка лежал, повернувшись к стене, покрытый мантией, горели свечи, рядом с кроватью на столике лежала епитрахиль и открытый канон на исход души. О. Адриан, действительно, увидел, что Батюшка умирает, он начал читать отходную. Прочел все полностью; батюшка еще был жив; о. Адриан, упав на колени, прижался к нему, к его спине под мантией. Батюшка дышал еще некоторое время, но дыхание делалось все реже и реже. О. Адриан, видя, что Батюшка кончается, поднялся с колен и накрыл Батюшку епитрахилью; через несколько минут Батюшки не стало; было восемь с половиною часов вечера 29-го апреля 1928 года (из книги Е. Г. Рымаренко «Воспоминания об Оптинском старце иеросхимонахе Нектарии». Новое Дивеево, Spring Valley, New York, 1974. С. 35).

На погребение съехалось много духовенства из Москвы и других городов. Похоронен о. Нектарий в Холмищах, Брянской губернии.

Прот. Василий Шустин

Когда Оптиной пустыни как таковой не стало, дело служения Богу и ближним понесли в мир те многие и многие, которых она окормила (от

слова «кормчий»), дух которых возжегся от соприкосновения с ней. Одним из таких людей был тот, под епитрахилью которого скончался последний Оптинский старец отец Нектарий...

Редакция

Отец Адриан[1]

Было это в 1921 году на Украине, в Полтавской губернии. Время было трудное. Полный упадок духовной жизни. Многие доходили до отчаяния. В одном городе, расположенная в живописном месте, была Александро-Невская церковь, которая, как и все еще оставшиеся открытыми церкви, обычно пустовала. Но вот в ней начал служить молодой священник. Вся жизнь этого священника была необычна. Он не происходил из духовного звания, как большинство духовенства в России. Образование он получил светское: Политехнический институт в Петербурге. Священство он принял по призванию, по благословению Оптинских старцев. Всю жизнь он поддерживал сношения с Оптиной пустынью, а по закрытию ее один из Оптинских монахов, по сути сам Старец, жил у него. Так глубокая вера молодого священника все больше и больше пропитывалась духом и учением Оптиной пустыни, этим ароматом чистейшего православия, этой чистейшей верой во Христа Сына Божия. Служил он проникновенно, а проповеди его, в которых сразу же стал обнаруживаться талант выдающегося проповедника, зажигали сердца слушающих тем огнем, которым горел и сам проповедник. Церковь его стала наполняться народом. Среди этого народа все больше и больше стали появляться монахи уже закрытых монастырей. Ни в какой другой церкви не могли они найти того аромата духовной жизни, того благоговения, ради которого они оставили мир.

Киев. Берег Днепра. Синеющие дали. На зеленом, высоком побережье раскинулось одно из самых красивых кладбищ мира — Аскольдово кладбище. На самой высокой стороне его — исторический храм-памятник, построенный над могилой князя Аскольда, известный под названием «Аскольдова могила». Священник этого храма нес две ответственности: одну — хранить церковь неприкосновенной со всеми ее святынями от посетителей музея, а другую — хранить исторический памятник неповрежденным и в то же время всег-

[1] Русское возрождение. 1989. III–IV. № 47/48. С. 197–201.

да доступным для посетителей. Вот почему и приезжал он с ранним трамваем, проводил в церкви целый день, и только совсем поздно, после вечернего богослужения, возвращался домой, оставаясь целый день без отдыха и нормального питания. Но зато храм его все больше и больше наполнялся народом. Что привлекало? Главным образом то, что богослужения совершались не как ритуал, а так, что учение Христа передавалось через это богослужение в души людей, зажигая их желанием исполнять это учение: стремиться к смирению, покаянию, к целомудрию, к миротворству. В этих богослужениях была жизнь. И люди приходили сюда, на Аскольдову могилу, чтобы черпать ЖИЗНЬ. Многие заходили из интереса к старине, как в музей, а, переговоривши несколько слов со священником, делались постоянными посетителями его храма. Многие приходили неверующими, а уходили глубоко верующими. Заходили так... не зная куда деться, а уходили обновленными. В то время было много людей одиноких, нуждающихся, находящихся в болезни, в отчаянии. А из «Аскольдовой могилы» шла помощь во имя Христа.

Германия. Берлин. Бомбежки. Война еще продолжается. А Церковь живет своей жизнью. В Берлинском соборе новый настоятель. Староста, церковный совет к нему с любопытством присматриваются. Он какой-то особенный, выделяется среди других. Он восстановил полный круг богослуженья. С ним группа людей, ему преданных, которые исполняли все то, что настоятель считал нужным. Появился будничный хор под руководством одной монахини. Его интересовали две вещи — богослужения и помощь ближним. А помощи ближним был здесь широкий простор. Кругом были лагеря. В них находились много тысяч наших русских юношей и девушек, вывезенных немцами из России и Украины для тяжелых работ в лагерях. По воскресеньям они наполняли храм. Их надо было поддержать, ободрить, накормить. Надо было достать продукты, наладить столовку. Обо всем этом позаботился настоятель. В подвальчике под собором была маленькая кухонька, и там готовился обед на сотни человек. А сколько утешения, сколько ободрения давал он этим несчастным!..

Америка. Нью-Йорк. И вот, на улицах Нью-Йорка — православный священник в рясе, с крестом на груди... борода, длинные волосы. Американцы смотрели на него с изумлением, но и с уважением. Он ходил с переводчиком из банка в банк, стараясь получить заем для покупки места для церкви. Человеку, ничего не имущему, без денежной гарантии, этот заем *невозможно* было получить. Но нашелся местный

банкир с добрым сердцем и с радостью пошел навстречу священнику. Заем был получен, но это была только половина стоимости этого места. Надо было достать другую половину. Один русский старичок пожертвовал все свое сбережение. Денег все еще не хватало. Тогда священник с переводчиком опять поехал в Нью-Йорк к американцам, в управление Епископальной церкви, стал просить, убеждать и, наконец, добился того, что пожертвовали недостающую сумму. Так Новое Дивеево начало свою жизнь на постоянном, им приобретенном месте. Маленькая католическая церковь, которая была переделана в православную, скоро не смогла вмещать множество приходящего народа. Тогда батюшка начал хлопотать о постройке нового храма, и почти исключительно своими силами был построен великолепный храм в честь Преподобного Серафима Саровского. Но для батюшки религия без милосердия невозможна. За постройкой храма последовала постройка большого Старческого дома, чтобы дать приют для наших одиноких старушек, не знающих английского языка. А дальше захотелось иметь и свое православное кладбище.

Так годы шли. И недавно весь этот, как американцы называют, комплекс — Монастырь, Церковь, Старческий Дом и Кладбище — был признан американским правительством Народной Святыней — местом исторического значения, подлежащего охране государства.

Кн. Д. Мышецкий

Владыка Андрей умер в день сев. апостолов Петра и Павла в 1978 году, но дело его, зажженное оптинским огнем молитвы и любви, все продолжается во славу Божью.

Редакция

Моя семья[1]

Моя юношеская жизнь проходила среди двух, казалось бы, столь разных и вместе с тем все же связанных друг с другом сфер московской духовной и умственной среды: патриархального, религиозно обоснованного, старозаветного уклада семьи, в котором я вырос и который я сознательно и радостно воспринимал, и динамического движения мысли, борьбы убеждений, борьбы философских взглядов, часто рез-

[1] Глава из книги проф. Н. С. Арсеньева «Дары и встречи жизненного пути» (Possev-Verlag, Frankfurt/Main, 1974). (Русское возрождение. 1989. III–IV. № 47/48. С. 247–257).

ко различных между собой, на жизнь и призвание человека и на жизнь мира. С этой борьбой противоположных идеолоий и миросозерцаний я должен был соприкоснуться в своих университетских занятиях, знакомствах и встречах, но я вносил в нее, не мог не вносить, религиозные воззрения, воспринятые мною дома. Ибо и эта патриархальная, тихая жизнь дома *была духовно динамична и,* может быть, она-то особенно и была творческой и динамичной; в тиши, в сосредоточенности и собранности семейной обстановки она оплодотворяла душу.

Мать, Екатерина Васильевна Арсеньева

Дом моих родителей был основным фоном моей жизни, хотя я с четырнадцатилетнего возраста, как правило, только три месяцу в году регулярно проводил в доме родителей. Это для меня — самое дорогое и интимное из всего, что я получил в жизни (ибо и религиозное начало коснулось меня через родительскую семью), и потому писать об этом я могу лишь кратко, мало и в более общих выражениях. О том, что дорого и свято, мало пишется.

Моя мать оставила незабвенный след не только в душе своих детей, но и в душе всех, кто был с нею в более близком соприкосновении. В лице моей матери мы чувствовали приближение и пребывание среди нас чего-то уже освященного, принадлежащего уже к иному, высшему миру нравственной чистоты и святости, и вместе с тем происходило это в такой простоте, в таком огромном смирении, в такой само собой разумеющейся естественности, в духе такой любви, смиренной и добродушной, полной тонкого, незлобивого юмора и такой тонкости, чуткости и такта духовного, что душа невольно умилялась. Большой и светлый ум, огромная сила благородства, стремление к правде и сила негодования против неправды, доброта, бесконечная доброта, покрывающая, прощающая, воспитывающая, просветляющая и не сознающая себя даже добротою — до того была она естественная, как-то самопроизвольно изливающаяся и притом безмерно отдающая себя, делавшая всю жизнь служением и подвигом, и, наконец, трепет внутреннего предстояния перед Господом — вот черты, характеризующие духовный облик моей матери, Екатерины Васильевны Арсеньевой, рожденной Шеншиной (1858–1938).

Она была великая христианка, и верою и делами. Она питалась внутренно из веры своей в единого милосердного Господа Иисуса. Она жила христианством, то есть внутренним последованием Господу Иисусу; это была для нее не теория, не доктрина, а подлинная стихия

жизни. Поэтому она так действовала на людей: они бывали поражены простотой этой праведности, ее абсолютной беспритязательностью и подлинностью.

Это было уже плодом благодати, все более и более проникавшей ее чистую, благородную, любвеобильную и смиренную душу. При большом богатстве ее духовных даров, один особенно поражал: это огромная сила жалости, которая охватывала ее и заставляла ее деятельно и смиренно помогать, забывая о себе. А если помощь была вне досягаемости, то начинались ее молитвенные предстательства пред Богом, ее молитвенные борения, исполненные надежды и уверенности в помощи, — за семью ее, за детей, особенно — в последнее, советское время — за тех, кто был в тюрьмах, в ссылках, в большевистских концентрационных лагерях (и она их вымолила всех, и они все вернулись к ней), но также и за всех близких, друзей и, боее того, за всех, о горе и нужде которых она слышала: она за них изливала душу свою перед Богом неотступно, горячо, все снова и снова, в смиренной и горячей молитве.

Это был живой урок, живой пример. Ибо и детей своих она старалась возбудить к тому же, учила тому же; ей важно было пробудить в них чувство деятельной жалости, научить их отказаться от своего, от любимой красивой игрушки и дать неимущему ребенку. Так понимала она свою любовь к детям, заботилась о них, оберегала их, но прежде всего хотела передать им свое лучшее — силу своей любви, своей живой жалости, своей живой, деятельной, себя забывающей помощи тому, кто нуждается в ней.

Ибо она была замечательная мать. Примером своей жизни и своим молитвенным подвигом она старалась и детей своих приводить к Господу Иисусу, высшему Сокровищу и Источнику обновленной жизни. Помню, как в дни нашего детства и отрочества — и юношеские тоже, когда мы бывали дома, она каждое утро читала вслух главу из Евангелия и главу из какого-нибудь послания апостольского и часто еще один псалом (в русском переводе).

Моя мать стремилась к духовному благу, к духовному росту своих детей не меньше, чем к их физическому здоровью и преуспеянию. Она не мирволила к слабостям, а напротив, со всей силой указывала детям на их недостатки, часто в добродушно-юмористической форме (у нее было много светлого, жизнерадостного юмора), но она негодовала на всякое их отклонение от любви и жалости к людям, на всякий их проступок против милосердия, на всякое проявление ими неуважения к

личности ближнего. Она учила их своим примером, как нужно давать там, где есть нужда, часто не считаясь с тем, трудно ли это, или не трудно. Позднее, в тяжелые годы жизни под советским игом, в самую голодную пору, она почти всю свою еду отдавала ближним: подсовывала свою часть скудного пайка моему голодающему отцу, у которого от голода открылись язвы на ногах, отдавала свою часть хлеба голодному сироте-племяннику. Но ее милосердие не ограничивалось домашним кругом: она отнимала у себя самое нужное, чтобы помочь людям, где было возможно, в то время (под властью большевиков), когда каждый кусок еды был драгоценностью. Но этим духом она жила и раньше. Это — незабвенные уроки, это — наивысшее воспитание, которое можно преподать: дети видели перед собою молчаливую, самозабвенную любовь, героизм любви, во всей простоте и смирении, как нечто само собой разумеющееся, проявляющееся ежедневно.

То же было в области жизни религиозной: она была *укоренена* в этом, это не было учение словами; просто мы, дети, видели религиозную действительность, реальность Божию, силу Христову, проявляющуюся наглядно в жизни самого близкого нам человека. Это уже не уроки, а смиренное и подлинное *свидетельство* жизни — самое убедительное или, вернее, единственно убедительное: действительная *жизнь во Христе,* постоянная направленность сердца к Господу Иисусу, но без всякой экзальтации, жизненно и просто.

Вот несколько черт биографических. Моя мать, Екатерина Васильевна Арсеньева, была дочерью камер-юнкера и помещика Василия Владимировича Шеншина и Анны Ивановны, рожденной Шаблыкиной. Через год после рождения моей матери, отец ее умер. Моя бабушка осталась 20-летней вдовой с тремя детьми и, по настоянию своей свекрови, вскоре вышла замуж за князя Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского. Моя же мать и ее братья остались воспитываться у своей бабушки, Анны Николаевны Шеншиной, рожденной Ермоловой (она была двоюродной сестрой героя 1812 года и покорителя Кавказа, знаменитого А. П. Ермолова), сначала в деревне Рязанской губернии, затем в С.-Петербурге. Моя мать всю жизнь с великой благодарностью и любовью чтила память воспитавшей ее бабушки. Анна Николаевна Шеншина была, по-видимому, очень замечательным человеком: глубокая, прямая и благородная натура, большой доброты к людям, человек большой веры и ясного ума. Многие люди обращались к ней за советами, прибегали к ее посредничеству и суду в семейных распрях и недоразумениях. Она была лучшим типом справед-

ливой и мудрой русской барыни, очень сочувствовала освобождению крестьян. Она была домовитой и деловой (у нас долго сохранялась старинная ее записная книжка середины прошлого века со многочисленными интереснейшими рецептами). Ее благородство, правдивость и активная, мудрая доброта питались от глубоко христианских корней, из жизни Церкви. В ней и в деревенской жизни в родовом шеншинском поместье Рязанской губернии моя мать глубоко прикоснулась к лучшим вдохновляющим сторонам подлинной русской жизни и осталась им близкой всю жизнь свою. Как и ее бабушка, она любила все подлинное, настоящее, не аффектированное, подлинную духовную простоту сердца.

Воспитание было насыщено живым и действенным религиозным началом и, вместе с тем, отличалось высоким уровнем культурного развития, соединялось с первоклассным образованием. В Петербурге к моей матери ходили лучшие тогдашние учителя, в том числе профессора университета, и преподавали ей историю, литературу, языки. Гувернантка ее была шотландка, духовно очень замечательная женщина и, вместе с тем, очень образованная. С ней моя мать читала английских классиков, особенно любила она Байрона, Вальтера Скотта и Диккенса. Она превосходно изучила английский и французский языки и, наряду с английской, также и французскую, а позднее отчасти и немецкую литературу: классиков и романтиков. У моей матери был легкий и элегантный, изысканный и непринужденный французский стиль и в разговоре, и в письменном изложении. Она была начитанна в исторической литературе, особенно любила она исторические и церковно-исторические работы известного французского историка времен Второй империи Amedee Thierry, автора многочисленных блестяще и увлекательно написанных монографий, рисующих картины последних дней Римской империи, нашествия варваров и некоторые особенно драматические моменты из истории Церкви IV и V веков.

В ней находили живой отклик серьезные исторические и археологические интересы моего отца (его особенно занимала история Византии, Балкан и славянства и вообще христианского Востока, а также греко-римского мира, история сношений России с Западом). Но особенно ее привлекала религиозная сторона истории и жизни и красота поэтическая. Моя мать любила поэтов, особенно Гетевского «Фауста», и "Buch der Lieder" Heine, Байрона, стихи Хомякова. Ее любимой книгой была Библия. Много также читала она «Добротолюбие», творения Аввы Дорофея, Исаака Сирини, Макария Египетского и очень

любила книги епископа Феофана Затворника (особенно его Толкование на 118-й псалом — ее любимый). Любила она очень «Отечник» (изречения египетских отцов-пустынников), творения св. Дмитрия Ростовского, "Fioretti" св. Франциска Ассизского, творения великого испанского мистика Иоанна Св. Креста (Juan de la Cruz), которые читала во французском переводе.

Очень интересовалась она политикой — русской внешней политикой, славянским вопросом, а позднее, в эпоху большевизма, она всеми силами души желала освобождения России и низвержения большевиков, все ждала и спрашивала: «Скоро ли? Скоро ли?».

Для меня было большим наслаждением читать ей вслух отрывки из Библии (особенно из книги пророка Исайи, 118-й псалом, из посланий апостола Павла, из 1-го послания апостола Иоанна), а также — для внутренней проверки — то, что я писал на религиозные темы. Во время конгресса ориенталистов в Стокгольме в 1889 году (когда мой отец был Первым секретарем Российской Императорской миссии в Стокгольме) моя мать вела оживленные разговоры с знаменитым ученым Максом Мюллером, приехавшим на конгресс из Оксфорда, и с такой глубиной интереса и понимания расспрашивала его про основы буддизма, что он был поражен и спрашивал потом, кто эта замечательная молодая дама, столь заинтересованная вопросами духовной и религиозной жизни. Но никогда не было в ней и тени «синего чулка», все было так естественно скромно, просто и тактично.

Она и детям своим запрещала распущенность в привычках, в укладе жизни. В ней было огромное чувство нравственной дисциплины, которая проявлялась и во внешних мелочах. Она была приучена к чистому, свежему воздуху, к холодной воде, и детей своих с детства приучала к дисциплине тела и духа, к скромности, к уважению к старшим, к уважению личности другого. Всякие остатки «крепостнических» замашек — пренебрежение, грубость с прислугой — она беспощадно преследовала в них. «Кто ты такой сам? Ты только клоп и больше ничего», — вот что она им говорила, когда проявлялись у них иногда замашки «барства», пренебрежения к людям. Это было результатом ее воспитания у своей бабушки, и в этом направлении — смиренного исполнения своего долга, простоты, естественности, скромности, сдержанности в манерах, при бесконечной доброте — она шла всю жизнь. Но закваска была дана воспитанием.

Возвращаюсь к ее биографии. Потеряв через некоторое время после своего переезда из деревни в Петербург свою бабушку, она в возрасте

17 лет переехала жить к своей матери — княгине Анне Ивановне Лобановой-Ростовской, которая со вторым мужем и многочисленными детьми от второго брака жила в Москве, в одном из крыльев огромного дома Английского клуба на Тверской (принадлежавшего тогда Шаблыкиным). Большое влияние оказал на мою мать ее отчим, князь Николай Алексеевич Лобанов-Ростовский, который называл ее своим «другом» и которого она необыкновенно высоко ценила и любила. Это был человек большой духовной чистоты, благородства, внутренней тишины и собранности духа. Он любил иногда сопровождать мою мать на прогулке. «Вот мы и помолчали кое о чем вместе», — говорил он. В Лобановском доме моей матери пришлось сразу выступить в роли старшей сестры — она была советником и другом, а иногда как бы духовным руководителем своих сестер и братьев, особенно более близких к ней по возрасту (в особенности Ольги Николаевны, позднее леди Эджертон).

Светская жизнь мало привлекала мою мать, но ей приходилось, по тогдашнему обычаю, много бывать на балах и участвовать в светском общении тогдашней молодежи. Завязались у нее тесные дружеские отношения с теми девушками, которые так же, как и она, обладали внутренним духовным содержанием.

24-х лет моя мать вышла замуж за моего отца, Сергея Васильевича Арсеньева, начинающего молодого дипломата, служившего тогда на Балканах. Они были всю жизнь необычайно счастливы вместе. Она жила для моего отца — делила его интересы, дипломатические, внешнеполитические, научно-археологические, — была истинным товарищем и другом его жизни, и до конца проявляла к нему трогательную, умилительную любовь и нежность; подбадривала его в минуты находившей иногда на него хандры, уныния, смягчала его раздражение, умела, как никто, отгадывать и понимать его чувства. И он любил ее беззаветно, с каким-то преклонением и с тем чувством полного доверия и дружбы, которое характерно для истинно благословенной супружеской жизни. 35 лет провела она с мужем за границей, сопровождая его из страны в страну.

Дети почти все родились за границей. Моя мать только редко приезжала в Россию, но дом моих родителей в разных странах, где они были, был живым уголком России. Радушие и гостеприимство моей матери было очень велико, еще больше была ее доброта. И на чужбине она старалась воспитать в своих детях близость к Церкви и умела создать уют и тепло вокруг себя. Особенно была она популярна (сама о том не подозревая) среди местного населения в Черногории, ибо мно-

го бедных получало от нее помощь, многие бедные регулярно кормились у нее на кухне. Когда мой отец был посланником в Норвегии, она в 1914–1916 гг. возглавила организацию помощи русским военнопленным, голодавшим в германском плену, помощи, которую она почти только своими силами организовала из Норвегии как страны нейтральной.

Перенесусь теперь вперед и скажу несколько слов о более поздних годах. Позднее — после возвращения моих родителей в 1916 году в Россию — в эпоху величайших испытаний, пришедших во время большевистского террора и беспрестанного гнета, голода, арестов и ссылок, — моя мать некоторое время сидела вместе с моим отцом в большевистской тюрьме и там поддерживала его духовно. Все ужасы голодного существования в Советской России перенесла она, не думая о себе, страдая от голода и в то же время отдавая последнее. Вскоре после смерти моего отца (в 1922 г. в Москве) отправилась она добровольно в ссылку вслед за своими двумя младшими дочерьми, сосланными в Архангельск, где пробыла 8 лет. Это было временем все большего и большего проявления ее силы любви и сострадания. Много эпизодов того времени необычайно трогательны и умильны — до слез: как мог человек так сострадать, так снисходить к нуждам и страданиям других, сам мучаясь (мои обе сестры были оторваны от нее советской властью и отправлены в концентрационный лагерь в Соловки; по освобождении оттуда, они арестовывались все снова и снова). Ее сердце разрывалось от тревоги за детей, но не ослабевала ее молитва за них.

В 1933 году она выехала с дочерьми ко мне в Кенигсберг, в Германию, где я преподавал в университете. Советы выпустили их с трудом, за большой денежный выкуп, и то только благодаря усиленному вмешательству великобританского правительства (сестра моей матери, леди Эджертон, была вдовой великобританского посла в Риме и, имея много связей в Англии, хлопотала за нее). Пять лет, проведенные ею вместе с детьми, в условиях безопасности и спокойствия, были незабываемым счастьем для ее детей.

Ее кончина — 80 лет от роду — 13 (26) августа 1938 года была поистине высоко христианской. *Увереностью* в Высшей Жизни, уверенностью, что не может и не должно быть окончательной разлуки, радостным чувством неугасимой любви и незабываемым, просветляющим душу примером для близких и дальних, веет от ее смерти и от ее жизни.

Проф. Н. С. Арсеньев

Вегетарианство и его отличие от христианского поста[1]

Христианский пост многократно и многообразно подвергался нападениям и нареканиям со стороны «плотских» людей. Нападения эти становятся тем ожесточеннее, чем более в известное время люди ходят по плоти и заботятся об угождении ей. В такие времена господства плоти и измельчания духа голоса в защиту поста раздаются редко и робко. Тем приятнее слышать голос в пользу поста, раздавшийся в наши дни из мира светского, который далеко не часто поет в унисон с миром духовным, церковным. Разумеем вегетарианское движение, возникновению которого оставалось бы только радоваться, если бы сами вегетарианцы не допускали в своем учении немалых промахов и погрешностей.

Под именем вегетарианства разумеется такое направление в воззрениях современного общества, которым допускается употребление в пищу только растительных продуктов, а не мяса и рыбы[2] (отсюда произошло и название вегетарианства — от латинского слова vegetare — произрастать). В защиту своего учения вегетарианцы приводят данные:

1) из анатомии: человек принадлежит к разряду существ плодоядных, а не всеядных и плотоядных;

2) из органической химии: растительная пища содержит все необходимое для питания и может поддерживать силы и здоровье человека в той же степени, как и пища смешанная, т.е. животно-растительная;

3) из физиологии: растительная пища лучше усвояется, чем мясная;

4) из медицины: мясное питание возбуждает организм и сокращает жизнь, а вегетарианское, напротив, сохраняет и удлиняет ее;

5) из экономии: растительная пища дешевле мясной;

6) приводятся наконец и нравственные соображения: убивание животных противно нравственному чувству человека, тогда как вегетарианство вносит мир и в собственную жизнь человека, и в его отношения с миром животных[3].

---

[1] Перепечатано из журнала «Странник», 1895 г. Свят. Патриарх Тихон (Белавин) в сане архимандрита пребывал в период 1892–1894 гг., неся послушание инспектора, а затем ректора Холмской духовной семинарии. Орфография текста сохранена. — *Примеч. редакции.* (Русское возрождение. 1992–1993. IV–I. № 60/61. С. 31–44).

[2] Лишь некоторые вегетерианцы допускают употребление в пищу молока и яиц.

[3] Все эти данные подробно раскрыты в сочин. «Научные основания вегетарианства», «Вегетарианская кухня» и пр.

Некоторые из этих соображений высказывались еще в глубокой древности, в мире языческом (Пифагором, Платоном, Сакиа-Муни); в мире христианском они чаще повторялись, но все же высказывавшие их были единичными личностями и не составляли общества; только в половине нынешнего столетия в Англии, а затем и в других странах возникли целые общества вегетарианцев. С тех пор движение вегетарианское, все более и более возрастает, все больше и чаще встречается последователей его, которые ревностно распространяют свои взгляды и стараются осуществить их на деле; так, в Западной Европе есть немало вегетарианских ресторанов (в одном Лондоне их до 30), в которых кушанья готовятся исключительно из растительной пищи; издаются книги вегетарианского поваренного искусства, в которых содержатся расписания кушаний и наставления для приготовления более 800 блюд[1]. У нас в России также есть последователи вегетарианства, к числу которых принадлежит и известный писатель гр. Лев Толстой.

Вегетарианству обещают широкое будущее, так как, говорят, человечество волею-неволею, в конце концов, придет к способу питания вегетарианцев. Уже и теперь в некоторых странах Европы замечается явление уменьшения скота, а в Азии это явление почти уже совершилось, особенно в наиболее населенных странах — в Китае и Японии, так что в будущем, хотя и не близком, совсем не будет скота, а следовательно, и мясной пищи. Если это так, то вегетарианство имеет ту заслугу, что его последователи разрабатывают способы питания и образа жизни, к которому рано или поздно люди должны будут примкнуть. Но кроме этой проблематичной заслуги, вегетарианству принадлежит та несомненная заслуга, что оно предъявляет по адресу нашего сластолюбивого и изнеженного века настойчивый призыв к воздержанию.

«Присмотритесь, — говорит Толстой, — к нашей жизни, к тому, чем движимо большинство людей нашего мира; спросите себя, какой главный интерес этого большинства? И как ни странно это может показаться нам, привыкшим скрывать наши настоящие интересы и выставлять фальшивые, искусственные, главный интерес жизни большинства людей нашего времени — это удовлетворение вкуса, удовольствие еды. Начиная с беднейших до богатейших сословий общества, обжорство, я думаю, есть главная цель, есть главное удовольствие нашей жизни. Бедный рабочий народ составляет исключе-

[1] Напр., проф. Бекетов в брош. «Питание человека» и в Энцикл.слов. Брокг. и Ефр. Т. М, 691.

ние только в той мере, в которой нужда мешает ему предаваться этой страсти. Как только у него есть время и средства к тому, он, подражая высшим классам, приобретает самое вкусное и сладкое... А посмотрите на жизнь людей образованных, послушайте их разговоры. Какие все возвышенные предметы как будто занимают их: и философия, и наука, и искусство, и воспитание юношества, но все это для огромного большинства ложь, все это их занимает между делом, между настоящим делом —завтраком и обедом, пока желудок полон и нельзя есть еще. Интерес один живой, настоящий интерес большинства — это еда. Как поесть, что поесть, когда, где? Ни одно торжество, ни одна радость, ни одно открытие чего бы то ни было не обходится без еды. Люди притворяются, что обед, еда им не нужны, даже в тягость, но это ложь. Попробуйте вместо ожидаемых ими утонченных блюд дать им, не говорю — хлеба с водою, но каши и лапши, и посмотрите, какую бурю это вызовет, и как окажется то, что действительно есть, именно то, что в собрании этих людей главный интерес не тот, который они выставляют, а интерес еды»[1]. Конечно, в приведенной характеристике современного общества есть некоторое преувеличение, но есть и значительная доля правды. Посему и настойчивый призыв со стороны вегетарианцев к воздержанию, к сокращению прихотей является как нельзя более кстати; и если бы они ограничились этим призывом, то оставалось бы только радоваться успеху и росту вегетарианского движения. Но нередко успех кружит голову и надмевает человека. То же случилось и с последователями вегетарианства: они приписывают ему то, чего оно не имеет и не может иметь.

Вегетарианцы думают, что если бы люди не употребляли мясной пищи, то на земле давно уже водворилось бы полное благоденствие. Еще Платон, который показал нам пример того, как можно умно рассуждать об идеях и т. п. высоких материях и в то же время далеко не умно решать вопросы из области государственной и общественной жизни, — еще Платон в своем диалоге «О Республике» корень несправедливости, источник войн и других зол находил в том, что люди не хотят довольствоваться простым образом жизни и суровою растительной пищею, а едят мясо[2]. А у другого сторонника вегетарианства, уже из христиан, Анабаптиста Тралона (ум. в 1703) находятся на этот счет слова, которые автор «Этики пищи» приводит в своей книге с особым «удовольствием». «Если бы люди, — говорит Трайон, — прекра-

[1] «Первая ступень» в предисл. к «Этике пищи».

[2] *Уильямс*. Этика пищи. С. 27.

тили раздоры, отказались от угнетения и от того, что способствует и располагает их к тому, — от умерщвления животных и употребления в пищу их крови и мяса, — тогда в короткое время ослабели бы, а может быть, и совсем перестали бы существовать между ними взаимные смертоубийства, дьявольские распри и жестокости... Тогда прекратится всякая вражда, не будет слышно жалостных стонов ни людей, ни скотов. Тогда не будет ни потоков крови убитых животных, ни зловонья мясных рынков, ни окровавленных мясников, ни грома пушек, ни сожжения городов. Исчезнут смрадные тюрьмы, разрушатся железные затворы, за которыми томятся люди вдали от жен, детей, свежего вольного воздуха, смолкнут вопли просящих пищи или одежды. Не будет ни возмущений, ни хитроумных изобретений для разрушения в один день того, что созидалось тяжким трудом тысяч людей, ни страшных ругательств, ни грубых речей. Не будет ни напрасного истязания животных непосильной работой, ни растления девиц. Не будет отдачи в аренду земель и ферм по таким ценам, которые принуждают съемщика изнурять и себя, и слуг, и скот почти до смерти, и все-таки оставаться в неоплатном долгу, не будет угнетения низших высшими, не будет нужды за отсутствием излишеств и обжорства; смолкнут стоны раненых, не нужно будет медиков для вырезывания пуль из их тел, для отнятия раздробленных или поломанных рук и ног. Затихнут крики и стоны страждущих от подагры или других тяжких болезней (вроде проказы или чахотки), кроме недугов старости. И дети перестанут быть жертвами бесчисленных страданий и будут такими же здоровыми, как ягнята, телята и детеныши всяких иных животных, не знающих недугов»[1]. Вот такую обольстительную картину рисуют вегетарианцы, и как легко всего этого достигнуть: стоит не есть мяса, и на земле водворится настоящий рай, жизнь безмятежная и беспечальная.

Позволительно, однако, более чем усомниться в осуществимости всех радужных мечтаний вегетарианцев. Хотя они и заявляют, что «их система поражает самый корень зла и обещает выгоды не утопические»[2], однако от того, что люди перестанут есть мясо, едва ли водворится на земле рай, Царство Божие, ибо Царство Божие, по премудрому слову ап. Павла, не пища и питие, но праведность, мир и радость в Святом Духе (Рим 14.17). Христианское учение всегда было чуждо духа мечтательности. Оно тем и отличается от разных утопических теорий, что ясно различает идеал и действительность и, указывая чело-

[1] Этика пищи. С. 138 и 140.

[2] Там же. С. 280.

веческим стремлениям конечную цель в идеале, в то же время никогда не теряет из виду и действительности. А в этой-то действительности и невозможно полное осуществление идеального счастья. Нужды, горе и ссоры всегда будут отравлять земную жизнь человека, всегда будут спутниками в нашем настоящем состоянии, так как причина этих несчастных явлений не внешняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая, внутренняя, заключающаяся в греховном состоянии самой природы человека, в повреждении ее грехом. Пока такое состояние человеческой природы будет продолжаться, пока не изменятся в корне ненормальные условия нашей жизни, пока не восстановятся у нас правильное отношение к Богу, к собственному назначению и к внешнему миру, т.е. пока настоящая жизнь не сменится новою вечною жизнью, пока не откроется для человечества новое небо и новая земля, в которой правда живет (2 Петр 3. 13), — до тех пор всегда будут нужды, бедность, горе и болезнь. А так как корень всех этих бедствий лежит гораздо глубже, чем думают вегетарианцы и подобные им мечтатели, то и средство, на которое они указывают, одно, само по себе, не может уврачевать зла: оно слишком для этого мало, поверхностно и незначительно.

То правда, что воздержание вообще — и в частности, от употребления мясной пищи — обуздывает наши страсти и похоти плотские, дает большую легкость нашему духу и помогает ему высвободиться из-под владычества плоти и покорить ее своему господству и управлению. Однако было бы ошибочно полагать это телесное воздержание в основу нравственности, выводить из него все высокие нравственные качества и думать вместе с вегетарианцами, что «растительная пища сама по себе создает много добродетелей»[8]. Вопреки мечтам вегетарианцев, один из подвижников благочестия (прп. Иоанн Кассиан), которых, конечно, никак уже нельзя заподозрить в небрежении к посту, при виде трапезы которых, напротив, даже ангелы небесные радовались, по выражению св. Иоанна Злат., — говорил, что «мы не полагаем надежды на один пост (телесный). Он не есть сам по себе благо или сам по себе необходим. Он с пользою соблюдается для приобретения чистоты сердца и тела, чтобы, притупив жало плоти, человек приобрел умиротворение духа. Но пост иногда обращается даже в погибель души, если неблаговременно соблюдается. Надобно стараться, чтобы те добродетели, которые составляют истинное добро, были приобретаемы постом, а не для поста должны быть совершаемы действия тех добродетелей. Итак, для того полезно сокрушение плоти, для того к

нему должно быть присоединяемо врачество воздержания от пищи, чтобы через него мы могли достигнуть любви, в которой заключается неизменное и постоянное добро»[1]. Значит пост телесный служит только средством и пособием для приобретения добродетелей — чистоты и целомудрия, и должен необходимо соединяться с постом духовным — с воздержанием от страстей и пороков, с удалением от худых помыслов и злых дел, и без этого сам по себе ое не достаточен для спасения. Не делаем выписок о сем из творения Святых Отцов, так как трудно «вместити пишемых»: все отцы и подвижники согласно учат, что истинный пост бывает тогда, когда человек воздерживается от зла. Взамен всего приведем характерный рассказ о св. Макарии Великом. Ему однажды сам искуситель сказал: « Я не силен против тебя, Макарий. Все, что ты делаешь, и я делаю. Ты постишься, а я совсем не ем. Ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним только ты побеждаешь меня». «Чем же?» — спросил Макарий. «Смирением, отвечал Диавол. — Вот почему я не силен против тебя»[2]. Отсюда видно, что нельзя еще возлагать все надежды на один телесный пост.

Не считая одного телесного поста достаточным для спасения, подвижники благочестия в то же время не признавали и того, чтобы пост этот был для всех всегда обязателен(как хотят того вегетарианцы), ибо, говорит св. Нил Сорский, «все организмы невозможно подчинить одному и тому же правилу: тела имеют большое различие в силе, как медь и железо в сравнении с воском»[3]. Проповедуя только постоянную умеренность в пище и питии и сами воздерживаясь от вкушения мяса, они для других не запрещали вкушения по временам мясной пищи. Нужно все употреблять во славу Божию, говорили лни, ни от чего совершенно не удаляясь, как делают еретики, безрассудно отвергающие то, что Бог сотворил весьма хорошим. От всех находящихся снедей, хотя бы и сладких, нужно брать понемногу. Таково рассуждение мудрых, а не то, чтобы некоторые роды пищи выбирать, а другие оставлять; дабы и Бога благодарить и сохранить ненадменность души: так мы избегнем возношения и не будем гнушаться тем, что Бог сотворил хорошим[4]. Тех же людей, которые останавливаются на веществе снедей и пития, оставляя в стороне «разумение», — таковых отцы называют «неразсудительными». Эти неразсудительные люди ревнуют посту

[1] Монашеская жизнь по изречениям о ней подвижников. Вып. 1. С. 77–78.
[2] Там же. С. 101.
[3] Там же. С. 68.
[4] Там же. С. 69, 81.

и трудам святых с неправильным разумением и намерением и думают, что они проходят добродетель. Диавол же, стерегущий их как свою добычу, ввергает в них семя радостного мнения о себе, от которого зарождается и воспитывается внутренний фарисей, и предает таковых совершенной гордыне. Ибо ничто столь удобно не побуждает к гордости, как знающая о многих своих заслугах совесть и дума, живущая в уповании на оные.[1] К таким людям обращается с предостережением и пресвитер Исидор: «Если подвизаетесь, — говорит он, — то не гордитесь; если же тщеславитесь сим, то лучше есть мясо, ибо не так вредно мясо, как гордиться и надмеваться». А отцы Гангрского Собора даже провозглашают анафему тому, «если кто осуждает человека, который с благоговением и верою вкушает мясо (кроме крови и идоложертвенного)».

Таков поистине мудрый взгляд св. Церкви на вкушение мяса. В своих постановлениях Она всегда имеет в виду не какого-то отвлеченного, бесстрастного и бесплотного человека, какого нередко имеют в виду разные мечтатели вроде вегетарианцев, а человека живого, плоть носящего, человека со всеми его нуждами, потребностями, немощами, и к ним Церковь, следуя примеру Своего Божественного Основателя, относится с величайшею снисходительностью и милосердием. Бывали примеры, что великие подвижники и святые мужи — эти лучшие выразители церковных воззрений, — «сразсуждая немощному естеству человеческому», не только не укоряли тех, которые ели в пост «неподобающие снеди», но даже и сами «мало» вкушали от сих снедей.

Так, о святителе Тихоне рассказывают, что когда он жил на покое в Задонском монастыре, то однажды в пятницу на шестой неделе Великого поста посетил монастырского схимника Митрофана. У сего последнего в это время был гость, некто Косма Студеникин, елецкий гражданин, которого за его благочестивую жизнь любил и святитель. Случилось, что в этот день знакомый рыбак принес отцу Митрофану для Вербного Воскресенья живого верезуба. Так как гость не рассчитывал пробыть до воскресенья в обители, то схимник и распорядился сразу же приготовить из верезуба уху и холодное. За этими яствами и застал святитель Митрофана и его гостя. Схимник, испугавшись такого неожиданного посещения и считая себя виновным в нарушении поста, пал к ногам св. Тихона и умолял его о прощении. Но святитель, зная строгую жизнь обоих друзей, сказал им: «Садитесь, я знаю вас: любовь — выше поста», при этом сел сам за стол, съел ложки две ухи

[1] Монашеская жизнь по изречениям о ней подвижников. Вып. 1. С. 98.

и угощал Космy. Такое снисхождение и доброта святителя поразили друзей: им известно было, что св. Тихон во весь Великий пост по понедельникам, средам и пяткам не употреблял даже масла, а тем более рыбы[1]. И о другом подвижнике благочестия, еще при жизни прославившемся даром чудотворения, св. Спиридоне Тримифунтском рассказывается, что некто зашел к нему с пути уже по наступлении Великого поста, когда святитель с домашними держал по обыкновению строжайший пост и вкушал пищу только в известные дни, оставаясь в прочие совсем без пищи. Видя, что странник очень устал, Спиридон велел дочери своей предложить путнику покушать. Та отвечала, что нет ни хлеба, ни муки, ибо запас этого по причине поста был бы излишен. Тогда святитель помолился, попросил прощения и приказал дочери изжарить случившегося в доме соленого свиного мяса. После изготовления его Спиридон, посадив с собою странника, начал есть мясо и убеждал и своего гостя делать тоже; а когда последний отказывался, называя себя христианином, святитель сказал: «Тем менее надобно отказываться, ибо Слово Божие изрекло: для чистых все чисто» (Тит 1. 15)[2].

Не знаем, известны ли эти случаи вегетарианцам, и как они к ним относятся; но думается, что с вегетарианской точки зрения указанные святые мужи представляются «немощными». Однако св. апостол Павел в Послании к римлянам (14 гл. 2 ст.), где тоже в свое время были споры о том, есть ли мясо или только овощи, называет немощным того, кто считает позволительным для христианина есть только овощи и кто на вкушение мяса смотрит, как на что-то безнравственное и преступное (как и смотрят наши вегетарианцы).

И действительно, такой человек есть немощный христианин, готовый, по словам апостола, возвратиться к немощным и бедным вещественным началам и снова поработить себя им (Гал 4. 9). Такой человек думает, что пища сама по себе может приблизить нас к Богу (1 Кор 8. 8), как будто Царство Божие есть пища и питие, а не праведность, мир и радость во Святом Духе (Рим 14.17); он забывает, что все чисто (Рим 14. 20), и всякое творение Божие хорошо и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением (1 Тим 4. 4). Не предосудительно, посему, и вкушение мяса в те дни, когда оно разрешается св. Церковию.

[1] Жизнь св. Тихона Задонского. М., 1863. С. 165–167.

[2] *Созомен*. Церк. история. Кн.1. Гл. 11.

В начале роду человеческому были назначены Богом в пищу семена и плоды (Быт 1. 23). Но когда человек грехом повредил всю свою природу и навлек проклятие и на землю, то растительная пища оказалась недостаточною для рода человеческого, и из Библии мы знаем, что после потопа Сам Бог наряду с зеленью травною дает в пищу людям и животных, и птиц, и рыб (Быт 98. 3). Стало быть, употребление мясной пищи разрешено Самим Богом[1] и, как такое, оно не заключает в себе ничего противозаконного и безнравственного.

Но, убивая животных в пищу, человек этим самым, по словам вегетарианцев, нарушает принципы справедливости и сострадания к животным. Он лишает их жизни, которую дал им не он, и причиняет им столь ужасные страдания, что даже привычным людям иногда становится жутко при виде мучений, испытываемых животными. В сочинениях вегетарианцев («Научные основания вегетарианства», «Этика пищи») целые страницы посвящены картинному описанию тех жестоких мучений, которым подвергает животных человек, этот «сластолюбивый обжора», «ненасытный чревоугодник», «злой палач». Сострадание, конечно, — чувство в высшей степени почтенное, но только в таком случае, если оно носит трезвый и здравый характер, а не ложный и сентиментальный. Встречаются иногда особы, которые падают в обморок при визге собаки, но которые остаются безучастны к слезам и горю человека. Кто же такое чувство сострадания признает здравым и истинным? Или кто одобрит индийцев, устроявших госпитали для кур, голубей и в то же время допускавших, чтобы парии тысячами умирали от жажды во время засухи, и не позволявших им пользоваться водою из колодцев людей знатных. В таких случаях сострадание и любовь к животным развиваются за счет людей и в прямой ущерб этим последним.

Этот недостаток индусов, религией которых так восхищаются вегетарианцы, главным образом за ея «возвышенные принципы милосердия к животным», присущ и вегетарианству. Защищая права животных, вегетарианцы, как говорится, «хватили через край». Очень

[1] На это Уильямс, автор «Этики пищи», возражает, что если защищать мясоедение на основании Библии, то придется, чтобы быть последовательным, защищать и рабство, и многоженство, и самые варварские войны (С. 208, примеч). Но для всякого непредубежденного человека ясно видно, что есть существенная разница между вкушением мясной пищи и хотя бы, напр. многоженством; и из Библии видно, что первое Бог разрешает и благословляет, а второе только на время попускает.

многие из них[1] признают, что «животные совершенно однородны с человеком и в физическом, и в нравственном отношении», как и человек «наделены разумом и нравственным чувством», иногда даже «в большей степени», «имеют те же понятия, чувства и способности»[2], «животные одного с человеком класса», «имеют одинаковое с ним право на жизнь», «они наши братья», и посему убиение их есть «братоубийство».

Но, рассуждая так, вегетарианцы этим самым заявляют себя сторонниками материализма, который тоже не видит существенной разницы между человеком и животными. А материализм давно уже потерял всякий кредит в глазах ученого мира: нет ни одного серьезного и беспристрастного ученого, который бы стал утверждать, что внутренний мир человека и животных один и тот же[3].

Эти материалистические тенденции очень вредят чистоте вегетарианского учения, и нельзя не пожалеть, что вегетарианцы, вместо того чтобы вести дело проповеди своих идей в союзе с св. Церковью и в духе учения Христова, предпочитают почерпать подкрепление своим воззрениям из мутных кладезей ложных учений.

Архимандрит Тихон (Белавин),
ныне прославленный патриарх Тихон

[1] Например, Освальд, Бентам, Никольсон, Глейзе, Мишле, Гольтц и, наконец, сам автор «Этики пищи» Уильямс.

[2] «Неужели души всех животных, кроме человеческой, смертны или созданы совершенно иначе»? — вопрошает один вегетерианец (Этика пищи. С. 346).

[3] Если и были «философы», которые утверждали противное, то еще св. Василий Великий говорил своим современникам: «...убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собой и говорят о себе, что они были некогда и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя и не скажу, бывали ли они когда-нибудь рыбами, однако же со все усилием готов утверждать, что когда писали сие, то были бессмысленнее рыб.

О подвижничестве[1]

(Вместо предисловия)

Почти сто лет прошло с того момента, когда впервые было произнесено и напечатано публикуемое ниже Слово святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, «О подвижничестве». Святитель создал его в возрасте около 30 лет, то есть совсем молодым человеком, будучи в сане архимандрита ректором Холмской Ду-ховной семинарии. (Слово было напечатано в журнале «Странник» в 1897 году.) Внешним поводом для этой работы послужили недоумения, возникшие в сознании и сердцах людей того времени, о жизни святых подвижников — их ухода от мира в пустыню, образа жизни. Как всегда и всюду и в своей жизни, и в словах, Святитель Тихон нашел мудрые, простые, всем доступные и понятные ответы.

Многое в жизни отшельников для человека недуховного кажется лишь внешним и потому бессмысленным. Для святителя Тихона, с детства познавшего трудность и радость христианского подвига, отшельничество есть путь и итог долгой и трудной борьбы с бесами.

Удел святых подвижников — не только внутренняя борьба, не только лишения и отсутствие того, что обычно называется жизненными благами, но и бесконечные нарекания и упреки той части народа, которая считает себя наиболее передовой и образованной. «Удивляться ли, что и св. подвижники испытывают ту же участь от людей, которые, невзирая на свою скудость и слабость понятий о предметах духовной жизни, берутся судить и отвергать то, чего и сами не понимают. Еще апостол Павел сказал, что душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием и не может разуметь, ибо о сем надобно судить духовно (1 Кор 2. 14). Кто ж судит духовно, тот не затруднится приложить к святым подвижникам слова того же апостола: по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли скитались в милотях и козиих кожах, терпя недостатки, скорби и озлобления, те люди, которых весь мир не был достоин (Евр 11. 37–38)».

Прошло почти сто лет, как это все было сказано и произнесено. И сегодня наше общество наполнено пороками и недоумениями. И сегодня всем нам слова, произнесенные святителем Тихоном, слу-

[1] Свт. Патриарх Тихон (Белавин) в сане архимандрита пребывал в период 1892–1894 гг., неся послушание инспектора, а затем ректора Холмской духовной семинарии. Орфография текста сохранена. Составитель предисловия, предваряющего статью «О подвижничестве», С. Беляев. (Русское возрождение. 1995. II. № 63. С. 63–83.)

жат полезным вразумлением и помощью в нашей полной соблазнов жизни. Взять хотя бы следующие слова: «Подвижники идут не против природы и ее законных требований, а против ее расстройства и особенно против развращенной воли человека, неспособной держать его при удовлетворении по-требностей в должных границах, что в природе человеческой есть расстройство и что с ним нужно бороться, это едва ли требует подробных доказательств».

Своею жизнью святитель Тихон показал и доказал, что то, что он говорил и писал в слове «О подвижничестве», он усвоил глубоко своим христианским сердцем и осуществил в жизни, что вся его жизнь, все его служение — это подвиг, это подвижничество во славу Спасителя нашего и Его Святой Церкви. На какое бы место промыслом Божиим святитель Тихон не был поставлен, подвиг его служения был воплощением тех слов, с которых он начинает свою статью: «Жизнь их (подвижников. — *С. Б.*) теперь всецело управляется духом. Всякое слово их, всякий взгляд, каждое действие, мысли, чувство — все это проникнуто духом, который все земное преобразует в духовное во Христе и приносит обильный плод духовный: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал 5. 22–23)».

Подвиг служения святитель Тихон нес не только в России, но и в далекой Америке. Сам святитель эмигрантом не был, но православным переселенцам в США и Канаде он был любящим и мудрым отцом. О том, что это было именно так, свидетельствуют два документа:

I — речь, произнесенная святителем Тихоном в декабре 1898 года в Сан-Франциско при его вступлении на Северо-Американскую кафедру, и

II — отрывок из сборника статей, изданного в 1922 году в Нью-Йорке, «Ко дню 25-летия в архиерейском сане Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Тихона. 1897 г.— 19 октября 1922 г.».

I

РЕЧЬ Его Преосвященства, Преосвященнейшего Тихона, Епископа Алеутского и Аляскинского при вступлении на архиерейскую кафедру

Декабря 1898 г. в Сан-Франциско

При настоящем первом пришествии моем к вам, возлюбленные братья, припоминаются мне слова, сказанные некогда Господом через пророка Осию: *Не мой народ назову моим народом и не возлюбленную*

возлюбленною (2, 23). Эти слова относились к язычникам и означали то, что, когда многие во Израиле, Богоизбранном народе Божием, не познали Христа, тогда Господь открылся не вопрошавшим о Нем (Рим 10. 20; Ис 65. 1), и призвал в Церковь Свою язычников.

По неизреченной милости Божией в Церковь Христову были призваны язычники, населявшие пределы Аляски и Алеутских островов; они были оглашены и просвещены светом веры Христовой Валаамскими иноками, которые первые здесь посеяли семена евангельского благовестия. После них святое дело их продолжали преемники-пастыри и архипастыри Алеутские, и наипаче от них протоиерей Иоанн Вениаминов (впоследствии Иннокентий, Митрополит Московский) и мой предместник Преосвященный Николай. *Иже бысть муж силен и словом и делом*. Волею Божиею призван и аз, недостойный, к апостольскому служению здесь, и вот ныне и я не *мой народ* назову моим народом и не возлюбленную возлюбленною. Доселе мы были чужды друг другу и не ведали один другого — отныне самим Господом мы становимся в тесную связь, во взаимные отношения епископа к пастве и паствы к епископу. В святоотеческих писаниях отношения эти приравниваются к брачным, и епископ считается женихом, а паства — невестою его. И, как муж любит жену свою до того, что оставляет отца своего и матерь и прилепляется к жене, сродняется и сживается с нею, так и епископ должен возлюбить свою паству; и, как жена повинуется мужу, так и паства должна повиноваться своему епископу. Понимая так отношения епископа к пасомым и будучи обручен алеутской пастве, я покинул любезную родину, свою престарелую мать, близких и знаемых мне, милых сердцу моему, и отправился в страну далекую к вам, людям мне неведомым, для того, чтобы вы отныне стали Моим народом и моими возлюбленными. Отныне свои помыслы, свои заботы направляю на вас и на ваше благо, отныне свои силы и дарования посвящаю на служение вам. С любовию прихожу к вам, братие, — прошу и меня принять с любовию. Моя любовь будет выражаться в заботах и попечениях о вас, в служении вам; а ваша любовь должна проявляться в послушании мне, в доверии ко мне и в содействии мне.

Слово о содействии направляю прежде всего к ближайшим моим сотрудникам, пастырям церкви Алеутской. В сию страну вступаю я впервые, мало зная ее. Вы же трудитесь здесь давно, раньше меня: многие из вас сроднились с нею, а иные и родились в ней. Уповаю, что в предстоящем служении моем вы окажете мне великую услугу своим

знанием сего края и людей его, своим опытом, явитесь для меня воистину СОТРУДНИКАМИ, мужами совета и разума.

О содействии и сотрудничестве мне прошу не только пастырей, но и всю мою паству возлюбленную. Церковь Христову св. ап. Павел мудро сравнивает с телом, а в теле не один член, но много (Кор 12. 14), и сии имеют не одно и тоже делание (Рим 12. 4), но каждый свое: око — свое, рука — свое, и каждый член необходим и не может обойтись без другого, все они пекутся друг о друге, и нет распри в теле (Кор 12. 21, 25, 26); так и вы, братие, ТЕЛО ХРИСТОВО И УДИ ОТ-ЧАСТИ (ст. 27). И КОМУЖДО ВАМ ДАДЕСЯ ОБЛАСТЬ ПО МЕРЕ ДАРОВАНИЯ ХРИСТОВА (Евр 4. 7), ДАДЕСЯ К СОВЕРШЕНИЮ СВЯТЫХ, В ДЕЛО СЛУЖЕНИЯ, В СОЗИДАНИЕ ТЕЛА ХРИСТОВА (ст. 12). Посему вы с истинною любовию возрастайте в Того, Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством ВСЯКИХ ВЗАИМОСКРЕПЛЯЮЩИХ СВЯЗЕЙ, ПРИ ДЕЙСТВИИ В СВОЮ МЕРУ КАЖДАГО ЧЛЕНА, получает приращение для созидания самого себя в любви (ст. 15–16). Еще св. Златоуст говорил: «Не слагайте все на духовных: вы и сами много можете, вы знаете друг друга лучше нас...». Посему и вы, братие, назидайте друг друга: ВРАЗУМЛЯЙТЕ БЕЗЧИННЫЯ, УТЕШАЙТЕ МАЛОДУШНЫЯ, ЗАСТУПАЙТЕ НЕМОЩНЫЯ, ДОЛГОТЕРПИТЕ КО ВСЕМ: БЛЮДИТЕ, ДА НИКТОЖЕ ЗЛА ЗА ЗЛО КОМУ ВОЗДАСТ, НО ВСЕГДА ДОБРОЕ ГОНИТЕ ДРУГ КО ДРУГУ И КО ВСЕМ (Сол 5. 14–15). БОГЖЕ ВСЯКИЯ БЛАГОДАТИ, ПРИЗВАВЫЙ ВАС В ВЕЧНУЮ СВОЮ СЛАВУ О ХРИСТЕ ИИСУСЕ, ТОЙ ДА СОВЕРШИТ ВЫ, ДА УТВЕРДИТ, ДА УКРЕПИТ, ДА ОСНУЕТ, ТОМУ СЛАВА И ДЕРЖАВА ВО ВЕКИ ВЕКОВ. АМИНЬ (1 Пет 5.10–11).

II

<...> «Управление Архиепископа Тихона Северо-Американскою епархиею справедливо отмечено на памятной доске в Кафедральном Соборе как “благостное святительствование”. Все действия его и все личные отношения к людям были проникнуты благостию и потому о нем мы храним священную память как о мудром Архипастыре, исполненном чистой, глубокой Веры, заботливом начальнике, твердом руководителе, кротком наставнике, авторитетном собеседнике, счастливо сочетавшем открытую для всех доступность с сохранением присущего ему достоинства. Мы видели перед собою не только Архиерея, но и человека ко всем доброго, снисходительного, к себе строгого, ис-

кренного и терпеливого, часто покрывавшего нетерпение других. Все чувствовали себя одинаково близкими к своему Архипастырю и дорожили его к себе близостью. Создалась дружная миссийная семья, получалась дружная общая работа, и служба для каждого была приятным бременем долга. Так пробыл Святейший Патриарх ТИХОН во главе Американской епархии в сане архиепископа до марта месяца 1907 года, когда Он уехал на новую свою кафедру в город Ярославль, старейшую и виднейшую епархию в России.

Американская паства искренне и глубоко полюбила Архиепископа Тихона, и его перевод отсюда отозвался тяжелою скорбью в ее сердцах: она лишалась Архипастыря, всецело отдававшего себя пастве. Пожалуй, в этом и заключается разгадка той глубокой и тесной общности, какую мы видим и поныне между американскою паствою и ее бывшим Архипастырем, Святейшим Патриархом ТИХОНОМ. Из Его образа жизни в Америке видно было, что Он жил и дышал заботами о своей епархии, ее благоустройству и благополучию Он все свои силы отдавал. Личного "я" в отдельности от трудов на пользу Церкви у Владыки Тихона не существовало. Во всем служении Патриарха в бытность Его Архиепископом С.-Американским сквозила высокая христианская настроенность души, заметная покорность и преданность Промыслу Божию, безукоризненная нравственная возвышаемость над окружающим миром и вместе с тем снисходительное приближение к требованиям современной жизни и построение церковных перспектив в соответствии с ними. В Америке Владыка Тихон был силою, которая действовала во всех и через всех, гармонично соединяя индивидуальные силы каждого работника с привходящими в него влияниями и руководством Архипастыря. Он уехал отсюда, оставив неизгладимое впечатление от своей личности.

Укажем здесь на одно обстоятельство из жизни Святейшего Патриарха, имевшее место во время Его путешествия по Аляске в 1899 году, обстоятельство, по-видимому, незначительное, но глубоко верно характеризующее Его личность, как это очень удачно отмечено было тогда спутником Его Святейшества при путешествиях по епархии Протодиаконом Петром Поповым, ныне ключарем Кафедрального Собора. Преосвященному, тогда епископу, Тихону и о. Попову нужно было вернуться из селения Тайукак в Кенай на пароходе, который стоял в 4 милях от этого селения и имел выйти рано утром следующего дня, для чего Владыка и о. Попов пришли раненько на берег. "На берегу никого, кроме нас, не было, — пишет о. Петр, — все спали. Долго нам пришлось ходить по бараборам и искать гребцов. Наконец,

гребцы нашлись, оставалось подыскать лодку. Здесь-то мы и встретили большое затруднение: на берегу хотя и было несколько лодок, но все они оказались испорченными, кроме одной, самой маленькой, устроенной только для двух пловцов. Положение наше было ужасно! Но ехать нужно было, и вот Владыка, осенив себя крестным знамением, первый отважился сесть в эту душегубку" с одним хромым гребцом. С первым валом оттолкнуло их от берега, и они легко понеслись по высоким волнам... С глубоким замиранием сердца следили мы за движением лодки, которая то поднималась, то опускалась в пучине морской! Через несколько времени лодка эта благополучно возвратилась, оставив Владыку на пароходе. Следовала очередь за нами... Страх и ужас овладел нами. Мы видим, что здесь, как всегда и везде, Владыка Тихон остался верен себе — всецело и всего себя предавать в руце Божий, и эта покорность воле Божией ярко проходит через всю жизнь Патриарха.

За время служения своего в Америке Святейший изъездил ее, как говорится, вдоль и поперек. Дважды посетил Аляску и был во всех там приходах и миссионерских станах, в иных из которых не было Архиерея после приснопамятного Иннокентия, просветителя Аляски, Митрополита Московского. Посетил Канаду, и образовавшиеся в ней приходы ежегодно были им посещаемы. Много было фактов во время этих путешествий, которые воочию свидетельствуют, что жизнь Патриарха Тихона была сберегаема особым Промыслом Божиим для блага Церкви». <...>

С. Беляев

О подвижничестве

К именам многих св. подвижников (Антония, Евфимия, Феодосия, Иоанникия, Арсения и др.) Церковь присоединяет название «великий». Хотя в гражданской истории об этих «великих» людях и не упоминается, однако название это дано им Церковию по праву. Главное величие человека заключается в силе его духа, и такое величие и проявляли в себе подвижники. Это — люди, которые избирают себе единую цель жизни, единый путь — Христа. Все свои стремления, помыслы и деяния они направляют к тому, чтобы приготовить своего внутреннего человека ко вселению в него Христа. Снедаемые желанием Божественного, распаляемые стремлением к истинному свету и вечной жизни, они оставляют все, что может задержать их на избранном пути. Чтобы жизнь их не прониклась суетою, удаляющею от

Христа, чтобы предметы земные не овладели их сердцем, они оставляют шумный свет и удаляются в пустыню, но так как «от себя никуда не уйдешь» и, следовательно, и в пустыне у человека могут из сердца исходить «помышления злая», то подвижники ведут упорную и ожесточенную брань с нечистыми помыслами и распинают плоть свою со страстьми и похотьми. В этой борьбе ветхий, плотский человек, тлеющий в похотях прелестных, умирает, и в них обновляется новый духовный, созданный по образу Божию. Жизнь их теперь всецело управляется духом. Всякое слово их, всякий взгляд, каждое действие, мысли, чувства, — все это проникнуто духом, который все земное преобразует в духовное во Христе и приносит обильный плод духовный: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал 5. 22–23).

Такова внутренняя сторона жизни святых подвижников. А вот несколько черт из их внешнего быта.

Подвижники жили в безлюдных пустынях, в дремучих лесах, в глубоких пещерах и на бесплодных скалах. Нередко лет 30–40 и больше они не видели ни одного человека. Впрочем, многие из них, избегая совершенного уединения, жили по два, по три и в недальнем расстоянии друг от друга. В субботние и воскресные дни они сходились в одно место для пения псалмов и по целым ночам стояли на молитве. Если и вступали в беседу, то вся беседа их состояла в ведении вопросов касательно внутреннего состояния их духа; все разговоры ограничивались взаимными наставлениями, как в том или в другом случае хранить свое сердце, как вести борьбу с искушениями, как умножить труды и подвиги. После недолгих свиданий, опять отходя на безмолвие, они погружались в созерцание, с глубоким вниманием следя за всеми своими мыслями и чувствами и стремясь достигнуть состояния бесстрастия. Для этого они соблюдали строгий пост и обрекали себя на разные лишения. Многие из них в продолжение сорока дней не вкушали пищи. Были добровольные страдальцы, которые носили тяжелые железные вериги. Иные в самый жаркий полдень выходили к болотистым местам и отдавали там пить кровь свою лютым мухам африканским. Некоторые, испытывая сильные искушения, зажигали костер сухих ветвей, повергались в огонь и спрашивали себя: «Горячо ли?» — и сами отвечали: «Горячо, помни же огнь геенский и бойся греха». Постом и трудами они до того иссушали плоть свою, что на иных оставались одни кости да кожа. Платье их от долговременной носки само спадало с плеч, и отшельники нередко оставались без

покрова под знойным небом Африки и под холодными и сырыми ночами Азии.

Вот против этих телесных подвигов и восстают по преимуществу противники подвижнического жития. Тело, говорят они, творение Божие, дано человеку самим Богом; следовательно, удовлетворение телесных потребностей так же законно и необходимо, как и душевных потребностей, и о теле нужно столь же заботится, как и о душе, ибо только в здоровом теле может быть здоровый дух. А подвижники вместо этого всячески изнуряют свое тело.

Но ведь тело хотя и творение Божие, однако взято Богом из персти земной, тогда как душа есть дыхание Вседержителево, и в ней-то и заключается образ Божий и величие человека по сравнению с прочими тварями. Посему странно уравнивать в правах дух и тело, тело только орудие души, и о нем нужно заботиться лишь в той мере, насколько оно необходимо для деятельности духа: на удовлетворение телесных потребностей нужно смотреть как на средство, а не как на цель, иначе попечения о плоти превратятся в похоть (Ним 13. 14). Если древние и говорили, что только «в здоровом теле здоровый дух», то не нужно забывать, что изречение это принадлежит язычникам, которые принижали дух и возвышали плоть; да и означает, собственно говоря, то, что в здоровом теле и дух здоровый, т. е. крепкий, мужественный, а вовсе не то, чтобы в здоровом теле находились глубокий ум, отзывчивое и доброе сердце, горячее религиозное чувство и т. п. качества духа, столь ценные для христиан.

Итак, упрек подвижникам, что они заботятся больше о душе, а не о теле, только делает им честь: об этом должен заботиться и всякий истинный христианин. Неосновательен упрек и в том, что они в своих подвигах идут против своей природы телесной и ее законных потребностей. Один подвижник (прп. Пимен) сказал: «Мы научились умерщвлять не тело свое, но страсти, живущие в теле». Подвижники идут не против природы и ее законных требований, а против ее расстройства и особенно против развращенной воли человека, не способной держать его при удовлетворении потребностей в должных границах; что в природе человеческой есть расстройство и что с ним нужно бороться, это едва ли требует подробных доказательств. Все в природе, говорит Преосвященный Амвросий (Ключарев) в слове об аскетизме, имеет нужду в пище и питии, но один только человек обращает и то и другое в наслаждение, доходящее до страсти, и утучняет себя пищею и питием до потери здоровья и самообладания. Все в при-

роде имеет нужду в отдыхе и сне, но один человек обращает сон в негу, просыпает срок, назначенный для деятельности. Все живущее в природе имеет инстинкт продолжения рода, но один человек обращает этот инстинкт в источник пороков и болезней. Итак, ужели не нужно умерщвлять плоти, иссушать в ней почву, на которой может возникнуть и разрастись нечистое семя греха?! Всякая уступка в пользу плоти сопровождается вредом для духа. Имея это в виду, подвижники едят и спят мало, чтобы не дать отучнеть и отяжелеть телу и не развести в нем гнезда лености и сладострастия, чтобы не сделать из него гнилого болота, из которого непрестанно поднимались бы в область духа вредные испарения праздных и нечистых мечтаний и вожделений. В видах воздержания подвижники суровую пищу предпочитают роскошной и лакомой и остерегаются употреблять вино, которое волнует кровь и возбуждает страсти. Они избегают зрелищ, игр, праздных бесед и развлечений, потому что все это прерывает строгое настроение ума, расслабляет дух, наполняет воображение и память пустыми образами и воспоминаниями. Они отрекаются от имений, от супружества, чтобы житейские заботы не связывали их в служении Богу.

Говорят, все это еще более или менее понятно. Но зачем жесткие власяницы и тяжелые вериги? Зачем столпы и многолетнее стояние на них? Зачем жизнь под открытым небом, лежание на голой земле, питание травою и кореньями? Зачем непрестанные коленопреклонения и всенощные молитвословия?.. Но ведь сильные и застарелые болезни и врачуются сильными средствами. Мудрено ли, что ревнители духовной чистоты в борьбе разгоревшегося духа с застарелыми греховными навыками и страстями, и особенно в начале этой борьбы, прибегали к сильным средствам и нередко чувством боли и телесных страданий отвлекали свое внимание от приражений греховных. Только тот, кто не принимался за борьбу со страстями, не знает, каких усилий и подвигов стоит эта борьба.

Противники подвижнического жития любят говорить еще: зачем подвижники убегают мира? Легко спасаться в пустыне, где нет ни искушений, ни соблазнов, ни развлечений, ни забот. Гораздо большая награда была бы им, если бы они спасались среди шумного мира.

Из высказанного видно, легко ли спасаться в пустыне, где подвижники вступают в брань не с плотию и кровию только, но с миродержателями тьмы века сего, с Духами злобы поднебесной (Еф 6. 12). А лучше, говорит св. Иоанн Лествичник, иметь борьбу с людьми, нежели с бесами, потому что люди хотя иногда ожесточаются и не покоряются,

но потом опять смягчаются и повинуются; бесы же никогда не перестают против нас злобствовать и неистовствовать. Что же касается обещания большей награды за спасение в мире, то тот же св. Иоанн Лествичник приписывает такие слова и мысли внушению искусителя, который хитрым обещанием больших наград хочет отвлечь нас совсем от пути спасения[1]. Истинно подвизающиеся заботятся не о наградах, а о том, чтобы очистить себя от страстей. Само собой разумеется, что можно и в мире спастись: немало святых, которые, живя в мире, угодили Богу. «Сосчитай, — говорит Преосвященный Гермоген (Добронравин), — если можешь, угодивших Богу в мире и в уединении, и ты увидишь, что в пустыне больше угодников Божиих»[2]. И это понятно, — в мире так много суеты и крушения духа, так много случаев и поводов привязываться к земле и забывать о Небе! Что же странного в том, если святые подвижники покидали шумный мир и стремились уединиться. Насколько уединение важно для сосредоточенной и внимательной деятельности, это, думается, легко понять. Ученик, когда хочет основательно приготовить урок, уходит от семьи в уединенную комнату, ученые и художники, когда берутся за работу, требующую напряжения духа, любят уединиться до совершенного отчуждения от всяких шумных развлечений и глубокомысленные ученые труды свои и художественные произведения выносят из тиши уединения, а отнюдь не среди шума толпы и суеты общественной жизни. Насколько при этом они стремятся к полной сосредоточенности и стараются избегать даже незначительных впечатлений, видно из того, что некоторые философы имели привычку даже днем заниматься с закрытыми ставнями при свете лампы. А о Декарте сообщают, например, что он имел привычку, обдумывая философские вопросы, лежать в постели по 1 часу в сутки, и притом с опущенными шторами и закрытыми ставнями, потому что в этом покойном положении ум его был деятельнее и сильнее, нежели когда его развлекали внешние впечатления[3]. Если даже отвлеченное мышление требует такого уединения от внешних впечатлений, то тем более потребность в этом должны чувствовать подвижники.

Умное созерцание Божественного, к которому они стремились, требовало полного удаления от мирских соблазнов, безраздельной сосредоточенности духа, совершенной нерассеянности его. А все это возможно в обществе лишь на самое короткое время и мимоходом, в пол-

[1] Монашеская жизнь по изречениям св. отец. Вып. 1, 6.

[2] Минуты паст. досуга. С. 11, 25.

[3] Прав. обозр. 1877 г. Декабрь. С. 647.

ном же своем виде оно возможно лишь в удалении от общества. Это и побуждало подвижников к уединению, к отшельничеству из мира. И вот подвижник оставляет мир и идет в пустыню, так как в ней позднее может разгораться его пламенная любовь к Богу. Как рыба может жить только во влаге, так и монах может жить и возрастать только в пустыне, говорит св. Антоний Великий. В пустыне все располагает отшельника к богомыслию. Ясный день, который в мире так часто манит людей на гулянье и развлечения, пустыннику говорит о любви Отца Небесного, иже солнце Свое сияет на злые и элагие (Мф. 5, 45). Лес, вода, птицы, звери — все это располагает его к служению Богу. Он смотрит на деревья и думает: «Эти деревья растут все выше и выше от земли; мне ли, созданному Господом для Неба, пресмыкаться сердцем по земле?» Смотрит на ручей и думает: «О, если бы и моя жизнь текла так мирно, так светло, как течет этот ручеек! О, если бы камень преткновения и соблазна не возмущал души моей, как не возмущают ручейка камни, лежащие на дне его!» Смотрит на птиц небесных, слышит, как они с раннего утра до позднего вечера поют песнь своему Создателю, и думает: «Я ли, ради которого Слово Божие стало плотию, я ли перестану возносити слово хвалы и благодарения своему Творцу, Промыслителю и Искупителю?»[1]

Есть и еще возражение, которое часто приводится противниками иноческого жития. Говорят, что подвижники, как и все иноки, — эгоисты, люди, которые заботятся только о своем спасении, которые ради своего блага уходят из мира и покидают общество, не хотят быть полезными для него; они — мертвые члены рода человеческого.

Отчего же, однако, мы не считаем эгоистами и не осуждаем, а, напротив, относимся с глубоким уважением к ученым труженикам, которые ради служения своей науке отказываются от мира, его удовольствий и радостей, от шумных светских собраний и зрелищ, становятся чуждыми житейским хлопотам, заключаются в свой ученый кабинет и там свободно, без помех предаются своим любимым научным занятиям. Ведь отреклись же они от мира? И, однако, сам мир признает, что они приносят ему пользу учеными трудами. Пользу приносят ему и святые подвижники. Правда, они отрекаются от мира, умирают для него, чужды его жизни и интересам, но каким? Они умирают для зла, в котором лежит мир; они становятся безучастными к тому, что мешает служению правде и истине: к мирскому стяжанию, к честолюбивой погоне за внешними достоинствами, к похвалам и оскорблениям. Так, когда однажды к Арсению Великому пришли сказать, что ему доста-

[1] *Еп. Гермоген (Добронравин).* Минуты досуга. Т. 11. С. 33–34.

лось большое наследство, он ответил: «Скажите, что Арсений давно уже умер для мира». А о Макарии Египетском рассказывают, что он велел одному своему ученику идти на кладбище и там сначала поносить мертвецов, а потом хвалить их. Когда ученик возвратился, Макарий спросил его: «Что тебе сказали мертвецы?» — «Ничего», — ответил тот. «Так и ты будь мертв: когда злословят тебя — молчи и не сердись; когда хвалят — не превозносись, будь как мертвый — и спасешься».

Вот в таком смысле подвижники отрекаются от мира, а не в том, чтобы порывать всякие, хотя бы и нравственно благодетельные, связи с людьми. Отшельники приносили и приносят миру великую пользу. Находясь в пустыне, они служат спасению и благоденствию мирских людей, во-первых, своими горячими молитвами за мир. Люди мирские, постоянно занятые мирскими заботами, по недосугу, а чаще по рассеянности духа с трудом располагаются к молитве и потому имеют большую нужду в молитвах других за них. Подвижники, освобожденные от многих земных забот, молятся не о себе только, но и о ближних и своими чистыми молитвами низводят на грады и веси благословение и милость Божию и отводят от них удары праведного суда Господня. Правда, многие из нас, по своей привязанности к чувственным и земным благам, не ценят и не понимают значения для мира молитв святых подвижников, но ведь и слепорожденные не ценят и не понимают, что такое солнечный свет, и, однако, он нимало не теряет от этого своей ценности.

Подвижники, далее, своею строгою, святою жизнию, своими мудрыми наставлениями производят самое благотворное влияние на людскую нравственность, светильник не остается под спудом, а ставится на свещнике, чтобы светить людям (Лк 11. 33), и не может град укрытися, вверху горы стоя (Мф 5. 14). Отшельники покидают мир, но сам мир ищет их. К ним стекаются алчущие и жаждущие правды. Они ждут от подвижников наставления и вразумления, и не вотще бывают их ожидания. На первый взгляд вам не кажется в речах старцев ничего необыкновенного, но вы слышите проповедника, отрекшегося от мирского, кому не нужны более ни слава мира сего, ни его богатства, ни удобства жизни, ни все то, что обыкновенно побуждает людей льстить, лицемерить, скрывать истину. Перед вами учитель, который тяжелыми подвигами своей жизни и непрестанною борьбою со своими страстями и похотями уже вполне утвердился в том, чтобы служить одной только правде и говорить ее в глаза каждому, не боясь ни прещений, ни угроз, ни наказаний. Пред вами говорит человек, до-

стигший высокой степени нравственного совершенства, по справедливости называемый «ангелом во плоти». Ему известны все тайные изгибы души человеческой. Слово его проникнуто духом и жизнию, исполнено благодати; наставления его проверены продолжительным опытом собственной жизни. Неудивительно посему, что наставления подвижников производят чудеса нравственного обновления людей и что люди жаждут слов «учителей благих». К подвижникам (и древним — Антонию, Феодосию, Пахомию, Макарию Египетскому, и русским — Феодосию, Сергию Радонежскому, Тихону Задонскому, Амвросию Оптинскому) со всех сторон стекаются толпы народа, и не простецов только, но и знатных, и ученых; около них поселяются сотни учеников. И вот пустыня процветает, безлюдное место дает бытие многолюдному селению. Образуется монастырь, который нередко устрояет на свои небогатые средства больницы, странноприимницы, школы, а в годины общественных бедствий и сам жертвует всем, и других располагает к тому же и является оплотом веры и опорою отечества (как, например, Троице-Сергиева лавра в Смутное время). Если люди, преданные чувственному и земному, не могут понять духовных благ, оказываемых миру подвижниками, то пусть они оценят хотя бы эти видимые и открытые благотворения отшельников. Если мир и это отвергает, то он отвергает свою собственную пользу.

Можно ли после этого говорить, что подвижники — мертвые и бесполезные члены общества, что они заботятся только о своем спасении и не проявляют любви к ближним? Ведь признаем же мы их достигшими высокой степени нравственного совершенства. А разве мыслимо было бы это совершенство, если бы у них не было такой важной добродетели, как любовь к ближним. Для кого эти рассуждения покажутся малоубедительными, тот пусть послушает примеры.

Один подвижник, преподобный Агафон, до того любил ближних, что если кто, войдя в его келью, останавливал внимание на какой-нибудь вещи, то преподобный умолял его взять ее себе и не отпускал до тех пор, пока тот не исполнял его просьбы. Он до того любил людей, что иногда говаривал: «О если бы я мог отдать прокаженному свое здоровое тело». И это не были одни только слова. Вот, например, какой случай был однажды с ним. Шел он из пустыни в город для продажи небольших сосудов его изделия. На пути встретил он прокаженного, который сказал ему: «Старец, снеси меня туда, куда ты идешь». Агафон донес его до города. Но тот велел ему положить его на том месте, где будут продаваться сосуды. Когда преподобный продал один сосуд,

прокаженный сказал: «Отдай мне деньги». Агафон отдал. То же повторилось при продаже и остальных сосудов, так что все деньги перешли в руки прокаженного. Когда преподобный начал собираться в обратный путь, прокаженный сказал: «Снеси меня туда, откуда взял». Старец покорно принес его на прежнее место. Тогда прокаженный сказал ему: «Благословен ты, Агафон, от Господа на небе и на земле» — и стал невидим, ибо это был ангел Божий.

О другом подвижнике, преподобном Серапионе, рассказывают следующее. Однажды ему нужно было идти в Александрию. Время было холодное. Бедная одежда едва прикрывала изнуренное подвигами тело старца. Но вот идет ему навстречу нищий, который, не имея одежды, весь дрожит от холода. «Как, — подумал Серапион, — я монах и подвижник останусь в одежде, а этот нищий брат мой будет умирать с холода? Не осудит ли меня Господь на Страшном суде, если я не окажу теперь помощи?» С этими мыслями старец тотчас снял с себя одежду и отдал ее нищему. Нагой, сел он у дороги, держа в руках единственную теперь свою собственность — небольшое Евангелие. Скоро показался один путешественник, знавший Серапиона. Увидя его в таком положении и думая, что его ограбили разбойники, путник с сожалением спросил старца: «Кто так безжалостно раздел тебя, отче?» — «Оно меня раздело», — отвечал Серапион, указывая на Евангелие.

В другой раз Серапион встретил человека, которого заимодавцы мучили за долг, тогда как он подпал этому несчастию без вины и имел многочисленное семейство. Сердце человека Божия не вытерпело при виде страдальца: он немедленно продал в уплату долга и ризу свою, и Евангелие, а сам нагой пришел в свою келлию. «Где же риза твоя, отче?» — спросил его ». «А где же твое Евангелие?» — «И оно теперь там же». Ученик изумился и выразил сожаление. «А не оно ли, — сказал старец, — постоянно твердило мне: продай все и раздай Христа ради нищим. Теперь только я прав пред ним, когда не пожалел и его!»

Тот же Серапион, услышав об одном человеке, что он благочестив, но держится манихейской ереси, оставил любимую пустыню, пошел и нанялся к этому человеку в работники и служил ему до тех пор, пока не убедил его оставить ересь[1]. Бывали и такие старцы, которые даже продавали себя, чтобы выручить другого из беды.

[1] То же делали и другие подвижники. Так, прп. Пафнутий (Гераклейский), услышав о некоей великой грешнице Таисии, губившей и себя, и других своею красотою, покинул пустыню, явился к ней и умолил ее оставить путь греха. Рассказ об этом, исторически искаженный, передается во французском романе «Алексан-

Да и вообще многие пустыни процветали подвижниками, подобными Агафону и Серапиону; часто ли в мире встретишь подобную любовь?

Но довольно. Думается, что сказанного достаточно, чтобы видеть всю высоту и величие подвижнической жизни и всю несправедливость нареканий на нее.

Великое часто подвергается насмешкам и порицанию со стороны людей мелких. Удивляться ли, что и святые подвижники испытывают ту же участь от людей, которые, невзирая на свою скудость и слабость понятий о предметах духовной жизни, берутся судить и отвергать то, чего и сами не понимают. Еще Апостол Павел сказал, что душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием, и не может разуметь, ибо о сем надобно судить духовно (1 Кор 2. 14). Кто судит духовно, тот не затруднится приложить к святым подвижникам слова того же Апостола: по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли скитались в милотях и козиих кожах, терпя недостатки, скорби и озлобления, те люди, которых весь мир не был достоин (Евр 11. 37–38).

Архимандрит Тихон (Белавин)

дрийская куртизанка», который в переводе на русский язык был приложен к «Историч. вестнику» за 1891 г.

Вести с Родины и полемика с соотечественниками

Голос с родины[1]

Досточтимые отцы и дорогие соотечественники!

Я эмигрировал из Советского Союза год назад, а в Америке я всего три месяца. Первую половину жизни учился, а вторую сидел по тюрьмам и политическим концлагерям ГУЛага. И вот моя духовно-мучительная жизнь в коммунистическом «раю», мой путь от атеизма и марксизма к православной вере и русскому национализму и есть та единственно ценная информация, которая может представлять для вас интерес. Моя жизнь интересна лишь постольку, поскольку она капля в море русского религиозного и национального Возрождения.

Я родился в кровавом 1937 году в деревне Клишева, в 45 километрах от Москвы (в сторону Рязани). Отец, кузнец по профессии, пропал на войне, и я его не помню; мама, разнорабочая, к религии относилась, по-моему, равнодушно. Бабушка, правда, была верующей, но она не имела в моих глазах никакого авторитета, так как была совершенно неграмотна. Меня, конечно, в детстве крестили, но в школьные годы я крестик снял и до 25 лет был убежденным атеистом. После окончания 7-летней школы мне посчастливилось поступить в Московское Высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское), и я проучился там 5 лет из 7. Таким образом, внешне моя жизнь начиналась весьма удачно. То, что мне в 15 лет удалось поступить в Художественное училище, несмотря на огромный конкурс, — это всеми расценивалось как счастье, выпадающее на долю очень немногих. Со временем я должен был получить диплом художника (дизайнера по интерьерам) и работать в любимой области. Но скучная советская жизнь и духовная неудовлетворенность не давали мне покоя, и в конце 1955 года, когда мне шел 19-й год, случилось событие, внешне незаметное, которое, однако, перевернуло мою жизнь и привело меня сюда. Это событие произошло в моей душе: я понял, в каком обществе я живу. Наперекор всей оголтелой советской пропаганде я понял, что живу в режиме абсолютного бесправия и абсолютной жестокости. К этому выводу в то время приходили очень многие студенты, и со временем у меня появились единомышленники, которые, как и я,

[1] Выступление на 2-м съезде русской православной общественности (Русское возрождение. 1978. № 4. С. 12–21).

считали своим долгом сообщить народу о своем открытии и как-то противодействовать торжествующему злу. Но КГБ очень внимательно следит за всеми гражданами СССР, и когда мы 7 ноября 1958 года собрались на организационное собрание для решения вопроса о подпольном самиздате, шестерых из нас арестовали и всем нераскаивающимся дали высшую меру наказания за антисоветскую пропаганду — по 7 лет концлагерей. Так начался новый путь в моей жизни.

Все мы тогда были атеистами и марксистами «еврокоммунистического» толка, т. е. мы верили, что марксизм сам по себе верное учение, ведущее народ к светлому будущему, в царство свободы и справедливости, а московские злодеи почему-то не хотят осуществлять это учение в жизни. И вот, в концлагере такое представление у всех нас совершенно и навсегда умерло.

Я хочу немного раскрыть процесс духовного возрождения, чтобы вы увидели, с какой неизбежностью он происходит в русских людях. Ведь не только я и мои единомышленники прошли духовный путь от марксизма к религиозной вере. Известный на Западе иеродиакон Варсонофий — не кто иной, как Борис Хайбулин, пришедший в лагерь атеистом и марксистом, а освободившийся православным христианином; бывший издатель журнала «Вече» Владимир Осипов тоже пришел в лагерь атеистом и марксистом, а ушел верующим (о других, не известных вам, говорить сейчас нет времени). Это типичное явление для советских политлагерей.

Так что же происходит с русскими людьми? Процесс духовного возрождения имеет два этапа. Сначала мы распознаем сущность марксизма и освобождаемся от всяких иллюзий на его счет. При глубоком и вдумчивом анализе мы узнаем, что марксизм по своей сути есть законченное учение тоталитаризма, т. е. абсолютного коммунистического рабства, и любая компартия в любой стране, взявшаяся осуществить марксистскую программу, вынуждена будет повторить все то, что сделали и делают московские коммунисты, либо должна отказаться от марксизма и самоликвидироваться. Поняв эту, в общем-то простую истину, мы теряем ту идеологическую почву, на которой мы противостояли марксистскому рабству. Мы попадаем в духовный вакуум, который влечет за собой кризис еще более глубокий.

Попав в лагерь, мы, русские, оказываемся в окружении врагов, потому что националисты всех мастей (украинцы, прибалты, армяне, узбеки и прочие), не поняв исторической уникальности марксистской диктатуры, пошли по пути наименьшего умственного усилия, отож-

дествляя интернациональную власть с православной монархией и обвиняя нас, русских, в шовинизме. Таким образом, не видишь нигде спасения: с одной стороны, коммунисты нас уничтожают, с другой стороны, националисты готовят нам то же самое. А после освобождения из лагеря перспектива для нас такова, что не дай Бог и врагу: либо опять садиться в лагерь и сидеть там до конца жизни, либо погибнуть в психушке, либо быть убитым чекистами без суда и следствия. И в этой обстановке духовного кризиса и безысходности перед русским человеком неизбежно всплывает главный вопрос мировоззрения: а для чего, собственно говоря, жить, если нет никакого спасения ? И когда наступает этот страшный момент, каждый из нас чувствует, что смерть воистину схватила за горло: если не наступит какого-то духовного взлета, то жизни конец, потому что без Бога не только «все позволено», но жизнь, как таковая, не имеет никакой ценности и никакого смысла. Я наблюдал в лагере, как люди сходили с ума и кончали самоубийством. Я и сам ясно чувствовал, что если, в конце концов, я приду к твердому и окончательному убеждению, что Бога нет, то я просто буду обязан покончить самоубийством, поскольку разумному существу стыдно и унизительно тянуть бессмысленную и мучительную канитель. Таким образом, на втором этапе духовного возрождения мы узнаем, что атеизм, продуманный до своего логического конца, неизбежно приводит человека к гибели, потому что это — законченное учение безнравственности, зла и смерти. И мне тоже подготавливался трагический исход (самоубийство или сумасшествие), если бы, на мое счастье, 1 сентября 1962 года не произошло в моей жизни *величайшее чудо*. Никаких событий в тот день не происходило, никаких внушений со стороны не было, — я в одиночестве размышлял над своей проблемой: «Быть или не быть?». К этому времени я уже до конца осознал спасительность веры в Бога, я очень хотел верить в Него, но... я не мог себя обманывать: веры не было. И *вдруг* наступила секунда, когда я как бы впервые прозрел (как будто открылась дверь из темной комнаты на солнечную улицу), — и в следующую секунду я уже точно *знал*, что Бог есть и что Бог — Иисус Христос Православия, а не какой-нибудь индусский, буддистский или прочий бог. Я называю этот момент величайшим чудом потому, что это *точное знание* пришло ко мне не через разум (я это знаю точно), а каким-то иным путем, и рационально объяснить этот момент я не могу. Кроме того, самая вера в Бога, точное и непоколебимое *знание* о реальности Бога тоже рационально необъяснимо: это — несомненное чудо. Таким вот чудом началась моя

новая духовная жизнь, которая помогла мне выдержать еще 13 лет лагерной и тюремной жизни, вынужденную эмиграцию и, надеюсь, поможет выдержать все трудности эмигрантской жизни.

И этот «момент веры», это величайшее чудо переживают сейчас в России тысячи людей, и не только в концлагерях и тюрьмах. Ведь Игорь Огурцов, создатель Социал-христианского союза, уверовал не в лагере, а в университете. Религиозное возрождение — типичное явление для нынешней России. Все духовно-живое неизбежно возвращается к Богу. И совершенно очевидно, что такое спасительное чудо, наперекор всей могучей коммунистической политике, может совершить только всемогущий Бог, не оставивший наш народ в страшных страданиях и в полной, казалось бы, беззащитности от многочисленных врагов. В связи с этим мне хотелось бы поделиться с вами некоторыми своими размышлениями.

Когда меня в 1959 году впервые привезли в концлагерь, я встретил там русских юношей, страстно ищущих Правду, т. е. ответы на самые жгучие вопросы мировоззрения, в частности на вопрос: «Что такое советская власть?». И среди многих ответов меня поразил один: советская власть — это эксперимент, чтобы проверить, сотворен ли человек Богом и религиозная вера — его главная потребность, или же человек произошел от животного и его можно вновь превратить в животное. Эта гипотеза меня тогда страшно возмутила: подумать только! столько зверств и преступлений совершили коммунисты, столько крови ими пролито — и все это ради какого-то эксперимента?! Но когда я теперь думаю о славной годовщине 1000-летия Крещения нашего народа, та гипотеза навязчиво стучится в сознание, и теперь я, кажется, понял почему. Ведь в самом деле, независимо от воли и наперекор желаниям коммунистов, произошел огромнейшей важности исторический эксперимент. Навязав свою безбожную деспотическую власть нашему народу, коммунисты поставили своей *ГЛАВНОЙ* целью уничтожение веры в Бога и создание «нового» человека, т. е., как показывает уже 60-летний опыт, создание хищного зверя, готового ради своей выгоды на любые преступления. Именно на таких хищниках и держится коммунистическое рабство, но им хотелось бы всех людей превратить в животных, чтобы жестокая власть распространилась на всю планету и существовала вечно. В истории человечества были и раньше деспотические режимы, но никогда еще не ставилась так решительно и прямо цель — уничтожить на земле дело рук Божиих — Его святую Церковь, Святую Русь и все божественное в человеке. И с этой целью деспоты

сделали все, что только можно сделать на земле, обладая абсолютной властью: почти все церкви в России разрушены или превращены в средство обмана иностранцев; верное Богу священство и монашество уничтожено или изгнано; вся религиозная литература изъята; религиозная проповедь преследуется как самое опасное преступление, а атеистическая пропаганда, основанная на лжи и клевете, ведется круглые сутки всеми средствами информации (точнее — дезинформации) уже свыше 60 лет; наш народ лишен духовного пастырства, а хищные звери терзают и убивают всех духовно-живых и творчески-одаренных людей; у благочестивых родителей отнимают детей, чтобы в закрытых пансионах растлевать детские души, а родителей за их благочестие прячут в тюрьмы. Какой народ терпел такие муки, такие издевательства?! Воистину, такая дьявольская лютость служит лучшим доказательством богоизбранности русского народа! И чего же достигли слуги сатаны ? *Они сами признаются, что русскую веру и Русскую Церковь им победить не удалось.* Несмотря на всю земную и дьявольскую мощь, ГЛАВНОЙ своей цели они не достигли! Им не удалось превратить русского человека в бездуховного зверя, в слепого исполнителя злодейских замыслов. Наоборот, происходит необоримый стихийный процесс возвращения к Богу. И внешние, временные успехи коммунистов лишь подчеркивают их полное *духовное* поражение. Да, тело и душу России они мучают и убивают, но бессмертный Дух ее они убить и покорить не в состоянии и, сами того не желая, лишь возлагают на русских мучеников царственный венец Вечной Жизни. Это ли не победа Святой Руси над дьяволом и слугами его?! Это ли не торжество Христовой веры над дьявольским дарвинизмом? И, привлекая в свои ряды все духовно-мертвое, коммунисты, сами того не желая, лишь очищают наш народ, подобно тому, как магнит очищает пшеничную муку, притягивая к себе металлический сор.

Когда я думаю о 1000-летии Крещения Руси, я вижу, что наша история проходит между крайними духовными полюсами: свободным приобщением нашего народа к Богу через святого князя Владимира — и кровавым порабощением Руси дьяволом с помощью нечестивого *марксиста* Владимира Ленина. Два Владимира, два духа — святой и нечестивый — определяют нашу историческую судьбу. Святой Владимир дал нам залог вечной жизни с Богом, нечестивый пытается уничтожить дело святого и погубить наш народ навеки. И не только наш народ: самое имя «Владимир» (владеть миром) как бы предсказывает роковое значение исхода борьбы двух Владимиров, двух духовных

начал, для судеб всего человечества (какой же дух, в конце концов, восторжествует на всей планете). А более древняя форма этого имени («Володимер», т. е. владеющий мерой) указывает на то, что *князь* и марксист воплощали в себе полную меру святости и демонизма, Дух Бога и дух дьявола. И в самом деле, кто, как не истинный представитель дьявола, мог сказать, что «всякая религиозная идея... есть *самая опасная* мерзость, самая гнусная зараза»?!

Марксисты твердят денно и нощно, что дело Маркса и Ленина живет и будет жить вечно. Но это обычная коммунистическая ложь. На самом деле вера в марксизм-ленинизм, в дело дьявола, осталась в России уделом духовных и умственных убожеств. Дело нечестивого Владимира давно уже духовно умерло, и стены дьявольской империи держатся только на штыках и обмане. А Церковь Божия, Святая Русь, непобежденная и непобедимая всей дьявольской мощью, не только жива в пасти зверя, но растет и крепнет от притока молодых сил, возвращающихся к Богу от бесплодных и гибельных блужданий по марксистским трущобам и пустыням. На самом-то деле в России только дело святого Владимира живо и будет жить до самого Суда Божия. И то, что мы, русские православные люди, окружены со всех сторон недоброжелателями и врагами и как бы оставлены Богом без защиты, не должно смущать нас ни на минуту: это и есть свидетельство того, что мы идем по стопам Иисуса Христа и терпим те же самые крестные муки, которые заставили Господа скорбно воскликнуть: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?». И малочисленность наша должна нас скорее радовать как один из признаков нашего богоизбранничества, ибо, желая утешить *Свою* Церковь в ее неизбежных земных страданиях, Господь сказал: «...не бойся, *малое* стадо, врата ада не одолеют тебя». НЕ убоимся же множества врагов и страданий от них, ибо с нами милость Божия навеки! В нашей стране, в нашем народе сатана уже проиграл духовную битву и осрамился: Святая Русь жива, Святая Русь возрождается, и никому не удастся уничтожить ее до самого Страшного Суда, ибо верен, верен Господь Своему обещанию — врата ада не одолеют ее! И какими бы нищими и беззащитными мы не выглядели, нам нечего бояться, пока мы верно храним Христову веру, не покушаясь на ее неизменность и целостность, ибо с *нами Бог,* спасающий нас во всякое время и во всяком месте — для Вечности. И мы можем благодарить Господа от всего сердца.

Юрий Машков

От Христианского комитета защиты прав верующих в СССР[1]

30 окт. 1978 г.

Радиостанция «Голос Америки», Русский отдел
священнику Виктору Потапову

Дорогой отец Виктор!

По поручению Христианского комитета выражаю Вам, а также в Вашем лице руководству Русского отдела, а также руководителям радиостанции «Голос Америки» глубокую, сердечную благодарность, за информацию в религиозных передачах на русском языке о деятельности нашего комитета, о фактах преследования верующих и, в частности, о публикациях нашего комитета.

Этим ваша радиостанция оказывает неоценимую помощь как деятельности нашего комитета, так и всему правозащитному движению в целом, способствуя в конечном итоге делу борьбы за права человеческой личности — принципу, легшему в создании Американской нации и вашего великого государства — основой.

В последние годы интерес к иностранным радиопередачам в нашей стране резко возрос, и ваша, как никакая другая, пользуется самой широкой популярностью. Это особенно заметно там, где обычно люди слушают радио и их можно наблюдать со стороны — в больницах, на пляжах, отдыхающих на природе групп молодых людей, туристов. Если люди слушают радио — то в основном «Голос Америки», голоса ваших дикторов нередко доносятся из открытых окон домов летом.

При полном отсутствии объективной и правдивой информации со стороны органов печати и радио в нашей стране ваша радиостанция, пользующаяся большим интересом слушателей в нашей стране, может сделать многое, и поэтому деятельность вашей радиостанции чрезвычайно ответственна. Что касается наших пожеланий в отношении религиозных передач «Голоса Америки», то они в основном те же самые, что содержатся в письме к новому Римскому Папе.

На чем нам хотелось бы остановиться подробней — это на фактах преследования верующих в нашей стране, о которых вы рассказываете. Такая передача информации имеет огромное как психологическое значение, так и приносит большую реальную помощь страдающим людям:

[1] Русское возрождение. 1978. № 2. С. 3.

1. Опыт показал, опыт трагический, что для страдающих людей, в том числе и для исповедников христианских, самое трудное не столько сами страдания, сколь тяжкими они ни были бы, сколько то, что они бывают забыты братьями по вере, другими людьми. Сознавать это очень тяжело. И наоборот, если они не забыты, о них помнят и тем более их имена звучат по радио на весь мир — это для них огромная моральная поддержка, помогающая стойко переносить их мучения.

2. Власть, и особенно на местах, чутко и болезненно реагирует на сообщения из-за границы о фактах преследования. Широкая гласность мучает их и заставляет прекращать преследования (местные органы власти в случае широкой, скандальной огласки становятся «козлом отпущения» и не редки случаи, когда высшее начальство бьет их больно за перегибы, а это в свою очередь заставляет быть осторожными и других).

И наконец, в условиях, когда советское руководство всерьез осознало опасность потенциальную Китая, оно вынуждено уступить и прислушиваться к мнению Запада, боясь уменьшения с Западом и особенно с Америкой как деловых, так и благожелательных отношений.

С пожеланием успехов в вашей благородной и гуманной, чрезвычайно полезной деятельности,

по поручению Христианского комитета,

священник Глеб Якунин

Моим обвинителям[1]

Оправдываться — это значит чувствовать себя виноватым. И я не оправдываться хочу, а хочу, чтобы христианская проповедь была не извращенной. Как я уже заявлял: я из всего, из своей жизни и даже смерти, хочу сделать проповедь — помоги Бог! Задача нелегкая, непосильная человеку. Но в моих действиях и проповеди некоторые усмотрели антисемитизм (скрытый, по намекам, но это, как выразился некто, еще хуже), русский шовинизм (несовместимый с христианским пониманием) и обвинение меня в монархизме (за преклонение перед муками последнего русского царя). Я не знаю, что двигало моими обвинителями, может быть, даже искреннее беспокойство обо мне как священнике, чтоб я не сужал своей христианской деятельности. Хочу высказаться прямо и искренне, чтоб меня поняли правильно, не было

[1] Русское возрождение. 1979. II. № 6. С. 10–14.

кривотолков, успокоить моих доброжелателей и не дать повода обвинителям бросать камень в христианского священника.

1. Антисемитом я никогда не был, не буду и не хочу быть — это в самом деле недостойно христианина. Но хочу поставить вопрос, что считать антисемитизмом? Всякое критическое упоминание о еврейском народе или ненависть к нему? Если критическое упоминание, то это значит сказать белое на черное, закрыть глаза на преступления, служить идолу вместо Бога. Этого я не могу. Но если я поступаю иначе, то это не от ненависти, а от любви. Плохой тот друг, который закрывает глаза на недостатки, более того, он делается участником преступления. Можете меня считать антисемитом, таким я себя не признаю. И вас считаю предвзятым и нечестным. Более того, указываю на ваш антирусизм, он также отвратителен, как антисемитизм. Антирусизм я выделил с определенной целью, потом будет ясно.

2. Русским шовинистом я не был и не буду, это все равно, как и из еврейского, так и из русского народа сделать идола, а я не идолопоклонник, а христианин, верю в Единого Бога, у Которого нет эллина и иудея... Однако я люблю свой русский народ и болею о нем. И вы, обвиняющие меня в антисемитизме, становитесь не кем иным, как антирусистом, за мою любовь к русскому народу делая меня антисемитом.

Мой взгляд на еврейский и русский народ такой. Еврейский — богоизбранный. Богоизбранный — не богоисключительный. Богоизбранный значит избранный Богом на хранение истины о Мессии-Спасителе мира. Донеся истину до ее осуществления, этот народ радуется, что послужил тому, что все народы становятся избранными к спасению. Требовать себе привилегий — сесть по правую сторону! — не знать, чего себе желать. Чашу пить будете, — вот наш удел, всех народов в этом мире! — а сесть по правую сторону зависит от Отца Небесного. Русский народ — богоносный в силу страданий, выпавших на его долю, и за его жажду Бога. В этом он, как и еврейский народ, одинаков: те несли миссию о Спасителе к ее осуществлению, эти несут истину о Спасителе в ее осуществлении, а она в крестоношении. Как тот, так и другой народ гонимы, несут крест. Но у того народа, поскольку он ожесточился к своему Спасителю, крест, гонение ищет разрешения в этом мире, поэтому и восстановление Израиля; у этого крест неразрешим, — остается надежда только на Бога, ни у кого нет сочувствия к этому народу: коммунисты его истребляют в лагерях и тюрьмах, фашисты — в плену и на фронте (более несчастного пленного, чем русский, не было), империалисты (англичане и американцы) в

предательстве беззащитных на верную смерть (см. книгу «Последняя тайна»). Но я иду дальше. Богоизбранным и богоносным народом может быть и должен быть каждый народ, это не привилегия, а служение. Богоизбранным и богоносным народом определенный народ становится только вначале, как положить доброе начало, выполнять должны все народы. Заканчивать, может быть, выпадет миссия на определенный народ, а миссия эта — распяться за других. И если выпадает эта миссия на русский народ — распяться за других! — я радуюсь, что принадлежу к русскому народу, может быть, оттого и пророчество: русский народ должен сказать новое слово всему миру, я утверждаю — должны заговорить русские мученики! — это в самом деле будет новое слово, дай Бог, чтоб оно приурочилось ко дню прославления русских мучеников.

На любви к своему народу я учусь любить христианской любовью все народы. Более того, говорю: кто не любит свой народ, тот не может любить и другие народы. Любовь конкретна, проверяется через определенного человека. Тут, кстати, можно привести слова апостола Иоанна Богослова: если ты говоришь, что любишь Бога, а брата ненавидишь, — ложь есть. Как ты можешь любить Бога, Которого не видишь, если брата, которого видишь, не любишь? Нельзя любить народы в своем воображении, которые где-то, если народ, который с тобой, рядом, на одной земле, дышит одним воздухом, не вызывает в тебе любви. Ложь есть твоя любовь! и ты шовинист, а не кто-то другой, ты делаешь из любви к народам своего идола и любишь только себя, а не народы. Ты шовинист самого себя. Я отрицаюсь от такого шовинизма и никогда им не буду. Русский народ — это моя любовь к Распятому Богу за все человечество. Преклоняясь перед страданиями русского народа, я преклоняюсь перед страданиями Самого Христа (сделали меньшему, Мне сделали, — говорит Христос).

И 3. Не понимаю, как за преклонение перед страданиями русского царя — это все равно, что преклониться перед страданиями Царя Небесного, опять по тому же утверждению: сделали меньшему, Мне сделали, — можно назвать меня монархистом. Я священник, иерей царя Небесного — Господа нашего Иисуса Христа, а не политический деятель-монархист. Для меня не существует политических делений, партий, хотя как человек я могу к тому или иному явлению питать симпатии. Но мое служение священника — это как служение Христа — спасение всех. Во Христе нет эллина и иудея, но именно во Христе, без Христа всегда будет эллин и иудей. Ни с эллинской, ни с иудейской позиций нельзя разрешить конфликта национального.

Еще раз повторяю: эти мои слова — не оправдание перед моими обвинителями. Я не считаю себя виновным в том, в чем меня обвиняют, и я очень жалею о тех, которые на мое служение смотрят со своих узких позиций. Хорошо говорится: обвиняешь другого — посмотри на себя: нет ли в тебе тех грехов, которые ты видишь в другом.

Эти слова я должен был высказать для того, чтоб без смущения смотреть в глаза любого человека, с которым я сталкиваюсь.

Я ваш брат во Христе, священник — это мое служение перед Богом за всех людей, без различия национальностей. Оттого я, русский священник, имею духовных детей нерусского происхождения. Мне хочется, чтоб мы искренне, без подозрения и обвинения проходили свой жизненный путь и достигли все желанных берегов Царства Небесного. Помоги нам всем Бог!

Священник Дмитрий Дудко

12 января 1979 г.
Москва

Интервью А. И. Солженицына с И. И. Сапиэтом[1]

Александр Исаевич, со времени Вашей высылки прошло 5 лет — с точки зрения истории срок небольшой, но для писателя, столь тесно связанного с судьбами России, это уже мучительно долго. В 1967 году, на заседании Секретариата Союза писателей, Вы сказали, цитирую: «Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу». Теперь, когда Вы оторваны от этой земли, не отошла ли эта боль в прошлое, не стала ли она чужой?

Осталось все так, как если б меня и не высылали. Вся моя жизнь и работа, и направление те же.

В Вашей книге «Бодался теленок с дубом» Вы говорите о моментах, когда Вы мечтали уехать на год в глушь и «меж поля, неба, леса, лошадей — да писать роман неторопливо». Насколько эта мечта теперь близка?

Вот «неторопливо» уже в моей жизни, наверно, никогда не получится, потому что я от задачи своей отстаю, а знаю, что она нужна. Все поколение наше отстало от задачи. А в остальном — чтото похожее создалось. Внешне покойная жизнь, не надо конспирации, пря-

[1] Иван Иванович Сапиэт, представитель радиостанции Би-Би-Си, латышский лютеранский пастор, по матери русский (Русское возрождение. 1979. II. № 6. С. 50–54).

ток, рассредоточения бумаг — в голове одна работа. К тому же и все исторические материалы доступны, которые раньше так трудно было доставать.

Говорят, что Вы совершенно отошли от действительности, что Вы живете чуть ли не жизнью ошельника. Что же Вам лично дал Запад? Свободу или новые узы?

От сегодняшней действительности не очень-то отойдешь, потому что она жжет, со всех сторон припекает. Как вы знаете, я немало поездил по странам, выступал — но просто от страсти: не могу спокойно смотреть, как они сдают весь мир и самих себя. А в общем — это не моя задача, в нашей стране дела ждут. Для работы же над моей темой Запад, да, не может мне дать питающих впечатлений. Вот если б я сейчас жил на родине! да мог бы передвигаться без преследования, без надзора (как почти никогда не бывало) — я, кнечно, жил бы не так, как сейчас, я много бы ездил! Там каждое место, каждый говор, каждая встреча — это толчок и помощь замыслу. А здесь — только отвлечение ненужное, на которое уже нет лет. К счастью, я в свое время очень много ходил по... вот положение, трехмиллионный город, а названия не имеет. Говорить «Ленинград» — уже стыдно. К императору Петру я тоже почтения не имею — да город был назван не по императору, по апостолу... Но уже и к «СанктПитербурху» (по-голландски) пути не будет... А «Питером», как сейчас выходят из положения, все большевики его называли. Я б его назвал Невгородом. Это в духе русского языка — Невгород, Новгород... Да, так вот, два месяца я пешком исходил весь город, изучал все места. А Февральская революция она почти вся происходит в Петрограде, и теперь я с закрытыми глазами любой уголок города отлично вижу, это здорово помогает. Ну, и карта старая есть, и много снимков.

Десять лет назад, в письме в редакцию «Литературной газеты» Вы писали, что Ваша единственная мечта — оказаться достойным надежд читающей России. Что же может эта читающая Россия ждать от *Вас теперь, когда Вы вот уже 5 лет на чужбине? Что эти последние годы дали Вам? Что Вы пишите и в чем Вы видите смысл Вашей работы?*

Моя работа, Иван Иваныч, началась 42 года назад, в 36-м году, я только кончил школу. Тогда мне представлялось так: надо описать и объяснить Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. А начать — все показывало — с 14-го года. И я избрал самсоновскую катастрофу. Но думал как-нибудь скорей все это пройти, ближе к Октябрю.

Впрочем, я и тогда уже заметил, что в самом 17-м году будет несколько узлов, это такой год, где каждый месяц — новая эпоха. Но навалилось сопротивление многих лет — война, тюрьма, ссылка, болезнь, потом все виды государственной травли, борьба, на которую я был вынужден, и — другие книги, обо всей этой жизни. И «Август 14-го» разросся в два тома, и «Октябрь 16-го» в два — и так сильно, сильно опоздал. Только с переездом в Америку, три года назад, я серьезно взялся за Февральскую революцию.

Но вник я в Февральскую революцию — и все мне переосветилось. Я-то рвался к Октябрьской, Февраль казался только по дороге, а тут я понял, что несчастный опыт Февраля, вот, его осознание — это и есть самое нужное сейчас нашему народу. Именно опыта Февраля мы не поняли, забыли и во внимание его не принимаем.

Тут клубок легенд. Вся наша новейшая история представлена нам выдумками да легендами, конечно, пристрастными, неслучайными.

Легенда, что царь вел с немцами переговоры о сепаратном мире — никогда ни малейших. Николай II потому и потерял трон, что был слишком верен Англии и Франции, слишком верен этой бессмысленной войне, которая России не была нужна ни на волос. Он именно дал увлечь себя тому воинственному безумию, которое владело либеральными кругами. А либеральные круги очень стремились выручить западных союзников жизнями русских крестьян. Боялись получить плохую оценку у союзников.

Потом — легенда, что в Феврале был избран Совет рабочих депутатов. Совет, 1000 человек, значения не имел, принимать практически решений не мог, а все повел узкий Исполнительный комитет — а туда верхушка избрала сама себя. Второстепенные затрухан-ные партийные социалисты сами себя избрали и повели Россию в пропасть.

Потом — само Временное правительство, легендарное навыворот. Это были те самые либеральные деятели, которые годами кричали, что они доверенные люди России, и несравненно умны, и все знают, как вести Россию, и, конечно, будут лучше царских министров, а оказались паноптикумом безвольных бездарностей и быстро все спустили, к большевистскому концу.

(Да, разобраться: они не только упустили власть — они ее и взять-то не смогли. Временное правительство существовало, математически выражаясь, *минус два дня,* то есть оно полностью лишилось власти за два дня до своего создания.)

Да и сам Февраль-то был делом двух столиц. И вся крестьянская страна, и вся Действующая армия с недоумением узнали об уже готовом перевороте.

Потом — никогда не было никакого корниловского мятежа, все это ложь и истерика Керенского, он сочинил весь кризис. Сам вызвал фронтовые войска в Петроград, но из боязни левых отрекся от этих войск по пути и изобразил мятежом. Тото и Корнилов никуда не бежал, и Крымов доверчиво пришел к Керенскому на свою смерть. Мятежа никакого не было, но этой истерикой Керенский и утвердил окончательно большевиков.

Но, Александр Исаевич, ведь все наше понятие об *истории России, по крайней мере на Западе, построено на предпосылке, что Февральская революция была явлением положительным, и, что не будь октябрьского переворота, Россия пошла бы по пути мирного общественного развития.*

Вот это и есть одна из центральных легенд. Если вникнуть в повседневное течение февральских дней, в каждую мелочь и во всю реальную обстановку, то сразу становится ясно: никуда, кроме анархии, она не шла. Она заключала противоречие в каждом своем пункте. Поразительная история 17-го года — это история самопадения Февраля. Либерально-социалистические тогдашние правители промотали Россию в полгода до полного упадка. И уже с начала сентября 1917 большевики могли взять упавшую власть голыми руками, без всякого труда. Только по избыточной осторожности Ленина и Троцкого они еще медлили. Легкое взятие упавшей власти совсем не было даже и переворотом. Так что не только не было никакой Октябрьской революции, но даже не было и настоящего переворота. Февраль упал сам.

И легенды продолжаются дальше. И Гражданскую войну совсем неправильно сводят только к войне красных и белых. А главное, было народное сопротивление красным с 1918 по 1922-й. И в этой войне оказалось потерь, как теперь подсчитано, 12 миллионов! Это уже изменение состава народа, и вот это есть первая настоящая бесповоротная революция, когда из народа выбивают 12 миллионов, да с выбором.

И дальше легенды... Что Октябрь, будто, землю крестьянам дал, а он и ту отобрал, которую Столыпин дал, и общинную...

Но нельзя ли сказать, Александр Исаевич, что это дела прошлого, история, да при этом история, имеющая узкое отношение только к России? А разве не правда, что большинство Ваших читателей на Западе? Для кого же Вы пишете?

Что на Западе меня много читают — я рад. Но мои основные читатели — конечно, на родине, и именно для них я пишу. И книги мои достигнут их, да уже и сейчас достигают изрядно. Книгами я непременно и скоро вернусь. Да надеюсь и сам.

А уроки Февраля имеют и всемирное значение, это и Западу не вредно. Самопадение наших либералов и социалистов перед коммунизмом с тех пор повторилось в мировом масштабе, только растянулось на несколько десятилетий: грандиозно повторяется тот же процесс самоослабления и капитуляции.

Но бесценное значение опыт Февраля, всего 17-го года, имеет, конечно, для нашей страны. А о нем почти не принято думать. Прежде чем горячо спорить о будущем пути России, предлагать проекты, рецепты, надо бы *основательно* знать наше прошлое. А наши спорящие, как правило, его не знают — именно историю нашего последнего столетия от нас скрыли почти до нерамотности, а мы поддались. Советское давление приучило всех уходить вдаль — к эпохе Николая I и назад. А кто официально занимался последним столетием, тот все искажал.

Февраль нам надо знать и остерегаться, потому что повторение Февраля было бы уже непоправимой катастрофой. И важно, чтоб это поняли все, прежде чем у нас начнутся какие-нибудь государственные изменения.

...Так вот и получилось, что моя историческая работа о Феврале — она в 4-х томах — настолько опоздала, что уже снова стала актуальной.

Вы говорите, Александр Исаевич, о бесценности опыта Февраля, но чему же может помочь осознание прошлого опыта в нынешнем положении?

О, осознание очень много значит! Внутренняя победа всегда предшествует внешней. Мы, действительно, не имеем пока физических сил освободиться от плиты, придавившей нас, но самый драгоценный итог последних 60 лет мировой истории — именно то освобождение от социалистической заразы, которое наш народ прошел насквозь. Это освобождение — начало мирового *освобождения* даже тех стран, которым болезнь еще предстоит.

Да, мы в плену коммунизма, тем не менее он для нас мертвая собака, когда для многих западных слоев еще живой лев. Это испытание мы перестояли духовно и, надо удивляться, на ногах!

Ну, конечно, теперь одного этого осознания о коммунизме нам уже мало. Хотя сегодня еще душит всех коммунизм, а мы должны думать об опасностях будущего перехода. При следующем историческом

переходе нам грозит новое испытание — и вот к нему мы совсем не готовы. Это совсем новые для нас виды опасностей, и чтобы против них устоять, надо, по крайней мере, хорошо знать наш прежний русский опыт.

Может быть, сейчас мой голос дойдет до тех, кто имеет доступ, возможность и время заняться изучением нашей истории XX века. Мне удается сейчас наладить издание научной серии книг — Исследования Новейшей Русской Истории ИНРИ. В ней разные авторы, старые и молодые, пытаются разыскать, очистить, восстановить уворованную, подавленную, искаженную истину. Я надеюсь, что и в СССР найдутся авторы, которые захотят принять участие в этой серии. Я даже уверен, что все главные мысли должны родиться в России, несмотря на ужасные притеснения.

Если у кого будет такая работа, то, на всякий случай, адрес Всероссийской мемуарной библиотеки:

В.М.Б. Post Office Box 1446, Boston, Mass, 02101, USA.

Это, скажем, историческое наследие, а как, по-Вашему, обстоят дела с художественной литературой в *России?*

Русская литература всего больше меня поразила и порадовала именно в эти годы, когда я выслан. И не в свободной *эмиграции* она имела успех, не в раздолье так называемого самовыражения, а у нас на родине, под мозжащим прессом. И создался этот успех даже именно на главном стержне русской литературы, который в советской критике полупрезрительно называют «деревенской литературой», а на самом деле это труднейшее направление работы наших классиков. Так вот оно в последние годы имело замечательные результаты, несмотря на все притеснения. Я рад был бы сейчас назвать 5, нет, 6 имен, вот я берусь их назвать, и книги каждого, даже и по две книги, и разобрать, что в них так удалось, но отсюда туда я... не имею права это делать, начнут к этим авторам придираться, что, мол, недаром Солженицын их хвалил. Но я думаю: они сами поймут, что речь идет о них, и читатели *тоже* разберутся.

Нам бывает трудно оценить уровень современной нам литературы. А вот такого уровня во внутреннем изображении крестьянства, как крестьянин чувствует окружающую свою землю, природу, свой труд; такой ненадуманной, органической образности, вырастающей из самого народного быта; такого поэтического и щедрого народного языка... — к такому уровню стремились русские классики, но не достигли

никогда: ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут о себе сами. И сейчас читатели могут наслаждаться тончайшими страницами у этих авторов.

Интересно, анекдот. Есть тут, в Америке, такая Ассоциация славистов, изучающая нашу страну. У нее ежегодные конференции, и среди докладчиков выступают многие новые эмигранты, ну, кто пошустрей, побыстрей может пробиться. Вот есть такая Клепикова. И она на этой конференции на вопрос о деревенской литературе авторитетно заявила: «Деревенская литература? Теперь это уже эпигонство, упадок». И американские профессора, съехавшиеся со всей Америки, доверчиво записывают в блокноты: «Деревенская литература находится в упадке». Это сейчас, когда она в расцвете. Вот так объясняют нашу страну некоторые новые эмигранты, так они используют свою свободу.

Может быть, и эти мои слова услышат те молодые авторы, кто в будущем подвижут нашу литературу. Я бы хотел им сказать, что не надо гнаться за поверхностной политической сатирой — это самый низший вид литературы. И дело совсем не в формальных поисках, никакого «авангардизма» не существует, это придумка пустых людей. Надо чувствовать родной язык, родную почву, родную историю — и они с избытком дадут материал. А материал подскажет и форму, взаимодействуя с автором.

Еще один грустный анекдот. Осенью 77-го, во время американской книжной выставки в Москве, американские издатели решили почтить званым обедом главных представителей русской литературы. А звали примерно по такому принципу: кто числится в диссидентах. И вот ирония: на этот обед собственно русская литература, стержневая не была позвана. Вот из этих авторов, которых я сейчас мысленно перечислил, ни один не был позван, их и не знают. Был обед в честь русской литературы, а ведущих авторов не было.

Я мог бы добавить еще, по крайней мере двух, первоклассных драматургов, действующих сейчас в Советском Союзе, но опять не буду, чтоб им не повредить.

Но понимают ли эту «стержневую литературу», как Вы ее называете, Александр Исаевич, на Западе?

Плохо. Официальное представительство советской литературы на Западе никак ее не представляет. Или — туполобство — пошлют какого-нибудь литературного вертухая, который Твардовского даже в последний год его жизни поносил «кулацким поэтом», а теперь перед ним

якобы млеет. И американские профессора съезжаются, записывают этого вертухая, какой он им бред тут несет.

Или слишком повышенная изворотливость между советским режимом и интеллектуальным Западом, умеют нравиться и тем и другим, впрочем, оба эти мира атеистические и не так чужды друг другу. Я имею в виду, например, Вознесенского. Радостно дает себя выставлять, создает впечатление литературной свободы в СССР.

Сказал я Вознесенскому когда-то: «Нет у вас русской боли». Вот нет так и нет. Не страдает его сердце ни прошлыми бедами России, ни нынешними. Напечатал в Америке стихотворение, посвященное мясорубке в гайянской коммуне. Одно дело, что их ангелами, конечно, изображает, но оскорбительно: в этом изуверском саморазложении, гниении якобы увидел самосожжение старообрядцев, а? Старообрядцы погибали, чтобы не изменить своей вере, чтобы их пытками не вгоняли в чужую! Этих марксистов никто не трогал, никуда не вгонял, весь их конфликт с Америкой выдуманный. Вот так он унизил старообрядчество, чтобы держаться в моде, потому что американские газетчики так сравнивают деревянное сердце, деревянное ухо.

В своей Гарвардской речи Вы сопоставляете расслабление характеров на Западе с укреплением их на Востоке, где, цитирую: «...сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем регламентированная жизнь Запада». Но разве эта «смертно давящая жизнь» тоже не создала духовную опустошенность, не привела к цинизму и материализму, не сломила тысячи и даже миллионы характеров? Как же можно тогда в то же время говорить о духовном возрождении в России? Не мечта ли это возрождение? Не плод ли это скорее желания, чем реальности?

Да, конечно, пережить коммунизм без повреждения — кто бы это мог? Все мы это испытали. Повреждены духовно миллионы. (Однако оговорюсь: повреждены, но уже не в социалистическом заразном отношении — уж в эту сторону никакими голосами нас не кликнешь: до такой тошнотворности прогалдели нам головы и груди.)

Что я сказал в Гарварде о характерах?.. А что назовем характером? По-моему, если в самой враждебной обстановке и почти ничем не пользуясь от внешнего мира, выстоять и еще дать вовне. А что назовем бесхарактерностью? В самых благоприятных обстоятельствах все получать и все для себя. В Берлине в 53-м и в Венгрии в 56-м были наши офицеры и солдаты, отказавшиеся стрелять в народ, хотя знали, что за

это будут расстреляны тотчас, и действительно, расстреляны. И все, и тут же они забыты, и уже в русский характер они нам не вписываются. В Западном Берлине постоял камень в их честь, но слабодушный Запад предал и тут, снял ради детанта.

Когда я в Гарварде говорил о преимуществе наших характеров над западными: мы под самим Драконом научились, не гнемся, а они издали, только от его дальнего дыхания уже гнутся, как ему угодить.

Повреждены мы, да, и многие даже близко к бесповоротности. А не бесповоротно! И это показывается процессом оживания нашего общества. Я имею в виду сейчас не интеллектуальное и политическое оживание, не самиздат, не письма протесты, а изменение нравственной атмосферы вокруг гонимых. Ведь 50 лет — кто был обречен, осужден, от того отрублювались все, не то, чтобы помогать, но даже избегали сноситься. Ставка коммунизма была — чтобы каждый гиб в одиночку. А сейчас? Сейчас к каждой такой семье тянутся руки помощи, собирают деньги, смело приходят в дом, открыто помогают! Это же совсем другая нравственная атмосфера, как бы совсем не под советской властью. И далее — в провинции уже так прорастает, где жутче гораздо, страшнее ветер воет. И молодежь сильно затронута этим очищением. В этом — надежда.

Такое изменение, я скажу, глубже и перспективнее, чем даже государственный переворот. Ведут себя люди так, будто этих вульгарных вурдалаков, этого дракона над нами, совсем нет. Воздух другой!

Александр Исаевич, как Вы знаете, эмигрант часто полон горечи, потерял почву под ногами, живет одним только прошлым...

Иван Иванович, я не эмигрант. Я не принимал такого душевного решения — уехать с родины, не принимал решения, что вот где-то начну новую настоящую жизнь. Поэтому у меня психология другая.

Да, но эмиграция все же существует, это общественное явление, со своим — как она думает — историческим заданием.

У первой эмиграции историческое задание, конечно, было: помочь нам сохранить историческую память о годах предреволюционных и революционных — в то время как в Союзе все затаптывали.

Но, например, на третьей эмиграции, я сомневаюсь, что историческое задание лежит. Да третья эмиграция — это лишь хвостик, осколок от израильской эмиграции. По значению и по численности она не идет в сравнение с двумя первыми.

Да, спасение России и не может прийти ни от какой эмиграции, нечего и ждать, а изнутри самой России. Я надеюсь, что в следующий раз, в отличие от 1917, судьба страны будет определена теми, кто в ней живет, а не теми, кто вернется из эмиграции.

Не все понимают, что добровольный отъезд сильно уменьшает права уехавшего судить и влиять на судьбу покинутой страны. Уехал так и сам отрезал, освободил себя от ответственности — так и от права. А страна продолжает свою судьбу тянуть, она ее и вытянет. Третья эмиграция уехала не из-под пуль, как бойцы первой, не от петли, как бойцы второй. Она уехала в то время именно, когда на родине появились и возможности действовать, и силы наиболее нужны там. Извне коммунистического режима не одолеть, а только изнутри.

Среди уехавших разные категории, конечно. Подавляющая часть поехала просто устраивать свою жизнь, к покинутой стране равнодушна.

Весьма малая часть, но политически активная, как бы продолжает на Западе деятельность демократического правозащитного движения. Но она попала в такое положение, что как бы просит у соседей помощи себе в дом. (Господи, уж куда там Западу нам помогать, уж куда там! Себя бы уберегли.) В деятельности этой эмигрантской группы в условиях свободы сказывается и недостаток взгляда. Нельзя всю философию, всю деятельность сводить: дайте нам права! то есть отпустите защемленную руку! Ну, отпустят или вырвем, а дальше? Вот тут, на «демдвиже», и сказывается незнакомство с новой русской историей. Они, по сути, обходят все уроки нашей истории как небывшие, и по общей теории либерализма просто хотят повторения Февраля. А это гибель.

Потом есть категория, которая уехала с острой ненавистью не столько к советскому строю, как к самой России, к самому народу, даже с проклятьями, так называемый Телегин, известно, кто это, псевдоним. И тут печатно питают свою ненависть, от слова «православие» их конвульсия берет. Ну, эти — открытые, я о них говорить не буду.

А есть еще одна, опасная категория, которая, может быть, и выполняет историческое задание. Они приезжают сюда не просто эмигрантами, но как полномочные истолкователи, объяснители нашей страны, народа, истории, культуры, чего угодно. И характерная черта: они ловко попадают тут во вкус, в заказ, чего от них ждут, и вместе с тем их выводы всегда наилучшим образом полезны для коммунистического режима в СССР.

Но нельзя ли предположить, что они в какой-то степени выражают свое искреннее мнение, дают свой ответ на больные вопросы судьбы России?

Я... не стану гадать о подлинных импульсах этой категории, но головой покрутишь. Подумайте: тех, кто сотрудничал с национал-социалистами, тех судят, а кто десятилетиями сотрудничал с коммунистами, был весь пропитан своей красной книжечкой, тех Запад принимает как лучших друзей и экспертов, хотя научный уровень у многих — парикмахерский. И в общем, с некоторыми вариантами направление у них такое: всячески примирить американцев с коммунизмом в СССР — как с самым малым для них злом или даже положительным для них явлением. И наоборот: убедить, что русское национальное возрождение, даже национальное существование русского народа — это величайшая опасность для Запада.

Тут их целая вереница, всех не перечислишь. Вот Янов. Был он коммунистический журналист 17 лет подряд, никому не известный. А тут с профессорской кафедры напечатал уже две книги с разбором СССР и самым враждебным отношением ко всему русскому. В «Вашингтон Пост» на целую полосу статью, что Брежнев — миролюбец. Смысл его книг: держитесь, мол, за Брежнева всеми силами, поддерживайте коммунистический режим и торговлей, и дипломатически, укрепляйте его, это вам, американцам, выгодно! А внутри СССР его поддержат... все покупатели магазинов «Березки». А всякая другая власть в России будет вам хуже.

Он даже не ставит коммунистическому режиму в упрек уничтожение 60 миллионов человек. Словечко «Гулаг» подхватил, но применяет его к старой России — мол, там был Гулаг. Все его рассуждения изложены с точки зрения товара и потребления. В его книгах не найдешь, что народ (вот, русский) может иметь какую-то религию, что это может что-то значить в его истории, в его стремлениях.

И вот такие уста истолковывают здесь Россию. Вот такие... цветки выращены коммунизмом на нашем забвении и растоптании.

А интеллектуальная Америка их всех очень подхватывает, потому что здесь очень ждут и хотят, чтобы было так: чтобы с коммунизмом дружить, а Россия — плохая. И американские профессора один за другим повторяют: вот, наконец, пришли эрудированные ученые и объяснили нам, чего нам надо опасаться: не коммунизма совсем, а национального существования русского народа! В такой здешней об-

становке невозможно, например, добиться международной защиты Игоря Огурцова.

Однако американское, да и не только американское, вообще западное образованное общество, по крайней мере часть его, информировано об истинном положении. Как же объяснить, что оно так легко поддается таким настроениям?

Американское образованное общество склонно прислушиваться к таким уговорам:

во-первых, потому что существует долгая традиция говорить о национальной России только плохое. Эту традицию еще с конца прошлого века создавал тут Милюков, потом вся революционная эмиграция (дошло до того, что в Первую мировую войну американские банки давали займы Англии и Франции, при условии, чтоб эти кредиты не попали бы России, союзнику);

во-вторых, влияет большое сочувствие американских интеллектуалов к социализму и коммунизму, они почти сплошь этим дышат. В американских университетах быть сегодня марксистом — это почет, здесь много сплошь марксистских кафедр;

в-третьих, такая трактовка очень успокаивает весь Запад: если все ужасы СССР не от коммунизма, а от дурной русской традиции, от Иоанна Грозного и Петра, так тогда Западу нечего опасаться, значит с *ними* плохого ничего не будет, если *их* постигнет социализм — то только добродетельный. После разоблачений советской системы западные представления отступили от траншеи к траншее: сперва сдали Сталина (и все свалили на мифический «сталинизм»), потом с болью сдали даже и Ленина: если все плохое от Ленина, так не потому что он коммунист, а, мол, потому что он русский. Раз это все — русское извращение, так чего бояться Западу?

Запад очень боится слышать правду, всякую правду. Запад очень падок к успокоительному самообману.

А в-четвертых, на эту симпатию интеллектуального Запада к советскому строю влияет общность их идеологического происхождения: материализм и атеизм. Движение, открыто связанное с религией, их всегда настораживает, если не пугает.

Это настроение американского научного мира закрывает им и возможность проникнуть в суть русской истории (хотя судят о ней с апломбом, *будто* уже насквозь ее поняли, будто можно ее понять, игнорируя десять веков православия). Казалось бы, западная свобода

дает им возможности, несравненные с лживой, дремучей советской наукой. А они остаются как загипнотизированные советской исторической концепцией. Они невольно перенимают ее фундаментальные положения и спорят с ней в исправления частностей, деталей, некоторых сторон, лиц, трактовки. Но если какая область совсем запретна в СССР, как не существует, — то она остается и совсем неизвестна западной науке. Так, блистательная западная наука 55 лет ничего не знала о Гулаге, не представляла его масштабов, не верила, что он существует. Так, большевики объявили народное себе сопротивление бандитизмом, и западная наука приняла: разрозненный бандитизм. И даже вовсе игнорирует обширное народное сопротивление большевикам.

Замечательный случай: один молодой американский ученый, вот в эти годы, добивался защищать диссертацию «Народное сопротивление большевикам и гражданская война в Сибири». Всюду ему отказывали, потом объяснили: да такой подозрительной диссертации и никто у вас не примет. Побился парень и просит: ну, дайте мне тему! И дали ему: «Сеть партийного просвещения в СССР»! У нас не то что ребенок, но любая курица, но последний индюк смеются над такой темой, а в американском университете это — диссертация.

Вероятно, непонимание Западом нынешнего положения в Советском Союзе и привело к тому, что *Ваша встреча с Западом состоялась, если можно так сказать, под знаком конфликта. Три года назад в телеинтервью по БиБиСи Вы обратились к Западу, в частности к Англии, с предостережеием о возможности — скорее даже неизбежности — нравственного и духовного крушения перед натиском тоталитаризма. Эта же мысль о духовной опустошенности Запада прозвучала и в Вашей Гарвардской речи в прошлом году. Означает ли это, что опыт жизни на Западе — в Европе и в Америке — подтвердил Ваше мнение об обреченности Запада?*

Нет, не обреченности, нет. Но вобщем весы склоняются к худшему. Так отчетливо идет к мровой войне — а западные деятели обманываются, что идет к разрядке. Несколько стран ежегодно сдают коммунизму — и не вздрогнут: что ж это делается? Надолго ли хватит стран?

Могут ли на Западе найтись силы, которые пробудятся, оздоровят Запад, укрепят его? Я все же надеюсь, иначе бы не предостерегал. И особенно надеюсь на Соединенные Штаты, где много неиспользуемых, непробужденных сил, не похожих на те, что действуют на газетной, интеллектуальной и столичной поверхности. Например, на мою

Гарвардскую речь народ отозвался совсем противоположно газетам. Был большой поток писем ко мне и в редакции, где читатели гневно высмеивали позиции своих газет.

А если говорить о Западе вообще, не видите ли Вы некоторые проблески пробуждения, особенно среди молодежи, в религиозных кругах?

Да, соглашусь. В разных местах, в разных проявлениях там и сям замечаешь, верно, что современная западная молодежь чутче к истине, чем ее дипломированные учителя. Эта молодежь как будто прорывает через навал хлама и тянется, ищет... У многих из них религия вызывает уже не насмешку, а интерес, сочувствие, даже соучастие. Ну и, конечно, нельзя не счесть знамением времени нового Папу. Это... это... слов не найдешь. Это — дар Божий.

Но дело так запущено, отступление Запада так далеко зашло, что во всяком случае нам, в нашей стране, рассчитывать на западную выручку бесплодно. Я думал так и живя еще в СССР. И никогда не обращался ни к западным правителям, ни к западным парламентам, таких иллюзий не питал. Выручка может прийти в индивидуальных случаях, от общественности. Но никто на Западе не обязан заниматься нами в целом, ни у кого нет ни сил, ни стойкости, а нужно будет откупиться нами — откупятся, как Тайванем.

Если так, то где же источник силы для узников, которые ищут свободы? К кому или к чему им обращаться? На что могут надеяться подсоветские народы?

Это — самый трудный вопрос из тех, что Вы мне сегодня задали.

С одной стороны, я считаю, что главную победу над коммунизмом мы уже одержали: мы выстояли 60 лет и не заразились им. Ничего похожего на то идейное торжество, на тот повальный захват душ, с которым носились, неслись, рассчитывали Ленин и Троцкий. Мы уже свободны от них духовно.

А вот физически?

Потому так и трудны изменения в нашей стране, что в нашу страну уперлась вся жизнь человечества. Вся орбита земной жизни изменится, когда произойдут изменения в советском режиме. Это сейчас узел всей человеческой истории.

В «Теленке» Вы спрашиваете также, не то ли время подошло, наконец, когда Россия начнет просыпаться, когда Бирнамский лес пойдет. Двинулся ли Бирнамский лес?

Опять же, как это движение понимать. Если духовно — да, он пошел! Если физически — нет, не двинулся.

Но я никогда не призывал к физической всеобщей революции. Это такое уничтожение народной жизни, которое, бывает, не стоит одержанной победы. Да нам не просто же освободиться, нам надо стать на путь лечения, а революции не вылечивают. К тому же рядовой гражданин нашей страны находится в таком положении, что его *нельзя* призывать к физическим движениям: они грозят ему гибелью тотчас. Поэтому я и призывал к движению «Жить не по лжи» — отнять свои руки от их идеологии — чтоб она грохнулась и кончилась. Это тоже будет равносильно изменению государственного строя. Движение это развивается, дай Бог ему продолжаться. Но оно оказалось медленней, чем я ждал. Да оно по природе своей не может быть быстрым.

В письме советским вождям Вы говорили о возможности свободного соревнования между коммунистической и другими идеологиями. Как Вы смотрите на это после Вашего пятилетнего опыта на Западе?

Знаете, если говорить о «Письме вождям», то пора дать некоторое объяснение.

То конкретное, о чем Вы спрашиваете, — это вообще там игровой, иронический момент. Никакое идеологическое соревнование с коммунизмом в нашей стране не может возникнуть, потому что коммунизм идеологически уже все проиграл. Это была в «Письме вождям» шутка: что партийные пропагандисты в свободное от настоящей работы время да еще бесплатно будут пропагандировать коммунизм. Это я просто посмеялся: они — такие шкуры, что бесплатно и для своей идеологии не пошевелятся.

Но вот что главное в «Письме вождям» не названо, а подразумевается: что я обращался, собственно, не к этим вождям. Я пытался прометить путь, который бы мог быть принят другими вождями, вместо этих. Которые внезапно бы пришли вместо них.

Весь этот вопрос нельзя разбирать неконкретно, без нынешней мировой обстановки. В какие испытания нас еще бросят эти корыстные вожди?

Коммунисты не могут отказаться от агрессии. Уже так идет: осатанелый рост вооружений. Пушки начинают стрелять сами. Этим безумцам, очевидно, удастся ввергнуть и нашу страну, и весь мир в войну. Они обречены повторить ошибку всех завоевателей мировой истории:

им мнится, что они настолько сильны, что могут захватить весь известный мир. И каждый раз это была ошибка. И будет в этот раз.

На самом деле, они разорят весь мир, погубят наш народ, а все равно потерпят поражение. Но за счет чего? За счет того, что на противоположной стороне будет участвовать миллиардный Китай, и таким образом победит снова коммунизм, только в другой форме. Американцы вырастят Китай в мирового победителя, как вырастили советский коммунизм после Второй мировой войны себе на голову.

Так что спасение не терпит отложения. Каждый год омрачают и портят миллионы юных душ. За каждый один коммунистический год нам придется потом платить не одним годом выздоровления. Нам тоже медлить нельзя.

Но на что же Вы сами надеетесь, Александр Исаевич, во что Вы верите? В Провидение?

Слово «Провидение» не хочется употреблять всуе. Произнося это слово, вступаешь в область торжественную. Я убежден в присутствии Его в каждой человеческой жизни, в своей жизни и в жизни целых народов. Только мы так поверхностны, что вовремя ничего не можем понять. Все изгибы жизни нашей мы различаем и понимаем с большим-большим опозданием. Так, уверен я, когда-нибудь поймем мы и замысел о 1917 годе.

У нас в стране я рассчитываю на ту степень просветления, которая уже разлилась в нашем народе и не могла не распространиться в сферах военных и административных, тоже. Ведь народ — это не только миллионные массы внизу, но и отдельные представители его, занявшие ключевые посты. Есть же сыны России и там. И Россия ждет от них, что они выполнят сыновний долг. Этой прослойке должно быть понятно, что всякая захватная война — есть наша национальная гибель.

Я хорошо помню наше офицерство Второй мировой войны, сколько пылких честных сердец кончало ту войну с порывом устроить, наконец, жизнь на родине. И не могу допустить, чтоб они' бесследно все ушли, как вода в песок. Чтоб они или их наследники были равнодушны к ужасной судьбе, которую готовят нашей родине, гиблой международной авантюре, куда загоняют ее.

Я верю в наш народ на всех уровнях, кто куда попал. Не может быть, чтоб 1000-летнее существование нашего народа в какой-то, еще неизвестной нам форме не пересилило бы 60-летнего оголтения ком-

мунистов. Все-таки наша жила крепче! И мы должны пересилить их, отряхнуться от них.

Это может произойти и в разгаре будущей войны, но в тысячу раз лучше, если найдутся силы изнутри остановить агрессию еще до ее возникновения.

И какой же Вы видите будущую Россию?

Я вижу ее в вы-здо-ров-лении. Отказаться от всех захватных международных бредней и начать мирное, долгое, долгое, долгое выздоровление.

Зарубежная Россия и ее задачи в отношении духовного возрождения России[1]

Есть упростительский подход делить эмиграцию по номерам: первая, вторая эмиграция, третья волна. Потревожив тени Курбского или Герцена, можно было бы выработать и гораздо более сложную хронологическую классификацию. Но останемся пока при принятой сейчас в эмигрантской печати триаде.

Советская историческая энциклопедия о первой эмиграции, возникшей после захвата власти большевиками и неудачного исхода Белой борьбы, пишет, что ее составили «капиталисты и помещики, белые генералы и офицеры, реакционное казачество, царские чиновники, деятели буржуазных политических партий, некоторая часть интеллигенции» и что общая ее численность достигала 2 миллионов человек. На самом деле состав эмиграции перечисленными категориями не исчерпывался и численность ее, по-видимому, не достигала и одного миллиона. И то, это только исходная цифра. Если в 1922 году численность русской эмиграции, по данным, опубликованным Британским королевским обществом в виде так называемого рапорта лорда Симпсона, достигала 900 тыс. человек, то уже к 1937 году численность ее в результате вымирания, ассимиляции и натурализации определялась только в 250 тыс. По главным странам рассеяния цифры таковы:

[1] Русское возрождение. 1979. II. № 6. С. 188–212.

Зарубежная Россия и ее задачи

Англия	1922 г.	9 000	1937 г.	2 000
Бельгия		4 000		8 000
Франция		70 000		110 000
Польша		175 000		80 000
Германия		240 000		45 000
Чехословакия		5 000		15 000
Югославия		43 000		27 000
Дальний восток		145 000		94 000
С. и Ю. Америка		20 000		66 000
Австралия				2 000

Конечно, этнически русских людей, русских и по своему национальному сознанию, за пределами Советского Союза было больше. Русские меньшинства составляли в Прибалтике 344 тыс.человек, в Польше 100 тыс., в Бессарабии 150 тыс. В некоторой степени к русскому меньшинству в Польше можно было отнести тогда часть из полутора миллионов белорусов и часть украинцев, в особенности на Волыни. В Чехословакии 587 тыс. человек определяли себя как карпатороссы, хранили память о своем русском происхождении более миллиона американцев.

Традиционная, общепринятая, перенятая даже советской энциклопедией цифра, оценивавшая численность русской политической эмиграции до Второй мировой войны в 2 миллиона человек, оказывается, таким образом, сильно завышенной, если иметь в виду эмиграцию в узком смысле слова, но, с другой стороны, даже заниженной, если говорить просто о русских людях за пределами Советского Союза.

Для политической эмиграции в узком смысле слова вплоть до начала Второй мировой войны характерно было то, что 80% ее сосредоточивалось в Европе, относительно многочисленной была еще дальневосточная эмиграция, но в Соединенных Штатах она, например, не превышала 20 тыс.человек.

Неверно, что эмиграцию составили в первую очередь «помещики и капиталисты», неверно, что «некоторая часть интеллигенции» стояла на последнем месте среди социальных групп, ушедших за границу, как это рисует Советская историческая энциклопедия. На самом деле, интеллигенция, включая, конечно, и офицерство, была численно самой существенной составной частью эмиграции. Более того, интел-

лигенция, оказавшаяся в эмиграции, представляла собой ощутимый процент всей российской интеллигенции того периода. Капиталисты, чиновники и деятели дореволюционных политических партий в эмиграции представлены, конечно, были, но численность их была незначительна даже по сравнению с численностью ушедших за рубеж групп населения, которые Советская историческая энциклопедия не называет вовсе: крестьян, рабочих, мелких чиновников и ремесленников.

Вторая российская эмиграция сразу после окончания Второй мировой войны насчитывала несколько миллионов человек. По данным германского генерального штаба, одно только число советских граждан разных национальностей, служивших в добровольческих частях Вермахта, достигало 1 300 тыс. человек. Но после выдачи власовцев и казаков, после насильственной репатриации так называемых остарбайтеров в лагерях Германии и Австрии осталось, по подсчетам В. Д. Поремского, проведенным в 1954 г., всего около 78 тыс. так называемых новых эмигрантов. Конечно, не считая не подвергшихся насильственной репатриации белорусов и украинцев из Польши, не считая балтийцев и не считая 22 тыс. нансенистов, которых тогда-то и стали впервые называть «старыми» эмигрантами. Ускользнуло от учета в лагерях или оказалось уже тогда во Франции, Бельгии и некоторых других странах еще около 22 тыс. человек «новой» эмиграции. Таким образом, после Второй мировой войны русская эмиграция получила пополнение в 100 тыс.человек.

Но потери ее, вследствие войны и оккупации советской армией Прибалтики, Балкан, всей Средней Европы и Маньчжурии, оказались несравнимо большими. Даже во Франции в 1952 году уже насчитывалось только 37 тыс. русских эмигрантов, в Бельгии, правда, с притоком новой эмиграции на шахты — 12 тыс., в Германии — 15 тыс., в Англии — 5 тыс. Зато уже в том же 1952 году 100 тыс. эмигрантов оказалось в Соединенных Штатах, 40 тыс. — в Канаде, 8 тыс. — в Аргентине, 5 тыс. — в Бразилии, 4 тыс. — в Венесуэле, 2.800 — в странах Северной Африки и 14 тыс. — в Австралии. Во всех странах свободного мира насчитывалось 260 тыс. русских эмигрантов, из них около 100 тыс. — «второй», или «новой», как тогда говорили, эмиграции. Впоследствии эмиграция получила еще некоторое пополнение, когда начали выпускать «старых эмигрантов» из Китая. Их поток направился в Австралию, Бразилию, Соединенные Штаты.

Если в 1922 году 80% русской эмиграции сосредоточивалось в Европе, если число эмигрантов во внеевропейских странах даже нака-

нуне Второй мировой войны не превышало 30% всей эмиграции, то после Второй мировой войны картина коренным образом меняется. Точными цифрами последнего времени я не располагаю, да их и вообще, вероятно, не существует, поскольку в Австралии, Аргентине, Бразилии, Канаде и Соединенных Штатах ни нансенистов, ни лиц, за которыми официально признавалось бы звание русских эмигрантов, ни бесподданных нет, а есть только «новые австралийцы», «американцы» того или иного происхождения, иммигранты, процесс ассимиляции которых начинается со дня их прибытия в страну. Абсолютную численность эмиграции определить особенно трудно еще и потому, что и русские эмигрантские организации охватывают лишь незначительную часть эмигрантов. Российское информационное агентство, существовавшее после Второй мировой войны в Лимбурге, а затем во Франкфурте-на-Майне, тогда еще, в период особенно активной, казалось бы, общественной, церковной и политической жизни в беженских лагерях, путем анкетного опроса установило, что в жизни церковных приходов мало-мальски активно участвовало не более 18% русских эмигрантов, представительные и культурно-бытовые организации охватывали от 15 до 20%, к политическим организациям примыкало 3–5% «политической» эмиграции. С тех пор прошло еще четверть века, и цифры сдвинулись еще больше в неблагоприятную сторону. Одно лишь можно сказать с полной уверенностью: если до Второй мировой войны 80% эмигрантов жили в Европе, центрами духовной и политической жизни эмиграции были отчасти даже города и университеты недавно еще существовавшей Российской империи — Юрьев, Рига, Варшава, то теперь не 80, а вероятно, все 90% эмиграции — в Соединенных Штатах и Канаде, большой очаг — в Австралии, есть еще кое-что в Бразилии и Аргентине, и остались очень, очень небольшие силы в Европе: во Франции, в Бельгии, в Германии. Не меняет в лучшую сторону положения так называемая третья волна. Третья эмиграция пока еще очень малочисленна. Она, по выражению Солженицына, всего лишь «хвостик, отколок от израильской эмиграции», и «ни по значению, ни по численности она не идет в сравнение с первыми двумя русскими».

Что касается численности, то Александр Исаевич, безусловно, прав. Согласно официальным американским данным, в 1977 году эмигрировало из Советского Союза 18 тыс. евреев, в 1978 году — несколько более 30 тыс. Из этих 30 тыс., кстати, почти две трети направились не в Израиль, а в Соединенные Штаты. Выезжают за границу

также и лица немецкого происхождения. Среди немцев, даже почти не говорящих по-немецки, лиц с русским национальным сознанием почти не встретишь. Среди евреев они есть. Кроме того, по формальному признаку (знаменитый анекдот, что «еврейская жена не роскошь, а средство передвижения»), да и без всякого формального признака под видом лиц еврейской национальности выезжают или бывают вынуждены выехать и лица чисто русского происхождения, или попросту русские люди. Но Солженицын прав. Это единицы, в лучшем случае — десятки человек. По своей численности эта «третья эмиграция» ни в какое сравнение с первыми двумя эмиграциями, конечно, не идет. Но, может быть, не в численности дело?

В своей беседе с представителем Би-Би-Си, латышским лютеранским пастором Сапиэтом (по матери Иван Иванович Сапиет, русский), Александр Исаевич дал этому «хвостику израильской эмиграции» крайне отрицательную характеристику: «Есть категория, которая уехала с острой ненавистью не к советскому строю, а к самой России, к самому народу... И тут печатно питают свою ненависть, от слова «православие» их конвульсия берет».

Другая категория, по мнению Солженицына, «может быть, и выполняет "историческое" задание. Они приезжают сюда не просто эмигрантами, но как полномочные истолкователи, объяснители нашей страны, народа, истории культуры...», хотя научный уровень у многих из них, по определению Солженицына, «парикмахерский».

Невозможно отрицать, что категория ненавистников России и всего русского и категория истолкователей России и русской культуры с «парикмахерским уровнем» среди эмигрантов так называемой третьей волны на самом деле существуют, и представители этих категорий настолько напористы, активны и пронырливы, что заслоняют собой эмигрантов той же третьей волны, ни к ненавистникам России, ни к ее истолкователям на столь примитивном уровне не относящихся. Но это, ведь, не значит, что таких вполне нормальных русских эмигрантов, политических эмигрантов, среди этой «третьей волны» вовсе нет.

Солженицын говорит, что сам он — вообще не эмигрант, потому что он не по своей доброй воле попал за границу. Но разве по своей доброй воле «из-под пуль», по выражению того же Солженицына, уходила за рубеж первая, уходила «от петли» вторая эмиграция? И разве так уж добровольно выезжают за границу те, для кого альтернатива — долголетнее лагерное заключение или психиатрическая тюрьма?

Наоборот, Солженицын по всей своей деятельности с момента высылки за границу, по всей направленности своего творчества — классический политический эмигрант. Вел борьбу в России. Продолжает ту же борьбу, оказавшись против своей воли за границей. Это и отличает политического эмигранта от эмигранта бытового, который уезжает на чужбину в поисках лучшей жизни, от простого беженца, от эмигранта-обывателя. И именно в этом никакого принципиального различия между так называемыми первой, второй и третьей эмиграциями нет, если говорить не обо всей беженской массе (в которую, впрочем, тоже, ведь, камнем не бросишь), а о политически активной, борющейся или готовой бороться части каждой из эмигрантских волн.

Да, прав Солженицын, когда говорит, что третья эмиграция не идет ни в какое сравнение ни с первой, ни со второй по своей численности. Но сам же Солженицын указывает на то, что сейчас за границу выезжать не след, что теперь в России «появились возможности действовать, и силы наиболее нужны там». А тогда и сравнительную их малочисленность подлинным политическим эмигрантам в составе третьей волны в упрек ставить не надо. Что же касается слов Солженицына о том, что и по своему политическому значению третья эмиграция не может тягаться с первой и второй, то это покажет будущее. Сам Солженицын что-нибудь да весит!

Есть, однако, и совсем другая триада. На нее указал Владимир Николаевич Осипов[1] «Три отношения к родине». Это, а не хронология, не длительность пребывания вне пределов досягаемости советской власти может послужить отправной точкой для конструктивной постановки вопроса о наших задачах, о том, что мы в состоянии сделать или хотя бы четко перед собой поставить.

Вероятно, следует вкратце напомнить главные положения статьи Осипова «Три отношения к родине», опубликованной шесть лет тому назад в «Вестнике РСХД». Сейчас эта статья включена в сборник статей, очерков и выступлений Осипова, выпущенный издательством «Посев». «Первое отношение к родине — это ненависть», начинает свою статью Осипов.

«Родину ненавидят за ее нелегкую историческую судьбу, за первенство государственного интереса над личным, за тысячелетие веры в своих правителей и в свою Церковь. Ненавидят народ за его равнодушие к ярмарочной свободе... "Наоборот!" — лозунг опьяневшего

[1] Один из членов Христианского комитета защиты прав верующих в СССР. — *Примеч. сост.*

нигилиста. Он меняет окраску: вчера красный, сегодня — голубой. Но и вчера, и сегодня он верен в одном — в ненависти к отечеству. С каким наслаждением он бы распродал на аукционе земли своей родины! Впрочем, современный нигилист себя таковым не считает. Ведь он хлопочет об утверждении новых истин. Он провозглашает равенство мошенников и святых, вторичность души, относительность добра и зла... Нет отечества. Есть Карфаген, с его нищетой и произволом, и Вавилон. Выбирайте, кому что нравится, — третьего не дано!.. Потоком клеветы залито все: деяния дедов, душа и самый смысл отчизны. Попробуй, оправдайся, когда в тебя швыряют кирпичами томов, рулонами газет, антеннами радиостанций. Ты анахронизм и предрассудок, ты попросту отстал от века. Да ты ведь, пожалуй, не только в родину, но и в добро веришь?»

Таково, по Осипову, первое отношение к родине. Ненависть. «Второе отношение к родине — это спекуляция», продолжает Осипов. «На родине спекулирует стар и млад, ее "любит" кровавый тиран и доктор фальсификации, начинающий карьерист и беспутный болван... Появляется модерн-патриот. Атеист, считающий религию уделом темных старух. Апологет насилия... Иноземную плесневелую пищу почему-то считает отечественной и от имени отечества всучивает соседям. Когда те недовольны, бьет кулаком и взывает к родине... Из трех тысячелетий мудрости вывел лишь одно: что он умнее всех и что нет Бога... Мораль — это то, что выгодно. И еще он не любит лавочников, но не потому, что их идеи враждебны отечеству, а просто потому, что они более ловкие. Затирают тупицу. Нигилист для него — отрада. На нем он сорвет свою ненависть к разности. На нем проявит свой нормированный патриотизм... Но когда он сталкивается с патриотизмом натуральным, он приходит в холодную ярость. Потому что всегда помнит, что главная его задача — не борьба с нигилистами или с кем бы то ни было, а борьба с отечеством. И лучшее средство для этого — новейший, "особенный" патриотизм... Спекулянт уже потому не может быть патриотом, что он — враг веры. Веры вообще и ее национальной формы в особенности. Жалкое бытие, испорченный язык, проданная вера. Что же остается от нации? Кровь, из которой месят новое племя. Новый народ. Только антропологические признаки еще будут напоминать некоторое время об исчезнувшей нации. О погибшем отечестве. Ликует спекулянт: конец не за горами...»

«Третье отношение к родине — это Любовь... До пограничного ручья и дедовского наличника, до вздоха последнего — любить... За что

ты любишь Ее, брат? Говорят, вид Ее жесток и бесчеловечен, маска до отвращения безобразна. Разве мало красоток на белом свете?.. Нация воров и пьяниц. Ханжей и ябед. Что вы доказали этим? Любить, это значит переделать. Патриот не тот, кто бахвалится, а тот, кто болеет. Кто хочет изменить и возвысить... Домой! Под отчий кров. Пусть воют волки на чужих спиралях, чужие волки на чужом пути, пусть берет болото пьяных проводников, пусть расхлебывают сами... Боль нестерпимая все поглотила... Спасать, если еще не поздно... С надеждой на последний шанс. На милость истории. Терять нечего. А вдруг удача?

Народ выживет. Родина расцветет. Прекрасная, щедрая, полная любви к своим и чужим... Милосердная и могучая. Единая и неделимая... Встанет из пепла неистребимая птица, взлетит над красной равниной сквозь синее небо к белой звезде. Священное имя, которое единицы шепчут в тишине после молитвы, взволнует души сотен и тысяч. Сегодня — до отчаяния мало. Завтра... Соплеменник, брат, где ты? Где твое сердце?»

«Сегодня — до отчаяния мало» тех, чье отношение к родине — любовь. До отчаяния малотам, на родине. Тем более — до отчаяния мало в зарубежье, в эмиграции.

Осипов, отец Димитрий Дудко, Огурцов, Шафаревич — там. Солженицын — здесь. Но это, ведь, только «видные» имена. «Видные» в смысле выдающиеся, «видные» в смысле заметные, находящиеся на виду. Больше — «невидных», незаметных, нам неведомых. Но тоже пока мало. И где же силы, с которыми, по словам Осипова, вернуться «под отчий кров»? Где путь к родине расцветшей, «прекрасной, щедрой, полной любви к своим и чужим, милосердной и могучей, единой и неделимой, неистребимой птице»?

Близится тысячелетие Крещения Руси. Тысячелетие завершающего акта просвещения нашего народа и образования нашей нации. Путь, предстоящий нам, аналогичен пути, пройденному тысячу лет тому назад.

«Выбор веры» князем Владимиром. «Выбор веры» стоит и перед нами. Возвращение в Церковь, жизнь в Церкви, единение вокруг Церкви, служение Церкви. И это — на первом месте в жизни.

Осознание себя христианской нацией — Русью Православной. Войдет опять это сознание в нашу плоть и кровь — разрешится, помимо всего прочего, и раздуваемый и искажаемый недругами так называемый национальный вопрос.

Катехизис православной веры. Но и катехизис русского. Катехизис созидателя государственности, основывающейся на православном правосознании, на христианской нравственности.

Культура. Заполнение брешей. Чтобы не рассуждать и не спорить на «парикмахерском уровне». Чтобы знать. Чтобы уметь знания передать.

Церковь. Нация. Государство. Культура. Четыре в земном нашем существовании неразрывные области служения.

Церковь. Русская Церковь. Церковь русская едина: это — страждущая Церковь на родине с плененным иерархическим возглавлением; это тайная Истинно Православная Церковь; это сохранившие церковные таинства старообрядцы; это свободные русские епископы, епископы Русской Церкви За границей. Все это — Русская Церковь Христова. Хранить верность ей, не «подклонять выю» чужим господам. Служить Христу по молитвам святых в Земле Русской просиявших в своей Матери-Церкви, окропленной кровью новомучеников.

Нация. Осознание и утверждение очевидного: русская нация не этническое понятие. Она не сводится к тем, кого некогда называли «великороссами», а потом стали называть «русскими», отделяя их от других ветвей нации, имеющих не меньше прав на это историческое, одухотворенное и неотъемлемое для всех нас имя. Русские — все, чьи предки строили Киевскую, Московскую Русь, участвовали в строительстве империи, принимая православную культуру Руси как свою культуру. Считать себя русским, значит быть единым в этом главном. Это допускает и даже подразумевает многообразие, самобытность ветвей нации, восходящую либо к древним племенным делениям, как, например, у белорусов, либо к особенностям местного языка, как это сохранилось и развилось на Украине, либо областной самобытности, как это складывалось в Сибири, либо к сословным традициям, как у казачества, либо даже к другому этническому происхождению, как у всех неславянских племен и народов, вливавшихся в нашу нацию на протяжении ее истории и вносивших свои вклады в нашу общую, зиждущуюся на православной традиции культуру.

Естественно, что все это относится к тем, кто сам сознает свою принадлежность к русской нации. У мусульманских народов Средней Азии, у азербайджанцев, у народов Прибалтики, у армян и у православных же грузин — иное самосознание. Те, кто помышляют о русском возрождении! свои отношения с этими народами должны строить на иной основе. Может быть, на простирающейся и на будущее

общности политических интересов и политической судьбы. Это может привести нас к созданию вместе с ними новой своего рода «империи», нового «содружества наций», конфедерации или просто федерации. Может быть, мы придем к тому, что с ними нас объединяют только экономические интересы. Тогда создадим общий рынок с ними. Может быть, придется ограничиться просто какими-то двухсторонними договорами о добрососедстве и сотрудничестве. Стремление народов к большей самостоятельности нельзя не уважать. Насильно мил не будешь. Но если «развод», то полюбовный, по взаимному соглашению, а не выход из состава исторически сложившегося государства или семьи народов по одностороннему решению стороны, требующей «развода».

Государство. Историческое *развитие* не только русского права, но и самого русского правосознания прервано. Нет сознания имперской общности. Многонациональное государство мыслимо только на духовной основе, на основе объединяющей государственной идеи, или, тогда уже, на чисто географической близости, на бездушной общности экономических интересов. Святая Русь, православная Россия, или Соединенные Штаты Северной Евразии? А если православная Россия, то не значит ли это ущемление прав неправославных исповеданий, неправославных и неверующих граждан? Да и с церковной точки зрения разве не сказал Христос, что «Царство Мое не от мира сего», разве не лучше отделение Церкви от государства? Еще Владимир Святой начал с бесплатной раздачи хлеба нуждающимся и с отмены смертной казни. А каковой может быть социальная политика современного государства, построенного на православной основе? Каковым будет уголовный кодекс христианской России? И правильно ли будет вводить в школах преподавание православного вероучения, если ко времени, когда этот вопрос практически можно будет поставить, верность Церкви сумеет сохранить лишь меньшинство нашего народа?

А наша русская культура? Да, она выросла из православных корней. Да, нравственность наших мыслителей и писателей — христианская нравственность. Да, вершина нашей архитектуры — наши храмы, вершина живописи — иконопись. Даже русских опер почти нет без церковного звона. Но ведь все это было и в Западной Европе. Может быть, мы только отстали, может быть, у нас в 1917 году просто с опозданием на несколько веков закончилось Средневековье, а теперь нам предстоит то ли неизбежная, то ли даже желательная (ибо «прогрессивная») секуляризация нашей культуры? А тем самым и космополитизация?

Солженицын говорит о некоторых из современных диссидентов-западников, что их от слова «православие» конвульсия берет. Есть такие одержимые. Но есть же и «смирные», к голосу которых нельзя не прислушиваться. Например, к самиздатскому автору, скрывающемуся под псевдонимом «Ладов», статью которого А. Д. Синявский опубликовал во втором номере своего «Синтаксиса». Ладов не кого-нибудь, а Достоевского приводит в свидетели того, что в славянофильстве (Ладов подразумевает, конечно, и современное неославянофильство) сопричастствует «мечтательный элемент», «который иногда доводит его до совершенного неузнания своих и до полного разлада с действительностью». Соглашаясь с тем, что утопическое западничество в России всегда уподоблялось мухе, бьющейся об оконное стекло («красивые за окном пейзажи, да вот только между ними и родной помойкой воздвиглась непреодолимая, хоть и прозрачная преграда»), сравнив западников с мухой, он тут же приравнивает славянофилов к куколке, застывшей в своем коконе и не зрящей за его пределы. Самому себе Ладов избирает в идеал... «навозного жука — это трудолюбивое насекомое, созидающее нечто полезное из реально имеющегося в наличии материала. Ведь нелепо мечтать о создании автомобиля, если под руками у вас глина». Ладов берет под свою защиту Солженицына с его «письмом к вождям». «Призывы Солженицына к изоляции, к устроению собственного дома, его лозунг отказа от индустриализации, даже его предпочтение автократии суть не "реакционная консервативная утопия", как представляется западникам и вчерашним марксистам, — пишет все тот же Ладов, — а вполне реалистическая попытка опереться в поисках более приемлемого для всего человечества пути на собственную историю России, на ее традиции и своеобразие».

Но, пишет Ладов, возвращаясь к вопросу о невозможности создания автомобиля из глины, «...к сожалению, никто еще не приблизился к пониманию того, какой же горшок можно вылепить из имеющегося в России человеческого материала.

С какой стороны приняться за пестование тех черт русского человека, которые могут сложиться в нечто нравственно приемлемое с точки зрения общечеловеческих идеалов, и за искоренение того отвратительного, что слагается, и уже сложилось, в угрозу как всему человечеству, так и самой России?... Как сделать, чтобы менее разрушительными были русская агрессивность и недостаток любви к ближнему своему?.. Какими реформами семьи и детского воспитания победить неистребимый русский инфантилизм? И надо ли его побеждать или,

может быть, следует строить общество по принципу хорошего детского сада вместо плохого детского дома или колонии для малолетних преступников, каковым оно является сейчас?»

Мы видим, что, читая критического и осторожного Ладова, мы возвращаемся к своим же вопросам. Не соглашаюсь с утверждением об «инфантилизме», но мысль Ладова о «хорошем детском саде» мне кажется конструктивной. За хорошим детским садом должны, однако, последовать хорошая школа, хороший университет, хорошая академия.

Белая эмиграция 20–30-х годов жила представлением о возвращении в Россию с оружием в руках для свержения ненавистной всему народу власти. Русский корпус на Балканах, созданная лишь в ноябре 1944 г. в составе двух дивизий Власовская армия, да и официальная немецкая цифра 1 млн 300 тыс. советских граждан всех национальностей, добровольно пошедших в разрозненные добровольческие формирования германского вермахта, показывают, что тогда это не было полной иллюзией. Военный вариант был возможен. Но не оказалось для него политической почвы. Теперь в эмиграции не осталось и никаких других предпосылок для того, чтобы мечтать о военном вторжении под русским флагом. Вторгнуться могут только китайцы. По отношению к ним никакой другой позиции, кроме оборонческой, не займешь.

Может быть, возможно вторжение пропагандистское, политическое? Иностранные радиостанции вещают в общей сложности на 17 языках народов нашей страны. Они утоляют информационный голод. Помогают распознавать обман официальной дезинформации режима. Большего от них требовать и ожидать нельзя. Они инструмент политики своих стран. Русскому делу они могут принести лишь косвенную пользу.

Политические организации зарубежья — от «Высшего монархического совета» справа до существовавшего долгие годы меньшевистского «Социалистического вестника» слева — немало усилий вложили в разработку политических программ, в выработку и проверку на практике той или иной политической стратегии и тактики, в переброску мостов на родину и в попытки отыскать там наиболее созвучные себе круги и на них опереться. Такого рода деятельность политические силы эмиграции, безусловно, будут продолжать и впредь. К НТС, возможно, добавятся постепенно и организации, которые могут возникнуть на базе третьей эмиграции. Да уже и добавились, если к поли-

тическим организациям отнести также и те, направленность которых сосредоточена на защите прав человека, не больше. Но если говорить о зарубежной русской общественности в более широком плане, то делается мало. Русская общественность не мобилизована. Даже не готовится к мобилизации своих сил в будущем.

То, что осталось у нас теперь немного сил, что эмигрантов мало, не оправдание. Нет, например, в области культуры Шмелева, Бунина, Лукаша, Шаляпина, Павловой — есть все-таки Солженицын, есть Ростропович, есть Нуреев. Нет, или почти нет, больше старых русских профессоров. Но есть же молодые русские профессора, родившиеся и выросшие за границей, и есть теперь немало иностранцев — хороших, серьезных знатоков и истории России, и русской культуры. Есть Русская Церковь за границей, с несколькими сотнями приходов, с десятком монастырей, с епархиями на всех почти континентах, с издательствами и семинарией. Есть юношеские организации, с их летними лагерями. Есть русская зарубежная печать.

Нет, по сути дела, одного. Нет русского университета. Нет русской высшей школы и академии.

Кто хочет стать биологом, врачом, инженером или физиком — найдет то, что ему нужно, и во французском университете, в немецком или американском политехническом институте. Но куда пойти тому, кто хотел бы приблизиться сначала к пониманию главных вопросов своей страны, России, не на «парикмахерском уровне», а затем заняться и поисками путей к решению этих вопросов?

Церковь. Нация. Государство. Культура. Четыре круга вопросов. Четыре факультета, если хотите.

В Мюнхене есть вольный украинский университет. Проходят там «украинознавство». На каком уровне — судить не берусь. Дипломы и ученые степени этого вольного университета не все, кажется, признают, но смену себе украинские эмигрантские деятели все же готовят.

Полагаю, что если объединят свои усилия хотя бы даже только существующие в эмиграции юношеские организации, испросят благословения и поддержки у нашей Церкви и привлекут к этому начинанию как последних представителей старой России, так и молодых русских профессоров Америки и Западной Европы, а также и кое-кого из иностранных славистов или историков, то нечто вроде заочной академии или университета постепенно можно будет создать. Пожалуй, нет даже необходимости начинать с «хорошего детского сада», о котором, в несколько ином плане, говорит Ладов. Этим уровнем знаний и этой

детской, сыновней любовью к России и участники многих наших церковных школ, и тем более участники летних лагерей юношеских организаций в большинстве своем обладают. Надо теперь, образно говоря, экстерном закончить гимназию и поступать в университет, который тут же должен начинать действовать и как академия.

«Православное дело» стремится к созданию небольшой заочной духовной школы. Обучая хотя бы несколько студентов здесь, в зарубежье, в основном заочно, но собирая их все же и на учебные сессии во время каникул и в период отпусков, можно создавать и отрабатывать и учебные пособия, пригодные и для пересылки в Россию. Если уже сегодня у выходящих за рубежом журналов есть сотрудники и даже члены редакции в России, то почему не рассчитывать на то, что там будут создаваться и небольшие филиалы учебных центров зарубежья? Уже существующие в России христианские семинары получат поддержку, смогут приобрести больший размах.

Духовную школу в узком смысле слова можно развить в духовную школу с более широкой программой, с тем чтобы готовить также и специалистов по русской философии, по истории русской культуры. История, энциклопедия и философия русского права могут заинтересовать и какое-нибудь иностранное высшее учебное заведение. Тогда можно будет на солидной основе начать заниматься и вопросами русской государственности, истории русской политической мысли. И наконец, необъятно поле изучения русской литературы, русского искусства, русской музыки. И опять — если лекции составлять на подлинно академическом уровне, печатать их или записывать на звуковую магнитофонную ленту, в этой работе, по сути дела, сразу же смогут участвовать и соотечественники на родине. И, вероятно, через короткое время они там мобилизуют и серьезных специалистов, и доберутся до «спецхранов» запретных книг, и мы с ними поменяемся местами: Россия будет главным полем деятельности заочного Русского университета, Россия будет снабжать нас и главными вопросами, требующими разработки, и давать через некоторое время и ответы на эти вопросы. Но и для нас дело всегда найдется. Во-первых, издание книг и пособий. Уже сейчас издается за границей составляемый целиком и полностью в России журнал «Надежда». В будущем будет, вероятно, больше таких изданий. Во-вторых, за нами останется функция звена, связывающего творческие усилия возрождающейся России с близкими по духу течениями в Западной Европе и в остальном мире. И каждый из нас, работая в системе Русского университета, получит возможность

готовить себя в той или иной области к более конкретной, более полноценной деятельности, по словам молитвы перед учением, «Церкви и отечеству на пользу».

Но Русский университет должен в то же самое время быть и Русской академией. Местом серьезных дискуссий, местом разработки трудных и сложных вопросов, местом диспутов между сторонниками различных подходов, местом, где готовы выслушать и «инако мыслящего» (в данном случае в два слова), лишь бы мысль его была искренней и компетентной, независимо от того, к какой по номеру эмиграции он принадлежит, куда клонятся его политические симпатии, лишь бы они были «с человеческим лицом», лишь бы его отношение к родине, по осиповской классификации, принадлежало к третьему типу.

Повторяю: Церковь, Нация, Государство, Культура. Четыре факультета, четыре научно-исследовательских института, четыре главных дискуссионных темы, четыре моста между эмиграцией и Россией, четыре области служения Русскому Возрождению.

10 апреля 1970 года был причислен к лику святых один из истинных апостолов нашего времени — архиепископ Николай Японский, скончавшийся в 1912 году и оставивший тогда после себя японскую православную паству в 33 тыс. ревностных христиан. История Христианской Церкви знает, пожалуй, только одного апостола и проповедника Слова Божия, который за свою земную жизнь обратил ко Христу столько же или даже больше душ, чем архиепископ Николай Японский. Это сам апостол Павел. Архиепископ же Николай достиг своего поразительного успеха, помимо неустанной полувековой личной проповеди, помимо перевода на японский язык в течение тех же 50 лет своего апостольского подвига всего Священного Писания и всех богослужебных книг Православной Церкви, еще и созданием системы школ. В центре этой системы стояла духовная семинария. Но какая семинария! В нарушение всех правил, всех традиций, казалось бы, в японскую духовную семинарию свободно принимались не только молодые люди, но и девушки. И принимались не только крещеные христиане, но и язычники, дети буддистов и шинтоистов, даже еще не заявившие о своем желании стать христианами. Первые классы они проходили все вместе. Потом, начиная с пятого года обучения, в школе оставались лишь православные. А в конце делились на параллельные ветви и молодые люди, и девушки. Одни готовились к пастырству, другие — к тому, чтобы стать учительницами православного вероучения, регентами, хорошо знающими церковный устав и богослужебные традиции.

Вот так непредвзято, по-новому, без рутины, «с фантазией» должны приступить к нашему делу и мы. Школа-академия с несколькими учебными, организационными и издательскими центрами за границей. С контингентом учащихся за рубежом среди наших юношеских организаций в России — и среди молодых и старых, и среди хорошо образованных и лишенных до сих пор доступа к каким бы то ни было знаниям в области религии и гуманитарных наук, и среди православных христиан, и среди ищущих.

Церковь. Нация. Государство. Культура. Четыре темы, четыре области работы, четыре факультета, четыре поля служения.

«Христианин — человек волевой, динамичный. Он просит, стучит, ищет. Он гребет против течения... У него должно быть живое искание приобщения к благодатному миру... Он должен быть духовно сообразительным», — писал Петр Сергеевич Лопухин (о П.С. Лопухине см. «Православное дело на родине и за рубежом», «РВ» № 5). А остальное, по вере нашей, — «приложится нам».

Глеб Рар

«Душа истомилась в молчании...»[1]

К аресту о. Глеба Якунина

После относительного спокойствия в жизни Русской Православной Церкви в послевоенный период, в конце 50-х годов, со стороны госатеистов было предпринято новое гонение на Православную Церковь и другие христианские вероисповедания. Во время так называемых хрущевских гонений конца 50-х – начала 60-х годов было закрыто более 10 тыс. церквей и часовен и почти все монастыри на территории СССР. К этому периоду относится начало христианского движения инакомыслия и протеста. Один из первых, ставших на путь открытого протеста, был архиепископ Калужский Гермоген Голубев. Летом 65-го года он возглавил делегацию из 8 епископов к Патриарху Алексию, требовавшую отмены решений Собора епископов 61-го года в виду их неканоничности. За эту акцию, по требованию Куроедова, архиепископ Гермоген был уволен на покой и администрацией Московской Патриархии был назначен поселиться в Жировицкий монастырь в Белоруссии.

[1] Русское возрождение. 1979. III–IV. № 7/8. С. 5–17.

Вслед за протестом архиепископа Гермогена 21 ноября 65-го года появилось «Открытое письмо» Патриарху Алексию двух московских священников — отца Глеба Якунина и отца Николая Эшлимана. Затем в декабре того же года ими было послано особое «Заявление» Председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному, Председателю Совета Министров СССР Косыгину и Генеральному Прокурору СССР Руденко. Копии «Открытого письма» Патриарху, а также «Заявления» властям со специальным приложением были также посланы всем епископам Русской Церкви[1]. Вскоре копии этих документов появились на Западе, где они получили широкое распространение в переводе на все европейские языки.

«Открытым письмом» двух московских клириков был создан прорыв в тактике молчания иерархии. Два священника взяли на себя всю тяжесть выступления, которое, по их мнению, давно должно было быть сделано Высшим Церковным Управлением.

В «Открытом письме» Патриарху Алексию отмечались те же нарушения «социалистической законности», что и в «Заявлении» представителям власти: массовое закрытие храмов, монастырей и церковных школ, требование регистрации крестин и получения разрешения на совершение треб на дому и прочее. Авторы письма указывали и на то, что выполнение духовенством этих требований противоречит христианской совести, каноническим правилам и пастырскому долгу. По мнению авторов «Открытого письма», вина церковного управления состоит в том, «...что оно пошло по пути подчинения неофициальным устным распоряжениям, которые, в нарушение гласного советского законодательства, Совет по делам Русской Православной Церкви избрал средством систематического и разрушительного вмешательства в жизнъ Церкви. Телефонные распоряжения, устный инструктаж, нигде не зафиксированные неофициальные соглашения — вот та атмосфера нездоровой таинственности, которая густым туманом окутала отношения Московской Патриархии и Совета по делам РПЦ».

[1] Материалы эти были напечатаны в газете «Русская мысль» за 1966 г., появились в отдельном издании Представительства российских эмигрантов в Америке. в переводе на английский язык в St. Vladimir's Seminary Quarterly (1966. № 1–2); Religion in Communist Dominated Areas (1966. № 9–10) и отдельным изданием Синода Русской Православной Церкви За границей «A Cry of Dispair from Moscow Churchmen» (New York, 1966). — *Примеч. редакции журнала.*

Якунин и Эшлиман не ограничивались только отрицательной критикой и описанием тяжелого положения РПЦ — они также выдвинули ряд позитивных требований к епископату. Среди их рекомендаций:

«Созовите новый Церковно-Поместный Собор, с самым широким представительством, дайте возможность свободно прозвучать голосу Церкви, ибо душа истомилась в молчании; подвига любви жаждет Церковь — благословите Ее, ибо Она не в силах более уклониться от выполнения Божией воли».

Получив «Открытое письмо» двух священников, Патриарх Алексий 24 декабря 1966 года положил на нем резолюцию, в которой, между прочим, говорилось: «Указать на незаконность и порочность их действий». После этого Высшее Церковное Управление около 5 месяцев молчало. Затем со стороны Московской Патриархии была сделана безуспешная попытка побудить отцов Якунина и Эшлимана отказаться от их документов.

В мае 1966 года Московская Патриархия резолюцией патриарха Алексия запретила обоих клириков в священнослужении «впредь до их раскаяния». Они были освобождены от занимаемых должностей и предупреждены, что в случае продолжения их «порочной деятельности», к ним будут применены «более суровые меры прещения».

Своим «Открытым письмом» отцы Николай Эшлиман и Глеб Якунин дали толчок дальнейшему развитию религиозно-общественной мысли в Советском Союзе. Откликом на него явилось «Открытое письмо» верующих Кировской епархии, отправленное в июле 66 года Патриарху Алексию, но адресованное вместе с тем и «всем верующим Русской Православной Церкви». В этом письме говорится, что верующие Кировской епархии «целиком и полностью» поддерживают письмо Николая Эшлимана и Глеба Якунина. В 1965 году советскому правительству было также послано обращение Организационного комитета Церкви евангельских христиан-баптистов с протестом против преследования верующих.

В 72 году Александр Солженицын упомянул «Открытое письмо» двух московских священников в своем знаменитом «Великопостном письме» Патр. Пимену. «Свящ. Глеб Якунин и Николай Эшлиман своим жертвенным примером, — писал Солженицын, —подтвердили, что не угас чистый пламень христианской веры в России».

В 1974 году отец Глеб Якунин написал несколько писем ряду архиереев Русской Церкви, в которых содержится критика некоторых их публичных высказываний и действий. 19 апреля 1975 года отец Глеб

и два мирянина Русской Православной Церкви обратились в Политбюро КПСС с протестом против решения Политбюро сделать пасхальный день рабочим днем: «Принуждая людей работать в день Пасхи, вы тем самым оскорбляете чувства миллионов верующих. Если бы вы объявили рабочим днем 1 мая или 7 ноября, число оскорбленных было бы значительно меньше».

Многие документы отец Глеб Якунин писал вместе со Львом Регельсоном, автором изданной на Западе книги «Трагедия Русской Церкви», и с Виктором Капитанчуком. Самый известный из этих документов — их обращение к делегатам 5-й ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Найроби от 16 октября 1975 года. В этом обращении Якунин и Регельсон просили делегатов экуменического собрания не игнорировать участь миллионов верующих в Советском Союзе и реагировать на их просьбы о помощи и на нужды советских узников совести. Обращение это было широко распространено по всему миру и привело к тому, что вопрос о преследовании верующих в СССР был поднят на собрании Всемирного Совета Церквей. Без преувеличения можно сказать, что это обращение было самым значительным документом христианского самиздата за последние 10–15 лет.

Вскоре после этого Якунин и Регельсон послали письмо Филиппу Поттеру, Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей, в котором детально комментировалось законодательство о религии и предельно ясно показывались факты дискриминации против верующих в СССР.

В декабре 1976 года отец Глеб совместно с другими видными представителями церковной общественности в СССР — иеродиаконом Варсонофием Хайбулиным, Львом Регельсоном и Виктором Капитанчуком — основывает «Комитет защиты прав верующих в СССР».

«Верить в Бога и жить в соответствии со своей верой, — пишут в своей декларации члены московского христианского комитета, – есть неотъемлемое естественное право каждого человека. Это право в принципе признается и основным законом советского государства — Конституцией СССР. Однако реализация провозглашенного Конституцией принципа свободы совести наталкивается на значительные трудности в связи с отношением к религии государства, строящего безрелигиозное общество. Это выражается не только в характере действующего законодательства, но и в нарушениях со стороны государственной администрации даже тех прав, которые законом верующим предоставляются. Верующие в нашей стране составляют зна-

чительную часть населения, и нормализация их правового положения является жизненно необходимой и для самого государства, поскольку оно провозглашает себя общенародным и правовым».

Цели комитета, изложенные в той же декларации, следующие: 1) собирать, изучать и распространять информацию о положении верующих в СССР; 2) оказывать консультативную помощь верующим в случае нарушения их прав; 3) обращаться в государственные инстанции по вопросам защиты прав верующих; 4) проводить посильную исследовательскую работу по выяснению правового и фактического положения религии в СССР; 5) содействовать совершенствованию советского законодательства о религии.

К настоящему времени на Западе в издательстве «Вашингтон Рисерч Сентр» в Сан-Франциско выпущено уже 11 томов документов Христианского комитета, т. е. более 1400 страниц документов о преследовании верующих в Советском Союзе.

И наконец, последний значительный акт о. Глеба Якунина перед его арестом 1 ноября 1979 г. — это доклад Христианскому комитету защиты прав верующих в СССР о современном положении Русской Православной Церкви и о перспективах религиозного возрождения России. Доклад был сделан 15 августа 1979 года.

В докладе 12 разделов, освещающих все стороны жизни Церкви в СССР: 1. Патриарх Московский и всея Руси. 2. Епископат. 3. Священство. 4. Старостат — исполнительный орган Церкви, «Двадцатка». 5. Приходы, миряне — православные верующие. 6. Монастыри. 7. Духовные школы — семинарии и академии. 8. Управление делами Патриархии. 9. Хозяйственное управление и финансово-хозяйственная деятельность Патриархии. 10. Издательский отдел и Журнал Московской Патриархии. 11. Отдел внешних церковных сношений. 12. Московская Патриархия и перспективы возрождения Православия в России.

«Доклад» отца Глеба Якунина — поистине страшный документ, содержащий убийственную критику приспособленческой политики Московской Патриархии. Открывается он утверждением, что в современной России происходит пробуждение и рост религиозного сознания: «К религии тянутся, к религии приходят те, кто еще вчера был атеистом. В основном обращается к Богу интеллигенция, молодежь.

Но Московская Патриархия в ее нынешнем состоянии оказалась неспособной живо реагировать на этот процесс, усиливать его и направлять в свое церковное русло.

Этот процесс религиозного возрождения происходит помимо Московской Патриархии, и более того, трагизм положения в том, что Московская Патриархия, вопреки ее воле, объективно оказывается препятствием на его пути, его тормозом».

По мнению отца Глеба, Московская Патриархия не только тормозит процесс религиозного возрождения православия, не только не исполняет заповедь Христову о вселенском миссионерстве, но даже превратилась в «религиозный филиал комбината бытового обслуживания», а для правительства — «все более удобным инструментом для его целей».

Что же должна сделать Московская Патриархия, чтобы стать подлинно духовной, преображающей силой в жизни верующих в СССР? Ответ о. Глеб находит в опыте незарегистрированных религиозных общин в Советском Союзе: перейти на полулегальное существование. Это еще не катакомбное существование:

«Полулегальное существование принципиально отличается от катакомбного, т. к. общины верующих при этом не скрываются от государства, но отказываются от регистрации и других форм государственного контроля. Власть избегает тотальных репрессий против таких общин, не желая чрезмерно обострять конфликт с массой верующих и вынуждать их переходить к полностью скрытым, катакомбным формам существования...»

«Такая динамическая структура позволяет Церкви выдержать самое тяжелое давление со стороны государства, т. к. давление на официальную часть Церкви лишь усилит и укрепит Церковь незарегистрированную, поднимет в ней уровень религиозной жизни».

«В Русской Церкви опыт создания такой параллельной иерархии восходит ко временам Патриарха ТИХОНА, когда многие епископы получили тайную хиротонию, в том числе и от него лично».

«Потенции создания тайной иерархии уже были заложены Поместным Собором 1917–18 гг. и Патриархом Тихоном в канонически творческом акте — утверждении 3 кандидатов Местоблюстителя, имена которых держались в тайне, в то время как ставший впоследствии Местоблюстителем митрополит Петр (Полянский) в момент утверждения кандидатов еще вовсе не имел священного сана».

«Чтобы создалась, так сказать, "симфония" — "официальная" Церковь и "полулегальная", — первый шаг должен быть сделан епископатом Московской Патриархии, что вряд ли произойдет», считает о. Глеб, ибо епископат находится в слишком полном подчинении госатеизму.

К кому же в создавшемся положении обратиться за духовным окормлением сотням тысяч православных христиан, живущих вдали от храмов, в отдаленных землях Восточной Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Чукотки, Магадана, где вовсе нет храмов, и где искать иерархию, которая бы их окормляла? Ответ отца Глеба Якунина: «Следует искать получения церковной иерархии из рук любой Православной братской Церкви».

Правда, автор «Доклада» сознает, что «камень преткновения» на пути к созданию такой независимой от Московской Патриархии иерархии это — канон, запрещающий одной поместной церкви действовать на территории другой. Но отец Глеб считает, что ввиду создавшегося «катастрофического» положения Церкви в СССР, в этом церковном правиле могут быть исключения (сама Московская Патриархия имеет свои приходы на территории Американской автокефальной Церкви).

Будущее церковного возрождения и религиозного обращения России отец Глеб видит в той русской молодежи, которая вопреки Московской Патриархии сама берет на себя подвиг апостольского служения и против которой ведется ожесточенное преследование со стороны безбожников. Отец Глеб пишет:

«Не желая создавать впечатление о наличии в нашей стране прямых религиозных преследований, власти пытаются всеми средствами пресечь деятельность молодежных православных общин, семинаров и кружков, в которых осуществляется неконтролируемое или христианское общение и религиозное самообразование».

«В этих гонениях свидетельство того, что именно здесь происходит подлинная встреча России со Христом, встреча, вызывающая страх у Его врагов».

Что эта духовная встреча, это возрождение вызывает страх «там», у госатеистов, вполне понятно, но она также вызывает настороженность тут на Западе в некоторых кругах. Казалось бы, чего бояться от возрожденной христианской России? Некоего «русского фашизма»? Но можно ли страну, явившую миру столь огромное число христианских мучеников за шесть десятков лет — больше чем за все время гонений на первохристианскую Церковь — обвинить в фашизме?

Есть на Западе голоса, которые вторят коммунистам, утверждая, что православное возрождение в России — «миф» («это, мол, выдумка Солженицына и его опасной националистической идеологии»), хотя, правда, они сами признаются, что в этой области они не специалисты.

Создается впечатление, что эти люди всячески опасаются церковного возрождения, его не хотят. Напрасны их опасения, ибо что плохого может дать человечеству Церковь, которая проповедует Христовы заповеди любви, всепрощения и которая явила миру несказанный сонм мучеников?

Нет, возрождение православия и религии — вообще не «выдумка» Александра Солженицына, а подлинное свидетельство «оттуда», таких людей, как священники Глеб Якунин, Димитрий Дудко, миряне Александр Огородников, Володя Пореш, Игорь Огурцов, Владимир Осипов, а также Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, Семинара молодежи по проблемам религиозного возрождения и многочисленных баптистов, с радостью идущих в лагеря ради веры в Бога, и десятков тысяч пятидесят-ников и многих еще неведомых исповедников «там». А «тут» Александр Исаевич Солженицын и другие лучшие сыны России свидетельствуют об этом возрождении и служат ему.

Воинствующий безбожный коммунизм осудил тело Русской Церкви на распятие, бьет и истязает ее, ища такого места, по которому можно было бы нанести самый чувствительный и смертельный удар. Безбожники были уверены, что Церковь не выдержит ударов по ее земному телу, не зная или не веря словам Спасителя: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». И хотя безбожникам удалось создать внутри Церкви вполне послушный себе аппарат и тем самым, с человеческой точки зрения, сделать борьбу почти невозможной, справедливо будет спросить: каким образом после 60 лет атак на Православную веру в России, после непрекращающегося гонения на духовенство и его физического истребления, после 60 лет систематической пропаганды безбожия всеми видами и способами — каким образом после всего этого вера в России жива?

Материальное опустошение Церкви не дает безбожникам радостного сознания желанной победы над религией. Железный лом дробит церковный камень, разбивает купол... Но и только. А дальше что?

Дальше начинается та область, где ни лом, ни динамит, ни пулеметы, ни револьверы уже не действуют. Можно убить человека, убить много людей (из числа русского духовенства загублена не одна тысяча), но лом, револьвер и динамит не могут убить живую веру в живого Христа и нельзя угасить пламенеющий дух веры!

Мы свидетели пусть медленного, но верного движения русского религиозного возрождения, которое в самых тяжелых условиях набирает силы во всех углах России. Один верующий оттуда пишет:

«Русское религиозное возрождение, заметное прежде всего на настроении молодой интеллигенции, есть движение стихийное. У нас нет ни органа печати, ни свободы собраний, ни свободной религиозной проповеди, нет пастырского руководства, нет, наконец, книг, вплоть до Священного Писания и молитвенников. Но у нас есть иное — все растущий приток новых, кипучих сил в православие».

Имея уши слышать, да слышат!

Вашингтон, Д.К.

Свящ. Виктор Потапов

Комитет спасения Игоря Огурцова
Оповещение[1]

В ИЮЛЕ 1979 ГОДА В ГОРОДЕ МЮНХЕНЕ (ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ) СОЗДАН **КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ ИГОРЯ ОГУРЦОВА.**

Почетные возглавители Комитета: архиепископ Женевский и Западноевропейский АНТОНИЙ, епископ Штутгартский и Южногерманский ПАВЕЛ.

Председатель и члены Комитета: Виктория СЕМЕНОВА Сергей ГАМБУРЦЕВ, Юлия КОЛЮЖНАЯ

ЦЕЛЬ КОМИТЕТА — НАСТОЙЧИВЫЙ ПРИЗЫВ К СОВЕСТИ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ДЛЯ МОБИЛИЗАЦИИ ВСЕХ СИЛ НА СПАСЕНИЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА, БОРЦА ЗА СВОБОДУ СВОЕЙ РОДИНЫ, ХРИСТИАНСКОГО ДЕМОКРАТА, ГИБНУЩЕГО В СОВЕТСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ, ИГОРЯ ОГУРЦОВА..

Призыв о спасении направлен:

В Международный Красный Крест, Женева, Швейцария, Организациям Красного Креста ФРГ, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Испании, Италии, Португалии, Греции, Канады, США и СССР.

Комитет обращается ко всем людям в индивидуальном порядке, людям доброй воли, любой национальности, ко всем церквам, политическим, общественным, научным организациям и объединениям с призывом возвысить свой голос, приложить максимум усилий к спасению умирающего в пытках человека!

[1] Русское возрождение. 1979. III–IV. № 7/8. С. 33–36.

Обращайтесь к вашему правительству, к вашему сенатору, в вашу прессу — требуйте освобождения **ИГОРЯ ОГУРЦОВА!**

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ ИГОРЯ ОГУРЦОВА

8000 MUNCHEN 81, Gumbinnenstrasse 8, BRD. Tel. (089) 934 229 — (089) 763 854.

ИГОРЬ ОГУРЦОВ

Игорь Вячеславович ОГУРЦОВ был основателем и главным деятелем Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН), подпольно существовавшего в Ленинграде в 1964–67 гг. Это была группа образованных молодых людей, искавших христианского пути развития России. Группа занималась подбором новых членов, собиранием трудно доступных книг русских философов, составлением устава и программы — подготовкой перехода от коммунистического к социал-христианскому строю в стране. Никаких открытых акций против советского режима не производилось.

Игорь ОГУРЦОВ родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский университет. Он востоковед, специалист по японскому языку. По своему складу Игорь — религиозный мыслитель. Ориентирован на плеяду русских философов рубежа XIX–XX вв. (Вл. Соловьев, Павел Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев и др.). Вообще говоря, это — Великие Учители всех подпольных религиозных групп в Советском Союзе.

В начале 1967 г. КГБ обнаружил и разгромил организацию ВСХСОН, насчитывавшую несколько десятков членов. Их всех судили и сроки наказания даны в пропорциях к их личной активности в составе организации.

Игорь ОГУРЦОВ был арестован 15.2.1967 г. Обвинение: «измена родине». Применены статьи 64а, 72 и 70 УК РСФСР. В ноябре 1967 г. на закрытом заседании Ленинградского городского суда он был приговорен к 5 годам тюрьмы плюс 10 лет лагерей строгого режима плюс 5 лет ссылки. Итого: 20 лет лишения свободы!

Карательные органы СССР в дальнейшем отнеслись к Игорю ОГУРЦОВУ как к самому тяжкому преступнику. Были применены холодные карцеры, личные оскорбления, принудительные лечения в психотюрьмах, тяжелые работы при многолетнем неудовлетворительном питании, лишение всяких связей с родными и пр. и пр. Тем хотели сломить дух и волю этого замечательного русского человека. Игорь ОГУРЦОВ все перенес, все вытерпел, но духом не сломился,

не сдался, устоял. Советским властям удалось лишь только разрушить его здоровье.

Так прошло 12 лет. Теперь Игорь ОГУРЦОВ, 31-летний мужчина, содержится в Пермском лагере № 35 (адрес: П/Я ВС-389/35), где его ежемесячно заставляют работать — топить лагерные печи. Его тело поражено дистрофией. Иными словами, он выглядит, как «живой скелет». От хронического авитаминоза у него выпали зубы и волосы. Произошло опущение печени. Его настоятельные просьбы о врачебной помощи оставляются без внимания. Впереди же его ожидают оставшиеся 3 года заключения в лагере и 5 лет ссылки. А жизни ему осталось, вероятно, всего несколько месяцев.

В Ленинграде живет его мать Евгения Михайловна Деревенскова. Ее адрес: 198035 Ленинград, улица Двинская, дом № 11, кв. 28. Ее многолетние усилия облегчить участь сына путем обращений к властям остались безрезультатными. В марте 1979 г. она обратилась ко всем врачам Запада с отчаянной мольбой о содействии спасению своего медленно умирающего сына.

Состоянием здоровья Игоря ОГУРЦОВА глубоко встревожены акад. А. Д. САХАРОВ, А. И. СОЛЖЕНИЦЫН и многие русские и западные деятели. Подробности о его положении в Пермских лагерях смерти проникли на Запад.

Во имя спасения Игоря Огурцова стали бить тревогу многие известные лица и организации в Европе и Америке. Игоря Огурцова, может быть, можно еще спасти, если общественное мнение Запада сможет в краткие сроки подняться на его защиту. Если этого не произойдет, то в суровых концлагерях Советского Союза скоро перестанет жить замечательный человек, мыслитель и христианин, не причинивший никому никакого зла.

Июль 1979 г.
Мюнхен

Иметь мужество видеть[1]

Полемика в журнале «Форэн Аффэрс»

Уровень политической полемики заставляет выслушивать весьма плоские, а притом дружные обвинения, например, что я идеализирую прошлое России, не знаю историю собственной страны, а уж тем бо-

[1] Русское возрождение. 1980. IV. № 12. С. 5–31.

лее не понимаю Америку и все современное человечество, ибо мало разговариваю на бензоколонках. Я предупреждал против злостных искажений русской истории — мне приписали это как исчерпывающую систему взглядов. Историей русской революции я занимаюсь более 40 лет, сейчас оканчиваю восьмитомное повествование, которое начнет выходить по-русски через два года, по-английски, может быть, через пять. В объемном художественном анализе открываются куда более коренные пороки и ошибки многовекового русского развития, чем могут мне представить мои горячие оппоненты по газетной поверхности или привременной страсти. Конечно, художнику не место в политической полемике, она огрубляет аргументы, но больно слышать легковесные безответственные суждения, произносимые с научным видом, а между тем поражаться беззащитности и ненаходчивости современного Запада перед мировой ситуацией — прежде всего в составе идей и уровне их исполнителей. При таком течении трудно найти покой отложить высказывание еще на пять лет.

Жизнеспособность всякой системы хорошо характеризуется ее приимчивостью к критике. Я всегда был уверен, что американская система жаждет критики и даже любит ее. Уверенность поколебалась после моей Гарвардской речи, когда в потоках гнева прессы отчетливо прозвучало: «Не рассуждай, замолчи и даже убирайся прочь!». Никак не ожидал встретить такую тональность и на страницах «Форэн Аффэрс» (г. Тривс). Я не «читаю нотации», я передаю коммунистический опыт. Мне-то лично проще всего замолчать и предоставить заботу о будущем Америки исключительно единомышленникам мистера Тривса. Когда они испытают все на себе, у нас будет полное понимание. Но боязнь критики и свежих мыслей — роковая черта обреченных систем.

Статья Терстона как будто специально написана показательной иллюстрацией к моей статье: как легко западного человека дурачить в СССР. Юмористично звучит его ссылка на «личный 10-месячный опыт» наблюдаемого иностранца в советской столице, в отработанных условиях советской «показухи», опыт, который он отважно противопоставляет полувековому коренному опыту жителя в запретных глубинах страны. Вот и результат: его открытие о «советском патриотизме» и «гордости материальным прогрессом» (металлургии? военной промышленности?), когда нечего есть, оскорбительно звучит цитатой из «Правды» или «Женьминьжибао». Спор о локальных и искажаемых Терсоном юридических деталях прежних русских десятилетий

никак не вмещается на страницы «Форэн Аффэрс» и в эту дискуссию. Но поразишься, с какой опрометчивостью он заключает о «социалистических симпатиях» России на основе «выборов» в Учредительное собрание, уже после большевистского переворота, когда несоциалистические партии реально были жестко ограничены. Он механически переносит американское понятие «выборы» в крестьянскую Россию 1917 года, не понимавшую даже этого процесса «выборы», не готовую ни к какому сознательному голосованию. (В 1945 американцы спрашивали советских: «Так если вы недовольны Сталиным, отчего вы его не переизберете?»)

Более неловко чувствуешь себя, когда такой советолог, как профессор Далин, внушает нам, что живое полувековое наблюдение за скрытыми глубинами советских пространств не столь важно, как вникнуть в мотивы тех, кто направляет советскую политику, а для этого, очевидно, нужны только встречи с ними в Москве и анализ «Правды». Но сам же Далин в другом месте соглашается, что деятели СССР скрывают свои мотивы. Результаты таких бесед мы и видим на сплошных многолетних промахах Запада. Видел ли профессор Далин своими глазами предмет своего изучения — пространства этой порабощенной страны и жителей провинции и деревни? По каким данным он так уверенно судит о неоскудении русской деревни и подъеме уровня советской жизни? Его суждения о Луне были бы точней, ибо доклады астронавтов надежней. О советской провинции, где не хватает картофеля до весны, а других продуктов вообще не знают (и это, мистер Далин, никак не «гипербола», вам только трудно это вообразить), наш оппонент серьезно пишет, что там распространены гордость за успехи космонавтов и шахматистов. Или вознаграждает нас расцветом «безопасной» для правительства культуры, — какой именно? Гуманитарная пропитана ложью, «точная» поставлена на службу войне, — что ж остается от «культуры»? (А в провинции и такой нет.)

Законное желание г. Далина узнать, откуда взялись при утаенной советской статистике цифры погибших в СССР. Но цифры профессора статистики Ивана Курганова были опубликованы в Соединенных Штатах 16 лет назад («Новое русское слово», 12.4.1964) на языке, доступном профессору Далину, и странно, что он их не заметил. О новых подсчетах наших потерь Иосифом Дядькиным, сейчас арестованном, можно прочесть в «Уолл Стрит Джорнал» (23.7.1980). Порядок этих цифр — десятки миллионов — совпадает у обоих авторов. Конечно, еще много времени пройдет, пока мы получим уточненные

данные: советская пасть не выдает тайн, даже и в доверительных беседах функционеров.

Далее нам предлагают (г. Лебль) не вдаваться в историю возникновения коммунизма в СССР, а судить лишь о сегодняшней угрозе. Но во *всех* областях знаний установлено, что всякое явление можно понять, только зная историю его развития. От того, считать ли сегодня коммунизм (в том числе кубинский, вьетнамский, китайский) явлением исключительно русского происхождения или интернациональным и даже метафизическим, определяются совершенно разные ответы на него: губительная ли капитуляция, идущая со времен Ф. Рузвельта, или попытка твердого стояния. Утверждение мистера Лебля, что коммунизм так же национален по природе, как и национал-социализм, совсем неубедительно: тот никогда и не проявлял себя интернациональным, а только национальным ввел понятие «высшей нации» и не выжигал и не вырезал прежде всего жизнь «своей» нации, как это делает в каждой стране каждый коммунизм с первого шага. И именно поэтому (как никогда не делает хитрый коммунизм) нацизм открыто заявил, что идет обратить народы СССР в своих рабов, и на этом, как правильно пишет Лебль, потерпел поражение. Однако Лебль приписывает моей статье свою тенденциозную трактовку, что только украинцы и прибалты готовы были поддержать Гитлера, я же свидетельствую, что и все захваченные русские области ожидали от этой войны себе освобождение, и Красная армия потому бежала с такой легкостью. Но Гитлер объявил войну именно русскому народу, не оставляя ему выхода. И именно этот совет повторно предлагают сегодняшнему Западу те, кто считает нависшую над миром опасность не коммунистической, а русской. И этот совет будет иметь тот же уничтожительный результат.

В тоталитарных государствах самой разрушительной деятельностью считается и более всего преследуется восстановление исторической правды. Но в условиях Запада этой цели достичь нельзя, если разрешать себе высказывания недобросовестные и даже неграмотные. Тот же Лебль: «В конце прошлого века русское правительство было союзником всех деспотических правительств». Интересно — каких именно? Справка: в конце прошлого века (с 1892) Россия имела единственного союзника республиканскую Францию, с 1907 — Англию. «Царские мечты о мировом господстве захватили души русского народа». В XIX веке единственный «царь», который мечтал о мировом господстве, был Наполеон. Более нигде такой феномен не наблюдался, кроме необъятной Британской империи на пяти материках. *Где* в

русской литературе, искусстве и народном фольклоре Лебль может указать жажду мирового господства? Каким другим способом он подслушал это из «душ русского народа»? «Русская культура на первом месте повсюду в Советском Союзе». Мистеру Леблю простительно не знать, что такое русская культура, но не следует судить по газетной наслышке. Я свидетельствую, что *русская* культура разгромлена и уничтожена с ненавистью в первое же советское десятилетие.

Сегодня под псевдонимом «русской культуры» выступает антинациональная и атеистическая *советская культура,* притом на испорченном, изгаженном русском языке. Интересы коммунистической Москвы, «в первую очередь русские интересы», пишет Лебль в споре против моей статьи, даже, видимо, не прочтя целых разделов ее. Я именно указываю, что никакая нация под советским господством не разорена в такой степени, как русская.

Впрочем, подобные безответственности мы обнаруживаем и у более видных американских лиц. Руководитель русского цикла Принстонского университета профессор Стефан Кохен пишет («Нью Репаблик», 29.12.1979): «За период 1-й и 2-й пятилеток (то есть 1928–1937) в основном отсталое общество было преобразовано в преимущественно промышленное, получившее доступ ко многим благам современного государства всеобщего благополучия»! Фантастическое высказывание! Будь оно известно у меня на родине, его восприняли бы как глумление: это все сказано о десятилетии всеобщего разорения, голода, хлебных карточек в мирное время, 6 миллионов голодных смертей на одной Украине, 15 миллионов уничтоженных крепких крестьян, конца сельскохозяйственного изобилия, конца промышленности изделий массового потребления, отсутствия по всей стране одежды, обуви, тканей, домашних предметов с заменой на тяжелую индустрию и показные для иностранцев магазины в Москве. В эти годы пещерного оскудения и озверения, которые Кохен сравнивает со всеобщим благополучием, населению моей страны казался утерянным чудом последний предвоенный 1913 год. И к изобилию того «царского» года наша страна и издали не приближалась за минувшие 70 лет.

Если такой промах может допустить руководитель всего русского обучения ведущего университета, удивляться ли, что один из кандидатов в президенты США Э. Кеннеди недавно выразился, что стеснения в мясе нисколько не страшны советскому руководству: оно «просто» будет кормить население курами. Человек, который претендует направлять мировую политику и экономику, не знает такого простого,

что в СССР куриное мясо на вес золота, что его нигде нет, невозможно достать даже для диэтического больного.

Это парение в сфере иллюзий, этот как будто нарочитый самообман — характерная черта западной прессы и многих западных политических деятелей: верить только в желаемое и словесно заклинать, чтобы осуществлялось именно оно. Так «Нью-Йорк Тайм» в июне 1945 собственным авторитетом подтверждала — для какой же цели? — что катынские убийства совершены не коммунистами, а гитлеровцами. Это с тех пор едва не всеобщее желание иметь дело с иллюзиями, а не с фактами и доверчивое приятие недобросовестных сплетен о русской и советской истории закрывают глаза Западу в нынешний грозный момент, закрывают возможность понять истинное положение и найти пути спасения. Запад как будто *не хочет* знать истины до того момента, когда знать ее будет уже поздно.

Статья профессора Таккера явно выражает не только его личные взгляды, но устойчивые взгляды целой среды, весьма влиятельной, даже определяющей для направления американской политики: приходят ли к власти демократы или республиканцы, тот или иной президент, все ведущие эксперты и советчики набираются из этой среды. (И характерно, что проф. Далин присоединяется к существенным опорным пунктам статьи проф. Таккера.)

Центральная точка здесь — непонимание природы коммунизма как концентрации непримиримого и динамического Зла (ведь слово «зло» теперь считается ненаучным, и даже неприличным, ни «зла», ни «добра» нет, а есть только плюрализм равноценных мнений); как явления интернационального и всеисторического (лишь крайний полюс социализма), а вовсе не локально русского. От этого непонимание всего нынешнего советского феномена.

Кто вчитается внимательно в статью Таккера, увидит, что Таккер испытывает сочувствие к «чистому» коммунизму, к ранним ленинским годам его и, конечно, никакого осуждения марксистскому учению. Ему, быть может, неловко выразить это сегодня прямыми словами, но это во всей композиции его мышления. Для того и понадобилось ему передвинуть все зло коммунизма на сталинские годы и от них потянуть хобот в поисках происхождения в русский XVI и XV век. За ленинскими годами Таккер отрицает даже насильственную систему ГУЛАГа, отрицает принудительность труда в ленинских концлагерях и даже оправдывает их тем, что в них заключались будто бы лишь «противники большевистской власти», а не просто подряд все

яркие личности и кто не нравился большевикам по происхождению и личному поведению. (Это все достаточно изложено в «Архипелаге ГУЛАГе», и я предлагаю профессору Таккеру решиться на то, на что не решилась советская власть: прямо опровергать «Архипелаг» по пунктам.)

Пора же, наконец, называть вещи своими именами: что октябрьский переворот Ленина и Троцкого против слабой русской демократии был бандитским. Что он был произведен с большой финансовой помощью вильгельмовской Германии. Что коммунизм первых лет был такой же грязной, коварной, жестокой, бесчеловечной системой, как потом и сталинский. Что заслуга изобретения многомиллионного насильственного ГУЛАГа принадлежала Троцкому (принудительные «трудармии»), и ему же — бессмертное изобретение первых «газовых камер» (баржи, потопляемые в море с сотнями людей), и ему же — массовые расстрелы собственных военнообязанных, не идущих воевать за большевиков. И народный геноцид на Дону — расстрел более 1 миллиона 200 тысяч гражданского казачьего населения — принадлежит тем же двум бессмертным авторам. Весь замысел: пропагандно наделить крестьян землей и тут же отобрать ее вместе с урожаем — Ленин. Объявить войну зажиточному крестьянству (ниже уровня среднего американского фермера) и с тысячными расстрелами крестьян — Ленин. Согнать крестьян в управляемые коммуны и артели — Ленин. Подавить всякую печать, кроме коммунистической, — Ленин. Разгромить независимое рабочее движение («съезды заводских уполномоченных») и профсоюзы — Ленин и Троцкий. Неумеренно эвфемистично называет Таккер такой строй «авторитарным», а слово «тоталитарный» он не может выговорить в отношении к нему.

Читая полную переписку Маркса и Энгельса, опубликованную по-русски (такая возможность у проф. Таккера есть), можно было бы изумиться крайней беспринципности и бессовестности этих заговорщиков и их яростной «ортодоксальности» («русская черта», по Таккеру), если б не иметь перед глазами более поздних множественных примеров. В их взглядах мы уже узнаем и лютый атеизм как главный стержень мировоззрения, и лютую нетерпимость и злобу ко всем остальным партийным направлениям и даже к некоторым славянским народам, взятым в целости. А вот из их известных высказываний:

«Существует лишь одно средство сократить, упростить и сконцентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный тер-

роризм» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения (на рус. яз.). 2-е изд. Т. 5. С. 494).

«Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придет наш черед, мы не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами» (Там же. Т. 6. С. 548).

«Народная месть прорвется с такой яростью, о которой и 1793 год не может нам дать никакого представления» (Там же. Т. 2. С. 515).

«Противодействовать попыткам буржуазии внести успокоение, вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы... Не только не выступать против так называемых эксцессов, против случаев народной мести к ненавистным лицам или официальным зданиям... но и взять на себя руководство ими» (Там же. Т. 7. С. 263).

«Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила» (Там же. Т. 37. С. 420).

«Политическая свобода — ...хуже, чем самое худшее рабство» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения. М.: Госиздат, 1929–1935. Т. 2. С. 394).

«Смотря в будущее, я вижу нечто такое, что будет сильно отдавать изменой отечеству; вот это для нас фатально» (Там же. Т. 22. С. 138).

«В одно прекрасное утро наша партия благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти... Мы будем вынуждены проводить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, что они несвоевременны... Прежде, чем мир будет способен дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать... чудовищами, на что нам, конечно, наплевать» (Там же. Т. 25. С.187).

Маркс и Энгельс не раз повторяли, что «став у кормила власти, мы вынуждены будем разыграть 1793 год».

И Ленин никогда не скрывал своих исторических истоков и не приписывал им происхождения из русских традиций. Он и постоянно цитировал, и клялся именами, и применял на деле Маркса и Энгельса (что, однако, не делает коммунизм немецким явлением). И, следуя им, открыто и многократно восхищался якобинским террором и массовыми казнями и массовым потоплением обреченных. Он говорил: «...террор обновляет страну» и не скрывал, что следует Бабефу: побежденные классы полностью уничтожать. (Но это не делает коммунизм и французским.) Именно во Французскую революцию возникла расправа по классовой принадлежности. И названия, и форма «револю-

ционных трибуналов» и даже «чрезвычайных комиссий» (по-советски ЧК) заимствованы от якобинцев (не от Ивана IV из XVI века). Сходство теории и тактики большевиков и якобинцев имеет школьную наглядность для всякого, кто только пожелает перечитать те исторические материалы.

Странно, что профессор Таккер как будто никогда ничего об этом не слышал и не задумывался над этой прямой преемственностью. В изложении, претендующем быть научным, он применяет совершенно несерьезный довод в доказательство «исконно русского» происхождения большевизма: так полагал Бердяев!..

Уже, кажется, давно ни в какой науке не считается аргументом ссылка на авторитет. Осмелимся возразить, что философия Бердяева вообще есть весьма капризное творчество. В течение своей жизни он по меньшей мере два, а в чем и три раза менял свой образ мыслей почти на 180 градусов(см., например, Н. Полторацкий «Бердяев и Россия», Нью-Йорк, 1967), выступая против своих прежних взглядов как против чужих. Его книга о коммунизме в России не есть объективное историческое исследование, не анализ исторических фактов, а претворение его индивидуальных философских переменчивых установок, законченных тем, что он вывесил на своем доме советский красный флаг. Многие общемировые процессы (как подмена религиозного творчества социальным) он искусственно приписывает одной России. Не останавливается перед тем, чтобы человеконенавистнический марксизм назвать «этическим учением», о Марксе и Ленине заявить, что они «хотели добра», — это звучит кощунственно над трупами замученных миллионов и перед рылом сегодняшнего мирового завоевателя. Бердяев признает, что в русской истории были «перерывы органического развития», — и тут же, сам себе противореча, все строит на «органической традиции», по удобству — то от Московской Руси, то от исключающей ее Петербургской.

Однако Бердяев писал в 1937 году, когда еще не выступил весь исторический объем явления. Но как можно в 1980, при 25 коммунистических странах на четырех континентах и во всех расах, продолжать считать, что коммунизм (и его Интернационал Террора, разветвленный еще в 20 странах) определился русскими чертами?

Идея Таккера, что сталинский период коммунистического Левиафана создан заимствованием из XVI и XVIII веков русской истории, не только не научна, но производит впечатление импрессионистической фантазии.

Неужели это научный аргумент, что Сталин, для того чтобы рубить головы своим врагам и наводить ужас на население, нуждался в примере Ивана Грозного? А без Грозного он бы не догадался? Мировая история дать мало примеров тираний? Глубокие познания, что тиран должен держать народ в страхе, Сталин мог почерпнуть из первого школьного учебника по всеобщей истории, а может быть, из истории грузинского феодализма, а еще раньше — из собственного лукавого и злобного нутра: что-что, а именно это он от рождения понимал, ему ничего не надо было читать. Или, пишет Таккер, ГУЛАГ происходит от насильственного труда при Петре I, оказывается, насильственный труд изобретен в России! А почему не от египетских фараонов? А ближе по векам: демократические Англия, Франция и Голландия применяли насильственный труд в своих колониях, а США — даже на собственной территории, и все позже Петра. А уж гребцы на галерах — хрестоматийны. К чему приводит Таккер отрывок из Кеннана-старшего — совершенно не ясно, разве доказать, что в дореволюционной России и каторга была так же открыта иностранным наблюдателям, как и суд? Можно не полениться найти у французских романистов еще более яркое описание каледонской каторги, и что это доказывает относительно 5-й республики? Когда в Англии впервые вышел (1881) перевод «Записок из Мертвого дома» Достоевского, один из ведущих журналов отмечал отсутствие строгости, которое «привело бы в ужас английского тюремщика»[1].Исконной русской чертой объявляются и захваты территорий, хотя Англия имела захватов побольше, и Франция немало, значит ли это, что английский и французский народы хищны по своей природе? И уж тем более колхозы — всемирная социалистическая идея коммуны — объясняется как проявление русского крепостного права.

Неужели это научный метод: объявить перенос приемов управления и учреждений через 4 столетия при отсутствии каких-либо конкретных носителей, передатчиков, партий, сословий, лиц, вперепрыг через тотальное уничтожение всех общественных институтов в 1917, — какой-то мистический перенос, очевидно, через кровяные гены? (Или, как изящнее выражается проф. Далин, «что-то в русской почве, созданное наследственностью или средой».) И тут же рядом «не заметить» прямое наследование всего через 5—10 лет всех нужных тра-

[1] The Athenaeum. 1881. № 2788. 2 апреля. С. 455. Более тяжелые условия английских заключенных по сравнению с заключенными русскими отмечали и другие журналы. — *Примеч. авт. статьи.*

диций и готовых учреждений! — от Ленина и Троцкого — того же самого ЧК-ГПУ-НКВД, тех же самых «троек» вместо суда (при чем тут Александр III?), того же самого (уже в наличии) ГУЛАГа, той же самой 58-й статьи, того же самого массового террора, той же самой партии, той же самой идеологии — в пределах того же поколения и через живых носителей, успевших убивать там и здесь, и тот же самый принцип индустриализации (подавить потребности народа и съесть его тяжелой промышленностью), выдвинутый Троцким? (Нет никакой «двусмысленности» в наследии Ленина и Троцкого, которую ищет Далин.)

Я отказываюсь приписать профессору Таккеру такую невероятную слепоту! Я вынужден увидеть в этом сознательную попытку обелить ранний коммунистический режим, будто все его дьявольские преступления и учреждения вообще не существовали, а созданы позже Сталиным, который будто бы «разрушал» большевизм, и почерпнуты якобы из русской традиции. Какую такую «революцию сверху» (избитый марксистский термин у Таккера) совершил Сталин? Он честно и последовательно углублял и укреплял доставшееся ему ленинское наследство в его же формах. Но даже если бы Таккеру (и многим его единомышленникам) удалось бы доказать невозможное, что ЧК, ревтрибуналы, институт заложников, ограбление народа, тотальное насильственное единство мнений, партийная идеология и диктатура взяты не у своих коммунистов и не у якобинцев, но у Ивана IV и Петра I, то и тут бы Таккер просекся с «русской традицией». Дело в том, что для национальных мыслителей России оба эти царя были предметом порицания, а не восторга, а народное сознание, фольклор, решительно осудили первого как злодея, второго как антихриста. Что Петр I *разрушал* русский быт, обычаи, сознание, национальный характер, подавлял религию (и встречал народные бунты) — это лежит на поверхности, это всем известно.

Неужели это исконная русская традиция: коммунистическая подрывная деятельность во всем мире, система экономического саботажа, идеологического разложения, террора и восстаний? Горячая сегодня среднеазиатская точка дает нам понять разницу. Да, бухарский эмират (не Афганистан) был захвачен Россией в том XIX веке, когда и все демократические страны Европы с моральной легкостью дозволяли себе любые завоевания. (И Англия пыталась, но не сумела взять Афганистан.) Мне горько и стыдно, что и моя страна участвовала в общеевропейском насильственном покорении слабых народов. Но за 50 лет российского протектората в Средней Азии был мир: не подавля-

лась религия, быт, личная свобода и не было движения к восстаниям. А едва захватил власть Ленин — он с 1921 года готовил под видом «революционной федерации» захват Турции, Персии и Афганистана. А с 1922 года в Хивинской и Бухарской областях в ответ на методы коммунистов вспыхнула мусульманская повстанческая война, как сегодня в Афганистане, и продолжалась 10 лет, и подавлена уже при Сталине безмерными расправами над населением. Вот чья «традиция» — вторжение в Афганистан.

Справка Таккера (поддержанная и Далиным), что слово «сталинизм» изобретено в 20-х годах троцкистской фракцией в борьбе со Сталиным, мне, конечно, известна. Но называть сегодня «сталинизмом» осуществленную 25-летнюю эпоху гигантского коммунистического государства — значит отвлекающе прикрывать непримиримую античеловеческую сущность коммунизма — главную угрозу сегодняшнему миру.

Оттого, что коммунизм — явление интернациональное, значит ли, что вовсе исключаются какие-либо его национальные признаки или обстоятельства? Не совсем, ибо коммунизму приходится действовать на живой земле, в среде конкретного народа и поневоле пользоваться его языком (для своих целей калеча его). В Китае преследуют стенные плакаты, а в СССР — самиздат. Русское городское население насильственно выгоняют работать на картофельные поля, а кубинское — на сахарный тростник. В СССР уничтожали население ссылкой в тундру, а в Камбодже — в джунгли. В Югославии провели маневр одним способом: Тито поспешно совершил массовые убийства 1945 года, а затем притворился барашком, чтобы получать западную помощь. А Чаушеску виртуозно достиг доли внешнеполитической независимости, но укреплением внутреннего тоталитарного духа выше 100%. По восточногерманскому коммунизму ясно, что страна не должна объединяться, а по северокорейскому — так же ясно, что должна. (Не знаю, откуда взял Далин, что, по моему мнению, всякий итальянец, голосующий за коммунистов, или всякий узбек, принудительно вовлеченный в партию, теряет свою национальность? У меня сказано: «...люди, отдавшие себя коммунистическому *руководству*, уходят душой от своей нации и от человечества вообще», — и профессор Далин мог бы не делать этого ошибочного переноса. «В ряде случаев коммунизм служит инструментом для развития национальных движений или интересов», уверяет Далин, и так действительно думали в Штатах относительно Северного Вьетнама. Но теперь-то, кажется,

разуверились? Теперь-то всем ясно, что ни в Эстонии, ни в Польше, ни в Монголии и нигде никогда коммунизм не служил национальным интересам?) В дополнение к коммунистической пропаганде отчего не использовать ловко еще и национальную? — этим коммунистические правительства не брезгуют. Но значит ли это, что «коммунизм во всех странах разный»? Нет, он во всех одинаковый: везде тоталитарный, везде с подавлением личности, совести и даже уничтожением жизни, везде с идеологическим террором и везде агрессивный: конечная цель мирового коммунизма, всех видов коммунизма — захватить всю планету, в том числе и Америку. Можно понять кремлинологическую кастовую обиду профессора Далина, что так неприятно упрощается проблема, хотелось бы видеть более тонкие градации в увлеченности вождей идеологией, но идеология влечет их помимо личных убеждений, например, бессмысленно и неудержимо влечет на мировой захват, не нужный им самим лично: как в фанатизме захватывают они Анголу, Абиссинию, Афганистан. Плохую услугу оказывают американской политике те, кто предлагает играть на «тонких вариациях» между разными коммунизмами.

Меня пытаются опровергнуть моим личным опытом — вот как заметно развивается коммунизм: при Сталине Солженицын сидел в тюрьме, при Хрущеве напечатали «Ивана Денисовича», а при Брежневе выслали. Удобный бродячий сюжет, он кочует из статьи в статью, прикочевал и к Таккеру! — потому ли, что не могут найти другого за 63 года благодетельного примера, чем «Иван Денисович»? (А не появись «Иван Денисович» — еще лучше: или вовсе не было при коммунизме лагерей, или русский народ не способен сам о них сказать.) Но пример Хрущева — это то самое исключение, которое еще строже подтверждает правило: изо всех коммунистических правителей он единственный был свергнут внутренними партийными силами именно за то, что он единственный иногда оступался от коммунистической догмы в сторону человечности, уж Ленин-Троцкий-Свердлов-Сталин-Молотов-Брежнев в сторону человечности никогда не делали ни шагу. Но и Хрущев был верен марксизму в его главном сатанинском стержне: в истребительной ненависти к религии.

Тактические маневры у коммунизма можно найти и покрупней, чем «Иван Денисович», — нэп, обманное «восстановление» понятия родины и церкви Сталиным, «борьба за мир» во времена американской ядерной монополии, «пусть цветут сто цветов», «мирное сосуществование», даже уход из Австрии, теперь «разрядка» — но это все

показывает не изменение природы коммунизма, а его маневренную гибкость и беспощадность.

Полемизируя со мной, Таккер, да и Далин избежали кардинального вопроса, а жаль: коммунизм («чистый», марксистский) — зло или нет? Способен он подобреть и излечиться»? Угрожает он, как удав, удушением всему остальному миру или нет?

От этого вопроса Таккер уклонился. Зато он спешит предупредить мир о несравненно большей опасности: «остро-злокачественной форме национализма», которая «прорастает» разгромленный, обезглавленный, в порошок истертый, при последних вздохах своей жизни русский народ.

Плодоносность политической теории определяется ее практическими результатами. Теория о том, что коммунизм есть явление по своей природе национальное русское, что коммунизм и русский народ едины и надо воевать против них соединенно, есть не только повторение обезумелой гитлеровской тактики, которая в самой себе несет поражение. Но она и в других отношениях питает иллюзиями вместо реальности: она заставляет видеть в нынешнем коммунистическом СССР наследника прежней России, *а значит* «нормальное» государство, которое стремится к обеспечению интересов своих и своего населения, а потому с ним можно действовать традиционно, вступать в разумные переговоры, договоры, компромиссы, делить сферы влияния. А это совсем не так: никакое коммунистическое государство не заботится об интересах своего населения и не зависит от его мнения, и готово хоть полностью этим населением пожертвовать, чтобы достичь интернациональной победы. (Может быть, это виднее поблизости, на примере Кубы.)

Поэтому с коммунизмом невозможен никакой реальный компромисс, его невозможно ни задобрить, ни подкупить, ни умиротворить — и вереницей уступок западный мир лишь ухудшает свое положение. Советская держава отнюдь не преследует своей государственной выгоды, советские народы только страдают от бесконечной мировой агрессии и растраты капиталов и людских жизней по всем материкам, но ничто, ни даже личность правителей не может остановить свойства коммунизма расширяться.

Для коммунистических стран нетерпимо само существование на Земле других стран с преимуществами экономики или свободы, невыносим этот завидный для населения пример другой жизни — такие страны необходимо подавить и завоевать. Коммунизма нельзя объяснить на дипломатическом, юридическом, экономическом языках.

Но самый большой успех, достигнутый коммунизмом, — даже не военный, а пропагандный — что остальной мир верит в его смягчение и в «хорошие» варианты коммунизма. Что западный мир послушно принимает даже язык коммунизма: называет тиранические режимы Восточной Европы «народными демократиями», подрывную войну по расшатыванию Запада изнутри — «разрядкой». В первые месяцы коммунистической Камбоджи по тону из Пном-Пеня иные западные газеты попугайски называли начавшийся там геноцид «крестьянской революцией». Да, советские агенты имеют свободу даже на страницах крупнейших американских газет высмеивать, что никакой советской агрессии не существует вовсе, расслаблять американцев ложью, что коммунизм не интернационален и никому не угрожает. Напротив, западная читающая масса уже и поверить не может, что в Советском Союзе и в Китае по сегодня всеобщее недоедание и нет главнейших товаров для населения, во многих снабжение по карточкам, а считает это «пропагандой» врагов коммунизма. 35 лет идет реальная война, вереница западных отступлений, отдано более 20 стран, а на Западе все согласно называют эту Третью мировую войну «мирным сосуществованием». Меняются президенты, государственные секретари, эксперты Белого дома и Госдепартамента, а новых идей нет, идеи все те же: проводить все более «тонкие различия» между разными коммунизмами, группировками и их лидерами и балансировать на них, то есть неуклонно сползать в пропасть ступенями уступок и капитуляций. (И еще следующие, быть может, зреют сегодня в Государственном департаменте.) Теперь мы слышим настойчивую «новую» идею: предупреждают бояться не того давящего катка, который прокатал уже полчеловечества и скоро прокатает вторую, но бояться возрождения национальной России к своему излечению.

Новых идей нет. Мудрено им и вспыхнуть в самодовольной секулярности, замкнутой самой на себя.

Теория тонких различий в разных коммунизмах (или, по Далину, «значительных вариаций внутри коммунизма», «вариаций, градаций и перемен», «более дифференцированного и сбалансированного понимания», «искусного подхода») в вопросах более крупных, чем продажа партии товара, мало сказать бесполезна, она для Запада губительна. Перед лицом всеуничтожающей мировой силы, нависающей уже над самой Америкой, предлагается верить, что коммунизм вдруг переменится к доброму и откажется от агрессии; что существуют «миролюбивые советские руководители» (особенно Брежнев);

что есть принципиальные расхождения в Политбюро; что сменится их поколение — и все смягчится... Надеяться, что коммунистические правительства Восточной Европы или Азии вдруг выйдут из повиновения Москве (пример Албании или Северной Кореи не слишком укрепил Запад, пример Румынии не принес добра ее народу), и для того подкупать их торговыми льготами (облегчая финансовое бремя СССР). Что расколется европейское коммунистическое движение (не слишком долго французская компартия играла в самостоятельность, и все компартии в момент оккупации готовно предоставят кадры для управления своими странами). Что вьетнамский, кубинский, анголь-ский, абиссинский и другие рассыпаемые по земле метастазные коммунизмы будут проводить свою национальную политику и охотно дружить с Соединенными Штатами. Что коммунистическое движение увязнет в исламе.

В цепи этих несбыточных надежд пока не осуществилась ни одна, кроме советско-китайского раскола, на котором и строятся теперь надежды и планы Соединенных Штатов. Уж Китай — мыслится, как будто это и вовсе не коммунистическая страна, как будто там нет тоталитарного угнетения своего миллиарда людей. А Китай, как Советский Союз в 30-е годы, остро нуждается в западной технической помощи и для того старается изобразить собой приличное государство. Но в глубинах Китая для народа поддерживается прежняя неприязнь к Америке и отвращение к американскому образу жизни, и поворот против Соединенных Штатов будет для властей осуществим в одну ночь. Да даже и сегодня, твердый во внешних действиях, как всякий коммунизм, Китай уже потребовал снять защиту с Тайваня, а вот и предложил американцам убираться из Южной Кореи. Придет время, Китай взвесит: стоит ли ему сталкиваться с СССР, а не выгодней ли сговориться? (Нынешняя отмена культа Мао в Китае — уже шаг в этом направлении.) И в отношении Китая просчет американской дипломатии все тот же: его рассматривают как «нормальное» государство, а это только корпус коммунистической агрессии, для которой сегодня просто еще нет сил.

35 лет Соединенные Штаты и весь Запад идут дорогою добровольных поражений — треть столетия! это движение уже исторических масштабов, и оно не пройдет даром. Соединенные Штаты начинали это отступление еще при подавляющем превосходстве своих сил, а сегодня в Вашингтоне спохватились, что баланс мировых военных сил — уже против Запада, перевес весов пропустили по благодушию и самодовольству. Если не устояли тогда, то теперь устоять труднее.

Нагонять труднее. Но самая большая слабость — не военная, а психологическая. От молодых людей-призывников и до руководителей государства все надеются на хороший исход и робеют принять самоотверженные и смелые решения, до тех пор, пока это станет уже поздно: когда придется биться за собственную территорию. Запад морально не готов к конфликту и борьбе, не готов дать себе отчет, как далеко, если не бесповоротно, зашла опасность. Запад все питает надежды на ложную «разрядку» — наиболее удобную форму затяжной победоносной войны для СССР. Советские вожди и предпочитают захватывать все мировые позиции именно в форме «разрядки», терроризма и государственных переворотов, — зачем им всеобщая война, особенно атомная? (Атомная война, я думаю, уже исключается, к счастью для человечества, из обоюдной стратегии: советские вожди становятся основательно уверены, что завоюют мир и без нее, а Запад морально не сможет применить атомное оружие первым, да и что такое был бы западный атомный «успех»? — уничтожение не столько своих действенных врагов, сколько потенциальных союзников — порабощенных народов.) Под видом «разрядки» Западу еще удается оттягивать прямое столкновение, но с тем, что оно произойдет в обстановке куда более тяжелой для Запада. Скоро Соединенные Штаты узнают горячей и свою близкую южную границу: уже и так 20 лет прямо в американский живот наставлен кубинский пистолет. Теперь Соединенные Штаты еще немного помогут, как уже и делается, никарагуанским коммунистам и панамским революционерам– уже палач Кастро похвалил их за это, — и Южный фронт против Соединенных Штатов будет готов. Кубинский пистолет, 20 лет беспрепятственно наставленный на Америку, каждый день демонстрирует миру и унижение американских принципов, и степень американской слабости. Сегодняшняя американская внешняя политика — утлое, робкое лавирование, угождение и задабривание возможных врагов. (Но не поможет оно ни в Зимбабве, ни в Анголе, ни в Никарагуа, и атомное снабжение Индии не отвернет ее от СССР, пустой лотерейный номер.) И даже те, кто предлагает твердую позицию относительно коммунизма, удерживают иллюзию, что коммунизм можно обратить к внутренним демократическим реформам. Всерьез — никогда.

Только если признать неотвратимость мировой опасности, интернациональность коммунистической задачи от самого начала, понять, что решающего конфликта с коммунизмом западному миру избежать не удастся и уже откладывать осталось недолго, только в этом случае

Запад способен будет перейти к открыто-принципиальной и гордой защите свободы во всем мире — от Кубы до Тибета, до Волги и до Берлина, а не сделок с угнетателями. Только внятие в тотальную непримиримость коммунизма дает единственную трезвую надежду на спасение человечества при стольких уже загубленных и сданных позициях. Зрение состоит в том, что все народы, порабощенные коммунизмом, от кубинского под вашим боком и до русского в противоположном бастионе, суть жертвы коммунизма и враги коммунизма, а потому естественные ваши союзники. Запад так чуток к пожеланиям народов Третьего мира — и так глух к чаяниям народов коммунистических стран.

Единственная и глубокая политика Соединенных Штатов может состоять не в заигрывании с каждым переворотчиком в шатко-нейтральной стране, не в угождении каждому советскому эмиссару, который представляет не население, а свою правящую клику, не в игольчатом балансировании между мнимо соперничающими коммунистическими фракциями, но открыто стать на сторону всех порабощенных народов против поработившего их всемирного коммунизма. Открыть пропагандное наступление такой же силы и проницательности, как 60 лет ведут коммунисты против вас, и не трепетать, что в ответ будет браниться лживая «Правда». В моей статье я и поражался, как бездумно отбросил Запад мощную невоенную силу эфира, зажигающий эффект которой в коммунистической мгле даже не может вообразить западное сознание. Так можно установить прямой контакт с подневольными народами и способствовать росту их самосознания и высвобождения. (Радиостанции и телестанции Запада в их сегодняшнем виде совсем не готовы к такой роли. А, например, «русская секция» радиостанции «Свобода», несмотря на многолетнюю работу, из-за своей принципиальной чужести и даже враждебному русскому национальному сознанию катастрофически утеряла контакт с русским населением и русскими интересами.) Для всего этого нужна крутая ломка традиционной межгосударственной «вежливости», но коммунисты давно ее растоптали, да и в Тегеране мы видели цену ей.

Для спасения Запада из сегодняшнего положения нужно вырваться из рутинного процесса, нужны смелые решения выдающихся руководителей.

Я мог бы и не спешить со всеми этими аргументами. Уже становится ясно, что ни одна моя статья, ни десять моих статей, ни десятеро таких, как я, не посильны перенести Западу наш кровавый выстра-

данный опыт и даже нарушить тот эйфорический комфорт, который царит в американской политической науке. Я мог бы не спешить, потому что уже на пороге события, которые сами бесповоротно откроют Западу его просчеты.

Июль 1980
Вермонт

Александр Солженицын

Продолжение гонений на Церковь[1]

Эпоха 1960-х годов в трудах, посвященных положению религии в СССР, была охарактеризована как время хрущевских гонений. Термин этот не вполне точен, но он прочно вошел в историю Русской Православной Церкви (РПЦ) в СССР.

1970-е годы принесли некоторое успокоение в отношении религии, но только в первой половине десятилетия. Ко второй половине 70-х годов вновь стали концентрироваться и развиваться явления, составившие брежневские гонения на религию. Конец же 70-х годов может быть охарактеризован как обострение нового наступления, отражающееся на повседневной жизни верующих в СССР.

В первой половине 70-х годов в отношении Церкви проводился курс умеренных гонений, в ослабленной форме, повторяющий то, что творилось в 60-е годы. К началу второй половины десятилетия власть, в лице своих соответствующих представителей, выработала специальную методику подавления религиозной жизни страны, и в частности РПЦ. Несомненно, эти новые методы вырабатывал Совет по делам религий при Совете министров СССР. Но вырабатывал не по собственной инициативе, а на основании соответствующих директив, спущенных сверху, вполне вероятно, что и от самого Брежнева. Разрабатывались своего рода «новые правила игры», в соответствии с общей ситуацией в стране и с оглядкой на международное положение. «Разрядка» давала в то время коммунистам так много, что едва ли стоило ставить ее под сомнение на Западе, да еще из-за такой «умирающей идеологии», как религия. Можно было рискнуть из-за Афганистана, но идти на риск из-за верующих или из-за каких-то «отщепенцев» явно не имело смысла. Поэтому религиозная политика менялась исподволь, осторожно, без шума, с пробными экспериментами, с отдель-

[1] Русское возрождение. 1981. III. № 15. С. 101–120.

ными вынужденными отступлениями, обходными маневрами, — но и с отчаянными лобовыми атаками, когда «культурные методы» давления оказывались тщетными.

Брежневские гонения в этом отношении значительно разнообразнее и по своим формам оригинальнее хрущевской атаки напролом. Они хитрее, подлее, трусливее и более осторожные, чем в 60-е годы. Они внешне более прилизаны у политических парикмахеров, и их активные деятели работают даже иногда в белых перчатках. Фактический материал о брежневских гонениях скопился огромный. Его невозможно привести в одной статье. Можно только иллюстрировать те или иные положения, выдвигаемые нами, но не исчерпать тему.

Есть мнение: в 70-х годах стали закрывать меньше церквей. Но, во-первых, в СССР нет неограниченного «запаса» открытых храмов, которые можно без конца закрывать и разрушать в массовом масштабе. А во-вторых, методы закрытия храмов изменились и стали проводиться по другим правилам. Да, церквей стали закрывать меньше, но ведь их вообще осталось очень мало. К самому началу 70-х годов их было не более 5 тыс., а если с часовнями и молитвенными домами, то около 7 тыс. так называемых религиозных точек. В половине 70-х годов все открытые еще храмы были разделены на три категории.

Первая категория — церкви постоянно «действующие», имеющие постоянный причт, регулярные богослужения, осуществляющие свои действия под контролем представителей Совета по делам религий. Выпуск новых священников из духовных учебных заведений регулируется потребностью в новых пастырях у приходов, относящихся к первой категории. Последнее подтверждается рядом советских документов, в частности в преувеличенно нашумевшем докладе Фурова.(Вестник РХД. № 130. Париж, 1979. Доклад Фурова имеет двойное значение; желающие его понять до конца должны очень внимательно проанализировать статистические материалы, имеющиеся в нем.)

Вторая категория — юридически открытые храмы, но не имеющие постоянного священника. Их обслуживают священники, приезжающие в эти приходы по принципу совместительства. Вызывается данное явление недостатком священников, являющимся тоже частью правительственного плана уничтожения религии. В них совершаются богослужения два-три раза в месяц. Храм берется властью на отметку, как «мало функционирующий».

Третья категория храмов — формально открытые, но фактически закрытые, так как в них за неимением священника богослужения не

совершаются или совершаются весьма редко, хотя двадцатка существует и договор с ней не расторгнут. Но они являются первыми кандидатами на закрытие.

Основная директива брежневского периода: церкви и прочие «молитвенные точки» закрывать постепенно, без шума и без огласки на Западе. Последнее условие наиболее важное. Директива эта выполнялась, но благодаря невежеству и непониманию провинциальных исполнителей, далеко не всегда удачно. Но замысел власти в принципе был правильный: без шума легко закрыть храмы третьей и отчасти второй категории и почти невозможно «тихо» проделать такую же операцию с церквами первой категории.

Примеров осуществления этой директивы на практике весьма много. Можно привести несколько наиболее характерных. При этом одновременно должна была проводиться везде, где это было возможно, кампания по разложению двадцаток путем засылки в них своих людей. Расстройство деятельности двадцатки дает основание для закрытия прихода или перевода его в список «сомнительных», предназначенных для ликвидации. «Работа» с двадцатками должна была сочетаться с нарастающей волной нажима на верующих с целью устранения от церковной работы всех наиболее преданных вере людей. Комбинация в высшей степени сложная, в которой долгое время не могли разобраться интересующиеся этими проблемами, но получившая законченные и достаточно ясные формы ко второй половине 70-х годов. Конец 70-х годов — это период обострения положения на религиозном фронте, период финального ужесточения брежневских гонений на верующих и попытки радикально ликвидировать открытое религиозное диссидентство.

Весьма характерна история, происшедшая в деревне Зносычи Сарненского района Ровенской области. Церковь в этом селе-деревне была построена еще в 1910 году и обслуживала верующих нескольких деревень. После хрущевских гонений она не была закрыта, но не имела священника, и верующие собирались в ней на молитву без «служителя культа». Типичный храм третьей категории. В 1977 г., согласно имевшемуся плану закрытия «религиозных точек», очередь подошла и к этому храму. Власти попытались «без шума», тракторами разрушить церковь ночью. Разрушить в некоторых случаях проще, чем закрыть. Треск тракторных двигателей разбудил население и верующие кинулись к церкви. Начался нежелательный шум, и власти отступили. Прихожане же установили возле церкви круглосуточное дежурство.

Через год попытка повторилась. Весной 1978 г. снова ночью приехала пожарная машина, храм облили горючей смесью и хотели поджечь. Снова вмешательство прихожан помешало этому «гениальному плану». Пожар церкви, вопреки имевшейся директиве, стал бы широко известен, и «тихое» закрытие не получилось бы. Неудачи с уничтожением храма привели власти к другому решению. Решено было «неработающую» церковь превратить в колхозный склад. Церковь загрузили зерном. В ответ началась колхозная забастовка. Люди не вышли на работу. Зерно из церкви убрали, и церковь опять отдали верующим.

Неудачи разъярили местные власти, и они забыли думать о данных им директивах. На Пасху 1979 г. всех жителей Зносычи послали на работу в другую деревню. Детей заперли в школе. К зданию церкви подвели пять автобусов с милицией и два КРАЗа. Грузовики, зацепив церковь тросами, раскачали здание. Церковь была разрушена. Наутро разрушенную церковь сожгли.

На месте разрушенного и сожженного храма стали собираться верующие на молитву. Приходили люди со всей округи. Слух о сожженной церкви дошел до дальних деревень. Появились паломники, ночующие в домах жителей Зносычи. По приказу прокурора местные власти разгоняли молящихся, а въезд в Зносычи был запрещен. На дорогах были выставлены патрули, не пропускавшие в деревню пешеходов и машины. Народ стал идти в Зносычи лесами.

Паломники украшали сосны вокруг снесенной церкви полотенцами и цветными лентами. По приказу властей сосны были вырублены. Люди стали украшать пни. Бульдозеры выкорчевали пни и засыпали ямы землей. Однако верующие продолжали собираться на месте разрушенной церкви.

Случай в Зносычах попал на Запад через самиздат и был опубликован также в "Хронике текущих событий" (№ 54). Некоторые зарубежные органы печати тоже кратко сообщили о нем, но выводы из него никто пока не сделал. А случай несомненно интересный. Он интересен по следующим причинам: 1) разрушение или окончательное закрытие храма третьей категории было плановым и директивным; 2) намечено оно было на 1977 год, но не удалось, равно как не удалась и попытка ликвидировать храм в 1978 г.; 3) единственной причиной неудачи власти явилось народное сопротивление, перед которым власть вынуждена была дважды отступить; 4) настойчивые директивы Совета по делам религий о необходимости выполнить «план» при-

вели к третьей отчаянной попытке местных властей закрыть церковь при участии прокурора. Последняя попытка удалась, но из «тихого» закрытия превратилась в шумный скандал, о котором узнали на Западе.

Мы считаем классическим примером «тихого» и «спокойного» закрытия храма в плане брежневских директив историю Свято-Успенской церкви села Истомино Калужской области. Задача, поставленная перед местной властью, заключалась в следующем. Действующую Свято-Успенскую церковь постепенно перевести во вторую категорию, разложить двадцатку и «тихо» закрыть. Случай этот был передан на Запад о. Глебом Якуниным в числе материалов его Комитета защиты прав верующих. Перед нами заявление двадцатки и прихожан Свято-Успенской церкви села Истомино, адресованное председателю Совета по делам религий В. Куроедову. Двадцатку разложить не удалось, и она выступает монолитно, вместе с активом прихожан, протестуя против бесшумного фактического закрытия храма. Село Истомино находится недалеко от г. Тарусы, т. к. ряд активных и достаточно бесстрашных прихожан проживает именно в этом городе.

Сущность дела заключается в следующем. В своем заявлении на имя Куроедова верующие отмечают, что с 1974 года церковь фактически перестала «действовать». Причиной этого явился перевод священника Св. Успенского храма в г. Киров. Присланный местным преосвященным новый священник внезапно заболел и, не отслужив ни одной службы, слег в больницу и на приход не вернулся. Обстоятельства несколько странные, если учесть происходившее после этого.

Верующие снова обратились к местному преосвященному с просьбой о назначении священника. На эту просьбу архиепископ Донат заявил, что он без разрешения областного уполномоченного Совета по делам религий назначить священника не может. Верующие обратились к областному уполномоченному и получили ответ: священника назначает местный архиерей. В результате ссылок друг на друга местный преосвященный и уполномоченный поставили храм в селе Истомино под угрозу закрытия. А храм — единственный в радиусе 80 километров. Храм, оставшись без священника, может быть через некоторое время снят властью с регистрации и фактически закрыт.

Данная ситуация в 70-х годах не является чем-то необычным. Игра идет весьма серьезная. И хотя официально власть «не вмешивается» во внутреннюю жизнь Церкви, тем не менее назначение епископом священника на тот или иной приход фактически решается уполномо-

ченным. Без его санкции священник не получит т. н. регистрацию и не будет допущен на приход. Отлично понимая все это и не желая дискредитировать свои церковные решения со стороны уполномоченного, архиепископ с достаточной долей мудрости отослал верующих к уполномоченному. Уполномоченный, имея «разнарядку» на плановое закрытие Успенской церкви, конечно, не утвердит назначение нового священника. Но во избежание какого-либо обвинения со стороны верующих в нарушении им советских законов и вмешательстве во внутренние церковные дела он формально отделывается в общем правильной формулировкой о необходимости назначения священника местным архиереем. Начинается игра в порочный круг. Архиерей ссылается на уполномоченного, уполномоченный — на архиерея.

Кто прав? Несомненно, неправ уполномоченный, прикрываясь формальной мотивировкой о праве представителя РПЦ назначать священника. Мотивировка формально правильная, но при данной обстановке издевательская и лукавая. Архиепископ долго выжидал какого-то нужного ему момента и все-таки назначил священника. Уполномоченный был достаточно умен, чтобы не отказать ему. Но он неожиданно задержал выдачу регистрации священнику по совершенно особой причине. Он заявил о необходимости предварительно переизбрать двадцатку. Мотивировка этого требования такова: двадцатка плохо справлялась со своей работой. Уполномоченный Рябов начинает новое дело с переизбранием двадцатки, хотя в сущности это не является его компетенцией.

В связи с этим верующие обратились на этот раз к районному уполномоченному Долгачевой с просьбой провести собрание на предмет переизбрания двадцатки. Обращались несколько раз, но на все просьбы она отвечала молчанием и потребовала отдать ей ключи от храма. Смысл происходящего становится кристально ясным. Долгачева выступает в роли местного стрелочника, которому технически поручено тихо закрыть приход в селе Истомино и на которого посыплются все шишки в случае какой-либо осечки. Осечка уже имелась, т. к. приход и непереизбранная двадцатка продолжали отстаивать храм и заодно отправили изложение всей этой истории в Комитет о. Глеба Якунина. Одновременно верующие пишут заявления в различные инстанции, но безуспешно, доходят до Косыгина и, в конце концов, получают бюрократический ответ, в котором истоминский приход называется «распавшимся религиозным обществом». Дальнейшие комментарии по этому делу едва ли нужны.

Закрывая постепенно храмы второй и третьей категории, нынешняя власть одновременно категорически не допускает восстановления и открытия храмов четвертой категории, ранее закрытых, но не уничтоженных. Характерным примером может в данном случае послужить случай в селе Балашовка Березневского района Ровенской области. В селе имеется закрытая церковь. Около восьми лет подряд православные всего района добиваются регистрации своей религиозной общины и открытия церкви в селе Балашовка. Однако они неизменно получают отказ, мотивируемый следующим: просьба верующих не может быть удовлетворена, т. к. двадцатка, ранее существовавшая, распалась, а здание церкви находится в аварийном состоянии. Ответ вполне «мирный», но нелепый, соответствующий нынешним директивам на религиозном фронте. Двадцатка может быть и даже должна быть выбрана новая, церковь можно отремонтировать, а кроме того, согласно законодательству о культах, верующие могут совершать богослужения в любом другом здании, предоставленном им с этой целью, или даже в частном доме.

В городе Речица Гомельской области православная община с разрешения властей произвела ремонт храма. Вскоре после окончания ремонта, осенью 1979 г., здание было опечатано пожарным надзором, якобы по причине грубых нарушений правил пожарной безопасности. Верующие обратились к местным властям, но безрезультатно. У храма дежурила милиция. Сущность дела: насильственный перевод храма из первой во вторую или в третью категорию с дальнейшим использованием его по собственному усмотрению.

Закрывая и жонглируя еще открытыми храмами, власть не оставляет в покое и верующих. Практика преследований верующих 60-х годов, несколько приглушенная и сокращенная в первой половине 70-х годов, снова стала расцветать пышным и зловредным цветом. До относительно недавнего времени власти особенно не мешали верующим собираться на молитву в тех или иных местах, почитаемых ими как святые. Указанное относилось и к источникам с целебной водой. В последние два года милиция приступила к активному разгону верующих, собирающихся у источников. Такой источник имеется, например, в селе Великорецком Кировской области. Милиция запрещает верующим совершать у источника молебны, загоняет людей в машины и насильно отвозит их на весьма значительное расстояние от источника. При подобного рода акциях имели место инциденты, закончившиеся смертельными случаями.

8 июня 1980 г. в село Великорецкое пришло около тысячи человек. К источнику их не допустили. У реки Великой поставили милицейские заставы. Милиционеры были привезены из ближайших городов — Юрья, Халтурина, Кирова, Слободского. Берег реки загородили цепью милицейских машин и тракторов. В реку неподалеку от источника опустили мотор, взбаламучивающий воду. Милиционеры были все в нетрезвом состоянии, накидывались на паломников и избивали их. Началась стрельба, правда, холостыми патронами. Через репродукторы верующим предлагалось разойтись, так как подобные «сборища» запрещаются законом. Многих забирали и увозили в ближайший город. Милиционеры несколько дней оставались в селе Великорецком. Они перекрыли подступы к мосту, ведущему в село Чудиново, где имеется еще открытая церковь.

В городе Кирове в начале крестного хода, когда верующие переходили по мосту через реку Вятку, милиция возвращала их назад, обыскивала, угрожала физической расправой.

В Дивееве за паломниками установлена постоянная слежка. Сотрудники милиции дежурят у канавки, выкопанной когда-то преподобным Серафимом Саровским. Верующие часто приходят к канавке помолиться. Милиция теперь не допускает подобных «вольностей» и часто задерживает богомольцев. Их отводят в местное отделение милиции, переписывают имена и фамилии, снимают как с преступников отпечатки пальцев, изощряются в угрозах и предупреждают, что скоро будут «давить всех верующих». Давить, конечно, они вряд ли будут, но составлять списки верующих как неблагонадежных элементов, особенно на случай войны, они, очевидно, все же будут. Подобные «колоритные картинки» мы довольно давно не видели. Они в некоторых отношениях превосходят гонения 60-х годов, когда творились вопиющие безобразия.

Мрачная картина полицейского произвола царит и в многострадальной Почаевской лавре. С давних пор Дивеево и Почаевская лавра были объектом постоянных нападок полицейских властей. О том, что творилось в лавре, собралась за последнее десятилетие солидная литература. Сейчас в Почаевской лавре снова начались преследования паломников, затихшие в начале 70-х годов. В самой лавре паломникам разрешается оставаться не более трех дней. Для духовенства дается льготный срок — пять дней. Милиция буквально не выходит из лавры, проверяя документы у посетителей, отбирает часто паспорта и требует немедленного выезда из города. 20 августа, после окончания

поздней литургии, во двор лавры влетела милицейская машина. Выскочившие из нее милиционеры стали хватать людей на территории монастыря и насильно сажать их в машины. Многих увезли, часть разогнали, кое-кто успел спрятаться. Попадают в облавы даже туристы, не имеющие к лавре никакого отношения. Ни одна церковная служба не проходит спокойно. Все ждут очередной милицейской облавы на «незаконно находящихся на территории лавры». Милиция вмешивается и во внутренние дела монастыря, контролирует и проверяет действия наместника и одновременно сквозь пальцы смотрит на всякого рода хулиганские выходки со стороны атеистически настроенных элементов.

Как сообщила в свое время «Хроника текущих событий» (№ 57), духовный совет Почаевской лавры еще весной 1979 г. направил в церковные и государственные инстанции обращения, в которых содержались просьбы о возвращении лавре сада и гостиниц, а также о разрешении прописывать в лавру послушников. Результаты обращения оказались весьма «своеобразными». В Почаевскую лавру приезжали всякого рода комиссии. Их приезд отрицательно отразился на верующих: богомольцам запрещается теперь ночевать в лавре, а послушники были немедленно выселены из монастыря.

Брежневские гонения постепенно и последовательно ужесточаются в отношении верующих всех конфессий и религий. Начинаются увольнения с работы по религиозному признаку. Филолог В. Улитин работал инструктором по фольклору в доме народного творчества во Владимире. В октябре 1979 г. он не вышел на один из субботников. Кто-то видел его в этот день идущим в Успенский собор. Улитин был вызван на беседу с директором, который предложил ему уволиться, т. к. религиозное мировоззрение не соответствует пропагандистским принципам этого учреждения.

Студентка Л. Олейник исключена с третьего курса медучилища г. Шахты Ростовской области за то, что в представленном ею реферате по курсу атеизма она «обнаружила свои религиозные воззрения».

Анатолий Домница из молдавского села Болонтировка, отбывающий воинскую повинность в Москве, за проявленную религиозность был помещен в психиатрическую больницу им. Яковенко Московской области.

В городе Горловка Донецкой области был арестован верующий Н. Кинаш по обвинению в «тунеядстве». Ему 33 года и у него уже 15-летний рабочий стаж. В связи со своей религиозностью он не мог устро-

иться на работу в продолжение восьми месяцев. По этим же причинам Кинаш за последние два года вынужден был поменять четыре места работы. Он пытался переехать на постоянное жительство в Хабаровскую область, но узнав, что Кинаш верующий, власти отказали ему в прописке. Впоследствии он был арестован в связи со своим заявлением о разрешении ему и его семье выехать из СССР.

За последние годы значительно возросло число случаев преследования с физическим насилием над верующими. Особенно это стало «модным» в школах и в других учебных заведениях. С. Гура учился в Ново-Каховском техникуме. Классный руководитель и директор всячески его отговаривали настаивать на своих религиозных убеждениях. Твердость Гуры привела к конфронтации с другими студентами. За отказ вступить в комсомол его избили его соученики. Староста группы Смирнов, организовавший избиение, сказал: «Неужели ты думаешь, что я не могу бить, ведь недаром я учился два года в армии». Классный руководитель Тищенко перерыла все личные вещи Гуры, жившего в общежитии техникума, и забрала книги религиозного содержания. Гуру обвинили в пропаганде религии и в конце концов исключили из техникума. В одной из школ гор. Ровно были избиты трое детей Фальдштейн за то, что отказались вступить в отряд октябрят.

Н. Кравченко был уволен из армии из-за перелома нижней челюсти и ущемления лицевого нерва. Травма была получена в результате избиения Кравченко сослуживцами. Причина избиения — Кравченко был верующий военнослужащий. Это не допускается.

Еще относительно недавно многие носили нательные кресты, не скрывая этого и ссылаясь на «моду». Власть, хотя и относилась к подобного рода фактам отрицательно, но до поры до времени терпела этот «непорядок». К концу 70-х годов положение изменилось. Сейчас в советских изданиях, затрагивающих вопросы религии, начался поход против «крестоносцев». Примирительно-снисходительное отношение к подобного рода фактам «крестоношения», формально оправдываемым «модой» (а откуда такая мода взялась?) отошло в прошлое. Свирепая непримиримость характеризует нынешнее отношение к «крестоносцам». Сейчас появление нательного креста — причина для начала преследований и обвинений в своего рода «религиозной неблагонадежности».

Возрастает количество неожиданных и незаконных обысков у более или менее активно верующих людей. Один из лейтмотивов обысков — выяснение, откуда, куда и по каким каналам идут на Запад

сообщения о положении верующих в СССР. В первую очередь ищут религиозную литературу и всякого рода «пропагандистские материалы». Обвинения в распространении миссионерской литературы постоянны. Иногда они в какой-то степени обоснованы, так как миссионерская деятельность в СССР продолжается, несмотря на репрессии, иногда же буквально высасываются из пальца. Достаточно обнаружить у того или иного верующего книгу религиозного содержания, даже изданную официально в СССР (такие имеются в незначительном количестве), чтобы «припаять» человеку обвинение в недозволенной «религиозной пропаганде».

Власть придирается буквально ко всему, чему возможно. В селе Балашовка (1978 г.) были оштрафованы две женщины — Мария Прокопчук, Ганна Прокопчук и Адам Иванов. Штраф, по десять рублей с каждого, был наложен за «недозволенную уборку» православного храма. Верующие написали жалобу председателю Совета по делам религий. Но Совет на такие безобразия не реагирует, показывая всему миру свое антинародное лицо.

Судебные процессы по поводу нарушения верующими «знаменитого» законодательства о культах стали едва ли не ежедневной рутиной. Разгоны молитвенных собраний, свадеб, главным образом у сектантов, вмешательство в похороны с участием «служителей культа», штрафы и аресты, никого сейчас больше не удивляют. 5 августа 1979 г. было разогнано собрание верующих в г. Дедовске (Московская область). Руководил разгоном секретарь Дедовского райисполкома. Его сопровождали милиция и дружинники; многие из них были пьяны. Верующим выкручивали руки, загоняли в автобус и отвезли в отделение милиции. Один был оштрафован на тридцать рублей.

15 июля 1979 г. в деревне Евсеево Московской области милиция и лица в штатском пытались разогнать свадьбу пятидесятника Разумовского. В доме, где происходила свадьба, была отключена электроэнергия, а когда срочно подвели электричество из соседнего дома, то отключили энергию во всем селе. Несмотря на это, свадьба все-таки состоялась.

Если практика закрытия и разрушения православных храмов остается несколько приглушенной и завуалированной, то в отношении сектантов власть разошлась в последнее время во всю. Объясняется последнее не каким-то особым отношением к протестантскому сектору российской религиозной жизни, сколько тем, что в недрах многочисленных сект и отколовшихся от них ячеек имеются группы, особо

активно противостоящие религиозной политике власти. Достаточно напомнить о т. н. инициативниках, продолжающих сопротивляться и отказываться от регистрации своих общин. Вследствие такого положения политика власти значительно ужесточилась по отношению к российскому протестантству и поэтому часто бьет мимо цели, не разбираясь в отдельных проявлениях религиозной жизни сектантства. И хотя мы пишем о гонениях на РПЦ, но попутно затрагиваем и гонения на протестантов.

В различных городах страны стали разрушать и конфисковывать молитвенные дома различной конфессиональной принадлежности, построенные на средства верующих. Во Владивостоке был разрушен бульдозером дом Тереховой, в котором верующие собирались на молитву. Верующие стали собираться под открытым небом. В Джамбуле дом, в котором происходили молитвенные собрания, предназначен к конфискации. В Перми недавно конфискован дом, по причине совершения в нем богослужений. Хозяева дома — глубокие старики — выселены. В городе Никольском Джезказганской области разрушен молитвенный дом; перед этим из него насильно удалены были верующие. Молитвенный дом был разрушен привезенной для этой цели группой молодежи, орудовавшей топорами. Лиц, пытавшихся сфотографировать происходящее, избивали и арестовывали.

В конце 1979 года в Черновцах разрушили так называемую палатку для богослужений зарегистрированной общины ЕХБ. Палатка была построена членами общины, радиофицирована и электрифицирована. Все было уничтожено. В августе 1979 г. в Рязани состоялся процесс над С. Рединым. Его обвинили в самовольном строительстве жилого здания. Дом был конфискован. Дело здесь, конечно, не в строительстве жилого дома, а в совершении богослужений в этом доме. В городе Тернополь во время молитвенного собрания в доме Я. Сокола ввалился участковый Купчак с дружинниками. Во время инцидента вошедшие умудрились сорвать входные двери с петель.

Брежневские гонения на Церковь идут по всей стране, захватывая попутно и территории советских сателлитов, пока за исключением Польши, сумевшей отстоять свою религиозную независимость. Политика власти в отношении Церкви извилиста и многообразна. Ее внешняя псевдо-«тихость» и стремление избежать «шума» вокруг тех или иных антицерковных акций были связаны не только с разрядкой и с западным общественным мнением, но и еще с одним фактором, который недооценивался советологами. Военная экономика Советско-

го Союза, направленная на новые захваты, осуществляемые в тех или иных формах, в конечном итоге все же ориентирована на войну. Но власть не забыла того, что случилось во время Второй мировой войны. Поэтому она пробует совместить несовместимое. Прижать и снизить влияние РПЦ и всех других исповеданий и одновременно не доводить отношения с верующей частью населения до тех пределов, которые имели место перед началом Второй мировой войны. Задача понятная, но абсолютно нереальная. Здесь власть терпит полное поражение и главным образом по вине тупых и невежественных исполнителей ее директив. Приведенные в этой статье примеры свидетельствуют о разгуле гонений, главным образом в провинции. В больших городах, а особенно в таких, как Москва или Ленинград, антирелигиозных бесчинств почти нет. Все делается в «белых перчатках», под надзором соответствующих «руководителей», более тонко выполняющих директивы, идущие сверху. Другое дело провинция. Там местные держиморды, толком не понимая, чего от них хотят, расходятся во всю без оглядки на последствия. Виноваты в этом и вышестоящие инстанции, требующие выполнения «плана» и спущенных сверху цифр по удушению религиозной жизни страны.

Власть не учла по своей самодовольной беспечности и фактор религиозного движения сопротивления, который продолжает работать совсем не в пользу власти. Вопрос о появлении катакомбной церкви, на этот раз в совершенно новых условиях, выдвигается на повестку церковного дня в СССР, не говоря уже об открытом сопротивлении власти в пределах существующего пресловутого законодательства о культах.

Любопытно, что выводы, к которым приходим мы в отношении брежневских религиозных гонений, повторяют и некоторые западные советологи. Так, например, Оливье Клеман, известный французский историк и богослов, пришедший к православию, знающий положение дел на религиозном фронте в СССР, дает следующую характеристику нынешней ситуации: «Многочисленные петиции верующих, добивающихся открытия недействующих или новых церквей, систематически остаются безответными. На огромных просторах страны, в новых промышленных центрах, на северо-востоке Сибири, насчитывается лишь несколько десятков церквей — и ни одной в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, на Камчатке и на Сахалине. Таким образом, все возрастают территории, где огромные массы населения духовно обездолены, а Церковь лишена возможности осуществлять свою миссио-

нерскую деятельность. Однако все это проделывается «тактично», во избежание часто трудно контролируемых баптистских или пятидесятнических общин или же развития подпольной церкви, некоторые зачатки которой уже существуют...» (Русская мысль. Париж. 26 февраля 1981 г.).

Власть, развивая свой «крестовый поход» на религиозную жизнь страны под эгидой «второго Ильича», попыталась разгромить религиозное диссидентство. Удалось ей это только частично. Но несомненно, что представители религиозного сопротивления ушли в подполье и по имеющимся сведениям продолжают свою деятельность, только в несколько иных формах. На религиозном фронте идут ожесточенные бои. Пока нет оснований утверждать, что власти удастся выиграть их.

Протоиерей Д. Константинов

Оповещение[1]

После пятнадцати лет заключения в тюрьмах и лагерях Игорь Вячеславович Огурцов этапом доставлен на место ссылки. Состояние его здоровья катастрофическое. При выходе из вагона он упал на снег.

Мы призываем наших соотечественников в России и за рубежом оказать всяческую поддержку замечательному русскому патриоту, христианскому демократу Игорю Огурцову.

Ему можно писать письма, открытки, посылать посылки. Помощь также можно оказать и через наш комитет.

Адрес: КОМИ АССР, Усть-Вымский р-н, поселок Микунь 169060 Огурцову И. В. До востребования.

BAYERISCHE HYPOTHEKEN-
UND WECHSEL-banr ag
zwgst, M-HOHENZOLLERNP
Konto-Nr./Account-No. de Compte
1890145752
k/w I. Ogurcov

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ
ИГОРЯ ОГУРЦОВА
Gumbinnenstrasse 8
8000 Munchen 81
West Germany

[1] Русское возрождение. 1982. II № 18. С. 125.

Еще о моде на религию и о мучениках за веру[1]

В русских православных кругах за рубежом значительный интерес вызвало «эссе», как называет свою заметку неизвестный автор, «Несколько слов по поводу сегодняшней церковной ситуации», посвященное проблемам, стоящим перед Церковью в СССР, сейчас и в будущем. Мысли, высказанные автором, подверглись резкой и справедливой критике со стороны русской общественности и в печати.

Идеи, выдвигаемые автором, и выводы, сделанные им, настолько неприемлемы, что высказывалось мнение, что весь этот труд был создан в органах, враждебных Православной Церкви, или инспирировался ими. Об этом трудно судить, но есть одна истина: не важно, что говорят, не важно, кто говорит, важно то, для чего говорят.

Если рассмотреть с этой точки зрения эссе неизвестного автора, то становится ясным, что в нем преследуются цели, враждебные русскому православному делу. Автор искажает современное положение Церкви в СССР. Выводы и оценки, сделанные автором, явно рассчитаны на дезориентацию и обескураживание людей, стремящихся к возрождению Русской Православной Церкви в СССР.

Уже своей вводной цитатой о временном характере моды на религию автор как бы создает общий настрой, высказывает то, что красной нитью проходит через все эссе — нет настоящего подъема религиозного чувства, христиане не смогут ответить на запросы современников, их ждет банкротство перед нажимом советской власти.

В Советском Союзе мода на религию действительно существует. Девчонки лет 16–18, из тех, кого русский народ метко обозвал «я у мамы дурочка», носят ради моды золотые и серебряные крестики, люди крестят своих младенцев, не зная, зачем и почему, лишь бы быть «таким как все», молодежь приходит в храмы, на Крестный ход на Пасху, как на интересное зрелище или же чтобы послушать церковное пение. Даже некоторые уголовники ходят с крестами, компрометируя своим видом и поведением Церковь и верующих, видимо, за это они пользуются определенными благами со стороны власть имущих.

Все это, казалось бы, не имеет никакой ценности для Церкви, скорее представляет один лишь вред. Так ли это?

Если автор эссе втайне злорадствует, а многие истинно верующие огорчаются, наблюдая за такой «ситуацией», враги Православной Церкви расценивают эту моду совсем по-другому и ясно осозна-

[1] Русское возрождение. 1982. II. № 18. С. 150–156.

ют опасность, которую она представляет для официальной идеологии. Уже одно то, что после стольких лет атеистической пропаганды, после стольких лет калечения душ и детей, и взрослых возникла мода на религию, а не марксизм-ленинизм, выводит из себя комсомольских и партийных вожаков. Как же так, престижно крестить детей, а предосудительно принуждать детей поступать в комсомол! И появляются грозные статьи о «крестиках на тонкой шее», и в пасхальную ночь приходится в 11—12 часов вечера открывать кинотеатры на особые сеансы, на которых показывают заграничные фильмы, никогда не поступающие на открытый экран. Можно не гнушаться даже показа полупорнографической ленты — лишь бы любой ценой отвлечь молодежь от Церкви.

Конечно, девчонки, наивно полагающие, что они стали верующими, надев на себя крестики, в большинстве своем снимут их, когда пройдет мода. Многие крещеные младенцы, когда вырастут, станут хорошими советскими бюрократами, членами партии и даже бравыми гебистами. Но кто-то все же задумается, что же кроется за этим простым символом, крестиком, кто-то из любопытствующих задумается, что влечет других людей в храм Божий. Для многих эта мода обернется духовным возрождением, многим она укажет путь к истинной вере. Это-то и страшит марксистских мракобесов.

Но автор «Нескольких слов...» скрыл основную истину — в России имеется мощный подъем религиозного чувства во всех слоях населения. Тысячи и тысячи людей возвращаются к вере Христовой, возвращаются искренне и бесповоротно. Угасла надежда власть имущих, что вера умрет сама собой — вымрут старушки, единственные посетители храмов лет 15—20 тому назад, опустеют храмы, и можно будет их закрыть, не вызывая недовольства ни внутри страны, ни за рубежом. Храмы полны молящихся, старушек осталось столько же, если не больше, но среди старушек много молодых женщин, уже много мужчин — правда, в основном седовласых, — но есть и молодежь, и люди среднего возраста. Это самое основное, что следует отметить при рассмотрении «церковной ситуации», а мода — вопрос второстепенный.

Вторым вопросом, в котором автором допускаются, мягко говоря, «неточности», это вопрос о церковном «диссидентстве», как его называет автор.

Прежде всего, применение слова «диссидент» (хотя автор утверждает, что оно взято из истории Церкви), в данном случае неправомерно. Оно невольно ставит знак равенства между диссидентским право-

защитным движением в Советском Союзе и Русской Православной Церковью, даже приводит к мысли, что подъем религиозного чувства — это только побочное явление правозащитного движения. Не умаляя заслуг правозащитного движения, следует отметить, что оно идейно и организационно весьма разношерстно, охватывает лишь некоторые слои интеллигенции и не имеет корней в народе. Русское же православие — это история России. Оно имеет глубокие корни в народе, пользуется всеобщим уважением — даже со стороны врагов — и обладает влиянием, несравнимым с влиянием правозащитного движения.

Автор, используя, как он говорит обиняком, «предательство» о. Дудко и других, а также кары, обрушившиеся на служителей Церкви, старается убедить нас, что выход Православной Церкви за тесные рамки, установленные советской властью, невозможен и вреден. При этом условием для такого выхода автор ставит проведение церковного собора, то есть ставит формальное условие, выполнение которого невозможно. Но выход Церкви за церковную ограду — веление времени, и оно осуществляется, желает или не желает этого Церковь, запрещают или разрешают власти.

Особо острую дискуссию вызвал случай с о. Димитрием Дудко. Можно по-разному оценивать его деятельность, но одно очевидно: его попытка вынести деятельность Церкви за пределы храма, его стремление внедрить морально-этические православные принципы в повседневную жизнь советского человека вызвало не только острое неодобрение, но и страх властей. Успех его деятельности выбивал почву из-под ног партийных идеологов, лишний раз подчеркивал, что они идейные банкроты, тупые начетчики и бюрократы.

В создавшейся ситуации советская власть, не имея возможности расправиться методами простого насилия с возрастающей волной религиозного чувства, решила прибегнуть к испытанному средству — к дискредитации наиболее активных служителей Церкви. С этой целью было аранжировано наделавшее столько шума «покаяние» о. Д. Дудко и его выступление по телевидению.

Мы не можем судить об искренности о. Дмитрия Дудко, о правдивости его выступления. Многие уверяют, на основании имеющихся погрешностей, что текст выступления написал не сам о. Димитрий. Но в любом случае мы не имеем права осуждать о. Димитрия. Тот, кто не был в лапах чекистов, не знает, какие только подлые и жестокие средства применяют там для того, чтобы сломать человека, прежде

всего духовно, психически, чтобы заставить его признаться в том, чего он не совершал, покаяться в том, в чем он не виноват и отречься от того, что он считает праведным и справедливым. Причем удар обычно направляется не на самого обвиняемого, а на его ближних — человеку легче пожертвовать собой, чем согласиться на гибель своих близких. Во всяком случае, выступление о. Димитрия не было добровольным, и тем, кто говорит об отступлении перед орудиями пытки, следовало бы их сначала испытать на себе.

Там, в России, идет война, война духовная, война идеологий. На войне бывают и поражения, и отступления. Трудно оправдать отступничество, но кто знает, что побудило о. Димитрия пойти на моральную Голгофу, кого он защитил ценой своего позора.

Успех гнусного спектакля, устроенного с о. Дмитрием, в Советском Союзе весьма низок. Там знают цену таким покаяниям. Кто только там не каялся, не наводил на себя «самокритику» за существующие и несуществующие провинности на профсоюзном или партийном собрании, на пионерском сборе или в комитете комсомола. В России о. Димитрия никто не осуждал, многие его жалели как очередную жертву насилия и произвола. В общем же устроители «покаяния» сильно просчитались: среди людей, никогда не интересовавшихся вопросами Православной Церкви, возник острый интерес к деятельности о. Димитрия.

В эмиграции, к сожалению, результат оказался иным. Устроителям «покаяния» удалось посеять смуту и разногласия в среде верующих, внушить многим, что любое противодействие властям безнадежно, что в основе такого противодействия не вера, а политические мотивы.

Удивительна поспешность, с какой многие русские люди, нарушая все заповеди, спешат бросить камень в о. Димитрия, как рьяно многие, не сделавшие еще ни одного шага по стезе мученичества, требуют мученичества от других. Раскол, вносимый такими людьми в русское православное движение, только на руку тем, кто затеял гнусное дело против о. Димитрия и других.

Автор «эссе» достаточно четко проводит обе эти мысли, разделяя людей, пострадавших от советских карательных органов, на хороших и плохих, на мучеников и отступников. Также четко он высказывает мысль, что противостояние советской власти невозможно, то есть советует не делать то, что больше всего страшит советскую власть.

Православная Церковь в России достигла такой степени влияния, что, по-видимому, уже переступила или неотвратимо перестu-

пит в ближайшем будущем ту грань, которую советская власть считает крайним допустимым пределом. Церковь не может запретить человеку верить или искусственно сократить число верующих. Также она не может препятствовать тому, что все больше верующих начинают вести себя и в быту, вне храма, согласно морально-этическим принципам православия, крестить детей, вешать дома иконы вместо портретов Ленина. Новые гонения и репрессии неизбежны и в ближайшем будущем будут новые мученики за веру. Нам нужно быть, хоть душой, с ними, не судить их, а молиться за них в их успехах и неуспехах.

Мирянин

О книге Льва Регельсона «Трагедия Русской Церкви, 1917–1945 гг.»[1]

Статья первая
О соавторах Регельсона и вопросе о взаимоотношении Церкви и государства

За последние годы, в связи с диссидентским движением, ростом интереса к религии и Церкви в России и массовым выездом евреев из Советского Союза, в свободном мире появилось несколько очень интересных книг по истории Русской Православной Церкви. Книги эти интересны не только потому, что приводят факты, часто неизвестные в свободном мире, но и потому, что содержат достаточно интересную интерпретацию. Последнее особенно важно, т. к. авторы во многих случаях являются людьми, сравнительно молодыми, выросшими вне православной традиции, пришедшими к религии и Церкви уже в зрелом возрасте.

К сожалению, при оценке и использовании книг, написанных в России и только опубликованных за границей, авторы которых до сих пор остаются по ту сторону «железного занавеса», иногда в тюрьмах и концлагерях, рецензент сталкивается с очень сложными, порой трудно разрешимыми проблемами. До последнего времени, до волны арестов таких религиозных деятелей, как о. Дмитрий Дудко, Лев Регельсон и о. Глеб Якунин, можно было считать, что все их поведение и деятельность были подчеркнуто антиконспиративными, открытыми как для представителей власти, так и, в меру предоставляющихся возможностей, для широких слоев населения. При такой тактике чем

[1] Русское возрождение. 1982. III. № 19. С. 59–77.

больше писали и говорили об этих деятелях, особенно в свободном мире, тем для них было безопаснее. Известность была их единственной защитой. Судя по последним арестам, период возможности применения такой тактики окончился, точнее говоря, коммунистическая власть приняла меры, чтобы его закончить. Необходимо отметить, что в эпоху своего расцвета в 60-х годах непривычная смелость диссидентов часто сбивала с толку многих эмигрантов второй и первой волн, покинувших СССР в те времена, когда власть немедленно подавляла всякое проявление сколько-нибудь независимой свободной мысли. Надо думать, что и в самом Советском Союзе старшее поколение верующих, особенно лиц, близких к катакомбной церкви в разных ее проявлениях, вряд ли могло смотреть на смелость религиозных диссидентов иначе, как на дело, если и вызывающее сочувствие, то, во всяком случае, слишком рискованное и вряд ли практичное. Мы не говорим уже о прямых подозрениях в провокационном характере слишком открытой деятельности некоторых религиозных и не религиозных смельчаков диссидентов.

Таким образом, писать разбор самиздатовских книг, опубликованных в свободном мире, особенно тех, авторы которых остаются в СССР, является делом щекотливым. Кто может сказать, продолжает ли еще действовать закон защиты при помощи максимальной публичности или снова вступает в силу старый испытанный закон, по которому самое невинное проявление самостоятельного мышления и религиозного чувства надо тщательно скрывать от советской власти и уже, конечно, не писать за границей о таких явлениях в СССР.

Одна из намеченных нами к разбору книг — книга Льва Регельсона «Трагедия Русской Церкви, 1917–1945 гг.» — как раз относится к категории книг, о которых мы говорили выше. Известно, что автор был арестован, будто бы покаялся в каких-то «преступлениях», был отпущен под надзор собственного отца атеиста, а, судя по данным протоиерея Д. Константинова, собирается издавать журнал «Путь» для верующей молодежи совместно с митрополитом Ювеналием, председателем Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии (см.: *прот. Д. Константинов.* Письма из России // Новое русское слово. 9 мая 1981 г. С. 3). Не будем в настоящее время фантазировать на тему о возможных причинах издания Московской Патриархией специального журнала для молодежи, хотя предположение протоиерея Д. Константинова о том, что это все-таки какая-то форма вынужденной уступки настроениям религиозной молодежи, можно

считать вполне вероятным. Обратимся, однако, к разбору книги Льва Регельсона.

Судя по предисловию, Л. Регельсон обсуждал ее содержание с рядом лиц, часть которых была почти соавторами. Некоторые из этих соавторов были также арестованы и осуждены, как, например, хорошо известный священник о. Глеб Якунин. Надо подчеркнуть, что формально, как сам Лев Регельсон, так и соавторы были судимы «за политику», а не за свою религиозную деятельность. Книга же о трагедии Русской Церкви всячески избегает именно политики, хотя, конечно, с точки зрения атеистической власти фактически всякое проявление религиозности уже есть политика. Все-таки станем на время на точку зрения советской конституции, якобы охраняющей свободу религии, и начнем разбор книги Л. Регельсона только с религиозной точки зрения.

На стр. 14 вступления Регельсон пишет: «Хотя данное исследование непосредственно написано одним человеком, однако автор считает своим правом и долгом назвать тех лиц, которые принимали участие в этом осмыслении: о.о. Николай Эшлиман и Глеб Якунин, Феликс Карелин, Виктор Капитанчук и Евгений Барабанов».

Кроме того, Регельсон выражает благодарность ряду других лиц, которые, по-видимому, принимали меньшее участие в написании книги, в их числе о. Сергию Желудкову, Анатолию Левитину-Краснову и М. Агурскому. Затем Регельсон переходит к перечню главных литературных источников, использованных при написании книги, начиная с книги А. Левитина и В. Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты 20–30-х годов XX века», о которой будем писать отдельно. Далее Регельсон упоминает «Черную книгу» А. А. Валентинова, вышедшую в Париже еще в 1925 г.; «Новых мучеников российских» протопресвитера М. Польского (2 тома), с которым он не во всем согласен, но которого как автора ставит очень высоко; книгу католического священника А. Дейбнера («Русские иерархи под игом безбожников», Париж 1931 г.) и диссертацию архимандрита Иоанна Снычева «Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия», написанную для Московской Патриархии в 1965 г. (по материалам и под руководством митрополита Мануила Лемешевского). Отметим сразу, что митрополит Мануил был фактически соавтором упомянутой выше книги А. Краснова и В. Шаврова о Живой Церкви. Известно, что сам митрополит Мануил — автор шеститомного словаря русских епископов конца XIX–XX веков, который, по мнению Регельсона,

«является уникальным источником для исследования изменений состава русской иерархии и для получения биографических сведений о епископах» (первый из шести предположенных томов этого словаря только что издан в Германии).

Таким образом, Л. Регельсон упоминает имена пяти лиц, с которыми он вырабатывал основные установки своей книги. К ним, на собственную ответственность, присоединим и митрополита Мануила как лицо, давшее материал и Левитину-Краснову, и архимандриту Иоанну. Приведем теперь самые краткие биографические данные об авторе и соавторах.

Льва Регельсона Левитин-Краснов знал с семилетнего возраста, когда дружил с дядей Льва, товарищем Краснова по аспирантуре, т. е. с 1940–1941 гг. Мать Регельсона русская, отец еврей, крупный физик, преподаватель университета. Лев закончил физико-математический факультет и у него начались увлечения Ницше, Фрейдом, позднее Бердяевым и, наконец, Евангелием, приведшим юношу, воспитанного в атеистической семье, к крещению. В интервью с редактором обзора «Религия и атеизм в СССР» (ном. 11/ 159, ноябрь 1980 г.) А. Э. Левитин-Краснов дает дополнительную характеристику Л. Регельсона, уже после ареста и покаяния последнего. Левитин-Краснов очень подчеркивает экзальтированность Регельсона и, как пример этой экзальтированности, говорит о том, что «был момент, когда Лев со своими друзьями отправился на Новый Афон, ожидая второго пришествия» (1967 г.). Экзальтацией Левитин-Краснов объясняет и покаяние Регельсона, который в тюрьме решил, что он сделал ошибку, ввязавшись в политику, и на суде в этом раскаялся. Что Лев Регельсон в своей книге старается избежать политики, мы уже отмечали, но надо помнить, что, помимо разбираемой книги, Регельсон подписал и ряд протестов против притеснения верующих в СССР, которые больше подходят под коммунистическое определение политики. По данным Левитина-Краснова, отец Регельсона, действительно крупный физик, член партии и убежденный атеист, серьезно предположил, что сын его сошел с ума еще тогда, когда Лев вдруг стал христианином и крестился. Интересно, что в то время, как пишет Левитин-Краснов, главный московский психиатр нашел Льва человеком совершенно нормальным. Все эти сведения как будто бы несколько смягчают покаяние Регельсона, которого отец прямо из тюрьмы отвез на автомобиле к себе домой. Не будет лишним отметить, что Левитин-Краснов до настоящего времени верит в христианский социализм, и в этом

вопросе явно расходится с взглядами Регельсона, отразившимися в книге последнего.

В перечне лиц, обсуждавших содержание книги, Регельсон на первом месте упоминает имена двух священников: о. Николая Эшлимана и о. Глеба Якунина, ставших всемирно известными после опубликования письма, адресованного ими Патриарху Алексею 15 декабря 1965 г. с протестом против нарушения советских законов об отделении Церкви от государства, аналогичного письма к русским епископам от 16 декабря 1965 г. и заявления по тому же вопросу на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного от 15 декабря 1965 г. В дальнейшем о. Н. Эшлиман отошел от правозащитной деятельности, которую о. Глеб Якунин продолжал с не меньшей энергией вплоть до своего недавнего ареста и осуждения.

Одним из наиболее значительных документов, составленных и подписанных о. Глебом Якуниным совместно со Львом Регельсоном, было обращение православных из СССР к пятой Ассамблее Всемирного Совета Церквей в Найроби от 16 октября 1975 г., так же как и предыдущие документы, носящего строго правозащитный характер.

В цитированном выше интервью с редактором обзора «Религия и атеизм в СССР» о. Модестом Левитин-Краснов дает очень лестную характеристику о. Глебу Якунину. О. Глеб Якунин родился в 1934 г. в глубоко религиозной семье. Отец его дворянин, мать не дворянка. В 15 лет мальчик потерял веру и вновь уверовал, уже будучи студентом Охотоведческого института в Иркутске. В 1962 г. он стал священником, но, в связи с упомянутыми выше письмами и обращениями, был запрещен в служении Московской Патриархией, против чего протестовал в апелляции на имя Патриарха, датированной 23 мая 1966 г. По мнению Левитина-Краснова, запрещение с о. Глеба могло бы быть снято при условии его покаяния, от чего о. Глеб отказался, предпочтя работать церковным сторожем и продолжая свою правозащитную деятельность до самого ареста 1 ноября 1979 г. По сведениям Левитина-Краснова, о. Глеб очень твердо держался во время допроса и суда, не согласившись признать свою деятельность не правозащитной, а политической, за что и был осужден судом неправедным.

Наиболее необычной фигурой в группе, обсуждавшей книгу Регельсона, является, конечно, Феликс Карелин. В одной из своих книг «Рук твоих жар», все время нами цитируемой, Левитин-Краснов дает такие сведения об Ф. Карелине. Отец его еврей, мать немка. Отец был крупным чекистом (имя Феликс, очевидно, и было дано сыну в честь

Феликса Дзержинского). В ежовщину отец погиб. В то время Феликс был еще юношей. Таким образом он должен быть лет на десять старше Льва Регельсона и о. Глеба Якунина.

Происходя из чекистской семьи, Феликс вначале и поступал как чекист — он был заслан агентом-провокатором в один из кружков молодежи — в кружок Виктора Красина. Но тут-то и началось перерождение. Поняв моральную низость своей деятельности, Феликс рассказал молодым людям о своей роли и написал письмо аналогичного содержания министру госбезопасности. Результаты не замедлили сказаться — вся группа была арестована. В лагере Феликс, чтобы окончательно реабилитировать себя в глазах товарищей, убил стукача и получил дополнительных 10 лет. В лагере же Феликс встретился со священником, рассказавшим ему о христианстве. Феликс уверовал и крестился после освобождения. Он хотел даже сам стать священником, но МГБ наложило на этот проект свое вето. Не став священником, Феликс остался верующим и участвовал в составлении письма Патриарху, которое было подписано Эшлиманом и Якуниным в 1965 г.

О Викторе Капитанчуке берем сведения из обзора «Религия и атеизм в СССР».

Виктор родился в 1945 г. (т. е. он лет на 12 моложе Регельсона). В 1967 г. он окончил химический факультет МГУ. В 1965 г., когда ему было 20 лет, Виктор женился. Впоследствии он стал секретарем Комитета защиты прав верующих. Капитанчук был арестован 12 марта 1980 г. У него трое маленьких детей.

Последним из перечисленных Регельсоном почти соавторов книги является достаточно известный в свободном мире Евгений Барабанов. Евгений родился в 1943 г. в коммунистической, атеистической среде. Отец его инженер, мать — бухгалтер — люди, видимо, безразличные к религии. Зато дед — старый большевик, атеист. Только бабушка была верующей, и она тайно крестила Евгения, но не воспитывала в религиозном духе. До 16 лет Евгений жил в Ленинграде, окончил среднюю художественную школу, увлекался Леонардо да-Винчи, Эль Греко, Кандинским, Платоном, Достоевским, Бахом. 18-ти лет, в 1961 г., Евгений ушел в монастырь. Родители вернули его при помощи милиции и обратились к психиатру. Евгений был взят на учет. Евгений хотел поступить в семинарию, но родители не пустили, и Евгений окончил исторический факультет Московского государственного университета, одновременно изучая историю Церкви, религиозную философию, богословие и патристику. Он много писал для «Журнала Московской

Патриархии», «Философской энциклопедии», журнала «Декоративное искусство» и сотрудничал в издательстве «Искусство».

В 1973 г. Барабанова снова заметил КГБ. Сразу же его лишили работы по специальности. Чтобы прокормить семью, он стал разнорабочим, дворником. Стали вызывать на допросы. Требовали назвать «сообщников». Грозили 7-летним заключением. При обыске конфисковали его религиозно-философские, богословские книги и религиозно-просветительную литературу. Вспомнили о том, что он состоит на психиатрическом учете, стали угрожать помещением на «лечение» в психиатрическую специальную больницу.

Перед прямой угрозой ареста или принудительной госпитализации Барабанов написал «Заявление для печати». Оно было передано иностранным корреспондентам, было опубликовано в заграничной печати. За Барабанова вступились Габриэль Марсель, Пьер Эммануэль, христианские и научные круги Франции, Италии, Англии, Бельгии, Германии, США. Барабанова пригласили для чтения лекций в европейские и американские университеты, в том числе Рене Реймон, ректор Парижского университета. КГБ был вынужден отсрочить свои планы на арест; разрешения на выезд за границу для чтения лекций с правом вернуться в СССР, конечно, ему не дали. Эмигрировать из СССР Барабанов не хотел. 29.2.1976 года Евгений Викторович был принят в члены французского ПЭНклуба (см.: Религия и атеизм в СССР: ежемесячный обзор. № 9–10, сентябрь–октябрь. Мюнхен, 1977 г.).

10 октября 1977 г. Тюбингенский католический университет присудил Евгению Барабанову степень доктора «гонорис кауза», несмотря на протестующий звонок по телефону из советского посольства в Бонне.

Таковы главные помощники Льва Регельсона при работе над книгой, которую мы собираемся разбирать. Бросается в глаза, что, исключая, может быть, о. Глеба Якунина, все эти сравнительно молодые люди вышли из атеистических, коммунистических семей. Многих это, конечно, может смутить, особенно биография Феликса Карелина, но вспомним, что никто иной, как Моисей, воспитанный при дворе фараона, поработившего народ Израиля, вывел этот народ из Египта. Пример Моисея можно считать типичным. К сожалению, длительное порабощение часто лишает даже стойких людей веры в себя, инициативы и способности к риску, в то время как привилегированное положение элиты в этом отношении более благоприятно, даже учитывая малые возможности развития какой-либо самостоятельности и для собственной элиты при коммунистическом строе.

О митрополите Мануиле Лемешевском, давшем, как было отмечено выше, много материала для книги Регельсона, отметим пока только, что покойный митрополит был, по-видимому, близок к некоторым группам катакомбной церкви и с этой точки зрения мог быть связующим звеном молодых церковных деятелей не только с духовенством старшего поколения, но и с открытой церковной оппозицией Патриарху Сергию. Перейдем теперь, наконец, к разбору самой книги.

Одним из важнейших вопросов современности является, конечно, вопрос о взаимоотношении Церкви и государства. Особую остроту вопрос этот приобретает в Советском Союзе. Нельзя не заметить, что Совет по делам религий при Совете Министров СССР во главе со своим председателем и представителями во всех епархиях в какой-то степени имитирует деятельность предреволюционного обер-прокурора. Конечно, нельзя ни на минуту забывать, что коренная принципиальная разница состоит в том, что, при всей антиканоничности реформы Петра I и ее вреда для Православной Церкви, реформа эта знаменовала подчинение Церкви государству, но все же государству православному, мешавшему свободному развитию деятельности Церкви, но не ставившему себе целью полное уничтожение и религии, и Церкви. К сожалению, неканоничность синодального периода дала в руки атеистической власти лишнее оружие для борьбы с Православной Церковью. Кроме того, сама возможность вероломной имитации синодального периода советской властью психологически давала лишний аргумент церковным либералам в пользу желательности действительного и полного отделения Церкви от государства, такого, какое мы наблюдаем в современных демократических странах, т. е. принципиального отказа от идеи симфонии, на которой строилось или должно было строиться русское православное государство до 1917 г. Подчеркнем сразу, что Лев Регельсон и его соавторы не отвечают прямо на вопрос о желательности или нежелательности восстановления симфонии в случае освобождения России от коммунизма. Вместе с тем, вчитываясь в то, что и как написано, уже на первых 15–16 страницах исторического введения к книге, становится несомненным полное одобрение идеи симфонии для дореволюционной, особенно допетровской России, при осторожности высказывания каких-либо прогнозов на будущее. Особенностью книги Регельсона является приведение большого количества цитат, очень ярких и интересных самих по себе, при чтении которых становится несомненным сочувствие авторов идее симфонии вообще. В дальнейшем мы приведем наиболее интересные и выразительные из этих цитат.

Книга начинается с описания Собора 1917–1918 гг., которому Регельсон придает эпохальное значение:

«Поместный Собор 1917–18 гг. является поворотным событием в истории Русской Церкви, определяющим все формы ее нынешнего существования. Во всех разномыслиях и разделениях, которые возникали впоследствии, авторитет Собора оставался непререкаемым. Полнота церковного представительства на Соборе, охватившем все основные течения церковной жизни, и благодатное единодушие Собора в решении основных, узловых вопросов — превращают этот Собор в одно из тех незыблемых оснований, на которых строилась и продолжает строиться Русская Церковь. Память о Соборе, верность его духу есть единственная надежда на достижение грядущего единства Церкви, кажущегося столь далеким от нынешней церковной реальности. Более того, это явленное соборное единство было и остается единственной альтернативой тому духу ненависти и братоубийственной вражды, которым и поныне больна Россия.

В годы великой смуты только Русская Церковь противостояла всеобщему раздору и жертвенной кровью своих страстотерпцев, пролитой за неучастие в братоубийстве, скрепила незыблемое евангельское основание грядущего и чаемого единства.

И сейчас, когда Русская Церковь и Россия разодраны на враждующие части, а в самой Русской Земле все тот же нераскаянный грех братоубийства непрестанно порождает мертвенное отчуждение и взаимную ненависть под личиной насильственного и механического единства, нет и не будет иного спасения, как припасть к тем заброшенным, но неиссякающим источникам жизни, любви и духовной силы, нет другого пути, как заново обрести для себя неисчерпаемые духовные богатства, которые под внешне непритязательной формой явила Русская Церковь в те зачинательные, судьбоносные годы...» (С. 19–20).

Как видим, Лев Регельсон мыслит возможное возрождение не только Русской Православной Церкви, но и России с Собора типа Собора 1917–1918 гг., объединившего все, даже противоположные на вид течения русского православия.

«Призыв этот (к объединению. — *В. А.*), — пишет Регельсон на 29-й стр. своей книги, — рождался из самых недр церковности, ибо прежде всего на самом Соборе дух мира, терпения и любви все более явственно торжествовал над подозрительностью, завистью, гневом, злобной одержимостью политическими идеями — над всеми этими

предтечами того духа братоубийственной вражды, который овладевал в то время Россией».

Далее, для подтверждения своей мысли, Регельсон цитирует известные воспоминания митрополита Евлогия: «Русская жизнь в те дни представляла море, взбаламученное революционной бурей. Церковная жизнь пришла в расстройство. Облик Собора, по пестроте состава, непримиримости, враждебности течений и настроений, поначалу тревожил, печалил, даже казался жутким... Некоторых членов Собора волна революции уже захватила. Интеллигенция, крестьяне, рабочие и профессора неудержимо тянули влево. Среди духовенства тоже были элементы разные. Некоторые из них оказались теми "левыми" участниками предыдущего революционного Московского Епархиального съезда, которые стояли за всестороннюю "модернизацию" церковной жизни. Необъединенность, разброд, недовольство, даже взаимное недоверие... — вот вначале состояние Собора. Но — о, чудо Божие! — постепенно все стало изменяться... Толпа, тронутая революцией, коснувшаяся ее темной стихии, стала перерождаться в некое гармоническое целое, внешне упорядоченное, а внутренне солидарное» (С. 29).

Как видим, по мнению Регельсона, Русская Православная Церковь, восстанавливая себя, и в будущем сможет дать пример, а главное духовную основу для возможного восстановления России, которая в настоящее время под безбожной властью «непрестанно порождает мертвенное отчуждение и взаимную ненависть под личиной насильственного и механического единства» (С. 20).

Этому насильственному механическому единству безбожной власти и противополагается одухотворенное Святым Духом единство под эгидой Православной Церкви. Но как же быть с реальной современностью? Ведь тот же Регельсон на той же странице (20) признает, что уже время Собора 1917–1918 гг. было «одним из самых критических моментов истории христианства. Это был момент окончания Константиновской эпохи, длившейся без малого 1600 лет и начавшейся тогда, когда Бог призвал императора Константина принять духовное покровительство христианской Церкви над земным государством». Это было временем, когда на Русскую Церковь «пала вся тяжесть окончательного разрыва земного государства с христианством как своей духовной основой».

Нет ли тут прямой неувязки? Или мы неправильно истолковали мысли автора в предшествовавшем изложении? Было уже отмечено, что Регельсон нарочно или невольно не ставит иногда точки над и, не

увязывает свои высказывания и приводимые цитаты в четкую, законченную концепцию, оставляя место для догадок читателю и рецензенту. Не будем бояться ни догадок, ни возможного «импрессионизма» в истолковании написанного и снова обратимся к тексту.

При окончании Константиновского периода и, стало быть, возможной симфонии во взаимоотношениях Церкви и государства, казалось бы, само собой напрашивается решение вопроса в духе современных демократий, т. е. полного и добросовестного отделения Церкви от государства, — решение, многими в современном мире вообще считающееся наиболее желательным. На поставленный нами вопрос Регельсон отвечает цитатой, взятой не из произведений какого-либо реакционного автора, а заимствованной у свободного христианского мыслителя Владимира Соловьева:

«Отделенное от Церкви государство, — писал Вл. Соловьев, — или совсем отказывается от духовных интересов, лишается высшего освящения и достоинства и вслед за нравственным уважением теряет и материальную покорность подданных; или же, сознавая важность духовных интересов в жизни человеческой, но не имея при своем отчуждении от Церкви компетентной и самостоятельной инстанции, которой оно могло бы предоставить высшее попечение о духовном благе своих подданных или о воспитании народов для Царства Божия, государство решается брать эту заботу всецело в свои руки; а для этого *ему пришлось бы последовательно присвоить себе высший духовный авторитет, что было бы безумной и пагубной узурпацией, напоминающей «человека беззакония» последних дней*: ясно, что государство, забывая свое сыновнее положение относительно Церкви, выступало бы тут во имя свое, а не во имя Отца» (В. М. Скворцов. стр. 48; подч. нами. — *Л. Р.*). (С. 24–25.)

Как видим, по мнению Владимира Соловьева, и вполне демократическое отделение Церкви от государства в конечном итоге должно привести государство к стремлению замены религии некоей идеологией, подобно тому, как православие было заменено воинствующим атеизмом в СССР, с той, конечно, оговоркой, что в демократическом государстве господствующая идеология может быть и не воинствующей, но, тем не менее, и не христианской. В чем же тогда Лев Регельсон и соавторы видят разрешение этого трудно разрешимого вопроса для современной России? Очень интересно, что, по мнению Регельсона, положение в России надо отличать от положения в других странах мира вообще и даже от положения в западных христианских государствах. Вот что пишет Регельсон по этому вопросу: «Особый характер

церковно-государственной "симфонии" в России был обусловлен тем, что здесь Церковь не встретилась с прочно сложившимся, веками устоявшимся государственным устройством, как это имело место в Римской империи в эпоху Константина и Юстиниана, где поэтому речь могла идти лишь об освящении, об одухотворении, о религиозно-нравственном наполнении уже существовавших государственных форм и где римская государственность в силу своей зрелости сама оказала формирующее влияние на структуру и организацию Вселенской Церкви; напротив, в России Православная Церковь в значительной степени осуществляла творческую задачу созидания и формирования государственного организма...

Несмотря на многие провалы и неудачи, Церковь смотрела — и не без оснований — на русскую государственность как на свое детище, связанное с ней неразрывными узами» (С. 20–21).

Далее Регельсон делает оговорку: «...народное сознание склонно было видеть Церковь и Царство как реальности, расположенные в одной плоскости бытия, забывая о том, что Церковь, как Тело Христово, онтологически укореняется в Самом Боге, тогда как земное царство — какому бы церковному освящению оно ни подвергалось — есть реальность ветхого человека, и в лучшем случае — реальность прообразовательная» (С. 21).

Из приведенных цитат видно, что Регельсон и его соавторы ставят Церковь неизмеримо выше государства. В этом отношении приведенная в книге цитата из великого, как пишет Регельсон, Филарета Московского особенно выразительна: « Да, есть в том польза, когда алтарь и престол союзны, но не взаимная польза есть первое основание союза их, а самостоятельная истина, поддерживающая тот и другой. Благо и благословение царю покровителю алтаря; но не боится алтарь падения и без сего покровительства. Прав священник, проповедующий почтение царю, но не по праву взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось и без надежды взаимности... Константин Великий пришел к алтарю Христову, когда сей уже стоял на пространстве Азии, Европы и Африки, пришел не для того, чтобы поддерживать оный своей мощью, но для того, чтобы со своим величеством повергнуться перед его Святыней. Живый на небесах рано посмеялся тем, которые поздно вздумали унизить Его божественную религию до зависимости от человеческих пособий. Чтобы сделать смешным их мудрование, Он три века медлил призывать мудрого царя к алтарю Христову, а между тем со дня на день восставали на разрушение алтаря сего:

царь, народы, мудрецы, сила, искусство, корысть, хитрость, ярость. Что же, наконец? Все сие исчезло, а Церковь Христова стоит не потому, что поддерживается человеческою силой...» (В. М. Скворцов. С. 26). (С. 23).

Таким образом, главным условием желательной симфонии Регельсон считает решительное, пусть только духовное преобладание Церкви над государством. Отсюда прямо вытекает мнение, что в России наиболее удачным для симфонии временем было время царя Михаила и его отца Патриарха Филарета, после чего симфония начала все более нарушаться в сторону преобладания государства. По-видимому, для Регельсона любая форма правительства может быть приемлемой при условии, что Православная Церковь будет стоять на первом по авторитету месте в православном государстве, что, добавим от себя, вполне может сочетаться со свободой для других вероисповеданий и религий. В этой связи Регельсон, например, пишет: «Не случайно Св. Синод отнесся резко отрицательно к предложению обер-прокурора Раева (за несколько дней перед отречением Государя) обратиться с воззванием к народу с призывом поддержать рушащуюся монархию. Церковь, напротив, полностью поддержала позицию Великого князя Михаила и Государственной думы, открывавшую возможность ненасильственного выражения воли всего русского народа о желаемом образе правления (монархия, республика и т. д.) путем созыва Учредительного собрания» (С. 26–27).

Вместе с тем Регельсон определенно не сочувствует Временному правительству, вступившему на путь секуляризации, и осуждает Думу за стремление лишить государственной поддержки церковно-приходские школы и признать «равноправие перед лицом закона всех вероисповеданий, как христианских, так и не христианских» (С. 26). Оговоримся, что последнее мнение сформулировано так, что может быть только констатацией фактов, а не осуждением, тем не менее общее впечатление от написанного заставляет предположить осуждение. Итог излагаемым нами мыслям Регельсона находим на 27–28 страницах книги:

«Нам представляется фактом первостепенной важности, что Церковь осознала свою историческую миссию в критический момент жизни России не в борьбе за то или иное государственное устройство (прежде всего — не в борьбе за монархию, любовь к которой, несомненно, сохранялась в сердцах многих верующих), не в борьбе за укрепление своих собственных позиций в государстве, а прежде все-

го и главным образом — в борьбе за прекращение народной распри и вражды, за прекращение партийных и социальных раздоров, за сохранение в России подлинно христианского, подлинно православного духа братолюбия».

Это свое мнение Регельсон подкрепляет цитатой из постановления Собора от 1 сентября (1917 г.): «Верная своим священным заветам, Церковь Православная не принимает участия в борьбе политических партий», — говорится в постановлении. «Междоусобие должно быть предотвращено, братоубийство должно быть оставлено окончательно, примирение обеих враждующих сторон должно быть полным и прочным. Не должно быть места для недостойных актов кровавой мести» (С. 28).

Таким образом Регельсон все время возвращается мыслью к Собору 1917–1918 гг., явно рассматривая его как образец того, с чего надо начинать возрождение России в случае освобождения страны от атеистической власти. Авторитет Русской Православной Церкви должен быть восстановлен, новая власть должна отказаться от мести и всячески содействовать восстановлению православной веры. Эти общие мысли автора, или авторов, конечно, могут показаться утопичными, но не могут не вызывать сочувствия у каждого православного человека. Важнее всего то, что книга написана в России группой молодых людей, родившихся десятилетия спустя после революции 1917 г., в своем большинстве не имевших никакой православной традиции, пришедших к православной вере самостоятельно уже в сознательном возрасте.

В. И. Алексеев

Арестована Зоя Крахмальникова, редактор «Надежды»[1]

4 августа в 4 утра в Москве арестована Зоя Крахмальникова, составительница самиздатских православных сборников «Надежда», переиздававшихся на Западе и известных как в России, так и за рубежом. В 1978 году мы благословили печатание этого сборника, столь нужного верующим. Такого же рода издания Московской Патриархии допущены властями, но не могут охватить растущего к ним интереса.

Сегодня, когда власти в Советском Союзе начали репрессии против «Надежды», мы, православные за рубежом, протестуем против ареста

[1] Русское возрождение. 1982. IV. № 20. С. 194–197.

Зои Крахмальниковой и призываем общественность присоединиться к этому протесту. Обращаем внимание всех, что сборники «Надежда» не содержат никаких иных материалов, кроме религиозных, и, преследуя составителей сборника, власти еще раз продемонстрировали свою богоборческую сущность. Долг каждого верующего — усердно возносить молитвы за невинных жертв и оказывать все большую помощь в издании и переправке в Россию духовной литературы, в том числе и сборников «Надежда».

Антоний, архиепископ Женевский и Западноевропейский

Зоя Крахмальникова — исповедница надежды

Несколько лет назад в московском самиздате возник периодический сборник — «Надежда». Его замысел — вернуться к традициям «Христианского чтения», того церковного. журнала, который до революции много лет издавался в нашей стране. «Надежда» открывалась словами 50-го Псалма: «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою!» — и вся была ими пронизана. Дух ее — радость о Господе. Здесь и прославление Пресвятой Богородицы, столь почитаемой в Русской Церкви, и поучения Святых Отцов, органично соединенные со свидетельствами современных верующих. Вот размышления о православном пастырстве, вот богословский очерк «Славянофилы и Церковь», документы, дневники, письма. Некоторые из них удивительны. Отправленные из ссылок 20–30-х годов, никому не известные ранее письма обреченных иерархов. Здесь, как издревле во всех мученических актах, нигде никакой «политики», но — свет и неколебимая глубина веры. Они — как живая весть о Христе, как исполнение Церкви — должны быть дороги всем христианам. Или вот целая книга на столь близкую нам тему: воспитание детей в Боге в нынешнем обществе. Или вот стихи и проза авторов, как правило, *неизвестных, выдержанные неизменно* в тоне «возвещенной хвалы». И многое другое в том же духе, собранное по крупицам, найденное в частных архивах, извлеченное из редких книг, отобранное у забвения. Каждый сборник подписан: составитель Зоя Крахмальникова.

Зоя Крахмальникова, работая в одиночку, создала небольшую, но по сути единственную библиотеку для чтения, предназначенную для сегодняшних читателей православной России. Их круг, по причинам внешним, не мог быть слишком широким, однако «Надежда», обращенная к рядовым членам Церкви, несла им тот хлеб, что духовно мог бы напитать миллионы. Она становилась и средством христианского

общения, и воскрешением памяти церковной, в чем мы так реально нуждаемся. На пути «Надежды» Зоя Крахмальникова стремилась к возрождению подлинной, строгой и доступной православной культуры, и этот свой замысел она выражала не только в составлении сборников, но и в серии собственных статей, названной ею «Возвращение блудного сына». «Жатвы много, а делателей мало, — стояло в эпиграфе к этим статьям, — итак молите Господина жатвы, чтоб выслал делателей на жатву Свою» (Мф 9. 37–38).

Вера Зои Крахмальниковой была обращена и к молитве и к деланию «для Евангелия, чтобы быть соучастником его» (1 Кор 9. 23). В той среде, где у Церкви нет иного языка для благовестил, кроме языка богослужения и нечастой проповеди в стенах храма, она саму культуру, какой она ее видела, стремилась сделать церковной, благовествующей. Отсюда же и наставления культуре сегодняшней, и обличения ее — за отрыв от культа, уход из Церкви, забвение корней своих. Согласны мы или не согласны с таким истолкованием, несомненно одно: Зоя Крахмальникова явила нам делом подлинную причастность Церкви, она показала, что значит любить ее и служить ей. Ее «Надежда» была сегодняшней проповедью Евангелия живым преданием Церкви, устами духовного опыта этого Предания, сложившегося уже в наши дни. На это дело она получила благословение православных иерархов и, как верим мы, самого апостола Павла. «Проповедуй слово, — писал он своему ученику, — настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» (2 Тим 4. 2). Зоя взяла на себя крест апостольского служения и всегда встречала благодарность тех, ради кого и несла его. И если ее дело получило издательскую поддержку за рубежом, то тем слышнее стало ее служение и тяжелее крест.

Зоя Александровна Крахмальникова в ночь с 3 на 4 августа была увезена в Лефортовскую тюрьму по обвинению в «изготовлении, хранении и распространении заведомо ложных и клеветнических материалов, порочащих советский общественный и государственный строй». За годы издания «Надежды» — никаких предупреждений, ни слова о клевете, забрали и все. На обыске были взяты большей частью религиозные книги, в том числе Евангелие, Библия, Часослов. Ее оторвали от всего, что было ей дорого — мужа, детей, четырехмесячного внука, книг, икон, родного дома, но не от веры и упования. Да не постыжает ее надежда и в нашей молитвенной помощи. Для Зои, умом и сердцем укорененной в Православной Церкви, особенно важна теперь молит-

вя ее епископов и пастырей. Для нее должна быть ценна молитва и память всех нас, верующих в Слово Божие и желающих его умножения. Ибо в молитве о пострадавших за Христа как раз и падают наши «перегородки, не доходящие до неба». Так помолимся все — в день святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии, отмечаемый Православной Церковью 30 сентября, — за Зою Крахмальникову, исповедницу Надежды.

Милостию Божиею иерей Владимир Шибаев, Владимир Зелинский, Наталья Костомарова, Ляля Островская, Анна Островская, Димитрий Ханов, Наталья Кодакова, Вадим Борисов, Надежда В. Бухарина, Вера Дашкова, Елена Мурина, Петр Старчик и др.

Последняя жертва[1]

Пришло горестное известие, что, кажется, о. Димитрий Дудко помешался в рассудке. Что сказать?

Помню, как крепко скрипел снежок под ногами в морозной Москве. Как мы искали древний Преображенский Петропавловский собор по старому списку московских церквей (из Православной Руси) и не находили его. Помню, как набрели на молельню на Преображенском старообрядческом кладбище (в бывшем монастыре), причудливо маячили монастырские стены и башни, опушенные снегом и инеем, неподалеке. Оттуда нас направили в Никольскую церковь, совсем рядом. Старинный храм, битком набитый народом. Помню, как поразил нас священник, средних лет, с простым, чисто русским лицом, своей смелой проповедью за всенощной. И все стояли, не шелохнувшись, внимая простым, но глубоким словам. Это было в 1973 году, об о. Димитрии тогда мало знали за границей. Нет, мы не познакомились с ним, боялись повредить ему. Вероятно, напрасно. Помню, как не раз потом мы возвращались по заснеженному переулку в эту церковь, к этому священнику. Предварительно запасались пятаками на станции метро, чтобы раздавать нищим, их всегда много около церквей.

Помню, как поражало нас обилие молодых людей в церкви, особенно юных интеллектуалов. Многие из них причащались за литургией. Он же их и крестил, вероятно. О. Димитрий производил незабываемое впечатление: говорил просто, но убежденно, но вдохновенно. Не по обязанности, не по привычке, а по священному долгу пропове-

[1] Русское возрождение. 1983. II. № 22. С. 87–95.

довать, укреплять виноградник, приводить ко Христу неверующих, да даже просто не знающих ничего о вере, о Боге.

Те, кто были на родине, знают, как трудно разговориться *там* именно с «церковниками». И все боятся друг друга — на этом и держится дьявольская власть, — но особенно боятся люди в церкви. Да и есть чего: и там есть шпионы. И все же как-то, выходя из церкви, сказала мне женщина, что у о. Димитрия (он был вторым священником) неприятности с настоятелем. По-видимому, уже давили власти, может быть, грозя закрытием храма, действуя через кагебистов в рясах. «Но он смелый, наш о. Димитрий, уже отсидел один срок», — закончила она.

А в 1974 году пришло известие, что о. Димитрия удалили из столицы — от греха подальше — перевели сначала в Кабаново, недалеко от Орехова-Зуева. Одной из причин было указано — он-де разговаривает с прихожанами после службы, отвечает на их вопросы. Спрашивается, где это запрещено, разве есть такой пункт конституции? Пишут его прихожане смелое обращение к патриарху Пимену, просят вернуть любимого пастыря, но, конечно, безрезультатно.

Известно, что уже в 1972 году у о. Димитрия был обыск (не первый и не последний). Тогда же приходу было предложено расторгнуть с ним договор (да, там священников «нанимают» по договору), но приход стойко сопротивлялся и на этот раз отстоял о. Димитрия. В 1974 году это не удалось, да это и понятно: положение ухудшалось с каждым годом. Не помогло и выступление на защиту о. Димитрия в том же году И. Шафаревича, обратившегося с письмом к архиепископу Питириму (Волоколамскому). В этом открытом письме И. Шафаревич отметил, между прочим, что церковь о. Димитрия не вмещала наплыв желающих послушать ответы на собеседованиях. Он указывал на глубокое впечатление, на сильное действие его проповедей. Вот его слова: «Многим они [собеседования] открыли новый, сияющий, дотоле неведомый мир». Далее И. Шафаревич отмечает важность этих собеседований для людей, которые стремятся ко Христу, к христианской вере, но ничего (или очень мало) о ней не знают. Впоследствии эти собеседования были изданы (в Монреале, в 1977 году).

Вот как расценивал смелый православный ученый деятельность о. Димитрия. Конечно, и о. Димитрий человек, и, вероятно, были просчеты и ошибки и в его деятельности. Но если мы зададим себе вопрос: а что, если бы его вообще не было? О, как обеднела бы жизнь церкви и там, и здесь. *Там* он многих обратил на путь покаяния, наста-

вил, крестил, привел ко Христу. Он был, как набатный колокол, зазвучавший в нужный момент, в момент духовного возрождения, и никто и ничто у него этой заслуги не отнимет. Это было время тяги к вере, особенно молодежи, и он стоял у их купели.

А мы здесь? Что бы мы знали о массовом процессе обращения ко Христу, в частности именно интеллигентной молодежи, если бы не он, если бы не его деятельность?

Он, выросший там, и, казалось бы, продукт своей среды и своего времени (бытие определяет сознание!) оказался самым нашим из наших. Достаточно вспомнить его высказывания о наших царственных мучениках, при этом задолго до их прославления. Он смело предлагал поставить их во главе всех умученных и назвал царя «великим святым земли русской». И как постыдно, что его уличали и упрекали в монархизме не только власти там (это-то понятно), но и здесь, на Западе, свои же. И вот как он отвечал на это: «Все замученные безбожниками — святые. Вот отчего я говорю — Святая Русь... Русский царь Николай II идет в первых рядах русских мучеников. Но когда заговоришь о нем, все почему-то вспоминают его как правителя. Я не хочу сейчас говорить о его правлении, хотя, сравнив с другими, можно было бы и поговорить. Но я говорю о нем как о Христианине, как о Мученике Христове, как о Полководце Христове, скажем, наконец так» (написано в 1977 году). Вспомним также его вдохновенные слова об очищении муками: «Страдание, как вода в огненной купели, не только все смывает, а даже выжигает все несовершенное и человек выходит чистым, очищенным золотом становится».

А как верно он понимал Запад (в то время как *там* непомерное увлечение Западом, начиная с властей — догнать и перегнать Америку! — но и у большинства людей, готовых подражать, конечно, по силе возможности, всякой глупости, всякому модному, дурацкому увлечению Запада): «На Западе духовное положение, пожалуй, хуже чем у нас. Хуже, потому что Запад все имеет и он всем пресытился. Отсюда поиски удовлетворения в сексуальной жизни. Отсюда попытки вносить в Церковь — не церковное. Это всякого рода модернизация. Если у нас кто-то (читай: власти. — *Л. К.)* разрушает традиции, то Запад сам их разрушает. Свобода, которой там пользуются, выливается в произвол». И еще о модернизации: «Если всю цель полагать в том, чтобы приблизить христианство к современному пониманию, модернизировать или научноизировать его, то это значит приравнять или приспособить христианские истины к мимотекущей волне земной славы».

Но, говорит он дальше: «Цель христианства — спасать, отрывать от тленной действительности и приводить к вечности. Без этого христианство немыслимо. Модернизирование порой, я думаю, обворовывание христианства, обеднение его».

Вот по таким высказываниям надо судить об о. Димитрии, а не по вымученному «Заявлению». И мне кажется, злосчастное «Заявление» произвело за границей гораздо большее впечатление, чем в России. Там лучше разбираются в обстановке, да и сострадания там больше. Об этом сам о. Димитрий пророчески сказал: «Но вот жалости-то у некоторых и не хватает. Жертвам дьявольской затеи хотят приписать вину дьявола». Запад требует мученичества наподобие римлян, кидавших христиан на растерзание львам. И все, кто не кончают мученичеством, попадают чуть ли не в предатели. Так было с Кузнецовым (Анатолием): пока его притесняли в СССР, к нему относились хорошо. Но стоило ему попасть на Запад (правда, ценой наговора на «друга»), сразу раздались голоса: «Он должен был остаться там и бороться. А здесь он вроде никому не нужен». Это говорили люди, которые никогда там не жили, а в лучшем случае полюбовались мимоходом красивой панорамой из окна гостиницы для иностранцев. Но нам, нам слыщно и грешно требовать того же. Кто из нас пошел бы на мученичество, кто выдержал бы его? Да, кроме того, как раз этого чекисты старались больше всего избежать: о. Димитрий, замученный в застенке, был бы для них неизмеримо опаснее, чем даже проповедующий в центре Москвы. И они приняли свои меры; какие — мы не знаем, можем только догадываться.

Часто о. Димитрию ставят в пример о. Глеба Якунина. Вот-де кто не сломился, не пошел ни на какие компромиссы. Да, о. Глеб — пример необыкновенной стойкости. Но, во-первых, он совершенно другой человек, и деятельность его носила совершенно другой характер. О. Димитрий, хотим мы этого или не хотим, был одно время «всероссийским батюшкой». К нему шли-тянулись со всех концов страны, круг его деятельности охватывал всех, включая инородцев и иноверцев. Я совсем не хочу умалять достоинство и заслуги о. Глеба Якунина: вклад его очень значителен. Но деятельность его была совершенно другого рода: знала о нем некая элита, и то больше по его писаниям (а не по живому слову), очень нужным, очень значительным, очень своевременным. Опять-таки, как бы обеднело наше знание современной России и подспудных процессов в ней протекающих, если бы его не было. Но если уж сравнивать, я бы сказала, что о. Глеб — это чудесный, стройный храм, чудом уцелевший от разгрома, на который

нельзя не залюбоваться. Но двери этого храма наглухо заколочены. И только через какое-то крохотное оконце сбоку, может быть, пробивается луч необыкновенной чистоты и силы. А о. Димитрий — ветхая, убогая, покосившаяся сельская церквушка, у которой и крыша протекает, и краска на стенах облупилась, и ступеньки крыльца скрипят и шатаются. Но двери в эту церковку широко распахнуты; и льются оттуда потоки света, затопляющие окрестный мрак. И не только потоки света, но и пение умилительное, и голубые столбы фимиама, соединяющие землю с небом. И тропа, ведущая к этой церковке, никогда не зарастала травой. Каждому свое. Нужны оба. Но о. Димитрий, без всякого сомнения, был более опасен для сатанинской власти, и на него и был направлен самый сокрушительный удар.

Воздействие страшными по мощности медицинскими средствами — вот они-то, вероятно, и довели о. Димитрия до его теперешнего состояния. Современная наука, увы, располагает такими средствами, сделала такие «успехи», что способна совершенно разрушить человеческую личность. Ведь по возвращении о. Димитрия из заключения сразу пошли слухи, что он невменяем. Тогда, конечно, предполагали (и надеялись), что это временное, что это пройдет. А что если ему как раз дали средства, так сказать, замедленного действия, которые должны были подействовать позже?

Недаром Солженицын назвал такое «лечение» в психушках «духовным убийством» и сравнил его с газовыми камерами. Приемы врачей в белых халатах поверх кагебистских форм достаточно известны. Вот во что выродилась «бесплатная медицинская помощь!» Замятин предвидел это еще в начале 20-х гг., и, увы, худшие его опасения оправдались. Вот как он это описал в «Мы»: «Последнее открытие Государственной Науки: центр фантазии — жалкий мозговой узелок в области Варолиева моста. Трехкратное прижигание этого узелка Х-лучами — и вы излечены от фантазии — навсегда».

Хулители о. Димитрия совершенно забывают, сколько радости, сколько утешения он принес людям и там, и здесь. Он был свидетелем об Истине, и это ему зачтется. Вот он перед нами на своей Голгофе, но явление его, самая возможность такого явления — знаменательна. И пускай он в чем-то ошибался, в чем-то был неправ, столько в нем было искренности, веры, детской непосредственности, что вспоминаются слова Спасителя о детях: «...таковых есть царствие Божие».

Его теперешнее состояние — искушение и для него, и для нас, но отнюдь не умаляет его значения и заслуг. Это соблазн, который нужно

преодолеть. Безбожные изверги разрушили еще одну неповторимую человеческую личность, или, как он любил говорить, образ и подобие Божие. Но это не зачеркивает его дела, оно живет и будет жить. И душа его жива, и, может быть, это о таких душах сказано: «...вместо разрушенных храмов на земле Российской созидаеши храмы нерукотворенных душ человеческих, ими же да украсится царствие Божие» (из акафиста Господу Иисусу Христу Грядущему).

Вот об этой-то живой душе и надо молиться.

Людмила Келер

Декабрь 1982 г.

Заметки о Православной Церкви в России[1] (Московский опыт)

Первое время в Москве я часто ошибался. Вижу вдалеке очертания церкви, купола, кресты... подхожу ближе — церкви нет. На ее месте музей, научный институт, киностудия, выставочный зал, концертный зал, канцелярии, пункт милиции или склад. А иногда просто заколоченное здание, над разрушением которого неутомимо трудится равнодушная природа. На этих осквернённых церквах оставляют кресты; стены и купола подкрашивают, и для неопытного туристического глаза получается впечатление православной столицы. Особенно в районе Кремля и Красной площади, где в зимний, ясный день золотые кресты и купола соборов сияют на солнце и затмевают рубиновые звезды кремлевских башен... К открытию Олимпиады такая же практика обмана была проведена вдоль туристических маршрутов.

Едешь по шоссе из Москвы на Загорск и Ярославль или из Москвы на Ленинград, и от времени до времени по сторонам дороги возникают видения церквей. Большинство церквей заброшены, но издали их изящные силуэты, гармонирующие с русской природой, радуют глаз неопытного путешественника.

Еще один способ повредить церкви — это придавить ее новостройками, этими бетонными коробками, которыми полна Москва и другие города Советского Союза. Такая судьба постигла Знаменский собор, церковь Великомученицы Варвары, палаты бояр Романовых и другие здания, сохранившиеся в московском Зарядье вдоль улицы Разина, а по-старому Варварки. Гостиница «Россия» не только придави-

[1] Русское возрождение. 1983. II. № 22. С. 96–108.

ла эти красивые строения своей громадой, но и подвела чуть ли не на уровне куполов бетонные мосты-подъезды. Другой пример — это великолепный девятиглавый собор Воскресения Христова в Сокольниках. С приезда в Москву мы следили за тем, как достроили и заселили 15-ти этажную новостройку с одной стороны собора. Потом начали разбирать деревянные домики с другой стороны. Перекопали улицу и оставили так года на полтора. Перед нашим отъездом установили вокруг всего участка временный деревянный забор и приготовились что-то строить. Если судьбе будет угодно занести меня снова в Москву, то боюсь, что выйдя из метро, я собора вообще не увижу, а передо мной будет возвышаться еще одна безличная новостройка коммунизма.

Однако при всем этом разрушении, осквернении и запущении только старые дореволюционные постройки — будь то дворцы, музеи, городские усадьбы, особняки, монастыри или церкви — сохранили до некоторой степени облик этого старого русского города. За очень редким исключением все, что выстроено при советской власти, Москву обезличивает и уродует.

В дореволюционной Москве 1917 года было около 520 церквей.

У меня есть список действующих церквей в Москве 1980 года. Там указаны названия и адреса 44 православных церквей и одной старообрядческой на Рогожском кладбище.

Считается, что со времени революции в Москве было разрушено до основания около 220 церквей.

Около 160 церквей были так перестроены, что потеряли свой архитектурный облик. И, наконец, около 96 церквей надо отнести к разряду церквей осквернённых, но сохранивших облик православного храма и снаружи реставрированных.

Для полноты картины нужно добавить, что в Москве открыты следующие иноверческие церкви: армянская, католическая, баптистская, седьмого дня пришествия, а также мечеть и две синагоги.

Предположивши, что в Москве 1917 года было около 1 миллиона населения, одна православная церковь обслуживала в то время в среднем 1900 человек. В 1980 году в Москве на одну действующую церковь приходится 182 тыс. человек. Таким образом, за 65 лет советской власти количество церквей на душу населения уменьшилось приблизительно в 100 раз. Атеисты и другие враги православия могут быть довольны этими результатами.

Действующие церкви, как правило, охраняются государством. Как часто бывает при советской системе, из всякого мероприятия власть

извлекает то, что ей нужно. Казалось бы, охрана церкви государством обеспечивает ее будущее — церковь не только не будет разрушена или перестроена, но и назначение ее не изменится. Однако на практике получается не совсем так. Государство получает контроль над всеми мероприятиями, связанными с церковью, и пользуется этим для поощрения или для наказания; в зависимости от того, насколько послушными оказываются священник, причт и прихожане данной церкви. Чтобы избежать государственный контроль, непослушным приходам приходится прибегать к услугам черного рынка, к обманам, к подкупам, т. е. к тому, что называется «второй экономикой».

Интересно, что некоторые церкви сохранили социальный облик прихожан.

Возьмем церковь недалеко от Таганской площади, куда мы ходили пешком из нашей квартиры на Крутицком валу.

Во времена царя Алексея Михайловича, когда она строилась, этот район состоял из слобод, заселенных ремесленниками: таганщиками, гончарами, кожевниками и другими. Эту церковь выстроили гончары и не пожалели денег и усилий. Фигуры апостолов на шейке куполов были так прекрасно исполнены из керамики (изразцов), что по сегодняшний день украшают страницы художественных изданий. В наши дни этот район остался рабочим, и таким образом состав молящихся не переменился.

Церковь пророка Ильи на Обыденке находится поблизости Кремля в районе бывших городских усадьб и особняков. И по сей день сюда приходят молиться интеллигенты, технократы, артисты, студенты и т. д.

Богослужения в московских церквах совершаются ежедневно.

В будние дни литургия в 8.00 часов утра. По воскресеньям ранняя служба в 7.00 ч. утра, а поздняя — в 10.00. После литургии — молебен, чаще всего Божьей Матери. К этому времени хор уходит, и молебен поют все молящиеся во главе с несколькими «бабулями», которые твердо знают все тропари. Молящихся много, стоят тесно, и потому мало кому удается поставить самому свечку. Из-за тесноты выработалась система — свеча плывет из одних рук в другие к той иконе, куда ее направил купивший... В обратном направлении, когда это понадобится, таким же образом передаются копейки. Полагается, получивши свечку, перекреститься перед тем как передавать дальше. Церковное пение в Москве очень разнообразно и по качеству и по напевам. На Большой Ордынке есть церковь с таким прекрасным хором, что туда часто ходят неправославные, в том числе иностранные дипло-

маты, журналисты и туристы, чтобы «послушать церковное пение». Прекрасно, но слишком витиевато, на мой вкус, поют на Обыденке и в Елоховском патриаршем соборе. В Троице-Сергиевой Лавре очень стройно и молитвенно поют два мужских хора семинаристов. В церкви Казанской Божьей Матери в селе Коломенском поет очень своеобразный маленький мужской хор. Во многих церквах есть правый и левый клирос, которые чередуются, и т. д. и т. д. вплоть до унисонного пения в старообрядческом соборе на Рогожском кладбище.

Колокольный звон почти не слышен в Москве. В некоторых церквах несколько ударов колокола отмечают во время литургии самые важные моменты службы. Кое-где перед началом службы бьют в колокол, сзывая молящихся. Во время 12-ти Евангелий отбивают счет после каждого евангелия, но опять же не всюду. Таким образом настоящий колокольный звон можно услышать, только проигрывая пластинку «Ростовские колокола», которые продают в «Березках» иностранным туристам.

В Москве во время литургии весь народ под руководством диакона поет «Верую» и «Отче наш». Во время причастия «Тело Христово примите» начинает петь хор, но потом замолкает, и продолжает петь вся церковь.

За «Богохранимую державу Российскую» молятся всюду, а вот за «власти и воинство» не всегда. Исполняя «Спаси, Господи, люди Твоя...», хор пропускает «православным христианам» и поет: «победы на сопротивные даруя» и т. д. Здесь, по-видимому, и уступка и признание! Кто же является противником православия, как не коммунистическая власть!

Во время службы в отдельном притворе идет исповедь, чаще всего общая. После общей исповеди, кто хочет, подходит к священнику в личном порядке.

Во время каждой службы крестят десяток, а то и два детей, вплоть до 10–12-тилетнего возраста.

Отпевания и общие панихиды иногда происходят во время литургии в соседнем приделе. Частные панихиды не служат. Гробы с покойниками привозят на неприспособленных грузовиках.

Мне приходилось слышать в церкви одновременно «Тебе поем» и «Со святыми упокой».

У панихидных столиков складываются различные приношения — в основном хлеб, бублики, плюшки, печенье, блины, оладьи, кутья, яйца, яблоки, апельсины и т. д. Поначалу было странно видеть вазочку с конфетами со вставленной в нее свечкой.

После панихиды все это делится между женщинами-прислужницами. В некоторых церквах я видел, что дьякону и поющим предоставлялось право первого выбора.

Денежный сбор производится 2, 3 раза за службу. Идут три, четыре «бабули», иногда бородатый старик, у каждого в руках тарелка, а на тарелке зажженная свеча. Дают в основном копейки, к рублю относятся с уважением, а пятирублевка вызывает осторожное удивление — не ошибся ли мол.

В притворе и перед церковью просят милостыню, хотя это и запрещено. Больше — пожилые женщины, а если мужчины, то часто пьяницы. Поздравляют с праздником, желают здоровья, поминают усопших, а то просто говорят «подайте Христа ради». После службы здание церкви закрывается, и зайти помолиться, как на Западе, нельзя.

Как я уже говорил, обслуживают и убирают церковь женщины. Своих прихожан они знают и бедным часто дают свечи бесплатно.

В храме Воскресения Христова в Сокольниках сидит старик и записывает имена «о здравии» и «за упокой» — по-видимому, неграмотные еще сохранились среди самого старшего поколения.

Церкви полны даже в рабочие дни. Я бы сказал — 75% женщин и 25% мужчин. Молодежи процентов 25–30. Детей почти не видно, кроме новорожденных.

Русская церковь продолжает держаться на женщинах, но уже более молодых. Даже «бабули» и те выросли при советской власти. В платочках они выглядят старше своих лет, но на деле им по 50–60 лет. Те, которые до революции в церковь ходили, сейчас не у дел. Духовенство в Москве в основном молодое или среднего возраста. Старых священников и дьяконов я видел мало.

Положение священника, а особенно настоятеля храма, трудное. По правилам, роль священника ограничена совершением богослужений. Всеми церковными делами ведает церковный совет во главе со старостой. Священник не имеет права вмешиваться в хозяйственные дела церкви. Государство проводит своих людей в церковный совет и особенно в старосты, чтобы контролировать и направлять жизнь и поступки каждого прихода, а также чтобы следить за всеми, кто может быть государству неугоден или опасен.

Проповеди священника тоже ограничены неписаными, но всем известными правилами. Так называемую свободную проповедь услышать практически негде.

Свободные обсуждения проблем церкви происходят при закрытых дверях, среди надежных единомышленников.

В таких условиях неудивительно, что многие священники идут на компромисс, а другие занимают молчаливую позицию выжидания.

Те, которые говорили, а еще хуже — писали, сидят (Якунин) или же, раскаявшись, молчат (Дудко).

Мне говорили, что в Ленинграде положение церкви хуже, чем в Москве. Еще строже, еще больше слежки.

Верующих в России гораздо больше, чем людей, посещающих богослужения. Однако узнать об этом нелегко. За 65 лет коммунистическая власть создала такие психологические условия, что очень многие о своей вере не говорят даже с близкими друзьями и родными. Во многих семьях по сей день живы воспоминания жестокого преследования религии, разрушения храмов, ссылки духовенства и верующих. К этим воспоминаниям примешивается сознание того, что верующим не дают хода по службе, что церковный брак наверняка нарушит карьеру молодых и т. д. и т. д. Таким образом, хотя настоящего страха у молодого поколения уже не осталось, но некая *инерция страха* им подсказывает, что о своем интересе к религии лучше всего молчать. Серьезно заинтересовавшиеся, а иногда и просто любопытные начинают заходить в церковь во время богослужения — постоят, послушают, посмотрят по сторонам и уйдут. Для тех из них, кто решает остаться в церкви и креститься, встает трудный вопрос — «с кем поговорить, у кого спросить совета, где найти духовную литературу».

Особенно трудно интеллигентной молодежи, которая не только сердцем чувствует влечение к Церкви, но тоже хочет ознакомиться с историей Церкви, христианской философией и т. д.

От среднего священника они помощь редко получат — по занятости, из-за отсутствия духовной литературы и, вероятно, из-за осторожности священника. Не забудем, что роль священника — это совершать требы, а никак не быть миссионером православия!

От среднего прихожанина помощи еще меньше, т. к. большинство из них знает обряды и обычаи, но не знакомо с более глубокими вопросами нашей религии. Для тех, кто уже принял православие и стал окончательно в ряды верующих, еще более трудным является вопрос духовного отца и советника.

Ввиду того, что священников-духовников мало, начали создаваться группы молодых деятелей православия, которые, оставив свои профессии, посвятили себя изучению нашей религии.

Я помню, с каким восторгом и, я бы даже сказал, жадностью они перелистывали духовную литературу, которая попадала в их руки. Эти книги быстро прочитывались и передавались дальше. Часто с целых книг снимались копии, несмотря на те трудности, с которыми связан доступ к копировальным машинам в Советском Союзе.

Мне думается, что настоящих атеистов, как, например, французских, искренно безразличных к религии, в России мало.

Больше таких, которые выросли вне Церкви и православия, ищут псевдорелигию в науке, социализме и т. д. Понятия «Высшей Цели», «интеграции человечества» и тому подобные туманные понятия позволяют им создавать теории усовершенствования человеческого общества и воспитания нового человека. Коммунисты талдычат о коммунистической морали, в которую никто, включая их самих, не верит. Однако было время, когда многие представители старшего поколения, так наз. ровесники революции, росли без Бога и без Церкви с твердой верой в светлое будущее коммунизма. Конечно, со временем многие из них в коммунизме полностью разочаровались, но и к Церкви не вернулись. В моральном отношении этим людям живется труднее всех.

В Москве на крышах домов возвышаются транспаранты с лозунгами «Превратим Москву в образцовый коммунистический город». Что это значит — никому неизвестно. Однако я читал развешанные по городу плакаты, озаглавленные «Нравственный облик гражданина образцового коммунистического города». Чего там не было написано — просто плакать хотелось от умиления!

Власти по сей день делают вид, что можно без Бога и религии создать рай на земле с помощью учения Ленина и кнута.

Антирелигиозная пропаганда продолжается в школах, университетах, на заводах.

Очень дешевые антирелигиозные плакаты продаются в книжных магазинах. Антирелигиозные книги и журналы издаются большим тиражом, в то время, когда Церковь получает очень ограниченное количество бумаги для своих изданий.

Из-за недостатка молитвенников молитвы переписываются вручную. Книги Нового Завета продаются на черном рынке за сотни рублей.

Православный уклад жизни не забыт, несмотря на то что верующими себя признает меньшинство населения.

Люди, которые спрашивали меня — как может образованный человек верить в Бога, — в какой-то момент говорили, что они хоть и не верующие, но крещеные.

Они не ходят в церковь, но помнят даты церковных событий и празднуют именины, хотя иногда это делается в день рождения. Старый стиль тоже помнят. Мне даже приходилось слышать, что «природа наша по старому стилю живет».

В разговорной речи часто употребляются выражения, как «Слава Богу», «Не дай Бог» и т. д. Это, конечно, не свидетельствует о религиозных убеждениях говорящего. Однако эта форма, в свое время насыщенная содержанием, так вкоренилась в разговорную речь, что продолжает звучать даже в устах убежденных атеистов! «Из песни слово не выкинешь!»

В Москве, например, я узнал, что между Рождеством и Пасхой кроме морозов крещенских еще бывают морозы трифоновские и сретенские и что после Николая Студеного (17 февраля) морозам конец — весна подходит.

Там же я слышал, что «цыган после Крещения шубу продает», что по-видимому, свидетельствует о беззаботности и оптимизме этой таинственной нации!

В заключение скажу, что для меня не подлежит сомнению, что в России происходит возврат к религии и к историческим национальным ценностям.

Где-то Достоевский сказал, что «русский не может не быть православным». Я это выражение понимаю в широком смысле.

Это не только вопрос принадлежности к Православной Церкви, но также влечение к православной культуре, к православному укладу жизни и т. д.

Без мощного импульса православия государство Российское не было бы собрано и не удержалось бы в своих необъятных границах. Люди в Кремле это прекрасно понимают. Сталин воспользовался авторитетом Церкви, когда немцы стояли в предместьях Москвы. Его наследники продолжают держать Православную Церковь на поводу и продолжают пользоваться ее авторитетом для своих корыстных целей. Чекисты в рясах проникают в ряды духовенства и не дают Церкви выйти на путь морального обновления и оздоровления.

Однако у части молодого духовенства и верующих *инерция страха* стала изнашиваться. Они начинают свободнее говорить и действовать. Здесь я не имею в виду всем известных борцов за православную идею, а говорю о пока еще никому неизвестной молодежи, которая, освободившись от страха, ищет и находит достойных духовников, изучает православное богословие и философию, создает дискуссионные

кружки и даже открывает свои приходы. С такими людьми я разговаривал о Русской Зарубежной Церкви — там ее называют Карловацкой Церковью, по названию города в Югославии, где была первая резиденция главы и основателя нашей Церкви митрополита Антония (Храповицкого). Они все без исключения одобряют позицию нашего Синода. Эти люди морально устали от компромиссов, лжи, полуправды, подхалимства и угодничества перед коммунистической властью. Они стремятся к стойкости, честности и принципиальности в вопросах веры. Наши православные газеты, журналы и книги им созвучны и понятны. Они поражаются духовному богатству, которое удалось создать за границей русской эмиграции.

Им нужна наша поддержка и помощь. Надо оповещать американское общественное мнение и власти о положении Церкви и верующих.

Обязательно надо посылать в Россию духовную литературу, особенно молитвенники, учебники Закона Божия, Евангелия.

Надо поддерживать наши газеты — «Православную Русь» и другие, а также журнал «Русское возрождение». Надо поддерживать инициативу нашей Церкви достойно отметить 1000-летие Крещения Руси. В России знают об этом и надеются, что наш пример заставит и Церковь в России добиваться уступок у власти для торжественного празднования этого великого исторического юбилея у нас на родине.

В Москве ходили слухи, что Донской монастырь, находящийся сейчас под охраной государства, будет передан Патриарху и что там предполагается праздновать 1000-летие Крещения Руси.

Алексей Боголюбов

4 января 1983 г.
Вашингтон

Чингиз Айтматов «И дольше века длится день»[1]

Современный нам писатель Чингиз Айтматов по национальности киргиз. По своему направлению он примыкает к русским писателям, к так называемой крестьянской литературе, как Василий Белов, Федор Абрамов, Валентин Распутин, Василий Шукшин и другие. Роман Айтматова «И дольше века длится день» издан в 1981 году.

Центральной фигурой романа является Буранный Едигей — труженик, фронтовик, железнодорожный рабочий. Но здесь не простое

[1] Русское возрождение. 1983. IV. № 24. С. 186–195.

восхваление «рабочего класса». Через судьбу своего героя автор обращается к вопросу, поставленному в романе. А вопрос этот не нечто надуманное, а действительность нашего времени: — имеется ли для человечества еще «завтра», или оно вступило в день последний.

«Должно быть, самое трагическое противоречие конца XX века заключается в беспредельности человеческого гения и невозможности реализовать его из-за политических, идеологических, расовых барьеров... разжигание розни между народами, растрачивание материальных ресурсов и мозговой энергии на гонку вооружений есть самое чудовищное из преступлений против человека», пишет автор в предисловии к роману.

Но это отнюдь не односторонняя пропаганда, желающая валить все «с больной головы да на здоровую». Прежде всего потому, что в наше время этих здоровых голов, пожалуй, и не найдешь, а во-вторых, потому, что автор не пропагандист, а исследователь, искатель подлинных причин происходящего в мире, а не адвокат для одних и прокурор для других.

«Человек без памяти прошлого, — читаем в том же предисловии автора, — поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем».

Мало того. Автор позволяет себе сказать, что «...отрицание — или фальсификация — прошлого и самодовольный чванный шовинизм, которому необходимо воздвигать вокруг себя китайскую стену, ибо только за ней может поддерживаться миф...»

Думаю, что основной темой романа, той его сердцевиной, вокруг которой нарастают события, в свою очередь служащие углублению в понимании темы — темы о «памяти прошлого». Тему памяти автор берет широко — от микрокосмоса жизни отдельного человека до безбрежности космического охвата. Драгоценно то умение, даже хочется сказать откровение, пользуясь которым автор показывает, как из ничтожно мелких предпосылок лжи вырастают мировые катастрофы.

Среди великой, необозримой, глухой Сар-Озерской степи стоит железнодорожный разъезд. «Надпись висит двойная: Баранлы — по-казахски, Буранный — по-русски...» При разъезде несколько бараков для рабочих. Летом нестерпимая жара, а зимой снегопад, мороз, штурмующие ветры. Поэтому и название разъезду дано — Буранный. Но ничего, жили люди.

На разъезде умер старожил, 44 года проработавший тут, всеми уважаемый старик — Казангап. На похороны отца приехал его сын Сабитжан. В ожидании похорон все собрались вместе. «А Сабитжан и впрямь, должно быть, задался целью окончательно поразить, подавить баранлинцев, поднять себе цену в их глазах... И стал он рассказывать им о невероятных чудесах, о научных достижениях, а сам при этом то и дело пригублял водку, полглотка да еще полглотка... Прежние люди верили в богов. В Древней Греции жили они якобы на горе Олимп. Но что это были за боги?! Придурки...» Он уверяет слушателей, что настоящие боги — это наука, техника. «А наступит время, когда с помощью радио будут управлять людьми. Вы понимаете — людьми, всеми поголовно, от мала до велика. Наука и этого добилась, исходя из высших интересов... ничего не надо при себе иметь. Ходи хоть голый. А только незримые радиоволны — так называемые биотоки — будут постоянно воздействовать на тебя, на твое сознание. И куда ты тогда денешься?

– Вот как?

– А ты думал! Человек все будет делать по программе из центра. Ему кажется, что он живет сам по себе, по своей вольной воле, а на самом деле по указанию свыше. Надо, чтобы ты пел, сигнал — будешь петь. Надо, чтобы ты танцевал, сигнал — будешь танцевать... Сократить рождаемость. С женой будешь иметь дело только тогда, когда сигнал на это дадут, исходя из интересов общества.

– Высших интересов? — не без ехидства уточнил Длинный Эдиньбай.

– Вот именно, государственные интересы превыше всего».

Вот идеал! Какое уже тут прошлое, если у человека нет и его личного, собственного его настоящего?

Но изглаживание в человеке его собственной воли, памяти, прошлого не ново. Автор знакомит нас с живущей в этих краях легендой о том, как в прошедшие века они воевали с жуаньжуанями и что победители делали с их пленными. Сначала пленным начисто обривали головы. Потом кусок кожи только что убитого верблюда в еще теплом состоянии натягивали на бритую голову. Кожа верблюда прилипала как клейкий пластырь. Затем этих несчастных, со связанными руками и ногами, с деревянной колодкой на шее, чтобы они не могли коснуться головой земли, выводили в степь и оставляли там на несколько суток. Неудержимо сокращаясь под палящим солнцем, кожа верблюда сжимала голову как железным обручем, а собственные отрастающие волосы, не находя места, загибались и врастали в кожу головы человека, причиняя

еще большие страдания. Большинство не выдерживало этой пытки и умирало, но выживший становился манкуртом — рабом, насильно лишенным памяти. «Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени... лишенный понимания собственного "я", манкурт был равнозначен бессловесной твари и поэтому абсолютно покорен и безопасен. Он никогда не помышлял о бегстве. Для любого рабовладельца самое страшное — восстание рабов. Каждый раб потенциально мятежник. Манкурт был единственным в своем роде исключением — ему в корне чужды были побуждения к бунту, неповиновению... Манкурт, как собака, признавал только своих хозяев... Куда легче снять пленнику голову, нежели отбить человеку память, разрушить в нем разум, вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха... отнять у рабов их живую память: нанести тем самым человеческой натуре самое тяжелое из всех мыслимых и немыслимых злодеяний... это значит посягнуть на самую сокровенную суть человека».

Автор рассказывает потрясающий случай, как мать одного такого пленника, ставшего манкуртом, находит его в степи и всеми способами пытается пробудить в нем хоть какой-либо оттенок прошлого, какое-либо сердечное движение к матери. Все напрасно. Это не человек, а камень. Кончается тем, что он из лука убивает мать свою, слишком близко подошедшую к стаду, которое он пас. Когда она падает мертвой, из рук ее выпадает платок, который превращается в белую птицу вечной человеческой памяти.

Старания лишить человека его сущности, свободы его «я», памяти о прошлом — все это не ново. Новые только методы, которыми это достигается.

Сопоставление воззрений и стремления воплотить их в жизнь, которые высказывал наукообожатель Сабитжан, с легендой о рабах-манкуртах — это не мой домысел. Его нам подсказывает сам автор. Буранный Едигей, герой данного романа — после похорон старика Казангапа и всего, что в связи с этим приключилось, — размышляет: «Может быть, где-то есть кто-то проницаемый, как дьявол, который много трудов вложил в Сабитжана, чтобы Сабитжан стал Сабитжаном, а не кем-то другим?... А что, если им самим уже управляет по радио тот невидимый и всемогущий...

И чем больше думал старик Едигей об этом, тем обидней и безысходней становилось от этих мыслей.

Манкурт ты! Самый настоящий манкурт! — прошептал он в сердцах, ненавидя и жалея Сабитжана».

Нельзя не сказать еще об одном лице, фигурирующем в романе. Это Абуталин Куттынбаев. Он с женой Зариной и двумя сыновьями (пяти и трех лет) попадают к ним на железнодорожный разъезд. «Не от хорошей жизни очутились они в сарокезской глухомани... они находили смысл жизни в какой-то необычной чуткости, близости друг другу. Как понял потом Едигей, этим они жили, этим они защищались, взаимно заслоняя друг друга и детей от свирепых ветров времени».

Во время войны Абуталин попал в немецкий плен. Бежал. Присоединился к югославским партизанам. Был награжден югославскими орденами за борьбу с немцами. На родине, после всех проверочных комиссий, он получает все же права как нормально демобилизованный и возвращается в свой Казахстан, где женится и начинает опять преподавать географию. Но благополучие было недолгим. На одном из уроков географии случилось то, что «...рано или поздно, так или иначе, здесь или в другом месте, но это должно было случиться».

«– Учитель, значит, вы были в плену? — На него смотрели с холодной ясностью жесткие глаза...

– Да, а что?

– А почему вы не застрелились?

– А почему нужно было убивать себя? Я и так был ранен.

– А потому что недопустимо сдаваться в вражеский плен, есть такой приказ!

...Через несколько дней его вызвали в район... бывший военнопленный не имел морального права учить подрастающее поколение... Устроились в маленькой аульной школе. Вроде прижились... Но опять вызов в район, и опять повторилась история об увольнении "по собственному желанию". Переезжая еще много раз, семья очутилась на разъезде Боранлы-Буранный...»

Абуталина гнетет мысль о будущем своих детей, которых он всячески старается развивать и учить. Для них он стал писать свои воспоминания — «Партизанские тетради» — и все то, чему учила его жизнь, считая, что это единственное, что он может оставить детям. На беду об этом узнает заезжий бухгалтер, который доносит в «органы». И вот однажды на разъезде сходят с поезда три представителя соответствующей власти. Обыск в бараке Абуталина с изъятием его записей... Абуталина власти увозят навсегда.

Очень интересно, как происходит допрос жителей полустанка. Ограничусь только одним отрывком. На желание Едигея защитить право Абуталина писать свои воспоминания, следователь говорит: «Мало ли

что было и как было! Важно вспомнить, нарисовать прошлое устно, тем более письменно так, как это требуется сейчас, как нужно сейчас для нас. А все, что нам не на пользу, того и не следует вспоминать».

Опять память, опять ее убийство! Обрить память так, чтобы как на черепе пленного не осталось ни волоска, ни тетрадки воспоминаний, которые пишет отец детям в глубокой глухомани, на пустынном разъезде железнодорожного пути. Ничего, ничего, ни мысли, ни строки — начисто!

Все планомерно и жестко истребляется в сознании и памяти каждого отдельного человека. Это порождает то опустошение в современном мире, в котором, как в безвоздушном пространстве, задыхается современный человек.

Рывки из одной крайности в ее противоположность напоминают конвульсии, которым подвержено современное человечество. Наши так называемые «государственные люди» такие же сыны своего больного века, как и все. Потому в их действиях изобилует растерянность, абсурды, утрата здравой мысли.

Плачевное состояние жизни на земле автор показывает вводя, параллельно с описанием реальной жизни на полустанке Буранный, фантастический момент открытия якобы новой галактики. Попав на новую планету, американский и советский космонавты сталкиваются с жизнью этих «инопланетариев», которые не знают вражды и войн, превосходя нас в культуре и в знаниях. Но земные власти (смешанная американско-советская комиссия «Обценупр», облеченная полнотой власти по всем вопросам космоса) отвергают предложение сношения с новой планетой. Стремительно создается постоянная ракетно-боевая охрана земли — «Обруч» — препятствия проникновения к нам инопланетариев...

Запуск ракет, входящих в систему «Обруч» для защиты земли, застает в пустынной степи возвращающегося с похорон Едигея: «И тут как раз что-то произошло в воздухе, что-то сдвинулось в пространстве с нарастающим вулканическим грохотом. И совсем рядом, где-то совсем вблизи, в зоне космодрома, взметнулась столбом в небо яркая вспышка грозного пламени. Буранный Едигей отпрянул в испуге, а верблюд с криком вскочил с места. Собака в страхе кинулась к ногам человека... Небо обваливалось на голову, разверзаясь в клубах кипящего пламени и дыма... Человек, верблюд, собака — эти простейшие существа, обезумев, бежали прочь. Объятые ужасом, они бежали вместе, страшась расстаться друг с другом, они бежали по степи, безжалостно высветляемые гигантскими огненными сполохами...

Но как долго бы они ни бежали, то был бег на месте, ибо каждый новый взрыв накрывал их с головой пожаром всеохватного света и сокрушающего грохота вокруг...

А они бежали, человек, верблюд и собака, бежали без оглядки, и вдруг, почудилось Едигею, откуда ни возьмись появилась сбоку белая птица, некогда возникшая из белого платка Найман-Аны, когда она падала с седла, пронзенная стрелой собственного сына-манкурта... Белая птица быстро полетела рядом с человеком, крича ему в том грохоте и светопреставлении:

— Чей ты? Как твое имя? Вспомни свое имя! Твой отец — Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай...

И долго еще разносился ее голос в сомкнувшейся тьме...»

Мы вступаем в такой период жизни, когда у нас на родине жажда возрождения — если возрождение понимать как возвращение к прежним духовным ценностям — начинает охватывать людские массы. Главным и необходимым средством в этом процессе является восстановление памяти.

«Бог дарует победу над временем, — пишет знаменитый ученый отец Павел Флоренский, — и эта победа есть "памятование" Богом-Незабвенностью. Сам — над временем и все может приобщить Вечности. Как? Памятуя о нем» («Столп и утверждение Истины». С. 193).

Открытие ноосферы как научной дисциплины, принадлежащее акад. В. И. Вернадскому, теперь все шире используется для философского понимания космоса и историософии. Оно чрезвычайно важно и для рассматриваемой нами темы. Если ноосфера есть как бы некое место сохранения всего бывшего: мыслей, переживаний, ощущений, слов, действий ушедших поколений — некий гигантский экран отражения всех и вся, место сохранения бывшего для будущего, то каково же его влияние на настоящее? Поколения — не обрубки дерева, распиленного на дрова. Вот хороший пример. В Париже есть православная церковь, в центре которой растет дерево: ствол в храме, а крона выше крыши, охватывающей в определенном месте ствол. Находясь в церкви, ты видишь ствол, но не видишь кроны, выйдя же на улицу видишь крону, а не видишь ствол. Все же вместе одно живое дерево. Так и человек. То он во временной, видимой, то в вечной жизни, нами не видимой. Ноосфера говорит о нерасторжимости поколений, о их взаимном влиянии, сознаваемом или не сознаваемом, но от этого не менее действенном. Потому-то так и мог писать Симонов: «Как будто за каждою

русской околицей, Крестом своих рук ограждая живых, Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся За в Бога не верящих внуков своих».

Это не только красочный образ, но действительность, реальность, им понятая или случайно сложившаяся.

Так называемая крестьянская литература, к которой причисляется и Чингиз Айтматов, не потому так именуется, что главным образом пишет о крестьянстве, а потому, что обращена к становлению и разрешению глубоких нравственных проблем, которые, по преимуществу, хранит не кто иной, как сам народ. И если мать, хотевшая пробудить память у все забывшего сына, гибнет от его руки, то она все же оставляет белую птицу — память, которая в предапокалиптический момент кричит, будит в человеке необходимость вспомнить, кто он, как его имя, чей он сын — память прошлого, без которого немыслимо достойное человека будущее.

Прот. Александр Киселев

Обращение к российской общественности от Комитета спасения Игоря Огурцова[1]

16 ноября 1983 г. состоялся телефонный разговор между Игорем Вячеславовичем Огурцовым, находящимся в ссылке в Коми АССР, Поселок Микунь, и членом нашего комитета В. Г. Семеновой. Из этого разговора, отрывки из которого мы приводим ниже, совершенно ясно, что пытка, начавшаяся 17 лет тому назад для Игоря Огурцова, все еще продолжается! Состояние его здоровья как было, так и остается КАТАСТРОФИЧЕСКИМ. На совести всех нас лежит судьба ИГОРЯ ОГУРЦОВА. Не проходит дня, чтобы правительства, парламенты, научные и культурные объединения и отдельные влиятельные лица не выступали в защиту репрессированных и преследуемых в СССР правозащитников: академика А. Д. Сахарова, А. Щаранского, И. Бегуна и многих других.

РУССКИЕ ПАТРИОТЫ, ВОЗВЫСЬТЕ ВАШ ГОЛОС ЗА ХРИСТИАНСКОГО ДЕМОКРАТА ИГОРЯ ОГУРЦОВА!

ПУСТЬ НИКТО ИЗ ВАС НЕ ОСТАНЕТСЯ В СТОРОНЕ. КАЖДЫЙ МОЖЕТ ПОМОЧЬ: письмами и открытками ему и его семье, письмами с подписями на имя вашего сенатора, конгрессмена, прези-

[1] Русское возрождение. 1984. I № 25. С. 143–147.

дента, главам правительств в странах, в которых вы живете, в международные организации. ПРОСИТЕ, ТРЕБУЙТЕ ИХ ОБРАЩЕНИЙ К СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ В ЗАЩИТУ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО, СВЕТЛОГО ЧЕЛОВЕКА, РУССКОГО ПАТРИОТА-МУЧЕНИКА ИГОРЯ ОГУРЦОВА! ОБРАЩАЙТЕСЬ К ХРИСТИАНСКИМ ЦЕРКВАМ, СОБИРАЙТЕ ПОДПИСИ В ВАШИХ ПРИХОДАХ. ПОДНИМЕМ КАМПАНИЮ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ

ИГОРЯ ВЯЧЕСЛАВОВИЧА ОГУРЦОВА!

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ ИГОРЯ ОГУРЦОВА

Архиепископ Женевский и Западноевропейский Антоний

Архиепископ Сиднейский и Австралийский Павел

Е. А. Вагин, В. Г. Семенова, Ю. А. Колюжная

Адрес И. В. Огурцова: Коми АССР, Усть-Вымский район, поселок Микунь 169060, Огурцову В. И. (до востребования). Адрес его родителей: СССР, 198035. г. Ленинград, улица Двинская 11, кв. 28. Евгения Михайловна Деревенскова

Просим также оказать и материальную поддержку в ФОНД ИГОРЯ ОГУРЦОВА: Kommitee zur Rettung Igor Ogurcovs Bayerische Hypotheken-und Wechsel-Bank AG ZWGST. M-Hohenzollernpl. Konto Nr. 18 90 145 759

Чеки можно также посылать на адрес Комитета: Kommitee zur Rettung Igor Ogurcovc Victoria Semenova, Gumbinnen str. 8 8000 Munchen 81, BRD с обязательным указанием на чеке: Фонд Игоря Огурцова.

Мюнхен

Телефонный разговор, состоявшийся по инициативе И. В. Огурцова 16 ноября 1983 года.

И. О.: Говорит Игорь Огурцов. Я очень рад сегодняшней счастливой возможности передать привет всем друзьям в Германии. Каждое слово, которое исходило от вас и с которым я мог познакомиться, глубоко трогало меня. Мне хотелось бы многое сказать Вам, но, к сожалению, телефонный разговор этого не позволяет. Но вместе с тем, и главным образом, я хотел также поблагодарить Вас и всех друзей за их усилия, которые хотя и не принесли пока ощутимых результатов, но, видимо, это не вина друзей, а причина в том, что они обладают ограниченными возможностями.

В. С.: А мы благодарим Вас. Любим Вас, думаем о Вас, помним Вас и молимся о Вас.

И. О.: Испанцы говорят, что больше делает тот, кто хочет, чем тот, кто может.

В. С.: Дай Бог, чтобы это было так. Но, может, наступят времена, когда мы сможем сделать больше того, что до сих пор, мы на это очень надеемся.

И. О.: Вы, наверное, в курсе дела, что в 1980–1981 годах я был на полшага от того, чтобы увидеться со всеми друзьями? Вы ничего не могли бы мне сказать, как Вам представляется, в ЧЕМ ПРИЧИНА такого изменения решения в этом отношении?

В. С.: Мне очень трудно Вам об этом говорить. Обстановку и обстоятельства, которые здесь сложились трудно осознать.

И. О.: Это очень обидно, потому что у меня уже не раз были такие ситуации и кончались они вот таким образом. У меня такое впечатление, что НЕДРУЖЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ НЕ ТОЛЬКО ЗДЕСЬ, НО И ТАМ К РОССИЙСКИМ ПАТРИОТАМ?

В. С.: ЭТО ВЫ ПРАВЫ! ЭТО ВЫ ПРАВЫ! Это, к сожалению, так. Ваше ощущение совершенно верное.

И. О.: Как это странно...

В. С.: Да, это очень странно..

И. О.: Это даже ЧУДОВИЩНО!

В. С.: Именно чудовищно! Но, к сожалению, к русским патриотам здесь такое отношение. К нам, русским христианским демократам, такими мы себя считаем и такими мы чувствуем, отношение недоброжелательное. Игорь Вячеславович, к сожалению, в мире все более и более действуют и побеждают левые силы.

И. О.: Вообще-то, сегодня деление на левое и правое очень устарело, это относительно.

В. С.: Да, это все правда, но, тем не менее, борьба у нас здесь очень большая. Но есть еще силы и в свободном мире, и в русской эмиграции, и мы делаем все от нас зависящее, все то, на что считаем себя запрограммированными от Бога. Вот так. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАК ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ?

И. О.: Должен Вам сказать, что ТО, КАК ВАМ ИЗВЕСТНО, ТАК ОНО, ПРИМЕРНО, И ЕСТЬ..

В. С.: Это очень печально.

И. О.: Да, это очень печально, но другой возможности у меня нет.

В. С.: Нам бы очень хотелось Вам чем-нибудь помочь, медикаментами, чтобы поправить Ваше здоровье.

И. О.: К сожалению, это капля в море.

В. С.: Да, я понимаю, это все не то.

И. О.: Не то. Понимаете, ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ЭТО ОЧЕНЬ МНОГО, ЭТО ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ, ЦЕЛАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА. ОСОБЕННО ДЛЯ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА.

В. С.: Ваша судьба — это и наша скорбь. Игорь Вячеславович, скажите, какие у Вас желания есть, чем мы могли бы Вам, в пределах дозволенного, помочь?

И. О.: Пожалуй, что ничем, КРОМЕ ТОГО, ЧТО ТАК ТЯЖЕЛО ПОДДАЕТСЯ. Но будем надеяться. Ну, что ж, я еще раз передаю мой сердечный привет всем искренним друзьям и надеюсь, что придет день, когда мы увидимся.

В. С.: Дай Господи, дай Господи!

И. О.: Храни Вас Господь!

В. С.: И Вас также. Я все передам нашим общим друзьям.

И. О.: Благодарю. До свиданья.

Живя в стране, где свобода печати настолько реальна, что можно печатать даже вещи, идущие в разрез с господствующим мнением, мы печатаем статью, полученную из Советского Союза с подписью о. Дмитрия Дудко. Мы понимаем, что статья эта весьма многогранна. Если за правду и смелость некоторых высказанных мыслей автор заслуживает низкий поклон, то наряду с ними есть и то, что можно назвать и казуистикой. Да, священнику хорошо не заниматься политикой, но не все в борьбе со злом — политика. Война — грех, но прп. Сергий благословил Русь на освободительную битву. Есть разница между злом и злодеем. Если второй для христианина, хоть и падший, но брат, которого должно и жалеть, и прощать, то первое — зло — всегда есть зло и ни о каком примирении с ним не может быть и речи.

Статья написана слезами и кровью. Как таковую ее следует читать и перечитывать. От повторных чтений приходит уразумение и проникновение в суть тех сложностей, противоречий и бесчисленных сетей, среди которых мы все теперь живем.

В каждой борьбе, в том числе и духовной, бывают победители — мы перед ними преклоняемся, предатели — мы от них отворачиваемся, и раненые — мы их жалеем и молимся о их полном выздоровлении.

Печатается с некоторыми сокращениями ввиду крайней неразборчивости рукописи и имеющихся в ней пропусков.

Редакция

Русь святая[1]

(Заметки к начинающим критикам)

Критиковать Россию легко и просто, тем более, что у нас такая обнаженная история: бери и нацеливайся, и сразу попадешь, куда надо. Но понять ее гораздо труднее, и тут одного ума, особенно когда со стороны смотришь, хотя ты и живешь в этой стране, недостаточно.

В самом деле — ну какой это царь Иван Грозный, убивший даже собственного сына, или хотя бы Петр I, которого, впрочем, есть за что и похвалить, ведь тоже не пощадил своего сына?

Особенно, если пойдешь дальше, то вот цепочка и потянется: понятно, отчего все это происходит?

Так начиналось, так продолжалось и так кончается, другого и быть не может.

(Неразборчиво. — *Ред. журнала).*

Понять Россию трудно. Помимо того, что надо в ней жить, надо еще болеть ее болями, всматриваться в нее любящим оком. Это не то, что критиковать.

Ну, взять хотя бы Грозного или Петра I, или особенно последних, казалось бы, просто палачи, о них и говорить только это нужно.

Но почему палач Грозный кается, почему играет в монаха, ведь это о чем-то говорит? Не говорит ли это о русской сущности, которая так далека от поверхности, что надо долго копаться, чтобы ее достичь. Или почему Петр, забывая обо всем, бросается в ледяную воду и спасает погибающего? Или почему последний палач вдруг стал заигрывать с Церковью? Неужели все случайно?

Не будем повторять, может быть, уже надоевшие слова: в Россию надо верить, но все-таки зададим себе вопрос: отчего лишившиеся России так о ней тоскуют, заболевают ностальгией и все лучшее вне России им немило, они идеализируют даже ее пороки, видят их в розовом свете и забывают о своих палачах? Отчего, приезжая в Россию, даже иностранцы так не хотят отсюда уезжать? Что их притягивает, что тянет? Хаос российский, палачи, пролитая кровь?

Я не буду распространяться дальше, на этом и остановлюсь. Я хотел бы, чтобы тот, у кого чешутся руки замахнуться на Россию, сначала бы ее полюбил. А ведь не полюбив, мы и критиковать ее не можем. Легко видеть, что на поверхности трудно взглянуть вглубь. Мы все знаем, что есть двойное течение, и внутреннее течение го-

[1] Русское возрождение. 1984. I. № 25. С. 116–131.

раздо сильнее, но как-то об этом не думаем. Мы знаем, что есть не только железная логика, не только упрямые факты — они-то очень о малом говорят! — есть подсознательная жизнь, есть сердце, для которого логика не нужна и излишня, есть интуиция, предчувствия: ну мало ли чего есть, человек не такое простое существо, как нам кажется, он очень сложен, и в своей простоте не только умом его не понять.

Ну вот опять пришли к тому, чтобы верить, но и не об этом говорю. Прежде чем критиковать, надо полюбить, тогда, пожалуй, можно и критиковать, и критика эта уже будет болью.

(В рукописи пропущены две страницы. — *Ред. журнала)*

Русь святая — таинственная страна, она вмещается в русской святости, может быть, в культуре, вмещается в душе человеческой. О России можно сказать, что она богоносная, и поскольку она богоносная, ей выпадает миссия мирная. Россия должна положить новое начало, русские должны сказать новое слово миру...

Но вот, дойдя до этого места, наверно, от многих послышится: СТОП!

Это, мол, оголтелый русский шовинизм, который, конечно, не сейчас только начался, а давно. Давно уже повторяют: Русь — третий Рим, а четвертому не бывать.

Иногда по иностранным радиостанциям можно услышать: православный русский шовинизм еще страшнее, чем просто такой шовинизм. Вообще, религиозный фанатизм более страшный, чем не религиозный, говорят.

И тут ненависть начинает литься, как воды в половодье. Ненависть, нетерпимость. Еще можно о советской России говорить, как-то даже сговориться. Но чтобы говорить о православной России — это мало, кто может вынести. И что же, тут снова приходится поставить точку? И пусть говорят. Даже не просто русские, а иностранцы, хотя таковых еще мало, но уже есть, которые, не живя на территории России, любят Россию и говорят о Руси святой.

А мне хочется сказать вот что.

Поскольку Россию не могут терпеть, то ненависть не показатель ли того, что Россия в самом деле Русь святая?

Так и о Христе говорили с зубовным скрежетом и даже до сего дня говорят, а Он святее всякого святого, Христос-Господь и Бог наш. Грешный мир не может любить то, что не вмещается в территорию его грешного сердца. Христос говорит: горе вам, когда о вас будут гово-

рить все хорошо. И хорошо, когда ненавидят и гонят вас и всячески неправедно злословят Меня ради.

Но ради ли Христа злословят Россию и русских?

Посмотрите, что эта хваленая Россия и эти хваленые русские принесли всему миру?

И тут хочется сказать: вы готовы все проклясть и растерзать, а ведь вас еще не коснулось то, что коснулось России.

Скажите, пожалуйста, с какой страной это произошло, что с Россией, кто с таким глумлением и озлоблением возведен на крест?

Да и откуда все это произошло, что сейчас в России?

Пожалуй, этим вопросом и нужно закончить эти заметки. Если не могут полюбить и понять возводимого на крест, то тут приличествует больше молчание.

4.

Однако и сквозь молчание хочется что-то сказать.

На кресте со Христом было два разбойника: один — по левую, другой — по правую сторону. По левую — Его хулил, по правую — благословлял.

Так и в России сейчас: все на кресте, но кто-то благословляет, а кто-то и проклинает. И вот новое слово России: отныне двое в доме, и делятся. Такое деление сейчас во всем мире — Ты принимаешь Россию и русских? О, как этот вопрос больно режет по сердцу, кривится лицо. Ну, что скажете? — действительно, нужно иметь большое сердце и большое сознание, чтоб о России и русских сказать благожелательно.

Скоро, наверно, будет так: если о России можешь сказать хорошо, то ты по настоящему веришь в Бога, веришь в Христа.

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя...

Земля родная — Россия многострадальная, Русь святая, будь же ты благословенна от ныне и до века. Границы России сольются с границами Царства Небесного, она не вмещается в этот мир, потому-то ее так и разгромили, осквернили, распяли.

Воскресни, Господи, суди земли, яко Ты царствуешь во веки.

Ни в одной стране так не празднуют Пасху, как в России. Во многих странах празднуют Рождество Христово, а в России — Пасху, воскресение из мертвых. Да, это единственное торжество в России — вос-

креснуть из мертвых, ибо, если не будет воскресения, то Россия несчастнее всех стран. Россия и русские. Да и христианин, надеющийся на Христа только в этом мире, несчастнее всех человеков, — говорит Апостол. Вот оттого-то Россия — Русь святая, вот оттого-то русский человек — всечеловек, а не человек только по крови. Вот и в этом и есть новое слово России — оно не новое, только пережито Россией, повторено ею, выстрадано ею по новому. Не только уста говорят, говорит сердце от всей своей полноты. Аминь.

5.

И на этом еще не конец. Говоря о святой Руси и совсем игнорируя Русь грешную, ту, которая вмещается в территориальные границы, можно оказаться и праздномечтателем. И поэтому посмотрим на Русь предреволюционную и послереволюционную. Теперь многие вздыхают о допетровской Руси, но ведь, находясь в этом мире, мы так жить не могли, видя окружения, и Петр нужен был России. И Господь попустил нам Петра.

Трехсотлетнее царствование дома Романовых создало Русь могучую, великую Русь. Россия была житницей Европы, а сейчас мы хлеб себе везем отовсюду. Много теперь появилось монархистов, несмотря ни на окрики, ни на иронию. Для России сейчас очень нужна монархия, монархическое правление, демократическое не для нас.

И однако существует советская власть — и не монархия, и не демократия. И ни с места. Сколько было мятежей, восстаний, сколько протестов, вот за последнее время стали прибегать к помощи Запада, хотя бы гласностью нам помочь, но ничего не получается, значит советская власть и все ее последствия не случайны для нас.

Да, старая Русь тянулась к Богу, но была ли идеалом для нее святая Русь? Вероятно, не совсем. И вот потому и послереволюционная Русь, для которой святая ненавистна. Чем поправить дело? Много погибло людей и в восстаниях, не говоря уже о войнах, и в провокациях, провоцируют у нас часто на истребление, а ничто не поправляется. Да и поправиться не может. Ну вот, представьте себе, переворот. Что, все сразу и станет прекрасным? К старым недостаткам прибавятся новые и только. Нас Бог призвал строить святую Русь в тех условиях, в которых мы находимся. Строить не только на радость нас самих, а на радость всего мира. Россия теперь закваска всего мира, как поднимется тесто? Естественно, и средства должны быть другими. Вот какими же?

6.

Вцепиться в горло, дать по морде, расквасить в юшку — все было. Были восстания, сражались героически, но все подавили, расстреляли, а жизнь не изменилась — стоит советская власть!

Была стихия, вдруг возникли бунты, даже дети протестовали. Никого не пощадили. Посыпались, как недозрелые плоды с дерева, от сильного ветра и града. Замыли следы и снова, как ни в чем не бывало...

Вы думаете, никто не переживал? Очень переживали, даже те, о ком вы не думаете.

Вот хотя бы возьмите стукачей, доносчиков, а может быть, и предателей, вы думаете у них так и отсутствует сердце? Плачут в ночной тишине, не находят покоя, а на утро за прежнее дело. С ненавистью!.. О, как они ненавидят своих господ, вы даже представить не можете! А помогают им, исполняют не только их приказ, а даже незначительную просьбу. На все ваши увещевания они плюют и злобно говорят: а как же быть, мне жить хочется, не только тебе. Они неудачники в жизни, не способные на подвиги, а жить все-таки хочется. Что прикажете? Разглагольствовать о смерти, самоотверженно умирать, а за что? В Бога и в загробную жизнь они не верят, все вырвали... Так неужели так, ни с того, ни с сего, и умирать? Бывает, что кончают с собой, но о них никто и не вздохнет, может быть, даже скажут, как некогда: собаке собачья смерть.

А жизнь идет своим чередом.

Была война, вдруг понадеялись на немцев, создали Русскую армию. Говорят, власовцы сражались лучше немцев, немцы их мужеству удивлялись. А что получилось? Очередной обман. Приехали по зову, а их пересажали, погноили в лагерях, а те, кто оставались, тех нещадно выдавали — с демократическим настроением еще бывает беспощаднее.

Русская нация убывает...

Кому от этого холодно или жарко? Вон все говорят о русском шовинизме, когда русские еле дышат. Надеяться на Запад, просить их помощи? Ну, поговорят о нас по радио, пощекочат самолюбие, какие герои! А эти герои, отбухав немало лет в лагерях, потом, не устроясь, скитаются да начинают пить. Много таких героев валяется на мостовой, их обходят, ими гнушаются...

Все стало обходить нас, самые лучшие методы оказываются провокационными. Так бывает. Все испытано и ни от чего нет пользы. Со-

ветская власть как стояла, так и стоит. И есть все то, что было. Правда, кое-что и изменяется, но не совсем. Вот безбожная доктрина нас, кажется, доконает? Не то, что на Руси одни безбожники. На Руси даже безбожники веруют, а доктрина, как гильотина, поднята над нами, на кого она опустит свой нож?

Говорят иногда так: по одиночке уже все всё понимают, готовы делать иначе, а сойдутся вместе — все по-прежнему. Наверно, боятся друг друга? Нет, кажется, и не боятся, а что-то все-таки пугает и трудно решиться.

И все по-прежнему как было, так и есть.

Многие вздыхают о прежней России, а она стала несбыточной мечтой. Нужно приспосабливаться к Советскому Союзу и жить, если хочешь жить. Умирать никому не хочется. Впрочем, это только так говорится, а умирают самым бесшабашным образом. Так бездумно, как умирают русские, никто не умирает. Значит, нечего о чем-то задумываться, живи, как живется?

А все-таки русский не может успокоиться, все продолжает мечтать и бороться... ну вроде размахивать руками — вы смеетесь? И размахивает руками, и думает, что он всечеловек, когда его и за человека не считают, и улыбается, грезя о святой Руси?

Вы все смеетесь?

Да, пожалуй, пора нам отрезвиться.

Все испытано, проверено и ни на что не годится. Пора нам друг в друге узнавать брата. Ты брат мой, раз живешь на этой земле. Кто бы ты ни был, запоем: Христос Воскресе и обнимемся. Ты брат мой, потому что вместе страдаем, а в страданиях братство — самое крепкое.

Как, с кем побрататься? С безбожником, чекистом, с тем, кто опозорил твою сестру или дочь, с тем, кто расстрелял твоего отца, сгноил брата и сына, — с ним побрататься? Это может высказать только о. Дмитрий, потому его и нарядили, как чучело, и выставили на осмеяние. И теперь его обходят стороной. Все к нему относятся плохо — и неверующие, и верующие. А то, что он служит, лучше бы не служил. С чекистами задумал брататься. Нет, мало его гноили по тюрьмам и лагерям, ему руку нельзя подавать.

И слушать его не надо.

Любите враги ваши — это не о чекистах сказано. Любить чекиста — любить духа злобы поднебесной. Ненависть на ненависть, что дает? Клин клином вышибает? Как Христос смерть смертью победил? (Неразборчиво. — *Ред. журнала)*

Но кому это понятно? О чем это я заговорил? А заговорил я о том, что нам нужно искать языка между собою, самим договориться, а время сделает и другое.

Как отзывчива стала русская душа к христианским истинам, на русской земле теперь основное поле деятельности, но вот вопрос: многие пытаются уехать отсюда, зачем? Трудно жить, хотят лучшего, устроиться лучше на земле? А устроиться, наверно, не придется, все приходит к концу во всем мире, даже там, где все приблизительно благополучно. Вот оттуда прибежать сюда, массовое переселение чтоб было...

Для чего?

А может быть, для того, чтоб посидеть в лагерях и кое-что понять. Можете вы представить, чтоб оттуда массовый приезд сюда?

На крестные муки, пострадать со Христом, узнать, захлебываясь кровью, что такое святая Русь. Может это быть?

Нет, не можете, тогда о чем же говорить, зачем критиковать со стороны Россию, русских, делать схемы, не зная жизни.

Мир, слушай, есть святая Русь, и она скажет новое слово и этим будет спасен мир. А если этого не будет, мир погиб.

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Христос благословил святую Русь, об этом и речь и не о чем-либо другом.

А нам что делать? — вопрос остается вопросом. Каждый решает по-своему, осуждать никто не имеет права. Стоит или падает? — каждый перед Богом.

7.

В будущем возрождении России есть две опасности, и если сейчас их не учесть и не исправить, то, может быть, тогда будет поздно — не святая Русь будет перед нами, а Россия, не могущая забыть своих обид, с помраченными глазами злобой, жаждущая только мести, и это вполне в природе России, как просто в человеческой, много обид накопилось. Так и в том, что она была и языческой — жажда человеческой крови, человеческих жертв. Жертвоприношение — это жертва богам, которые уже тысяча лет постом и молитвой изгоняются из нашей природы.

Опасность эта как человеческая, так и религиозная. Вслушайтесь, как в минуты откровенности воинственно настроенные люди говорят: ну, когда мы получим власть, мы вам покажем.

В лагере я слышал, один человек и так выражался: мы не будем давать по 10–25 лет. Не больше двух лет...

Ну уж за эти годы ты все вспомнишь. И проклянешь день, когда тебя мать родила на свет.

Страшнее нет самосуда. Будут убивать, кто посильней. Кто может — отомстит. А не может — так все равно будет сжигать злоба.

— Папа, — говорил мальчик отцу, управляющему лагерей, — эти злые люди убьют нас?

Отец молчал.

«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», — говорил Пушкин, провидец. Как избежать этого?

Только христианским всепрощением. Забыть обиды и пожалеть, полюбить своего врага.

Но возможно ли это?

Да, к сожалению, нам христианам стоит ставить и такой вопрос. Это я испытал на себе. Такой страшной ненависти, пожалуй, я и от неверуюших не знал. Те просто говорили: ну что ж, человеческая слабость. Когда я заикнулся сказать, что чекисты-безбожники со мной разговаривают благожелательнее, — этим я никого не хотел упрекнуть, только выразить факт, — так на меня еще с большей яростью обрушились: он нас считает хуже чекистов.

— Я с тобой не хочу разговаривать, — говорил один.

— Ему руку нельзя подавать, — кричал другой.

— Он духовный труп, — и уже ничего не хотели видеть, как я страдаю, что делаю. Более того, старались распространить такие слухи, которые подтверждали бы их мнения и порочили меня.

— Пушкин хотел прославиться тем, что милость к падшим призывал, — пытался что-то сказать я.

— Кто без греха... — еще старался открыть я рот.

— То блудница, а ты священник.

— Значит, можно побить камнями?

— Конечно, на все это нужно сказать: прости им, Господи, не ведают, что творят.

— Но это же верующие, неужели они не знают, что надо простить врагам, немощи другого человека переложить на свои плечи?

– Впоследствии некоторые одумались, а некоторые и до сих пор ожесточены. Одно отобьешь, другое придумают.

– Вот такая опасность нам грозит, как этого избежать?

– Как этого избежать?

– Конечно, ничего другого не остается, кроме христианства. И нужно христианизировать Россию. Теперь все средства должны быть брошены на то, как бы понести свет христианства, но как это сделать?

– Трудно заранее писать указания.

– Все, кто имеет христианскую веру, должен активно действовать: если кого-то научишь молитвам, дашь соответствующую литературу — это уже сделал много. Особенно священники должны быть деятельны.

– Но вот тут сразу столкнемся.

– Появилось много сект и более активных, чем православные люди. Для них Россия, да, наверно, и святая Русь, православная, мало что значат. И они составляют большую армию, вот что тут делать? Миссионерские беседы? — но об этом и мечтать нельзя, да и дают ли они что. Основное — мы должны быть на высоте. Они сами по себе отпадут, эти секты, если мы будем настоящими православными христианами.

– Это и говорю не без основания. Появилось уже несколько молодых людей, которые от баптизма переходят в православие. Правда, не все эти люди сами по себе православны, тут есть опасность, как бы они не создали новую секту на православной почве. Но все-таки... Как важно тут дорожить православной традицией, главный удар должен быть здесь. Русская православная традиция! Она особая, особое и богословие русское. Тут нам есть чем и погордиться даже. Всякий деятель должен выходить с намерением не таким, что я вот, мол, просвещу этих темных, а с состраданием к людям, их грехи взять на свои плечи и научиться даже чему-то от них. Становиться в позу праведника, а все остальные грешники и, мол, слушайтесь меня — это только раздражает и ожесточает. Люди измучены жизнью, все нуждаются в утешении. МИЛОСЕРДИЕ! — так крупными буквами и нужно записать себе. Конечно, не от наших сил зависит возрождение святой Руси, но не без нашего участия будет. Сам Бог да устроит все. Ему слава во веки веков. Аминь.

9.

– А можете вы представить, как следует, что такое святая Русь?

– Помните сказание о граде Китеже — вода светлая, светлая, и колокола там звонят, заливаются. А кругом ночь, страшная, темная, но от этого еще лучше звонят колокола.

– Обезглавили наши церкви, поснимали колокола, всю испоганили Русь. Пьянство, разврат, все кругом в колючей проволоке, с вышками, собаками. Шаг вправо, шаг влево — стреляю без предупреждения... А Россия живет. Так вот ляжешь, усталый, измученный, и приснится она. Проснешься, прислушаешься, а колокола звонят. Русь стоит.

– А от чего стоит Русь?

– Да от того, что в ней много мучеников. От Царя и до простого крестьянина — все мученики. Разве мучения ничего не значат? Вы протестуете, что Зарубежная Церковь канонизовала их прежде времени? Да они уже давно канонизованы, она опоздала уже.

– Звонят колокола, молятся святые, и мы просвещаемся. Грешники, ни на что негодные, но еще говорим и другим: слушайтесь нас!

– Нет, не неистового крика, не брани, слушайте то, что не слышно. «В тайне почивает Русь», — сказал же Блок, не ахти какой христианин. Вот — в Россию надо верить, — сказал верующий поэт.

– Да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое!..

– Да будет на земле святая Русь!

– Она тревожит, будоражит, но она и смиряет, о многом говорит, отрывая от житейских привязанностей и дрязг.

10.

– А какое же новое слово должна сказать Россия?

– Раз есть святая Русь, то она должна сказать и новое слово?

– Вот какое новое слово будет? — и сразу удивленно воскликнешь: неужели да?

– Это новое слово должно выразиться не на бумаге, оно уже сейчас есть... Ну, вот хотя бы: все на земле непрочно, прах и тлен. Не придумывайте, что только мы, русские, не умеем жить на земле. Это показывают уже все те мировые катаклизмы, которые мы переживаем. Новое слово и то, что только святость, стояние за Христа нас спасет.

– И еще новое слово в том, что кроме христианства ничто другое нас спасти не может, пусть не увлекаются народы «ветром всяких направлений».

– Ну, и еще будет новое слово, нужно прислушиваться. Имеющий слух да слышит.

– Раз есть святая Русь, на какое-то время затормозится мировая катастрофа. И если это поймут, а не будут от ненависти скрежетать зубами — значит, в самом деле ради избранных Господь отведет дни мировой гибели.

Дм. Дроздов (свящ. Дм. Дудко)

1982 г.

Письмо из России — реакция на полученное, чудом дошедшее туда письмо с иконочкой Новомучеников Российских. Оригинал иконы написан отцом Киприаном для их прославления[1].

Редакция

28 апреля 1982 г.

Дорогая...

Ваше пасхальное поздравление превзошло всякие ожидания — фотография иконы «Всех святых...» в буквальном смысле слова потрясла и обрадовала наши души! Именно такой иконы нет в моем иконостасе, а теперь будет хотя бы ее фотокопия. Все мои друзья поражаются прекрасным исполнением иконописного письма, композиционным решением, в духе традиционно сложившимся на Руси страдальческим видением жертвы Христовой. Сейчас иконы «Всех святых» пишут у нас по заданному шаблону, с приглушенным колоритом, бесцветно. Присланная Вами фотокопия иконы сразу же заставляет душу увидеть в ней святого мученика, Христова агнца, побуждает скорбно склонить голову перед теми, в чьих предсмертных устах застыло Иисусово: «Прости им, Господи, ибо не ведают что творят!». В этих святых словах выражено все: и христианское смирение, и кротость, и чувство собственного достоинства, и христианская любовь к тем, кто сознательно или бессознательно утратил в себе образ Божий, сделался «аки рыкающий зверь». Сильно впечатляет фотография Св. Троицкого монастыря[2] (Главный Троицкий собор). Здесь восторгаешься всем: линией, пропорцией, цветом, оформлением. Здесь видишь, что созидала эту красоту не человеческая рука, а сама бессмертная душа! У нас, на Руси,

[1] Русское возрождение. 1984. I. № 25. С. 140–142.

[2] Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, в штате Нью Йорк.

в последнее время храмы подкрашивают как-будто набегу, второпях. Все потому, что в настоящее время здание церкви должно служить как можно большему денежному доходу, а не поражать жаждущую душу духовной красотой. Отсюда однотипные практичные массовые постройки жилых массивов, отсюда практичная побелка и покраска церковных зданий, а внутренняя реставрация также чаще всего носит халтурный характер. Это не значит, что у нас нет мастеров, любящих свое дело. Просто у нас слишком жесткие для них условия работы. У нас сложилось такое положение вещей, при котором все хотят жить, всем нужны деньги и время, а ни того, ни другого нет. В предыдущем письме я писал, что в Праздничные дни попасть в церковь стало сложно. Требуется и ловкость, и изворотливость. С каждым годом стали все больше и больше мобилизовать учеников старших классов и внештатных работников милиции на дежурство в церкви в праздничные дни. Эти мобилизованные создают пробки у входа в храм, верующие не могут войти в двери, у которых плотной стеной толпится молодежь. Две трети помещения церкви также заполняется праздно шатающимися молодцами, а верующих милиционеры не впускают в церковь под тем предлогом, что помещение переполнено. Ну, и многое другое. Многие верующие ропщут и дрогнут на улице в тщетной попытке попасть в церковь хотя бы к концу службы. Я же, наоборот, радуюсь и говорю таким верующим: «Где же ваше христианское смирение?» Я за то, чтобы как можно больше мобилизовали в церковь безбожной молодежи. Ведь эта молодежь идет не в кинотеатр с безбожными фильмами, не на танцплощадку с циничными телодвижениями, не в пивной бар, где папиросный дым и мат. Эта молодежь идет в церковь, где красота, где духовная любовь, где единение в радости духовной. А придя в церковь, хочет он того или не хочет, он вынесет из нее крупицу этой красоты, крупицу этой духовной любви, крупицу радости. А вынеся эту крупицу, он увидит все омерзение мира сего, всю его несправедливость и развратность. Ради этого, согласитесь, стоит мерзнуть во дворе, стоит потолпиться у дверей входа в церковь, стоит воскликнуть: «Товарищи безбожники! Мобилизуйте как можно больше молодежи в церковь в христианские праздники! Пусть радость этих праздников войдет в ваши молодые души и озарит их благодатным светом Христовой любви!» Честно признаюсь, правда, лично мне, все-таки хотелось бы быть в праздник в церкви, а не стоять на улице. Поэтому-то и поехал я в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру за четыре часа до начала пасхальной службы, то есть в 20 часов. Служба кончилась в четыре часа утра, а первая электричка до нашего города

идет только в шесть часов утра. Но мое девятичасовое терпение было вознаграждено пышностью богослужения, праздничностью настроения и... как хорошо, что в мире так много Христовой любви, так много красоты и доброты, так много людей!

Вы дополнили эту радость прекрасным пасхальным поздравлением, и я, моя семья, мои друзья желаем Вам еще более обильной радости, долголетия, спасительной благодати и любви Иисусовой!

ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦЕ! СПАСИ ДУШУ ЭТОЙ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ! ЕЕ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ, ДРУЗЬЯМ И ПАСТЫРЯМ СТАДА ХРИСТОВА ПОШЛИ СВОЮ СПАСИТЕЛЬНУЮ БЛАГОДАТЬ, ЛЮБОВЬ И МИР! Аминь. С земным поклоном...

Открытое письмо[1]

Н. С. Гордиенко, автору книги
«"Крещение Руси": факты против легенд и мифов»
(Лениздат, 1984)

Не знаю, как мне к Вам обращаться: товарищ? Но уже что-что, а люди, столь далекие один от другого по своим убеждениям, быть товарищами не могут... Господин, но для Вас такое обращение, наверно, звучит почти оскорбительно... Потому, в обращении моем к Вам назову Вас «дорогой», ибо Господь наш Иисус Христос заповедал нам: «Любите врагов ваших».

Итак, дорогой Н.С. (не знаю Вашего полного имени и отчества).

Прежде всего название Вашей книги — «...факты против легенд и мифов». Разве это обязательно противоречивые понятия? Вы же говорите: Чапаев — легендарный герой, и тем никак не хотите сказать, что его героизм — вымысел.

А миф — это греческое слово переводится как «сказание, предание»... «сказание о необыкновенном событии»... «народное предание о каком-либо событии»[2]. Следовательно, легенды и мифы — это не нечто противоположное фактам, а запечатление в народном сознании наиболее важных и интересных событий, имевших место десятки, сотни или тысячи лет тому назад.

Слова «Крещение Руси» Вы берете в кавычки. Почему? Не потому ли, что хотите поколебать достоверность события? Поскольку сам

[1] Русское возрождение. 1985. III. № 31. С. 71–90.

[2] См.: Словарь иностранных слов. М.: Советская энциклопедия, 1964.

факт крещения отрицать невозможно, то Вы этими кавычками пользуетесь, как усмешкой, которая на некоторых людей действует сильнее, чем разумный довод. Таким образом, одно название книги уже настораживает вдумчивого читателя и не обещает ему серьезного материала.

На страницах Вашей книги Вы чрезвычайно часто повторяете, очевидно считая необходимым вдолбить в сознание читателя, что не было Крещения Руси, а было лишь крещение киевлян. А кто же утверждает, что по всей Руси в один день и час крестили всех и вся! Так и быть бы не могло. Однако определенную дату Крещения, имевшего место в столице, в Киеве — Матери городов русских, вполне законно считать Крещением Руси, всего русского народа.

Сопоставьте. В октябре 17 года в Петрограде произошла революция. О ней, скажем, в Казани узнали через 2–3 дня, а в далеких углах Сибири через 2–3 недели... Однако революцию в России (а не революцию в Петрограде) Вы празднуете в один и тот же день и час по всей стране.

Тут к месту будет вспомнить, что древний памятник нашей письменности XI века «Слово о Законе и Благодати» подтверждает намерение св. кн. Владимира крестить не только киевлян. Там читаем: «Заповеда по всей земле своей креститися».

Вы обвиняете «богословско-церковные круги Московской патриархии» в присвоении христианству со времен Крещения нашего народа в 988 году «начало всех начал» (С. 7) — и культуру, и государственность, и национальный характер и т.п. В чем же тут незаконность присвоения?

Вот на Валдайской возвышенности обозначено место, где начинается Волга — струйка, родничок. Я отойду на 50–100 шагов и найду эту же струйку, но еще меньшую и начну утверждать, что не там, а вот тут начинается Волга.

До Крещения нашего народа (если Вам так угодно, то киевлян) предки наши не на четвереньках ходили. Зачатки религии, культуры, государственности и драгоценных душевных черт характера у них были и до Крещения. Этого ведь никто не оспаривает.

Возьмите пример. Ребенок пошел в школу и научился писать букву А. Потом он кончил десятилетку и получил аттестат зрелости, потом кончил университет, получил докторскую степень. Когда же он приобщился к культуре — получив докторат, аттестат зрелости или научившись писать букву А? Все это один и тот же процесс, и любую его точку, особенно большого значения, можно назвать начальной.

Вы всячески подчеркиваете, что «Крещение Руси» — это крещение киевлян, церковный юбилей, а не знаменательная веха нашей истории. Однако сами делите историю Древней Руси на «дохристианский и христианский период» (С. 15), тем самым признавая, что Крещение Руси было самым большим поворотным моментом в истории Древней Руси. Зачем же Вы обвиняете Патриархию, если и она указывает на то, что Крещение — это поворотный момент нашей истории, что именно с этого момента у нас пышно расцвели все формы жизни.

Акт Крещения, помимо его чисто духовного значения и влияния на формирование души русского человека (что Вам, атеисту, естественно отвергать), принес в народную жизнь соприкосновение с Византией, сокровищницей культуры того времени. Крещение стало дверью, которая открылась для нас в Византию. Если хотите, на подобие того «окна в Европу», которое семь веков спустя прорубил Петр Великий. Открытие двери не означает, что до этого мы были в абсолютной изоляции. Нет, что-то проникало, что-то влияло, но потоком хлынуло тогда, когда крестились — открылась эта дверь. Следовательно, Вы напрасно обвиняете Патриархию в незаконном присвоении. Как с Петра I началась у нас европеизация, так с Крещения началось приобщение к высшим формам понимания культуры, государственности и всего того, чем Византия была богаче нас. Заимствованное, проходя через призму нашего духовного склада, претворялось в самобытные ценности нашего народа.

Вы ведь это, Н. С., не хуже меня знаете и нехорошо делаете, вводя в заблуждение «массового читателя», который в условиях советской жизни не имеет доступа к объективным данным.

Упомяну еще о некоторых моментах, которые проходят через всю Вашу книгу и о которых никак иначе не скажешь, как о недопустимых приемах в честной борьбе.

Вы все норовите запугать своих сограждан: сочувствие-де 1000-летию Крещения Руси — это не так просто. Это-де есть закамуфлированная попытка «доказать неисторичность Великой Октябрьской социалистической революции» (С. 18). Держись от этого подальше, советский человек, а то прямо в диверсию попадешь, — как бы говорите Вы.

Патриархию припугнуть хотите: вы-де тут комитет крещения устраиваете, монастырь открываете, празднование готовите... а кто вам в этом сочувствует, кто ваш духовный партнер, позвольте спросить? Так называемая русская зарубежная церковь, та самая, которая работает «для усиления... антикоммунистических настроений и антисоветской

активности... активизации идеологических диверсий против нашей страны» (С. 9). Простите, Н. С., но подобные действия у вас «стукачеством» называются.

Против кого Вы спорите, доказывая, что и до Крещения на Руси существовали те или другие «начатки» общественной, культурной или государственной жизни? Кто оспаривает это? Патриархия, добросовестные историки, Русская Православная Церковь за рубежом, русская эмиграция? «Образование государства — не начало, а определенный итог общественного развития...», — читаем в Вашей же книге (С. 28). Конечно! Кто же с этим не согласен?

И так блестящий расцвет земли нашей начался со св. кн. Владимира, с Крещения Руси, а до этого были добрые и хорошие побеги, начатки, становление... Да и момент Крещения не был, и не мог быть концом становления. Крещение — важная веха, нужнейший этап продолжающегося роста, развития, становления. Какой же подлинно русский человек не участвовал в этом процессе?

Но Вам не историческая правда нужна, Вы стремитесь лишь оклеветать Церковь, «деятели которой якобы (Sic! — *А. К.*) направляли свое влияние на устроение государства» (С. 27). Якобы?! Прп. Сергий Радонежский, вдохновитель вел. кн. Дмитрия Донского на поражение татар, — это «якобы»? Св. митрополит Филипп Московский, защитник народа от «царя-Ирода» (Ивана IV Грозного), — «якобы»? А св. патриарх Гермоген, замученный поляками в Смутное время за его верность православной Руси. А тысячи и тысячи им подобных строителей жизни русского народа своим потом и кровью! Это не «якобы», а сущая правда — Церковь наша всегда была во главе строителей государства русского. И было это благотворным влиянием Церкви на государственную жизнь, а не вмешательством в ее прерогативы. Именно о таких взаимоотношениях Церкви и государства сказал историк Ключевский в речи по случаю 900-летия Крещения Руси: «...о вмешательстве Церкви в гражданские, политические дела известно, что воздержание от такого вмешательства — историческая особенность и политическое правило Православной Церкви: Божие Богови, кесарево кесареви».

Говорить, что во время татарского ига Церковь пошла на услужение завоевателям, изменяла своему народу (С. 170–179), низко и постыдно. Вряд ли Вам не известна монгольская доктрина о ладони и пяти пальцах — пяти великих религиях. Монголы не за молитвы об успехах татар в их борьбе с русскими давали льготы (освобождали церкви от

«выхода», т.е. податей-даров, которые взимались со всех прочих) Православной Церкви, а потому, что такие льготы они давали всем религиям (пять пальцев) как выразителям божества (ладонь).

Вы грешите против истории России, против чести писателя и против собственной совести тем, что не по неведению пишите клевету на правду. Это не раз явствует из Вашей книги.

Смотрите, как Вы хорошо передали стремление Патриархии убедить, «что религия — первооснова культуры и ее глубинный стимулятор, а русское православие — главный фактор возникновения, становления и развития культурного наследия славянских народов нашей страны» (С. 34). Очень хорошо сформулировано, Н. С. Когда падет приоритет безбожия — а к этому дело определенно клонится, — Вы еще и на богословские темы писать начнете.

Согласимся с Вами и в том, что и в дохристианской Руси «существовал достаточно высокий уровень развития духовной культуры» (С. 35). В том-то и дело, что «духовная культура» есть богатство, заложенное в глубину души человека. Потому малограмотный крестьянин может быть духовно развитым, а окончивший университет — духовной тупицей. Этот великий дар был свойственен нашим «языческим» предкам, благодаря чему они и оказались способными чрезвычайно быстро усвоить византийскую «умную» или духовную культуру, пришедшую к нам через болгар.

Возьмите, как пример, молодых сыновей св. кн. Владимира, страстотерпцев святых мучеников Бориса и Глеба, которые — эти вчерашние язычники! — добровольно отдают свои жизни, лишь бы не поднять оружие на своего старшего брата. А Феодор и Иоанн — отец и сын, первые наши христианские мученики, — за пять лет до Крещения Руси отдавшие жизни за веру в Бога истинного. «Душа человека по своей природе — христианка», писал блаженный Августин. Мы берем смелость думать, что тем паче душа человека русского.

Вы бросаете упрек Церкви, говоря, что «по ее повелению истреблялись как “порождения языческого суеверия” ...многие произведения культуры дохристианского времени» (С. 36). Да, очень жаль, что Церковь не оберегала эти памятники. Но для нее это были живые изображения ложных богов, поклоняясь которым приносили даже человеческие жертвы. Это был X век. Но к лицу ли Вам, атеисту, об этом говорить? Не вы ли, атеисты, провозгласившие «Бога нет!», во имя этого «нет» в XX веке разрушали храмы, уничтожали иконы и убивали тех, кто не соглашался с вашим «нет» и утверждал: «Есть»!

На странице 38-й Вы рассказываете, как человек молится петуху. Петуху, изображенному на барельефе. Но такое представление Ваше столь же примитивно, как и утверждение, что молящийся перед иконой молится доске. Если же петух (птица) — символ (вспомните «Слово о полку Игореве» или «Поле Куликово» Блока), то как не признать, что икона (и многое другое в религии) тоже, по меньшей мере, символ. Если же это не воспринимается атеистическим сознанием, то придется вспомнить слова М. Горького: «Рожденный ползать летать не может».

Допустим, что все то было совершено в угаре революции... Ну, а теперь-то почему вы — люди Вашего направления — продолжаете внушать «широким массам», что «только то и действительно, что для нашего тела чувствительно» (Алексей Толстой)? Трудно подыскать достаточно мягкое слово для определения подобного действия.

В пылу Вашего страстного желания как-либо ущемить христианство, наипаче православие, Вы делаетесь адвокатом язычества! Вы забываете, что язычество — это тоже вера, религия. Не поздоровится Вам за это от Ленина, который не только о христианстве, а вообще о вере в высшее, нематериальное начало сказал, что «религия есть опиум для народа». А Вы, Н. С., на всех 280 страницах Вашей книги стараетесь правдой и неправдой выгородить язычество и напасть на русскую Православную Церковь, боровшуюся с языческими предрассудками и суевериями, «духовно закабалившими народ» (С. 45).

Для Вас невыносимо звучат слова «языческое невежество», обозначающие неполноценность представлений того времени. Однако именно в то время было придумано колесо — колоссальное изобретение, положившее начало тому, что Вы называете материальной культурой (точнее сказать, цивилизацией). Следовательно, прошлый век «невежествен» лишь по сравнению с веком полета на луну, а не объективно, как этап развития. Аналогичное происходит и с духовным развитием — культурой, происходящей не от колеса, а от культа (культура), от познания и преклонения пред Высшим, неизмеримо более отстоящим от всей земной мудрости, чем колесо отстоит от полета в космос.

Не обрушивайтесь на «современных богословов» (С. 45). Это не они первые сказали «языческое невежество». Это выражение пошло от далеких предков наших. Его мы встречаем и у Ярослава Мудрого, и у митрополита Илариона, и у других величин расцвета нашего славного прошлого. Поэтому спустя каких-либо полстолетия после крещения народа и могло родиться это выражение, что вновь крещеное

поколение предков наших поняло утробное, коренное, несоизмеримое различие между их прошлым и их настоящим. Между язычеством, в котором было только ощущение чего-то высшего, запредельного, и христианством — религией откровения. Явлением того, что раньше лишь смутно чувствовалось и что теперь само открылось и сказало о себе. «Ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам» (1 Иоанн I. 2). Христианство не выросло из язычества, хотя язычество и было временем тоски и искания Бога и в этом смысле подготовлением человеческой души к принятию искомого. Но это искомое оказалось чем-то совершенно новым, не выросшим из исканий, а дарованным. Откровением Бога о Себе Самом.

Напрасно Вы пытаетесь порочить наш народ, представляя его каким-то попугаем, бормочущим что-то ему непонятное (у нас не на чужом греческом языке совершается богослужение, а на своем, понятном, славянском), и всю свою веру, якобы заключающуюся в одном «обрядоверии» (С. 121), которое Вы толкуете как бессмыслицу и опять сознательно, чтобы не сказать резко, «наводите тень на плетень». Наши дохристианские верования — это показатель духовной жажды народа, его искания. Не будь их у нас, было бы непонятно, как народ наш так скоро мог освоить христианство. Христианство для нас оказалось той чистой водой, которой была удовлетворена душевная жажда народа. Мы не на латыни — чужом и непонятном языке — усваивали христианские истины, а на родном славянском.

Обряды не есть нечто внешнее и бессмысленное. Это строгий порядок действий, которым запечатлевается определенное понятие и содержание. Старообрядцы за обряд жизнь отдавали, ибо обряд, подобно иконе, был внешним, видимым выражением внутреннего содержания. Но материалисту, чье мышление лишено возможности горнего полета, этого не понять. Таким людям остается только, выражаясь словами Есенина, «как годовалый пес на всех и вся захлебываться лаем».

Страницы 134–136 у Вас посвящены, к сожалению, клевете на выдающихся людей нашего отечественного прошлого. Я не хочу сказать, что все они были примерными православными христианами, но огульное причисление их к атеистам — клевета на их память. Не имея возможности разбирать мировоззрение каждого из них, я упомяну кратко только о первом и последнем в этом списке.

М. В. Ломоносову, которого Вы в атеисты записали, характерны поиски «нового сознания» секуляризированного человека XVIII века,

представителя русского гуманизма, но никак не атеизма. Великий Ломоносов переложил ряд ветхозаветных псалмов, написал оду на тему о многострадальном Иове. Известен ряд его религиозных рассуждений, как, например, «Вечернее размышление о Божием величестве». «Неверно рассуждает математик, — писал Ломоносов, — если захочет циркулем измерить Божию волю, но не прав и богослов, если думает, что на Псалтыре можно научиться астрономии или химии». Атеисты такого не пишут. С Ломоносовым связан «первый русский теоретический опыт объединения принципов науки и религии» (*Зеньковский В. В., проф.* История русской философии. Париж, 1948).

И. П. Павлов. Этот знаменитый русский ученый медик никогда, кажется, не писал трактатов на религиозные темы, но его жизнь и при Советах — наглядный показатель ясной веры православного человека.

Вот несколько примеров:

Приходскую церковь, которую он регулярно посещал — напротив бывшего Николаевского вокзала, теперь Площадь восстания, — тронуть не смели, и она стояла неприкосновенной до его смерти (1936-й год). А вот случай, о котором в свое время знала вся Россия, и для Вас, человека, который не постыдился записать академика Павлова в список атеистов, весьма назидательный.

Сидит скромный старичок — гордость русской науки — на скамеечке перед церковью. Ждет начала службы. Подсел передохнуть и проходящий мимо молодой рабочий. Ударили в колокол. Павлов перекрестился. Рабочий спрашивает: «Ты что, папаша, еще в Бога веруешь?» — «Верую», — отвечает Павлов. «Эх, темнота!» — говорит рабочий.

Когда в сталинское время для работы Павлова был построен специальный большой блок Всесоюзного института экспериментальной медицины, то внутри нового здания была построена, по требованию Павлова, часовня. Перед официальным открытием нового медицинского центра православным духовенством было совершено полное освящение всего здания. Вот на таких «атеистах» стояла и стоит наша русская наука.

Но на стр. 128 почему-то и Вы сказали правду. Вот она: «Что с первых же десятилетий "крещения Руси" начинается традиция становления, утверждения и господства русского православия как преобладавшей в прошлом формы духовной жизни — **это бесспорно** (подчеркнуто мной. — *А. К.*)». Вот эту-то форму духовной жизни нашего народа, начатую тысячу лет тому назад и по милости Божией, несмотря на все ваши старания, живую и в наши дни, мы и будем в 1988 году праздновать.

О том, что господство христианства в прошлые века было «не безраздельным», кто же будет спорить? Конечно, как говорится, «в семье не без урода»! Так и наш народ был, к сожалению, не без атеистов. Атеизм — это затмение человеческого разума, как и грех, явления весьма древние. Еще в дохристианскую эру в Священном Писании было сказано: «Сказал безумец в сердце своем — нет Бога» (Псалтырь 13. 1).

Но на той же странице (128) опять Вы за свое: «Тенденции религиозного индифферентизма, антиклерикализма, свободомыслия и атеизма, составившие основу атеистической традиции в духовной (!?) жизни народов нашей страны». С каких пор у атеизма, отвергающего источник духа — Бога и признающего только материю, вдруг духовная жизнь? Лейбниц (1646–1716), знаменитейший ученый и философ, пишет: «Бог есть источник бытия и жизни. Он есть как бы вездесущий центр — как Творец. Он есть источник, из которого получают Бытие все существа. Он есть начало и конец всего сущего, действующая и конечная причина».

Об этом часто не думают, этого не понимают и живут, как говорится, припеваючи. Но... лишь до поры, до времени. Рано или поздно наступает в жизни человека момент, когда он поймет, увидит то, чего не замечал раньше, и тогда, вслед за Есениным, скажет:

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Не путем тупой зубрежки, вдалбливанием чего-то непонятного воспринял народ наш христианство. Нет. Необъяснимым чудом было наше Крещение. Как в столь краткий срок постигли предки наши самую суть христианства: лучше быть убиту, чем поднять меч против старшего брата, заменившего отца (св. страстотерпцы Борис и Глеб); в век кровавой мести за убийство родственника; простить убийство собственного сына (вел. князь Владимир Мономах); быть изрубленной, но сохранить женскую честь (княгиня Юлияния Вяземская). «Благо смирил мя еси» — слова, выцарапанные на стене каземата митрополитом Арсением, замурованным там императрицей Екатериной за обличение ее жизни; Кузьма Минин, купец, в Смутное время сказавший: «Заложим жен и детей, но спасем отечество»; Сусанин простой русский человек, отдавший жизнь за юного царя Михаила; мужик в рассказе Л. Толстого, который принимает в свой бедный дом сироту, и на замечание

жены, что тогда не на что будет купить даже соли похлебку посолить, отвечает: «А мы ее и без соли»; монахиня Мария (Скобцова), добровольно пошедшая в газовую камеру, чтобы спасти боящуюся смерти молодую женщину... Таким же примерам «несть числа».

Подлинно ли существует «переход народных масс нашей страны на позиции массового атеизма» (С . 142)?

Нет. Не существует.

Да ведь Вы и сами это подтверждаете (С. 149), говоря: «...а их [верующих] в нашем обществе значительно меньше, чем неверующих». О каком проценте верующих по отношению ко всему народонаселению Вы думали, когда писали эту фразу? Это у Вас сугубо засекреченные сведения, государственная тайна. Архиереи Московской Патриархии, бывающие за границей, никогда не ответили на вопрос о количестве верующих в России. Табу! Но Вы немного проговорились, употребив выражение «значительно меньше». Если бы, по известным Вам статистическим данным, верующих было 10—30%, Вы сказали бы, что верующих очень мало, если 40—50% — что их мало, но если их 60 или 70% (Вы-то хорошо знаете, сколько из верующих ради житейских благ называют себя неверующими), то вот у Вас и проскочило выводящее Вас на чистую воду словечко —«значительно».

И это после того, как Вы почти 70 лет держите все окна и двери на запоре, чтобы уже третье пореволюционное поколение людей в России ничего не знало о Боге! Целый огромный аппарат атеизма — агитаторы, соответствующая литература, государственное давление, а то и преследование — все эти 70 лет борется с Церковью и... 40% населения не скрывает своей веры. Другие 40%, ничего о вере не зная, к ней, быть может, равнодушны (что их еще не делает атеистами) или просто из осторожности пишутся атеистами. И это Вы называете победой атеизма? Это не победа, а банкротство атеизма в России. С своей 70-летней стойкостью Россия оказалась не слабее христиан первых веков при римских гонениях! За эти десятилетия Россия дала сотни тысяч мучеников за Христа! Это торжество веры, Вами сейчас скрываемое, завтра станет явным во всем своем блеске! Вы лучше меня знаете, что ни о каких «народных массах», приверженных атеизму, и говорить не приходится.

Предположим, что завтра государство перестанет оплачивать 75-тысячную армию «работников научного атеизма». Сколько из них на добровольных началах будет продолжать служение атеизму? А Вы лично? А кто из вас, атеистов, пойдет за атеизм в Сибирь, в тюрьмы, на смерть?

Вот потому-то, что у атеизма нет и не может быть убежденных служителей (отдельные исключения, конечно, всегда бывают), дело его омертвело. Дело же веры растет и множится, потому что за эти 70 лет сотни тысяч отдали свою жизнь за Христа. Отдают и будут отдавать, всегда!

Да и как могло быть иначе, если великий Ньютон (1642–1727), создатель современной механики и астрономии, гениальный математик и физик произносил имя Божие не иначе, как обнажая голову. В заключении своего монументального труда «Математические принципы естественной философии», Ньютон писал: «Небесный владыка управляет всем миром, но не как душа его, а как *Властитель вселенной. Вследствие Его верховной власти мы называем Его Верховным Богом*».

«Кто может взирать на дивный порядок вселенной, управляемой Богом, без порыва к созерцанию превыше всего самого Творца»? *(Коперник)*.

«Чем больше я занимаюсь изучением природы, тем больше останавливаюсь в благоговейном изумлении перед делами Творца» *(Пастер)*.

После этих высоких слов людей мирового ума со стыдом читаешь Ваши ссылки якобы на «советскую историческую науку», о том, что «Крещение Руси имело ...определенные прогрессивные хозяйственно-экономические... последствия... — стимулировало развитие огородничества» (С. 149). На какого читателя Вы рассчитываете, на абсолютного тупицу? На тех, кому можно говорить, что религию выдумали жрецы, как аппетит повара? Таков уровень слушателей, приходящих на лекции «научного атеизма»? Да, для такого слушателя авторитет «научного атеизма» (С. 275), выражаясь словами Горького, «звучит гордо».

А позвольте спросить, какая именно наука доказала, что нет Бога? Да и вообще, какая наука занималась этим вопросом или заявила, что она правомочна этим вопросом заниматься? Такой науки нет и быть не может.

Почему Вы присваиваете себе исключительное право трактовать понятие «феодализм» как Вам желательно и заявлять, что именно Ваше понимание совершенно и «не допускает кривотолков»? (С. 153). Ведь феодализм — это «формация» в определенном месте и в определенное время жизни общества, политического развития государственного устройства. Но и только. Всякие же выводы из этого может делать каждый. Что это за «**научный подход**» (подчеркнуто мною. — *А. К.*), исключающий возможность идеализации исторического прошлого»

(С. 153)? А почему у «советского человека — гражданина социалистического общества» (С. 154) не может быть собственных мозгов вместо «конкретного содержания», которое в него вложил К. Маркс? Почему выполнение «религиозных предписаний» — это плохо, а предписаний Маркса — это хорошо (С. 154)? Кто Вам это сказал? Или это угроза «советскому человеку»? Как начнешь задумываться о чем не велено, то смотри — во враги народа угодишь?

На стр. 155–157 Вы стараетесь доказать недоказуемое: якобы Церковь поощряла неравенство, требовала оправдать социальное зло, олицетворяла безразличие к неимущим... а ведь ради минимальной объективности не плохо бы упомянуть о нестяжателях, бывших наравне со своими противниками — иосифлянами, законными представителями русского монашества или хоть бы слегка коснуться монашеских уставов, которые предусматривали полный отказ от личной собственности; не говоря уж о Евангелии, в котором сказано, что богатому трудно войти в Царство Небесное.

Напрасно Вы пытаетесь порочить русскую эмиграцию, заявляя, что она занята культивированием «у русских эмигрантов ненависти к их бывшей Родине». Я не знаю ни одного русского человека за рубежом, который носил бы в себе ненависть к Родине. Повторяю: именно к **Родине,** а не к политической системе, которая сейчас господствует на ней. Это разные вещи и путать их можно только со злым умыслом.

И второе. Русская эмиграция от Родины своей не отрекается и «бывшей» ее не называет. Да, конечно, есть такие, которые потеряли родной язык и ассимилировались. Но тогда они себя и эмигрантами не зовут. Это уже чисто американцы, французы, немцы... Мы же — и не только старики, а люди из второго и третьего поколения эмигрантской жизни, — продолжаем твердо исповедовать то, что так прекрасно выражено Мариной Цветаевой: «Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри — тот потеряет ее вместе с жизнью».

К сожалению, я не имею возможности продолжать более подробный ответ Вам, ибо вынужден ограничиться объемом статьи.

В заключение всего сказанного, я хочу сослаться хотя бы на один пример, — а таких множество в научной литературе, издаваемой в Советском Союзе, — который в глазах объективного читателя на нет сводит Ваши, не высокого уровня и, скажем мягко, не всегда «объективные факты», выдаваемые за реальное слово науки:

«...чтобы понять реальность, надо достроить в уме видимый, воспринимаемый чувствами мир — достроить по образующей, то есть по той линии движения, которая образует систему. Так, никто из нас не видел Солнечной системы: общеизвестная модель с центральным светилом и планетами, вращающимися вокруг него по орбитам... — это модель целиком построена в уме и есть результат правильного понимания того, что мы видим. А видим мы движение светил по небосводу и не больше того... Для того, чтобы увидеть (понять) больше, требуются приборы. Они окружают нас с детства, восполняя неизбежную фрагментарность восприятия фактов. Даже для того, чтобы увидеть собственные глаза, уже требуется элементарный прибор — зеркало...» (Знание — сила. № 1. изд. «Знание», Москва, 1985 г. стр. 20).

Все, что сказано в приведенном отрывке, говорящее о материальной культуре, целиком может относиться и к культуре духовной. Приборы, начиная от элементарного зеркала, что значило бы совесть, до сложнейших — этика, эстетика, разум, — при посредстве которых познается мир духовный.

На праздник Рождества Христова христиане поют, что рождеством Христа-Богочеловека «воссиял миру свет разума», то есть дана вся аппаратура, все приборы для познания всего и вся, всего космоса во вне и внутри нас. Закончим евангельскими словами: «Имеющий уши, чтобы слышать, да слышит».

Протопр. А. Киселев

О книге Димитрия Поспеловского «The Russian Church Under the Soviet Regime, 1917–1982»[1] (St. Vladimir's Seminary Press, Crestwood, New York, 1984. 2 тома)

Книга Д. Поспеловского о Русской Православной Церкви охватывает наиболее запутанный и сложный период ее истории, с 1917 по 1982 г. Издание с точки зрения размера томов очень практично разделено на два тома. Первый том охватывает период с 1917 г. по окончание Второй мировой войны (С. 1–248); второй том — период с окончания войны по 1982 г. (С. 255–533).

С точки зрения исторической логики при разделении описываемых событий на два периода, вероятно, было бы логичнее события, происшедшие во время Второй мировой войны, отнести ко второму

[1] Русское возрождение. 1985. III. № 31. С. 187–195.

тому — именно война решительно изменила положение Русской Православной Церкви как внутри России, так и в эмиграции.

К достоинствам книги надо отнести обилие привлеченного материала и живость изложения. Особенно интересно то, что автор использовал не только материалы, опубликованные и самоиздатские, посетив для этого ряд архивов, но и, что особенно важно, много беседовал с представителями Московской Патриархии и недавно выехавшими из СССР людьми, снабдившими автора многими конфиденциальными сведениями.

В вопросе об использовании и истолковании источников мы сталкиваемся с самой сложной проблемой, встающей перед каждым, кто пишет о современном положении Русской Православной Церкви в СССР, проблемой критического к ним отношения. Эта проблема одинаково сложна, когда мы говорим о документах, официально опубликованных в советской печати, например о так называемом «Завещании святейшего патриарха Тихона», как и о документах, распространявшихся в самиздате, начиная с 20-х годов, когда и термина «самиздат» еще не существовало. Примером самиздата 20-х годов может служить хорошо известное историкам Русской Церкви «Послание из Соловков», ходившее по Москве незадолго до опубликования декларации митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 г. Это важнейшее послание полностью приводится в книге Льва Регельсона («Трагедия Русской Церкви, 1917–1945 гг.». YMCA-Пресс, 1979. С. 417–428) с характерной ссылкой на 1. «Частное сообщение» и 2. «Вестник РСХД» 1927 г. и озаглавленное: «К правительству СССР обращение православных епископов из Соловецких островов ("Соловецкое послание")». Ни о каких подписях под посланием упоминания у Регельсона нет. Датируется послание маем 1927 г. У протопресвитера Михаила Польского, видимо, то же послание датируется точно: 27 мая/7 июня 1926 г. и упоминается имя архиепископа Илариона как одного из семнадцати епископов, подписавших воззвание. Даны еще имена трех из семнадцати епископов (протопр. М. Польский дает содержание послания в собственном пересказе).

Такое расхождение в датах у двух серьезных авторов, казалось бы, должно подорвать доверие к самому документу, а между тем автор настоящей рецензии не только читал послание еще в 1926 году, но и участвовал в его распространении. Кстати, некоторые из распространяемых копий послания были, по слухам, перепечатаны машинисткой, работавшей в ЦК партии. Ясно, что текст, распространявшийся

таким образом, перепечатывался без упоминания имен авторов и возможными разночтениями, что, отчасти, вопреки обычным научным правилам, подтверждает даже подлинность уцелевших экземпляров послания. При оценке подобных документов, в какой-то степени приобретавших свойства фольклора, конечно, важнейшую роль играет не точность датировки, не количество разночтений в сохранившихся копиях (подлинник документа вряд ли мог уцелеть), а общий дух послания, отвечавший не только взглядам его автора или авторов, но и взгляды неизмеримо большего количества лиц, участвовавших в его распространении, рисковавших при этом своей свободой и жизнью. С другой стороны, опубликованное в советских газетах так называемое «Завещание патриарха Тихона» воспринималось верующими в Москве (тоже по личным воспоминаниям автора рецензии) как фальшивка коммунистической власти.

Все вышеизложенные факты и соображения приведены для того, чтобы показать некоторые слабые стороны книги Поспеловского. Дело в том, что Поспеловский вовсе игнорирует «Послание с Соловков» и верит в подлинность «Завещания патриарха Тихона». На первый упрек Поспеловский, конечно, может ответить, что аналогичных документов было много, приводить их все необязательно, и право автора выбрать то, что он считает очень важным. Что же касается подлинности завещания, то подобный ответ вряд ли возможен, хотя надо оговориться, что в признании подлинности завещания Поспеловский не одинок. Даже такой солидный автор, как протопр. Михаил Польский, к тому же противоположного Поспеловскому направления в смысле оценки Московской Патриархии, в книге «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей», вышедшей в 1948 г., после ряда оговорок все-таки признает подлинность завещания. Через одиннадцать лет, в 1959 г., в Мюнхене на русском языке была опубликована небольшая книжка профессора протопресвитера В. П. Виноградова «О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона (1923–1925); по личным воспоминаниям». В этой книге протопр. В. П. Виноградов после тщательного анализа всех известных ему обстоятельств, связанных с борьбой за текст послания Патриарха (завещания) между больным Патриархом и представителем советской власти в лице чекиста Тучкова, приходит к выводу, что святейший патриарх Тихон умер, отказываясь принять и подписать поправки Тучкова[1].

[1] В предисловии к книге протопресвитер В. П. Виноградов пишет, что работа

Протопр. В. Виноградов в описываемые им критические 1923–1925 гг. был председателем Московского Епархиального Совета, лицом, близким к святейшему патриарху Тихону. Таким образом, дело идет о свидетельстве участника событий, т.е. об историческом документе, к которому можно относиться по-разному, но который совершенно невозможно игнорировать[1]. К сожалению, профессор Поспеловский делает именно это. Правда, небольшую книжку Виноградова достать не так легко, но такие историки, как о. Хризостемус, только в первом томе своей истории Русской Православной Церкви ссылается на протопр. В. Виноградова 19 раз и очень серьезно относится к его свидетельствам. Это тем более печально, что профессор Поспеловский строит очень занимательную часть своей интерпретации истории Русской Православной Церкви в СССР именно на вере в подлинность «Завещания патриарха Тихона», что, думается, достаточно убедительно опровергает о. В. Виноградов. Повторяю, опровержения эти :можно считать и не достаточными, но игнорировать их невозможно.

К менее существенным и вполне извинительным, но все-таки таким, которые следует отметить, промахам, допущенным профессором Поспеловским, надо отнести неиспользование им советской книги В. И. Титова «Православие» (М.: Изд. Полит. лит-ры, 1967), в которой на стр. 117 дается сенсационная цифра в «около десяти тысяч церквей, открытых на оккупированной немцами территории». Спешу подчеркнуть, что лично в моей книге, опубликованной совместно с профессором Ф. Ставру и специально посвященной возрождению Русской Православной Церкви на оккупированной немцами территории, книга Титова тоже не использована. Эта ошибка была исправлена только уже в русской версии той же книги, опубликованной в номерах 11–18 журнала «Русское возрождение» за 1980–1982 гг. И для нас с профессором Ставру, и для профессора Поспеловского извинение одно и то же: в сотнях изданий советской антирелигиозной макулатуры очень редко попадаются жемчужные зерна, подобные приведенной выше цифре.

эта была впервые напечатана в 1951–1952 гг. в епархиальном органе Германской епархии «Церковные ведомости». Журнал этот печатался очень ограниченным тиражом, и историки Русской Церкви им мало пользовались, тем более, что первая публикация была подписана псевдонимом «Профессор В. Можайский», т. е. под именем никому не известного лица. (Сохранен текст журнала). — *Примеч. авт.*

[1] Профессор Поспеловский (Т. 1. С. 191. Примеч. 67) упоминает о Виноградове, но не пишет о его работе прямо, а говорит о данных Виноградова, использованных историком Церкви Хризостемусом по смежному, но другому вопросу. (Сохранен текст журнала). — *Примеч. авт.*

Зато эта находка сразу дала возможность убедительно обобщить приводимые в нашей с профессором Ставру книге часто не полные цифры церквей, открытых во время оккупации в разных районах России. Сенсационность цифры состоит в том, что в юрисдикции Московской Патриархии в 1985 г., по-видимому, осталось значительно меньше открытых церквей, чем во время оккупации было заново открыто на оккупированной территории.

Профессор Поспеловский старается быть беспристрастным историком. В некоторых случаях ему это удается, в некоторых — не удается. Книга его написана, конечно, с позиции Американской Автокефальной Церкви, бывшей ранее американской митрополией Русской Православной Церкви и получившей автокефалию от Московской Патриархии. Отсюда стремление обелить, насколько возможно, нынешнее руководство Московской Патриархии, отсюда критическое отношение к Русской Зарубежной Церкви. Автор настоящей рецензии принадлежит к Русской Зарубежной Церкви, но в своей оценке не ставит целью прямую полемику с профессором Поспеловским по этому вопросу. Это, вероятно, сделают другие, более компетентные лица.

Стараясь быть возможно более беспристрастным в трагическом споре между защитниками и противниками декларации митрополита Сергия 1927 года, на логическом развитии основ которой и зиждится позиция Московской Патриархии, надо повторить следующее, сказанное уже много раз в разных формулировках: сторонники компромисса считают, что только этой ценой можно было оплатить то попустительство атеистической власти, которое позволяет до сих пор существовать нескольким тысячам открытых в СССР церквей, руководству Московской Патриархии, епископату, пяти духовным учебным заведениям и, что особенно важно, дает возможность окормлять миллионы православных верующих. Противники компромисса говорят, что отказ от мучеников и прямое сотрудничество с атеистической властью, особенно во внешней политике Московской Патриархии, слишком дорогая цена за компромисс, сознательная ложь, лишающая патриархию моральной основы, на которой только и может стоять Церковь. Аргументов с обеих сторон много, и тема эта неисчерпаемая — поэтому рецензент и ограничивает себя указанием на фактические недочеты рецензируемой книги, а не на критику ее принципиальной установки. С этой точки зрения укажем еще на некоторые второстепенные недочеты. На стр. 73 профессор Поспеловский, упоминая журнал «Православная Русь», называет его синодальным ор-

ганом, в то время как официальным органом Синода является менее известный журнал «Церковная жизнь». Это важно иметь в виду при изложении, например точки зрения Русской Зарубежной Церкви на благодатность московской иерархии. Насколько известно автору рецензии, безблагодатной Московскую Патриархию считали (а, может быть, и считают) некоторые члены Русской Зарубежной Церкви, но это является их частным мнением.

Надо сказать, что выводы профессора Поспеловского из приводимых им самим фактов могут в некоторых случаях показаться спорными. Например, на стр. 87 профессор Поспеловский приводит сведения о странно большом влиянии на покойного патриарха Алексея его старого, еще дореволюционного лакея — управителя дома Даниила Остапова, под полный контроль которого патриарх Алексей попал в конце жизни, настолько, что ни одного назначения не делалось без согласия Остапова. Посещение патриархии разными лицами также, по этим сведениям, устраивал Остапов, вплоть до того, что посетителю часто нельзя было остаться наедине с патриархом. Давая такую информацию, профессор Поспеловский делает нужные ссылки на источники, в частности на высказывания нынешнего патриарха Пимена, но почему-то не делает самого простого вывода, как будто бы несомненного для каждого знающего советскую действительность, что Д. Остапов был, вероятно, осведомителем соответствующих органов, наблюдавших за Патриархом, и те же органы давали через Остапова указания, кого и куда можно назначать. Конечно, это предположение не исключает и каких-то человеческих отношений патриарха со своим старым слугой.

Некоторое легковерие профессора Поспеловского, похоже, сказывается и в вопросе о кандидатуре в патриархи после смерти патриарха Алексея двух тогдашних митрополитов — московского Пимена и ленинградского Никодима. Профессор Поспеловский приводит довольно много интересных мнений по этому вопросу, возможно, почерпнутых из кругов Московской Патриархии, что уже интересно само по себе. Однако, по другой информации, тоже полученной из СССР автором рецензии, дело обстояло проще, чем пишет профессор Поспеловский. Очень осведомленное лицо сформулировало проблему так: патриарх Пимен мог надевать калоши как патриарх Тихон, т.е. внешне мог производить вполне респектабельное впечатление, а по существу готов исполнять любое распоряжение Комитета по делам религии, переданное по телефону. Профессор Поспеловский, в конце концов,

приходит к близким выводам, но без ясного подчеркивания полной подчиненности патриарха Пимена атеистической власти и преувеличенного подчеркивания церковности патриарха и уважения к нему паствы и духовенства за эту, хоть и ограниченную, но подлинную церковность, чему противоречат приводимые самим профессором Поспеловским сведения о крупных неполадках в Патриархии, связанных с именем патриарха Пимена.

Повторим, в заключение, что книга профессора Поспеловского читается с интересом, автор использовал громадный материал и особенно интересны приводимые им данные, почерпнутые из частных разговоров с представителями Московской Патриархии. Понятно, что к этим данным надо подходить с особенной осторожностью, но самое их опубликование очень важно для всех изучающих сложные хитросплетения современной истории Русской Православной Церкви в СССР.

В. И. Алексеев

Март 1985 г.

Журнал «Русское возрождение» и что о нем пишут в официальной советской прессе[1]

В условиях свободной полемики оппоненты обыкновенно обмениваются мнениями, приводят факты, ссылаются на авторитеты и т. д.

В Советском Союзе о свободном обмене мнениями не может быть и речи. Многие факты известны только власть имущим и широкой огласке не подлежат. Авторитеты становятся таковыми в результате отказа от объективности и сознательного перехода на положение продажных специалистов.

Таким образом, в советских условиях полемика в основном сводится к подтасовке фактов, к полуправде-полулжи, к клевете и ругани.

Не избежал такой участи и журнал «Русское возрождение».

Да оно и понятно! Ведь в каждом номере печатаются задачи журнала.

Для нас это своего рода символ веры в свободную, национальную Россию, а для коммунистических правителей это опасные идеи, угрожающие самым основам существующего режима.

[1] Доклад, прочитанный на девятом Съезде православной русской общественности (Русское возрождение. 1985. IV. № 32. С. 91–98).

Возьмем, для примера, одну фразу из задач журнала:

«Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории».

Православная Церковь как творческая сила русской истории! Невозможно себе представить более опасной и неприемлемой мысли для идеологов и пропагандистов в Советском Союзе.

Ведь если принять такую историческую установку, то октябрьская революция окажется только временным отходом от исторического пути России, а материалистическая идеология чем-то совершенно чуждым русскому народу.

Поэтому основная задача советской пропаганды как в стране, так и за границей: свести годовщину 1000-летия Крещения Руси только к юбилею Церкви и **предотвратить** распространение идеи о влиянии христианства на все стороны жизни русского народа, на его национальное бытие.

Советские авторы воспринимают «Русское возрождение» наряду с журналом «Православная Русь» как официальный орган Русской Зарубежной Церкви. Поэтому большая часть того, что пишется в советской прессе, относится как к Русской Зарубежной Церкви, так и к журналу «Русское возрождение». Кстати, в том материале, которым я располагал, Православная Церковь в Америке почти не упоминается.

«Русское возрождение» в тексте и в сносках упоминается очень часто. Для примера: на 30 страницах одной статьи «Русское возрождение» упоминается 54 раза, «Православная Русь» — 42 раза, а другие зарубежные журналы, такие как «Вече» и журнал Русского Студенческого Христианского Движения «Вестник», — по одному, два раза.

Официальная пресса, с которой я ознакомился, предназначена для узкого круга читателей — пропагандистов, лекторов и других партийных активистов. Это видно по названиям публикаций, таких как «Аргументы и факты», еженедельный бюллетень общества «Знание», предназначенный лекторам, пропагандистам, политинформаторам и агитаторам, журналы «Наука и религия», «Научный коммунизм», «Молодой коммунист» и другие. На это же указывает и низкий, по советским возможностям, тираж этих изданий: от 75 тыс. — для книг до 250 тыс. — для журналов.

Кроме большого количества статей в журналах, было издано много книг с такими названиями: «Карловацкий раскол», «Диверсия без динамита», «Под флагом антисоветизма», «Миф о религиозном воз-

рождении в СССР» и, наконец, «Крещение Руси» (в кавычках) с подзаголовком «Факты против легенд и мифов». В этой книге есть главы, посвященные Русской Православной Церкви в Советском Союзе и «Русской Зарубежной Церкви» (в кавычках).

Автор, по-видимому, получил задание полемизировать с Церковью в Советском Союзе и разоблачать Русскую Зарубежную Церковь.

Таким образом, вся дезинформация о Зарубежной Церкви и о журнале «Русское возрождение» сначала попадает в руки профессиональных обманщиков — официальных пропагандистов и лекторов, которые ее передают в обработанном виде среднему обывателю.

Я не смог просмотреть достаточное количество газет, чтобы составить мнение о том, что в них пишут на интересующую нас тему. В «Литературной газете» и в «Советской Украине», издаваемой на украинском языке, были короткие заметки с упоминанием «Русского возрождения».

Как общее правило, сведения о жизни русских за границей, даже в извращенном виде, неохотно допускаются в массовую печать. По моему опыту в Москве, скажу, что, если бы такая книга, как «Крещение Руси», свободно продавалась в книжных магазинах, ее бы быстро раскупили и из нее бы узнали много такого, чего рядовому советскому гражданину знать не полагается.

Однако, что же пишет советская официальная пресса о «Русском возрождении» и о Зарубежной Церкви?

Начнем с того, как называют Церковь в этих «писаниях». Зарубежная Церковь очень часто именуется Карловацким расколом, реже Джорданвилльским расколом. Редакторы журнала и авторы часто получают клички карловацких фальсификаторов, отщепенцев, изменников и т.д. Об отце Александре Киселеве в одном месте сказано, что он бывший духовник «генерала-предателя» Власова, первый редактор журнала С. Оболенский представлен как ярый антикоммунист, второй редактор Г. Андреев — как изменник родины и т.д. А вот как представлены советскому читателю поступки и цели Зарубежной Церкви и ее органов печати:

1. Верой и правдой служили гитлеровцам.
2. Приветствовали контрреволюцию в Чили.
3. Возвели в ранг святого черносотенца Иоанна Кронштадтского.
4. Канонизировали царя Николая II, его семью и несколько тысяч «оголтелых белогвардейцев».
5. Призывают к насильственному уничтожению советского строя.

6. Призывают к спасению Америки от ее заклятого врага — интернационального коммунизма.

7. Проводят активную пропаганду идеи монархии как альтернативы советской власти.

8. Проводят психологический террор паствы и верующих — малейшее ослушание иерархической верхушки рассматривается как проявление просоветской ориентации.

9. Сеют ненависть к русскому народу.

10. Нагнетают антикоммунистическую истерию в эмигрантской среде.

11. Поддерживают связь с органами Соединенных Штатов, проводящих антисоветскую политику.

12. Создают определенный религиозный «фон» для новых витков вооружения.

13. Используют религию как одно из средств «психологической войны» против социализма.

14. Фальсифицируют положение Церкви и верующих в Советском Союзе (темы преследования верующих и религиозного возрождения).

15. Распространяют антинаучное и антикоммунистическое утверждение, будто христианство на Руси было основным двигателем исторического прогресса с 988 года и до 1917 года.

16. Пытаются доказать особую склонность народов нашей страны к религии и принципиальную невосприимчивость к идеям антиклерикализма, свободомыслия и атеизма (темы народа-богоносца, Святой Руси и т.д.).

17. Призывают к организации общего христианского похода против сатанинского коммунизма, возврата к феодальному прошлому в России и т. д. и т. д.

В заключение прочту одну выдержку, прямо относящуюся к Юбилейной комиссии и к журналу «Русское возрождение»:

«Почти шестилетнее существование комиссии и пятилетнее журнала наглядно свидетельствуют: они заняты мобилизацией антикоммунистических сил русского зарубежья в поддержку антисоветской деятельности карловацкой религиозно-политической группировки, разжиганием в эмигрантской среде антикоммунистической истерии и культивированием монархистских настроений, вербовкой союзников среди религиозных экстремистов и разного рода асоциальных личностей, маскирующих свои антиобщественные акции видимостью рели-

гиозного диссидентства, фальсификацией духовного облика советского народа. Словом, на первом плане у них все то же политиканство явно антикоммунистической окраски, которое характерно для всей деятельности «русской зарубежной церкви» и ее учреждений с момента основания и поныне».

Какие напрашиваются выводы из всего мною прочитанного и из того, что я видел и слышал в течение четырех лет, проведенных в Сов. Союзе?

1. Правительство серьезно озабочено религиозным возрождением в России.

2. Оно недовольно позицией части православного духовенства. Для примера приведу отрывок из одной проповеди, цитируемой в журнале «Молодой коммунист» за 1984 год:

«Православие могло обойтись без России, но обратное исключено, — говорилось недавно в одной проповеди. — России нет без православия. Россия могла быть мусульманской, буддийской или католической, но это была бы иная Россия, с другой душой и историей. Равно, если бы Россия была и навсегда стала атеистической, она утратила бы свою христианскую душу... Подвиг православной церкви (Sic!), как души России продолжается и будет продолжаться».

Эта мысль, под которой многие из нас охотно подпишутся, вызвала раздраженную критику автора статьи.

3. Коммунисты и атеисты чувствуют и понимают опасность, которая им грозит от правоты и духовной стойкости Зарубежной Церкви и журнала «Русское возрождение», и поэтому обрушиваются на них клеветой и руганью. Как всем известно, на слабых, незначительных противников или не обращают внимания, или над ними подсмеиваются.

4. Власти прилагают все усилия, чтобы дискредитировать в стране и за границей Русскую Зарубежную Церковь и ее прессу и свести их на уровень политических оппонентов и ненавистников русского народа.

5. Власть также озабочена некоторыми высказываниями иерархов Московской патриархии. Чтобы дискредитировать этих лиц, их высказывания иногда ставятся поблизости со сходными по смыслу высказываниями Зарубежной Церкви.

6. Население Союза практически ничего, кроме казенной пропаганды о Зарубежной России, не знает.

7. При встречах всех удивляет и многих радует, что мы сохранили язык, интерес к судьбам России и любовь к русскому народу.

8. При более близком знакомстве, они берут, с интересом читают и передают из рук в руки нашу зарубежную литературу, из которой узнают то, что упорно замалчивает или искажает советская пресса.

9. После ознакомления с настоящим положением вещей они полностью одобряют стойкую позицию Зарубежной Церкви и «Русского Возрождения».

10. У меня нет никакого сомнения, что журнал нужен не только здесь, но и в Советском Союзе.

11. Нам следует всеми способами помогать изданию журнала и его распространению в России.

Разрешите от лица всех нас поблагодарить о. Александра, всех основателей, редакторов, корректоров, сотрудников и авторов за самоотверженный труд по изданию этого прекрасного журнала. Я совершенно уверен, что мои друзья в России присоединяются к этой благодарности и к пожеланию всем Вам и журналу крепкого здоровья на долгие годы.

Бог в помощь!

Благодарю за внимание.

А. Б. Боголюбов

Ответ на статью «Кокетничая с боженькой»[1]

В газете «Комсомольская правда» от 30 июля 1986 года появилась статья под названием «Кокетничая с боженькой (sic!) (тема для размышления)».

По правде сказать, тут размышлять особенно нечего — пошлое название статьи говорит само за себя. Из содержания статьи узнаем, что эти слова принадлежат Ленину. Он считает любые проявления такого «кокетства» «невыразимейшей мерзостью», относя это и ко «всякой религиозной идее, всякой идее о всяком боженьке».

Зная, что пока в Советском Союзе размышлять на подобные темы можно, только не переча атеизму как «научно-материалистическому мировоззрению», мы хотим в кратких словах оспорить мнение автора данной статьи из нашего далека.

Прежде всего, что такое атеизм? Атеизм, употребляя русское слово, — это неверие. Неверие в существование Бога (Философский словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 26). Следовательно, поверить в Бога — «значит отказаться от самых основ научно-

[1] Русское возрождение. 1987. № 38/39. С. 192.

материалистического мировоззрения». «Отказаться от основ» значит отказаться от веры в «научно-материалистическое мировоззрение». Вы скажете, что это был бы отказ не от веры, а от научного знания, которое открывается через «научный материализм». Простите, простите. Какая именно наука занимается вопросами, есть ли Бог или Его нет? Назовите, какая?... А я вам назову. Имя этой науке «богословие». Вы замашете руками и скажете, что это не наука вовсе, а измышления религиозников. Но почему к богословию, одной из древнейших наук, которая в наше время преподается во всех университетах мира, специально занимающейся вопросами веры в Бога, нужно относиться с усмешечкой, а к мнению Ленина, что ко «всякой религиозной идее» нужно относиться как к «невыразимейшей мерзости», мы должны относиться как к непререкаемой истине? Почему?

Не потому ли, что вы верите исключительно Ленину? Это, конечно, ваше право. Но почему же тогда вы хотите других лишать права верить другим авторитетам?

Господствующая в СССР власть все время уверяет, что жизнь у нас на родине самая свободная во всем мире. А почему же тогда у вас нельзя произнести слово, противоречащее материалистической доктрине, научно-материалистической, как вы обыкновенно подчеркиваете? Если материализм — истина, то почему она столь хрупка, как изнеженная капиталистическая дама, которая получает насморк от малейшего дуновения свежего ветерка? Трусливость ваша перед христианской религией доведена до смешного: если в вещах въезжающего туриста обнаруживается иконка или на шее у него нательный крестик, то таможня это специально регистрирует и, выезжая, он должен их представить, то есть доказать, что не оставил их в Советском Союзе. Или другой пример: возьмите нашу современную литературу. Там появилось теперь не утверждение религии, нет, а лишь иногда благоприятное о ней высказывание как о существующем факте. Как же это вас взбудоражило! Помилуйте! Ленин сказал, что религия «невыразимейшая мерзость», а в нашей советской литературе говорят о ней благопристойным языком! О какой свободе слова или мышления после этого может быть речь?

Но все способно меняться. То, о чем недавно и шептать было опасно, то теперь... Но что значит старомодное перетряхивание моего багажа в вашей таможне, когда во всеуслышание со страниц официальных журналов страны начало звучать то, о чем не может умолчать и автор разбираемой статьи: «Религия претендовала и претендует на монополию в области этики. Без веры, мол, нет нравственности. Ка-

залось бы, дела давно минувших дней. Однако нет. В последнее время все чаще встречаются заявления, авторы которых открыто или чуть замаскированно поддерживают эти претензии. В таком духе, например, высказался в печати В. Быков. Он совершенно справедливо утверждает, что "совесть, сострадание, милосердие — нравственные начала, из века в век утверждавшиеся в людском мире". Но тут же почему-то непосредственно связывает эти нравственные начала с религией»...

Автор из «Комсомольской правды» продолжает, говоря о Ч. Айтматове (Плаха // Новый мир. 1986. № 6, 8, 9): «Что же касается "миссионерской" задачи... то она, видимо, призвана выразить ту же авторскую идею, которую мы выше отметили у Быкова: именно при помощи религиозных установок можно и нужно оздоровлять нравы и нравственность людей. И никак не пройти в этой связи мимо некоторых высказываний В. Астафьева, сделанных им на страницах журнала "Наш современник" (1986. № 5). Он спрашивает: "Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего..." С умилением вспоминает писатель о том времени, когда "мы жили со светом в душе, добытом задолго до нас творцами подвига — (кто же они — Моисей, Христос, Будда? — вопрошает автор статьи) — зажженным для нас, чтобы мы не блуждали в потемках, не натыкались лицом на дерева в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости". Это райское время ушло в прошлое, его у нас "похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, всесветное во все безверье". "Что же делать", — в отчаянии вопрошает автор (В. Астафьев. — *А. К.*), "Кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили?"».

Бедный автор разбираемой статьи (И. Крывелев, доктор философских наук), хоть и должен был познакомить нас с убийственными для его «научного материализма» высказываниями ряда современных нам писателей, пытается все же на мажорной ноте закончить свою статью: «Наш атеизм базируется на фундаменте научного мировоззрения, и он так же незыблем, как это мировоззрение».

Хоть и жаль бедного автора, но, как говорится, шила в мешке не утаишь, и нам придется привести несколько слов Владимира Солоухина из журнала «Новый мир» (1986. № 8.): «У меня был вечер в ядерном центре в Дубне, после вечера хозяева устроили ужин. Банкетику (человек на тридцать) оказал честь руководитель этого ядерного центра крупней-

ший ученый современности, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии математик Николай Николаевич Боголюбов. За столом мы оказались рядом. Естественно шли разговоры.

"Как же так, — спрашиваю я. — Еще совсем недавно в школе нас учили, что атом есть мельчайшая, последняя и неделимая частица материи. А вы ее теперь делите".

"Да еще как! — отвечает ученый. — Да, думали, что это последняя и неделимая. Заглянули, а там — каша. Стали считать, что протон (я могу напутать в названии частиц. — *В. С.*) неделимая частица материи, заглянули, а там — каша. Ну, остается нейтрино. Настолько мала, что любая материя для этой частицы практически прозрачна. Сквозь земной шар она пролетает, ни за что не задевая. То есть через атомы летит, ни за что не задевая. Ну, как метеорит через солнечную систему. И вот заглядываем, а там — каша. И если нейтрино при определенных условиях взорвется, из него может народиться галактика".

Нетрудно догадаться, какое молчание наступило за столом.

"Да, — продолжал ученый, — наш мозг не готов к восприятию этой идеи, как и многих других, до которых (парадоксально!) он сам же додумывается".

Все молчали.

Тогда, чтобы перевести на шутку, я спросил: "Так кто же все-таки Бог по специальности-то?"

"Математик..." — поддержав мою шутку, серьезно ответил Николай Николаевич Боголюбов».

Протопр. А. Киселев

Многоуважаемая Редакция![1]

Подходит к концу юбилейный 1000-й год, и по сей день, как мне кажется, мы, члены Русской Православной Церкви Зарубежом, не сделали того, что несравнимо важнее всех наших съездов, парадных обедов и лекций. Кроме слов с обычными и часто устарелыми требованиями, упреками и условиями (пусть даже справедливыми), мы ничего не предприняли для того, чтобы облегчить положение плененной Церкви на родине и установить ныне возможные, более плодотворные с ней отношения. А если мы действительно верим в то, что проповедуем (то есть, что мы неотделимая часть Матери Церкви, большая часть которой на родине и вот уже 70 лет испытывает гонения), то, казалось бы, юбилей

[1] Русское возрождение. 1988. IV. № 44. С. 270–282.

1000-летия основания нашей Церкви обязывает нас, проживающих на свободе, сосредоточить всю нашу энергию, всю нашу жизнь на укрепление наших связей с Церковью гонимой и на облегчение ее участи.

Мне кажется, что сегодня у нас в корне неправильный подход к Русской Православной Церкви в СССР, который и привел к тому, что мы почти полностью игнорируем ее. Хочется, во-первых, обратить внимание на эти неправильности и, во-вторых, предложить несколько, как мне кажется, вполне нормальных и духовно верных изменений нашего подхода.

Начнем с того, что мы все время путаем два совершенно разные понятия — Московская Патриархия и Русская Православная Церковь в СССР. Московская Патриархия — это чисто административная инстанция, касающаяся руководства церковных дел на земле и далеко не всегда (только в идеальных случаях) имеющая отношение к Торжествующей Церкви на Небе. Как любая инстанция в мире, церковная администрация может быть плохой или хорошей. Но решающего влияния на суть Церкви Христовой она не имеет. Церковь может существовать без такого административного органа, хотя это и было бы отступлением от привычной нормы. Исторический пример такого случая — это положение Греческой Православной Церкви, когда один епископ Марк Ефесский с подавляющим большинством рядовых верующих остался верным православию. Греческая Церковь при этом положении вещей не перестала существовать, несмотря на отступление всей церковной администрации (Константинопольской Патриархии) от истины. Церковь — это не администрация, не патриархия, не епископат, не духовенство, а соборное, по своей сути (не только епископское, как это у нас принято думать) апостольское по Священным Преданию и Писанию и Святое, как имеющее своей Главой Христа Бога, единое Тело Христово. В СССР Церковь тоже существует, увы, временами не благодаря своему епископату и административному центру (Московскому патриархату), а несмотря на них, существует как Тело Христово, и поэтому всякие реплики, что, мол, Церковь в СССР «безблагодатна», что она «ненастоящая» и т. д., отражают нашу безграмотность и свидетельствуют скорее всего о политичности наших выводов, а не о богословски продуманном подходе к Церкви в условиях воинствующего атеизма. А что такие безответственные реплики льют воду на мельницу КГБ, и говорить не приходится.

Иногда мы слышим и читаем страшное сочетание слов: «Советская Церковь». Но ведь Церковь Едина, других нет. Церковь Свята.

А все, что «советское», как убедительно доказал диакон Владимир Русак, это богоборческое. Значит Церковь не может быть советской: либо это Церковь, либо это нечто советское, но никак не одновременно и то, и другое. Что касается ненавистнических выпадов вроде «советский патриарх» и «советские епископы», то, поскольку они касаются православного духовенства Церкви в СССР (чьих священников мы принимаем в сущем сане), то это только облегчает работу КГБ по истреблению подлинного понятия «Церкви» из народного сознания и по подрыву нравственного авторитета православного духовенства.

Особенно грустно было слышать от моих знакомых в Калифорнии, что некий священник, недавно приехавший из Советского Союза, на местном приеме, где отмечалось 1000-летие Крещения Руси, ругался по адресу Русской Церкви, назвав Патриарха Пимена «сатанархом, а не патриархом» и объявив, что, кто причащается в храмах Русской Православной Церкви в СССР, совершает «смертельный грех». Получается, что его самого надо заново крестить, заново миропомазать, заново исповедовать, «впервые» причастить, и, если он на родине еще и священствовал, то заново рукополагать и награждать, предварительно наложив епитимью за участие в «смертельном грехе». Сколько возмущения, как мне передали, было после его выступления, особенно среди молодежи! Спрашивали, почему архиереи допускают распятую Церковь оплевывать? Почему православный русский священник как бы лежачего бьет? Почему он ругает источник благодати своего сана? Почему так некрасиво выслуживается? И перед кем? Разве это любовь? Ведь это неприкрытое даже элементарной вежливостью осуждение, строжайше запрещенное Христом! Кроме всего прочего, такие выпады не согласуются с официальной формулировкой нашего Синода и мнением нашего Первоиерарха.

Когда мы пользуемся церковными титулами, как, например, «святейший», «преосвященнейший» и т.д., то мы определяем духовный характер сана, а не личность носителя сана. «Святейший Патриарх Московский и Всея Руси» совсем не значит, что Патриарх Пимен святой, а только, что он носит святой сан. Как он его носит, это другой вопрос, на который Святейшему Патриарху придется отвечать не нам, а Господу Богу. Почему же мы в порыве антисоветского настроения и, возможно, справедливого негодования поступками отдельных иерархов РПЦ нападаем на святость духовного сана?

Получается у нас все крайне упрощенно: все или черное или белое. Вот из СССР может быть только черное, а у нас... Не можем мы

поверить и принять какие-либо положительные стороны дел из СССР. Московская Патриархия прославила ряд новых святых. А у нас реакция такая: «Признавая, что недавно прославленные Московской Патриархией девять лиц действительно являются праведниками, Богу угодившими, а некоторые из них уже почитались местно, а Блаженная Ксения была особо торжественно прославлена нашим Архиерейским Собором, тем не менее мы не можем признавать нынешние акты прославления святых Московской Патриархией, **так как она умолчала о прославлении св. Новомучеников в Исповедников Российских... с признания святости которых должно было начаться истинно соборное делание и у нас на Родине** (выделено мной. — *Н. С.*)». (Православная Русь. 1988. № 17. С. 4).

Во-первых, при чем тут Новомученики, когда речь идет о прп. Андрее Рублеве или, скажем, о св. старце Амвросии Оптинском?

Во-вторых, разве начало почитания святого XV века или, скажем, XVIII века зависит от даты прославления святых XX века?

В-третьих, где это сказано, в каких канонах, правилах Церкви или у каких святых Отцов, что одних святых непременно необходимо прославить до других святых, иначе нарушается «истинность соборности делания» (разве соборность зависит от порядка прославления святых?) и, следовательно, нельзя этим другим святым оказывать церковное почитание, нельзя «признать акт их прославления»?

В-четвертых, если прославления, для того чтобы быть «истинно соборным деланием», должны начаться с Новомучеников, то значит нам самим нельзя признать собственное прославление св. Иоанна Кронштадтского, блж. Ксении, св. Германа Аляскинского, мучеников Петра Алеута и Ювеналия Аляскинского, поскольку мы их прославили до Новомучеников Российских!

Такая непоследовательность, такая нелогичная постановка вопроса, с нашей стороны, скорее всего указывает не на ошибку Московской Патриархии, а на нашу необъективность и нежелание в чем-либо согласиться с Московской Патриархией, несмотря на то, что Патриархия совершенно справедливо, правильно, даже, можно сказать, героически (если принять во внимание ее положение в воинственно атеистической среде) поступила. Ведь подумать надо: сколько труда и молитв стоило Патриархии выхлопотать разрешение на эти прославления! А наша реакция на святое дело прославления достойнейших личностей дает повод серьезно опасаться, что когда наступит возможность опять нормализировать отношение с Церковью на родине, то

мы и на это не согласимся под каким-нибудь похожим по своей нелогичности предлогом. Такое рассуждение я уже слышала от многих.

Когда Московская Патриархия готовилась отметить 1000-летие Крещения Руси, то она протянула нам руку, пригласила нас приехать в Россию в любом качестве и на любых условиях, будь то как участники или как наблюдатели, пригласила без каких-либо условий со своей стороны, не настаивая, что непременно надо с кем-то встречаться, где-то выступать, с кем-то фотографироваться, где-то быть в определенное время. Была даже редкая возможность на родине познакомиться и лично оказать поддержку многим, кого мы тут, в эмиграции, считаем борцами и страдальцами за веру.

Но никто из нашего духовенства не воспользовался этой уникальной возможностью побывать на родине, прямо там, на месте, пообщаться с многострадальным верующим русским народом, за которого мы вот уже 70 с лишним лет молимся, чтобы плечом к плечу с ним стоять, класть с ним поклоны, креститься, вместе с ним плакать или радоваться.[1] Ведь это была возможность поклониться бесчисленным святыням на Руси и почерпнуть от такого почитания огромнейшую благодать, а от соприкосновения с народом-страдальцем получить столь нам необходимую силу для осмысления собственного жизненного подвига на свободе, быть очевидцами того, что мы заочно так часто осуждаем, порой совсем нереально представляя себе истинное положение вещей. Больше того — некоторые наши архиереи категорически запретили священникам воспользоваться приглашениями и старались мирян отговорить от поездки на московское торжество. А многие священники, которых я лично знаю, и не только у нас в Нью-Йорке, с радостью готовы были побывать на родине и не только свидетельствовать духовное торжество, но и самим духовно насытиться.

Но не тут-то было. Одному сказали просто: «Не благословляю». И точка. Другому было с угрозой сказано: «Поедешь, сан потеряешь». Третьему: «Живем в правовой, свободной стране, значит запретить ехать невозможно, но благословляю ехать не как священника, а как

[1] А не свидетельствует ли это о том, что наше представление о русском народе романтично, нереально, и мы совсем не интересуемся настоящим, современным русским народом, который носит шрамы 70-летнего воспитания советской властью и советской пропаганды, которая начинается с младенчества, народ, который, быть может, огрубел, быть может, уже не монархически настроен, который привык видеть расклеенное по всей своей родине надоевшее всем изображение Ленина, народ, который, быть может, и нам в эмиграции уже не доверяет, но который наш, русский народ? — *Примеч. авт. статьи.*

мирянина, без рясы и без креста»[1]. Еще одному было сказано: «Нельзя ехать, а то что греки-старостильники скажут»[2].

Кроме всего этого, когда один священник Московской Патриархии пытался купить билет на Калифорнийский юбилейный прием (не выступать, не сослужить, а послушать нашего духовенства и поесть), то ему было Юбилейной комиссией категорически отказано. Всяким «русскоязычным» неправославным, недавно выехавшим из нашей родины по чисто материалистическим соображениям, всяким атеистам, бесцерковникам, американцам неправославным билеты без всяких разговоров продавали, а русскому священнику с родины — не продали! А как было бы хорошо ему выслушать наши выступления, лично быть свидетелем нашей любви и почитания русского церковного наследия, подвига русских Новомучеников и рассказать об этом на родине Синоду Московской Патриархии и другим (пусть даже КГБ).

А нам как было бы полезно и хорошо проявить элементарные любовь, справедливость и вежливость.

Иногда можно подумать, что США находятся под советской властью. Один священник у нас просит своего прислужника съездить к батюшке из Московской Патриархии недалеко от нашего Синода и узнать, какие можно заказать видеокассеты. «Сам понимаешь, мне неловко к ним ехать, а то узнают и мне от Митрополита достанется...» Другой говорит: «Мне хотелось бы книги у Патриархии заказать, но сам не могу поехать...» Еще другой меня просит: «Вы поезжайте, а потом расскажите, как там было, мне ведь очень интересно, но сам бывать там не могу...» Еще один: «Мне хотелось бы его к себе на ужин пригласить, сделать первый шаг, проявить любовь, но я не рискую...». Вот и дожили! Упрекаем Московскую Патриархию в малодушии, а сами, здравствуя на свободе, боимся сделать то, что нам кажется правильным, а не вредным. А кто имеет право запрещать священникам частным порядком с кем-либо заводить знакомство, дружить, на ужин

[1] То есть, хотя наши священники — граждане США, а на родине скрывать надо, что они православное духовенство. Но ведь мы одновременно требуем от духовенства Московской Патриархии, чтобы они в открытую боролись за свободу Церкви, и они-то там, на торжестве, в рясах, панагиях и крестах были. Мы, получается, должны бояться того, чего даже гонимое духовенство в СССР уже не боится. — *Примеч. авт. статьи.*

[2] Как будто мы не обожглись, приняв и слушаясь этих греков-старостильников. Да и вообще неизвестно, почему РПЦ должна бояться неодобрения греков-старостильников (или кого-либо) и на таком страхе строить свои внешние сношения. — *Примеч. авт. статьи.*

приглашать? Почему боимся встречаться? Неужели наша Церковь заграницей ощущает такую в себе неуверенность?

Вот вкратце целый ряд неправильностей в нашей церковной среде, которые надо было бы исправить. Предлагаю следующее:

1. Всегда, но в особенности в официальных выступлениях и в нашей официальной печати ясно и четко различать Московскую Патриархию и Русскую Православную Церковь в СССР.

2. Прекратить всякие нелепые выражения о какой-то «советской» Церкви, о «советском» Патриархе, о «советских» священниках и т. д. и не допускать богохульных выступлений, носящих политический и ненавистнический характер.

3. Отзываясь о духовенстве Московской Патриархии, каким бы критическим ни было наше выступление, никогда не терять из виду, что мы православные христиане, что не соглашаться можно, но осуждать нельзя, что сан требует соответствующего уважения вне зависимости от личного достоинства или не достоинства его носителя (какой православный священник где-либо дерзнет сказать, что он достойно носит сан?), и поэтому необходимо соблюдать полный титул и уважение к каждому сану.

4. Не бояться открыто приветствовать каждый положительный шаг Московской Патриархии, признать все ее прославления, проведенные до настоящего времени (в том числе и св. Иннокентия из Аляски), радоваться, и отдавать должное, когда Патриархия успешно отстаивает от властей храмы, монастыри и мощи, а не только все отрицательное да негативное подчеркивать.

5. Открыть форум для свободной дискуссии, чтобы авторы потом не должны были ожидать головомойки от епископа или священника за выражение инакомыслия. Помнить, что свободное слово необходимо для здорового существования, что критика живит, ее надо приветствовать, а не бояться. Ведь боятся критики только виноватые и сердятся на инакомыслящих только те, кто удовлетворены собственной неуверенностью.

6. Понять, что решения проблем 30-х годов в СССР нельзя применять к ситуации конца 80-х годов. Многое изменилось (не благодаря горбачевской перестройке, а благодаря промыслу Божьему), этого отрицать нельзя, следовательно, требуются новые подходы и решения. Не бояться (разве мы, православные христиане, имеем право бояться?) и не препятствовать встречам с представителями Московской Патриархии. Составить специальную комиссию при нашем Митропо-

лите, которая будет искать встречи с каждой церковной делегацией из СССР, поддерживать с ними контакт, высказывать им наши недоумения и разногласия, поддерживать их в добрых начинаниях, поощрять их на необходимые решения, соблюдать тон христианской любви (ведь и врагов нам приказано любить...), и держать нашего митрополита в курсе дел о каждой такой встрече и обо всех изменениях на родине. Если нашей Церкви предложат подворье в Москве или даже посещение родины, непременно воспользоваться этими возможностями и послать делегацию на соответствующем уровне. И не запрещать и не карать мирян и духовенство за частную инициативу. Ведь нельзя же в Америке в 1988-м году заниматься цензурой, ущемлением прав под видом послушания (злоупотреблением авторитета и принципа послушания) и недоверием к своим же клирикам и народу. Все равно и миряне, и все нарастающее число духовенства стремятся именно к сближению с духовными корнями многострадальной родины. Своими любовью, контактами и осведомленностью мы можем осмыслить и оправдать свое существование на свободе, сможем помочь России сбросить с себя богоборческое иго и сможем начать залечивать те раны, которые вот уже 70 лет разъедают Тело Единой и Святой Русской Православной Церкви. Надеюсь, что вы найдете возможным напечатать это письмо и какие-либо комментарии и отзывы. Особенно буду благодарна, если укажете на какие-либо ошибки, неправильности или недосмотры.

С искренним уважением,

Н. Самойлова

10 ноября, 1988 год.

* * *

Несмотря на то, что настоящее письмо в редакцию содержит немало недостаточно продуманных положений, а тем более формулировок, однако оно касается многих наболевших вопросов в нашей церковной жизни. Автор письма совершенно права, призывая к тому, чтобы эти вопросы обсуждались не только на закрытых заседаниях церковных властей, но и чтобы к их обсуждению настойчиво привлекалась церковная общественность, весь церковный народ.

Печатая это письмо, редакция желает положить начало конструктивному обсуждению в церковной печати вопросов, требующих своего разъяснения.

Современность требует от каждого из нас сознавать себя ответственным за принадлежность к свободной части Русской Православной

Церкви. С этим не может согласоваться безгласность, бездеятельность, беспринципность. Долг православных христиан в поддержке и стоянии около своих архипастырей не в качестве стада бессловесных, а как соработников в деле Божием, на которых преемники апостолов — епископы — могут опираться в деле формирования своих суждений и своевременном усмотрении множества тех лукавств, которыми испещрена современная жизнь.

Надежды и тревоги[1]

Сейчас время не критиковать, делиться, а время понимать и объединяться, собирать Русь. А собирать нужно из того материала, который у нас налицо. Критикой, бунтом не собирают, покаяние, любовь, снисхождение — вот что собирает.

Отец Дмитрий Дудко

Приведенные в качестве эпиграфа слова отца Дмитрия говорят о самом насущном деле наших дней. Это насущное дело дается нелегко. Сложен и многогранен русский человек. Противоречивые начала, действующие в нас, делают нашу жизнь постоянной борьбой. Это так хорошо выражено Александром Блоком, сказавшим: «...и вечный бой, покой нам только снится, сквозь кровь и пыль...»

Сейчас Господь даровал нашему народу возможность, покаянно осознав роковые заблуждения нынешнего столетия, заново перестроить свою жизнь. Наша литература, как негатив, хранит нам картины из жизни прошлого, дает зарисовки характеров, воззрений, падений и высот, типичных нашему народу. Рассмотрение их — это не удовлетворение любопытства, это помощь и содействие в выборе нашего собственного пути в современности.

Мы приводим отрывки из творчества известных писателей дореволюционного времени П. И. Мельникова-Печерского и Н. С. Лескова, которые оставили нам выпуклые и характерные облики русских людей. В рассказе из раскольничьего быта «Гриша» (Мельникова-Печерского) приводятся примеры разного отношения к людям и событиям фанатически настроенного, держащегося буквы закона Гриши и умудренного старца Досифея, уединенную лесную келью которого

[1] Русское возрождение. 1989. II. № 46. С. 81–94.

только что сожгли гражданские власти в порядке борьбы со старовер-чеством.

«– Скажи, отче, — спрашивает Гриша, — поведай рабу своему, в коей пустыне спасал ты душу свою, где подвигом добрым подвизался? Меня тоже в пустыню влечет, на безмолвное, трудное житие... Поведай же, отче, поведай, где такая пустыня?

– Нет моей красной пустыни!.. Нет ее больше... — с грустью отсоветовал старец. — Сгорела моя келейка...

– Слышал, отче, слышал... Ироды!.. Пилаты!..

– Где Ироды, где Пилаты? — встав с лавки и во весь рост выпрямляясь, строго Гришу спросил Досифей.

– А твои лиходеи?.. Никониане!.. Укажи мне их, отче, укажи твоих злодеев... Я бы зубами из них черева повытаскал.

– Во Христа ты веруешь? — спросил старец Гришу, строго глядя на него.

– Верую, отче святой, — по-старинному верую, — и перекрестился истово двуперстным знамением.

– А слыхал ли ты, друже, как Христос на Лобном месте, на кресте... молился?

– Читал, отче... Господь грамоте сподобил меня, сам про это читал.

– А читал ли, что перед тем от них Он терпел?.. И заушения, и заплевание, и по ланитам биения... А не было за Ним греха ни единаго... И все-таки за мучителей молился... А нам-то что повелел Он творити? Самую-то первую заповедь какую Он дал?.. Помнишь ли?.. Любить врагов повелел... Читал ли о том?

– Читывал, отче.

– А читал ли, что всякая кровь взыщется?

– Читывал... Да их ведь не грех. Они ведь еретики.

– Они люди, Гришенька. Всяк человек кровью Христовой искуплен. Кто проливает кровь человека — Христову кровь проливает. Таковый с богоубийцами... равную часть приемлет.

Быстро подскочил Гриша ко старцу... Смирения как не бывало. Глаза горят, кулаки стиснуты.

– Да ты какого согласу сам-то будешь? — спросил он Досифея нахальным тоном.

– Христианин.

– Хвостом-то не виляй, не отлынивай! Не напоганил ли ты у меня своим еретицким духом келейку?.. Не по никоновой ли тропе идешь?

– Держуся книг филаретовских и иосифовских...

– А говоришь, что никонианин такой же человек, как и мы, старым крещеньем крещеные? По-твоему, пожалуй, и в пище, и в питии общение с ними можно иметь?

– Можно, Гришенька... Мало того, что можно, — должно.

– Да ты в своем ли уме?

– Должно. Знай, что споры о вере — грехи перед Господом. Все мы братья, все единаго Христа исповедуем. Не помнишь разве, что Господь, по земле ходивши, и с мытарями ел, и с язычниками — никто не гнушался? Как же мы-то дерзнем?.. Святее, что ли, мы Его?..

– Да ведь они щепотники, в три перста молятся.

– А сколькими перстами повелел Господь самаряныне молиться?.. Читал ли ты, что Богу надобно кланяться духом и истиной?.. А два ли, три ли перста сложишь... это уж самое последнее дело...

– Уйди от меня!.. Уйди, окаянный!.. — отскакивая от старца, закричал Гриша. — Исчезни!..

«Это бес лукавый; черный эфиоп в образе старца пришел меня смущати», — думает Гриша и, почасту ограждая себя крестным знаменьем, громко читает молитву на отогнание злых духов.

– Запрещаю тебе, вселукавый душе, дьяволе... Не блазни мя мерзкими и лукавыми мечтаниями, отступи от мене и отыди от мене, проклятая сила неприязни, в место пусто, в место бесплодно, в место безводно, идеже огнь и жупел и червь неусыпающий...

А старец в ноги Грише... Слезами обливаясь, молит не убивать души своей человеконенавидением... Долго молил, наконец встал, положил на путь грядущий семипоклонный начал.

– Сам Господь да просветит ум твой и да очистит сердце твое любовию, — сказал Досифей заклинавшему бесов келейнику и тихо вышел из кельи».

Если мы оторвемся от той обстановки и тех проблем, которые резко размежевывали воззрения Григория и Досифея, т. е. враждебных отношений между староверами и православными, и обратимся к нашей действительности, к русским православным, живущим в Советском Союзе или зарубежье, то и тут мы найдем прототипы Григория и Досифея. Над этим нам всем следует хорошо поразмыслить.

У Лескова, в рассказе «Запечатленный ангел», писатель выводит замечательные образы простых людей, в которых раскрывается целостная глубина воспитанных в лучших традициях своего народа, русских людей. Вот характерный для этого разговор старовера с англичанином:

«Англичанин с удовольствием все эти мои доклады выслушал и улыбнулся, а потом отвечает:

– Довольно дивные, — говорит, — вы люди, и как послушаешь вас, так даже приятно делается, как вы это все, что до вашей части касается, хорошо знаете и даже искусства можете постигать.

– Отчего же, — говорю, — сударь, искусства не постигать: это дело художество божественное, и у нас есть таковые любители из самых простых мужичков, что не только все школы, в чем, например, одна от другой отличаются в письмах: устюжские или новгородские, московские или вологодские, сибирские либо строгановские, а даже в одной и той же школе известных старых мастеров русских рукомесло одно от другого без ошибки отличают.

– Может ли, — говорит, — это быть?

– Все равно, — отвечаю, — как вы одного человека от другого письменный почерк пера распознаете, так и они: сейчас взглянут и видят, кто изображал: Кузьма, Андрей или Прокофий.

– По каким приметам?

– А есть, — говорю, — разница в приеме как перевода рисунка, так и в плави, в пробелах, лицевых движках и в оживке.

Он все слушает, а я ему рассказываю, что знал про ушаковское писание, и про рублевское, и про древнейшего русского художника Парамшина, коего рукомесла иконы наши благочестивы цари и князья в благословение детям дарствовали и в духовных своих наказывали им те иконы блюсти паче зеницы ока.

Англичанин сейчас выхватил свою записную книжку и спрашивает: повторить, как художника имя и где его работы можно видеть? А я отвечаю:

– Напрасно, сударь, станете отыскивать: нигде их памяти не осталось.

– Где же они делись?

– А не знаю, — говорю, — на чубуки ли повертели или немцам на табак променяли.

– Это, — говорит, — быть не может.

– Напротив, — отвечаю, — вполне статочно и примеры тому есть: в Риме у папы в Ватикане створы стоят, что наши русские изографы, Андрей, Сергей да Никита, в тринадцатом веке писали. Многоличная миниатюра сия, мол, столь удивительна, что даже, говорят, величайшие иностранные художники, глядя на нее, в восторг приходили от чудного дела.

– А как она в Рим попала?

– Петр Первый иностранному монаху подарил, а тот продал.

Англичанин улыбнулся и задумался, и потом тихо молвит, что у них будто в Англии всякая картинка из рода в род сохраняется и тем сама явствует, кто от какого родословия происходит.

– Ну, а у нас, — говорю, — верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленнее, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапивой вывела.

– А если таковая, — говорит, — ваша образованная невежественность, так отчего же, в которых любовь к родному сохранилась, не позаботитесь поддержать своего природного художества?

– Некем, — отвечаю, — нам его, милостивый государь, поддерживать, потому что в новых школах художества повсеместное растление чувства развито и суете ум повинуется. Высокого вдохновения тип утрачен, а все с земного вземлется и земною страстию дышит. Наши новейшие художники начали с того, что архистратига Михаиля с князя Потемкина Таврического стали изображать, а теперь уже того достигают, что Христа Спаса жидовином пишут. Чего же еще от таких людей ожидать? Их необрезанные сердца, может быть, еще и не то изобразят и велят за божество почитать: в Египте же и быка и лук красноперый богом чтили; не только уже мы богам чуждым не поклонимся и лицо за Спасов лик не примем, а даже изображения эти, столь бы они ни были искусны, за студодейное невежество почитаем и отвращаемся от него, поелику есть отчее предание, «что развлечение очес разоряет чистоту разума, яко водомет поврежденный погубляет воду».

Я сим кончил и замолчал, а англичанин говорит:

– Продолжай: мне нравится, как ты рассуждаешь.

Я отвечаю: — Я уже все кончил, — а он говорит:

– Нет, ты расскажи мне еще, что вы по своему понятию за вдохновенное изображение понимаете?

Вопрос, милостивые государи, для простого человека довольно затруднительный, но я, нечего делать, начал и рассказал, как писано в Новегороде Звездное Небо, а потом стал излагать про киевское изображение в Софийском храме, где по сторонам Бога Саваофа стоят седмь крылатых архистратигов, на Потемкина, разумеется, не похожих; а на порогах сени пророки и праотцы; ниже ступенью Моисей со скрижалию; еще ниже Аарон в митре и с жезлом прозябшим; на других ступенях царь Давид в венце. Исаия-пророк с хартией Иезекииль с затворенными вратами, Даниил с камнем и вокруг сих предстоятелей,

указующих путь на небо, изображены дарования, коими сего славного пути человек достигать может, как-то: книга с семью печатями — дар премудрости, седмисвещный подсвечник — дар разума; седмь очес — дар совета; седмь трубных рогов — дар крепости; десная рука посреди седми звезд — дар видения; седмь курильниц — дар благочестия; седмь молоний — дар страха Божия. «Вот, — говорю, — таковое изображение гореносно!» А англичанин отвечает:

— Прости меня, любезный: я тебя не понимаю, почему ты это почитаешь гореносным?

— А потому, мол, что таковое изображение явственно душе говорит, что христианину надлежит молиться жаждать, дабы от земли к неизреченной славе Бога вознестись.

— Да ведь это же, — говорит, — всякий из Писания и из молитв может уразуметь.

— Ну, никак нет, — ответствую. — Писание не всякому дано разуметь, а неразумевающему и в молитве бывает затмение: иной слышит глашение о «великия и богатыя милости» и сейчас полагает, что это о деньгах, и с алчностию кланяется. А когда он зрит пред собою изображенную небесную славу, то он помышляет вышний проспект жизненности и понимает, как надо этой цели достигать, потому что тут оно все просто и вразумительно: вымоли человек первее всего душе своей дар страха Божия, она сейчас и пойдет облегченная со ступени на ступень, с каждым шагом усвояя себе преизбытки вышних даров, и в те поры человеку и деньги и вся слава земная при молитве кажутся не иначе как мерзость пред Господом.

Тут англичанин встает с места и весело говорит:

— А вы же, чудаки, чего себе молите?

— Мы, — отвечаю, — молим христианския кончины живота и доброго ответа на страшном судилище.

Он улыбнулся и вдруг дернул за золотистый шнурок зеленую занавесь, а за тою занавесью у него сидит в кресле его жена англичанка и пред свечою на длинных спицах вязанье делает. Она была прекрасная барыня, благоуветливая и, хотя не много по-нашему говорила, но все понимала, и, верно, хотелось ей наш разговор с ее мужем о религии слышать.

И что же вы думаете? Как отдернулась эта занавеса, что ее скрывала, она сейчас встает, будто содрогаясь, и идет, милушка, ко мне с Лукою, обе ручки нам, мужикам, протягивает, а в глазах у нее блещут слезки, и жмет нам руки, а сама говорит:

– Добри люди, добри русски люди!

Мы с Лукою за это ее доброе слово у нее обе ручки поцеловали, а она к нашим мужичьим головам свои губки приложила.

Рассказчик остановился и, закрыв рукавом глаза, тихонько отер их и молвил шепотом: «Трогательная женщина!» и затем, оправясь, продолжал снова:

– По таким своим ласковым поступкам и начала она, эта англичанка, говорить что-то такое своему мужу, по-ихнему, нам непонятно, но только слышно по голосу, что, верно, за нас просит. И англичанин — знать, приятна ему эта доброта в жене — глядит на нее, ажио весь гордостию сияет, и все жену по головке гладит, да этак, как голубь, гурчит по-своему: «гут, гут» или как там по-ихнему иначе говорится, но только видно, что он ее хвалит и в чем-то утверждает, и потом подошел к бюру, вынул две сотенных бумажки и говорит:

– Вот тебе, Лука, деньги: ступай ищи, где знаешь, какого вам нужно по вашей части искусного изографа, пусть он и вам что нужно сделает, и жене моей в вашем роде напишет — она хочет такую икону сыну дать, а на все хлопоты и расходы вот это вам моя жена деньги дает.

А она сквозь слез улыбается и частит:

– Ни-ни-ни: это он, а я особая, — да с этим словом порх за дверь и несет оттуда в руках третью сотенную.

– Муж, — говорит, — мне на платье дарил, а я платья не хочу, а вам жертвую.

Мы, разумеется, стали отказываться, но она о том и слышать не хочет и сама убежала, а он говорит:

– Нет, — говорит, — не смейте ей отказывать и берите, что она дает, — и сам отвернулся и говорит: — и ступайте, чудаки, вон!

Но мы этим изгнанием, разумеется, нимало не обиделись, потому что хоть он, этот англичанин, от нас отвернулся, но видели мы, что он это сделал ради того, дабы скрыть, что он сам растрогался».

Вряд ли облик старовера Марка может не вызвать в нас весьма одобрительных чувств. Как глубоко мировоззрение этого человека, как самобытно и изящно преисполняющее его древнерусское восприятие культуры. Если бы Лесков ограничился только таким «бытописательством» истоков Древней Руси, то и тогда это было бы драгоценным вкладом в нашу литературу. Но он идет дальше. Мысленно идя за автором, мы приходим к такой непостижимой силе духовного света, в котором тонет тот свет, который знали Марк и его староверческая среда.

Лесков показывает пустынника-анахорета «Памву безгрешного», с которым путники встречаются, застигнутые ночью в глухом лесу.

Марка поражают отношения между старцем Памвой и его келейником Мироном. Подойдя к избушке и найдя дверь запертой, старец стал стучать и звать...

« —Брате Мирон! а брате Мирон!

А оттуда дерзкий голос грубо отвечает:

— Опять ночью притащился. Ночуй в лесу! Не пущу!

Но старичок опять давай проситься, молить ласково:

— Впусти, брате!

Тот дерзный вдруг отчинил дверь, и вижу я это человек тоже в таком же колпаке, как и старичок, но только суровый-пресуровый грубитель, и не успел старичок ноги перенести через порог, как он его так толкнул, что тот мало не обрушился и говорит:

— Спаси тебя Бог, брате мой, за твою услугу. «Господи! — помышляю, — куда это мы попали»...

Когда старец, уложив путников спать, сам стал со свечою на молитву, ...из-за стены на него тот дерзкий вдруг опять закричал:

— Не смей огня жечь: келью сожжешь, по книжке днем намолишься, а теперь впотьмах молись!

— Не буду, — отвечает, — брате Мирон, не буде. Спаси тебя Бог!

И задул свечку.

Я шепчу:

— Отче! кто это на тебя так грубительно грозится?

А он отвечает:

— Это служка мой Мирон... добрый человек, он блюдет меня.

...И теперь вам не скажу, все это было во сне или не во сне, но только я потом еще долго спал и, наконец, просыпаюсь и вижу: утро, совсем светло, и оный старец, хозяин наш, анахорит, сидит и свайкою лыковый лапоток на коленях ковыряет. Я стал в него всматриваться.

Ах, сколь хорош! ах, сколь духовен! Точно ангел предо мною сидит и лапотки плетет, для простого себя миру явления.

Гляжу я на него и вижу, что и он на меня смотрит и улыбается, и говорит:

— Полно, Марк, спать, пора дело делать.

Я отзываюсь: — Какое же, боготечный муж, мое дело? Или ты все знаешь?

– Знаю, — говорит, — знаю. Когда же человек далекий путь без дела творит? Все, брате, все пути Господнего ищут. Помогай Господь твоему смирению, помогай!

– Какое же, — говорю, — святой человек, мое смирение? — ты смирен, а мое что за смирение в суете!

А он отвечает:

– Ах нет, брате, нет, я не смирен: я великий дерзостник, я себе в небесном царстве части желаю.

И вдруг, сознав сие преступление, сложил ручки и как малое дитя заплакал.

– Господи! — молится, — не прогневайся на меня за сию волевращность: пошли меня в преисподнейший ад и повели демонам меня мучить, как я того достоин!

Ни одного слова я более отцу Памве не сказал, да и что бы я мог ему сказать: согруби ему — он благословит, прибей его — он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением! Чего он устрашится, когда даже в ад сам просится?»

Приходилось слышать мнение, что литературное изображение пустынника отца Памвы напоминает духовный облик подвижника нашего времени приснопамятного архиепископа Иоанна Шанхайского (Максимиловича). Если такое сближение правдиво, то какой в этом залог милости Божией, озаряющей наш путь, путь всего русского православия, мученическим подвигом сотен тысяч новомучеников, изливающих своим «светолитием» тихий подвиг высочайшего незлобия.

«Он и демонов то всех своим смирением из ада разгонит или к Богу обратит! Они его станут мучить, а он будет просить: "Жестче терзайте, ибо я того достоин". Нет, нет! Этого смирения и сатане не выдержать! он все руки об него обколотит, все когти обдерет и сам свое бессилие постигнет пред Содетелем, такую любовь создавшим, и устыдится Его.

Так я себе и порешил, что сей старец с лапотком аду на погибель создан! и, всю ночь по лесу бродючи, не знаю отчего вдаль не иду, а все думаю:

"Как же он молится, каким образом и по каким книгам?"

И вспоминаю, что я не видал у него ни одного образа, окроме креста из палочек, лычком связанного, да не видал и толстых книг...

"Господи! — дерзаю рассуждать, — если только в церкви два такие человека есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевлен"».

Как прекрасен облик, созданный Лесковым, облик старца Памвы. Какая сила дышит в его неуязвимом смирении, в котором воплощена вся сила православия. Потому добрый и искренний богоискатель, но приверженный к букве закона, старовер Марк пугается. Чему пугается? Пугается, что если в Православной Церкви найдутся хотя бы только два таких проповедника, как он, этот Памва, который «любовью одушевлен», то «мы пропали». «Мы» — это путь формализма в делах жизни духа, ибо св. евангелистом Иоанном нам сказано: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (I Иоан 4.16).

Протопресвитер Александр Киселев

Паломничество в Россию[1]

Собираясь прошлым летом в Россию, я, признаться, не особенно задумывался о том, что там увижу или как буду реагировать на то, что увидел. Просто не было времени об этом думать.

Рассказами других путешественников я был подготовлен к самому худшему в бытовом смысле. Но знал, что еду не как турист, а как паломник, знал, что в России встречу верующих людей. Не было лишь у меня (да и не могло быть!) четкого представления о том, как я найду этому подтверждение.

Первое, что меня удивило, это то, что церкви, как правило, не переполнены. Всюду можно было спокойно, не проталкиваясь войти, за исключением Троицкого собора в Даниловом монастыре, где мы были в канун престольного праздника, дня памяти святого князя Даниила Московского. Но там хоть и была давка, потихоньку можно было попасть внутрь.

В церкви гораздо больше женщин, чем мужчин. Мужчин среднего возраста меньше всего — это или старики, или более молодые. Тот, кто в церковь приходит заранее, не занимает свой любимый укромный уголок в конце церкви (а уголков таких так много!), как принято в зарубежье, а идет прямо вперед — к самой солие. К молодежи женщины в церкви относятся очень доброжелательно и в давке, когда идут прикладываться, даже пропускают вперед.

Не ожидал я, что почувствую у верующих такой сильный дух исповедничества — чуть ли не «горение» веры. Несмотря на рассказы других паломников, к этому подготовлен я не был. В какой-то степени это понятно — у нас на Западе такое горение веры трудно почувство-

[1] Русское возрождение.1989. III–IV. № 47/48. С. 268–271.

вать, как среди коренных американцев, так и среди русской эмиграции. Тут — хочешь верь, хочешь не верь — всем все равно. В стране же, где партия и пока что правительство официально исповедуют атеизм, исповедание веры (хотя бы только и внутри храма) является открытой демонстрацией против безбожия и мирового зла. В России теплохладных мало — там ты либо верующий, либо безбожник, а также много ищущих.

В Киеве у нас было паломничество по святым местам города — посетили мы действующий мужской монастырь в Киево-Печерской Лавре и два женских монастыря — Покровский и Киево-Флоровский. В Лавре нас провели в Дальние Пещеры, где мы поклонились мощам печерских преподобных и где нас помазали миром, которое снова начали источать три главы (т. е. черепа) после открытия Лавры. (До закрытия Лавры, в 1962 году, двенадцать глав источали миро.) На следующий день вместе с гидом из Интуриста мы отправились в Киево-Печерский заповедник, т.е. в большую часть Лавры, которая еще является музеем. Тут нас провели в Ближние пещеры, где тоже лежат мощи преподобных и которые несомненно сохранились из-за «благоприятных климатических условий этой местности». Как в предыдущий день, мы начали прикладываться к ракам с мощами — только здесь они назывались музейными экспонатами. Заметив наше поведение, молодая барышня из другой группы посетителей сказала своей подруге: «Смотри — они и вправду веруют». Таким образом мы тоже сподобились высокого звания «верующих».

Человеческому сознанию свойственно упрощение. Легче живется, если можно все понятия об окружающем мире разделить на черные и белые. С серыми понятиями гораздо сложнее — их трудно подогнать под какую-то общую мерку. Так вот и с нашим отношением к Русской Православной Церкви. Побывав в России в качестве паломника, черно-белые понятия потихоньку расплываются, огульное же осуждение становится неприемлемым. Старые лозунги и утверждения людей, никогда там не бывавших, теряют свою силу. Даже и статьи, присланные оттуда и напечатанные в наших журналах и газетах, уже не принимаются на веру, тем более, если они прямо противоречат личному опыту. Получается своего рода перестройка без особой гласности. Но главная проблема в том, что эти старые, расплывающиеся убеждения нечем заменить. Нам в эмиграции этого не дано, ибо находимся мы, как в буквальном, так и в переносном смысле, на другом краю света. Оторванные от Родины, мы можем лишь реагировать на ту информацию,

которая поступает оттуда. А ведь эта информация часто бывает очень субъективной. Как же нам поступать и чем нам руководиться?

Две тысячи лет тому назад на недоуменный вопрос Нафанаила «Может ли что доброе быть из Назарета?» Филипп ответил: «Пойди и посмотри» (Иоан 1. 46). Так и теперь, — не совершив паломничество в Россию, не помолившись там в храме, не почувствовав этого «горения веры», — трудно изменить старые убеждения, которые старательно поддерживаются средствами массовой дезинформации. Судить нам не дано, ибо и мы, находясь на другом краю света, часто прилагаем большие усилия, чтобы не почувствовать бревна в собственном глазу (Мф 1.5). Также не дано нам решать, где может пребывать Благодать Святого Духа, ибо Господь, вопреки нашему самосуду, сказал Нафанаилу так: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Иоан 3. 8). Что же нам делать? Молиться, поститься, исправно посещать *все* богослужения. Стараться поддерживать возрождение Русской Православной Церкви. Ибо переболевший организм начинает выздоравливать. Будем ли мы способствовать этому выздоровлению? И чем может закончиться наше отчуждение и несострадание? Будем же молиться, чтобы Господь и нас сподобил увидеть полное возрождение своей Святой Церкви.

Иван Семянко

Гранби, Коннектикут

Дорогая редакция! Соотечественники![1]

С огромным интересом читаю я и широкий круг моих друзей-единомышленников те номера вашего журнала, которые через сотни порогов и препятствий все же попадают в нашу многострадальную Россию. Особенно хороши номера 26 за 1984, 33 за 1986 год (всего читали четыре номера журнала за разные годы).

Вероятно, не совсем корректно вот так сразу давать совет, но прислушайтесь к голосу русского в России: больше национального материала, сугубо национального. Ваш журнал, к сожалению, перенасыщен, в известной степени, православной тематикой, она, без сомнения, нужна, но только в пропорции 1:3 к национальному материалу. Сейчас в России нет вопроса острее и больнее, чем вопрос национальный, вопрос Русского возрождения.

[1] Русское возрождение. 1989. III–IV. № 47/48. С. 287– 289.

Если возможно, высылайте номера вашего журнала по мере их выхода по моему адресу.

26.VII.89 г. Ленинград

Продолжайте вашу работу! Если бы вы знали, как она радует нас и как она нужна нам в России!

Ваше Высокопреподобие, отец Александр!

С большим интересом познакомился с 41-м номером «Русского возрождения», присланного мне знакомыми из Прибалтики. Глубокие по содержанию мысли материалы, данные в нем, не только интересны в плане познания верующим, но и весьма-весьма актуальны. Был бы глубоко признателен за возможность иметь номера редактируемого Вами журнала в библиотеке нашего славянского братства «Единение во Христе», уверен, они стали бы хорошим пособием в благородном деле несения истины Слова Божьего, правды о Теле Христовом — Его Церкви. Приобретение богослужебной и богословской литературы у нас очень и очень трудное дело, достать даже молитвенники невозможно, не говоря уже о богословской литературе. Был бы глубоко признателен за помощь. Приношу свои искренние извинения за доставленное беспокойство.

Испрашиваю святых Ваших молитв обо мне, недостойном многогрешнике.

С любовью во Христе

(подпись)

10.09.89. Саратов

Русское из Германии

(Письмо от немецкого читателя)

Русские и немцы воевали друг с другом в этом столетии дважды. И что же — это значит, что мы враги навеки?

Говорят, что немцев соединяет какая-то таинственная связь со своим славянским соседом, крепче, чем с романским. Этому есть много доказательств, стоит только заглянуть в прошлый век. А что можно сказать о наших днях?

Пишущий эти строки (позвольте мне сделать небольшое личное отступление) провел два года после окончания Второй мировой войны в качестве военнопленного за Уралом. Это был не рай, а голод, холод и тоска по родине. Но даже в то ужасное время у меня было не-

сколько трогательных встреч с русскими, настоящими русскими, не с «аппаратчиками». Вернувшись домой в Германию, я поступил учиться в университет. И что же я начал изучать? Славистику, главным образом русский язык, русскую культуру, историю, литературу. Не было у меня тогда никаких серьезных видов на карьеру, на хороший заработок. Нечто таинственное тянуло меня к моим занятиям.

Теперь, в 1989 г., в Западной Германии много сотен студентов, занимающихся славистикой. В большинстве наших средних школ преподается русский как иностранный язык в той же степени, как и английский. И наши школьники, и студенты интересуются Россией не потому, что у них есть обеспеченное профессиональное будущее, а благодаря все той же таинственной связи, скрепляющей нас, немцев, с русскими.

Я живу в Мюнхене, в большом городе, приютившем в своих стенах множество иностранцев. Сколько из них русских, я не знаю, но определенно число их не малое. Среди них беженцы 1945 года, их дети и внуки. И много диссидентов, стремившихся попасть в свободную страну и нашедших здесь для себя убежище.

И даже для православия Бавария, со своей столицей Мюнхеном, стала важным опорным пунктом. Православная Церковь насчитывает здесь около 300 тыс. прихожан (русских, сербов и греков) и является в Баварии третьей основной религиозной группой. Только в одном Мюнхене имеются четыре православных монастыря, из которых два — русских.

Русское из Германии — так озаглавлены эти строки. И вы вправе сказать, что сегодня наш интерес, интерес немцев, к России, нисколько не меньше, чем в то время, когда к нам приезжали Достоевский и Тургенев, когда Гете восторгался стихами Пушкина. Россия и Германия — это не только тайна, но и надежда на будущее.

Юрген (Юрий) Ензен

Собирание Руси[1]

В связи с перестройкой, происходящей в нашей стране, зашевелились все силы, которые были раньше скованы, и все претендуют на то, что они знают способ, как поправить положение и как возродить то, что физически и нравственно спасало нас.

[1] Русское возрождение. 1989. III–IV. № 47/48. С. 102–107.

Я решил написать не статью, а заметку, ибо для статьи надо еще продумать. Заметка моя о том, как собрать Русь.

Когда-то Русь раздроблена была физически, ее и собирали физически, закончилось собирание в лета царствования дома Романовых под знаменем в основном православия, хотя лозунг был несколько другой: за Веру, Царя и Отечество.

Теперь раздробление Руси произошло не на физической почве, а на духовной. Господство материализма и атеизма снова раздробило Русь, и собирать ее можно только духовно, ибо физически Россия существует. Во всяком случае, хотя бы в воображении иностранцев и называется она СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

За последнее время и официально, и неофициально раздались голоса, что центр России — РСФСР находится в самом бедственном положении. И вот встает задача, как поправить положение. Я даже намерен писать не о том, как поправить в российской республике, а как собрать Русь, единую, неделимую, могучую. Такое категорическое заявление, наверно, сразу настораживает и пугает многих: о, этот великодержавный шовинизм! — то хочу успокоить. Я хочу сказать о малом, но, на мой взгляд, самом большом, как собрать Россию духовно.

Физической гибелью она погибнуть не может, но духовно она все-таки раздроблена, хотя верю: уничтожима быть не может, ее уничтожить никто не в состоянии. Некоторые называют ее святой Русью, православной, ну я назову ее просто РОССИЯ, как она испокон веков и называлась. Если сказать, что это святая Русь или даже православная, это значит кого-то исключить из этой Руси, ну, допустим, коммунистов или атеистов, или даже еще кого-то... Но я не намерен никого исключать, кто любит Россию и болеет о ней. А любят ее многие, даже люди нерусской национальности.

Я сказал, что Россия раздроблена материализмом и атеизмом, на этой мысли я и хочу остановиться.

Россия, даже когда она была языческой, в сущности своей была православной, поэтому некоторые исследователи говорят, что русское язычество близко к русскому православию. Россия, даже когда она стала атеистической, в сущности своей является православной, поэтому встречаешь часто коммунистов, ну совсем православных людей, только под другим названием. Поэтому я считаю, что Россия создана как физически, так и духовно православием. Православие — это

единственное убеждение, которое может нас сейчас собрать. Мне глубоко врезалось в сознание выражение Достоевского: русский — значит православный, православный — значит русский. Но материализм и атеизм за короткое время крепко засели не скажу в душу, но в наше сознание засели, и поэтому некоторые пытаются дать свое определение, кто такой русский и кто может участвовать в возрождении России. Больно видеть и слышать, как по существу русские люди и дерутся, и спорят между собой. Скажу, что материализм и атеизм крепко засели и в сознании так называемых православных или просто русских, даже отвергающих материализм и атеизм.

Православие, прежде всего, отличается любвеобилием, следовательно, и снисходительностью, и покаянным чувством. Вот с этого я и начну, так сказать, собирать Русь, как православный священник, притом опороченный и униженный материалистически-атеистическим подходом. В промысле Божьем ничего нет случайного, нет случайного и в том, что я опорочен и многими выброшен из рядов, ратующих за возрождение потоптанной справедливости. Нет ничего случайного и в том, что 70 лет господствовало в России материалистически-атеистическое направление, и мы теперь не узнаем друг друга, суровы в подходе друг к другу.

Когда присмотришься к тем, которые ничем себя не запятнали, то есть к бойцам без упрека и задоринки, как говорят, то они или Русь уж очень сужают, да, может быть, и раздробляют еще по своему, или вырождаются сами в фарисеев и делают направление, неприемлемое для настоящей России. А те, которые ну, как бы не выдержали испытание, но остались с чистой русской душой (их «невыдержанность» не коснулась их глубины, она осталась на поверхности), отодвигаются на задний план, а они это немалая сила, и наверняка большая, чем те герои. И если мы отбросим их, то Русь станет бедной, и перечисление достоинств нас не спасет. Вот потому православие обращает наше внимание на любовь, снисходительность и покаяние. Без любви и собственного покаяния мы не соберем Руси.

Перед нами должны сейчас предстать два образа евангельских: мытаря и фарисея. Кто из них лучше для России, можно судить только с христианских позиций, но сразу заявляю, что русский — это мытарь раскаявшийся, а покаяние — это огромная сила, скажу я, больше всяких добродетелей, а всякие добродетели без покаяния выливаются в фарисейские. Дойдя до этого места, я и о себе должен сказать, что я из числа русских мытарей.

Наверно, всем памятно мое заявление, напечатанное в «Известиях» за 1980 год, которое отделило от меня моих друзей и дало свободу бросать в меня любые камни. Я и не пытаюсь оправдываться и обижаться: да, я достоин этого. Но скажу, что у меня никогда не было даже тени мыслей отойти от христианского дела и в чем-то изменить России. Если б эту заметку я писал до моего последнего ареста, наверно, я стоял бы на позициях «добродетельных» фарисеев, даже не сознавая этого, а сейчас я стою на позициях раскаявшегося мытаря. Даже не так, кающегося мытаря, и поэтому мне легко писать о собирании Руси на православной почве. Без православия Русь не собрать. Собирание Руси я мыслю не физически, отсюда я не пытаюсь бороться с властью, стоящей на позициях материализма и атеизма. Собирание Руси я мыслю только духовно. Будет ли у нее своя территория, или не будет, но она, Россия, Русь, все равно должна быть собрана. Образ России как отчизны я олицетворяю даже с Царством Небесным. Россия — особый образ жизни и мышления. Любя Россию, ты любишь Бога и стремишься к Царству Небесному.

Но пока бросим хотя бы беглый взгляд на раздробленность России, начнем не отсюда, а оттуда, то есть с Запада.

Поскольку Россия немыслима без Православной Церкви, то я и смотрю на то, как произошло церковное разделение.

Зарубежная Церковь, Американская, Константинопольская и т. д. И все они за Россию, и все они враждуют между собой. У нас, в России, Церковь как бы не разделилась в лице Московской Патриархии, стоит единая, но сами люди разделились. У нас нет единого мнения, даже когда мы говорим, что собираем Русь на почве православия. Почему? Да потому, что мы не учитываем, в чем заключается православие, не учитываем той любви и того покаяния, которое оно нам несет. Поэтому такие люди, как Шульгин, мой лагерный друг Евгений Иванович Дивнич, как недавно умерший поэт Агатов-Петров, непонятны нам. А это только всего, что такова природа человеческая, склонная к падению. Православие сильно возродить всякого падшего, даже более, падший-то и понимает, в чем опасность. Если мы не переложим немощи слабых на свои плечи, мы ничего не сделаем.

Я за единую, неделимую, могучую Русь!

Я не шовинист, я русский православный человек, я хочу, чтобы мы, раздробившиеся в котле материализма-атеизма, соединились бы, ну хотя бы на том, что образовали союз русских республик, что ли, республик Духа. Дух у нас у всех един. Мы без России жить не можем.

Вспоминаются слова Есенина, а он, несомненно, русский православный человек в глубине своей души:

Если крикнет рать святая:
Кинь ты Русь, живи в раю.
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.

А я, священник Дмитрий Дудко, скажу несколько иначе. Нас не примут в рай, в Царство Небесное, если мы не соберем Руси. Собирание Руси — это конкретное христианское дело, это становление наше в православном христианстве. Иначе мы еретики, даже считая себя христианами.

Вспоминаются мне еще и слова русского философа Е. Трубецкого: возродится Церковь — возродится и Россия.

Вторая бы моя заметка должна быть о Церкви, но пока я эту еще не развернул в статью, так чтобы мысли все отчетливо были ясны. Поэтому на этом я ставлю точку. Для умного, как говорится, надо немного, чтобы все понять, читающий да разумеет.

P.S. Сейчас время не критиковать, делиться, а время понимать и объединяться, собирать Русь. А собирать нужно из того материала, который у нас на лицо. Критикой, бунтом не собирают. Покаяние, любовь, снисхождение — вот что собирает.

И еще. Мне могут бросить вопрос и довольно жесткий: ну как ты объединишься, допустим, с Зарубежной Церковью, которые считают себя непогрешимыми и ни с кем не желают знаться, или с коммунистами-атеистами, которые даже христиан обвиняют в развале России?

Отвечу: прежде всего выделить их душу. Говорят — от большого до смешного один шаг, а я хочу сказать: от ненависти до любви тоже один шаг, и, может быть, зарубежники, такие жесткие, станут самыми доброжелательными и мягкими, не случайно же они держатся всего, что от старой России, а старая Россия не такая плохая, как мы, может быть, думаем. И, может быть, коммунисты-атеисты, на себе испытавшие грех отрыва от православия и России, окажутся самыми верными. В православии самое главное — покаяние. Кающийся человек — это более чем добродетельный, во всяком случае, он никому не надоедает своими добродетелями, а это тоже много значит.

Свящ. Дм. Дудко

Жизнь в Омской епархии[1]

7 ноября 1989 г. Омск

Дорогие мои заокеанские друзья,
Милица Александровна и Игорь Петрович!

Боже мой, как же скоро проходит время, кажется, уже вечность мы не разговаривали с вами, и я не получал ваших хороших писем, да и сам не писал, потому что все вопросы и проблемы нашей внутренней церковной жизни решались не так скоро, как бы желалось, а подчас и вообще не решались, но вот сейчас уже могу сообщить вам, что, благодарение Богу, все окончилось благополучно, и Тобольская духовная семинария после многих перипетий, несогласованностей, трудно разрешимых вопросов о месте ее нахождения, после торжественной службы в Покровском соборе 22 октября с.г., после молебна об отроках, получивших грамоты, совершенного в том же Покровском соборе ректором архимандритом Макарием (Веретенниковым), семинария стала жить!

Все имело окончание во время Архиерейского собора, который, как вам известно, проходил с 8 по 14 октября, и официально окончился днем 14, в праздник Покрова Пречистой. Ваш покорный слуга имел честь принимать участие в этом соборе, слушать радостное провозглашение иже во святых отцов наших Иова и Тихона, Патриархов Всероссийских, а потом участвовать в торжественном и незабываемом служении панихиды и молебна в Успенском Кремлевском соборе. После же окончания официальных заседаний собора состоялась встреча с председателем учебного комитета Архиепископом Александром, он представил мне отца Макария, и мы на второй день уехали, вернее, улетели в Омск, потом Тюмень и, наконец, в Тобольск, на место их нового служения. С нами поехали и инспектор семинарии отец игумен Максим, и ответственный секретарь отец иеромонах Василий. Трудно им будет привыкать после спокойной, безбедной жизни в Загорске, где о. Макарий до сих пор был инспектором МДА и С, но ничего, Бог поможет и все образуется, впрочем, и уже образовалось. Так что сейчас будем молиться, чтобы Господь, благословивший открытие, благословил бы и продолжение учебного года. Правда, питомцев еще немного, было 32, но, видимо, убоялись некоторые строгости начальствующих, так что ныне, после приема воспитанников, осталось

[1] Русское возрождение. 1989. III–IV. № 47/48. С. 272–277.

менее 20, но это число пополнится, вот на днях из Омска туда направились три наши иподиакона, полагаем также открыть при семинарии регентский класс, в котором будут учиться девушки. А у меня сейчас другая забота. Да, еще добавлю: в постановлении Синода есть фраза о том, что «Учебному комитету иметь особое попечение о Тобольской духовной семинарии», а это значит, что все средства на ее содержание будут централизованным порядком спускаться из центра, из Москвы, таким образом епархии нашей будет легче.

Вот поэтому сейчас мы усугубляем попечение о новообразованных приходах, которые, слава Богу, как грибы после дождя, растут в свете новых возможностей их регистрации, впрочем, и без регистрации, постановлением местных сельских или городских советов, — есть уже и такие случаи, — что, не дожидаясь постановления из Москвы, местные сходки принимают решение об открытии церкви, местные же власти утверждают такое постановление сходки и к нам посылают телеграмму: «Пришлите священника крестить детей». Слава Богу! Особым вниманием сейчас пользуется наш разрушенный Абалак. После его передачи нам в Надвратной во имя прп. Марии Египетской церкви мы зажгли первую лампаду после свыше 60-летнего перерыва, и сейчас там совершается молитвенное правило ежедневно утром и вечером, а по субботам и воскресеньям — служба церковная. Правда, еще примитивно, без иконостаса, при затянутых пленкой окнах, при сквознячках, но уже есть четыре насельницы, инокини и старшая монахиня Ксения. Батюшка доезжает из близлежащего Тобольска, но вот сейчас посвятили иеродиакона Анатолия, инока во иеромонаха, так что пройдет несколько недельную подготовку при соборе и отправится в Абалак. Правда, там имеем проблему: в архимандричьем корпусе находится 150 детей-олегофренников разного возраста. Вот трудно разрешимая задача, куда их поселить? Помолясь, приняли мы решение: заготовим лесоматериал и с наступлением весны будем строить детский городок рядом с монастырем с таким расчетом, чтобы после сооружения 6–8 домиков типа коттеджей все они оставались бы под руководством монастыря. С таким предложением мы вышли на имя председателя Детского фонда писателя Альберта Анатолиевича Лиханова, он обещал свою поддержку, а это очень надо, потому что случай получается беспрецедентным в пореволюционной жизни и деятельности РПЦ, и еще не уверен, как к этому отнесется Наробраз?! Но хочется верить, что и там умные люди, которые решат в пользу обездоленных детей. Помолитесь, дорогие мои, чтобы все разрешилось в нашу поль-

зу (пользу условную, потому что предстоит много трудностей с постройкой, обеспечением, исканием воспитательного и педагогического состава), чтобы Господь благословил бы наше это начинание.

Я сейчас озабочен и другим. Не помню, писал ли я Вам, что здесь в Омске предстоит нам великое переселение народов. Дом, в котором мы живем, подпадает под снос, здесь на территории всего микрорайона глазная больница будет строить свои корпуса, так вот, городские власти предоставляют нам для епархиального управления и резиденции б. церковно-приходскую школу, старое обшарпанное двухэтажное здание, каменное, возможно, даже с грибком в стенах, его придется вновь реставрировать и в конечном результате получится хорошее обширное помещение, но до этого еще далеко. А сейчас встречи с архитекторами, с мастерами, обсуждение, намечение и планирование — все это необходимо и... скучно. Помолитесь.

Есть и радости. Вот, третьего дня позвонила директриса одной из общеобразовательных школ нашего города, вблизи Тарской улицы, где расположен собор, и попросила встречи с священником, мотив ее просьбы: «Дети в школе заявили, что хотят послушать священника». Вот и планируем этими днями встретиться с детьми и, поверьте, волнуемся больше, чем перед каким-либо заседанием со взрослыми... Ведь мы десятками лет не знаем и отвыкли от беседы с маленькими гражданами... Правда, был и есть детский мирок церковных детей, детей священнослужителей и церковнослужителей, которые принуждены были вести двойственный образ жизни и мышления: в доме у родителей один, в школе другой, в пионерской или комсомольской организации третий и т. д. Сейчас знакомство с прессой, телевидением, разговорами старших и своих сверстников рождает другое восприятие Церкви, религии как вчерашнего «табу», поэтому и симпатично и неизведанно, и интересно, и как же боюсь, чтобы эти первые ростки, еще пробивающиеся через страшное непонимание, презрение, в лучшем случае снисходительное отношение как к блажи, невинному заблуждению, не заглохли, не поникли в свете отчуждения и подозрения, прививаемого десятилетиями... Вот и еще раз попрошу: помолитесь, добрые мои и умные други!

Беспокоюсь о вас. Все ли у вас благополучно? Уж больно давно не получал весточки от вас. Ваше пожелание присутствовать на открытии, увы, не получилось не по нашей вине, но это открытие было очень скромным, скажем, «келейным», ведь по сути еще не окончательно решен вопрос, где же нашим заниматься? Ныне они занимают-

ся в реставрируемом храме свв. ап. Петра и Павла, там, где нам здание передано на миротворческий и экуменический центр. Сейчас в нем наши с утра учатся, а после обеда продолжают восстановительные работы. К 15 ноября обещают выселить последних насельников несчастных из крепостного замка, тогда там, в административном и больничном корпусе будем готовить аудитории и спальни.

Вас искренне, сердечно приглашаю и прошу планировать приезд к нам в любое, удобное для вас время. Вообразите, как бы хорошо, чтобы вы пожаловали к нам на Рождество! У нас хор готовит такие прекрасные колядки, заслушаетесь. Но ведь понимаю, что вы, непременные члены вашей церкви, и на Рождество вы обязаны быть дома, благо это семейный праздник. Тогда милости прошу в иное время, только заблаговременно сообщите нам ваши планы, чтобы иметь возможность достойно вас встретить. Главное же, планируйте чтобы надолго, потому что Сибирь в целом и наша епархия громадна в частности своей, поэтому нам с вами понадобится время для путешествия к Святыни в Тобольске, к прекрасному, лучшему в Сибири собору в Тюмени, к новообразованным храмам в городах, которым 15 лет отроду, и в городах 400-летних, как Тара или Тюкала (от глагола «тюкать», ибо там когда-то в древности «тюкали» купца...). А еще покажем вам стройки новых церквей, они скромны и непрезентабельны, но какие же родные тем прихожанам, которые из своих пенсионных копеек сооружают такой храм Божий...

А потом придет весна, и в благодатную пору цветения мы уже обстоятельно приглашаем вас посетить Омск, чтобы отсюда вместе паломничать нам. И в это паломничество убедительно вас приглашаем и уговариваем, потому что это бесподобно и неповторимо. Все, кто с нами паломничал в прошлые годы, не только с восторгом вспоминают пережитое, но и уже загодя просят считать их в следующем году непременными участниками.

Город наш вот-вот станет открытым для посещения интуристов, а Вы ведь не интуристы, а православные паломники, направляющиеся к сибирским древним Святыням. Полагаю и уверен, что, если вы направите в посольство такого характера заявку, что вы, супруга и дети хотите посетить свое Отечество и помолиться у сибирских Святынь в Тобольске, то никаких препятствий не будет.

В этом приближающемся году мы планируем продлить паломничество не только до Тобольска, но и далее, в самый северный наш приход, который еще не организован официально, но уже предприняты

все нужные шаги, это известный Салехард, некогда Обдорск, где находилась духовная миссия. Так что готовьтесь приятно путешествовать.

Заговорил я вас совсем. Простите, пожалуйста.

Будьте здоровы и Богом хранимы, с любовью о Господе

Архиепископ Феодосий

Письмо из Москвы[1]

Мне хотелось бы рассказать об одном начинании, весьма скромном, но свидетельствующим, однако, сколь многообразно и порою неожиданно проявляется сегодня начавшееся религиозное возрождение России. Речь идет о том, что при Союзе кинематографистов СССР — одном из ведущих творческих объединений страны — нынешнею весною 90-го года была основана Христианская киноассоциация.

Она родилась по инициативе рядовых членов киносоюза: критиков, историков кино, драматургов, режиссеров. Она возникла из потребности приобщить кинематографическое творчество и изучение киноискусства к христианскому мировоззрению, к Церкви. «Основной задачей ассоциации, — сказано в ее Уставе, — является введение кинокультуры нашей страны в контекст вечных, общечеловеческих ценностей, сформулированных и сохраненных христианской Церковью; восприятие кинематографа сквозь призму нравственных, мировоззренческих и эстетических принципов христианства... Координация усилий кинематографистов и деятелей Церкви в осуществлении культурно-творческих программ для проявления христианских тенденций в кинематографе». Речь идет об обширном плане специальных тематических просмотров, обсуждений фильмов и книг, всесоюзных и международных симпозиумов, фестивалей, ретроспектив, выставок.

Речь идет об издательской деятельности, о производстве фильмов, видеокассет, далее, надеемся, создании художественных кинофильмов под грифом ассоциации.

Христианская киноассоциация — добровольное и независимое содружество — объединило под своим вновь обретенным кровом единомышленников во Христе и людей, тяготеющих к религии, к Христову учению, признающих первенство духовных начал в искусстве, — словом, «людей в пути». Два вида членства определила ассоциация для вступающих в нее: действительные члены, принадлежащие к той или иной христианской конфессии, и ассоциированные члены, которыми

[1] Русское возрождение. 1990. III. № 51. С. 55–58.

могут стать лица, занимающиеся вопросами истории религии, киноискусства, культуры. Разумеется, и приход священнослужителей особо желателен для ассоциации.

Естественно, что Русская Православная Церковь служит для нас первой духовной опорой и духовным вожатаем. Но ассоциация одновременно является и коллективным членом Международного католического киноцентра ОСИК (OCIC), а Совет нашей Христианской ассоциации служит еще и восточной стороной группы «Запад–Восток», действующей в рамках ОСИК. Уважаемая и опытная европейская киноорганизация, существующая уже более 50 лет, и ее президент, видный международный кинодеятель г-н Амброз Эйхенбергер, оказали нашей новорожденной киноассоциации большую моральную и консультативную помощь в период формирования, что, конечно, не означает «влияния» или «давления» на нас католицизма, ибо широта взляда и терпимость являются обычаем деятельности этого католического киноцентра (эта организация немало сделала для изучения и популяризации, например африканских культур, для «наведения мостов» к буддизму). Что касается до нашей киноассоциации, то мы надеемся наладить творческие и деловые контакты с православным зарубежьем.

Организационный центр Христианской киноассоциации находится в Москве, там же, где Союз кинематографистов СССР, но в деятельность ее уже включились Грузия, Белоруссия и Литва, на подходе Украина и Латвия. Председатель Совета ассоциации — известный кинокритик Латава Дуларидзе, ответственный секретарь — молодой киновед Андрей Бессмертный из московского научно-исследовательского института Госкино СССР. Ассоциация организовалась совсем недавно, но в нее уже поступает множество заявлений от желающих включиться в общее дело. Уже проведено было несколько заседаний и общих собраний, в том числе и вместе с Президентом ОСИК А. Эйхенбергером, посвященных как административно-организационным вопросам, так и первым обсуждениям религиозных проблем в их применении к кинематографу.

Ну и что в этом всем особенного? — может спросить западный читатель. — Ну появилось еще одно небольшое «самодеятельное» общество под христианской эгидой — экая невидаль! Хорошо, конечно, но не более того! Но, во-первых, всякое дело, во имя Христа добровольно предпринятое, есть благо. А во-вторых, необходимо учитывать контекст события, те реальные исторические условия, в которых вер-

шится то или иное действие. Тогда, казалось бы, малый факт, о котором идет речь, скромное событие сегодняшней кинематографической жизни приобретает иное освещение. Поэтому — небольшое отступление об историческом фоне, о том, что было вокруг.

Самое радостное и показательное — легкость, с какой удалось это сообщество создать, легализовать, то есть утвердить в качестве независимой организации, действующей на основе самоуправления, обладающей статусом юридического лица и неподконтрольной никакой политической цензуре или распоряжениям свыше. Не понадобилось ни «пробивать», ни «бороться» (это популярные глаголы в нашей социальной жизни). На всех уровнях идея создания подобного христианского кинообъединения встречала поощрение и доброжелательность — так, как будто этого давно ждали. И не только деятели Церкви, священники, не только Православная Церковь Грузии и религиозные организации Литвы, но и совершенно мирские учреждения, вплоть до Совета министров СССР, один из отделов которого обязан фиксировать все новые общественные организации, — решительно все отнеслись к делу не только лояльно, но скорее сердечно. А недавно избранный Секретарь Союза кинематографистов России, известный кинорежиссер Игорь Масленников, сразу субсидировал нас из казны ежегодной суммой в несколько тысяч рублей — дар, пусть скромный, но столь полезный и от души!

А ведь каких-нибудь пять лет назад и мыслить о чем-нибудь близком было бы странно! А ведь десять лет тому назад из-за подобного проекта человек попал бы в черный список! Разительны происшедшие перемены. И в отношении общества (и власти!) к религии — особенно.

Дело ведь не только в таких общеизвестных прискорбных преследованиях, пережитых русскою Церковью и ее чадами, как разрушение храмов, аресты, ссылки, травли, поневоле заставляющие вспоминать мученичество первохристиан. Дело еще и в том страхе, который пропитывал все общество, все его ткани сверху донизу. Пусть атеистическая пропаганда в последние десятилетия и утратила свой былой агрессивный тон, страх быть замеченным в христианской вере оставался прежним. И увидительно ли? Ведь одни лишь старики-пенсионеры могли безбоязненно посещать службы, молодежь же всегда рисковала быть персонально замеченной каким-либо ретивым дружинником, каким-либо добровольным доносчиком в комсомольскую организацию. Десятки реальных жизненных случаев показались бы, возможно, просто дикостью: «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»,

как сказал поэт. Например, юноша перекрестился в церкви во время панихиды по собственной бабушке, на него донесли в университет, где он учился. Его стали исключать, «прорабатывать». Заступники доказывали, что он де пошутил, что он просто передразнивал верующих. Только таким диким способом спасли парня от исключения...

А крестины? Ведь окрестить новорожденного всегда было трудной задачей для молодых родителей, особенно работающих в государственных учреждениях — для крестин требовали паспорта, люди боялись последствий, искали знакомых священников, кто не боялся совершать требы на дому, уезжали с младенцами в дальние приходы, чтобы замести следы. Так отвращали людей от Церкви в каждодневности, в обиходе.

А теперь перенесемся в сегодняшнюю Москву. Картинка: у одного из храмов в самом центре города вижу известную народную артистку, свою знакомую. Сановная дама, в своем театре чуть ли не партийный секретарь. Сейчас она оживленная, помолодевшая, глаза сверкают. «Что Вы здесь делаете?» — спрашиваю. — «Внучку крещу», — отвечает. Я поздравила ее от души.

Мелочи? Но ведь из таких мелочей ткалась и ткется каждодневная жизнь советских людей, складывается их сознание.

А Пасха? Долгими годами делалось все, чтобы не дать народу праздновать Светлое Воскресение, которое, несмотря ни на что, оставалось для людей дорогим праздником. Милиционеры в Страстную Субботу вытаскивали из очередей к храмам девушек, мальчиков, принесших куличи освятить. Пасхальной ночью церкви (особенно в Москве, в Ленинграде) оцеплялись милицией и дружинниками, то есть милицией из штатских, в несколько рядов, и молодежь не пропускали ни почем. Это называлось «защитой верующих от хулиганов и от возможных инцидентов». И верно, «инциденты раньше случались, и провокации тоже. Помню, как в 60-х годах шло поветрие какого-то беснования: обезумевшие юнцы вскакивали на столы, ворвавшись во дворы храмов, плясали какие-то адские танцы, лезли через кладбищенские ограды, кривлялись на могилах. Еще бы: им продолжали внушать, что это, мол, дурман, обман. А средства массовой информации? Ведь еще недавно именно в Святую Ночь старались показать на всю страну по телевидению что-нибудь «эдакое», что в другое время строгая моральная цензура не пропустит — какое-нибудь импортное шоу, подновленный «Мулен-Руж», или свое, подражательное, лишь бы удержать людей у «ящиков» по домам, лишь бы молодежь не отправилась в церковь! К

счастью, эпидемия беснования быстро кончилась, и год от года молодежь Пасхальной ночью приобретала более достойный вид.

А в нынешнем 1990 году 15 апреля по первому каналу телевидения транслировали Полуночницу, Пасхальную Заутреню и первую Литургию из нескольких лучших Соборов! Как не благодарить нашу «перестройку»!?

...Ночь на 15 апреля того го же года, храм Ильи Обыденского, как называют старые москвичи одну из красивейше расположенных церквей на высоком холме над Москвой-рекой, у Остоженки — некогда этот храм стоял неподалеку от Христа Спасителя, потом варварски взорванного.

Иду в Крестном ходе. Ясная безветренная ночь, глубокое темно-синее небо в ярких звездах. Прилегающая к Храму небольшая площадь и переулки, опущенные ярусом ниже, — море огоньков! Со свечами в руках на тротуарах и мостовой, на балконах домов стоят толпы людей. Все пространство кажется наполненным, пронизанным теплым светом от свечечек. И над этой торжественной, поэтической картиной плывет на всю округу колокольный звон... Это не сновидение, — явь!

Возвращаясь же к кино и к нашей вновь основанной Христианской киноассоциации, подчеркну, что религиозное возрождение в области кинематографа — это и часть общего духовного процесса возвращения России ко Христу, и вместе с тем движение, имеющее свои собственные особенности и специфические трудности.

Как и вся советская культура, кино в течение послереволюционных десятилетий было не просто «секуляризированным», но, я бы сказала, активно атеистическим. Общедоступность кинематографического зрелища и сила его массового воздействия были поставлены на службу антирелигиозной агитации и пропаганде с экрана. В 20-е годы последние были крайне яростными, грубыми. Далее, в 30-е, кино во главе всех других искусств посвятило себя созданию образа «божества на земле», культу тирана. И пусть уже в 40-е годы ушли с экрана карикатуры на священнослужителей и издевательства над верующими, но кино продолжало оставаться, во всяком случае официально, государственным, целиком и полностью ангажированным, разумеется, отделенным от Церкви. Правда, можно заметить динамику «смягчения» в обрисовке образа «служителя культа». Но даже тогда, когда священника рисовали уважительно, как, например, прекрасный артист Андрей Попов в образе о.Серафима в фильме «Все остается людям»,— это всегда был персонаж-антагонист, идейный противник, оппонент в споре,

где его легко разбивал и побеждал материалист-марксист. Лишь в самое последнее время появились иные трактовки. Можно назвать образ священника, созданный артистом Петром Вельяминовым, в фильме о народовольцах «Нас венчали не в церкви» (кстати, П. Вельяминов, человек нелегкой судьбы и прямой потомок одной из старинных русских фамилий, является членом нашей киноассоциации). В общем же, настороженное отношение к Церкви сохранялось.

Но... И свет во тьме светит. Христианский дух истины, постулаты, мироощущение проникали на экран часто даже помимо воли и представлений самих художников. Пересматривая сегодня старые ленты, находим в них идеи любви, самопожертвования, служения, добра, иногда в чуждых им «секуляризованных» одеяниях, но истинно-евангельские. И как могло быть иначе? Ведь мы живем на территории, где тысячу лет назад свершилось великое Крещение Руси, живем в соседстве с христианскими народами Грузии, Армении, Прибалтики. А Россия? Недаром Ф. И. Тютчев писал:

Осененный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благославляя...

Не могла же исчезнуть совсем, сгинуть великая традиция русской литературы XIX века, литературы христианской в основах своих, Господь не мог нас оставить в безвоздушном пространстве всеобщей идеологизации и политизации. И не оставил! Пробивался сквозь каменные толщи, журчал родник веры. Накапливалось ожидание. Такой фильм, как «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, созданный в начале 1980-х годов, то есть в самые мрачные годы так называемого «застоя», — есть произведение не только «антисталинское», «антисоветское», но прежде всего христианское. «Покаяние», где автор прямо провозгласил, что дорога, которая не ведет к храму, может завести только в тупик зла и мрака, — фильм, запечатлевший страстный поиск возвращения ко Христу, нестерпимость жизни бездуховной и безрелигиозной. Фильм этот был подготовлен теми внутренними, подспудными процессами, которые шли в кино, в творчестве кинематографистов.

Вот я написала: «произведение христианское» и вздрогнула. Владеем ли правом мы судить, приобщать или отлучать от христианства и православия, мы, не имеющие ни религиозного образования с детства, не изучавшие Закон Божий, мы, по сути дела, религиозные советские

невежды? Где критерии оценок? И как осуществлять цель, нами поставленную в уставе киноассоциации: «...восприятие кинематографа через призму нравственных, мировоззренческих и эстетических принципов христианства»? И православия в первую очередь?

Мы находимся в весьма трудном положении. Ведь никаких прямых «руководств», ни образцов анализа произведений киноискусства с христианских позиций в русской эстетической литературе и эссеистике не существовало до самого последнего времени. Предреволюционная религиозная мысль, русский «серебряный век» прошли, не коснувшись кинематографа. И это понятно: отечественный экран, при всем своем бурном развитии с 1908 года (первого года собственного русского производства) до 1919 года (когда по декрету советской власти все частные фирмы были национализированы), еще не вошел в сознание народа, а также интеллигенции как сфера духа, а не просто развлечение. Более того, Церковь часто считала киносеансы делом греховным. Далее же, после Октябрьской революции, наступило царство атеизма, и тайная, живая подспудно религиозная мысль к кинематографу не приближалась. Не известны у нас и работы по кино рýсского христианского зарубежья (если таковые имеются). Поэтому, скажем, если в европейской кинолитературе существуют серьезные примеры анализа фильмов крупными кинокритиками-католиками (как, например, Анри Ажель или Андре Базен), то у нас, желающих приобщиться к православной и культурной традиции в сфере киноанализа, нет образцов для подражания и поучения. Нужно самим вырабатывать критерии и принципы.

Об этом горячо спорили на одном из первых семинаров нашей Христианской ассоциации. Что есть «православное начало» в фильме, на экране? Наличие символики, атрибутики, намеков, поисками которых ныне так увлекается западноевропейская критика в советских фильмах? Так, скажем, «раскладывают» по якобы религиозным полочкам «символы» в фильмах Андрея Тарковского, доходя часто до бессмыслицы и произвола (например, в «Зеркале» герой, мальчонка военной поры, бегает босым из бедности, из нищеты, а глубокомысленный критик видит в этом автоиндентификацию со Христом; в «Андрее Рублеве» финальный кадр показывает лошадей, пасущихся под дождем, — английский биограф режиссера уверяет, что это метафора «Троицы», и так далее). Нет, поиски религиозных ассоциаций и формальные регистры отдельных кадров (рыба, куст терновника, переломленный хлеб и др.) не приведут нас к решению проблемы.

Фильмы о Православной Церкви, о ее людях, о монастырях — этих сохранившихся очагах веры и традиции? Да, конечно. Но это первоочередная задача документального кино, которую в самое последнее время у нас стали выполнять серьезно и ответственно (назовем ставшие широко известными и за рубежом фильмы «Храм», «Под благодатным покровом», «Преображение», а также проведенный в Москве в 1990 году фестиваль фильмов о Русской Православной Церкви сегодня). Но этим не может быть исчерпан ни материал для наших штудий и размышлений, ни сама тема православного начала в киноискусстве. И тем более в фильме художественном, то есть фильме с вымышленными событиями, воссозданными воображением.

Тогда, быть может, евангельские сюжеты? Жития святых? Разве это не увлекательно? Воскресить на экране образы, показать подвиги святых мужей и жен, в земле Российской просиявших? Например, недавно канонизированной блаженной Ксении Петербургской! Как прекрасно это и в собственно религиозном, и в познавательном, и даже в кинематографическом отношении! Необычайная судьба, уникальный портрет на фоне юного града Петрова: молодость, любовь, счастливое замужество, трагическая потеря любимого, переворот в душе Ксении, принятие на себя личины безумной, переодевание в мужской костюм, «перевоплощение» в покойного Андрея, подвиги, просветленная зрелость и старость, исцеления?! Какая широта для постановщика фильма, какой простор для актрисы — исполнительницы роли! На семинаре, посвященном обсуждению критериев и принципов, с которыми мы подходим к киноискусству, все увлеклись и начали придумывать один за другим планы «житийных» постановок.

Против такого подхода возразил участник семинара, московский священник отец Сергий. По его мнению, русская религиозная живопись потому и не достигла высоты, не стала высоким искусством, что попыталась уйти от канона — от иконописи, которая есть непревзойденный образец. Житие самодостаточно, канонично. Критерий православия, утверждает о. Сергий, восходящий через византийское искусство и философию к Плотину и Сократу, определяется пониманием тройственности бытия — микрокосма и мира — макрокосма в Боге. Вот что важнее всего: человек, который не одинок, не затерян в космосе. Такова глубина православного восприятия, миросозерцания. Как считает о. Сергий, православным произведением можно признать «Матренин двор» А. И. Солженицына, где есть все три элемента синтеза.

Единодушным оказалось мнение, что никак не селекция, не выдача «справки» о православии и не отлучение того или иного честного произведения от христианства являются нашими задачами. Мы должны выработать в себе самих широту взгляда, доброжелательность и интуицию в оценках, давать последние с осторожностью и скромностью, что означает прежде всего самим укрепиться в вере, самим в первую голову учиться, стремиться избавиться от того религиозного невежества, в которое ввергли нас, «самоучек», собственная нерадивость и особенности нашего недавнего исторического прошлого.

А как «плавали» мы, как бродили в сумерках на обсуждении советского фильма «Посетитель музея» Константина Лопушанского и на дискуссии по поводу последних эстетических статей и исследований фильмов Андрея Тарковского («Сталкер», «Ностальгия» и «Жертвоприношение»), где затрагиваются и философско-религиозные вопросы! Но не унывали, ибо, как гласит русская пословица, «лиха беда начало».

Задуманы циклы просмотров как новейших, поступающих с киностудий, так и старых, из богатейшего книгохранилища Госфильмофонда СССР, лент. Ведь в том самом русском дореволюционном частновладельческом кино, которое за десять лет своего существования (1908–1919) выпустило более 2 тыс. картин, но не успело быть осмысленным с религиозной точки зрения, имеются поистине христианские жемчужины. Например, творчество крупного русского кинорежиссера Евгения Бауэра, проникнутого идеями добра, сочувствия и помощи обездоленным. Все это нуждается в новом взгляде, осмыслении и освещении для широкой публики.

Но, конечно, еще более настоятельна потребность утвердить себя в поддержке всего нового, произрастающего под кровом религиозного возрождения сегодня, готовящегося к жизни.

Для этой цели Христианской киноассоциацией совместно с Союзом кинематографистов Грузии и под покровительством Православной Грузинской Церкви учрежден международный фестиваль христианского кино в городе Тбилиси — древнем и прекрасном городе, православной столице Грузии и всего Кавказа. Целью его является утверждение христианской духовности в современном кинотворчестве, пропаганда фильмов высокого художественного качества, основанием которых служат христианские ценности.

Первый фестиваль намечено провести в апреле 1991 года — с 10 по 16-е, из которых пять дней будут посвящены показу конкурсных и вне-

конкурсных картин, а два дня — симпозиуму, специальным заданием которого будет укрепление контактов между Востоком и Западом. В конкурсе фестиваля будут приниматься 15 полнометражных художественных и 10–15 полнометражных документальных картин. Главный приз (Гран-при) будет красивым: это скульптурный Белый Агнец с золотым Крестом. Кроме того, устанавливаются: приз Грузинской Православной Церкви, специальный приз жюри за лучшую режиссуру, актерское исполнение и так далее. Интернациональное жюри из 7 человек, деятелей Церкви и кинематографистов, назовет призеров.

Думаю, что для первого крупного творческого события в жизни Христианской ассоциации — фестиваля — место выбрано удачное: на древней православной земле, близ Новоафонского монастыря и священного собора Сиони, над зеленой рекой Курой, у подножья горы Святого Давида, где на кладбище Мтацминды покоятся Александр Грибоедов и великий грузинский поэт Важа Пшавела, творцы, подвижники, монахи...

Да поможет нам Господь совершить задуманное!

Нея Зоркая[1]

Церковная печать[2]

Вскоре после Октябрьского переворота выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин дал такую оценку своей эпохе: «Историческое время, выпавшее нам на долю, исполнено великого и глубокого значения: это эпоха чрезвычайной насыщенности, напряженности, эпоха крушения, подводящего итоги большому историческому периоду, это время испытания: совершается как бы некий исторический и духовный смотр, жизненная ревизия человеческих духовных сил, укладов и путей».

Слова эти, справедливые для своего времени, подходят и для описания нашего, также очень насыщенного, напряженного времени, подводящего итоги значительного исторического периода, который принес нашему народу невиданное множество великих испытаний и скорбей. «Кровь мучеников — семя Церкви» — это слова древнего христианского апологета приложимы к любой эпохе, каждой стране, народу. Справедливо это и для России. Кровью, проливаемой за Христа, наши предки утверждали Церковь на земле. Во время неслыхан-

[1] Историк кино, член Совета Христианской Ассоциации.

[2] Русское возрождение. 1990. III. № 51. С. 151–170.

ных гонений зерно давало росток, он креп в гонениях, и вот теперь к православию с надеждой обратились взоры тысяч и миллионов наших соотечественников, исстрадавшихся в удушливой атмосфере бездуховности и безнравственности, лжи и насилия. Они ждут от Церкви нового слова.

Долгие годы в советском обществе существовал миф о Церкви. Понимали ее совершенно по-светски — как организацию, сумевшую самыми странными и различными путями, в том числе обманом и хитростью. сохранить себя, свою сердцевину, свою сущность, — опять-таки не понятную «внешним», но сохранить. Как и почему это у нее получилось? — спрашивали они и не находили ответа. Прочие сколько-нибудь организованные общественные структуры ломались и стирались в ничто тоталитарной властью, не терпящей даже намека на конкуренцию. Любая светская организация, не строящая свою деятельность в полном соответствии с канонами и догматами единственно верного и всепобеждающего учения, а именно марксизма-ленинизма, не могла существовать и действовать. Церковь же продолжала существовать. Внешние видели, что верующие, пусть пожертвовав многим, крестили детей, шли на исповедь к духовнику, отмечали свои праздники при очевидном неодобрении и гонении властей. Внешним такой феномен казался необъяснимым. А в условиях почти полного отсутствия сколько-нибудь достоверной информации довольствовались домыслами. Сколько раз приходилось слышать от людей, неверующих и с реальной жизнью Церкви почти не знакомых, утверждение, что образование в семинарии лучше, чем в университете или что священники — чрезвычайно умные и оборотистые люди, готовые дать фору любому советскому хозяйственнику. Одним словом, мнение о Церкви как организации, — а другого представления о ней в советском безрелигиозном обществе и не могло существовать, — было очень высоким.

Психологически понять это просто. Помимо того, что в душе русского народа всегда есть жалость и симпатия к гонимым и несправедливо обиженным, сработала и многодесятилетняя привычка не доверять тому, что пишут в газетах официальные и, очевидно, продажные авторы. Если что-то критикуют — значит это явление, стоящее внимания. Такой стереотип прочно сложился у наших соотечественников за годы Советской власти. Яркий пример его проявления сегодня — Б. Ельцин, который на гребне острейшей и массированной критики и благодаря ей стал Президентом России.

То же происходило и с Церковью. Критиковали Ее — и к ней относились с симпатией даже неверующие, или, вернее, не знающие о Боге и Его учении, люди. Ныне ситуация изменилась и очень сильно. На смену критике пришло неумеренное восхваление. Однако долго ли это будет продолжаться? Лучше же сегодня разрушать пронесенную через годы гонений любовь к Церкви и религии просто невозможно. Некая журналистка, сама неверующая, недавно остроумно заметила: «Никакая атеистическая пропаганда не сделала столько вреда для религии, сколько неумолчный колокольный звон по радио и телевидению и постоянные, уже привычные бороды на страницах газет». Слишком все это — то, что в будущем законе о свободе совести готовятся назвать «религиозной пропагандой», — назойливо и неуместно, а часто и некомпетентно.

Но, несмотря на безграмотную и часто отвращающую от реальной церковной жизни псевдорелигиозную пропаганду, заполонившую полосы газет и журналов, теле- и радиоэфир, люди пошли в храм. Статистика показывает заметный рост числа крестин, венчаний, отпеваний. Особенно этот рост заметен после 1988 года, когда праздновалось 1000-летие Крещения Руси. Например в Московской области:

1987 г. — 35 323 крестин,

1988 г. — 47 452,

1989 г. — 56 080.

Эти изменения не только количественные, но и качественные. В 1987 году крестящихся в сознательном возрасте, то есть по своему желанию, было около 13 %, в 1989 — уже 29.

Для характеристики отношения в нашей стране к Церкви показательно, как проходили выборы в союзный и республиканский парламенты. Может быть, в первый раз мы имели возможность более или менее свободно без принуждения голосовать (или нет) за альтернативных кандидатов в депутаты.

И вот в парламенты СССР и РСФСР выбраны восемь священнослужителей, 67 священнослужителей по Российской Федерации избраны в местные органы власти. Похожая ситуация и в других республиках.

В стране происходят очень быстрые, может быть, более заметные постороннему глазу перемены в духовной сфере. Конечно, они маскируются неурядицами в экономике, межнациональными конфликтами и т.д. Очевидно, что инициативу постепенно перехватывают светские средства массовой информации с их дилетантским подходом к духовным вопросам. В первую очередь в условиях, непривычных для социа-

лизма, в условиях конкурентной борьбы за читателя печатается то, что читателя интересует. В первую очередь то, что ранее было запрещено. Для повышения тиража это способ беспроигрышный. В очень многих светских изданиях появились рубрики, рассказывающие о православии и других религиях — христианских и нехристианских. Отрывки из закона Божьего, рассказы о праздниках, церковных обрядах, даже проповеди и религиозные беседы.

Вот модная газета «Московские новости» (номер за 17 августа) без всякого комментария публикует на первой полосе фотографию известного московского священника отца Артемия Влидимирова, венчающего молодую пару. Дескать, смотрите, как красиво. И читатели действительно видят: да, красиво, но что они знают о церковном смысле брака, в котором двое венчаются в плоть едину?

А за два дня до этого известная своей скандальной репутацией газета «Московский комсомолец», готовая печатать все, чтобы поднять тираж, публикует интервью с архимандритом Кириллом (Павловым), наместником Троице-Сергиевой Лавры, который почитаем в народе за старца и известен по всей стране. Но делает это она, по хитрому своему обычаю, в окружении рассказов о сексе, которые последнее время публикуются там регулярно. Нельзя винить самого архимандрита Кирилла, отказывавшегося давать интервью и уступившего только под нажимом наместника Лавры. Но свое дело публикация сделала. Она еще на маленькую долю размыла представление обывателя о Церкви, под видом информации из первых рук подав приукрашенную ложь: а именно вопросы о Церкви и о сексе — одного уровня. Кто что хочет, тот то и читай. Узнает ли из таких публикаций читатель больше о Церкви? Нет. Напротив, у него появится лишь самоуверенная возможность при случае заявить: «Церковь? Православие? Как же, знаю, читал».

Тираж у таких газет и журналов массовый, побуждения, вероятно, у многих добрые, хотя есть и очевидные кощунства. Каковы результаты? Самые плачевные. Начитавшись «православных» историй вперемешку с восточными гороскопами, рецептами тибетской медицины и исследованиями о летающих тарелочках и внеземных цивилизациях, доверчивый потребитель массовой информации и в самом деле полагает, что прикоснулся к чему-то светлому и чистому, но уж очень неопределенному и, конечно, непонятному. Самое страшное, что постепенно наступает пресыщение, даже вполне компетентно написанные статьи не воспринимаются всерьез, так как уже успела надоесть тема. Православие стоит в ряду прочих экзотических увлече-

ний и постепенно начинает восприниматься как чудачество, вполне безобидное или даже доброе. Ненависти, конечно, сейчас почти ни у кого уже не встретишь. Но не станешь же всю свою жизнь строить на основе учения, которое считаешь нереалистичным, а его последователей чудаковатыми. Можно зайти в храм послушать пение, поставить свечку перед экзаменом или ревизией, даже крестить детей или обвенчаться, потому что здесь гораздо красивее и торжественнее, чем в государственной конторе, но и все. А в остальном — по ветхозаветной заповеди — око за око. Иначе не прожить. Христианство воспринимается как приятное и праздничное дополнение к жизни, приносящее удовольствия эстетического характера и не накладывающее никаких обязательств перед Богом и ближними. Больше на всякий случай, чем по убеждению, больше потому, что сегодня так модно, а не из-за того, что тонешь в житейском море, и некому спасти, кроме Христа. Отношение потребительское, не творческое, не деятельное...

Не у всех, конечно, бывают исключения, но не на них держится мир. Что можно сделать в такой ситуации? Как привести людей в Церковь сознательно, полных энергии и желания трудиться во славу Божию и ради спасения своей души? Может быть, не публиковать ничего в светских газетах и журналах, где очевидно издеваются над истиной, где кощунственно ставят христианство в ряд с описанием и прославлением самых страшных и гибельных пороков и грехов? Да, конечно, это недопустимо, хотя преждевременно ругать людей, чьи заметки или интервью попали в соблазнительное соседство. Обычно они об этом и не догадываются, пока не увидят материал на полосе. Многие уже и отказываются от такого «сотрудничества», наносящего урон авторитету Церкви.

Не так давно все та же газета «Московский комсомолец», так «удачно» совместившая беседу с архимандритом Кириллом и рекламу духов для секса, с возмущением описала случай, когда руководитель детской воскресной школы при храме Воскресения Христова на улице Неждановой в Москве отец Михаил Дронов не стал разговаривать с журналистами, пришедшими посмотреть, как идет в этой школе обучение. Журналисты с некоторым ироническим высокомерием поучают отца Михаила, что его поступок не совсем христианский, и уверяют читателей, что хотели послужить делу духовного возрождения отечества. Но раз неразумные церковники не понимают своей же пользы, то пусть так и остаются во тьме неизвестности. Им же хуже, — таков подтекст заметки.

Пока этот случай единичен, но он нашел отклик, самый одобрительный среди верующих. Видимо, настает пора, когда после радостно-эйфорического отношения к любой публикации на религиозную тему, только бы не ругательной, подход к отношениям со светской прессой будет строиться на более серьезных основах.

Но в первую очередь необходимо, конечно, развивать церковную прессу. Возможно, помощью в этом будет изучение дореволюционного опыта, когда в России было множество периодических церковных изданий. В библиотеке Московской духовной академии хранится более 200 наименований православных журналов и газет. Впрочем, часто разница между газетой и журналом была невелика и по объему, и по формату, и по периодичности издания. Спектр периодики был необычайно широк. Вот только некоторые названия: «Вестник военного духовенства», «Звонарь», «Вестник приходской жизни», «Миссионерское обозрение», «Монастырь», «Приходской листок», « Религия и школа», «Русский инок», «Церковно-приходская школа», «Церковная газета».

Официальным органом Священного Синода был журнал «Церковный вестник», выходивший еженедельно объемом не менее двух печатных листов. Постоянными сотрудниками журнала были преподаватели Санкт-Петербургских академии и семинарии. Любопытна позиция редакции, заявившей в первом же номере: «От обидного глумления над чужими мнениями... от страстной и задорной полемики с воззрениями, противоположными ее воззрениям, редакция теперь же и навсегда отказывается... Как ни приучена наша читающая публика к “соли” и “перцу” современными органами печати, но редакция “Церковного вестника” охотно пожертвует значительной частью занимательности своих статей и крепости своих известий для того, чтобы сохранить серьезность и спокойствие тона в рассуждениях и избежать искусственной пикантности и тенденциозной фальши в известиях. Иначе она изменила бы достоинству своего журнала как издания ученой корпорации высшего духовного учебного заведения и органа высшего духовного правительства». А вот программное заявление журнала «Вера и Церковь»: «Журнал имеет своей задачей отстаивать непререкаемую инстинность православной веры и жизненную силу ее церковности, завещанной отцами, в противодействие рационализму нашего времени». Журнал «Вера и Церковь», хотя и не был органом Церковного управления, однако одобрен учебным комитетом и рекомендован многими епархиальными архиереями для чтения верующих.

От спокойной, самостоятельной позиции этих изданий отличается позиция начавшей издаваться в 1906 году в Харькове «Церковной газеты». Где сдержанность и академичность изданий, о которых мы говорили выше? Редактор — издатель священник Иоанн Филевский, приват-доцент Императорского Харьковского университета — пишет: «Теперь век трибун, митингов, союзов, общественных организаций. Все партии идут под своим флагом. У всех в виду одна агитация в пользу своего дела. В такое время более всего чувствуется необходимость агитации (разумеется, в самом лучшем смысле слова) и в пользу религии, в интересах христианской культуры, в задачах Церкви...

Необходимо поднять "знамение Христа", знамя духовной победы, победы добра над злом и неправдой, сил и идеалов светлых над темными людьми и идеями. Является нужда в культурных органах печати для пропаганды этих идеалов и этого добра».

Как видим, история церковной печати дает достаточный простор для выбора образца подражания или материала для учебы и систематизации опыта. И сегодня в России создается православная христианская пресса. Известно, что долгое время официальным и единственным органом РПЦ был «Журнал Московской Патриархии». Он издавался небольшим тиражом и распространялся по храмам очень ограниченно, среди священников, настоятелей и старост.

После 1985 года — начала так называемой перестройки — стало возможно издавать самодеятельные журналы или альманахи, такие как «Слово», «Беседа», «Выбор», «Амвон». Наконец, в первой половине прошлого, 1989, года вышел первый номер православной общецерковной газеты, органа Московской Патриархии «Московский церковный вестник», объявленный первоначально еженедельником. Однако до сего дня он выходит всего раз в две недели. Тираж доныне невиданный: 250 тысяч экземпляров. Минимум места газета отводит официальным сообщениям о назначении новых епископов, передвижениях по кафедрам и некрологам. Большая же часть — оригинальные материалы сотрудников газеты и ее авторов. Постоянные рубрики: «Проповедь», «Из святоотеческого наследия», «Пастырская беседа». Проповедь часто современных священников или епископов, иногда уже умерших, но всегда актуальные современные темы. Рубрика «Пастырская беседа» задумана для того, чтобы читатели газеты могли найти в ней ответы на волнующие их вопросы. Тема подбирается по письмам или где-то из светской периодики. Специально приглашенный редакцией священник, которому эта тема близка, отвечает читателям. Иног-

да приходится посвящать одной теме несколько номеров. Например, об экстрасенсах и парапсихологах, заполонивших средства массовой информации, беседы публиковали не один раз: для устранения большого соблазна необходимо и сильное противодействие.

Иногда выходят и внеочередные, экстренные номера, как, например, посвященный первому фестивалю православных фильмов в Москве этой зимой или смерти патриарха Пимена, который был выпущен через три дня после похорон. Для Издательского отдела Московского Патриархата такие сроки невиданны. В «ЖМП» информация публикуется с многомесячным опозданием.

В газете два отдела: «Церковная жизнь» и «Церковь и общество». Первоначально был и богословский отдел, но затем было сочтено, что богословская окраска должна присутствовать во всех материалах газеты.

В последнее время газета, помимо храмов, распространяется и агенством «Союзпечать» в Москве, и продается в киосках вместе с прочими светскими газетами. Однако здесь она испытывает некоторые трудности в распространении. Первое время ее раскупали очень быстро, видимо, из-за новизны и неудовлетворенного любопытства на «запретное». Однако первое любопытство теперь удовлетворено, и газету стали покупать только постоянные читатели, которые, видимо, с удовольствием подписались бы на нее, будь у них такая возможность. Однако подписку провести сегодня невозможно из-за сопротивления Совета по делам религий и Союзпечати.

Это то, что касается центральных изданий. Однако возникают и региональные. Принятое в начале года решение об образовании Белорусского экзархата и предоставлении большей самостоятельности Украине способствовало возникновению там самостоятельной церковной прессы. Это Минские епархиальные ведомости и Вестник Украинского экзархата. Возникают и епархиальные издания. Например, в Костроме издается первый год замечательная газета — ежемесячник «Благовест». Издатель его — Костромское епархиальное управление, но делает его один верующий писатель, пожертвовавший ради святого дела своими литературными трудами и отдающий все свои силы и все время газете.

Заметна разница в подходах редакторов этих газет. В Московской газете, конечно, больше сил и возможностей, сотрудники ее собирают материалы и факты текущей церковной жизни для быстрой их публикации... Приоритет здесь имеют материалы оригинальные, написанные специально для газеты на темы, иногда прямо и не относящиеся

к церковной жизни, такие как, например, милосердие и благотворительность, священник в парламенте и т. д. В Костроме по недостатку сил такой подход невозможен... Основы газеты — републикации, подборки на заданные темы из святых отцов, из других церковных изданий, давних или современных. Но газета от этого не проигрывает. Наоборот, она кажется гораздо более цельной и последовательной, чем «Московский Церковный вестник». В епархии на нее гораздо больший спрос, чем на московскую газету. Однако из-за недостатка бумаги выходит она мизерным тиражом в три тысячи экземпляров и не удовлетворяет потребностей даже епархии, не говоря уже о соседних областях и Москве, где газету с удовольствием стали бы читать многие.

Похожий подход и у газеты «Православное чтение», цветной восьмиполосной газеты, которая издается лишь с начала этого года Московским Патриархатом. Заметно, что авторов у газеты больше, возможности, в том числе и полиграфические, значительно шире, однако по стилю они похожи. Та же неспешная, более характерная для журнала, а не для газеты подача материалов. Однако, судя по всему, новая газета и не гонится за актуальными материалами, не бежит давать срочные отклики на только что произошедшие события и находит своего читателя.

Нельзя сказать, что и все светские издания так плохи. Огромной популярностью заслуженно пользуется литературная газета, выходящая в Иркутске, в издании которой принимает большое участие известный русский писатель Валентин Распутин. Там публикуются преподаватели академии и семинарий, известные священники и духовные публицисты. Несмотря на малый тираж (15 тыс. экз.), газету передают из рук в руки, делают копии и знают хорошо и в Москве. Номера чаще всего тематические, всегда выдержаны в строго православном духе. Несомненно, это одна из самых лучших газет, освещающая проблемы Церкви, несмотря на то, что по принадлежности она нецерковная.

Ситуация в обществе сегодня критическая. Общество возвращается ко Христу, и одновременно идет процесс извращения и профанации православия в средствах массовой информации. Что проходит интенсивнее? Вернется ли русский народ к Богу или заблуждения атеистические сменятся заблуждениями псевдорелигиозными? Пока ответа на этот вопрос нет. Это зависит от нас.

Идет духовная битва и любая помощь неоценима. Победа в ней иногда кажется невозможной, но Бог молитвами святых Своих, которыми еще и держится наша земля, может сделать невозможное.

Михаил Дудко

Обращение[1]

Дорогие соотечественники!

Обращаемся к вам, волей и неволей по разным причинам покинувшим отчую землю, но признающим ее своей исконной Родиной или Родиной своих предков.

Мы знаем, что вдали от Отчизны большинство из вас хранит «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам».

Свобода, которую обретают ныне народы нашей страны, позволяет нам, наконец, по человеческой и Божьей правде взглянуть на трагедию, разделившую нас в братоубийственной гражданской войне, унесшую жизни миллионов россиян и еще миллионы обрекшую на изгнание. Если прибавить к этому продолжавшееся десятилетиями чудовищное истребление мирных людей, то горестный итог потерь нашего народа становится поистине неисчислинным и невосполнимым, но мало оплакать погибших, осудить идеологию и практику массового насилия и убийства. Время требует напрячь ум и совесть для того, чтобы приблизить Возрождение России.

Получено нами от Конгресса русских американцев.

Редакция

Мы обращаемся к вам с братским призывом объединить разбросанную по миру душу России, разбудить ее национальное достоинство. Время возродить лучшие традиции Российской государственности, объединить наши усилия во врачевании ран, нанесенных нашей культуре, традициям, совести за долгие годы российской кровавой трагедии.

Мы хорошо знаем, какой мощный духовный и интеллектуальный потенциал накоплен в российском зарубежье. Стена отчуждения и непонимания, воздвигнутая между нами, уже начала крошиться. Она может и должна окончательно рухнуть.

Мы призываем вас, наших соотечественников, продолжать и далее сохранять и передавать из рода в род унаследованные от наших предков лучшие культурные и духовно-нравственные традиции, приобщать к ним не только молодое поколение российского зарубежья, но и культурные слои тех стран, где вы проживаете.

Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы наши соотечественники, куда бы их не забросила судьба, могли ощутить тепло наших сердец

[1] Русское возрождение. 1991. II. № 54. С. 170–173.

и искренность братских чувств. Мы стремимся к укреплению связей между россиянами, живущими на территории России и за ее пределами, проведению встреч между ними, взаимного обогащения культурными и духовными ценностями, изучению родного языка, углублению и развитию деловых контактов, осуществлению совместных благотворительных акций и программ милосердия, сохранению и преумножению отечественных традиций, преодолению наследия старой и угрозы новых гражданских войн.

Дорогие зарубежные друзья, в г. Москва создан Оргкомитет для подготовки международного Конгресса соотечественников. Оргкомитет объединяет общественные организации, фонды, политических и культурных деятелей, олицетворяющих новую демократическую Россию, ставящих своей целью ее возрождение объединенными усилиями всех россиян, где бы они не находились. Мы приглашаем вас к участию в Конгрессе, который состоится в августе-сентябре 1991 года. Наши сердца, наши двери открыты для вас! Мы надеемся, что совместное участие в Конгрессе откроет возможности широкого общения между нами во всех сферах жизни. Сделаем нашу Отчизну по-настоящему отчим домом для всех ее сынов и дочерей!

В программу Конгресса предполагается включить:

семинары, встречи деятелей науки, культуры и искусства, деловых людей;

фестиваль искусств «Российское зарубежье»;

историко-философские дискуссии «Пути России»;

серия поездок и встреч «Малая Родина», «Генеалогическое древо»;

выставки русских мастеров и художников;

паломничество по святым местам: посещение знаменитых российских монастырей, храмов и святынь и многое другое.

Оргкомитет Конгресса соотечественников
Председатель рабочей группы Оргкомитета М. Н. Толстой
адрес: 123865 Москва, Краснопресненская наб. 2
телефон: 205-41-87 факс: 205-55-26

Памятник царственным мученикам[1]

САМ ПАТРИАРХ ВСЕЯ РУСИ Алексий II освятил мемориальный камень «Памяти царственных страстотерпцев и новомучеников Российского императорского дома Романовых», который был открыт на Ваганьковском кладбище. Скоро на памятнике будет высечен список из 19 человек царской семьи, а пока верующие ставят свечи у мемориала и возлагают цветы.

Московское лето 1991 года[2]

Дорогая...

С большой радостью получила Ваше письмо. Воспоминание о паломничестве с мощами Преподобного Серафима, я думаю, одно из самых значительных в моей жизни. С той поры произошло многое. Я попробую пересказать Вам мои впечатления. Впечатления «человека изнутри», так как все это время неотлучно я находилась в Москве.

Начать мне хотелось бы со дня 19 августа. Тогда нас, представителей Дворянского собрания, пригласили в Успенский собор Кремля на Литургию, которую служил Святейший Патриарх. Тогда еще утром небо было безоблачным и в прямом, и в переносном смысле. Смутные слухи уже бродили по Москве, но спокойствие еще ничем не было возмущено. И буквально за несколько часов все изменилось.

Я находилась сначала в соборе и внимательно вглядывалась в лица стоящих там людей. Мне, безусловно, было интересно понять, какие они, те, кого мы привыкли называть словом «эмигранты».

Очень радовало то, что слово это не звучало в те дни. Оно было заменено другим, более теплым и, если можно так выразиться, достойным — «соотечественники». В то утро в Успенском соборе я смогла убедиться, что это так. Волнение столь очевидно читалось на лицах, напряженное внимание угадывалось в каждом жесте, молящиеся не скрывали слезы радости и грусти — и я понимала, что происходящее сейчас в храме имеет огромное для них значение.

Но тучи сгущались. Выйдя из собора, мы ощутили носившуюся в воздухе тревогу. Наши господа-дворяне собирались группками, обсуждали возможность добраться до помещения Дворянского собрания при условии, что все пути перекрыты бронетранспортерами. Об-

[1] Перепечатано из газеты «Московский комсомолец», апрель 1991 г. (Русское возрождение. 1991. II. № 54. С. 99).

[2] Русское возрождение. 1991. III–IV. № 55/56. С. 151–165.

становка становилась все более грозной. Но все же 20 августа вечером многие из нас пришли в Собрание.

Я застала там ситуацию эвакуации. Все архивы, все документы были уже вывезены — опасались погрома. Мы понимали, что в новых условиях наша организация неизбежно будет объявлена вне закона. Но сдаваться не собирались, разумеется. Наша комнатка в Собрании превратилась в импровизированный штаб. Телефон не умолкал. Звонили из Петербурга, рассказывали о митингах и буре протеста, которую вызвал там переворот. Вице-предводитель К. Д. Самарин держал регулярную связь с Верховным Советом, договаривался о том, у какого подъезда Белого дома будет в эту ночь находиться отряд дворянской гвардии (она формировалась тут же, у нас на глазах). Сам князь А. К. Голицын был в Германии, но прилетел 21 августа в Москву. Наши дамы (те, кто живут вблизи от Белого дома) готовили термосы с чаем, бутерброды, чтобы вечером, ночью и днем подкормить уставших и продрогших защитников этой тогда единственной цитадели демократии в Москве.

О работе Конгресса соотечественников Вам уже хорошо известно из других источников. Да ведь и о. Александр все это время находился в Москве. Я присутствовала на пресс-конференции с Владыкой Василием (Родзянко) 29 августа. Могу сказать только, что пресс-центр Конгресса в гостинице «Россия» не смог вместить всех стремящихся туда журналистов. Позиция Русской Православной Церкви в период государственного переворота и реакция Церкви на эти события, безусловно, интересовали многих и многих.

Промыслом Божиим назвал Владыка то, что после 74 лет разобщенности встретились в эти дни соотечественники. Как важно было слышать нам, что «изумительная, Свято-Тихоновская позиция» Патриарха Алексия II в дни путча разрушит, по мнению епископа, барьеры между Православной Церковью за рубежом и Русской Православной Церковью. Взволнованно зачитал он воззвание Святейшего Патриарха к народу, властям и воинству. На вопрос об итогах Конгресса Владыка ответил так:

«Мы, представители четырех православных юрисдикций, направили письмо о единстве Церкви Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II и Первоиерарху Русской Православной Церкви За рубежом митрополиту Виталию.

Мы хотим, чтобы русские люди увидели — мы здесь с ними вместе. Наступило время для нас трудиться совместно на благо *нашей* Церкви».

Но все же в дни Конгресса дворяне, разумеется, общались с соотечественниками. Только общение это было больше личное и дружеское. Поэтому и возникла необходимость устроить тот прием, о котором Вы упомянули в своем письме.

Позволительно ли будет мне переписать почти без изменений тот небольшой информационный материал, который я подготовила для альманаха «Дворянское собрание» об этом приеме.

Они впервые увидели друг друга утром 19 августа в Успенском соборе Кремля. В этот день не получилось общения у Российского Дворянского собрания и соотечественников из-за рубежа. Не получилось по вполне понятным причинам.

Но встретились они еще раз, уже в последние дни Конгресса, 30 августа, когда Дворянское собрание давало прием в их честь. Местом этой встречи стал очень гостеприимный дом — издательский отдел Патриархии, который без преувеличения можно назвать одним из чудес света нашей современности. Он был построен в том году, в котором премьер Советского Союза Никита Хрущев обещал показать по телевидению последнего священника, то есть в 1981. И хозяином, «окормлявшим» в этот вечер их, чад общей Матери-Церкви, был митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

Начался прием вполне традиционно: с молитвы, с приветственных речей и выступлений. Слава Богу, не было общих и пустых фраз, обязательных, но равнодушных по сути. Поначалу, наоборот, волнение, с которым трудно справиться, сказывалось предательскими паузами в словах.

Говорили, конечно, о том, что тогда было у всех на устах — о событиях 19–21 августа. Предводитель Дворянского собрания князь А. К. Голицын назвал их самыми значительными после большевистского переворота в 1917 году: «Мы можем только грустить о тех отцах и дедах наших, которые мечтали дожить до этого дня и не дожили. Мы уверены, рассчитываем на то, что Российскому дворянству и в Отечестве и в Зарубежье теперь предстоит сыграть достойную роль в возрождении нашей общей Родины. Для нас так важно сейчас соединиться в России, и я призываю вас к содружеству».

Как уместно звучали эти слова в стенах, где все взывает к взаимной любви, доверию, терпимости друг к другу. И естественным продолжением их было то, что выразил, как всегда, емко и точно Владыка Питирим: «Страна наша находится в сильном внутреннем кипении. Сейчас

у нас основная забота — восстановить, поднять Россию. И формула, по которой мы действуем, — это объединение лучших сил того душевного благородства, которое сохранилось в Церкви, науке, промышленности. Нам нужна помощь: духовная, физическая и помощь наших великих благотворительных традиций. Дай вам Бог вернуться домой с чувством необходимости быть вместе, здесь, в своем собственном Русском доме».

Это пожелание, можно быть уверенными, легло в растроганные сердца наших зарубежных соотечественников, многие из которых установили не только дружеские связи с российскими дворянами, но неожиданно для себя нашли и родственные. В этот вечер впервые виделись троюродные братья и сестры, племянники и тетушки. Собирались небольшими группками, узнавали друг о друге, знакомили со своими друзьями и близкими.

...Они уже уехали к себе. Неправильно говорить — на Родину. Потому что верно сказал князь Алексей Павлович Щербатов: «Мы остались такими же русскими, как и вы. Вам было очень трудно по сравнению с нами, но вы выжили. Я кланяюсь вам низко и уверяю: мы вас поддержим всегда».

И еще несколько слов в дополнение о приеме (это то, что мне запомнилось и чем хочется с Вами поделиться).

В своем выступлении в начале вечера князь А. К. Голицын сказал несколько слов и о Дворянском собрании. О том, что было оно образовано более года назад, в мае 1990 года. И главная наша задача, была и остается, — это возрождение дворянского сословия как культурного, нравственного сословия, возрождение дворянских традиций во всех сферах жизни. И, безусловно, одна из главных задач — воспитание молодого поколения, поскольку за годы советской власти мы многое утратили и сильно отличаемся от наших предков. Все мы восприняли слой советизации в большей или меньшей степени, и поэтому особенно важно возродить заветы, оставленные нам предками. А русская эмиграция, считает Андрей Кириллович, сумела сохранить эти традиции до сегодняшнего времени. И важно для России, чтобы эти традиции возвращались к нам сюда. У нас, впрочем, есть много подтверждений тому, что русское зарубежье по-разному относится к Союзу российского дворянства (например, нас часто называют «красными» или «советскими» дворянами, упрекают в «неизбежных связях с КГБ» и т.д.).

Я вспоминаю эти слова князя не для того, чтобы посетовать на несправедливое отношение к нашему Союзу. Ведь атмосфера, царившая

в этот вечер в Издательском отделе Патриархии, показала нам пример иного, безусловно, приязненного отношения. Речь идет о том, что задачи наши серьезны, глубоки и что начинать нам необходимо *с самих себя* прежде всего.

Вот незаметно я и подошла к следующей теме моего «отчета» — деятельности современного Дворянского собрания. Попробую дать Вам об этом некоторое представление. Наш Союз пока располагается в месте, святом для каждого россиянина. Это Колокольня и Братский корпус Знаменского монастыря вблизи Красной площади. Эти древние стены напоминают приходящим сюда, что нынешняя наша деятельность уходит корнями в тысячелетнюю историю Отечества. Верой и правдой дворяне служили России. Видимо, мне нет нужды перечислять эти заслуги. Это все факты истории, хорошо известные каждому русскому человеку.

Мне вспоминаются сейчас слова князя Голицына, сказанные им 19 октября 1990 года на презентации Дворянского собрания в зале Дома Союзов (некогда здесь располагалось Благородное собрание): «Дворянское сословие — равное среди других сословий России». И это не уступка времени, реалиям сегодняшней жизни. Это — позиция. Действительно, нами руководят не сословные претензии и униженное самолюбие, не патриархальное желание вернуть, так сказать, «все на свои места». Мы хотим, мы верим в безусловное, скорое пробуждение России. Пока нас немного — чуть более тысячи человек. Вместе с членами семей — это около трех тысяч. Но с каждым месяцем становится все больше. Те ветерки свободы, что несколько лет назад неожиданно повеяли над нашей страной, всколыхнули в душах людей глубоко запрятанные чувства. И каждый четверг — это приемный день в Собрании — к нам приходят десятки людей. Они очень разные, те, кто вспомнили о своем дворянском происхождении. Среди них и седовласые, много пережившие люди, и очень молодые, робко переступающие порог кабинета, где заседают Геральдическая и Приемная комиссии. Представителями старшего поколения руководит желание восстановить когда-то жестоко попранное достоинство. В силу возраста они не в состоянии активно участвовать в нашей деятельности. Люди помоложе идут к нам еще и потому, что хотят быть причастными к реальным делам Союза. Но главное — желание быть вместе, обрести единомышленников, встретить близких по духу людей.

Различен и образовательный ценз, и социальная принадлежность «претендентов в дворяне». Нас это не отпугивает. Мы прекрасно по-

нимаем, что в скором времени нельзя ждать восстановления утраченного. Понадобится работа не одного поколения, дабы дворянство стало дворянством в полном смысле этого слова.

Для каждого вступающего необходимо заполнить анкету, или «родословную справку», как она у нас называется. (Раздает их, как правило, председатель Приемной комиссии граф Н. Н. Бобринский.) Некоторые читают вопросы с явным изумлением. В анкете нет, например, привычной для каждого советского человека графы о национальности, но есть естественный для нас вопрос о вероисповедании. И это, пожалуй, особая тема для разговора.

Мне опять же вспоминаются в связи с этим слова князя Голицына. Они очень точно характеризуют тему «православие и дворянство».

«Потомкам российских дворян, — говорил он, — нужно искренне обратиться к Русской Православной Церкви, уповая на ее благословение и покровительство. Принципы христианской морали должны стать во главе нашей общественной деятельности. Смирение, а не гордыня должно быть нашей путеводной звездой. Мы должны исповедовать христианскую терпимость и уважение к личности, к ее политическим и духовным воззрениям».

Тема эта уходит корнями в прошлое. Вспомним о том, что в давние времена дворяне всегда были там, где Церковь Христова нуждалась в защите. Дворянин служил своему государю не как человеку, а как помазаннику Божию, принявшему скипетр власти через Церковь от самого Христа. Верность престолу и алтарю были главной доблестью дворянина. Отец первого государя из рода Романовых патриарх Филарет начал трудиться над возрождением родины, прежде всего возрождая и укрепляя Церковь. Последний российский государь незадолго до своей мученической кончины призывал нас не мстить за былое, а простить врагам все обиды, «всех жалеть и всех любить». И Дворянское собрание сегодня стремится под благодатную сень нашей Православной Церкви.

Вы уже знаете, что наше общество старается вместе с Православной Церковью переживать все значительные события религиозной жизни. Наше паломничество из Москвы в Дивеево — доказательство тому. Но не столько участием в патриарших богослужениях, присутствием на праздничных службах мы пытаемся утвердить свою приверженность Православной Церкви. Ведь и она в годы тоталитаризма и победного шествия бездуховности понесла тяжкие потери. Своими скромными силами мы хотели бы оказать ей хоть некоторую помощь.

Поэтому при Собрании создан благотворительный фонд «Некрополь», который призван материально и физически (то есть личным трудом его членов) восстанавливать православные религиозные святыни. Идею эту высказала наша Молодежная секция. И теперь молодежь работает в Донском монастыре над реставрацией кладбища и, насколько я знаю, не отказывается ни от какой предложенной работы.

Возможности наши, конечно, ограничены. В финансовом отношении Дворянское собрание пока еще очень стеснено. Ведь та пропасть, в которую безудержно падает сейчас наша экономика, затягивает в себя с центробежной силой все и вся. И тем не менее...

Из многих и многих святых мест России, взывающих к помощи, мы выбрали для нашего особого внимания и покровительства одно — Вышинскую женскую пустынь Рязанской епархии. Это один из самых бедствующих ныне возрожденных монастырей русской земли. Насколько возможно, оказываем ему поддержку. В начале лета этого года около сорока человек из Дворянского собрания совершили паломническую поездку в монастырь, работали по восстановлению его храмов, находящихся ныне в поистине ужасающем состоянии.

Достаточно сказать, что в одном из них — величественном, монументальном Казанском соборе, построенном в 1844 г. в лучших традициях классицизма, — многие годы находился склад ветоши и морг. В другом — изящном, белом, устремленном ввысь Успенском соборе — свалка. А на самой территории монастыря до сих пор располагается психиатрическая лечебница. «Мерзость запустения» такова, что поразила даже нас, уже, казалось бы, привычных ко всему.

С тех пор мы несколько раз посылали монастырю деньги и продукты. Будем и впредь, я надеюсь, иметь такую возможность.

Я думаю, Вам небезынтересно узнать и о других реальных делах Дворянского собрания.

Недавно открылось при Союзе малое предприятие «Герольдия», которое занимается генеалогическими изысканиями по заказам господ потомков. Ведь в бурях последних семи десятилетий разрушались семьи, исчезали семейные реликвии. Люди сами уничтожали опасные документы. Поэтому многие сегодня только словесно утверждают свое дворянское происхождение, пребывая в растерянности — где искать утраченные свидетельства. Вот здесь им на помощь и приходит «Герольдия».

В сентябре этого года на базе одной из московских школ открылся «Дворянский лицей». Набран один класс ребят, которые будут учиться

по программам, разработанным Дворянским собранием. В их учебной программе: Закон Божий, этика, риторика, искусство общения и другие нетрадиционные предметы. Создание лицея мы считаем нашей большой победой за прошедший год.

В январе выйдет в свет первый номер альманаха «Дворянское собрание». Кстати, наши зарубежные соотечественники тоже могут подписаться на него. Стоимость одного номера — 15 долларов, годовой подписки — 60 долларов. Деньги следует перечислять на расчетный счет № 1700307 в Пролетарском отделении ПСБ г. Москвы. Альманах «Дворянское собрание».

Ну, вот, пожалуй, пока все...

Наталия Яковлева[1]

Ниже мы публикуем письмо из России о восстановлении храма Христа Спасителя (Спас-на-водах) в Санкт-Петербурге. Этот храм является памятником русским морякам, погибшим при исполнении долга. Мы надеемся, что чины русского флота откликнутся на это воззвание.

Редакция[2]

Досточтимый отец Александр,

22 ноября 1990 года в городе на Неве зарегистрирована общественная организация — Фонд восстановления храма Христа Спасителя (Спас-на-водах). Как известно, этот храм был построен в Петербурге в 1911 году на народные пожертвования, собранные по всей России в память о русских моряках, погибших в русско-японской войне 1904–1905 гг. Храм стал святыней флота и русского народа. Он был символической братской могилой моряков, в нем хранились бесценные реликвии. Перед корабельными иконами и бронзовыми досками с именами всех павших героев: от адмирала до матроса включительно — горели неугасимые лампады. Со всех концов необъятной России приезжали русские люди, чтобы почтить память моряков-героев.

Безвозмездно трудились над храмом известнейшие отечественные художники, скульпторы, архитекторы: В. М. Васнецов, Б. М. Микешин, Н. А. Бруни, Н. К. Рерих, М. М. Перетяткович. Прообразом храма послужил древний Дмитриевский собор во Владимире XII века.

[1] Автор этого письма является секретарем Дворянского собрания в Москве.

[2] Русское возрождение. 1991. III–IV. № 55/56. С. 202–205.

За год с небольшим храм был возведен на пересечении Ново-Адмиралтейского канала и Невы. Освящение храма сопровождалось парадом военных кораблей.

По изображению в алтаре храма Спасителя, шествующего по бурным водам, народ назвал храм — Спас-на-водах.

Во время Первой мировой войны, когда русские моряки вновь явили миру образцы бесстрашия и геройства, в стенах храма умножились скорбные реликвии: сюда была помещена корабельная икона крейсера «Паллада», обнаруженная на месте гибели корабля, ушедшего на дно Балтийского моря со всем экипажем.

Судьба храма неотделима от судьбы России. Эта народная святыня была безжалостно уничтожена в 1932 году. Бесследно исчезли реликвии храма. По отдельным сведениям, доски с именами моряков были отправлены в переплавку, некоторые из них видели в мясных отделах магазинов — на них рубили мясо. Возможно, значительная часть святынь храма находится сегодня за границей...

О широкой известности храма свидетельствуют появившиеся в последнее время публикации в прессе, передачи по телевидению и радио — не удалось-таки вытравить в сердцах людей память о храме и совершенном над ним злодеянии.

Процесс обретения национального самосознания коснулся и флота России, который имеет прямое отношение к разрушенному храму и чьи представители заявили о своей готовности внести свой вклад в дело установления храма, рассматриваемое сегодня, как часть Великого Дела возрождения России.

Благословение на службу отечеству молодых офицеров Военно-морского флота в стенах Кафедрального Николо-Богоявленского собора — реальность наших дней, такая же, как и православные службы в дни великих дат, связанных с историей России, ее флота.

Во многом благодаря строителю храма инженеру Н. С. Смирнову, издавшему в 1915 году книгу о Спасе-на-водах, сохранились в целости чертежи, по которым строился храм, фотографии, схемы, таблицы. Весной 1990 года были раскопаны фундаменты храма — мы убедились, что они вполне пригодны для повторного использования. В день 85-летия Цусимского боя, близ места, где когда-то стоял храм, был торжественно заложен камень будущего памятника русским морякам, мимо которого в парадном строю прошли воспитанники Нахимовского училища с развернутым Андреевским флагом...

Фонд восстановления храма Спаса-на-водах получил благословение его Высокопреосвященства митрополита Иоанна. Храм намечено восстановить как действующий.

Так случилось, что на протяжении одного столетия дважды произойдет сбор средств на строительство русского морского храма, дважды прозвучит воззвание со словами, напоминающими русским о долге памяти — и представляется очень важным, чтобы слова эти достигли и русских людей, волею судьбы оказавшихся за границей. Учредители Фонда хотели бы видеть в составе особого комитета по сбору пожертвований представителей русского зарубежья, особенно тех, кто имеет отношение к морской истории отечества, кто неравнодушен к идее восстановления храма-памятника погибшим русским морякам.

Трудности, стоящие перед нами, несомненны, тем не менее сознание необходимости восстановления исторической справедливости, связанное с выздоровлением русского национального организма, придает и силы, и уверенность в благополучном завершении наших общих трудов.

Досточтимый отец Александр! Прошу простить за столь пространное письмо, однако выскажу надежду о небесполезности для Вас этих сведений.

С уважением,

Председатель правления Фонда
Бельков Владимир Александрович
Почтовый адрес:
СССР, г. Выборг, ул. Большая Каменная, д. 5, кв. 58
Белькову В. А.

Ответ о. А. Киселева (Нью Йорк) о. Л. Лебедеву (Москва) по вопросу церковного раскола, учиненного в Русской Православной Патриаршей Церкви[1]

Глубокоуважаемый батюшка, отец Лев!

Получил Ваше «открытое письмо», датированное 6.11.92 г. и отосланное из Св.-Троицкого монастыря марта 10.93 г., которое зовет меня к участию в словопрениях по вопросу церковного раскола, в полезность чего я не верю.

Боюсь, что сейчас такое время, когда многие люди стали думать, что они живут в Церкви строго по канонам и свв. подвижникам древ-

[1] Русское возрождение. 1992/1993. IV–I. № 60/61. С. 94–96.

ности. Однако это вряд ли возможно без известной осведомленности и духовного прозрения. Не у всех ли свв. отцов Церкви светится сознание, что первым показателем здоровья наших душ является видение своих собственных грехов? Так ли у нас теперь? Достаточно прислушаться к разговорам, в которых пестрят выражения: «это не канонично» или «это же ересь!». Было бы хорошо, не будь это пустословием, при котором всем доступная евангельская простота и ясность, из которой выросли наши свв. отцы, отходит на второй план. И это страшно.

Милость превозносится над судом... и даже иногда вопреки букве закона.

Закон ветхий воспрещает труд в день субботний... «В одной из синагог учил Он в субботу. Там была женщина, осьмнадесят лет имевшая духа немощи: она была скорчена, и не могла выпрямиться. Иисус, увидев ее, подошел и сказал ей: женщина! ты освобождаешься от недуга своего. И возложил на нее руки; и она тотчас выпрямилась, и стала славить Бога. При сем начальник синагоги сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний. Господь сказал ему в ответ: лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить? Сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже осьмнадесят лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний? И когда говорил Он это, все противившиеся Ему стыдились; и весь народ радовался о всех славных делах Его» (Лука 13.10–17).

Последнее, окончательное слово, завершающее историю земли, о чем оно? На Страшном суде о чем спросят каждого человека?.. «И соберутся пред Ним все народы...» — Все! не только русские, не только православные, не только члены РПЦ За рубежом, но все будем судимы не по принадлежности, а по делам нашим: напоили, накормили, посетили... (Мтф 25. 31–45), т.е. по тому нравственному нашему действию, которое возрастает только из любви. Любви не умственной, формальной, законнической, но из искренности горячего человеческого сердца.

Мне кажется, дорогой батюшка, что споры по церковным вопросам — кто прав, кто виноват — никого из спорящих убедить не могут. Любые факты, сноски на законы и авторитеты всегда могут быть истолкованы по-разному. Занимаясь этим соревнованием, Валаама и его ослицы, мы бьем друг друга текстами, как Валаам палкой бил свою ослицу. Хорошо бы нам помнить, что не только твоему оппоненту, но даже и животному может быть дано видеть то, что не видишь ты. Потому лучше избегать споров, при которых сразу хватаемся за словесную палку.

Как легко мы достигли бы мира и братолюбия, оказались бы на высоте своего пастырского служения, если бы в самой глубине наших сердец зазвучали древние слова: «Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш... » (Ис 40.1).

С пожеланием Вам милости Господней остаюсь Ваш собрат

протопресвитер Александр Киселев

Москва, 21 июня 93 г.

Спасительное пристанище[1]

Из истории нашего храма и больницы

В больнице обязательно должен быть храм. Русские люди уже убедились на горьком опыте, что отделить больницу от Церкви — это значит отделить страждущих людей от милосердия и любви и лишить их всякого духовного утешения.

В состав современной 1-й Градской входят три в прошлом самостоятельные больницы: 1-я и 2-я Градские и Голицынская. На ее территории находятся три храма, один из которых — храм святого благоверного царевича Димитрия — был заново освящен в 1990 году.

Храм Благоверного Царевича Димитрия и Голицынская больница

Князь Димитрий Михайлович Голицын много лет провел за границей на дипломатической службе. В 1793 году он умер в Вене, завещав значительные средства «на заведение в столичном городе Москве богаделен и больниц или других каких-нибудь боголюбивых и отечеству полезных учреждений».

Через несколько месяцев после кончины князя Димитрия Михайловича был Высочайше утвержден проект больницы, представленный его душеприказчиками князьями Александром Михайловичем и Михаилом Михайловичем — двоюродными братьями покойного.

По уставу больницы, начальствовать ею полагалось главному директору из рода Голицыных, который при жизни своей должен был избрать себе преемника. Первым главным директором стал князь

[1] Перепечатано из «Листка больничного храма святого благоверного царевича Димитрия» № 2. — *Примеч. сост.* (Русское возрождение. 1992/1993. IV–I. № 60/61. С. 282–295).

Александр Михайлович, имевший уже опыт благотворительной деятельности и организации больничного хозяйства.

Прежде всего он позаботился о возведении храма. Общим ходом постройки руководил архитектор Баженов, а непосредственно наблюдал за работами М. Казаков.

Благодаря покровительству императрицы Марии Феодоровны — основательницы и руководительницы благотворительного ведомства, которому позднее было дано ее имя, — строительство велось быстро.

Храм был построен в середине главного корпуса больницы над первым этажом. Внутри он круглый, с тремя ярусами хоров. Верхние находятся очень высоко, между двумя сводами купола: внутренним и наружным. На средних хорах под куполом могло поместиться до 500 человек. А нижние, устроенные в нишах вокруг храма, имели выходы прямо из больничных палат. Алтарь был сооружен с северо-восточной стороны (в домовых церквах это допускается).

22 сентября (5 октября) 1801 года в присутствии императора Александра Павловича и всей царской фамилии состоялось освящение больничного храма во имя благоверного царевича Димитрия — святого, тёзоименитого покойному жертвователю. За отсутствием митрополита Московского Платона храм освятил его викарий епископ Серафим.

В апреле 1802 года останки князя Димитрия Голицына были перевезены из Вены в Москву. Они были помещены в склепе под храмом. В самом храме напротив алтаря, в нише над склепом находилась скульптурная композиция с бюстом покойного князя и аллегорическими фигурами — надгробный памятник во вкусе того времени.

Штат больничного храма состоял тогда из священника, диакона и псаломщика. Все они имели квартиры при больнице. Хор из крепостных славился на всю Москву.

Князь А. М. Голицын был не просто распорядителем средств, завещанных его двоюродным братом. Он и сам был щедрым человеком. Сохранилось предание, что когда архитектор спросил его, сколько золота нужно употребить для позолоты креста, князь вручил ему без счета горсть червонцев.

Августейшая покровительница больницы, вдовствующая императрица Мария Феодоровна, а также многие дворяне и просто благочестивые состоятельные люди жертвовали в храм богатые облачения, священные сосуды, напрестольные Евангелия, иконы.

Меньше чем через год после освящения храма, 22 июля (4 августа) 1802 года, в день тезоименитства императрицы Марии Феодоровны

(память святой равноапостольной Марии Магдалины) была открыта больница на 50 коек. Главным доктором был назначен Е.О. Мухин.

Князь Александр Михайлович горячо принялся за дело. Он был благочестивым человеком и хорошим хозяином. Его часто можно было видеть молящимся в больничном храме. Он старался так организовать жизнь больницы, чтобы она поистине стала «спасительным пристанищем» для «бедного и страждущего человечества».

Начиная с 1803 года больница стала принимать пациентов бесплатно. Вскоре была открыта богадельня.

25 ноября 1807 года князь умер, и прах его был погребен рядом с останками Д. М. Голицына.

Голицынская больница владела землями, селами, крепостными крестьянами. Имела она и свой капитал, с которого получала проценты. Новый директор, Сергий Михайлович Голицын, человек весьма богатый (ему принадлежала, в частности, усадьба Гребнево), стремился сделать больницу еще и центром просвещения. В 1810 году при ней открылась картинная галерея.

Когда в 1812 году французская армия вступила в Москву, больница была с Божьей помощью спасена от разграбления. Оставшиеся за начальников эконом и аптекарь, успокоив, как могли, служителей, сами пошли навстречу неприятелю и предложили больничные палаты для раненых офицеров. Кстати сказать, французские лекари не оставляли без внимания и русских раненых, находящихся в больнице. В больничном храме не прекращались богослужения, которые вместо настоятеля совершал священник домовой церкви князя Голицына. Когда в Москву вернулся главный директор, он нашел почти все в целости.

В 1814 году больницу посетили Г. Р. Державин и В. Л. Пушкин. После литургии в больничном храме, где по этому случаю собрались многие представители высшего общества, Гавриил Романович низко поклонился бюсту князя Димитрия Голицына и сказал Пушкину: «Таких благодетелей и в мраморе надо почитать и им поклоняться». А Василий Львович напомнил старому поэту его строки: «Почувствовать добра приятство Такое есть души богатство, Какого Крез не собирал».

Императрица Мария Феодоровна, вдова Павла I, до конца жизни не переставала заботиться о Голицынской больнице. Перед кончиною своею в 1828 году она благословила больницу образом Владимирской Божией Матери.

В 1830 году в Москве началась эпидемия холеры. В храме благоверного царевича Димитрия был перед литургией отслужен молебен с

водосвятием, а затем был совершен крестный ход вокруг всей больницы. Господь хранил больницу: в ней не было ни одного случая заболевания холерой.

Во время следующей эпидемии здесь принимали холерных больных. С Божьей помощью было достойно перенесено и это испытание.

При третьем главном директоре в 1832 году в больнице открылась фельдшерская школа, в которой учились крепостные мальчики.

В 1838 году впервые производился генеральный ремонт храма. На этот период была построена временная деревянная церковь.

Князь Сергий Михайлович Голицын, главный директор больницы, попечитель Московского учебного округа, почетный опекун Воспитательного дома, первый президент попечительного о бедных комитета императорского Человеколюбивого общества, скончался в 1859 году. Сам император Александр Николаевич выразил желание помолиться о его упокоении в больничном храме, и здесь потом долго хранили свечу, которую Государь держал во время панихиды.

1861 год оказался трудным для больницы. Манифест 19 февраля даровал свободу крепостным больничным служащим, затруднил доставку продовольствия из принадлежащих больнице имений. Пришлось изыскивать новые источники доходов и средства экономии. Трудности были не только экономические: с отменой крепостного права нарушился семейный уклад больничной жизни и стабильность ее. Из-за недостатка средств фельдшерская школа закрылась до 1876 года.

С 1886 года в больнице существовало городское отделение на 120 коек.

Для больницы всегда большое значение имели пожертвования благочестивых людей. Некоторые палаты или кровати носили имена тех, на чьи средства содержались дополнительные больные.

Когда финансовое положение больницы улучшилось, была построена небольшая церковь во имя Архистратига Божия Михаила с часовней для отпевания усопших и анатомическим театром. Сейчас она находится на территории Нескучного сада. В ней оборудован радиоузел ЦПКиО. Барабан с крестом давно разрушены, и вид эта церковь имеет плачевный.

К 100-летию существования храма был сделан еще один ремонт. Малое освящение храма после этого ремонта состоялось в самый день юбилея — 22 сентября (5 октября) 1901 года. Настоятель храма священник Николай Гумилевский произнес тогда замечательную проповедь. Он сказал, между прочим: «Болезнь, особенно тяжкая, как-то неволь-

но выбивает человека из обычной колеи его жизни... Удручаемый болезнью, готовый даже к худшему исходу ее, болящий с тоской и ужасом вспоминает темные стороны своей жизни... и с уст его срываются горячие молитвы об исцелении и возможности начать новую жизнь... Трудно найти... более благоприятных условий для молитвы и большей уместности для самого дома молитвы, чем какие представляет больница, и вряд ли нужно много говорить о благотворном влиянии святого храма Божия при подобных обстоятельствах в самом здании больницы».

Менее чем через 20 лет, после того как больница отметила свое столетие, произошли события, коренным образом изменившие всю жизнь России. Младший медперсонал Голицынской больницы не остался в стороне и тоже устроил в 1918 году свою «революцию», в результате которой был «свергнут» главный врач Красинцев. Когда он возвращался после операции в контору, его, как вспоминает одна из участниц мятежа, взяли под руки, вывели за ограду, а ворота закрыли на замок.

Санитарки-активистки вытряхнули из гробов останки основателей больницы, забрав гробы «на нужды революции». Рассыпвшийся прах старые служащие собрали и похоронили во дворе больницы.

Так закончилась история Голицынской больницы как самостоятельного лечебного учреждения. Без главного врача она не могла существовать и была присоединена в 1919 году к 1-й Градской.

Мы не знаем точно, когда был закрыт храм. Но, как рассказывают, это произошло довольно мирно. Священнику дали какую-то гражданскую должность.

1-я Градская

В 1833 году в Москве открылась первая больница, относившаяся к ведомству города. Эту больницу в некотором смысле тоже можно считать голицынской. Ее основателем был светлейший князь Димитрий Владимирович Голицын, занимавший должность московского генерал-губернатора с 1820 по 1844 год.

Больница строилась по проекту архитектора Бове. В разработке проекта принимала участие императрица Мария Феодоровна.

Решено было строить новую больницу недалеко от Голицынской.

Храм при 1-й Градской больнице был освящен во имя святой равноапостольной Марии Магдалины.

В 1856 году здесь был построен еще один храм — в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». С 1869 года больница стала полностью бесплатной.

В начале XX века здесь работали сестры милосердия. Для них было устроено общежитие на территории больницы.

В 1919 году к 1-й Градской присоединилась Голицынская больница.

Оба больничных храма были закрыты к 1923 году.Сейчас в храме святой Марии Магдалины находятся ассистентская и кабинеты для занятий со студентами. Скорбященская церковь, которая одно время использовалась в качестве морга, в 60-е годы была снесена. На ее месте сейчас аптека.

2-я Градская (Щербатовская) больница

В 1866 году, когда в Москве вспыхнула эпидемия тифа, городская управа приняла решение открыть временную инфекционную больницу в некоторых корпусах бывшей ситцевой фабрики А. Титова между Александрийским дворцом (ныне здесь расположен президиум Академии наук) и Голицынской больницей. Часть зданий этой фабрики с 1863 по 1913 год занимала тюрьма, известная под названием «Титы».

В 1878 году управа взяла больницу на постоянное обеспечение. У нее появился и свой номер — 2-я Градская. Стараниями города при больнице была построена двухэтажная церковь Знамения Пресвятой Богородицы. Она соединила вместе два бывших фабричных корпуса.

С 1902 года больница стала именоваться Щербатовской в честь ее основателя — бывшего городского головы князя Щербатова.

В 1922 году Знаменская церковь была перестроена под операционный блок. Сейчас в этом корпусе идет ремонт. Вторая больничная церковь, освященная в 1892 году во имя праведного Лазаря и предназначавшаяся для отпеваний, была закрыта в 20-е годы. До 1970 года в ней находилась рентгенологическая лаборатория. Ныне изуродованное здание храма пустует.

В 1959 году 1-я и 2-я Градские больницы объединились в один большой комплекс.

Знаменательно, что с больницей соседствует Александрийский дворец, в котором жила со своим мужем Великая княгиня Елисавета Феодоровна, впоследствии основательница Марфо-Мариинской обители милосердия, сподобившаяся в 1918 году мученического венца.

Святая преподобномученица Елисавета — покровительница тех, кто берет на себя трудный подвиг служения больным и страждущим.

1-я Градская больница — это целый городок. Ее территория с более чем двадцатью корпусами протянулась вдоль Ленинского проспекта на

полтора километра. Вот перечень отделений больницы: анестезиолого-реанимационное, хирургические, травматологические, офтальмологическое, стоматологическое, отоларингологические, терапевтические, ревматологическое, кардиологическое, акушерское, гинекологические, онкогинекологическое, урологические, отделение гемодиализа, неврологические, психосоматические — всего их свыше тридцати.

Стационар больницы рассчитан на 1730 человек.

При больнице работают вспомогательные службы: физиотерапевтическое, рентгенологическое, ангиографическое, анестезиологическое и лабораторное отделения, центр по контрастным и внутрисердечным методам рентгенологического исследования, отделения лечебной физкультуры, функциональной диагностики, кабинет переливания крови, отдел медицинской статистики, поликлиники, травмпункт, консультативно-диагностический центр, патологоанатомическое отделение, аптека и архив. За городом, в Луневе, находится больничный филиал для долечивания пациентов.

Всего в больнице ежегодно получают помощь и лечение около 38 тысяч.

В 1990 году по инициативе администрации больницы храм святого благоверного царевича Димитрия был передан Церкви. 22 ноября Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий заново освятил его. Это первый больничный храм, открывшийся в нашей стране в советское время. Святейший подарил общине икону Божией Матери «Всех скорбящих Радосте».

Теперь православные христиане, оказавшиеся в больнице, могут посещать богослужения. К тяжелым больным священник приходит сам.

Некоторые прихожанки храма поступили на работу в больницу медсестрами и санитарками. Другие, не оставляя своей основной работы, отдают больным свое свободное время.

28 мая 1991 года, в день престольного праздника больничного храма, Святейший Патриарх благословил настоятеля и прихожан на создание СЕСТРИЧЕСТВА — общины сестер милосердия. Фактически к этому времени такая община уже сложилась. Замечательно, что благословение было получено сестрами в Кремле, в Архангельском соборе, у мощей благоверного царевича Димитрия. 28 мая 1991 года исполнилось 400 лет со дня убиения царственного отрока.

Сестричество во имя благоверного царевича Димитрия — это религиозная организация со своим уставом. Для того, чтобы стать членом сестричества, надо пройти шестимесячный испытательный срок.

Само собой разумеется, что на это надо получить благословение своего духовника и духовника сестричества.

Сейчас в сестричестве около 30 сестер и столько же испытуемых.

Деятельность сестричества имеет много направлений, и у сестер могут быть разные послушания: ухаживать за больными, помогать священнику на требах, преподавать в воскресной школе, заниматься с детьми-сиротами и т. д.

При сестричестве существует училище сестер милосердия. Кроме обычных медицинских дисциплин, будущие сестры изучают Закон Божий. Обязательное условие обучения — работа в 1-й Градской больнице в качестве санитарки.

Силами сестричества полностью укомплектован штат младшего и среднего медперсонала в пяти самых тяжелых отделениях больницы.

В недалеком будущем при сестричестве будет создана самостоятельная больница или лечебное отделение для тяжелых больных, в котором будут работать врачи — православные христиане и сестры милосердия.

Свято-Димитриевская община сестер милосердия очень нуждается в поддержке. Мы готовы принять благотворительную помощь в любом количестве и форме.

Самое главное

Мы зовем к себе всех, кто хочет послужить Богу и людям; кто милосерден или хочет стать таким. Наша страна переживает сейчас очень трудное время. Жизнь ныне такова, что сердца людей ожесточаются как бы невольно. Кто не хочет незаметно для себя самого сделаться злым, тот должен, пока не поздно, научиться служить другим. Здесь, в больнице, это сделать удобнее всего. Где еще вы найдете сразу столько страждущих, которым вы можете принести облегчение? Где вы найдете столько жаждущих, голодных, которых некому напоить и накормить?

Если вы желаете излечиться от духовных болезней века сего,

ПРИХОДИТЕ В НАШУ БОЛЬНИЦУ! СЕСТРИЧЕСТВО ВО ИМЯ БЛАГОВЕРНОГО ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ

Обращение

Дорогие братья и сестры о Христе!

Мы обращаемся к Вам с просьбой, на которую можно решиться только в силу серьезной необходимости. Два года назад при больнич-

ном храме 1-й Городской Московской больницы была создана Свято-Димитриевская община сестер милосердия. Сестры взяли на себя уход за больными в 7 отделениях больницы (70 человек оформлены штатными санитарками; у нас в стране на одной санитарке — уход за 30—40 больными, по большей части лежачими), опекают несколько детских домов, по мере сил помогают одиноким старикам, инвалидам, бездомным, другим обездоленным; преподают в воскресной школе и т.д.

При общине действует открытое по ее инициативе Свято-Димитриевское училище сестер милосердия. С первого же года обучения учащиеся помогают сестрам в больнице и детских домах.

В трапезной общины ежедневно кормят около 250 человек. В праздники и воскресные дни это число удваивается.

За два года община обеспечила несколько тысяч малоимущих семей продуктами, одеждой, медикаментами.

Все это на пожертвования добрых людей и целых организаций в нашей стране и за рубежом.

Но теперь нам предстоят куда более серьезные расходы. Первое — решением Правительства Москвы нам выделено для нужд общины небольшое здание рядом с храмом. Здание, к сожалению, в совершенно разоренном состоянии и требует капитального ремонта (почти строительства заново). По предварительной смете нам потребуется на это 60 миллионов рублей.

И второе. В ближайшее время, Бог даст, при общине будет открыт сиротский приют на 30 человек. Мы намерены воспитывать в нем девочек от трехлетнего возраста. По ценам сегодняшнего дня на ремонт здания под приют, на все необходимое оборудование, на одежду, питание и так далее уже сейчас нужно около 50 миллионов рублей.

Любая посильная Вам помощь будет принята нами с глубокой благодарностью.

Храни Вас Господь!

С любовью о Христе и уважением

Духовник общины протоиерей
Аркадий Шатов
Председатель Совета
Сестричества Т. П. Филиппова

От редакции[1]

В этом году Господь сподобил меня великой радости — первый раз в жизни провести Пасху в Москве. Там я и стала потрясенной свидетельницей того, как в светлый день Воскресения Христова, в день, когда, обращаясь ко всем нам, Церковь говорит словами Иоанна Златоуста... ВОЙДИТЕ ВСЕ В РАДОСТЬ ГОСПОДА СВОЕГО... ЛИКУЙТЕ ДРУГ СО ДРУГОМ... ВОЗВЕСЕЛИТЕСЬ НЫНЕ...[2], вдруг ворвалась чудовищная весть: в Пасхальную ночь в Оптиной Пустыни убиты два инока и иеромонах. Эта весть разнеслась по России, приводя всех в горестное недоумение, переходящее в настоящий ужас по мере того, как выплывали детали невиданного злодейства. О них ниже расскажет отец Тихон, иеромонах Донского монастыря, в интервью данном им журналу «Русское возрождение»... КТО БЛАГОЧЕСТИВ И БОГОЛЮБИВ, ТОТ ПУСТЬ НАСЛАДИТСЯ ЭТИМ ПРЕКРАСНЫМ И СВЕТЛЫМ ТОРЖЕСТВОМ... ЛЮБВЕОБИЛЕН ВЛАДЫКА... И ДЕЛА ПРИНИМАЕТ, И НАМЕРЕНИЯ ПРИВЕТСТВУЕТ... В эту ночь в России храмы были переполнены толпами людей — верующих, ищущих, любознательных, пришедших здесь искать пасхальной радости, душевного мира и спасительной любви. ...ВСЕ НАСЛАЖДАЙТЕСЬ ПИРОМ ВЕРЫ... приглашает Церковь, но всегда и везде были и есть те, кто остается глух к этому призыву. В этом году об этом свидетельствовало кровавое злодеяние. Жизни земной были насилием лишены три инока, уже добровольно отдавших ее Христу для обретения жизни вечной. «Умереть на Пасху в Оптиной пустыни под колокольный звон» — был ответ (как мне рассказывали в Москве) одного из них на вопрос корреспондента, приехавшего заснять службу Великой Субботы и поинтересовавшегося — чего бы больше всего хотелось его собеседнику. Иноки обрели желаемое — ...СМЕРТЬ, ГДЕ ТВОЕ ЖАЛО? АД, ГДЕ ТВОЯ ПОБЕДА?...

Но взбаламученное море современной посткоммунистической России выбросило на берег и чудовище: «бывший “афганец”», «объявивший себя служителем сатаны». Сочетание, заставляющее сильно задуматься: старые яды разложения системы соединяются с новыми соблазнами и занесенной извне заразой, приводя к столь крайним эксцессам душевной болезни, одержимости, кощунственного вызова и

[1] Русское возрождение. 1992/1993. IV–I. № 60/61. С. 5–7.

[2] Прописными буквами обозначены выдержки из «Слова огласительного во святый и светоносный день преславного и спасительного Христа Бога нашего Воскресения», автором которого является св. Иоанн Златоуст. — *Примеч. редакции.*

преступления. ...ВОСКРЕС ХРИСТОС, И ПАЛИ ДЕМОНЫ... Свободная воля дана человеку Богом ради его спасения. В этом и есть конечный смысл ее, как свойства человеческой души. Путь ко спасению открыт всем, и даже тот, ...КТО УСПЕЛ ПРИЙТИ ТОЛЬКО В ОДИННАДЦАТЫЙ ЧАС, ПУСТЬ НЕ СТРАШИТСЯ ЗАМЕДЛЕНИЯ... Но прийти — душа должна припасть к Господу в ответ на Его призыв! — должен каждый.

Вернувшись в Америку, я была поражена тем, что здесь среди русских буквально никто и не слышал об этом событии. Это тоже симптом — непростительного равнодушия к тому, что происходит в нашем Отечестве в труднейший для него период перехода от прошлого, — когда дьявольские силы имели полную свободу нравственно калечить и уродовать человеческое сознание, — к будущему, еще далеко неясному. Много идей, сил и интересов борются сейчас за судьбу России. Поэтому все процессы, происходящие сейчас в России, не только кровно касаются всех нас, но и исход их зависит от совокупности личного участия в них каждого из нас. «Без меня народ не полный», — писал Андрей Платонов. Наше слово за нас не скажет никто.

Милица Холодная

А знаете ли Вы...[1]

Несколько дней тому назад в Редакцию пришло письмо, в котором было сказано: «Мы бы хотели помочь Толгской обители...». Далее говорилось, что прочли они о монастыре в «Русском возрождении» (№ 58–59) и просят помочь перевести туда довольно крупную сумму денег. Мы очень благодарим своих подписчиков — и за жертвенность, и за отзывчивость, но более всего за положенный почин.

О всем ДОБРОМ, ПОДЛИННОМ, КОНСТРУКТИВНОМ — именно о том, что свидетельствует о ВОЗРОЖДЕНИИ, происходящем сейчас в России, — мы знаем очень мало. Плохое же, как пустая бочка, гремит и повествует о себе на весь мир. На страницах нашего журнала, в отделе, который мы назовем «А знаете ли Вы...», мы постараемся дать вам возможность прислушаться к тому, что тихо начинает произрастать в народе нашем. Услышав же и отозвавшись своей молитвой, сознанием, помощью, и мы станем участниками этого духовного движения.

Редакция

[1] Русское возрождение. 1992/1993. IV–I . № 60/61. С. 270–273.

Общественное собрание на тему «Русское сопротивление»

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО... 24 апреля 1993 г. в Москве, по почину журнала «Наш современник», состоялось общественное собрание на тему «Русское сопротивление». Первым, как священник, был приглашен выступить отец Александр Киселев. Своим кратким словом он как бы «задал тон» всему собранию, которое так и прошло в мирном и конструктивном духе.

Ниже приводим имеющуюся у нас транскрипцию (к сожалению, единственную) записи слова отца Александра.

«Когда перед собравшимися представлена тема "Русское сопротивление", то естественно, что с самого начала встает вопрос: сопротивление кому или чему имеется в виду?

Если собранию угодно, чтобы на конкретно поставленный вопрос был дан конкретный же и немногоречивый ответ, то следует предполагать, что ответ будет: всему антирусскому. Кто же является носителем всего русского? Это тот человек, который неотделим от правого дела!

Быть русским — это значит *быть* им, *подлинно быть,* а не казаться.

Простите краткость моих слов. Но на протяжении данных мне десяти минут иначе говорить нельзя.

Вот примеры национальных сопротивлений:

1. Индусы. Вспомните национальное сопротивление индусов времен Ганди. Народ, идущий лавиной *к* священному берегу, чтобы захватить пригоршню соли и тем сказать, что соль принадлежит Индии — свободной стране, а не поработителям англичанам, которые препятствовали их шествию, арестовывая, избивая, убивая безоружные народные массы.

2. Французы. Их героическая неравная борьба с мощью немецких оккупантов...

3. Наше собственное прошлое: заложим жен и детей, но спасем Отечество.

4. Наше настоящее: борьба за возвращение в наши души и сознание утраченного в веках символа белой верхней полосы нашего русского национального флага, но не только как символа на флаге, а как чистой совести в нашей, как общей, так и личной жизни каждого.

Но как в это сознание вжиться? Как им задышать? Я хочу ответить на это конкретным предложением. (Но прошу вас, особенно извест-

ных людей, ученых, высокопоставленных, не спешить отбросить мое предложение как нереальное.)

Предлагаю, чтобы мы все тут же, сейчас дали сами себе обещание-обет работать прежде всего на наше национальное возрождение, т. е. стали бы на путь сопротивления в себе самих тому, что губит лично каждого из нас и все наше Отечество.

Коротко: *«Быть, а не казаться!»*

Индусы в своем сопротивлении пошли всем народом к священному берегу, чтобы взять там пригоршню соли. Шли сквозь все английские преграды и палки полиции. Шли, чтобы взять соль и тем сказать, что это *их* соль!..

Наше сопротивление — памятью прошлого взять пригоршню совести, ибо это есть неотъемлемая соль нашей жизни!

Не казаться, а быть тем, чем должен вновь стать совестливый русский человек...

Поверьте, что нет в мире того, что могло бы противостоять такой извечной русской силе.

Когда поймем, что это и есть ядро нашего бытия, наш корень, сердцевина всех наших проблем, то все наше неустройство покорится этому ядру, т. е. устроится, образуется само по себе. Все найдет себе место на твердом основании этого православно-морального ядра нашего 1000-летнего бытия.

В этом мощь и победа нашего противостояния — сопротивления».

Сергей Фрелих. Генерал Власов[1]

(Перевод с немецкого)

Книга С. Фрелиха о генерале Власове и власовском движении представляет исключительный интерес по охвату фактических данных, затронутых проблем, а также как непосредственное свидетельство очевидца. В книге 400 страниц и много впервые опубликованных фотографий. С. Фрелих — русский эмигрант, офицер связи между штабом Власова и немецким командованием. Его книга — не только воспоминания участника и документальное свидетельство о Русской освободительной армии.

Власовское движение показано на широком фоне Второй мировой войны. Книга имеет подзаголовок «Русские и немцы между Гитлером и Сталиным». Этими словами и определяется политический ас-

[1] Русское возрождение. 1995. II. № 63. С. 178–190.

пект книги. Книга Фрелиха является широким политико-историческим комментарием к одному из главных моментов русской трагедии двадцатого века, историей безнадежной борьбы генерала Власова и его окружения против политико-административной машины Третьего райха, за право Русской освободительной армии на активную борьбу за Россию, против коммунизма. Книга охватывает значительный период времени — от двадцатых годов до последних трагических дней РОА весной 1945 года. По существу это история власовского движения в главнейших его этапах — от зарождения первых русских добровольческих частей до опубликования Пражского манифеста, конца войны и выдачи Власова Советам. Книга очень подробна, в ней затронуты основные проблемы антикоммунистической борьбы. Цель настоящей заметки скромна — обратить внимание на выдающийся исторический труд, представляющий интерес как для историков, так и для всех, кому дорога память о героической борьбе России против коммунизма. Книга написана для немцев и вышла в издательстве Маркус-Ферлаг (Кёльн). Для нас это очень важно, так как книга дает возможность иностранному читателю в объективном изложении ознакомиться с русской трагедией «между Гитлером и Сталиным». Книга переведена на русский язык известным русским журналистом Ю. К. Маером. Она читается с неослабевающим интересом и является одной из лучших работ о власовском движении.

Книгу можно заказать по адресу:
410 Harding Dr.
Silver Spring, MD 20910
Цена книги: $16. — включая пересылку.

Олег Ильинский

Прославление Блаженной Ксении Петроградской[1]

Выпуская в свет этот номер, мы можем в последнюю минуту только совсем кратко отметить совершенное 24 сентября Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви За границей причисление к лику святых Блаженной Ксении Петроградской. Нет сомнения в том, что этот акт свободной части Русской Церкви будет в дальнейшем скреплен соборным согласием всей православной Руси: к признанию святости этой замечательной русской «юродивой Христа ради» дело шло уже давно, и уже во второй половине XVIII века, очень скоро после ее кончины, множество людей, сначала в Петербурге, а затем и по всей России, стали все больше молитвенно обращаться к ее небесной помощи — и множество свидетельств говорит о том, что эту помощь получали. Ее могила в Петербурге стала местом непрекращающегося паломничества, и известно, что революция не только не прервала ее почитание, но, может быть, даже усилила его в результате страданий, претерпеваемых верующим народом.

Мирянка, замужняя, но овдовевшая уже в 26 лет, она стала особенно яркой и притом одной из самых поздних представительниц того типа «юродивой» святости, который сложился сначала в Византии, а затем получил особое и довольно своеобразное развитие в средневековой Руси. Потеряв горячо любимого ею мужа, она раздала нищим все то немногое, что у нее было, стала жить в одном из петербургских пригородов без постоянного адреса, по ночам украдкой работала, принося кирпичи на постройку большого храма, воздвигавшегося в ее районе, или уходила босой в поле, где молилась часами. Все, кто с ней соприкасался, привязывались к ней нежной любовью, и уже при ее жизни пошла всеобщая молва о творимых ею чудесах и о ее даре провидения, например о предреченной ею кончине императрицы Елизаветы Петровны.

Мало кто знает, что и в Российском императорском доме старшая дочь Александра III Вел. кн. Ксения Александровна была так наречена в благодарность за особое заступничество петроградской праведницы. Еще в бытность свою наследником, Александр III тяжко заболел

[1] Русское возрождение. 1978. № 3. С. 236.

возвратным тифом. Его супруге, будущей императрице Марии Феодоровне, посоветовали помолиться Блаженной Ксении и положить под подушку больному немного песка с ее могилы. Сразу наступило облегчение, и болезнь вскоре прошла совсем.

Женщину, ходившую в странных лохмотьях и беспрестанно «чудившую» в посрамление житейского «здравомыслия», чтили и в петербургских лачугах, и в Зимнем дворце.

От Синода Русской Православной Церкви За границей

Акт[1]

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА

Собор епископов Русской Православной Церкви За границей, исповедуя себя свободной частью Русской Церкви, множеством угодников Божиих издревле прославленной, сознавая сколь славен среди них и немногочислен лик Христа ради юродствовавших блаженных мужей и жен, благочестно почитает в сем лике просиявшую Блаженную Ксению, бездомную странницу града Святого Петра.

Суровый образ жития, молитвенный подвиг, себя нещадение и к страждущим любовь ее — светят нам светом иной, лучшей жизни.

Различные случаи благодатной помощи Божией, через блаженную Ксению накоплявшиеся в памяти народной в течение двух веков, восполняются ныне новыми свидетельствами о ее благодеяниях, совершенных ею за пределами России, собранными нами за годы начиная с 1971, когда было приступлено к подготовительной работе по прославлению ее.

Развратители и поработители русского народа заградили было путь к священной гробнице Блаженной, но этим только испытывалась наша вера.

С верою и любовью благословляем и призываем всех отныне почитать Блаженную Ксению, прославляемую Церковью святую, торжество прославления совершить в Синодальном Соборе Знамения Пресвятой Богородицы в Нью-Йорке в воскресение 11/24 сентября с. г.

Далее совершать повсеместно празднование Блаженной 24 января / 6 февраля и 11/24 сентября (в день ее прославления), имея в хра-

[1] Русское возрождение. 1978. № 4. С. 208–210.

мах святые иконы ее и прославляя за все сие дивного во святых Своих Господа нашего. Аминь.

Председатель Архиерейского Собора
Митрополит Филарет

9/22 сентября 1978 года

Прославление со святыми Блаженной во Христе Ксении собрало в Нью-Йорке множество церковных людей со всех концов нашего рассеяния: Европы, двух Америк и далекой Австралии. Духовный подъем, молитвенное воодушевление были достоянием многих, присутствовавших в Синодальном соборе на всенощной и особенно на литургии и первом молебне в день прославления Блаженной. Просторный собор не мог вместить молящихся, которые стояли и на большой лестнице, ведущей в собор, и на дворе. Там же пели большую часть молебна, чтобы все молящиеся могли принять в нем участие. Мощно и радостно, с верою и любовью звучали слова молитвы: «Святая, Блаженная во Христе Ксения, моли Бога о нас!»

Во время общей трапезы (на 600 человек) обедавшие благоговейно слушали житие новопрославленной Святой и свидетельства частных лиц о помощи им Блаженной Ксении. В том же зале состоялся духовный концерт. Хор Ледковского художественно исполнил песнопения в честь подвижницы города Святого Петра.

Редкое торжество в нашем рассеянии, торжество всенародное, свидетельствующее о том, что Церковью побеждена смерть, ибо Блаженная Ксения жива, она с нами, несмотря на истекшие 200 лет с ее кончины, она слышит нас и помогает нам!

К русским православным христианам в Отечестве и в рассеянии сущим

Обращение[1]

С чувством глубокого волнения мы восприняли известие, что в прошлом году Зарубежная Синодальная Церковь приняла решение о предстоящей канонизации русских мучеников и исповедников, пострадавших во время великого гонения XX века. Радостно сознавать, что предпринимаются, наконец, конкретные действия по прославлению великого духовного подвига сонма новых русских святых.

[1] Русское возрождение. 1979. III–IV. № 6. С. 19–30.

Подготовка их канонизации есть дело величайшей важности и совершено оно должно быть с предельной духовной ответственностью. Прославить подвиг мучеников — это значит приобщиться к нему, увидеть его в истине, просветиться им. Мы знаем, что истина открывается церковной соборностью. Всякое отклонение от подлинной церковной соборности, вольное или невольное, ведет к односторонности, к искажению истины и даже к ереси. Именно поэтому так важно, чтобы это великое дело — подготовка канонизации — совершилось в духе церковной соборности, чтобы вся плирома русского православия была духовно едина в великом церковном делании. Это будет залогом того, что канонизация подлинно совершится, согласно воле Божией, в истине, и никакие человеческие страсти не исказят, не замутят видения Божьей правды о новых мучениках и исповедниках.

Всем сердцем желая этого, мы не можем одновременно с чувством радости не испытывать и чувство тревоги. Оно вызвано тем, что в великом общецерковном и общенациональном деле канонизации новых русских мучеников Синодальная Церковь по-прежнему остается в одиночестве.

Призывы к единению в совместной работе всех православных христиан, кому дороги судьбы России и Русской Церкви, по подготовке канонизации раздавались уже давно. Но они не встретили должного отклика.

Неужели стремление исполнить свой религиозный долг по отношению к мученикам, духовно приобщиться их подвигу, принять участие в Пасхальной радости их прославления не окажется глубже разномыслия и конфликтов, трагически разделяющих в наши дни русских православных христиан?

В связи с конкретными сроками канонизации, установленными Синодальной Церковью, и ее твердой решимостью довести это дело до конца перед каждым русским православным христианином, где бы он ни жил и какую бы церковную позицию ни занимал, встает необходимость выбора:

либо принять посильное участие в подготовке канонизации помощью в сборе материалов, обсуждением принципов канонизации или, во всяком случае, горячей молитвой об успехе этого великого начинания;

либо своей пассивностью, безразличием или далее негативизмом препятствовать превращению дела канонизации в поистине общенародный акт.

Для нас, живущих в России, несомненно, что прославление святых не может остаться частным делом одной из юрисдикций Русской

Церкви. Мы свидетельствуем, что молитвенное почитание мучеников и исповедников все шире распространяется в Русской Земле, и выражаем глубокую уверенность, что акт канонизации, даже если он будет совершен одной лишь Синодальной Церковью, будет с подлинно религиозным энтузиазмом воспринят русским духовенством и церковным народом.

Мы испытываем чувство глубокой благодарности к Синодальной Церкви за ее инициативу и в то же время надеемся, что будет преодолен соблазн юрисдикционного изоляционизма, и Синодальная Церковь не останется в одиночестве в великом и святом деле — подготовке канонизации новых русских святых. Мы надеемся, что так или иначе православные и других юрисдикций примут в нем участие, а Синодальная Церковь проявит готовность принять их помощь, прислушаться к их критическому мнению и позитивным предложениям, проявит необходимую широту в разработке принципов канонизации.

В частности, нам представляется необходимой регулярная публикация Комиссией по подготовке канонизации результатов проводимой ею подготовительной работы с тем, чтобы обеспечить возможность участия в этой работе для всех русских православных христиан. Возможно, это вызовет трудности из-за столкновений различных взглядов и мнений. Но важнее другое. В этом случае с помощью благодати Божией, восполняющей человеческие немощи, канонизация, безусловно, будет совершена в соответствии с замыслом Божиим так, что вся плирома православия с чувством великой радости сможет принять это событие и «едиными усты и единым сердцем» прославить сонм новых русских святых, обратившись к нему с общецерковной молитвой.

Потребность прославить подвиги русских мучеников и исповедников порождает ряд самых серьезных духовных вопросов, ждущих своего обсуждения. Убежденные в том, что братская дискуссия по поводу канонизации полезна и своевременна, мы предлагаем некоторые наши соображения, в которых попытаемся выразить мысли и чувства многих верующих, обсуждавших с нами эти вопросы.

Две проблемы представляются нам наиболее актуальными:

1) являются ли достаточным основанием для канонизации мучеников те свидетельства, которыми располагает Церковь в настоящее время?

2) надлежит ли канонизировать последнего русского царя Николая II?

I

Известно, что непременным общим основанием для канонизации праведника в Русской Церкви было особое Божие свидетельство его святости, явленное даром чудотворения, прижизненным или посмертным.

То же было и в православной Византии.

Поэтому первейшим нашим долгом является сбор свидетельств о даре чудотворения, которым удостоены русские мученики и исповедники XX века.

Небрежение к таким свидетельствам было бы небрежением к прямому указанию Божию на дарованных нам заступников, к которым мы можем молитвенно обращаться и подвиг которых должен нас духовно наставлять.

Однако Божественное свидетельство может проявляться не только в чудотворении или нетленности мощей (известно, что последнее не было непременным условием причтения к лику святых).

Во времена гонений в раннехристианской Церкви принятие мученической кончины за исповедание христианства считалось достаточным свидетельством о святости, причем мученическая кровь омывала предшествующую жизнь мученика, так что даже явные грешники очищались в подвиге мученичества и удостаивались венцов святости. Таким образом, праведность предшествующей жизни не была обязательным условием прославления мученика.

Гонения на верующих в России в XX веке существенно отличаются от гонений в первые века христианства. Гонению подвергалось не само христианство, как это было в первые века его существования, а Церковь. Церковь воспринималась гонителями как социальная организация, неразрывно сопряженная с тем «старым миром», который предполагалось разрушить.

Служение Церкви, защита церковных интересов, наконец, просто активная церковная жизнь воспринимались как политическое сопротивление, требовавшее, по мнению властей, применения репрессий.

Несомненно, в то же время, что вдохновляющим в гонениях был богоборческий пафос, темное прельщение, равного которому не знала человеческая история.

Ярость гонителей была направлена против Боговоплощения, против Царства Божьего, являющегося на земле.

Этим объяснима относительная терпимость гонителей к «обновленцам», а затем и «сергиянам», и крайняя нетерпимость к Церкви, отстаивающей свою свободу по отношению к государству.

Известно, что после 1927 года, когда митр. Сергий, войдя в соглашение с властями, выпустил печально известную декларацию «Ваши радости — наши радости», одно лишь несогласие с «сергиянским» курсом или непризнание власти митр. Сергия как Патриаршего Местоблюстителя было достаточным основанием для ареста.

Эта война с Церковью в России была выиграна антицерковными силами. Они получили послушную иерархию. Но внешняя победа не может сломить оставшуюся внутреннюю, духовную основу церковной жизни, выражавшуюся в подвиге мучеников и исповедников, а не в предательских компромиссах.

Могут ли мученики за Церковь Христову быть сопричтены к мученикам за веру?

Непосредственному чувству верующего отрицательный ответ кажется кощунственным. Однако прямых прецедентов, на которые могла бы сослаться Церковь в вопросе канонизации новых Российских мучеников, история не знает.

Таким образом, вопрос канонизации может быть решен только новым творческим актом Церкви.

Именно поэтому так важно, чтобы в подготовке канонизации участвовала вся полнота русского православия и чтобы никакие человеческие, политические страсти не смогли замутить это великое духовное дело.

Основание этому творческому церковному акту положено решением Всероссийского Церковно-Поместного Собора 1917–18 гг. от 5/18 апреля 1918 г., в котором повелевается: «Установить возношение в храмах за Богослужением особых прошений о гонимых ныне за *Православную веру и Церковь* и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках»;

совершать «торжественные панихиды с прославлением в слове их священной памяти»;

«собирать сведения и оповещать православное население посредством печатных изданий и живого слова о всех случаях гонения на Церковь и насилия над исповедниками Православной Веры».

II

Совершенно особое место среди мучеников XX века занимает императорская семья. Вопрос ее канонизации давно стоит перед сознанием русских православных людей.

Но отношение к этому вопросу резко противоположное. Многих возмущает самая постановка вопроса. Причиной тому выдвигает-

ся недостаточная праведность жизни императора Николая II или его ошибки как главы государства.

Прежде всего следует различать вопросы о канонизации самого Царя и его семьи.

В наши дни даже среди атеистов нам не приходилось встречать людей, которые оправдывали бы казнь невинных царских детей. Чистота их жизни и кончина светлым ореолом покрывают и кончину их родителей.

То, что император с супругой были удостоены той же мученической кончины, что и их дети, воспринимается как свидетельство Божие об их избранничестве.

Николай II мог быть плохим государем и грешным христианином. Многие православные упрекают его за поступки и за черты характера, имевшие, по их мнению, вредные, даже бедственные последствия для России и Русской Церкви, в частности: промедление с созывом Поместного Собора, доверие к недостойным советникам, особенно к Распутину, нерешительность и непоследовательность в политике и государственных делах, несвоевременное отречение от власти ради ложно понятых интересов России.

Можно признавать или не признавать справедливость этих обвинений, но, согласно общепризнанному церковному учению и практике канонизаций, даже тягчайшие грехи и ошибочные действия, совершенные членами Церкви на протяжении их жизни сами по себе не могут препятствовать их последующему церковному прославлению.

Решая вопрос о канонизации Николая II и его супруги, уместно помнить слова ап. Павла: «Взирая на кончину их жизни подражайте вере их» (Евр 13. 7).

Кротость и смиренное принятие уготованной им участи возводят императорскую чету на высочайшую ступень христианского подвига. Добровольность их жертвы вызывает чувство глубокого благоговения. Их кончина как страстотерпцев невольно вызывает в памяти образ первых прославленных святых земли Русской, ее небесных покровителей братьев-князей Бориса и Глеба.

Возникает еще один вопрос — почему имя Николая II занимает особое место в сонме христиан, пострадавших в лютую годину гонений за веру и Православную Церковь?

Православная Церковь всегда рассматривала царя не только как светского главу государства, но как священное лицо, носителя особой Божественной харизмы. Это выражалось в праве царя входить в

церковный Алтарь Царскими вратами, в церковном чине венчания царя на царство, в особом поминании царя во время Божественной Литургии, в определениях царя как «хранителя веры», «защитника Церкви» или «внешнего епископа», в общенародном переживании Православного царя как иконы или образа Христа Царствующего, как центр христианизированного космоса. Это общеправославное сознание не было выражено в четких догматических определениях, но это не умаляет значимости и несомненности религиозного переживания священной роли царя. Может быть, именно теперь, в связи с предстоящей канонизацией, когда вопрос о конкретном содержании царской харизмы потерял политическую актуальность, когда Церковь может подойти к его решению с учетом всего своего исторического опыта, будет сформулировано догматическое определение, адекватное этому переживанию. Но каким бы ни было это определение, православный верующий видит в Николае II не только мученика-христианина, но именно царя-мученика, пострадавшего не только за свою верность до смерти в подражании Христу, но именно за свое имя царя — Помазанника. Промыслом Божиим он был удостоен пострадать в тот момент, когда уже не имел никакой политической власти и отказался от каких-либо попыток эту власть вернуть. Николай II пострадал как символ Православного Царства, как носитель многовековой Церковной идеи — власти Божией над землей.

И в том, что он сподобился пострадать именно таким образом, мы видим еще одно из Божественных свидетельств его святости.

Всемирно-исторический смысл мученической кончины императорской семьи, уподобляющий ее значительнейшим библейским событиям, состоит в том, что здесь оканчивается Константиновский период бытия Церкви Христовой и открывается новый, мученический, апокалиптический. Начинает его добровольная жертва последнего христианского императора помазанника и его семьи.

Трагедия царской семьи как бы заклятием легла на русскую землю, став символом-прологом длинного крестного пути России, гибели десятков миллионов ее сынов и дочерей.

Канонизация царственных мучеников явится для России снятием с нее греха цареубийства, окончательно освободит ее от злых чар.

Вновь приходится говорить, что ничего подобного этому событию не знала история христианства.

Церковь оказывается перед необходимостью великого творческого решения.

Канонизация Российских мучеников и исповедников оказывается не только лишь формальным признанием зримо явленной святости праведников (каковым по сути была, например, канонизация многих преподобных в сознании церковного народа уже признанных святыми).

Это творческое действие, предстоящее Церкви, поистине можно назвать подвигом, ибо невозможно совершить канонизацию, согласно воле Божьей, духовно не приобщившись к подвигу мучеников и исповедников. Ибо сказано: «Кто принимает пророка во имя пророка получит награду пророка и кто принимает праведника во имя праведника получит награду праведника» (Мф 10. 41).

12 сентября 1979 г.
г. Москва

Священник Глеб Якунин,
священник Василий Фонченков,
Виктор Капитанчук,
Лев Регелъсон

Что значит прославление русских мучеников[1]

Прославление русских мучеников — это не то прославление, которое было всегда в Церкви. Прославление русских мучеников — это: они хотят заговорить, сказать свое слово — новое слово миру, по выражению Достоевского. Быть замученными от безбожников, тем более такими страшными муками, которые были, стать святыми. Не нужно даже собирать сведения о том, что совершилось на их могилах — были ли чудеса, были ли исцеления, нужно только знать: не оказались ли они от Христа в муках, оставались ли Ему верными? И все остальное безразлично. Безразлично даже, если они до этого были не совсем порядочными. Страдания, как вода в огненной купели, не только все смывает, а даже выжигает все несовершенное, и человек выходит чистым, очищенным золотом становится.

Прославить нужно всех, не делая выбора, тем более не становясь на политическую точку зрения, как это делают в отношении Русского царя. Ему все что-то пытаются поставить в вину, даже не представляя себе, что, обвиняя мученика-царя, они становятся в ряд палачей. К чему говорить о чем-то другом, когда Он умер, не изменив своей вере, не

[1] Русское возрождение. 1979. III–IV. № 6. С. 31–32.

изменив и Мученице России. Прославление русских мучеников — это и прославление России как места Голгофы. Россия, испытав Голгофу, поистине становится святым местом, Святой Русью. Вот когда она оправдает чаяние лучших русских людей.

О прославлении заговорила маленькая часть Православной Церкви — Зарубежная, — и это делает ей честь. Думаю, что поддержат и все остальные части Православной Церкви. Но кто-то, наверно, смотрит недоверчиво и по своим суеверным чувствам — боязливо: а вдруг это фашизм русский, фашизм из русского православия? Боже, неужели может быть фашизм в той Церкви, где столько мучеников?

Готовится праздник для всего мира — торжество веры в самых трудных, в самых безбожных условиях. Как бы было хорошо и благоразумно, если б весь мир участвовал в прославлении Русских мучеников — это было бы единение всего мира перед Престолом Божиим.

Сие да и будет!

Священник Дмитрий ДУДКО

10 мая 1979 г., Москва.

P.S. Очень желательно, чтоб ко времени прославления Русских мучеников составлено было их хорошее жизнеописание, особенно момента мук. Какая это будет величайшая проповедь — самая убедительная! — которая перевернет сознание самых ожесточившихся.

Встречи с будущими мучениками и исповедниками[1]

На 82-м году жизни считаю своим долгом поведать о тех мучениках и исповедниках, которых Бог привел меня встретить на моем долгом жизненном пути. Сведения о них я поместил во втором томе замечательного труда покойного протопресвитера Мих. Польского «Новомученики Российские», но сейчас должен поделиться личными воспоминаниями.

В 1918–20 гг., проходя аспирантуру при Казанском университете, бывал я у викария епархии **епископа Чистопольского Анатолия (Грисюка)**. Он не был проповедником из-за дефекта речи, но в беседах укреплял в вере и делился грустными впечатлениями от трудностей получать от ОГПУ разрешения для поездок по епархии. В 1920 г. прибыл, наконец, вновь назначенный **митрополит Кирилл**, впоследствии один

[1] Русское возрождение. 1979. III–IV. № 6. С. 64–70.

из заместителей почившего Патриарха Тихона и его сосланного местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), но я вскоре покинул Казань и лишь раз был принят перед отъездом величественным митрополитом, благословившим меня не порывать связи с иерархами на моем дальнейшем доцентском, потом профессорском пути.

В тогдашнем Петрограде мне не пришлось лично побывать у митрополита Вениамина, но я близко подружился в Доме ученых с профессором уголовного права **Юрием Петровичем Новицким,** слушал его доклад, и он бывал на моих докладах. Вскоре его арестовали совместно с Владыкой Митрополитом Вениамином. Провели гнусную комедию показательного суда над ними. Он держался стойко и юридически блестяще опровергал нелепые обвинения наряду с архимандритом Сергием, б. правоведом и профессором гражданского права в родном училище, а после революции настоятелем Троицкого подворья на углу Невского и Фонтанки.

Во время процесса Юрия Петровича постиг еще один удар: кончина любимой супруги. Осиротелую дочь лет восьми взяла к себе его сестра. Суд вынес 12 смертных приговоров, из них 8 заменили тюремным заключением на разные сроки, но мучениками за Святую Церковь стали: **Митрополит Вениамин,** архимандрит **Сергий, Юрий Петрович Новицкий** и юрисконсульт епархиального управления И. П. Ковшаров.

В Доме ученых я познакомился с молодым доцентом философом **Федором Константиновичем Андреевым** и слушал его интересный доклад «Происхождение зла на земле». Вскоре он стал священником при наличии начавшегося легочного туберкулеза. Он был младшим священником Сергиевского Собора, но после декларации 1927 года митрополита Сергия, в отличие от старших собратьев, настоятеля о. Иоанна Морева и прот. Василия Запольского, не признал декларации и потому перешел в храм Воскресения «на крови» (убитого императора Александра II), где собирались непризнавшие декларацию викарные епископы **Сергий Нарвский** и **Димитрий Гдовский** и ряд священников. Первым там арестовали о. Федора и держали в тюрьме, пока тюремный врач не признал, что ему остается месяц жизни. Тогда ОГПУ сделало красивый жест: выпустило его умирать дома. Он поведал близким, как его соблазнял следователь, говоря, что церковь митрополита Сергия не будет преследоваться, получит все «советские права», на что о. Федор ответил: «Не надо нам советских прав, оставьте нам наше святое бесправие». Эти слова почившего в январе 1929 года о. Федора стали девизом непризнавших декларации архипастырей и пастырей.

4 февраля 1930 г. меня арестовали по «делу Академии наук», и я встретил в камере № 9 третьего корпуса ДПЗ (Дом предварительного заключения) на Шпалерной ул. моего сверстника о. **Петра Белавского,** о котором мне сообщили два года тому назад, что он жив и, будучи на покое, служит в церкви села Елизаветино под Гатной. 10 апреля нас с ним перевели в большую 21 камеру, где встретили его однодельцев: б. законоучителя дореволюционной второй гимназии Петербурга о. **Иоанна Никитина** и настоятеля крошечной церкви прп. Александра Ошевенского у разъезда Пискаревка Ириновской жел. дороги о. **Николая Прозорова.** Последнего судьба наиболее замечательна. Молодым семинаристом он пошел добровольцем на Первую мировую войну, после революции поселился в Воронеже, где в 1918 г. был арестован по обвинению в участии в офицерском заговоре. Их всех приговорили к расстрелу и послали приговор в Москву на утверждение. У него была иконка Св. Николая Чудотворца и он с некоторыми однодельцами перед ней усердно молился. Пришел ответ из Москвы: те, кто молился, получили замену расстрела заключением на разные сроки, прочих расстреляли. Через несколько лет он вышел на свободу, стал священником и переехал в Ленинград, где получил приход на Пискаревке. Раз приехал к нему один крупный коммунист — член ЦК с красавицей, с которой просил тайно его обвенчать. О. Николай ответил, что перед венчанием надо исповедаться и причаститься. Раздраженный коммунист отказался, сказав, что батюшка теряет важную протекцию, а он с заплакавшей девушкой поедет искать более покладистого «попа». Узнав его прошлое, следователь Макаров заметил, что первое спасение его от расстрела было «чудом», но Бог двух чудес не делает. Принесли подсудимым приговор: о. Никитину — 10 лет концлагеря, о. Белавскому — 5 лет, а о. Прозорову ничего не объявили. Двух батюшек сразу взяли на этап. Он остался один, и вечером, встав со мной у окна, наизусть прочел вечерню — это был канул Преображения 1930 г. Затем показал мне спрятанную им карточку своих трех дочурок, 6-и, 4-х и 2-х лет, и сказал: «Верю, что Господь не оставит этих сирот в страшном советском мире». Когда камера укладывалась, явился у решетки дежурный комендант: «Прозоров — есть такой? — Это я! — Имя, отчество! — Николай Кириакович! — Выходи с вещами!» Он живо собрал вещи и с просиявшим лицом пошел к открытой ему двери. «Господь зовет меня и сейчас буду с Ним», — крикнул нам, выходя, будущий преподобномученик Николай.

Получив 10 февраля 5 лет концлагеря, я был отправлен этапом на Май-Губу, где по лагерным связям и благодаря знанию латинского языка стал работать лекпомом (фельдшером) в амбулатории, выполняя по предписанию врача медицинские процедуры. Летом пришел с Соловков этап, который остался на Май-Губе: в нем, помимо моего тюремного духовника о. Петра Белавского, был **архиепископ Угличский Серафим (Самойлович)**, одно время заменявший арестованного перед своей декларацией митрополита Сергия. Арестовывая подряд всех возглавлявших патриархию, следователь Тучков спросил архиепископа Серафима: «Кто возглавит церковь, если вас арестуем?» — «Сам Господь Иисус Христос! Его вам уже не арестовать!» Его арестовали и дали пять лет концлагеря, выпустили Сергия, и тот подписал в июле 1927 г. знаменитую декларацию. Владыку Серафима заставили носить кирпичи на постройку. Он упал, сломал два ребра и стал инвалидом. Раз я проходил около пяти часов вечера мимо дезинфекционной камеры, где сторожил один из инвалидов. Меня подозвал архиепископ Серафим. «Нас ставят на два часа. Я стою с двух часов и меня не сменяют». — «Сейчас вас, владыко, сменят!» — Пошел и пригрозил нарядчику, что подам на него рапорт нач. сан. части, что не сменил заключенного Самойловича у дезокамеры. Он стал извиняться, что забыл, растолкал старого полковника и послал его бегом сменить владыку. Через пять минут зашел я в барак и увидел, как владыка с наслаждением пьет кипяток, чтоб согреться от осеннего ненастья с пронизывающей сыростью.

С ним прибыл викарий Смоленский «маленький» Илларион (Вельский), которого назначили открывать ворота перед въезжающими в лагерь возами. Он был самым непримиримым врагом Патриархии и в отличие от других архипастырей и пастырей совершал крещение над младенцами, крещеными пастырями Патриархии, не признавая благодати крещения, ими совершаемого, как и миропомазания.

Но не только духовных лиц мог я повидать в концлагерях Карелии: в 1928 г. был арестован в Ленинграде ряд участников религиозно-философского подпольного кружка «Воскресенье», собиравшегося несколько лет по воскресеньям. Во главе его стоял философ Александр Александрович Мейер, среди участников были архитектор Ксения Анатольевна Половцева и молодой историк Всеволод Николаевич Бахтин, сын известного врача-окулиста. Все трое были во время следствия по делу четырех академиков привезены из Карельских лагерей в ленинградский Дом предварительного заключения и допро-

шены о связях с нами. Таковых не оказалось, и они этапом поехали с нами досиживать сроки. Впоследствии при постройке Беломорско-Балтийского канала Ксения Анатольевна была назначена в Управление в качестве архитектора и сумела пристроить туда Мейера и Бахтина. Все они часто встречались с нами — «академиками», как нас всех прозвали, и стойко несли выпавшие на их долю испытания.

Не упоминаю менее значительные фигуры, как пожилую уборщицу амбулатории концлагеря на Май-Губе, которая с гордостью говорила: «Я получила три года лагеря за то, что отстаивала нашу церковь, когда ее разрушали, — значит, сижу за религию». Теперь, верно, их всех Господь призвал к Себе, «идеже праведные упокояются»...

Алексей Ростов

О предстоящем прославлении Новомучеников Российских[1]

Прежде всего разрешите сделать два уточнения:

1-е: Вечная память.

Вот умер некто. Собрались родственники и друзья. Отслужили панихиду, которая закончилась просьбой: «...и сотвори ему вечную память». Что тут имеется в виду: чтобы родственники вечно помнили? Но ведь часто внуки, а уж правнуки так обязательно, и не знают, да был ли у них вообще прадедушка. Где уж тут вечность?

Или это просьба к Богу? Но у всех нас в жизни, к сожалению, было не только доброе, но и злое. Так что же просим мы *вечно* помнить?

Просим мы помнить только доброе. Потому в старину о покойном было принято говорить только хорошее.

Хотя по смерти за человеком, как говорит Святое Писание, идут дела его, но мы просим Бога в Его Божественной вечной памяти изгладить все злое умершего. Мало того, мы в конце панихиды поем: «...и память его из рода в род».

А что, если покойный был совсем одинок и нет у него никакого потомства? «...в род и род» — значит не личное потомство, а потомство всего человеческого рода. Это просьба о том, чтобы добро покойного, пускай даже только самые маленькие крупицы добра, пошли на пользу — как добрый пример, как сила добра на пользу всему человеческому роду.

[1] Русское возрождение. 1981. I. № 15. С. 51–71.

Пускай, даже хотя бы самомалейшая частица добра, которая останется после меня в мире, вольется в общий океан человеческого добра, который содействует спасению рода человеческого. Нет слишком малого добра. Любая крохотинка добра — драгоценность. По справедливому слову Хомякова, мы грешим по отдельности, а спасаться можем только все вместе. Один о другом имея попечение. Спасаться вот этими крохотинками добра неизвестных нам людей. О такой вечной памяти *и* у Бога, *и* у человечества просим мы в молитве, памятуя слова выдающегося серба, архиеп. Николая Охридского, сказавшего: «Если чье-либо имя на земле поминаться будет и до конца мира, то что такой человек получит от этого, если его память будет забыта на небе?»

2-е уточнение: Мученики.

Кто это мученики? Кажется, что само это слово передает его значение: это те, которых мучили. Однако такое понимание не передает еще всей глубины его значения. Словом «мученик» у нас некогда было переведено греческое слово «мартис», что в точном переводе означает «свидетель». Свидетель чего? Свидетель не на словах, а на деле — свидетель, идущий на мучения и на смерть. Он свидетельствует, что есть Бог, что есть вечная жизнь, что есть в этой земной жизни правда Божья, от которой нельзя отречься, есть Богом указанные пути в жизни, с которых нельзя сходить.

Что это действительно *так, — так,* а не иначе, это *знает* христианин-мученик. Он свидетельствует то, что знает, то что *видит,* потому он свидетель (мартис), который подтверждает свое свидетельство кровью, мучениями, отдачей жизни.

У известного историка В. Болотова в его труде «История Церкви» читаем: «Мученики были проповедниками христианства, продолжителями апостольского служения, и эту миссию они исполняли именно как "мартис", т. е. являлись свидетелями» (С. 7).

После этих двух предпосылок, уясняющих, как я надеюсь, что есть вечная память и что такое мученичество, думаю, мы можем подойти к теме российских новомучеников и их предстоящему прославлению или канонизации.

Но не будем торопиться и остановимся на понимании этого термина «канонизация». Это производное от слова «канон», что означает церковный закон, правило. Следовательно, канонизация есть церковное узаконение или подтверждение правильности того или другого действия или понимания, или действительности, подлинности чего-

либо занесенного в особый список, реестр (*Проф. Е. Голубинский.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 11).

Однако, когда мы хотим говорить о предстоящей канонизации (или прославлении, что то же самое понятие) российских новомучеников, нам необходимо остановиться еще на одной важной для понимания этого вопроса детали.

Церковь различает разные виды, формы или образы святости. Одних святых Церковь называет преподобные, других — мученики. Есть еще и другие подразделения святости, но мы коснемся пока только этих двух.

Преподобные — это люди, долгие годы, а то и всю жизнь, с великим усердием стремившиеся жить святой жизнью и достигшие духовных высот и святости, которая или при жизни, или по их смерти проявила себя через творение чудес. Часто их тела или части их тел, святые мощи, не поддаются тлению и от них люди получают помощь и целения.

Другая категория или образ святости — это мученики. Можно сказать, что образ святости мучеников противоположен святости преподобных. Если для доказательства святости преподобных требуется непорочная жизнь и наличие чудес, то для мучеников ничего этого не требуется — пролитие ими крови за Христа заменяет все другое. Конечно, бывают и так называемые преподобно-мученики, которые соединили в себе долгую непорочную жизнь с мученической кончиной.

Так вот, говоря о канонизации или прославлении мучеников (подчеркиваю: говорю сейчас только о прославлении мучеников, а не святых вообще), мы должны знать о церковных правилах, по которым нет никаких правил для их прославления. Что же это такое? Это анархия в Церкви? Нет, отнюдь не анархия, а правило, канон, то есть церковный закон, согласно которому *всякий* (без разбора — праведник он был или грешник), проливший кровь свою за Христа, без всяких решений соборов, архиереев или синодов становится святым угодним Божиим[1].

Но как же так? Вот у нас осенью будет архиерейский собор, который, как мы знаем, вынесет официальное решение о канонизации новомучеников российских. Значит, такое решение церковной власти необходимо, без него нельзя. Нет, не значит. В практике древней православной христианской церкви таких решений не требовалось. Вот

[1] Естественно, что Церковь должна предостерегать от суеверий и почитания так называемых лжемучеников, о чем говорится в 94-м правиле Карфагенского Собора и 34-м правиле Леодикийского Собора. — *Примеч. авт. статьи.*

что пишет об этом архиепископ Лос-Анжелосский, Антоний: «Колебания некоторых в вопросе прославления новомучеников объясняются среди других причин тем, что Русскую Церковь отделяет от времен первых мучений много веков, ввиду чего учение Церкви о прославлении мучеников весьма многими из русских верующих утерялось; мы от него оторвались. Другими словами, это колебание объясняется незнанием, из-за чего от мучеников требуют того, что от них не требуется, но что необходимо при прославлении других святых, а именно: чудеса, святость жизни и всеобщее почитание. Для таких колеблющихся лучшим и быстрым способом утвердиться является ознакомление с учением и практикой Церкви при прославлении мучеников» (Православная Русь. 1975. № 10).

Однако все же почему у нас ожидается решение архиерейского Собора, если оно для прославления мучеников совсем не обязательно?

Для того чтобы яснее ответить на этот вопрос, обратимся к церковным правилам о прославлении всех других святых за исключением мучеников, т. е. не мучеников, а преподобных. В этих случаях, как мы уже говорили, предъявляются особые требования: святость жизни, чудеса, почитание народом и т. д., на основании чего соответствующая церковная власть выносит свое решение о прославлении. В этих случаях, т. е. во всех случаях, за исключением мученичества, требуется определяющий голос Церкви.

Однако и тут в благодатной церковной жизни допускается чрезвычайная свобода, чем доказуется, что Церковь — не есть канцелярия, что в ней не указом № такой-то совершаются угодные Богу деяния.

Вот что почерпаем мы из богатейших материалов, собранных по этому вопросу Архиерейским Синодом: «...изучение житий русских святых (издание Синодальной типографии. Москва, 1908 и 1916 г.) за взятые восемь месяцев раскрывает, что из 194-х святых, жития которых там помещены, 68 являются местночтимыми... это составляет почти 40% местночтимых святых, т. е. немногим менее половины. Заслуживает особого внимания, что, несмотря на отсутствие постановления церковной власти об их почитании, все эти местночтимые святые помещены в наиболее авторитетном перечне святых (см.: «Полный Месяцеслов Востока». Владимир, 1901). Большинство этих местночтимых святых — преподобные, т. е. те, которых следует прославить через решение церковной власти, и только очень небольшая часть их — мученики, т.е. святые того чина, который, по принятому с глубокой древности Церковному порядку, начиная с убиения св. Ио-

анна Предтечи и св. первомученика Стефана, не требует решения церковной власти для почитания.

Что же из этого следует? Следует, что в древности не только мученики, но весьма часто и другие святые почитались и прославлялись без решения высшей церковной власти.

Тому много есть примеров как во вселенской, так и в Русской Православной Церкви.

Однако, чем мы дальше живем, тем ниже падают нравы и тем более разжижается у многих церковное сознание. Надо думать, что именно это обстоятельство побудило Православную Русскую Церковь Синодального периода почти без исключения прославлять всех новых святых чрез постановление высшей церковной власти. Вполне естественно, что и в наши дни Архиерейский Синод не мог не учитывать те же обстоятельства. К тому же сейчас речь идет не о прославлении одного или нескольких мучеников, а о миллионах мучеников за веру, что суть совершенно нечто небывалое в истории человечества.

Понимаем ли мы, что это, как мы говорим, «множество», эти «миллионы» мучеников поднимаются чуть ли не до 20 миллионов? Понимаем ли мы, что значит 20 миллионов человек? Вот пример: если взять всех живущих в Филадельфии, Питтсбурге, Чикаго, Нью-Йорке, — это будет, примерно, 20 миллионов. Во всей Калифорнии едва ли будет около 20 миллионов. 20 миллионов — это 1/3 населения всей Франции.

За все 20-вековое существование христианства во всем мире набралось 350 тысяч мучеников, а в России за 60 лет коммунизма их оказалось чуть ли не 20 миллионов. О, непостижимый ужас! Это апокалипсис наших дней!

Вы помните предсказание прп. Серафима Саровского: «...время придет такое, что ангелы не будут успевать принимать души».

И все эти страдания, кровь, счет тел убиенных человекоубийца человеческих масс Ленин назвал «статистикой».

Но может возникнуть вопрос: подождите, подождите. Да откуда взята эта ужасная цифра — 20 миллионов?

Эта цифра заимствована из материалов Архиерейского Синода. Она в свою очередь вычислена на основании переписи населения, бывшей в Советском Союзе в 1970 году. Анализ переписи специалистами показал, что недостает, по сравнению с долженствующим естественным приростом населения, 110 миллионов. Если откинуть 20 млн, которые поглотила Вторая мировая война, остается 90 миллионов.

Если к ним прибавить 10 миллионов недохвата за период с 1970 года по 1980 год, исходя из *средней* цифры недороста от 1–2 млн в год, то мы получим 100 миллионов. 100 миллионов недохвата народонаселения за советский период.

По свидетельству многочисленных бывших концлагерников, 1/5 часть заключенных в лагерях сидит за веру. От 100 миллионов 1/5 часть — это и составляет 20 миллионов.

Конечно, не все, сидевшие в концлагерях, погибли. Например, во время хрущевской так называемой оттепели и реабилитации было выпущено от 1 до 2 миллионов. Но разве это значительное изменение там, где счет идет на десятки миллионов?

Нужно помнить и то, что к мученикам Церковь причисляет также и исповедников, т. е. тех, кто страдал за веру, но не был убит. Следовательно, говоря о 20 млн мучеников, еще не говорится о 20 млн убитых, замученных. Вот примеры исповедников, причисляемых к мученикам.

«Церковь прославила, — читаем в докладе прот. о. Романа Лукьянова, — великомученицу Софию, которую не мучили физически, но страдавшую, видя мучения своих детей, девочек-подростков Веры, Надежды и Любви, которых она воспитала в вере Христовой и укрепляла в вере своих детей даже и во время их мучений (Память 17 сентября ст. стиля).

Церковь прославляет как мученицу и Св. Наталию, хотя ее не мучили, но она страдала, видя мучения своего мужа муч. Адриана, которого она во время мучений укрепляла в вере (Память 26 августа)». А сколько у нас за эти страшные годы было таких великих женщин — матерей, жен, сестер. Кто это подсчитал?

У нас нет никакой надобности настаивать на приведенной цифре в 20 миллионов. Это не статистика, которой вообще, конечно, не существует, а *выводы* на основании тех скудных данных, которыми мы обладаем. Но, допустим, что эти наши данные даже на 50%, т. е. наполовину не верны, — все же у нас останется не менее кошмарная цифра: 10 миллионов.

Допустим, что и это окажется преувеличением. Пускай мучеников окажется «всего» 2–3 миллиона. Но и это кошмар, который хотелось бы преуменьшить.

Значит ли это, что предстоящей осенью будут прославлены миллионы новомучеников? Нет, это совершенно не значит. Составляются списки, вернее картотека, новомучеников, о которых известны их

имена и краткие или более пространные сведения. Картотека содержит многие тысячи имен.

Может быть, не всем известно, что Церковь нередко прославляет и тех мучеников, чьи имена не дошли до нас, но о мученичестве которых нам известно.

Например, 2/15 марта Церковь поминает 440 мучеников, имена которых неизвестны и сведения о которых кратки. А именно: «440 мучеников за сопротивление принять участие в языческом жертвоприношении убиенных мечами в конце IV века» («Месяцеслов»).

Или (память 6/19 марта) 42-х мучеников, из коих имени только семи дошли до нас.

Или преподобномученика Никона и его 200 учеников (память 23 марта — 5 апреля). Ни одного имени из числа его учеников не дошло до нас. А, может быть, имена их и никогда не были известны? Но Церковью прославлены и мы им, безымянным, возносим наши молитвы.

Содействуйте пополнению составляемых списков, как новыми именами, так и сведениями. Будьте деятельными участниками, а не только современниками предстоящего этой осенью великого события, о котором веками будут писать историки.

Однако мы хотим сосредоточить свое внимание не столько на внешней исчислимой стороне этих дней, сколько на их внутреннем значении.

«Одно из величайших препятствий, задерживающих духовный подъем, — читаем в книге философа князя Е. Трубецкого, — заключается в том призрачном наполнении жизни, которое дает житейское благополучие. Комфорт, удобство, сытость и весь обман исчезающей смертной красоты — вот те элементы, из которых слагается пленительный мираж, усыпляющий и парализующий силы духовные. Чем более человек удовлетворяется здешним, тем меньше он ощущает влечение к запредельному. Вот почему для пробуждения бывают нужны те страдания и бедствия, которые разрушают иллюзию достигнутого смысла» (*кн. Е. Трубецкой*. Смысл жизни. Берлин: Слово, 1922. С. 80).

Вот в чем заключается «оправдание страданий». Есть как бы общий смысл страданий, которые нередко попускаются нам вопреки нашему желанию, и частный их смысл — мученичество, на которое идут люди добровольно, на принятие которого они в душе своей соглашаются. Их жизнь доказывает, что кажущаяся бессмыслица страданий, «только исчезающая тень смысла». «Будем же, — пишет тот же кн. Трубец-

кой, — верить не в тень, а в смысл, о котором сказано: "И свет во тьме светит, и тьма не объяла его" (Иоан 1.5)».

Что значит для мира праведная кровь мучеников? Почему их надо прославить на земле, если они уже прославлены у Бога на небе?

Стремясь ответить на этот вопрос, мы спросим: что, по слову Церкви, вносят в жизнь мира святые мученики? Они «...кровей своих теченьми, благочестия светлость в мире всем возжегше...» (Постная триодь. Стихиры мученикам). Святые мученики вносят свет в наш мир. Ни политические ухищрения, ни философские измышления, а жизни, отдаваемые за любовь к Богу (а подлинной любви к Богу нету без любви к человеку) — эти отдаваемые жизни озаряют мир.

Вопрос о значении мученической крови ставит нас перед вопросом тайны Крови Христовой. Искупительная тайна крестной жертвы Спасителя, столь сложная для человеческого постижения, только в одном может безбоязненно трактоваться нами: эта тайна мучениками разрешалась не умственно, не словесно, а деятельно — подражании страждущему Христу.

Люди потому могли быть призываемы к «подражанию», к «соработе», названы «друзьями», «богами» (с маленькой буквы), потому что в потенции, в заложенной изначальной давности, человек носит в себе все необходимое для такого «бывания».

Вышесказанное известно нам из седой древности как «откровение». Его подтвердила теперь и наука, заявив, что мельчайшие частицы бытия, невидимые невооруженным глазом, как и человеческие гены, имеют не только разум, но и волю.

Вот почему обыкновенный человек *вдруг* может стать обладателем сверхъестественных, нечеловеческих сил. Оказывается в нем, как в глубинах вулкана, наличествует все необходимое, чтобы совершить нечто невозможное и стать «другом» Господу своему.

Люди святыми мучениками нередко делаются во мгновение ока, часто таковыми становятся совершенно неожиданные люди.

Время вещь относительная. Это для картошки нужно три месяца, чтобы созреть, а для духовного созревания человека бывает достаточно и одно мгновение.

Для того чтобы вышеуказанное познать, мало одного головного знания — «ведения». Нужно это знание и правду его увидеть глазами сердца — приобрести «видение».

Для того, чтобы видеть, необходим свет. Сказано в Евангелии: ходите пока имеете свет, «...доколе есть день» (Иоан 9.4).

«Ведь свет есть являемость реальности», — читаем мы у о. Павла Флоренского («Столп и утверждение Истины». С. 178), — тьма же, наоборот, «есть отъединенность, разрозненность реальности, невозможность явления друг другу, невидимость друг для друга... Ад — это то место, то состояние, в котором нет видимости, которое лишено "видимости", которое невидно и в котором не видно», — писал знаменитый о. П. Флоренский.

От этой-то непроглядной тьмы спасают нас своим «светолитием» мученики. Пролитием крови своей они прославлены у Бога. Прославлены — значит стали причастными славе и силе Господней. Будучи на земле, они содержали в себе память о Боге. Теперь они содержатся в Его Господней памяти неотступно.

Они отдали Ему все до последней капли крови. Теперь они обладают Его силами.

Будучи при жизни способными отдать себя, они теперь, став небожителями, этой же самоотдачи жаждут еще в большей мере, чем при жизни. Они ждут нашего к ним обращения — прославления, как знака нашей веры в дарованные им от Бога силы.

Наше земное прославление праведников есть выражение нашей веры в то, что они уже прославлены у Бога на Небе.

Через их прославление, приближаясь к ним, мы в свете их святости яснее видим и сознаем свою греховность. Они возбуждают в нас подражание им, желая через покаяние строить наше обновление.

Подумайте! Миллионы мучеников — источников святой энергии, воли, добра.

Может быть, никогда перед нами — свободной «частью Русской Православной Церкви — не открылась такая великая миссия, какой является предстоящее прославление Новомучеников Российских. Никогда за всю историю эмиграции от нас не требовалось совершения такого величайшего исторического акта, как предстоящее прославление.

У нас об этом слишком мало думают и не понимают всей колоссальности этого шага.

Не так относятся к этому живущие в России православные христиане. В церковных кругах там трепетно ищут этого дня.

Понимаем ли мы, что это значит: нас из России открыть окно в небесную Церковь?

А мы, с высоты своего безразличия, спрашиваем: откуда просят?

Из России, с русской Голгофы просят!

Да так ли это? Что же, все в России сейчас чувствуют и сознают себя на Голгофе?

Конечно, не все. Но там есть такие люди, каких тут у нас, пожалуй, и совсем нет.

Там есть люди, которые действительно с Богом, в Боге, за Бога. Есть, конечно, и противоположные им — богоборцы. Есть и ни то и не се: ни рыба, ни мясо. Есть всякие. Но для России наших дней характерен существующий там водораздел, делящий на черное и белое, на добро и зло.

Самое страшное, что в мире исчезает понятие того, что добро есть сила Божия, а зло — сила дьявола. Мы вращаемся в некой серой смеси и бредим, что якобы «зло есть минимум добра». О, если бы это было так легко и просто.

Совсем определенно в этом вопросе Слово Божие, где сказано: «О, если бы ты был холоден или горяч. Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение 3.15).

Мы не можем, не смеем не откликнуться на просьбу с русской Голгофы, мы не можем не прославить русских новомучеников, что и делает наша Церковь, наш епископат.

Мы должны быть с ними. Они должны знать и чувствовать наше сочувствие, наше стояние с ними рядом в этом святом и великом деле прославления мучеников, т.е. тех, о ком Церковь в службе мученику вещает: «...углие лести (лесть в русском переводе значит ложь) угасил еси, премудре, кровей твоих струями...» Мученик — это тот, кто пробуждает в человеке человека, вскрывает в нем дремлющие энергии.

Тот, кто, пролив кровь за Христа, стал силен, способен не только дремлющего человека возбудить, но и «...небо же душею священною озарил еси треблаженные».

В России сейчас много набухших почек, т. е. людей, которые как ветки деревьев ждут теплого весеннего дождя — прославления новомучеников, чтобы духовно раскрыться, как древесные почки весной.

Святые — это вместилища Божией энергии, вечно готовые на содействие нам, но никогда не насилующие нашего хотения.

Наша культура, наша русская литература, как ни одна в мире, насыщены вещанием непроходящего.

Вслед за Гоголем, сказавшим, «в мире нет бесследного исчезновения», и в России наших дней есть много современных писателей, говорящих о том же, собирающих эту негибнущую человеческую энер-

гию на благо весеннего цветения нашей Родины. Скажем же от всей силы нашего хотения: «Ей, гряди Господи Иисусе».

Нам нужно коснуться еще одного, входящего в тему прославления новомучеников, вопроса. Вопрос этот о прославлении Царя-Мученика, Государя Николая II. Насколько мне приходилось слышать, в этом вопросе главные недоумения вызывают два момента. Первое: государь был грешный человек. Ему ставится в вину курение и блудодеяние. Второе: прославление Государя Николая II есть, говорят некоторые, политический акт, как и убийство Государя и Его Семьи происходило по причинам политическим, а не религиозным.

Первое замечание о том, что Государь курил, по-моему, отдает немного сектантским морализмом. Конечно, курение поощрять не приходится. Если человек не может бросить курить, то, бесспорно, это недолжная и греховная привязанность. Но мы говорим о Монархе великой страны, занимающей 1/6 земного шара, у которого не могло не быть многих вольных, а тем паче невольных, грехов и соблазнов, в сравнении с которыми упоминание о папиросе, я бы сказал, просто мелочно.

Если говорить о моментах легкомысленного поведения Государя в молодости, до женитьбы и до помазания на царство, если доверять многочисленным мемуарам, то это действительно имело место в его жизни.

Однако, если мы вспомним учение Церкви о мучениках, о чем говорилось выше, то вспомним, что все грехи человека-мученика смываются его кровью.

Церковь признавала мучеников святыми за самую их мученическую кончину, пролитие крови за Христа и открывала им вход в царство праведных.

Как пример приведем св. мученика Ванифатия (память 19 декабря), который жил в прелюбодеянии с некой Аглаидой почти до самого своего мученичества. Св. Димитрий Ростовский пишет о нем: «Нечистые дела его были омыты пролитием крови его, и через это самое душа его сделалась как бы царскою багряницей и увенчалась венцом мученическим».

Теперь второй вопрос. Прославление Государя и Его Семьи — это политический или церковный акт?

На этот вопрос можно поставить вопрос встречный: прославление греческих царей Константина и Елены было политическим или церковным актом? А равноапостольного Великого князя Владимира?

А великого князя Александра Невского? А убиенного князя Андрея Боголюбского? А замученный князь Михаил Тверской? Их всех прославляли или за святую жизнь, или за пролитую кровь во славу Господа Иисуса Христа. То, что они были по своему положению государственные, а следовательно, политические деятели, это вопрос другой, к прославлению их как мучеников прямого отношения не имеющий. Убиенный Государь был человеком глубокого православного сознания и был убит как православный царь. На стене Ипатьевского подвала, где была убита Царская Семья, осталась надпись: «Здесь царь принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы». Какой же там был убит царь? Не магометанский же, а православный. Для разрушения какого государства? Не иудейского же, а православного.

Могут сказать (и говорят), почему вы думаете, что Он умер за Христа, ведь о верности Христу Его никто не спрашивал. А 14000 младенцев, убитых за Христа Иродом, кто-либо спрашивал? А они причислены Церковью к мученикам. Почему? Потому что они, грудные младенцы, еще ничего не знавшие и не понимавшие, стали на дороге Ирода, хотевшего воспрепятствовать Божию воцарению в мире. Они стали невинной жертвой.

Царь, Романовы были носителями идеи, при которой нет места секуляризму — отделенности власти от морали. Пускай эта идея не всегда претворялась в жизнь, но она была как задача, как путеводная звезда. Убивая царя, надеялись убить тысячелетний путь русского народа, а затем... «Мы новый мир построим...» («Интернационал»), где, как написал Достоевский, «все дозволено», где нет моральных устоев.

Царь и Его семья были убиты за христианское понимание жизни, за идею православного государства, от которой их отделить было невозможно.

Однако не раз приходилось слышать, что все же причисление Государя Николая II к святым — это натяжка. Остановимся на этом вопросе и обратимся к истории.

Игорь Олегович, по христианскому имени Гавриил, по монашескому имени Георгий, князь Черниговский, внук Святослава, правнук Ярослава, был убит киевлянами 19 сентября 1147 года *по подозрениям политическим* (см.: Ипатская летопись под 1147-м годом, 2-го издания. С. 249 и *Голубинский Е.* История канонизации святых. М., 1903. С. 58).

Второй пример опять отсылает нас к началу нашего исторического бытия (см.: Лаврентьевская летопись под 1175 годом, 2-го издания. С. 352 и Ипатская летопись под 1175 годом, 2-го издания. С. 403).

Великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский *убит заговорщиками* с 28 на 19 июня 1175 года. «Летописцы называют его мучеником, приравнивают к святым Борису и Глебу, ублажая его как святого, обращаются к нему с мольбой о предстательстве перед Богом за князей русских» *(Голубинский Е.* История канонизации святых. М., 1903. С. 59). Вот два, и далеко не единственных, примера из нашего прошлого.

На протяжении сотен лет мы молимся этим князьям-мученикам, одному убитому «по политическому подозрению», а другому убитому предателями — «заговорщиками». Молимся им и не поднимаем вопроса о якобы политических мотивах их убийства или «натяжке» при их прославлении. Почему прославить русского великого князя, убитого в ночь с 28 на 29 июня, можно, а русского Царя, убитого в ночь с 16 на 17 июля, нельзя? Почему к одному мученику — Великому князю — с молитвой «о предстательстве перед Богом за князей русских» обращаться можно, а к другому — царственному мученику — с молитвой о всем русском народе нельзя. Почему?

Да, конечно, кривотолков в связи с предстоящим прославлением может быть сколько угодно, и я не сомневаюсь, что недостатка в них не будет. Но скажите: есть ли такое доброе дело, которое не встречает порицания и клеветы?

Для того чтобы познакомиться, как и на какой невообразимой духовной высоте жила Царская Семья в изгнании, я позволю себе отослать вас к моей выходящей из печати книге, названной «...И память их в род и в род". Не скрою, что, когда я сам впервые познакомился с теми материалами, которые разбираю в этой книге, во мне произошел крутой поворот во многих моих воззрениях.

«Потоки мученической крови есть то (читаем мы в резолюции комиссии по прославлению новомучеников от 3/16 сентября 1978 года), что может погасить пожар безбожия, подобно тому, как кровь первых христиан погасила пожар языческого нечестия. Однако кровь мучеников приобрела особую силу благодаря благоговейному почитанию тогдашними христианами мучеников...»

Если произошло это тогда, то не может ли произойти и теперь? К сожалению, Комиссия имела все основания добавить фразу похвалы первохристианам, звучащую одновременно как более чем заслуженный укор христианам современным.

Да, мы слабы, но зато теперь есть миллионы мучеников, сила которых может совершить все, на что будет благоволение Божие. На это и надеются православные в России, когда пишут: *Откройте окно.*

Вот выписка из письма отца Глеба Якунина, мучащегося сейчас в советской тюрьме: «Через канонизацию святых как бы открывается окно в Церковь небесную, и помощь благодати канонизированных святых в ответ на земное прославление входит... в события человеческой истории».

Писать так могут, так *смеют* писать только наши православные братья в России. Они и поручают нам сделать то, что необходимо для них и для нас, для каждого по-своему. Сделать то, что они не могут сделать там сами из-за преследований. Они, сами стоящие на путях мученических, властны давать нам такое поручение. За их подвиг мы, духовно худосочные, ни чем иным, кроме свободы не обладающие, и совершим великое дело прославления Новомучеников Российских.

Вспомним слова Митрополита Анастасия, сказавшего, что «на нас лежит священный долг возвестить о мучениках миру, проповедовать на кровлях о том, что мы видели очами, что осязали руки наши».

Нет надобности говорить о том, в каком положении сейчас находится наш народ и наша Церковь под ярмом безбожной власти. Болезнуя о нашем несчастье, мы можем почерпнуть достойный подражания пример из нашего прошлого.

Митрополит Московский Макарий перед всероссийским церковным Собором, долженствовавшим внести обновления в жизнь Церкви, начал с того, что в 1547 и 1549 гг. канонизировал 39 новых святых, по тем временам количество небывалое (*Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. С. 92).

Мы теперь, подобно тому как 4 века тому назад при Митрополите Макарии, ожидаем милости Божией — обновления нашей Церкви и Отечества. И нам надлежит, готовясь к этому, начать с прославления тех, кому судьбы нашего будущего не просто дороги и близки, как нам самим, но дороги *кровно* через пролитие их крови за верность нашей Церкви и Отечества Христу-Богу.

В заключение нашей сегодняшней темы я хотел бы напомнить вам о Великом Четверге на страстной неделе, когда вспоминается прощальная Вечеря, Тайная Вечеря Его Плоти и Крови. Господь Иисус Христос первый прошел голгофским мученическим путем и на Тайной, таинственной, исполненной таинства Вечери еще до мук, смерти и воскресения уже питает учеников пищей бессмертия, взывая: «Ядите Тело Мое и утверждайтесь верою». Иисус Христос тут и жертва, и жертвенник, и совершитель.

Следуя за примером Спасителя, христиане стали совершать их общее соборное дело воспоминания, т. е. Литургии, на местах погребения своих братий, умученных за Христа.

Теперь мы, современные православные христиане, совершаем Литургии, подобно им, на мощах святых, на так называемом антиминсе — плате, в который вделана частица св. мощей — нетленная святая частица плоти св. человека. Без антиминса ни священник, ни епископ не могут совершать Литургии.

На свидетельстве святых стоит наша Православная Церковь, которая может быть названа Церковью мучеников. Ибо: «Кровь мучеников — семя Церкви».

Слава Тебе Господи, удостоившему русское православие неисчислимым сонмом подражателей Тебе, свидетелей Твоих, — святых мучеников.

«Христе Боже, Твоя Церковь, украсившись кровью Твоих мучеников... как царскою одеждою... их устами взывает Тебе: верующему народу ниспосли Твои щедроты, даруй мир людям Твоим и душам нашим велию милость» (Тропарь мученика в переводе на русский язык).

Прот. Александр Киселев

Особое мнение[1]

О. Александр хорошо, убедительно обосновал предстоящий акт прославления Новомучеников Российских. Полагаю все же, что не с его обоснованием, а с самим этим актом многие в нашей эмиграции не будут согласны. К ним присоединяюсь и я, считая, что подобные акты могут приниматься только в самой России, всеми верующими ее церковно людьми. Только такой, всенародно принятый, соборно одобренный акт может иметь полную силу. Мы же здесь, в эмиграции, — слишком малая часть, чтобы решать и выступать от лица всех. В нашем состоянии мы можем высказывать лишь свое мнение и свои пожелания.

Будучи редактором этого журнала и не желая, чтобы мое шетное мнение могло быть принято за несогласие с его издателями, подчеркну, что это не так и что несогласие в данном случае является моим частным мнением, к общему ведению журнала неотносящимся.

[1] Мнение, высказанное участником съезда — редактором журнала «Русское возрождение» Г. Андреевым.

Прославление со святыми Новомучеников и новых исповедников[1]

Апостолы — Столпы Церкви, огласившие проповедью Евангелия всю вселенную, приняли все, кроме апостола Иоанна Богослова, мученическую кончину еще до конца первого века. Исполнились на них слова Христовы: «Будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Мф 10.22). Кровь апостолов и за ними множества мучеников напоила обильно Церковь с половины первого до начала четвертого века. Первые мученики стали славою, силою и символом победы всего христианского мира. Многие готовились тогда стать мучениками, так как казалось, что иного пути для верующего во Христа, в мире сем во зле лежащем, не может быть! Идеалом самых сильных и крепких было пролить кровь за Распятого нас ради.

Диавол боролся с Церковью — «Столпом и Утверждением Истины» (1 Тим 3.15) не только физическим уничтожением христиан, но и ложью. Уже в век апостольский явились многие лжеучители и еретики, смущавшие христиан, которых решительно обличали, в своих посланиях к пастве, апостолы.

С начала второго века Мужи Апостольские, полные благодати и истины, бесстрашно продолжали проповедь Евангелия. Восстал целый полк духоносных святителей, богословов, апологетов, пастырей Церкви, за которыми шли с полным доверием и любовью овцы словесного стада, через раскинутые диаволом сети лжи, скорбей и страданий. Многие из них тоже приняли мученический венец.

Четвертый век сияет славою величайших святителей и учителей Церкви: Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других. За голосом этих бесстрашных исповедников Истины следуют верующие даже до сего дня. Достаточно сказать, что так учил один из них, чтобы утвердить в Истине колеблющихся.

Тот же четвертый век открыл новую страницу истории Церкви, явив миру красоту монашеского подвига. Наполняются пустыни небесными человеками и земными ангелами, пустыножителями, отшельниками, оставившими все и последовавшими за Христом. К авторитету пустыни прислушивался христианский мир и соблазны и ереси явили свое бессилие перед духовной высотой отцов пустыни.

---

[1] Доклад, прочитанный на 13-м Епарх.съезде Западно-Европейской епархии РПЦЗ 6 июня 1981 г. в Люксембурге. — *Примеч. редакции журнала.* (Русское возрождение. 1981. III. № 15. С. 72–84.)

Триумфально шествовала Церковь, предводимая Апостолами, Мучениками, Святителями, Отцами пустыни, через скорби, гонения, соблазны лжи, предсказанные Божественным Учителем. И побеждала она со Христом мир, являя ему красоту и высоту своего учения, жизни, подвига, самоотречения, торжества Неба над землей.

Церковь в наши дни

Христос, сказавший своим последователям: «Будете ненавидимы всеми за имя Мое», сказал и другие горькие слова: «Сын Человеческий, пришед (во второе свое пришествие) найдет ли веру на земле?» (Лк 18.8). Эти скорбные слова начинают уже сбываться в наше время, ибо печальную картину являет современный христианский мир.

Где великие вселенские учители, за голосом которых шли бы с полным доверием чада Церкви? Увы, смолкли их огненные и золотые уста! Не за пастырями идет ныне мир, а они приспособляются к нему, ища славы его и трепеща перед сильными его. Так редко слышим мы бесстрашный, мужественный и правдивый голос тех, которым Христос повелел пасти овец Его.

Экуменизм, восставший на догмат Церкви, модернизм, разлагающий жизнь Церкви, угождение и подчинение сильным мира сего, неискренность — вот чем дышат современные пастыри, думая вести стадо Христово за собой.

А монашество наших дней! Где великие светильники ангелоподобной жизни, где духовные цветы пустыни, где высота подвига отречения от мира? Пустуют древние обители, в большинстве, за небольшими исключениями, едва насчитывая в своих священных стенах десяток тех, которые посвятили себя Богу. И даже искренние монахи, ищущие спасения, далеки от духовной высоты древних. Не ищет наш мир высшего подвига.

И можно было бы прийти в уныние и решить, что иссяк дух ревности христианской, что нет больше той веры, которая побеждала мир и все, что в мире!

Мученики нашего времени

Но так можно было бы думать только в том случае, если бы не сияли на церковном небе, как яркие звезды, СОВРЕМЕННЫЕ МУЧЕНИКИ. Ведь мы живем в век новых мучеников за Христа, ничем не отличающихся от древних. Они свет Церкви, они наша надежда, наше упование, их кровью и ныне живет, крепится и растет Церковь.

Этих мучеников XX века в первую очередь дала Русская Церковь. На вызов Христу воинствующих безбожников она ответила мученической кровью лучших сынов и дщерей своих! Тысячи мучеников отдали жизнь свою за Возлюбившего их. Гонители же не только яростно выкорчевывают христианство на территории СССР, но и своими словами и делами свидетельствуют о том, что боятся они мучеников, даже после их смерти. «Мучеников за веру нет и не было», — лживо свидетельствуют они миру. «Советская власть боролась лишь с людьми, не хотевшими принять новый порядок жизни, со злостными политиканами», — повторяют за безбожниками несвободные представители Московской патриархии. Не произнес бы подобной лжи епископ Церкви Христовой, лжи против которой камни способны вопиять!

Все больше и больше сведений о замученных, убитых за Христа. Скрыть истину безбожники не в силах, их лжи уже никто не верит. И все чаще ставят себе вопрос чада Церкви: не пора ли современных мучеников видеть уже во славе Отца небесного, наследниками Его вечного царства? Не пора ли молиться им, а не за них?

Кого мы можем назвать мучениками?

Не пора ли, вопреки безбожной пропаганде, сказать правду об истинных христианах в наш тепло-хладный век?

Но прежде чем ответить ясно и просто: «Пора и давно пора», надо подготовить нас самих к этому, чтобы избежать неправильного толкования, непонимания и возражений по неведению.

Во-первых, надо понимать ясно и объяснять другим то, что мученики, о которых мы говорим, не суть просто жертвы революции, как думают некоторые. Несмотря на то что революция русская была открытым вызовом Богу, Творцу человека и мира, далеко, конечно, не все убитые могут быть названными мучениками за Христа.

Таковыми мы можем назвать только тех, *жизнь которых как благочестивых христиан хорошо известна Церкви, так же как и несомненна кончина их за веру во Христа.*

В первую очередь мучениками являются священнослужители — пастыри Церкви, убитые только за то, что были служителями Божиими, убитые кощунственно, с издевательством над Тем, Кому они служили. Назовем, хотя бы, имена тех, которых должен знать весь христианский мир: первомученик митрополит Владимир, митрополиты: Вениамин, Кирилл, Иосиф, Агафангел, Петр и другие. Патриарх Пи-

мен, хотя и не был убит, но замучен был «утонченными нравственными пытками, которых не знал еще грубый век Нерона и Диоклетиана», писал митрополит Анастасий.

Убивали епископов, монашествующих, мирян и даже детей голодом, холодом, на непосильных работах в тюрьмах и лагерях смерти; расстреливали, глумились: отрезывая языки, уши, убивая до смерти, закапывая живыми в землю; топили в реках, вешали на царских вратах в храмах, убивали вместе с женами и детьми. Убивали, предъявляя единственное обвинение: служитель Божий!

А был для них способ избежать мучений и смерти, сохранить жизнь свою и близких — это было отречение от Христа и переход в стан гонителей, но лишь единицы воспользовались им.

Шли пастыри Церкви, а за ними пасомые, как овцы на заклание, безгласные и покорные воле Божией. «Когда с конца 1917 г. начались огненные испытания для Церкви, — писал митрополит Анастасий, — священномученики, мученики и мученицы, уразумев волю Божию, сами принесли себя в непорочное заколение (Евр 10. 6–9). Вслед за Вечным Первосвященником и Ходатаем Нового Завета они вошли во святилище со своею кровью, да очистят грехи людские (Евр 9.12–15), ибо без пролития крови не бывает прощения» (22).

О количестве получивших мученические венцы имеем мы много сведений: хотя бы две книги протопресвитера М. Польского «Новомученики Российские», как и другие свидетельства. Например, список новомучеников, с любовью составленный и тщательно проверенный, полученный из России в 1976 г., который в цифрах исчисляет умученных за Христа в разных областях. Так, в области Харькова — 98 мучеников; Одессы и Херсона — 191; Петрограда — 36; Новгорода — 68; Архангельска — 99; Ставрополя — 139; Владикавказа — 72; Екатеринослава — 92 и так далее, и так далее. Всего по списку 8 тыс. убитых за Христа. Но их, конечно, гораздо больше.

«Они воскресили перед нами образы святых Игнатия, Поликарпа, Златоуста и многих других исповедников и священномучеников. Их доблесть озарила новою славою Православную Церковь» (из Похвального Слова Новомученикам митрополита Анастасия).

Они прославили в дни страшных гонений Церковь, они стоят непоколебимо ныне во главе православного мира, они наша слава, победа и радость.

Отказ от мучеников — отказ от Христа

От этой славы и христианской победы отказываются официальные представители Церквей Божиих. Готовят, как они его называют, «великий, святой и всеправославный собор», на котором торжественно, перед всем миром ОТРЕКУТСЯ от современных мучеников, обойдут их полным молчанием, молчанием позора, которым заградят их уста воинствующие безбожники, с помощью представителей Московской патриархии, что сделают они уже не в первый раз.

В каком же виде предстанет перед миром этот собор, отрекшийся от мучеников? Что останется ему? Об этом свидетельствует жалкая, пустая, с трудом составленная программа его. Собравшиеся пастыри Церкви будут, оказывается, срочно решать «нетерпящие отлагательства», как думают они, вопросы о том, каким образом сократить посты, ослабить церковную дисциплину, о первенстве и привилегиях Церкви Константинополя, о дальнейшем развитии экуменических контактов и ЭТО ВСЕ! Какая страшная духовная и безнадежная пустота в то время, когда все силы ада ополчились на Церковь!

Вопросы воинствующего безбожия и современных ересей, отторгающих от Церкви миллионы верующих насилием и обманом, не интересуют, очевидно, пастырей? Вопросы эти, казалось бы, должны быть первыми на повестке собора. Участники его, отрекшись от мучеников и их подвига, не смогут звать верующих подражать примеру их! Чем же возродят они дух ревности христианской, подвига монашеского, которые настойчиво требуют обновления? Чем утешат они исповедников, томящихся ныне в тюрьмах и ссылках? Углубляя экуменизм, не смогут они твердо и бескомпромиссно исповедовать веру во Единую и Единственную Церковь и т. д.

Такой собор покроет Православие несмываемым позором, ибо в основе веры нашей лежат мученичество, подвиг и прославление святости.

Вот почему настало крайнее время свидетельствовать о подвиге новомучеников, воздать им должное, чтобы возродить жизнь христианскую. «Прославление мучеников назрело и откладывать его не надо ни в коем случае! Мы, не прославляя их, лишаемся величайшей помощи Божией, по их молитвам», — писал современный исповедник Церкви.

Может ли наша церковь канонизировать святых?

Каждая православная, автокефальная, поместная Церковь имеет право канонизировать своих святых решением своего Архиерейского Собора. Другие Православные Церкви-Сестры принимают к сведению подобное решение о канонизации одной из них.

Мучеников, о которых мы говорим, могла бы прославить со святыми Русская Православная Церковь. Но она ныне обезглавлена, рассеяна, не имеет свободно действующих и учащих епископов. Она подавлена глухим молчанием. Нет соответствующего церковного органа, который мог бы совершить официальный акт канонизации.

Надо ли ждать для этого времени освобождения Русской Церкви от гонений? Не может ли Русская Зарубежная Церковь сделать то, что не в состоянии теперь совершить Русская Церковь в целом; подобно тому, как были прославлены Собором наших епископов: святой Иоанн Кронштадтский, преподобный Герман Аляскинский и святая блаженная Ксения!

А право свое на это наша Церковь видит в том, что она всегда считала себя свободной частью Русской Церкви, стараясь ни в чем и нигде не отрываться от нее, не изменяя ей, не ища более выгодных позиций у иерархов других Церквей. Не наш ли долг перед Матерью-Церковью совершить акт прославления святых мучеников?

Отвечая на этот вопрос, будем помнить, что прославление многих святых начиналось так называемым местным прославлением, т. е. на месте жизни праведника, где его благочестивую жизнь многие знали, где обращались к нему за помощью при жизни его и молитвенно после смерти и получали просимое. Постепенно слава о святом распространялась все дальше, сведения о чудесах, по молитвам к нему, становились достоянием все большего числа верующих и в конце концов перед Церковью в целом становился вопрос о канонизации нового святого, что она и осуществляла на архиерейском соборе.

Очевидно, что прославление Новомучеников нашей Церковью, так же как святого Иоанна Кронштадтского, преподоб. Германа Аляскинского и блаженной Ксении, будет сначала местным, в силу обстоятельств, не окончательным, в том только отношении, что официальный акт о канонизации от всей Русской Церкви последует после освобождения ее от гонений.

Особые условия прославления мучеников

Но в случае мучеников даже и этого не нужно, т. к. признание мученика святым не требовало официальной санкции церковной власти. Убитого за исповедание Христа тотчас после мученической смерти его Церковь почитала святым мучеником без выяснения даже о том, как он жил, что делал, без ожидания чудес и т. д. Достаточно было диким зверям растерзать исповедника Христова на арене римского Колизея, чтобы останки его почитались верующими как святые мощи и хранились как святыня. Бывали случаи, когда римские воины-язычники, присутствуя при мучении христиан и будучи поражены их терпением, исповедовали себя христианами и были убиваемы за это. И, несмотря на то что жили они, как язычники, с момента крещения их своею кровию Церковь почитала их святыми мучениками. Пример мученика Вонифатия и других.

Отношение верующих в Росии к Прославлению

Велика была радость наша, когда современная Россия откликнулась на наше дерзновенное желание прославить мучеников сочувствием, пониманием и выражением радости по этому поводу.

Вот слова исповедника оттуда, осужденного ныне на шесть лет лишения свободы: «Нас потрясла весть о том, что ваш архиерейский собор будет канонизировать новых руских святых мучеников. Это неожиданная, нечаянная радость для нас. Мы глубоко убеждены в том, что это событие коренным образом повлияет на дальнейший ход исторических событий и сыграет ключевую роль в дальнейших судьбах России и всего мира».

Другой дерзновенный исповедник оттуда пишет: «О прославлении мучеников заговорила маленькая часть Православной Церкви — Зарубежная, — и это делает ей честь. Думаю, что поддержат и все остальные части Православной Церкви». И дальше: «Быть замученным от безбожников, тем более такими страшными муками, которые применяли они, — значит стать святым мучеником. Нужно только знать, не отказались ли они от Христа в муках, остались ли Ему верными до смерти? Страдания, как вода в огненной купели, не только все смывает, а даже выжигает все несовершенное, и человек выходит чистым, очищенным золотом становится».

Особый вид мучеников — страстотерпцы

Теперь следует указать на особый вид мучеников — *невинно пострадавших!* К ним причислены в России святые мученики Борис и Глеб, царевич московский Димитрий, князья Михаил Тверской и Андрей Боголюбский и другие. Они не были убиты за веру во Христа и, однако, причислены Церковью к святым. Причины их убийства были политические, но за благочестивую жизнь и покорность воле Божией даже до смерти, Церковь их прославила в ряду святых мучеников.

Таковыми в наше время являются царственные мученики: царь Николай, царица Александра, цесаревич Алексий, княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, великая княгиня Елизавета и князья Иоанн, Игорь и Константин.

Несомненно, что из среды их больше всего сомнений вызывает прославление со святыми царя Николая Второго.

Во-первых, скажем, что по распоряжению церковных властей в нашей Церкви уже много лет на панихидах поминаем убиенного Государя, как Царя-Мученика, к чему все привыкли.

Во-вторых, надо знать, каково было отношение Церкви к православному царю. Церковь рассматривала его не только как светского главу государства, но как священное Лицо, носителя особой божественной харизмы. Во время коронации над царем совершается ВТОРИЧНО ТАИНСТВО МИРОПОМАЗАНИЯ (первое при крещении), на что не имеет права ни один христианин. И как в таинстве миропомазания при крещении печатью дара Духа Святого подается крещаемому благодать, сила Божия для подвига жизни христианской, так для помазанника Божия — Царя — благодать для управления народом Божиим.

Эта особая божественная харизма делает православного царя служителем Божиим, ответственным за народ перед Богом.

«Вот почему православно верующий должен видеть в царе Николае не только мученика-христианина, но именно Царя-Мученика», — как пишут верующие из Советского Союза, — пострадавшего не только за свою верность Христу до смерти, но именно за свое имя Царя-Мученика».

«Промыслом Божиим он был удостоен пострадать в тот момент, когда уже не имел никакой политической власти и отказался от каких-либо попыток эту власть вернуть. Царь Николай пострадал как символ православного царства, как носитель многовековой церков-

ной идеи — власти Божией над землей. И в том, что он сподобился пострадать именно таким образом, мы видим еще одно из божественных свидетельств его святости».

И еще: «Всемирно-исторический смысл мученической кончины царя и его семьи состоит в том, что здесь кончается Константиновский период бытия Церкви Христовой и открывается новый — мученический, апокалиптический. Начинает его жертва православного Царя-Помазанника и его семьи».

И заключают наши братья оттуда свое такое горячее исповедание праведности убиенного царя словами: «Омытый Христовою кровию и своею, очистившею его самые тяжкие грехи, он, по нашему мнению, достоин канонизации со святыми».

Вот еще одно свидетельство современного исповедника: «Прославить надо всех мучеников за веру, не делая выбора, тем более не становясь на политическую точку зрения, как это делают в отношении царя. Ему все что-то пытаются поставить в вину, даже не представляя того, что, обвиняя Царя-Мученика, они становятся в ряд палачей его! Он умер, не изменив своей вере!»

Но сверх этого мы знаем еще высокое благочестие Государя и его чисто христианское отношение к жизни. «Кротость и смиренное принятие уготованной им страшной участи возводит императорскую чету на высочайшую ступень христианского подвига», — тоже мнение людей из России.

До нас дошли многие письма царицы и царевен, изданные отдельной книгой «Письма Царской семьи из заточения», свидетельствующие *как официальные документы* о благочестии жертв, об их терпении, смирении, кротости, горячих молитвах, покорности воле Божией в унижениях и страданиях. Эту книгу должны прочесть все, чтобы убедиться в праведности Царя и его семьи.

Но если кто-либо, даже при искреннем желании, в этом не убедится, если он за образом Государя-Правителя не видит еще образ Царя-Мученика, то и не должен пока молиться ему, т. к. факт канонизации принудить его к этому не может. Нельзя заставить того, кто не хочет, молиться, любить и верить. Но пусть такой не смущает своей критикой и сомнениями тех, которые благоговейно склоняются перед памятью Царя-Мученика.

Прославление Новомучеников — Всеправославное Торжество

С недоумением вопрошают некоторые о том, почему прославление русских мучеников может быть всеправославным торжеством? Ответим словами апостола Павла о том, что в Церкви «нет ни эллина, ни иудея, ибо все мы ОДНО, во Христе Иисусе» (Гал 3.29). «Да будут все ЕДИНО, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они (ученики — чада Церкви), да будут в НАС ЕДИНО» (Иоан 17.21), — так молился Отцу наш Спаситель, такими хочет Он видеть нас в Своей Церкви.

Едиными усты и единым сердцем должны мы славословить мучеников, какому бы народу и какой бы Церкви они не принадлежали. Их молитвы — залог нашего возрождения, их подвиг — пример для подражания, их кровь — оправдание истории Церкви нашего времени.

Мы все — ЕДИНО стадо Христово в Западно-Европейской епархии: французы, сербы, швейцарцы, русские, испанцы, румыны, итальянцы, греки — будем с трепетом и радостью готовиться к прославлению современных мучеников. Будем готовиться к этому редкому торжеству усиленными молитвами, строгим исполнением церковных правил, постов, чтением жизнеописаний Мучеников и их подвига.

Наличие современных мучеников свидетельствует, что христиане не стали еще солью, потерявшей силу, что не угасла еще вера на земле, что есть за кем нам идти, немощным и слабым.

«Канонизация мучеников и новых исповедников является не только лишь формальным признанием зримо явленной святости праведников, — говорят наши братья оттуда, — это творческое действие, предстоящее Церкви, поистине можно назвать подвигом, ибо невозможно совершить его, согласно воле Божией, духовно не приобщившись к подвигу мучеников и исповедников». Ибо сказано: «Кто принимает пророка во имя пророка, тот получит награду пророка, и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника» (Мф 10.14).

Святые Новомученики и новые исповедники, молите Бога о нас! Воля Божия и сила в немощи нашей, да совершится!

Прославление, если Богу угодно, состоится в синодальном соборе в Нью-Йорке в воскресенье 1 ноября с. г. (и накануне за всенощной). Совершит его СОБОР всех Епископов нашей Церкви!

В нашей Епархии в воскресенье 1 ноября после литургии священнослужителям надлежит объявить пастве о том, что торжество про-

славления СОВЕРШИЛОСЬ, призвать молящихся к молитвам Святым мученикам и к подражанию подвига их и в заключение пропеть ИМ всею церковью ВЕЛИЧАНИЕ!

Молебны Святым мученикам будем служить по нашем возвращении из Нью-Йорка.

Архиепископ Антоний

Послание Архиерейского Собора к православным русским людям на родине и в рассеянии сущим[1]

К прославлению новых мучеников и исповедников Российских

Русская Православная Церковь За границей, т. е. вне пределов Родины, исповедует себя неотъемлемой частью Матери-Церкви Российской, вскормившей и воспитавшей русский народ и создавшей его культуру и великое государство. Она одна только может говорить от имени Отечественной Церкви.

Прежде чем огненные испытания обрушились на Церковь в России, Господь промыслитель рукою крепкою выводит малую часть ее за пределы Российского государства, сохраняя, таким образом, ее церковную свободу и полную неподчиненность какой бы то ни было политической силе в мире.

34 русских епископа, оказавшихся за границей, основывают, в силу богодухновенного указа Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода от 20 ноября 1920 года, Русскую Зарубежную Церковь, существующую до сего дня. Первым возглавителем ее был митрополит Киевский и Галицкий Антоний, первый кандидат в патриархи на Московском Соборе 1917–18 годов. Вторым — член Всероссийского Синода, митрополит Анастасий и третьим — ныне здравствующий митрополит Филарет. В настоящее время Собор 18-ти епископов является высшей властью Зарубежной Русской Церкви.

Не отрываясь от Матери-Церкви, следя внимательным, любящим и преданным взором за жизнью ее, зарубежная часть радуется ее успехам и скорбит о ее бедах и испытаниях. Она знает и исповедует, что жизнь Церкви на родине, начиная с 1917 г. и до сего дня, идет скорбным, но славным путем. Путем мученичества, исповедничества, ухода в катакомбы — иллегального существования, борьбы с воинствующим безбожием и порабощением им пастырей Церкви.

[1] Русское возрождение. 1982. I. № 17. С. 11–16.

В разгар страшной, кровавой, богоборческой революции многие миллионы русских людей, ради спасения своего благополучия, переходили в Обновленчество, порывали с Церковью, позорно отказывались от веры предков, даже переходили в стан безбожников и воспитывали детей вне религии.

В это страшное время отступничества, Церковь, помня слова Спасителя: «В мире скорбни будете, но дерзайте, ибо Я победил мир», привела ко Христу миллионы Святых Мучеников, бесстрашных исповедников, невинно пострадавших и убитых за веру православных христиан. Их кровь омыла позор богоотступничества братьев по вере и сестер по крови. Они были добровольной и очистительной жертвой за грехи народа.

А богоборцы торжествовали свою победу над невинными жертвами. Убили кроткого, всеми оставленного царя как символ православного царства, убивали пастырей Церкви, которыми держится она, монашествующих и мирян, возлюбивших Христа, мужчин, женщин и даже невинных детей. Убивали утонченными нравственными пытками, глумились, расстреливали, забивали до смерти, замучивали голодом, холодом, непосильными работами в лагерях смерти. Упиваясь кровью своих жертв, мучители доходили до полного безумия: закапывали живыми в землю, топили в реках, отрезывали языки, уши, вешали на царских вратах в храмах, убивали вместе с женами и детьми.

Убивали, предъявляя единственное обвинение: служитель Божий или верующий христианин.

Шли верующие, как овцы на заклание, безгласные, покорные воле Божией, даже до смерти. «Ничто не могло отвратить их от любви ко Христу, ни скорбь, ни теснота, ни гонения, ни голод, ни нагота, ни опасность, ни меч» (Рим 8. 35).

Их подвиг озарил новой славой Православную Церковь, в дни страшных гонений они стали нашей славой, победой и радостью. Они ушли победителями из Церкви воинствующей и вошли в вечную радость Церкви торжествующей.

Но Церковь Христова ЕДИНА, и обе, земная и небесная, живут одной жизнью, одной любовью во Христе! Взирая на их подвиг, мы сострадали им, мы молились за них. Но все чаще спрашивали верующие, не пора ли молиться ИМ, а не за них; ибо, несомненно, они уже вошли в радость Господа своего.

Но чтобы наши молитвы к ним были совершенны, возносились бы всею Церковью «едиными усты и единым сердцем», надо чтобы она дала на это благословение, актом канонизации новых Святых Муче-

ников. «Радуюсь, что совершится прославление Мучеников, — пишет современный исповедник из России, — я давно им молюсь, а теперь моя молитва станет канонической, церковной».

Каждая православная, автокефальная, поместная Церковь сама канонизирует своих святых решением Архиерейского Собора, который следует желанию пастырей и паствы, верующих в святость Мученика и желающих молиться ему церковной, общей молитвой.

Русская Церковь в Советском Союзе сделать этого теперь не может, т. к. лишена возможности высказывать свое мнение и действовать согласно своего убеждения. Она зажата в тиски безбожной администрации, поставившей себе задачей ее подчинение, а затем полное уничтожение. Она не имеет свободно действующих и учащих епископов, которые могли бы совершить официальный акт канонизации. Они молчат, а безбожники лжесвидетельствуют всему миру о том, что мучеников за веру никогда не было, что верующие в России пользуются полной свободой исповедовать веру.

И вот то, что не может сделать никто другой, то, со страхом и трепетом, благоговея перед кровью Мучеников, совершил Собор 18-ти епископов Русской Православной Церкви За границей как малая часть всей Русской Церкви, но от ее имени.

Мы радостно сообщаем вам, братья и сестры, что наш Архиерейский Собор, в воскресенье 19 октября/1 ноября 1981 г. в Нью-Йорке, ПРОСЛАВИЛ СО СВЯТЫМИ (КАНОНИЗИРОВАЛ) НОВЫХ МУЧЕНИКОВ и ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ, явившись выразителем желаний и молитвенных устремлений своих пастырей и паствы, а также неустрашимых исповедников на родине. Вот что пишет один из них: «...не откладывайте прославления и не меняйте намерения. То, что вам Бог внушил мысль прославить со святыми новомучеников, является свидетельством того, что Он вас на это избрал» (письмо от 8 июня с.г.).

Актом прославления Церковь выражает свою любовь к Мученикам, уверенность в том, что святы у Господа, преклонение перед их подвигом, желание подражать ему и молиться с любовью им, о помощи нам, грешным. И в этой молитве любви осуществляется таинство того ЕДИНСТВА, о котором молился наш Спаситель: «...да будут все (верующие) ЕДИНО, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе» (Иоан 17.21). В нем небо преклоняется к земле, земные возносятся на небо и молитвы мучеников за нас восполняются нашей верой и любовью к ним, мы же укрепляемся молитвами их.

Через прославление Мучеников мы сподобляемся величайшей помощи Божией по молитвам их. А помощь эта нужна всем хотящим жить по заповедям Божиим, в первую очередь гонимым и скорбящим христианам нашего страшного времени.

Будем радостно молиться тем, возлюбленные братья и сестры, которые сильнее нас и которые с нами. Они побеждают мир, несмотря на то «что испытали поругания и побои, узы и темницы, терпя недостатки, скорби и озлобления» (Евр 11.36–37). Но «они, которых недостоин был весь мир», по слову апостола, «не получили еще обещанного», т. е. полного блаженства и радости вечной жизни, в ожидании нас, как говорит тот же апостол, «чтобы не без нас они достигли совершенства» (Евр 11.38–40). Они ждут нас! Они зовут нас следовать за ними!

Имея их своими молитвенниками, «свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще жизни... чтобы не изнемочь и не ослабеть душами нашими» (Евр 12.1–3).

Святые Мученики, молите Бога о нас!

ТРОПАРЬ, гласъ 4-й :

Цвѣти Россійскаго луга духовнаго * въ годину лютыхъ гоненій дивно процвѣтшіи * новомученицы и исповедницы безчисленніи: * святителіе, царственніи страстотерпцы и пастыріе, * монаси и мір-стіи, мужіе, жены же и дѢти, * добрый плодъ въ терп'Ьніи Христу принесшіе, * молитеся Ему, яко Насадителю вашему, * да избавить люди Своя отъ безбожныхъ и злыхъ; * да утверждается же Церковь Русская * кровьми и страданіями вашими * во спасеніе душъ нашихъ.

КОНДАКЪ, гласъ 2-й :

Новіи страстотерпцы россійстіи, * исповѣднически поприще земное прошедшіи, * страданіями дерзновеніе пріимшія, * молитеся Христу на васъ призрѣвшему, * яко да молящіеся вамъ въ часъ испытанія вѣры ихъ, * мужества даръ пріимутъ. * Образъ бо есте намъ, лобызающимъ стопы ваша, * яко ни скорбь, ни тѣснота, ни смерть, * отъ любве Божія разлучити васъ не возмогоша.

Как происходило прославление Новомучеников Российских[1]

Настал тот день, когда уже прославленные Богом на небе Новомученики Российские были на земле громогласно, перед лицом всего человечества причислены к лику святых, которых, по слову апостола Павла, «недостоин был весь мир». Об этом 31 октября–1 ноября 1981 года возвестила миру Русская Православная Церковь За границей. Пускай не все еще могут воспринять это величайшее событие, свидетельствующее за шесть лет до 1000-летия нашего Крещения о победоносности Церкви, украшенной неисчислимым множеством мучеников.

Это событие так велико, так небывало, что с большим трудом вмещается в наше сознание. Если избранные из избранных — апостолы Христовы — не могли сразу постичь и вместить весть о воскресении Сына Божия, то можно ли удивиться тому, что мы, хилые современные христиане, не можем вместить, осознать значения шествия Новомучеников Российских ко святому дню всероссийского восстания от сна греховного, нашего всенародного полного обновления. На этом пути предстоящее 1000-летие есть срок, когда надо дать ответ за пройденное и соделанное нами.

Крещеный тысячу лет тому назад святым равноапостольным великим князем Владимиром православный народ наш и теперь, в лице сонма Новомучеников, предводимых святым Царем-Мучеником Николаем, остается таковым же. Он включает в себя десятки и десятки миллионов россиян, которые, и не достигнув святости, через осуществление правды в своей жизни, сохранили верность Христу-Богу, облеклись во Христа. Что значит облеклись? При крещении поется: «...во Христа креститеся, во Христа облекостеся...». Облекитесь, т. е. оденьтесь в то, что выражает вашу внутреннюю сущность, веру нашу. Неотъемлемым, неотделимым от нашей сущности должно стать для нас одеяние в правду жизни во Христе, или, точнее, Сам Христос должен стать одеянием нашим. Во Христа облекся народ через кровь своих мучеников и через собственную верность правде Христовой, проявленную хотя бы в крупицах, в деталях, в отдельных случаях жизни страждущим большинством народа нашего за это страшное шестидесятилетнее испытание. Это экзамен наш перед 1000-летием.

[1] Русское возрождение. 1982. I. № 17. С. 17–28.

31 октября — 1 ноября двинулось шествие рати Христовой — Святых Мучеников, а с ними и всех верных, двинулось к тем, кто еще спит духовно, не видит, не понимает, продолжает бесчинствовать, чтобы «возбудить» их от сна и от безумия, чтобы всем встать со святыми ко дню тысячелетия первой встречи со Христом народа нашего — ко дню 1000-летия Крещения Святой Руси. Больше не страшно за народ наш в целом, ибо на вопрос Спасителя, что он сделал с данными ему талантами, народ наш ответит Всеми Святыми в Земле Российской Просиявшими и сонмом Новомучеников и Исповедников, равного которому не имеет ни один другой народ. Остается только страх личного нерадения, личной теплохладности, которая может и не загореться от святого пламени праведников. Да не будет!

Сколь победоносно невиданное доселе шествие Святых Мучеников и праведников Российских, а с ними и всех, хоть подчас и слабых, но жаждущих и стремящихся являть в жизни правду заповедей Христовых!

Никто не медли! Спеши, каждый православный человек, примкнуть к их рядам, ибо наступил для тебя срок решения: с Богом ты или против Него. Две силы, два направления, как два урагана, активизируются сейчас: центростремительный — ко Христу, где, по пророчеству преподобного Серафима Саровского, «среди лета воспоют Пасху», и центробежный — во тьму антихриста, прочь от Христа: «...и да бежат от Него вси ненавидящий Его».

Как же происходило торжество прославления?

Кто никогда не бывал в Синодальном Соборе Знамения Божией Матери в Нью-Йорке, где находится кафедра первоиерарха Русской Православной Церкви За границей, тот должен представить себе огромный зал некогда очень богатого американского дома, который вот уже более двадцати лет как стал храмом. Прекрасный трехъярусный иконостас, иконы, киоты, намоленность человеческими молитвами и пребывание там великой древней святыни Русской Церкви — чудотворной Курской Коренной иконы Божией Матери (от которой преподобный Серафим Саровский получил свое первое исцеление) — все это давно изжило там следы зала в светском доме и дало нам кафедральный собор, вмещающий около тысячи человек.

С улицы через узорчатые железные ворота вы видите вместительный, устланный каменными плитами двор, с которого две широкие, изящно изогнутые лестницы поднимают вас на уровень второго этажа, где три огромные стеклянные двери вводят в собор.

В субботу 31 октября к пяти часам вечера все это было переполнено молящимися, пришедшими на последнюю панихиду по Новомученикам Российским.

Для служения панихиды из алтаря выходят все присутствующие на соборе 16 епископов (отсутствуют два болящих) во главе с митрополитом Филаретом, первоиерархом Русской Православной Церкви За границей, совместно с множеством духовенства. На ектениях читаются кажущиеся бесконечными имена Новомучеников: духовенства во главе со Святейшим Патриархом Тихоном, членов царского дома Романовых во главе с Государем-Императором Николаем Вторым, и имена монашествующих и мирян, знаменитых и неизвестных, разного чина и звания, возраста и пола, включая и детей, за Христа принявших мученическую кончину. Эти сотни имен представляют лишь малую часть миллионов страдальцев, за каждым из которых стоит целая история, драма человеческой жизни с годами страданий и мучений, не говоря уже о потерях, разлуках, слезах, оставленности...

Поименно поминаются только сотни тех, которых сегодня прославляют. Те же многие тысячи, которые включены в имеющиеся у нас списки Новомучеников, но о которых еще нет точных данных или свидетельств, поименно не поминаются. Это не значит, что сомневаются в подлинности их мученичества. Отнюдь не значит. Пока нет подтверждения — они как бы находятся в продолжающемся еще процессе прославления — о них молимся: «имена их Сам веси Господи», — в завершение которого они со временем войдут.

Но вот возглашается «вечная память», пение которой стремительно, как огонь, охватывает весь храм, и вся тысячная толпа молящихся вторит хорам и духовенству — так, что кажется, что поют сами стены храма... Последняя панихида закончена.

Начинается всенощная. В алтаре, кажется, еще более тесно, чем в самом храме. На отдельные моменты богослужения из алтаря выходит не все служащее духовенство, а лишь часть, так как стать в нужном порядке, выйти из алтаря, вернуться в него — все это при тесноте очень затруднительно. Все духовенство вышло только на самое прославление (полиелей), которое состояло из открытия ковчежцев с мощами Святых Мучениц — великой княгини Елизаветы Феодоровны и послушницы Варвары, и снятия пелены с новой иконы святых Новомучеников и Исповедников Российских — благодатных молитвенников за род наш. Я стоял по старшинству четвертым священником с правой стороны, т. е. у самих мощей и иконы: но и я из-за спин митрополита,

протодьякона и прочих не мог увидеть, как вынимались святые мощи мучениц. Что же тогда могли увидеть стоящие в отдалении? Ровно ничего. Как же они тогда выстаивали 6—7 часов подряд (миропомазание с прикладыванием верующих к мощам и иконе кончилось после 12 часов ночи), сдавленные в толпе?

Конечно, люди не просто стояли, а молились. Конечно, они хотели дождаться возможности приложиться к святыне; но нужно учесть и еще одно обстоятельство.

Жизнь Церкви иррациональна. У Церкви как мистического Тела Христова особая харизма, особый благодатный дар, сила которого превышает все человеческие разумения. Эта сила бывает ощутима на церковных соборах, при особо ответственных церковных деяниях, крестных ходах, паломничествах... Она же была ощутима и у нас, при великом деле — прославлении Новомучеников Российских.

Жизнь Церкви — не только проповедь истинного слова, но и претворение его в истинную жизнь. Там, где это происходит, где молитва соединяется с делом, образуется жизнь общего народного церковного сознания — сознания иррационального. На прославлении в самом соборе и прилегающих помещениях стояло не 2 тыс. отдельных людей и не толпа, не имеющая внутреннего единства, — а в церкви стояла ЦЕРКОВЬ: святые небожители, иерархи, православные люди, дышащие — сами не понимая, почему и отчего — каким-то иным воздухом. Потому и отстоять могли семь часов, потому и говорили друг другу: «Христос воскресе» или «Радуйтесь»!

Потому пред ответственными церковными собраниями положено петь: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...»

Итак, было открытие Святых Мощей. Мощи, частица их (кисть руки святой мученицы великой княгини Елизаветы и кости от кисти до локтя святой мученицы послушницы Варвары), были привезены из Иерусалима, из нашего женского Гефсиманского монастыря, где они пребывали с января 1921 года. О том, как была убита великая княгиня Елизавета Феодоровна, — родная сестра Государыни — вместе с пятью другими князьями царской крови, послушницей Варварой и Ф. М. Ремезом; о том, кто она была и что делала в России, равно как и о том, каким образом ее гроб достиг Иерусалима, вы можете прочесть хотя бы в книге «Память их в род и род» (издание Св.-Серафимовского фонда).

Сейчас нет возможности остановиться на подробностях совершенного в Иерусалиме вскрытия гробов Святых Мучениц — великой кня-

гини Елизаветы и послушницы Варвары, о чем необходимо написать целую книгу: скажу только о самих мощах. Когда приступили к вскрытию, то оказалось, что был не один, а пять гробов, один вставленный в другой, у каждой из двух мучениц, что было, очевидно, вызвано надобностями длительного пути через Сибирь и Китай до Палестины. Первый, первоначальный гроб был железный. Он проржавел до того, что рассыпался при прикосновении на небольшие отдельные куски. Внутри гробов оказались частично нетленные мощи двух Христовых мучениц.

Но что такое мощи? Мощами Церковь называет тело любого умершего православного христианина. В книге, называемой требник, где напечатан чин (порядок) погребения, говорится: «...пришед в дом, в нем же мощи усопшего лежат...».

На православном Востоке считают признаком святости скорое истлевание плоти, когда остаются чистые кости; у нас же в России — наоборот, смущались, когда у праведного человека истлевала плоть — тело. Такое смущение, например, было, когда при вскрытии гроба преподобного Серафима Саровского были обнаружены только кости его. Чем же отличаются останки святого человека от человека обыкновенного? Не тем, что обязательно первым дается полная или частичная нетленность тела, а тем, что через них (пускай это будут одни косточки) проявляется помощь, чудотворная помощь, сила тех святых, кому они, эти косточки, принадлежат. Она проявляется не только через сохранившиеся части тела святых людей святые мощи, но и через их вещи, одежду... Даже тень от проходящего апостола Петра творила чудеса исцелений. Благодаря этому прославление Новомучеников Российских и состояло через открытие перед нами и святых мощей и святой иконы Новомучеников.

Вот открыты святые мощи; снята пелена, покрывающая очень больших размеров икону Новомучеников. Митрополит Филарет вернулся на свою кафедру среди других архиереев, воскурился благовонный аромат кадила — и запели, впервые на земле запели величание тем, из кого по каплям выпускали соки жизни, кто прошел страшным путем мученичества наших дней:

«Величаем, величаем вас, страстотерпцы Христовы, новомученицы и исповедницы российския, и чтем страдания ваша, яже за Христа претерпели есте».

К сожалению, каждое слово молитвы можно прочесть, не прочувствовав его, — автоматически. Но это же самое слово может быть сказа-

но от всей глубины человека, оно может все в человеке повернуть, может сотворить чудо... Я почти не помню, как я пел величание, я почти не заметил, как пели вокруг меня, но я слышал как бы громы, как бы какой-то неземной гул. Я не в силах передать то, что я переживал в те минуты. Когда я поднял глаза — я увидел слезы на лицах меня окружающих людей. Лица многих были как бы озарены светлостью. Истинны слова службы Новомученикам: «...сладостью благодати обильно напояемии, во благоухании святости их нам предлагаемии, да со умилением назидающеся подвигом их, принесем Богу и мы плод покаяния».

Поистине неисповедимы пути Божии. Попуская стране нашей великое разорение, Господь сохранил за ее пределами горсточку Зарубежной Руси. Невозможное к совершению под богоборческой коммунистической властью прославление Новомучеников Российских совершается зарубежной частью Русской Церкви. Мало того. Господь привел *единственным* известным нам святым мощам из миллионов новомучеников — оказаться за рубежом, проделав во время Гражданской войны путь через Сибирь, Китай, Средний Восток и оказаться в Иерусалиме, в нашем зарубежном Гефсиманском монастыре. Да не дерзнет после этого никто сказать, что прославление Новомучеников — это узурпация зарубежной частью Русской Православной Церкви прав всей Церкви Русской. Священный акт прославления совершен самой Десницей Господней!

«Жертвы Богу живопогребенные, в кладезеподобный ров низринутые: прежде всех Елизавета страстотерпица, к горним устремленная княгиня милосердная, бисер православия в новом отечестве обретшая, евангельски убийцу мужа простившая, молитвою и благотворением Богу угодившая, безбожными же непощаденная. Помолитися за нас, святии князие, помолитеся за всех, преподобнии страстотерпицы, Елизавето с Варварою верною. Услышите нас, в веси Гефсиманстей погребенные, услышите нас и тии, их же погребение неведомо» (Из новой службы Новомученикам Российским).

Следующий день, воскресенье 1 ноября, начался спозаранку. В 9 часов уже была встреча Первоиерарха Митрополита Филарета. Опять служат все шестнадцать присутствующих на Соборе епископов, представляющих собою действительно всезарубежный масштаб Церкви. Вот имена и области правящих епископов:

Митрополит Филарет, Восточно-Американский и Нью-Йоркский

Архиепископ Серафим, Чикагский и Североамериканский

Архиепископ Афанасий, Буэнос-Айресский и Аргентино-Парагвайский

Архиепископ Филофей, Берлинский и Германский

Архиепископ Виталий, Монтреальский и Канадский

Архиепископ Антоний, Лос-Анжелесский и Южно-Калифорнийский

Архиепископ Антоний, Женевский и Западно-Европейский

Архиепископ Антоний, Западно-Американский и Сан-Францисский

Архиепископ Серафим, Каракасский и Венецуэльский

Архиепископ Нафанаил, Венский и Австрийский

Архиепископ Лавр, Сиракузский и Троицкий

Архиепископ Павел, Сиднейский и Австралийско-Новозеландский

Епископ Никандр, Бразильский и Сан-Паульский

Епископ Константин, Ричмондский и Британский

Епископ Марк, Штутгартский и Южно-Германский

Епископ Нектарий, Сеаттлийский

Епископ Алипий, Кливлендский

Епископ Григорий, Вашингтонский и Флоридский.

Около семидесяти священников и дьяконов дополняли этот собор служащего духовенства, значительная часть которого, как и многие из богомольцев, приехали из дальних мест и стран.

Обыкновенно в наших эмигрантских условиях мы слышим жалобы на наше численное сокращение, на слабое пополнение наших рядов из молодого поколения. На этот раз, к удивлению многих, в глаза бросалось необыденное количество молодежи, начиная от совсем молодых батюшек и дьяконов, множества иподьяконов и прислужников, семинаристов и вообще молодых лиц, густо вкрапленных в толпу, кончая молодыми супружескими парами с потомством на руках. Было очень много старостильного греческого духовенства и американцев, перешедших из католичества и протестантизма в Православную Церковь.

В конце литургии очень многие приступили к Святой Чаше. Причащали не только с амвона, но и с архиерейского амвона в середине храма. Литургия закончилась прекрасным словом Владыки-Митрополита о нынешней славе Русской Церкви, и крестным ходом.

Часа два спустя все пожелавшие собрались в специально нанятом помещении, где был сервирован обед свыше чем на 900 человек. Была

торжественная встреча новой иконы Праздника всех Новомучеников и Исповедников Российских, которую установили на специальном возвышении и у подножия которой за специальным столом заняли место архиереи. По благословении трапезы начался обед, во время которого при полной тишине читался Акт о прославлении Новомучеников, Послание Архиерейского Собора к православным русским людям на родине и в рассеянии сущим, описание кончины — расстрела первого из Новомучеников Российских — Святого Митрополита Владимира, до последней минуты благословлявшего архиерейским благословением своих убийц; и об убиении Царской Семьи. В заключение были произнесены два прекрасных Слова: Архиепископ Виталий Канадский назвал пережитое нами за эти два дня прославления небом, опустившимся на землю, и состоянием души, когда человеку хочется в условиях своей жизни подражать стойкости мучеников. Архиепископ Антоний Женевский сказал, что такие выдающиеся современные люди, как отец Димитрий Дудко и отец Глеб Якунин, пишут о том, как они и множество православных людей в России нуждаются в молитвах о них святых Новомучеников. «А мы с вами, — задает архиепископ вопрос, — среди своего усыпляющего благополучия ощущаем ли нужду в молитвах о нас Святых Новомучеников?» «Ту "Пасху среди лета" (т. е. среди года), о которой говорил преподобный Серафим Саровский, мы ощущали вчера, и хотелось запеть "Христос Воскресе"», — сказал Владыка-Архиепископ. Так завершилось прославление Новомучеников и Исповедников Российских.

Заканчивая это краткое описание необозримого в своем духовном значении события, которое с каждым годом все больше будет восприниматься нашим сознанием и расти в своем значении, завершим его еще одной выдержкой из службы Новомученикам:

«Страданьми вашими Церковь русская славится, мученицы новии, сродницы наши чина и сословия всякого, за Христа от безбожных убиении, во спасение нас поющих: Избавителю Боже, благословен еси».

Протоиерей А. Киселев

Прославление прп. Паисия Величковского на Святой Горе Афонской[1]

В 1982 году, в день памяти Св. пророка Илии (20 июля / 2 августа), в Русском Ильинском Скиту на Афоне было совершено местное прославление прп. Паисия Величковского.

За благословением почитать прп. Паисия святым братия Ильинского Скита обратилась к своему благодетелю и покровителю архиепископу Лавру Сиракузскому и Троицкому, настоятелю Ставропигиального Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США). Вопрос о прославлении прп. Паисия был поставлен на повестку дня Собора архиереев Русской Православной Церкви За границей, состоявшегося в ноябре 1981 года и совершившего прославление Святых Новомучеников и Исповедников Российских. Собор благословил местное прославление прп. Паисия, основателя Ильинского Скита, великого подвижника и переводчика святоотеческой письменности на славянский язык, предоставляя окончательное всеобщее прославление Румынской Православной Церкви, в пределах которой окончил свой жизненный путь этот святой муж.

Братия Ильинского Скита, получив благословение, стала готовиться к празднику. Прославление должно было состояться во время приезда на Святую Гору архиепископа Лавра. Владыка Лавр приехал на Афон за два дня до прославления и привез с собой из Свято-Троицкого монастыря необходимые для прославления икону и службу святого. В то же время на Святой Горе пребывал епископ Марк, ныне Берлинский и Германский, с одним священником и монахом из Подворья монастыря прп. Иова Почаевского (Мюнхен, Западная Германия). Вместе с архиепископом Лавром прибыли диакон Иоанн Онопко, иподиакон и один послушник, а из Западноевропейской епархии прот. Павел Пуарье и диакон Николай Семенов. Из Карулии, придела отшельников на южном краю Афонского полуострова, пришел на это торжество 94-летний старец-схимонах Никодим, который теперь уже полстолетия живет в одиночестве в своей маленькой келии над морем, посвятив себя Иисусовой молитве. Прибыли и еще монахи из разных монастырей и келий Афона.

В середине Скита — огромный семиглавый собор, длиной в 54 аршина, шириной в 34 аршина, вышиной от пола до свода главного купола — 36 аршин. Он сложен из местного дикого камня, снаружи чеканной

[1] Русское возрождение. 1983. I. № 21. С. 95–102.

работы, внутри стены выложены жженым дырявым кирпичом, своды из бетона. Четырехярусный иконостас покрыт позолотой, он был изготовлен в свое время в Москве за 17 тыс. рублей. Храм в хорошем состоянии, поскольку проводятся необходимые работы по сохранению здания.

В начале века в Ильинском Скиту было около 400 человек братии. Руками их производились все основные работы по постройке храма, которая длилась с 1900 по 1907 г. Ныне в Скиту живет лишь несколько монахов, подъявших тяжелый труд сохранить России это место на Афоне, — и да не прекратится там молитва...

К празднику в Скиту набираются гости. В зданиях вокруг собора, посвященного св. пророку Илии, необычное оживление. На дворе стоят группки монахов. Беседа. Праздник двойной: храмовой праздник и прославление.

Заход солнца по-афонски: полночь, новый отсчет времени. «И бысть вечер, и бысть утро, день един» (Быт 1. 5). Во дворе, выложенном каменными плитами, раздается четкий ритмический стук по дереву, разливающийся глухим отзвуком по облегающим храм корпусам: монах с билом в руке обходит мерными шагами весь храм снаружи, выстукивая определенную «мелодию». Внутри храма звук била начинает как будто гудеть. Невольно следишь, как за высокими открытыми окнами проплывает — удаляясь и вновь приближаясь с другой стороны — невидимый источник звука, разрывающего афонскую вечернюю тишину. Храм пока еще пустой, но в его безлюдность вступает ожидание, которое нарастает — и окончательно воцаряется вместе с тишиной, когда у самой паперти плавное движение обхода застывает, оборвав деревянный звук. Но вскоре, как ответ, удары металлического била, поначалу раздельные, сливаются в единое резкое жужжание — это уже требование! Оно тут же смягчается первым звоном малых колоколов, смолкающим и опять заигрывающим с душой, которая уже готова, тянется к богослужению. Но вот могучий полный звон ликует, вступает и тяжелый главный колокол. Этот звон, наверное, и переливается через обступившие Скит зеленые холмы, и стекает вниз к древнему монастырю — Пантократору, который стоит у самого моря. Скит высится над ним среди холмов, как серая, молчаливая скала. И вот он наподобие живого существа заговорил! Всем своим, подобным ему, он сообщает о себе, во всеуслышание повествует о празднике, о торжестве в честь своего небесного покровителя, в прославление своего основателя, во славу Божию.

Святой покровитель Скита, пророк Илья, дал особый знак своего присутствия в этот храмовой праздник, предварив его небывалым событием в этот день года, — по словам игумена Пантократора, такого не помнят, чтобы в этот день была гроза-ливень, и какие! Но теперь тишина. Каждение, начало... Предначинательный псалом, повествующий о творении, зазвучал в храме. Звуки теряются где-то высоко в наполняющихся сумерками сводах. Клиросы, может быть, в двадцати шагах друг от друга, перекликаются, неспешно исполняя по одному стиху с припевом; многократно возвращается в объемлющей творение молитве: «Дивна дела Твоя, Господи... Слава Ти, Господи, сотворившему вся...». Служба поется без каких-либо сокращений. Нет такой «необходимости»! Пение «Блжен муж...» воспринимается уже как начало прославления прп. Паисия, настолько слова псалма приложимы к нему: «И будет яко древо насажденное при исходиших вод, еже плод свой даст во время свое...» Не здесь ли и продолжители его дела, старцы Оптиной Пустыни, близко с нами? Церковь торжествует, и сливаются воедино два праздника: праздник ветхозаветного пророка, столь близкого России, который объемля времена должен еще обличить грядущего Антихриста, и прославление русского старца, возродившего старчество на Руси, которое не оборвалось даже и в лютых безбожных гонениях, просвещая нашу страну до сего дня светом духовного обновления. «Свете тихий, святыя славы...» — к пению этого песнопения, принятого Церковью от одного мученика второго века, лики сходятся на середине храма. Мягким светом блестит золото иконостаса; храм освещен только свечами.

...Наконец широко открылись царские врата, и, предваряемые иеромонахами, несущими иконы, оба архиерея вышли на Полиелей. Иконы обоих празднуемых святых вынесены на середину храма, и вот, после Величания св. пророка Илии, среди Афонской тишины в эту ночь впервые прозвучало и величание святому Паисию Величковскому: «Ублажаем тя, преподобие отче Паисие, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов».

Во время торжественного полного каждения храма попеременно пелись два величания и перемежались стихи избранных псалмов пророку и преподобному. А с поклонением иконам святых и елеопомазанием братии началось пение канонов — древнему канону пророка следовал, впервые читаемый в богослужебном порядке, канон преподобному. Это было как вступление на новую землю, но все в ней столь было знакомо, близко душе. С Афона духовные нити потянулись

в Молдавию, к страждущей стране российской, но и в Америку к Свято-Троицкой обители, где составлялся этот канон, ко всем православным, в какой бы стране они ни жили; и нити эти собирали, связывали всех между собой крепко-накрепко в самой глубине духовного бытия, которое по ту сторону житейских забот и нужд. В молчаливом Ильинском Скиту собрались монахи разных национальностей: русские, сербы, греки, румыны, но и новые насельники Афона — из Америки, из Дании... всего, для мирских понятий, горстка: около ста человек. Но это поистине ощущалось как твердый залог, потому что торжество, к которому присоединились эти люди, было настоящее торжество Церкви Православной, Вселенской Церкви. Опять сошлись лики на Великое Славословие: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение...»

Всенощная окончилась среди ночи. Гости были размещены по братским кельям Ильинского Скита. На следующее утро в 7 часов било и колокольный звон звали участников храмового и скитского праздника к архиерейской встрече. Литургию совершали оба архиерея совместно с еще увеличившимся сонмом священнослужителей. Прибыли еще новые гости.

В своей проповеди владыка Лавр указал на особое значение прп. Паисия Величковского для Ильинского Скита, в частности, и для русского монашества со всей Русской Церковью вообще. Вокруг храма был совершен крестный ход с чтением Евангелия и окроплением святой водой на четырех сторонах; затем Преосвященный архиепископ Лавр в архиерейской мантии возглавил торжественное шествие на братскую трапезу. По совершении чина Панагии, за трапезой читалось житие прп. Паисия Величковского. После обеда и многих частных разговоров гости стали постепенно расходиться. В Ильинском Скиту водворилась обычная тишина — не грустная, не пустая тишина, а живая, радостная. В храме занял свое место образ прп. Паисия. Это была тишина молитвенного присутствия, покои полноты, готовый отсюда изливаться в мир тихой радостью прославления Бога, Который «дивен во святых Своих...»

Свящ. Николай Артемов

Служба Святым Новомученикам и Исповедникам Российским[1] И служба Святым Царственным Мученикам[2]

Горячо рекомендуем православным русским людям приобрести эти тексты, по которым они могут ознакомиться, прочувствовать новые наши церковные праздники. Автор, написавший молитвословия, подобравший чтения из святых книг, достоин высшей похвалы.

В текстах изданных книг, хотя и стилизованных по образцу классических форм православных богослужений, можно, однако, не только почувствовать, но и узнать в «житиях» уже святых людей их живой облик, знакомый нам по историческим фактам и до боли родной нам русской действительности, в которой и происходило их преображение из людей в угодники.

Служба Царственным Мученикам сосредоточена на их страданиях перед смертью, которую они безропотно перенесли. Во всех песнопениях и молитвах автору, составившему эту службу, удалось, хотя и кратко, но психологически верно выявить духовный облик каждого члена семьи: и светлого отрока царевича, которому «вера крестная поможе ему без ропота нести... крест неисцельного недуга», и «чистоты, любви и сострадания образ» — царевен и царицы, которая в заточении писала: «...душа моя трепещет, яко Бог близь есть» — и самого мученика Государя, который и «о заблуждающих печалуя, осужденного злодея милуя...». О каждом из царственных мучеников сказано мало, но то главное, характерное, что быстро восстанавливает для молящегося им сознание — Святые Мученики с нами всегда. Вечно.

К. Н.

[1] Издание Свято-Троицкого Монастыря, 1983 г. В двух красках. Крупным шрифтом. 30 стр. Цена: 3 долл. — *Примеч. редакции журнала* (Русское возрождение. 1983. № 22. С. 187).

[2] Монастырское издание. Монреаль, Канада, 1982 г. В двух красках. Русский текст. 30 стр. — *Примеч. редакции журнала.*

Торжественное перенесение святых мощей новомучениц Великой Княгини Елисаветы и инокини Варвары в Гефсимании[1]

Зарубежная часть Русской Православной Церкви совершила подвиг прославления бесчисленного сонма замученных за преданность Христу русских людей, но мощи лишь двух из них сподобил Господь быть увезенными за границу. Вот почему торжество перенесения мощей Преподобномучениц Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и инокини Варвары имеет для каждого православного человека исключительное значение. В лице этих двух до смерти преданных Христу Богу мучениц представлены все остальные миллионы убитых русских православных людей.

Торжество произошло в Гефсимании (близь Иерусалима), согласно постановлению Архиерейского Собора и указа Архиерейского Синода Русской Православной Церкви За границей. На торжество прибыли четыре архиерея — члены Собора Русской Православной Церкви За границей: Архиепископ Лос-Анжелесский АНТОНИЙ, Архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский ПАВЕЛ, Архиепископ Сиракузский и Троицкий ЛАВР, Епископ Вашингтонский и Флоридский ГРИГОРИЙ. Прибывшее русское духовенство посетило Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Диодора.

Патриарх обратил внимание на то, что Зарубежная Русская Церковь «по разным причинам находится вне Родины, а Церковь в России ежедневно представляет нам новых мучеников, и миллионы людей следуют примеру сев. новомучеников Царя и Вел. Кн. Елизаветы». «И мы, — сказал патриарх Диодор, — не можем оставаться равнодушными перед таким великим событием, как канонизация новомучеников и торжество ее, имеющее место в пределах нашей юрисдикции. Поэтому мы решили участвовать в этом святом деле, послав нашу делегацию и свидетельствуя этим наше православное единство и этим официальным актом подтверждая его каноничность».

1 мая 1982 года (неделя Жен Мироносиц), всенощным бдением началось великое торжество перенесения святых мощей. В положенное время крестный ход вышел из храма и обошел вокруг него. Под возглас протодиакона: «ко святым ново мученикам, Вел. Кн. Елисавете и инокине Варваре помолимся» и пение хора: «святые новомученицы, Вел. Кн. Елисавето и инокине Варваре, молите Бога о нас», архиепис-

[1] Русское возрождение. 1982. III. № 19. С. 9–12

коп Антоний Лос-Анжелосский как старший епископ, взяв ковчежец со святыми мощами из рук архимандрита Антония, начальника русской духовной миссии в Иерусалиме, благословил ими на все четыре стороны. Это же священнодействие повторилось с четырех сторон храма. После этого крестный ход поднялся на церковную паперть и, совершив молитву, все вошли в храм.

Далее богослужение шло своим чередом, строго по монастырскому уставу. Момент пения величания новомученицам перед их гробницами, стоящими посреди храма, особенно выделялся своей торжественностью. Богомольцы, молившиеся как за всенощной, так и на следующее утро за Литургией, считали, что службы эти были отмечены какой-то небывалой внутренней тишиной и духовной радостью.

Протоиерей Георгий Ларин

Перенесение мощей Святых Новомучениц Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и ее преданной келейницы инокини Варвары[1]

Судьба новомученицы Великой Княгини Елисаеты Феодоровны совсем необычна. Можно дерзнуть сказать, что перенесение ее святых мощей еще началось с Алапаевска адмиралом Колчаком и его православными русскими воинами.

Чтобы понять, насколько промыслительно Господь привел ее св. останки в св. Град Иерусалим — эти останки, которые с таким умилением и торжеством переносил сонм духовенства и монашествующих из крипты под храмом св. Марии Магдалины в Гефсимании в самую церковь в праздник св. Жен Мироносиц 18.4/1.5.1982 г., надо вспомнить историю русского православного народа, как в Святой Земле, так и на Родине, историю, в которой участвовала и участвует по сей день эта Великая Страстотерпица.

«Св. Град Иерусалим и Святая Земля с самых давних пор привлекали взоры православных русских людей. Св. Князь Владимир в 1001-м году посылал на Ближний Восток посольство. В 1062-м году Киево-Печерский инок Варлаам совершает паломничество, и уже к XII веку паломничества приобретают массовый характер», — пишет протоиерей Александр Трубников в своем труде «Ближний Восток — колыбель Православия». «Из русской литературы мы знаем о "Хожде-

[1] Русское возрождение. 1982. III. № 19. С. 13–37.

нии игумена Даниила", который в 1106–1108 годах тщательно обошел с "дружиной" (т. е. со спутниками), составленной из людей разных мест России, всю Святую Землю. Игумен Даниил беседовал с монахами и князьями. В качестве "представителя земли русской" он всюду встречал уважение и внимание. От второй половины XIV в. сохранилась запись монаха Стефана Новгородца, от начала XV в. описание иеродиакона Зосимы из Киева и от XVII в.– "убо по прозвищу Гогора". Сохранились также записки купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова, посланных царем Иоанном Грозным в Царьград, Иерусалим и Антиохию для поминания царевича Иоанна.

Тяготение к Святой Земле не прекращается с течением веков. Мы видели, что императорская внешняя политика, как только она включалась в мировые дела, постоянно и настойчиво заботилась о христианах Ближнего Востока. Действия императорской политики отвечали массовым настроениям всего населения России. Православные Восточные Патриархи не раз приглашались на Русь, где их с почетом встречали и приглашали принимать участие в делах Русской Церкви. Так, Антиохийский Патриарх Макарий участвовал в соборах 1656-го и 1666-го годов и содействовал укреплению реформ Патриарха Никона и успокоению умов духовенства в связи с возникшим расколом. В 1662-м году Патриарх Александрийский Паисий был приглашен на суд над Патриархом Никоном. Особо тесная связь завязалась в 1847-м году, когда Святейший Синод Русской Церкви посылает в Святую Землю Духовную Миссию, задачи которой заключались:

– в представительстве Русской Православной Церкви при Святейших Восточных Патриархах,

– в содействии делу православия,

– в оказании помощи паломникам.

Начальником Миссии был назначен Архимандрит Порфирий (Успенский). Остальные члены ее были иеромонах Феофан (Говоров), бакалавр Петербургской Духовной Академии, впоследствии ставший епископом Владимирским, затворником Вышенским и известным писателем, и 2 причетника. Несмотря на малый состав Миссии и на скромность отпущенных средств (7000 руб. в год), ей удалось за 5 лет работы (до начала Крымской войны) создать в Иерусалиме при Патриархии арабскую типографию, которая стала выпускать Богослужебные книги на арабском языке. Созданы были также 4 пастырские школы для священников арабов (в Иерусалиме, Лидде, Рамлэ и Яффе). Наконец Миссия организовала прием паломников. Война прекратила

деятельность Миссии. Но уже в 1858-м году в Иерусалим прибывает ей на смену новая Миссия в составе 11 человек с епископом Кириллом (Наумовым) во главе. Ассигнованная для Миссии сумма вдвое превышает то, что получала первая Миссия (14 650 руб.). Преосвященный Кирилл, как и его предшественник, развил успешно всестороннюю деятельность. Добившись уважения турецкой администрации, местного населения и православного духовенства, он смог значительно улучшить положение и условия пребывания в Св. Земле русских паломников. Миссия совершила большую работу по возвращению в лоно православной Церкви арабов-униатов.

В эту эпоху в Петербурге зародилось общество, которое станет Императорским Палестинским Православным Обществом. Общество занялось сбором пожертвований на Св. Землю по всей России. В результате деятельности Общества с 1858-го по 1864-й г. было собрано свыше миллиона рублей. Получив средства, Миссия приступила к покупке участков земель, освященных тем или иным событием Священной истории и к сооружению на этих участках странноприимных домов, богаделен, амбулаторий и др. учреждений. В 1864-м году епископ Кирилл был отозван. Около года его заменял иеромонах Леонид (Кавелин); после чего прибыл в Святую Землю из Константинополя, где он был настоятелем посольской церкви, архимандрит Антонин (Капустин), роль которого в истории миссии будет первостепенна. Продолжая и развивая деятельность своих предшественников, о. архимандрит Антонин выискивал священные места, еще не занятые инославными, и скупал их. На купленных участках разводились сады, возводились храмы, учреждались и строились школы. В конечном счете приобретенные участки (всего 300) представляли собой площадь в 42 гектара.

В 1871 году Святую Землю посетил Василий Николаевич Хитрово, который обратил внимание на беспомощность русских паломников. Несмотря на то, что уже было сделано, они все же страдали от произвола турецкой администрации и арабов проводников. Путем докладов В. Н. Хитрово начал знакомить общество с положением паломников. Свои сообщения он особенно развил по окончании войны 1877-го года, а в 1880-м году Святую Землю посещают Великие Князья Сергий и Павел Александровичи. Вернувшись с паломничества, Великий Князь Сергий Александрович выразил согласие стать председателем Палестинского Общества, устав которого был утвержден 8 мая 1882-го года (ровно сто лет тому назад). В 1889-м году Обществу было пере-

дано управлеие всеми земельными участками и всеми учреждениями (странноприимными домами, больницами, шкоами), дотоле бывшими в ведении азиатского департамента Министерства Иностранных Дел. После убийства Великого Князя Сергия Александровича, "заботу о близком сердцу почившего деле" Государь Император Николай II поручил вдове Великого Князя, Великой Княгине Елизавете Феодоровне».

Вот, что пишет о новомученице Великой Княгине Елизавете Феодоровне игумен Серафим, который привез ее останки через Китай в Св. Град Иерусалим.

«Моя задача — по возможности точнее представить читателю душевные портреты этих страстотерпцев Христовых (с Великой Княгиней были убиты ее келейница, инокиня Варвара и несколько Великих Князей). Некоторые из них мне лично были известны при жизни, а потому мое слабое перо пишет не только со слов других, но и со своего личного наблюдения о их жизни и делах.

Начну с той, о которой знал весь мир, как о великой женщине любви, принесшей на алтарь страждущего человечества не только честь и славу, все свое состояние, все часы своей жизни, но и самую жизнь, и за все это получившей в награду жестокие страдания и мученическую смерть. Мое слово о Великой Княгине Елисавете Феодоровне, Настоятельнице Марфо-Мариинской Обители любви и милосердия в Москве, той, которая оставила мир, как рядовая сестра лично обмывала гной и раны страдальцам; та, которая устроила Св. Обитель любви и милосердия.

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна родилась 20 октября 1864 г. Она была внучкой покойной императрицы Марии Александровны, супруги Царя-Освободителя Александра II и английской королевы Виктории, родной Августейшей сестрой Государыни Императрицы Александры Феодоровны, и в супружестве с Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергием Александровичем, убитым в Москве 4 февраля 1905 года. По крови женской линии, Великая Княгиня происходила от царственного рода Рюриковичей, о чем подробно описано в книге, составленной и напечатанной князем М. С. Путятиным. В жилах ее текла кровь любвеобильной, сострадательной к горю других матери, Принцессы Гессенской Алисы, дочери Английской королевы Виктории, стяжавшей себе славу женщины необыкновенно чистой души и сердобольного сердца, вышедшей в этом отношении из уровня века.

В юных летах, лишившись горячо любимой своей матери, она познала всю тяжесть сиротства без материнской ласки, почему она впоследствии и старалась хотя отчасти заменить материнскую ласку бесприютным сиротам. Воспитывалась и большее время юности провела Великая Княгиня у своей родной, мудрой бабушки Английской Королевы Виктории, закаляясь в терпении в ее твердых и суровых приемах воспитания. Здесь она, лишенная материнской ласки, видела больше сухих учительских приемов воспитательниц, с притворной безжизненной холодной любовью... Бабушка хотя любила ее, но мало имела свободного времени, будучи занята государственными делами, для нежного участливого внимания, не говоря уже о том, что никогда не могла заменить нежно любящую ласку матери.

Императрица Мария Александровна избирает ее в невесты своему младшему сыну, Великому Князю Сергию Александровичу. Привыкшая покоряться воле старших, юная принцесса Елисавета Феодоровна подчися предложению родных, хотя душевного расположения не чувствовала к этому браку, который не при ей истинной семейной радости. Жизнь ее в супрула сплошным тернистым путем. Только одному Богу известны все ее скорби и переживания среди злата и серебра в великокняжеских палатах».

Владыка Митрополит Анастасий, который тоже лично знал Великую Княгиню, пишет: «Будучи избрана в супруги Великому Князю Сергею Александровичу и прибыв в Россию, молодая Великая Княгиня со свойственной ей любознательностью и нравственною чуткостью стала внимательно изучать национальные черты русского народа и особенно его веру, положившую глубокий отпечаток на наш народный характер и всю нашу культуру. Вскоре православие покорило ее своею красотою и богатством внутреннего содержания, которое она нередко противопоставляла духовной бедности опустошенного протестантства. Великая Княгиня по собственному внутреннему побуждению решила присоединиться к Православной Церкви.

Глубоко тронут был ее решением и сам Император Александр III, благословивший свою невестку после св. миропомазания драгоценной иконой Нерукотворенного Спаса».

Далее повествует Игумен Серафим: «4 Февраля 1905 года, супруг Великой Княгини, Вел. Князь Сергей Александрович, брошенной бомбой на стогнах Московского Кремля был убит. Тяжело отразилась эта мученическая смерть на многоскорбном сердце Вел. Княгини, нанося новую тяжелую рану. Но она перенесла этот сильный удар судьбы

с христианским терпением. Она не только простила гнусного убийцу, но просила даже о его помиловании. На месте убийства она поставила деревянный крест, с неугасимой лампадой и надписью: "Отче! Прости им, ибо не знают, что делают" (Лук. 23, 24).

При всем возвышенном настроении, трагическая смерть ее супруга сильно потрясла ее душевное состояние, и она решила покончить с миром, посвятить остальные дни своей жизни на полное служение Богу и ближним. Пришел решительный перелом. Великая Княгиня, надевшая черный траур, осталась в нем до конца жизни земной. Начала она с азбуки иноческой — смирения, послушания и отсечения своей воли. С самого начала и до конца своей аскетической жизни она отличалась послушанием к старцу, без благословения которого ничего не делала. Постоянными местами ее стали: церковь, келия и места страждущего человечества. По совету и благословению опытных старцев она начала думать об устройстве обители, где бы можно совместить с аскетическими подвигами подвиги любви и милосердия. У одного благочестивого человека в Москве на Большой Ордынке покупается дом с усадьбой. Составлен устав для будущей обители по примеру иноческих общежительных монастырей. Название ее: «Марфо-Мариинская обитель милосердия», дабы совместить подвиг как Марии, сидящей у ног Спасителя, слушающей Божественные глаголы, так и Марфы, заботящейся по жизненному хозяйству. Из обычной усадьбы с домом начала вырастать целая обитель с разными благотворительными учреждениями. Все устроилось под личным наблюдением Великой Княгини. Была создана домовая церковь и освящена во имя Святых жен Марфы и Марии, устроены корпуса для сестер, больница, амбулатория для приходящих больных, бесплатная аптека, приют с училищем для бесприютных девочек сирот, рукодельные классы мастерские.

Великая Княгиня и несколько сестер за всенощным бдением после великого славословия принимают в храме звание крестовых сестер любви и милосердия, дают обет проводить девственную жизнь по примеру иноческому. За литургией на них возлагается Высокопреосвященнейшим Митрополитом Московским Владимиром (впоследствии переведенным в Киев и там расстрелянным в январе 1918 г.) нагрудные кипарисовые кресты и знаки иноческого одеяния. Одновременно с сим Великая Княгиня Архипастырем возводится в сан настоятельницы ею созданной обители. Вскоре было приступлено к постройке в древнем стиле собора, который освящен в 1912 г., где выстроен склеп

для Августейшей Настоятельницы, любимое место, куда она ходила размышлять о смертном часе и исходе отсюда в загробную жизнь. Не знала она тогда, куда Господь приведет ее святые останки.

Сама Великая Княгиня помещалась в скромной келье, как рядовая сестра, за исключением приемной и молитвенной комнат. Она чутко прислушивалась к голосу своего сердца и всюду шла на помощь в несчстье, горе и нужде. Ухаживала за больными, отдавая этому делу все свои силы, с полным самоотвержением, нередко проводя целые ночи около больных. Приведу хотя один из многих примеров, как эта великая женщина относилась к больным. Привезли в ее больницу жену одного из фабричных рабочих, человека совершенно неверующего и враждебно настроенного вообще к царствующему дому, в частности и к Великой Княгине, наслушавшись лживых слухов об ней, как женщине самолюбивой, заботящейся только о себе. Больная, как бедная женщина, была принята в больницу обители, где пользовалась уходом в числе прочих больных Самой Августейшей сестры милосердия. Муж навещал свою больную жену и нередко бывал около нее часами, а когда она была тяжело больна, то иногда находился и до поздних часов ночи. При своих посещениях он увидел совершенно иное, чем ему говорили злые языки. Он особенно обратил внимание на одну сестру, которая с сострадательным материнским участливым вниманием относилась к больным и к его тяжко больной жене. То она поправит подушку, то погладит голову и руки, то подаст лекарство, какие-либо лакомства, то сядет к больной на кровать и ласковым словом ободряет больную в терпении. Тяжко больным предлагает исповедываться и приобщиться. Так было предложено и его жене, которая изъявила свое согласие. Но, видимо, болезнь его жены была роковой и ей суждено Богом перейти в загробную жизнь. Около умирающей неотлучно всю ночь находится эта сестра, на которую обратил свое внимание неверующий муж умирающей, оказывая ей самое нежное внимание, стараясь всячески облегчить ее предсмертные страдания. На руках этой сестры умирает больная. Затем эта же сестра, при помощи пришедших сестер, обмывает умершую, одевает и служится первая панихида о упокоении новопреставленной. Все это так поразило мужа умершей, что невольно его грубое сердце растопилось как воск, глаза, с детства не плакавшие, выронили слезу. Ему казалось, что родная мать не могла оказать такое внимание к его жене, какое оказала эта особенная сестра. Он спросил: как зовут эту сестру и, когда ему сказали, что это Великая Княгиня, то он не выдержал, зарыдал как дитя. Он подходит

к Августейшей сестре милосердия, просит прощения, что заочно ее поносил и унижал, будучи врагом. Он только теперь понял, как ошибался в своих убеждениях и легко верил злостной вероломной клевете. Ласковое обращение с ним Великой Княгини и полное прощение еще более растрогали его, и он с этого момента стал верующим человеком. Все, кто имел хотя бы короткое общение с этой женщиной любви, никогда не забудут ее. Когда больные уходили из ее больницы, буквально плакали, жаль было им расставаться с Великой матушкой, как они ее называли. А она всегда со смирением говорила: какие добрые люди: за что к нам так люди скоро привыкают, мы же грубы и невнимательны к ним, а они-то по своей доброте хорошего мнения о нас.

Смирение ее было удивительно. Она без совета старцев и своего постоянного духовника, Протоиерея Митрофана Серебрянского, как говорится, шагу не ступала. Когда узнает, что своим каким-нибудь поступком соблазнила или оскорбила кого, то не замедлит извиниться и испросить прощение. Лично для себя Великая Княгиня не требовала услуг, сама все делала для себя, была не белоручка, а с детства приученной к труду и всякой женской работе. При ней была келейница крестовая сестра Варвара Яковлева, редкая по скромности и послушанию, которая несла и другие послушания. Вообще Великая Княгиня всеми силами старалась идти впереди сестер обители в общем деле. Насельницы обители без слез не могут вспомнить о своей Великой матушке, ласковее которой и добрее им не приходилось еще встречать никого за всю жизнь. Помимо всего этого, она несла строгий пост и молитвенные подвиги. Пищу употребляла все время постную, растительную и очень редко молочное. Предавалась сну на самое короткое время, не более четырех часов в сутки. Посещала все церковные богослужения в своей обители, а нередко еще рано утром посещала богослужения в обителях Москвы и большом Успенском Соборе в Кремле. Обращено было внимание ею и на совершенно опустившихся людей, бродящих на Хитровом рынке, а также на мальчиков и девочек, случаями судьбы заброшенных в плохую среду, откуда она их чрез особо назначенных сестер извлекала, устраивала или отправляла на родину к родителям и родным. Скоро через ее посредство устроилось на службу много людей всякого звания и состояния. Бессильно мое перо перечислить всех дел ее, ибо она любила делать так, чтобы не знала левая рука, что делает правая. Объявление войны застало Великую Княгиню неожиданно, ибо она в то время была в обителях Пермской епархии, где совершала паломничество. Прочитав телеграмму, полученную от

Августейшей сестры государыни императрицы, которая просила молитв, Ее высочество побледнела и несколько минут не могла ничего сказать. На мой вопрос: что случилось? Она сказала: «Сестра просит молитв, чтобы Бог отвел войну, ибо войну желают враги России, желая гибели ей» и слезы полились из ее глаз. Ее чуткое, проницательное сердце чувствовало, что втягивали Россию в войну не доброжелатели, а враги, и она не ошиблась.

Во время войны ее подвиги и труды умножились, ибо помимо всех своих дел, она принимала самое живое участие по излечению раненых воинов. Ежедневно посещала лазареты, утешала своим вниманием воинов, наделяя их нательными образками, а также посылала подарки. Первое время посещала она раненых и противной стороны, видя в них только страждущих людей, помня завет Христа: посещать больных.

Но когда услыхала вероломные выпады подлинных врагов России, то чтобы не подавать соблазн, уже не посещала лазареты с ранеными противной стороны. Тяжело было ее любящему сердцу слышать гнусную клевету, что якобы она неприятельским раненым воинам при посещении давала по рублю, а русским по образу. Она лично мне об этом говорила, глубоко скорбела о коварстве клеветников. Ни одного рубля она не давала раненым противной стороны, а посещала их, считая страждущими людьми, ибо лежащего, обезоруженного и раненого не бьют.

Последний раз мне пришлось видеться с Ее Высочеством после переворота в начале 1917 г. Так повлияло на ее любящее сердце это событие, что она сильно похудела и постарела за несколько недель. Душа ее настолько была потрясена, что она без слез не могла говорить. Она чувствовала всю будущую гибельную трагедию России и плакала, горько плакала за Россию, которую так любила. За себя она не боялась, ибо смерти не страшилась. Ей предлагали поехать за границу, но она решительно отвергла предложение. Рассказывала мне, как в начале переворота явились люди во главе с каким-то студентом арестовать ее, когда она шла в храм на молитву, но Бог не допустил.

На третий день Святой Пасхи, когда празднество в честь Иверской иконы Божией Матери, Святейший Патриарх Московский Тихон служил Божественную Литургию в Иверском Храме, стоящем против Марфо-Мариинской обители, где молилась и Великая Княгиня. После Литургии Святейший Патриарх посетил св. Обитель Любви и Милосердия, служил молебен, ободрял в скорбях Августейшую настоятельницу и сестер, обещал со своей стороны оте-

ческое попечение и защиту. Пробыл Его Святейшество в обители до 4 час. дня, ведя себя как чадолюбивый отец среди скорбных детей. Все сестры ободрились, забыв на время свои скорби, и, не ожидая грозной бури, проводив Патриарха, духовно ободренные, не думали, что видят свою настоятельницу в последний раз. Через полчаса после отъезда Патриарха, являются какие-то люди, без спроса и доклада проходят в приемную комнату Великой Княгини, где она была среди сестер, грубо приказывают немедленно одеваться и ехать с ними на вокзал. Духовная радость превратилась в горький плач. Эти люди с жестокими побоями оторвали сестер от настоятельницы и через пять минут уже тащили свою похищенную жертву. Не успев наставить своих сестер, Великой Княгине удалось им написать в поезде письмо, в котором всех ободряет и умоляет безропотно нести ниспосланное Богом испытание.

С Великой Княгиней поехали две сестры, Варвара и Екатерина. По пути была остановка в гор. Екатеринбург, затем их отправили в заштатный город Алапаевск, где заключили в приготовленном напольном училище. Сюда же привезли арестованных Великого Князя Сергия Михайловича, Князей: Иоанна Константиновича с супругой и детьми, Константина Константиновича, Игоря Константиновича (дети Вел. Князя Константина Константиновича и братья игумении Тамары, управлявшей Елеонским Женским Монастырем в Св. Земле с 1951 по 1975 г. — послушница Елеонского Монастыря), Князя Владимира Павловича Палей и боярина Федора Семеновича Ремез, управляющего Двором Вел. Кн. Сергея Михайловича. Жизнь узников, первое время, проходила под строгим караулом красноармейцев, но им давали возможность ходить по праздникам в церковь и работать в школьном саду, который они за месяц разработали так, что сами враги их пришли в удивление.

Проводили жизнь в строгом подвижническом и молитвенном духе. Утром и вечером подолгу молились, а Великая Княгиня большее время ночи проводила в молитве. Полуночный час всегда заставал ее на молитве.

Май месяц царственные узники провели сравнительно сносно. В июне режим стал суровее. Помимо лишения полной свободы, были отобраны имеющиеся деньги, золотые и серебряные вещи, была оставлена самая плохая одежда и перемена белья. Пища давалась самая плохая и в ограниченном количестве. В последних числах июня, по старому стилю, от Великой Княгини были взяты сестры Варвара и

Екатерина, увезены в Екатеринбург. Великая Княгиня осталась одинокой. Как ни крепилась, теперь ясно видела она, к чему все идет.

Когда сестер Варвару и Екатерину привезли в Екатеринбург, представили областному совету, то они начали со слезами умолять своих временных властителей вернуть их к Великой Княгине, ибо они не желают идти на свободу, оставив свою духовную мать одинокой в тяжелом заточении. Но в просьбе им было грубо отказано. Сестры становятся на колени, вновь неотступно умоляют уважить их просьбу. Наконец, желая запугать их своим жестоким ответом, дабы этим охладить их пылкое желание, им говорят: одну из вас постарше, возвратим в Алапаевск при условии, если даст нам подписку, вместе со своей настоятельницей страдать, мучиться и умереть. Предупреждаем, что страдание и мучение будет такое жестокое, какого еще не видали люди. Т. к. Варвара старше и самая близкая келейница Великой Княгини, она не растерялась и смело ответила: согласна дать подписку, просимую вами, не только чернилами, но если нужно собственною кровью. Такой ответ привел в замешательство грубых людей, а гордость их вынудила выполнить сказанное слово. Они никогда не думали, что эта слабая девица вместо свободы добровольно пойдет на страдание и смерть. Эту героиню духа, сестру Варвару, приказали возвратить в Алапаевск в заточение, а сестру Екатерину, которая со слезами умоляла вместо свободы отправить и ее в заточение вместе с Варварой, отпустили на свободу.

1 июля увозят жену Князя Иоанна Константиновича, Княгиню Елену с детьми. После этого Августейшие узники сразу поняли, что их ждет в недалеком будущем. Они сознательно готовились к смерти, молились и просили Бога укрепить их в страдании. Пишут письма и записки с своими последними заветами, кладут их в ладонки, надевают на шею вместе с нательными крестами, с надеждой, что чрез них родные узнают о их предсмертных заветах. 3 июля убирают от узников живших с ними людей, ставят усиленный караул.

В ночь на 5 июля 1918 г., по старому стилю, в память прп. Сергия Радонежского, симулируется тревога, убиваются два невинных человека, якобы убитые белогвардейцами, укравшими Великих Князей. Привозят царственных страдальцев к угольной шахте (яме) глубиною более 20 сажен и живыми бросают одного за другим в шахту. Вблизи этой роковой шахты случайно оказался на ночном отдыхе благочестивый местный крестьянин. Слышит вдали какой-то шум, встает, прислушивается. Приближаются какие-то люди. Узнает царственных

узников, которые, окруженные красноармейцами, поя духовные песнопения идут на смерть. Видел он, как Великой Княгине Елисавете Феодоровне завязывали глаза, затем подвели к шахте и живую с размаху бросили, а она еще успела сказать: «Господи, прости им, не ведают они, что делают». Притаившись, затаив дыхание, мужичек видел, как и остальных бросили в шахту с незавязанными глазами, ругаясь площадною бранью. Затем в шахту было брошено несколько гранат, которые разрывами засыпали ее. Совершив кровавое дело, палачи с циничным равнодушием ушли от шахты. Мужичек более суток был на месте, боясь выйти, думая, что шахта кругом оцеплена караулом. Он слышал в шахте глухие, непонятные голоса страстотерпцев Христовых. Одни сразу убились, а другие расшиблись сильно, но не убились, испытывали страшные муки и страдания от боли, пребывания с мертвыми в непроницаемой тьме земли. Впоследствии, медицинское вскрытие показало, что некоторые жили несколько дней, страшно мучились, ибо в гортани была земля, что свидетель о их голоде, муках и голодной мучительной смерти. Во всех газетах оповестили, что Великих Князей белые бандиты украли и увезли.

Проходит три месяца. В начале октября 1918 г., по новому стилю, отряд правительственной армии, во главе с адмиралом Колчаком, занимает гор. Алапаевск. Началось чрезвычайное следствие о зверствах, совершаемых красными. Видевший совершенное в ночь на 5 июля сообщил властям. По распоряжению адмирала Колчака приступили к раскопке шахты, из которой 9 октября извлекли первым Федора Семеновича Ремеза, второй Варвару Яковлеву и третьим Владимира Павловича Палей. 10 октября и Вел. Князя Сергея Михайловича, Князей Игоря Константиновича, Константина Константиновича, а 11 октября Князя Иоанна Константиновича и Великую Княгиню Елисавету Феодоровну. Всех мучеников близко знавшие их узнали и никому в голову не приходило какого-либо сомнения, ибо наружный вид неразложившихся тел убитых яснее слов свидетелей, вещественных доказательств раскрывал преступление. Почившие были в своих одеждах, в которых они были в заточении, и при них оказались их личные документы, дневники, записки и письма с последними предсмертными завещаниями. Все эти предсмертные строки говорили о том, как возвышенно были настроены эти современные великие мученики христианского долга.

После следствия и медицинского осмотра тела царственных мучеников были обмыты и одеты в чистое, но убогое (за неимением одея-

ния, по чину каждого почившего, они были одеты в убогие белые саваны, как бедные смиренные рабы Христовы) погребальное одеяние. Затем положены в сделанные гробы, деревянные, простые внутри, с футлярами из кровельного железа и поставлены в кладбищенскую церковь, где совершались панихиды и неусыпное чтение псалтыри. 18 октября собором духовенства, в числе 13 протоиереев и священников, была отслужена заупокойная всенощная. Народу было так много, что не только заполнен храм, но и вся окружающая площадь храма. Утром 19 октября из Свято-Троицкого Собора пришли крестным ходом в кладбищенскую церковь, где отслужили панихиду и с пением «Святый Боже», гробы понесли в собор, где была совершена заупокойная Литургия, а после отпевание мученически пострадавших Августейших страстотерпцев. На отпевании было еще больше народу, ибо собрались люди не только Алапаевска, но и из окрестных деревень. После отпевания певчие пели трогательные стихиры Св. Иоанна Дамаскина, народ прощался с мучениками, а после прощания гробы были взяты на руки и при многолюдном пении «Святый Боже», похоронном переоне колоколов и духовной военной музыки «Коль Славен» были перенесены в каменный склеп по правую сторону алтаря собора, где были поставлены, и вход в склеп заложен кирпичом.

Но путями неисповедимого промысла Божия, — оканчивает свое повествование игумен Серафим, — пришлось бежать от пресловутых благодетелей народа, не только живым, но и мертвым, над которыми совершали кощунственные надругания и сожигания их священных телесных останков. Ввиду вторичного занятия красноармейцами Алапаевска, адмиралом Колчаком и его воинами гробы с телами мучеников 1 июля 1919 г. по ст. ст. были вывезены в Иркутск, куда прибыли 17 августа по ст. ст. и почивали в приличествую святом месте шесть месяцев. Но красноармейцы надвигались, и вновь пришлось, 26 февраля 1920 года по ст. ст., мученические останки увезти в более надежместо их временного упокоения, каковым, судьи промысла Божия, оказался Китай. 3 апреля 1920 г. ст. ст., в Светлую Пятницу, при пении победного Пасхального песнопения соотечественниками и православными инородцами были встречены гробы с телами мучеников. Они почили под сенью святого храма во имя прп. Серафима Саровского в Пекине». На этом чает свое повествование игумен Серафим.

В 1333 году совершалось освящение русской церкви Св. Марии Магдалины в Гефсиманском Саду, напротив стен Иерусалима. Эта церковь была построена в память Государыни Марии Александровны

ее Августейшими детьми. На этом освящении присутствовали Великий Князь Сергей Александрович, будучи тогда председателем Императорского Православного Палестинского Общества, и его молодая супруга Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Она тогда столь пленилась красотою этого места и храма, что сказала, что хотела бы быть здесь погребенной. Тогда же она подарила в этот храм замечательные Евангелие, чашу, покровцы и облачения. Сестра ее, Маркиза Мильфорд-Хавен Принцесса Виктория, которая была особенно близка Великой Княгине, помнила это желание. И когда привезли гроб почившей в Пекин, она стала заботиться о его доставлении в Палестину. «15 января 1921 г., — пишет Владыка Митрополит Анастасий, — тела обеих неразлучных до конца страдалиц, Великой Княгини и инокини Варвары, были торжественно встречены в Иерусалиме английскими властями, греческим и русским духовенством, многочисленною русскою колониею и местными жителями. Через день состоялось их погребение, совершенное маститым главою Сионской Церкви, Блаженнейшим Патриархом Дамианом в сослужении большого сонма духовенства».

В 1929 г. приезжает в Палестину из Ниццы Валентина Николаевна Цветкова, в ранней юности встречавшая Великую Княгиню в Москве и еще тогда решившая служить Богу и Церкви. Владыка Митрополит Анастасий ее постригает в инокини и посылает в Гефсиманский Сад заведывать Гефсиманским участком. Кроме Церкви в саду стояли два домика, один наверху, другой внизу, которые, за неимением средств, сдавались. Вот, что рассказывает о том времени сестра Валентина, ныне здравствующая игумения Варвара Гефсиманской Обители:

«Случилось так, что домик, находящийся вверху Гефсиманского Сада, сдан был одной англичанке. Однажды эта англичанка пришла сообщить с. Валентине, что она уезжает и сдала домик в Гефсимании на три месяца одной англиканской миссионерке, едущей в Индию, где имела уже свой «Дом Молитвы» Prayer House. С. Валентина с недоумением отнеслась к этому известию: ей не нравилась мысль, что инославные монахини поселятся в русском православном монастыре. «Будет сложно, еще монахиня с причудливым головным убором!», — думала она, увидав Марию в голубом головном покрывале с повязкой, держащей изображение Христа Младенца на руках. С ней была ее подруга — англичанка — Аликс-Спрот, принявшая в Англии монашество с именем Катрин-Франсис. Обе поселились в Гефсимании. Когда вернулась англичанка, жившая в верхнем домике, обе

сестры англиканки заняли дом внизу. Это случилось по благословению Митрополита Анастасия, который понял светлую душу с. Стеллы-Марии.

При встрече с с. Валентиной, Аликс спросила ее: «Отчего Вы такая грустная?» С. Валентина ответила: «Отдаю Господу свою великую скорбь о России». Однажды Стелла попросила побеседовать с с. Валентиной. Беседа имела место под деревом в Саду, на скамейке. Она началась в 3 ч. дня и продолжилась до 3 ч. ночи. Англичанки ничего не знали о России и Православии и как-то горячо восприняли услышанное от с. Валентины. С. Стелла перед самым отъездом на корабле из Англии, приобрела брошюру об Елизавете Феодоровне. Почувствовав ее светлый образ, она была поражена тем, что прах убиенной Великой Княгини покоится под храмом Гефсиманского Сада. Обе сестры стали посещать службы в этой церкви и хорошо узнали Митрополита Анастасия. Владыка Митрополит разрешил с. Стелле устроить в гостиной свою англиканскую молельню. Но не пришлось никогда вообще служить там никакой английской службы. Внезапно с. Стелла сказала с. Валентине, что она хочет принять Православие. Смущенная этими неожиданными словами, с. Валентина вышла на улицу из дома и, проходя под окном дома, где жили англичанки, услышала разговор между обеими подругами. «Я решила стать православной по внушению Великой Княгини», — говорила с. Стелла. «Я тоже думаю, что это самое правильное решение для нас», — ответила Аликс.

Была первая Неделя Великого Поста. Митрополит Анастасий никого не принимал, но ввиду спешности прошения, переданного ему с. Валентиной, он ответил: «Я не имею никакого права сам решать этот вопрос, но не могу идти против воли Божией. Ее ясно вижу в этих обстоятельствах». Вскоре совершилось присоединение к Православию с. Стеллы-Марии и Аликс-Спрот в Дамаске у Антиохийского Патриарха, который сам благословил все это дело». Так повествует с. Валентина Цветкова.

В издаваемом в 1934 г. Русской Духовной Миссией в Иерусалиме журнале «Святая Земля», в хронике 2-го номера, от сентября месяца, мы читаем: «В день праздника Преображения в церкви св. Марии Магдалины в Гефсимании происходило редкое церковное событие — пострижение в мантию православной англичанки, сестры Марии (Робинсон). Как мы сообщали, она была одна из тех двух инокинь, которые с таким усердием и по глубокому убеждению не так давно приняли православие. Новопостриженная монахиня Мария изучила русский язык

и, желая отдать себя всецело на служение Церкви, сознательно и твердо стремилась к принятию ее в чин монашествующих. Чин пострижения совершил Вл. Архиепископ Анастасий, причем он сказал поучение, в котором обрисовал душевный склад новопостриженной и весь долгий путь ее стремления к истинной древней апостольской церкви, она с полным удовлетворением нашла ныне в этой церкви. Вот отрывок его слова: «То, что тебе еще неясным предчувствием вначале, превратилось в твердое сознательное убеждение, с тех пор как ты по незримому указанию воли Божией прирусалим — к Матери церквей, насажденной самим Христом и Его апостолами. Высокий поучительный пример почивающей под сводами этого храма Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, опытно познавшей подобно тебе ни с чем не сравнимое богатство Православия, положил конец твоим последним колебаниям. Познавши истину, ты не стала советоваться с плотию и кровию, и подобно ей, великомученице, ставшей отныне путеводной звездой твоей жизни, без колебания вошла в дверь той церкви, давно уже искала твоя душа, твоя христианская совесть...» При храме св. Марии Магдалины в настоящее время живет несколько сестер монашествующих, в том числе мон. Мария, тесно связанных с возникающей Вифанской Общиной».

Далее с. Валентина Цветкова повествует, что «В Божией Матери Всех Скорбящих Радости, 5 ноября, совершилось пострижение с. Александры (Спрот) именем Марфы и с. Валентины (Цветковой) с именем Варвары. Матушка Марфа была назначена помощницей матушки Марии. Митрополит Анастасий сказал матушкам: «Передаю вам Вифанию — нужно устроить там школу». До войны 1914 г., по Св. Земле было до 300 русских православных школ, одна женская в Бейтжале, одна мужская в Назарете (ныне, к сожалению, переданная Советами коммунистической партии в Назарете). В Вифании все было разрушено турецкой кавалерией, занявшей во время войны все тогда имевшиеся там помещения. Здания остались, но не было ни крыш, ни лестниц — ничего. Средств тоже никаких не было. Решили на Бога надеяться. Матушка Мария обратилась к своим родственникам в Англию, которые помогли. Позвали рабочих, и начался ремонт. Игумен Серафим и иеродиакон Аристоклий Миссийские приходили каждый день трудиться вместе с рабочими. В старых домах все было починено — лестницы, ограды. Построены были здания для школы и другие постройки. Приблизительно через год-два, на Страстной Неделе, во время чтения Двенадцати Евангелий в Гефсиманском храме — слу-

жил Митрополит Анастасий — пришел Вифанский сторож сказать, что рабочие нашли «антику» — камень с какими-то буквами и крестами. Чтобы расшифровать археологическую надпись, пришел Вифлеемский Архиепископ Тимофей, впоследствии Патриарх Иерусалимский, и председатель Американской Археологической Комиссии в Палестине. Они прочитали и объяснили надпись на камне, которая гласит: «Здесь была встреча Спасителя с сестрами Марфой и Марией и впервые были сказаны слова Христовы о Воскресении». Судя по всем признакам, здесь был храм, построенный в IV в. св. Царицей Еленой. Камень по-видимому служил престолом в этом храме. Итак, обретение этого камня показало, что встреча Спасителя со св. сестрами имела место здесь. Известно, что дом св. Лазаря Четверодневного находился в некотором отдалении от Евангельского Вифанского селения и от гробницы Лазаря. И теперь существуют развалины дома и гробница св. Лазаря, куда ходят на поклонение паломники. Что является удивительным, это что Евангельские слова: «Учитель здесь и зовет тебя» (Ио. XI, 28) были девизом Марфо-Мариинской Общины Великой Княгини Елисаветы Феодоровны в Москве. Поразительная живая связь со Св. Землей!», — кончает свое повествование Валентина.

В Хронике журнала «Святая Земля» № 10 от 1936 г. мы читаем: «Настоятельница Женской общины Воскресения Господня, монахиня Мария (Робинсон) в сопровождении своей помощницы монарвары 20–23 сентября отбыла в Югославию по церковным делам. В Югославии м. Мария предполагает ознакомиться с существующими там русскими и сербскими женскими обителями и к середине октября возвратиться в Иерусалим. 26 сентября, за богослужением в г. Белграде (Югославия), м. Мария возведена в игумении с возложением наперсного креста с украшениями.

Так родилась св. Гефсиманская Обитель под покроеликой мученицы Елисаветы Феодоровны, путеводной звездой жизни» новой игумении, как ей говорил при пострижении Владыка Митрополит Анастасий. Продолжается «живая связь» между Марфо-Мариинской Обителью Милосердия и Любви, иной безбожниками в Москве и новой Вифанской общиной Воскресения Господня в Гефсимании. Поступают новые сестры, в школе кипит работа с ученицами-арабками, часть которых сироты. Начинают приезжать паломники из Европы. И так игумения управляла этим св. делом с 1936 по 1969 г., когда скончалась. Заменила ее верная ее помощница, игумения Варвара.

Библиография

Игумен Серафим. Мученики христианского долга. Пекин, 1920.

Митрополит Анастасий. Светлой памяти Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Иерусалим, 1925.

Протоиерей Александр Трубников. Ближний Восток — колыбель Православия. Мадрид, 1964.

Воспоминания Игумении Варвары (Цветковой).

Послушница Елеонского монастыря

Избрание и поставление Святейшего Патриарха Тихона[1]

Характер его личности и деятельности

Патриаршество было учреждено на Руси в 1589 г., т. е. немного более 350 лет тому назад.

Оно выросло органически из нашей исторической почвы как естественное завершение и увенчание всего здания Русской Церкви, когда она пришла в меру возраста совершенна.

Падение Константинополя, возросшее в связи с укреплением и возвышением Московского царства, самосознание русского народа и совершенное исключительное благочестие царя Феодора Иоанновича и его мудрой супруги Ирины создали благоприятную обстановку для осуществления столь знаменитого исторического акта.

Почин этого великого дела, как и проведение его в жизнь, потребовавшие долгих и сложных сношений с Востоком, составляют всецело заслугу царя и его шурина и ближайшего сотрудника по управлению государством — Бориса Годунова; но не подлежит сомнению, что они шли навстречу желаниям и идеалам всего русского общества, уверовавшего в указанную свыше миссию для Москвы — быть Третьим Римом. Что же касается иерархии и простого духовенства, то они принимали в нем участие лишь постольку, поскольку их привлекал к этому царь, не проявляя никакой инициативы со своей стороны.

Восстановление патриаршества в 1917 г. после 200-летнего перерыва произошло при совершенно иных, далеко не похожих на указанные выше исторических обстоятельствах.

[1] Русское возрождение. 1983. I. № 21. С. 56–94.

Разразившаяся в России революционная буря глубоко потрясла мощь России, ниспровергла царский трон и ослабила внешнюю силу и положение Церкви.

Третий Рим, стоявший, казалось, непоколебимо в течение долгого времени, пал, подпавши под иго не только басурманской, но и безбожной власти.

И, не взирая на все это, патриаршее достоинство снова увенчивает Русскую Церковь, в то время как Россия содрогается в судорогах революции.

Совпадение этих двух, столь несродных между собою фактов нашей новой истории и дало повод утверждать некоторым, что одно явление возникло от другого, что патриаршество восстановлено не чем иным как революцией. Освободив русский народ, последняя, якобы, возвестила свободу униженной и обезглавленной Русской Церкви.

Нет ничего несправедливее и неразумнее такого своеобразного прагматизма, распространяемого людьми, желающими оправдать русскую революцию.

Революционные вожди всего менее могли желать возвышения и укрепления Церкви — этой вековой могучей духовной силы, противной революции по самому ее существу, против которой последняя ведет ожесточенную борьбу до сих пор. Протягивать ей руку помощи было бы равносильно для революции самоубийству. И не только сами революционеры, но и все, кто сколько-нибудь приближался к их идеологии, были против восстановления патриаршества. Это ясно обнаружилось во время прений, происходивших по данному вопросу на Всероссийском Соборе. Все члены Собора с ярко выраженным радикальным образом мыслей яростно боролись против самой идеи патриаршества, которую они не могли вместить. Она была органически близка только носителям православно-церковного самосознания, убежденно, а иногда исповеднически отстаивавшим ее до конца.

К счастью, число последних оказалось преобладающим на Соборе.

Возрождение идеи патриаршества в русском церковном сознании началось гораздо ранее революции. Известно, что еще со времени царствования императора Александра III, пытавшегося возвратить Россию на ее исторический национальный путь, многие из русских людей все чаще и чаще стали обращать свой взор к древней Руси, с образом которой было нераздельно связано и представление о патриархе как главе Русской Церкви.

Среди духовенства идея патриаршества обязана была своим оживлением прежде всего митрополиту Антонию (Вадковскому), который еще в бытность ректором С.-Петербургской духовной академии ревностно насаждал среди студентов мысль об освобождении Русской Церкви от государственной опеки и возвращении ей прежнего канонического возглавления. Его единомышленниками и просвещенными сотрудниками в этом деле явились инспектор-архимандрит Михаил (Грибановский) и молодой доцент и помощник инспектора иеромонах Антоний (Храповицкий), тогда называвшийся, в отличие от первого, «Антонием Малым». Этой идеей пламенно прониклось особенно ожившее тогда т. н. ученое монашество, из рядов коего стала пополняться по преимуществу наша иерархия. С тех пор как владыка Антоний (Храповицкий) сделался ректором Московской, а затем Казанской академий, он получил новую обширную благодатную ниву для посева в юных душах той же идеи. Его духовные связи с учащейся молодежью, которые не прекратились и по вступлении его на поприще пастырской деятельности в разных епархиях, и высокий авторитет, каким он пользовался в глазах национально настроенной части русского общества, облегчали ему распространение его заветной идеи везде, где представлялась для этого возможность.

В середине царствования императора Николая II, идеалом которого был царь Алексей Михайлович и который глубоко чувствовал и понимал древнюю Русь, сознание необходимости возвращения Русской Церкви к каноническому строю настолько созрело, что в заседании 22 марта 1905 года Синод единогласно постановил представить доклад государю о восстановлении патриаршества в России и созыве для этого Всероссийского Церковного Собора. Революционное брожение, которое хотело использовать для своих целей пробудившееся среди духовенства стремление к церковным преобразованиям, заставило государя отложить «это великое дело» до наступления более благоприятного времени. Но мысль о «созыве Собора Русской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления» не была оставлена.

В декабре того же года, после личной беседы с тремя митрополитами, государь обратился с рескриптом на имя митрополита С.-Петербургского Антония, в котором писал: «Ныне я признаю вполне благовременным произвести некоторое преобразование в строе Отечественной Церкви. Предлагаю Вам определить время созыва Собора».

Учрежденное в марте 1906 года так наз. Предсоборное Присутствие в составе видных иерархов, наиболее авторитетных профессоров духовных академий и выдающихся канонистов и церковно-общественных деятелей, и занялось практической разработкой этого вопроса. Материалы, приготовленные им для будущего Собора, касались улучшения почти всех сторон русской церковной жизни и имели большое научное и практическое значение.

Предстоящие церковные реформы стали предметом горячего обсуждения в печати и в обществе.

Светские интеллигентные круги, остававшиеся до тех пор равнодушными к церковным вопросам, стали проявлять к ним живой интерес. Вокруг Церкви разгорелась оживленная полемика, в которой сразу обнаружилось два течения — одно «обновленческого» характера, стремившееся не столько к реформе, сколько к реформации в Церкви, и другое — строго православное, ревновавшее об обновлении нашего церковного устроения на канонических началах. Под влиянием этих принципиальных споров церковное сознание в русском обществе заметно углубилось, подготовляя удобную почву для скорейшего созыва Собора.

Предсоборное Совещание 1912 г. было новым шагом к практическому разрешению этого вопроса. Война отодвинула его, как и многие другие задачи русской жизни, на второй план.

Но после войны и Февральской революции он выдвинулся с новою силою.

Временное правительство, быть может, не без задней мысли[1] привлечь к себе доверие духовенства и церковных кругов, шло, видимо, навстречу желанию Синода ускорить осуществление этого давно подготовляемого мероприятия.

15 августа 1917 года Собор, наконец, открылся торжественным богослужением в Успенском соборе, на которое счел нужным явиться и председатель правительства А. Ф. Керенский.

При созыве Собора многие справедливо опасались, что революционный вихрь захватит его своим дыханием и увлечет на путь реформ, которые могли бы только поколебать и ослабить авторитет Церкви. Но этого не случилось,«Богу лучшее что о нас предзревшу».

[1] Мы исключаем А. И. Карташова, который в качестве последнего обер-прокурора несомненно искренно содействовал каноническому обновлению нашего церковного строя. — *Примеч. авт. статьи.*

Собор 1917 г. в большей своей части явился отбором лучших и наиболее стойких церковных сил из всех слоев русского народа. Значительная часть их пришла с готовым решением ратовать за восстановление патриаршества. Неудивительно, что этот вопрос сразу же лег во главу всей соборной работы.

Отдел о Высшем Церковном управлении стал средоточием общего внимания и привлек к себе все, что было наиболее яркого и деятельного в его составе.

Но, как это часто бывало в истории, великая идея — хотя уже не чуждая нам по опыту прошлых веков — должна была родиться в муках.

Даже среди епископов были некие, которые не могли дать себе ясного отчета, насколько полезна и необходима была коренная ломка существующего строя церковного управления в России в настоящее время: в течение двух веков, протекших после упразднения патриаршества в Русской Церкви, русские люди настолько отвыкли от этого канонического установления, что оно могло казаться теперь опасным новшеством для лиц, непросвещенных или обладающих косным неподвижным образом мыслей. Что же касается до людей нецерковных, принесших с собою на Собор грубые демократические или обновленческие вожделения, то они ожесточенно восстали против патриаршества с тех пор, как только это слово впервые было произнесено на Соборе.

Но здесь-то и сказалась сила соборного духа, который всегда обеспечивает победу истине, если только участники Собора искренно и свободно ищут ее. Соборная работа сама по себе представляет для наблюдателя очень поучительное зрелище. Здесь каждому сосуду находится соответствующее употребление, каждый талант получает и оправдывает свое назначение. И умудренный богослов с обширным запасом знаний и широким духовным кругозором, и светский ученый с привычною ему дисциплиной мысли, и юрист с его ученой диалектикой, и общественный трибун с его искусством примирять спорящих, находя для них согласительные формулы, и крестьянин с его здравым природным смыслом и простой, непосредственной, ничем не искушаемой верой, и смиренный инок *с* его углубленною духовным опытом мудростью, и епископ, и священник *с* данным им благодатным даром учительства и пастырским опытом — все подлинно сливаются в один организм, становятся, по апостолу, как бы членами друг другу, восполняя каждый своим талантом то, чего не достает другому, и

составляя вместе ту полноту дарований, какая необходима для такого высоко авторитетного церковного органа, как Поместный Собор. Над ним незримо веет «Художник-Дух», по выражению Григория Богослова, приводя все это множество в стройное согласие между собой. По временам сюда вторгаются человеческие страсти, и тогда соборная гармония расстраивается. Были такие моменты и во время прений о Патриаршестве. Тогда все чувствовали потребность в молитве, чтобы восстановить утерянный мир и спокойствие. И замечательно, что чаще всего такой призыв к соборной молитве в наиболее трудные и критические минуты в соборной работе исходил не от простецов, а от ученого философа кн. Е. Н. Трубецкого, который особенно легко мог находить общий язык с чисто народной стихией на Соборе. Прислушиваясь к соборным суждениям, можно было видеть, как идея патриаршества, проходя через соборное сознание, постепенно оформлялась, прояснялась, привлекая к себе все новых сторонников, и, наконец, получила такую властную силу, что весь Собор почти единогласно изрек: «Да будет снова Патриарх на Руси».

Когда говорят, что последним и самым решительным аргументом в пользу патриаршества был гром пушек, которыми большевики обстреливали Кремль, то это справедливо только в том смысле, что углубление революционного движения в Москве способствовало скорейшему практическому разрешению этого вопроса.

Разрушение, произведенное повсюду большевиками, определенно поставило вопрос: быть или не быть отныне России. Все, кто не был опьянен революционными соблазнами, конечно, всем сердцем хотели сохранить не только единство и цельность родной земли, но и ее исконный духовный облик, а этого достигнуть можно было только при помощи Церкви, неоднократно вдыхавшей животворящий дух в распадавшийся русский государственный и народный организм.

Но, чтобы подняться снова на высоту своей исторической миссии, Русская Церковь сама должна была обновиться в смысле возвращения себе прежней независимости и нравственного авторитета, поколебленных реформами Петра Великого, а это возможно было бы при условии возглавления ее Патриархом, который не только укрепил бы ее изнутри, но и был бы символом единства всей Русской земли, как это было встарь, и мог говорить от лица ее, как власть имущий. Вместе с восстановлением патриаршества наша Церковь приобрела бы большее значение в глазах других Восточных Церквей и вступила бы в более тесное общение с ними, ближе приобщаясь к вселенской церковной жизни.

Таким образом, революция способствовала восстановлению патриаршества не положительным, а чисто отрицательным путем, поскольку убедила Собор в необходимости скорейшего осуществления этой церковной реформы, направленной прежде всего к укреплению внешней и внутренней силы Церкви. При виде надвигающейся опасности, начинавшие уже и без того утомлять всех прения были сокращены и затем закрыты совсем, по причине достаточного выяснения вопроса. После того, как последний принципиально был разрешен в положительном смысле, Собор постановил немедленно приступить к избранию кандидатов на Патриарший престол.

31 октября 1917 г. явилось новой знаменательной датой в истории нашей Церкви.

В этот день прекратил свое существование Синодальный строй, и на престол Иова и Гермогена были избраны три кандидата в лице архиепископа Харьковского Антония, архиепископа Новгородского Арсения и митрополита Московского Тихона.

Все три кандидата по своему характеру не походили друг на друга. Каждый имел, несомненно, свои достоинства и свои заслуги перед Церковью, однако, как показали самые результаты голосования, ни один из них не получил такого подавляющего большинства голосов, которое говорило бы о единодушной воле Собора видеть его во главе Русской Церкви (из 309 голосов архиепископ Антоний получил 159 голосов, архиепископ Арсений при первом голосовании — 148 голосов, митрополит Тихон — 125). С другой стороны, миссия, предстоявшая новому Патриарху, была столь тяжка и ответственна, что для осуществления ее, казалось, недостаточно было никаких естественных сил и талантов. Поэтому как епископы, так и большинство клира и мирян не решались взять на себя ответственность за предпочтение одного кандидата двум остальным.

Исторический момент был так серьезен, что наступило, по общему убеждению, *время сотворити Господеви*. Небесный Кормчий Сам должен был указать путем жребия, кому Он вручает кормило церковного русского корабля, чтобы вести его в столь бурное время.

Такой порядок избрания Патриарха не отвечал нашим историческим преданиям и практике других Восточных Церквей.

Русские Патриархи, начиная с Иова, избирались волею царя из трех кандидатов, представленных Собором. Исключение составляет только Патриарх Иоасаф, избранный по жребию, вынутому перед иконой Владимирской Богоматери, — таково было желание царя Михаи-

ла Феодоровича, который сам наметил шесть кандидатов на жребиях и в запечатанном виде прислал их Собору. Что же касается Восточных Церквей, то там окончательное избрание Патриарха из намеченных избирательным собранием с участием клира и мирян кандидатов предоставлено Синоду или Собору епископов.

За применение такого порядка избрания высказывались владыка Антоний, епископ Черниговский Пахомий и некоторые другие, но за жребий твердо стояли все остальные члены Собора, имея перед глазами прежде всего высокий пример Св. Апостолов, избравших таким путем Матфия на место отпавшего Иуды предателя. Соответственно этому и молитва, предшествовавшая избранию Патриарха, была составлена в духе Апостольской молитвы, изложенной в 1-й главе книги Деяний Апостольских и начинающейся словами: *Ты, Господи, Сердцеведче* всех, *покажи, его же избрал еси...* (Деян 1. 24–25).

Самый акт избрания назначен был на воскресенье 5 ноября, после литургии в храме Христа Спасителя.

До него от 31 октября оставалось только 5 дней, но этого срока оказалось достаточно, чтобы обнаружить не только темпераменты, но частью и нравственные характеры каждого из трех избранных кандидатов.

Архиепископ Антоний, живший на Валаамском подворье, испытывал в эти дни большое внутреннее волнение, но благодаря своему самообладанию, умел скрывать его от других, стараясь для этого избегать общения с внешним миром.

Напротив, архиепископ Арсений, пребывавший на Троицком митрополичьем подворье, где жил, кроме самого митрополита Тихона, еще митрополит Киевский Владимир, архиепископ Агафангел и я, не мог в силу своего темперамента скрывать своего возбуждения, возраставшего по мере приближения решающего дня 5 ноября. Он откровенно признавался, что если бы этот промежуточный срок продлился еще на некоторое время, он бы не вынес переживаемого им душевного напряжения.

За эти несколько дней он заметно ослабел и изменился в лице от постоянного волнения.

Спокойнее всех ожидал решения своей участи митрополит Тихон. Свойственное ему благодушие не изменяло ему ни на минуту.

Провожая нас 5 ноября в храм Христа Спасителя (кандидаты не должны присутствовать при избрании Патриарха), он сказал нам с улыбкой: «Ну, делайте там свое дело, а я здесь отслужу, пообедаю и лягу отдыхать».

Эти слова не были только шуткой: они отражали его действительное душевное настроение. Никто меньше его не стремился к власти, но власть сама искала его по особому усмотрению свыше.

Не напрасно еще академические товарищи прозвали его «патриархом», оказавшись невольно пророками, а его покойная мать, явившись во сне своему больному мужу, его отцу, предсказала, что их сын Василий будет «великим».

Прибывши в собор к богослужению, мы нашли его уже переполненным народом. Все горячо просили Господа, чтобы Он по молитвам Богоматери явил Свою благую волю Русской Церкви, указав достойнейшего из трех кандидатов на патриарший престол. По окончании литургии и краткого молебна старец Зосимовой пустыни Алексий трепетною рукою вынул из сосуда, стоявшего пред Владимирскою иконой Божией Матери, один из трех находившихся там билетиков и подал митрополиту Владимиру. После того, как последний раскрыл его и торжественным голосом огласил: «Тихон, Митрополит Московский», все молящиеся почувствовали как бы некоторое облегчение после пережитого напряжения и перекрестились.

«Такова воля Божия», «Вот избранник Божией Матери», — послышалось со всех сторон.

Чувство внутреннего удовлетворения, появившееся у всех на лицах, показывало, что народ вымолил себе патриарха по сердцу своему. Могучее «Аксиос» и за ним торжественное «Тебе Бога хвалим», пропетое под сводами храма, являло радость всей Церкви, обретшей себе снова Верховного Пастыря и Отца, которому возглашено было затем и первое многолетствование.

Когда торжественное посольство прибыло на Троицкое подворье, чтобы возвестить волю Божию, повелевавшую ему взять на себя бремя управления Русской Церковью, Владыка Тихон уже был предупрежден об этом: один благочестивый доброволец тотчас же после оглашения вынутого жребия, устремился на Троицкое подворье и, пройдя наиболее прямым путем, успел достигнуть туда ранее, чем прибыло посольство.

Самая церемония Патриаршего благовестия, соответствовавшая чину наречения нового Патриарха, была очень проста.

После краткого молебствия, совершенного митрополитом Тихоном в церкви подворья, глава посольства митрополит Владимир возвестил ему: «Преосвященный митрополит Тихон. Священный и великий Собор призывает твою святыню на Патриаршество города Москвы и всея России».

Митрополит Тихон принял это высокое избрание в смирении и простоте сердца, как послушание воле Божией. Такие именно мысли и чувства он исповедывал в своем слове, произнесенном после установленной формулы, в которой он изъявил свое согласие принять сан Патриарха.

Воздавая благодарение Господу за Его неизреченную милость, он, однако, сравнивает «весть об избрании его в Патриархи» со «свитком, на котором было написано — "плач и стон и горе"», а себя с Моисеем, которому Господь повелел «носить» народ свой «на руках своих», «как мать носит ребенка».

Отныне на него возлагается попечение о всех Церквах Российских, и ему предстоит «умирание за них во вся дни».

Как ни тяжек сей жребий, он покоряется ему в надежде на помощь Господа, призвавшего его, и на Покров Пречистыя Богородицы, вручившей ему этот жребий «от Своего Чудотворного образа».

7 ноября, по церемониалу, ему надлежало отправиться в историческую Троице-Сергиеву Лавру, чтобы там, как в пустыне, в посте и молитве приготовиться к тому, чтобы воспринять на себя бремя своего высокого служения. Она должна была обвеять его и теми славными патриотическими воспоминаниями, какие осеняют ее со времени первой смуты, вдохнув в него дух прп. Сергия, архимандрита Дионисия и других почивающих там печальников земли Русской.

Там ему суждено было подвергнуться и первым искушениям от слуг сатаны, явившихся туда для производства обыска. Зная, конечно, хорошо, что перед ними нареченный Патриарх Всероссийский, они, однако, не хотели назвать его иначе, как «товарищ Белавин». Делая вид, что он не замечает этого, митрополит Тихон, по-видимому, обезоружил их своею ласковостью и простотою обращения, и они уехали, не причинив существенного вреда ни ему, ни Лавре.

Новонареченный Патриарх возвратился из своего уединения в Москву в силе духа, незадолго до Введения во храм Пресвятой Богородицы, когда было назначено его торжественное возведение на Патриарший Престол.

Подготовка этого торжества потребовала больших трудов, потому что оно могло быть приурочено только к древнему Успенскому собору, где поставлялись прежние Патриархи, где возвышается доныне их престол и где почивали мощи Святителей Петра, Ионы, Филиппа и Патриарха Гермогена. Но Кремль был уже в руках большевиков. Никто не мог наперед с точностью сказать, как они отнесутся к этому свет-

лому празднику Русской Церкви, однако вполне естественно было предполагать, что он мало отвечает их общим взглядам и желаниям и что они будут искать повода помешать его осуществлению.

Тем не менее Собор решил употребить все усилия, чтобы добиться от советской власти разрешения на совершение торжественного богослужения для настолования Патриарха в Успенском Соборе. На меня, как на Председателя Комиссии по организации торжества, выпал тяжкий жребий вести по этому поводу переговоры с двумя комендантами, из коих один заведовал Кремлем, а другой — всеми остальными частями Москвы, находящимися за пределами последнего. Не без волнения отправились мы с протопресвитером Успенского собора Николаем Ал. Любимовым — моим ближайшим и очень ценным сотрудником по Комиссии — сначала к этому последнему. Во время пути нам невольно вспоминался образ св. Александра Невского, путешествующего в Орду на поклонение татарским ханам. Комендант был латыш: его канцелярия находилась в доме прежнего Жандармского управления. Он оказался в отсутствии. Мы передали нашу просьбу его секретарю и возвратились назад с очень слабою надеждою, что она будет исполнена. Но каково же было мое удивление, когда этот комендант приехал лично в Епархиальный дом, где происходили заседания Собора, чтобы сообщить мне о своей готовности оказать нам свое полное содействие в смысле поддержания порядка во время торжеств. Оставалось получить второе, более важное для нас разрешение на пропуск в Кремль — от коменданта, им управляющего.

Это был простой солдат, чисто русский по национальности. Он помещался в казармах, расположенных недалеко от Чудова монастыря в Кремле и примыкавших непосредственно к дворцовым зданиям. К счастью, последними по непонятной причине продолжал еще заведовать кн. Одоевский-Маслов, назначенный на эту должность покойным государем.

Пользуясь давним знакомством с ним, я просил его быть посредником между нами и кремлевским комендантом. Он охотно согласился на это. Когда мы пошли из внутренних дворцовых помещений в казарму, его жена, очень почтенная и религиозная женщина, напутствуя нас своими благопожеланиями, сказала: «Если комендант при встрече с вами примет от вас благословение, это будет очень благоприятное предзнаменование». Так и случилось. Комендант был предупрежден о моем прибытии заранее, и как только мы с князем вошли в казарму, он выделился из группы других солдат и, подойдя ко мне, попросил

благословения. Я объяснил ему цель моего приезда и познакомил его с программой предстоящего церковного празднества в Кремле. К нашему приятному изумлению, он не только ничего не возразил против последнего, но обещал также принять все зависящие меры к охране полного порядка и безопасности в Кремле в назначенный день 21 ноября. Он потребовал только, чтобы богомольцы допускались внутрь Кремля не иначе, как по выданным им пропускным билетам, добавив, что эта предосторожность вызывается тем же соображением наилучшего обеспечения порядка и спокойствия на предстоящем нашем празднике.

Мы расстались с ним с таким добрым чувством взаимного понимания, что можно было бы забыть о происшедшей революции, если бы о ней не напоминала явно остальная окружающая нас обстановка и особенно озлобленный вид многих других солдат. Впоследствии я узнал, что он происходил из крепкой, религиозной крестьянской семьи и что его родная сестра была монахиней в одном из наших женских монастырей. Надо добавить к этому, что революционный яд вообще не успел еще в то время глубоко отравить народный организм, и многие из тех, кто примкнул к коммунистам, сделали это бессознательно, оставаясь в душе еще верующими православными русскими людьми.

С радостным чувством я возвратился в Троицкое Подворье, чтобы сообщить нареченному Патриарху об устранении последнего возможного препятствия к осуществлению его настолования.

Чин настолования во всех подробностях разработан был заранее назначенной для этого от Собора нарочитой Комиссией, в состав которой вошли лучшие литургисты и церковные историки, участвующие в церковном Соборе. К счастью для нас, наша мудрая старина оставила нам самую обстоятельную официальную запись всего церемониала поставления каждого из прежних русских патриархов. Там увековечен каждый момент церковного торжества, начиная с акта избрания патриарха, изложен точно и «чин и устав» богослужений, описаны все выходы царя и патриарха, воспроизведены приветственные речи, описаны в точности дары, какими они обменивались между собою и т. п. Все эти чрезвычайно важные исторические акты собраны были известным Новиковым в его древней российской библиотеке. Древнерусский чин поставления патриархов был сравнен с подобными же чинами, существующими в Восточных Церквах, особенно Константинопольской и Александрийской, и на основании всех этих данных и был выработан весь церемониал предстоящего торжества, по возможности

в полном соответствии с заветами и разумом древней Руси — и это в то время, когда самое тысячелетнее здание этой Руси разрушалось на наших глазах. Сделано было, однако, одно существенное изменение в новом чине по сравнению со старым. Со времени посвящения первого патриарха Иова Константинопольским патриархом Иеремией II на Руси установился странный обычай совершать над вновь избранным патриархом полную архиерейскую хиротонию, после которой он уже возводился на свой престол. Так как, по церковным правилам, архиерейской хиротонии не должно повторять над одним и тем же лицом и нигде на Востоке подобной практики не существует, то этот существенный прежде момент был исключен из вновь составленного чинопоследования поставления патриарха. Самая важная часть чина настолования, однако, была приурочена к той части литургии, когда прежде совершалась хиротония, причем, по Александрийскому обычаю, решено было трижды посаждать избранного патриарха на горнем месте с произношением слов: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Вручение же ему жезла и возведение на патриаршее место было приурочено к концу литургии, как это делалось и в старой Руси.

Все древние памятники единодушно говорят о том, что вновь посвященный патриарх вставал после второго блюда из-за трапезы, бывшей обычно у царя, и совершал объезд Кремля на осляти, в сопровождении большой свиты и при пении патриарших певчих; осля вел за повод один из старших бояр (при посвящении патриарха Иова — Борис Годунов). По достижении т. н. Флоровских (ныне Спасских) ворот, шествие останавливалось, патриарх сходил с осляти и читал нарочитую молитву на благословение города и осенял его на четыре стороны. На второй и третий день он объезжал остальные поясы Москвы.

Как ни трудно было осуществить эту часть программы при новой обстановке, ее решено было также включить в церемониал, хотя и в очень упрощенной форме.

Вновь поставленный патриарх после литургии и крестного хода внутри Кремля должен был объехать Кремль совне в открытом экипаже в сопровождении двух епископов и, остановившись у Спасских ворот, прочитать молитву и благословить город.

Чтобы придать предстоящему торжеству более сильный характер, решено было также возложить на нового патриарха облачение и дорогую утварь древних патриархов, хранившихся в патриаршей ризнице.

21 ноября с раннего утра епископы с прочим духовенством и другими членами Собора устремились к Троицким Кремлевским воротам, чтобы пройти в Кремль, но ворота оказались запертыми.

Как выяснилось потом, новые властители Кремля устроили накануне пирушку и потом запоздали открыть ворота. Впуск богомольцев производился очень медленно, через узкую калитку, за которой сидели еще не протрезвившиеся караульные солдаты, демонстративно щелкавшие затворами своих ружей.

У ворот образовался большой затор. Между тем уже наступало время богослужения: с минуты на минуту должен был приехать митрополит Тихон, которого не легко было провести сквозь скучившиеся массы народа. Я поспешил к коменданту, прося открыть Спасские ворота. Немедленно дано было соответствующее распоряжение по команде, и нареченный патриарх торжественно въехал в стены Кремля через те ворота, через которые въезжали в Кремль цари, проходили все торжественные процессии и где все обнажали головы...

Встреченный с подобающей честью, митрополит Тихон вступил в древний собор, переполненный народом.

Вся середина его была занята епископами в мантиях. Для неслужащих из них был устроен особый помост, где после поместились также и посланники дружественных держав. Началось величественное богослужение, в котором Москва показала все свое исконное церковное благолепие.

На высокой кафедре стоял в блестящих облачениях целый сонм святителей — митрополитов, архиепископов, епископов с нареченным патриархом во главе. Сослужащий им многочисленный клир вмещал в своих рядах почти всех высших представителей монашествующего и белого духовенства со всей России — архимандритов, протопресвитеров, митрофных и других заслуженных протоиереев, игуменов и множество диаконов со знаменитым протодиаконом Розовым во главе. Величавый образ и самый голос последнего так отвечал всему стилю Успенского собора. На двух клиросах разместились синодальные — древние патриаршие певчие, одетые в парчевые кафтаны, наподобие боярских.

Богослужение шло в обычном порядке, пока не наступил самый момент поставления нового патриарха.

После пения «Трисвятого» он подошел к Горнему месту. Митрополиты Владимир и Платон стали по обе стороны его и, поклонившись вместе с ним трижды к востоку, возвели его на высокое патриаршее

седалище на Горнем месте, причем митрополит Владимир произнес следующие слова, соответствующие совершаемой молитве при архиерейской хиротонии: «Божественная благодать, немощная врачующая, оскудевающая восполняющая и промышления всегда творящая о святых Православных Церквах, посаждает на Престол святых первосвятителей Российских — Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермогена — отца нашего Тихона, Святейшего Патриарха города Москвы и всея России во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Последние слова повторялись трижды в соответствии с троекратным посаждением патриарха на Горнем месте. В это время весь храм озарился зажженными свечами у всех богомольцев. Раздалось могучее троекратное «аксиос» из алтаря, передавшееся на клиросы, и началось переоблачение нового патриарха в одежды древних патриархов, заранее принесенные из патриаршей ризницы. На него было возложены при непосредственном участии тех же двух митрополитов, Владимира и Платона, украшенный жемчугом и драгоценными камнями саккос патриарха Питирима, с нашитою на нем епитрахилью, омофор патриарха Никона, панагию и крест патриархов Иова и Гермогена и, наконец, высокая древняя митра, усыпанная жемчугом. Митрополит Арсений в это время читал в царских вратах особую эктенью, соответствующую по содержанию той, какая употребляется при хиротонии.

После того как новый патриарх облекся во все свое благолепие, протодьякон Розов возгласил велегласно похвалу, многолетствуя сначала всем восточным патриархам, начиная с Константинопольского, и затем «Отцу нашему и Патриарху Московскому и всея России Тихону», в лице которого наша Церковь снова вознеслась на прежнюю высоту и теснее приобщилась к другим Восточным Церквам.

Новый Патриарх явил себя ликующему народу, осеняя его на три стороны. В такие трогательные моменты обыкновенно не ускользает из виду никакая подробность. Присутствующие в алтаре были несколько смущены тем, что большой крест из драгоценных камней, венчавший патриаршую митру, от неосторожного обращения с ним при облачении надломился и часто выпадал из своего гнезда, невзирая на все попытки укрепить его. Некоторые склонны были усмотреть в этом неблагоприятное предзнаменование для будущей судьбы патриарха.

По окончании литургии патриарха разоблачили и возложили на него мантию патриарха Адриана зеленого бархата (очень короткую сравнительно с современными) и клобук патриарха Никона, укра-

шенный крестом из драгоценных камней и вышитыми на нем жемчугом херувимами.

По выходе из алтаря патриарх стал на солее лицом к народу.

Митрополит Владимир взял древний деревянный жезл святителя Петра и вручил его новому патриарху с соответствующей речью, закончившеюся следующими словами:

«Приими жезл сей от нашего Сиона Российского, и да будет сила жезла сего подобна силе жезла Моисеева, и как Моисей своим жезлом рассек море надвое и провел евреев целыми и невредимыми по дну морскому, так и ты сим священным жезлом управь вверенный тебе православный русский народ, проведи ко спасению через пучину зол и бедствий, обуревающих его и Святую Православную Российскую Церковь. Да будет так!»

Патриарх ответил проникновенным словом, явившимся как бы его исповеданием при вступлении на кафедру святителей Петра, Иова и Гермогена и при торжественном пении хора «На гору Сион взыди» — поднялся на древнее патриаршее место, столь знакомое всем, кто бывал в Успенском соборе. Оно оставалось неприкосновенным в течение 200 лет. Император Петр I в свое время приказал было вынести его, но после происшедшего на этой почве народного волнения, сделал распоряжение вернуть его обратно.

После того как новопоставленный патриарх вступил на него с жезлом святителя Петра в руках, открылось подлинно величественное и трогательное зрелище.

Шесть веков смотрели на нас с древних столпостен Успенского собора. Смыкалась снова священная цепь, разорванная властною нетерпеливою рукою Петра I. Русь возвращалась на свои родные пути. Пред нами стоял облеченный в одежды Никона и Адриана патриарх, как дивное видение минувших веков.

Пред ним была как бы вся Русская земля в лице Освященного Собора — митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, протоиереев, иереев, иноков и многочисленных благочестивых мирян разного звания, начиная от родовитых князей и дворян до простых поселян, съехавшихся на Собор со всех концов России. Все радовались о нем, как дети, когда им возвращают отца. Но эта радость невольно растворялась со скорбью при мысли о том, что, возводя его на высокий патриарший престол, мы возносим его на крест, что пред нами первосвященник и жертва, обреченная на заклание за грехи падшего, согрешившего народа.

Праздное царское место, сиротливо возвышавшееся против патриаршего престола на левой стороне храма, особенно выразительно напоминало об этом. Всех томило тяжкое предчувствие, предвещавшее великие страдания Церкви и ее главе именно за то, что она одна осталась непоколебимой среди революционной бури и одна смела противостоять тому безумию, какое охватило русский народ.

Все эти чувства, наполнявшие сердца присутствующих на настоловании патриарха, невольно нашли свое отражение и в речах, произнесенных на этом торжестве, начиная со слова самого патриарха. К сожалению, у меня нет возможности восстановить их полный текст.

На меня была возложена обязанность сказать поучение в конце литургии с целью пояснения самого чинопоследования интронизации, глубокий символический смысл которого был ближе понятен тем, кто принимал участие в его составлении.

Я позволяю себе воспроизвести его здесь полностью:

«Веселится ныне Церковь Божия, зря, как Богоизбранная Отроковица входит в храм Господень, благодать совводящи.

Ликуют ныне и радуются сугубою радостью православные русские люди, видя, как, предводимый самою Пречистою, в Ее храм входит Святитель великий, предобразуя нам благоволение Божие.

Со светильниками и божественными песньми праведные Иоаким и Анна и с ними девственный лик ввели в храм Иерусалимский чистую Деву, чтобы уневестить Ее Небесному Жениху. В блистании священных огней, с пении и лики, по истине, как жениха церковного, ввел Священный Собор в дом Богородицы богоизбранного патриарха, чтобы обручить его с первосвятительским престолом и со всею Церковью Российскою. В самое Святая Святых древнего храма вступила ныне Пречистая Богоматерь. Не во Святое ли Святых Русской земли вошел и наш нареченный первосвятитель, когда вступил под сень величайшей святыни Русского народа: здесь все проникнуто благоуханием святыни, здесь, в доме Пречистой, искони было средоточие благоговейных помыслов, молитв и обетов православных русских людей; на этом благодатном месте святая Русь издревле соприкасалась с небом, и ее живые земные строители таинственным союзом соединялись с ее небесными печальниками и заступниками.

От собора этих святых предстоятелей за Русь и поставляется ныне новый светильник Церкви; от их благодатной руки изливается сугубое благословение на главу нового первоиерарха, как миро на главу Аароню. Сама Пречистая Матерь Божия от Своея чудныя иконы вручи-

ла ему жребий его высокого служения и соделала его стражем Своего Дома и всего православного достояния Русской земли. Великий первопрестольник Российский святитель Петр простирает ему свой жезл, процветший благодатью, чтобы ныне, когда раздирается хитон Русской Церкви, когда раздираются ризы русской державы и об одежде ее мещут жребий, он, наш новый предстоятель, собрал этим священным жезлом расточенное, соединив расстоящееся; подражая самому блаженному строителю и собирателю древней Руси, святому Петру и единонравным ему Алексию и Ионе.

Святитель Филипп, дерзновенный глас которого, обличавший грозного Царя, доселе как бы заставляет трепетать священный воздух этого храма, заповедует своему престолопреемнику подвизаться даже до крови за паству свою и безбоязненно обличать и вразумлять носителей власти, в ком бы она ни воплощалась, в целом народе или отдельных его представителях, если эта власть отступает от своего высокого призвания.

Восстает перед нами и он, свидетель великий и верный, адамант православия, священномученик Гермоген и вверяет новому началовождю Русской Церкви преемство своего многострадального служения; он завещает последнему крепко стоять за святую веру, за дом Пресвятыя Богородицы, бодрствовать над отечеством, охраняя его от расхищения внешними и внутренними врагами, и не бояться убивающих тело, души же не могущих убити.

Воздвигается ныне и другой великий печальник земли Русской, преподобный Сергий, видя, как священноархимандрит его Лавры восходит на чреду своего высокого служения, и благословляет и укрепляет его на предлежащий ему крестоносный подвиг.

Не без крови входил некогда первосвященник во Святая Святых; Промыслу Божию угодно было, чтобы и наш первосвященник вошел в это святое место по стогнам града, обагренного кровию, пролитою братоубийственною рукою. Чтобы сострадать немощным, он сам должен был пройти сквозь горнило искушений (Евр 2. 18; 4, 15). И вы знаете, что даже в нынешний, столь светлый для него и для всех нас день ему не суждено было избежать тяжких испытаний, ибо тернист путь и узки врата, коими мы все прошли на это великое торжество Русской Церкви.

Увы: «...рыдают и ныне, как во времена Иеремии — путие Сиона, яко несть ходящих по них на праздник; вся врата его разорена, жрецы его воздыхают» (Плач Иеремии 1. 4).

Кто из нас без содрогания сердца может взирать на это разрушение Кремля, нашего священного Сиона, знаменующее собою не только разорение всего нашего отечественного града, но помрачение русской православной совести?

Самые камни вопиют ныне о растлении народного духа.

Этот обезображенный Чудов монастырь, удел святителя Алексия; эта мерзость запустения, водворившаяся на месте святе в патриаршей ризнице, этот древний Успенский собор, пронзенный орудием в самую главу, что иное, как не символ России, окровавленной, поруганной, растерзанной руками ее собственных сынов? К этой-то смятенной, истекающей кровью православной Руси исходит ныне святейший патриарх, чтобы принять ее в свое духовное водительство. Не победными кликами, не торжественными «осанна», сретает она ныне своего первостоятеля, а стонами и воплями его страждущей паствы, которые он, как истинный первосвященник, должен собрать в своем сердце и представить пред престолом Господа Вседержителя.

Не об этом ли жертвенном служении патриарха вещает вам ныне самый чин его поставления, которого вы были благоговейными свидетелями? Вы видели, как два старейших святителя троекратно воздвигали и посаждали на престол новопоставляемого патриарха с произнесением слов: «во имя Отца. Аминь». «И Сына. Аминь». «И Святого Духа. Аминь». Что знаменует это священнодействие, как не крещение в страдание и смерть Христа Спасителя, о чем должен памятовать каждый пастырь, наипаче же первый из них, самым званием своим обязанный носить на себе болезни и немощи всего русского церковного народа.

Но крест всегда таит в себе залог победы. Аше *сообразни быхом подобию смерти Его,* учит нас св. апостол, *то и воскресения будем* (Рим 6. 5).

Как Начальнику нашего спасения подобало пострадать, чтобы внити в славу Свою (Луки 24. 26) и воссесть *одесную престола Величествия на высоких,* так и каждый подражатель Его первосвященнического подвига страданием достигает совершенства (Евр 11. 10) и входит в его Божественную славу.

В знамение этой-то вечной победы, побеждающей мир, и воссел ныне на своем превознесенном престоле наш первосвященник по истине как образ Самого Христа, Победителя ада и смерти и всякия силы вражия. И тогда то облекся он во все благолепие своего сана и всюду возжглись священные свещи во свидетельство нашей духовной радости и в символ того духовного света, какой должен обильно раз-

ливаться от патриарха, как средоточия благодатного пастырства и учительства в Церкви.

Кто из вас не умилялся ныне сердцем, созерцая это божественное и всечестное торжество. Ныне смыкается цепь наших древних священных преданий. Ныне сбываются святые чаяния веков и поколений, и не вдовствует более это высокое патриаршее место. Сам Бог во время благопотребно воздвиг нам пастыря, о котором издавна молились вси любящие Сиона.

Приимите же, дорогие братие, новопоставленного Патриарха, как отца, ниспосланного вам свыше, и окружите его самым глубоким и нелицемерным сыновним почтением и послушанием.

Положите его, как печать на сердце своем, и да будет крепка, как смерть, ваша любовь к первостоятелю Русской Церкви и *крыла ея, как крыла огня* (Песнь Песн 8. 6).

От этой святой любви да *согреется в нем его сердце и в поучении его разгорится огнь* (Псал 38. 4), опаляющий и очищающий сердца ваша. Станьте вокруг его все православные русские люди, яко собор мног зело, и споспешествуйте ему в устроении Церкви, в созидании потрясенной и почти разрушенной нашей государственности. А он, как некогда первосвященник Ионафан, не престанет мужественно поборать за народ свой (1 Мак 9. 44–46) и подобно иерею великому Иоакиму будет приносить за нас *всесожжение непрестанно и вопиять ко Господу от всея силы, да посетит во благо весь дом наш* (Иудиф 4. 15).

И мы надеемся, что Бог умолен будет молитвами первосвятителя, возгреваемыми страдальческим подвигом его паствы, и *исцелит ны по двою дню, в третий день воскреснем* и живы будем пред Ним (Ос 6. 3). Аминь».

Когда я закончил слово, вся церковь запечатлела его словом «Аминь», желая, очевидно, показать, что она разделяет выраженные в нем мысли и чаяния.

Но они, конечно, не могли быть приятны большевицкой власти, соглядатаи которой присутствовали в соборе.

Тем не менее, она ничем не показала этого вовне и не пыталась чем-либо помрачить светлое торжество Церкви, не будучи, очевидно, уверена в своих силах.

Молебствие с крестным ходом внутри Кремля, которым завершилось богослужение, прошло при совершенно мирной обстановке. Величественно, как и всегда, шествовала московская «Святыня», озаренная яркими лучами солнца, громко и с каким-то особенным во-

одушевлением звучали Кремлевские колокола, благовествуя Русской земле радость велию и вознося к небесам хвалу и славу Богу, пославшему ей в дни скорби такую милость.

Оставалось исполнить последний заключительный момент чинопоставления — объезд патриархом Кремля совне, где гораздо труднее было охранить порядок и гораздо легче было встретиться с организованными враждебными демонстрациями со стороны большевиков.

Согласно установленному церемониалу, Патриарх выехал из Кремля в открытом экипаже в сопровождении двух архиереев, из коих один был епископ Черниговский Пахомий, а другой — я. Мы следовали в отдельной коляске позади Патриарха. Процессия спустилась от Никольских ворот вниз и направилась к берегу Москвы-реки. Патриарх в клобуке и мантии стоя благословлял народ. Набережная Москвы-реки оказалась почти пустынной, ибо никто, по-видимому, не ожидал, что он проедет здесь. Окружив Кремль, мы поднялись к Спасским воротам.

Патриарх вышел из ландо, чтобы прочесть молитву на благословение города. Вокруг него собралась большая группа народа. В это время мы неожиданно увидели, что с противоположной стороны движется процессия с пением и высоко поднятыми флагами и плакатами, испещренными модными тогда революционными лозунгами. Она направлялась к могилам т. н. «жертв революции», погребенных под стенами Кремля на Красной площади. Момент был глубоко драматический. Воскресшая старая Русь, символом которой был Патриарх, впервые встречалась лицом к лицу с новой революционной Россией. Неужели они столкнутся между собою в кровавой борьбе, и жертвой ее станет новый Патриарх в самый день своего посвящения, — с ужасом подумал каждый из нас. Но Промысл Божий не переставал бодрствовать над нами в этот день.

Случилось то, чего никто не мог предвидеть.

Завидев Патриарха, большинство участников революционной процессии, особенно женщины, покинули ее и устремились к нему за благословением.

Главари манифестации, видимо, растерялись, почувствовав себя в положении вождей, оставленных своими солдатами. Мы все облегченно вздохнули. Церковь одержала еще одну победу. Христос торжествовал над красным драконом.

Патриарх на глазах всего народа благословил Москву на четыре стороны и двинулся по Красной площади по направлению к Иверской часовне. Вблизи последней его ожидало огромное количество народа. У этой исторической святыни собралась почти вся верующая Москва. Как только он сошел с экипажа, все ринулись к нему, целовали его руки, ловили края одежды. Он благословлял, и его благословляли. У многих на глазах были слезы — слезы умиления и скорби в одно и то же время, ибо все знали, какой крестный подвиг ожидал его впереди.

«Отец наш! Веди нас, спаси нас, мы все пойдем за тобой!» — раздавалось со всех сторон.

Патриарх был глубоко расстроган этим могучим дыханием народной любви, обвевавшей его со всех сторон; но сквозь кроткую улыбку его светилась тихая затаенная грусть. Он чувствовал, что область тьмы не дремлет и что за этой торжественной «осанной» последует скоро «распни его» со стороны новых богоубийц и их клевретов.

Теснимый народом, он не без труда мог снова войти в экипаж, чтобы продолжать свой путь, в котором действительно было нечто общее с торжественным входом Христа в Иерусалим.

На Трубной площади он должен был сделать еще одну остановку, чтобы благословить народ, собравшийся здесь с иконами для служения торжественного молебна, как это нередко делалось в Москве.

Ночь уже спустилась на землю, когда мы достигли, наконец, Троицкого подворья. Милиционеры отсалютовали Патриарху и возвратились назад, видимо, довольные успешным исполнением порученной им задачи.

Между тем на подворье давно уже собрались многочисленные гости, приглашенные на праздничную патриаршую трапезу.

Тут были все епископы, старейшие представители духовенства, виднейшие члены Собора из мирян и именитые люди от разных московских приходов.

Трапеза прошла с большим одушевлением и закончилась величественным патриаршим многолетствованием, как заключительным аккордом всего торжества.

Насыщенные глубокими и неизгладимыми впечатлениями, расходились все с Троицкого подворья, внутренно вознося благодарение Творцу за то, что Он привел им быть свидетелями столь знаменательного исторического события в жизни Церкви.

Митрополит Анастасий

В прошлом номере «Русского возрождения» (№ 55/56) мы описали второе обретение мощей преподобного Серафима Саровского и перенесение их из Санкт-Петербурга через Москву в Дивеево. Хотя некоторые из членов редакции и являлись участниками паломничества, мы не дерзнули высказывать о виденном и пережитом собственное мнение, но воспользовались, главным образом, описаниями событий, взятых из местной прессы по пути следования.

При событиях, связанных с обретением мощей святителя Тихона, никто из членов редакции не присутствовал физически, но духовно мы стали их участниками, получив возможность познакомиться с происшедшим через полученные нами из России свидетельства очевидцев:

1. Ю. Юшкин. Обретение мощей святителя Тихона // Литературная Россия. 28 февраля 1992 г.

2. Иеромонах Тихон (Шевкунов). Хроника обретения мощей святителя Тихона (совместный выпуск редакции «Града Китежа» и Донского монастыря).

3. Из личного письма Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

4. Из личного письма зам. редактора «Московского церковного вестника» С. Белавенца.

Несмотря на то, что некоторые свидетельства частично повторяются, мы их все же приводим, т.к. в каждом из них свое видение и свои интересные подробности.

Редакция

Обретение мощей Святителя Тихона[1]

«В смутное время, пришедшее на нашу землю в 1917 году, Руси было возвращено Патриаршество. И 5 ноября того года на пустовавший 217 лет престол Главы Русской Православной Церкви был избран Патриарх Тихон. В тяжелые дни скорби, как говорил Святейший, принял он на себя долг вещать русским людям слово истины и любви. Вместе со всем народом Патриарх Московский и всея России Тихон страдал и плакал над поруганной Родиной.

После Октября началось жестокое гонение на Русскую Церковь и ее иерархов. Тогда, касаясь судьбы Святейшего, Ленин писал: "Само-

[1] Русское возрождение. 1992. I. № 57. С. 4–26.

го Патриаха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно".

И глаз со Святейшего уже не сводили до самой его смерти. А вскоре он был заточен в Донском монастыре, лишен возможности совершать богослужения. И хотя после того, как 16 июня 1923 года Патриах Тихон написал заявление, в котором говорил, что он «отныне советской власти не враг», Святейший был освобожден из заточения, жить и служить ему оставалось недолго. В него стреляли не раз, был убит его келейник и верный помощник Яков Полозов (стреляли же в Патриарха). А спустя неделю, когда Святейший посетил могилу своего келейника, в него стреляли дважды снова, но промахнулись...

25 марта (7 апреля) закончился земной путь Патриарха Московского и всея России Тихона. После отпевания его тело осталось в малом храме Донского монастыря. Там закрылись и находились некоторое время с останками Патриаха священнослужители...

И вот только спустя без малого 67 лет после того погребения нам стало известно, какой подвиг совершили преданные Святейшему иерархи и священники...»[1]

«Одной из трагический тайн церковной жизни в советское время была для православных людей судьба мощей святителя Тихона, патриарха Московского и всея России.

Говорили, что в 1927 году после закрытия Донского монастыря чекисты извлекли тело святителя Тихона из могилы в Малом Донском соборе и сожгли его в крематории. По другой версии, святитель Тихон был перезахоронен монахами на Немецком кладбище с согласия ЧК. Была еще одна версия: монахи перезахоронили тело Святителя где-то в Донском монастыре. То, что останки святителя Тихона могли быть уничтожены, не вызывало удивления: ненависть к Патриарху у советской власти была исключительной — в известной статье «Известий» в списке врагов советской власти он стоял под номером один.

Мнение о том, что тела Патриарха нет в могиле, было стойким, и для этой уверенности были основания. В 1932 году лжемитрополит

[1] *Юшкин Ю.* Обретение мощей святителя Тихона // Литературная Россия. 28 февраля 1992 г.

Введенский начал служить литургии в облачениях, в которых москвичи сразу узнали те самые архиерейские облачения, в которых лежал во гробе Святейший Патриарх Тихон.

Считалось, что эти саккос, омофор, епитрахиль — удивительной работы архиерейские облачения были изготовлены на фабрике Оловянишникова специально для Патриарха Тихона и только в одном экземпляре.

И поныне в церковно-археологическом кабинете Московской Духовной академии висят облачения, которые были признаны облачением Патриарха Тихона, какими-то путями после войны возвращенные Православной Церкви после Введенского.

Нет нужды много говорить о том, как любила и любит святителя Тихона вся Православная Русь, какую духовную помощь испытывают миллионы православных, обращаясь к его молитвенной помощи, и как тяготила многих неизвестность о судьбе его святых мощей.

В мае 1991 года была возобновлена монашеская жизнь в Донском. И одно из первых благословений, которое испросили монахи у своего настоятеля Святейшего Патриарха Алексия, было благословение на поиски мощей святителя Тихона.

Вскоре после празднования четырехсотлетия Донского монастыря представилась удобная возможность для поисков: начался ремонт в Малом Донском соборе. Но как нам ни хотелось приступить к раскопкам, на этот раз у нас ничего не получилось: отвлекало множество забот по обустройству монастыря.

18 ноября, через две недели после окончания ремонта, Малый Донской собор был подожжен. Разбив окно, злоумышленники бросили бомбу с зажигательной смесью рядом с могилой Патриарха. В несколько минут выгорел почти весь храм. И только чудо спасло его от полного уничтожения: одна женщина из окна своего дома увидела сам момент взрыва и сразу сообщила об этом в пожарную охрану. И еще: в этот же день за Божественной литургией в Малом Донском соборе Господь вразумил иеромонахов приготовить запасные Святые Дары — они были поставлены в дарохранительнице на Святом Престоле. До этого запасные Святые Дары здесь не готовились.

Беляев, известный ученый, который принимал участие в обретении мощей преподобного Амвросия Оптинского, занимался раскопками в Дивеево и Херсонесе.

Кстати сказать, Сергей Алексеевич был более всех нас убежден в том, что мощи находятся здесь. Тем более, что он разыскал сведения о

том, что облачение, в котором был захоронен Патриарх Тихон, было не единственным; на фабрике Оловянишникова было изготовлено три таких комплекта.

Сняв мраморное обгоревшее надгробие и углубившись сантиметров на 30, мы наткнулись на массивную мраморную плиту с надписью: «Святейший Тихон, Патриарх Московской и всея России».

Мы стали копать дальше и на глубине около метра обнаружили каменный свод склепа. Все работали без отдыха и через несколько часов расчистили весь склеп. Нам пришлось приложить много усилий. Было вынуто несколько камней, в образовавшееся отверстие мы протиснули зажженную свечу и заглянули внутрь. Склеп был пуст. Свеча осветила лишь пыльные клоки паутины и выступающие камни.

Самые худшие наши опасения оправдывались. Даже частицы мощей, даже щепки гроба, которые, как мы надеялись, могли обронить чекисты при вскрытии могилы Патриарха, здесь не было.

Когда мы немного пришли в себя, то решили поискать хотя бы у торцов склепа. Неожиданно прут, длиной в два метра, полностью ушел вправо по ходу склепа и влево. То же самое произошло и с восьмиметровым прутом. Только тогда мы поняли, что обнаружили не склеп, а часть калориферной отопительной системы. Так в свое время отапливались многие русские храмы. Внизу ставили печь, и горячий воздух проходил по трубам, выложенным под полом.

Но когда мы раскопали калорифер, то заметили, что та часть, которая находится прямо под нагробием Патриарха Тихона, сравнительно новая, кладка скреплена цементом и особо тщательно укреплена. В других местах кладка была ветхая и скреплена известковым раствором. Но самое главное, найденная нами укрепленная часть трубы лежала не на земле, как в других местах, а на массивной бетонной плите.

У некоторых из нас появились сомнения, продолжать ли раскопки в этом месте, тем более, что по одной из версий могила Патриарха находилась рядом, метрах в пяти, у другого окна. Мнения разделились, и наутро мы поехали к Святейшему и рассказали ему обо всем, спрашивая благословения как поступать дальше. Подробно расспросив обо всем, Святейший благословил продолжать поиски на том же месте.

С каждым часом работы надежда на успешное завершение нашего труда росла: если бы чекисты разорили могилу, то вряд ли они стали бы так тщательно восстанавливать калорифер. Скорее всего, монахи похоронили Патриарха намного глубже, а трубу восстановили для маскировки и дополнительной защиты.

Когда через два дня напряженной работы перед нами предстал настоящий склеп Патриарха, то это было мощное, необычайно укрепленное сооружение, проникнуть в которое можно было бы только с большим трудом. Тогда мы поняли, почему во время похорон в Малый Донской собор была допущена лишь небольшая часть архиереев: по всей видимости, уже тогда все было готово, чтобы надежно защитить могилу Патриарха от возможного надругательства.

Сверху склеп был покрыт огромной плитой. На наше счастье, плита оказалась не цельной, а состояла из нескольких каменных секций, весом приблизительно по 400 килограммов. Подняв одну из этих глыб, мы вновь опустили свечу внутрь. Перед нами был дубовый гроб, описание которого мы все хорошо знали. На нем лежала мраморная табличка, на которой при свете свечи мы прочли: «Патриарх Московской и всея России Тихон», год и день интронизации, день и год смерти.

Мы сразу же позвонили Святейшему Патриарху Алексию. Только что закончилось совещание Святейшего Синода, было около двенадцати часов ночи. Минут через двадцать приехал Святейший. Мы встречали его колокольными праздничным звоном, в полночь он звучал, как на Пасху.

Трудно передать то чувство, которое испытывали мы в ту ночь, стоя у открытой могилы. Перед нами были благодатные святые мощи, которые мы и не чаяли увидеть, когда начинали раскопки. Это произошло 19 февраля»[1].

Святейший Патриарх Алексий сам пишет так:

«...Господь дает и духовное утешение. Последнее из них — обретение Святых мощей Святителя Патриарха Всероссийского Тихона — 19 февраля с.г. И это — вопреки всем уверениям, что тело почившего исповедника уничтожено большевиками. Без двух месяцев 67 лет оно пролежало в склепе малого Донского собора. Когда 22 февраля мы открыли крышку гроба, перед нами предстало тело Святителя, покрытое бархатной мантией, скрижали на которой как будто бы вышиты вчера. Хотя по уверениям специалистов за 67 лет не должно сохраниться ничего. Это седьмое обретение мощей, которое судил мне Господь пережить и быть непосредственным участником этой милости Божией (бл. князь Александр Невский, прп. Зосима, Савватий и Герман Соло-

[1] *Иеромонах Тихон (Шевкунов).* Хроника обретения мощей святителя Тихона». Совместный выпуск редакции «Града Китежа» и Донского монастыря.

вецкие, прп. Серафим Саровский, Святитель Иоасаф Белгородский и Святитель Тихон, Патриарх Московский)»[1].

Очевидец рассказывает далее: «Судьба захоронения Святейшего Патриарха Тихона волновала православных москвичей уже не одно десятилетие. Ходили всевозможные версии о надругательстве над дорогой могилой. Однако достоверность всех этих фактов не была бесспорной. С открытием Донского монастыря в прошлом году появилась реальная возможность выяснить истину. Первый раз идея вскрыть захоронение появилась в сентябре 1991 года, когда проводились ремонтные работы в Малом Донском соборе. Но тогда вскрытие гробницы произвести не успели. И вот святитель Тихон напомнил о себе! Произошел поджог храма! И вот уже снова, учтя предыдущую ошибку, братия обители принялась за работу. Получив благословение Святейшего Патриарха Алексия, а также известных старцев отца Кирилла из Лавры и отца Иоанна (Крестьянкина) из Печер, 15 февраля приступили к разборке беломраморной гробницы. Под надгробием была обнаружена плита, на которой значилось имя Святейшего Патриарха Тихона. Затем был обнаружен кирпичный короб калориферного отопления. И только под ним были найдены белокаменные блоки, залитые сверху цементом — они прикрывали сверху склеп Святейшего Патриарха. 19 февраля в 23.30 взору братии открылся дубовый гроб, 67 лет простоявший в могиле. После звонка в Чистый через несколько минут приехал Святейший Патриарх Алексий, чтобы поклониться святыне. 22 февраля, днем, в присутствии епископов, старцев Кирилла и Наума из Лавры, духовенства, мирян, среди которых были Предводитель дворянства князь А. К. Голицын, писатель Вл. Солоухин, скульптор Вяч. Клыков, П. В. Флоренский и многие другие, гроб был открыт. Взору всех предстала зеленая патриаршая мантия, которой было покрыто тело. Золотые скрижали сияли так, словно были сшиты накануне. Спустя несколько дней, 28 февраля, гроб был поднят из могилы (его долго боялись трогать, опасаясь, что он рассыплется). Когда была снята мантия, все увидели великолепное зеленое парчовое облачение и воздух, закрывающий лицо. Сохранилось все: митра, панагии, деревянный крест, зажатый в десной руке, четки и даже бумажная разрешительная молитва (правда, она рассыпалась от прикосновения). 4 марта мощи, как положено по чину, были разоблачены от священ-

[1] Из личного письма Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

ных одежд и омыты святой водой, а затем положены в специально изготовленную раку. Во время освидетельствования было установлено, что кости сохранились полностью, во многих местах сохранился кожный покров, борода, волосы»[1].

В «Граде Китеже» мы читаем подробнее:

«22 февраля в монастырь приехали Святейший, члены Синода, старцы: отец Кирилл и отец Наум. Должен был приехать отец Иоанн Крестьянкин, но не смог по болезни. Когда подняли сильно обветшавшую крышку гроба с осыпающейся инкрустацией, перед нами предстали святые нетленные мощи святителя Тихона, покрытые бархатной патриаршей мантией.

Еще через несколько дней члены комиссии по обретению мощей святителя Тихона омыли святые мощи по древнему чину, облачили в новые святительские одежды (самое облачение Святителя отдано на реставрацию) и уложили в специально изготовленную раку.

Несмотря на то, что в склепе была стопроцентная влажность, святые мощи Патриарха Тихона, пролежав в земле 67 лет, сохранились почти полностью. Полностью сохранены десная рука, большая часть туловища, часть ног, волосы, борода и все кости. Примечательно, что одна из панагий святителя Тихона, сделанная из кости, здесь же в склепе полностью превратилась в прах, остался только серебряный оклад. Невольно вспоминается: «Хранит Господь кости их». Сохранились и облачения святителя Тихона, Великий Патриарший Параман, четки, патриарший и монашеский параманные кресты, нательный крестик, драгоценная панагия, подаренная архиепископу Тихону духовенством и прихожанами Ярославской епархии. Сохранилась даже вербочка (святителя Тихона хоронили на Вербное Воскресение) и флакон с благоухающим розовым маслом, которым отирали тело Патриарха перед погребением...

В субботу первой седмицы Великого поста, накануне Недели Православия и в самый праздник Святого Православия в Малом Донском соборе начались всенародные молебны перед мощами святителя Тихона. В этот день праздновалось 75-летие явления Державной иконы Божией Матери, акафист которой был написан Патриархом Тихоном. В этот день — торжества Православия — положено возглашать анафемы на еретиков и всех противящихся Божественному учению, и не-

[1] Из личного письма зам. редактора «Московского церковного вестника» С. Белавенца.

вольно вспоминалось то грозное послание святителя Тихона, где он анафематствовал преступников перед Богом, Церковью и народом.

Подобно тому, как в начале нынешнего века святитель Тихон был дан Церкви в период смутных времен, чтобы укрепить Ее и провести истинным путем Святого Православия, так и теперь, когда настали новые смутные времена, явлены нам в помощь его святые мощи.

Те же злые силы, что и в начале века, пытаются и сегодня разрушить Церковь, используя при этом иногда клевету, иногда вымыслы, иногда и горькую правду.

Все мы знаем ветхозаветную историю о Ное и его сыновьях. Однажды Ной выпил вина и стал пьян, и лежал обнаженным в своем шатре. Два его сына Сим и Иафет так искренне любили отца, что не только не помыслили осудить его, но, отвернув глаза от наготы, вошли в шатер и прикрыли его одеждой. Но был у Ноя еще один сын. Имя его было Хам. «И увидел Хам наготу отца своего, и вышедши рассказал двум братьям своим». С тех пор имя это стало нарицательным. И совсем не потому, что он говорил неправду, а потому, что сердце у него было злобное.

И если сегодня нам, православным людям, некий хам, даже если он утверждает, что он наш брат и верующий человек, выставляет напоказ тяжкие для нашего сердца события в недавней истории Церкви, то перед нами встает вопрос: или уподобиться этому хаму, или же все-таки, подобно двум другим сыновьям Ноя, покрыть немощи земной Церкви любовью, терпением и прощением. Сейчас нас усиленно подталкивают к тому, чтобы как можно больше православных людей стало хамами, подпало под проклятие хамово и унаследовало его участь в человеческой истории и в вечности.

Церковь Христова на земле всегда будет гонима, это ее естественное, нормальное состояние. Сейчас накануне новых искушений на помощь Церкви всем нам воздвигнут святитель Тихон, Патриарх Московской и всея России.

Около месяца назад один из старцев на вопрос о том, как сейчас можно помочь Церкви, ответил, что не человеческими силами и не нашими слабыми возможностями это совершится. Господь воздвигнет силу Свою и «приидет во еже спасти ны». И если Господу было угодно воздвигнуть в помощь земной Воинствующей Церкви святителя Тихона, то значит недалек для нас час испытаний, но близка и помощь Божия»[1].

[1] Иеромонах Тихон Шевкунов.

Памяти проф. Н. С. Арсеньева[1]

Николай Сергеевич Арсеньев тихо скончался во сне в воскресенье 18 декабря 1977 г., в окрестностях Нью-Йорка.

Он родился 16~28 мая 1888 г. в Стокгольме, где его отец, Сергей Васильевич Арсеньев, был тогда первым секретарем Русской миссии в Швеции. Таким образом, если бы он прожил на пять месяцев больше, ему бы теперь исполнилось 90 лет.

Н. С. не написал систематической автобиографии, но оставил прекрасную книгу частичных воспоминаний: «Дары и встречи жизненного пути», изданную в 1974 г. во Франкфурте издательством «Посев». В ней много ценных сведений о Москве и Московском университете в первых годах этого века.

Свою педагогическую деятельность Н.С. начал в 1916 г. в Московском университете, где ему было поручено читать лекции по западноевропейской культуре и литературе Средних веков и эпохи Возрождения, а в 1918 г. он был избран профессором вновь основанного Саратовского университета. Там его деканом был философ С. Л. Франк.

В эмиграции Н. С. преподает русскую литературу в Кенигсбергском университете с 1920 по 1944 г. Одновременно он читает лекции по русской культуре в Рижском университете и по истории религий и Новому Завету на православном факультете Варшавского государственного университета. Нужны были необычайные энергия и выносливость Н. С., чтобы выдержать годами такую тяжелую нагрузку, с постоянными поездками.

После окончания Второй мировой войны Н. С. переезжает в Париж, где читает лекции при Сорбонне и в Католическом институте. Но в 1948 г. Свято-Владимирская духовная академия под Нью-Йорком предлагает ему взять на себя преподавание Нового Завета, и он навсегда переселяется в США, в «русский» Си-Клифф. В то же время он несколько лет читает лекции по русской культуре в Монреальском университете.

Вот в алфавитном порядке список университетов, приглашавших в разное время Н. С. прочесть отдельный цикл лекций или семинар: Боннский, Венский, Грацкий, Лозаннский, Лувенский, Мюнхенс-

[1] Русское возрождение. 1978. № 2. С. 232.

кий, Фордамский, в Нью-Йорке. Как видим, Н. С. пользовался исключительно широким признанием в академическом мире.

Н. С. — автор тридцати книг и сборников стихов и более двухсот статей. Некоторые его труды переведены на несколько языков. У него имеются крупные работы и по богословию, и по русской литературе, и по истории русской культуры, и по истории западной культуры. Его ум и познания были поистине энциклопедическими.

Опытный и искусный лектор, всегда тщательно приготовлявший свои лекции, Н. С. умел овладевать вниманием своих слушателей. Иногда же, когда на него находило «вдохновение » и он особенно переживал то, о чем говорил, он превращался в подлинного оратора. Об этом свидетельствуют многие его бывшие студенты.

Десять лет, с 1927 по 1937 г., Н. С. состоял членом Экуменического движения и участвовал в конференциях Всемирного Союза Христианских Церквей.

В 1959 г. Н. С. был принят в личной аудиенции Папой Иоанном XXIII, а в 1965 г. присутствовал в качестве почетного гостя на заседаниях Второго Ватиканского Собора в Риме.

Н. С. был глубоко верующим человеком и верным сыном Православной Церкви. Он был также страстным русским патриотом. Его отзывчивость, ласковость, доброту знали и помнят многие.

И. Балуев

Памяти Н. В. Станюковича[1]

Родившийся 26 августа 1898 г., Николай Владимирович Станюкович происходил из высококультурной семьи, в прошлом веке давшей России известного морского писателя. Свои детские и отроческие годы он провел в Петербурге и в семейном имении в Новороссии, впитывая поочередно утонченную атмосферу Северной Пальмиры и крепящие запахи земли.

Окончив Тенишевское училище, он в разгар Первой мировой войны поступил в армию, но сразиться с внешним врагом уже не успел. Революционный развал застал его в гарнизоне в Луге, где он принял в борьбе с наступавшим большевизмом участие настолько активное, что местная большевистская организация тогда же приговорила его к смерти. Извещенный об этом, он успел спастись при захвате власти большевиками.

[1] Русское возрождение. 1978. № 2. С. 234.

После этого он пробирается к белым на Юг и уже осенью 1918 г. поступает вольноопределяющимся в Добровольческую армию, в сводный эскадрон в Ялте, участвует в боях с красными партизанами под Перекопом и Керчью, а при оставлении Крыма весной 1919 г. перебрасывается с эскадроном на Сев. Кавказ, в Новороссийск и затем в Геленджик, где начинается формирование Александрийского Гусарского полка. Назначенный в нем в 1-й Ея Величества эскадрон, Н. В. участвует во всей боевой кампании полка на Сев. Кавказе, под самый конец ее производится за боевые заслуги в корнеты и после тяжелого боя под Св. Крестом (увековеченного пером Анри Труайа) с остатками полка покидает Сев. Кавказ по Военно-Грузинской дороге.

Короткая передышка — и александрийцы из Поти перевозятся к ген. Врангелю в Крым. Снова тяжелые бои, в Сев. Таврии, под Каховкой. И эвакуация. В Галлиполи Н. В. пишет поэму, посвященную белым полкам, «Парад ген. Врангеля». Она получает бурный успех.

Здесь уже указание на дальнейшее: вооруженная борьба кончена, но та же борьба продолжается — словом. Духовно Н. В. никогда не перестал сознавать себя воином и всегда исповедовал неразрывность своих поэтических и литературных трудов с долгом патриотического служения. Свой высший прототип он находил в героической лире Гумилева, перед которым он преклонялся, противопоставляя его всему тлетворному, что примешалось к Серебряному веку, и упадочническим настроениям, распространявшимся по эмигрантской словесности. Твердо храня свободолюбие русской культурной элиты, Н. В. сочетал его с такой же безусловной верностью историческим устоям родной страны. На основе православия, которое он с любовью принимал бесхитростно и глубоко, Н. В. верил в «высокий жребий» России и в необходимость для нее сплотиться как свободный народ вокруг своего Царя Божией милостью. Эту веру он пронес через все эмигрантские годы.

А годы эти были тяжелыми. Перебравшись из Берлина в Париж, Н. В. стал зарабатывать на жизнь таксистом, позже — шофером частных предприятий и лиц и этим неблагодарным трудом продолжал заниматься до преклонного возраста, пока силы позволяли и зрение не стало сдавать окончательно.

Станюковича нередко старались «не замечать», из побуждений довольно ясных. Но с течением лет в особенности его проза привлекала все больше внимания. Его романсированные, во многом автобиографические очерки — «Дело Александра Рогова» из эпохи Второй мировой войны, «Сквозь фронты» из эпохи войны Гражданской — не

только читались и читаются с живым интересом, но как честное свидетельство несомненно послужат и тем, кто придет после нас. Возрастающим успехом пользовалась и его публицистика, всегда искренняя, всегда насыщенная любовью к России.

Свое служение он готовился с радостью продолжать в нашем журнале, и помешала этому только кончина, после тяжкой болезни наступившая в одном из пригородных парижских госпиталей 26 декабря 1977 г.

Кн. С. Оболенский

И. М. Андреевский[1]

(Из вклада Зарубежья в русское возрождение)

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: «Их нет»,
А с благодарностию: «Были».

В. А. Жуковский

В русском зарубежье, если имя Ивана Михайловича Андреевского кому-нибудь говорит мало, то слова «проф. Андреев», вероятно, вызывают определенные воспоминания и ассоциации, потому что именно под этим псевдонимом появились все его произведения.

Он скончался 30 декабря 1976 года, отойдя от жизни лет за пять до своей смерти, потеряв память и сознание, а вместе с ними и контакт с друзьями и многочисленными последователями, доброжелателями, почитателями. К моменту его кончины только крошечная горсточка старых, испытанных друзей иногда наведывалась об его здоровье, но вообще он ушел в лучший мир забытым теми, кто при жизни, казалось, ловил каждое его слово.

А сказал и написал он много. Однако главной его задачей было распространение слова Божьего. Он пошел по пути служения религиозному просвещению сразу же после 1917 года, когда еще совсем молодым человеком, только что закончившим философский и медицинский факультеты, углубился в религиозную философию Достоевского. Достоевский направил его к изучению психологии и психиатрии. И. М. стремился понять Достоевского как человека-пациента и как художника-писателя, проникнув в тайны психиатрии. Сделавшись на

[1] Русское возрождение. 1978. № 4. С. 211–234. Доклад на съезде Православной русской общественности в США. — *Примеч. редакции журнала.*

этом пути успешным врачом-психиатром, он понял, что одного медицинского лечения психически больным мало: им необходима помощь, связанная и с духовным врачеванием. Так он поступил на неофициальные, подпольного характера богословские курсы, соединенные в те тяжкие и опасные годы начала жестокого гонения на Церковь с кружком св. Серафима Саровского. В этом кружке принимали активнейшее участие самые блестящие молодые ученые, аспиранты, священники и просто благочестивые и бескомпромиссные русские люди, стремившиеся узнать как можно больше о своей Матери-Церкви, чтобы помочь ее верным чадам, тогда, как и теперь, преследуемым и гонимым. И. М. считался одним из деятельных членов этого кружка, будучи учеником и другом известного философа Сергея Алексеевича Аскольдова (Алексеева), которого он во время 2-й мировой войны опекал, как отца, до момента бегства из Берлина при наступлении советской армии, когда С. А. по старости категорически отказался куда-либо двигаться и остался в Потсдаме, где вскоре и скончался. И. М. никогда не забывал того огромного влияния, которое С. А. на него оказал, но, как он писал, «научившись у него истинному философствованию, я отблагодарил своего учителя и друга тем, что, борясь с ним в течение 25-летней дружбы, привел его к консервативному охранительному Православию о. Иоанна Кронштадтского, о чем он сам засвидетельствовал своим письмом ко мне за несколько дней до своей смерти» (письмо Н. О. Лосскому).

Этот кружок занимался не только помощью своим православным, но и вел миссионерскую деятельность, просвещая, например, ищущих Бога евреев. Так, И. М. дружил с известной пианисткой М. В. Юдиной, готовя ее к переходу в Православие, а мой отец, протоиерей Викторин Добронравов, духовный отец и друг И. М., и протоиерей отец Федор Андреев крестили ее, и она до последних дней своей жизни, наступивших лет восемь тому назад, оставалась бескомпромиссной православной христианкой, которая уже сама наставляла стремящихся креститься. Например, мне стало известно, что она была крестной матерью второй жены А. И. Солженицына, Наталии Дмитриевны Светловой.

Кружок Серафима Саровского занимал большое место в жизни и деятельности И. М., т. к. сам св. Серафим всегда был самым близким сердцу и духу И. М., а в его предсказания о будущем России И. М. верил неколебимо, повторяя вместе с преподобным, что «вся Россия зальется кровью, и русский народ претерпит величайшие страдания, после которых русские люди будут рассеяны по всему миру. Однако

все это послужит в конце концов к великой радости России и к великому торжеству Православия». В статье «Преподобный Серафим Саровский» И. М. описывает свое необыкновенное путешествие в Саров и Дивеево в 1926 году, как нечто чудесное. Все складывалось как заранее предначертанное. У И. М. было «несомненное убеждение всем существом в существовании Божьем и в совершенно реальном с Ним мимолетном общении». Ему стало «совершенно очевидным и ясным, что всякая просьба о чем-нибудь земном будет равносильна молитве: Господи, отойди от меня и лиши меня Твоего чудесного дара... И я внутренне горячо обратился к Господу: Господи, не давай мне ничего, отними от меня все земное благополучие, только не лишай меня радости общения с Тобой или, если это невозможно сохранить навсегда в нашей жизни, то дай мне память сердечную, дай мне возможность сохранить до смерти воспоминание об этой настоящей блаженной минуте ощущения Твоего Святого Духа!» («Преподобный Серафим Саровский»).

И. М. считал, что вся его жизнь после путешествия в Саровскую пустынь изменилась, что именно по его молитве Господь отнял от него все земные блага, но «сохранил навсегда память о той минуте, когда, по безграничному милосердию Своему по молитвам Пресвятой Богородицы и по молитвам Преподобного Серафима, я, грешный, совершенно незаслуженно сподобился пережить в себе тихое, радостное, благое и благоуханное веяние Святого Духа Господня». В 1927 году Андреевский начал существование, лишенное всех благ земных, после того, как он отправился в Москву делегатом от мирян Петроградской епархии с исторической делегацией, возглавляемой епископом Гдовским Дмитрием, просить митрополита Сергия не вставать на путь гибельной «новой церковной политики». И. М. передает это так в своем труде «Благодатна ли Советская церковь?»: «Ведь советская власть антихристова, а можно ли Православной Церкви находиться в союзе с антихристовой властью и молиться за ее успехи и радоваться ее радостями?» (С. 15).

И. М. считал, что «Православная Церковь до 1927 года качественно росла от преследований (как это всегда было и будет, ибо “кровь мучеников — семя христианства”)». Он был убежден, что «советское правительство потому и переменило свою тактику борьбы, что убедилось в непоколебимости православной веры только преследованиями и гонениями... Если бы все епископы в 1927 году последовали за митрополитом Сергием, православная вера в настоящее время была бы на глубоком ущербе. Только благодаря исповедничеству и мучени-

честву главным образом епископата, не пошедшего за митрополитом Сергием, в СССР до сих пор существует непобедимая и неискоренимая Катакомбная Церковь, духовно питающая истинно православных людей». Читая эти строки, нельзя не вспомнить и о таких замечательных пастырях-собратьях катакомбных священников, как о. Дмитрий Дудко, о. Глеб Якунин и др., идущих на любую жертву и мученичество ради правды Христовой. В Сов. Союзе распространено сокращение «ИПЦ» — Истинно Православная Церковь, т. е. та церковь, о которой писал и рассказывал И. М., никогда не принадлежавший к официальной, а ставший членом истинной Церкви, предсказывая, что «вся полнота несказанной духовной красоты Русской невидимой, тайной катакомбной Церкви станет явной миру только тогда, когда сгинет с нашей родины богомерзкое советское государство и порабощенная им духовно, советская церковь» («Благодатна ли сов. церковь?»).

Андреевский говорил, что в советской церкви сохранились лишь ее одежды, т. е. внешняя сторона храма и богослужения, что в ней сохранилось даже тело, т. е. обрядовая сторона и церковная организация, даже ее душа, т. е. ощущения и переживания прихожан, молящихся в церкви, но что она утеряла дух христовой правды Православия, т. е. пошла против призыва: «Духа не угашайте!» и стала жить «по лжи», против чего и восстали все лучшие сыны Православия. Однако И. М. не выносил окончательного суда, но просто отказывался от общения с теми, в благодатности кого он сомневался. Официальные результаты его сомнений не замедлили появиться: он был арестован и сослан на Соловки, в страшный концлагерь. У И. М. есть незабываемые произведения, посвященные его пребыванию там. Упомяну два очерка: «Православный еврей — исповедник» и «Шамординские монахини».

В очерке о православном еврее И. М. описывает встречу и общение с евреем, ставшим христианином, понявшим, по его словам, «необозримую сокровищницу Православной Церкви». «После крещения, — рассказывал о себе этот христианин-еврей, — я не мог равнодушно видеть религиозных евреев. Атеисты-евреи, каких теперь большинство, меня мало интересовали. Но верующие в Бога евреи мне стали казаться просто несчастными, заблудившимися людьми, которых я морально был обязан приводить ко Христу. Я спрашивал — почему он не христианин, почему он не любит Христа?» (Православный еврей-исповедник // Владимирский календарь. 1969. С. 80).

У И. М. на всю жизнь запечатлелась картина молитвы этого исповедника, молившегося в разрушенной часовенке перед иконой Смо-

ленской Божией Матери, вернее, перед Ее очами, т. к. краски на иконе растрескались, осыпались и сохранились лишь Ее очи, и И. М. слышал голос, певший: «Достойно есть яко воистину»...

К этому же периоду относится и замечательный очерк о Шамординских монахинях, сосланных на Соловки летом 1929 года. Их было около 30 и их держали в отдельном бараке. Они подвергались строжайшему допросу, с угрозами, криками и избиениями. Дело в том, что ни одна из них не отвечала ни на какие вопросы, даже касавшиеся их имен, фамилий, возраста и места рождения. Отказывались они также выходить на работу. Др. Жижиленко, ставший тайным епископом катакомбной Церкви под именем владыки Максима, находился в то время на Соловках, и к нему обратились представители Соловецкой администрации, чтобы он освидетельствовал монахинь и признал их психически ненормальными или физически неспособными выполнять лагерные работы, чтобы иметь какое-то официальное основание не посылать их на общие работы. Монахини спокойно объяснили д-ру Жижиленко, что они совершенно здоровы, ни на что не жалуются, но работать на антихристов режим категорически отказываются, пусть их даже за отказ и убьют. Владыка предупредил их, что смерть была бы легким исходом, что их, вероятно, запытают, замучают. По прошествии некоторого времени они согласились штопать одеяла для больных. Их держали в полной изоляции от других заключенных. Но каким-то образом монахини вступили в контакт со своим духовником, находившимся также в Соловецком концлагере, и он запретил им делать и эту работу, ибо и штопка одеял служит помощи антихристу. После этого они бесследно исчезли, и только много лет спустя удалось И. М. совершенно случайно узнать об их чудесной судьбе, когда он сам был уже на этом берегу Атлантического океана. Оказывается, монахини были переведены на Дальний Север, в лагерь Воркуту, где их насильно выволакивали из бараков, заставляя работать, но напрасно: они становились на снегу на колени и молились, молились, а вокруг них работали другие заключенные. От несчастных монахинь были отняты все теплые вещи, обувь. Они на арктическом морозе простаивали часами день за днем, но не отмораживая ни лиц, ни голых рук и ног. Даже комендант был потрясен и со страхом смотрел на них. В конце концов их вернули в лагерь, где они жили сами по себе, в отдельном помещении, а их поведение вселило во многие сердца веру и надежду, и чудо это стало известно во многих лагерях.

За жуткие пять лет, проведенные в Соловецком концлагере (1927–1932 гг.), И. М. пришлось быть свидетелем многих тайных хирото-

ний, совершенных епископами Максимом Жижиленко, Иларионом и Нектарием. И. М. всегда поддерживал связь с Катакомбной Церковью — и освободившись из концлагеря, и потом, живя за границей. Он получал письма с разных сторон, часто от неизвестных лиц, откликавшихся на его статьи в «Православной Руси». Он говорил, что большинство писем было анонимно, но содержало интереснейшие сведения о Катакомбной Церкви, а та, в свою очередь, получала сведения о нас. Читая недавно «Наше упование» о. Д. Дудко, мы нашли несколько ссылок на «Апологетику» проф. Андреева. По данным, имевшимся у И. М., стало, как он писал, ясно, что «наиболее тяжким испытаниям» «тайная», «пустынная», «катакомбная», как ее различно называют, Церковь в Сов. Союзе подверглась после 4-го февраля 1945 года, т. е. после интронизации сов. патриарха Алексия, когда все духовенство, находившееся в лагерях, прошло специальную перерегистрацию, во время которой всех опрашивали, признают ли они нового патриарха Алексия. Непризнававшие получали новые сроки наказания, а иногда и расстреливались. И. М. всеми своими силами — пером и изустным словом — распространял правду об истинной Православной Церкви, существующей и в настоящее время, по его выражению, «в условиях советского ада». Он говорил, что она совершает «святое дело», что в ней подвизаются немногие, ибо не всем дано «жить в Церкви», как выразился Хомяков, не всем дано пострадать и умереть за нее. И. М. никого не осуждал, понимая невероятные трудности, связанные с подобным подвигом, подчеркивая, что «массы оказались падшими во время гонений. Степень, формы, условия, характер и обстоятельства (падения) должны быть приняты во внимание». Он снимал ответственность с «малых сих», никого не осуждая, но призывал здесь верить и помогать истинной Церкви там, а находящихся там осведомлял об их церковной жизни, соединяя гонимую, неофициальную Церковь в СССР с нашей Зарубежной Церковью. В настоящее время нам известно, что многие верующие, посещая храм в Сов. Союзе, мысленно молятся за наших иерархов, считая их возглавляющими Русскую Православную Церковь.

По выходе через пять лет из страшного концлагеря И. М. работал врачом-психиатром и педиатром — отсюда чрезвычайный интерес и любовь к детям, особенно в период их дошкольного воспитания, который он считал «периодом жизни человека самым важным, основоположным в деле воспитания» (статья «О православно-христианском нравственном воспитании детей дошкольного возраста», Джордан-

вилль, 1960. С. 5). Анализируя слово «воспитание», он указывает на основу этого слова, т. е. «питание», подчеркивая важность питания не только тела, а именно духа новорожденного ребенка.

«Божественное учение Христа имеет то чудесное свойство, что оно чрезвычайно рано начинает быть доступным для умов младенческих, будучи в то же время и неисчерпаемым для умов глубочайших мыслителей. Если неодушевленная природа: солнечный свет, воздух, влага и земля животворят жизнь растения, то почему Дух Слова Божия не может животворить душу младенца?» (С. 5).

Исходя из этого, И. М. развивает мысль, что все воспитание должно проходить под знаком веры, надежды, любви, а всем воспитывающим полезно понимать разницу между словами «воспитание» и «образование». Он говорит, что «воспитание относится к образованию, как сердце относится ко всем остальным способностям души» (Там же). Андреевский смотрел на воспитание ребенка, как на особую борьбу за «чистоту души дитяти», а на таинство исповеди и причастия в этот период — как на «спасительный маяк». Вообще он всегда необыкновенно любил и понимал детей, а они платили ему тем же, находя его общество самым интересным и вдохновляющим их на поразительные открытия и игры. Обладая абсолютным слухом, И. М. виртуозно играл на балалайке и рояле, аккомпанировал детям в песнях и играл им для исполнения русских танцев.

Во время его работы в колонии для умственно-отсталых детей он проводил дни и часто ночи, леча, воспитывая и обучая детей и персонал, следящий за детьми, вкладывая в их души искры той веры, надежды и любви, которыми он руководствовался в своих поступках, исполняя, по мнению о. Михаила Помазанского в некрологе, посвященном И. М., завет:

Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первый сам!

(«Православная Русь», 1976 г.*)*

Попав за границу, он продолжал свой путь христианского исповедничества, сразу же присоединившись к Зарубежной Церкви, став близким человеком у владыки митрополита Анастасия. Мы знаем о многих личных беседах владыки с И. М. и о многих интересных собраниях, на которые И. М. неизменно приглашался. А когда И. М. находился в отлучке, между владыкой митрополитом и И. М. велась ин-

тереснейшая переписка. К большому сожалению, сорок драгоценнейших писем владыки митрополита к И. М. не сохранились: в состоянии помутнения рассудка в результате артериосклероза мозга И. М. уничтожил их, как и вообще всю свою интересную корреспонденцию с самыми славными своими современниками: профессорами Аскольдовым, Вышеславцевым, Ильиным, Лосским, владыкой Виталием и др. Владыка Виталий называл его своим дорогим другом, по приезде в Америку принял его под свое покровительство и направил в Свято-Троицкий монастырь на преподавательскую, издательскую и медицинскую деятельность. К этому периоду (1948—50 гг.) относится его замечательный труд об иконе «Всех святых в земле Российской просиявших».

И. М. так пишет об этом (изд. подворья обители прп. Иова Почаевского, 1948 г.): «Установление этого праздника на роковой исторической грани между концом святой Руси и началом богоборческого Советского государства, в период пленения народа русского слугами сатаны — имело глубочайший религиозный и национальный смысл. Перед страшной опасностью духовной смерти русского народа Православная Церковь установлением этого праздника обратила внимание всех истинно православных русских людей на единственную непреоборимую вечную защиту нашу, бесценную сокровищницу Русского Православия — Собор всех его святых. Этот итог духовных сил нашего исторического прошлого со дня Крещения Руси до революции 1917 года Православная Церковь поставила на своих хоругвях борьбы с сатанинским злом как залог будущего непременного возрождения России» (С. 3).

И вот теперь не подходим ли мы уже к этому возрождению, готовясь к торжествам 1000-летия и держа перед собою первые номера журнала «Русское возрождение»?

И. М. повествует о подвижничестве русских святых, таких как святой равноапостольный князь Владимир, который сумел побороть свой гордый языческий дух и заложил основы Православной Руси, о страстотерпцах братьях Борисе и Глебе, после смерти которых многочисленные чудеса были свято оценены русским народом, и братья были первыми канонизированными русскими святыми. И. М. вспоминает об их помощи в самые критические моменты русской истории, напр., перед Невскою битвою в 1240 году, когда они явились в лодке посреди гребцов, сказав: «Вели грести, да поможем сроднику нашему Александру!» Эту явную помощь первых русских святых И. М. Андреев приводит как пример возможной помощи и нам, их потомкам,

говоря: «Невольно хочется обратиться к этим сильным их кротостью стастотерпцам с мольбой за Россию сегодняшнего дня: Помогите, святые братья, православным русским людям победить современных страшных врагов веры православной и народа русского!» (С. 19).

И. М. рассказывает и о деятельности преподобного Иова Почаевского, считая и его помощником русскому народу в беженском рассеянии, напоминая нам о молитве ежедневно читаемой в русских зарубежных монастырях: «Вознеси, угодниче Божий, Иове, всемощную молитву Твою и о земле Русской, да воскреснет Святая Православная Русь!»

Обращает И. М. наше внимание и на святителя Василия Рязанского, помогающего всем, даже последним пьяницам, подняться и побороть или перенести свое горе; в его любимой легенде «О невидимом граде Китеже» праведная дева Феврония советует Гришке Кутерьме: Помолися, Гриша, Господу да Василию угоднику — он ходатай бедных бражников!

Со времен татарского ига держится за ним слава-предание о его великой помощи в «лютые дни».

Другой такой помощник в «лютые дни» — Св. Патриарх Гермоген, подвижник и общественно-политический деятель во время Смутного времени. Это он послал грамоту Минину и Пожарскому и по его молитвам им удалось организовать ополчение и спасти Россию. Андреев пишет: «О, как своевременно вспомнить теперь это предание о святом патриархе Гермогене и обратиться к нему с мольбой о молитве перед Господом о прощении наших новых, еще более страшных грехов. В новой смуте мы пали еще ниже чем в первой и теперь для спасения России требуется наше сугубое покаяние и молитвы всех святых... Да научит нас св. Патриарх Гермоген каким должен быть русский православный патриарх, и да пошлет новую невидимую грамоту прямо в сердца наши для объединения их в новое ополчение за спасение России, за воскресение Святой Руси!» (С. 23).

Не оставляет И. М. без внимания женщин-святых, видя в них помощниц семейных, в брачной жизни, подчеркивая, что теперь как никогда необходимо возрождение брака и семьи с их христианскими основами. Он всегда называл христианскую семью «домашней Церковью», утверждая, что только благодаря православной семье современная Россия не вся отдалась коммунизму. Если сохранится семья, возродится и Россия. Примером христианской семьи И. М. называет семью Юлиании Лазаревской, матери 13-ти детей, которая спасалась не в монастыре, не в пустыне, а в миру. Рассказывает И. М. и о Ксении

Блаженной Петербургской, прославление которой настало. Нет почти ни одной петербургской семьи, не имевшей религиозного опыта по молитвам Блаженной Ксении.

Среди приблизительно 400 русских святых женщин святых всего 20, но Андреев пишет, что, достигнув святости, они выявляли особую «райскую красоту души, благоухающую небесным ладаном, звучащую ангельской музыкой и сияющую нежной семицветной радугой первых дней творения».

Среди святых XIX и XX веков находится и прославленный в зарубежье о. Иоанн Кронштадтский. Он и его дневник «Моя жизнь во Христе» назван Андреевым «неисчерпаемым источником духовного утешения и просвещения». Рассказывает И. М. и о непрославленных еще новых мучениках: патриархе Тихоне, называя его «кротким голубем», но не отдавшим Божие Кесарю, об исповедниках-мучениках владыках Владимире, Вениамине, о бесчисленных массах духовенства и верующих мирян, пошедших за веру и Церковь на муки, в концлагеря и ссылки. «Мучения этих верных сынов русской православной Церкви безусловно превзошли все известные в мировой истории истязания и пытки».

На иконе всех святых изображена, как всем известно, и умученная царская семья, «положившая души своя за други своя». Автор труда об иконе «Всех святых» говорит о ней: «Царственные мученики, изображенные на иконе вместе со всеми святыми, в Российской земле просиявшими, молча свидетельствуют о лжи и клевете, возведенных на них революцией. У кого из людей, боящихся Бога, повернется язык оспаривать эту правду?» (С. 66).

Так с глубочайшим чувством любви, с истинным знанием истории и с просветленной верой в спасение России описывает И. М. неисчислимые подвиги русских святых, на их примерах указывая своим современникам тот путь жизни православного русского христианина, идя которым он должен твердо верить, что «Церковь, и только Церковь, которую насадил Господь, никогда не погибнет и не искоренится. Все остальное, т. е. то, что вне Церкви, а тем более против нее — искоренится и погибнет» (С. 68).

Сам Андреев всю свою сознательную жизнь провел служа Церкви — его слово не расходилось с делом. И дело его не искоренилось и не погибло. Это мы знаем по таким его молодым последователям, воспитанникам-студентам, друзьям, как, например, владыка Лавр, бывший в свое время студентом И. М., отец Владимир, заведующий

монастырской канцелярии, теперь еще и преподаватель в своей же Альма-матер; отец Виктор Потапов, молодой, ревностный и такой русский батюшка, соединяющий служение Церкви с патриотической работой — заботой о находящихся «там», т. е. в России; отец Герман, издающий прекрасный религиозный журнал на английском языке «Православное слово» и занимающийся миссионерской деятельностью в Калифорнии. Это только несколько примеров, а их целый длинный список имен, который со временем будет развернут, и заслуги И. М. еще рельефнее будут выделяться на фоне общего духовного возрождения, к которому мы потихоньку, но определенно подвигаемся.

Упомянув об учениках и последователях И. М., приведу выдержку из статьи одного из них. Это статья в «Православном слове» «Проф. И. М. Андреев», автор — о. Герман: «Его студенты помнят о нем как о полном энтузиазма, красноречивом и вдохновенном и вдохновляющем лекторе (на уровне Сорбонны, а не на обычном семинарском уровне), преподающем предметы, в которые он вкладывал абсолютную веру и которым он отдавал все свои силы. Он был совершенно нетерпимым только в одном отношении: он не признавал никакого лицемерия, никакой фальши ни в духовной, ни в интеллектуальной жизни» («The Orthodox Word». № 73.С. 62).

Преподавал проф. Андреевский в Свято-Троицкой семинарии с увлечением в течение 20 лет. Он читал такие предметы, как «Нравственное богословие», «Апологетика», «История Церкви», «Психология и логика», «История литературы», и во все вносил живую струю энтузиазма и просвещенного знания. Он всю жизнь не переставал не только учить, но и учиться, принимая участие в разных научных конференциях, семинарах и обществах. Например, состоя в медицинском обществе имени Пирогова, И. М. постоянно читал там лекции по психиатрии, психологии, диагностике, но и всегда присутствовал на докладах своих коллег, почерпывая новые сведения из их сообщений. Отличительной чертой его личности было мудрое сократовское признание: «Я знаю, что я ничего не знаю». Соединение естественнонаучных, философско-религиозных, литературно-исторических знаний дало Андрееву полное право и основание написать интереснейшие труды, находящиеся, казалось бы, в мало скрещивающихся друг с другом областях: «Православно-христианская апологетика», «Учебник по нравственному богословию» и «Очерки по истории русской литературы XIX столетия». Исключительно, например, интересен его подход к апологетике. Вот что он пишет, приступая к этому труду: «При ис-

пользовании научных данных следует быть особенно осторожным и не увлекаться, по примеру католичества, строгой научностью доказательств, памятуя, что все науки дают только временное знание, тогда как предметом апологетики является вечная и неизменная истина. Защита христианской веры, эта благодатная и благородная задача, требует безусловной честности, чрезвычайной осторожности, глубокой вдумчивости, основательной эрудиции, внутреннего смирения, терпения и самоотверженной любви к Богу и людям. «Служите Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (псалом 2, 11)» («Православно-христианская апологетика». Джорданвилль, 1953. С. 5).

В этом труде Андреев дает краткий исторический обзор апологетических сочинений, объясняя необходимость их появления в первые века христианства для защиты от нападок и вскрытия заблуждений язычников и иудеев и неотложность их распространения в наши дни атеистической пропаганды. Именно это его произведение нашло отклик в защите от атеистической пропаганды, потому что в книге о. Д. Дудко «О нашем уповании» мы встречаем много цитат из него, как, например: «Только при поверхностном знании (которое, по словам Бэкона, часто удаляет от Бога) — перед человеческим умом встают мнимые противоречия между верой и знанием, между религией и наукой. При углубленном же знании (которое, по словам того же Бэкона, приближает к Богу) эти мнимые противоречия исчезают без следа. Вот почему свыше 90 процентов величайших мировых ученых верили в Бога! Вот почему Сократ, Платон, Аристотель, Плотин, Декарт, Паскаль, Лейбниц, Ньютон, Пастер, Рентген, Ломоносов, Менделеев, Павлов, Эйнштейн, Бергсон, Планк, Джине и др. величайшие мировые ученые всех времен и народов были глубоко религиозными людьми!

Люди простые, не искушенные наукой и философией, близкие к природе и имеющие чистые сердца тоже верят в Бога. Атеисты же представляют собой большей частью недоучек, простых и высококвалифицированных (среди ученых тоже бывает много таких высококвалифицированных недоучек и философски неграмотных). Атеист всегда дефектен: или умом, или моралью, или волей (злая воля)» (С. 19–20).

Эту цитату о. Д. Дудко называет «ответом для ума». И. М. говорит, что христианство обладает неким вечным догматическим корнем, которым возможно объяснить «привлекательность христианского идеала нравственности», прошедшего через искус веков, обогащаясь, благодаря успехам человечества, новой силой и красотой. И. М. утверждает, что «только христианство способно зажечь любовь к истине ради

самой истины, без чего невозможен никакой действительно духовный прогресс человечества» (С. 83–84).

Именно этой любовью «к истине ради самой истины» наполнены его «Очерки по истории русской литературы XIX столетия», книги, передающей и чуткое отношение к каждому рассматриваемому в ней автору, и глубокий литературно-психологический анализ основных произведений таких писателей, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Хомяков, Достоевский, Толстой, Вл. Соловьев. Первой настоящей литературной страстью И. М. был Пушкин. Вместе с Аполлоном Григорьевым Андреев часто повторял: «Пушкин это наше все». Он пишет в биографии Пушкина: «...в день рождения Пушкина по всем церквам шли молебны, гудели колокола и на московских улицах народ кричал "ура". Москва в этот день праздновала рождение внучки императора Павла. Случайное совпадение двух событий (а существует ли вообще в Божьем мире случайность?) привело к тому, что в день рождения величайшего гения России было народное ликование и колокольный звон» («Очерки по истории литературы XIX в.». С. 27).

Исходя из этого совпадения, И. М. делает вывод, что вся жизнь поэта — это неуклонное восхождение ввысь, восхождение и духовное: озарение, вдохновение, духовное перерождение — и восхождение ума и таланта. «Он шел ввысь, догоняя и перегоняя своих учителей, дорастая и перерастая их всех в своем изумительном творческом шествии» («Очерки по истории русской литературы XIX в.». С. 36. Джорданвилль, 1968). Особенно И. М. ценил стихотворение Пушкина «Возрождение»:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей:
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Любимым композитором И. М. был Моцарт, а в маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» Андреев находил ключ к пониманию самого

Пушкина. Он часто повторял свою излюбленную цитату: «Гений и злодейство — две вещи несовместные» и утверждал, что Пушкин, будучи гением, стоит на первой ступени истинно духовной жизни, ведущей к святости, говоря, что «гений — явление духовное». Именно с этой точки зрения — гений явление духовное — И. М. расценивал писателей и поэтов. О литературной критике Андреева мы находим такие отзывы: «Его сочинения по истории литературы являются уникальными в литературной критике. Они написаны с богословской дименсией и глубиной, философской полнотой мировоззрения и психологическим проникновением, которых не найти в подобном скоплении ни у одного другого мыслителя» (*о. Герман.* И. М. Андреев // Ортодокс Ворд. С. 100).

В самом начале этого сообщения я отметила, что Андреевский начал заниматься медициной, чтобы изучить психиатрию и правильно подойти к психологии Достоевского, т. к. именно Достоевский был ему исключительно близок, потому что И. М. верил, как и Достоевский, что «трагедия истории человечества завершится преображением мира и вторым пришествием Спасителя». Он вместе с Достоевским пламенно любил Христа и Россию. Вместе с Достоевским он допускал, что «душа русского народа может стать одержимой "бесами"», но горячо верил, что «с сущностью русской души они никогда не сольются и никогда до конца ее не поработят». И. М. придерживался мнения Достоевского, что душа русского народа «вполне исцелится через покаяние и тихо сядет у ног Спасителя» (С. 205).

Мое краткое сообщение о вкладе И. М. Андреевского в наше настоящее и будущее это как бы начальное звено последующих исследований его кипучей, многогранной творческой деятельности и жизни, которую о. Михаил Помазанский назвал кругом «благородных и высоких убеждений и взглядов и основанной на них деятельности». И действительно, это был круг, в котором Андреевский откликнулся на все волнующее нас: защита веры вообще («Апологетика») и Православия в частности («Православно-христианское нравственное богословие»), воспитание будущей нашей смены («О православно-христианском нравственном воспитании детей дошкольного возраста»), проблемы семьи («Брак и семья»), не считая его интереснейших статей и писем, посвященных Ильину, Лосскому, влад. Анастасию и другим его великим современникам. Когда-нибудь возрожденная Россия, восстанавливая свой нравственный порядок, с благодарностью обратится к произведениям своего верного сына, неизменно утверждавшего, что «Смысл и цель... миропорядка заключаются в прославлении

Бога и в откровении Его совершенств... Мир сотворен для славы Бога, т. е. для славы и торжества в вечности начал Любви, Истины, Добра, Красоты и Свободы» («Православно-Христианское нравственное богословие». С. 41. Джорданвилль, 1966).

З. Трифунович

Памяти друга[1]

Зоя Викториновна Трифунович скончалась в Бранфорде, в воскресенье 29 сентября 1991 года. В пятницу, на Воздвижение, ее посетил отец Ставрос, настоятель Свято-Николаевской церкви в Стратфорде, и причастил Святых Тайн. На панихиду 30 сентября съехались близкие и друзья Зои Викториновны из разных штатов. Для всех смерть ее была большой потерей. Отпевание и похороны состоялись в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, где похоронена мать Зои Анна Константиновна и отчим ее проф. Иван Михайлович Андриевский.

Родилась Зоя Викториновна 14 мая 1925 года в Санкт-Петербурге (в то тяжелое время — Ленинграде) в семье священника. Отец ее, ныне священномученик, протоиерей Викторин Добронравов был из духовной семьи. Мать Анна Константиновна родилась в благочестивой купеческой семье. Из четырех их детей трое умерли при жизни Батюшки. В живых оставалась младшая дочь Зоя. Священномученик о. Викторин в советском лагере был растерзан и съеден волками. Анна Константиновна скончалась в возрасте 92 лет в Нью-Йорке, где жила в семье Зои Викториновны.

Во время Второй мировой войны Зоя с матерью и отчимом попали в Ригу, оттуда летом 44 года — в Германию. Зоя закончила русскую гимназию в лагере для перемещенных лиц в Менхегофе. В университете начала заниматься в Геттингене, там познакомилась с будущим мужем Милорадом Трифуновичем. В феврале 1950 года Зоя с семьей переехала в Соединенные Штаты Америки, в Нью-Йорк. В феврале 1952 года вышла замуж за Милорада Трифуновича. Оба они совмещали работу и ученье. Зоя Викториновна работала в лаборатории Нью-йоркского университета, занималась в Колумбийском университете и закончила его в 1954 году. Затем она продолжала ученье и долгие годы преподавала в Барнард-колледже, где пользовалась любовью и уважением студентов и коллег. Многим Зоя передала свою любовь к русскому языку, приви-

[1] Русское возрождение. 1978. № 4. С. 235.

ла любовь к русской литературе и культуре. Среди частных учениц ее была Сюзанна Масси, автор книги «Страна Жар-Птицы».

В личной жизни Зоя была человеком общительным, жизнеутверждающим, на редкость отзывчивым. Она откликалась буквально на все просьбы, будь то посылка в Советский Союз или редактирование материалов, или помощь в устройстве на работу. Брак Зои и Милорада был счастливым и дружным. В семье поддерживались русские и сербские обычаи. Дом их славился уютом и гостеприимством. А как радовались Зоя и Милорад рождению дочери Ксении и позднее рождению дочери Веры! С какой любовью и вниманием относились они к Коленьке, первому внуку, сыну Ксении и Михаила Полчаниновых. Как ждала Зоя появления на свет ребенка Верочки и Павла Бахман! Марк родился незадолго до смерти Зои, она успела еще узнать о его рождении.

Зоя и Милорад одними из первых «освоили» русский уголок в Вудмонте, штат Коннектикут, на берегу залива. Они проводили там каждое лето, и по следам Зои туда тянулись многие, наша семья в том числе. Меня и Зою связывала долголетняя дружба. Дружили мы, дружили наши матери. В Вудмонте двери Зоиной дачи всегда были открыты. После того, как Зоя и Милорад вышли на пенсию, они переселились из Нью-Йорка в Вудмонт. Последние месяцы жизни Зои прошли в этом спокойном городке, в окружении близких и друзей. Царство ей Небесное и вечная память!

Ираида Пушкарева

Зоя Викториновна Трифунович

Зоя Викториновна была многолетним секретарем редакции журнала «Русское возрождение». Все мы, члены редакции, знали Зою Викториновну почти всю жизнь. Однако именно совместная работа дала нам возможность на деле убедиться, что она была подлинно достойной дочерью своего отца — Новомученика. Подвиг несения своего жизненного креста она совершала как истинная христианка. Широта мышления, радостное восприятие жизни (как и последняя ее болезнь, она была у нее во многом трагическая и сложная) и отношение к людям (со сколь разными людьми у нее были добрые отношения, и ни с кем не было вражды) происходили у Зои Викториновны не от безразличия, а от умения подняться на ту высоту любви и понимания, которая давала ей возможность понять и принять всякого, встречавшегося ей на жизненном пути.

Редакция «Русского возрождения» выражает свое глубокое сочувствие семье покойной.

Светлой памяти Ивана Васильевича Морозова[1]

Есть люди-однолюбы, те, которые срастаются со своим жизненным делом до неотделимости.

Андрей Платонов в рассказе «Фро» описывает машиниста, который любил паровозы как живые существа. «Год тому назад его попробовали перевести на пенсию. Старик не знал, что это такое, согласился, но, пожив четыре дня на свободе, на пятый день вышел за семафор, сел на бугор и просидел там до темной ночи, следя плачущими глазами за паровозами...» Так продолжалось несколько дней, пока над ним не сжалились и взяли обратно в депо запасным.

Человеком такого же склада характера был и Иван Васильевич Морозов.

Люди такого рода — не какие-то оригиналы или чудаки. Они — более целостные личности. Жизнь Ивана Васильевича была убеждением, претворенным в дело. Она была отдана Русскому Студенческому Христианскому Движению, издательству, книжному магазину. Когда его от этого отстранили, ему нечем стало жить. «Все рухнуло, — писал он мне. — Как я буду жить, чем — не знаю?!» Психологически ему нечем стало дышать и он... задохнулся; 6-го ноября его не стало.

После Гражданской войны к новому государству Эстония отошла часть псковских земель и уездный городок Печеры с историческим Псково-Печерским монастырем. Там, в 30-х годах, среди крестьянства велась замечательная работа РСХ Движения. В Печерах собственными руками крестьянской молодежи было выстроено общежитие для талантливых крестьянских подростков из округи, чтобы дать им возможность учиться в гимназии. С тех пор я и знаю Ваню Морозова (сам я был в то время совсем молодым священником). По окончании гимназии он был принят в Парижский Богословский институт и, окончив его, всецело посвятил себя работе в РСХД.

После конца немецкой оккупации Франции И. В. был в первом ряду тех, кто восстанавливал закрытое немцами Движение. Он был избран секретарем Движения и работал, отдавая все свои силы. Одновременно он — редактор «Вестника РСХД». Несколько позднее — возглавитель издательства УМСА-Пресс, когда оно было передано Движению.

Всю свою зрелую жизнь этот человек отдал служению Богу и России. Он не стал «парижанином», а на всю жизнь остался «русаком». На какой-то предельной глубине живший в нем червячек тоски подта-

[1] Русское возрождение. 1978. № 4. С. 235–236.

чивал этого общительного, обаятельного, жертвенного, энергичного человека.

Уже много лет тому назад непомерной нагрузкой в работе и некоторыми горестями он был доведен до нервного заболевания. Некогда сильный человек, живший претворением своей веры в дело, уже не обладал всей полнотой былой силы. Отстраненный весной 1978 г. от любимого детища, он поддался отчаянию. В нем и задохнулся...

В лице Ивана Васильевича Морозова русское зарубежье, и в частности русский Париж, потеряли исключительного человека.

Пожалеем же его и тех, с кем он некогда жил, работал и дружил, и помолимся о них.

Протоиерей Александр Киселев

Иеромонах Серафим — американский миссионер[1]

Второго сентября 1982 года после короткой, но тяжелой болезни отошел ко Господу православный американец-миссионер, иеромонах Серафим.

О. Серафим, в мире Eugene Rose, прошел короткий, но чрезвычайно интенсивный жизненный путь. Рожденный в 1934 году, он воспитывался в типичной калифорнийской протестантской семье. Окончив Помона-колледж, Евгений поступил в Берклейское отделение Калифорнийского университета, где получил звание магистра по китайской литературе мандаринского наречия. В поисках истины Евгений изучил также восточные философии и религии, что привело его к принятию буддизма. Будучи целостным человеком, Евгений посвятил себя исполнению его жизненных правил. Кроме того, он приобрел всестороннее образование, стал знатоком Шекспира, английской и американской литературы и театра. В университете он был оставлен в аспирантуре как кандидат на профессорскую кафедру.

Открывшаяся перед Евгением блестящая академическая карьера была прервана неожиданным глубоким духовным кризисом. Через опыт и знание он увидел черную пустоту буддизма и других религиозных философий Востока. А в академической среде он разочаровался, видя систематическое духовное и физическое развращение молодежи, в чем калифорнийские учебные заведения были в те годы далеко впереди других колледжей и университетов. В состоянии потерянности, Евгений взмолился перед случайно замеченным им в книжном мага-

[1] Русское возрождение. 1983. I. № 21. С. 211–215.

зине на обложке книги образом Пресвятой Богородицы с Младенцем-Христом: «Если у Тебя Истина, укажи мне путь, чтобы оставшиеся дни моей жизни были прожиты со смыслом».

Вскоре после этого Евгений познакомился с выпускником Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле Глебом Подмошенским, делавшим во многих городах иллюстрированные доклады о православии и о Русской Церкви За рубежом. Потрясенный услышанным, Евгений под духовным руководством Глеба принял православную веру и, изучив в короткое время русский и церковно-славянский языки, весь отдался на служение Христу. Участвуя в каждодневных богослужениях как чтец-псаломщик в Сан-Францисском Скорбященском соборе, Евгений занялся изучением святоотеческих трудов и при своих блестящих способностях глубоко проникся святоотеческим восприятием православной веры.

С благословения приснопамятного архиепископа Иоанна (Шанхайского) Глеб и Евгений, к тому времени оставивший университет, посвятили себя проповеди православия среди коренных американцев, не забывая при этом и нужды Русской Церкви. Открыв рядом со Скорбященским собором миссионерский книжный киоск, в котором они сначала и жили, Глеб и Евгений стали издавать миссионерский журнал «Orthodox Word» и переиздавать дореволюционные книги о русских подвижниках и старцах. Затем, приняв монашество с именами Герман и Серафим, они основали в калифорнийских горах, около местечка Платина, Свято-Германовский монастырь, ставший в короткое время одним из основных православных миссионерских центров для всех стран, в которых говорят по-английски. Примитивные деревянные домики, сколоченные руками самих насельников, стоящие между сосен на вершине горы с чудным кругозором, деревянная церквушечка, уютная и намоленная, но пронизывающе холодная зимой, стали для них русским севером, той Северной Фиваидой, о которой много писал о. Серафим, откуда прибыл в Америку святой старец Герман Аляскинский.

Но и в этой примитивной жизни о. Серафим спасался от «многолюдия» в им же самим выстроенной хибарке, размером 6 на 10 футов (2 на 3, 5 метра), расположенной в дальнем уголке монастырской земли. Здесь в полном уединении он проводил иногда по несколько недель подряд, переводил труды православных авторов разных стран и периодов, редактировал «Orthodox Word», помогал редактировать миссионерскую газету «Orthodox America», писал статьи и книги и вел

переписку со многими интересовавшимися православием и со своими духовными детьми. Из под пера о. Серафима вышли вдохновенные переводы на английский язык служб прп. Герману Аляскинскому, св. блаж. Ксении Петербургской, св. Новомученикам Российским. Кроме того, о. Серафим написал службу св. Паисию Величковскому, переведенную теперь на церковно-славянский, и акафист владыке Иоанну, которых он особенно почитал. О. Серафим перевел на английский язык труды владыки Иоанна о православном почитании Пресвятой Богородицы, владыки Андрея (Рокландского) о восстановлении православного образа жизни, вл. Аверкия (Сиракузско-Троицкого) «Апокалипсис Св. Иоанна», о. Михаила Помазанского «Догматическое богословие», «Патрологию» И. Концевича, духовные наставления прп. Серафима Саровского, труд св. Симеона Нового Богослова о грехе Адама, жития православных святых Галлии — теперешней Франции, жития Блаженной Анастасии и Марии Олонецкой, жития подвижников Северной Руси — Северной Фиваиды и много других, напечатанных большей частью без указания его участия.

При всем своем стремлении к уединению и созерцанию о. Серафим не прекращал общения с окружающим миром. Несколько раз в году он делал доклады о православии в колледжах, в православных и инославных приходах, на Свято-Германовских съездах молодежи и в других местах.

Первым посмертно опубликованным и самым большим трудом о. Серафима (650 стр. убористого шрифта) является книга «Russia's Catacomb Saints», состоящая из перевода одноименной книги Ивана Андреева (проф. И. М. Андреевского), дополненной материалами и документами из многих других источников, включая самиздат. Этот первый фундаментальный труд о святых Новомучениках Российских на английском языке отражает мировоззрение о. Серафима и его сомолитвенников, глубоко переживающих трагедию России, но верящих в ее духовное возрождение. Одним из признаков грядущего возрождения Руси Православной и несения ею в мир Света Христова подвигом исповедничества является сам Свято-Германовский монастырь, основанный отцами Германом и Серафимом, и его миссионерская проповедь.

После короткой, но тяжелой болезни (перитонит), сопровождавшейся несколькими операциями, о. Серафим, соборовавшись и причастившись Св. Таин, был взят от нас на сорок восьмом году его жизни. Отпевание о. Серафима в Свято-Германовском монастыре,

совершавшееся архиепископом Антонием Западно-Американским и Сан-Францисским и епископом Нектарием Сеаттлийским в сослужении игумена Германа и русского, американского и греческого духовенства, съехавшихся из разных частей Соединенных Штатов, носило характер православного праздника: провожали в вечную жизнь первого природного американца-подвижника, аскета и миссионера, плод проповеди Русской Православной Церкви на Американском континенте.

Вечная ему память.

Прот. Роман Лукьянов

О православной русской женщине[1]

Она принадлежала к тому поколению русских людей в эмиграции, которые родились еще в дореволюционной России и в детском возрасте были вывезены за границу. Это не значит, что с уходом людей этого поколения кончается идейно-этническое бытие русских в изгнании. У нас есть основания утверждать противоположное. Их дети и, пожалуй, особенно внуки, умаляясь в численности, возрастают в крепости православно-русского закала. Однако дети и внуки, будь они лучше или хуже, они не то же, что их отцы и деды, матери и бабушки... У каждого поколения свое лицо.

Алла Алексеевна Бехтеева родилась 15 июня 1909 года в Харькове. Ее отец был вице-губернатором Полтавской губернии. Мать, урожденная Кованько, была убита революционерами на глазах своей девятилетней дочери в то время, как отец находился на фронте... Так началась сознательная жизнь Аллы Алексеевны, скончавшейся 21 августа 1982 года в Париже.

Эвакуированная в Югославию, она там окончила русский институт и вышла замуж за Г. А. Семенова. Волной событий, связанных со Второй мировой войной, они были выброшены в Германию (Мюнхен). Находясь в тех исключительно трудных условиях, в которых тогда находились все русские беженцы, она, найдя больную и немощную старушку, начальницу своего института, вдову генерала Духонина, берет ее в свой дом. Делится с ней последней коркой хлеба и, по ее кончине, предает ее христианскому погребению. А ведь в это самое время у супругов Семеновых было двое собственных маленьких детей и никаких средств к существованию. Этот поступок не случайный, он ха-

[1] Русское возрождение. 1983. I. № 21.С. 217–218.

рактерен для покойной Аллы Алексеевны, человека исключительной доброты и самопожертвования.

Вся ее жизнь — это служение. Она нянчит и воспитывает внуков (дети сына, дьякона Николая, самоотверженного церковно-общественного работника в Париже), работает в братстве «Православное дело», посылает посылки семьям заключенных, заботится о распространении журнала «Русское возрождение», издаваемого к 1000-летию Крещения Руси. Последним ее делом были недавно начатые передачи православных богослужений в Россию. Последние дни перед своей скоропостижной кончиной она трепетно трудилась над составлением статьи для радио в Россию о Пресвятой Богородице.

Когда наступил столь неожиданный ее час (она умерла от инфаркта, никогда ранее не болея сердцем), ее последние слова были: «Господи, если это моя кончина, прости меня. Пресвятая Богородице, помоги».

Так закончился земной путь этой незаурядной русской женщины, всем существом своим отдававшей все, что могла отдать, служению Богу, ближнему и горячо любимому отечеству.

Дай Бог каждому русскому человеку такую осмысленную жизнь и праведную кончину.

Мы закончим выдержкой из письма ее родственника, протоиерея о. Димитрия Хвостова из Брюсселя:

«В лице Аллы Алексеевны наша семья потеряла много. Через ее отца Алексея Сергеевича Алла Алексеевна приходилась мне двоюродной племянницей и была другом нашего раннего детства, когда ее отец жил в Ельце, будучи предводителем дворянства.

Все трудности жизни она переносила мужественно с твердой верой, что Господь поможет одолеть посланные ей испытания. Всегда радушная и по-русски широко гостеприимная, она принимала всех с любовью, предоставляя даже кров и стол каждому нуждающемуся. Будучи высокообразованной, знающей очень много иностранных языков, она своими советами оказывала помощь многим, обращавшимся к ней.

Наше семейное горе, думаю, многие, знавшие ее, разделят с нами и многие помянут ее в молитвах перед Престолом Божиим, как и она, верим, поминает и молится за тех, кого сама любила и знала при жизни».

А. К.

П. Д. Ильинский[1]

Август 1945 года... Мюнхен...

Наша семья по окончании войны попала случайно в Мюнхен: без средств, без крова, без планов на будущее, а только со страхом, так как мы как бывшие советские граждане (по соглашению Рузвельт–Черчилль–Сталин) подлежали депортации в СССР.

В тревоге и смятении я однажды встретила на улице д-ра П. Н. Раевского, знакомого еще по молодым годам. Рассказала о положении нашей семьи. Он меня успокоил и посоветовал повидать о. Александра Киселева, который, наверное, сможет помочь нам.

О. Александр с группой друзей и единомышленников нашел в разоренном Мюнхене дом в плачевном состоянии, с разбитыми стеклами, текущей крышей. О. Александр получил его от американских оккупационных властей, для того чтобы создать там нечто вроде русского центра: открыть церковь, гимназию для русских детей в рассеянии, детский сад, маленький медицинский центр, курсы для сестер и т. д. Весь этот комплекс был назван «Милосердный Самарянин» и оправдал свое название.

Я по профессии педагог, и о. Александр направил меня к директору задуманной гимназии, который жил с семьей, как и многие другие участники его планов, в этом же доме.

Я вошла в указанную комнату: в ней стояло несколько двухъярусных кроватей; вместо стульев — чурбаны. На одном из них сидел Павел Дмитриевич и сапожничал. Он был на все руки мастер, и все, что делал, было сделано как будто бы профессионалом.

Он спросил меня о моей профессии, стаже, образовании, а потом задал мне последний вопрос:

– А вы в Бога веруете?

И по тому, *как* он задал мне этот вопрос, я поняла, что для него это не последний вопрос, а первый и самый важный.

И вот началось наше сотрудничество, продолжавшееся 4 года, и дружба, продолжавшаяся до его смерти.

Редко можно было встретить человека с таким цельным характером. Никогда ни одного отклонения в сторону, всегда прямая дорога. Это был монолит, на которого можно было опереться с уверенностью, что слово у него не разойдется с делом, что он положит все свои силы, чтобы добиться того, что он поставил себе целью. А целью его было в

[1] Русское возрождение. 1983. II. № 22. С. 208–214.

это время — служение русскому юношеству и приобщение его к русской культуре, церкви и знаниям.

Гимназия была вскоре открыта. Со всех концов Германии собрались русские дети разного возраста (от 7–8 до 16–17 лет). Кто из Чехии, кто из Сербии, кто из Советского Союза. У старших из-за войны перерыв в образовании в 3–4 года, часть ребят — с разрушенными семьями, часть ютится в мюнхенских руинах, все истощенные и потрясенные пережитым. И всю эту пеструю массу нужно было вырвать из психологической обстановки военного времени и вернуть их к нормальной молодой жизни, с интересами, направленными на знание, духовные интересы. Им нужно также было внушить, что гимназия — их дом, и они должны помочь строить его.

Во главе с о. Александром старшие ребята крыли крышу, из руин разбомбленных домов таскали парты, скамьи и т. д. Павел Дмитриевич со старшими — до кровавых мозолей — чинил, строгал, привинчивал что-то. Не было книг, бумаги, карандашей. Все надо было создавать заново.

Помню: достали где-то учебник истории Платонова, и Павел Дмитриевич с несколькими преподавателями несколько суток, без перерыва, переписывал от руки этот увесистый учебник. Все готовы были помочь!

Поражало то, как Павлу Дмитриевичу удалось организовать нормальный учебный процесс, создать дисциплину среди 300 разношерстных учеников. Сам всегда подтянутый, быстрый, точный, он требовал того же от ребят. И, просто глядя на него, многие тянулись подражать ему, прислушивались к тому, что он говорил, чему учил словами и примером.

Гимназия в конце своего пятилетнего существования была немецкими властями приравнена в правах к немецким гимназиям, свидетельства об окончании ее подписывались представителями немецкого отдела образования, которые присутствовали при выпускных экзаменах.

При гимназии был организован ряд кружков:

религиозно-философский — его вел профессор-богослов М. А. Янсон,

литературный, где, например, проф. И. А. Андриевский прочитал доклады о Пушкине, Достоевском, Серафиме Саровском;

драматический, где выступали первоклассные артисты (С. Н. Дубровский). Они же помогали нашим ученикам в их постановках (Чехов, «Ночь под Рождество» и т. д.);

исторический;

художественный кружок. Его вел Павел Дмитриевич. Чтобы привлечь молодежь к искусству, такому дорогому его сердцу, он водил учеников в музеи, устраивал поездки в Регенсбург, Пассау и т. д.

Глубокие знания в области изобразительного искусства и увлечение им, которое он передавал своим ученикам, остались с Павлом Дмитриевичем до конца его жизни. В скромной квартире его в Н.-Йорке картины или репродукции занимают каждое свободное место на стенах. Входишь — как в музей!

Занятия начинались с чтения молитвы в общем зале. Это сразу же настраивало на серьезный лад и заставляло подтянуться. Достаточно было посмотреть на фигуру Павла Дмитриевича, стоящего прямо, навытяжку, и этим подчеркивающего благоговейную торжественность этой молитвы.

Когда я увидела первый раз за более чем четверть века знакомства, что Павел Дмитриевич, после первого сердечного припадка в Нью-Йорке, во время службы в церкви сел на стул, — я поняла, что он не просто болен, а тяжело болен.

В окрестностях Мюнхена «Милосердный Самарянин» устраивал детские летние лагеря, которые потом стали скаутскими, где постоянно присутствовал о. Александр и часто наезжал Павел Дмитриевич.

На Страстной Неделе старшие ребята снаряжались Павлом Дмитриевичем в монастырь св. Иова, под Мюнхеном. Несколько дней наши ученики проводили там, чтобы поговеть. А в свободное от монастырских служб время они помогали монастырю в разных работах. Помню даже, как ученики проложили дорогу ко входу в церковь и замостили ее. Павел Дмитриевич разделял с ними и труд, и говел с ними.

И вот еще одна картина встает в памяти...

М. А. Янсон написал икону для монастыря св. Иова. Икона большая. Транспортных средств нет. И вот Павел Дмитриевич организует доставку этой иконы к Празднику Св. Пасхи — в монастырь. Несколько учеников, сам М. А. Янсон, Павел Дмитриевич и еще несколько человек берутся донести икону, держа ее с 4-х сторон над головой, на вытянутых руках. А идти надо через весь Мюнхен, а потом дивным парком в окрестностях Нимфенбурга. Весна... все усыпано фиалками. Идем, как на паломничество.

Среди несущих и друг Павла Дмитриевича И. А. Курдюков, которого Павел Дмитриевич вместе с его двумя дочерьми при наступлении Красной Армии вывез из Белоруссии с собой. Все трое жили потом в

Мюнхене в комнате, где жил Павел Дмитриевич с семьей. И. А. был потом сторожем в гимназии, звонил к началу и к концу уроков, а в свободное время не расставался с Библией или Евангелием. По приезде в Нью-Йорк он принял монашеский сан и скончался в монастыре Магопак.

Будучи человеком максимально энергичным, всегда чем-то занятым, не знающий слова «праздность», П. Д. старался прививать это и ученикам своим. Если заболевал кто-то из преподавателей, то он немедленно замещался другим. А если свободного не было, то Павел Дмитриевич сам или кто-либо из преподавателей читали в классе что-нибудь из классической литературы. (Помню восторг младших при чтении «Князя Серебряного».)

Каждая минута в стенах гимназии должна была что-то дать учащимся.

Гимназия работала в две смены. Павел Дмитриевич бывал бессменно в гимназии с 8 утра до 9 вечера, а то и позже. А зимой, до прихода преподавателей, он колол дрова и топил маленькую печурку в своем «кабинете», где согревались замерзшие. Одна из наших преподавательниц (теперь в Аргентине) жила за 200 км и приезжала на три рабочих дня, ночуя то у кого-то из преподавателей, или в пустом классе, и Павел Дмитриевич после 12 часов на ногах собирал ей одеяла и подушки и устраивал ложе поудобнее.

Свое отношение к делу, свою трудоспособность Павел Дмитриевич проявил и по приезде в Нью-Йорк, когда он устроился на физическую работу. Видно, она-то и подорвала его сердце. Приходилось выходить из дому затемно, поздно возвращаться домой, справляться с трудностями физического труда. Но, если он взялся за него, то он и выполнял его с полной ответственностью. И при выходе на пенсию получил самые лучшие отзывы, благодарность и много внимания от дирекции и персонала.

Спортивный, всегда в движении, он любил далекие прогулки, с ночевкой где-то в школе или просто на лоне природы. Эти прогулки всегда имели цель: побывать в том или ином музее или соборе и т. д.

Помню одну такую прогулку. Устав, присели в тени, развернули взятый с собой скудный завтрак. И вдруг Павел Дмитриевич говорит:

– А хорошую нам погоду старик сегодня послал...

– Какой старик?

– Да, Серафим Саровский же...

И я поняла, что это не слова, а глубокое убеждение, что милость св. Серафима Саровского для него так же реальна, как получение посылки или письма по почте.

Вся кипучая деятельность его, его горячая реакция на все мировые события и проблемы никогда не заглушали в нем главного: его глубокой веры, его ясного понимания, где добро и где зло, его вечная и упорная борьба с этим злом. По прибытии в США он читал лекции в клубах при церквах, в литературных кружках, писал статьи, и темы его были или искусство — дар Божий, или духовные и богословские проблемы. Последняя его работа «О душевном и духовном» была напечатана в № 19 журнала «Возрождение».

Каждый, пути которого перекрестились с его путем, выносил что-то глубинное и важное от этого общения.

Теперь он ушел от нас. Но он все равно живет в каждом, кому он когда-то что-то дал. Он вырастил плеяду молодых людей, и когда мы говорим о их успехах и достижениях, то мы знаем, что семя их всхода и цветения было заложено им. Он был учителем, наставником в моральных проблемах, примером того, что такое человек, в котором живет Дух Божий.

И я уверена, что многие сохранили о Павле Дмитриевиче ту благодарную память, которую и я ношу в душе.

Л. Т.

Памяти старого друга[1]

В Вашингтоне (США) 24 сентября 1983 года скончался философ Сергей Александрович Левицкий.

В системе своей философии он был близок к Н. О. Лосскому, учеником которого был и память о ком хранил всю жизнь.

Один из основных моментов учения Лосского, самим им определенный как «идеал-реализм», глубоко вошел в творческую душу Сергея Александровича. На нем Сергей Александрович строил свое «органическое мировоззрение». Он пишет то, что, по его собственному выражению, могло бы стать «проекцией христианства» в нашу жизнь.

Покойный был автором ряда философских книг: «Основы органического мировоззрения», «Трагедия свободы», двухтомника «Очерки по истории русской философии и общественной мысли» и других. Его философские статьи, напечатанные в русских, американских и

[1] Русское возрождение. 1983. IV. № 24. С. 203–205.

немецких журналах, были весьма многочисленны. Он был верующий православный человек и горячий русский патриот.

Мы помним его недавние статьи на страницах местной русской прессы, где он защищал русский национализм от столь распространенного теперь толкования его как русского шовинизма. Сергей Александрович спокойно и убедительно писал, что «национальная исключительность чужда русскому духу, и поэтому и русский национализм не имеет в себе того резкого разграничения на "наших" и "не наших", которое свойственно большинству других национализмов. И если большинство других национализмов нацелено против какого-либо традиционного "врага", то в русском национализме нет этой отрицательной нацеленности».

Тут к месту было бы вспомнить горькие слова Н. А. Бердяева, обращенные к тем же «клеветникам России», с которыми полемизировал Сергей Александрович: «Вы готовы были, — пишет Бердяев, — признать национальное бытие и права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать».

Моя дружба с Сергеем Александровичем началась с детства. С Сережей мы встретились в 1922 году в Эстонии, куда эмигрировали наши родители. Он, будучи на год меня старше (он родился в 1908 году), ввел меня в ряды русских скаутов в Ревеле. Сережа происходил из старинной морской семьи, преисполненной традициями: перед дедушкой (адмиралом) в семье стояли чуть ли не на вытяжку. Сергей должен был знать (и знал!) названия всех кораблей русского военного флота. Он искренне возмущался, когда я не мог отличить дредноута от канонерки.

Всем нам, русским беженцам, жилось нелегко. Отец Сергея, капитан 1-го ранга, зарабатывал на прокормление семьи тем, что сопровождал игрой на рояле в кинематографе немые кинофильмы. Звуковых в то время еще не было.

Сергей Александрович, исключительно умный, талантливый и блестяще образованный, более 20 лет был профессором в Джорджтаунском университете в Вашингтоне. В частной же жизни он был большим чудаком. Иногда люди его не понимали, и на этой почве с ним происходило немало необыденных происшествий, нередко приносивших ему вред.

Если бы не жена, его верный друг и хранительница, то вряд ли Сергей Александрович мог бы быть столь успешным в работе и избежать многих трудностей.

В лице покойного Сергея Александровича мы потеряли большую культурную силу. И без того обедневшая русская эмиграция понесла еще одну очередную потерю.

Пожелаем же, чтобы то высокое, что мы ценили у покойного в области умственной, Праведный Судия нашел бы и во всех других сторонах его жизни. Он Христа-Бога любил искренне и глубоко. Да будет же итог его жизни оценен в вечности «по суду любящих имя Твое».

Прот. Александр Киселев

Вечная память[1]

Вновь и вновь напоминая всем нам об убийстве Татьяны Зеленской, редакция нашего журнала прежде всего хочет призвать всех к скорби и молитве о невинно убиенной рабе Божией Татьяне.

Это убийство касается не только людей русского происхождения, но всех жителей Америки. Если выражение американского «горячего патриотизма» примет подобные формы, то это откроет двери резне всех против всех и повергнет страну в хаос. Нужно молиться о спасении Америки, страны, которая начала свое историческое бытие с любви к Богу и свободе. Убийство Татьяны Зеленской не одно из убийств, о которых мы во множестве слышим ежедневно и к которым притупляются наши реакции. Этот выстрел в Татьяну Зеленскую был выстрелом в сердце самой Америки — страны свободы. Выстрел в отдаленной деревне штата Вермонт стал той точкой, с которой начинается развилка американской жизни. Или американский народ услышит его и поймет его значение, или отмахнется и пройдет мимо...

Боже, спаси Америку!

Редакция

[1] Русское возрождение. 1984. I. № 25. С. 181.

24 октября 1983 г. в штате Вермонт была убита русская молодая женщина. Убийца считал, что, убивая русскую, он таким образом мстит за убитых в Бейруте американских солдат. — *Примеч. редакции журнала.*

Памяти Геннадия Андреевича Хомякова[1]

Седьмого февраля мы похоронили на Лейквудском кладбище под Нью-Йорком Геннадия Андреевича Хомякова, писавшего обычно под псевдонимом Геннадий Андреев. Это был один из заметнейших деятелей печатного слова второй послевоенной эмиграции, писатель и журналист, редактор и издатель. Был он родом волжанин, из-под Царицына, Волгограда — по-теперешнему, видный собой и крепко сложенный, но подкосил его на восьмом десятке недуг, с которым пока не может справиться и самая искусная медицина: рак!

В сборнике «Литературное зарубежье», составленном мною в 1958 году, я поместил повесть Геннадия Андреева «Соловецкие острова». В биографической справке к повести он пишет о себе: «После окончания средней школы, в 1926 году, начал работать в губернской газете. Тогда же напечатал несколько рассказов. Через год был арестован и осужден ОГПУ, по 58 статье, на 10 лет концлагеря».

Следующую автобиографическую цитатку беру из первой большой книги Геннадия Андреева «Горькие воды», вышедшей в 1954 году в Западной Германии. Книгу открывает очерк «Выход из преисподней» — о сладостном дне освобождения из-за проволоки: «Всему приходит конец, и судьба иногда меняет гнев на милость. Два раза погрозив расстрелом и восемь лет протаскав по всем кругам концлагерного ада, в 1935 году судьба вызвала меня к столу освобождения Учетно-распределительного Отдела одного из больших лагерей... Мне можно было ехать в любое место Советского Союза, за исключением сорока одного города».

Дальше в очерке рассказывается о безнадежных попытках устроиться на работу с единственным документом — справкой из лагеря и потом — о мыканье по разным временным службам. Мыканье это обрывает война, а в 1942 году на Крымском фронте Геннадий Андреев попадает в плен. Повесть об этих днях «Минометчики» позже печаталась в нью-йоркском «Новом журнале». «После плена, — читаем дальше, — я остался на Западе и в 1946 году, после почти двадцатилетнего перерыва, вновь занялся литературной работой».

Примерно в конце сороковых годов мы с ним и познакомились. Человек волевой, бескомпромиссно отвергающий коммунизм, он поражал меня огромной работоспособностью и разнообразием творческих и организаторских начинаний. Все это — сверх основных служебных занятий — работы сначала в «Голосе Америки», а затем, вплоть до

[1] Русское возрождение. 1984. I. № 25. С. 182–184.

выхода в отставку, — на радио «Свобода», где его редакторская работа всегда была тщательна и ценима.

В Мюнхене мы с ним организовали «Товарищество зарубежных писателей», руководил которым он один, выпустив около двадцати книг, в том числе несколько томов альманаха «Мосты». В этом альманахе, который он редактировал и считал любимым своим детищем, участвовали выдающиеся авторы того времени: Г. Адамович, Н. Берберова, А. Бахрах, В. Вейдле, Г. Газданов, М. Джилас, Б. Зайцев, А. Ремизов, Ф. Степун, Г. Струве, В. Франк, Д. Шуб и др.

Печатался Геннадий Андреевич и как публицист под псевдонимом Н. Отрадин. После его переезда в Нью-Йорк в газете «Новое русское слово» появляются еженедельные его статьи «серийного» характера общественно-политической и злободневной тематики.

Редакторскую работу он продолжает и после выхода на пенсию: в 75—76 годах он соредактор «Нового журнала»; а в 80 и 81 он редактирует журнал «Русское возрождение».

Я ценил логическую крепость его статей и точность формулировок, но в творчестве его меня привлекала прежде всего его повествовательная проза — сдержанная и вместе чрезвычайно живая и выразительная. Его повесть «Трудные дороги», где рассказывается о попытке бежать из Соловецкого концлагеря, я считаю одним из самых ярких произведений лагерной темы. Хороша и повесть «Соловецкие острова», о которой я уже упоминал выше, — рассказ о пережитом, каторжно-бытовом увлекательно перемежается с лиризмом пейзажа.

Вот хотя бы такие строчки: «Хорошо в предвечернее время разыскать одно из бесчисленных соловецких озер, окаймленных большими валунами, покрытыми вековой темно-зеленой плесенью. Вода в озере не шелохнется, она застыла, как черное зеркало, а в него смотрятся застывшие на берегу высокие сосны. Непроглядны воды озера, но я сажусь на камень и долго, долго смотрю в черную гладь: мне все кажется, что в одном из этих, так похожих одно на другое озер сквозь холодную воду непременно покажутся колокольни Китеж-града, спрятавшегося где-то тут, на дне... Тоска, тоска...»

Среди деятелей зарубежной русской литературы, так ожесточенно замалчиваемой на нашей родине, Геннадию Андрееву (Хомякову) принадлежит заметное и светлое место. Я уверен, что написанное им станет со временем предметом внимания и описаний грядущих литературоведов.

И это будет лучшим ему памятником.

Леонид Ржевский

Памяти профессора Сергея Александровича Левицкого[1]

24 сентября 1983 года неумолимая смерть вырвала из наших рядов одного из последних представителей Серебряного века русской культуры, русского национального мыслителя и писателя-философа, профессора Сергея Александровича Левицкого, бывшего сотрудником и «Русского возрождения».

Несмотря на его болезнь, кончина С. А. была для всех неожиданной. Еще 5 сентября этого года мы с ним сидели рядом на заседаниях 7 съезда Русской Православной общественности в имении «Отрада» под гор. Нью-Йорком. Оттуда мы вместе и возвращались в Вашингтон. За шестичасовую поездку о многом говорили. Он очень хвалил устроителей 7 съезда и хорошо составленную программу с ценными и интересными докладами.

Вообще С. А. почти никогда не пропускал русских общественных собраний, считал необходимым поддерживать деятельность и Литературного фонда, и Конгресса русских американцев, постоянно выступал с интересными докладами в культурно-просветительном отделе прихода святого Иоанна Предтечи в Вашингтоне и редко пропускал Богослужения. В честь 75-летия д-ра Левицкого было организовано в приходе торжественное его чествование с поднесением специального адреса.

Когда мы возвращались со съезда, мы были поражены необыкновенной памятью С. А., когда он легко декламировал длинные и редкие стихотворения Гумилева, Блока, реквием Ахматовой, приводил длинные цитаты из книг.

Среди элиты наших соотечественников в зарубежье покойный С. А. представлял неоспоримую величину как национальный мыслитель и ученый с европейским именем. В Германии, Австрии, Франции и Испании печатались и переводились его статьи. Капитальным трудом покойного были его «Очерки по истории русской философской и общественной мысли», которые вышли в двух томах. Эти «Очерки» выйдут в немецком переводе в Германии в будущем году.

Некоторые критики проф. С. А. Левицкого не всегда правильно понимали его мысли, ибо эти критики исходили в своих рассуждениях из своего ума и своего, разного с ним, человеческого подхода, тогда

[1] Русское возрождение. 1984. I. № 25. С. 185.

как С. А. в своих рассуждениях исходил из высшего разума и из глубин духа человеческого.

Что, например, можно сказать в наш век о таком труде покойного, как его «Трагедия свободы», или как можно критиковать его замечательный труд «Основы органического мировоззрения»? Лебединой песней С. А. была замечательная статья верующего православного христианина под названием «Этюд о смерти». В этой статье покойный С. А. писал: «Отрицание смысла смерти приводит к отрицанию смысла жизни. И нежелание принять смерть тождественно с нежеланием принять жизнь...». Этой статьей проф. С. А. Левицкий закончил свой земной опыт и перешел в мир, где «нет печали и воздыхания...».

Ушел от нас мыслитель исключительной величины, необыкновенно цельный, поражающий своей спокойной, прекрасно аргументированной силой убеждения. Он никому не навязывал своих убеждений, в дискуссиях был всегда корректен и выдержан. Казалось, что С. А. подошел вплотную к познанию Истины.

Прекрасную статью о покойном написал редактор НРСлова Андрей Седых, назвав скончавшегося русского зарубежного мыслителя «бессмертным в памяти друзей и читателей».

Трудным и тернистым был нелегкий жизненный путь покойного С. А. Левицкого. Но на всем протяжении этого своего пути верный сын России — С. А. Левицкий в любой обстановке и обстоятельствах звал нас к продолжению борьбы за освобождение России, звал к духовному возрождению русских людей там и здесь и умело будил в нас веру и бодрость.

Вся научно-философская и академическая деятельность проф. С. А. Левицкого была примером достойно пройденного пути в напряженном труде, результатом которого явились его ценные книги, 250 статей и публикаций в десятках журналов и газет, как русских, так и иностранных, его блестящие лекции и доклады, в которых ярко выявился талант мыслителя, ум и мастерство писателя, вдохновение, благородные порывы сердца и души, обращенные всегда к исторической России. Ученик Лосского и близкий к мировоззрению проф. Ивана Ильина, профессор Сергей Левицкий исповедовал и проповедовал прежде всего веру во Всемогущего Бога-Спасителя цельно, с разумом. Такая его вера добывалась любовью. Покойный мыслитель утверждал, что «СМЫСЛ СВОБОДЫ в том, чтобы САМОМУ НАУЧИТЬСЯ ЛЮБИТЬ». И совесть, по Левицкому, движется силою веры и любви.

И семья есть ПЕРВОЕ ЛОНО любви и веры. И родина постигается любовью и строится верою. И национализм, о котором он так хорошо писал, есть не что иное, как «любовь к своеобразной ДУХОВНОСТИ СВОЕГО НАРОДА И ВЕРА В ЕГО ТВОРЧЕСКИЕ, БОГОМ ДАННЫЕ СИЛЫ!»

Таков был путь, начертанный покойным для русского духовного ОБНОВЛЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ! Иного пути нет и ТОЛЬКО ЭТИМ ПУТЕМ ОН УБЕЖДАЛ НАС ИДТИ!...

Владимир Бутков

Ольга Николаевна Анстей[1]

Ольга Николаевна Анстей родилась в Киеве в 1912 году. Ее отец был юристом, а мать учительницей гимназии. Она провела молодость в Киеве в тяжелые годы послереволюционной разрухи, сталинского террора и искусственного голода. Окончив высшие курсы иностранных языков, работала машинисткой и переводчиком. Писала стихи с детства, но в России не печаталась. Во время Второй мировой войны была вывезена в Германию и с 1950 года жила в Нью-Йорке, где работала переводчиком в Организации Объединенных Наций. Издала два сборника стихов — «Дверь в стене» (Мюнхен, 1948) и «На юру» (Нью-Йорк, 1976). Ее переводы, рецензии и статьи появлялись во многих эмигрантских изданиях. С 1967 года Ольга Николаевна была больна раком. Лечение сперва было успешным; болезнь распространялась, но медленно. За год до смерти метастаз рака перешел на мозг. Умерла О. Н. 30 мая 1985 г.

Ольга Николаевна страстно любила литературу и поэзию; могла часами читать наизусть стихи, как русских, так и немецких, французских и английских поэтов. Остроумная и веселая, она часто писала для своей семьи и друзей шутливые стихи, которые называла «моя десятая муза». Ее любовь к природе была по интенсивности почти языческой, и в то же время она была глубоко верующим человеком, не мыслившим своей жизни отдельно от церкви, где она долгие годы была псаломщиком. Круг церковных праздников и смена времен года в природе нераздельно переплетались в ее творчестве.

Вплоть до последних месяцев болезни жизнерадостность и энергия Ольги Николаевны были поразительны. Уже тяжко больная, она всю Заутреню и Пасхальную Литургию просидела в церкви (стоять

[1] Русское возрождение. 1985. III. № 31. С. 199.

она уже почти не могла). За две недели до смерти она сказала дочери: «Я начну понемногу отходить».

В этот же день пришел отец Александр и причастил ее. Вскоре она совсем перестала принимать пищу, а затем и воду. Скончалась она очень тихо, в то время как отец Александр читал над ней молитвы на исход души.

У могилы друга[1]

Я стою перед могилой своего друга, отца Владимира. Вся могила в цветах, и по краям ее мерцают зажженные свечи.

20 августа ушел из земной жизни друг, и появился в жизни небесной заступник и молитвенник.

Я знала архимандрита Владимира еще под его мирским именем, как Василия Сухобока, моего соученика по выпускному классу в Русской Вильгельмстальской гимназии в Германии. Он был жизнерадостным, приветливым, остроумным юношей, занимавшимся с одинаковым удовольствием всеми предметами, кроме латыни. «О, лингва латина, могила моя» — пели мы о нем на выпускном вечере в нашем «Журавле». У Васи Сухобока было много друзей — вся гимназия. С ним было просто невозможно не дружить. Для каждого соученика он находил добрые слова, безобидные шутки, при прощании — самые сердечные и искренние пожелания счастья и благополучия.

И когда по прошествии нескольких лет после окончания гимназии мы узнали, что он принял постриг и стал монахом в Свято-Троицком монастыре, это как-то никого не удивило. Только долго, я лично, не могла без запинки называть его отцом Владимиром, вместо «Васеньки».

У отца Владимира было немало забот и хлопот в возглавляемой им монастырской канцелярии и книжном магазине-складе. Он живо интересовался всеми новинками в мире книг, выписывая все, что было доступно. Знал не только духовную литературу, но и художественную, радуясь новым в ней веяниям у таких писателей, как Шукшин, Распутин, Балашов, Белов и др.

Круг его друзей непрестанно расширялся. Он привлекал к себе людей всех возрастов, профессий, «волн» эмиграции. Никогда не забуду восклицания одной молодой девушки, увидевшей его в первый раз в монастыре: «Боже мой, так ведь это же не человек, это ангел, посланный на землю!» Милые русские старушки и почтенные университет-

[1] Русское возрождение. 1988. IV. № 44. С. 283.

ские профессора обращались к нему за советом. Как-то раз я возвращалась домой из церкви на такси. Таксист оказался русским, недавно попавшим в США. Завязался разговор, во время которого он сказал, что его духовный наставник — отец Владимир.

Мы с мужем навестили отца Владимира через две недели после перенесенной им тяжелейшей операции. Он уже не сбегал, как раньше, через две ступеньки вниз по лестнице, но все же довольно быстро, со свойственной ему живостью вышел к нам навстречу. В глазах светились искорки радости, приветливая улыбка озаряла похудевшее и побледневшее лицо. Ни на что не жалуясь, сказал что теперь ему лучше, что вот только устает после сеансов облучения. А потом все интересовался делами нашей семьи, нашими новостями, совершенно забыв о себе.

Это была наша последняя с ним беседа, последнее благословение, последний подарок нашим детям — свадебные иконы для них.

Небесный заступник и молитвенник, отче Владимире, моли Бога о нас!

Зоя Трифунович

Воспоминания о друге[1]

Отец Димитрий Гизетти был мне как бы младшим братом. Знал я его в Эстонии юношей, когда сам был еще молодым священником. Встретились мы вновь в послевоенной Германии. Отец Димитрий — тогда еше Митя Гизетти — был мобилизован в Эстонии в советскую армию и дважды ранен. Несмотря на это, он сумел выбраться из сталинской России, которая в то время интенсивно увозила всех своих граждан, пытавшихся укрыться в Германии. Навстречу Гизетти шли эшелоны за эшелонами с насильно увозимыми русскими людьми, он шел, таясь как вор, своим неимоверно тяжелым и опасным путем «против течения», чтобы найти на Западе ту девушку, которую давно любил.

В Мюнхене, в Доме «Милосердный Самарянин», Митя Гизетти становится близким мне по духу помощником. В Синоде, как в импровизированной семинарии, он сдает зачеты и экзамены. Женится на своей дорогой Марите и вскоре становится священником.

Вот я с семьей в Америке. К нам в Нью-Йорк переезжают и Гизетти с младенцем, сыном Серафимом, и мы вместе живем в нашей малюсенькой приходской квартире. Вместе создаем приход имени

[1] Русское возрождение. 1989. III–IV. № 47–48. С. 291

преподобного Серафима, вместе служим, вместе работаем, устраивая детскую русскую школу, почти гимназию, летний детский лагерь... У отца Димитрия был дар утешать и заботиться о больных. Госпиталя занимали большую часть его пастырской жизни. Между людьми существовало мнение, что молитвы отца Димитрия как посредника в молитвах к Богу действенно помогают.

Наступила пора о. Димитрию встать на самостоятельную пастырскую дорогу. Он уезжает на Западное побережье в Портланд, затем в Лос-Анжелос, где за время от 1957 по 1979 годы сверх всего прославился еще как организатор и строитель. Слово «прославился» в этом случае отнюдь не преувеличение.

Прихожане в юбилейном приходском сборнике писали: «...мы все признаем, что то, что он сделал для нас, превзошло то, что другие, возможно, могли бы сделать в неизмеримо больший срок, если вообще смогли бы сделать. И даже теперь мы чувствуем, что его молитвы все еще поддерживают и утешают нас».

С уходом за штат по причине тяжелой и гнетущей болезни начинается его, а вместе с ним и его матушки поистине крестный путь...

Отца Димитрия нет больше среди нас, но то добро, которое через его посредство вошло в мир, будет жить вечно. Память человеческая не вечна, но то, что вошло в сознание или подсознание тех, которые с этим добром соприкоснулись, неистребимо. Оно, как некие духовные гены, даже вне участия нашего сознания передаются потомству. Потому блажен человек, творивший добро.

Первая ласточка не делает весны, как и первая снежинка — зимы, но поток даже самых мельчайших частиц добра, идущих из души доброго человека, удерживает мир от гибели. Потому нет сомнения, что Господь примет жизненный труд отца Димитрия, как и его матушки, и дарует ему вечный покой, а матушке Маргарите много сил на продолжение служения Вечному.

Протопресвитер Александр Киселев

Памяти выдающегося русского человека[1]

В этом году исполняется 20 лет кончины русского патриота, героя на войне и жертвенного общественного деятеля в эмиграции, военного летчика капитана Бориса Васильевича Сергиевского.

[1] Русское возрождение. 1991. II. № 54. С. 123–127.

«Имя Бориса Васильевича Сергиевского широко известно не только в Нью-Йорке, в Соединенных Штатах Америки, но и в Европе всем, кто занимался русской общественной деятельностью. Его смерть была для многих русских общественных и благотворительных организаций невознаградимой потерей, равно как и для многих отдельных русских, которым без отказа помогал Борис Васильевич как материально, так и своими компетентными советами.

Человек необыкновенной доброты и доброжелательности, он не ограничивал круг своей деятельности только материальной помощью. Он возглавлял или принимал самое деятельное участие во многих русских обществах, в русских культурных предприятиях, возглавлял несколько военных обществ, много помогал Церкви и церковным кругам.

Борис Васильевич родился в Царском Селе, окончил Одесское реальное училище и строительное отделение Киевского политехнического института. По окончании его отбывал воинскую повинность в 129-м Бессарабском пехотном полку и в 1912 году был произведен в офицеры запаса. При общей мобилизации 1914 г. был призван в ряды 125-го Курского пехотного полка, с которым вышел на войну и в рядах которого провел почти всю войну. Тольку в марте 1916 года был откомандирован в 25-й Авиационный отряд, откуда в октябре 1916 г. назначен в Севастопольскую авиационную школу, которую успешно окончил в мае 1917 года со званием военного летчика.

Ниже мы приводим воспоминания Б. В. Сергиевского о войне, революции и последующей жизни. За рубежом было издано значительное количество трудов и воспоминаний высшего командного состава русской армии, записок же или воспоминаний низшего командного состава, проведшего почти всю кампанию Первой Великой войны, сравнительно не много.

Воспоминания, оставленные Борисом Васильевичем, представляют значительный интерес, потому что написаны наблюдательным и храбрым офицером, все время находящимся на фронте и описывающего, как им воспринимались боевые действия нашей армии.

Храбрость, находчивость и инициатива младшего командного офицера представляет собой интерес в воспоминаниях Бориса Васильевича. Это тем более интересно, что сам автор описывает это, как обычное поведение офицеров его полка, а не как свои исключительные качества. Наоборот, все лишения и трудности боевой жизни принимаются без ропота, как простое исполнение долга офицера.

Будучи прапорщиком запаса, Б. В. Сергиевский удостаивается наивысшей боевой награды — награждение офицерским орденом св. Георгия, отличие, которое дается только храбрейшему из храбрых. Из нескольких сот тысяч офицеров это отличие получали лишь единицы обер-офицеров, а прапорщиков было всего несколько человек на всю армию. В числе одних из первых был прапорщик Б. В. Сергиевский.

Поэтому "Воспоминания" этого скромного русского героя и патриота заслуживают особенного внимания» (С. 7–8).

Заимствуя вышесказанное из книги «Борис Васильевич Сергиевский. 1888–1971», я хотел бы от лица Свято-Серафимовского фонда и от себя лично добавить еще несколько слов об этом выдающемся человеке. После смерти первого председателя Свято-Серафимовского фонда проф. М. М. Карповича мы просили капитана Сергиевского стать нашим новым председателем. Ожидая скорее отказ от этого известного и богатого человека, мы были удивлены той легкостью, с которой он дал свое согласие. В течение 12 лет, вплоть до его кончины, я был его вице-председателем и имел возможность многократно с ним общаться. Имея склонность к деятельной жизни, я вынужден был всю мою священническую жизнь, так сказать, ходить с протянутой рукой, изыскивая средства то на одно, то на другое требующее средств начинание. Я хорошо знаю этот нелегкий труд — просить деньги. Потому, наверное, в моей памяти я храню то поразительное отношение Бориса Васильевича к его собственным деньгам, как бы к чужим. Он не старался найти причину, чтобы отказать, и мы не раз сиживали, когда его ресурсы были исчерпаны, обдумывая, где было бы возможно получить необходимое. С таким отношением богатого человека к деньгам я встретился, пожалуй, чуть ли не единственный раз.

Патриотизм и доброта, при широком взгляде на вещи, — эти характерные русские черты, да сохранятся они в потомстве нашем.

Может быть, сейчас, когда мы живем в атмосфере узости церковных взаимоотношений, мне следует рассказать и о его взгляде на церковные распри. Когда православная русская митрополия в Америке отказалась от русского имени, я не хотел в ней далее оставаться и стал искать себе иное пристанище. В разговоре на эту тему Борис Васильевич мне сказал, что, хотя ему лично ближе всего Синодальная Церковь за рубежом, но что он никакого давления на меня не окажет и своего отношения к Св.-Серафимовскому фонду не изменит, как бы я не поступил. Кроме того, он предложил мне оплатить полет в Париж или еще в какое-либо другое место для советования по этому вопросу. Раз-

говоры на эти темы нас очень сблизили, и, наверное, в этом причина того, что в своем духовном завещании он указал, что его хоронить и отпевать должен лично я в единственном числе.

Протопр. Александр Киселев

Памяти Ю. В. Изместьева[1]

Жестокие исторические сдвиги, мировые и гражданские войны XX века в России и во всем мире, ставшие причиной гибели многих миллионов людей, одновременно породили, однако, характерный человеческий тип — волевой, целеустремленный, знающий свое место в борьбе за исконные ценности, против воинствующего зла. Наличие в мире острейших идейных конфликтов во многих случаях требовало от этих людей исключительной нравственной твердости, ответственности и готовности принимать решения. Такие люди не хотели и не могли стоять в стороне от событий. Острое чувство долга в труднейших условиях подсказывало им верный путь. Они, рядовые участники Белого движения, вожди Белой армии, десятки и сотни тысяч людей, в разное время и в разных условиях боролись за свободную Россию. Многие погибали — эпоха людей не щадила. Лишь единицам удалось все это пережить и в какой-то мере донести свой опыт до нашего времени, которое в новых формах продолжает борьбу и ставит нам свои требования.

Недавно умерший в Нью-Йорке Юрий Владимирович Изместьев принадлежал к поколению людей, которые почти детьми уже оказались вовлеченными в активную, целеустремленную борьбу против коммунизма. Четырнадцати лет, в 1917 году, Ю. В. Изместьев в Одессе стал участником Белого движения. ЧК восемь раз ставило подростка к стенке — от него безуспешно добивались показаний относительно одесских белогвардейских организаций. После эвакуации Ю. В. вместе с сестрой и матерью (его отец, первый возвращенец из немецкого плена, погиб в Одессе) попал в Югославию, где окончил кадетский корпус и университет (в Загребе). По образованию он был экономист, одно время служил в банке. В Югославии Юрий Владимирович стал членом НТС. Он был одним из первых членов этой молодой тогда организации (принадлежал к группе Байдалакова). Во время Второй мировой войны ему удалось снова пробраться в Одессу, где он опять

[1] Русское возрождение. 1991. II. № 54. С. 176–179.

активно включается в борьбу за свободу России, часто приходилось бороться, так сказать, на два фронта — против коммунистов и против немцев. У немцев в то время были, как известно, свои планы относительно России, не имевшие ничего общего ни с русскими интересами, ни с той борьбой, которая тогда велась. В Одессе Ю. В. постоянно подвергался опасности со стороны Гестапо. При отступлении из Одессы немцы даже не захотели дать Ю. В. места в последнем эшелоне эвакуации. Ему, однако, удалось вырваться в Румынию, где он был арестован. В Гестапо ему снова грозил расстрел, его спас благожелательный к нему русский немец. Попав в 1945 году в Западную Германию, Изместьев становится одним из организаторов лагеря беженцев Мехегоф, возле Касселя. В голодные послевоенные годы он налаживает снабжение лагеря пищевыми продуктами. В то время многим русским в Германии грозила насильственная выдача советским властям. У Ю. В. была возможность спасать русских людей от репатриации. Многие обязаны ему жизнью.

Ю. В. Изместьеву, как и почти всем русским эмигрантам, при каждом новом переселении, в каждой новой стране приходилось начинать жизнь заново, работая чернорабочим, грузчиком, уборщиком... И, несмотря на это, он всегда продолжал свою целеустремленную деятельность на пользу России.

В 1949 году Изместьев со своей второй женой и семьей переехал в Марокко (его первая жена погибла при бомбежке в Вене в 1944 году). После ряда трудных лет и смерти второй жены он в 1965 году переселился в США, где устроился преподавать русский язык в одном из университетов. Одновременно он был одним из возглавителей Организации Российских юных разведчиков-скаутов. Все годы, как в Марокко, так и в США, он вел активную работу среди моряков советского флота. В последние годы жизни в нью-йоркской Русской гимназии и в Русской школе г. Наяк преподавал русскую историю. Перед самой смертью Юрия Владимировича вышла его книга «Россия в XX веке», выросшая из материалов, собранных в связи с преподаванием. Первоначально его книга была задумана как пособие для учащихся, но впоследствии ее объем перерос рамки пособия. Просмотреть вышедшую книгу Юрий Владимирович уже не успел, но экземпляр книги все же побывал у него в руках. Юрий Владимирович Изместьев умер в начале февраля 1991 года.

Центральной темой жизни Изместьева была борьба за Россию. В краткой заметке совершенно невозможно перечислить все фор-

мы этой борьбы — как и очень многие люди его профиля и судьбы, Ю. В. Изместьев умел найти свое место в разных условиях и обстоятельствах. Борьба в Одессе против коммунистов и немцев, спасение русских беженцев, воспитание русской молодежи в русской традиции — все это одна и та же целеустремленная линия жизни и поведения. В самое последнее время Ю. В. Изместьев был членом редакции журнала «Русское возрождение». Внутренняя энергия, выправка, дисциплина мысли, чуткость и тонкость душевного склада и нравственного облика — так запомнили его люди, сталкивавшиеся с ним по работе. Именно такое счастливое соединение свойств характера давало ему возможность быть незаменимым в любом деле, за которое он брался. Юрий Владимирович был выразителем большой русской традиции — в общем плане — традиции целеустремленного служения людям. В будущем нашу эпоху, безусловно, будут оценивать не только по страшным гримасам, искажающим человеческое лицо, но, безусловно, и по нравственной высоте, чистоте и жизненному подвигу таких людей, как Ю. В. Изместьев.

О. Ильинский

Памяти Евгения Ивановича Евец[1]

17 марта сего года исполнился год, как в Париже скончался Евгений Иванович Евец. Уроженец Белорусии, он был верным сыном России, всю свою жизнь посвятивший служению Церкви и русской музыке.

Евгений Иванович родился 14 ноября 1905 года в Гродненской губернии, где получил начальное образование. С 1915 по 1921 год учился в гимназии в Новороссийске. Затем начались скитания. Будучи музыкальным, с 16 лет уже был регентом-псаломщиком в Брестском уезде. С 1926 по 1933 год (с двухлетним перерывом на военную службу) учился в Учительской семинарии города Вильно. Затем учился в Варшавской консерватории, которую окончил в 1936 году с золотой медалью. С 1936 по 1939 г. учительствовал (пение, музыка) в Варшаве, а с 1939 по 1941 г. в городе Бельск-Подляски, Белостокской области. Там же с 1941 по 1944 г. был регентом-псаломщиком в Благовещенском соборе, где пережил «заботу родной власти» и приход немцев. При вторичном приближении красной армии предпочел вместе с семьей покинуть родные пределы. С 1945 по 1946 год был в ДП лагере в

[1] Русское возрождение. 1991. II. № 54. С. 176–179.

Менхегоф (Западная Германия), занимал должность регента церковного хора, а также организовал молодежный хор и оркестр.

В 1947 году Евгений Иванович с женой и четырьмя детьми, в составе большой группы русских беженцев из Германии, переезжает в Марокко. Уже в пути, на пароходе организует хор, который продолжал активную деятельность в течение всего пребывания Е. И. в Марокко, т. е. до декабря 1962 года. Вместе со своей супругой преподавал в приходской школе в Касабланке, принимал участие в любительских спектаклях, устройстве рождественских елок и т. д. Несмотря на житейские трудности, на отсутствие в первые годы автомобилей, работа с хором велась регулярно, и спевки посещались очень аккуратно. Хор пел в церкви, на елках, обходил в Рождественские праздники с колядками русские дома и давал концерты в ряде городов — небывалое явление для культурной жизни страны.

Местопребывание хора было в Касабланке, но иногда хор ездил в другие города, чтобы петь за Богослужением (Рабат, Маракеш, Мекнес, Танжер). За время своего существования хор дал свыше 70 концертов. При хоре существовала касса взаимопомощи, из которой хористы могли получить ссуду. Ежегодно устраивались «чашки чая», на которых всегда бывали литературно-музыкальные выступления. Кроме основного хора, Евгений Иванович организовал хор молодежи, детский хор и струнный ансамбль, выступавший иногда с хором. В конце 50-х годов начался разъезд русских из Марокко, и поредевшие ряды хора пополнили французы, которые считали за честь петь под управлением Евгения Ивановича. Некоторые из них приходили петь и в нашу церковь.

Переехав в 1962 году во Францию, Евгений Иванович получил место регента-псаломщика в соборе Св. Александра Невского на rue Daru в нижнем храме. Евгений Иванович быстро организовал хор, и после кончины в 1968 году долголетнего соборного регента Петра Васильевича Спасского заменил его в верхнем храме. Одновременно Евгений Иванович создал то, что в русском Париже считалось невозможным, — хор молодежи. Благодаря строгой дисциплине и большому умению дирижера, ансамбль этот креп и вскоре начал давать концерты в больших соборах и лучших залах Парижа. Было напето 5 пластинок на профессиональном уровне; одна из этих пластинок напета с участием известного русского тенора Николая Гедды.

В газете «Русская мысль» от 12 июня 1969 г. известный авторитет русской духовной музыки И. Гарднер пишет: «Русский молодежный

хор в Париже отличается прекрасным звучанием, большой хоровой дисциплинированностью, четким произношением и богослужебной культурностью исполнения. У хора чувствуется хорошая школа».

Парижский период деятельности Е. И. хорошо описан Е. Татариновой в «Русской мысли» от 13 апреля 1990 года: «...в свой хор Евгений Иванович принимал всех любителей... одержимый пламенным служением искусству и русскому православию, он обладал исключительным педагогическим даром. От пришедших к нему в хор он требовал абсолютной дисциплины, аккуратного посещения спевок и добивался от них большой внутренней собранности...». И дальше: «Передо мною заветная тетрадка Евгения Ивановича. В ней последовательно отражены 26 сезонов концертной деятельности его хора. Храмы: Мадлен, Нотр-Дам де Пари, Сен-Филипп ву Рюль, Реймский собор, Королевская церковь Версальского дворца, Сент-Одиль и Сент-Мерри, греко-католическая церковь, американская, доминиканская, протестантская... Медон, Аньер, весенний фестиваль в Пуатье. Концерты: в пользу капитального ремонта кафедрального собора св. Александра Невского, в поддержку Сергиевского подворья, Мурмелонского кладбища, Введенской церкви Русского студенческого движения, православного монастыря в Бюсси, в пользу собраний и встреч Общества ревнителей церковного пения, в поддержку Комитета защиты прав человека... Концерты, отмечающие юбилейные даты великих церковных композиторов и деятелей — А. Львова, Д. Бортнянского, П. Чеснокова, А. Архангельского, гр. Ф. Львовского, участие в концертах Эколь нормаль де мюзик с Шанселем, концерты хора в зале Гаво (1976 г.), в зале Плейель с участием Н. Гедда (1981 г.), и т.д., и т.д.

И все-таки главной заботой Евгения Ивановича были углубленные занятия с церковным хором. Количество хоровых треб доходило в году до 354. К этому следует прибавить ежегодные радиозаписи рождественской литургии и пасхальной заутрени для передач в эфир, записи пластинок духовного содержания и многое другое. Трудно все это перечислить в короткой газетной заметке. Никогда не забуду, как забилось мое сердце, когда в переполненном храме Мадлен я увидела участников его хора, с достоинством занявших свои места и приступивших к исполнению несравненных православных песнопений. В этом концерте солировал Николай Гедда, и я хорошо помню, какая благоговейная тишина воцарилась во французском храме».

Судьба Евгения Ивановича сложилась так, что состав хоровых ансамблей, с которыми ему приходилось работать, был любительским;

хористы в большинстве случаев не имели музыкального образования, некоторые впервые пели в хоре, но кропотливым и упорным трудом репертуар всегда был всеми выучен, и исполнение было на должной высоте. Он воспитывал и формировал новых хористов, передавая им любовь к музыке и хоровому пению, серьезное отношение и дисциплину — эти необходимые качества любого ансамбля. Многие из молодежи начали петь в хоре и читать на клиросе благодаря Евгению Ивановичу. Его знания и умение привлекали к нему и опытных хористов. Так, например, в Марокко пел в хоре В. П. Руденко, с успехом руководивший в Германии хором молодежи в лагере Шляйсхайм. Впоследствии, в США В. П. Руденко основал Русское хоровое общество и в течение 7,5 лет был его дирижером. Как авторитет русской духовной музыки Е. И. Евец состоял в Наблюдательном совете по изданию «Памятников русской духовной музыки», предпринятому Русским хоровым обществом. Первый том этого издания выйдет из печати в конце апреля этого года.

Образ Евгения Ивановича был бы не полным, если не указать, что на протяжении всего жизненного пути его поддерживала его верная спутница жизни, Елизавета Семеновна. Она не только создавала благоприятные условия для музыкальной деятельности своего мужа, но была и душой крепкой русской семьи. Никогда не жалуясь на житейские трудности, Елизавета Семеновна всегда была гостеприимной хозяйкой и своим добродушием и тонким юмором согревала не только свою семью, но и многочисленных друзей.

В конце своей статьи Е. Татаринова пишет: «...когда-то мне довелось услышать от Евгения Ивановича: “пауза — это тоже музыка”. И вот сегодня, в его жизни, в его творчестве наступила тишина».

Хочется лишь добавить, что усилия Евгения Ивановича не пропали даром. Ту любовь к русской музыке, которой он жил, его многочисленные хористы восприняли от него и сохранили на всю жизнь. Его известность проникла даже за железный занавес.

Эта скромная, но целеустремленная русская семья сделала огромный вклад в дело сохранения русской молодежи, а всем нам была и останется примером правильно понятого долга и служения высокому идеалу.

Василий Евгеньевич Евец заменил отца[1] и пожелаем ему и его хористам сил и энергии продолжать столь важное русское дело.

[1] Вероятно, автор имел в виду Евгения Ивановича Евец. — *Сост.*

В заключение хочется привести выдержку из адреса, преподнесенного Евгению Ивановичу Художественным кружком русской молодежи в Марокко:

«Гордись мой друг, что ты есть сын России, Сын рек ее, лесов, полей и нив, Что ты пришел сквозь ливни грозовые, Усталой головы не наклонив».

В. Жуков

Елизавета Романовна Миркович[1]

20 ноября 1994 года в Москве скончалась Елизавета Романовна Миркович, урожденная баронесса фон Кнорринг, которую в трагические военные годы мне довелось знать и венчать в Берлине.

Покойная была на редкость целостною личностью, всецело предавшая себя служению России. Умереть на русской земле, в первопрестольном граде Москве быть похороненной, думаю, есть высшая награда человеку, отдавшему всю свою жизнь, все свое человеческое счастье Отечеству.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15. 13). Да примет ее Господь во Царствие Свое.

Протопресвитер о. Александр Киселев
с семьями Киселевых и Холодных

Памяти Вячеслава Клавдиевича Завалишина[2]

Мы благодарим Сергея Львовича Голлербаха за присланную нам памятную заметку о Вячеславе Клавдиевиче Завалишине.

С. Голлербах прекрасно описал многогранный облик покойного, но об одной грани, смеем думать, для него самой важной и его личность наиболее определяющей, хотелось бы сказать со всей определенностью — Завалишин превыше всего любил Россию! Несмотря на то, что из своих 80 лет жизни он более 50 прожил за границей, что у него был чрезвычайно широкий и разнообразный круг знакомых, было бы совершенно невероятно (даже смешно!) представить себе Завалишина американцем или немцем. Он до мозга костей был русский. Этим определялись его глубокие познания в области русской старины и в русской культуре в целом. Его по-рус-

[1] Русское возрождение. 1995. II. № 63. С. 198.

[2] Русское возрождение. 1995. II. № 63. С. 199–202.

ски широкая натура могла вместить в себя все то, что предлагал ей Запад — познать, принять, вместить — не поступясь при этом ни пядью всей полноты своего русского самосознания.

Да будет ему легка земля американская!

Редакция

31 мая 1995 года ушел от нас еще один из представителей старого русского Нью-Йорка — литератор, журналист, переводчик, поэт, искусствовед и критик Вячеслав Клавдиевич Завалишин. Казалось, что он вечен. С начала 50-х годов его можно было видеть на всех нью-йоркских вернисажах, концертах, выставках и театральных представлениях, в которых участвовали русские артисты. Его знали все, и он тоже знал всех. Но не так уж много людей, хорошо знакомых с его биографией. Поэтесса Валентина Синкевич, редактор альманаха поэзии «Встречи», где печатались стихи Завалишина, любезно предоставила мне целый ряд данных о его сложной и трудной жизни.

Вячеслав Клавдиевич Завалишин родился 13 октября 1915 года в Петрограде. То, что он из морской семьи, было известно. «Мои предки по отцовской линии с XV века были моряками», — писал он в своем сборнике стихов «Плеск волны». «Мой отец... не стал русским морским офицером лишь потому, что примкнул к партии эсеров, сделался революционером» (Там же). Я знал, что отец его был расстрелян в ежовщину, но не знал, что мать провела долгие годы в концлагере под Карагандой и была освобождена только после смерти Сталина. О ней Вячеслав Клавдиевич не говорил, возможно, не зная долгое время о ее судьбе.

Завалишин закончил перед войной историко-филологический факультет Ленинградского университета, был призван в армию, попал в плен к немцам, из плена бежал и жил под чужой фамилией в Новгороде и во Пскове. Там по ложному обвинению в партизанской деятельности был арестован немцами, подвергнут избиениям и пыткам и отправлен в штрафной лагерь в местечке Погулянка в Латвии. Оттуда его освободили благодаря заступничеству экзарха Сергия (Воскресенского). После окончания войны Завалишин остался на Западе, в Германии, где уже в 1946 году издал свою небольшую брошюру «Андрей Рублев». (В 1948 году она вышла и на немецком языке.) Вообще, немецкий период его жизни оказался плодотворным. Появились книги «Конек-Горбунок» Ершова (Мюнхен, 1946), однотомник Есенина (Регенсбург, 1947) и четырехтомник Гумилева (Франкфурт-на-Майне,

1948–50.) Еще в 1947 году Вячеслав Клавдиевич Завалишин стал сотрудничать с нью-йоркской газетой «Новое русское слово». По приезде в 1951 году в США он стал ее постоянным корреспондентом вплоть до 1987 года. С 1951 по 1958 год Завалишин работал при Колумбийском университете над книгой о советской литературе 1920-29 годов. Его труд «Ранние советские писатели» вышел по-английски. Кроме того, с 1958 по 1976 год он писал скрипты на темы литературы и искусства для радиостанции «Свобода». С 1952 года публиковался в «Новом журнале». Почти с самого его основания в 1978 году печатался в журнале «Русское возрождение», а также принимал самое деятельное участие в съездах (1978–1990) Русской православной общественности — подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси. Наконец, Завалишин был долголетним корреспондентом сан-францисской газеты «Русская жизнь». Такова, вкратце, его деятельность.

Но факты — холодная вещь. Мы все, его друзья и знакомые, помним Вячеслава Клавдиевича Завалишина как друга поэтов и художников, всегда внимательного и готового написать рецензию, посвятить стихи, включить репродукцию картины в книгу. Завалишин, таким образом, стал хроникером русско-американской художественной жизни, рецензентом и свидетелем творческой деятельности многих художников, большинство из которых принадлежит ко второй, послевоенной волне российской эмиграции.

Но знакомство Завалишина не ограничивалось русским Нью-Йорком. Он встречался, например, с Сальватором Дали и его русской женой Галей, он часто бывал в Гринвич-Виллидж, этом «Латинском квартале» Нью-Йорка, и среди его друзей были американцы разного этнического происхождения. Когда вышло в свет его поэтическое переложение на русский язык «Центурий» Нострадамуса, обложку для книги сделал известный мексиканский художник русского происхождения Владимир Викторович Кибальчич (Влади).

Как многие русские творческие люди, Вячеслав Клавдиевич Завалишин был романтиком и субъективистом в душе и открыто об этом заявлял. «Почву для восприятия романтических откровений для меня подготовила живопись Николая Константиновича Рериха», — писал он. О субъективизме он говорил так: «Пусть меня упрекают в чрезмерном субъективизме, как уж не раз в том же "тяжелом" грехе упрекали меня за мои историко-литературоведческие статьи и советские и русские зарубежные критики. А что в сущности плохого в субъективизме?» Думаю, что этим субъективизмом и ценна книга

Завалишина о Малевиче, которого он лично встречал в свои студенческие годы.

Завалишин видел живую связь между поэзией и живописью и любил цитировать Заболоцкого:

Любите живопись, поэты,
Ведь ей единственно дано
Души изменчивой приметы
Перенести на полотно.

Картины художников часто вдохновляли Завалишина. Под впечатлением картины Владимира Шаталова «Ничего вокруг» он стал переделывать свою поэму «Летучий голландец», надеясь, что ему «удастся обобщить беженский опыт в диких, странных образах» («Плеск волны»).

Много ли поэтов, которым живописный образ помогает найти поэтическое, словесное выражение их чувств?

Глубокая заинтересованность в контактах живописи и поэзии и заинтересованность в творческих людях — вот что характерно для всей жизни Вячеслава Клавдиевича Завалишина.

Несмотря на обилие знакомств, он был, я думаю, довольно одинок. Но в последние годы жизни судьба дала ему верную жену, русскую пианистку Галину Владимировну Орловскую, которая трогательно заботилась о нем, когда тяжелые недуги стали разрушать его здоровье. Все же ему удалось дожить до крушения коммунизма в России и увидеть свои книги на родине — то, о чем мечтали и до чего не дожили многие писатели и поэты зарубежья. Мы всегда будем хранить добрую память о нашем Славе и всегда будем ощущать пустоту, которая образовалась в наших рядах с его уходом в лучший мир.

Мир праху твоему, дорогой Вячеслав Клавдиевич!

Сергей Голлербах

Произведения протопресвитера Александра Киселева

Киселев Александр, прот. Чудотворные иконы Божией Матери в Русской истории. Нью-Йорк. 1976; Изд-во Сретенского мон-ря. М., 2000.

Киселев Александр, прот. Облик генерала А. А. Власова. Нью-Йорк, 1978.

Киселев Александр, прот. «...Память их в род и род». Что надо знать, сохранить, донести. Нью-Йорк, 1976.

Киселев Александр, протопресв. Пути России. Нью-Йорк, 1990.

Киселев Александр, протопресв. Святая «двоица» // Муж и жена в христианском браке. Изд-во Московской Патриархии. М., 2009.

Киселев Александр, протопресв. Независимый архипастырь. Воспоминания о владыке Сергии Пражском // Я возлюбил вас... М.: Паломник, 2003.

Киселев Александр, протопресв. Воспоминания о митрополите Сергии (Воскресенском) // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 9. С. 58.

Статьи, напечатанные в журнале «Русское возрождение»

Вступительное слово на съезде, предваряющем 1000-летие Крещения Руси // 1978. № 1.

Непримиримость // 1978. № 1.

Светлой памяти И. В. Морозова // 1978. № 4.

О русском возрождении // 1978. № 5.

Вступительное слово при открытии 3-го съезда православной русской общественности на Восточном побережье США // 1978. № 7/8.

Поле Куликово // 1980. № 12.

Осмысление верности идеалам православной Руси // 1980. № 12.

О предстоящем прославлении новомучеников российских // 1981. № 15.

Как происходило прославление новомучеников российских // 1982. № 17.

Святая Русь и ее отображение в современной русской литературе // 1983. № 22.

Айтматов Ч. И дольше века длится день // 1983. № 24.

Памяти старого друга // 1983. № 24.

Национальный вопрос // 1984. № 25.

Завершительный шаг. Из истории Русского Христианского Крестьянского Движения // 1984. № 26.

Записки художника Сергея Голлербаха // 1984. №27/28.

Корни могучего древа // 1984. № 27/29.

Открытое письмо Н. С. Гордиенко, автору книги «Крещение Руси — факты против легенд и мифов» // 1985. № 31.

Слово как явление православной культуры // 1985. № 32.

Данилов монастырь // 1987. № 37.
Памяти Бориса Софроновича Ковердy // 1987. № 37/38.
Ответ на статью «Кокетничая с боженькой» // 1987. № 38/39.
Чудо нашего бытия // 1988. № 44.
Надежды и тревоги // 1989. № 46.
Слово на съезде // 1989. № 47/48.
Воспоминания о друге. Памяти о. Димитрия Гизетти // 1989. № 47/48.
О трехмесячном пребывании в России // 1990. № 51.
Не пора ли одуматься? (О происходящем у нас в Русской Православной Церкви) // 1991. № 54.
Памяти выдающегося русского человека // 1991. № 54.
Письмо Е.В.П. Митрополиту Виталию // 1991. № 55/56.
Ответ отца Александра Киселева (Нью-Йорк) отцу Льву Лебедеву (Москва) по вопросу церковного раскола, учиненного в Русской Православной Патриаршей Церкви // 1992–1993. № 60/61.

Библиография

Алдан А. Г. Армия обреченных. Изд.: Архив РОА. Нью-Йорк, 1969.

Алексеев В. И., Ставру Ф. Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1981. № 13.

Амосов Ю. Кончина отца Александра Киселева // Посев. 2001. № 11.

Артемьев В. П. Первая дивизия РОА. Изд.: СБОРН, 1974.

Васильева О. Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой отечественной войны. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры: История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. 3-е изд., испр. Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004 (Библиотека журнала «Новый часовой»).

Граббе Г., прот. Правда о Русской Церкви. Джорданвилль, 1961.

Голлербах С. Два русских священника из Эстонии (о. Александр Шмеман и о. Александр Киселев) // Новый журнал. 2004. № 236.

Двинов Б. Л. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

Егорцев А. Странствующий иконостас // Татьянин день. 1998. № 27.

Золотов-Светозаров А. Памяти протопресвитера Александра Киселева // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 12.

Иоанн (Шаховской), архиеп. Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск: «Святой остров» (Фонд культуры Карелии), 1992.

Казанцев А. Третья сила. Франкфурт-на-Майне, 1974.

Козлов Максим, прот. Памяти протопресв. Александра Киселева. http://www.sttatiana.ru/text/32734.html

Константинов Димитрий, прот. Записки военного священника. 1980. http://ricolor.org/history/roa/dk/

Константинов Димитрий, прот. Через туннель XX столетия: Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 3. М., 1997.

Корнилов А. А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944). Новгород, 2000.

Корнилов А. А. На службе эмиграции. Духовенство лагеря перемещённых лиц Фишбек. Н. Новгород, 2004. С. 17–18.

Кромиади К. Г. А. А. Власов и Церковь. Изд.: Милосердный Самарянин. 1954.

Кромиади К. За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980.

Кырлежев А. Юбилей РСХД (1923–1998) // Русская мысль. 1998. № 4206 (22–28 января), 4207 (29 января–4 февраля).

Материалы к истории Освободительного движения народов России. Изд.: СБОРН, 1970.

Милютина Т. П. Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997.

Назаров Н. В. Миссия русской эмиграции. М., Родник. 1994.

Нельской Е. Очерки жизни русских в Германии (1942–1947 гг.) // Православная Русь. 1947. № 7.

Никитин А. К. Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933–1945). М., 1998.

Никитин А. К. Положение русской православной общины в Германии в период нацистского режима (1933–1945). М., 1998.

Никитин А. К. Унификация русской православной общины в Германии (1933–1939) // Русская эмиграция в Европе в 20–30-е годы XX века. М., 1996.

Оболенская-Флам Л. С. Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания. М.: Русский путь, 2006.

Отчет о возникновении и деятельности Дома «Милосердный Самарянин». Мюнхен, 1947.

Письмо протопресвитера Александра Киселева митрополиту Виталию // Московский церковный вестник. 1992. № 5 (71). С. 13.

Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. Ymca-Press, 1993.

Полчанинов Р. В. Возрождение ХСМЛ в Германии в 1948–1951гг.: Доклад на конференции «Религиозная деятельность русской эмиграции» (Москва, ВГБИЛ, 9–10 ноября 2005 г.) // Взгляд. Сан-Франциско, 2005. №. 688. 25 ноября.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977.

Свидетель минувшего века. Беседа с протопресвитером Александром Киселевым // Мир Божий. 2002. № 1 (8). С. 58.

Сергий (Королев), архиеп. Пражский. Я возлюбил вас... М.: Паломник, 2003.

Тальберг Е. П. И то, что кажется погибшим, еще воссияет // Вышгород. 2004. № 3–4.

Хоффманн Й. История власовской армии. Ymca-Press, 1990.

Шатов М. В. Материалы и документы Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны. Нью-Йорк, 1966.

Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. Изд. Крутицкого Патриаршего подворья. М., 2002.

Шкаровский М. В. Политика нацистской Германии по отношению к Русской Православной Церкви в документах немецких и российских архивов // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2005. № 12.

Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Франкфурт: Посев, 1975.

Шумилов Игорь, свящ., Масанов С. Д. Да единомыслием исповемы. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.

Alexeev W., Stavrou T. The Great Revial. The Russian church under German occupation. Minneapolis, 1976.

Baumgaertner R. Weltanschauungskampf im Dritten Reich. Die Auseinandersetzung der Kirchen mit A.Rosenberg. Mainz, 1977.

Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie uber Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958.

Dokumente zur Kirchepolitik des Dritten Reiches. Bd.1. Das Jahr 1933. München, 1971.

Gaede K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Köln, 1985.

Gunter W. Zur Geschichte der Russisch-Orthodoxen Kirche in Deutschland in den Jahren 1920–1950. Sigmaringen, 1982.

Haugg W. Materialen zur Geschichte der Ostlich-Orthodoxen Kirche in Deutschland // Kyrios. 5/6 Band. 1942–43.

Richter R. Aus dem Leben der Russischen Orthodoxen Kirche in Berlin. Berlin, 1998.

Seide G. Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland von der Grundung bis in die Gegenwart (1919–1980). Wiesbaden, 1983.

Seide G. Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1989.